

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые цивилизации
Запада и Востока

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В шести томах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик	А. О. ЧУБАРЬЯН (главный редактор)
член-корреспондент РАН	В. И. ВАСИЛЬЕВ (заместитель главного редактора)
член-корреспондент РАН	П. Ю. УВАРОВ (заместитель главного редактора)
кандидат исторических наук	М. А. ЛИПКИН (ответственный секретарь)
член-корреспондент РАН	Х. А. АМИРХАНОВ
академик	Б. В. АНАНЬИЧ
академик	А. И. ГРИГОРЬЕВ
академик	А. Б. ДАВИДСОН
академик	А. П. ДЕРЕВЯНКО
академик	С. П. КАРПОВ
академик	А. А. КОКОШИН
академик	В. С. МЯСНИКОВ
член-корреспондент РАН	В. В. НАУМКИН
академик	А. Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор исторических наук	К. В. НИКИФОРОВ
академик	Ю. С. ПИВОВАРОВ
член-корреспондент РАН	Е. И. ПИВОВАР
член-корреспондент РАН	Л. П. РЕПИНА
академик	В. А. ТИШКОВ
академик	А. В. ТОРКУНОВ
академик	И. Х. УРИЛОВ

МОСКВА НАУКА 2012

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые цивилизации Запада и Востока

Ответственный редактор тома
член-корреспондент РАН П.Ю. УВАРОВ

МОСКВА НАУКА 2012

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 11-01-16139д*

Редколлегия:

*Е.Е. Бергер (ответственный секретарь),
В.А. Ведюшкин, М.В. Винокурова, И.Г. Коновалова,
А.А. Майзлиш (бригадир), Е.А. Мельникова,
Г.А. Попова, А.А. Сванидзе, М.А. Юсим*

Рецензенты:

*доктор исторических наук М.С. Бобкова,
доктор исторических наук Ю.П. Зарецкий*

Всемирная история : В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука. – 2011 – . – ISBN 978-5-02-036725-8.

Т. 2 : Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. – 2012. – 894 с. – ISBN 978-5-02-037560-4 (в пер.).

В томе освещаются основные вопросы истории и культуры средневекового мира. В нем рассматриваются миграции племен, исследуются проблемы сосуществования оседлых и кочевых народов, пути развития мировых религий. Особое внимание уделяется типологии формирования средневековых государств, появлению на исторической арене новых мировых держав – империй и национально-территориальных государств, кочевых каганатов и восточных халифатов. Синхронизация социально-экономических, политических и культурных процессов, происходящих в различных регионах Азии, Европы и Африки, позволяет усмотреть в совокупности уникальных цивилизаций определенное единство средневековой Мир-Системы.

Для историков и более широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-036725-8
ISBN 978-5-02-037560-4 (т. 2)

© Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2012

ЧТО ТАКОЕ СРЕДНИЕ ВЕКА?*

«Средними веками» принято называть период, лежащий между античной древностью и Новым временем. Понятие «темного века», наступившего в результате заката величия Рима, и ожидание скорого нового расцвета («Возрождения») было присуще итальянским гуманистам XIV–XV вв., а в 1469 г. папский библиотекарь использует термин «Средний век» для обозначения времени, отделявшего высокие образцы античной словесности от «Нового века», т.е. времени, когда трудами самих гуманистов происходит возрождение античной образованности. Несмотря на видимую ясность такой периодизации, ее недостатки многочисленны.

Во-первых, хронологическая граница «Среднего века» предопределена к тому, чтобы быть подвижной. Для следующих поколений «Новым веком» было уже не время Петрарки, а их собственное. Поэтому граница «Нового времени» сначала отодвигалась все дальше от античной древности, а затем помимо «Нового времени» пришлось придумывать еще и время «Новейшее», современное (*histoire contemporaine, contemporary history, die Zeitgeschichte*), или даже «самоновейший период», «историю настоящего времени» (*histoire des temps presentes*). Таким образом, «Средние века» как период утрачивают свою «серединность».

Во-вторых, в самом термине «Средние века» уже была заключена оценка этого периода современниками. Средневековье виделось своеобразным «провалом» между эпохами – временем дикости, фанатизма, застоя, т.е. периодом, от которого мы хотим уйти как можно дальше. Античности можно и нужно подражать, Средневековью – нет. Такой подход укрепился в трудах философов-просветителей XVIII в. и определил восприятие эпохи следующими поколениями, что несколько затрудняло беспристрастное изучение Средневековья. Даже если и находились люди, бросавшиеся яростно защищать эпоху Средних веков, как некоторые романтики XIX в. или символисты века XX, они лишь меняли хулу на хвалу, что также не способствовало научной объективности. А попытки претворить «миф о Средневековье» в жизнь (как это делали, например, германские национал-социалисты) оказались и вовсе омерзительны.

В-третьих, термин «Средние века» возник для того, чтобы прилагаться исключительно к западноевропейской истории. Возможность его переноса на историю других регионов выглядит проблематичной: между чем и чем оказывается тогда «Средним» этот период, там, где не было ни своей Античности, ни Возрождения, как например, в России? Следовательно, этот тер-

* При подготовке издания использованы материалы, любезно предоставленные М.В. Бибиковым и А.А. Сванидзе.

мин является сугубо западным, а в самом его применении к другим регионам заложен ярко выраженный европоцентризм, представление о том, что Европа представляет собой единственно нормативный вариант человеческого развития, мерило успехов и, главным образом, неудач остальных цивилизаций. Когда говорят о «средневековом Китае», «средневековой Индии» или «средневековой Японии», имеют в виду либо историю этих стран в ту эпоху, когда в Европе господствовало Средневековье, либо постулируют в этих обществах наличие черт, свойственных европейскому «нормативному» Средневековью. Разумеется, такой подход не вызывает энтузиазма у многих историков неевропейских стран, имеющих особые подходы к периодизации своей истории, особенно теперь, когда так часто говорят, что центр экономического, да и интеллектуального развития перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Но здесь мы сталкиваемся с еще одним неудобством, поскольку, *в-четвертых*, данный термин (впрочем, как и другие элементы принятой периодизации) обозначают одновременно и определенный тип общества, и хронологический период. Но два этих аспекта совпадают лишь применительно к крайней западной оконечности Евразии. Во всех остальных случаях не всегда понятно, о чем именно идет речь.

Не проще ли будет, говоря об определенном типе общества, прилагательное «средневековое» заменить на «феодальное»? К сожалению, при этом возникает еще большая путаница. Мы в следующем разделе вернемся к истории понятия «феодализма», но очевидно, что этот термин обладает теми же недостатками, что и определение «Средние века» и «средневековый». Он в еще большей степени имеет ценностную окраску и еще более европоцентричен. Именно на европейском материале историки XIX в. описали характерные черты феодального строя, или «феодального периода». На сегодняшний день одни понимают под этим словом особую форму политической организации («расщепленный суверенитет»), другие – определенный социальный строй, третьи (в основном историки, так или иначе связанные с марксизмом) – особый способ производства, специфический тип отношений собственности. Мало того, что одному термину придается разный смысл, по-разному решается вопрос об универсальности феодализма. Одни – и их на сегодняшний день большинство – считают феодализм сугубо западноевропейским явлением, другие придают ему универсальный характер (в особенности те, кто опирается на учение о смене общественно-экономических формаций, постулируя в «феодализме» особую стадию, через которую в своем развитии проходило большинство народов Старого Света). В последние два десятилетия усилились сомнения в эвристической ценности понятия «феодализм» даже для Западной Европы. С другой стороны, сегодня раздаются призывы к возобновлению работы над содержательной стороной этого понятия, пусть даже несущего на себе отпечаток европоцентризма.

Обвинений в европоцентризме не избежать даже в том случае, если бы мы просто назвали наш том: «V–XV вв. н.э». Ведь в данном случае мы руководствуемся европейской периодизацией, ведущейся от Рождества Христова и привязанной к событиям Западного мира: от падения Западной Римской империи до открытия европейцами новых для них земель. Истории Византии, Китая, Индии и большинства мусульманских стран ведут свой отсчет от иных отправных точек. Пока же мы, даже с учетом всех высказанных выше

соображений, остановились на «Средневековом» названии. Силу традиции никогда не следует недооценивать.

Но помимо споров о том, как назвать том, гораздо более важен другой вопрос: а можно ли говорить о некотором единстве этого периода? Когда историки в нашей стране воспринимали развитие человечества как прямолинейное движение через пять последовательно сменяющих друг друга общественно-экономических формаций, то сценарий всемирной истории V–XV вв. был вполне ясен – это была история возникновения, развития и кризиса феодальной общественно-экономической формации. И разительное своеобразие различных цивилизаций, несхожесть их исторических судеб трактовались как неизбежные локальные вариации инвариантной системы, как колебания вокруг единой оси исторического развития. При всей несводимости региональных историй друг к другу, акцент ставился на единстве исторического процесса, причем единство это полагалось самоочевидным, априорным. А поскольку западный феодализм начали изучать раньше и для него раньше разработали понятийный аппарат, больше сохранилось источников, то усиленное внимание к истории Западной Европы периода феодализма объяснялось тем, что, разработав определенную методику анализа общества феодального типа, можно будет с успехом ее использовать для анализа истории других регионов.

По мере того, как эта и другие теории, рассматривающие историю как закономерное, прогрессивное движение от одного этапа развития к другому, утрачивали свою убедительность в глазах многих ученых, стало гораздо более привлекательным рассматривать историю как совокупность различных цивилизаций, каждая из которых обладала своей логикой и своим ритмом развития.

Но в таком случае, о каком единстве человеческой истории может идти речь? Не получится ли так, что единство истории средневековых цивилизаций будет обеспечено лишь тем, что рассказы о них объединены под одной обложкой? Тогда правильнее было бы строить изложение не по хронологическому принципу, а по региональному, отдельно описывая историю Японии, Китая, стран Доколумбовой Америки, Византии и Руси.

На сегодняшний день по такому принципу организовано много солидных работ. Достаточно назвать восемь томов новой «Кембриджской средневековой истории» (в которых речь идет лишь о Европе) или семь «средневековых» томов пятнадцатитомной «Кембриджской истории Китая», в которых содержится в десятки раз более полная информация, чем та, которую можем сообщить мы. На русском языке про особенности культуры средневекового Запада можно прочитать в «Словаре средневековой культуры» под редакцией А.Я. Гуревича, с историей этого региона можно ознакомиться по первому тому университетского учебника по истории Средних веков под ред. С.П. Карпова, причем каждое из этих изданий, повествуя только о средневековом Западе, не уступает по размерам нашему тому. За последнее время вышло много отечественных и переводных работ, значительная часть которых размещена в Интернете. Таким образом, перед заинтересованным читателем открыты беспрецедентные возможности постижения цивилизационной специфики или хода исторических событий в каждой из стран.

Мы предпочли пойти по пути синхронизации исторического материала. Пять разделов дают хронологические срезы истории Старого света. Это соз-

дает определенные трудности в раскрытии культурно-исторических особенностей того или иного региона, ведь для истории каждой из стран принята своя внутренняя периодизация. Но для нас важнее было показать взаимосвязь и взаимозависимость всех основных участников всемирно-исторического процесса.

Такой подход еще раз продемонстрировал, что речь не идет лишь о калейдоскопе сменяющих друг друга самобытных цивилизаций. Перенос центра внимания с отдельных регионов на весь мир в целом принес определенные плоды. Синхронный подход к изменениям, происходящим в мире за этот период, показывает, что там, где общества жили не в изоляции, а в более или менее постоянном взаимодействии друг с другом, они образовывали единую систему, в которой существенные изменения в одной из ее частей так или иначе сказывались на состоянии других ее сегментов. «Пояс цивилизаций», растянувшийся от Западной Европы и Северной Африки до Дальнего Востока, вполне можно назвать средневековой Мир-Системой, охватывающей уже к началу данного периода большинство населения Старого Света.

Но вправе ли мы говорить о своеобразном «мировом Средневековье», т.е. о таком периоде в развитии если не всех, то многих регионов, который обладал качественным отличием от предыдущих и последующих эпох? Отличием, за которым стояла бы реальность, а не только наши соображения удобства изложения или желания сохранить верность давней историографической конвенции? Если это так, то как можно определить хронологические рамки данного периода?

Существование верхней хронологической границы особых сомнений не вызывает. Можно говорить вслед за советскими историками о «феодальной формации», конец которой отмечен был «ранними буржуазными революциями» (после некоторых споров условной границей тогда стали считать Английскую революцию середины XVII в.). Можно вслед за известным французским историком Ж. Ле Гоффом взять на вооружение термин «долгое Средневековье», которое длилось до эпохи промышленного переворота XIX столетия. Некоторые же склонны начинать отсчет нового периода уже с XIII, а то и с XII в. Но все же господствующий в данный момент взгляд, согласно которому конец эпохи следует относить к рубежу XV–XVI вв., является чем-то большим, нежели всего лишь данью традиции. Похоже, что в этот период западноевропейское общество действительно начинает переходить в новое состояние. И что еще важнее, целый ряд географических открытий вывел степень взаимодействия различных частей Мир-Системы Старого Света на значительно более высокий уровень, более того, обеспечил быстрое ее расширение до размеров подлинной всемирности. С этих пор развитие все большего числа стран начинает определяться воздействием импульсов, идущих из Западной Европы, о чем будет рассказано уже в следующем томе.

Гораздо сложнее обстоит дело с определением хронологической границы, отделяющей Средневековье от Античности. Многие востоковеды вообще сомневаются в возможности проведения такого рубежа для их регионов. А где кончается Античность и начинается Средневековье в истории Византии? Факт завоевания варварами Западной Римской империи, казалось бы, относится к числу бесспорных, но выясняется, что он был настолько растянут во времени, что далеко не всегда осознавался современниками, к тому

же средневековые хронисты сохраняли уверенность в том, что они по-прежнему живут в эпоху Римской империи.

И все же увеличение масштаба исследования дает возможность увидеть некоторые существенные изменения. Эпоха «Поздней древности» привела в итоге к возникновению единой цепи империй: Римская империя, Парфянская держава (которую скоро сменит государство Сасанидов), Кушанское царство, империя Хань. На протяжении всего I тысячелетия до н.э., несмотря на многочисленные войны, население Мир-Системы увеличилось в разы, стремительно росло число городов, многие из которых приобретали характер благоустроенных мегаполисов. Произошло первое реальное смыкание мира, установление в достаточной мере постоянных экономических, политических и культурных связей между всеми частями ойкумены.

Но с II–III вв. н.э. все эти цивилизации сталкиваются с рядом тягчайших бедствий. Удивление историков вызывает та синхронность, с которой обрушилась империя Хань и затрещала по швам Римская империя, пораженная «кризисом III века». Последовавшие стадии стабилизации оказались недолгими, но стоили таких усилий, что обе империи, во всяком случае большие их части, подверглись завоеваниям варварских племен в течение двух ближайших веков. Период после Ханьской империи китайские историки позже назовут «эпохой Лючао» («Шести династий»). Любопытно, что автор одного из авторитетных китайских исторических трактатов XIV в. отводил ей такую же роль, какую его современник Петрарка приписывал «Темному веку». В обоих случаях речь шла о неких «серединных веках», отделявших Древность от времени «возрождения традиций».

Под ударами извне рухнули и Кушанское царство, и сменившая его в Индии держава Гуптов. Византия и Иран ценой великих усилий выстояли против нашествий варваров с севера, однако уже в VII в. столкнулись с новым врагом – арабами. Мусульманское завоевание захлестнуло большую часть Византийской империи и навсегда поглотило Иран.

Историки спорят о причинах катаклизмов, обрушившихся на империи. Повинен ли в этом кризис рабовладельческого строя, сменившегося строем феодальным? Сейчас трудно ответить на этот вопрос однозначно. Господствующая роль рабовладельческого уклада в производстве не являлась общим правилом для империй «Поздней древности». Пришедшие им на смену «варварские» общества порой питали такую же склонность к применению труда рабов. Рабовладение никогда не исчезало ни в одном из регионов средневековой Мир-Системы, а на исходе периода работорговля даже переживает расцвет.

С большим основанием можно предположить, что содержание империй обходилось обществу слишком дорого, ведь они по определению были нацелены на безграничное расширение, представляя себя единственно законной, глобальной формой власти, лишь до времени не успевшей подчинить себе весь мир. Но когда вокруг остается все меньше слабых соседей, а расходы на армию и бюрократический аппарат, призванные удержать единство территории, становятся невыносимыми, начинаются трудности. К тому же все чаще на империи обрушиваются невиданные по масштабам бедствия – страшные эпидемии.

Обратим внимание, что предвестником тягчайшего для Рима «Кризиса III века» стала «Антонинова чума» – пандемия, унесшая миллионы жизней. Еще

страшнее окажется «Юстинианова чума», затопившая Византию в 544 г., — как раз в тот сладостный момент, когда ее армии, отбив у варваров Рим, готовились вернуть Юстиниану господство над всем Средиземноморьем. Не менее опустошительные эпидемии бушевали в это же время на другом краю ойкумены — в Китае, а в V в. смертоносная чума поразила западные районы Ирана. С болезнями такого масштаба человечество сталкивалось впервые. Некоторые современные историки, взяв в союзники микробиологов, утверждают, что пандемии стали следствием демографических успехов предыдущего периода, обратной стороной медали процесса смыкания цивилизаций. Ряд причин (среди которых и беспрецедентное увеличение плотности населения) способствовал возникновению новых штаммов болезнетворных бактерий, а налаженные торговые связи или переброски войск из одного конца держав в другой послужили каналами их распространения.

Сильные эпидемии будут время от времени сеять смерть на отдельных участках средневековой Мир-Системы, но следующая пандемия — знаменитая «Черная смерть», превзошедшая даже ужасы «Юстиниановой чумы», — возникнет в середине XIV в., как раз по завершении «второго смыкания цивилизаций». В дальнейшем такие пандемии будут периодически опустошать целые регионы, как например, чума первой половины XVII в., поразившая Египет, страны Магриба и могущественную Испанскую империю.

Эпидемии можно считать атрибутом Средневековья, тяжелой расплатой за успехи предыдущих периодов, но в результате организмы выживших в этих катастрофах обретали способность вырабатывать антитела в крови, причем этот ценнейший дар передавался по наследству. Поэтому появление европейцев в Новом Свете, на островах Тихого океана, в Австралии или на Крайнем Севере везде приводило к тому, что большая часть местного населения погибала не столько от оружия завоевателей, сколько от завезенных микробов, к которым путешественники были невосприимчивы.

Такие наблюдения интересны, хотя с трудом поддаются верификации. Но существует фактор, видный «невооруженным глазом» при сопоставлении древней истории со средневековой. Речь идет об изменении роли «Великой степи», протянувшейся от Маньчжурии до Приднестровья или даже до Паннонии (совр. Венгрии). Населявшие ее скотоводы-номады уже не раз обрушивались на оседлые цивилизации волнами завоеваний. Зачастую успех завоевателей не просто объяснялся их воинственным нравом и выносливостью, но подкреплялся технологическими инновациями. В начале II тысячелетия до н.э. боевые колесницы индоариев перевернули социальное устройство древних цивилизаций. В следующем тысячелетии жители Великой степи свершили еще один технологический прорыв, освоив верховую езду, что привело к сотрясению основ государств Ближнего и Дальнего Востока. Но помимо военных преимуществ, освоение уздечки и седла позволило посадить на коней практически все взрослое население степняков. Обретя мобильность, они смогли от оседлого и полукочевого скотоводства перейти к настоящему кочевничеству и преодолевать со своими стадами огромные расстояния. В кратчайший срок изменился облик Великой степи: исчезли многочисленные поселки степняков, хорошо знакомые археологам, изучающим бронзовый век, жизнь теперь постоянно проходила в передвижениях от одного пастбища к другому. К концу I тысячелетия до н.э. окончательно

оформляется уклад кочевого общества, создавшего настолько хорошо адаптированную к окружающим условиям систему (хозяйственную, социальную и военную), что она оставалась неизменной практически до конца рассматриваемого периода. Это внесло радикальные перемены в отношения «цивилизация – варварская периферия», произошедшие в исторически очень короткие сроки.

Эффективность кочевого хозяйства и проистекавшая из нее способность выставлять неслыханное число умелых конных воинов были важными аргументами кочевников в диалоге с народами оседлых цивилизаций. Но кочевники экономически не могли существовать без последних. Набеги, данничество, обмен (чаще всего неэквивалентный), формирование «своих» зависимых и полузависимых оседлых поселений (малоизвестные ранее «города кочевников») – вот неполный перечень форм этих взаимоотношений. В кочевом обществе не выработалась внутренняя необходимость для возникновения государства, однако чем более богатой и сильной была соседняя оседлая империя, тем раньше кочевники объединяли свои усилия, что приводило к складыванию мощных племенных союзов – «сложных и суперсложных вожеств», по терминологии этнологов. Одни за другими возникают каганаты и ханства, которые иногда превращаются в «кочевые империи». Их присутствие станет атрибутом средневековой Мир-Системы, во многом определяя динамику ее развития. И когда кочевые империи перестанут угрожать оседлой части Евразии, то это уже станет одновременно и причиной, и следствием окончания средневекового периода.

Увы, отчасти именно кочевники способствовали тому, что Средневековье во многом выглядит периодом демографической стагнации по сравнению с Поздней древностью. Кочевники способствовали убыли оседлого населения – и своими постоянными набегами, порой навсегда гасившими древние очаги цивилизации, и тем, что обращали в «дикое поле» пригодные для земледелия территории, и переносом инфекционных заболеваний, как например, это произошло при осаде Кафы в 1347 г. Но кочевники, действительно, выступали и «глобализаторами», иногда вполне осознанно, подобно столь впечатлившему Марко Поло Хубилаю-хану, но чаще даже и не задумываясь о создании вселенской империи. Тем не менее монгольские завоевания обеспечили уже упомянутое «второе смыкание цивилизаций». Не следует забывать, что на какое-то время наши предки, жившие на берегах Оки, Днепра и Волхова, оказались в одном политическом образовании с обитателями бассейна Янцзы и о-ва Хайнань.

Еще важнее, что кочевники придавали «мировому Средневековью» фактор системности. Вынужденные соседствовать с кочевыми империями государства либо находили адекватный ответ на этот вызов, либо погибали. Но иные страны (назовем их государствами «второго эшелона») или другие регионы, вроде бы географически удаленные от кочевой угрозы, могли рано или поздно ощущать опосредованное влияние ритмов пульсации Великой степи. Это происходило тогда, когда государства, сумевшие противостоять кочевникам (или основанные в результате завоевания кочевниками), развязывали себе руки для выяснения отношений с прежде не знавшими сильной угрозы странами «второго эшелона». И тогда уже эти страны, в свою очередь, проявляли озабоченность поисками адекватного ответа. Так, укрепление Танской импе-

рии произошло в ответ на вызов со стороны Тюркского каганата, но ответом на вызов Танского Китая в Японии в какой-то мере стал переворот Тайка. И подобных примеров можно привести много. Там, где прямое или опосредованное дыхание Великой степи ощущалось минимально, наблюдалось долговременное сосуществование мелких соперничающих между собой политических образований. «Щитом» для них служили моря, горы, героическое сопротивление сопредельных народов, бравших на себя основную тяжесть противостояния завоевателям (раджпуты, прикрывавшие собой Индию, народы Восточной Европы, ставшие буфером между Степью и Западом). Запад мог себе позволить «роскошь феодализма», поскольку после христианизации венгров волны кочевых нашествий перестали докатываться до Латинского мира. В эту же эпоху Византия вынуждена была воевать то с арабами, то с нагрянувшими в Подунавье болгарами, то с тюрками-сельджуками. Когда сменившая Византию Османская империя, в которой ощущалось наследие кочевой традиции, освободилась от угрозы со стороны Степи, Западная Европа сразу почувствовала изменение ситуации. Нечто подобное ощутили и западные соседи Русского государства уже начиная с правления Ивана III и в особенности после разгрома Иваном IV наследников Орды.

Сферой, где изменения всегда вполне очевидны, является эволюция вооружений. В отличие от предшествующего периода Средневековье характеризовалось господством конницы над пехотой. Согласно некоторым теориям, именно изобретение стремени сделало возможным феодализм. Стремя давало возможность наносить таранный удар пикой, на острие которой суммировалась масса и коня, и всадника, а также наносить рубящие удары тяжелым мечом. Есть разные гипотезы возникновения стремени: многие относят его к числу изобретений всадников Великой степи, а через Аварский каганат со стремением познакомились воины Западной Европы. Другие указывают на иные регионы, откуда пошло стремя (Китай, Парфия). Как бы то ни было, стремя, как некогда колесница, предопределило «аристократический» характер войны, а следовательно, и определенный тип социального устройства оседлых обществ. Во все большей степени ударную силу составляли теперь тяжеловооруженные воины-профессионалы, на содержание которых стали отводить доходы с определенных территорий. Первыми к такой системе перешли сасанидские правители, затем она получила развитие и в Западной Европе, во многом предопределив как успехи войск Карла Великого, так дальнейший социальный триумф европейского рыцарства. Но и степные воины продолжали плодить все новые изобретения: тюркское седло с наклонной лукой, сабля, конские панцири и, наконец, дальнобойный монгольский лук, оставивший по себе столь глубокую память, что главным элементом церемониального вооружения русских царей до самого Петра I останется «саадак» — колчан с налучником.

И только освоение огнестрельного оружия, а также формирование в Европе регулярных пехотных частей (швейцарских пикинеров), в какой-то мере возрождавших строй римских легионов, создало предпосылки для того, чтобы пехота начала оспаривать ранее бесспорное превосходство всадника. Но «пороховые империи» с их новым типом войска озаменовали собой конец Средневековья.

Конечно же, самым главным отличием Средневековья от античной и восточной древности явилась роль мировых религий. Каких бы успехов ни достигли цивилизации Поздней древности, они генетически связаны были с эпохой «очаговых цивилизаций», со своим «полисным», «номовым» прошлым. Они представляли собой разросшуюся до небывалых размеров власть одного полиса, одного «вана», одного племени, возвысившегося над другими и стремящегося максимально расширить подвластную территорию, но не имевшего иных ресурсов, кроме военной силы и дорогостоящей бюрократии для удержания своих подданных в повиновении. Роль «идеологической» скрепы играл собственный культ победившего народа, культ императора, синкретически сочетаемый с местными верованиями. Падение державы обычно означало поражение ее богов, которые в лучшем случае на вторых ролях включались отныне в пантеон победителей.

Расцвет философской мысли периода «осевого времени» середины I тысячелетия до н.э. чрезвычайно обогатил и местную, и мировую культуру, но не приводил моментально к созданию мощных учений, способных интегрировать общество. Возможно, к примеру, кушанские правители попытались сделать главную ставку на буддизм. Но об этом мы судим главным образом по их храмовому строительству, других источников почти не осталось, к тому же религии кушанских городов носили синкретический характер: буддистские ступы прекрасно соседствовали и с зороастрийскими храмами, и, возможно, с христианскими церквями. Пожалуй, и здесь впереди прочих империй оказался Сасанидский Иран, сделавший зороастризм государственной религией и довольно критично относившийся как к традиционным локальным культам, так и к христианству. Но именно в силу того, что зороастризм, ревностно охраняемый жрецами священного огня – мобедами, был слишком тесно связан с персидской традицией, трудно представить его широкое распространение за пределами Ирана. Производное от зороастризма учение Мани (манихейство) с его упрощенной обрядностью и четким делением мира на доброе и злое начала таило в себе возможность мировой религии, но содержало слишком сильный разрушительный потенциал. Разгромленное в Иране, манихейство распространялось по миру в основном как учение социального протеста.

Авраамическим религиям: иудаизму, христианству и исламу – повезло в этом отношении больше. Христианство и ислам были религиями прозелитическими, призванными завоевывать все новых сторонников и в целом не стремящимися к синкретизму. Вселенская концепция равенства всех их последователей перед Богом и претензия на единственную правильность превращала вероучения в мировые религии. При этом они удачно справлялись с задачей поддержания единства больших цивилизационных ареалов, даже после утраты последними бывшего политического единства. В регионах, центрами которых выступали Индия и Китай, не сложилось мощных монотеистических систем, но и здесь учения, которые возникли в период «осевого времени» и долго существовали в виде философских школ, только в период Средневековья обретают стройность и, обзаведясь догматикой и организационными структурами (сетями монастырей со специфическим типом землевладения), становятся религиями. Раньше всего это произошло в Китае с буддизмом и даосизмом в эпоху Лючао, конфуцианство же, всегда

популярное у китайских чиновников, обрело статус официальной религии (или, скорее, «квазирелигии») немного позже, в эпоху Тан. Буддизм и конфуцианство распространились в Японию, Корею, Тибет и страны Юго-Восточной Азии. Стать мировыми религиями было суждено не всем верованиям, но достичь этого пытались многие, стремясь выйти за рамки сугубо этнических религий. Но главное все же состоит в том, что мировые религии успешно играли роль стенового хребта средневековых обществ. Они придавали им «момент связанности», и как правило, чем сильнее оказывалось влияние такой религии на общество, тем меньше требовалось содержать воинов и чиновников для того, чтобы поддерживать определенный порядок на большой территории.

При всем своем драматизме Средневековье демонстрирует более высокий и более гибкий уровень взаимодействия внутри Мир-Системы, которая, расширяясь, втягивает в диалог новые регионы Севера Европы, Сибирь, народы тайги, Сахеля и ранее неведомых островов Атлантики. Несмотря на высокую цену, взаимодействие цивилизаций приносило неоспоримую выгоду. В этом легко убедиться, взглянув на общества, не входящие в средневековую Мир-Систему, например цивилизации Мезоамерики и Анд. Примечательно, что главные открытия «неолитической революции» земледельческие регионы Нового Света сделали ненамного позже народов Евразии. Однако развитие шло здесь чрезвычайно медленно, даже в области совершенствования боевого оружия. Цивилизации оставались изолированными друг от друга. До своих великих открытий (одомашнивание животных и растений, создание письменности) каждый регион доходил самостоятельно, что резко замедляло темпы развития местных культур и привело их к столь зримому отставанию от Мир-Системы как раз к моменту их встречи на излете Средневековья.

* * *

Мы не рассматривали пока внутренние характеристики средневековых обществ – ни каждого в отдельности, ни всех вместе. Это станет возможным после проделанной работы. Но даже из перечисления некоторых из внешних признаков, характеризующих развитие Мир-Системы в этот период, очевидно, что он определяется целым рядом атрибутов, существенно отличавших его не только от последующей, но и от предыдущей эпох. За неимением лучшего, оставим за данным периодом имя: «Средневековье».

Средневековье на макроисторических графиках демографического роста выглядит в целом как эпоха стагнации, а то и упадка. В невежестве, фанатизме, косности и неспособности к развитию упрекали его гуманисты и просветители. Да и сами средневековые люди в Китае и Индии, жители исламского мира, византийцы и латиняне, русские и скандинавы, кочевники Великой степи и бедуины Сахары – все охотно согласилось бы с невысокой оценкой своего времени, поскольку средневековый человек свои идеалы привык искать скорее в давнем прошлом, чем в настоящем, а о том, каким должно быть будущее, задумывались нечасто. Вместе с тем, именно Средневековье демонстрировало высокую динамику развития, обеспечив массу открытий. Заметим, что в этот период не существовало априорных лидеров в развитии куль-

туры. Кодификации судебныхников, календарные системы, шедевры живописи и скульптуры, изобретения компаса, пороха, книгопечатания, бумаги, сложных механизмов, навигационных систем, парусов, способных обеспечивать кораблю плавание практически при любом ветре, – все эти открытия делали разные народы: индийцы, китайцы и арабы, византийцы и латиняне.

Но почему лишь одному региону – Западной Европе – в определенный (но исторически очень важный) период удалось вырваться вперед? Почему прорыв в новое качественное состояние относительно быстро произошел в одном месте, а в других либо осуществлялся значительно медленнее, либо вообще не случился?

Об этом пойдет речь в предлагаемом издании.

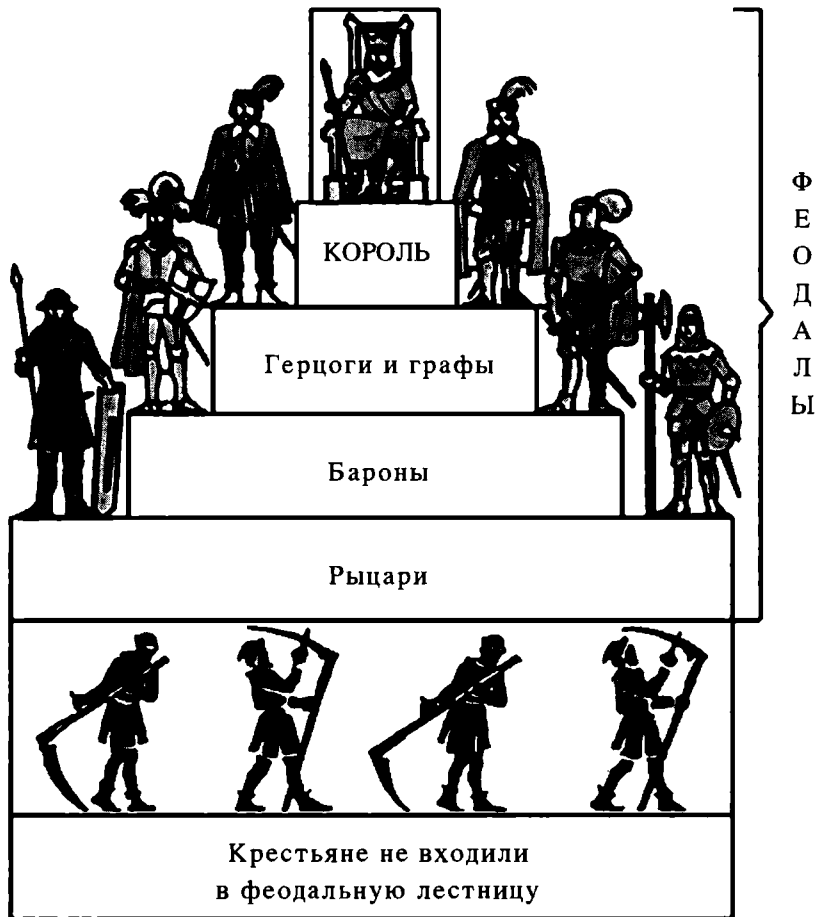
ФЕОДАЛИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЕВИСТОВ

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ ФЕОДАЛИЗМА

Феодализм для многих людей является синонимом Средних веков, а слова «средневековый» и «феодальный» значат для них примерно одно и то же. Речь идет о словах и понятиях, глубоко внедрившихся в нашу культуру и возникающих в ней во множестве облиций. Идея феодализма как особого общественного строя, существовавшего в Европе в Средние века, родилась во Франции XVIII в. Накануне Французской революции наиболее одиозные факты общественной жизни квалифицировались как требующие отмены пережитки феодализма. Ученые XIX в. приложили немало усилий, чтобы сделать феодализм строгим научным понятием. Наука того времени стремилась понять историю общества как последовательную смену исторических эпох, зримо отличающихся одна от другой. И эпоха, предшествующая изысканиям просветителей и ученых XVIII–XIX вв., получила название эпохи феодализма.

Это понятие было введено в оборот с целью подчеркнуть глубину разрыва «их современности» с прошлым. Феодализм изначально осмыслялся как нечто качественно отличное от той современности, представляя своеобразным «антимиром», от наследия которого просвещенные европейцы хотели поскорее избавиться. За этим словом скрывался технический застой и рутинное состояние техники, «кулачное право» одних и полное бесправие других, слабость государства и публичной власти, приоритет личной верности над отношениями, прописанными единым для всех законом, отсутствие гарантий частной собственности и политическая раздробленность, засилье церкви, фанатизм и невежество. Феодализм, как и собственно Средневековье, не только ругали; у него находились и почитатели из числа недовольных действительностью, ищущих идеалы в прошлом. Другие же рассматривали период Средневековья как историю борьбы с феодализмом, поэтому особое внимание уделялось изучению «ростков будущего»: городов и их «коммунальных революций»; королевской власти как «представительницы порядка в беспорядке», стремящейся в союзе с городами обуздать феодалов; купцов и ремесленников, чей труд подрывал натуральность хозяйства; вольнодумцев, выступавших против невежества и всевластия церкви.

При этом феодализм описывался при помощи категорий, свойственных европейскому обществу XIX в.: четкое классовое или сословное деление, унифицированные правила, по которым жило общество, предполагавшие наличие определенных свобод, общих для всех законов, общепринятое понимание собственности. При всем том, что феодальное общество не должно было походить на современное, в нем стремились отыскать четкое сословно-классовое деление, свои законы, свой тип собственности, свои правила, общие для всего Средневековья. В XIX–XX вв. Средние века изучали лучшие историки, достигшие впечатляющих результатов. Большинство из них

Феодалная лестница (из школьного учебника)

видело ключ к пониманию этой эпохи в феодализме. Но мысль о феодализме как особом явлении в социальной жизни Средневековья получала двоякую интерпретацию.

Одно понимание феодализма подразумевало отношения внутри господствующего слоя средневековых обществ. По мнению исследователей, его основу составляли феодальные (или, по-немецки, ленные) институты, главными из которых являлись феодал (или лен) и вассалитет. Феодал представлялся особой формой землевладения всего военного класса – рыцарей средневековой Европы, выступавших сеньорами в отношении подчиненных им крестьян. Феодал (феодалное поместье) был вознаграждением за службу и одновременно ее материальной основой. Он вручался рыцарю от лица вышестоящего сеньора, с которым его связывали особые личные отношения вассалитета. Вступая во владение феодалом, рыцарь совершал ритуал оммажа (букв.: отдавал себя в руки своего сеньора, становился его человеком) и, принося клятву верности, «коммендировал» себя вышестоящему. Обязанности сторон при этом мыслились ограниченными и

взаимными. Владелец феода служил ровно столько, сколько предписывал обычай, и рассчитывал взамен на покровительство и уважение своих прав. Поводом к прекращению отношений могли быть нарушения с обеих сторон. Считалось, что такие вассально-ленные отношения пронизывали правящий класс сверху донизу, образуя связную феодальную иерархию. Король строил свои отношения с крупнейшими сеньорами своего королевства по тем же феодальным правилам. Подобный строй представлялся отстаивавшим эту картину историкам противоположностью государства, «феодальной анархией».

Другое понимание феодализма восходило к работам историков, испытавших влияние марксизма. В их глазах феодализм в Средние века распространялся на все общество и являлся прежде всего особой моделью производства и потребления материальных благ. Феодализму в таком смысле отводилось место между экономикой древности с характерным для нее рабовладением и капитализмом Нового времени с присущими ему явлениями отчуждения работника от средств производства, наемного труда, капитала, машинной индустрии и рыночных механизмов спроса и предложения. В итоге картина феодализма была навеяна его противопоставлением рабовладельческой экономике, с одной стороны, и капитализму XIX в. – с другой. Предполагалось, что сеньоры («феодалы») обладали монопольной собственностью на главное средство производства – землю, передаваемую крестьянам в держание. Крестьяне обрабатывали ее самостоятельно, своими орудиями труда, и обладали определенной хозяйственной автономией. Поэтому эксплуатация их (получение феодальной ренты) предполагала внеэкономическое принуждение. Этим феодализм и отличался от капитализма, где у рабочего не имелось никаких средств производства (он обладал лишь своими рабочими руками) и потому для извлечения прибавочной стоимости достаточно было одного лишь экономического принуждения.

На понимание феодализма в работах историков одновременно влияли известные факты аграрной истории Нового времени, воспринимавшиеся пережитками Средневековья, своего рода подсказками медиевисту, как то крупное землевладение и крепостничество, существовавшее в Европе к востоку от Эльбы. Отчасти и поэтому внимание историков сосредоточивалось на проблеме средневекового поместья, понятого в качестве экономического и правового института для эксплуатации крестьян, главного производителя материальных благ. Предполагалось, что сеньоры располагали двумя рычагами власти над крестьянами. Во-первых, считалось, что сеньоры сосредотачивают в своих руках земли, превращая крестьян в своих держателей. Так идея условного землевладения в качестве характерной особенности феодализма переносилась на крестьянско-сеньориальные отношения. Во-вторых, историки придерживались мнения, что большинство крестьян были людьми несвободными, лично зависимыми от сеньоров.

Для удобства можно назвать первую концепцию «феодализмом в узком смысле слова», а вторую – в «широком». Между ними возможны точки соприкосновения. Иерархическая организация господствующего класса призвана была обеспечить должный уровень внеэкономического принуждения в условиях слабости государства, например в Европе X–XIII вв.

Но «узкое», правовое понимание феодализма не претендовало на универсальное значение, характеризуя лишь латинский Запад, и только иногда в качестве метафоры применялось к иным обществам, вступившим в период политической раздробленности. Концепция «феодализма в широком смысле слова», напротив, претендовала на универсальность для многих регионов, причем на очень длительном отрезке времени. С точки зрения советских историков, например, к феодальным относились общества и Киевской Руси, и Российской империи до реформы 1861 г. И даже общества, где подавляющее большинство крестьян были свободны, не зная власти сеньора, все равно могли считаться феодальными. В этом контексте налоги расценивались как «централизованная феодальная рента», взимаемая феодальным государством с целью последующего перераспределения в пользу феодалов. Однако в большинстве случаев, когда западные историки говорят о феодализме, они имеют в виду все же именно первое, более узкое значение.

На сегодняшний день ситуация такова, что большинство тех, кто профессионально занимается историей Западной Европы, региона, где родилось само понятие «феодализм», не разделяют ни той, ни другой концепции, считая вопрос о феодализме по меньшей мере дискуссионным. Отчасти это связано с накоплением новых знаний, которые плохо укладываются в старые схемы. Но основная причина сложного отношения современных историков к теме феодализма – и, можно заметить, к социальной истории вообще – лежит в иной плоскости. Речь идет об утрате доверия к принятому в XIX–XX вв. способу описания общества в форме рассказа о его социальных институтах, согласно которому статус лиц, их взаимные права и обязанности воспринимались как некие устойчивые и предрешенные факты, и поэтому для занятия социальной историей достаточным казалось лишь описать общество в простых категориях и однозначных терминах.

Историографией наших дней такие описания воспринимаются схематичными и недостаточными. Один живой пример скажет об этой научной коллизии лучше всяких объяснений. В 1198 г. жителям деревни Фильине в Тоскане пришлось признать над собой власть города Флоренции и согласиться на уплату налога. Согласно достигнутой договоренности между представителями деревни и городскими властями, от налога, который платили простолюдины (*pedites*), должны были быть освобождены проживающие в Фильине рыцари и *masnaderii* (так называли вооруженных холопов). Как несвободные, они не отвечали за себя в полной мере и в данном случае не подлежали обложению. Делегация Фильине, отправившаяся во Флоренцию, состояла из шести рыцарей и шести *pedites*, один из которых был старостой-подеста́. Когда пришла пора заплатить подать, то выяснилось, что сделать это некому. В Фильине нашлось 13 рыцарей, 148 *masnaderii* и только пять *pedites*. Эти пятеро были те самые люди, которые вместе с подеста подписали от имени коммуны договор с Флоренцией – они уже назвались *pedites* и взять своих слов назад не могли. Все остальные жители деревни, не претендовавшие на то, чтобы называться рыцарями, поголовно записались в *masnaderii*.

Социальные обозначения не что-то пустое, но они подвижны и привязаны к жизненным ситуациям, которые историк зачастую не может знать. Человек в Средние века жил по обычаю своих предков, и лишь в суде и других особых обстоятельствах заходила речь о том, чтобы подыскивать юридиче-

ские термины. Тогда играли роль те выгоды, которые имелась возможность из них извлечь. Укрыться под обозначением, акцентирующим зависимость, было так же обычно, как в других условиях доказывать свою свободу и бороться за нее. В свете этого «расплываются» основные характеристики феодального общества. Менее очевидным становится противопоставление античного рабства и средневековой свободы крестьянина, пусть даже и зависимого. Категории свободы и несвободы имели свою сложную и запутанную историю в средневековом мире.

РАБСТВО И СВОБОДА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Рабство как исключение из публичной жизни и подчинение частной власти домохозяина привычно и неразрывно связано в нашем сознании с историей греко-римской Античности. Но нельзя не заметить, что с условным началом Средневековья рабов стало даже больше, чем в пору расцвета рабовладения на заре Римской империи. Во всяком случае, рабство этого времени документировано лучше античного. В кодексе права Вестготского королевства о рабах говорится в половине статей. Все историки сходятся в том, что само рабство в меровингскую эпоху сродни античному; некоторые полагают, что точно так же дело обстояло и в каролингское время. Человек может быть «либо свободный, либо раб, ничего больше», – через «Бревиарий Алариха» эта формула Кодекса Феодосия естественным порядком переходит в один из капитуляриев Карла Великого. И лишь постепенно рабство сдает свои позиции, что становится ощутимым в X в., когда рабы уже редко упоминаются в источниках по истории целого ряда регионов Средиземноморской Европы. В Оверни, Каталонии или Лациуме «рабы» совершенно исчезают из текстов с конца X – первой трети XI в. На севере Европы фиксация крупных контингентов рабов сохраняется дольше.

В большинстве регионов Западной Европы конец древнему рабству, как и древней свободе, кладет новая система аристократического господства сеньориальной эпохи. Около 1000 г. разрушение унаследованных от каролингского времени публичных институтов лишало свободу ее бывшего конкретного содержания. Социальное возвышение воинов (*milites*), или рыцарей, делало более явственным размежевание между воинами и крестьянами, внутри которого терялось древнее деление на свободных и несвободных. Навязываемая миру деревни частная сеньориальная власть этих воинов порождала зависимость всех жителей, и новый порядок подчинения и эксплуатации земледельцев нивелировал условия их правового и хозяйственного существования. В частности, большинство французских источников после 1100 г. рисуют слабо дифференцированную массу «людей» (*homines*), или «селян, земледельцев» (*rustici*), перед лицом компактных групп рыцарей и проживавших в городах горожан. Отныне свобода и рабство – не более чем нюансы, которые отходят на задний план и мало-помалу теряются. Новая сеньория отчасти накладывается на реликты древнего рабства, что усложняет общую картину. «Рабы» и «свободные» древнего права смешиваются в сходной зависимости от сеньории под общим наименованием «мананов» или «вилланов».

При этом свобода оставалась главным образом синонимом независимости, отказа от службы могущественному лицу, способности без чужого участия отомстить за свои обиды или примириться со своими недругами. Но хотя свобода – чаемый общественный идеал, границы ее неясны и содержание туманно. Свободные, вступавшие в свиту какого-нибудь барона, жертвовали частью своей свободы, но могли приобщиться к миру сеньоров. Примечательна семантическая эволюция, приведшая к тому, что в средневековой латыни кельтское слово *vassus*, *vassallus*, изначально значившее «слуга», стало обозначать явно свободного «вассала», а немецкое *knecht* («холоп») в Англии превратилось в *knight* – «рыцарь»...

С XII в. в грамотах, именуемых «франшизами», вновь ярко возникает образ свободы, однако теперь в новом смысле – не как прежняя способность участвовать в публичной жизни, а как привилегия. Пожалованные вольности создавали род лиц, свобода которых заключалась в точном знании того, что именно они должны своему сеньору. Одни крестьянские сообщества отныне становятся более свободными, чем другие, которые на их невыгодном фоне приобретают репутацию сервильных. Так складывается новая концепция рабства, отличная от тех, что существовали прежде. В качестве несвободных стали рассматривать тех, кто не получил привилегий, фиксирующих обязанности. Известное определение несвободного виллана, данное Г. Брактоном в трактате «О законах и обычаях Англии», гласит: сегодня вечером виллан не знает того, что господин велит ему (делать) завтра утром. В действительности это было не так. Известно, что сеньориальный обычай фиксировал обязанности сторон и без всяких специальных освободительных грамот. Однако идея заключается именно в этом: несвободный живет не по своей воле, а по воле другого. Свободу умаляет не сеньория как таковая и даже не сугубая тяжесть сеньориального гнета, а подчинение произволу.

Ряд повинностей, которые распространялись на более или менее широкий круг лиц, в определенные периоды Средневековья воспринимались как несовместимые со свободой. Во Франции, например, к числу таковых часто относили «шеваж» (раз в год несвободный приносил своему сеньору четыре денье, которые клал на склоненную голову – *chef*); произвольную, т.е. формально не установленную, талью; право сеньора на часть наследства – «мэнморт» («право мертвой руки»); запрет «формарьяжа», т.е. брака по своему выбору вне сеньории. Знаменитые «дурные обычаи» в Каталонии состояли в праве сеньора на значительную часть движимого имущества умершего без завещания, сходный побор в случае смерти без прямого законного наследника, конфискацию части имущества обманутого мужа, побор с погорельца, плату за то, что сеньор выступает гарантом брачного договора о приданом, а также в принудительном выкупе (*redemptio* или каталанск. *remensa*) всех перечисленных отягощений, откуда происходит наименование каталанских несвободных – ременсы. Временами подобные повинности служили для констатации сервильного статуса, и освобождение от них определенно воспринимается как дарование свободы. В других случаях шеважу, формарьяжу или мэнморту бывали подвержены лица, в свободе которых ни у кого не возникало сомнений.

Отчетливее всего идея рабского повиновения находит воплощение в практике прямого насилия со стороны сеньоров. Свободным человеком ощу-

шал себя тот, на кого никто не смел безнаказанно поднять руку. Старинный ход мысли, связывавший свободу и право, делает несвободу синонимом социальной несправедливости. На правовую защиту в королевском или графском суде может рассчитывать только свободный. Наиболее успешные попытки правового определения крестьянской несвободы в Средние века шли в этом направлении. В Каталонии между 1150 и 1202 гг. статус крестьянской несвободы оформился в результате частичного исключения ременсов из сферы действия публичного права через разработку «права дурного обращения» (*jus maletractandi*) с ними. Реформы судопроизводства, осуществленные в Англии при короле Генрихе II (1154–1189), связав предоставление судебной защиты с обладанием свободой (возможность апеллировать в королевские суды, данная только фригольдерам), узаконили тем самым несвободу английских вилланов. Кризис королевской власти в конце каролингской эпохи отдал крестьян в руки сеньоров, ее новое укрепление ставит точку в вековом процессе генезиса понятия крестьянской несвободы.

Связь несвободного человека со своим сеньором – наследственная, пожизненная, нерасторжимая – настолько прочна, что разорвать ее возможно только путем формальной процедуры освобождения. Как бы то ни было, сеньор властвует над личностью и имуществом серва в узких пределах сеньориальных обычаев. Потому, в частности, юридическая пестрота крестьянской несвободы плохо поддается систематизации. В плане выплаты сеньориальной ренты положение сервов, судя по всему, мало отличалось от положения их вольных соседей. Серваж предстает не столько инструментом непосредственной эксплуатации, сколько формой социального контроля, упрощавшей осуществление сеньориальной власти. Впрочем, считается, что сервы как категория населения, находящегося в наиболее жесткой форме личной зависимости, никогда не составляли большинства сельского населения. В результате масштабных освобождений XIII–XIV вв. во Франции к концу Средневековья серваж охватывал сравнительно немногочисленные и изолированные группы крестьянства. Само значение разделения земледельцев во Франции на сервов и вилланов (не находящихся в личной зависимости) тускнеет по мере того, как на первый план выдвигаются условия земельного держания. В Северной и Средней Италии XIII в. – время эмансипации сервов от наиболее одиозных форм личной зависимости. В Англии, не знавшей юридического освобождения несвободных (здесь их называли вилланами – в отличие от континента) усилиями государственной власти, вилланский статус, отношение к которому ярко продемонстрировало английское восстание 1381 г., постепенно, в том числе и в результате так называемого «спонтанного освобождения» крестьянства, становился менее распространенным. На смену вилланству с XIV в. начинает приходить копигольд (держание по копии договора между крестьянином и лордом), хотя и зависимый от воли господина, но защищенный обычаем манора. Впрочем, и эта форма держания очень долго была отягощена многими пережитками сервильного состояния; к тому же даже в XVII в. в некоторых манорах страны сохранялись так называемые «поздние (последние) вилланы».

Запоздалая деградация крестьянского статуса в регионах к востоку от Эльбы, стартовавшая на рубеже Нового времени и известная нам под именем «крепостничества», развертывалась как самобытный феномен во многом в

результате правительственных мероприятий. Крепостничество и средневековый серваж – разные вещи.

Таковой предстает ситуация, отраженная в частных актах и документах практического судопроизводства. Но картина рабства, предлагаемая «идеологами», выглядела иной. Ученые теории рабства так или иначе восходят к Аристотелю, утверждавшему, что «одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо». Стоящий вне гражданского общества, по его мнению, в физическом, умственном и нравственном отношении не может быть полноценен, он нуждается в руководстве и развит ровно настолько, чтобы следовать приказам. Другую теорию «рабства от природы» мы встречаем на германском севере Европы: в эддической «Песне о Риге», которая объясняет происхождение общества, Бог, назвавшийся Ригом, последовательно получает гостеприимство в трех домах. В первом после его ухода у хозяйки родится Трэль, т.е. «раб»: «он темен лицом был,.. кожа в морщинах была на руках, узловаты суставы... толстые пальцы и длинные пятки, был он сутул и лицом безобразен». Заночевав в двух других домах, Риг стал прародителем крестьян и знатных людей. Биологическая интерпретация несвободы не утратила актуальности в христианское Средневековье. Так, в ходе судебного разбирательства в Мантуе около 1200 г. один свидетель в доказательство свободы ответчика ссылается на то, что его отец был замечательно сложен, высок и белотел.

Расхожая метафора уподобляет сервов животным как в физическом, так и в нравственном отношении. Помимо незавидной внешности, их неизменно отличает малодушие и коварство, грубость и низменный образ мыслей и действий. Непреходящая причина тому – в неразвитости у них чувства чести/стыда, иначе говоря, самоконтроля, свойственного человеку и наиболее зримо отличающего его от животного. Бесстыдство символизирует рабскую низость и оправдывает необходимый контроль и принуждение свыше. Такое восприятие порабощения делает свободу этическим постулатом. Дабы не уподобиться холопу, человеку надлежит вести себя соответственно своему происхождению и положению. Недаром «серв» – еще и широко распространенное ругательство. Трубадур Пейре Видаль прилагает его к ненавистному французскому королю Филиппу Августу: коварный, трусливый, лживый и слабый, он не принадлежит к «знати», но ведет себя как последний *sers* – «раб». В английском языке слово «виллан» (*villain*) также неизменно приравнивалось к ругательству.

Новозаветная традиция формально не ограничивает древней практики рабства: «Рабы, повинуйтесь господам во плоти со страхом и трепетом в простоте сердца вашего, как Христу» (Эф. 6: 5). Ничто в мире не может совершиться помимо Его воли и, следовательно, быть несправедливым. Если в Средние века церковь приветствовала освобождения как благочестивый поступок, самим аббатам и епископам отпускать на волю церковных рабов воспрещалось. Они – Боговы и позволяют церкви кормить бедных; бедные – вот истинное социальное дно, о котором печется церковь. Вместе с тем, несовместимость христианской доктрины с концепцией естественного рабства рождала потребность объяснять возникновение порабощения исторически. По аналогии с грехопадением Адама рабство части живущих было понято

как род наказания греховодников, которое несмываемым пятном лежит на их потомках.

Христианская мысль связывала уничтожение первоначального равенства времен творения с неким библейским событием – убийством Каином Авеля, насмешками Хама над наготой своего отца Ноя и продажей Исавом первородства за чечевичную похлебку. Августин ставит людскую греховность в основание своей концепции происхождения мирской власти как таковой. Для Исидора Севильского в начале VII в. в целом очевидна большая греховность рабов по сравнению с людьми более высокого статуса. Порабощение видится ему существующим для наказания и предупреждения людской слабости и низости – соображение, подхваченное впоследствии Ратхером Веронским (X в.), Бурхардом Вормсским и Ивом Шартрским (XI в.). Напротив, папа Григорий Великий вовсе не убежден, что рабы более склонны к греху, чем прочие люди. Еще решительнее идея христианского равенства зазвучит в трудах каролингских писателей Смарагда, Агобарда Лионского и Ионы Орлеанского. Порабощение – скорее мирская несправедливость, нежели божественное веление. Грех, повлекший рабство, не испортил безвозвратно человеческой натуры, и поистине мало быть свободными в глазах Господа. В 20-х годах XIII в. автор «Саксонского зеркала» Эйке фон Репгов критически разбирает все возможные библейские генеалогии наследственного «хамства» и находит их несостоятельными. В 1378 г. с презрением отвергает попытки вывести мирское порабощение из наказания за грех Каина или Хама Джон Уиклиф, а в 1520 г. – Мартин Лютер. Христос смертью на кресте искупил людские прегрешения и восстановил первоначальную свободу – мысль, получившая широкое хождение в позднее Средневековье.

Один народ не может происходить от праведного Иафета и его брата Хама одновременно. На критику призваны ответить «национальные» мифы происхождения крестьянской зависимости. Грехопадение и проклятие, развившееся в порабощении, локализуется этими рассказами в обозримом историческом прошлом. Отправным пунктом фундаментального социального размежевания всегда является некое событие военной природы, совершившееся во времена, которые рассматриваются как начальный период становления «народа». Предками несвободных провозглашаются те, кто на заре «национальной» истории обнаружил военную несостоятельность, малодушие, неверность, недостаток благочестия, за что и поплатился наследственной рабской службой. И наоборот, воинская доблесть и защита религии обеспечивают привилегии: власть и свобода передаются мужественным и благочестивым – тем, кто составил знать. Историко-мифологическая теория происхождения каталанских ременсов гласит, что ими являются потомки тех, кто не осмелился присоединиться к армии Карла Великого в то время, когда он отвоевывал страну у сарацин. В наказание они были оставлены в рабстве, которое приняли от нехристей. Программные документы восставших ременсов (1449 и 1462 гг.) воспроизводят свою версию мифа, до сих пор оправдывавшего сеньориальные привилегии над порабощенным сельским населением: предки ременсов вовсе не христиане, а мусульмане. «Дурные обычаи» сначала были придуманы для мусульман, а после их обращения в христианство они потеряли смысл и стали насилием над естественной свободой христианина.

Еще в большей корректировке нуждается значение вассально-ленных институтов, столь важных для «узкого» понимания европейского феодализма. Согласно мнению английской исследовательницы С. Рейнольдс, расхожее понимание феодализма как альтернативы государственного порядка больше обязано историографической традиции, нежели опирается на верифицируемое прочтение источников. Распространение феодальных институтов связано не с разложением раннесредневековых монархий, но напротив – с прогрессивным укреплением королевской и княжеской власти после XII в., процессом политического подчинения мира сеньоров новым политическим лидерам средневекового Запада.

Представление о вассалитете сложилось в те историографические времена, когда за Средними веками отрицали политическую власть и всякое понятие о публичном. Идея *res publica* казалась тогда исключительным достоянием римской цивилизации, чуждой и слишком сложной для варваров. Предполагалось, что между падением Римской империи и возникновением современных государств Европа впадает в состояние «феодальной анархии», когда частные связи личной верности остаются единственной заменой правопорядка. Стереотип феодо-вассальных институтов по сей день мешает в полной мере оценить публично-правовые основы общественной жизни Средневековья. Историки слишком охотно рассматривают короля преимущественно как высшего сеньора, ибо это согласуется с их представлением о феодализме, хотя трудно доказуемо для большинства королевств.

Если желать продвинуться в понимании сути дела, надо оставить слово «вассалитет», под чьей вывеской проходят несопоставимые типы отношений между правителем и подданным, патроном и клиентом, землевладельцем и держателем, нанимателем и слугой, военным предводителем и солдатом. Вместо термина, за которым не стоит какой-то универсальный принцип, лучше изучать конкретные системы межличностных и коллективных отношений и ценностей. В широком спектре служб играет роль не материализующаяся идея вассалитета, а статус сторон, социальная дистанция между ними и то, что им друг от друга нужно.

Разговор о феоде кажется, по крайней мере, более предметным. Древнейшие засвидетельствованные формы слова «феод» в германских языках обозначают богатство, сокровище, деньги, движимое имущество, скот (в готской Библии IV в. или древнеанглийской поэме «Беовульф», которая восходит к рубежу VII–VIII вв.). То же слово, минуя семантическую эволюцию латинского Средневековья, дает в новых языках, в частности, немецкое *Vieh* («скот»). Семантика впервые встречающегося в «Песне о Роланде» (конец XI в.) старофранцузского *feu* или *fiet* (более известная форма *fief* утвердилась с XIII в.), напротив, находится в тесной связи с латинскими словоупотреблениями. В латинских текстах *feo*, *fevum* или *feus* появляются в грамотах, происходящих из Санкт-Галлена (конец VIII в.), Лукки (середина IX в.) и Магелона (конец IX в.). С X в. слово распространяется на юге Франции, в Каталонии и Бургундии, особенно активно – накануне и после 1000 г. Лишь в этот период латинские упоминания феода, до того времени весьма эпизодические, глухие и разноречивые, становятся, наконец, несколько более

многочисленными и информативными. Феод означает некое дарение, вознаграждение, плату за службу. Около 1000 г. под феодом все чаще понимаются именно земельные пожалования, хотя и впоследствии слово продолжает употребляться для обозначения денежного или иного содержания, а также более экзотических прав, вроде права первым броситься на врага, чем в «Песне о Роланде» жалует племянника король Марсилий. В качестве земельного пожалования феод нередко подразумевает в это время род собственности, которой наделяются графы, виконты, викарии и другие высокопоставленные представители публичной власти из фонда публичных (фискальных) земель, отчего слово *fiscus* оказывается обычным синонимом феода, а сами пожалования входят в орбиту административного деления на графства, викарии и затем кастелянства. Хотя такой феод достаточно свободно наследуется и отчуждается, вполне возможно, с ним связано меньше прав и больше обязанностей, нежели с иными формами землевладения лиц сходного общественного положения. Но чтобы судить об этом, внятных данных нет.

Аллод и феод (особенно в раннее Средневековье) не противопоставляются явно как некие альтернативные формы землевладения. По меньшей мере до XII в. в целом преобладал единый взгляд на собственность свободных людей. Она предстает неизменно полной (т.е. не ограниченной сверх обычных социальных условий ее существования), свободно наследуемой и отчуждаемой. Полная собственность в этот период создавала базу общественного порядка, при котором все другие поземельные отношения играли подчиненную роль. Если случалось, что с переданной земли полагалась служба, то по своему объему и характеру она не отличалась от той, которую несли владельцы унаследованной земли. Когда земля переходила в руки свободного человека, с течением времени она начинала восприниматься как его собственная, и обычное право закрепляло это новое восприятие.

В обстановке политической дезинтеграции XI в. представление о феоде оказалось поднято на щит крупными церковными землевладельцами. Новый строй власти и правопорядка сеньориальной эпохи вынуждал церковные учреждения систематически заручаться расположением и поддержкой набиравших силу военизированных аристократий, и передачи отдельных владений в управление мирянам были доступным и эффективным способом консолидации и расширения круга лиц, на чью военную помощь можно было рассчитывать. Трудность заключалась в том, чтобы не допускать при этом бесповоротного отчуждения церковных имуществ – запрещенного каноническими установлениями, но вполне реального в свете господствующих в обществе представлений о собственности. Если сила оружия на стороне милитаризованных аристократий, то оружие клириков – истолкование права, и они в полной мере пускают его в ход. Практика передачи церковного имущества в «*прекарий*» существовала еще в VIII в. (бенефициальная реформа Карла Мартелла), но тогда за ней стояли неотложные нужды королевской власти, тогда как в XI в. монастыри действуют по собственной инициативе. Мысль о феодальном пожаловании призвана была спасти церковное землевладение, и идея особого феодального права, судя по всему, развилась из этой практики управления церковными имуществами.

Данные, которые свидетельствуют о распространении феодальных пожалований в среде мирян, до XII в. немногочисленны. Зато налицо психоло-

гические барьеры, блокирующие или серьезно затрудняющие этот процесс. Линьяжи нервно реагируют на полученный кем-то из родственников феода, усматривая в том пятнающее их подчинение, и могут отвернуться от униженного. Та же мораль линьяжа воспрещает расточать родовые земли на пожалования посторонним лицам. Линьяжи охраняют наследственные патримонии. К началу XII в. феоде, вероятно, имеет некоторое распространение в среде мелкой аристократии, однако и там встречается скорее в особых обстоятельствах. Приберегая родовые земли, в феоде дают спорное, разряжая спорную ситуацию или перекладывая ее на чужие плечи, либо то, что сами держат в качестве феоде от третьих лиц. При семейном разделе понятие феоде может прилагаться к доле какого-нибудь дальнего родственника, и в таком случае призвано символизировать определенное единство наследственных земель и контроль над ними со стороны главы линьяжа. При той эпизодической и служебной роли, которая отводится феоде в социальных взаимоотношениях, он не создает сколько-нибудь единообразных социальных ситуаций и скорее гармонизирует жизнь общества, нежели существенно меняет ее.

Итак, до второй половины XII в. феоде еще не обозначал собственности знати как таковой; некоей особой благородной собственности до тех пор вообще не существовало, а феоде не были многочисленны. Но в этот период начинается ускоренное развитие правовой теории, переход от разноречивого обычного права раннего Средневековья к более унифицированному профессиональному правоведению последующих столетий. Такой переход датируется началом XII в. Профессионализм правоведов стремился рационализировать хитросплетения обычного права, оформить их в более или менее согласованные между собой правила. Помимо прочего, юристы оказались озабоченными выработкой правил и определений, которые объяснили бы практику условных земельных пожалований, называемых феодами.

Эта работа была проделана правоведами, в том числе составителями «*Libri feodorum*» – компиляцией феодального права Ломбардии конца XII в. В следующем столетии феоде предстает уже главным типом владения знатного лица, отличным от других наследственных владений, и все сеньории королевства в той или иной мере являются королевскими феодами. Новое наименование столь же новой для Запада особой благородной собственности – следствие масштабных изменений в политическом существовании средневековых обществ. С начала XII в. принципы восходящего к церковным практикам феодального права освящают реставрацию княжеской и королевской власти. Новое значение термина «феоде» возникает не вследствие реального перераспределения земли – торжествуют новые правовые определения. Единственный смысл превращения владений знати в феоде заключается в признании ею нового политического подданства. Ответный жест власти – признание особого статуса благородного землевладения – не столько выдает бессилие последней перед лицом баронов, сколько отражает благоразумно усвоенный способ господствовать над разными людьми, включая людей влиятельных и потому опасных, с которыми стоит считаться. Особые свободы и привилегии даются тем в обмен на клятву верности и некоторый род военной поддержки. Иных средств приведения знати к послушанию у правителей было немного. Но и у принимающих эти правила игры, очевидно, не имелось большого выбора. Вместе с тем нельзя утверждать, что феоде

изначально мыслился ими более низким родом собственности. Вероятно, само подчинение воспринималось как почетное, поскольку касалось избранного круга лиц. Процесс подобной феодализации создавал в обществе разграничительные линии, какие до той поры едва ли было возможно провести. Сам по себе особый контроль за немногими избранными, недвусмысленно удостоверяя их выдающееся социальное положение, конституирует знать с той мерой определенности, какой не знало предшествующее Средневековье. С XIII в. утверждается представление, согласно которому обладание феодом подразумевает и в черед поколений создает знатность по крови.

Первые известные случаи превращения баронских сеньорий в контролируемые властью феоды происходят из картулярия сеньоров Монпелье. Группа документов, датируемых 1112–1114 гг., следует единой формуле: некий барон передает свои земли сеньору Монпелье, обычно получая взамен деньги; тот возвращает переданное под именем феода (*ad feudum*) и принимает клятву верности (*fief de reprise, feudum oblatum* – «возвращенный феоде»). Составленный в 1172 г. для графов Шампанских список «феодов Шампани» включает без малого две тысячи таковых, что трудно приписать тысячекратному повторению аналогичной операции. Скорее налицо стремление графов рассматривать в качестве феодов уже все сеньории в пределах своих владений. «Возвращенные феоды» характерны для ранней стадии процесса феодализации. По мере возрастания власти и престижа принцев нередко имеет место молчаливое признание нового положения вещей без формального акта передачи и возвращения.

Подчиняющиеся бароны, очевидно, мало что теряют из своих прав, но после смерти обладателя феода его наследник вводится во владение через инвеституру. Держание феода обязывает приносить оммаж, освящающий конкретные политические договоренности, и эта процедура также повторяется всякий раз, когда феоде меняет своего владельца. Свыше санкционируется всякое отчуждение феода. В XIII в. обладатель феода должен был «делать» или «служить» свой феоде (*facere feudum, feudum deservire*). Феоде, который не «служат», может быть конфискован.

Говоря о некоем «правильном феоде», правоведы и нотарии апеллируют к букве феодального права, однако не в силах контролировать употребление и понимание слова другими лицами. С тем же успехом под феоде может подразумеваться отнюдь не недвижимость, а денежное или натуральное вознаграждение, либо (если речь идет все же о земле) – не благородное, а вполне крестьянское держание. Во Франции такой «неблагородный» (ротюрный) феоде с XIII в. получает беспрецедентное распространение.

Феодальные режимы даже соседних областей могут значительно отличаться друг от друга.

Конкретные условия и ход политической борьбы определяют временами противоречивые и переменчивые облики локальных феодальных режимов. Так, графы Прованса долгое время остаются равнодушными к феодальному праву, ибо находят для своей власти другой фундамент – в восходящих к каролингской эпохе, увядших, но не исчезнувших публичных институтах либо в реанимируемом римском праве. Рецепция римского права в регионе одно время даже приводит к замещению существующих феодов иным родом держания – *эмфитевсисом*.

Другие князья, напротив, привержены осознанной и целенаправленной феодальной политике. В ближайшем соседстве это случай графов Дофине, чье княжество возникает фактически заново, не унаследовав той древней традиции политического лидерства, которая позволяет правителям Прованса претендовать на клятвы и юрисдикции. «Дофины» – как называют графов по прозвищу одного из них Гига IV Вьеннского, на гербе которого был изображен дельфин (dauphin), – обходятся с баронами едва ли не одними феодальными методами, что оборачивается необременительностью феодального подчинения. XIII век проходит в тщетных попытках дофинов связать феоды более строгими правилами в том, что касается порядка конфискации, исключения женщин из наследования и прочего. На рубеже XIV в. побеждает обратная тенденция. Бесконечные уступки разнообразным привилегиям отдельным группам знати и некоторым крупным баронам говорят о поражении феодальной политики дофинов и освящают независимость знати, расположенной приносить оммаж постольку, поскольку он ни к чему не обязывает, и признающей свои вотчины феодами, поскольку само своеобразие феода как формы землевладения остается туманным. Определения, призванные гарантировать притягательность феода в глазах баронов – «свободный», «благородный», «древний» – в конце концов начинают символизировать его свободу от княжеского контроля и служб. Сохранив былые вольности, знать злоупотребляет фразеологией феодального права ради своего социального самоопределения и беспардонного прессинга в отношении власти дофинов, присваивая себе все выгоды и не принимая никаких обязательств. Идея дофина о введении «чистого феодального права» (*merum ius feudorum*) остается в области благих пожеланий. Так феодальная политика дофинов приводит к обратному результату, и лишь после присоединения области к домену французских королей (1349 г.) те наводят в Дофине должный феодальный порядок.

Пример наиболее успешного феодального развития (с реальной военной службой держателей, с правильной иерархией держаний) демонстрирует Англия, так и не импортировавшая целостной системы феодального права. Само слово «феод», занесенное на острова Нормандским завоеванием и первоначально не свободное от французских коннотаций политического подчинения, очень скоро получает значение, весьма отличное от утвердившегося на континенте. Определение *feodum* (англ. *fee*) прилагается ко всякой полной, свободной, нормальным порядком наследуемой собственности. Напротив, военное держание или держание за ренту требуют дополнительных определений (*feodum militis* или *militarium*, *feodum talliatum*). Путь утверждения иерархии прав собственности в Англии – иной, чем на континенте. Уже Нормандское завоевание (1066 г.), чрезвычайно укрепило центральную власть. Вильгельму Завоевателю в Солсбери всеми землевладельцами страны была принесена феодальная присяга; они напрямую поклялись самому королю «быть верными против всех людей». Поэтому «феодальная лестница» в Англии была короткой: все феодальные землевладельцы стали вассалами самого короля, верховного собственника всей земли государства. Именно этими событиями было положено начало существованию в этой стране системы так называемых «рыцарских держаний». Эта система имела в основе своей отношения вассалитета. За то, что король отчуждал поместья (маноры) в собственность рыцарей, они становились обязанными ему различными службами. Основной из них, как почти во всей Европе, была военная служба

или (позднее, со времен реформ Генриха II) откуп от нее деньгами (скутагий, или «щитовые деньги»).

От эпохи Нормандского завоевания английские короли унаследовали род правления, при котором уже осуществлялся реальный контроль над собственностью подданных. В опоре на существующие административные и правовые инструменты впоследствии происходит кристаллизация особых правил наследования и отчуждения собственности лиц высокого общественного статуса в силу их особых обязанностей перед короной. Ко времени «Великой хартии» (1215 г.) за королевские пожалования английским обществом принимается то землевладение, которое в наибольшей мере затронуто королевской эксплуатацией. Как и в остальной Европе, политический суверенитет трактуется в терминах отношений собственности.

И все же только юристы XVI–XVIII вв., в особенности те из них, кто специализировался на изучении феодального права («февдисты») анализируя компиляции вроде ломбардской «*Libri feudorum*», придали вассально-ленным отношениям стройность и четкость, которой они ранее не имели. Февдистам было естественно предполагать, что «благородная» собственность всегда называлась феодем, ибо так происходило в их время.

* * *

Итак, «феодализм» в политическом смысле оформляется не ранее конца XII в. при помощи сил, долгое время считавшихся враждебных феодализму, – королям, церкви и юристам из городских школ. Законченный, согласованный вид феодальной системе придали правоведы XVI–XVIII вв. и историки XIX в. Эта система захватывала лишь небольшой сегмент общественных отношений. Тогда, может быть, правильнее назвать это общество не феодальным, а сеньориальным, перенеся акцент с вассалитета на отношения господства над непосредственным производителем? На это есть ряд возражений. Во-первых, всегда и везде оставалось немало населения, не затронутого сеньориальным господством. Во-вторых, несмотря на то что истоки сеньории можно искать в незапамятной древности, сеньория в классическом ее понимании (соединение поземельных отношений с политическим господством) сформировалась примерно тогда же, там же и по тем же причинам, что и система феодальной иерархии. Конечно, связь благородного вассала с его сеньором существенно отличалась от связи виллана с его лордом. И правоведы, с одной стороны, и отраженная в ритуалах практика – с другой, подчеркивали это отличие, несмотря на то что существовало множество переходных форм, вроде «ротюрного феода». Однако феодальные отношения (в узком смысле этого слова) сыграли важную роль как в установлении, так и в поддержании важнейшей для сеньории функции политического господства. В-третьих, термин «феодализм» является настолько привычным, что проще наполнить его новым содержанием, чем сменить имя.

Как отмечал Марк Блок, если «феодальным» называют общество, где феоде не был самой значимой чертой, в этом нет ничего, что бы противоречило универсальной практике всех наук: разве физик не называет атомом, т.е. «неделимым», предмет, делением которого он занимается?

Трудно обойтись без этого (или какого-то заменяющего его) термина, если встает задача описать общество как систему. Это занятие небезопасно, и Ницше, возможно, не зря назвал волю к системе недостатком честности. У историка-исследователя, сталкивающегося с каким-нибудь явлением «феодального» общества, возникает искушение непременно вписать его в уже готовую систему, подогнав решение под ответ. Поэтому эвристическая ценность понятия «феодализм» на этом этапе исследования невелика. Но рано или поздно перед историком встает задача понять, какое общество он изучает, понять присущую ему динамику и, что еще важнее, понять, чем оно похоже или, наоборот, не похоже на общества, существовавшие в других регионах. И вот тогда нужны будут еще какие-то обобщающие понятия и термины. Почему бы не использовать в этом качестве привычный термин «феодализм»?

Мы можем называть европейское средневековое общество «феодальным», но понимать, что всякие поиски строгости в этом определении могут привести либо к «исчезновению» феодализма, либо к крайнему сужению изучаемого объекта во времени и в пространстве.

Так что же на сегодняшний день мы можем считать главными, самыми важными чертами феодального или средневекового общества? Среди историков-медиевистов желающих отвечать на этот вопрос оказалось на удивление мало.

Французский медиевист А. Герро в 2001 г. выпустил книгу с критическим разбором национальной историографии, в которой одновременно (хотя и в форме наброска) дал обобщенную характеристику средневекового общества. Для понимания его сущности Герро использовал понятия *dominium* и *ecclesia*. Первым он обозначал такую связь господства и подчинения, которая предполагала одновременно и власть над людьми, и власть над землей. Важно, что эти две стороны господства были неразрывно связаны друг с другом на локальном уровне, а не только на уровне страны. Второе ключевое понятие Средневековья – *ecclesia*, т.е. Церковь не только как институт, но и как форма человеческого общежития, как «община верных». Церковь была главной несущей конструкцией средневекового общества. И не только потому, что она выступала хранительницей знания, нормативных принципов и значительных материальных ресурсов, но и потому, что для каждого человека она давала практический ответ на вопрос о природе его связи с обществом.

Эта система дала трещину в эпоху Реформации (протестантской и католической), но окончательно она рухнула в XVIII в. Тогда же изменения, произошедшие в некоторых странах Запада, превратили лордов и сеньоров в собственников, извлекающих прибыль путем экономического принуждения. И *dominium*, и *ecclesia* воспринимались уже как досадное отклонение от естественного хода вещей, тогда-то и придумывают термин «феодализм» в качестве обозначения того «темного прошлого», от которого надо отказаться навсегда. Появляются новые понятия: «собственность» – как исключительное право распоряжения, владения и пользования землей как объектом собственности; «религия» – как лишь один из возможных способов осознания мира; «государство» – как независимая централизованная организация для регулирования социальных отношений. Новые понятия описывали новое об-

щество, но были чужды обществу старому, которое парадоксальным образом начинали обозначать при помощи именно этих, чуждых ему категорий, как особое, феодальное общество.

Со времени публикации книги Аллена Герро прошло более десяти лет. Автора чаще критиковали, чем хвалили. Но каких-то иных обобщенных характеристик «феодального общества» не появилось. На современном этапе можем сказать, что модель «*Dominium–Ecclesia*» как выражение сущности западноевропейского средневекового общества по умолчанию пока можно считать общепризнанной. Но вопрос о том, насколько эта модель может быть распространена на другие регионы, остается открытым.

СРЕДНИЕ ВЕКА: СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Человек – биологический организм. Он сталкивается с естественным порядком вещей и течением естественных циклов в самом себе. К природным фактам изначально относятся тело, рождение и смерть, возраст и болезни, пол и продолжение рода. Жизнь человека зависит от получения и трансформации природных ресурсов. Обретение части из них требует специальных усилий и является основой трудовой и хозяйственной деятельности. Человек вступает во взаимодействие с природой как социальное существо, т.е. делает это совместно с другими людьми и на основе общего опыта, превышающего его личный. Опыт складывается в систему и передается из поколения в поколение. Историки называют такие поведенческие системы «культурами».

ТРАДИЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПИТАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

Культурные системы поведения, взятые в сравнении, имеют общее и особенное. Особенными в них могут быть не только формы хозяйственной деятельности, но и сами человеческие потребности, удовлетворению которых они служат. Потребности человека опосредованы культурой. Так, китайский автор с удивлением замечает: «Если во время похода в Китай монголы съедают всех овец, которых они взяли с собой, то для пропитания они стреляют зайцев, оленей и диких кабанов». Со своей стороны, европейские путешественники поражались малой доле в рационе китайцев продуктов животного происхождения. Зато в раннее Средневековье во всех слоях китайского общества потребление чая получило такое широкое признание, что чай стали относить к продуктам первой необходимости наряду с рисом и солью (кстати, в это время был известен только зеленый чай, и его варили, как суп). Тогда же складывается та китайская кухня, которую мы знаем сегодня благодаря китайским ресторанам. Ее характерным отличием является обязательная термическая обработка всех пищевых продуктов, а потому считаются несъедобными не только блюда японской кухни, изготовленные из сырой рыбы, но и европейская селедка. При этом японское сыроедение, видимо, есть не что иное, как заимствование из Древнего Китая. То же можно сказать и о взбивании чая бамбуковым веничком, принятое в Китае XI–XII вв., но уступившее место заварочному чайнику. Так что японская кухня парадоксальным образом законсервировала в себе и сохранила черты забытых кулинарных традиций соседней страны. Среди последователей двух мировых религий, индуизма и буддизма, поощрялось вегетарианство, но их идеалы и практика не всегда совпадали. Мусульманский мир сделал выбор в пользу исключения из пищевого рациона вина и свинины. По преданию, хитроумные венецианцы, выкравшие в Египте мощи апостола Марка, спрятали их на своем корабле под свиными тушами. Венецианский хронист XIII в. Мартино да Канал рассказывает, что мусульмане будто бы не смогли пере-

бороть своего отвращения к свинине и не проверили отплывающий корабль, как положено.

В христианской Европе также сосуществуют и вступают во взаимодействие разные традиции потребления. В Средиземноморье с древности особое значение в пищевом рационе, а также в идеологии имеет так называемая средиземноморская триада: хлеб, вино и оливковое масло. Эти продукты и связанная с ними трудовая деятельность со времен Древнего Рима были символом городской и земледельческой культуры, противопоставлявшей себя варварскому миру северных лесов. Само христианство, возникшее в регионе Средиземноморья, берет эти продукты для своих обрядов: хлеб и вино в обряде причастия символически превращаются в плоть и кровь христианского божества, а растительное масло используется для миропомазания. Гастрономическая культура Средних веков соединила в себе разные традиции, и хлеб и мясо стали в ней равноправными обозначениями человеческой пищи. Впрочем, и в Новое время известные нам рационы питания на Севере Европы включали большое количество мяса, тогда как в Средиземноморье они могли почти целиком состоять из продуктов растительного происхождения. В Северной Европе пили пиво, в Средиземноморье – вино, причем его дневное потребление подчас измерялось литрами. В особенности так происходило в районах распространения малярии, где вода не годилась для питья. До самого конца Средневековья молока практически не пили. Быков и коров разводили на мясо и в качестве тяглого скота, а в пищу шло главным образом овечье и козье молоко, переработанное в сыр. Сливочное масло и сыр долгое время воспринимались как продукты бедняков, деревенская пища. Тростниковый сахар, который стал известен в Европе благодаря арабам, считался дорогим и знаковым продуктом. Заменял сахар мед. Пища простонародья соленая, пища элиты сладкая. Соль не только делала еду вкуснее, но и сохраняла ее. Другими консервантами служили мед и уксус. Такой трудоемкий злак, как пшеница, шел на стол богачей. Но подлинным символом кухни богатых и знатных служило мясо, а подагра, возникающая от переедания мяса, считалась аристократической болезнью. Если в раннее Средневековье предпочтение отдавалось более жирной пище и жирным сортам мяса, в особенности свинине, то позднее знать и бюргерство полюбили птицу и говядину. Кухня, особенно к концу Средневековья, подчинялась моде. Поводом к открытию и овладению миром мореходами Западной Европы XV и XVI вв. послужили гастрономические потребности. Каравеллы Васко да Гамы, Колумба и Магеллана искали пути в «страну пряностей» – считалось, что пряности способствуют пищеварению. Заморские пряности везли из той страны света, куда воображение людей Средневековья помещало земной рай. При своей дороговизне пряности символизировали высокий статус их потребителя. Торговля ими сошла на нет, когда они стали слишком доступными и их потребление потеряло всякую социальную значимость.

Христианский церковный календарь налагал запрет на употребление продуктов животного происхождения в определенные дни недели и периоды литургического года, постных дней насчитывалось от ста до полутора в году – но это еще и вопрос возможностей. С XIV в. в католическом мире мало-помалу стало разрешено употреблять в пост яйца и кисломолочные продукты, сыр считался постной едой. Сливочное масло позволялось тому, кому

было не по карману оливковое. Традиционной заменой мяса в пост выступала рыба. Древние римляне любили и много ели морскую рыбу; в Средние же века даже на морских побережьях употребляли в пищу прежде всего пресноводную рыбу рек и озер. Это положение начало меняться только в самом конце Средневековья, когда в городах Нидерландов получили решение технические проблемы хранения и транспортировки сельди. Вообще, в Средние века моря не знали и боялись, суда старались не отплывать далеко от берегов. Крестовые походы в святую для христиан землю Палестины с очевидностью показывают, что корабли как таковые имелись только в двух-трех итальянских городах-республиках. В отличие от викингов северных морей и сарацин Средиземноморья христианская Европа поначалу представляла собой сухопутный регион, неспособный противостоять ни тем, ни другим. Морские походы за золотом и пряностями и морское рыболовство лишь в конце эпохи нарушили эту культурную традицию.

Многие средневековые блюда, возможно, покажутся нам малосъедобными. Кухня в то время унаследовала образ питания, идущий из глубин античности, и вполне отвечала вкусам римских гастрономов. Кулинарное искусство воспринималось в качестве умения сочетать и видоизменять продукты. Правилom считалось смешивание сладкого и соленого, кислого и горького, европейская же кухня наших дней в основном отличается тенденцией к разединению продуктов, стремлению сохранить их естественный вкус, отнесению сладкого к разряду десертов и т.д.

История кухни и гастрономических вкусов любопытным и существенным образом не совпадает с историей обществ и экономик. Человеческие потребности имеют свою логику, они не являются простой и объективной реализацией имеющихся возможностей, ответом на них, а уносят в свой мир фантазии и идеалов. Потребности самостоятельны по отношению не только к физиологии человека, но также к важным фактам общественной и экономической жизни. Средневековый аскет олицетворяет отказ от потребностей, сведение их к строгому физиологическому минимуму. Но даже опустившись на это потребительское дно, мы снова встретим не некие абсолютные человеческие потребности в чистом виде, а свою потребительскую культуру. У аскетов нередко бывают весьма прихотливые системы потребления. Таков, к примеру, затворник Госпиций, живший в районе Ниццы в VI в. и известный нам со слов Григория Турского. Подобно монахам египетских пустынь, явивших образец монашеской жизни, он питался в пост только корешками трав, которые ему специально привозили купцы из самого Египта.

КЛИМАТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Среда и климат предстают относительно устойчивой величиной. Попытки некоторых исследователей объяснить некими изменениями климата такие исторические события, как гибель Римской империи и нашествие варваров, рост европейской экономики около и после 1000 г. и ее «кризис XIV века», движения кочевников и образование империи Чингисхана в Азии и тому подобное, лишены достаточных подтверждений и по сути остаются лишь ги-

потезами. Во всех этих случаях сами исторические события подталкивают авторов к поиску для них «причины» в виде предполагаемого изменения климата. Однако для таких утверждений нужны твердые данные по естественной истории, которые не так просто добыть. К примеру, со времени позднего Средневековья для ряда регионов Западной Европы мы имеем ежегодные сведения о дате начала сбора винограда. Казалось бы, это объективная информация по истории климата. Но все не так просто. Сюда примешивается история винодельческой технологии. В некоторых случаях достоверно известно, что смещение даты начала сбора винограда было связано с переходом к изготовлению новых сортов вин. Надежные данные о динамике годовых температур дает исследование ледников – гляциология. Пыльца в торфяных отложениях древних болот свидетельствует об ареалах распространения растений. Все данные по естественной истории носят локальный характер и не могут быть экстраполированы на другие регионы. Мы знаем о потеплении в Европе в V–III тысячелетиях до н.э., когда зона произрастания каменного дуба достигла Нормандии, а орешник распространился на территории современной Швеции. В исторический период таких существенных колебаний климата не зафиксировано. История альпийских ледников позволяет сделать вывод о некотором похолодании в Европе примерно между 1550 и 1850 гг., которое называют «малым ледниковым периодом». Возможно, среднегодовая температура понизилась на 1 °C. Даже это относительно заметное похолодание не имело явных последствий для европейской экономики в целом.

С естественными изменениями в природе можно увязать только отдельные исторические события, но их внимательное исследование убеждает в том, что природные факторы всегда действуют наряду с социальными. Природа всегда оказывается лишь одной из множества причин. Так, перемещение сельди из Зундского пролива к берегам Норвегии превратило рыболовство в одну из основных отраслей экономики Голландии. Рыболовство помогло крошечной и бедной ресурсами стране участвовать и побеждать в капиталистической гонке европейских держав в Новое время. Миграцию сельди исследователи объясняют небольшим изменением температуры и солености Балтийского моря. Это подтверждено исследованием ледников Скандинавии. Но никакие естественные причины, конечно, не могут объяснить, почему именно голландцы сумели захватить этот промысел в свои руки. История неудачной колонизации Гренландии в Средние века обычно считается хрестоматийным примером влияния климата. Название этого острова, открытого викингами, означает «Зеленая страна». Мы знаем, что в наши дни Гренландия покрыта ледниками и что поселения выходцев из Скандинавии были эвакуированы отсюда в XIV–XV вв. Последние захоронения скандинавских колонистов в Гренландии археологи находят в вечной мерзлоте. Но эти захоронения пронизаны корнями кустарников, иными словами, в то время, когда они производились, остров еще оставался «Зеленой страной». Скандинавские колонии исчезли в силу причин, не сводящихся к оледенению острова, которое в его теперешнем виде, очевидно, связано с упомянутым похолоданием уже в Новое время. Итак, не гипотетические изменения климата, а капризы погоды и стихийные бедствия представляли настоящее испытание для средневековых обществ. Примером такой природной катастрофы может служить разлив р. Арно, в 1333 г. опустошивший Тоскану и разрушивший Флоренцию.

Сельское хозяйство и крестьянский труд составляли в Средние века основу общественного производства и благосостояния. Не стоит преуменьшать зажиточности крестьянина. Природа дает много – крестьянин знает, что урожай может быть больше или меньше или что его не будет вовсе, и он готов к этому. Но череда следующих друг за другом неурожайных лет ставила хозяйственную жизнь в безвыходное положение и обрекала на голодовки целые регионы. Тогда цены на продовольствие взлетали до небес, приходили голодная смерть и людоедство. Бургундский хронист XI в. Рауль Глабер описывает, как в один из таких страшных годов ребенка сминают со двора, показав ему яблоко, а затем съедают. Такую беду можно было только переждать. Незрелость рынка продовольствия и транспортных средств предоставляли голодающих самим себе. Самой уязвимой частью населения оказывались жители городов, зависящие от привозного хлеба и цен на них. Городские власти стремились зафиксировать цены на выпекаемый в городах хлеб. Но тогда городские хлебопеки за ту же цену продавали не увесистые буханки, а крохотные булочки. При скученности населения города становились первыми жертвами опустошительных эпидемий. Без массовой миграции из деревни средневековые города не могли бы существовать.

Послевоенная историография считала своей важной задачей открытие динамики развития средневековой экономики. Прежде всего это касалось главной производственной сферы Средних веков – сельского хозяйства. Такие исследователи, как Ж. Дюби, Сликер ван Бат и другие, в 60-е годы XX в. сформулировали концепцию роста сельскохозяйственного производства. Ее приверженцы стремились аргументировать тезис о постепенном росте урожайности на основе усовершенствования земледельческой техники. Одно время эта теория в нашей стране и за рубежом получила широкое признание, но затем подверглась разрушительной критике, которая справедливо указывала на два момента. Прежде всего, наши данные об урожайности в Средние века носят отрывочный и противоречивый характер. Значительный рост таких данных по отдельным регионам в Новое время обнаруживает, что она отнюдь не имеет тенденции к росту, а напротив, из-за засоления почв во многих местах систематически падает. Второй, более существенный упрек касается самого понимания традиционного аграрного быта. Идея роста производительности труда на основе технического прогресса применительно к средневековому земледелию является анахронизмом. От экономики древности и Средних веков нас отделяет промышленная революция XIX в., когда развитие техники, влекущее повышение производительности труда, становится мотором экономического роста. Хотя в истории земледелия доиндустриальной эпохи исследователи открывают значительную динамику, орудия труда земледельцев остаются примитивными и неизменными. «Контраст между примитивностью и неподвижностью орудий пахоты, с одной стороны, – пишет исследователь средневекового Ирана И.П. Петрушевский, – и развитыми приемами агротехники иранского земледельца и сравнительно сложными типами ирригационных сооружений, особенно подземных, с другой стороны, на первый взгляд кажется поразительным... Трактаты о земле-

делии подробно излагают правила ирригации и приемы агротехники в различных почвенных условиях, но специально не останавливаются на орудиях пахоты, упоминая о них лишь вскользь». Все то же самое может повторить историк средневекового Запада. Набор сельскохозяйственных орудий с древности оставался практически неизменным, и итальянский автор Пьетро Крешенци в своем обстоятельном изложении принципов агрокультуры не видит смысла их описывать.

Пожалуй, одну лишь борону можно назвать специфически средневековым земледельческим инструментом. В древности ее пускали в ход только для уничтожения травяного покрова. Начиная с X в. к боронованию прибегают ради выравнивания земли после посева и прикрытия семян во избежание их расхищения птицами. Другим существенным новшеством стало использование для жатвы хлебов взамен серпа косы-литовки (увеличивающей потери, но зато сулящей выигрыш в производительности труда), но оно относится в основном уже к Новому времени.

Одно время историки усматривали прогресс земледелия в переходе от сохи к плугу, сегодня же эта мысль кажется спорной. Выбор того или иного инструмента был обусловлен прежде всего естественными условиями. Для обработки легких, сухих, каменистых почв Средиземноморья, которые могут быть легко разрушены глубокой вспашкой, лучше подходила соха, более простое и древнее орудие, «корябающее» землю и симметрично отбрасывающее ее по обе стороны борозды. Такая пахота лучше всего предохраняет некоторые виды почв от выветривания. Переворачивающий почвенный слой благодаря специальному приспособлению – отвалу, плуг годился для тяжелых и переувлажненных почв, которые характерны для северной части Европы. В одном хозяйстве подчас имелись разные пахотные орудия для разных почв и разной вспашки. Распространение плуга связано с введением в хозяйственный оборот тех земель, которые сохой было не взять. Плуг заменял собой соху лишь в исключительных случаях. А на юге Китая прогресс земледелия достигался в XV в. вообще за счет перехода от плуга к мотыге, что многократно увеличивало трудозатраты, зато обеспечивало лучший уход земле и давало возможность прокормиться все возрастающему населению.

Мы должны признать действительно ключевым вопрос производственного освоения того или иного орудия, его внедрения в уникальную природную и агротехническую ситуацию. Обращение с инструментом, тем же плугом, – целая наука, где первостепенное значение имеет угол вспашки, ее глубина и тому подобные обстоятельства. Главные усовершенствования агротехники рождаются в повседневной практике многих поколений людей по мере накопления ими знаний о земле, медленной адаптации разных систем пахоты к разным почвам, опытов со способами ротации культур. Неизменность сельскохозяйственного инвентаря, очевидно, свидетельствует не о застое творческой мысли, а об особом отношении человека и орудия. Сам по себе рабочий инструмент до эпохи машин являлся своего рода искусственным продолжением способностей человеческого тела, служил энергии и мастерству земледельца или ремесленника. «На протяжении большей части истории человечества, – говорит М. Салинз, – труд был важнее, чем орудия, и решающее значение имели интеллектуальные усилия производителей, а не их несложное оснащение. Вся история труда вплоть до недавнего времени

была историей квалифицированного труда». До времени промышленной революции мастерство работника, его квалифицированный труд, а не усовершенствование его орудий служило главным источником роста общественного производства. С приходом машин отношение между человеком и орудием претерпело в современном мире существенное изменение. Действия машины предрешены ее механизмом. Работник обслуживает машину, но само действие производит именно она. Промышленная революция стала поворотным пунктом в истории труда и наложила отпечаток на представления о человеческой деятельности.

Агрикультура, знание, рождающееся из опыта и труда, – необозримый пласт культуры крестьянских обществ и их ценнейший багаж. Христианские пастыри сетуют на то, что крестьянам бывает не под силу заучить две–три простенькие молитвы, но в агрономических трактатах, написанных учеными людьми, эта крестьянская наука заполняет многие сотни страниц. Причем, авторы подобных сочинений отнюдь не ощущают своего превосходства над крестьянами, а напротив, чутки к их опыту. Крестьянская агрикультура не имела ученого двойника – агрономы впервые взялись отстаивать различие между ученой и народной культурой земледелия только в XVIII в., и только агротехническая революция века XIX сделала это разделение реальным. Английский агрономический трактат Уолтера Хэнли, составленный во второй половине XIII в., иллюстрирует процесс принятия и апробации агротехнических решений. Так, Хэнли подробно останавливается на выгодах и проигрышах от использования на пахоте быков и лошадей, двух- и трехпольного севооборотов и т.д. Такие размышления учат по-крестьянски думать и считать, набираться опыта, который, по большому счету, нельзя вынести из книг, потому что любой клочок поля особенный.

Агрикультура – это прежде всего наука о том, как сохранить ускользающее плодородие, найти замену тем компонентам почвы, которых она лишилась с последним урожаем. «Под агрикультурой понимают улучшение почвы», – писал в XII в. арабский агроном Ибн аль-Аввам. При нехватке удобрений плодородие приближалось к естественному. Как и во времена Колумеллы, на протяжении тысячелетия средняя урожайность зерновых, очевидно, составляла сам-4, причем наблюдались ее значительные колебания даже в пределах одного поля. Пахота, зачастую многократная, с разной технологией каждой пропашки, позволявшая возвращать в почву потерянный азот, являлась первым и главным способом ее рефертилизации. Ту же цель преследовали системы ротации, чередования посевов культурных растений, а также периодический отдых земли – оставление ее под паром.

Приверженцы современных экологических движений полемически противопоставляют потребительское и разрушительное отношение к природе, свойственное современным обществам, неким оптимальным отношениям между человеком и природой, которые, по их мнению, существовали в прошлом, например в Средние века. Это по меньшей мере опрометчивое обобщение. Но если мы будем иметь в виду и оценивать конкретные практики, например способы ведения сельского хозяйства в Средневековье и в наши дни, то, пожалуй, увидим некоторые весьма примечательные отличия. Традиционная агрикультура ориентирована на поддержание естественного плодородия почв. Лучшие или даже все удобрения до конца периода вносятся на

заведомо плохие земли на том основании, что «хорошие почвы меньше в них нуждаются» (Ибн Вафид, XI в.). С точки зрения современной агрономии, это крайне неразумно и означает расходование драгоценного ресурса впустую. Земледелец в Средние века от Испании до Китая учится использовать конкретную природную ситуацию, действуя в соответствии с концепцией агрокультуры, построенной на идее сохранения того, что есть. Землепользование подчинено правилу оптимальной средней производительности – щадящей пропорции между мерой разрушения почвенного слоя и выходом продукции. Такая хозяйственная философия отражает строй крестьянской экономики, стремящейся к самовоспроизведению на том же уровне, но кроме того, очевидно, отражает характер восприятия природы и своей трудовой деятельности применительно к ней.

Средневековые календари, изображающие двенадцать месяцев года в картинах сельского быта, рассказывают о том, каким могло видаться сельское хозяйство. В иконографии календарей мы встречаем, в общем, ограниченный набор сцен – это подрезка лозы, сбор и давка винограда, сев и жатва, обмолот хлебов, откорм желудями и забой свиней. Зато почти нет картин тягостных «подготовительных» операций, как то пахота, удобрение почв, расчистка нови. Агрокультура предстает своего рода собирательством, словно бы плоды земли рождаются сами собой. Крестьяне просто берут от природы хлеб, сено, виноград, мясо и овечью шерсть. Идея рождающей природы, кажется, заслоняет идею труда и производства как сознательного и целенаправленного преобразования среды. Это справедливо даже для Китая с его сложной ирригационной системой и высокотехнологичной культурой рисосеяния, когда, согласно поговорке, «рис половину времени растет в руке земледельца».

Чэнь Пу из «Книги Земледельца» XII в.

«Всякий, кто имеет свое занятие, должен трудиться в меру своих способностей. Он не должен впустую расходовать свои средства или требовать слишком многого. Ибо тогда в конце концов не получит ничего. В летописи “Цзочжуань” сказано: “Выгода получается из малого: беспорядок происходит от большого”. Так можно ли, занимаясь земледелием, не рассчитывать со всей тщательностью свои труды и расходы? Тот, кто тщательно рассчитывает свои силы и не полагается только на удачу, может достичь успеха. Пословица гласит: “Лучше собрать урожай с маленького поля, чем вспахать большую пустошь”. Вот правильные слова! В древности Пу Ци мог изготовить отличный лук и сразить одной стрелой сразу двух птиц. А причина его мастерства заключалась в том, что он с избытком обладал силой для того, чтобы как следует натянуть лук. Если бы лук был для него слишком тяжел, он не смог бы хорошо прицелиться. Так и мастерство заключается не в том, чтобы завладеть как можно большим полем, а в том, чтобы правильно сочетать свои средства и силы.

Мудрые правители древности умели собирать дары земли во все времена года. Они повелели, чтобы пять му земли отводились под приусадебный участок, а половину из них занимал полевой домик. На время пахоты и сева переселись в полевой домик, чтобы было удобнее надзирать за работами и доставлять нужные орудия работникам. Тогда же займись посадкой овощей. Вдоль

стен можно насадить тутовые деревья для выращивания шелкопряда. Так можно завести усадьбу в соответствии с правилами древних мудрецов.

Когда наступит девятый месяц, огород можно превратить в ток, где будут получать зерно нового урожая. В десятую луну, когда полевые работы закончатся, можно отдохнуть после трудов весны и лета. Теперь можно всей семьей переехать обратно в дом, ибо, если слишком долго оставаться на полях, дом может прийти в запустение».

Такое крестьянское взаимодействие с природой зримо отличается еще в одном существенном отношении. Это дело личное и семейное. Единицей хозяйственной деятельности выступает домохозяйство, хотя деревенская община может играть роль в хозяйственной жизни. Так, на равнинах северной части Европы со времени высокого Средневековья получили распространение так называемые открытые поля. Крестьянские участки располагались в них чересполосно и каждый год отводились под одну культуру с общими сроками сева и жатвы. После снятия урожая такая договоренность делала возможным общий выпас крестьянского скота по стерне. Совмещение на одних и тех же площадях зернового хозяйства и скотоводства вызывалось отсутствием в пределах территории общины необходимых угодий, истребленных в процессе активной внутренней колонизации. Пар заменял собой пастбище, а животные экскременты способствовали восстановлению плодородия почв. Сельские хозяева могли вступать в подобные формы хозяйственной кооперации, но во всем остальном полагались на себя. Помимо объективных трудовых навыков залогом эффективности агрикультуры выступала субъективная личная заинтересованность человека, работающего на себя, как условие его активного и осмысленного взаимодействия с природой. Неусыпный контроль над работниками – извечная и почти неразрешимая драма крупного поместья, которое в агротехническом и организационном плане с неизбежностью проигрывает крестьянской агрикультуре. «Асоциальность» сельского производителя, очевидно, сказывается в том, что западноевропейское средневековое общество отстраняется от крестьянского труда как низкого занятия, роняющего человеческое достоинство. Согласно распространенному мнению, земледельцы деградируют физически, интеллектуально и нравственно. Идеологические построения третируют агрикультуру в качестве знания и занятия одних низших классов. В памятнике середины XIII века «Поэме о версонских вилланах» само описание поместного быта нормандских крестьян превращается в инструмент их морального уничтожения, показа их негодности.

«Я не из тех, кто работает руками», – твердит в XIII в. поэт Рютбёф. Двусмысленное или враждебное отношение власть имущих или тех, кто хочет ими казаться, к труду и труженикам – это не просто или не только сословные предрассудки, а другая логика отношения к миру. Это не горизонт крестьянина с его идеологией слияния с природой, хождения по ее стопам, внимательным видением себя и своих физиологических потребностей как природного существа, живого и смертного биологического организма, зависящего от получения ресурсов. После исследований М.М. Бахтина мы хорошо чувствуем, в какой большой мере народная культура западного Средневековья сосредоточена на проблемах физиологии, удовлетворения естественных потребностей и прежде всего проблеме питания. Отношение к природе от-

личается на уровне общества. Перед обществом и его лидерами стоят свои задачи: обретение внутренней спаянности, самоутверждение в ряду других обществ. Расхождение официальной и народной культуры отлично видно на примере обрядов и праздников.

Можно обратить внимание на некоторые показательные моменты праздничной культуры Венеции. Карнавал в позднесредневековом городе стал главным народным праздником. Но к карнавалу в Венеции «отцами города» был придуман свой, «политический» сюжет. В основу сценария главного действия венецианского карнавала лег конфликт венецианцев с аквилейским патриархом. Праздник объясняло предание о том, как в XII в., вступившись за патриарха Градо, венецианцы победили патриарха Аквилеи. Победенный будто бы обязался платить Венеции ежегодно символическую дань – быка, дюжину свиней и триста булок хлеба. В Жирный четверг на Страстной неделе венецианцы устраивали себе карнавальное представление. В присутствии венецианского дожа и иностранных послов судья торжественно приговаривал к смерти быка и двенадцать свиней. Животных забивали на Пьяццетте, площади перед Дворцом дожей. Народ пускался пировать и веселиться, а дож и официальные лица отправлялись во Дворец, где в зале Сената они крушили дубинами деревянные модели замков, которые символизировали крепости аквилейского патриарха. Главный политический ритуал Венеции состоял в том, что венецианский дож женился на Адриатике. «На праздник Вознесения венецианский дож со своими венецианцами обручается с морем золотым кольцом. Это устраивается отчасти для забавы и развлечения, отчасти во исполнение некоего языческого обычая, по которому венецианцы приносят жертву Нептуну, отчасти чтобы показать, что они хозяева моря», – так в XIII в. записал новость хронист из Пармы Салимбене, уловив разные грани действа. Похожий ежегодный ритуал, приуроченный к открытию навигации, можно встретить во многих обществах, жизнь которых связана с морем. Он служит заклинанию моря от бурь и чтит его как могилу моряков. В Венеции к этому обряду оказалось привито нечто другое, а именно политическая идеология Венецианского государства. «Политизация» народных праздников означает перенесение события из сферы отношений с природой в сферу утверждения политических идентичностей.

ФЕНОМЕН ДОМА И СЕМЬИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Дом можно назвать общим феноменом в истории человечества. Остается только удивляться сходству описаний дома на протяжении тысячи лет Средних веков. «Под словом “дом” можно разумеать разное: дом как строение и дом как обитающих в нем. Когда говорится о доме как здании, говорят: “большой дом сделан”, “прекрасный дом”. Когда говорят об обитающих в доме, говорят: “добрый дом, благословит его Господь”, или – “дурной дом, пусть помилует его Бог”» (Августин, начало V в.). «Дом есть жилище одной семьи... С другой стороны, дом – это род, фамилия, супружество мужа и жены» (Исидор Севильский, начало VII в.). «О доме просто не скажешь. Ведь дом есть крыша над головой из камней и дерева для защиты человека от зноя

и ливней... Еще дом – это общность, построенная на личных отношениях» (Конрад Мегенбергский, середина XIV в.). В конце VI в. Григорий Турский рассказывает о некоем Андархии: путем махинации и подлога тот завладел имуществом Урса и явился в его дом, словно хозяин. Слуги подчинились ему против воли, а когда он заснул, заперли двери, обложили дом соломой и подожгли. (Современный читатель с изумлением узнает в этом сообщении историю, составившую сюжет повести А.С. Пушкина «Дубровский».)

Дом обладает постоянством и универсальностью, которые отличают его от других общественных институтов. Дом – особый мир на границе природы и общества. Дом есть «супружество мужа и жены», место соединения мужчины и женщины, их физической близости, рождения и воспитания детей и заботы о стариках. Он заключает в своих стенах такие важные моменты человеческой физиологии, как питание и сон. Когда возникает потребность выделить семью в качестве социальной и хозяйственной единицы из круга родственников, эти физиологические моменты понимаются определяющими. Так, в русской земельной статистике было воспринято крестьянское понимание дома как круга лиц, питающихся из одного горшка или за одним столом. Очаг, дающий тепло и пищу, «крыша над головой из камней и дерева для защиты человека от зноя и ливней» тоже не случайно выступают устойчивыми символическими обозначениями дома.

Домашняя трапеза представлялась матрицей социального устройства, и совместное вкушение пищи нередко выступало средством установления тесных человеческих отношений и выражением признания определенного порядка и принятия на себя определенных обязательств. Примером может служить понятие «гильдия». Это слово, обозначавшее торговые и ремесленные корпорации в Средние века, можно перевести как «пир, обед». Иными словами, члены корпорации определяются в качестве участников совместных застолий. Все остальное, включая общую хозяйственную деятельность и признание общего права, понято как следствие застолий. Английское слово *lord* («господин») происходит от древнеанглийского *hlāford*: *hlaf* значит «хлеб» (ср. англ. *loaf* – «буханка», «каравай»), и все слово восстанавливается как *hlāf-weard*, «страж хлебов». Слово *lady* («дама, хозяйка») по-древнеанглийски – *hlæf-dīge*, что значит «месящая хлеб». Таким образом, власть имущие в мире англосаксов выступают «кормильцами» для своих крестьян. Очевидно, здесь мы встречаем практики и представления, связанные с явлением дома, и стремление с их помощью «повторить» отношения, существующие в доме.

Дом как социальная общность складывается из отношений супругов, родителей и детей, хозяев и слуг, старших и младших. Старшие или старший несут ответственность за благополучие дома и обладают правами распоряжаться семейным имуществом, принуждать и наказывать младших членов семьи, чья дееспособность ограничена. Дом состоит из людей разной трудоспособности и предстает в виде потребительского союза, где люди получают ресурсы в зависимости не от своего трудового вклада, а от своего положения в доме. Дети, старики и нетрудоспособные участвуют в потреблении, которое приобретает форму совместных трапез. Эти отношения ярко иллюстрирует одно агиографическое предание, повествующее о религиозном подвижнике XIII в. Франциске Ассизском. Франциск жил отшельником

в итальянском местечке Сартеано. Чтобы перебороть в себе искушение вернуться к мирской жизни, он слепил семь снеговиков и сказал себе: «Гляди! Та, что побольше, – твоя жена. Эти четверо – два твоих сына и две дочки. Остальные двое – слуга и служанка, коих положено иметь. Поскорее дай им всем одежду, ибо они умирают от холода. Если же заботиться о них тебе в тягость, служи усердно одному Господу!» После этих слов святой подвижник со спокойной душой радостно возвратился в свою келью.

Дом мыслится собственным пространством семейной группы. Отсюда значение порога как символической границы дома, переступить которую может только гость с позволения хозяев. Публичные прерогативы, коллективные сервитуты, сеньориальная власть на пороге дома формально теряют силу. В Китае чиновникам запрещалось входить в частные дома без специальных полномочий. По сообщению норвежских Законов Фростатинга, напавшие на человека в его усадьбе могли быть убиты собравшимися соседями, причем этот обычай распространялся на конунга и его людей. Если в подобном злодеянии был повинен сам конунг, против него созывались жители всех восьми фюльков (округов). Если на чужой дом посягнул ярл – четырех фюльков. Против лендрмана собирались два фюлька. Принцип неприкосновенности жилища фиксируется законодательством всех стран Средневековья. Преступления, совершенные в чужом доме, всегда караются с особой строгостью.

В Европе и далеко за ее пределами дом устойчиво отождествляется с крепостью и нередко строится в виде нее. Замки и башни в Средние века стали узнаваемой чертой городского и сельского пейзажа. По словам одного английского паломника XII в., башни в Риме стояли так густо, как хлеб на полях. Еще около 1400 г. хронисты сообщают о «лесе башен» в районе старинных римских улиц Субура и Аргилет. Современные исследователи средневековых фортификационных сооружений охотно подчеркивают, как много в них показного или, лучше сказать, символического. По словам одного из них, Б. Фалипа, замки французской Оверни «скорее иллюстрируют замковое пространство, нежели действительно защищают его». Они лишены не только сколько-нибудь эффективной зоны обстрела, но и самих бойниц и галерей. По существу, это только грандиозные и дорогостоящие декорации. Сохранившаяся в Болонье башня Азинелли достигает в высоту почти ста метров, что нельзя объяснить никакой военной необходимостью. Эта постройка мало на что годится даже в роли наблюдательного пункта, поскольку с такой высоты город плохо виден из-за дымки, а его окрестности все равно заслоняют горы. Такие сооружения играют прежде всего важную символическую роль.

Жители Гента любили повторять, что имеют в жизни две опоры: «свои башни и своих родственников». Это красивое и запоминающееся выражение, но высказанная мысль вызывает удивление. Мы знаем Гент как крупнейший город и столицу средневековой Фландрии, один из важнейших центров текстильной промышленности и торговли своего времени. Общественное и имущественное положение его жителей, вероятно, связано с активной хозяйственной деятельностью и участием в общественной жизни. Надо заметить в приведенных словах противопоставление дома и общества как двух отдельных и антагонистических миров. Действительно, между домом и обществом существует трудно устранимое противоречие.

Это особенно хорошо видно на примере деревни Монтайю в графстве Фуа на юге Франции. В начале XIV в. распространившаяся здесь ересь была объектом обстоятельного инквизиционного расследования, ставшего источником наших сведений. Инквизиторы преследуют еретиков, но для самих жертв религиозных гонений все происходящее подчинено другой логике. В Монтайю дом значит все, и в глазах местных жителей есть то единственное, что действительно имеет значение. Домом именуют жилище и его обитателей, для совокупности которых нет другого названия. Отдельного понятия семьи не существует. Дом предстает источником власти – патриархальной власти домохозяина, подчинение которой обставлено почитанием личности ее носителя, обожаемой и подчас буквально боготворимой. Суть этой власти не меняется, если в отдельных случаях во главе дома становится женщина. Женщины подчинены мужчинам, но не в силу отвлеченного взгляда на соотносительную ценность мужской и женской природы. Отношения между полами, включая половое разделение труда и отношения власти и подчинения, вытекают из явления дома, являются вторичными и производными. Дом также является основой деревенской антопонимики. Переезжая к мужу, женщина берет его «фамилию». Но если молодая семья поселяется в доме жены, то их общим именем становится «фамилия» жены. Дом, мистическое и юридическое лицо, играет особую роль в деле обладания имуществом. Земля и угодья принадлежат дому. Дом навязывает своим обитателям этику стяжательства. Бездомные пастухи, уроженцы той же деревни, напротив, привержены идеалу бедности. Свои дома крестьяне считают отнюдь не одинаковыми. Дом всякий раз выступает неповторимой реальностью. У каждого дома в деревне есть своя «звезда и счастье». «Счастье» сохраняется в виде фрагментов ногтей и волос умершего домохозяина, посредством которых магическая жизненная сила переходит на других представителей дома. При этом сама по себе родовая память на удивление коротка. Дом занимает все мысли и чувства живых, заслоняя собой родовую принадлежность. Сохранение дома – высшая ценность и главный мотив действий обитателей деревни, живущих с ощущением постоянной угрозы разрушения своего дома. Дому приписывается мистическая сила предопределять взгляды и верования домашних. Дом – единица религиозной жизни в деревне. Ересь, которой привержена часть жителей, распространяется в Монтайю домами. Действия инквизиции ее жертвы воспринимают не столько как покушение на их собственную жизнь и свободу, сколько как агрессию, направленную против их домов. Дом не оставляет места ни для отдельно взятого индивида, ни для полноценной деревенской жизни и деревенской организации. Деревня кажется исследователю «архипелагом домов». Как трактовать эти данные? Естественно, они представляют частный и, видимо, особый случай. Монтайю – лучше всего известная средневековая деревня. Чтобы судить о других, нам зачастую не хватает источников. Мы узнаем жизнь деревни Монтайю в гибельный момент ее истории. Однако, сделав эти оговорки, надо согласиться с тем, что материалы Монтайю собирают в одну яркую и цельную картину черты дома, хорошо знакомые исследователям по другим средневековым текстам.

По выражению Норберта Элиаса, всякое общество предстает «обществом индивидов». Отношение дома и общества двусмысленны, потому что дом всегда реализует в себе свой собственный, независимый или автоном-

ный принцип. Из этого противостояния частной и общественной жизни есть два выхода, оба из которых не решают проблему разности этих сфер, а только минимизируют конфликт между ними. С одной стороны, общество стремится объявить дом своей «ячейкой», с другой – забыть о его существовании и иметь дело с отдельными индивидами. Первый путь в основном избирали общества Древности и Средних веков. Права и обязанности полноценных членов общества в них признаются за главами семейств, за кругом домохозяев. Но этот путь не свободен от недоразумений и компромиссов. Следование второму пути в большей мере устраивает современное общество, чьи иллюзии мешают видеть явление дома в прошлом и настоящем.

Мы знаем, что всякое право является общественным отношением. Например, применительно к правам собственности мы имеем то, что другие люди, следуя установленным в обществе правилам, признают нашим. Но эта бесспорная истина систематически заслоняется представлением о некоей прямой и самостоятельной связи между людьми и вещами. Дом в Средние века часто воспринимается и признается в роли самостоятельного источника прав и обязанностей лиц. В «Салической правде» франков рассмотрен случай, когда убийца не может заплатить положенный выкуп-вергельд. Тогда он должен собрать горсть земли из четырех углов своего дома, затем встать на пороге лицом внутрь и из такого положения левой рукой через плечи бросить землю на своего ближайшего родственника. Родственник получает его усадьбу, и вместе с ней к нему переходит обязанность уплаты вергельда. Похожая норвежская процедура отчуждения собственности предписывает «взять прах из четырех углов очага, из-под почетного сиденья и с того места, где пахотная земля встречается с лугом и где лесистый холм соприкасается с выгоном». Собранную таким способом землю кидают в полу одежды того, к кому переходит усадьба. Норвежские саги сообщают об «отнятии одаля», (родовых земель жителей Норвегии) конунгом Харальдом Прекрасноволосым. Подчинив страну своей власти, он якобы присвоил себе земли ее жителей, превратив их в своих арендаторов. Родовые земли у норвежских бондов никто не отнимал буквально. Мнимое «отнятие одаля» демонстрирует то, что установление верховной власти воспринимается как покушение на права домохозяйств. Известно, что королевская власть в Норвегии утверждается благодаря институту «вейцлы». Вейцла буквально значит «пир», который устраивали бонды для своего конунга, т.е. государство сначала устанавливается в форме отношений гостеприимства. Норвежский конунг и его представители приобретают положение лидеров общества походами «в гости». Материалы по истории германцев и Северной Европы показывают, как трудно развивается самостоятельная сфера политической власти, вынужденной мимикрировать под сферу частных и домашних отношений, выдавать одно за другое.

Принося удовлетворение простых человеческих потребностей, дом рождает определенный психологический настрой и круг представлений о мире. В германской мифологии создание мира рисуется процессом основания усадеб, а все обжитое пространство – их совокупностью. В образном смысле вся населенная и возделанная часть мироздания представляет собой одну большую усадьбу. Ее окружает первобытный хаос, в котором пребывает все, «что за оградой», враждебный человеку край чудовищ и великанов. Мир бо-

гов-асов – тоже усадьба Асгард. Доблестные воины после смерти пируют в расположенной там Вальгалле. Об этом говорится в «Видении Гюльви», одной из песней «Младшей Эдды». В мифе и социальной практике естественной отправной точкой жизни служит дом. В развитое Средневековье близкую картину мироздания рисуют рыцарские романы цикла о короле Артуре. Фешенебельный космос куртуазных ценностей исчерпывается в них рыцарскими замками, непосредственно за стенами которых торжествует хаос дикой и заведомо враждебной рыцарю стихии, способной рождать лишь драконов, великанов, карликов и прочую нечисть. Рыцарский подвиг фактически состоит в том, чтобы проехать от одного замка до другого.

Идея дома, важнейшего ценностного представления, обладающего структурирующей силой в различных областях жизни, сыграла существенную роль в складывании христианского общества. Христианская топика запечатлела библейскую традицию уподобления мира, общины верующих, церкви – дому Бога. Христианский Бог предстает в облики рачительного хозяина (*dominus*, «Господа»), добрые христиане – возлюбленных чад, послушных его благому велению (*fili*, *servi*, «сыновей» или «рабов божьих»). «Дом божий», подобно всякому иному дому, – сфера принадлежности, власти, долга и добродетелей. *Fides* и *pietas*, некогда основополагающие староримские добродетели, определявшие взаимоотношения внутри фамилии и между нею и богами, преобразуются в христианские «веру» и «благочестие».

По словам папы Григория Великого, ссылающегося на рассказ некоего визионера, рай – не что иное как прелестный зеленый луг, на котором располагаются дома праведников. Их возводят старые и малые, кого покойные при жизни поддерживали добрыми делами и милостыней. Другой визионер видел на упомянутом лугу дом одного знакомого сапожника, который строили по субботам. Дело в том, что по субботам тот сапожник обыкновенно раздавал нуждающимся еду и одежду. Путь на райский луг лежит по мосту, который переброшен через черную, смердящую клоаку, удушливые запахи от которой достигают домов, чьи хозяева грешили в мыслях. Пройти по нему настоящие грешники не в силах и низвергаются в зловонную жижу, где их и поджидают черти. Тема дома также присутствует в других средневековых описаниях райских куш – чаще всего рай мыслится как один большой дом. Такой райский дом, в частности, изображен на тимпане французской церкви Сент-Фуа в Конке.

Те же атрибуты дома – двускатная крыша, дверь, хозяйское место – симметрично приданы художником картине ада. В доме дьявола при этом царят насилие и хаос, тогда как в доме праведных – теплая атмосфера, благообразие и геометрически выверенный порядок правильно организованного пространства. Таким образом, моральное уничтожение самой преисподней совершается через противопоставление хорошего и дурного дома. Согласно проповеди другого знаменитого папы Иннокентия III, «всеобщий дом Божий» есть устройство мира, «частный дом» – святая церковь, «особенный дом» – чрево Девы Марии, «несравненный дом» – человеческая плоть Спасителя, «верхний дом» – небесное блаженство, «нижний» – храм Божий, «внутренний дом» – совесть каждого. О том, что есть «внешний дом божий», согласно Иннокентию III, возможны два мнения: это может быть либо Библия, либо дом как таковой.

Из этих примеров видно, как активно христианская церковь стремилась использовать элементы представлений о доме для построения церковного общества. Но также надо заметить и наличие противоречия. Идеология христианства ставит в одинаковое положение и приравнивает друг к другу всех верующих. Вопреки всем аналогиям, о которых шла речь, реальный дом не становится «ячейкой» церкви. Идея христианского равенства отдельно взятых личностей предвещает современное государство. Разве христианский пост, налагающий ограничения на питание и временно воспреещающий половую жизнь, не является беспрецедентным вторжением в сферу дома? Какое другое социальное учреждение предписывало, когда и что людям пристало есть и когда и с кем жить половой жизнью и заводить детей? С помощью поста и христианского брака церковь стремилась стать новой семьей всех христиан. Успехи на этом пути были, но преимущественно в позднее Средневековье и главным образом в среде знати. По некоторым данным о датах рождений представителей знати, в самом деле, можно сделать вывод о соблюдении обязательного полового воздержания во время поста.

Положение женщины лучше всего демонстрирует особое отношение дома и общества в Средние века. Женщин не избирали в городские советы. Цех кельнских шелкопрях являлся редчайшим исключением, ибо ремесленные и торговые корпорации в основном объединяли только мужчин. Отталкиваясь от подобных примеров, современный феминизм навязывает клише «угнетения женщин» в прошлом и настоящем и идею необходимости их эмансипации. Средние века изображаются в феминистской историографии временем тотального мужского господства, враждебности к женщине, отрицания в ней полноценной и равноправной человеческой личности. Эта картина продолжает современную идеологию общечеловеческого равенства. В наши дни гражданские права и обязанности распространяются на всех взрослых людей, и провозглашается равенство граждан, что достигается ценой отказа видеть и признавать особое социальное явление дома. Хотя на деле дом и семья продолжают играть самостоятельную общественную роль, которая часто вступает в противоречие с декларируемым принципом всеобщего равенства, она остается скрытой или неафишируемой. Средневековье не знало подобной идеологии и принимало дом, по выражению Августина, как «начало и элемент» общества и государства: человек входит в общество как член дома, и общество состоит из домов. По известному определению Отто Бруннера, дом выступает «базовой социальной структурой всех крестьянских и крестьянско-аристократических культур». Активное участие и первые роли в общественной жизни были правом и обязанностью мужчин. Основу и лучшую часть средневековых обществ составляли домохозяева, главы семейств.

При этом женщины могли быть реально причастны к решению ответственных политических вопросов, но их роль зачастую была неформальной. Так, английская исследовательница Дж. Нельсон отмечает, что в ранне-средневековом Франкском государстве не существовало института «власти королевы», сравнимого с официальным положением короля или епископа. Если тот и другой получают свои социальные роли вместе с должностью, то положение королевы напрямую зависит от ее собственной энергии и стечения обстоятельств. Другое дело, что неопределенность и неустойчивость

положения и одновременная близость к рычагам власти подталкивают многих франкских королей к выбору активной жизненной стратегии. Меньше чем кто бы то ни было королева в силах полагаться на выгоды от рутинного действия социальной системы, она получает от жизни столько, сколько добывается. Это случай королевы Фредегонды. В устных сказаниях франков Фредегонда стала примером хитрости и изворотливости как пути жизненного успеха. Франкская королева – всего лишь жена короля, другого отношения к власти формально она не имеет. Потому Фредегонде жизненно важно навязать образ королевского дома как режима оценки и действия. Забота о королевском доме становится формой ее участия в государственных делах.

Мужчина – глава семьи. Отношения между супругами можно описать в терминах власти и подчинения. Но с тем же основанием они могут быть описаны в терминах разделения труда и взаимодействия. Домашняя жизнь строилась, конечно, не на идее равенства в современном смысле слова. В ее основе лежал принцип взаимодополняемости, определявший ролевые функции мужа и жены, детей и слуг. В силу существующего разделения труда роль женщины в доме предельно велика. Обязанности мужчины лежат вне дома. Его место в поле или в кругу других мужчин. Миниатюристы XV в. решаются на примечательную реинтерпретацию одной из тем иконографии средневековых календарей. До этого времени месяц февраль обычно изображали в виде греющегося у очага мужчины. В действительности речь идет о давно позабытом сюжете древнего языческого праздника, который повторялся по традиции. В XV в. авторы книжных миниатюр почувствовали себя более свободными от изобразительного канона и переделали этот сюжет на понятный им лад. Им кажется логичным нарисовать в доме женщину с домашней работой в руках, детьми или прялкой, а мужчина показан работающим на улице. Домашнее заточение женщины не в последнюю очередь было продиктовано особым значением, какое придается ее плодовитости и ее целомудрию. Женское чрево – инструмент продолжения рода и депозитарий семейной чести, оскорбить которую можно одним взглядом. Скрывая женщин, стены дома призваны оградить семейную идентичность. При этом дом выглядит сферой, где многое решает женщина. В своей домашней жизни мужчина оказывается в фактической зависимости от женщины.

Литература Средневековья знает примеры убежденного антифеминизма. Таким примером может служить поэма автора второй половины XIV в. Эсташа Дешана «Зерцало брака». Поэт имел в виду всех женщин, но свою жену – в особенности. Он сравнивал вступление в брак с самоубийством, сумасшествием, рабством и тому подобными бедами. Еще более злой сатирой на женщин и институт брака являлся сборник новелл «Пятнадцать радостей брака», составленный на рубеже XIV–XV вв. В его живых рассказах доминирует мотив сети, в которую попадает муж. Жена, дети и прислуга заключают против него негласный союз и делают за его спиной что хотят. Смешные и поучительные французские народные рассказы «фаблио» описывают брак как соперничество мужа и жены за власть в доме. В одном из таких сочинений супружеская пара устраивает драку за обладание штанами. В защиту женщин выступает ученица Дешана Кристина Пизанская и называет

все обвинения клеветой. Но и она смотрит на узы брака критически. По ее словам, у многих женщин такие мужья, что им живется хуже, чем рабыням у сарацин. Эта полемика является производной от взаимодействия и соперничества мужчины и женщины в доме.

Если можно говорить о средневековом антифеминизме, то он также связан с явлением дома. Крупнейший теолог Фома Аквинский склонялся к идее равенства мужчины и женщины. Средние века были временем трубадуров, труверов, миннезингеров, воспевавших женщину и любовь. Благодаря им образ служения даме сердца стал стержневой идеей рыцарской культуры, пережившей эту эпоху. Любовь, о которой идет речь, – это любовь вне брака и не предполагающая брак в будущем. В отличие от Фомы Аквинского Конфуций и его последователи в Китае решительно отрицали равенство полов. Тем не менее китайская литература полна историй о том, как женщины завладевают домом, низводя мужей до положения своих послушных слуг. Навязчивые мужские страхи на противоположных концах Евразии явно похожи. Женщина самоутверждается как личность в данных ей обстоятельствах, не считая их тем, с чем надо бороться. Обязанность жен индийских воинов-раджпутов всходить на погребальный костер супруга для человека наших дней выглядят предельным случаем угнетения женщин. Но факт состоит в том, что те принимали свои обстоятельства с героизмом спартанок. Индийское предание повествует о том, как муж из любви к жене оставил поле боя, но жена не открыла ему двери. Когда во время I Крестового похода граф Блуа, заскучав о своей дорогой супруге, покинул войско крестоносцев, Адель Шампанская встретила его настолько холодно, что «дезертир» вынужден был вернуться в Святую землю, где вскоре погиб в бою.

Некоторые современные авторы попытались поставить вопрос о своеобразии положения детей в рассматриваемую эпоху. Французский историк Ф. Арьес считал, что к детям относились как к маленьким взрослым, не понимая или не принимая в расчет физических и психических особенностей ребенка. По мнению других исследователей, такое разделение и противопоставление средневекового и современного отношения к детству все же носит искусственный характер. В средневековых обществах дети считались неспособными позаботиться о себе и отвечать за свои поступки, и эти обязанности лежали на взрослых. У детей были свои детские имена, образованные при помощи уменьшительных суффиксов. Так, в Генте маленького Яна называли Аннекин, Лизбет – Беткин. Также сложились свои представления о совершеннолетию – стать взрослым означало не просто достичь определенных лет. По материалам того же Гента мы знаем, что детскими именами продолжали называть некоторых молодых людей, давно вышедших из детского возраста. Признание человека взрослым, видимо, было решением семьи. Скорее всего, молодой человек подвергался какому-то испытанию, доказывавшему его готовность к самостоятельной жизни. Для купеческого сына это могла быть пробная торговая операция. Во Флоренции, как в Древнем Риме, сыновья могли получить права юридического лица только в результате формального «освобождения» из-под власти отца по его воле. Франко Саккетти в одной из своих новелл предупреждает будущих родителей: «в пяти из шести случаев» дети «желают смерти отца, чтобы быть свободными». Латентный конфликт отцов и детей касался юридических прав и семейной собственности. Об от-

ношении к детям в Средние века мы должны повторить то, что сказали об отношении к женщине. Особенности положения детей вытекают из явления дома и домашней экономики – там и надо их искать.

ДОМ И ИСТОРИЯ

Является ли структура дома как социальной общности стабильной или она подвержена изменениям? До второй половины XX в., отвечая на этот вопрос, историки придерживались двух тезисов. Первый состоял в утверждении о переходе где-то в начале Средневековья от «большой семьи», обнимавший широкий круг родственников, к «малой семье», включавшей супругов и их малолетних детей. Вторым распространенным убеждением была мысль о последующей неизменности «малой семьи». Сам переход к ней понимался как окончательное «разложение» остатков первобытного «родового строя», некий закономерный исторический процесс внутреннего развития человеческих общностей.

Сегодня все это выглядит иначе. По имеющимся у нас данным «малая», или супружеская семья существовала с начала периода Средневековья, хотя наряду с ней иногда могли складываться большие семейные кланы, бравшие на себя часть ее функций. Эти кланы, похожие на то, что историки называли раньше «большими семьями», вовсе не являлись реликтами доисторического «родового строя». Они возникали в особых обстоятельствах для решения особых задач, которые ставили перед собой члены этих семейных кланов. Самые значительные примеры такого рода касаются истории знати и горожан. В Каролингской империи около 800 г. «имперская аристократия» существовала в форме супружеских семей и больше полагалась на свою близость к могущественной власти Каролингов, нежели на связи и солидарность в кругу своих родных; современные исследователи с трудом устанавливают их родство. Около 1000 г. во многих регионах Западной Европы политические структуры, унаследованные от эпохи Каролингов, в существенной мере подверглись разрушению. В образовавшийся политический вакуум хлынули новые люди, которым в борьбе за положение и власть оставалось рассчитывать только на себя и своих родственников. К. Шмид охарактеризовал возникновение родов немецкой знати в X–XI вв. как процесс, в ходе которого они смогли выделиться из рыхлых родственных групп, «объективируя» себя посредством понятий «дом», «родня». Ж. Дюби, исследовавший французский аристократический линияж, также относит его возникновение к рубежу X–XI вв. Замки и линияжи стали главными инструментами утверждения власти и независимости сеньоров. К числу функций, обобществленных аристократическими кланами, могло относиться совместное и нераздельное владение наследственным имуществом – патримонием. В средневековом Китае временами оказывалась востребована клановая система, объединяющая разветвленную сеть родственников, почитавших единого предка. Духовными центрами таких клановых общин становился храм предков, в котором хранились родословные книги. В провинциях Фудзянь и Гуаньжоу пришельцы с севера, оказавшиеся во враждебном окружении, образовали субэтнос *хаки*, проживали большими кланами в неприступных домах-башнях «*тулоу*», пер-

Круглые дома тулоу. Пров. Фуцзянь, Китай

воначально имевших квадратную форму, но впоследствии сменивших ее на более удобную круглую. Самые древние из сохранившихся до сих пор «тулоу» датируются XII–XIII вв. К этому же времени относятся древнейшие из сохранившихся боевых башен семейных кланов Северного Кавказа.

Примерно в это же время обширные родственные группы складываются в европейских городах. Интенсификация родственных связей в среде городского купечества и патрициата диктовалась стремлением поддержать свой высокий социальный статус в условиях острого политического соперничества в средневековом городе. Семейная солидарность и семейные кланы стали инструментом в этой борьбе. Их члены не обязательно проживали в одном доме, но строили свои жилища рядом, занимая целый городской квартал, и имели общие здания: укрепленные башни, места общих собраний, свои церкви. Новый тип флорентийского палаццо, представлявший собой правильный четырехгранник, облицованный рустом, возник в XV в. и служил архитектурной иллюстрацией семьи. Ранние палаццо Кватроченто включали в себя старые здания членов рода, которые просто соединялись общим фасадом. К такому типу построек относится палаццо Ручеллаи, который сооружался по проекту Альберти. Как пишет И.Е. Данилова, по сути это был целый квартал из восьми домов, накрытый общим архитектурным колпаком. Обособленный и замкнутый архитектурный объем вычленил семью из городского пространства, показывал ее как социальную единицу. Любопытно то, что фасад палаццо Ручеллаи так и остался неоконченным, потому что один из родственников отказался уступить свой дом под строительство семейного дворца.

Другой стороной клановой солидарности в средневековом городе была широкая кооперация родственников в торговой и ссудной деятельности. В городах Верхней Германии в позднее Средневековье таковы, например, знаменитые компании Фуггеров, Вельзеров и многие другие, в основе которых лежали договоры между близкими и дальними родственниками. Важно заметить, что широкие родственные объединения были совсем не характерны для большинства городского населения, исключенного из сферы политической жизни. Короче говоря, расширение или сужение дома – не моменты его «внутреннего развития», которое можно было бы сравнить с развитием некоей органической структуры. «Большая семья» – всегда жест по отношению к внешнему миру. Всегда существует латентное противоречие внутри семейного клана, между ним и входящими в него супружескими семьями.

Сказанные особенности домашней экономики и семейной жизни – те сферы, где самые разные общества оказываются неожиданно похожими. Они с трудом поддаются переделке и успешно противостоят любому внешнему культурному давлению, включая такие мощные силы, как христианство в Европе или конфуцианство в Китае. Конфуцианство могло признавать идеалом «большую семью». Но на деле и в Китае всегда преобладала «малая» супружеская семья.

История городов началась задолго до эпохи Средневековья и не завершилась с ее окончанием. Города Китая, Кореи, Индии, Средней Азии, Ирана, Ближнего Востока, Северной Африки, Балкан и Средиземноморской Европы ведут свое происхождение с глубокой древности. Тем не менее Средние века являются важной вехой в развитии города, так как это время очень активной урбанизации, охватывающей новые территории. Можно отметить, что практически все города Западной Европы возникли к концу Средневековья, и только на Севере и на Востоке этого региона города продолжали возникать после 1500 г. К концу средневекового периода урбанизационные процессы также охватили не затронутые прежде регионы Северной и Восточной Европы, Великую степь, земли к северу от Китая, Монголию и Японию. Отдельные территории Америки и Африки также знали города в этот период, но на их развитие и на сам процесс урбанизации сильное влияние впоследствии оказала европейская колониальная система.

Городу свойственна изменчивость: его размеры, численность населения, плотность застройки, место, занимаемое в иерархии существующей городской сети, да и сама степень урбанизации той или иной местности – все это величины переменные. К тому же, города очень разнообразны по своей форме, организации своих жителей и своим функциям в современном им обществе; все это весьма затрудняет краткую формулировку определения города.

ЭТАПЫ УРБАНИЗАЦИИ

Для Европы можно выделить несколько этапов урбанизации: сначала сокращение и замирание городской жизни в переходный период между Античностью и Средневековьем, затем мощный рост и развитие городов в X–XIII вв., и снова некоторый откат (общее сокращение числа горожан, исчезновение многих, особенно малых городов) после эпидемии Черной смерти. Особенностью европейской урбанизации являются малые города (до 90% от числа всех городов в Западной и Северной Европе). Одновременно с середины XIV в. нарастают кризисные явления в византийских городах, вызванные целым рядом факторов (монополизацией крупными землевладельцами внутренней торговли, привилегиями монастырей, политической дестабилизацией, деятельностью итальянских купцов).

В Азии сперва разворачиваются схожие тенденции: зафиксирован тот же упадок (а иногда и полное прекращение) городской жизни на рубеже перехода к Средним векам, но не наблюдается аналогичного спада в конце периода. Правда, урбанизация здесь идет медленнее и для нее в большей степени характерны крупные города (каких в современной им Европе насчитывались единицы). В периоды расцвета в таких городах, как Нанкин или Каир, по скромным оценкам, проживало по 450–470 тыс. людей, хотя некоторые историки говорят о миллионном населении. Кайфэн, Пекин, Виджаянагар

и многие другие перешагнули 300-тысячный рубеж, в то время как в Европе большими считались города с населением 9–10 тыс. человек, а очень крупными – с 20–40 тыс. человек. Крупнейшим городом Европы был Париж (около 250 тыс. в 1329 г.), хотя немало историков-урбанистов считают эту цифру завышенной, поскольку другие «мегаполисы» Запада (Милан, Венеция) почти вдвое уступали этой величине, а население Лондона едва достигало 50 тыс. Это не удивительно – здесь не имелось ни крупных государств с развитой централизованной налоговой системой, ни кочевых империй, способных сгонять в город десятки тысяч ремесленников, зато существовала исключительно плотная сеть мелких и средних городов, и поэтому средневековый Запад в целом, начиная с XII–XIII вв. был наиболее урбанизированным регионом мира. Урбанизация, как правило, является поступательным движением, и начиная с эпохи Средних веков даже спад городской жизни на той или иной территории в отдельные промежутки времени не приводил к полной дезурбанизации. Исключением можно считать лишь Эфиопию после аксумского периода.

Невозможно недооценить то наследство, которое Средневековье получило от предшествующей эпохи: ее опыт градостроительства, градообразования, городского управления и образа жизни. Наиболее показателен в этом отношении античный полис, а также во многом схожие с ним древние негреческие города эллинистического Востока, с традициями самоуправления, гражданской общины и городской земельной собственности.

С середины I тысячелетия до н.э. число городских поселений, а также урбанизированных территорий значительно увеличилось, что было связано с такими разными процессами, как финикийская и греческая колонизация, завоевания Александра Македонского (и связанный с ними процесс эллинизации), развитие и расширение Римского государства, образование империй (сначала Циньской, а затем и Ханьской) в Китае, державы Маурьев в Индии и др. Все эти политические процессы сопровождались ростом торговых связей, развитием товарно-денежных отношений, движением фискальных потоков, без которых не могли бы возникнуть и существовать города.

Переход от древности к Средневековью (хотя и был несколько разновременен для разных цивилизаций) сопровождался практически повсеместно, с той или иной степенью синхронности, упадком прежде существующего городского строя. Этот процесс протекал по-разному в зависимости от общеисторических процессов: сопровождался ли переход завоеванием, а вместе с ним и физическим разрушением городов и уничтожением городского населения, или носил иной, более постепенный характер. Но даже там, где сохранились древние города, они изменили свой облик.

Начало упадка городской жизни на некоторых территориях Римской империи относят уже к периоду Поздней империи (начиная с III в.). Правда, процесс этот отличался неоднозначностью, и, например, археологические данные позволяют говорить о значительном росте некоторых североафриканских городов в IV в., но в основе этого подъема городской жизни лежало не укрепление экономического положения городского населения или муниципальной организации в целом, а деятельность отдельных городских магистратов.

В раннее Средневековье еще сохранялось немало античных городов: в их числе Константинополь, Фессалоники и Коринф в Греции; Рим, Равенна, Милан, Флоренция, Болонья, Неаполь и Амальфи в Италии; Париж, Лион, Марсель и Арль во Франции; Кёльн, Майнц, Страсбург, Трир, Аугсбург, Вена в немецких землях; Лондон, Йорк, Честер и Глостер в Англии и др. Большинство античных полисов или колоний пережили упадок, их население и размеры как бы «ужались», а сами эти центры в значительной степени аграризировались. На первый план вышли их политические функции – административного центра, резиденции светского вельможи или епископа, укрепления (крепости). Однако эти города были все же (относительно деревень) густо населены, в них действовали рынки, проживали ремесленники и торговцы, работали таверны и постоянные дворы, имелись некоторые муниципальные службы, часто там располагались резиденции местных правителей, уполномоченных монархами. И хотя на античных площадях, некогда многолюдных, среди обломков статуй, храмов, терм и центрального рынка теперь нередко пасли овец, в целом эти города оставались особой структурой и сохраняли свою планировку. Отдельные города, особенно в Италии и Византии, а также по Рейну, служили крупными центрами посреднической торговли. Многие из сохранившихся античных городов не только составили основу для первых собственно средневековых городов, но и оказали мощное воздействие на развитие урбанизма по всей Европе.

Практически повсеместно упадок городов в этот переходный период связывается с натурализацией хозяйства, хотя необходимо отметить, что землевание всегда играло важнейшую роль в экономической жизни античных городов. Для многих из них (особенно небольших) преобладающей сферой производственной деятельности являлось сельское хозяйство. Между тем, натурализация не всегда приводила к полному замиранию городской жизни, но скорее к сокращению городского населения и площади городских поселений. Можно говорить об изменении функций городов, а также их хозяйственной деятельности. Большую роль играет самообеспечение (в условиях натурализации), что приводит к распаиванию части городской территории.

В результате завоеваний германцев, славян и других «варваров» на прострaнстве Римской империи, кочевников в Средней Азии и Северном Китае, эфталитов в Индии множество городов подверглись разграблению и разрушению, а связи между ними прервались. Большую роль могли сыграть и такие частные моменты, как, например, принятое конунгом вандалов Гейзерихом решение срыть в Северной Африке все городские стены, кроме карфагенских, что облегчило военные набеги берберских племен. Правда, последствия завоеваний были неравнозначны для разных слоев тамошнего городского населения: больше всего пострадали средние куриалы-землевладельцы и в меньшей степени – ремесленники, купцы и судовладельцы портовых городов.

Таким образом, упадок городов начинается с III в. в Китае, с IV–V вв. на землях Западной Римской империи, с IV–V вв. – в Средней Азии, с VI в. – в Индии, с VII в. – в Византии (кризисные явления проявляются с VI в.). Впрочем, не стоит преувеличивать значение этого упадка. На большей части территории империи (кроме Британии) римские *civitates* сохранились в раннее Средневековье, претерпев при этом значительную трансформацию. Экономические функции городов значительно снизились, наблюдается уход аристократии-землевладельцев (а с ними зачастую и светской администрации)

из городов. В этом отношении для Византии «роковым» оказался 366 г., начиная с которого налоги с территории собирали не курии городов, но сельские землевладельцы. Однако при этом возрастает роль городов в качестве крепостей (например, «кастрон» в Византии) и административных и ритуальных центров христианской церкви (епископские кафедры). В Хорезме, хотя и была разрушена древняя структурная система оазисов, торговые пути и отдельные пункты на них вдоль левого берега р. Амударьи продолжали функционировать. Но были территории, которые не испытали такого упадка городской активности. Так, в Иране трансформация во многом была связана с постепенной ликвидацией городского самоуправления в III–IV вв., с подчинением его государству, а не с затуханием городской жизни.

Таким образом, хотя Средневековье унаследовало от Древности некоторые города (преимущественно их топографию и постройки), но в целом городской строй оказался утерян. Исчезла вся городская (муниципальная) организация Античности. Там, где города не были уничтожены физически (Южный Китай, отдельные районы Средиземноморья), они претерпели значительную трансформацию. Поэтому правомерно мнение о разрыве между древними и средневековыми городами.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ ГОРОДОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Возрождение городской жизни началось с переустройства древних городов, поэтому в этом случае мы можем говорить лишь об ограниченной преемственности. Раньше всего этот процесс захватил Италию (уже с VIII в.). В то же время появилось значительное число новых городов, которые можно условно поделить на разные группы, в зависимости от их происхождения. Прежде всего, выделяются две общие группы – так называемые «основанные» города и «органические». Под последними подразумеваются те, которые образовались стихийно (органично), как правило, вокруг некоторого ядра, хотя определенное (даже молчаливое) согласие местных властей было, как представляется, необходимо.

Можно выделить целый ряд градообразующих ядер (или «центральных мест»): 1) административные центры (резиденции правителей, центры территориальных единиц); 2) крепости, замки, лагеря; 3) культовые центры (монастыри, крупные церкви или храмы, центры паломничества); 4) места пересечения важных дорог, броды, мосты, а также почтовые станции (в Японии); 5) порты, места для высадки; 6) места важных промыслов (соляные, горнорудные). В соответствии с таким изначальным ядром определялись и главные функции городского поселения на начальном этапе его существования. Позднее они могли трансформироваться или дополниться другими.

В раннее Средневековье наибольшую роль в процессе урбанизации играли административные центры. Многие города, или протогорода (исследователи не достигли единого мнения относительно статуса этих поселений), были обязаны своим происхождением именно ставкам/резиденциям правителей. Например, «столицы» династий раннесредневековой Японии (в долине Ямато) представляют собой городские или, возможно, предгородские посе-

ления японского типа, предшествующие появлению в стране городов китайского типа. Для обозначения этой территории в конце VI – начале VII в. уже использовалось слово «*вакё*», (японский город), где иероглиф «*кё*» (*мияко*) обозначал «город» в противоположность дворцу.

Похожая картина (особая роль резиденции правителя) наблюдается и в некоторых регионах Африки. Так, в Эфиопии загвейский период и начало правления Соломоновой династии (VIII–XIII вв.) считается временем, когда там отсутствовали города (хотя они известны в предшествующий, аксумский период). Это время называют «эрой лагерей», так как правитель не располагал собственной постоянной резиденцией-столицей и постоянно перемещался по стране. Появление столицы у эфиопского негуса относится только к концу XVI в.

Развитие городов, расположенных на важных дорогах, а также портов, было тесно связано, с одной стороны, с ростом торговли, особенно дальней, а с другой – с развитием транспорта. Как правило, расстояние между городами на дороге составляло один день пути, чтобы они выполняли функцию перевалочных пунктов. По мере развития транспорта увеличивалась скорость передвижения, а с ней отпадала необходимость в некоторых промежуточных городах, что могло привести к их упадку.

В добавление к этим потенциальным «ядрам» существовал также ряд факторов, которые способствовали процессу урбанизации. Прежде всего нужно отметить тесную связь между процессом образования государства и урбанизацией, нередко эти две линии совпадают по времени (Русь). Кроме того, города становятся центрами контроля над территорией, берут на себя административные функции по местному управлению. Таким образом, нарождающееся государство оказывается заинтересованным в градостроительстве и укреплении позиций городских поселений.

Соотношение между усилением власти монарха и развитием городов было далеко от однозначности. Союз королевской власти и уже существующих городов мог также играть важную роль в процессе образования единого государства, когда он был направлен против сепаратистских устремлений знати. В то же время города тоже заинтересованы в поддержке со стороны государства для отстаивания своей независимости от местных сеньоров, а также в установлении политической стабильности, способствовавшей развитию торговли, унификации и усилению внутригосударственных экономических связей (хотя этот процесс протекал очень медленно). Но за это городам приходилось платить немалую цену: растущее налоговое бремя, ограничение городской автономии, мелочная регламентация многих сторон городской жизни, иногда блокирование перспективных отраслей хозяйства путем введения государственных монополий на одни виды деятельности или запретов на другие (например, «морской запрет» в Китае).

Политическая раздробленность также способствовала как появлению новых городов в роли местных центров власти (Русь, итальянские и германские города, оазисы в Средней Азии), так и завоеванию городами автономии или даже независимости, что, как правило, благотворно сказывалось на их экономическом состоянии. Но раздробленность делала территорию более уязвимой, а слишком бурное развитие городов могло сильно затруднить

процессы централизации (как это произошло в Северной Италии, Рейнской Германии и Нидерландах).

Важным фактором урбанизации мог стать и процесс завоевания территории, когда вторгнувшаяся сторона строила и использовала города для удержания контроля над страной (например, английский король в Уэльсе и в Аквитании, испанские города во время Реконкисты и др.).

Колонизация (т.е. освоение новых земель), как внешняя, так и внутренняя, играла важную роль в деле урбанизации. По времени она совпадает с наиболее интенсивным этапом городского развития. Ярким примером тут являются германские города в славянских землях. В то же время одной из важнейших (и неизменных) функций города в Средние века являлась роль рыночного места (рынка) для сельскохозяйственной округи. Поэтому рыночная сеть увеличивалась, пока не достигала необходимого уровня обеспечения потребностей данной местности (чтобы любой крестьянин мог за один день добраться до рынка и вернуться назад). Существовало устойчивое представление о том, что вновь основанный рынок мог нанести ущерб уже существующим; иногда это законодательно регулировалось.

Несомненно, при основании новых городов наиболее важную роль играли правители, но активное участие в процессе урбанизации принимали не только они. В качестве основателей городов могли также выступить светские и духовные сеньоры, другие города.

Базовые функции города представляются следующими: 1) осуществление власти (администрация, резиденция); 2) снабжение или жизнеобеспечение (рынок), 3) обеспечение внешней безопасности – военная функция (особенно важная для восточного города из-за угрозы со стороны кочевой степи); 4) накопление, сохранение и передача знаний (школы, университеты); 5) организация производства; 6) роль культового центра. Это не значит, что все они представлены в каждом городе. Кроме того, возможны диспропорции в значении той или иной роли для города, т.е. одна играет роль главной, а остальные оказываются второстепенными. Однако трудно представить себе город, обладающий какой-то одной функцией. Необходимо также отметить, что многие из перечисленных функций могли быть присущи не только городам.

ПЛАНИРОВКА ГОРОДОВ

Топографически города обладают ярко выраженными особенностями, а именно – плотной застройкой, что более всего отличает их от остальных типов поселений. Тем не менее по своей форме они очень разнятся между собой, даже если находятся по соседству. Важными факторами оказываются особенности рельефа местности, история возникновения города, его функции. Считается, что европейское Средневековье не знало четкой схемы градостроительства, характерной для римского времени, хотя там, где города создавались целенаправленно, применялся регулярный план (например, при Эдуарде I в Англии – г. Нью-Уинчелси (Сассекс); «бастиды» в Аквитании; портовый город Эгморт, построенный при Людовике Святом, и др.). Регулярную планировку мог иметь и маленький городок, например английский Баттл, основанный одноименным монастырем и состоявший из одной улицы. Одна-

ко в Европе сознательное градостроительство и теоретические построения по данному вопросу (геометрические планы или концентрические круги) относятся только к эпохе Возрождения, когда вырабатывались проекты «идеального города».

Планировка европейского города

Административно-политический центр многих европейских городов представлял собою крепость – Вышгород (Верхний город), сите или кремль, обычно находившуюся на холме, островке или речной излучине. Там размещались дворы государя либо сеньора города и высших должностных лиц государства, резиденции епископа и некоторых вельмож, кафедральный собор, а также дома наиболее именитых горожан и подсобные службы. Подавляющее число горожан проживало в городском предместье – посаде, Нижнем городе, слободе, подоле, где самое видное место занимали ремесленники, торговцы и различные промысловики, причем лица одинаковых или смежных профессий обычно селились по соседству. На окраинах города размещались мельницы, необходимые для помола зерна, обогащения металлических руд, в сукноделии. Туда же города старались сселить тех ремесленников, которые работали с дурно пахнущими материалами: убойщиков скота и обдирателей кожи, кожемяк, мойщиков и чесальщиков шерсти. Из опасения пожаров горожане старались ставить на окраинах также кузницы и литейные мастерские.

В городе или в пригороде на удобных участках возвышались солидные, укрепленные здания и имения монастырей и господ. В центре городской жизни находилась площадь – главная в больших городах, единственная в мелких. Это было место основного городского торжища и, одновременно, его властный и религиозный центр: площадь окружали наиболее богатые здания и лавки, а также ратуша, где располагались органы городского самоуправления и суда, городской собор и дома самых видных жителей города. От площади разбегались улицы с лавками, мастерскими, церквями, жилыми и доходными домами, кабачками, постоялыми дворами и т.д. В большом городе могло быть несколько площадей со специализированными рынками: санным, дровяным, хлебным и другими.

В то же время в Китае придерживались норм градостроительства, выработанных еще в древности; в космогонических теориях сам Древний Китай находился в центре Вселенной и занимал территорию в форме квадрата, поэтому и города имели приближенную к нему форму, хотя особенности рельефа часто превращали его в прямоугольник. Необходимо отметить, что китайское градостроительство оказало значительное влияние на появившиеся позднее города Японии и Кореи. Арабы, как предполагают исследователи, перенимали римский опыт в планировке улиц (регламентированная застройка, ширина улиц в 40 локтей). Впрочем, зачастую они просто использовали завоеванный город без изменения его планировки. Основанные арабами новые города различались по своему типу: например, Басра с хаотической застройкой и Куфа с регламентированной по специальному распоряжению халифа. Для остальных же регионов, которые знали феномен урбанизации еще до Средних веков, влияние предшествующего периода сказывалось скорее в использовании уже существующих конструкций и планировок, но не в перенимании их опыта градостроительства.

Топографический анализ показывает, что большая часть средневековых городов обладает сложносоставной планировкой, которая складывалась по мере роста города, сочетая искусственную планировку (линейную с правильными или, скорее, единообразными углами) со спонтанно образовавшимися (часто кривыми) улочками. Кроме того, немало городов отличались полицентричностью, поскольку образовывались из расположенных рядом, разных по происхождению и функциям (часто дополняющим друг друга) поселений или даже прежних городов. При целенаправленном основании городов на новом месте предпочтение отдавалось квартальной планировке (сетке).

Граница территории города могла быть обозначена по-разному, но самым выразительным вариантом выступали стены. Правда, нужно отметить, что многие города ограничивались валами, палисадами или рвами. Известны (и нередки) случаи, когда границы города обозначались крестами, столбами или барьерами на дорогах, проходящих через город. Отсутствие стен могло быть связано с достаточной степенью безопасности в регионе (вхождение в состав сильного централизованного государства, например в Англии, Китае, Хорезме и др.) или с целенаправленной политикой власти (запрет иметь стену для городов, расположенных на территории современной Тувы, которые находились под властью завоевавших их монголов). Кроме того, некоторые правители оставляли за собой право на выдачу разрешения на строительство любых укреплений, в том числе стен, вокруг как городов, так и, например, монастырей. Необходимо также подчеркнуть, что поддержание городских стен в хорошем состоянии, а нередко и их сооружение, ложилось тяжелым бременем на горожан, и не все города были настолько состоятельны, чтобы позволить себе построить крепостную стену.

Наличие стены было связано с одной из важных функций города как убежища, крепости. Стены также означают наличие ворот (контроль над въездом и выездом из города, место взимания проездных пошлин и т.п.); кроме того, важность четкого обозначения границ города была связана с необходимостью отделить его от округи как территории с другой юрисдикцией. Любопытно, что у современников город ассоциировался именно с наличием стены, о чем свидетельствуют изображения городов на средневековых картах (например, *mappe mundi*) и городские гербы, хотя определенную роль тут играли представления о главном городе христианского мира – Иерусалиме. В Европе городская стена служила предметом особой гордости горожан, символом их места жительства, хотя его могла выражать ратуша или фонтаны (например в Италии).

Помимо стен важными элементами городской топографии также являются общественные сооружения – культовые здания (соборы, храмы, мечети, церкви и т.п.), рынок (в виде площади, просто открытого пространства или специального здания с аркадой), крепость как резиденция власти и/или ратуша, характерная для городов, имеющих самоуправление или, по крайней мере, организованную городскую общину.

Примечательно, что городам и Востока, и Запада свойственно тяготение рынков к культовым зданиям, расположение не только в непосредственной близости от них, но и зачастую прямо на территории последних (церковном дворе, в пределах монастыря и т.п.). Причем данная тенденция находила свое выражение в том, что рынки и ярмарки устраивались в дни важных ре-

Город Нюрнберг. Гравюра конца XV в.

лигиозных праздников, а также по воскресеньям в христианских землях и по пятницам – в мусульманских. Правда, некоторые христианские деятели выступали против такого положения вещей (недаром же Христос выгнал торговцев из храма) и пытались придать им законодательный характер: в XIII в. запрещалось устраивать воскресные торжища, предписывалось убрать рынки с церковных дворов и кладбищ.

Напротив, таких затруднений не знали мусульманские города. Ислам зародился в купеческой среде, и мусульманские законы и мораль стимулировали развитие рынков (базаров), допуская не только их тесное соседство с культовыми сооружениями, но даже объединяя их в одну инфраструктуру. Одной из распространенных форм благотворительных пожертвований в пользу мусульманской общины было строительство базаров. Буддийские храмы тоже активно вовлекались в торговлю, более того, владели городами и создавали их. 18% средневековых японских городов составляли прихрамовые города (*мондзэнмати*). Причем к их числу относились самые ранние города региона, в том числе Нара (Хэйдзёкё) и Удзиямада.

Важное отличие между западными и восточными городами состояло в том, что в первых, даже при наличии специального рыночного места, которое, правда, могло представлять собой центральную улицу города (что было очень характерно для малых городов), торговля часто велась прямо из окон мастерских, на примыкающих к ним улицах. По мере развития городской администрации и ужесточения контроля над торговлей в городе появляются запреты на такую торговлю (ее сложнее контролировать), но все равно она не исчезнет. Иначе обстояло дело в восточных городах. Там торговля не характерна для жилых кварталов и ограничивалась строго отведенной ей территорией (в Китае). Правда, исключение составляют арабские города, где

базар нередко занимал весь центр города и при этом имелись еще локальные рынки в кварталах.

Для раннесредневековых городов характерно наличие крепости и/или резиденции правителя (дворцового комплекса). Дворец либо находился в самой цитадели, либо, как в Средней Азии, в непосредственной близости от нее. Нестабильная обстановка могла привести к наличию не только укрепленной цитадели с дворцом правителя, но и к укрепленным усадьбам знати, проживающей в городе, как, например, в раннемонгольских городах (яркий пример – Хирхиринский город). Нечто подобное наблюдалось в итальянских городах XI–XIII вв., где дома и башни отдельных кланов представляли собой по сути крепости.

Улицы городов могли быть как широкими (например, влиянием римских и византийских планировок в арабских городах определяется фиксированная ширина в 40 локтей), так и узкими (достигая иногда ширины всего в ярд) что сильно затрудняло движение по такой улице не только повозок, но и людей. Городские дома отличались от деревенских своей компактностью, которая особенно усиливалась по мере роста города и невозможности расширения его базовой территории. Если в ранних городах существовали значительные незастроенные участки, обширные городские имения с садами, огородами и даже (хотя значительно реже) пастбищами, то затем происходило постоянное дробление участков. Строения зачастую тесно прилегают друг к другу, а фронтоны их практически всегда выходят на улицу. Правда, нужно отметить, что законодательное регулирование того, как должен выглядеть городской дом (общий вид улицы) появляется довольно поздно, в раннее Новое время, и характерно скорее для таких крупных городов, как Лондон.

Не имея возможности расти вширь, города активно росли вверх. Исключения тут составляют арабские города, хотя и не всегда. В Фустате (часть совр. Каира) в VII–VIII вв. встречались восьмиэтажные дома. Надстраивание этажей над уже возведенным зданием могло происходить позднее, и для увеличения площади верхние этажи выступали над нижними, сужая таким образом пространство и освещенность улицы. В арабских городах не рассматривался как преступление захват части улицы, расположенной непосредственно перед домом, в то время как, например, в Англии, где важные дороги считались собственностью короля, это расценивалось как нарушение прав Короны.

Важной топографической составляющей средневекового города (преимущественно крупного) был квартал. Это не только структурная единица внутренней планировки, но и принцип территориально-социальной организации населения. В восточных городах встречается система замкнутых улиц и кварталов. Каждый квартал образовывал свою собственную общину и к тому же служил частью административного деления города. Ввиду отсутствия агоры, площади и места общегородской концентрации социальной активности населения квартал на Востоке стал центром общественной деятельности. Правда, исследователи отмечают, что такие кварталы находились под управлением ставленников правителя и не могут считаться центрами муниципального самоуправления. Кварталы были известны и на Западе, преимущественно в достаточно крупных городах. Иногда они совпадали с

приходской организацией городских жителей, но довольно часто имели самостоятельное политическое значение: так, кварталы тосканских городов содержали собственные ополчения – гонфалоны, а пять новгородских «концов» собирали свои веча и обладали очень важными правами.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ВОЛЬНОСТИ ГОРОДОВ

Городское управление во многом определялось обстоятельствами возникновения города и на чьей земле он располагался. Между городом и государством (или, скорее, правителем как олицетворением государства) устанавливались сложные взаимоотношения. В Европе известны случаи, когда король поддерживал борьбу города против его непосредственного сеньора, укрепляя союз между городами и королевской властью. В то же время централизованное государство не было заинтересовано в самоуправляющихся городах, именно поэтому они отсутствовали на Востоке. В Иране Сасаниды практически сразу после создания своей державы принялись подавлять унаследованное от предыдущего периода городское самоуправление. Можно объяснить отсутствие широких прав самоуправления в городах Англии и Швеции именно наличием с раннего времени сильной королевской власти. Крайнее выражение независимость получила в автономных городах-государствах Италии, первоначально республиках. К такому типу общественной структуры относились также многие германские города (будущие имперские города).

Отсутствие политических амбиций у восточных городов или их жителей привело к тому, что там не сложились городские сословия. Этому также могли препятствовать местные порядки (касты в Индии). В Китае и Японии горожане (купцы и ремесленники) занимали в официальной иерархии низшее место по сравнению с «добрым человеком» – крестьянами, что не мешало богатым купцам играть порой важную роль в обществе.

Города-коммуны

Различия в методах и результатах коммунального движения зависели от конкретных условий. Отсутствие сильной центральной власти позволяло самым развитым, богатым и населенным городам добиваться наиболее полного объема возможных тогда свобод. Так, в Северной и Средней Италии и в Южной Франции уже в IX–XII вв. города достигали положения коммуны, там развились такие органы самоуправления, как консулы и сенат (названия которых заимствованы из античной традиции). В Италии коммуны сложились уже в XI в., и некоторые из них (Генуя, Флоренция, Венеция и ряд других) стали, как уже говорилось, городами-государствами и своего рода коллективными сеньорами: их политико-судебная власть распространялась на сельские поселения и мелкие города в радиусе десятков километров (область – «дистрикто»). Самостоятельной коммуной-республикой с XIII в. был далматинский Дубровник. Боярско-купеческими республиками с огромной подвластной территорией являлись Великий Новгород и Псков до конца XV в. (т.е. захвата и разорения их Московским государством), там власть князя ограничивалась выборным посадником и вече. Города-государства обычно имели олигархическую форму управления: во главе них

стояли советы из числа привилегированных горожан; но некоторые, например итальянские, со временем трансформировались в монархии и даже деспотии.

Несколько позднее, в XII в., стали коммунами некоторые города Северной Франции и Фландрии. В XIII в. городские советы образовались в городах Германии, Чехии и Скандинавии. Во Франции и Германии коммунальное движение приняло особенно острый характер в епископских городах; оно продолжалось иногда десятилетиями (например, в городе Лан) и даже столетиями (в Кёльне). В других странах Европы масштабы и острота коммунальной борьбы были меньше.

Города-коммуны имели выборных советников, мэров (бургомистров), других должностных лиц; свои городское право и суд, финансы, право самообложения и раскладки налогов; особое городское держание; воинское ополчение; право объявлять войну, заключать мир, вступать в дипломатические сношения. Обязательства города-коммуны в отношении его сеньора сводились к небольшому ежегодному взносу. Сходное положение в XII–XIII вв. заняли в Германии наиболее значительные из так называемых имперских городов (подчиненных непосредственно императору), которые фактически стали городскими республиками (Любек, Гамбург, Бремен, Нюрнберг, Аугсбург, Магдебург, Франкфурт-на-Майне и др.).

Общественная структура в виде города-государства была весьма характерна для отдельных регионов Азии (Индостан, Юго-Восточная Азия) и цивилизаций Африки и Америки. Правда, все они отличались от европейских собратьев тем, что находились под властью местного правителя. Причины же, почему все государство имело только один город или состояло из одного города с округой, могли быть разными, как политическими, так и экономическими.

Города-государства

Место города во многих локальных цивилизациях нередко было определяющим. Это касалось всех патриархальных эпох, в том числе Средневековья. Речь идет о городе-государстве, когда собственно государство состояло из центра в виде относительно крупного местного мегаполиса, часто в сопровождении более или менее значительных городов и всегда с окружающими их сельскими поселениями. Такая структура общества была особенно характерна для времени «малых королевств», т.е. для раннего Средневековья – до образования объединенных государств, а в развитое Средневековье – для периода политической раздробленности. Но, например, на Апеннинском п-ове такая структура общества сохранялась на протяжении всего периода, когда будущая Италия представляла из себя конгломерат автономных городов-государств, первоначально республик, позднее – от олигархических республик до Синьорий. К такому типу общественной структуры относились также многие германские и восточнославянские земли, где отдельные государства, формально политически объединенные (в первом случае империей, во втором – властью Киева), на практике представляли собой отдельные соперничающие княжества, каждое из которых имело в центре относительно крупный город. Следы такой организации сохранялись на Руси до конца XV в., во Франции (и не только там) – вплоть до эпохи абсолютизма, хотя бы в виде территориальных образований с главным городом и наследственной центральной властью.

Государства средневековой Америки, пожалуй, наименее изучены медиевистами. Сегодня, благодаря археологам, известно, что они отличались высоким уровнем инженерного искусства, развитыми ремеслами, важными торговыми

связями и большими богатствами, но были слабо урбанизированы; почти в каждом из них вся власть, опиравшаяся на капища и могущественных жрецов, как и ремесло, торговые и прочие внешние связи – всё было сосредоточено в крупном, часто единственном городе-столице. Государство ацтеков в центральной части Америки восходит примерно к IV в. и погибло через тысячу с лишним лет под ударами европейских завоевателей; к тому времени оно прошло путь от города, возведенного на болоте, до империи, которая занимала территорию между побережьями двух океанов, а ее город-столица был населен сотнями тысяч жителей и получал дань с соседних городов-государств. Обширная империя инков (истоки ее – в XII в., в племени индейцев кечуа, на юго-востоке совр. Перу) с ее горной столицей Куско, погибла от нападения испанцев и занесенной ими оспы в первой четверти XVI в. Трудно судить о том, какой была бы судьба этих городов-империй, если бы не вторжение европейцев.

И в Африке в весьма разнообразных природных условиях господствовала система города-государства, в целом достаточно традиционная. Главные города опирались там на города-вассалы; хозяйственная жизнь основывалась на высоко-развитой караванной торговле (золото, соль др.), имелось много ремесленников. Прежде всего это относится к арабизированной Северо-Западной и Западной Африке, где выросли монархии, торговые связи которых простирались через Сахару до Британии. Это, в частности, царство Гао (народа сонгаи), на среднем течении р. Нигер, с известным городом Томбукту; империя Гана (народа сонинке), со столицей Кумби, где было до 20 тыс. жителей; государство Мали, основанное союзом племен мандинго) (см. с. 771–773). Средневековые города-государства в Африке (как и в Азии, и в Америке) чаще всего были деспотиями. Несомненно, что их города являлись носителями динамичного начала. Но несмотря на высоко развитую там культурную жизнь, особенно в рамках арабской цивилизации, их путь в конечном счете оказывался тупиковым; такие общества в целом постепенно теряли перспективы выхода из средневековой ограниченности и в конце концов погибали от разных причин, в том числе от завоеваний.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ: СВЯЗИ И РАЗЛИЧИЯ

Город в Средние века всегда противопоставляется деревне. Характер их взаимоотношений меняется и зависит во многом от конкретных обстоятельств. Античный полис был неразрывно связан со своей сельской округой и составлял с ней единое целое. Совсем иначе обстояли дела в Средние века. Город оказывается отделен от сельской местности, даже если в нем самом и имелись какие-то поля, даже если горожане и владели землей или сами занимались сельским хозяйством, разбивали огороды и сады (в пределах города или за стенами). Существовала всеобщая уверенность в том, что город имеет четкие границы (не обязательно совпадавшие с городскими стенами). Город жил по своим законам и порядкам, зачастую отличным от деревенских или даже от общегосударственных, обладая собственным правом. Наличие правовой обособленности от остальной территории Макс Вебер считал главной отличительной чертой западного города от восточного.

Городское право в Европе

Важную роль играла выработка городского права, которое соответствовало не только общему средневековому правопорядку, но и условиям тогдашней городской жизни. Обычно оно включало регулирование торговли и ремесла, мореплавания и землепользования, положения внутригородских корпораций и раз-

дела о правах разных слоев горожан (имущественных, деловых и личных), об условиях найма, кредита и аренды, о городском управлении и судопроизводстве, ополчении и бытовых распорядках. При этом города как бы обменивались правовым опытом, заимствуя его друг у друга, подчас из других стран. Так, Магдебургское право действовало не только в Ростке, Висмаре, Штральзунде и других городах своей зоны, но и было принято скандинавскими, прибалтийскими, чешскими, а отчасти и польскими городами.

В странах с относительно сильной центральной властью даже наиболее значительные и богатые города, не могли добиться права коммуны; хотя они имели выборные органы, их деятельность контролировалась чиновниками короля, реже иного важного сеньора. Город платил регулярные городские и нередко экстраординарные государственные подати. В таком положении находились многие города Франции (Париж, Орлеан, Бурж и др.), Англии (Лондон, Линкольн, Йорк, Оксфорд, Кембридж и др.), Германии (кроме имперских), Чехии (Прага, Брно) и Венгрии, королевские и панские города Польши, города Дании, Швеции, Норвегии, а также Каталонии (Барселона), Кастилии и Леона, Ирландии, большинство русских городов. Наиболее полные свободы таких городов включали лишь отдельные привилегии, например отмену произвольных налогов, ограничений в наследовании имущества, свой суд и самоуправление, экономические привилегии, иногда обладали суммой некоторых из них. Под контролем государственных и столичных чиновников находились города Византии; они не добились широкого самоуправления, хотя и имели собственные курии.

Вольности городов сохраняли характерную феодальную форму привилегий и приобретались в индивидуальном порядке, что было типично для системы средневековых привилегий в целом. Масштабы распространения городских свобод сильно варьировали. В большинстве стран Европы не было городов-республик и коммун. Многие мелкие и средние города по всему континенту не получали привилегий, не имели самоуправления. В Восточной Европе вообще не развилось коммунальное движение, города Руси, за исключением Новгородской и Псковской республик, не знали городского права. Большинство европейских городов в течение развитого Средневековья получили лишь частичные привилегии. А многие города, не имевшие сил и средств для борьбы со своими сеньорами, оставались под их полной властью: княжеские города южной Италии, епископские города некоторых немецких земель и др. И все-таки даже ограниченные привилегии благоприятствовали развитию городов.

Важнейшим общим результатом коммунального движения в Европе оказалось освобождение жителей множества городов от личной зависимости. Установилось правило, что убежавший в город крестьянин становился свободным, прожив там «год и день» (иногда год и шесть недель): «городской воздух делает свободным», — гласила средневековая пословица. Однако и этот прекрасный обычай не был универсальным. Он вообще не действовал в ряде стран — в Византии и на Руси. Итальянский город-коммуна охотно освобождал крестьян-беглецов из чужих дистретто, но вилланы и колонны из собственного дистретто этого города освобождались лишь через 5–10 лет городской жизни, а сервы не получили волю вовсе.

Городская юрисдикция повсюду распространялась на пригород (субурбий, контадо и т.д.); нередко право юрисдикции в отношении одной или даже десятков окружающих деревень постепенно выкупалось городом у соседа-феодала. Именно таким образом сами города, особенно в Италии, в конце концов стали своего рода коллективными сеньорами.

И на Западе, и на Востоке горожане по большей части отличались от сельских жителей не только своей деятельностью, но и культурным уровнем, кругозором, особым жизненным ритмом. Конечно, более ярко эти отличия проявлялись в крупных городах с высокой концентрацией населения, плотной застройкой, где чаще всего сосредотачивались административные функции. Однако между городом и деревней шел активный обмен товарами и людьми. Крестьяне привозили туда сельскохозяйственную продукцию на продажу (в основном подсобное хозяйство самих горожан предназначалось для самообеспечения, а не для продажи, если не считать некоторых европейских городов винодельческой зоны) и покупали продукцию ремесленников, не имевшуюся в деревне, где в основном сохранялись ремесленники базовых профессий, да и сами крестьяне могли заниматься на досуге ремеслом. Несмотря на свои стены, реальные или воображаемые, город остается неразрывно связанным с деревней. «Закрытость» средневекового города (о которой писал Ф. Бродель) заключалась скорее в грани, отделяющей горожанина от крестьянина, и в существовании определенных условий, определяющих переход из одной категории в другую. Даже если функционально город не является в первую очередь центром местной торговли (другие функции – пункт транзитной торговли, специализация в дальней торговле, портовая функция, административная и др.), он все равно во многом зависит в своем снабжении продуктами и сырьем от сельской округи. Как правило, сами города не располагают таким количеством земли, чтобы полностью обеспечивать свои потребности в продуктах питания и сырье для своих производств.

Городское население отличается своим более пестрым по сравнению с деревней составом как в социальном, так и этническом плане. Что касается первого обстоятельства, то в городе представлены все слои средневекового общества. При этом можно выделить некоторые региональные различия. На Востоке в городах весьма часто селились местные землевладельцы, а кроме того немало чиновников. Также наблюдается значительное присутствие иноэтничных элементов именно в городах; немцы в славянских городах от Сербии до Польши, а также в Венгрии, Трансильвании и Валахии; армяне в городах Закавказья, Малой Азии и той же Валахии; арабы в китайском Гуаньчжоу и китайцы в городах Юго-Восточной Азии. Преимущественно в городах расселялись евреи в Европе, что со временем приведет к образованию гетто.

Города пополняли число своих жителей в большей степени за счет иммиграции (из деревни и других городов), чем путем естественного прироста населения. Последнее было незначительно из-за высокого уровня смертности в городах, вызванного большой концентрацией людей, низким уровнем санитарии и быстрым распространением болезней, подверженностью эпидемиям. Новоприбывшие могли привнести в город новые силы и идеи, но в то же время с ними приходили и сложности расселения, социальной дифференциации, включения их в сложившуюся в городе социальную, экономическую и политическую систему, а также сохранения порядка, что требовало от местных властей значительного напряжения сил.

Помимо географической мобильности необходимо также отметить и социальную подвижность. Города привлекали амбициозных людей, даже статус самих рядовых горожан превышал статус крестьян, особенно зависимых. В Европе переселение в город, как уже сказано, зачастую ассоциировалось с получением свободы, хотя одного факта переселения было недостаточно для ее достижения, условия варьировались от города к городу. Можно только отметить, что со временем наметилась тенденция, которая все больше усложняла доступ в городскую общину, в число полноценных граждан города (полный доступ к городским привилегиям), делая картину населения еще более пестрой.

Тем не менее представление о городе как о месте больших возможностей существовало уже в Средние века. Это – рабочие места, благодаря большому разнообразию профессий, большая свобода идей и поведения. Но в то же время город также означает и больший риск, где присутствует высокий уровень смертности, более значительная экономическая и политическая нестабильность, угроза нищеты.

Города как концентрат общества отражают все его явления, которые с учетом более высокой плотности населения носят более интенсивный характер. Поэтому горожане оказываются более подверженными влиянию новых идей, составляют благодатную почву для образования сект и еретических учений. Средневековые проповедники это прекрасно осознавали, не случайно именно на города нацеливались в своей миссии нищенствующие ордена. Тут можно обнаружить сразу несколько причин: большая греховность и концентрация жителей, а значит возможность получить щедрую милостыню, пестрота населения, а также пример, который город подает деревне. Многие радикальные проповедники, ратующие за возвращение к идеалам бедности, происходили из городской среды (например, Франциск Ассизский или Петр Вальдо). Еще в большей степени это характерно для исламских регионов, так как ислам возник как городская религия и в первую очередь оставался таковой. Известно, что каган тюркешей отказался принять ислам, ответив послу халифа, что среди его воинов «нет ни цирюльников, ни торговцев, ни портных; если они будут следовать предписаниям ислама – то откуда же они добудут средства к жизни!» В странах Магриба долгое время существовало две отдельные исламские традиции: городская основывалась на изучении религиозных текстов, занятиях наукой и философией, вторая, «народная», «сельская», была в основном связана с почитанием мусульманских святых и мистицизмом.

Одновременно, более пристальное внимание властей к городам оборачивалось нашей лучшей осведомленностью о городских движениях, чем о сельских. Мир деревни был полон всяческих суеверий и еретических воззрений, но в Европе они выйдут на первый план и окажутся в поле зрения церкви только в эпоху Реформации и Католической реформы. Помимо религиозных смут горожане часто выступали с социальным протестом, участвовали в более широких движениях, присоединяясь к крестьянам.

Во всех регионах мира города являлись прежде всего культурными центрами: там достигалась большая концентрация грамотных людей – это купцы и ремесленники, в силу потребности своей профессии, а также люди связанные с администрацией правителей. Кроме того, в городах имелись школы, и

именно там возникнут первые университеты. Христианские, буддистские, даосские или иные монастыри нередко выступали интеллектуальной альтернативой городам. Но при всей их замкнутости в своем мире и стремлении ограничить свои функции преимущественно духовной сферой, монастыри оказываются достаточно тесно связаны с городами, то укрывая городские поселения под защитой своих привилегий, то воспринимая городской образ жизни и успешно интегрируясь в городское пространство. В целом для средневековой городской культуры характерно все большее обмирщение, усиление в ней светского компонента. Городские жители обладают большим кругозором, познавая мир через торговые связи и приезжих людей. В городах (тут Восток и Запад едины) складывается своя культура: свои литературные жанры и архитектура, которые динамично развиваются.

Итак, город был важной и неотъемлемой общественной структурой средневекового мира. Его особенность заключалась в том, что он представлял собой общественный концентрат, сгусток информации, место перераспределения и потребления прибавочного продукта. Открытость внешнему миру и способность воспринять новое обусловили динамическое развитие города, его постоянную трансформацию, и способность к инновациям.

ВАРВАРЫ И ИМПЕРИИ

КОЧЕВНИКИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ И ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Условной границей между Древностью и Средневековьем стала так называемая эпоха Великого переселения народов. Применительно к Европе о ней принято говорить в связи с нашествиями на Римскую империю варварских племен германцев, готов и гуннов. Для стран Востока этот период проявился в нашествиях эфталитов на Среднюю Азию и Индию и кочевых народов на Северный Китай. Заканчивается он передвижением славянских народов и миграцией аваров (жужаней) в VI–VII вв.

Не будет преувеличением сказать, что пик Великого переселения народов пришелся в этом регионе мира на походы гуннов. Но появление этих неведомых племен в Европе IV в. имело свою длительную предысторию, связанную с народом хунну, или сюнну. Хронологически их история принадлежит еще Древнему миру, однако созданный ими тип государственного образования послужит матрицей для всех последующих средневековых кочевых держав и поэтому заслуживает особого внимания.

РАСЦВЕТ И РАСПАД ХУННСКОЙ ИМПЕРИИ

На рубеже III–II вв. до н.э. хунну создали первую степную империю, которая объединила многие этносы Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. В течение двух с половиной веков продолжалось драматическое противостояние между хунну и южным соседом – Ханьским Китаем. В конце I в. н.э. хуннская эра во Внутренней Азии закончилась, но с этого времени начинается новый этап их истории – гуннская экспансия на Запад и их опустошительные завоевания в Старом Свете.

Знаменитый трактат китайского историка Сыма Цяня «Ши цзи» («Исторические записки») описывает экономику хуннского общества: «Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, а из редкого скота – верблюдов, ослов, мулов, катиров, тоту и тани (речь идет о редких породах лошадей). В поисках воды и травы [они] переходят с места на место, и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли... Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из луков стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц

и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками. По существующим среди них обычаям, в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений». Китайский евнух Чжунхан Юэ, иммигрант, сделавший карьеру при втором правителе Хуннской державы дополняет описание Сыма Цяня новыми сведениями: «По обычаям сюнну народ ест мясо домашнего скота, пьет его молоко, одевается в его кожи; скот же питается травой и пьет воду, переходя в зависимости от сезона с места на место».

Как и почему возникла Хуннская держава, ведь с экологической точки зрения кочевники не нуждались в централизованной надплеменной организации? Выдающийся американский антрополог и географ О. Латтимор, сам долго проживший среди скотоводов Монголии, подметил, что кочевник вполне может обойтись только продуктами своего стада животных, но чистый кочевник всегда останется бедным. Для более качественной жизниномадам необходима пища земледельцев, они нуждались в изделиях ремесленников, шелке, в оружии, в изысканных украшениях для своих вождей, их жен и наложниц. Все это можно было получать двумя способами: войной и мирной торговлей. Когда кочевники чувствовали свое превосходство, то без раздумий садились на своих коней и отправлялись в набег. Но когда соседом оказывалось могущественное государство, то скотоводы предпочитали вести с ним мирную торговлю. Однако нередко правительства оседлых государств препятствовали такой торговле, так как она выходила из-под государственного контроля. И тогда кочевникам приходилось отстаивать право на торговлю вооруженным путем. Именно поэтому первая степная империя возникла как раз в то время, когда на среднекитайской равнине после длительного периода «враждующих царств» возникло первое общекитайское централизованное государство – империя Цинь, а затем Хань.

Во главе хуннского общества находился *шаньюй*. В официальных документах периода расцвета Хуннской империи шаньюй именовался не иначе как «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну». Его власть, как и власть правителей других степных империй Евразии, основывалась не на внутренних, а на внешних источниках. Шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен-членов «имперской конфедерации». Далее, используя угрозы набегов, он вымогал у Хань «подарки» (для раздачи родственникам, вождям племени и дружине) и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных). В делах же внутренних он обладал гораздо меньшими полномочиями. Большинство политических решений на местном уровне принималось племенными вождями.

Поскольку статус правителя степной империи зависел, с одной стороны, от возможности обеспечивать дарами и благами своих подданных и, с другой – от военной мощи державы, чтобы совершать набеги и вымогать «подарки», то причина постоянных требований шаньюя об увеличении подношений заключалась не в его личной алчности (как склонны были считать китайцы), а в необходимости поддерживать стабильность военно-политической структуры. Самое большое оскорбление, которое мог заслужить степ-

ной правитель, это обвинение в скупости. Поэтому для шаньюев военные трофеи, подарки ханьских императоров и международная торговля являлись основными источниками политической власти в степи.

Шаньюй имел многочисленных родственников, которые относились к его «царскому» роду, – братьев и племянников, жен, принцев и принцесс и т.д. Следующую ступень занимали представители других знатных кланов, племенные вожди и служилая знать. Далее располагалась самая массовая социальная группа общества – простые скотоводы. В письменных источниках отсутствуют сведения относительно различных категорий бедных и неполноправных лиц, занимавшихся скотоводством у хунну. Также неизвестно, насколько у них были распространены рабовладельческие отношения, хотя источники буквально пестрят данными об угоне номадами в плен земледельческого населения. Скорее всего, подавляющее число военнопленных у хунну занималось земледелием и ремеслом в специально созданных для этого поселениях, где жили также и многочисленные перебежчики.

Археологические данные дополняют сведения летописей. Чем выше статус индивида, тем солиднее затраты на сооружение погребальной конструкции, большей пышностью отличался опущенный с ним в могилу инвентарь. В живописном таежном Хэнтэе в Монголии, где открыты всемирно известные Ноин-Улинские захоронения, и в Ильмовой пади на юге Бурятии расположены монументальные «царские» и «княжеские» курганы хуннской элиты, на сооружение которых требовались немалые усилия. Гораздо проще устройство захоронений и беднее сопроводительный инвентарь других социальных групп. Рядовых кочевников хоронили в простых гробах, установленных в неглубокой яме. Сопровождающий их погребальный инвентарь был скуден. Низшие общественные группы похоронены в простых ямах, часто вообще без погребального инвентаря.

Власть шаньюя, высших военачальников и племенных вождей на местах поддерживалась строгими, но элементарными традиционными нормами. В целом, по оценке хуннских законов китайскими хронистами, наказания у номадов были «просты и легко осуществимы» и сводились, главным образом, к битью палками, ссылке и смертной казни. Это давало возможность быстро разрешать на разных уровнях иерархической пирамиды конфликтные ситуации и сохранять стабильность политической системы в целом. Не случайно, для привыкших к громоздкой бюрократической машине китайцев система управления хуннской конфедерации казалась предельно простой: «управление целым государством подобно управлению своим телом».

В историографии хунно-китайских отношений сложились два принципиально противоположных подхода. В одних работах хунну выступают грабителями и завоевателями, которые несли своим южным соседям смерть и разрушения. Другая точка зрения предполагает, что агрессивная внешняя политика кочевников вызывалась необходимостью противостоять экспансионистскому давлению китайской цивилизации. И ханьцы, и хунну отстаивали свои собственные интересы, которые диктовались как адаптивной необходимостью, так и субъективными амбициями политических лидеров обеих стран. Китайцы старались использовать в отношении кочевников либо активное давление и войну до победного конца, либо тонкий дипломатический

мир с признанием определенных уступок варварам. Однако экспедиции на расстояния в тысячи километров не приносили китайцам успеха. Поход первого ханьского императора Лю Бана в 200 г. до н.э. и хунно-ханьская война (130–58 гг. до н.э.) продемонстрировали неспособность правителей Поднебесной вести успешную наступательную войну против кочевников. Затраты на снаряжение крупных военных экспедиций в степь даже для китайского государства были очень обременительны, кочевники имели в степной войне ряд важных преимуществ, а результаты в конечном счете не оправдывали себя. Любой армии, даже разгромившей кочевников, приходилось возвращаться домой, так как для закрепления в Халха-Монголии требовалось перейти от земледелия к кочевому скотоводству.

Менее расточительной оказалась политика «умиротворения» номадов – методом откупа. Таким путем ханьское правительство не только надеялось избегать дорогостоящих войн и массовых разрушений в северных провинциях Китая, но и рассматривало «подарки» кочевникам как своеобразный способ ослабить и разрушить хуннское единство изнутри. Разработанная при ханьском дворе специальная стратегия «пяти искушений» (кит. *хэцзинь*) преследовала следующие цели: 1) дать кочевникам дорогие ткани и колесницы, чтобы испортить их глаза; 2) дать им вкусную пищу, чтобы закрыть их рты; 3) усладить номадов музыкой, чтобы закрыть их уши; 4) построить им величественные здания, хранилища для зерна и подарить рабов, чтобы успокоить их желудки; 5) преподнести богатые дары и оказать особое внимание тем племенам хунну, которые примут китайский протекторат.

К данным «пяти искушениям» можно добавить еще одно такое универсальное средство, как алкоголь. Спаивание полуцивилизованных народов в ходе колонизации периферии – явление, часто повторявшееся в истории. Согласно политике «хэцзинь», китайцы поставляли ежегодно хуннскому шаньюю 10 тыс. даней рисового вина, что соответствовало 200 тыс. литров. При ежедневной норме потребления это составляло более 550 литров в день. Даже при гипотетическом допущении численности хуннского войска в 300 тыс. лучников, о которых пишут китайские летописи, то при ежедневном потреблении алкоголя на каждого представителя хуннской высшей военной элиты (от тысячников и выше) приходилось более 1,5 литров рисового вина!

Хуннская внешнеполитическая доктрина была основана на осознании преимуществ номадами своего подвижного образа жизни, что давало возможность наносить неожиданные удары по китайской территории и столь же стремительно отступать в глубь степи. «Когда они видят противника, то устремляются за добычей, подобно тому как слетаются птицы, а когда попадают в трудное положение и терпят поражение, то рассыпаются, как черепица, или рассеиваются подобно облакам», – писал о стратегии северных соседей Сыма Цянь.

Номадам в силу их меньшей численности гораздо выгоднее было держаться от своего грозного соседа на расстоянии. Совершая быстрые кавалерийские набеги, номады концентрировали на одном направлении большое количество всадников. Это давало им преимущества в сравнении с менее маневренными китайскими пешими войсками. Когда основные силы ханьцев подходили, кочевники были уже далеко. Так называемый «хуннско-парфянский» лук, вероятно, принадлежал к лучшим лукам конца I тысячелетия

до н.э. Поэтому ближнему бою с ханскими солдатами и арбалетчиками они предпочитали дистанционную стрельбу из лука на скаку, которой начинали обучаться еще в раннем детстве и к зрелости достигали большого мастерства. Ханские солдаты значительно уступалиномадам в этом умении. Им приходилось обучаться стрельбе с лошади уже в зрелом возрасте.

Для вымогания все более и более высоких прибылей хунну пытались чередовать войну и набеги с периодами мирного сосуществования с Китаем. Первые набеги совершались с целью получения добычи для всех членов имперской конфедерации номадов независимо от их статуса. Шаньюю требовалось заручиться поддержкой большинства племен, входивших в конфедерацию. Следовательно, каждый воин имел право на добычу в бою. После опустошительного набега, как правило, шаньюю направлял послов в Китай с предложением заключения нового договора «О мире и родстве», или же номады продолжали набеги до тех пор, пока китайцы сами не выходили с предложением заключения нового соглашения.

После заключения договора и получения даров набеги на какое-то время прекращались. Однако размер «подарков», выплачиваемых согласно политике хэцинь, не оказывал существенной роли на экономику хуннского общества в целом. «Подарки» и дань оставались на верхних ступенях социальной пирамиды, не достигая низовых этажей племенной иерархии.

Долгое время представления о хунну были основаны главным образом на сообщениях китайских летописцев, в чьих описаниях хунну предстают варварами, имеющими «лицо человека и сердце дикого зверя». С точки зрения летописца, номады как бы воплощали в себе средоточие всех возможных и невозможных человеческих пороков: они не имеют оседлости и домов, письменности и системы летоисчисления (а значит, и истории!), земледелия и ремесла. Они едят сырое мясо и с пренебрежением относятся к старикам, не заплетают волосы по китайскому обычаю и запахивают халаты на противоположную сторону. Наконец, они женятся даже на своих собственных матерях (!) и вдовах братьев.

Археологические исследования погребальных памятников, поселений и городищ хуннской эпохи дают иную картину. Наиболее известный из хуннских погребальных комплексов могильник знати в Ноин-Уле, хранил изысканные ковры, одежды, шелковые ткани, золотые и бронзовые украшения, предметы труда и быта. Удалось даже точно определить дату сооружения этого кургана. На одной из находок (лаковой чашечке) была сделана надпись, которая указывала место (Шанлинь) и дату (2 г. до н.э.) ее изготовления. Исследователи считают, что в этом кургане был похоронен хуннский шаньюю Учжулю (8 г. до н.э. – 13 г. н.э.), которому данная чашечка была преподнесена вместе с другими богатыми дарами во время его визита в Шанлинь в 1 г. до н.э.

В настоящее время на территории Монголии и Бурятии обнаружено более 20 хуннских стационарных населенных пунктов, примерно половину из которых составляли укрепленные городища. Самое изученное – Иволгинское городище в Бурятии. Установлено, что большинство жителей городища занималось земледелием, оседлым животноводством и рыболовством. Наряду с сельским хозяйством часть жителей занималась и ремесленным производством. По концентрации в отдельных жилищах находок разных категорий

Перстни из Перешепинского клада. VII в. Золото. Эрмитаж, СПб.

можно проследить специализацию их обитателей. В одном из жилищ обнаружено большое число изделий и заготовок из кости, в другом – железные орудия труда и формочки для отливки металла, в третьем – много керамики и керамического брака, в четвертом – панцирные пластины и другие предметы вооружения. Примерно в центре городища находилось самое большое жилище, которое предположительно связывается с «домом наместника».

Ремесленники Хуннской державы наладили массовое изготовление железных изделий: орудий труда и кинжалов, наконечников стрел и копий, упряжи и предметов быта. Искусство хунну сочетало самобытные местные традиции с мотивами так называемого «звериного стиля» скифо-сибирских степных культур Евразии. Преобладали зооморфные мотивы: изображения различных диких и домашних животных (грифон, козел, баран, тигр, олень, лошадь и т.д.) Изучение химического состава хуннских бронз показало, что для их отливки использовались сложные сплавы, незнакомые соседним с хунну культурам, что также свидетельствует о самостоятельном очаге хуннской ремесленной традиции. Оседлые жители занимались земледелием и ремеслом, обеспечивали кочевников-скотоводов результатами своей деятельности.

Хуннская империя просуществовала до середины I в. н.э. В 48 г. она распалась на северную и южную конфедерации, которые по социальному устройству были похожи между собой. У тех и у других существовало деление на два крыла (западное и восточное), система аналогичных высших и прочих рангов, одинаковый порядок наследования. Правда, северная хуннская конфедерация изначально была раза в два–три крупнее.

В конце I в. н.э. хунну окончательно ослабли. В 87 г. сяньбийцы разгромили войска северных хунну, захватили в плен шаньюя, отрубили ему голову и с уже мертвого тела содрали кожу. По данным китайских хронистов, около 200 тыс. номадов сдались ханьцам поблизости от границы Китая. Через

два года совместная ханьско-южнохуннская армия пересекла Гоби и разбила войска северного шаньюя на его собственной территории. Пленено было свыше 200 тыс. человек. Такого успеха на протяжении всей истории хунно-ханьских отношений китайцы самостоятельно не добивались никогда. В том же году южнохуннский левый ван разгромил ставку северного шаньюя, и получил предмет особой гордости – государственную печать из яшмы. Еще через два года китайцы нанесли последнее поражение северным хунну, после которого шаньюй бежал в неизвестном направлении.

В дальнейшем хунну разделились на четыре группы. Первая большая группа подчинилась племени *сяньби*, обитавшему в Маньчжурии, и вскоре ассимилировалась с ним. Другая, южная группа сдалась китайцам и в дальнейшем сумела сыграть фатальную роль в распаде китайского государства. Третья часть укрепилась в Джунгарии и затем в Семиречье. Последняя группа, как их называл Лев Гумилев, «неукротимые», ушла на запад, где стала известна под именем гуннов.

ВТОРЖЕНИЕ ГУННОВ В ЕВРОПУ И СОЗДАНИЕ ДЕРЖАВЫ АТТИЛЫ

На самом деле вопрос об этнической принадлежности европейских гуннов остается дискуссионным. Одни исследователи полагают, что гунны – это и есть ветвь хунну, переселившаяся на запад после распада их державы. По мнению других, между ними общим является только название народа, поскольку со времени миграции хунну из монгольских степей прошло два с половиной века.

Действительно, от относительно небольшой группы мигрантов не должно было остаться ничего этнически целого. Однако некоторые черты сближают материальную культуру гуннов с их вероятной азиатской прародиной. Это знаменитые бронзовые котлы «хунно-гуннского типа», специфический стиль украшений и некоторые виды вооружения. Также по данным археологии можно проследить следы культур гуннского типа – в Зауралье, Казахстане, Предкавказье.

В восприятии гуннов представителями античной культуры можно усмотреть сходство с описанием хунну китайцами. Римский историк Аммиан Марцеллин описывает гуннов в самых уничижительных тонах, в виде чудовищных монстров: «Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей». «Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз надетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расплывется в лохмотья от долговременного гниения». На голове кочевника-гунна кривая шапка, на ногах сапоги из козьих шкур.

Схожей с хунну оказывается и военная тактика гуннов – нападение клином и внезапный уход от прямого контакта с одновременной стрельбой из

лука с оборотом назад. Мобильность и отличное дистанционное вооружение наносило большой урон пешему противнику, который не обладал столь же высокой скоростью передвижения. В случае необходимости (когда уже был достигнут определенный перевес) гунны шли врукопашную и использовали свой длинный меч и арканы. При этом они никогда не покушались на штурм укрепленных военных лагерей и городских стен.

Небольшое ядро кочевников, усвоивших традиции степной державы и степной войны, оказалось, судя по всему, способным увлечь за собой массы людей, говоривших на разных языках и принадлежащих к разным племенам и культурам. В IV в. гунны создали большое объединение племен на территории Нижнего Приуралья и, форсировав Волгу, вторглись в восточноевропейские степи. Они разбили готов и сравнительно быстро переселились за Танаис (Дон), захватили Паннонию и вступили на Балканы. В 395–396 гг. гунны прошли Дербентский проход и совершили большой рейд в Переднюю Азию по маршруту древних скифов. К концу IV в. равнина между Дунаем и Тисой стала территорией расселения гуннов. В их союз входили племена различных народов – сарматов, готов, германцев, угров и т.д.

С течением времени рыхлое объединение трансформировалось в «имперскую конфедерацию». Источники сохранили имена многих крупных гуннских предводителей и вождей: Баламбер, Басих, Курсих, Ульдин, Харатон, Уптар (Октар), Руга (Ругила) и др. Как и другие степные державы, гуннская империя была разбита на два крыла. Известно, что в первой половине V в. западным крылом управлял Уптар, а восточным Ругила. По аналогии с кочевниками монгольских степей можно предположить, что статус правителя восточного крыла должен был быть выше. Это отчасти подтверждается и тем, что после смерти Уптара около 430 г. Ругила стал единовластным правителем гуннов.

Власть у гуннов наследовалась по лестничной системе от брата к брату и от дяди к племяннику. После смерти Ругилы между 433 и 434 г. власть перешла к детям его брата Мундзука – Бледе и Аттиле. Бледа был старше и поэтому наследовал восточное крыло. Аттила управлял гуннскими кочевьями в Паннонии и на Балканах. Между 444 и 445 гг. Аттила убил Бледу и стал единоличным правителем гуннов. «Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения». Из всех характеристик гуннского воителя, отмеченных готским историком Иорданом, представляется важным обратить внимание на такое его качество, как щедрость.

Это был основной фактор, способствовавший объединению независимых племен в имперскую конфедерацию. На военной удаче и щедрости основывалась власть верховного предводителя кочевой империи. Балканы, Италия и Галлия стали объектами постоянных набегов кочевников. Добычи доставлялось так много, что побывавший в ставке Аттилы Приск писал, что жизнь в гуннской державе лучше, чем в Риме, поскольку никаких налогов платить не надо, а казна всегда полна.

Гунны фактически воспроизвели в отношениях с Константинополем и Римом старый хуннский механизм внешнеполитического преуспевания. Сначала совершался набег, после чего поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые «подарки» номадам. Помимо этого гунны периодически требовали выдать перебежчиков и открыть для торговли пограничные рынки. Известно, что Византия платила Атилле до 700 фунтов золота в год. Но это было, вероятно, для Константинополя выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границе.

Тем не менее для нагнетания ужаса кочевники периодически проводили акции устрашения Византии. Наиболее удобным временем для набегов была зима, когда Дунай покрывался льдом и его можно было преодолеть не только верхом, но и перевезти повозки с семьями и имуществом. Несмотря на мирный договор 435 г. и стабильную дань в 441–442 г., гунны разрушили многие приграничные городки на дунайской границе, а в 447 г. наголову разбили византийское войско и увеличили дань до 2100 фунтов золотом в год. Только через пять лет новый император отказался платить по этим счетам. Однако к этому времени фокус внешней политики гуннов сместился на Запад.

В гуннском обществе многое изменилось. Атила построил целый город, обнесенный стеной из бревен. В нем на холме возвышался деревянный дворец. В ставке Атилы жило много иностранцев из Византии, Рима и других стран. По мере включения в состав империи оседлых народов и государств гуннское войско теряло свое стратегическое преимущество – мобильность. Оно становилось все более похожим на воинские формирования своих противников. Постепенно в войсках Атилы появилась пехота, различные вспомогательные подразделения. Гунны даже овладели римской техникой взятия городов.

В 451 г. гуннское войско двинулось вверх по Дунаю, а затем на север вдоль берегов Рейна. Они разрушили много городков и дошли до Орлеана. Около Труа родилась легенда, которая дала прозвище великому завоевателю. Согласно преданию в окрестностях городка состоялась встреча между Атилой и местным епископом Лупом, который уговорил завоевателя пощадить его жителей. «Я Луп, человек божий», – представился святой грозному полководцу. «Ego sum Attila, flagellum Dei» («Я Атила, бич божий»), – ответил тот епископу на латыни. Неизвестно, насколько хорошо варварский вождь знал латынь, зато с христианской точки зрения его слова были совершенно справедливы. Господь наслал на землю кару за человеческие прегрешения.

Против гуннов выступил римский полководец Аэций, который хорошо знал обычаи и военное искусство степняков, так как в молодости провел длительное время среди них в положении заложника. На знаменитых Каталаунских полях состоялась «битва народов». Войско Атилы помимо гуннов включало гепидов, герулов, остготов, ругиев, скиров и франков. Аэцию удалось собрать под своим командованием аланов, армориков, везеготов (вестготов), саксов и часть франков. Битва была жестокой, и римляне постепенно стали побеждать. В трагический момент Атила принял решение отступить в свой укрепленный лагерь. В порыве отчаяния он даже приказал сложить из седел костер, чтобы зажечь его и погибнуть в пламени, не доставшись врагам. Однако Аэций дал приказ об отступлении.

Аттила отошел в Паннонию. В следующем, 452 г. он совершил новый поход в Северную Италию, где были захвачены Аквилея, Милан и еще ряд городов. Для штурма гунны использовали римских мастеров, строивших метательные машины и другие осадные орудия. Однако во время осады гунны понесли большие потери и были вынуждены снова вернуться назад. Вскоре Аттила умер. Это произошло в 453 г. По одной версии, его убила наложница, которой он пытался овладеть в брачную ночь. По другой, он умер прямо в объятиях юной супруги (Ильдико или Хильдегунды) от инсульта после обильных возлияний на свадебном пиру. И та, и другая легенды стали основой бродячих преданий.

Со смертью Атиллы исчезла и его огромная империя. Начались внутренние усобицы и восстания покоренных народов. Через год антигуннская коалиция нанесла его сыновьям сокрушительное поражение, и основная часть гуннов отступила в Причерноморье и на Нижний Дон. После этого набеги не были настолько успешными. В 468 г. двое сыновей Атиллы, Денгизак и Ернак, прислали в Византию посольство с требованием открыть на границе рынки для торговли. После отказа они совершили рейд, который был отражен византийской армией. Денгизак погиб в бою, и его голову вывесили в утешение на шесте в цирке в Константинополе. Последнее свидетельство о набеге гуннов на Фракию относится к 475 г. В источниках несколько более позднего времени упоминаются потомки гуннов: утигуры, кутигуры, савиры и др. Постепенно они слились с новыми группами степных народов.

ЗАХВАТ КОЧЕВНИКАМИ КИТАЯ И СОЗДАНИЕ ДЕРЖАВЫ ЖУЖАНЕЙ

В это же время на южной границе Великой степи племена белых гуннов-эфталитов вторглись в пределы Сасанидского государства, нанеся ему ряд поражений, после которых, с начала VI в., Иран предпочитал выплачивать им дань, чтобы обезопасить себя.

В IV–V вв. пять кочевых племен: *хунну*, *сяньби*, *цзяны*, *цзе* и *ди*, пришедшие на Великую китайскую равнину с территории Синьцзяна, Монголии и Маньчжурии, довершили распад китайского государства. Они создали на завоеванной территории 16 небольших царств, представлявших собой типичные раннегосударственные образования, созданные кочевниками в процессе завоевания оседлых земледельческих обществ.

К середине V в. значительная часть Северного Китая была объединена под властью государства Северная Вэй (386–534 гг.), созданного сяньбийскими племенами под властью рода Тоба. Знать быстро заимствовала китайские обычаи, что в итоге вызвало недовольство племен тобгачей и привело к вооруженному восстанию. Империя развалилась на две части и с течением времени угасла.

Почти одновременно с указанными выше событиями на территории современной Монголии активизировались жужани (*жуаньжуани*). Считается, что жужани относились к группе монголоязычных народов. Они упоминаются в китайских исторических источниках с IV в. Жужани были кочевниками-скотоводами, пасли домашних животных, «переходя с места на место в поис-

ках воды и травы». Согласно китайским хронистам, их жилище – войлочные юрты, а пища – мясо животных и кобылье молоко.

Длительное время они не были консолидированы. Их объединение связано с личностью Шэлуня, который в 402 г. сплотил раздробленные жужаньские вожества и племена в единую имперскую конфедерацию. Он принял титул *кагана* и произвел коренную реорганизацию военно-административной структуры жужаньского общества, разбив население-войско на сотни и тысячи, ввел обязательный учет количества имеющихся воинов, установил строгие правила поведения в бою и наказания за их нарушения. Каганат делился на левое и правое крылья. Правитель левого (восточного) крыла имел несколько более высокий статус. Жужаньский каганат в периоды расцвета занимал огромную территорию. Западные его границы доходили до р. Илди (Кыргызстан), восточные до границ Кореи, северные до Байкала и верховьев Амура, южные до пустыни Гоби.

Жужани практиковали в отношении своих южных соседей традиционную для кочевников стратегию чередования набегов и вымогания подарков в периоды мира. Однако государство Тоба Вэй было само образовано вчерашними кочевниками, которые знали, как бороться со степняками. Оставив обозы, всадники с запасом провианта быстро пересекали пустыню Гоби и совершали стремительный рейд по незащищенным жужаньским кочевьям. Только в 476 г., когда каган Юйчэн попросил выдать за него замуж тобаскую принцессу, примерно на десять лет были установлены мирные отношения. Однако впоследствии кочевники снова стали периодически тревожить границы Северной Вэй своими набегами.

Официально жужани считались вассалами Вэй. Номады дарили лошадей, другие виды животных и пушнину. Ответные подарки императоров были намного больше. Они посылали каганам в степь знаки отличия для правителей, ткани, роскошную одежду, богато украшенные предметы вооружения, музыкальные инструменты и прочую утварь дворцового быта. В ассортимент обязательно входили продукты и шелк.

В период правления кагана Анагуя (519, 521–552 гг.) влияние китайской культуры на жужаней увеличилось еще больше. Он пришел к власти в период смут и конфликтов среди правящего клана. Однако его сильная воля затормозила этот процесс на три десятилетия. В 552 г. жужаньское войско потерпело сокрушительное поражение от тюрков, а Анагуй покончил жизнь самоубийством. Это стало концом каганата. В 555 г. правитель западновэйского царства предательски выдал несколько тысяч оставшихся жужаней тюркам, и они все (кроме детей до 16 лет) были казнены. Часть жужаней бежала в Северный Китай, другая группа ушла на запад.

РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ АВАРСКОГО КАГАНАТА

Многие историки связывают последнюю группу с народом аваров (в славянской традиции – обров). Авары принесли в Европу тактику конного боя и новые виды вооружения – лук, вероятно, монгольского типа, длинные сабли и стремена. Это дало им решающее преимущество перед местными воинами. Уже в 558 г. авары достигли Кавказа и дунайской границы Византий-

ской империи. Каган отправил посольство в Константинополь с требованием предоставить деньги и плодородные земли. Император Юстиниан послал в ответ много золотых украшений и парчи, предложив заключить договор против франков и других враждебных империи народов. Поскольку территориальные претензии аваров были проигнорированы, они начали самостоятельную экспансию, разорив Иллирик и Паннонию. Они воевали с лангобардами и франками, разгромили германские племена гепидов и славянский союз антов. Славянские народы были обложены тяжелой данью. В «Повести временных лет» приводится пример жестокого обращения с населением Прикарпатья (дулебами). Там описан случай, как кочевники использовали вместо тягловых животных местных женщин и запрягали их в телеги.

Авары не единожды совершали походы на Балканы и даже доходили до стен Константинополя. В 626 г. они попытались взять столицу империи штурмом, но не обладали для этого достаточными силами и опытом осадных войн. Итогом военных походов служило вымогание богатых подарков. В конце VI в. они получали от Византии 80 тыс. золотых солидов. К началу VII в. эта сумма возросла до гигантского размера в 120 тыс. золотых солидов.

По некоторым расчетам, Константинополь был вынужден платить 1/75 ежегодного дохода империи. За все время аварско-византийских отношений это составило баснословную для кочевников добычу – примерно 25 тонн золота. В соответствии с существовавшими у кочевников традициями «престижной экономики» они раздаривались вождям и воинам. Деньги переплавлялись и использовались для изготовления мужских поясов, конской сбруи, украшений и сосудов. Многие из этих предметов были положены в могилы с их обладателями.

Авары вели в Паннонии полукочевой образ жизни. Зимой они жили в полуполуземлянках с очагами и печами из камня. Поселения имели типичную для кочевников форму табора. В теплое время года они отгоняли скот на пастбища и жили в юртах. Правитель авар носил титул *каган*. Другие титулы также имели древнемонгольское и тюркское происхождение – *катун* (жена кагана), *тудуны*, *тарханы* и др. У аваров существовала военная десятичная система. Они имели зачатки рунического письма.

С оседанием аваров на землю постепенно слабела их военная мощь. В 791 г. франки совершили поход на каганат, и авары были вынуждены присягнуть Карлу Великому на верность. Спустя пять лет франки захватили ставку кагана, взяв богатую добычу и много пленников. Фактически с этого времени можно говорить о гибели некогда грозной державы. Обложенные данью авары несколько раз восставали в 797 и 799 г. Но агонию уже нельзя было предотвратить. Восстания были подавлены, и вскоре имя аваров осталось только в легендах и скудных записях раннесредневековых хронистов и древнерусских летописцев: «Погибоше аки обре, их же нет ни племени, ни потомства».

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что Великое переселение народов не только привело к крушению классических цивилизаций древности. Оно стало следствием значительного переустройства как уже существовавших государств, так и так называемых варварских обществ. Первые заимствова-

ли элементы вооружения и тактики (в первую очередь тяжелую кавалерию), модифицировали свои собственные военные и политические институты. Вторые перенимали образ жизни, высокую культуру и идеологию цивилизованных соседей. Результатом стало формирование (во всяком случае, в Европе) принципиально новых социально-политических структур – гибридных «варварских» раннегосударственных образований, которые включали черты как завоевателей, так и подвергшихся нашествию цивилизованных народов. Последним важным изменением, связанным с этой эпохой, стало распространение массовых религий – христианства, буддизма и зороастризма – и перестройка мировоззрений как в больших мультикультурных империях, так и в новых варварских королевствах, нуждавшихся в идеологической легитимации власти своих правителей.

КИТАЙ ЭПОХИ «ШЕСТИ ДИНАСТИЙ»

В Китайской истории период 220–589 гг. называется эпохой «Шести династий» (Лючао) – от конца династии Хань до начала династии Суй. Это было временем утраты Китаем государственного единства, когда за исключением краткого периода (265–304) на территории Поднебесной существовало одновременно несколько государств. Древние столицы и Северный Китай, родина ханьской цивилизации, оказались в руках завоевателей – «варваров».

ТРОЕЦАРСТВИЕ И ИМПЕРИЯ ЦЗИНЬ

Период древних династий в Китае подошел к концу на рубеже II–III вв., когда в огне восстания «Желтых повязок», начавшегося в 184 г., сгинула династия Хань. Вожди восстания из даосской секты «Путь Великого Благоденствия» обещали, что «Синее Небо» (династия Хань) погибнет и воцарится «Желтое Небо» (Царство справедливости). Пророчество отчасти сбылось – династия пала, правда не тогда и не так, как предсказывал вождь восставших даос Чжан Цзюэ. Императорская армия оказалась неспособна подавить восстания, охватившие многие провинции. Инициативу в свои руки взяли представители местной элиты – крупные частные землевладельцы, стоящие во главе могущественных кланов – «сильных домов». Обладая хорошо вооруженными боевыми дружинами, они смогли усмирить повстанцев, действуя с предельной жестокостью, складывая пирамиды из отрубленных голов крестьян. Власть над разграбленной и опустошенной страной оспаривали между собой военачальники, выдвинувшиеся во время подавления затяжных восстаний.

Одним из таких победителей повстанцев на севере Китая был Цао Цао – воин, поэт и теоретик военного искусства. Взяв под контроль императора и используя ресурсы центральной власти наряду с силами варварских племен, он сумел покорить всю равнину Хуанхэ. Так на севере Китая образовался первый мощный властный центр, другой появился на юго-западе – в Сычуани, где обосновался военачальник Лю Бэй, притязавший на родство с императорской фамилией. К югу от Янцзы образовался третий центр, в котором укрепился еще один военачальник – Сунь Цюань. На территории бывшей империи Хань система Троецарствия закрепилась более чем на полвека. В 220 г. последний ханьский император добровольно уступил трон сыну Цао Цао, образовавшему на севере новую династию Вэй. С 222 г. земли Лю Бэя на западе получили название царства Шу (поскольку правитель претендовал на родство с династией Хань, то государство также называлось Хань-Шу). Сунь Цюань на юге провозгласил себя правителем царства У.

Каждое из трех царств было ориентировано на борьбу с неханьскими народами. Царство Шу разворачивало экспансию против тибето-бирманцев, учредив на завоеванных землях область Юньнань. Царство У начало захват многочисленных юэских (вьетских) земель. Самая тяжелая задача стояла пе-

ред государством Вэй, противостоявшим кочевникам Севера. С целью освоения новых, восстановления пустующих и заселения свободных земель была создана система особых государственных поселений (*тунь тянь*), в которые наряду с солдатами, обеспечивающими армию провиантом в отдаленных районах страны, стали вербовать гражданское население. Поселенцам предоставлялись от 10 до 25 му земли (1 му = 0, 046 га) и рабочий скот. Но за это они должны были отдавать не менее половины урожая, нести караульную службу и сражаться во время войны. Такая система была исключительно тяжелой, и поселенцев приходилось удерживать силой. Подобные же государственные поселения существовали и в царстве У, где тяготы жизни пришедшего с севера населения усугублялись непривычным климатом.

В это же время возникла идея создания надельной системы (*чжань тянь*), первые проекты которой появились именно в царстве Вэй. Однако ее правители были еще слабы для того, чтобы реализовать столь жесткую систему централизованного распределения земли в своем государстве. Пытаясь бороться как с «сильными домами», так и с главами округов, присваивавших себе собираемые налоги, правители Вэй попробовали изменить систему отбора на государственные должности. Специальные должностные лица отбирали на местах достойных кандидатов, которым присваивалась одна из девяти «деревенских категорий». Поступивший на службу становился чиновником, затем повышал свой статус переаттестациями. Чиновники-ученые (*ши*) в зависимости от ранга получали участки земли с работниками, чья государственная повинность заключалась в обеспечении чиновника. Прямые потомки чиновников освобождались от налогов. Такая система отбора и квалификации кадров время от времени возобновлялась, но, как правило, до VII в. местная элита находила способ проводить своих кандидатов на должности.

Троецарствие в Китае оказалось недолгим. В царстве Вэй власть в армии захватили представители рода Сыма, сумевшие подчинить своей воле императоров. Сыма Янь, отец которого разгромил западное царство Шу, в 265 г. вынудил последнего правителя Вэй отдать ему власть. Новое, объединенное государство было названо империей Цзинь. Вскоре ему удалось присоединить к себе и южное царство У (280 г.).

Причины недолговечности южного и западного царств были схожи: главным злом являлся сепаратизм правителей областей. В трудный момент вокруг трона оказывались только дворцовые евнухи, неспособные организовать оборону страны. Царство Вэй обладало большими людскими ресурсами и имело более закаленные в боях с «северными варварами» войска. Но и победитель оказался подвержен тем же опасностям.

Сыма Янь на десять лет обеспечил мирное существование возрожденной империи Цзинь, расширил государственные поселения (*тунь тянь*), которые стали охватывать 80% податного населения, и реально ввел в действие надельную систему (*чжань тянь*). За каждым крестьянином закреплялось право на получение надела определенных размеров при условии уплаты фиксированных налогов (денежных и натуральных). Мужчины получали по 70 му (3,22 га) пахотной земли и земли под паром, женщины – 30 му (1,38 га). Позже землю стали выделять еще и для приусадебного участка, огородов, разведения технических культур (тутовых деревьев, конопли). С хозяина брали натуральный налог зерном, промысловую подать (шелком и другими тканями),

заставляли отрабатывать на государство определенное число дней в году. В зависимости от ранга большие земельные наделы (от 1 тыс. му – 46 га до 5 тыс. му – 230 га) с сидевшими на них освобожденными от государственного тягла крестьянами получали чиновники, прямые потомки которых также не платили налогов.

Введение надельной системы, основанной на верховных правах императора на землю, призвано было укрепить материальную базу государства. Хотя отдельные элементы такой системы встречались и ранее, она была вызвана к жизни условиями III–VI вв., когда появилось много опустевшей земли, сократилось число рабочих рук и возобладала тенденция к натурализации хозяйства. Эта мера на века определила социальную структуру китайского общества и механизмы управления им. С надельной системой конкурировали и другие формы землевладения: власти отдавали новь во владение тем, кто поднял целину, собственные «уделы» получили родственники правителя, позже землями были наделены также и буддистские монастыри.

Одно из мероприятий Сыма Яня имело катастрофические последствия: передача в распоряжение его родственников более 20 областей Китая. Правители областей, получившие титулы ванов, имели собственные армии и являлись практически полными хозяевами на своих территориях. После смерти Сыма Яня (290 г.) престиж императорской власти стал стремительно падать, и вскоре в стране начались кровавые усобицы («смута восьми ванов»). Центральная власть мало что могла противопоставить мятежникам. Набранные войска, не получая платы, грабили мирное население, а попытки ввести новые военные поборы вызывали восстания и массовую эмиграцию на юг, за р. Янцзы. На северных землях свирепствовали голод и эпидемии, но главным бедствием стали кочевники. В борьбе за власть китайские правители не раз использовали их в междоусобной борьбе, но варвары быстро вышли из-под контроля. Наступила новая эпоха.

ЭПОХА «ШЕСТНАДЦАТИ ЦАРСТВ ПЯТИ ВАРВАРСКИХ НАРОДОВ»

Варварские народы и Китай

Пятью племенами были: *сяньби* (большинство ученых считает, что они были предками монголов), распавшиеся в III в. на две группы во главе с родами *муюнов* и *тоба* (тобгачей); *цян* и *ди* (предки средневековых тибетцев и тангутов), южные хунну (сюнну), часть некогда грозного народа, после разгрома своей кочевой державы переселившиеся в государство Вэй и подразделявшиеся на пять аймаков, контролируемых центральным правительством; зависимое от хунну племя *цзэ* (*кулы* – букв. рабы). На протяжении веков императоры то закрывались от кочевников Великой стеной и вели с ними войны, то откупались от варваров, то разрешали им селиться на своих территориях. Договоры скреплялись браками варварских вождей с китайскими принцессами, а дети кочевой знати воспитывались при дворе императора, играя роль заложников.

При императорском дворе воспитывался Лю Юань, наследственный вождь одного из аймаков южных хунну и внук китайской царевны. Один из борющихся за власть родственников императора Цзинь, Сыма Ин, решил

на то, чтобы объединить всех хунну под началом Лю Юаня (поскольку соперники Сыма Ина привлекли на свою сторону сяньби). Хунну и цзе в короткий срок собрали 50-тысячное войско и провозгласили Лю Юаня великим шаньюем, возродив традиционный титул хуннских правителей. Старейшины Лю Юаня предлагали ему не воевать с сяньбийцами, которые были им ближе, чем китайцы; они требовали добиваться независимости от империи Цзинь. Но Лю Юань не пошел по этому пути и, отогнав ненадолго племена сяньби от китайских границ, в 304 г. провозгласил себя правителем (Хань-ваном) нового государства, дав своей династии китайское имя Хань и подчеркивая тем самым свое китайское происхождение по женской линии.

Ближайшими сподвижниками Лю Юаня стали два талантливых полководца – Лю Яо и Ши Лэ. Первый происходил из рода шаньюев, и китайская образованность сочетались в нем с силой и храбростью. Второй, низкородный выходец из племени цзе, ранее зависимого от хунну, был продан в рабство. Бежав, он собрал шайку разбойников, с которой присоединился к Лю Юаню.

Враги Сыма Ина в 305 г. захватили одну из столиц империи Чанъань с помощью сяньбийцев, учинивших там неслыханную резню. В следующем году Сыма Ина заставили покончить жизнь самоубийством, а император династии Цзинь был отравлен. После этого вождь хунну начал войну, но подчеркивал, что воюет не с Китаем, а с его дурными правителями.

Несмотря на то что его войскам не удалось с ходу овладеть столицами, Лю Юань объявил себя императором династии Хань и обосновался на севере в городе Пиньяне (в совр. пров. Шаньси). Лю Юань умер, не дожив до победы, но в 311 г. войскам его сына Лю Цуна при помощи военных отрядов цзэ удалось взять Лоян и разрушить его. Первый раз в истории Поднебесной император законной китайской династии попал в руки к варварам. Затем хуннами и цзэ была занята и вторая столица – Чанъань. Разорение страны приняло ужасающие размеры, голод приводил к случаям людоедства, все новые толпы беженцев уходили на юг, где постепенно формировался новый очаг китайской власти. Китайцы использовали против сюнну северных кочевников – тобгачей (одно из четырех племенных подразделений, на которые разбились сяньби), что дало возможность отвоевать Чанъань. В отместку Лю Цун казнил пленного китайского императора.

Конфуцианское мировоззрение мешало китайцам провозгласить нового императора при жизни старого, так как на небе сияет только одно солнце. В 321 г. после казни хуннского пленника род Сыма короновал в отбитой у противника Чанъани своего представителя под именем императора Мин-ди. Новый император в течение четырех лет оборонял Чанъань, надеясь на помощь с Юга. Но правитель Юга Сыма Жуй хоть и пытался организовать наступление на Севере, помочь императору не смог, а возможно, и не захотел, желая освободить престол лично для себя. Мин-ди сдался и был доставлен ко двору Лю Цуна, где бывшего китайского императора заставляли разливать вино на пирах. Но после того как китайцы попытались захватить сына Лю Цуна, чтобы обменять его на пленного императора, того подвергли казни. После его смерти Сыма Жуй на Юге счел вполне законным провозглашение новой династии (Восточная Цзинь) со столицей в Цзянкане (совр. Нанкин) и себя в качестве императора и главы этой династии.

При хуннском императоре Лю Цуне, умершем в 318 г., и его наследнике Лю Цане выдвинулся Цзинь Чжун, возможно, китаец по происхождению. Выдав замуж за императора сразу двух своих дочерей (Лю Цун сделал их обеих императрицами, что вызывало возмущение), а затем еще одну – за Лю Цаня, Цзинь Чжун мог оказывать значительное влияние на принятие политических решений.

После смерти Лю Цуна Цзинь Чжун, опираясь на своих родственников, которые командовали дворцовой стражей и конницей, и получив поддержку китайских придворных, организовал заговор. Молодой император был убит, а все его родственники казнены на рыночной площади. Трупы двух предыдущих императоров вырыли из могил и обезглавили, а храм предков фамилии Лю сожгли. Цзинь Чжун, принявший титул вана, отправил государственную печать на Юг, ее законным владельцам – императорам Цзинь. В письме он объяснил, что пожелал освободиться от иноземцев, «презренных и лишенных добродетелей», и отомстить им за двух казненных императоров, прах которых он отправил вместе с письмом.

Узнав о случившемся, родственник основателя династии Хань, Лю Яо, воевавший на западе, объявил себя императором, а предводитель цзе Ши Лэ двинулся с 50-тысячным войском на Пиньян. Население бежало из столицы. Попытка Цзинь Чжуна вести сепаратные переговоры с Ши Лэ провалилась, и вскоре он был убит своими сообщниками. Ши Лэ занял покинутую столицу, казнил заговорщиков, сжег оскверненный дворец и восстановил могилы Лю Юаня и Лю Цуна. Но «сто дней» китайского реванша погубили хуннское государство династии Хань.

Лю Яо основал новую династию и дал ей новое название – Чжао (Ранняя Чжао), а столицу перенес в Чанъань. Ши Лэ получил титул вана – правителя восточных областей империи Чжао. Однако воспользовавшись в качестве предлога тем, что Лю Яо казнил его посла, Ши Лэ в 319 г. провозгласил независимость своей области и основание новой династии – Поздняя Чжао.

В Ранней Чжао была создана двойная структура управления: отдельно для кочевников и китайцев. При этом аристократ Лю Яо был тесно связан с традициями кочевой знати. Несмотря на императорский титул, он обязан был прислушиваться к своим знатым советникам – принцам крови, каждый из которых получил под свое командование часть войска. Считаясь с обычаями хунну, Лю Яо разрушил в Чанъани храм китайских императорских предков, а вместо него насыпал курган, посвященный Небу и Земле, подражая в этом древнему шаньюю Модэ. В Поздней Чжао неграмотный правитель цзе Ши Лэ высоко ценил китайскую культуру и традиции, с уважением относился к девяти категориям чиновной иерархии, охотно брал на службу китайцев.

В отличие от Лю Яо правитель цзе Ши Лэ ничем не был обязан знати своего государства в связи с полным ее отсутствием в Поздней Чжао. Он опирался лишь на преданность своих воинов, будь то цзе, хунну или китайцы. По-видимому, он более уважительно, чем хуннская элита, относился к китайским традициям: отразив смелую попытку южнокитайского полководца Восточной Цзинь Цзу Ти вернуть провинцию Хэнань и узнав о печали этого китайца в связи с захватом могилы его предков варварами, Ши Лэ отдал приказание восстановить все семейные храмы своего доблестного противника.

Китай шести династий

Разразившаяся в 323–329 гг. война между Лю Яо и Ши Лэ отличалась редкостным кровопролитием. Никто не мог одержать верх над старым и опытным вождем хунну Лю Яо. И только когда в 328 г. войско цзэ возглавил сам Ши Лэ, несмотря на возраст надевший тяжелые доспехи, ему удалось разбить своего давнего соперника, когда тот, по привычке, пьянствовал в походном шатре. Вскочив на коня, Лю Яо не смог на нем удержаться: упал, попал в плен и был убит.

В следующем году Ши Лэ вступил в Чанъань, а его названный брат Ши Ху разбил войска сыновей Лю Яо. Все знатные хунну были казнены. В 330 г. Ши Лэ стал императором государства Поздняя Чжао, объединившего всю северную часть Китая. Своей новой столицей Ши Лэ сделал город Е, где и умер в 333 г. Ахиллесовой пятой «варварских» государств была проблема престолонаследия. Ни завещания монархов, ни племенные традиции не могли предотвратить череды убийств и переворотов. После смерти Ши Лэ

перевороты следовали один за другим, пока названный брат покойного императора Ши Ху не захватил власть, уничтожив всех его детей.

С большой пышностью были отстроены императорский дворец и весь столичный город Е. Сам Ши Ху был эстетом, любившим китайское искусство, и политиком, эффективно использовавшим китайцев на службе. Но в целом варвары презирали китайцев, и великая культура прививалась у них с трудом. Мощным каналом, по которому в «варварскую» среду вливалась китайская культура, служил буддизм, получивший в Поздней Чжао широкое распространение. Монахи-буддисты, индусы и согдийцы, не уступали китайцам в блеске интеллекта и не считали варваров ненавистными завоевателями. Индийский монах Будда Жанга был приближен ко двору Ши Ху, добился от него привилегий для строившихся монастырей и разрешения на свободную пропаганду буддизма среди подданных северной империи. Будда Жанга упрочил свое положение тем, что своевременным советом спас жизнь императора от заговора, устроенного наследником престола.

В связи с тем, что в предыдущих войнах погибло очень много и хунну, и цзе, а призванные в войска китайцы воевали значительно хуже варваров, да и армия все больше использовалась для пресечения растущего недовольства, военные успехи Ши Ху были незначительны. Подавляющая часть тягловых крестьян сгонялась на грандиозные строительные работы в столице Е, отрываясь от сельскохозяйственного труда в родных деревнях. Особую ненависть населения Ши Ху вызвал тем, что превратил громадные территории в охотничьи угодья для себя и своих военачальников, карая «браконьерство» китайцев смертной казнью.

Для обеспечения собственной безопасности он нашел оригинальный способ. Воспользовавшись правом императора набирать в гарем и для придворной службы самых красивых девушек (при этом пышность двора определялась числом наложниц и «фрейлин»), Ши Ху создал из специально отобранных красавиц гвардию лучниц. Такое необычное войско шокировало китайцев, увидевших в привлечении женщин к «мужской» профессии оскорбление естественного порядка вещей. Поэтому засуху, поразившую Северный Китай, коренное население рассматривало как проявление справедливого гнева Неба. Когда в 345 г. Ши Ху решил построить еще один грандиозный дворец в Лояне, мобилизовав сотни тысяч крестьян, а затем распорядился увеличить гвардию лучниц в три раза (с 10 до 30 тыс.), восстания разгорелись с новой силой. Некоторые китайские военачальники захватывали власть на местах, объявляя о независимости или о присоединении к южной китайской империи. Только при помощи «западных варваров» — цянов и ди — мятежи удалось подавить. Когда же в 349 г. Ши Ху умер, наследники престола стали с ожесточением истреблять друг друга. Кончилось это тем, что в 350 г. власть захватил приемный сын императора Ши Минь, который по рождению был китайцем, усыновленным и воспитанным Ши Ху, давшим ему свою фамилию.

Захватив власть, Ши Минь неожиданно для элиты «варваров» вернул себе свое китайское имя Жань Минь, призвав китайское население расправиться со всеми хунну в стране. Убивали всех, кто внешне походил на варваров (у хунну и цзе монголоидные признаки были выражены слабо), поэтому сгоряча перебили и множество «китайцев с возвышенными носами». Династия Поздняя Чжао прекратила свое существование, и Жань Минь направил

в Южный Китай просьбу правительству Восточной Цзинь прислать войска для совместного наказания «взбунтовавшихся варваров». Ему удалось быстро собрать огромную армию (источники говорят о 300 тыс. воинов), пользуясь поддержкой населения.

Оставшиеся в живых хунну и цзэ не могли организовать сопротивление. Но на помощь им пришли другие «варвары». Племена *цян*, *ди* и *муюны* в кровопролитных сражениях разгромили армию Жань Миня, заняв столицу Е. Восточная часть погибшего государства цзэ и сюнну досталась муюнам, часть земель и город Лоян удалось на некоторое время отвоевать южным китайцам, а западную долю «хуннского наследства» получил народ ди, чей правитель выбрал Чанъань своей столицей, основав династию Ранняя Цинь.

Царство Ранняя Цинь достигло больших успехов во время правления Фу Цзяня (357–385). Практически весь Северный Китай и значительная часть народов Великой степи оказались объединены под его властью. Этот правитель, убивший своего старшего брата, чтобы править единолично, и жестоко подавивший восстание собственной знати, демонстрировал великодушие по отношению к иноплеменным подданным. Когда прорицатель предсказал, что народ ди погибнет от рук сянбийцев, придворные посоветовали правителю уничтожить опасное племя. Но Фу Цзянь ответил: «Китайцы и варвары – все мои дети. Будем обращаться с ними хорошо, и не возникнет никакого зла». Фу Цзянь строил дороги и восстанавливал разрушенные города. Будучи буддистом, он поощрял конфуцианскую ученость и китайский принцип отбора на службу в соответствии со способностями. Несмотря на веротерпимость, он объявил даосов невежественными колдунами и в 375 г. запретил их религиозную практику, прежде широко распространенную среди «западных варваров».

Собрав огромное войско, Фу Цзянь приступил к захвату Южной империи Восточная Цзинь, но в битве на реке Фэйшуй (383 г.) потерпел страшное поражение. Хотя ему самому удалось бежать, бросив инсигнии власти, но могущество Ранней Цинь закатилось навсегда. Северный Китай почти на полвека лет стал ареной соперничества нескольких варварских племен.

ВОСТОЧНАЯ ЦЗИНЬ

Южнокитайская династия Восточная Цзинь надолго обезопасила себя от вторжений с Севера, но воспользоваться плодами военных побед и объединить страну она не смогла в силу ряда причин внутреннего характера. Ядро этой империи составляли земли, на которых в эпоху Троецарствия располагалось царство У. Северяне считали только себя жителями Срединной земли, а тех, кто населял земли к югу от Янцзы, звали «людьми У» и не считали их в полной мере китайцами.

Действительно, земли южнее Янцзы были еще слабо освоены пришедшими с севера ханьцами. Здесь царили нравы, далекие от идеалов конфуцианства, а государственные законы слабо действовали. Влажный климат, дремучие леса и горы, населенные «южными варварами» (долинными и горными *юэ/вьетами*, тибето-бирманцами, частично тайцами, народами *мяо-яо* и *мань*), – все это приучало окитаезированную местную знать и общины китайских переселенцев (ханьцев) действовать на свой страх и риск, не дожи-

даясь разрешения из далекого центра. Неурядицы на севере, начиная с конца III в., способствовали тому, что река переселенцев не пересыхала. Но после вторжения северных племен и гибели империи Цзинь эта река превратилась в бурный поток.

По реестру 464 г. численность податного населения на Юге превышала 4,5 млн человек, удвоившись по сравнению с переписью 280 г. (при этом определенную часть жителей не смогли охватить переписью). Демографическое давление отодвигало границу расселения китайцев все дальше на юг. Ханьцы ассимилировали местное население, перенимая у него антропологические черты и особенности материальной культуры. Соединение традиций местной агрикультуры, прежде всего эффективного рисоводства, малоизвестного на Севере, с привозными технологиями земледелия породило особый сельскохозяйственный ландшафт Южного Китая. В V–VI вв. в низовьях Янцзы собирали уже по два урожая риса в год, что обеспечило в дальнейшем стремительный демографический рост Китая, а культура рисоводства продвинулась далеко на север.

На Юге сословная дифференциация играла значительно большую роль, чем на Севере, где доминировали этнокультурные различия. Местная знать Южного Китая оказалась оттесненной от власти. Вместе с императорским двором на Юг переселялись знатные северяне, бюрократия, а зачастую и простолюдины, бегущие от террора кочевников. С течением времени беженцев становилось все больше. Элита северян формировалась не только в соответствии со своим прежним социальным статусом, но и в зависимости от времени приезда на Юг. Считая лишь себя хранительницей высоких традиций китайской культуры, северная элита не собиралась делиться своим статусом с «людьми У», ограждая себя и от новых эмигрантов, и от служивых простолюдинов. Хотя в Восточной Цзинь воспроизводилась система «девяти категорий», только небольшая часть местной элиты допускалась к присвоению «второй категории», открывавшей путь к престижной службе. Дело заключалось не только в культурном шовинизме цзяньканского правительства. Северянам больше доверяли: лишившись многих своих земель, они почти полностью зависели от государственного жалованья, тогда как у местной аристократии имелись немалые земельные ресурсы и собственные дружины. Социальное доминирование северной элиты вызывало у южан стремление подражать ей прежде всего в культурном отношении.

Переселенцы с Севера включались в специальный «Белый реестр» и оставались приписанными к тем городам и деревням на Севере, откуда они бежали. Они не платили налоги, в то время как коренные южане, записанные в «Желтый реестр», платили налоги и исполняли повинности по полной норме. Правда, с 341 г. незнатных северян стали регистрировать уже по новому месту жительства и включать в число налогоплательщиков. Но на уровне элиты различия сохранялись.

Верхнюю ступеньку социальной лестницы в Восточной Цзинь занимали знатные «старые кланы», ниже их стояли худородные «холодные» или «простые» мужи. Родовитость клана удостоверялась его географическим происхождением и генеалогией. Реестры знатных кланов («сто семей»), фактически состояли только из «переселенческих фамилий» бывших северян. Коренные «кланы Юго-Востока» записывались в генеалогических реестрах

отдельным разделом с оговоркой, что они не принадлежат к числу «ста семей». Важным признаком знатности в аристократическом обществе Восточной Цзинь считался стиль жизни аристократов. В государственном аппарате барьер между «старыми кланами» и «холодными» выражался в разделении должностей на «чистые» и «грязные».

Обладание «второй категорией» давало аристократам право занимать «чистые» должности – высшие посты в столичной администрации, на которые они могли заступать еще в юном возрасте. А «холодные» *ши* могли поступать на службу только с 30 лет и лишь после сдачи экзаменов. Впрочем, «северные» аристократы не взяли в свои руки всю административную власть на Юге. Они даже не стремились к этому, а позиционировали себя в качестве «необычных людей», «белых журавлей», для которых бюрократическая деятельность представлялась «низшим» занятием. Поэтому в государственном аппарате постепенно нарастала роль чиновников из «холодных» домов. В результате на Юге сложилось противопоставление деятельного гражданского или военного чиновника и изнеженного, сентиментального, не приспособленного к жизни и к службе аристократа, считавшего «холодных» людей деревенщиной.

Восточная Цзинь контролировала не более трети населения старого Китая, но потребности у двора и бюрократии оставались прежними, а расходы на войну несравненно более высокими. Налоговое бремя выросло втрое по сравнению с периодом Троецарствия. Крестьяне бежали под власть «сильных домов» или буддистских монастырей, уходили на новые земли. Государственная собственность на Юге была развита слабо, оставалось лишь усиливать репрессии за невыполнение тягла.

Экономический гнет и социальная напряженность создавали питательную среду для мятежей провинциальной знати и народных восстаний. Особую угрозу представляло соединение того и другого. Активизировалась старая даосская секта «Учение о пяти доу риса»: пять ковшей—«доу» риса нужно было внести для вступления в секту, а созвездие Ковша (Большой Медведицы) считалось у даосов вместилищем душ «Высокого неба». Секте удалось создать широко раскинувшуюся и иерархически структурированную сеть. Помимо крестьян и деклассированных элементов к движению примкнули некоторые южные аристократы. Так, вожди восстания Сунь Тай, Сунь Энь и Лу Сюнь были потомками местной династии У. Начавшись в горах Запада, восстание заполонило бассейн Янцзы. Лодочная флотилия спустилась вдоль побережья и захватила приморский город Гуанчжоу, мятежники угрожали столице. После поражений восставшие отходили в горы Запада и леса Юга, но затем наступали вновь. Бороться с ними могли только закаленные в боях ветераны. К ним принадлежал военачальник Лю Юй, неоднократно громивший на севере «варваров» и сумевший освободить старые столицы – Лоян и Чанъань; его каждый раз перебрасывали затем на юг.

Большую часть восставших удалось разбить к 412 г., хотя в горах сопротивление продолжалось еще долго. В следующем году был упразднен «Белый реестр», освобождающий вписанных в него северян от налогов и повинностей – так власти пытались ослабить социальную напряженность.

За подавление восстания пришлось заплатить потерей всех завоеваний на Севере. Лю Юй переложил всю вину за поражение на потомков север-

ной знати, возглавляемых родом Сыма. После серии дворцовых переворотов Лю Юй в 420 г. сам принял императорский титул, основав династию южная Сун. Новый император был характерным представителем «холодных домов». Будучи сыном писаря, выросший в военных лагерях, он доверял только силе оружия. Укрепляя власть новой династии, он завещал назначать командующих Северной и Западной армий только из числа членов правящего императорского дома. В итоге «северная» аристократия временно утратила контроль над армией и была поставлена под строгий надзор государства. В то же время укреплялись сословные барьеры между аристократией и остальными слоями общества. Это была реакция аристократии на возвышение «худородной» знати, низших слоев ши и богатых простолюдинов.

ЭПОХА ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ЦАРСТВ

Период 420–589 г. получил название «эпохи южных и северных царств» (Нань Бэй Чао). Он характеризуется стабилизацией обстановки на Севере Китая и самостоятельным существованием двух государств, разделенных рекой Янцзы. В Северном Китае к концу IV в. выделилось «царство» тобгачей Северная Вэй. Племя тоба (одно из четырех подразделений народности *сяньби*) во главе Тоба Гуем к началу второй трети V в. распространило власть на весь Северный Китай, восстановило контроль над восточным участком Великого шелкового пути, успешно воевало с северными кочевниками – жузянями.

Перед тем как провозгласить себя императором (399 г.), Тоба Гуй переселил в свою новую столицу Пинчен в провинции Шаньси около 100 тыс. семей китайцев, в том числе и множество ремесленников. Им запрещалось самовольно покидать город, их дети наследовали профессию и статус родителей. Чтобы наладить снабжение столицы, Тоба Гуй посадил часть кочевников на землю, пытаясь создать земледельческие поселения, в которых степняков учили заниматься сельским хозяйством. Но эта попытка оказалась неудачной, и на пустующие земли стали возвращать китайцев, ранее бежавших от кочевников – за первую половину века в столичный округ было переселено до миллиона человек. Китайцы обеспечили Северную Вэй зерном и промысловой податью. С тобгачей брали лишь налог лошадьми, и они вернулись к привычным для них скотоводству и военной службе.

Для тобгачской знати выделялись первые четыре чина из китайской должностной иерархии, тогда как пять низших остались открыты для китайцев. Вопреки китайским принципам, высшие должности были наследственными, что делало роды обладателей этих постов богатыми землевладельцами.

Доверенным лицом троих правителей, Тоба Гуя, Тоба Сы и Тоба Тао, являлся китаец Цуй Хао. По его рекомендации Тоба Тао приглашал к управлению сотни ученых китайцев из южной империи Сун, так как, не имея корней на Севере, они оказывались более зависимы, а значит надежны. Ни Тоба Гуй, ни Тоба Сы не стеснялись своего «окраинного» происхождения. Победоносный император Тоба Тао (424–450) также подчеркивал древность происхождения тобгачей, стремясь напомнить окитаившейся знати ее родовые корни. Узнав, что на севере, в местах прежнего обитания тобгачей, найден древний

пещерный храм, он велел в 443 г. высечь там надпись, гласившую, что предки Тоба, «начиная с самых ранних владык, обитали в тех дальних землях и полях беспрерывно великое множество лет».

Но в то же время была сформулирована и иная версия, согласно которой Тоба-Сяньби являлись потомками древнекитайского императора Хуан-ди, чей младший сын получил в удел далекие северные земли, где находилась «большая гора Сянь би», давшая имя всему роду. Но с упадком императорской власти вспыхнули смуты, северяне-тобгачи оказались надолго отрезаны от Китая «злыми» народами и потому о них не сохранилось упоминаний в китайских летописях. Наказав варваров, правители Тоба воссоединились со страной своих предков. Совершая регулярные императорские жертвоприношения в храмах Хуан-ди и других великих императоров Древнего Китая, император Северной Вэй подчеркивал свое «родство» с китайскими предками, претендуя на роль реставратора идеальных норм древнего управления.

В сосуществовании двух противоречивых версий мифа о происхождении тобгачей можно усмотреть борьбу тенденций в императорской политике. Не менее напряженной оказалась при дворе Тоба Тао и борьба конфессиональная. Поначалу он вслед за своими предшественниками проявлял веротерпимость: конфуцианцам доверил управление страной, приютил у себя дабсов, щедро одаривал буддийские монастыри (последнее возмущало конфуцианцев). Цуй Хао негодовал: «Зачем нам, китайцам, почитать варварских богов?»

В это время в столицу прибыл даос Коу Цянь-чжи – «учитель правил Небесного дворца», реформатор, отмежевавшийся от пророков, толкавших народ на мятежи, но много сделавший для превращения даосизма из секты в религию. Цуй Хао неожиданно оказал ему протекцию, усмотрев в его учении альтернативу чужеземному буддизму. Учение Коу Цянь-чжи увлекло императора Тоба Тао, и тот стал ревностным даосом. Он выстроил в столице даосский храм и взял даосский титул «Государя-покровителя наивысшего покоя».

Эта сугубо китайская по своему происхождению религия преследовалась на Юге Китая, и поэтому в лояльности даосов тобгачам можно было не сомневаться. Но даосизм служил также противовесом буддизму, широко распространенному среди северо-вэйской знати. Буддийские монастыри превращались в крупных землевладельцев, не платили налогов, а чем больше становилось монахов, тем меньше оставалось воинов. Готовясь к очередной войне, Тоба Тао в 438 г. велел вернуть в мир всех буддийских монахов моложе 50 лет. Укрыватели монахов подвергались преследованиям, закрывались буддистские школы. Но под запрет попали и шаманские культы язычников-тобгачей, которых обязали почитать китайских богов. При том что даосы многое взяли из магии народов Западного Китая, они нетерпимо относились к «суевериям».

Посетив буддийский монастырь в Чанъани и обнаружив там склад оружия, винокурню и женщин, Тоба Тао не только казнил местных монахов, но через два года, в 448 г., издал указ об уничтожении всех буддийских икон и статуй, сожжении индийских книг и предании смерти всех монахов и тех, кто, почитая чужеземных богов, делает идолов из серебра или меди. Хотя полагают, что указ был подготовлен при помощи Цуй Хао, его жестокость поразила даже конфуцианцев. По этому поводу сохранились полемические тексты. Один автор считал казни монахов справедливыми, так как они читали чужеземный закон, несли воинской повинности, нарушали долг детей

перед родителями (отказываясь от мира) и родителей перед детьми (соблюдая целомудрие), грешили перед своим телом (изнуряя себя постом) и не работали (собирая милостыню). Другой автор возражал: если государь любит тех подданных, которые мудры, то он должен жалеть тех, которые глупы, и просвещать их, а не казнить, лишая возможности исправиться. Он должен распространять конфуцианскую истину, которая кладет конец буддийским заблуждениям, но без напрасного кровопролития. Еще больше была возмущена тобгачская знать, симпатизировавшая буддистам. Наследник престола решил задержать опубликование указа, дав возможность многим монахам скрыться и спасти книги и иконы.

Экспедиция, предпринятая Тоба Тао на Юг в 450 г., не принесла победы, хотя его армия выдвинулась к столице империи Сун, от которой ее отделяла только водная преграда Янцзы. Вернувшись с большими потерями, Тоба Тао выместил злобу на своем сыне, защитнике буддизма. Начались казни, однако и сам император пал жертвой заговора.

Последующие императоры восстановили буддизм, а один тобгачский правитель, возведя гигантскую статую Будды, сам ушел в монастырь. Его сын Тоба Хун перенес столицу в Лоян, великолепно отстроив его заново, и в его окрестностях заложил грандиозный пещерный монастырь Лунмэнь. Он попытался радикально решить вопрос культурной идентичности своих подданных. В 495 г. под страхом смерти он запретил тобгачской знати употребление сяньбийского языка, одежды и причесок, им предписывалось взять себе китайские фамилии и жениться на китайках. Наконец, Тоба Хун приравнял китайскую элиту к тобгачской и переименовал династию в Юань. Высшей знатью этнических китайцев стали «четыре фамилии» (фактически пять), которым соответствовали «восемь фамилий» знатнейших родов Тоба.

Ниже китайско-тобгачской «элиты» располагались еще четыре класса китайских фамилий, которым соответствовали равные по знатности тобгачские роды. Такой горизонтальной стратификацией высших слоев общества Тоба Хун пытался «спасть» китайцев и тобгачей хотя бы на уровне социальной верхушки. Еще большее значение имела проведенная им реформа надельной системы, возрождавшая систему Сымя Яня. Новое заключалось в том, что дополнительные наделы давались теперь не только на членов семьи, но также на раба или буйвола. Кроме того, семья получала от 20 до 30 му земли в качестве приусадебного участка, которая, в отличие от пахотной земли, не подлежала перераспределению. Реставрировалась и старая система круговой поруки: пять дворов составляли низшую организацию – «соседство», пять «соседств» – «деревню», пять «деревень» – «селение». Все эти меры призваны были укрепить экономическую базу слабеющей империи, заинтересованной в войнах и налогоплательщиках. Однако остановить рост частного землевладения не удалось ни на Севере Китая, ни на Юге. От гнета казенных податей крестьяне бежали под покровительство богатых землевладельцев, что ослабляло центральную власть.

И на Юге, и на Севере происходили частые дворцовые перевороты. Ярким примером может служить судьба северовэйского царевича Юань Гуна, восемь лет выдававшего себя за глухонемого, чтобы выжить в череде кровавых заговоров. Только в 531 г., когда его посадили на престол, он вдруг заговорил. Это его и сгубило – он был свергнут в следующем году. Вскоре

империя Северная Вэй распалась на Восточную Вэй (534–550) со столицей в городе Е и Западную Вэй (534–556) со столицей в Чанъани. Позже на их месте образовались соответственно империя Северная Ци (550–577) и Северная Чжоу (557–581).

В начале и в середине VI в. наблюдался некий «сяньбийский ренессанс»: тобгачская знать боролась за возвращение национальных обычаев и языка, а в политическом отношении склонялась к союзу с новыми хозяевами Великой степи – тюрками, образовавшими в 551 г. Первый Тюркский каганат. В Западной Вэй военачальнику Юйвэнь Таю удалось создать прочную базу из закаленной в боях и хорошо организованной армии и не допустить усиления аристократии. В 554 г. была создана новая военная организация – *фубин*, в соответствии с которой армия состояла из 24 подразделений и корпусов. Семьи воинов, служивших в войсках «фубин», освобождались от налогов и податей. Их продвижение по службе зависело не от родovitости предков, а от воинской доблести и заслуг.

Китайцы, уже численно преобладавшие в армии и при дворе, с неудовольствием смотрели, как правители Юань, Западной и Восточной Вэй, а затем Северной Чжоу и Северной Ци пытались организовать союз с тюрками, таивший новые опасности для Китая. Военачальник царства Северная Чжоу Ян Цзянь, заработавший авторитет в ряде успешных войн и сумевший в 577 г. разгромить государство Северная Ци, в 581 г. провозгласил себя императором династии Суй. Он стал известен под именем Вэнь-ди в качестве первого правителя объединенного Китая.

Южный Китай в V–VI вв. переходил от деятельного спокойствия в период правления династии Сун (420–479) к спокойной спячке. На смену энергичным сунским императорам пришли пять правителей эфемерной династии Ци (479–502), с калейдоскопической быстротой сменявшие друг друга на южнокитайском престоле и с трудом отбивавшие нападения северян. В начале VI в. власть в Южном Китае захватили правители династии Лян (502–557), павшей под ударами последней южной династии Чэнь (557–589). Впрочем, династия Чэнь контролировала большую часть, но не весь Южный Китай, так как на его территории обосновалась также династия Поздняя Лян (555–587), отколовшаяся от династии Лян за два года до ее падения и уступившая власть династии Чэнь за два года до гибели последней. Подавив сопротивление «сильных домов», не желавших признавать его императором, суйский Вэнь-ди в 589 г. захватил Цзянькан – столицу южнокитайского государства Чэнь.

Период Лючао закончился. Китай был вновь объединен.

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЭПОХИ ЛЮЧАО

Века разобщения страны оцениваются китайской историографической традицией крайне негативно. Падение империи сопровождалось мятежами, разорением городов, варварскими завоеваниями, которые несли гибель и лишения миллионам людей. Но те, кто исследует китайскую культуру, иногда называют этот период «Блестящие Темные века».

Если взглянуть на эпоху Лючао с точки зрения ее влияния на позднейшую культуру Китая, то выясняется, что при неизменном почитании на-

следа древности деятели «кисти и тушечницы» последующих веков чаще обращались к авторам, творившим именно в это беспокойное время. Культура Лючао представляется прежде всего периодом энциклопедий, сводов и комментариев, решавших важнейшую задачу сохранения, систематизации и передачи наследия древней культуры. Приведем лишь некоторые примеры. В энциклопедии северокитайского ученого начала VI в. Цзя Сысе «Необходимое искусство для простого народа» содержались не только сведения из 180 агрономических трактатов, но и привносилось немало нового, порожденного сельскохозяйственными экспериментами северных правителей и достижениями агротехники на Юге. «Записки о развитии природных данных и продлении жизни» Тао Хунцина (452–436) обобщают весь опыт китайской медицины. Его семитомная фармакопея описывает 720 видов лекарств.

Еще в конце ханьской эпохи был создан классический словарь китайского языка, содержащий свыше 9 тыс. иероглифов. Но в IV в. он был существенно дополнен словарем «Лес письмен» (Цзылин), насчитывающим почти 13 тыс. иероглифов, а словарь «Яшмовая книга» (Юйпянь), составленный в 543 г., включал в себя уже почти 17 тыс. знаков. Царевич из династии Лян Сяо Тун (501–531) прославился как составитель антологии «Литературный сборник», собрания всего лучшего, что было создано китайской изящной словесностью в предыдущие века.

Чрезвычайно популярным в Китае было и остается творение Го Пу (287–324). Именно в его редакции дошла до потомков знаменитая «Книга гор и морей». Го Пу был блестящим поэтом, астрономом, математиком, ботаником, зоологом и географом. Но «Книга гор и морей» сообщала в основном сведения о воображаемом мире, отчасти выполняя роль бестиария или пособия по демонологии.

Но, пожалуй, самым популярным сочинением являлось «Новое изложение рассказов, в свете ходящих», составленное Лю Ицзином (434 г.). Сборник остроумных изречений и забавных историй из жизни кумиров ученой элиты того времени: философов, художников, каллиграфов, поэтов – играл роль своеобразного путеводителя по художественной жизни, в увлекательной форме приобщая читателя к культурному универсуму эпохи.

К наследию культуры времен Лючао обращались в последующие эпохи не только за справочным материалом. Традиционная китайская культура и ее конфуцианские идеалы невысоко ставили воинов, отсюда и поговорка: «Хорошее железо не идет на гвозди, хороший человек не идет в солдаты». Самостоятельного сословия благородных воинов, обладающих особым этосом, здесь так и не сложилось. Но время от времени те, кто воспевал борьбу против завоевателей, или подвиги тех, кто поднимался против несправедливости, нуждались в литературных образцах. И тогда они черпали вдохновение все в той же смутной эпохе.

Не случайно великая китайская средневековая эпопея называется «Троецарствие». Цао Цао, усмиритель восстания «Желтых повязок», сам прославился как литератор и поэт. Ему принадлежит не только популярный трактат о военном искусстве, но и цикл стихов, повествующих о тяготах солдатской жизни. Позже о нем говорили, что он «писал стихи в седле с копьём наперевес». С его легкой руки развитый в Китае жанр *юэфу* – подражаний народным песням, начал претерпевать изменения. Если на Юге «юэфу» сохраняли

характер либо любовных призывов, либо элегий, то на Севере они все чаще воспевали ратные подвиги и любовь к родной земле. Исследователи отмечают влияние на северные «юэфу» фольклора кочевников, чье прославление воинской доблести не укладывалось в нормы конфуцианства. В начале VI в. уже упомянутый «Литературный изборник» Сяо Туна включает анонимную поэму «Хуа Мулань», о девушке, которая, несмотря на строжайший конфуцианский запрет для женщин братья за оружие, отправилась защищать отчий край. Этот сюжет получит дальнейшее развитие в XII в., когда на Китай вновь обрушатся северные племена.

Важной чертой этой эпохи была ее замкнутость на себе самой и протекающий из этого эстетический аристократизм. Деятели культуры были ориентированы на духовную коммуникативность, создавая поле взаимных оценок. Не случайно в это время рождается новый жанр литературной критики (наиболее характерный пример – сочинение конца V в. «Резной дракон литературной мысли»). Поэты, философы и художники творили в основном в окружении друзей, и потомки ценили не только их идеи, но и стиль общения. Славу эпохи Вэй составили «семь поэтов», деливших друг с другом своими стихами, пользуясь покровительством поэта-правителя Цао Цао и его сына – императора Цао Пи (220–226), также поэта и автора трактата о пользе словесности для управления государством.

В следующем поколении прославилась другая плеяда – «семь мудрецов из бамбуковой рощи». Входившие в нее поэты-философы предпочитали камерной придворной жизни свободные дружеские беседы в лесу. Образы ничем не стеснявших себя, веселившихся от души мудрецов стали живым воплощением новых идеалов аристократии. Один из них, Цзи Кан (223–262), остроумно и едко обличал лицемерие традиционной морали, используемой властью имущими, и эпатировал строгих конфуцианцев своим поведением.

У его не менее эксцентричного друга Жуань Цзи (210–263) критика конфуцианской морали носила философский характер. Под влиянием даосизма он подчеркивал бессилие человеческого разума перед совершенством великого Дао, предел которого «смешение всего в одно». Постигнувший это всеединство становится «совершенным человеком» и обретает бессмертие, но для тех, кто лишь «утверждает себя», вечность недостижима, а конфуцианский ханжеский идеал «благородного мужа» ввергает Поднебесную в ужас мятежей и гибели. Но философ осуждает и тщеславное отшельничество, тогда как подлинное отшельничество – духовного свойства, странствия его духа в поисках пустоты (*сюй*) не могут быть поняты суетным миром.

Возможно, «мудрецы из бамбуковой рощи» предвидели крах старого конфуцианского государства. Как бы там ни было, но их философский опыт и стиль общения вскоре оказались востребованы. Пафос новой не государственной, но аристократической культуры заключался в преодолении «мира пыли и грязи» земной жизни ради вершин чистого творчества. Излюбленным занятием элиты на Юге становятся «чистые беседы» – свободные дискуссии, в которых красноречие сочетается с метафизическими построениями. В спорах об именах и сущностях вещей, о природе первоосновы мира особо ценились художественные достоинства речи. Риторика «чистых бесед» ориентировалась также на идеал «безмолвного постижения» при помощи жеста

или интуиции, что соответствовало буддистской проповеди «благородного молчания».

Тон в «новом изложении» задают непринужденная шутка, острое словцо, красивый афоризм, все – чуждое резонерства и нравоучительности. Выразителем этого стиля в живописи может считаться живший в конце IV в. художник Гу Кайчжи. Иллюстрируя классический трактат «Наставления старшей придворной дамы», он не только отказался от традиции давать размеры фигур в соответствии с их статусом, но и перенес смысловой центр с дидактического на эстетический уровень, противореча нравоучительному тону текста. Сентенция: «Мужчина и женщина знают, как украсить свое лицо, но не знают, как украсить свой характер», – содержала критицизм и давала строгие советы, однако художник концентрировался лишь на первой части фразы, изобразив элегантную придворную даму, смотрящуюся в зеркало, и другую даму рядом, длинные волосы которой служанка укладывает в прическу.

Вся сцена пронизана таким спокойствием и очарованием, которое не вяжется с морализаторством писателя. Но не всегда Гу Кайчжи противоречил тексту. Его шедевром считается свиток «Фея реки Ло», на тему известной поэмы Цао Чжи (опального брата вэйского поэта-императора Цао Пи), посвященный неожиданной встрече поэта с прекрасной нимфой и печали расставания с призрачной женщиной-мечтой. Передавая настроение поэмы, художник переводит образы поэта, воспевающие красавицу (лебеди, драконы, хризантемы, сосны) в образы изобразительные. Вплетенные в пейзаж, они воспринимаются как метафоры физического присутствия нимфы.

Новым были и роль пейзажа, и то, что темой стала не женщина как таковая, но ее красота как предмет поэтического вдохновения. Прославился Гу Кайчжи и как автор трактата о сущности художественного творчества, и как каллиграф, и как остроумный человек, для которого игра тонкими оттенками смыслов слов являлась любимым развлечением. Но главное, что фиксирует в своем сборнике Лю Инцин, – это чудачества художника, служившие объектом насмешек друзей: «Кайчжи превзошел всех в трех отношениях: как остроумный человек, как художник и как чудака». Эпатажные проявления культуры, трансформированные в разновидность тонкого эстетства – характерная черта «людей ветра и потока» (*фэнлю*). Этот стиль поведения, продиктованный отчасти вызовом конфуцианству, отчасти философскими принципами буддистов и даосов, станет атрибутом «творческой богемы», но не только ее.

Стремление новых аристократов духа «пребывать вне вещей» не ограничивалось их внутренним миром, но имело и зримые признаки – демонстративное пренебрежение повседневными заботами и обязанностями, вплоть до нарочитой небрежности в одежде, отрешенность от житейской суеты. На Юге Китая такой стиль поведения был воспринят как недовольной аристократией, так и теми, кто ей подражал. Поскольку правители Юга покровительствовали словесности, здесь процветала литература придворного стиля, главным для которой становилось отлитое в изящную форму изображение мира аристократии – «стонов без причин», «беспредметных бесед» и «ощущений прояснившегося духа» после принятия возбуждающих напитков и снадобий.

В этом утонченном мире «чистых бесед» и манерного поведения диссонансом звучало творчество Тао Юаньмина (365–427). Мелкий чиновник, лишь в 29 лет получивший первую должность, тяготился службой, предпо-

читая общаться с друзьями, любоваться природой, прогуливаться с женой и детьми. Не желая унижаться перед присланным ревизором – «прогибаться ради пяти пудов риса» (таково было натуральное жалованье уездного чиновника), он вышел в отставку в 41 год и остаток жизни жил своим трудом, пребывая в бедности, но продолжая воспевать сельскую жизнь. Ничего примечательного в его жизни не произошло. Но его влияние на всю дальнейшую литературу оказалось огромным. Его цикл стихов «За вином» считается одной из вершин китайской поэзии:

Я поставил свой дом
В самой гуще людских жилищ,
Но минует его
Стук повозок и топот коней.
Вы хотите узнать,
Отчего это может быть?
Вдаль умчишься душой,
И земля отойдет сама.
Хризантему сорвал
Под восточной оградой в саду,
И мой взор в вышине
Встретил склоны Южной горы.
Очертанья горы
Так прекрасны в закатный час,
Когда птицы над ней
Чередой летят домой!
В этом всем для меня
Заключен настоящий смысл.
Я хочу рассказать,
Но уже я забыл слова...
(Пер. Л. Эйлина)

Несмотря на то что придворные поэты считали Тао Юаньмина деревенщиной, к нему пришла посмертная слава. Его идиллические стихи соответствовали стремлению к тому «невысокомерному отшельничеству», о котором говорили еще «мудрецы из бамбуковой рощи». Даже если поэт не принадлежал к даосам или буддистам, его успех был подготовлен мощным влиянием на культуру этих двух учений.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ

Кризис архаической религии и старого конфуцианства выражался в духовных исканиях, охвативших все общество от рабов и крестьян до всемогущих императоров и знатоков умозрительной философии. Именно в эту эпоху даосизм из набора философских идей и колдовских практик превращается в религию. Даосизм учил созерцательному отношению к жизни. «Дэ» – индивидуальный путь постижения «Дао» (всеобщего закона бытия) лежал через «У-вэй» («недеяние», понимание того, когда надо действовать, а когда – бездействовать). Однако однажды «недеяние» даосской секты «Путь Великого Благоденствия» обернулось гигантским восстанием, погубившим империю Хань. Оно было потоплено в крови, но идея общности людей по призна-

ку веры, избранных «людей-семян», которым уготовано блаженство в обновленном мире, выжила и подпитывала деятельность новых сект. Затем «Учение о пяти доу» создало иерархически структурированную сеть тайных обществ во главе с «Небесным наставником», считавшимся земным наместником «Высочайшего старого правителя» (обожеествленного Лао-цзы).

Даосская практика основывалась на поисках бессмертия («эликсира жизни»), а также общих молениях, гаданиях и прорицаниях, особом питании и особых практиках половой жизни. Даосизм многое унаследовал от общинных интересов крестьянства, считая главным идеалом «сообщительность» и «всеобщность», а тягчайшим грехом – «накопление праведности для самого себя». Это толкало даосов к активным действиям в ожидании прихода «даосского мессии» и к созданию теократического государства. В самом начале III в. они попытались создать его в Сычуани, через столетие – в землях «западных варваров», затем даосизм на некоторое время стал государственной религией в Северной Вэй благодаря деятельности Коу Цянчжи. В юности к нему явился «Высочайший старый правитель» и повелел искоренить пороки даосских сект: отказаться от лжепророков, от налога в пять доу риса, от обряда «слияния жизненных сил», который злые языки называли оргией.

Другой реформатор даосизма Тао Цзин создал на Юге «Школу высшей чистоты» на горе Маошань. В его учении утопическое царство «даосского мессии» превратилось в «Небо людей-семян», доступное тем, кто обрел бессмертие. Акцент переносился на индивидуальную религиозную практику. Тао Цзин не случайно был составителем фармакопеи – даосы не только умели лечить болезни, но учили, что управление силами организма и применение «пилюль бессмертия», над которым трудились даосские алхимики, может принести вечную жизнь.

Перенимая многое от фольклорной традиции (в даосах видели магов, умеющих летать, становиться невидимыми и предсказывать будущее), даосизм играл роль посредника между «народной» религией и религией официальной. Ему удалось стать религией, с которой власти стали считаться. Трансформация даосизма во многом объяснялась заимствованиями из буддизма. Явно в подражание буддийскому канону в V в. складывается даосский канон «Сокровищница Дао», включавший более 250 текстов. Подобно буддистам, даосы стали основывать в горах свои монастыри и почитать своих святых, скопированных с буддийских бодхисатв (достигших совершенства, но жертвующих своим счастьем, помогая людям).

Но и буддизм был многим обязан даосам. Буддийские миссионеры, прибывшие из Индии и Парфии, и их китайские ученики использовали даосские понятия и термины для перевода священных текстов, что обеспечило быструю интеграцию буддизма в китайскую культуру. Впрочем, при всем сходстве «недеяния» у даосов и буддистов были совершенно разные цели. Первые ориентировались на обретение бессмертия и слияния с главным законом жизни, вторые мечтали, разорвав цепь перевоплощений, достигнуть нирваны. Буддизм начал проникать в Китай с середины I в., но резкий подъем его влияния начался лишь с IV в. – времени варварских государств на Севере и господства мистических настроений аристократии на Юге. Среди всеобщей ненависти буддисты занимали позицию беспристрастных наставников мира. Буддийский идеал равенства людей выступал альтернативой обществу,

Сидящий Будда. Пещерный монастырь Цяньфодун. Китай, пров. Ганьсу. Конец V в.

разделенному на враждебные этнические и сословные группы. Сращивание буддизма с китайской ученостью произошло на основе переведенных в III в. канонов буддизма махаяны. На Юге монах Дао Ань (312–385 гг.) разработал образцовый монастырский устав; его ученик Хуэй Юань (334–417 гг.) известен как основатель культа владыки рая «Чистой Земли» Амиты, ставшего популярнейшим божеством на Дальнем Востоке.

На Севере монах Кумараджива, прибывший в 402 г. в Чанъань из Кучи (буддийского государства Центральной Азии), проделал гигантскую работу по переводу основного корпуса буддистских сутр. Его ученик Даошэн сформулировал учение о присутствии Будды во всех живых существах. В V в. буддизм утвердился прочно, завоевав симпатии и простонародья, и аристократов, и императоров, которые порой сами уходили в монастырь или объявляли себя воплощениями Будды. На Севере буддизм завоевал положение государственной религии со второй половины V в., на Юге – с начала VI в. Всё

больше монастырей, пользуясь покровительством властей, не только превращались в центры образования, но и приобретали обширные земельные владения. Монахи оказались рачительными хозяевами: монастыри отвоевывали у лесов все новые участки земли, осваивали горные террасы.

Распространение буддизма встречало сопротивление со стороны конфуцианской идеологии. Вспомним полемику времен Тоба Тао, пытавшегося запретить эту религию. Подобные запреты время от времени повторялись, но без успеха. Буддизм и даосизм служили своеобразной реакцией китайской культуры на традиционное конфуцианство, хотя многое в этих религиях было заимствовано именно из него. Но и конфуцианство, претерпев значительные изменения, сумело приспособиться к новым условиям и через некоторое время нашло в себе силы вернуть утраченные позиции.

* * *

Итак, культура эпохи «Шести царств», обобщив и сохранив древнее наследие, сумела осуществить сложный религиозно-философский синтез, отвечавший вызовам времени. Различные традиции вели напряженный диалог, усиливая внимание к внутреннему миру человека и придавая китайской культуре высокую степень сложности. Как можно объяснить парадоксальное развитие культуры на фоне распада государственности?

1. Этот распад и был одной из причин. Среди царей как «варварского» Севера, так и «цивилизованного» Юга в этот период попадалось немало тиранов и самодуров. Но если император единого Китая мог, как Цинь Шихуан-ди, закопать ученых живьем в землю, сжечь все исторические хроники или обескровить страну возведением Великой стены, то ни один из правителей периода Лючао не имел такой возможности, поскольку он не владел всей Поднебесной. Даосы или буддисты, преследуемые в одном государстве, находили приют у другого императора. Соперничавшие правители стремились превзойти друг друга красотой столиц, блеском двора, покровительством философам, поэтам и монахам. Не раз в истории полицентризм благоприятствовал культуре.

2. В эту эпоху культура была востребована. «Спрос на культуру» был продиктован напряженными поисками как этнической, так и социальной идентичности. Ни Великая стена, ни отлаженная государственная машина, ни отчаянное сопротивление не защитили китайцев от варваров. Но ханьцы могли противопоставить завоевателям великую культурную традицию, развивая которую, они сопротивлялись «варварам». Последние же то стремились присвоить достижения китайской культуры, то пытались найти ей альтернативу либо в буддизме и даосизме, либо в возвращении к собственным корням. На Юге бежавшие северяне подчеркивали свою культурную исключительность, вызывая эффект подражания у местной элиты. В антагонизме «горячих» и «холодных» семей культура выступала способом самозащиты утонченных аристократов от ретивых служак, но для чиновников, тянувших лямку службы, овладение достижениями культуры давало возможность выдержать экзамен на чин. Ученые и интеллектуалы («ши»), обретая черты наследственного сословия, начали отделять себя от государственной власти, выступая в роли носителей «национальной идеи», выражаемой через культуру.

3. В предыдущем томе подчеркивалось, что китайская культура была самодостаточна, развиваясь без всяких внешних воздействий. Но в III–VI вв. силу таких воздействий можно сопоставить лишь с влиянием на Китай европейской цивилизации в XIX–XX вв. Китайская культура была как никогда синкретична, став ареной взаимодействия самых разных тенденций. Буддизм, пришедший из Индии через Центральную Азию, а также проникавший в Китай южным путем, через Юго-Восточную Азию, взаимодействовал с даосизмом, обогащенным верованиями «западных варваров».

Северные кочевники подарили Китаю складные стулья («варварские сиденья»), употребление молочных продуктов, искусство верховой езды и героический эпос. Народы Юга обогащали китайскую лирику любовными мотивами, а китайскую агрокультуру – субтропическими и тропическими растениями и технологиями рисоводства. Именно в этот период различные элементы китайской культуры отлаживали систему взаимодополнения друг друга. Созерцательность и мистицизм буддизма и даосизма корректировали рационализм конфуцианства, без которого, однако, они не обрели бы в Китае свою законченную форму. Усложненность поэтических, философских и этических конструкций компенсировалось «опрощением», за которым скрывалась особая мудрость.

В результате китайская культура обрела удивительную пластичность и силу, что обеспечило ее успех в сопредельных странах. Отстроенная «варварами» столица Лоян стала прообразом будущих императорских столиц не только Китая, но также Японии, Кореи и Вьетнама. Полководец Гуань Юй, прославившийся в период Троецарствия и воспетый в одноименном романе, будет позднее обожествлен в Китае как бог войны Гуань-ди, а в его изображении тибетцы, монголы и буряты признают Гэсэра, своего эпического героя. Корейцы же будут считать Гуань-ди героем, освободившим некогда их страну от японцев.

«Семь мудрецов из бамбуковой рощи» стали олицетворением философского отношения к жизни и вошли в китайский фольклор. В Японии этот образ стал ассоциироваться с буддистскими божествами («семь богов счастья»), которые несли в мир благо и процветание.

Так культура эпохи Лючао не только определила фундаментальные черты будущей культуры Китая, но и во многом сформировала общий характер всей дальневосточной цивилизации. Главное же состояло в том, что в данный период культура лучше, чем государство, справилась с задачей сохранения китайского общества, во многом трансформировавшегося под воздействием внешних влияний.

Иранская династия Сасанидов, сменившая парфянскую династию Аршакидов (247 г. до н.э. – 224 г. н.э.), правила Новоперсидским царством с 224 до 651 г. Основоположником династии был Арташир (Артаксеркс римских источников), сын Папака и внук Сасана, происходивший из рода наследственных хранителей храма богини Анахид в городе Стахре – центре области Парс (Персида античных источников) на юго-западе Ирана. Правители этой области были вассалами Аршакидов, но обладали некоторой самостоятельностью, в частности еще со времен Селевкидов чеканили свою монету.

В начале III в. н.э. Папак оттеснил от власти правителя Парса, а наследовавший ему Арташир повел борьбу с парфянским *шаханшахом* («царем царей») Артабаном V (213–224). В 224 г. в решающем сражении на равнине Ормиздаган Артабан потерпел поражение и погиб, а Парфянское царство прекратило свое существование. Сасаниды провозгласили себя преемниками и хранителями традиций Ахеменидов (549–331 гг. до н.э.) – создателей Персидской империи, которые так же, как и сами Сасаниды, были выходцами из Парса. От Аршакидов Сасаниды унаследовали неоднородную в этнополитическом, хозяйственно-экономическом и культурном отношении державу. В зависимости от природных условий в тех или иных областях Ирана получил распространение земледельческий или (полу)кочевой тип хозяйства. На большей части территории Ирана, представляющей собой сухое и каменистое плато, население вело полукочевой образ жизни. Лишь в небольших горных долинах и оазисах Иранского нагорья, отделенных друг от друга пустынными пространствами, практиковалось садоводство. В плодородных речных долинах Месопотамии (Саваде) и Хузистана, частично в Хорасане, Мидии, Фарсе и Азербайджане преобладало земледелие. Культивировались различные зерновые (ячмень, пшеница, рис и др.), виноград, плодовые деревья, финиковые пальмы и сахарный тростник.

Господствующим этносом в Парфянской империи были исповедовавшие различные зороастрийские культы иранцы (парны, парсы, мидийцы, курды). В Месопотамии, где иранцы не составляли большинства населения, жило много арамейцев, арабов и греков, поклонявшихся своим божествам. В Закавказье обитали армяне. Среди горожан часть населения составляли евреи.

В административном отношении держава Аршакидов состояла из множества царств и сатрапий, степень зависимости которых от центральной власти могла сильно различаться. Представители парфянской родовой знати (Сурены, Карены, Михраны, Спахпаты и др.) носили титул шаха («царя») и обладали большой автономией, в том числе имели свое войско. В Великой Армении (к востоку от Евфрата), находившейся в зависимости то от Парфии, то от Рима, с середины I в. н.э. правила побочная ветвь Аршакидов. Мелкие арабские княжества (такие как Хатра в Месопотамии) сохраняли свои традиции патриархально-родового устройства. Экономически развитые эллинистические города Месопотамии обладали самоуправлением. Полунезависимыми от центральной власти были кочевники. На своих западных границах

Парфия испытывала постоянное давление со стороны римлян, которые трижды (в 116, 164 и 199 гг.) грабили парфянскую столицу Ктесифон.

Уже первые Сасаниды – Арташир и его сын и наследник Шапур I (241–272) – предприняли ряд мер по укреплению верховной власти и централизации страны, создав основные институты сасанидского государства и церкви. Все царствование Арташира прошло в военных походах, направленных прежде всего на покорение «царств», из которых состояла Парфянская империя. Он подчинил себе собственно иранские области и потеснил римлян в Месопотамии, взяв города Нисибин и Карры. Шапур I также успешно воевал с римлянами в Сирии, Киликии и Каппадокии. В битве на Евфрате в 244 г. погиб Гордиан III, а его преемник Филипп Араб в том же году заключил мир с персами, по которому Шапур добился признания двойного подчинения Армении. Шапур взял Антиохию и Дура-Европос и в 260 г. в сражении близ Эдессы пленил императора Валериана. Несмотря на поражение, которое Шапур потерпел от союзника Рима, правителя Пальмиры Одената, выступившего против него в 262 г., баланс сил на границе Ирана и Римской империи не изменился, так как в 272 г. император Аврелиан уничтожил Пальмиру, опасаясь ее усиления. На востоке Шапур захватил западную часть Кушанской империи, которая занимала территорию совр. Афганистана, части Северо-Западной Индии и Средней Азии. Туда были назначены кушано-сасанидские наместники, которые до середины IV в. чеканили собственную монету.

Наместниками провинций, на которые империя была разделена при Шапуре I, часто назначались не чиновники, а сыновья шаханшаха, получавшие в таком случае титул шаха той или иной области. Главы семи знатных парфянских родов, оставаясь важными политическими фигурами, тем не менее, уже не могли, как при Аршакидах, вести борьбу за верховную власть, которая теперь происходила внутри правящего рода.

Города, пользовавшиеся самоуправлением в парфянскую эпоху, при Сасанидах перешли под контроль центральной власти. Ктесифон, оставшийся, как и прежде, столицей, получил иранское наименование Бех Ардашир. Ардашир и Шапур I развернули широкое строительство новых городов, которым присваивали царские имена (Ардашир-хуррэ, Бех Шапур, Нишапур и др.). Они ввели в практику переселение ремесленников из захваченных византийских городов в новые города Ирана.

Военно-политические итоги царствования Шапура I отражены в надписи, высеченной на башне Зороастра в Накш-и Рустаме на трех языках (среднеперсидском, парфянском и греческом). Шапур I принял титул «царь царей (*шаханшах*) Ирана и не-Ирана», который подчеркивал имперский характер его державы. Впоследствии противопоставление иранцев и неиранских народов стерлось и термином «Иран» стали обозначать все области, входившие в государство Сасанидов.

Сасаниды, несмотря на то, что свергнутые ими Аршакиды были так же, как и они сами, зороастрийцами, противопоставляли себя им как восстановители истинной веры, пришедшей в упадок еще в эпоху греческого завоевания и не получившей должной государственной поддержки при Аршакидах. На основе местных зороастрийских общин Сасаниды создали единую государственную религиозную систему и установили в храмах царские священные огни, в то время как династийные огни местных правителей подверглись

уничтожению. Сасаниды также запретили известное еще со времен Ахеменидов почитание культовых изваяний при богослужении.

Наряду с зороастрийцами, в Иране проживало много приверженцев и других религий. В городах Месопотамии издавна обосновались иудейские общины. В восточных областях Ирана имелись последователи буддизма. Число христиан при первых Сасанидах заметно выросло по сравнению с парфянским периодом, главным образом за счет христиан, взятых в плен в ходе военных кампаний Шапура I. Религиозная пестрота населения Ирана способствовала зарождению и распространению нового религиозного учения – манихейства.

Основоположник манихейства Мани происходил из знатной иранской семьи. Отец его был членом родственной секте эльхаизитов в Вавилонии, благодаря чему Мани рано познакомился с иудейской, христианской и гностической традициями. Усвоив также отдельные элементы зороастризма, Мани стал проповедовать собственную синкретическую религию, основы которой он изложил в книге под названием «Шабураган». Мани считал себя последним в череде великих пророков, передававших людям божественную истину, – Заратуштры, Будды и Иисуса Христа.

Мани провел много лет при дворе Шапура I, который предоставил ему право публичной проповеди. Несмотря на то что Мани пользовался покровительством шаханшаха, ярким противником манихейства выступал зороастрийский первосвященник (*эрбад*) Кирдэр, с именем которого связано становление государственной церкви при первых Сасанидах. После смерти Шапура Кирдэр приобрел большое влияние на его сына и преемника Хормизда I (272–273), который даровал Кирдэру новый, более высокий, титул – «мобад Ормазда» (т.е. «верховный жрец» Ормазда – главного божества зороастрийцев). По наущению Кирдэра Мани был схвачен и казнен; это произошло в царствование Вахрама I (273–276) или в самом начале правления Вахрама II (276–293). Несмотря на преследования манихеев, впоследствии их идеи распространились вплоть до Китая, а в самом Иране в конце V в. оказали большое влияние на формирование маздакизма, в особенности его социальной программы.

Конец эпохи ранних Сасанидов знаменует царская надпись Нарсе (293–302), младшего сына Шапура I, на перевале Пайкули (совр. Ирак). В этой надписи в последний раз наряду со среднеперсидским использован и парфянский язык. После этого единственным официальным языком в Иране стал персидский. На нем записывалась и вся зороастрийская религиозная литература – перевод Авесты с пословным толкованием и комментариями (Зэнд).

Империя Сасанидов стала важным звеном в системе государств, расположенных на Шелковом пути и других трансазиатских маршрутах, связывавших Китай, Центральную Азию и Ближний Восток. Через территорию Ирана проходила древняя дорога, которая использовалась еще с ахеменидских времен и была описана Геродотом под названием «царской». Из Малой Азии через Персеполь (к северу от совр. Шираз) путь вел в столицу древней Мидии Экбатаны (на месте совр. Хамадана), далее – в Герат, где он разветвлялся в северо-восточном (в Мерв, Бухару, Самарканд и далее в Китай) и южном (в Систан и через Кандагар в Индию) направлениях. В эту систему коммуникаций была включена и Аравия посредством маршрутов, шедших из Йемена через Хиджаз в Сирию и к берегам Персидского залива.

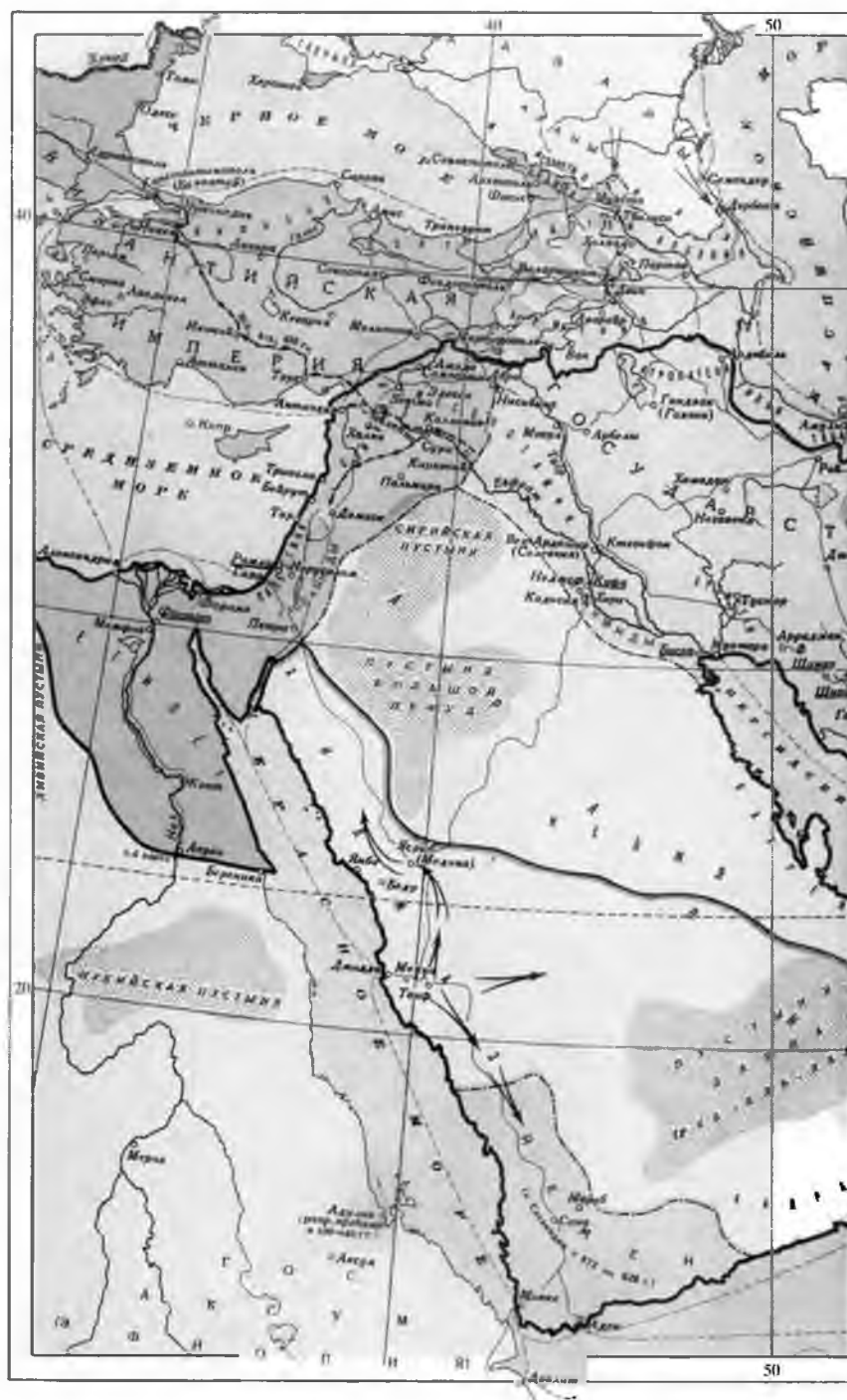
Государства, расположенные на этих международных путях, были тесно связаны между собой и составляли единую систему, границы внутри которой были подвижны и складывались в очень большой степени в ходе борьбы за контроль над тем или иным участком торгового пути. Эта взаимозависимость проявлялась не только во внешних конфликтах, но нередко становилась фактором внутренней политики того или иного государства, которая, в свою очередь, влияла на международный контекст.

На востоке при Шапуре II (309–379) Сасаниды завоевали Кушанское царство, занимавшее выгодное положение на центральноазиатском участке Шелкового пути. Успешной была и борьба против вторжений кочевников – гуннов, хионитов и кидаритов, несмотря на то что после 360 г. они вступали в союз с римлянами. В V в. положение на восточных рубежах империи осложнилось с появлением там в 427 г. эфталитов, или «белых гуннов», занявших земли к северу от Амударьи. С эфталитами упорную борьбу вели Йездигерд II (439–457) и Пероз Фируз (459–484). Дважды, в 465 и 484 гг., эфталиты наносили поражение Перозу. Пероз был убит, а его сын Кавад I (488–496, 499–531) длительное время находился у эфталитов заложником. Персы понесли большие военные потери и были вынуждены платить дань эфталитам. В 506–516 гг. кочевники неоднократно вторгались на территорию Ирана.

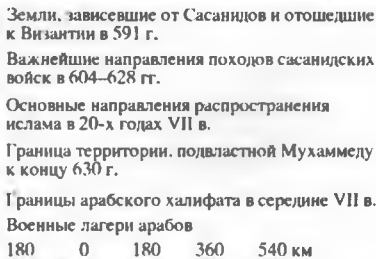
На западе империи Сасанидов постоянным источником конфликтов с Римом (впоследствии с Византией) была борьба за обладание Арменией, Месопотамией и Сирией. К началу IV в. в войнах с римлянами персы потеряли восточную часть Месопотамии и права на Армению, где воцарился римский ставленник Аршакид Трдат III. В 338 г. Шапур II вернул Армению. В сражении при Маранге в 363 г. погиб император Юлиан Отступник, с преемником которого Иовианом Шапур в 363 г. заключил выгодный для персов мирный договор. При Ардашире II (379–383) столкновения с Римом из-за Армении возобновились, а в 387 г. Шапур III (383–388) заключил с римлянами договор о разделе Армянского царства.

Несмотря на острое соперничество Сасанидов с Восточной Римской империей и державой эфталитов, отношения этих государств не исключали и тесного сотрудничества. Так, охрана Дербентского и Дарьяльского проходов от нашествий северных кочевников осознавалась Сасанидами и ромеями как сфера взаимной ответственности. Получила распространение практика, когда глава одной из империй усыновлял наследника престола другой империи. К примеру, в 408 г. по просьбе умирающего императора Аркадия шах Йездигерд I (399–421) усыновил его малолетнего сына – императора Феодосия II. А Кавад I, потерявший в 496 г. власть в результате заговора, вернул себе трон с помощью эфталитов.

Важные перемены во внутренней жизни Римской империи, где христианство после издания в 313 г. Миланского эдикта стало государственной религией, вызвало у Сасанидов опасения, что проримские симпатии христианских жителей Ирана могут поставить под угрозу единство империи. Начавшиеся в 322 г. гонения на христиан продолжались, с перерывами, вплоть до крушения Сасанидской империи. Шапур II обложил своих христианских подданных двойным налогом и податями. При Бахrame V Гуре (421–438) войны с Восточной Римской империей сопровождались со стороны Сасанидов притеснениями христиан в Сирии и Закавказье. Это вызвало

Сасанидский Иран

восстания в Армении в 451 и 483–484 гг., которые подорвали влияние Ирана в этом регионе и спровоцировали новые конфликты с Константинополем из-за спорных территорий.

После Эфесского собора 431 г. в Иран стали переселяться изгнанные из Византии несториане. Несмотря на то что благодаря притоку византийских несториан общее число христиан в Иране увеличилось, гонения на них во второй половине V в. ослабли, поскольку персидские христиане, большинство которых исповедовало несторианство, рассматривались Константинополем как еретики.

Усиление позиций христианства как в Византии, так и в самом Иране, стимулировало меры, направленные на укрепление позиций зороастризма и возвышение правящей династии. В первой половине V в. для главы зороастрийской церкви был введен титул *мобадан мобад* (т.е. «верховный жрец верховных жрецов»). Началось создание исторической хроники «Хвадай-намак» («Книги владык») с погодным изложением правлений сасанидских шахов, которое предварялось (полу)легендарными сведениями о предшествующих династиях – мифических Пишдадах и Кейанидах, а также Ашканидах. Все династии генеалогически связывались между собой, так что, согласно преданию, в Иране правил один царский род. Оригиналы этих сасанидских сочинений утрачены, но они известны в пересказах более поздних арабских историков (Табари, Хамзы ал-Исфагани и др.), опиравшихся на арабский перевод Ибн ал-Мукаффы середины VIII в., а также в поэтической передаче Фирдоуси (XI в.).

Социальные институты, характерные для парфянского времени, продолжали существовать и в сасанидскую эпоху, но подверглись определенной трансформации. В правовом отношении все население империи делилось на две группы: полноправные члены общин и неполноправные лица (в том числе рабы). Наряду с этим существовало деление на сословия (*нешак*) жрецов, воинов и прочих свободных лиц (крестьян, ремесленников и торговцев). Иранские сословия имели сходство с древнеиндийскими варнами, так как принадлежность к ним, определяемая по статусу отца, была наследственной. Перейти в более высокое сословие можно было только при наличии специального решения царя и знати. Сословия находились под контролем центральной власти, так как и сами сословия, и иерархические группы внутри них возглавлялись действовавшими от имени шаха представителями родовой знати. При Сасанидах получило развитие рабство, имевшее наследственный характер. Насчитывалось четыре категории рабов, которые использовались в сельском хозяйстве, строительстве, в качестве прислуги, могли быть представлены в качестве залога кредитору.

Собственность на землю существовала в виде храмовых поместий, где трудились зависимые лица, а также арендаторы; частных владений (*дастакертов*) с прикрепленными к земле рабами; общинного землевладения. Земельный налог (*хараг*) составлял шестую или третью часть урожая и являлся основным источником доходов казны. Лица, принадлежавшие к высшим сословиям (жрецов и воинов), освобождались от уплаты налогов. Незороастрийцы платили дополнительный налог – подушную подать (*гезит*).

В сасанидский период происходило постепенное расслоение общины (*наф*): с одной стороны, выделялась ее верхушка (*дехкане*), с другой – рядовые общинники пополняли формировавшийся слой «простонародья» (*рам*).

К концу V в. набрало силу маздакитское движение, приведшее к важным социально-политическим и экономическим изменениям в империи. Маздак был иранцем, принадлежавшим к сословию жрецов. Он проповедовал веру, близкую к манихейству, но с социальным акцентом, ратовал за общественное и имущественное равенство и возвращение к общинным порядкам. Эти лозунги нашли отклик у самых разных социальных и этноконфессиональных групп, настроенных против родовой аристократии и высшего зороастрийского жречества. Видную роль в движении играли дехкане, социальный статус которых уже не соответствовал их реальному положению в обществе. Движению маздакитов оказывала поддержку и аристократия, пытавшаяся использовать его в своих интересах.

Маздак расположил к себе шаханшаха Кавада I, стремившегося ограничить влияние знати, но имел сильных противников в лице знати и высшего духовенства, рассматривавшего маздакитов как еретиков. После того как Кавад I принял учение Маздака, родовая знать и зороастрийское духовенство совершили дворцовый переворот, приведя к власти его брата Замаспа (496–498), но через некоторое время Кавад при поддержке эфталитов вернул себе трон, подвергнув заговорщиков репрессиям.

Сын Кавада Хосров, опасавшийся возможной радикализации маздакитского движения, привлек на свою сторону дехкан и в 528–529 гг. разгромил Маздака и его ближайших сторонников. Уцелевшие маздакиты укрылись в труднодоступных горных районах Ирана; впоследствии, в VIII–IX вв., члены маздакитских общин принимали участие в оппозиционных суннитскому исламу движениях хуррамитов, шиитов и хариджитов, выступавших под лозунгами социального равенства, уравнительного распределения материальных благ и справедливого переустройства мира.

Вступив на престол, Хосров I Ануширван (531–579) провел глубокие реформы административного, экономического, социального и военного плана. Хосров разделил государство на четыре части (*куст*): западную (Хорабаран, или Месопотамия), восточную (Хорасан), южную (Нимруз и, после его завоевания, Йемен) и северную (Азербайджан). Каждая часть подразделялась на более мелкие единицы, которые в пограничных районах назывались марзпанствами, а в глубине страны – останами; последние состояли из тасуджей. Правители провинций (*спахбеды*) осуществляли в них гражданскую и военную власть, назначались шаханшахом и подчинялись непосредственно ему. В результате реформ Хосрова I выросла роль и численность государственных чиновников (*дабиров*), составивших фактически особое сословие.

Одним из результатов маздакитского движения стал рост социального статуса дехкан, которые обрели равные права с родовой иранской знатью. Дехкане превратились в крупных и средних землевладельцев, а также стали служить в армии, поскольку умаление роли родовой знати привело к упадку традиционного военного сословия. Благодаря этому армия стала связана не столько с местными князьями, сколько с центральной властью.

До реформы Хосрова I основные доходы казны формировались за счет поземельного и подушного налогов, а также введенных в V в. экстраординарных сборов. Согласно налоговой реформе Хосрова I, вводились фиксированные ставки земельной подати, размер которой зависел от количества обрабатываемой земли, способа ее орошения и возделываемых культур. Земельная подать, так же как и подушный налог, стали взиматься в денежной форме.

Укрепление державы сопровождалось и внешними успехами. В 540 г. Хосров захватил у Византии Антиохию и переселил ее жителей в предместье Ктесифона. В 562 г. он заключил мир с Византией на 50 лет, вынудив ее платить дань. В 571 г. персы, стремившиеся включить в зону своего влияния торговые пути Красного моря, захватили Йемен, изгнав оттуда византийских союзников – аксумитов. Наместники Сасанидов появились в столичной Сане, Адене и других городах Йемена.

Во второй половине VI в. в систему международных отношений на Шелковом пути вошло новое крупное государство – Первый Тюркский каганат, границы которого сомкнулись с границами Ирана и Византии. Поначалу персы и тюрки совместными усилиями разгромили державу эфталитов, а затем между ними развернулось соперничество за господство на Шелковом пути, где каждая из сторон стремилась получить максимальные выгоды от торговли.

Пользуясь своим выгодным положением на ближневосточном отрезке Шелкового пути, Сасаниды блокировали попытки византийских императоров, главных покупателей шелковых тканей, самостоятельно выйти на международный рынок шелковой торговли, обойдя Иран с юга. Кроме того, они вводили строгие ограничения на количество вывозимого на запад шелка, а также запрещали согдийцам, торговым агентам тюрков, свободно торговать шелком в самом Иране. Тогда тюрки по совету согдийского купца Маниаха решили завязать торговые отношения с Византией. Посольство, добравшееся в Константинополь через Нижнее Поволжье и Северный Кавказ, было благосклонно принято императором Юстином II, заинтересованным в союзе с тюрками против персов. В качестве ответного шага в 568 г. Юстин направил в ставку кагана своего посланника Земарха Киликийца. В дальнейшем Византия и Тюркский каганат неоднократно обменивались посольствами: византийский историк VI в. Менандр упоминает семь византийских посольств к тюркам в период 568–576 гг.

При поддержке Византии тюрки несколько раз предпринимали наступление на границы Ирана, однако изменить их в свою пользу так и не смогли. В 589 г. под Гератом тюрки потерпели жестокое поражение от Сасанидов и больше на границы империи не наступали.

Реформы Хосрова I вызвали сопротивление родовой знати, что привело к восстанию Бахрама Чубина, узурпировавшего трон в начале 590 г. С помощью византийского императора Маврикия мятеж был подавлен и на престол вступил Хосров II Парвиз (590–628), внук Хосрова I. Воспользовавшись сложным внутренним положением в империи после убийства Маврикия Фоккой в 602 г., Хосров II начал войну с Византией, которая поначалу складывалась весьма успешно. Персы захватили Сирию, Палестину, часть Малой Азии и Египет и даже осаждали Константинополь (в 626 г.). Хосров II почти восстановил границы Ахеменидской империи. Однако решительный отпор императора Ираклия, который в союзе с хазарами разорил Закавказье и угрожал Ктесифону, свел на нет эти успехи. Хосров был свергнут и убит своим сыном Кавадом II в 628 г. С этого времени началась анархия, пока в 633 г. знать во главе с полководцем Рустамом не посадила на трон Йездигерда III (633–651).

Воцарение Йездигерда III совпало с важными переменами в Аравии, где близ границ Ирана образовалось новое государство – Халифат. До начала VII в. безопасность степного пограничья Ирана на этом направлении обес-

печивали сасанидские вассалы – арабские князья Лахмиды, влияние которых распространялось на значительную часть Северной Аравии, вплоть до пустыни Нефуд и границ Византии. Столицей Лахмидов был город Хира, выгодно расположенный на главном караванном пути из Центральной Аравии. В начале VII в. лахмидский правитель был убит Сасанидами, посадившими вместо него в Хире своего наместника. Однако сами персы оказались не в состоянии защитить границу от кочевников.

В 633 г. вождь одного из кочевых арабских племен Приевфратья обратился к халифу Абу Бакру с просьбой о помощи против персов. Абу Бакр отправил отряд во главе с Халидом ибн ал-Валидом, который с боями дошел до Хиры и быстро овладел городом. Населявшие Хиру арабы-христиане отказались принять ислам, но согласились платить подушную подать арабам.

В конце 636 г. мусульмане одержали победу над персами под Кадисией, а весной 637 г. взяли и разграбили Ктесифон – столицу Сасанидов. Йездигерд III со своим двором и казной бежал в горные районы – сначала в Хульван, а затем, преследуемый арабскими войсками, в Хамадан или Рей. В 639 г. мусульмане, наступавшие со стороны Сирии, взяли Ракку, а затем вошли и в другие города Верхней Месопотамии – Эдессу, Харран и Самосату.

В 642 г. был достигнут перелом в войне с Сасанидами. Решающая победа над персами была одержана мусульманами в битве при Нихавенде, где собранная Йездигердом иранская армия подверглась разгрому. Это поражение решило судьбу Сасанидской империи. В 643–644 гг. под власть арабов перешел весь Западный Иран до границ Хорасана.

В Фарсе арабы столкнулись с упорным сопротивлением местного населения, так что одни и те же города им приходилось брать по несколько раз. Тем не менее в 645–651 гг. арабские войска неуклонно продолжали продвигаться на восток вслед за убегающим Йездигердом III, который, не оставив попыток организовать сопротивление мусульманам, из Фарса перебрался сначала в Керман, а оттуда в Мерв, столицу Хорасана. Там шаханшах восстановил против себя правителя Мерва и бесславно погиб. Сын Йездигерда Пероз, рассчитывая вернуть себе трон, бежал еще дальше на восток, за Амударью, но не нашел там ни у кого поддержки. Пероз умер в 672 г. при дворе китайских императоров. Государство Сасанидов вошло в состав Арабского халифата.

Бюст сасанидского правителя, возможно, Хосрова II. VI в. Лувр, Париж © 2011. Photo Scala, Florence

ОТ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ К ВИЗАНТИИ

В 330 г. Константин I Великий (306–337) основал на Босфоре, на месте небольшого полиса Византий, крупный город, дав ему свое имя. Официальный раздел Римской империи на Западную и Восточную в 395 г. закрепил обособление восточных провинций.

Название «Византия» (от города Византий) – условно: оно было введено в оборот западноевропейскими эрудитами XVI в. Сами жители Византии называли свое государство «Романией», продолжая считать ее Римской империей, а себя – «ромеями» (т.е. «римлянами»). В ранний период империя состояла из двух префектур: Иллирика (западная часть) с центром в Фессалонике и Востока с центром в Константинополе. Иллирик включал два диоцеза, Восток – пять; диоцезы делились на провинции. Кроме того, Константинополь, являлся особой префектурой во главе с эпархом, ведавшим хозяйственной жизнью столицы и полицией.

В целом Восточная империя находилась в IV–VI вв. в более благоприятном положении, чем Западная; меньшее развитие рабства, шире слой свободного крестьянства. Протяженная береговая линия со множеством бухт содействовала мореплаванию, общению провинций с центром и между собой, обмену информацией, облегчала быструю переброску по морю войск и грузов. Весьма благоприятно отражалось на экономической устойчивости государства многообразие климатических условий – от средневропейского климата на севере Балкан до субтропического в южных ближневосточных провинциях. Хлебопашество процветало повсеместно на плодородных равнинах, особенно в Египте, игравшем роль главной житницы империи. Здесь, как и в некоторых районах Сирии и Палестины, функционировала налаженная веками ирригационная система. В ряде областей урожай собирали дважды в год. Недород в одной части империи компенсировался урожаем в другой. Оливки и оливковое масло, наряду с хлебом, овощами, вином и рыбой входили в ежедневный рацион значительной части жителей империи. Территория Византии изобиловала полезными ископаемыми (нефть, золото, серебро, железо, медь и другие руды и минеральные ресурсы) и крупными месторождениями мрамора.

Расположение новой столицы в перекрестье морских и сухопутных путей обусловило ее превращение уже в V–VI вв. в самый крупный и благоустроенный город Европы и Ближнего Востока. Выгодным было и стратегическое расположение новой столицы – на защищенном с трех сторон морем полуострове. Константинополь часто осаждали, но брали штурмом только дважды (в 1204 и в 1453 гг.)

НОВОЕ ГОСУДАРСТВО НА БОСФОРЕ: РОЖДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

Новое государство возникло из потрясшего Римскую империю кризиса III в. В стране был создан крупный бюрократический аппарат, возникла значительная по своей численности служилая знать. Римский сенат был отстранен от прямого управления империей. Вся полнота власти сосредоточива-

лась в руках императора – «господина» и автократора. Новшества периода домината с большим трудом приживались в Риме, где преобладали еще старые традиции и где сенат продолжал пользоваться большим влиянием. Императорам было трудно осуществлять здесь свою политику, и они предпочитали находиться подальше от «Вечного города».

Проблему решил Константин, который основал на берегу Босфора новую столицу и таким образом дал постоянное пристанище своему двору и имперской администрации (которые до этого переезжали вслед за императором). Вместо старого сенаторского *cursus honorum* был утвержден новый тип карьеры сенатора – через службу в государственном аппарате и при дворе императора. Таким образом, константинопольский сенат, стал собранием высших гражданских и военных чинов, действительных и находившихся в отставке, и придворных. Это было новое социальное образование, положившее начало созданию столичной знати, существование которой было характерно для всего последующего исторического развития Византии.

В отличие от Рима Константинополь представлял собой личную императорскую резиденцию, город Константина, его сенат являлся сенатом императора, его население, не обладавшее правами «римского народа», было связано с императором личными узами. Предоставляемые beneficia и привилегии рассматривались скорее в качестве его милости к жителям столицы, чем «правом» ее народа. Город на Босфоре не сразу вписался в восточный греческий мир, где существовали свои традиции. Восток противопоставил новой столице свою древнюю культуру и систему ценностей. Потребовалось более столетия, чтобы Константинополь, соединивший западные и восточные традиции, стал истинным центром Восточной империи.

Константин позаботился об обеспечении новой столицы египетским хлебом для бесплатной раздачи его 80 тыс. человек. Для управления городом учреждалась должность проконсула Константинополя (с 359 г. префект города). Константинополь стал местом пребывания префекта претория Востока (главы гражданской администрации империи), магистра оффиций (начальника дворца и дворцовых служб), квестора священного дворца (главного чиновника по юридической части) и двух комитов финансов.

При Константине языческая империя стала превращаться в христианскую. Император формально еще оставался главой языческих культов – великим понтификом (*pontifex maximus*), сохраняя официальный характер римской религии и привилегии жречества, но при этом запрещал магию и тайные гадания, сжигал антихристианские сочинения. Особый статус христианской церкви все в большей степени закреплялся законодательно. Именно при Константине вместо прежнего *Pax Romana* (римский мир) начинает создаваться *Pax Christiana* (христианский мир). Современник Константина епископ Евсевий Кесарийский в своей «Истории Церкви» сформулировал новую модель ее положения в государстве. В одновременности создания Римской империи и божественного воплощения Евсевий видел мистическую связь императора и Христа: как учение Христа одерживает победу над многобожием, так и монархия Августа преодолевает многоначалие. В результате Римская империя становится неким подобием небесной монархии. В идеальном императоре виделся «образ единого Всецаря». Поэтому государь берет на себя заботу о спасении подданных, может вмешиваться в дела церкви и

ради сохранения ее единства выступать в роли верховного арбитра, действуя «как общий епископ, поставленный от Бога».

Христианское вероучение еще не было зафиксировано в догматах – в начале IV в. церковь переживала стадию напряженной полемики, причем догматическими вопросами занимаются уже не отдельные лица, как во времена Тертуллиана, Климента Александрийского и Оригена, а многочисленные партии. Особо ожесточенные споры велись по поводу учения о Троице. Наибольшей остротой отличалась полемика с последователями пресвитера Ария арианами (см. подробно том 1. С. 678–679), которые подверглись осуждению на первом Вселенском (Никейском) соборе 325 г.

Однако Никейский собор не положил конца спорам, и поскольку на Востоке никейские определения не находили поддержки большинства населения, Константин стал склоняться к арианству и, оставаясь официально язычником, на смертном одре принял крещение из рук арианского епископа.

Константин Великий умер 22 мая 337 г., оставив трех сыновей, между которыми была разделена Римская империя: Востоком стал править Констанций II (337–361), Италией – Констант (337–350), Галлией – Константин II Младший (337–350). В Константинополе по приказу Констанция были перебиты братья и сторонники усопшего императора. Чудом остался в живых лишь его племянник Юлиан. Между сыновьями Константина Великого началась длительная борьба за господство в империи. Эта борьба получила религиозную окраску. Констанций II придерживался арианства, Констант разделял никейское вероисповедание. В начале 350 г. Констант был убит узурпатором Магненцием (350–353), и тогда конфликты между Востоком и Западом превратились в открытую войну. И Констанций, и Магненций натравливали друг на друга варваров, производивших невероятные разрушения. 10 августа 353 г. Магненций погиб, и Констанций стал единодержавным правителем.

Политика Констанция вызывала неудовольствие у куриалов и языческой интеллигенции. Выразителем его стал племянник Константина Великого Юлиан, оставшийся единственным отпрыском Константиновой династии. Не имевший наследников Констанций женил Юлиана на своей сестре и 6 ноября 355 г. провозгласил цезарем – номинальным правителем Галлии. Юлиан добился ряда блестящих побед над варварами. 1 февраля 360 г. войско провозгласило его августом. После внезапной смерти Констанция в 361 г. Юлиан беспрепятственно вступил на престол. Он получил свое образование у афинских философов, был убежденным и страстным сторонником язычества, стремился вернуть ему прежнее величие. С первых же дней своего правления он повел борьбу с христианством, за что вошел в историю с прозвищем Отступник. Юлиан старался укрепить городскую верхушку и стал возвращать в ведение курий (местных сенатов) территории, отнятые у городов в предшествующее правление. Однако предоставлять куриям прежнее самоуправление император не стал. В 363 г. во время похода против персов Юлиан погиб.

Правивший всего год император Иовиан отменил все распоряжения своего предшественника – влияние христианской церкви было восстановлено. Сменивший Иовиана император Валентиниан возвел на престол в качестве соправителя своего брата Валента (364–378), сторонника арианства. Валентиниан отправился на Запад, Валент остался править на Востоке.

Отмена распоряжений Юлиана о возвращении городам земельных территорий вызвала недовольство куриалов. Раздражены были и галльские легионы, которые возвели на престол Юлиана и теперь находились в немилости. Эти легионы восстали против Валента и 28 сентября 365 г. провозгласили императором племянника Юлиана Прокопия, которому удалось занять Константинополь. Основой политики нового императора была поддержка городских курий. Расправа с чиновниками, ставленниками Валента, обеспечила ему расположение народных масс, которые примкнули к нему как во Фракии, так и в западных провинциях Малой Азии. Однако Прокопий вынужден был поднять налоги, что снизило его популярность. Часть войск оставалась преданной Валенту. Армия узурпатора начала таять, вожди прибегли к измене. Прокопий был схвачен и 27 мая 366 г. казнен. Куриям был нанесен решительный удар: с мая 366 г. сбор налогов с сельского населения возлагался на землевладельцев. Куриям оставалось собирать налоги только с земель самих куриалов и с мелких свободных городских и пригородных хозяйств, в результате они перестали играть какую-либо роль в политической жизни.

Все более важным становился варварский вопрос. В 376 г., теснимые гуннами вестготы с разрешения Валента переправились через Дунай. Валент рассчитывал расселить готов на правах военных поселенцев с тем, чтобы они обрабатывали землю. Непривычные к сельскохозяйственному труду и к тому же спровоцированные корыстолюбием имперских чиновников готы пришли в волнение. Летом 378 г. под Адрианополем разыгралось жестокое сражение, в котором императорское войско было разбито, сам Валент погиб. Весь Балканский полуостров оказался беззащитным. Готы подступили к Константинополю. Вдова Валента Домника распорядилась выдать жителям столицы оружие, и лишь с большим трудом горожане с помощью арабских наемников отогнали варваров.

После гибели Валента император западной части империи Грациан (сын Валентиниана) направил на Восток для подавления восстания готов полководца Феодосия. 19 января 379 г. он был провозглашен императором, а в 382 г. одержал над готами победу и затем вступил с ними в переговоры, разрешив им поселиться во Фракии. У варваров полностью сохранялась военная племенная организация, они освобождались от налогов, им выдавались крупные суммы денег и продовольствие. Готские вожди должны были составлять войско в качестве союзников-федератов. Вместе с тем, усилилась и варваризация регулярной армии, поскольку варваров принимали туда как солдатами, так и на офицерские должности. В возникающих конфликтах Феодосий всегда принимал сторону варваров. Так, за убийство гота расплачивались все жители города. Когда в Фессалонике в 390 г. был убит готский вождь, готы с разрешения Феодосия устроили на ипподроме города побоище, стоившее жизни 7 тыс. горожан.

В отличие от Валента Феодосий принадлежал к убежденным сторонникам ортодоксального христианства. Он ожесточенно преследовал ариан и язычников. При нем было разрушено множество языческих храмов, сожжена Александрийская библиотека. Император созвал в 381 г. собор в Константинополе при участии лишь представителей Восточной церкви, который известен под названием второго Вселенского собора («промежуточные» соборы, на которых побеждали ариане, не признаются ортодоксальной церковью Вселенскими).

Огромную роль в богословских спорах сыграли так называемые «Великие каппадокийцы» – Василий Великий, его брат Григорий Нисский, Григорий Богослов и другие. Уроженцы Каппадокии, где у местной аристократии бытовала традиция давать детям блестящее образование (Василий Великий учился в Афинской философской школе вместе с Юлианом Отступником), образовывали творческую среду, где в постоянном общении и спорах оттачивались самые сложные вопросы догматики. Совершенное владение философским инструментарием неоплатонизма позволило им обновить интеллектуальный арсенал сторонников Никейского собора. Особая заслуга в этом принадлежала Василию Великому, соединявшему качества яркого мыслителя с талантом политика. После его смерти Григорий Богослов и Григорий Нисский довершили его дело, выработав отчетливую формулу о взаимоотношении единой сущности и трех неслиянных ипостасей Бога, обладающих единой энергией и единым действием.

Главным вопросом Константинопольского собора явилась ересь Македония, который, развивая арианство, доказывал сотворение Св. Духа. Осудив македониянство и другие ереси, собор подтвердил Никейский символ веры об Отце и Сыне, добавив к нему часть о Св. Духе, равном и единосущном Отцу и Сыну. Также устанавливалось старшинство константинопольского епископа над другими епископами, «так как Константинополь есть новый Рим».

Если ранее императоры, даже поддержав одно направление, все же проявляли относительную терпимость к другим течениям, то Феодосий занял принципиально иную позицию. Избрав никео-константинопольскую формулу как единственно правильную, он утвердил ее законом, наложив полный запрет на другие религиозные направления в христианстве и на язычество. Однако на практике Феодосий вполне терпимо относился к арианству готовофератов и позволял отдельным язычникам занимать высокие посты. Языческого ритора и философа Фемистия он назначил на пост префекта города и доверил ему воспитание своего сына Аркадия.

В начале 90-х годов IV в. усилилось соперничество между Западной и Восточной империями. В 392 г. полководец Арбогаст возвел на западный престол сторонника язычества Евгения (392–394), пытавшегося возобновить политику Юлиана Отступника. В кровавой гражданской войне победу одержал Феодосий и вновь на короткое время объединил Римскую империю. Но Феодосий перед смертью разделил ее между своими сыновьями. Запад достался одиннадцатилетнему Гонорию, Восток – восемнадцатилетнему Аркадию.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

395-й год считается годом окончательного разделения Римской империи, хотя официально сохранялась видимость единого государства и императорские указы издавались от имени обоих августов. Опекуном Гонория Феодосий оставил вандала Стихихона, опекуном Аркадия был назначен галл Руфин. Отношения между обоими правительствами сразу приняли враждебный характер. Стихихон стремился присоединить к Западной империи

всю префектуру Иллирик, не довольствуясь западной его частью. Руфин был убит по приказу магистра армии Востока гота Гайны (возможно, по наущению Стилихона). Бразды гражданского правления на Востоке достались Евтропию, препозиту священной опочивальни (евнуху, ведовавшему личными покаяниями императора).

Один из вестготских вождей, Аларих, после смерти Феодосия поднял мятеж. Он без помехи грабил Балканский полуостров, доходя до Пелопонеса. Византийская дипломатия сумела направить Алариха против Западной Римской империи и выдворить готов из пределов Византии. Удалось остановить и продвижение гуннов. Однако создать боеспособную армию и освободиться от необходимости пополнения ее варварами Византии еще долго не удавалось. В 403 г. разразилось восстание исавров, живших в горах на юге Малой Азии и мало поддававшихся воздействию греческой культуры. Восстание удалось подавить с большим трудом. Впоследствии исавры стали набираться на службу в византийскую армию, и исаврийская клановая знать начала оказывать влияние на политическую жизнь империи.

В 405 г. пост префекта претория Востока занял представитель служилой аристократии Анфимий, связанный с языческой интеллигенцией. Он стоял во главе гражданского управления империей, продолжая удерживать его и после смерти императора Аркадия (в 408 г.), когда императорский трон перешел к его семилетнему сыну Феодосию II. Анфимий проводил политику умиротворения.

С Сасанидским Ираном поддерживались дружественные отношения, в чем были крайне заинтересованы торговые круги Константинополя и Сирии. Император Аркадий даже обратился к шаху Йездигерду I с просьбой быть опекуном своего сына Феодосия. В то же время была построена флотилия на Дунае, где имперские войска не появлялись после смерти Валента уже сорок лет, и была положена преграда гуннским набегам. В 413 г. Константинополь укрепили со стороны суши новыми стенами. Анфимий широко расширил пределы городской территории. В новую стену была включена Триумфальная арка Феодосия I, которая составила парадные ворота города, получившие название Золотых. Новые стены являлись вершиной военно-инженерного искусства и на долгие века превратили Константинополь в неприступную крепость.

После смерти Анфимия (414 г.) во главе империи становится старшая сестра Феодосия Пульхерия. Властная и энергичная, она отличалась пламенным благочестием, и под ее воздействием императорский двор во внутреннем обиходе стал походить на монастырь. В 421 г. Пульхерия выбрала в жены Феодосию красавицу Афинаиду, дочь афинского ритора. Образованная язычница, она была крещена и получила имя Евдокии. По всей видимости, под влиянием Афинаиды-Евдокии в 425 г. была основана Высшая школа в Константинополе. В ней была организована 31 кафедра: 10 грамматиков, обучавших латинскому языку, 10 – греческому, три латинских ритора и пять греческих. Позднее к ним добавились два законоведа и философ. Назначение преподавателей было предоставлено сенату, а школа находилась в ведении префекта города. Эта школа (историки часто называют ее «университетом») сыграла огромную роль в создании официальной элиты империи. Сотни византийских администраторов, юристов и дипломатов прошли эту

школу, где преподавание римского права сопровождалось изучением языков и риторики, философии и литературы, и где языческая традиция сочеталась с христианской верой. В 438 г. был издан «Кодекс Феодосия», сборник указов христианских императоров, начиная с Константина I и до времени Феодосия II. Он был введен в Восточной и Западной частях империи и оказал большое влияние и на законодательство варварских королевств.

40-е годы V в. стали тяжким испытанием для всего Балканского полуострова. Гунны, во главе которых стал грозный Атила, овладели пограничными крепостями, взяли штурмом Аркадиополь и Филиппополь. Императорская армия, брошенная против гуннов, потерпела страшное поражение во Фракии. С гуннами был заключен мир на тяжелых для империи условиях: уплатить одновременно 6 тыс. фунтов золота, выдать всех перебежчиков и впредь выплачивать крупную дань. Несмотря на мирные соглашения, полчища Атилы постоянно нарушали мир, и Византийская империя все время находилась под ударом, из-за чего не могла оказать помощь Западу в его борьбе с вандалами, которые прочно осели в Северной Африке, создав там свое королевство.

В 428 г. константинопольским патриархом стал Несторий, придерживавшийся взглядов о самостоятельности человеческой природы в Иисусе Христе и называвший Деву Марию не Богородицей, а Христородицей. По имени Нестория это религиозное течение получило название несторианства. Начав преследования своих противников, Несторий вызвал в церкви большую смуту. Особенно энергично выступал против него патриарх Александрии Кирилл, а также римский папа Целестин, осудивший на соборе в Риме еретическое учение. Под влиянием Пульхерии император Феодосий созвал в 431 г. в Эфесе третий Вселенский собор, признавший несторианство ересью. Несторий был отправлен в ссылку, где и умер. Но много несториан оставалось в Сирии и Месопотамии. В главный центр течения превратилась Эдесса. Позже многие несториане переправились в Иран, где им оказывалось покровительство властей.

В противоположность несторианству в Византии возникло новое учение. Приверженцы Кирилла Александрийского, настаивающего на «единой воплощенной природе Слова Божьего», заключали, что человеческая природа Христа была поглощена божественной. Учение это стало называться монофиситством, а его последователи – монофиситами (от греч. *μόνος* – «один» и *φύσις* – «природа»). Монофиситство особенно сильно укрепилось в Александрии при преемнике Кирилла епископе Диоскоре. По его настоянию Феодосий II собрал в 449 г. собор в Эфесе, получивший в истории название «Разбойничьего собора». На нем александрийская партия во главе с Диоскором добилась официального признания монофиситства. Император утвердил постановление собора, но это решение не принесло церкви мира. В момент сильных церковных смут Феодосий II скончался, оставив решение вопроса о монофиситстве своему преемнику.

После смерти Феодосия в 450 г. Пульхерия ради сохранения власти вышла замуж за престарелого уже человека – Маркиана, ставшего ее соправителем. Ранее Маркиан находился на службе у полководца Аспара. Пульхерия, видимо, решила заручиться поддержкой этого военачальника против своего врага – могущественного при дворе евнуха Хрисафия. Аспар, алан по

происхождению, опирался на свою личную дружину из готов-федератов. С этого времени началось усиление могущества Аспара.

Главная проблема, которую решала царственная чета, заключалась в ликвидации религиозных распри и восстановлении ортодоксального никейского православия. В 451 г. в Халкидоне был созван четвертый Вселенский собор. Осудив деяния Эфесского собора, оспорив его вселенский статус и лишив проповедника монофиситства Диоскора епископского сана, собор выработал религиозную формулу, отвергавшую монофиситство. Собор предписывал признавать «Христа, Сына Господа едиnorodного, в двух естествах неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого». Определение Халкидонского собора, торжественно подтвердившее определения первых двух Вселенских соборов, сделалось одним из главнейших устоев вероучения Православной (ортодоксальной) церкви.

Но византийское правительство и константинопольская церковь своим решительным выступлением против монофиситов оттолкнули от себя восточные провинции – Сирию и Египет, в которых монофиситство получило широкое распространение. Египетская церковь даже отказалась от греческого в качестве языка богослужения и ввела в использование египетский (коптский) язык. Распространилось это учение и за пределами империи – в Армении. Решения Халкидонского собора пришлось вводить насильственным путем, что вызывало недовольство населения. Все это облегчило переход в VII в. этих богатых областей в руки сначала персов, а затем арабов.

Халкидонский собор также подтвердил статус патриарха Константинополя: 28-м канонем собора предоставлялись «равные преимущества святейшему престолу нового Рима, справедливо рассудив, чтобы город, почтенный царским правительством и сенатом и имеющий равные преимущества с древним царственным Римом, был возвеличен, подобно ему, и в церковных делах, будучи вторым по нем». За ним закреплялось право юрисдикции над всеми церковными округами Восточной Римской империи, кроме Иллирика на Балканах (оставшегося под супрематией Рима). Канон не был признан папой, но на Востоке патриарх Константинополя стал главой церкви. На этом же соборе была учреждена и Иерусалимская патриархия, получившая пятое место в церковной «пентархии» (системы пяти патриаршеств – Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Римской).

К этому времени византийцы уже явственно осознают себя истинными восприемниками Римской империи – «ромеями», в то время как к населению Италии они применяют термин не «западные римляне», а «италийцы», «италиоты». В их представлении осуществилось истинное перенесение империи (*translatio imperii*) на Восток.

Со смертью Маркиана в 457 г. реальная власть оказалась в руках Аспара, который являлся не только главным военачальником, но и первым членом сената, обладая статусом, ранее принадлежавшим префекту Константинополя. Но поскольку Аспар был варваром и арианином, он не отважился сам претендовать на престол. Поэтому он выдвинул в августы своего офицера, фракийца по происхождению Льва I (457–474), который был провозглашен императором армией на военном поле Константинополя в присутствии гражданских чинов и патриарха. От него Аспар заручился обещанием сделать своим преемником одного из своих сыновей. Могущество Аспара основыва-

лось на преобладании варваров в византийской армии. Но верхушка аристократии, состоящая по преимуществу из гражданских высших чинов, не испытывала желания очутиться во власти Аспара и его готов. Сам Лев оказался человеком самостоятельным и твердым. Из находящихся на военной службе исавров он сформировал особый придворный отряд, носивший имя «экскувитов», который стал противовесом остальной гвардии, набиравшейся преимущественно из готов. Готовясь к борьбе с Аспаром, Лев стремился теснее сблизиться с исаврами и выдал свою старшую дочь Ариадну за одного из их вождей, принявшего имя Зинона.

В 467 г. Византия сделала еще одну попытку вмешаться в дела Западной Римской империи, которую опустошали вандалы, снарядив огромную эскадру из 1113 кораблей. Во главе основных военных сил был поставлен брат жены императора Василиск. Операция против вандалов началась успешно, но ошибки командующего или его измена явились причиной жестокого поражения. Византийская казна долго не могла оправиться от такого краха. Более важным следствием этой катастрофы явилось крушение Западной Римской империи.

Гибель огромного флота вызвала в Константинополе возмущение против Василиска, который по возвращении вынужден был искать убежища в церкви. Страшную катастрофу приписывали интригам Аспара. Его обвиняли в том, что как варвар и арианин он сочувствовал вандалам и обещал Василиску царский престол, если тот погубит дело, во главе которого был поставлен. Между тем готы выдвинули требование объявить кесарем (наследником престола) сына Аспара Ардавур. Народ Константинополя, аристократы и монашество выступили против провозглашения арианина престолонаследником.

В 469 г. гунны вновь вторглись на Балканский полуостров. Византийская армия во главе с Аспаром нанесла им сокрушительный удар, но тем опаснее становился он сам и его готы. В 471 г. Лев заманил Аспара с сыновьями во дворец, и там по приказу императора Аспар и Ардавур были убиты. Последовавшая ожесточенная борьба между исаврийской и готской частями гвардии закончилась победой исавров. В 474 г. Зинон стал византийским императором.

Вместе с Зиномом в состав высшей знати проникает ряд вождей исаврийских кланов. Зинон создал гвардию из своих соплеменников, укомплектовал из них ряд новых военных частей и начал усиленный набор в византийскую армию армян, подданных империи. Представителей коренного населения в армии постепенно становилось больше, чем варваров.

Роль, которую племя исавров заняло в империи, вызвала резкое недовольство столичной аристократии и всех жителей Константинополя. Не говоря уже о крупных богатствах, которые сумели создать себе вожди исавров, сама Исаврия в целом была поставлена в особое положение, получая ежегодно из казны субсидию в полторы тысячи фунтов золота.

При дворе Зинона большим влиянием пользовались евнухи, особенно препозит священной опочивальни Урвикий, а также жена императора Ариадна и ее мать, вдова императора Льва, властолюбивая Верина. Она надеялась с помощью своего брата, неудачливого полководца Василиска, свергнуть исавров и посадить на престол своего интимного друга – сенатора Патрикия. Заговорщикам удалось захватить власть, но Василиск обманул Верину и сам стал императором (9 января 475 г.). Последовало страшное избиение исавров. Однако Василиск оказался неумелым правителем. Мятеж против

него принял характер борьбы за православную веру, ибо Василиск начал поддерживать монофиситов. В августе 476 г. Зинон с войском беспрепятственно вернулся в столицу. Как раз в это время на Западе потерял престол последний западно-римский император Ромул Августул, свергнутый Одоакром. Раздираемая смутами Византия не приняла участия в судьбе Западной Римской империи.

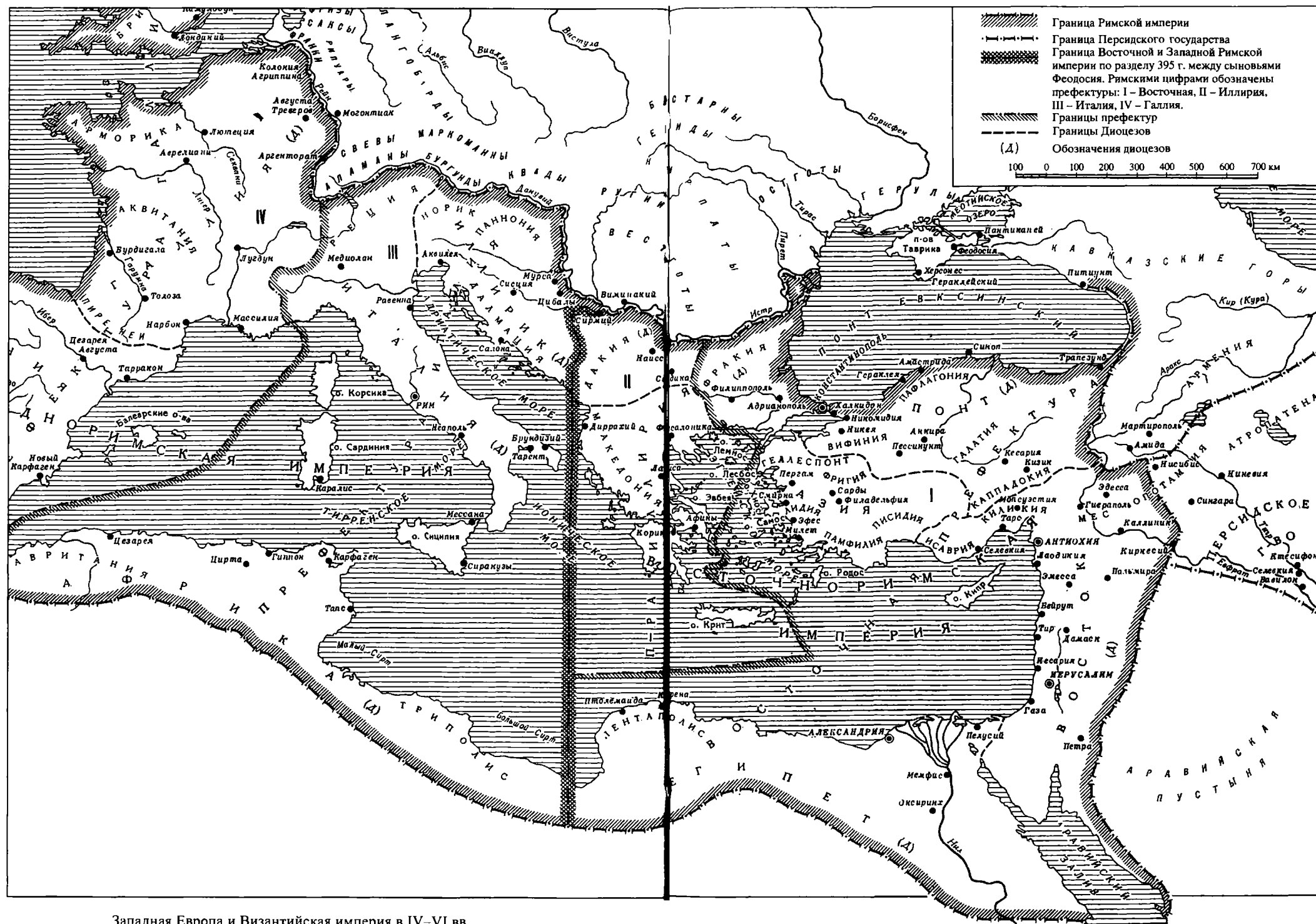
В Египте, Сирии, частью в Палестине и Малой Азии население твердо держалось монофиситства. Строго православная политика обоих предшественников Зинова тяжело отражалась на восточных провинциях. Желая восстановить мир и единство церкви, патриарх Константинополя Акакий предложил Зинову встать на путь взаимных уступок. Император издал в 482 г. «Энотикон», или «Акт единения». Признавая основания веры, выработанные на первом и втором Вселенских соборах, «Энотикон» называл Иисуса Христа «единосущным Отцу по Божеству и единосущным нам по человечеству», но вместе с тем он ничего не говорил об определении Халкидонского собора относительно соединения в Иисусе Христе двух природ.

Многие египетские и сирийские монофиситы готовы были одобрить «Энотикон», воспринимая его как осуждение Халкидонского собора. Поддержал его и патриарх Александрии. Но со стороны как православных, так и монофиситов нашлось немало людей непримиримых, не шедших на компромиссы. Резко восстал против «Энотикона» римский папа, который на соборе в Риме в 484 г. отлучил от церкви и предал анафеме константинопольского патриарха. Акакий, в свою очередь, вычеркнул имя папы из церковных диптихов, т.е. перестал его почитать. По имени константинопольского патриарха этот первый раскол между Западной и Восточной церквями вошел в историю как «Акакиева схизма» (484–518).

Кроме внутренних сложностей, множество хлопот доставляли правительству Зинова остготские вожди, остававшиеся постоянной угрозой для державы в течение почти всего времени его правления. В 486 г. Теодорих, сын Теодемира, осадил Константинополь и опустошил его окрестности. Исауры и горожане готовы были сжечь столицу, если ее окажется невозможным отстоять. Однако Теодорих отступил и согласился на перемирие. Зинон предложил ему двинуться с готами в Италию и стать ее правителем вместо Одоакра. Осенью 486 г. основные силы готов покинули Балканы, что значительно облегчило положение империи.

На персидской границе в правление Зинова ситуация складывалась для Византии удачно. Неоднократно вспыхивали восстания в персидской Армении, которую Сасанидам никак не удавалось полностью подчинить. После ожесточенной междоусобной борьбы за шахский престол, охватившей Иран в 457–459 гг., на него напали гунны-эфталиты. Считая кочевников общими врагами, Константинополь оказывал Ирану финансовую помощь. Когда во время одного из неудачных походов против эфталитов шах Фируз (Пероз) попал к ним в плен, Зинон пришел ему на выручку, послав золото для выкупа. Внутреннее положение Ирана осложнялось движением маздакитов, а также борьбой за шахский престол между братом и сыновьями Фируза. Иран на время выпал из числа реальных противников Византии.

9 апреля 491 г. Зинон умер при странных обстоятельствах. Согласно версии, сохранившейся в хронике XII в., его, мертвеца пьяного, уложили в гроб

Западная Европа и Византийская империя в IV–VI вв.

и похоронили, хотя были слышны его крики. Высшие сановники согласились на выбор императрицы Ариадны, пожелавшей видеть своим мужем и соправителем силенциария (служителя при дворе по части водворения тишины) Анастасия. Он был провозглашен императором на константинопольском ипподроме, ставшим своеобразным форумом столицы. В церемонии принимали участие сенат, войско, народ и иерархи церкви. Анастасий был первым василевсом, коронованным патриархом.

Прежде всего Анастасий изгнал исавров из Константинополя и прекратил им выплаты. Исавры требовались лишь как противовес готам, а после ухода Теодориха в Италию их роль оказалась исчерпана. Исавры не смирились, ответив восстанием, которое продолжалось несколько лет. После его подавления в 498 г. часть исавров была выселена во Фракию.

Анастасий оказался опытным администратором, проявляя особую заботу об упорядочении подорванных государственных финансов. В системе взимания поземельной подати – главной доходной статьи государства – Анастасий заменил натуральное обложение денежным. Важную реформу провел он и в самой организации сбора этого налога с отдельных городских общин, изъязв его из рук местной знати и отдав на откуп особым чиновникам, так называемым *виндикам*. По словам современника, они поступали с населением не лучше врагов, но деньги текли в казну бесперебойно, что значительно увеличило доходы. Упорядочение финансов позволило отменить взимавшийся раз в четыре года налог на ремесло и торговлю. Анастасий сократил расходы на роскошь, не строил пышных дворцов и зданий, урезал траты на зрелища. Все эти мероприятия позволили создать новые войска и даже скопить в казне немалые средства.

В своей политике Анастасий опирался на восточные области, являвшиеся экономическим центром империи. Государственные интересы императора совпали с его личными пристрастиями (его мать, монофиситка, была восточных корней). Анастасий стал поддерживать обладавших большой силой на Востоке монофиситов, что осложнило отношения с папой римским.

Внешняя политика Анастасия на всех границах отличалась оборонительным характером. После длительного мира начались конфликты с Ираном, постепенно окрепшим после потрясений V в. Анастасий отказался выплачивать персам денежную субсидию, которую они требовали под предлогом необходимости охраны Каспийских ворот от варварских набегов. На Балканском полуострове с конца V в. Византии пришлось столкнуться с новой опасностью – набегами болгар и славян, которые впервые вступают на историческую арену. Незащищенность от варварских нашествий была так велика, что Анастасий, желая уберечь от набегов хотя бы ближайшие окрестности столицы, предпринял достройку так называемых Длинных стен протяженностью в 100 км от Мраморного до Черного моря.

АПОГЕЙ МОГУЩЕСТВА РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Анастасий не пользовался популярностью в столице, и после его смерти в 518 г. вопрос о престолонаследии даже не встал, хотя у Анастасия оставались племянники. Высшие сановники, сенат, армия, народ и церковь возвели на трон престарелого военачальника Юстина, выходца из крестьян

(518–527). Его правление являлось своего рода прологом к блестящему царствованию его племянника Юстиниана (527–565), при котором ранняя Византия достигла наивысшего расцвета. Юстиниан происходил из сильно романизированной провинции Иллирик. Он с детства говорил на латинском языке и оставался скорее римлянином, нежели греком. Его взоры постоянно устремлялись на Запад, и мысль о возрождении былого величия Рима не давала ему покоя. То, что ему удалось сделать, наложило заметный отпечаток на все последующее развитие Западной и Восточной Европы.

Именно при Юстиниане была реализована грандиозная программа кодификации всего римского права путем составления нескольких сводов: «Кодекса Юстиниана», включившего в себя указы прежних императоров; «Дигест», или «Пандект» – сборника отрывков из сочинений юристов; «Новелл Юстиниана» – законов, вышедших после издания Кодекса; «Институций» – учебника права, получившего нормативный статус. В XI в. на Западе эти книги вошли в «Свод гражданского права» (*Corpus iuris civilis*).

Юстиниану удалось осуществить очень многое: Средиземное море вновь стало «внутренним озером» ромеев, Рим отвоеван у варваров-готов, повсюду велись грандиозные строительные работы, укреплялось управление империей. Но эти успехи оказались недолговечны, а их цена непомерно высока. Уже в первые годы правления Юстиниана жители Константинополя ощутили на себе его тяжелую руку: рост налогов, всевластие чиновников, религиозные гонения, расправы с недовольными. В январе 532 г. в столице вспыхнуло восстание. Особую роль в нем, как и во всей политической жизни Константинополя того времени сыграли цирковые партии. Вслед за античным Римом в Византии организовывались состязания в цирке, и после церковного запрета на гладиаторские бои главным событием стали бега на ипподроме. Они представляли собой не просто развлечение. По уходящей в глубь веков традиции, зрелища были необходимы для общения императора со своим народом. Еще в 311 г. Константин подтвердил право «аккламаций» – возможность для городского населения выражать возгласами одобрение или неодобрение постановлениям властей. В Константинополе ипподром приобретал особо важное значение. Вокруг зрелищ складывались цирковые партии – димы, своего рода организации «болельщиков», получавшие названия по цвету одежды возниц (белых, красных, голубых и зеленых). Димы располагали своим руководством, штатом прислуги, возницами, лошадьми, домами и денежными средствами. В димах имелись также отряды вооруженной молодежи – стасиотов. В случае неожиданной военной угрозы димы могли использоваться и для обороны города. Димы имелись в нескольких крупных городах Византии. В столице к началу VI в. основное значение сохранили два дима: «голубые», или венеты, ориентирующиеся на сановную знать, высшую константинопольскую аристократию, и отстаивающие халкидонское православие, и «зеленые», или прасины, связанные с торговоремесленной верхушкой, и симпатизирующие монофиситам. Учитывая организованность и способность собирать тысячные толпы, димы оказывали существенное влияние на политику.

Обычно стасиоты устраивали побоища друг с другом, однако в 532 г. их объединила общая ненависть к политике Юстиниана, вызывавшей недовольство всех – от плебса до сенаторов. Мятеж быстро распространился по городу.

От клича «Ника!» (т.е. «Побеждай!») он получил у историков название «восстания Ника». Начались поджоги. Юстиниан был готов уступить, но толпа стала провозглашать императором племянника ранее правившего императора Анастасия Ипатия. Укрывшись во дворце, василевс и его советники думали о бегстве из столицы. Положение спасла решительная супруга Юстиниана, бывшая актриса и куртизанка Феодора. Она отказалась от побега и вселила мужество в отчаявшегося супруга. Императорская гвардия окружила собравшуюся на ипподроме толпу, занятую избранием нового императора, и обрушилась на мятежников. Более 30 тысяч горожан полегло прямо на ипподроме.

Для осуществления обширной программы на западе Юстиниану пришлось пойти на уступки своим соседям на севере и востоке. Немалые суммы выплачивал император варварам, обеспечивая безопасность северных границ. По условиям договора 532 г. с Сасанидским Ираном Константинополь должен был выплатить ему 11 тыс. фунтов золота.

С 533 г. Юстиниан начал военные кампании на Западе. К 534 г. его полководец Велисарий сокрушил государство вандалов в Северной Африке. Затем началась длительная война против остготов в Италии (535–554). Кроме того, Юстиниан присоединил к империи земли на юго-востоке Пиренейского полуострова, а также Сицилию, Сардинию, Корсику и Балеарские о-ва.

13 августа 554 г., когда война византийцев с готами еще продолжалась, Юстиниан издал «Прагматическую санкцию» о внутреннем устройстве Италии, искоренявшую все, что напоминало о варварской «тирании». «Прагматическая санкция» возвратила земли прежним собственникам, во главе гражданского управления был поставлен префект претория Италии. Предметом особой заботы Юстиниана являлся Рим, переживший все ужасы осад, штурмов и голода. Город начал заново отстраиваться, восстанавливались раздачи римскому плебсу хлеба и других продуктов. Рим снова стал местом пребывания сената. Кроме того, прекрасно была отстроена Равенна, восстановлен разгромленный готами и франками Милан. Вновь окрепли торговые связи Италии с Константинополем и восточными провинциями империи. Тем не менее тягчайшее налоговое бремя и страшная чума, поразившая Италию, помешали восстановлению хозяйственной жизни.

Трудно складывалась ситуация на восточных границах. В 531 г. шаханшахский престол занял достойный соперник Юстиниана Хосров I. Зная, что восточные границы империи обнажены, он в 540 г. нанес Византии страшный удар, захватив «жемчужину Востока» Антиохию, разрушив ее до основания, а уцелевшее население уведя в Иран. Эта трагедия произвела на византийцев столь ужасающее впечатление, что некоторые из них даже стали сомневаться в мудрости воли Божьей.

Идейные основы юстиниановской программы отчетливо проявились в его активной строительной деятельности. После падения Западной Римской империи Византия осталась единственной наследницей Рима, причем наследницей «более достойной», ибо сумела сохраниться сама и уберечь славу, достоинство и доблесть Рима. Такая держава должна была иметь подобающую столицу, «царствующий град», символ единства империи. Город на Босфоре был отстроен с роскошью. Величайший город империи, крупнейший центр производства оружия, предметов роскоши, средоточие судостроения и торговли, «Око вселенной» – он стал тем городом, которым знало его Средневековье.

Собор Св. Софии в Константинополе. Фото (современный вид)

Именно при Юстиниане Константинополь стал подлинным интеллектуальным центром империи. Осуществление всех намеченных им программ требовало массы специалистов самых разных областей знаний, архитекторов и инженеров, ученых и ремесленников. Все они съезжались или специально выписывались в столицу и, как правило, оседали там. При Юстиниане завершается становление многого типично византийского в архитектуре, живописи, идеологии и эстетике – Константинопольской школы в самом широком смысле этого слова.

Юстинианом был перестроен и обновлен Большой императорский дворец, центральная часть Константинополя. При нем с неслыханной роскошью учеными архитекторами и инженерами Анфимием Тралльским и Исидором Милетским был заново выстроен сгоревший во время восстания Ника храм Св. Софии. Гигантское здание, камни для которого свозились со всех концов империи, было возведено всего за пять лет (332–337). Св. София стала главной церковью всего восточнохристианского мира, чудом архитектуры, закрепившим тип купольного храма, столь характерный для византийского зодчества. Внутреннее оформление храма, его как бы парящий на многометровой высоте гигантский купол символически подчеркивали не только строгое единство земного порядка, но и его органичное единство и нерушимую связь с небесным, гармонию и неизбежность византийского общества и его идеологии и веры.

Кроме того, по всей империи возводились церкви, монастыри, крепости и оборонительные сооружения, некоторые из них сохранились до наших дней.

Обширное градостроительство Юстиниана и его внешнеполитические планы, требовали огромных средств. Военные предприятия на Западе не вы-

Император Юстиниан. Мозаика. VI в. Церковь Сан-Витале. Равенна, Италия

зывались жизненными интересами Византии, фокус которых находился на Востоке. Новые границы империи, протянувшиеся от Херсонеса в Крыму до Гибралтара, было невозможно оборонять. По мере того как дряхлел император, усиливалась роль сената, вновь активизировалась роль цирковых партий. Заговоры и возмущения стали обычным явлением.

Запечатлеть богатую самыми разнообразными событиями эпоху Юстиниана выпало на долю талантливого историку Прокопию из Кесарии, который, будучи советником искусного полководца Велисария, побывал вместе с ним на всех важнейших для империи театрах военных действий. Возвышаясь над всеми летописцами ранней Византии. Прокопий стоит в одном ряду с Фукидидом, Геродотом и Полибием. Именно так определил место Прокопия среди выдающихся историков древности один из крупнейших историков современности А. Тойнби. Обладая редкой наблюдательностью и недюжинным литературным талантом, Прокопий как нельзя лучше подходил к роли летописца своего времени. Три исторических труда об эпохе Юстиниана оставил он потомкам: обширное сочинение «Войны», памфлет «Тайная история» и трактат «О постройках». Различные по своему характеру и содержанию, они

взаимно дополняют друг друга, воссоздавая достаточно полную картину византийской цивилизации VI в.: не только ее блеск и величие, поражавшие ее подданных и соседей, но и те гигантские потери, которыми было заплачено за все это великолепие. Роль Прокопия для наших представлений о Византии VI в. столь же огромна, сколь и значение Тацита для изучения Римской империи I в.

Следующие за Юстинианом императоры, его племянник Юстин II (565–578), Тиверий (578–582) и зять Тиверия Маврикий (582–602), унаследовали истощенную как в финансовом, так и в военном отношении империю и в то же время вынуждены были выдерживать ожесточенный напор аваров, славян, лангобардов на севере и персов на востоке. В 573 г. шаханшах Хосров I разбил византийцев у стен Нисибиса, а затем взял крепость Дару. Авары вместе со славянами все сильнее угрожали придунайским провинциям. В 60-х годах VI в. в Паннонии был основан Аварский каганат, ставший главным врагом Византии в Европе. В 577 г. славяне переправились через Дунай, наводнили Фракию, разграбили и разорили Македонию и Фессалию. Лангобарды, которых Юстиниан поселил в Норике, в 568 г. вторглись в Италию и в течение нескольких лет покорили большую ее часть. Под властью Византии остались лишь Равенна с прилегающей к ней областью, Южная Италия и Сицилия. Лангобардское вторжение привело к постепенному отдалению Италии от Византии. Не выдержав тяжести выпавшей на его долю задачи, Юстин II сошел с ума.

Византия осознала, что не способна отбиваться от всех внешних врагов и поэтому, придерживаясь оборонительной тактики в Италии и откупаясь выплатой увеличенной дани от нападений аваров, главные усилия сосредоточивает против наиболее опасного врага – Сасанидского Ирана. В 591 г. Маврикий удалось довести до успешного конца двадцатилетнюю войну с персами, посадить на шахский престол своего ставленника Хосрова II Парвиза и присоединить к Византии Иверию и значительную территорию персидской Армении. Наиболее упорными врагами Византии при Маврикии оказались авары. Несмотря на высокую дань, которую Византия им платила, они продолжали совершать набеги. И лишь заключив мир с Ираном, Маврикий смог бросить на защиту дунайской границы крупные силы.

Маврикий не мог выделить значительных войск для Италии. Против лангобардов он сумел направить франков, выплатив им крупные суммы. Совместное нападение византийцев и франков, хотя и не принесшее крупных успехов, прекратило дальнейшие завоевания лангобардов. Из византийских владений в Италии Маврикий образовал особое наместничество – экзархат, глава которого являлся военным правителем с широкими полномочиями, подчинявшим себе и гражданское управление. Такое устройство позднее было проведено и для Африки, где был образован Карфагенский экзархат. Экзархаты явились прообразом будущих фем – военных округов.

Внешние успехи давались империи тяжелой ценой. Маврикий пытался ликвидировать трудности, увеличивая налоги, экономя на воинском жаловании и раздачах константинопольскому плебсу. Это привело к волнениям в столице и в армии. В 602 г. дело дошло до открытого восстания. Маврикий приказал войскам, действовавшим против аваров и славян, перезимовать за

Дунаем. Он рассчитывал таким способом избавить казну от расходов, полагая, что армия будет кормиться за счет грабежа чужеземных областей. Но солдаты не подчинились, подняли мятеж, избрали своим предводителем центуриона Фоку и двинулись на Константинополь. Восстание в армии встретило полную поддержку населения столицы. На улицы вышли обе цирковые партии. Были подожжены дворцы близких к императору сановников. Через несколько дней Фока (602–610) был провозглашен императором. Он торжественно въехал в Константинополь, разбрасывая народу золотые монеты. Вскоре Фока приказал казнить Маврикия, прежде обезглавив на глазах императора его сыновей.

По своему происхождению Фока принадлежал к народным низам, но сумел прекрасно договориться с некоторыми представителями столичной знати, оставив их на прежних постах. Фока также получил поддержку римского папы, в угоду которому сменил равеннского экзарха. Кроме того, придерживаясь православия, он с беспощадной жестокостью относился к монофиситам и евреям, против которых развернул суровые репрессии.

Жесточайшим террором он отвечал на растущую оппозицию сенаторской знати и высшего чиновничества. Постепенно в стране разразилась подлинная гражданская война, охватившая Киликию, Сирию, Палестину, Малую Азию и Египет. Внутренние смуты ослабили империю. Славяно-аварский натиск правительство уже не могло остановить. Балканский полуостров оказался фактически открыт для вторжения северных соседей. Вторгнувшиеся в империю персы смогли вновь взять пограничную крепость Дару, а затем устремились в Армению и Малую Азию. Они были остановлены лишь у Босфора.

Наконец, сенатская партия заручилась поддержкой главы Карфагенского экзархата, поднявшего восстание против Фоки. Вскоре к нему присоединился Египет. Африканский флот под командованием Ираклия, сына экзарха, отплыл в Константинополь и беспрепятственно овладел столицей империи. 5 октября 610 г. Фока был казнен, а Ираклий в тот же день провозглашен императором.

Ираклий (610–641) проявил себя талантливым полководцем и энергичным государем, но начало его правления совпало с тяжелыми бедствиями. Империя была охвачена глубочайшей хозяйственной разрухой. Почти весь Балканский полуостров оказался в руках славян. Не менее опасное положение сложилось на Востоке. К этому времени военные действия персов приобрели характер планомерных завоеваний. В 611 г. персы овладели Антиохией. Завоевав Сирию, они двинулись в Палестину и приступили к осаде Иерусалима, взятие которого сопровождалось особой жестокостью. Город не смог оправиться после этого разгрома. По образному выражению летописца, «небесный Иерусалим плакал о земном Иерусалиме». Храм Гроба Господня, построенный Константином Великим и Еленой, подвергся сожжению и разграблению. Одна из самых дорогих святынь, Святое Животворящее древо, Крест Господень, была увезена в Иран. В 619 г. персы овладели Египтом. Легкость завоевания Сирии и Египта объясняют преобладанием в этих областях монофиситов. Испытывая постоянные гонения, они предпочли владычество относительно веротерпимых персов.

Положение казалось настолько безнадежным, что Ираклий даже собирался перенести столицу в Карфаген, однако после некоторых колебаний решил начать войну с Ираном. Поскольку казна была истощена, император решил

воспользоваться церковными сокровищами столицы и провинции и повелел отчеканить большое количество золотой и серебряной монеты. Это дало возможность реорганизовать армию и заручиться помощью союзников – ивиров, армян, лазов и абазгов. Особенно важен был союз с хазарами.

Весной 622 г. Ираклий переправился в Малую Азию. Персидский поход, имевший к тому же целью возвратить Животворящее древо в Иерусалим, получал вид священной войны. Ожесточенные бои велись в Армении, Лазике, Азербайджане и Ассирии. Персы заручились поддержкой аварского кагана, который в 626 г. осадил Константинополь. Однако византийцам удалось потопить флотилию славянских ладей, которую каган взял с собой. Аварский каганат потерпел сокрушительное поражение и вскоре распался. Ираклий в 627 г. разгромил персидскую армию около развалин древней Ниневии, и от этого удара Иран уже не оправился. Возвращенный из Ирана Честной Крест был водружен на прежнее место к великой радости всех христиан.

После разгрома персов Ираклий впервые (в 629 г.) официально назвал себя *василевсом* (царем). Это название давно уже употреблялось в сочинениях византийских историков и хронистов, но не было принято в качестве официального титула. До VII в. использовался латинский титул «император», переводимый на греческий как «автократор» (самодержец). Но пока вне Византии существовал независимый государь могучей древней державы, императоры воздерживались принимать титул, который пришлось бы разделять с другим монархом. Но как только был разгромлен персидский шах, византийский император принял тот титул, который в течение столетий прилагался к нему неофициально.

В правление Ираклия началось осуществление важных социальных и административных реформ, завершившихся лишь в конце VII в. В провинции стали создаваться первые фемы, которые, подобно экзархатам, являлись военно-административными округами, где военная и гражданская власть осуществлялась одним лицом – стратигом (полководцем). Одновременно начался процесс перестройки центрального аппарата. Ираклий отходил от централизованного режима предшествующей эпохи, сокращая жалование чиновникам и раздавая податные льготы.

Ираклий пытался примирить монофиситов с халкидонитами с помощью компромиссной религиозной формулы, которая была найдена в монофелитстве, признававшем в Иисусе Христе при двух природах одну волю, что являлось известной уступкой монофиситству. Эта попытка, однако, успеха не имела. Среди православного духовенства монофелитство вызывало неприятие, выразителем которого станет Максим Исповедник.

Таким образом, Ираклию, одаренному государственному мужу, которому Византия обязана была своим спасением, не удалось полностью стабилизировать положение. Не надо забывать также того, что многолетняя борьба с персами катастрофически ослабила военную и финансовую мощь державы. Но столь необходимого отдыха империя не получила – вскоре после окончания персидской войны возникла неожиданная грозная опасность со стороны арабов. Политическая консолидация племенных объединений Северной Аравии оказалась стремительной.

В 633 г. арабы вторглись в Иран, а в 634 г. – в Сирию. Завоевание арабами восточных областей Византии было осуществлено в то же время, что

и Ирана (636–651 гг.). В 638 г. пала Антиохия, затем Месопотамия и византийская Армения; Египет признал их власть в 641 г., к 649 г. арабы дошли до Карфагена. Византийская империя, сильно сократившись в размерах, перестала быть крупнейшей державой Средиземноморья. Ранневизантийский период подошел к концу.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЖАВА И ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Главным итогом ранневизантийского периода может считаться складывание особого типа власти, существенно отличавшегося как от античной традиции, так и от окружавших Византию государств. Император рассматривался как «единственный повелитель ойкумены». Но принципа наследственной передачи власти официально не существовало. Выбор кандидатуры нового государя во многом зависел от сената, армии и высшего духовенства, а иногда и от симпатий жителей столицы. Поэтому императоры прибегали к соправительству, коронуя сыновей при жизни.

От эпохи домината Византия унаследовала теорию верховной власти, дополненную христианским монархическим принципом, согласно которому императора объявляли «отцом» подданных. В V–VII вв. получило развитие учение об идеальном государе – обладателе высших добродетелей (за образец был взят Константин I). Однако живы были и полисные традиции, в силу которых императора воспринимали как служителя общества (магистрата), а не как господина подданных. Этой теорией впоследствии нередко оправдывали критику и даже низложение императоров, не отвечавших по моральным качествам своему высокому назначению. Обожествлялся скорее не император, а его трон, сама империя, ее государственный и общественный строй (*таксис*), основанный на незыблемых принципах, менять которые («вводить новшества») не полагалось и самим правителям. Имперская власть и христианство, по мысли ромеев, соединят в будущем в вечном согласии все человечество, и христианская общность народов под скипетром единого «отца»-императора станет подобием общности небесной. Симфония духовного и светского начал представлялась необходимым условием политической ортодоксии.

В этот же период оформился союз центральной власти с церковью: император обеспечивал материальное благополучие церкви и господство ортодоксального христианства в империи, а церковь освящала власть помазанника Божия. К середине VI в. по размерам земельных владений церковь мало уступала короне, но в отличие от западной церкви восточная была более зависима от верховной светской власти. Все более проявлялось и другое различие – важнейшие конфессиональные и церковно-организационные проблемы выносились на рассмотрение соборов высших иерархов, тогда как на Западе все более определяющей становилась роль понтифика. Римский папа и патриарх Константинопольский соперничали за верховенство, а между восточной и западной церквями нарастали различия в догматике, в организации духовных учреждений, в обрядности.

Ранневизантийский период был временем процветания городов, особенно заметного по контрасту с Западом. Показателем экономической мощи

Византии была популярность ее монеты – золотая номисма ценилась от Атлантики до Индии. Византия играла роль мирового экономического центра, ведя настоящие «торговые войны», чтобы обеспечить бесперебойную торговлю с Китаем по Великому шелковому пути или через Аксум – с тропической Африкой. «Око вселенной», Константинополь, насчитывал сотни тысяч жителей, поражая своим величием и красотой, но и другие города – Александрия, Антиохия, Эфес – являлись мегаполисами для своего времени.

Несмотря на все трудности, Византии удалось сохранить боеспособную армию и остановить ее варваризацию. Империя могла выставить четверть-миллионную армию из свободных крестьян и наемников. До середины VII в. ее военный флот не имел соперников. Быстроходные диеры и триеры (с двумя–тремя рядами весел) поднимали до 200–250 воинов и моряков.

Основным принципом налогообложения был учет размеров имущества его обладателя, внесенного в поименные налоговые описи-кадастры. Развитый фискальный аппарат позволял правительству аккумулировать огромные средства, мощная византийская бюрократия поддерживала контроль едва ли не над всеми сторонами общественной жизни. За счет централизованного управления василевс, в отличие от подавляющего большинства правителей других стран, мог осуществлять внутреннюю политику во вполне современном значении этого слова, а при помощи искусной византийской дипломатии – и политику внешнюю. Это давало возможность удерживать, а порой даже расширять границы. Однако такая задача требовала значительного напряжения сил, что постепенно ломало полисный уклад жизни.

Античная цивилизация существовала, пока был жив и развивался полис с его институтами, ценностями и мировоззрением. Но Византия уже вслед за эпохой Юстиниана утрачивает урбанистическую стабильность. Городская собственность как основа прежнего процветания и значения городов все более отступает перед принципом верховной власти василевса на землю и материальные средства и перед его контролем над духовной жизнью. Итог этому процессу много позже, в начале X в. будет подведен 46-й новеллой императора Льва VI, отменяющей права и обязанности куриалов, упраздняющей городское самоуправление, «ибо обо всем печется император».

Ранневизантийский период исключительно важен для формирования фундамента византийской культуры – богословия. Сочинения лучших его представителей лежат в основе святоотеческой традиции, значимой для всего христианского мира, но в первую очередь, определившей самобытность византийской культуры. Афанасий Александрийский, Великие каппадокийцы, Иоанн Златоуст сумели установить и отстоять в трудной борьбе ключевую для христианства формулу взаимоотношения единой Божественной сущности и трех ипостасей, зафиксированную в Никео-Константинопольском исповедании веры. Эта задача была решена при опоре на эллинское философское наследие. Византийское богословие представляет собой усилие выразить связь церковной традиции с живыми категориями греческой философии, чтобы, по словам русского философа В. Лосского, «повернуть эллинизм ликом к Христу».

В центре дискуссий византийских богословов оказывалась проблема взаимоотношений Бога и человека. Так, например, Григорий Нисский, обсуждая природу человека, настаивал, что человек – вершина, венец творе-

ния, царь и господин всего, заключающий в себе все сущее. Идея эта сродни античному пониманию человека как микрокосма. Но антропология Григория теоцентрична, он считает самым важным в человеке то, что он создан по образу и подобию Божию. Образ Божий в человеке сравнивается с отражением в зеркале. Зеркало может разбиться, затуманиться, его можно повернуть под углом так, что никакого отражения видно не будет. Человек может утратить образ Божий, перестать быть его отражением, но потенциальная возможность обрести его всегда остается.

Византийский взгляд на человека определялся тем, что человек может быть спасенным не просто через некое внешнее действие Бога или через рациональное постижение предустановленной истины, а через усилие «стать, как Бог». Как писал Афанасий Александрийский, «Бог стал человеком, дабы человек смог стать Богом».

Вместе с тем, богословие византийцев оставалось тесно связано с неоплатонизмом, прежде всего благодаря язычникам – Проклу (410/412–485) и школе его последователей в Афинской академии, а также Аммонию (ум. после 517 г.) и его философской школе в Александрии. «Первоосновы теологии» Прокла, его комментарии к диалогам Платона развивали идеи диалектического единения духовного с Божественным началом.

Наиболее последовательная попытка решить задачу неоплатонического осмысления человеческого сообщества принадлежит анонимному автору конца V – начала VI в., скрывавшегося за псевдонимом Дионисия Ареопагита, ученика апостола Павла. Эта новозаветная аллюзия была полна смысла: по словам С.С. Аверинцева, «автор хочет быть “ареопагитом”, афинянином из афинян, наследником традиции эллинизма, – но только крещеным эллином». «Неведомый бог», о котором говорил апостол Павел, хорошо подходил к неоплатонической идее непостижимости и неизъяснимости Единого. Бог для Псевдо-Дионисия есть запредельное торжество избыточного света и непроницаемого мрака. Но, в отличие от неоплатоников, не отрешенная душа одинокого философа, но люди и ангелы принимают от непостижимого Бога норму своего совместного бытия. Подняться к Богу они могут только сообща, восполняя друг друга, помогая друг другу, передавая друг другу Божественный свет по закону иерархии. Для Псевдо-Дионисия церковь – это иерархия ангелов и непосредственно продолжающая ее иерархия людей, отражающих Божественный свет в своих зеркалах. Трактаты Псевдо-Дионисия «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии» позже оказались необычайно востребованы мыслителями Средневековья, старавшимися в божественных категориях постичь смысл иерархически-структурированного общества и государства.

Все то же взаимодействие греко-эллинистической литературной традиции и христианских идей было характерной чертой литературы Византии. До начала VII в. латынь оставалась официальным языком, но основная часть ранневизантийской литературы была грекоязычной. Впрочем, она постоянно обогащалась переводами армянских, грузинских, и в особенности сирийских арамейских авторов (Захарий Ритор, Бар-Хабешабба, Иоанн Эфесский и др.).

Становление христианства как государственной религии нашло выражение в памятниках, принадлежащих к жанру церковной истории. Созда-

тель этого жанра Евсевий Кесарийский определил и особенности нового в литературной традиции мировидения: линейное восприятие времени, движение в качестве основного героя благочестивого христианина, смысл жизни которого определяется мерой воплощения принципов христианства. Его последователи, развивавшие жанр церковной истории в IV–VI вв. (Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит Киррский и др.), утверждают смысл существования как индивида, так и государства в церковном строительстве в кристаллизации православия. Однако наряду с православными свои идеи отстаивали евномиане (Филосторгий) и монофиситы (Иоанн Диакриномен, Василий Киликийский). Особый интерес представляет сочинение несторианского автора – Космы Индикоплова («плователя в Индию») «Христианская топография».

Косма Индикоплов был александрийским купцом, много путешествовавшим и составившим подробное описание Эфиопии, Цейлона и Индии. Но помимо интересной информации об экзотических странах и о торговых путях, связывающих юстиниановскую Византию с Китаем и неизвестными африканскими краями, труд Космы содержит принципы христианского описания мироздания и освоения пространства. В этом отношении «Христианская топография», составленная между 536 и 547 гг., сугубо полемична. Главным своим противником Косма считает «христиан, принявших ложное учение греков». В Александрии с ее мощной античной традицией таких христиан было особенно много. Стремясь противостоять влиянию аристотелевской картины мира и идей Клавдия Птолемея, Косма предлагает христианскую космографию, опирающуюся на Библию. Земля представляется ему плоским четырехугольником наподобие Ноева ковчега, окруженным океаном и покрытым небесным сводом, на котором висят звезды и где находится рай. Все космические явления Косма объясняет деятельностью ангелов, выполняющих предначертания Бога. Несмотря на несторианство Космы, именно он оказал значительное влияние на последующую византийскую (и древнерусскую) культуру. В этом смысле «Христианская топография» типологически уже принадлежит скорее к следующей эпохе.

Ранневизантийская литература выводит на авансцену нового героя – не славного военными успехами правителя или полководца, но несокрушимого своей духовной твердостью христианского мученика, святого старца или благочестивую женщину. Таковы герои первых агиографических памятников – житий, посвященных устроителям христианской жизни (житие св. Антония – основателя пустынножительства, написанное Афанасием Великим Александрийским, после 356 г.), а также патериков, появившихся в V в. Но сохраняются и античные литературные традиции: развивается риторика, правила которой усваивают и христианские проповедники; стихи Отцов церкви ориентируются на поэтику античного стиха; историографы (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Феофилакт Симокатта) органично вкладывают содержание новой, христианской, эпохи в повествовательную форму античного историописания. Наряду с нарождающейся литургической поэзией, гимнографией, духовной лирикой (например, Роман Сладкопевец, начавший применять тоническую метрику в своих кондаках), создаются памятники языческой культовой гимнографии (Юлиан Отступник, Нонн Панополитанский). Для описания явлений христианской и средневековой реальности используются классическая метрика, жанры (эпиграммы

Павла Силентария), античные образцы: так, Нонн Панополитанский перекладывает гексаметром Евангелие от Иоанна.

При том, что в Византии с самого начала ее исторического пути формируется новый тип историзма, основанный на провиденциализме и на телеологическом осмыслении движения во времени, когда прошлое оценивается в перспективе грядущего Страшного суда, на историографов продолжает оказывать влияние не только Библия, но и учения Платона и неоплатоников, Филона Александрийского и Пифагора, а также античная историография, в первую очередь Геродот и Фукидид.

Ранневизантийская культура напряженно и плодотворно работала над переосмыслением античного наследия, порой вступая в открытую полемику с античными авторами, но не отказываясь от культурной преемственности. Существовала социальная среда, сберегавшая и развивавшая античную традицию – в Афинах, Бейруте, Антиохии и, в особенности, в Александрии изобиловали школы философов, правоведов, математиков и астрономов, многие из которых сохраняли верность язычеству. Пока оставались куриялы, поддерживающие спрос на античную образованность, оставалась и интеллигенция старого типа. Это был все более сужающийся кружок породненных друг с другом мыслителей. Так, например, дочь философа Теона Александрийского Ипатия начиная с 400 г. преподавала философию Платона и Аристотеля в Александрийской школе, занималась вычислением астрономических таблиц, комментировала древних математиков. В 415 г. она была убита фанатичными сторонниками Кирилла, епископа Александрийского. Поколения спустя в Александрии блистала своей красотой и глубиной философских познаний Эдессия, жена известного неоплатоника Гермия, который был учеником Сириана Александрийского, родственника Эдессии. Когда Эдессия умерла в преклонном возрасте, то на ее смерть написал прекрасные стихи философ Дамаский. Он дружил с ее сыном Аммонием Гермием, учеником Прокла и защитником языческого неоплатонизма, но осуждал уступки христианам, на которые Аммоний шел, чтобы сохранить право на преподавание. Дамаский стал последним схоларом Афинской школы. В 529 г. по приказу Юстиниана она была закрыта, и Дамаский со своими учениками переехал в Иран.

По мере того, как замирала полисная жизнь, слабела и непосредственная связь с античной культурой. Но уже в этот период становилось очевидным, что византийская культура шире византийской державы. Носители византийской традиции: миссионеры, эмигранты, пленные или ромеи, оказавшиеся под властью завоевателей, расширяли границы византийского культурного ареала, приобщая к нему все новые народы.

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. РИМ И ВАРВАРЫ

В середине I тысячелетия Римская империя на Западе прекратила свое существование, и на ее месте возникли «варварские королевства».

ПРОБЛЕМА «ВАРВАРОВ»

События приняли для Рима катастрофический оборот в конце IV в. Появившиеся в степях Восточной Европы гунны молниеносным ударом разгромили готов, контролировавших территорию Поднепровья. Часть побежденных последовала за победителями, другие униженно просили императора Валента позволения перейти Дунай и поселиться в пределах Римской империи. Вскоре взаимное недоверие готов и римлян вылилось в военную конфронтацию, развязка которой наступила 9 августа 378 г. Разгром римлян при Адрианополе (совр. Эдирне) был столь сокрушительным, что сам император Валент пропал без вести (см. также том 1. С. 688). Недавние беженцы на время оказались хозяевами положения. В череде военных столкновений и договоров под единоличным контролем готов фактически перешли целые римские провинции на Балканах и в Подунавье.

Нашествие Радагайса в Италию в 405 г. закончилось истреблением полчищ «варваров», но в ночь на 31 декабря 406 г. вандалы, аланы и свевы прорвали лимес империи на Рейне. Три года грабежей и насилий, по выражению очевидца, превратили Галлию в один погребальный костер. Осенью 409 г. вандалы, аланы и свевы сумели пробиться через Пиренейские перевалы в Испанию и закрепились там. Новость о взятии Рима готами под предводительством Алариха 24 августа 410 г. потрясла воображение современников: три дня Вечный город находился в руках варваров. Впрочем, со стороны Алариха это было прежде всего демонстрацией силы и имело целью склонить римлян к выгодному союзу. По договору с римскими властями готы получили значительные области в Южной Галлии, еще больше расширили их военным путем и продвинулись глубоко в Испанию, вытесняя оттуда вандалов. Вандалы и примкнувшие к ним аланы через Геркулесовы столбы переправились в римскую Африку (совр. Алжир и Тунис). В 455 г. во главе с конунгом Гейзерихом они с моря вторично напали на Рим и разграбили его.

К середине V в. западные провинции Римской империи содрогнулись под страшным ударом гуннов. В 451 г. сражавшиеся плечом к плечу римляне и германцы остановили гуннский натиск в истребительной битве на Каталаунских полях в Галлии. Гуннская держава распалась со смертью своего предводителя Атиллы два года спустя. Врагов у римлян от этого не стало меньше. Подобно взорвавшемуся вулкану, она извергла в римский мир огромные куски прежней гуннской коалиции. Британия, оставленная римскими войсками, мало-помалу становилась добычей англов, саксов и ютов. На свою долю Галлии, помимо готов, претендовали бургунды, а затем франки.

Франкский король Хлодвиг в сражениях с римлянами и готами в 481 и 507 гг. объединил под своей властью три четверти галльских земель. Его сыновья довершили дело, в 534 г. расправившись со слабосильным Бургундским королевством. После 476 г. Италию контролировали варварские отряды под предводительством Одоакра, из племени скиров. Он низложил последнего императора западной части Римской империи Ромула Августа, но не возвел на трон нового, как поступали военачальники до него, а демонстративно отослал императорские инсигнии в Константинополь. Можно сказать, что это событие и было «падением» Римской империи, хотя современники уже не обратили на него особенного внимания. Лакомый кусок у разношерстного воинства Одоакра в 493 г. вырвал конунг Теодорих, выступавший во главе той части готов, которые в свое время подчинились гуннам (остготам). Он стал новым властителем Италии и претендовал на роль лидера и арбитра варварских королевств.

От Римской империи оставалось то, что современники продолжали обозначать этим именем, но мы сегодня называем Византией. Византийский император Юстиниан попытался силой вернуть империи Западное Средиземноморье. Успехи его полководцев Велисария и Нарсеса оказались столь же грандиозны, сколь и непрочны – в ожесточенной борьбе византийцы сокрушили королевства вандалов в Африке и готов в Италии, но все усилия пошли прахом буквально через несколько лет. Начиная с 568 г. большей частью Италии овладели новые варвары – лангобарды, но византийским императорам в это время было уже не до них. Они столкнулись с неразрешимыми трудностями на Востоке в борьбе с персами и затем с арабами. Авары, сменившие гуннов в роли хозяев европейских степей, и их союзники славяне жестоко опустошали Балканский полуостров. С грабительскими набегами и вражескими армиями в какой-то мере еще можно было совладать. Едва ли не худшим злом для византийских Балкан, изрядно обезлюдевших после вторжений VI в., оказалась славянская колонизация. Мирные разбойники просто приходили и селились во Фракии и Греции. Не склонные платить установленные в стране налоги и подчиняться властям, переселенцы стремились сохранять независимость. Таких неуправляемых насельников невозможно было по-настоящему ни победить, ни прогнать, ни научить жить по местным порядкам. Быть императором с таким народом – если не утопия, то точно наказание.

Такова событийная канва конца Римской империи и появления варварских королевств. Эти события, однако, трудны для интерпретации. Прежде всего необходимо уточнить, кто такие «варвары»? Само это понятие унаследовано нами от греко-римской античности, чьи писатели служат нам главным источником исторической информации, поэтому, ведя речь о «варварах», мы невольно попадаем в плен их представлений. В частности, это касается отношения «варваров» к «цивилизации», которому несправедливо приписывается характер неразрешимого антагонизма. Античные авторы изображают варваров «одетыми в шкуры», чего, по-видимому, никогда не бывало в действительности, иными словами, представляют их частью первобытной природы. Культура же Древнего Рима, напротив, являлась для римлян синонимом обуздания природных стихий. Следовательно, «нашествия варваров» мыслились не как противоборство разных культур, а как столкновение куль-

туры с первобытным хаосом, но это факт римской идеологии или, как говорят исследователи, «римского мифа».

Античное представление о «варварах» одновременно внушает нам ложное понимание этнической истории рассматриваемого периода. Связанные антитезой природы и культуры, древние авторы были вынуждены представлять «варварские народы» наподобие явлений стихии. В их глазах «варварские народы» построены на принципе биологического происхождения: они всерьез мыслятся в качестве коллективов близких и дальних родственников. Отсюда, по убеждению древних, людей одного народа, как родню, объединяют узнаваемые черты физического облика – телосложение, цвет волос и т.п. (ср. выражение Ницше: «белокурые бестии»). Будучи трезвомыслящими людьми, древние понимали, что их мир устроен совсем иначе: Римская империя соединила и превратила в римлян население всего Средиземноморья. Быть римлянином – социальный навык и правовое определение, иначе говоря, римлянами становятся, до цивилизации умственно и нравственно дорастают. Чужие «племена», напротив, как уже сказано, рисуются скорее частью природы, чем социальной жизни и истории. Кому не дано жить в цивилизованном обществе, тех заведомо не может сплотить ничего, кроме утробного животного зова крови.

В результате социальные проявления превратно трактуются как факты этнической истории. Так, любая группа «варваров» в глазах римлян обязательно является каким-либо «варварским народом» (она не может, к примеру, оказаться просто военным отрядом, составленным из людей разных этнических корней, и т.д.). Другое следствие – то, что «варварские народы» воспринимаются в качестве неизменных ячеек мироздания. В силу своих предубеждений римляне не допускали мысли, что «варварский народ» может сформироваться или измениться в переживаемых исторических обстоятельствах. Если народа не было, а потом он появился, значит, он переместился из неведомого пространства земли в известное. Отсюда возникает образ «эпохи переселения народов», утвердившийся в немецкой историографии XIX в.

Историческая наука в прошлом шла по стопам этих образов, не видя их идеологической подоплеки. В частности, к ним восходит понимание первобытного общества как периода господства «родоплеменных» отношений (т.е. буквально отношений биологического родства) над другими формами социальных связей. В марксизме «родовой строй» противопоставлялся «классовому» обществу и государству и рассматривался как первоначальная ступень в истории человечества. Варварский мир в предвзятой интерпретации античных писателей стал, таким образом, моделью для осмысления всех примитивных народов. Считая главным содержанием истории последовательную смену «общественно-экономических формаций», историки в Советском Союзе были вынуждены искать исторические доказательства разложения гипотетического «родового строя» «варваров» в начале Средневековья (А.И. Неусыхин и др.).

Историки XIX в. верили в то, что мы можем представить себе «древних германцев», разрушивших Римскую империю в V в., по описаниям Цезаря и Тацита, т.е. по текстам, составленным на заре ее существования. Сегодня исследователи точно знают, что подобный ход рассуждений ошибочен. К середине I тысячелетия нашей эры варварский мир изменился до неузнаваемости.

Влияние Римской империи на земли, лежавшие за ее границами по Рейну и Дунаю, оказалось необыкновенно мощным и разрушительным. Военная, политическая и культурная экспансия Рима ломала традиционный уклад жизни варварского мира, стирала его культурную самобытность. Волны этого разрушительного воздействия докатывались до его отдаленных окраин.

Выражением перемен стали масштабные процессы этнополитической консолидации. «Варварские народы», создавшие свои королевства на территории Римской империи, не являлись исконными германскими племенами. Это были новые, динамичные образования, построенные для войны и совпадающие с войском. Такие военизированные народы – дело рук военных олигархий и вождей. Присоединяя разрозненные группы искателей приключений и изгоев, ассимилируя разбитых врагов, новые племена слагались из разных людей, которые собирались вокруг относительно небольшого ядра и очень скоро начинали ощущать себя сопричастными этому ядру и его этнической традиции. Имя единого народа и есть средство организовать людей.

В качестве примера этнических процессов в середине I тысячелетия можно рассмотреть нашествие гуннов. Этнографические зарисовки латинских и греческих писателей откровенно тяготеют к зоологии. По словам одного, гуннов «можно принять за двуногих зверей» или «грубо обтесанные в виде человеческих фигур чурбаны». Если это и был «род людей», – продолжает другой, – то «только в том смысле, что гунны обнаруживали подобие человеческой речи». Их черные лица – «безобразные комки с дырами вместо глаз». Откуда они взялись? Ученые писатели античности отвечали на это так: «гунны были долго заключены в неприступных горах» или «жили по ту сторону Меотийских болот у Ледовитого океана».

Однако впечатляющая картина фантастических пришельцев плохо согласуется с другими историческими свидетельствами. Особенно любопытен рассказ греческого автора Приска, который участвовал в посольстве императора Феодосия к всесильному и грозному правителю гуннов Аттиле. Приск разговаривал с одним «гунном», который оказался бывшим греческим купцом; они поспорили о достоинствах и недостатках Римской империи. В стане гуннов, сообщает Приск, обретался римский аристократ Орест, будущий отец последнего римского императора Ромула Августа, замуж за Аттилу хотела выйти красавица Гонория, сестра императора Валентиниана: из династических соображений брат обрек ее на вечную девственность, измученная такой несправедливостью Гонория передала Аттиле перстень в знак их обручения и просьбу завоевать Италию и избавить себя от тирании брата. Приск рассказывает, как за столом Аттилы «смешивают латинскую, готскую и гуннскую речь». Он приводит одно слово «по-гуннски»: у них вместо вина пьют то, что они сами называют «мед». Всего латинские и греческие авторы записали два «гуннских» слова, и оба они безусловно славянские.

Имя Аттилы происходит из языка готов и значит «отец». Правда, историки не уверены, что «Аттила» – это имя, а не титул правителя гуннов, принимаемый за имя по ошибке. Германский героический эпос Средних веков явно не считает Аттилу чужим героем. В «Песни о Нибелунгах» Аттила выступает под именем истребителя бургундов Этцеля. Скандинавская «Эдда» помнит о нем как об Атли. О происхождении гуннов повествует готское предание, записанное через сто лет после крушения гуннской державы. Согласно этой легенде, готы прогнали от себя нескольких колдуний, и гунны произошли от

их соития со встреченными в пустыне нечистыми духами. Надо уловить оба смысла сказанного: гунны уподобляются нечистой силе, но в то же время они мыслятся как родственный народ.

Обозначение «гунны» – то же самое, что «хунну» или «сюнну», известные по китайским источникам. Хунну кочевали в степях Забайкалья и Монголии за семь веков до Аттилы. Для защиты от них началось строительство Великой Китайской стены. Ко II в. от былого могущества хунну не осталось и следа. Полностью разгромленные новыми кочевыми народами, хунну двинулись на Запад, увлекая за собой массу тюркоязычных племен Центральной Азии, ираноязычных кочевников Средней Азии, угроязычные и самодийские племена юга Западной Сибири и Приуралья. Их бегство превратилось в нашествие, втягивавшее в общее движение кочевых орд бесчисленные народы.

Костяк воинов, пришедших из Азии, легко присоединял к себе другие племена. Армия Аттилы в исторической битве на Каталаунских полях состояла едва ли не из одних германцев. Быстрая дезинтеграция гуннской державы, стремительное исчезновение самого имени гуннов последовали за первыми значительными неудачами и смертью вождя. Бывшие гунны оказались готами, скирами, ругиями, гепидами... Греческий эпитет, которым награждает гуннов Приск, означает «случайно сбегавшаяся толпа», «сброд». Гунны – не проблема Азии, пришедшая в Европу; прежде всего это проблема этнической истории Европы, в которой необозримые массы людей были готовы приобщаться к гуннам. Если бы не эти массы, ни о каких гуннах никто бы в Европе и не услышал.

Подлинная этническая история «эпохи переселения народов» – это история непрерывного изменения, радикального нарушения преемственности, политических и культурных зигзагов, замаскированных повторяющимся присвоением старых слов для определения новой реальности. Неудивительно, что в какой-то момент «готами» оказываются одновременно два разных «народов». У одних будет королевство в Испании и Галлии, у других – в Италии и Иллирике. Слова «варвары» и «варварские королевства» в историографии принято употреблять без кавычек на правах технических терминов, но это не должно заслонять всю условность и даже парадоксальность таких обозначений.

Завороженные величием Рима и грезя о богатствах средиземноморского Юга, варвары не помышляли о том, чтобы «разрушить» Римскую империю. Она служила для них готовым источником жизненных благ. Богатства можно было добыть не только грабежом, но и службой Риму. Варвары, завладевшие западными провинциями, мыслили себя и состояли солдатами на службе Римского государства. Отряды варваров оказывали ему неоценимую помощь в борьбе с другими варварами. Достаточно вспомнить, как в середине V в. они отразили истребительное нашествие тех же гуннов. Сознывая свою силу и роль, при этом они нередко действовали в собственных интересах. Раскачивая лодку политического кризиса, шантажом и насилием они стремились вознаградить себя самостоятельно.

Стратегия варваров не нацеливалась на захват и удержание политических центров империи – ее столиц. Варвары стремились получить в свои руки отдельные провинции. Чтобы понять смысл этих действий, надо понимать, какие ресурсы в Римской империи они могли и хотели присвоить. Этими ресурсами являлись прежде всего налоги. Римское государство отличалось от

современных государств, оно не опиралось на армию чиновников в собственном смысле слова, которых в Риме, по современным понятиям, насчитывалось ничтожно мало. Римская империя основывалась на перепоручении государственных прерогатив могущественным лицам, которые в таком случае выступали от имени государства. В частности, так собирались римские налоги. Другой особенностью римской системы налогообложения было максимальное соединение доходов с расходами. Иными словами, собранные налоги не везли за сотни и тысячи километров, а старались употребить на месте. Контингенты римской армии обычно получали содержание с тех территорий, где они были расквартированы. Навязывая себя империи в качестве ее солдат, варвары фактически делили между собой ее налогоплательщиков.

В этом отношении варварские королевства изначально представляли собой продолжение административных форм Римского государства. Существенно то, что пришельцы искали и находили общий язык с населением и правящим классом бывших римских провинций, воспринимая его опыт и получая поддержку. Военная сила варваров и власть их королей многими в римских провинциях воспринимались как благо или наименьшее зло. Известно всего несколько случаев противодействия варварам со стороны местных элит, видевших в их приходе угрозу своему положению. Образование варварских королевств можно сравнить с военными мятежами, молчаливо поддержанными местным населением.

К тому времени, когда германцы оказались хозяевами бывших провинций Римской империи, они уже не представляли самих себя вне политических категорий Древнего Рима. Во многих варварских королевствах элементы германской культуры не играют заметной роли. В этом плане славяне составляют разительный контраст. В отличие от того, что происходило на Западе, они не предпринимали попыток взять в свои руки и использовать существующий административный аппарат, а напротив, его игнорировали и стремились наладить собственную жизнь. Потому отношения славян и Византийской империи вылились в подлинный и неразрешимый культурный конфликт. Славянская колонизация Балкан лучше всего укладывается в хрестоматийный образ «переселения народов». Но если говорить о Западной Европе, похожая колонизация бывших римских земель, серьезно меняющая их этнический и культурный облик, имела место лишь на окраинах римского мира – в Восточной Англии и на Рейне. Парадоксальным образом ни королевства англов, саксов и ютов в Британии, ни славянские государственные или протогосударственные образования не принято считать «варварскими королевствами».

Готов, лангобардов и многих других варваров отличала от римлян приверженность арианской ереси. Суть этого теологического расхождения заключалась в разной интерпретации Троицы. Начало обращению готов в христианство было положено в IV в. первым готским епископом Вульфилой. Это случилось в правление императора Валента, который сам придерживался арианства, которое являлось тогда в Римской империи признанной религией. Арианство готов, таким образом, изначально представляло собой историческую случайность. Однако готы не перешли в ортодоксальное христианство после осуждения ереси. Долгое время они предпочитали оставаться еретиками, видя в своем конфессиональном отличии от римлян выгоду и смысл. Их мотивы, очевидно, разделяли и другие варвары. По примеру готов многие из них также принимали христианство в форме арианства. То, что оно в конеч-

Украшение шлема Агилульфа. VII в. Музей Барджелло, Флоренция © 2011.
Photo Scala, Florence

ном итоге выступило формой самоопределения варваров, надо соотнести с их этнической историей. Люди, оказавшиеся у руля власти в варварских королевствах, судя по всему, чувствовали шаткость «этнической» границы между ними и другими людьми и искали новые возможности такую границу провести. Фрагменты сделанного Вульфиллой перевода Библии на готский язык являются древнейшим памятником германских языков. Но готский язык быстро вышел из употребления. В начале VII в. о нем вспоминали в прошедшем времени.

Картина «нашествия варваров», разрушивших Римскую империю, давно стала частью европейской культуры. Видимо, она отвечает определенным идейным потребностям и стереотипам. С ней связаны прошлые и нынешние представления о Европе и цивилизации, об историческом вкладе народов и культур и «исторических правах», а также о ходе истории вообще. Историки оспаривают эту картину, считая ее грубой и неточной, мешающей пониманию подлинных исторических событий.

СУДЬБЫ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ

Судьба «варварских королевств» сложилась по-разному. Королевство готов в Италии (или остготов) изначально отличала подчеркнутая близость к римским традициям. Официальная идеология превозносила гармонию и пользу сосуществования римлян и готов, соединившихся в одном государстве. Тем не менее конец правления короля Теодориха был ознамено-

ван репрессиями в отношении высокопоставленных римлян. После смерти Теодориха в 526 г. власть отошла к его малолетнему внуку, а фактической правительницей оказалась дочь Теодориха Амаласунта. В конечном итоге это спровоцировало глубокий политический кризис, подтолкнувший Византийскую империю к попытке возвращения Италии силой. Начавшаяся в 533 г. война с готами оказалась затяжной. Страшным врагом византийских полководцев стал легендарный король Тотила, сумевший вновь сплотить готов. Тотила потерпел поражение и погиб в 553 г. Но остатки отрядов готов оказывали сопротивление еще два или три года.

Война причинила Италии неслыханные опустошения, к тому же с 568 г. в нее, едва отвоеванную греками, вторгаются лангобарды. Они оккупировали северную и центральную части страны, образовав Лангобардское королевство и два независимых герцогства с центрами в Сполето и Беневенте. В руках византийцев, опиравшихся на крепости и флот, помимо Южной Италии оставались приморские анклавы, включая Рим и Равенну с полоской земли между ними. В письменной традиции лангобарды, романизированные меньше других варваров, запомнились своим жестоким обращением с местным населением. Но точны ли эти сведения, не ясно. Не столько войны и гонения, сколько общие тенденции эпохи вели страну к упрощению жизни, исчезновению того, что мы отождествляем с античностью. Варварские королевства стали нащупыванием нового порядка вещей, в котором ненужное отпало и переродилось. Иллюстрацией такого естественного и необходимого перерождения может служить церковь Космы и Дамиана в Риме, устроенная в это время в приемной зале городского префекта.

Еще одно королевство варваров, также называвших себя готами (для различения историки называют их вестготами), первоначально стало складываться в Аквитании. Этот период его существования еще именуют «Тулузским королевством». В начале VI в., не выдержав натиска франков, вестготы были вынуждены уступить им почти все территории, которыми они владели в Галлии. Тем не менее их королевство сумело пережить политический кризис и возродиться за Пиренеями на землях Испании.

До середины VI в. вестготским королям в Испании приходилось постоянно воевать для сохранения или расширения земель, где признавали их власть. Они обороняли рубежи вестготского королевства на севере против франков, стремившихся занять Септиманию, на юге – против византийцев, которые в правление Юстиниана отвоевали значительную часть провинции Бетика. Правление короля Леовигильда стало временем резкого усиления королевской власти, взявшей курс на создание сильного и самостоятельного государства без оглядки на Византию с такими новыми атрибутами, как трон и корона, изданием нового свода законов и другими мерами. Новая политическая линия сплочения всех сил делала устаревшим и неуместным старое конфессиональное размежевание римлян и «варваров». В этой связи финальную точку в череде необходимых политических преобразований, начатых Леовигильдом, поставил его сын и преемник на троне Рекаред. В 589 г. он оставил арианство и перешел в католическую веру. Важнейшим политическим институтом в готской Испании стали Толедские соборы, превратившиеся с конца VI в. из конклава церковных иерархов в собрание мирян и духовенства, наделенных властью, где решались самые разнообразные

вопросы управления. Все это увенчалось действительным сплочением готов и римлян. Исидор Севильский в начале VII в. воспекает королей вестготов как «славу Испании». В его времена страна переживает подлинное культурное возрождение, особенно явное и впечатляющее на фоне полного упадка латинской литературной традиции в самой Италии.

С именем франкского короля Хлодвиг (ок. 466–511) связаны два события, имевшие кардинальные последствия для политической и религиозной истории европейского Средневековья. Во-первых, это возникновение Франкского королевства; объединив три четверти Галлии, оно не только стало новым мощным центром политической силы, но в отличие от других варварских королевств, получило прямое продолжение в политической истории Запада. Вторым событием стало начало обращения франков в католическую веру; это происходит в обход распространенного среди германцев арианства и в нарушение принципа конфессионального размежевания римлян и варваров как функциональной особенности варварской государственности.

Известия о Хлодвиге по преимуществу восходят к единственному и более позднему источнику, каким являются «Истории» Григория Турского (2-я книга, составлена между 576 и 580 гг.). Рассказ Григория признается в основном достоверным с двумя существенными оговорками, а именно, он лишен удовлетворительной хронологии и отмечен содержательными искажениями, характеризующими политическое и символическое значение завоевания Галлии и крещения Хлодвиг десятилетия спустя. Сын короля Хильдерика, потомок (внук?) полулегендарного Меровея, давшего имя династии Меровингов, в момент прихода к власти ок. 481 г. Хлодвиг контролировал территорию между р. Соммой и Нижним Рейном. Победа над римским правителем Сиагрием ок. 486 г. позволила Хлодвигу распространить свою власть до Луары. Столкновение с вестготским Тулузским королевством окончилось его победой при Вуйе (или скорее при Вулоне) под Пуатье в 507 г. и присоединением большей части Аквитании.

Хлодвиг был крещен епископом Ремигием Реймским; разные исследователи относят это событие ко времени между 496 и 508 гг. с вытекающей отсюда спорной интерпретацией ключевых шагов царствования. Прежде всего это касается военной конфронтации с готами в 507 г. Григорий Турский описывает данное событие после крещения и изображает как своеобразный крестовый поход за освобождение угнетенных арианами католиков. На это можно заметить, что ни о каких межконфессиональных конфликтах и гонениях на католиков в готской Аквитании накануне войны нам ничего не известно и что она, напротив, прекрасно укладывается в рамки предшествующей франкской экспансии. Мало того, по всей вероятности, до крещения в католичество в ближайшем окружении и среди родни Хлодвиг было распространено арианство.

В качестве решающих обстоятельств обращения Хлодвиг Григорий называет влияние его жены-католички королевы Хродехильды, а также некую битву с аламаннами: якобы Хлодвиг, подобно императору Константину, поклялся уверовать в «Бога Хродехильды» в случае своего военного успеха. Таким образом, Григорий Турский представляет Хлодвиг «новым Константином». Не в пользу этого, видимо, несколько упрощенного и стилизованного объяснения говорят известные нам по другим текстам давние и тесные

связи возникающей франкской династии со св. Ремигием и св. Женевьевой Парижской, завязанные еще отцом Хлодвига королем Хильдериком. Очевидно, Хлодвиг избирает Париж столицей своего королевства не в последнюю очередь как место погребения св. Женевьевы (ум. ок. 502). На ее могиле в качестве династической усыпальницы Хлодвиг возводит церковь св. Апостолов (впоследствии Сент-Женевьев), где и будет похоронен.

Франкское государство отличал особый порядок наследования верховной власти, которая делилась между королевскими сыновьями. Каждый из них получал в удел свое королевство. Представление о единстве франкских земель при этом сохранялось, и иногда на время они снова собирались в одних руках. В результате таких наследственных разделов складываются исторические области Австразия, Нейстрия и Бургундия, в которых в конце концов возникает своя правящая аристократия и система управления во главе с майордомами. Королевская власть естественно оказывается в зависимости от той среды, которую вокруг себя создает. Местные силы выходят на первый план при малолетних правителях, которых среди Меровингов было немало, сильные же правители, подобные королю Дагоберту I в VII в., умели заткнуть их за пояс. Старые земли франков, расположенные между Рейном и Сеной, имеют для Меровингов особую символическую ценность. Применительно к ним впервые появилось определение «Франция». Западные, центральные и южные области страны, напротив, являлись политической периферией Франкского государства, где временами доходило до того, что складывались автономные или независимые политические образования.

Главным источником сведений о ранней истории Англии до недавних пор оставалось сочинение английского историка начала VIII в. Беды Достопочтенного. Он сообщает о завоевании Британии тремя германскими племенами, основавшими несколько королевств: юты создали королевство Кент, саксы – Уэссекс, Эссекс и Сассекс, англ – Нортумбрию, Мерсию и Восточную Англию. Коренные кельтские жители острова, бритты, были оттеснены на запад, в будущий Уэльс, или переправились на континент в Арморик, которая с тех пор стала называться Бретанью.

Современные исследователи склоняются к мысли, что такая картина скорее отражает представления об истории завоевания острова, которые существовали в Англии во времена Беды Достопочтенного. Она не находит полного подтверждения в данных археологии, которые рисуют иную картину. Там, где раньше видели «переселение народов», сегодня узнают сложные процессы этногенеза. Многие полагают, что бритты в своем большинстве были не столько вытеснены со своих земель, сколько ассимилированы. Под властью варваров в Британии исчезают города и вместе с ними римская культура и христианство. В отличие от других регионов германцы смогли навязать здесь свой язык и материальную культуру. Настоящая германская колонизация имела место на востоке и юге острова. Представление о трех народах англов, саксов и ютов кажется поздним обобщением. Если верить археологии, между проникающими на остров «варварами» не существовало никаких заметных культурных различий.

Одним из путей самоопределения варварских королевств было составление законов. По примеру «Русской правды» отечественные историки называют их «варварскими правдами», что не совсем корректно, хотя бы потому,

что это очень разные тексты. Древнейшие законы, изданные в варварских королевствах, как-то кодексы остготов, вестготов и бургундов, в основном укладываются в римскую правовую традицию, являясь ее прямым продолжением. Законы франков – знаменитая «Салическая правда», напротив, выглядят и в какой-то мере являются записью обычного права. Законодательные памятники варварских королевств обычно составлялись на латыни, а в королевствах Англии для этих целей изначально использовался древнеанглийский. Особенностью запечатленной в них правовой культуры исследователи называют ее казуистичность. По сравнению с римским правом частное и случайное в ней превалирует над общими положениями и принципами. Это можно трактовать как еще одно свидетельство культурного регресса, который, конечно, имел место. Но одновременно стоит увидеть в этом факте приближение к жизни в ее неповторимости, переживание того, что жизнь не умещается в отвлеченные формулы.

Истории экономики исследователи традиционно отводят особую роль. Действительно, это та сфера, где возникают и распределяются ресурсы, а также складываются отношения между людьми. Потому в некотором отношении она, конечно, определяет лицо общества. В этой связи марксистская теория оперирует понятием «общественно-экономических формаций», однако понимает под ними не просто разные формы жизни, а последовательные этапы в истории человечества. Историки-марксисты рассматривали Древность и Средние века как периоды господства рабовладельческой и феодальной «формаций». Следовательно, их интерес к рубежу эпох заключался в отыскании исторических доказательств кризиса античного рабства, с одной стороны, и генезиса феодализма – с другой. Однако же исторические данные плохо укладываются в эту схему. Возникает впечатление, что с началом Средневековья рабов стало даже больше, чем в Римской империи; во всяком случае, рабство этого времени лучше документировано. Так, в законах Вестготского королевства рабы упомянуты в 46% статей (против 26% в своде римского права «Дигестах»). При этом рабство никак не «смягчилось» по сути. С другой стороны, нынешние историки с недоверием смотрят на попытки отыскания в таком глубоком прошлом истоков средневековых обществ. В частности, крестьянско-сеньориальные отношения в Средние века кажутся явлением своего времени и вряд ли могли возникнуть раньше. Сопоставление их с историческими фактами многовековой давности ничего не прибавляет к их пониманию.

По мнению современных исследователей, конец Римской империи не имел подоплекой и не повлек за собой никакой социальной революции. На отдельных примерах мы знаем, как в V в. рушились жизни и состояния. Такова история сенатора Павлина из Бордо, внука поэта Авсония. Его огромные богатства оказались расхищены. Вместе с тем, немало исторических свидетельств говорит о том, что другие галльские сенаторы под властью варваров сохранили свои богатства и общественное положение.

К установленным фактам, очевидно, можно отнести некоторые вехи истории дальней морской торговли в Средиземноморье. Торговый обмен, связывавший берега Средиземноморья в древности, не пресекся с концом Западной Римской империи в V в., а продолжился еще, как минимум, два столетия. Более того, экспортные потоки на Запад из Восточного Средизем-

номорья приобрели значительный масштаб вообще только в конце V в. Это неожиданное явление связывают с экономическим подъемом Ближнего Востока в это время. Таким образом, варварские королевства Запада оставались интегрированными в средиземноморскую экономику и в этом смысле являлись продолжением античного мира.

О направлениях экспорта можно судить по материалам керамики – разбитым амфорам, в которых в древности перевозили не только вино и оливковое масло, но и фрукты, рыбный соус и другие товары. Археологи научились распознавать большинство древних амфор по месту происхождения. Счастливую возможность проникнуть в историю торгового обращения раннего Средневековья открывают находки в римском памятнике, известном под именем «Crypta Balbi». В нем были раскопаны две мусорные ямы, вероятно, принадлежавшие одному из римских монастырей. В первой яме, которая по нумизматике датируется концом VII в., встречается большое количество привозных амфор: чуть больше 60% идентифицированных амфор изготовлено на территории современного Туниса; около 25% привезено из Восточного Средиземноморья, главным образом из Леванта; 12% экспорта – итальянского происхождения, это амфоры юга Италии и Сицилии. (Роль итальянской торговли в процентном выражении, наверное, выше, так как археологи относят к югу Италии значительную часть другой найденной керамики – посуды и светильников.) Вторая яма, датированная началом VIII века, демонстрирует разительные отличия. Экспорт из Африки и Восточного Средиземноморья решительно пресекается и остается чисто итальянским. По всей видимости, изменение ареала торговли связано с арабскими завоеваниями, трансформировавшими бывшее единство Средиземноморья. Доля амфор среди керамики падает с почти половины до четверти. Эта картина подкрепляется другими данными. Особенно существенны раскопки Марселя, главного средиземноморского порта Франкского государства в правление Меровингов. Они свидетельствуют, что продовольственный экспорт из Северной Африки продолжается еще во второй половине VII в. При этом ввоз из Восточного Средиземноморья, довольно активный в конце VI и начале VII в., сходит на нет в следующие десятилетия.

Свертывание торговых обменов в Западном Средиземноморье совершается неравномерно, на разных направлениях и для разных потребителей по-разному и на заключительном этапе особенно тесно увязано с историей политической власти и политических возможностей. Так, продолжение ввоза продовольствия в некоторые прибрежные районы Италии, остававшиеся под контролем Византии, можно понять как вынужденную меру снабжения военных гарнизонов, отрезанных от внутренних районов страны, где властвовали лангобарды. В случае с Crypta Balbi, очевидно, надо принять во внимание то, что мы имеем дело с импортом крупного церковного учреждения. Действительно, церкви удавалось организовывать централизованные поставки, когда другие формы обмена пропадали. Потому все датировки лучше принимать как условные ориентиры.

В споре на привозные товары угадываются культурные стереотипы, которые связывают мир варварских королевств с античной культурой. В это время еще принято писать на папирусе, а не на пергамене, освещать церкви масляными лампами, а не восковыми свечами, пить заморские вина. Грани-

цу между Древностью и Средними веками стоит искать в том числе в такой неожиданной сфере, как история вкусов.

Важные сведения о политической и экономической истории варварских королевств дает нумизматика. В Римской империи начала V в. чеканили золотые, серебряные и бронзовые монеты. Варварские королевства сохранили золотую чеканку. Их монеты долгое время выпускались не от имени варварских королей, а были подражанием монетам византийских императоров. Очевидно, эта практика отражала понимание новыми правителями своего места в политической системе Средиземноморья. Первыми отказались от нее в конце VI в. вестготы и франки, начав изображать на монетах своих королей, лангобарды последними – век спустя. Золото в этот период стоило дороже, чем в наши дни. Так, например, в 452 г. в Риме за один солид можно было приобрести 90 кг свинины. Естественно, что в силу своей высокой стоимости золотые солиды и тремиссы (монета, равная трети солида), чеканившиеся в варварских королевствах, не могли в должной мере служить торговому обращению. Потому появление в VII в. на Западе серебряной монеты исследователи рассматривают как шаг навстречу экономическим потребностям общества. К началу VIII в. в Западной Европе чеканили только серебряную монету. Серебро стало основой денежной системы в Средние века. Запад вернется к чеканке золота лишь в XIII в.

ЦЕРКОВЬ, ЕРЕСИ И КУЛЬТУРА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА

С концом Римской империи христианство на время отступило из Англии и Германии. В Галлии, Италии и Испании церковная организация сохранилась. Неожиданным приобретением христианской церкви стала Ирландия, где, впрочем, она развивалась в не совсем обычных формах. Главным церковным институтом на континенте оставался епископат. В силу авторитета церкви и ее святых епископы фактически оказались во главе местного управления. Не всегда находя для себя места возле новых правителей, магнаты римского происхождения охотно становились епископами. Обладание епископскими кафедрами стало новой социальной стратегией старых сенаторских семей. Так, семье епископа Григория Турского в VI в. систематически удавалось добиваться избрания своих родственников епископами Клермона, Тура, Лиона и других городов. Церковь была поделена между варварскими королевствами и находилась под их опекой. В утверждении епископов за королями оставалось последнее слово. Церковная и королевская казна, по выражению современной исследовательницы, действовала как «сообщающиеся сосуды». Апофеозом слияния церкви и государства стали уже упомянутые Толедские церковные соборы в готской Испании VII в. Они созывались для решения главных государственных вопросов.

Папы римские, остававшиеся под властью византийских императоров, не имели влияния на церковную жизнь варварских королевств. Один курьезный факт: о том, что готы в Испании в 589 г. отказались от арианской ереси, в Риме случайно узнали через несколько лет. Зато римские папы принимали живое участие в деле распространения христианства на землях «язычников». Так, новая христианизация Англии в конце VI в. была инициирована папой Григорием Великим.

История монашества в Западной Европе началась с опозданием. Вдохновляясь примером анахоретов Сирии и Египта, в V в. влиятельные монастыри возникают на юге-востоке Галлии. Начав с подражания, западное монашество быстро создало новые формы монашеской жизни. На Востоке монашество было скорее движением, чем институтом, в Европе же оно приобрело строгие организационные формы и стало важной общественной силой. Около 530 г. для монастыря Монтекассино близ Неаполя Бенедикт Нурсийский составил монастырский устав, получивший затем широкое распространение. Особая форма монашества сложилась в Ирландии. Там монастыри оказались влиятельнее епископов. Аббаты являлись фактическими лидерами церковных диоцезов, а на должность епископа назначался один из монахов. Монастырские уставы в ирландском монашестве не играли заметной роли, а заменялись живым примером. Идея монашеской жизни соединялась у ирландцев с идеей паломничества во имя Христа. Такие паломничества зачастую не были движением к конкретной цели, а осмыслялись как особая аскетическая практика, род христианского подвижничества. Ирландские монахи, в частности св. Колумбан, активно действовали на континенте, вдохнув в монашеское движение новую жизнь. Появление ирландских монахов в Галлии и других странах в то же время вылилось в конфликт с бенедиктинским монашеством. Он разворачивался вокруг животрепещущего вопроса о подчинении монастырей верховной власти епископа, за что ратовала бенедиктинская традиция. Короли и магнаты завязывали с монастырями особые отношения. Первые видели в них противовес епископам и своего верного союзника. Вторые использовали монастыри в своих семейных интересах как место памяти о покойных представителях рода и молитвенного заступничества. Энтузиазм христианских подвижников спасал церковь от внутреннего разложения. Кричащей проблемой церкви в VI–VII вв. становился упадок церковной дисциплины, отход от установленных норм церковной жизни. Дело усугублялось тем, что в большинстве регионов церковные соборы не собирались.

Церковные приходы в это время только возникают. В деревне продолжали практиковаться нехристианские обряды, которые церковь третировала как «язычество». Некоторые пастыри кажутся этим озабоченными, но далеко не все. Примером активной пастырской деятельности епископа в VI в. являются проповеди Цезария Арльского, которых сохранилось свыше двухсот. Впрочем, из их содержания следует, что даже такой заинтересованный епископ не собирается посвящать паству в тонкости христианского учения, а требует формального соблюдения немногих обрядов и норм и признания своей пастырской власти. Неглубокий и формальный характер христианизации в начале Средних веков некоторые историки относят на счет трудности распространения христианского учения, которое осуществлялось в условиях культурного конфликта между миром ученой и «народной» культуры. В этот же период укрепляется культ святых, в особенности почитание святых мощей, а также уходит в прошлое характерное для Античности отторжение «города мертвых» от поселения живых. Могилы устраивают прямо в церквах, вблизи святых реликвий. Это явилось результатом сложного взаимодействия культурных традиций. Возможно, это только одна сторона дела. Скорее всего церковь в своем общении с паствой просто не желала поднимать серьезные вопросы. Знание деталей христианской доктрины она оставляла

за собой. В целом христианство в начале Средневековья стоит понимать не как «переходный этап» к его, так сказать, более глубокой форме, требующей времени – оно было таким, потому что многих устраивало.

В период варварских королевств налаживаются некоторые формы религиозной жизни, которые определяют лицо христианства с тех пор. В частности, это касается практики покаяния. В древней церкви исповедь и покаяние в грехах были публичными. Покаяние предполагало временное исключение из общины верующих. Эти практики были слишком тяжелы для исполнения. В Испании VII в. их называли причиной волны самоубийств. Они вступали в противоречия с нормами социальной жизни и были заменены частной исповедью и тайным покаянием.

Первый большой теологический спор в Западной церкви касался христианской антропологии и учения о благодати. Камнем преткновения сначала явилась вероучительная деятельность Пелагия, который проповедовал в Риме в конце IV – начале V в. Пелагий стремился отстоять аскетический идеал христианства. По его мнению, подлинное следование Христу и тем самым надежда на спасение – удел тех, кто способен на подвиг безупречной нравственной жизни. Все другие христианские представления были подчинены этому. Проповедь Пелагия были призвана «растолковать, на какое благо способна человеческая природа», «раскрыть ее скрытые богатства». Согласно проповеднику, человек питает естественную склонность к добру и наделен душевной способностью самостоятельного и ответственного выбора между добром и злом – свободой воли «быть тем, чем он захочет». Благая природа человека, по мысли Пелагия, не была уничтожена грехопадением. В греховности люди скорее *похожи* на Адама и Еву, нежели *унаследовали* их грех. Они «долго выучивались злу, не приобретая никакой привычки к добру».

Взгляды Пелагия, рискованно развивавшие христианскую мысль, встретили организованное противодействие в лице лидеров африканской церкви, которые добились осуждения пелагианства как еретического учения. Вместо традиционного представления о церкви как сообществе праведных епископ Гиппона Августин предложил идею двух церквей – земной и небесной. По Августину, земная церковь неизбежно состоит из грешников. Это отвечает природе человека, которого после грехопадения его прародителей может привести к добру только Господь Бог. Церковь должна принять в свое лоно людей такими, какие они есть. Мечта видеть их поголовными праведниками не просто утопия. Она ведет к церковному расколу и хуже того – к ереси отрицания роли провидения, участия Бога в земных делах и божественной благодати, нисходящей на христиан.

Теологические позиции, занятые Августином в споре с Пелагием и его последователями, вызвали новый виток полемики. Суждения Августина о предопределении и благодати расценивались некоторыми в качестве проповеди пассивности и фатализма. Его отдельные формулировки можно было понять даже так, что Бог способен отталкивать от себя людей, совершающих добрые дела, и побуждать их ко злу. Нарастающее недовольство Августином вылилось в выступление Иоанна Кассиана, духовного лидера монастырей Марселя и Лерена. В частности, Кассиан утверждал, что первый шаг по дороге добра человек способен сделать самостоятельно и благодать не может не воспоследовать. Ответ почитателей Августина во главе с обосновавшимся при пап-

ской канцелярии Проспером Аквитанским обнаружил всю меру пристрастности и намерение уличить оппонента в скрытой ереси. Стараниями Цезария Арльского конец спору кладут постановления церковного собора в Оранже в 529 г. Собор отверг идею предопределения ко злу и, не осудив никого поименно, последовал за Августином в строгом утверждении первенствующей и основополагающей роли благодати в обретении веры и свершении добрых дел. Этот теологический вопрос оказался для Католической церкви миной замедленного действия. В эпоху Реформации он разрушит единство Запада.

Проблема отношения античной культуры и христианства возникла в Римской империи. Литературная деятельность в античности была рафинированным искусством и подчинялась жестким правилам теории стилей. Высокий стиль, которым полагалось говорить о богах, подразумевал исключение всего повседневного и низкого. Героями Евангелий, напротив, выступали мытари и блудницы. Повседневная жизнь, низкая доля, непритязательная речь не укладывались в представления о возвышенном. В античной литературе что-то подобное если вообще могло быть представлено, то только в низком жанре комедии. Для людей, воспитанных на античной литературе, Библия была прежде всего грубым попранием литературных норм. Чтение ее поначалу отвратило от христианства самого Августина. «Моя кичливость не мирилась с ее простотой», — вспоминал он в своей «Исповеди». Иероним, переводчик Библии на латинский язык, удалившись в пустыню, взял с собой свою библиотеку. Он рассказывает, что во сне ему явился Христос со словами: «Ты не христианин, а цистеронианин». Но те же самые люди в конечном счете повернули историю литературы, придав ей новое направление. Задумываясь над формой христианского образования, христианские писатели приходили к выводу, что литературные формы древности совершенно для этого не годились. Обращаясь к пастве, требовалось говорить простым и понятным языком, касаясь вопросов, которые волнуют простого человека.

С конца V в. публичные школы одна за другой исчезают. Епископские и монастырские школы, служившие подготовке клириков, а также традиции домашнего образования, которые существовали в среде римской аристократии с глубокой древности, могли заменить их лишь отчасти. Первым пропало знание греческого языка. Двужычие образованных людей Средиземноморья осталось в прошлом. Связь греческой и латинской культур оказалась разорвана.

Разные люди смотрели на это по-разному. Для одних наследие Античности являлось почти тем же самым, что и язычество. Такие церковные авторитеты, как Цезарий Арльский и Григорий Великий, считали за благо для клириков не увлекаться чтением «языческой» литературы. Но встречались и другие, кинувшиеся спасать остатки гибнущей культуры. В VI в. римский аристократ Боэций задался целью перевести на латинский язык сочинения Аристотеля. Этому грандиозному замыслу не было суждено осуществиться — на Боэция пали подозрения в измене правившим в Италии готам. Находясь в застенке, он написал знаменитое «Утешение философией». В этом сочинении нет следа христианства. Из сочинений Аристотеля Боэций успел закончить перевод его трудов по логике. В результате Аристотель-логик господствовал в интеллектуальной традиции средневекового Запада. Так продолжалось до XII в., когда стали появляться его переводы с арабского. С именами Боэция и Кассиодора связано складывание канона «семи свобод-

ных искусств», т.е. семи учебных дисциплин, составлявших программу образования в Средние века. В основанном Кассиодором монастыре Вивариум в Калабрии во главу угла была поставлена интеллектуальная деятельность и забота о сохранении культурного наследия Античности. Активность его скриптория сохранила для нас немало сочинений древних. Этот необычный очаг культуры быстро угас, но деятельность такого рода в конце концов стала неотъемлемой частью жизни монастырей в Западной Европе. Средством спасения исчезающей культуры также виделось составление всевозможных наставлений и энциклопедий. Величайшим памятником этих усилий в начале VII в. стали «Этимологии» Исидора Севильского – энциклопедия всех знаний в двадцати книгах. Списки этого сочинения говорят о его исключительной востребованности: оно имело на Западе быстрое, повсеместное и долговременное распространение, став одной из самых копируемых книг. Чтобы «сохранять культуру», лучше всего было жить на необитаемом острове: начиная с VII в. латинский язык и словесность лучше всего сохранялись не там, где были их истоки и связь с жизнью, а в стерильной обстановке иноязычной среды. Такую возможность существования культурного наследия давала среда ирландского монашества.

В этой деятельности ярко проявилась «культура дефиниций». Отечественный мыслитель С.С. Аверинцев описывает ее как явление, не известное культурам Древнего Востока, возникшее в Древней Греции и в конечном счете сыгравшее решающую роль в передаче культурного наследия Античности Средним векам и Новому времени. Отсутствие «культуры дефиниций» автоматически означало утрату культурного опыта в случае разрыва традиции. Если знания и опыт в полном объеме не передавались от учителя к ученику, то они не передавались никак и были обречены на гибель. Наука Древнего Востока исчезла вместе с халдейскими и египетскими мудрецами. Это видно также на примере Библии. Данный корпус текстов, возникший на Ближнем Востоке, практически не знает определений. Теологические споры вокруг лиц Троицы, первородного греха, благодати и предопределения, церковной жизни и прочем, сотрясавшие христианский мир в середине I тысячелетия, были следствием того, что в Библии эти вопросы не имели ясных ответов. Напротив, экзегетическая литература, толкование Св. Писания христианами, ставшая с конца Античности самым распространенным типом интеллектуальной и писательской деятельности, по сути является сплошным потоком дефиниций. Разные стороны культуры Древней Греции и Рима в христианстве воспринимались по-разному, но что касается культуры определений, то здесь преемственность была полной. Христианство не только не поколебало, но упрочило их культурную роль. С помощью дефиниций, ясно и доступно указывающих на суть вещей, культурный опыт, даже вырванный из традиции, мог сохраняться веками и тысячелетиями.

Оборотной стороной этой практики явился догматизм. «Культура дефиниций» означала пренебрежение тем, что вещи не имеют «сути», и все определения – только наши попытки уловить смысл окружающих нас событий, представить их понятными. Дефиниция как форма мышления вступает в противоречие с наблюдением жизни и мешает ему. Христианский догматизм сам стал частью того наследия, которое получило Средневековье от эпохи варварских королевств. Средневековая схоластика была во многом лишь продолжением того направления культурного развития, которое возникло гораздо раньше.

ЭФИОПИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(Аксумский и Загвейский периоды)

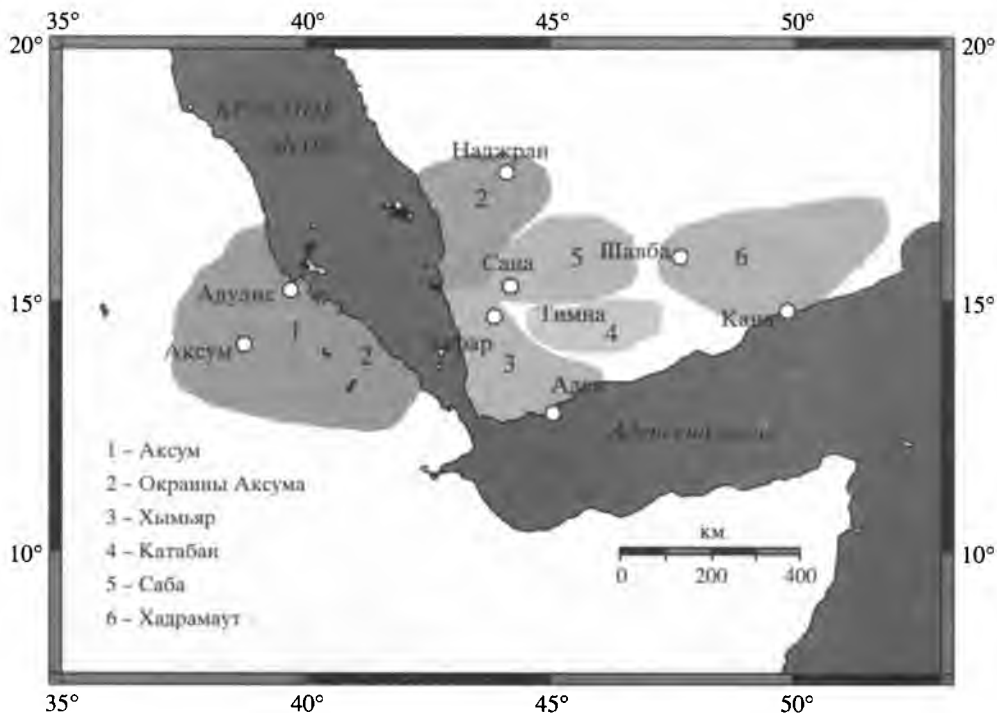
Более сорока лет назад, в 1969 г., экспедиция Эфиопского института археологии обнаружила новый памятник – надпись на каменной стеле Эзаны, самого знаменитого правителя древнеэфиопского государства Аксум. Это не было первым открытием такого рода – подобные надписи известны с середины XIX в. Как у многих владык Древнего Востока, эти надписи носят хвалебный характер, рассказывают о походах, победах и достижениях. Из них вырисовывается картина процветающей страны, жители которой занимались земледелием, скотоводством, ткачеством, торговлей, добычей и обработкой металлов, строили храмы и поклонялись многим богествам.

Эти данные дополняются рассказами античных авторов и материалами археологических раскопок. Они свидетельствуют о том, что еще в I тысячелетии до н.э. на севере современной Эфиопии и Эритреи сложилось своеобразное раннегосударственное объединение, с городами и храмами. Видимо, оно испытало определенное влияние цивилизаций Южной Аравии – известно о переселениях некоторых древнеаравийских племен (еще до н.э.), а одно из них, *хабашат*, дало название стране – «Абиссиния», так называли Эфиопию вплоть до первой половины XX в.

Со II в. н.э. Аксум был хорошо известен всем, чей путь пролегал по Красному морю. Его правители обеспечивали безопасность плавания, боролись с пиратами, торговали с Египтом, Аравией, Индией и Китаем, посылали в эти страны своих купцов, которые иногда основывали там поселения, как например, на Сокотре, Цейлоне и в Южной Индии. В сочинении иранского пророка Мани (III в. н.э.) Аксум называется одним из четырех великих государств (наравне с Римом, Персией и Китаем).

Среди многих правителей Древнего Аксума наибольшей славой пользовался Эзана, который правил в IV в. (ок. 307–333 гг.) и состоял в переписке с римским императором. Согласно последним исследованиям, он был соправителем своего брата. Братья Эзана (Абрэха) и Сайзана (Атсбеха) в течение 27 лет правили из двух столиц – первый из северной, второй из южной. Поскольку как раз северная часть страны активно поддерживала международные связи, как раз с Эзаной связываются все события этого времени. Ему приписывалось множество великих деяний, хотя скорее всего они были совершены разными правителями.

К этому времени сформировалась территориальная целостность Аксума и определилась его ведущая политическая роль в регионе. Надписи повествуют об успешных походах и покорении многих племен. С именем Эзаны нередко связывают введение чеканки золотых и серебряных монет, хотя известны и более ранние. Наконец, ряд исследователей считает, что при нем началось проведение христианизации страны. Действительно, в период правления Эзаны здесь возникли первые христианские общины монофиситов (их учение признает лишь единую – божественную природу Христа) и

Эфиопия (Аксум) в раннее Средневековье

развернулась активная деятельность проповедников. На самом деле сначала это были лишь немногочисленные общины купцов-иноземцев, затем к ним добавились их слуги, а позднее присоединились и представители знати, причем данный процесс занял многие годы.

Первые монеты с именем Эзаны имели знаки месяца и солнца, и лишь впоследствии их заменил знак креста. В надписях он называет себя сыном Махрема, которому посвящаются храмы, упоминаются имена Астар, Бедар – божеств, близких представлениям южноаравийцев. Более поздние летописи, рассказывавшие об этом периоде истории страны, говорят: «люди эфиопские пребывали, одни веруя во Христа, другие обожествляя змея, третьи гадая по [полету] птиц, четвертые волхвуя с огнем».

Принятие христианства связывают с деятельностью Фрументия, христианина из Сирии. Он был захвачен красноморскими пиратами, попал вместе с братом Эдезием ко двору аксумского правителя, стал воспитателем его сына – будущего негуса Эзаны. Когда его воспитанник подрос, Фрументий отправился в Александрию и с благословения патриарха вернулся в Аксум для миссионерской деятельности. Он получил прозвище «Абба Салама» («Отец мира»), впоследствии был канонизирован и почитаем до сих пор. В стране началось активное строительство храмов и монастырей. Главным храмом стала церковь Св. Марии в Аксуме, украшенная декором «из золота, серебра и драгоценных камней». В ней, по преданию, хранится Ковчег Завета, вывезенный Менеликом I из Иеруса-

лима, а позднее в этой церкви короновались все правители средневековой Эфиопии.

Странствующие монахи-проповедники, по мнению многих исследователей, сделали для «собирания земель» центральной властью не меньше, чем кровопролитные походы. Была заложена практика строительства скальных сооружений, достигшая расцвета в XIII в. Иногда датой относительного завершения процесса христианизации называют 320 г., но, вероятно, более правильно говорить о V в., когда аксумиты приняли участие в Халкидонском соборе 452 г. Но хотя впоследствии христианство стало религией государственной, оно никогда не было единственной верой, и на долгие столетия для всех императоров Эфиопии борьба с язычниками и мусульманами, как и христианизация подданных, оставались важнейшими задачами внутренней политики.

По немногим разрозненным данным можно приблизительно обрисовать общественный строй Аксума. Он являл собой раннегосударственное объединение, в которое входили крупные и мелкие племена, главенствующее место среди которых занимали аксумиты. Основу общественной и экономической жизни составляли соседские общины свободных земледельцев. В них сохранялась коллективная собственность на землю и продукты труда. Складывалась и государственная собственность на землю в виде «дворцовых» земель. Крупные собственные хозяйства имелись в распоряжении не только правителей Аксума, но и представителей аксумской знати. Появились храмовые, а позднее и монастырские хозяйства. Общины были обязаны выплачивать подати продуктами земледелия и ремесла и участвовать в строительных повинностях. Ирригационные работы здесь не получили такого размаха, как, например, в Древнем Египте, однако тоже требовали участия большого количества работников.

Основной доход верхушка общества – царский двор, состоявший из родовой и служилой знати, и формирующееся духовенство – получала за счет военного грабежа и сбора дани с покоренных земель. Метод сбора дани (полюдье) сохранялся в течение многих веков. Существовали определенные пункты по пути следования правителя, куда доставлялась дань, собранная местными наместниками и царьками.

Торговые связи Аксума были ориентированы вовне. Набор вывозимых из страны товаров диктовался требованиями внешнего рынка и оставался неизменным в течение столетий – это слоновая кость, рог носорога, шкуры гиппопотамов, живые звери и рабы. Ввозились ткани, одежда, изделия из стекла, железа и драгоценных металлов, пряности, сахарный песок и ароматические вещества. Монополия центральной власти на продажу ряда товаров (прежде всего на золото и слоновую кость) и сбор торговых пошлин давали правящей верхушке немалые дополнительные доходы.

Аксум установил тесные связи с Южной Аравией. Государство Саба (Шеба) на юге полуострова в эфиопской историографии отождествляется с легендарной библейской царицей Савской, которая воспринималась как правительница Древней Эфиопии и прародительница так называемой Соломоновой династии, правившей страной до 1974 г. Согласно местным легендам, она погребена неподалеку от Аксума.

Официальная версия предания известна с XIII в., когда была ликвидирована предыдущая, загвейская, династия. Тогда в «Книге царей» («Кэбрэ Ныгест») появился рассказ о посещении царицей Савской библейского царя Соломона. После этой встречи Макэда (так ее называют в Эфиопии) родила сына Менелика, положившего начало эфиопской государственности. Когда мальчик вырос, он посетил отца в Иерусалиме и либо выкрал (по одному варианту легенды), либо получил в подарок (по другому варианту) Ковчег Завета, который хранится до сей поры в Аксуме. Позднее с него были сделаны копии (*табот*), находящиеся в основных храмах страны. Они выносились лишь по торжественным случаям либо во время битв, вдохновляя воинов, а в наши дни выставляются в церковные празднества.

Южные области Аравии, как уже упоминалось, вплоть до VI в. н.э. оставались в подчинении Аксума. Изменения в этой ситуации пришлось на время правления Калеба (495–525) и его сына Израила. Это время известно как период эфиопо-хымьаритских войн. Прежде христианские области Аравийского п-ова при правлении Зу-Нуваса, принявшего имя Иосифа, перешли в иудаизм, христиане начали подвергаться гонениям, иногда весьма жестоким вплоть до сожжения иноверцев в церквях, как произошло в г. Награние и описано в сказании о «награнских мучениках». Это послужило поводом для посылки карательных экспедиций Аксума.

В 525 г. Зу-Нувас потерпел поражение, но Абрыха, военачальник одного из аксумских гарнизонов, оставленных в Хымьаре, бывший раб, ставший вольноотпущенником, заявил о своей независимости от центральной власти. Абрыха стремился завоевать весь полуостров. В 570 г. он отправил отряд боевых слонов на Мекку. Этот год, в который родился Мухаммад, будущий Пророк и основатель ислама, остался в памяти народа как «Год слона». Поход закончился неудачей, а бывшие аксумские владения оказались под властью Персидской державы Сасанидов.

Вскоре осложнилась обстановка во всем регионе. Аксум и его старая союзница Византия, издавна контролировавшая торговый путь из Красного моря в Индийский океан, столкнулись с растущим влиянием Персии, которой удалось захватить «дорогу благовоний» в «Счастливую Аравию», издревле поставлявшую ладан и другие ароматические смолы. Таким образом, Аксум лишился не только заморских владений, но и весомых прибылей.

Положение усугубилось с возникновением ислама и активными завоеваниями арабов-мусульман. Первыми мусульманами на территории страны оказалась группа беглецов из Мекки, по преданию, часть родственников Мухаммада, что получило в исламоведении название «эфиопская хиджра». На рубеже VII–VIII вв. мусульмане захватили прибрежные острова, а затем и порты. Знаменитый порт Адулис подвергся разгрому, а Красное море надолго превратилось в «арабское озеро». На побережье возникли мусульманские султаны, взаимоотношения с которыми особенно осложнились позднее, в XVI в.

Аксум потерял выход к морю. Упадок государства продолжался. Уже с VI в. золотые и серебряные монеты уступили место более дешевой бронзе, а с VIII в. археологи уже не находят никаких монет. Под давлением внешней

Аксумские стелы. III–IV вв. Аксум, Эфиопия (фото)

угрозы и при потере доходов от торговли центральная власть слабела, начали вспыхивать волнения. В X в. появилась новая политическая сила – объединение племен *кайла* во главе с некоей Эзато (Эдит). Легенды *амхара* и устная традиция иудаистов-*фалаша* считают ее иудейкой и полагают ее правление временем господства иудаизма. Войска Эзато захватили Аксум, разрушили храм Св. Марии и весь город. Письменные же источники (прежде всего эфиопские хроники) хранят молчание об этом периоде истории страны. В последующем политический центр переместился к югу, но Аксум остался символом истоков эфиопской цивилизации и местом коронационных торжеств многих будущих императоров Эфиопии.

Аксум был страной с высоким уровнем культуры. Внешние связи привели к широкому использованию иностранных языков. Известно о вхождении с того времени в местный язык заимствованных индийских слов. Но на первом месте стоял, конечно, греческий. Именно на нем был высечен параллельный текст на билингве Эзаны (IV в.). Надписи на греческом языке встречаются и на монетах, и на некоторых скульптурных памятниках, например на топорике царя Гедары или троне правителя Адулиса. Вместе с ним получила распространение греческая культура. Один из древних памятников «Перипл Эритрейского моря» сообщал о Зоскалесе, одном из правителей Аксума в III в.: «...человек достойный и сведущий в эллинских науках».

С III–IV вв. получило широкое распространение монументальное строительство. В процессе сооружения дворцовых комплексов, обелисков и гробниц, сначала языческих, позднее перестроенных в христианские, или новых храмов, а также мавзолеев сложился своеобразный архитектурный стиль. Строили из монолитных каменных блоков, уложенных способом сухой кладки или скрепленных земляным раствором.

В аксумское время начинает развиваться и литература, прежде всего в связи с необходимостью перевода на язык *гыэз* Библии, христологических трактатов, сочинений по каноническому праву, ряда апокрифов, часть из которых вошла в эфиопский канон («Книга Эноха», «Книга Юбилеев»). Особое место в истории культуры Аксума и Эфиопии занимает творчество священника Яреда, жившего в VI в. Он помимо просветительской и проповеднической деятельности разработал используемый свод правил церковной музыки и пения, создал систему нотации.

В XII в. власть в стране переходит к династии Загве (Загуэ). По одной из легенд, ее родоначальником был сводный брат Менелика I, сын царя Соломона и чернокожей рабыни царицы Савской. Другая связывает название династии с народом *агау*, который стал главным этническим ядром в это время. Отрезанное от морской торговли государство продолжило существование с новым центром в области Ласта на юге у подножия Эфиопского нагорья. Оно сохранило преемственность с Аксумом, традиции государственного устройства, общественный строй и религию. Этот период значительно меньше изучен историками из-за скудости источников. Многие исследователи полагают, что они были сознательно уничтожены пришедшими к власти в 1270 г. соломонидами, считавшими загвейцев узурпаторами. Относительно хорошо известны лишь четверо поздних загвейских правителей (Йемерхан Крестос, Лалибела, Накуэто Лаб и Йетбарак), также сохранилось житие Маскаль Кебра – супруги Лалибелы. Безусловно, самый известный из них – Лалибела, стремившийся к укреплению христианской церкви. Особенно знамениты сохранившиеся до наших дней 11 вырубленных в скалах церквей в местечке и доныне носящем название Лалибела.

НОВЫЕ МИРОВЫЕ ДЕРЖАВЫ: ИМПЕРИИ, КАГАНАТЫ, ХАЛИФАТЫ

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ВРЕМЕН КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ

В политической истории Западной Европы раннего Средневековья можно выделить два больших этапа: период варварских королевств и период Каролингской империи. «Варварские королевства» возникают на землях бывшей Римской империи с V в. Как уже говорилось выше, одни из них исчезли уже в VI в., другие – вестготов в Испании и лангобардов в Италии – просуществовали до VIII в. и оставили заметный след в истории этих регионов, но также погибли. Исключение составляет Франкское государство, оно не только продолжило свое существование, но сумело обрести второе дыхание и превратиться в новую европейскую империю.

ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО: ОТ МЕРОВИНГОВ К КАРОЛИНГАМ

Подъем Франкского государства связан с утверждением новой правящей династии Каролингов, сменившей «впавших в ничтожество» Меровингов. Каролингская историография навязывает «черную легенду» о последних королях из рода Меровингов, изображая их плохими правителями, не справившимися с задачей политического управления и утратившими реальную власть. Соответственно, воцарение Каролингов представлено восстановлением полноценной государственной власти («Старшие Мецкие анналы», ок. 806 г.; «Жизнь Карла Великого» Эйнгарда, ок. 830 г.). Резюмируя эту концепцию, в XVI в. поэт Ронсар назовет последних Меровингов «ленивыми королями».

Но, по мнению современных историков, такое объяснение является упрощением и служит обоснованием осуждения низложенной династии. Само существование такой идеологической задачи доказывает, что правление меровингских королей многим в государстве франков представлялось законным и необходимым. Говоря о «безвластии» последних Меровингов, мы должны подразумевать не некий политический кризис и развал государства, а вполне традиционную и устойчивую форму государственного управления, которую Каролинги смогли изменить.

Королевство Меровингов в конце VII в. распадалось на отдельные территории. Реальной политической силой в них выступали локальные правящие

элиты, группировавшиеся вокруг местных лидеров. Правление меровингских королей придавало их положению ореол законности. В Нейстрии (район Сены и Уазы) и Австразии (междуречье Мааса и Рейна) – основных землях франков, реальная власть находилась в руках майордомов, которые формально являлись должностными лицами франкских королей, на деле вождями знати своих областей. Борьба Нейстрии и Австразии в 687 г. окончилась победой майордома Австразии Пипина Геристальского. Он стал самым влиятельным лицом на севере королевства. Его потомки сумели сохранить и упрочить свое политическое лидерство. Во времена его правнука Карла Великого возвышение Пипина Геристальского начали изображать началом правления Каролингов. Современные историки, напротив, подчеркивают, что его политическое влияние всего лишь продолжает традиции государства Меровингов. Пипин Геристальский крепко держал в своих руках Австразию, но в Нейстрии и Бургундии его позиции были существенно слабее. В обширной Аквитании мятежный герцог Луп стремился основать собственное королевство. Правители Прованса признавали власть меровингских королей, но демонстрировали свою независимость от Каролингов. Примером политического поведения магнатов на рубеже VII–VIII вв. может служить воинственный епископ Саварик Осерский. Он захватил несколько городов и после своей смерти оставил свою кафедру мирянину, который только «назывался епископом».

Настоящие перемены во Франкском государстве происходят при сыне и внуке Пипина Геристальского – Карле Мартелле и Пипине Коротком. Майордом Карл (715–741) запомнился как воитель: данное ему в IX в. прозвище Мартелл означает «Молот». По сравнению с относительно мирным VII в. военная активность во Франкском государстве стала новым явлением. При Карле Мартелле военные походы предпринимались ежегодно, имея двойные последствия. Путем ожесточенных войн Карл Мартелл сумел утвердить свою власть на большей части королевства, но настоящим правителем франков его сделало сплочение правящего класса, которое было косвенным следствием его войн и побед. Политическое лидерство Каролингов, изменившее Франкское государство, может быть описано в терминах согласия и мобилизации. Оно возникает как эффект совместного действия, втягивающего в орбиту влияния Каролингов всю военную силу франков. Войны превратились в главный инструмент политической централизации каролингской державы. Это подразумевало ограничение самостоятельности магнатов, в случае сопротивления их ресурсы конфисковывались и передавались в другие руки. Можно сказать, что такая политика не затрагивала социальный строй, но меняла поведение правящего класса. Отныне социальный успех достигался службой новым властителям и участием в их войнах. Военная мобилизация превратила франков в главную военную силу в Западной Европе и сделала возможными масштабные завоевания Каролингов. Вместе с тем, она же предполагала неустойчивость франкского могущества. Франкское государство оставалось в силе, пока во главе него стояли авторитетные лидеры, способные одерживать военные победы.

Некоторые историки XIX–XX вв. задавались вопросом, нельзя ли применительно к каролингскому времени говорить о наступлении «феодализма», т.е. особой правовой системы «феодальных институтов». Однако большинство современных исследователей считают сегодня сред-

невековое феодальное право продуктом политической истории и юридической мысли позднего Средневековья и поэтому, с их точки зрения, от политических и юридических представлений, существовавших к началу XIV в., мало пользы при рассмотрении западноевропейских обществ пятью столетиями раньше.

В текстах каролингского времени часто говорится о «вассалах». Это кельтское слово примерно значит «свой человек», «слуга» и указывает на особые отношения личной преданности и службы. Исследователи справедливо отмечают близость этого социального явления к традициям дружинного быта древности. Несомненно, Каролинги проявляли заинтересованность в увеличении количества своих «вассалов». Вместе с тем, было бы ошибкой утверждать, что такие личные связи отменяли государство. Обязанности службы и верности своему правителю носили публичный характер и касались всех подданных. При Каролингах существовала практика земельных пожалований – бенефициев воинам на их содержание, но не в «полную собственность». В частности, известно, что Карл Мартелл для испомещения своих солдат использовал таким образом земли церкви. Однако такая форма «условного» землевладения отнюдь не стала преобладающей для военной и правящей элиты. Возможно, форма бенефиция возникла в результате компромисса с церковными учреждениями, не желавшими до конца отказаться от своих владельческих прав. На держателях бенефициев лежала обязанность военной службы, которая ничем не отличалась от службы лиц, имевших такое же количество земли в «полной собственности». Наконец, нельзя с уверенностью утверждать, что «вассалитет» и земельные пожалования в форме «бенефициев» были связаны между собой. «Вассалы» как владельцы «бенефициев» упоминаются редко.

Германские земли к востоку от государства франков служили объектом одновременно завоеваний Каролингов и активной христианской миссии, во главе которой стояли англосаксонские миссионеры, отсюда тесное взаимодействие двух сил. Пользуясь покровительством Каролингов, Виллиброрд (ум. 739 г.) христианизировал Фризию, его последователь Бонифаций (ум. 754 г.) с успехом возглавлял дело обращения «язычников» за Рейном и прославился как «апостол Германии». Миссионерская и церковная деятельность в Германии проходила под эгидой римских пап и привела к созданию централизованной церковной организации, основанной на сети епископств и монастырей. Связь христианизации и политического подчинения Франкскому государству представлялась для всех очевидной. Обращение в христианство являлось формой разрыва с прошлым и отказа от политической самостоятельности. Об этом говорит следующее агиографическое предание: вождь фризов Радбод, собираясь креститься, якобы спросил Виллиброрда, где находятся души его предков. Получив ответ, что они в аду, Радбод заявил, что желает быть на том свете вместе со своими сородичами, и отказался переходить в христианство.

Важным аспектом каролингской политики явилась реформа церкви, потребность в которой иллюстрирует, в частности, упомянутая история епископа Саварика. Церковь нуждалась в восстановлении правильных церковных институтов, в том числе епископата. Главными деятелями церковной реформы в королевстве франков также выступили англосаксонские миссио-

неры. По инициативе Бонифация в 40-х годах VIII в. возобновляется практика церковных соборов, которые не собирались, видимо, с конца VII в.

На фоне военно-политических успехов фактической власти Каролингов правление меровингских королей становилось анахронизмом. Когда в 736 г. умер король Теодорих IV, Карл Мартелл предпочел оставить трон вакантным. Завешание Аббона, правителя Прованса, составленное в 739 г., датировано «двадцать первым годом с тех пор, как Карл правит королевством франков». Но после смерти Карла Мартелла его дети и наследники Карломан (741–747) и Пипин Короткий (741–768), чувствуя себя не столь уверенно, все же поставили королем Меровинга Хильдерика III (743–751). Карломан вскоре отказался от власти и удалился в монастырь: сначала в окрестности Рима, а затем в Монтекассино в Италии.

Рим в это время формально подчинялся Византийской империи. Приезд Констанция II в 663 г. явился последним посещением Рима византийским императором. Вместо того чтобы украсить город, Констанций организовал вывоз римских статуй. Но Рим оставался важным церковным центром, а фактическое управление городом перешло в руки римских пап. Серьезным испытанием для отношений Рима и Константинополя стал догматический вопрос почитания икон. С 726 г. византийский император Лев III начал борьбу с фигуративными изображениями в христианском искусстве, а в 731 г. запретил их. Римские папы выступили в рядах противников иконоборчества. Столкнувшись с угрозой захвата Рима лангобардами, владевшими большей частью Италии, и лишенная поддержки со стороны Византии, папская власть нашла ее в лице франков. С их помощью с середины VIII в. папы сумели создать свое государство с центром в Риме. Каролинги же сумели с помощью пап обрести королевский и затем императорский титул.

Инициатива такого взаимодействия сначала исходила от римских понтификов. В 739 г. папа Григорий III безуспешно пытался получить военную помощь от Карла Мартелла. После 747 г. майордом Пипин Короткий остался единоличным правителем Франкского государства, но не единственным возможным кандидатом на эту роль. Помимо Карломана, ставшего монахом, у Пипина Короткого имелся сводный брат Грифон, а также племянники, которые со временем могли претендовать на лидерство во франкском мире. В ситуации реального и потенциального соперничества майордом Пипин ощущал потребность в новом определении сути своей власти. Согласно «Анналам королевства франков», в 749 или 750 г. послы Пипина Короткого отправились в Рим с поручением поставить перед папой Захарией вопрос, справедливо ли то, что франкские короли из рода Меровингов не имеют власти, но номинально остаются королями. Ответ был предreshен самим вопросом. Папа высказался за то, чтобы королем назывался тот, кто на деле им является. В 751 г. на представительном собрании франков в Суассоне Пипин Короткий был избран королем и миропомазан Бонифацием или кем-то другим из франкских епископов. Последнего меровингского короля Хильдерика III после коронации Пипина Короткого постригли в монахи, четыре года спустя он скончался в монастыре Сен-Бертен.

Обряд помазания священным мирром как указание на сверхъестественную природу обретаемой власти был заимствованием из Библии, где он прилагается к ветхозаветным царям. До миропомазания Пипина Короткого

Карл Великий. IX в., бронза. Лувр, Париж

этот ритуал засвидетельствован в Англии и Ирландии. В 672 г. миропомазание применялось при коронации готского короля Вамбы в Испании. Но в мире франков этот акт был беспрецедентным и имел огромные последствия для истории политической власти в Европе. В составленном после 870 г. Гинкмаром Реймским «Житии Ремигия Реймского» впервые упоминается священный сосуд или «ампула» со святым елеем, якобы принесенная спустившимся с небес голубем для крещения Хлодвиг — основателя Франкского государства и династии Меровингов. Помазание из «ампулы Хлодвиг», погибшей лишь в годы Французской революции XVIII в., стало обязательным элементом коронационной процедуры. С помощью этой легенды Каролинги стремились представить себя наследниками власти меровингских королей.

Зимой 753/754 г. новый папа Стефан II прибыл в королевство франков, чтобы лично просить у Пипина Короткого помощи против угрозы натиска лангобардов. По этому случаю в аббатстве Сен-Дени он вторично помазал на царство Пипина, а также его сыновей Карла (будущего Карла Великого) и Карломана. Союз пап с новыми правителями франков одновременно стал формой политического разрыва папства с Византийской империей. Согласно официальной папской хронике «*Liber pontificalis*», Стефан II выговорил себе у Пипина Короткого власть над Равеннским экзархатом — областями в Средней Италии, до того подчиненными византийским императорам. В 755 и вторично в 756 г. Пипин Короткий предпринял экспедиции в Италию, разбил лангобардов и заставил их вернуть папам римским захваченные земли. Так состоялось оформление нового политического образования — папского государства с центрами в Риме и Равенне, просуществовавшего до объединения Италии в 1870 г.

Несмотря на смену королевской династии и нововведения в обряде коронации, представления о том, как становятся монархами, оставались во Франкском государстве достаточно традиционными. Все дети короля мужского пола в определенном смысле считались королями по факту рождения. Приобщение к власти происходило при жизни венценосных родителей. Наследование высшей власти после их смерти по-прежнему совершалось путем ее раздела между сыновьями, и только смерть братьев могла затем вновь

собрать наследственные земли воедино. Доля каждого короля при этом обязательно включала часть старинных франкских земель в Нейстрии и Австразии, и хотя каждый король правил вполне самостоятельно, сохранялось представление об определенном единстве Франкского государства. После смерти Пипина Короткого королевство франков было поделено между его сыновьями Карлом, будущим «Магнусом» (768–814) и Карломаном. Но три года спустя Карломан умер, и Карл Великий объединил в своих руках все королевство.

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО: ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ К РАСПАДУ

Долгое правление Карла Великого стало эпохой громких военных побед и масштабных завоеваний. При нем завершилось присоединение к Франкскому королевству германоязычных земель – событие, имевшее далеко идущие последствия. Соппротивление аламанных было окончательно сломлено еще в 746 г. дядей Карла Великого Карломаном, но ценой такого кровопролития, что, по словам одного хрониста, это и было причиной ухода его в монастырь. Правитель Баварии Тассилон присягнул Пипину Короткому в 757 г., но выступил против Карла Великого и был низложен в 787 г. Фризия была завоевана еще Карлом Мартеллом, тем не менее ее болотистые земли оставались почти недоступны для власти франков, а жители глухи к проповеди христианства. «Апостол Германии» Бонифаций в 754 г. обрел мученическую смерть среди «язычников» на севере Фризии. Война с саксами оказалась для Каролингов особенно долгой и кровопролитной. Отчасти это объясняется особенностями политического и социального устройства саксов. В отличие от аламанных, баваров и даже фризов они не подчинялись никакому правителю, которого можно было бы победить или с которым можно было бы договориться. Изнурительная война в Саксонии окончилась только в 803–804 гг. путем геноцида саксов и массовых депортаций германцев.

В ответ на просьбу папы Адриана I в 774 г. Карл Великий начал новую войну с лангобардами. На этот раз самостоятельность их королевства в Италии была ликвидирована, а Карл Великий принял титул короля лангобардов. На Рождество 800 г. в соборе Св. Петра в Риме папа Лев III короновал Карла Великого в качестве императора. «Лоршские анналы» в оправдание этого акта ссылаются на то, что в империи, под которой подразумевалась Византия, в это время правила женщина – императрица Ирина. Биограф Карла Великого Эйнгард, однако, утверждает, что Карл не хотел и не собирался становиться императором, и инициатива коронации исходила от понтифика. Одни историки рассматривают это утверждение в качестве литературного топоса, рисующего образ идеального правителя, не стремящегося к власти. Другие полагают, что так могло случиться в действительности. Идея «восстановленной» Римской империи имела долгую судьбу и сыграла огромную роль в политической истории Европы. Между тем, возможно, ничего подобного Карл и не задумывал, а мотивом означенного символического акта послужило желание папы Льва III заручиться могущественным союзником перед рядами римских магнатов. Завоевание Италии и поддержка папства вели к столкно-

вению с Византией. В этих условиях Карл Великий искал новых союзников и даже завязал отношения с Аббасидским халифатом в Багдаде. Впрочем, византийцы признали императорский титул Карла Великого в 812 г.

В правление Карла Мартелла, Пипина Короткого и Карла Великого под властью Каролингов оказались огромные территории, но форма управления, унаследованная от Меровингского королевства, очевидно, переменялась мало. Нововведением в государственном управлении исследователи называют появление *missi dominici*, «посланных от государя», но что представляли собой их «отчеты» и имели ли они место, мы точно не знаем. Рост числа капитуляриев со времени Пипина Короткого показывает возрастание роли письменной документации в делах управления; капитулярии франкских королей – весьма разнородные документы, составленные по самым разным поводам. Размеры государства вступали в противоречие с физическими возможностями одного правителя. По подсчетам историков, за двенадцать месяцев в 786–787 гг. Карл Великий проехал свыше 3,5 тыс. километров. Подарок багдадского халифа слон Абу-аль-Аббас вскоре умер, возможно, именно из-за кочевой жизни императора франков. В то же время Карл Великий предпринимает строительство подлинной столицы государства. Таким символическим центром империи и главной резиденцией императора стал Ахен, расположенный в сердце старинных франкских земель.

За несколько месяцев до смерти Карл Великий сам короновал императорской короной своего сына Людовика (814–840) в Ахене в 813 г., а через три года тот был вторично коронован в качестве императора в Реймсе папой римским Стефаном IV. Этот жест, означавший фактическое признание за римскими папами права короновать императоров, положил начало традиции, существовавшей в Средние века.

Новый император окружил себя людьми церкви, и в истории за ним закрепилось прозвище «Благочестивый». Это вопрос не только личной религиозности нового правителя, но и определенных политических предпочтений. Властитель Франкского государства больше не являлся только королем франков. Христианство послужило объединяющим фактором и идеологией государства, ставшего многонациональной империей. До сих пор война была главным организующим принципом правящего слоя Франкского государства, а сам этот слой – военным классом. Порицая войну и насилие, Людовик Благочестивый стремился направить франков на путь мира и христианских идеалов, видя себя исполнителем божественного промысла. Эти идеи вступали в противоречие с традициями наследования королевской власти в державе. Людовик был единственным наследником своего отца Карла Великого, но у него самого имелось три сына, отсюда его обеспокоенность сохранением единства империи. В глазах Людовика оно равнялось необходимому единству христианского мира на пути к спасению. Основные политические события времени его царствования были связаны с борьбой за определение порядка наследования государственной власти.

Возможно, Людовик Благочестивый жил с ощущением близкой гибели. В Страстную четверг 817 г. на выходе из храма в Ахене он едва не погиб под обломками рухнувшей галереи. Документ, обсужденный и одобренный представительным собранием франкской знати в Ахене несколько месяцев спустя под названием «*Ordinatio imperii*», определял порядок раздела наслед-

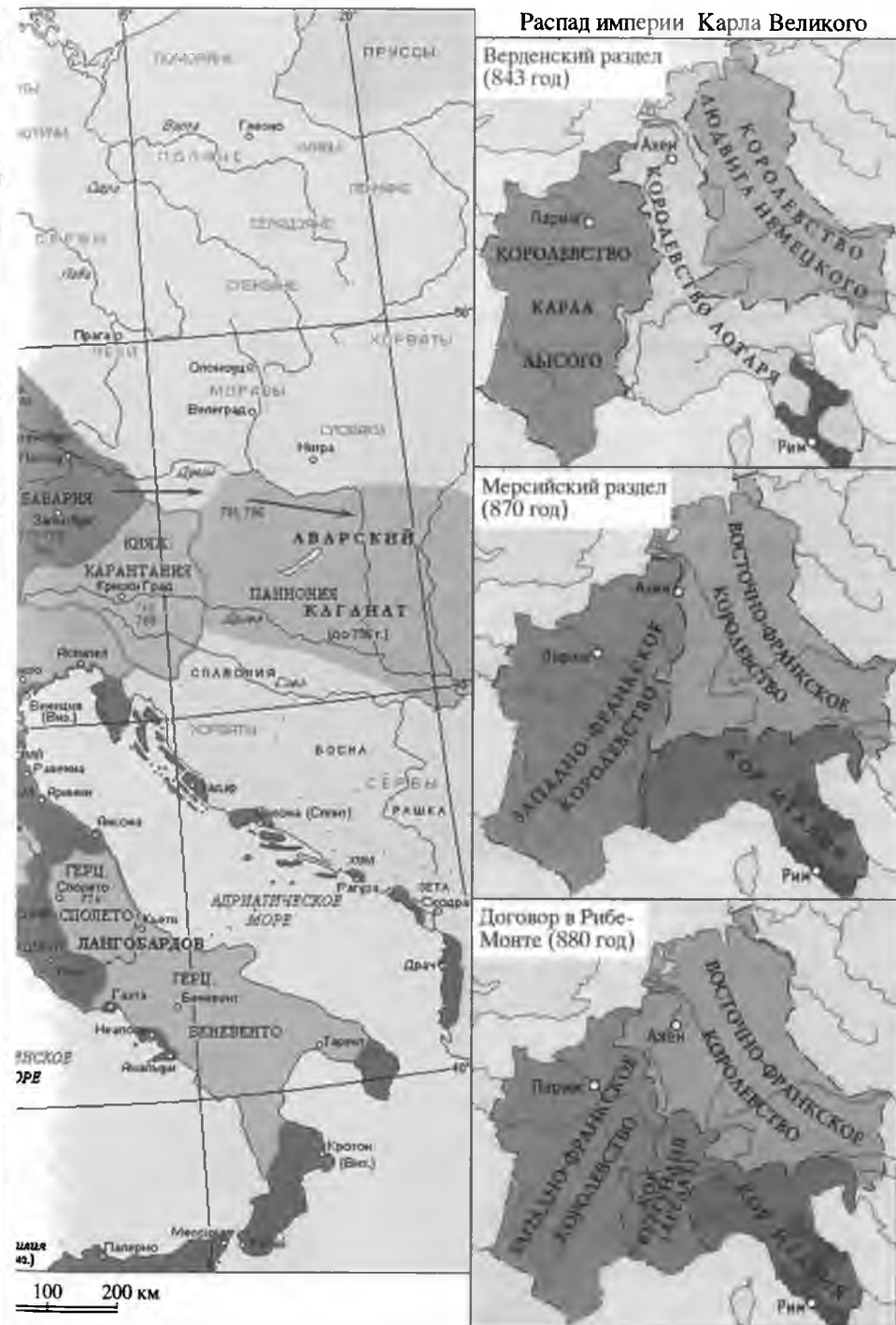
ства императора Людовика на случай его внезапной смерти. Согласно этому документу, младшим детям Пипину и Людовику должны были отойти Аквитания и Бавария – периферийные регионы, в любом случае остававшиеся автономными политическими образованиями. Ядро государства, включая старинные земли франков, оставалось неделимым и вместе с императорским титулом и верховной властью переходило к старшему сыну Людовика Благочестивого Лотарю. В целом, перед нами программа скорее упорядочения и организации, чем раздела страны.

Но роковую ошибку допустил сам монарх, слишком рано задумавшись о смерти, ибо с принятием «*Ordinatio imperii*» его жизнь не закончилась. Овдовев, в 819 г. император Людовик женился на красавице Юдифи, и в 823 г. у них родился сын Карл – будущий Карл Лысый. Существование еще одного наследника не предусматривалось в «*Ordinatio imperii*», но за Карла стояла могущественная родня его матери, поэтому Людовик практически вернулся к идее раздела государства. Его старший сын Лотарь прошел в это время уже коронацию как император и соправитель отца, вокруг него сплотились сторонники порядка наследования, задуманного в 817 г. В сущности, в этом и заключался раскол, которого страшился Людовик Благочестивый: дети выступили против отца и в конце концов победили его.

Трехлетие после смерти Людовика Благочестивого в 840 г. вошло в историю как «распря» или «война между братьями». Итогом ее стал фактический раздел Франкского государства. По Верденскому договору 843 г. Карлу Лысому отошли земли, позже ставшие средневековой Францией (Западно-Франкское королевство), Людовику достались владения в Германии (Восточно-Франкское королевство), между ними лежал удел их старшего брата Лотаря – в его руках находился Рим на юге и Ахен на севере. Лотарь сохранял старшинство, данное ему императорским титулом, однако на практике Верденский раздел означал конец единой Франкской империи. Она ненадолго пережила своих создателей. Зато политические структуры, возникшие в результате Верденского раздела, закрепились на политической карте Европы, очевидно потому, что приблизились к социальной и культурной реальности своих регионов. Важным памятником признания таких культурных различий является сохранившийся текст Страсбургской клятвы. Когда в 842 г. Карл Лысый и Людовик Немецкий решили скрепить свой союз клятвой, первый произнес ее на французском, а второй на немецком языке.

До 855 г. единство сохранялось в форме «союза братьев». Но после смерти императора Лотаря, который разделил свою часть наследства Каролингов между собственными детьми, соперничество вновь обострилось. В 870 г. Карлу Лысому и Людовику Немецкому удалось поделить «Лотарингию» – срединную область между Францией и Германией (тогдашняя Лотарингия была гораздо больше нынешней одноименной области). Еще дважды земли бывшей империи Карла Великого соединялись в одних руках: Карлу Лысому это удалось перед самой смертью в 877 г., сыну Людовика Немецкого Карлу Толстому – в 884–888 гг.

Неумение справиться с набегами викингов, ставшими повальным бедствием, лишало власть императоров авторитета. Восточная часть государства Карла Великого сохранилась лучше. Процессы политического обособления местной знати здесь шли менее активно, и оставалась в силе каролингская

система управления. В частности, правители Германии смогли удержать под своим контролем епископства и монастыри. Во Франции власть сосредоточилась в руках группировок местной знати, а король не имел достаточных ресурсов для управления страной. Политический строй с тех пор в большей мере основывался на личных связях, обмене услугами и взаимном признании. После Карла Толстого Франция и Германия уже никогда не объединялись под властью единого правителя. «Лотарингия» осталась за Германией. Во многих местах в конце IX в. возникают королевства, не имеющие отношения к Каролингам. В 888 г. королем Италии был провозглашен Беренгарий. Королевства, основанные в 879 г. Бозоном в Провансе и в 888 г. Рудольфом в Верхней Бургундии, в 933 г. при короле Рудольфе II были объединены в одно Бургундское королевство. В Германии каролингская династия пресеклась в 911 г. Во Франции после 888 г. на престоле чередовались Каролинги и представители рода графов Парижских – будущей королевской династии Капетингов.

ЕВРОПА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИМПЕРИЙ

Значительная часть Европы в VIII–IX вв. оставалась за границами Византийской и Каролингской империй, и там происходили, возможно, не менее важные события. В отличие от Римской империи власть Каролингов не распространилась на Англию, хотя некоторые исследователи говорят, что в правление Меровингов подчинение королям франков в какой-то форме существовало. Наш главный источник по политической истории Англии этого периода, «История англосаксов» Беды Достопочтенного (ок. 730 г.), рисует политическое устройство страны в виде системы королевств. По мнению современных исследователей, речь идет о регионах, политические традиции которых сильно различались между собой. Некоторые из них могло связывать вместе лишь признание власти общего правителя, которое оканчивалось с его смертью. Термин «королевства» временами кажется искусственным привнесением в эту пеструю картину. Могущественных правителей называли словом *бретвальда*, но что это значило и значило ли что-то определенное, тоже не ясно. Во времена Карла Великого фактическим властителем Англии стал король Мерсии Оффа (757–796). IX век завершается объединением англосаксов под властью Уэссекса, правителем которого был Альфред Великий (871–899). Причины этого объединения определялись прежде всего нашествием викингов.

Хотя морские разбойники действовали на севере Европы уже давно, набеги викингов, которые начались в 90-х годах VIII в. и с нарастающей силой продолжались 120 лет, воспринимались современниками как новое явление. В Англии викингов называли *данами* («датчанами»), во Франции *норманнами*, на Руси *варягами*. Первыми жертвами походов викингов стали христианские монастыри на севере Англии. Если говорить о Франкском государстве, то там первые набеги затронули две области: датчане действовали против торговых центров Фризии, а норвежцы, сделавшие своей базой Ирландию, терроризировали Аквитанию. На своих кораблях они проникали по рекам в глубь страны. Против грабительских вылазок внезапно возникшего и

ускользавшего врага франки и англосаксы оказались плохо подготовлены, поэтому первая волна разбойничьих рейдов и ощущение незащищенности перед ними вызвали психологический шок.

Но настоящий размах и новую тактику походы викингов приобрели с 40-х годов IX в. До этого времени они каждую осень возвращались в Скандинавию, но в 843 г. отряд викингов впервые зазимовал в Аквитании. С тех пор они оставались на Луаре почти каждую зиму. Карл Лысый не дал им обосноваться на Сене, но защитить даже крупные города оказалось некому. Походы викингов совпали по времени с важными внутренними преобразованиями франкского мира. Они обнажили и подтолкнули процессы политического разделения и обособления. С начала 50-х годов IX в. викинги захватывают значительные территории на северо-востоке Англии. Ценой больших усилий правителям Уэссекса удалось остановить их продвижение на юг. В этой борьбе все регионы Британии признали Альфреда Великого своим властителем, а он стал рассматривать себя как короля англосаксов. Территории, попавшие под власть «данов», впоследствии назывались «Областью датского права» (Danelaw). Отдельные отряды викингов в середине IX в. дважды проникали в Средиземноморье и даже достигали Италии. Внутреннее устройство Скандинавии, выплеснувшей вовне столь мощную энергию, не знало государств. Из всех северных стран процессы политической консолидации быстрее разворачивались в Дании. В 831–832 гг. папа Григорий IV утвердил создание Гамбургского архиепископства, целью которого должна была стать христианизация датчан, шведов и славян.

Арабская экспансия в Средиземноморье стала другой долговременной угрозой для христианских государств. Мусульмане в Западном Средиземноморье действовали главным образом из Северной Африки и изначально стремились к территориальным захватам. Завоевание Сицилии, принадлежавшей Византии, начавшееся в 827 г., как всегда бывало в истории этого острова, растянулось на десятилетия. Последний оплот византийцев Таормина пал в 902 г. Мусульмане смогли на время закрепиться в Калабрии и Апулии: в Таранто с 840 по 880 г. и Бари с 841 по 871 г. Но продвижение в Италию в конечном счете успеха не имело.

Тем не менее грабительские набеги арабов существенно повлияли на социальную и политическую жизнь региона. В 846 г. мусульмане разграбили собор Св. Петра в Риме, вынудив папу Льва IV около 850 г. обнести Ватикан крепостной стеной. Современные историки сопоставляют с волной разбойничьих набегов процесс перехода к укрепленным деревенским поселениям сеньориальной эпохи. Этот процесс понимается ими как ключ к развитию сеньориальной власти и переустройству средневекового общества в целом. Причем это суждение впервые звучит из уст средневековых хронистов. К концу IX в. те относят последние свидетельства об идиллическом счастье, царившем некогда в Средней Италии. Деревень тогда почти не было, преобладали хутора и обособленные усадьбы, где каждая крестьянская семья была предоставлена сама себе. Но наступила великая смута, превратившая крестьян в деревенских жителей. Полагая спастись от сарацин, они оказались заперты в новых укрепленных деревнях, где роковым образом потеряли былую независимость и попали под гнет сеньоров.

На Сицилии и в Испании первые отряды мусульман высадились по приглашению христиан для войны с другими христианами. В начале VIII в. Вестготское королевство включало почти всю Испанию и часть Южной Галлии. По свидетельству мусульманских источников, просьба о военной помощи исходила от сыновей только что умершего вестготского короля Витицы, считавших себя неправильно отстраненными от власти. Первым в 711 г. высадился отряд правителя Танжера Тарика, но его составляли не арабы, а берберы. Вестготы были разбиты, а их король пал в бою или был убит вскоре после этого. На следующий год в Испанию переправилась армия мусульманского правителя Северной Африки Мусы, включавшая теперь большое число арабов. Покорение страны произошло стремительно и в основном завершилось к 716 г. Мусульманская экспансия продолжилась за Пиренеями, пока не встретила отпор и затем ответное наступление со стороны франков. Концом мусульманского продвижения в Европу считается победа Карла Мартелла, одержанная им в 732 г. в битве при Пуатье. Впрочем, историки оговариваются, что это могла быть небольшая грабительская экспедиция, организованная, возможно, не без помощи христианских правителей Аквитании.

Пришедшие в Испанию арабы принадлежали не к бедуинам, а в основном происходили из земледельческих регионов Йемена. Арабы селились в крупных городах и долинах рек Гвадалквивир и Эбро. Берберы занимали плоскогорья в центральной части страны, пригодные для скотоводства. Мусульманская Испания сразу оказалась во власти бесконечных внутренних раздоров между берберами и арабами, между арабами йеменских племен и новыми волнами арабских переселений, в основном из Сирии, которые принесли в новую страну старые распри, возникшие еще в Аравии. Когда между 747–750 гг. Аббасидам удалось отстранить от власти багдадских халифов из рода Омейядов, один из Омейядов Абд ар-Рахман I (756–788) сумел основать независимое государство в Испании, приняв титул эмира. В условиях неустраимых племенных раздоров опорой государственной власти стали *мулади* («новые мусульмане»), т.е. обратившиеся в ислам неарабы. Та часть правящего класса Вестготского королевства, которая осталась на завоеванных территориях, быстро влились в состав новой элиты. Перенимавших арабский язык и обычаи, но не менявших веру называли мосарабами. Мирному включению жителей Испании в состав нового государства способствовала терпимость его правителей к христианству.

Немусульмане платили особый налог, а когда во второй половине IX в. началось массовое обращение в ислам, государство осталось без средств, что нанесло разрушительный удар по эмирату Омейядов. Кордовские эмиры изначально контролировали юг страны. К середине IX в. Абдарахман II (822–852) смог подчинить мусульманские пограничные «марки» на севере и в центре Испании, но всего на несколько лет, после чего власть кордовских эмиров впредь ограничилась долиной Гвадалквивира и ближайшими окрестностями Кордовы. Однако уже в X в. при Абдарахмане III это государство станет сильнейшим в Европе.

Историческое предание средневековых христианских королевств Испании утверждает образ героической борьбы с мусульманским нашествием. Согласно этой традиции, в Астурии сопротивление возглавил Пелагий или Пелайо, который нанес поражение отряду врагов в долине Ковадонга. При

короле Альфонсо I (739–757) границы христианского Астурийского королевства существенно расширились, включив Галисию, Леон и другие регионы. Впрочем, северная оконечность Пиренейского полуострова никогда не интересовала мусульманских правителей. То, что в середине VIII в. христиане смогли утвердиться на обширной территории, объясняется конфликтом берберов с арабами и разразившимся голодом, из-за чего многие берберы, оставив Месету, вернулись в Северную Африку. С этого времени мусульманские земли начинались значительно южнее, на широте Толедо и Коимбры. Между ними и Астурийским королевством лежала ничейная земля. К концу IX в. граница христианской колонизации продвинулась до р. Дуэро. Наиболее активно *реконкисту* (исп. «отвоевание») в этот период ведут франки. Походы Карла Великого привели в 801 г. к завоеванию Барселоны, но попытки франков продвинуться в долину Эбро и взять Сарагосу успехом не увенчались.

Особенно сильное впечатление произвел на современников разгром Карлом Великим Аварского каганата. Об аварах сохранился минимум информации. Даже гунны, при всей мимолетности их господства, оставили большой отзвук в европейской культуре: от германских сказаний до фресок Ватикана. Авары так и не смогли, в отличие от других кочевников, например болгар или венгров, создать христианское государство и навсегда остались в исторической памяти «плохими европейцами», «варварами», так и не перешагнувшими порог «цивилизации».

ОБЩЕСТВО ЕВРОПЫ КАРОЛИНГСКОГО ПЕРИОДА

Наши источники не дают возможности с одинаковой точностью судить обо всех сторонах истории Европы около 800 года. Очевидно, мы неплохо знаем основные факты политической и церковной истории. Об обществе и экономике мы осведомлены на порядок хуже. Здесь риск неточности и ошибки намного выше.

Плотность населения в Европе каролингского времени местами кажется весьма значительной. Мы получаем такие сведения из монастырских описей, называемых «полиптиками». По данным Сен-Жерменского полиптика, составленного незадолго до 829 г., к югу от Парижа плотность населения достигала 39 человек на 1 кв. км. Похожие цифры есть для ряда других мест. Однако подобные густонаселенные старопахотные земли соседствовали с обширными пространствами девственных лесов и пустошей. Они исчезли позднее в результате масштабного расширения посевных площадей на протяжении Средних веков. В каролингское время этот процесс только начался. Мы знаем о таких расчистках нови в VIII и IX вв. из картуляриев (сборников грамот) немецких монастырей Фульда и Лорш. С ростом обрабатываемых площадей также возрастает население.

Земледелие является главной отраслью материального производства. Большинство населения занято сельским трудом и поглощено заботами деревенской жизни. Основной единицей производства выступает крестьянское хозяйство. Быт власть имущих зависит от налаженных каналов эксплуатации крестьянского труда. На вопрос о том, что отличает материальную культуру раннего Средневековья, историки отвечают: «Бедность!». В материальном

смысле это бедное общество оказалось неспособным оставить после себя наследие, сравнимое с громадами римских амфитеатров или средневековых готических соборов. Речь при этом идет не о некоей абстрактной бедности, внезапно поразившей страны Запада. Бедность не коснулась подавляющего большинства населения – крестьян. Напротив, дело в том, что крестьяне в большой мере ускользают от тех, кто может их эксплуатировать. За бедностью материальной культуры и свертыванием хозяйственных обменов встают изменения в экономическом положении социальных элит.

Свобода крестьян от власти аристократий, очевидно, возрастает «в среднем». Локальные отличия при этом очень велики. Источники каролингского времени позволяют наметить типологию крестьянских обществ. Они разные – одни из них находятся под контролем аристократий, другие живут своей отдельной жизнью и мало в ком нуждаются. По документам, сохранившимся в картулярии Редонского монастыря на юго-востоке Бретани, мы знаем о том, как общины деревенских жителей сами вершат суд. Любая сделка об отчуждении недвижимости в пределах деревенской территории подлежит формальному утверждению деревенского схода. Аристократия существует в другом социальном измерении – где-то в окружении правителей Бретани – и в жизни деревенских мирков никак не участвует. Другой впечатляющий пример деревенской самостоятельности можно найти в Восточных Пиренеях. Основание церквей мирянами всегда было в Средние века личным и семейным делом, но в Восточных Пиренеях в IX в. многие церкви основываются сельскими сходами.

После создания теории Карла Маркса меру эксплуатации часто описывали в терминах «необходимого» и «прибавочного» продукта. То, что мы знаем о крестьянской экономике сегодня, в особенности благодаря исследованиям российского экономиста А.В. Чаянова, заставляет оставить эти термины как не вполне адекватные. Принципом крестьянской экономики является не максимальная прибыль, а представление о своих потребностях. Возможности крестьянского хозяйства никогда или почти никогда не используются полностью. Если власть имущие получают сравнительно меньшую долю общественного продукта, то это не означает, что больше остается самим производителям – это значит, что крестьяне меньше работают. Если мы примем этот взгляд, то сможем объяснить некоторые поразительные факты экономической истории раннего Средневековья. В частности, есть свидетельства упадка агротехники и даже перехода от пахотного земледелия к мотыжному и от земледелия к охоте и собирательству. Действительно, чем сложнее агротехника, тем больших вложений труда она требует. Если мера эксплуатации падает, крестьянская экономика тоже меняется. Она возвращается к более простым формам хозяйственной деятельности, а после рубежа X–XI вв. установление сеньориального строя приведет к новому подъему европейской экономики.

Со своей стороны те, кого можно назвать социальной элитой каролингского государства, непохожи на власть имущих развитого Средневековья. Около 1100 г. власть и активность аристократии привязаны к конкретной территории. Функциональным и символическим центром сеньориальной власти выступает замок. Высшую аристократию при Каролингах исследователи неслучайно называют «имперской аристократией». Речь идет о лицах, имеющих владения и интересы и действующих одновременно во мно-

гих регионах Франкского государства. Другое заметное отличие состоит в принципах устройства аристократических семей к 800 и к 1100 гг. Переход к сеньориальному строю середины Средневековья как в Германии, так и во Франции сопровождался выделением из рыхлых связей родства больших консолидированных кланов, спаянных общей дисциплиной и действующих сообща. В Каролингской империи ничего подобного таким семейным кланам не встречается, как отсутствуют и семейные имена. Высокое положение элиты каролингского мира зависит не от частной власти и семейной солидарности, а обусловлено отношением к власти правителя, местом в системе каролингской государственности.

Что мы знаем о «крупном поместье» каролингского времени? Свидетельством их существования в науке с XIX в. считались монастырские описи-полиптики. Беда в том, что этот тип документа труден для интерпретации. Историки XIX в. думали, что такие огромные владения возникают вследствие массового разорения крестьян, что якобы заставляло их передавать свои земельные участки крупному собственнику и оставаться держателями его земли с условием уплаты оброка и барщины. Так же понимались отношения сеньоров и крестьян в следующие столетия Средневековья. Сеньоры мыслились «верховными собственниками» земли, крестьяне – «зависимыми держателями». Поэтому монастырские полиптики каролингского времени рассматривались как первые наглядные сведения о «средневековом поместье».

Сегодня это объяснение представляется ошибочным. Начать с того, что сеньориальный строй, к примеру, около 1100 г. историки больше не рассматривают в виде системы поземельных отношений. Сеньоры существуют за счет крестьян не потому, что в каком-то серьезном смысле выступают «верховными собственниками» их земли, а потому что являются их сеньорами, поставленными над ними властью. Это сеньория, основанная на политическом лидерстве – одни работают и подчиняются, другие воюют и руководят. Крестьянско-сеньориальные отношения приобретают поземельную подоплеку впоследствии, когда на политическую арену возвращается королевская власть и кладет конец сеньориальной вольнице. Права монархов и бойкое перо юристов, действующих в интересах королевской власти, охотно интерпретируют прерогативы сеньоров и обязанности крестьян как права собственников и держателей земли. В начале Нового времени, когда складывались первые представления о средневековом обществе, примерно так и обстояло дело. Но переносить эту картину в начало Средних веков и изображать в таком виде монастырские владения каролингского времени было бы заведомой ошибкой.

Также не выдерживает критики мнение о массовом разорении крестьян. Оно основано на предубеждениях ученых XIX в. Крестьянское хозяйство считали тогда безнадежно отсталой формой производства. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс заклеил «идиотизм сельской жизни». Мысль о разорении крестьянства в раннее Средневековье зиждилась тогда на вере в экономические преимущества крупного хозяйства. В наши дни мы лучше знаем, что представляет собой крестьянская экономика. Как уже сказано, она никогда не использует всех своих экономических возможностей и потому обладает большим потенциалом выживания. До эпохи промышленного переворота в земледелии, т.е. до XIX в., крестьянское хозяйство всегда

имело наибольшую рентабельность. В экономическом соревновании крестьяне должны выигрывать. Обратное было бы удивительно.

Доказательством якобы имевшего место разорения крестьян прежде считались монастырские картулярии – собрания дарственных грамот. Но дело в том, что монастырские земли, приобретенные таким путем, всегда остаются раздробленными. Из монастырских полиптиков, напротив, мы узнаем, что тому или иному аббатству принадлежат целые деревни. Исследователи справедливо задаются вопросом, идет ли речь об одном и том же?

Ряд историков высказывает смелое предположение о том, что полиптики на самом деле являются документами налогообложения, сохранившегося со времен Римской империи. При римских императорах и франкских королях, говорят эти исследователи, система административного управления, обходясь без армии чиновников, строится на вручении полномочий государственной власти в руки могущественных лиц. Основная часть налоговых поступлений употреблялась на месте. Определенные доходы были приписаны к определенным расходам. Например, значительная часть платежей крестьян аббатства Сен-Жермен, по сведениям полиптика Ирминона, идет на содержание воинов. Такой порядок отвечал низкому уровню развития товарного рынка и транспортных коммуникаций, делавших конвертации и перемещения ресурсов затруднительными или невозможными. В ведении государственных органов остаются отчетность и контроль. Там, где другие исследователи видят стихию частных и поземельных отношений, сторонники такого объяснения говорят об административном управлении, основанном на простых и универсальных правилах. Стоит оговориться, что эта картина не является общим убеждением всех компетентных специалистов. Но можно считать установленным, что каролингские полиптики восходят к римским налоговым описям как тип документа. С государственной властью и ее налогами полиптики связаны как минимум своим происхождением.

В истории денег, напротив, мы можем с уверенностью говорить о разрыве с денежной системой Античности, базовой единицей которой являлась золотая монета солид. С конца VII в. в Англии и Франкском королевстве чеканится серебряная монета, а золото исчезает из обращения до XIII в. Причиной этого называют отсутствие месторождений золота в Европе и прекращение притока металла извне. В условиях относительного упадка торговли города и городская жизнь лучше всего сохранились в Италии. О новизне хозяйственной ситуации говорит тот факт, что важную хозяйственную роль начинают играть новые центры. Следствием такого переустройства торговых путей в каролингское время стала Венеция. Особенностью крупных торговых центров в Северном и Балтийском морях была кратковременность их существования. Они так и не превратились в настоящие города.

«КАРОЛИНГСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Каролингское время во многих отношениях стало переломным моментом в культурной жизни Европы. Для правителей франков подъем образования являлся задачей практической политики. Об этом свидетельствует, например, послание Карла Великого «*De litteris colendis*» («О насаждении учености»), первоначально адресованное настоятелю немецкого монастыря Фуль-

да, а затем разосланное всем епископам и аббатам Франкского государства. В этом послании, в частности, говорилось о необходимости изучения языка Библии и учреждения школ при епископствах и монастырях. В среде каролингской аристократии, видимо, сохранялись традиции домашнего обучения. В отличие от периода высокого Средневековья при Каролингах еще сохранялись писатели-миряне. Но система школьного образования, существовавшая в древности, в это время оказалась разрушена. Для решения поставленной задачи образованных людей пришлось собирать со всей Европы. В разное время ко двору прибывали готы Теодульф и Агобард, лангобарды Петр Пизанский и Павел Диакон, франки Ангильберт и Эйнгард. Особую роль сыграли ирландцы и англосаксы. Англосакс Алкуин стал во главе придворной школы в Ахене. В школы направлялись отпрыски правящей элиты. Но образование могли получить не только они. Из «бедных» вышел поэт Валафрид Страбон, ставший аббатом монастыря Райхенау. Образование открывало путь к занятию высших церковных должностей. В IX в. в Каролингской империи известно около 70 активно действовавших школ. Эту образовательную активность современные исследователи называют «каролингским возрождением».

Знатоками латинского языка в этот период недаром выступают ирландцы и англосаксы, а позднее монахи немецких монастырей. В их странах хорошая латынь сохранялась потому, что была мертвым языком. Английские монастыри смогли в конце VIII в. дать такого латинского писателя, как Алкуин, потому что в начале того же столетия они смогли породить такого латинского писателя, как Беда Достопочтенный. Древнеанглийский язык служил средством устной культуры. Ее самый значительный памятник – древнеанглийский героический эпос «Беовульф», возникший около 800 г. Но при этом древнеанглийский также являлся языком письменности, существовавшей параллельно с латинской. В Англии с начала Средних веков древнеанглийский использовался для записи права. Сам Беда Достопочтенный перевел на него главные христианские молитвы, а под конец жизни взялся за перевод Евангелия от Иоанна. Король Альфред Великий позднее задался амбициозной целью сделать древнеанглийский полноценным языком христианской культуры. Он перевел на него сочинения Беды, Павла Орозия, Боэция, Августина и Григория Великого. Очевидно, по его указанию началось составление первой редакции древнеанглийской «Англосаксонской хроники».

Во Франкском государстве соотношение латыни и разговорных языков носило принципиально иной характер. Один из самых интригующих вопросов раннего Средневековья – происхождение романских языков. Когда и как из латыни смогли развиваться французский, окситанский, испанский, итальянский и другие родственные языки? В свое время историки и лингвисты придерживались гипотезы о значительном расхождении устного и письменного языков еще во времена Римской империи. Считалось, что происхождение романских языков от нас скрыто, потому что мы знаем только письменную традицию. В наши дни исследователи сходятся в том, что такой лингвистической пропасти между устной и письменной формами речи не существовало. Еще в VI и даже VII вв. Европа оставалась латиноязычной, и новые языки еще не начинали «развиваться». Рождение романских языков сегодня кажется не неким длительным процессом подспудного вызревания, а относительно быстрой мутацией, совершившейся, возможно, между 650 и 750 гг.

Расхождение устной и письменной речи остро обнаружилось в VIII в., что не является простым совпадением со временем культурного движения, названного «каролингским возрождением». «Возрождение» наследия древности было формой разрыва с настоящим. Перемены в культуре являлись нарушением преемственности, отходом от традиций культурной жизни предшествующей эпохи Меровингов. С конца древности в христианской литературе складывалась и развивалась форма «смирненной речи». Она означала сознательный отход от традиций античной литературы, являвшейся достоянием культурного меньшинства, и выбор в пользу широкой аудитории. На протяжении меровингского времени литературная деятельность выступала компромиссом между авторами текстов и их аудиторией, теряющей способность понимать хорошую латынь. «Каролингское возрождение» стало отказом от такого компромисса во имя сохранения и реставрации латинского языка, в частности как языка Библии. «Мертвая латынь» на долгие века становится языком культуры и образования, недоступным для большинства населения. С эпохи Карла Великого постановления церковных соборов предписывают переводить церковные проповеди на «романский» и немецкий языки.

Правления Карла Великого и Людовика Благочестивого стали временем массового производства рукописей. Если от меровингского периода (до 750 г.) до нас дошло около 500 рукописей, то от времени между 750 и 900 гг. – уже 7 тыс. Литературу древности мы знаем почти исключительно по копиям каролингского времени, а также копиям, сделанным с этих копий. По оценкам исследователей, всего в IX в. могло быть переписано 50 тыс. рукописей. Судя по сохранившимся каталогам, самые богатые монастырские библиотеки располагали сотнями книг. Книги и даже небольшие библиотеки имелись у высокопоставленных мирян. С именами Алкуина и Теодульфа связаны первые попытки «критического издания» Библии путем сверки разных рукописей. Важным вкладом в книжную культуру стало введение новой формы письма, получившей название каролингского минускула. Оно было значительно проще для пишущего и позволяло быстро подготовить новых переписчиков. Каролингский минускул предусматривал раздельное написание слов, знаки препинания и другие нововведения, упрощающие чтение. Обладая неоспоримыми достоинствами, он быстро вытеснил другие формы письма.

Право и правила всякого рода находились в центре интереса писателей каролингского времени. Право или правила можно было открыть или придумать.

Явлением правовой культуры каролингского времени стало такое понятие, как юридический подлог. Именно тогда составлены многие фальшивки, в том числе знаменитый «Константинов дар». В нем утверждается, что в IV в. римский император Константин якобы передал власть над Западной Римской империей папе Сильвестру I. «Константинов дар» был сфабрикован в Риме между 752 и 771 гг., но получил широкую огласку благодаря его включению в «Лжеисидоровы декреталии», другую фальшивку – сборник подложных и подлинных документов церковного права (постановлений церковных соборов и папских посланий – декреталий), составитель которого именует себя Исидором Меркатором. «Лжеисидоровы декреталии» возникли во Франции между 847 и 852 гг. в кругах враждебных архиепископу Гинкмару Реймскому, и были использованы для борьбы с ним епископом Гинкмаром Ланским. Изначально «Лжеисидоровы

декреталии» были призваны обеспечить власть, независимость и материальные интересы епископата. В частности, в них превозносится папская власть как высшая церковная инстанция. Начиная с понтификата Николая I (858–867), папство, отстаивающее новое понимание церкви и своей роли в ней, видит в «Лжеисидоровых декреталиях», включая «Константинов дар», правовое обоснование собственной супрематии и вмешательства в дела других церквей.

История знаменитых фальшивок каролингского времени – не просто курьез, а иллюстрация важной жизненной тенденции. Каролингский мир напряженно ищет и внедряет правила, не останавливаясь перед обманом. Особенно болезненными оказываются вопросы церковной и религиозной жизни. С начала Средних веков обращение «язычников» часто носило формальный характер. С принятием христианства в их жизни мало что менялось. В VIII–IX вв. церковные власти стремятся подчинить жизнь мирян контролю со стороны церкви путем введения определенных норм. Но эти церковные нормы еще только формируются. В сущности, они тоже являются разновидностью юридического подлога. Примером может служить темное дело о разводе короля Лотаря II. Чтобы иметь детей и наследников, он хотел развестись со своей бесплодной супругой и жениться вторично. Такой обычай существовал – Пипин Короткий, Карл Великий и Людовик Благочестивый до того оставляли своих жен. С 855 г. Лотарь II владел страной, лежащей между королевствами его дядей Карла Лысого и Людовика Немецкого. Они были заинтересованы в том, чтобы племянник не мог иметь законного наследника. Епископы королевства Карла Лысого во главе с Гинкмаром Реймским и папа римский Николай I воспользовались этой ситуацией в своих интересах. Они выступили поборниками канонических правил христианского брака, которые в действительности были весьма туманными. Развод Лотаря II в итоге так и не был признан, и его королевство отошло дядьям.

ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ ОКОЛО 800 ГОДА

Проблема этногенеза славян и их ранней истории (как, впрочем, и этногенеза многих других народов) принадлежит к одной из сложнейших в исторической науке. Ее комплексное изучение историками, археологами и лингвистами не дало однозначных результатов, поэтому существуют лишь более или менее обоснованные гипотезы. Исследование складывания славянской общности и ее ранней истории осложнено целым рядом факторов. В чисто научном плане это скудость и отрывочность источников (по сравнению, например, с источниками по истории древних германцев). Разные типы источников требуют для создания общей картины усилий ученых разных специальностей, которые не всегда корректно интерпретируют друг друга. К тому же разные исследователи исходят из различных оснований: одни подчеркивают значение складывания материальной культуры, другие – языка, третьи (это наиболее акцентировано в современной историографии) – самосознания. Огромную роль сыграли и вненаучные факторы: изучение происхождения и ранней истории славян в XIX в. развивалось во многом как реакция на распространенную в немецкой историографии того времени тенденцию принизить роль славян; с другой стороны, эта проблематика приобретала особую политическую актуальность для южнославянских народов, которые один за другим освобождались от власти Османской империи.

Важную роль в истории изучения происхождения славян сыграли две теории. «Дунайская» версия предполагала искать прародину славян на Дунае, откуда они двинулись на север и северо-восток, чтобы затем, примерно к VI в. н.э., вновь прийти на Дунай с севера, пересечь его и заселить Балканский п-ов в VII в. Другая гипотеза утверждала, что этногенез славян произошел на Висле, где они вычленились из балто-славянской общности, а затем стали расселяться к востоку и к югу.

Особняком стоят гипотезы, опирающиеся на научные построения, возникшие еще в эпоху романтизма, ознаменованного у большинства зарубежных славянских народов движением Национального возрождения (первая половина XIX в.), когда историкам (прежде всего П.И. Шафарику) приходилось доказывать историческую значимость славянства в древности. Этот патриотический порыв и недостаточная разработанность источниковедческого инструментария привели к преувеличению распространенности славянского этноса в древности и его места во всемирной истории. К сожалению, в последние десятилетия наблюдается реанимация этих воззрений, предпринимаемая в основном непрофессионалами, использующими идею величия славян во вненаучных целях. К такого рода попыткам следует отнести гипотезы о происхождении славян на побережье Ледовитого океана, о расселении их в составе других племенных объединений времен Великого переселения народов в Западной Европе, Северной Африке и Малой Азии, не говоря уже о чисто фантастических спекуляциях по поводу славянского евразийства («Велесова книга» – подделка XX в.), принадлежности этрусков к славянству, славянского слогового письма, восходящего чуть ли не к палеолиту. Большое количество ненаучных концепций этногенеза и ранней истории славян наглядно демонстрирует нерешенность этой проблемы в исторической науке.

Збручский идол. X в. Археологический музей, Краков (Польша)

Достоверно о славянах можно говорить только тогда, когда они начинают осознавать сами себя определенной общностью и входят в орбиту внимания соседей – «старых» народов Европы. С начала VI в. сведения о славянах появляются в греческих и латинских письменных источниках. Раньше всего их упоминают Иордан и Прокопий Кесарийский. Самой ранней археологической культурой, преемственность по отношению к которой последующих бесспорно славянских культур можно считать доказанной, является культура *Прага-Корчак*. Ее самые ранние памятники зафиксированы в Припятском Полесье и относятся к V или, возможно, к концу IV в. н.э., а в VI в. эта культура распространилась на огромной территории от Киева до Праги. Она представляет собой культуру земледельцев, живших преимущественно в небольших неукрепленных селищах. Поселения основывались в лесах, на болотах и на высоких берегах рек. Жилищем служили землянки или полуземлянки. Использовалась лепная керамика, часто без орнамента.

По своему характеру славяне рисуются византийскими авторами как люди мужественные, смелые, но редко достигающие согласия друг с другом. У славян еще не сформировалось особой социальной группы жрецов, а роль вождей не была столь значительной, как, например, у германцев и гуннов.

Западные и южные славяне в VIII–IX вв.

Мифология и бытовая культура древних славян реконструируются на основе данных археологии, письменных свидетельств соседей, а также построений лингвистики и сравнительной этнографии. Мифология славянства представляется анимистической (одушевление сил природы и космоса), огромное место в ней занимает класс «служебных», низших божеств, воплощавших природные начала (типа лешего, кикиморы, русалки и т.п., известных по гораздо более поздним фольклорным источникам).

К VII в. относится складывание так называемой «державы Само», располагавшейся в Южной Моравии и части Нижней Австрии. Ее формированию способствовала экспансия кочевого тюркского племени аваров, которые

в середине VI в. вторглись на Паннонскую низменность и основали там политическое образование, известное как Аварский каганат. Оттуда они совершали набеги на Франкское королевство и Византию. Как правило эти рейды с целью получения добычи приходились на лето, а зимы авары проводили на славянской территории. В 623–624 гг. славяне подняли против аваров восстание, которое возглавил Само, очевидно, поселившийся среди них франкский купец. После разгрома аваров он на протяжении 35 лет оставался главой значительной части славян Центральной Европы, вступал в конфликты с франками. После его смерти, сообщает Хроника Фредегара (VII в.), «держава Само» распалась, однако ее ядро – Южная Моравия и сопредельные земли современной Словакии – в дальнейшем стало основой формирования уже собственно государственного объединения, получившего в науке название Великой Моравии.

С VIII в. уже обособляются три ветви славянства: восточные, западные и южные славяне, хотя на всей огромной территории славянского мира, простиравшейся от Балтики до Балкан и от Центральной Чехии до Дона, Западной Двины и Немана, сохраняется языковая близость славянских общностей, подкрепляемая и определенной степенью единства духовной культуры. К западным славянам относились такие племена, как мораване, чехи, висляне, слензане, поляне, мазовшане, куявяне, лужицкие сербы, ободриты, лютичи, поморяне и др.

Великоморавская держава, сформировавшаяся в первой половине IX в., возглавлялась князьями из династии Моймировцев. Князь опирался на сильную дружину, осуществлявшую защиту своей территории и ее расширение путем военной экспансии. В 70-е годы IX в. вокруг ядра Моравии сложился конгломерат зависимых от нее или прямо ей подчиненных княжеств, таких как Нитра. В период расцвета Великая Моравия представляла собой мощную державу, включавшую в себя множество славянских племен, в том числе чехов, славян Западной Словакии, вислян, белых хорватов, лужицких сербов, славян Паннонии и Силезии и других. Она была тесно вовлечена в политику Восточно-Франкского королевства как наследника восточной политики Карла Великого. Следствием этого были почти постоянные войны, признание князьями своей зависимости от франков (в разных формах), церковная и культурная экспансия последних. Так, князь Прибина, изгнанный Моймиром из Нитры, получил от Людовика Немецкого Паннонское княжество – часть Восточной марки со столицей в Блатенграде – на условиях признания верховной власти короля. После смерти Прибины княжество унаследовал его сын Коцел.

В источниках мораване и чехи впервые упоминаются в 822 г., когда их вельможи приняли участие во Франкфуртском рейхстаге. Христианизация мораван была произведена Пассауским епископством в 831 г., поэтому изначально Моравия принадлежала к Римской церкви. Однако эта христианизация оказалась поверхностной. Несмотря на значительное количество сооруженных храмов, в культуре сохранялись языческие обычаи (прежде всего многоженство), а захоронения и предметы несут явные черты двоеверия.

Сложности отношений Моравии с франками сказались как на внутридинастической борьбе Моймировцев, так и на их церковной политике. Князь Ростислав (846–870) правил после переворота как ставленник Людовика Немецкого, но затем начал проводить независимую политику. По требованию

Князь на соколиной охоте. Великая Моравия, IX в.

франков Святополк (870–894), племянник Ростислава, сидевший в Нитре (ставшей частью Великой Моравии в 833 г.), выдал им его, стал править сам, но в 871 г. был пленен франками, объявившими Моравию частью Восточной марки. Вспыхнуло восстание моравян, против которых Карломан отправил войско во главе с освобожденным им Святополком. Однако тот объединил свои силы с восставшими и вернул себе самостоятельность, успешно отражая франкские вторжения. Но в 874 г. он был вынужден присягнуть франкскому королю на верность и выплатить дань. Урегулирование, хотя и временное, отношений с франками позволило Святополку проводить активную политику по расширению пределов Великоморавской державы.

Власть верховного князя осуществлялась прежде всего при помощи дружины, верхушка которой составляла элиту общества. Военная моравская знать (вельможи) постепенно начинает обосновываться в своих имениях (усадебках), что демонстрирует сходство эволюции моравского общества с западноевропейским. Единовластие верховного князя обеспечивалось также созданием так называемой градской системы. По всей территории возникают крепости (грады), часто на месте старых городищ, которые одновременно выполняют функции военных, административных, церковных и хозяйственных центров отдельных регионов. Вокруг таких градов возникают подградья, населенные ремесленниками, обслуживающими различные запросы жителей градов; развивается ремесло. Особого расцвета достигает искусство златокузнецов. Их шедевры, в огромном количестве найденные в градах по всей территории государства, говорят о высоком уровне жизни знати и несут на себе следы языческих оберегов в сочетании с христианской символикой. Свободное крестьянство составляли

земледельцы, обеспечивавшие продовольственные запасы в градах. Государственный аппарат собирал с них также дань. Крупнейшими великоморавскими центрами были хорошо археологически изученные Микульчицы, Бржецлав-Поганско, Старе Место, Грады и Сады в современном Угерском Градиште, Девин, Стара Коуржим и ненайденная столица Велеград.

Государственному значению Моравии должен был соответствовать высокий церковный статус. Ростислав хотел создать собственно моравскую церковь, независимую от немецких епископов. Римский папа не мог на это согласиться, поэтому князь обратился к Византии. Вскоре оттуда прибыли Константин Философ и его брат Мефодий, знавшие славянский язык, распространенный в их родном городе Солуни. Их миссия в Моравию вышла далеко за рамки IX в., став исторической вехой во всей славянской культуре. Еще до прибытия в Моравию Константин изобрел азбуку (глаголицу), сакрализованная графика которой великолепно отражала славянскую речь. Созданный солунскими братьями литературный язык (церковнославянский) стал основой книжно-культурной общности христианизированных славян. Затем глаголица утратила свои позиции, поскольку ее заменила кириллица – названная в честь Константина (в монашестве Кирилла) более простая, восходящая к греческой азбука, введенная учениками братьев в Болгарии и позже распространившаяся среди православных народов на Балканах и на Руси.

Значение деятельности солунских братьев не исчерпывается филологическими аспектами и не сводится к ним. Они укрепили и углубили христианство в Моравии, Мефодий крестил князей чехов и вислян. Миссия в целом стремилась к консолидации христианского мира, на это было направлено перенесение мощей св. папы Климента с Черного моря в Рим. Одновременно солунские братья хотели максимально учесть интересы христианизированных славян, поэтому Константин отстаивал тезис о правомочности переводов Библии и богослужебных текстов на славянский язык, а Мефодий внедрял литургию, сочетавшую римские, византийские и славянские элементы. Таким образом, Моравия на время стала зоной пересечения и контактов западной, восточнохристианской и славянской культур.

Прибытие миссии в Моравию в 863 г. было обставлено торжественно. За короткий срок братья создали переводы основных церковных книг и обучили немало детей местной знати. Затем Константин и Мефодий через Паннонию отправились в Венецию, а зимой 867–868 гг. прибыли в Рим, где были торжественно приняты, так как везли с собой мощи св. папы Климента, ранее обретенные Константином в Херсонесе. Папа одобрил славянское богослужение. В Риме Константин принял монашество в греческом монастыре под именем Кирилл и вскоре, в 869 г., умер. Его почитание как святого положило начало святокирилломефодиевской традиции. Мефодий же был поставлен в сан архиепископа города Сирмий; в его диоцез вошли Паннония и Великая Моравия. Несмотря на то что канонически это не нарушало прав церковных иерархов Восточно-Франкского королевства, Мефодий по пути назад был втайне от папы римского пленен немецким духовенством, лишен сана и заточен в монастырь, и лишь решительное вмешательство Рима освободило его. В 880 г. Святой престол вновь одобрил славянскую письменность и богослужение, но одновременно назначил в Нитру, сохранявшую значение второго политического центра Моравии, епископа из немцев – Вихинга, что вызвало

новый приток в Моравию немецких миссионеров, недовольных богослужением на славянском языке. Конфликты между священниками латинской и славянской образованности продолжались. К тому же Мефодий, пользовавшийся громадным авторитетом, внедрял в общество строгие нормы христианской морали, тогда как Вихинг предпочитал денежные штрафы за их нарушение. Своим преемником Мефодий хотел видеть мораванина Горазда, а не Вихинга. В 885 г. Мефодий умер и был торжественно погребен. Вихинг сразу же насильно произвел перемены в церкви, обвинил славянских священников в ереси, заключил в тюрьму, а затем изгнал из страны; позже они нашли убежище в основном в Болгарии и Хорватии. Хотя позиция Рима выглядела мягче (папа не узрел во взглядах славянских священников ереси), вскоре последовал и папский запрет славянского богослужения. Моравская церковная организация, поддерживавшая государственную власть и зависевшая теперь не напрямую от Рима, а от немецких епископов, пришла в упадок. Большие перемены произошли и в культурной жизни страны.

Сама Великоморавская держава ослабела вследствие внутрдинастических конфликтов, от нее отпала часть земель, но она сохраняла жизнеспособность. Однако возникла новая опасность – в конце IX в. появились в Карпатской котловине племена кочевых венгров (самоназвание – мадьяры). Сначала они поселились на слабозаселенных восточных землях Моравского княжества, возможно, заключив с ним договор. Но затем венгры оказались зажаты между франками с запада и болгарами и печенегами с юга и востока; не имея возможности ни продвигаться на запад, ни отходить на восток, откуда они пришли, венгры в поисках условий для привычного им образа жизни начали завоевание Паннонии и войну с Великой Моравией, которая в ней и погибла (906 г.).

Из-за вторжения венгров судьбы земель, входивших в Великую Моравию, пошли разными путями. Чехия превратилась в сильное княжество, Моравия несколько позднее вошла в него как самостоятельная политическая единица (удел правящей династии, затем маркграфство), земли к западу и северо-западу стали составной частью Венгерского королевства, и на них шел процесс образования словацкого этноса на базе автохтонного славянского населения.

Культурно-политическое наследие Великой Моравии и деятельность Кирилла и Мефодия стали еще в Средние века рассматриваться как важная часть чешской (а с начала XIX в. также словацкой) традиции. Ею обусловлен особый культ Кирилла и Мефодия в Южной Моравии в XVIII – первой половине XX в. и политический «чехословакизм» XIX–XX вв., считавший чехов и словаков двумя ветвями единого великоморавского древа. Создание Кириллом и Мефодием славянской письменности, их деятельность как религиозных просветителей и переводчиков Библии имели огромное значение для всей славянской культуры.

ПЕРВОЕ БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО

VI–VII вв. были временем активной колонизации славянами Балканского полуострова. Походы славян на балканские земли Византии приобрели систематический характер уже с начала правления Юстиниана I (527–565), а после набега 550 г. отряды славян впервые остались зимовать в пределах империи. После этого славяне стали переселяться на Балканы в массовом

порядке, вытесняя местное население. Здесь стали возникать славянские политические образования, именуемые в византийских источниках *склавинии*, и уже к середине VII в. славянское население на Балканах получило преобладание. Часть склавиний контролировалась византийскими властями, но некоторые долго сохраняли относительную самостоятельность в рамках империи. Первоначально язычники, многие переселившиеся на Балканы славяне в VI–VII вв. приняли христианство.

В конце VII в. на территории между Дунаем и Балканским хребтом возникло Первое Болгарское царство. Датой его основания условно считается 681 г., когда болгарский хан Аспарух разгромил войска византийского императора Константина IV близ устья Дуная и заключил с Византией выгодный договор. Сложившееся в результате тесного взаимодействия двух этносов – пришедших из низовий Волги и Дона тюркских кочевников-болгар (булгар; иногда историки называют их протоболгарами) и славян, к тому времени заселивших эту территорию, – оно просуществовало до 1018 г.

Первое Болгарское царство на этой стадии развития (примерно 681–852 гг.) представляло собой государство с тюркскими названием и правящей династией, но с преимущественно славянским населением. Язычники-болгары составили социальную элиту; соответственно, социальные различия во многом совпадали с этническими и религиозными. Позже синтез тюркских (протоболгарских) и славянских племен привел к формированию южнославянской этнической общности – болгарской народности.

Во главе государства стояли ханы. По древним болгарским обычаям, власть должна было переходить от отца к старшему сыну. Несмотря на то что такой порядок в жизни нередко нарушался, власть не уходила за пределы болгарской элиты. Хан располагал личной дружиной, которую содержал самостоятельно. Особенно почитались те, кто проявил силу и храбрость на войне – багатуры. Болгарская элита перенимала многое из жизни господствующих классов Византии и Франкской державы; так, члены ханской дружины даже именовались на византийский манер «кандидатами». Примерно с середины IX в. постепенная славянизация болгарской элиты нашла отражение в новом титуле правителя – «князь».

Укрепление государства в первой половине IX в. выразилось в административных реформах (разделение подвластной территории на удобные для управления области), введении законов, превращении военной резиденции ханов Плиски в столицу.

В 864 г. князь Борис (852–889) принял христианство из Византии, на следующий год началось крещение его подданных. Поскольку во главе подавленной языческой реакции стояла тюркская элита, одним из следствий принятия христианства стало ускорение процесса славянизации. Однако, столкнувшись с нежеланием византийского духовенства учредить в Болгарии независимую (автокефальную) церковь во главе с архиепископом, в 867 г. Борис нашел в этом вопросе поддержку у папы римского. Но разойдясь с папой в вопросе о том, кто именно будет архиепископом, Борис в 869–870 гг. вновь сближается с Византией и на сей раз достигает желаемого. Стремясь утвердить автокефальность болгарской церкви, Борис способствовал распространению славянского языка в богослужении и охотно принял у

себя изгнанных из Великой Моравии учеников Кирилла и Мефодия, что имело важнейшие последствия для истории славянской письменности.

Сын Бориса Симеон (893–927) в детстве и юности около 10 лет провел в Константинополе в качестве заложника, где воспринял византийскую культуру и традиции во всей их полноте. Благодаря этому в Симеоне тесно переплелись два мира, византийский и славянский. Он сплотил вокруг себя кружок книжников, принимая участие в его работе. Литературный корпус переводов и оригинальных произведений, созданный в Болгарии на рубеже IX–X вв., был, безусловно, продуман царственным «боголюбом». На это время приходится деятельность таких знаменитых болгарских книжников, как Климент Охридский, Иоанн Экзарх, Пресвитер Григорий. Покровительству культуре, Симеон заслужил прозвище «Нового Птолемея».

Благодаря постоянным войнам Симеон добился безусловного доминирования Болгарии на Балканском п-ове. Сербь, хорваты, венгры и печенеги – все оказались втянуты в болгаро-византийское противостояние. Будучи хорошо знаком с византийской практикой передачи императорского титула, когда на престоле мог оказаться человек любого происхождения, Симеон даже провозгласил себя императором ромеев и болгар. Но на пике славы, в 927 г., он умер, так и не достигнув главной цели – фактически занять константинопольский престол.

В том же году его сын Петр (927–970) подписал мирный договор с Византией, скрепленный брачным союзом Петра и внучки византийского императора Марии. За Петром был признан титул царя болгар, а за главой болгарской церкви – сан патриарха, но Болгария утрачивала завоеванные Симеоном земли во Фракии. Разоренная постоянными войнами страна отказалась от дальнейшего противостояния Византии.

Ослабление единства и мощи государства к середине X в. стало очевидным. В 972 г., после вторжения на Балканы русского князя Святослава и русско-византийской войны, восточные районы Болгарии были завоеваны Византией. Ромеи захватили болгарскую казну и даже царский венец, который был отправлен в Константинополь и украсил храм Св. Софии.

В западных районах Болгарии во второй половине X в. объединительные процессы возглавил сын комита (руководителя области) Самуил (997–1014). Он вел удачные войны с Византией, сербскими и хорватскими князьями. Под его покровительством началось строительство церквей и монастырей на островах Преспанских озер. Но с начала XI в. натиск Византийской империи усилился. В 1014 г. Василий II Болгаробойца одержал решительную победу при горах Беласицы, после которой ослепил взятое в плен болгарское войско. Через четыре года последние очаги сопротивления были уничтожены, и в 1018 г. Первое Болгарское царство перестало существовать.

Ко времени правления Петра относятся первые сведения о таком важном феномене болгарской истории, как богомилство. Это религиозно-социальное еретическое движение получило свое название по имени или прозвищу первого ересиарха – попа Богомила (возможно, калька с греч. имени Феофил). Центром его зарождения стали юго-западные области Болгарии и Македония. Взгляды богомилов реконструируются в основном на основе полемических трактатов против них, первым и наиболее важным из которых было сочинение болгарского книжника второй половины X в. Козьмы Пресвитера. Основу учения составлял дуализм, предполагающий сосуществование двух

вечных начал (добра и зла) и их борьбу. Несмотря на несомненное сходство с такими дуалистическими ересями, как манихейство, мессалианство и павликианство, богомилство было самобытным и имеющим собственные корни религиозным движением.

Богомилы отрицали Ветхий Завет, а Книгу Бытия им заменили ветхозаветные апокрифы. Согласно им, Бог породил себе сына Сатанаила, наделив его силой творения. Сатанаил создал материальный мир, телесную оболочку людей и установил на земле царство зла. Победив в борьбе с Христом, посланным восстановить добро, злой двойник Бога все же утратил божественную часть своего имени «ил». Лишь правочерные христиане (богомилы) способны противостоять его козням. Только они обретут блаженство, когда добро снова сойдет на землю и победит Сатану.

Отвергая Ветхий Завет, как данный Сатаной, богомилы не признавали православные обряды и таинства, не соблюдали православных праздников, не поклонялись иконам и кресту. У них не было священников, и богослужение они совершали в своих домах или на открытых площадках. Богомилы объединялись в общины со своеобразной иерархией. Во главе общины стоял старец-дед с двенадцатью апостолами-проповедниками. Сохранились имена апостолов попа Богомила, Михаила, Феодора, Стефана и Петра. Носители Святого Духа, способные разрушить козни дьявола и после смерти попадающие в Царство Божие, назывались «совершенными». Именно о них писал Козьма Пресвитер: «внешним обликом еретики кротки и смиренны, как овцы, молчаливы и бледны, не смеются громко, даже не улыбаются, хоронятся взглядов людских», «будто живут на небесах». Совершенные были учителями и проповедниками среди «простых верующих», преобладавших численно. Верующие участвовали в религиозно-обрядовой жизни братства, обязаны были соблюдать определенные моральные правила. Их труд служил основой жизни братств. Огромную роль в общине играли совместные трапезы.

Богомилы отрицали всякое взаимодействие со светской властью как с происходящей от Сатаны, хотя в разное время и в разных регионах отношения общин с властями строились по-разному. Богомилы учили «не повиноваться господам, хулили богатых, царя ненавидели, ругали старейшин, укоряли бояр, считали богопротивными слуг царских и всякому рабу не велели работать на своего господина» (Козьма Пресвитер).

Богомилство получило широкое распространение, общины богомилов позднее известны в Сербии и особенно в Боснии, взгляды богомилов сказались серьезное влияние на формирование учения катаров в Северной Италии и Южной Франции.

ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕРБОВ И ХОРВАТОВ

В ходе славянской колонизации Балканского п-ова в его западной части появились сербы и хорваты. Согласно сочинению византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), это произошло в правление императора Ираклия (610–641).

Сербские племена заняли внутреннюю область полуострова, которая и получила название Сербия (в XI–XII вв. она именовалась также Рашкой). На Адриатическом побережье сербы расселились между р. Бояной на юге и

г. Сплит на севере. На прибрежной полосе образовалось несколько «племенных княжений»: Пагания (земля неретвлян), Захлумие, Травуния и Диоклея (Дукля, с XI в. – Зета). Во главе отдельных племен стояли представители племенной верхушки – *жупаны*; можно предполагать, что их власть постепенно трансформировалась в наследственную. Поэтому историю сербов до IX в. принято именовать «жупанским периодом».

На развитие средневековой сербской государственности значительное влияние оказал географический фактор. Заселенная сербами часть Балканского п-ова была изрезана горными хребтами. Земледельческим племенам приходилось с трудом расчищать пригодные для пашни участки. Естественные природные преграды, отделявшие сербские племена друг от друга, усиливали их обособленность. Отдельные «племенные княжения» в разные периоды и с различной динамикой проявляли тенденцию к превращению в центры государственного объединения.

Во второй четверти X в. попытку объединить сербские княжества принял жупан Рашки Чеслав Клонимирович, бежавший из Болгарии, где он воспитывался при дворе Симеона, после смерти своего покровителя. Он распространил свою власть на значительную часть Сербии и принял титул великого жупана. Но после его смерти княжество быстро развалилось.

Хорватские племена, придя на Балканский п-ов, обосновались на землях Далмации (прилегающей к Адриатическому побережью) и во внутренних районах Посавской Хорватии (Славонии). Географическая среда наложила отпечаток на хозяйственное и политическое развитие родственных племен, способствуя их обособлению.

Первый этап хорватской истории, согласно Константину Багрянородному, связан с заселением территорий, подвластных Аварскому каганату, в 20–30-е годы VII в. Часть хорватов, во главе которых стояли пятеро братьев (в том числе Хорват), сумели организовать отпор каганату, объединив пришедшее ранее славянское население.

Второй этап характеризуется тесными контактами с франками, первые сведения о которых датируются концом VIII в. По договору 812 г. Византия, которой формально принадлежала Далмация, признала права Каролингов на земли, заселенные хорватами. Зависимость хорватских князей от франкского императора проявлялась в том, что для передачи княжеского престола наследнику требовалась императорская санкция. Очевидно, степень зависимости от франков в Далматинской и Посавской Хорватиях была различна. «Анналы королевства франков» (велись при франкском дворе с 741 по 829 г.) под 819 г. помещают сообщение о выступлении против франков жупана Посавской Хорватии Людевита, причем при подавлении восстания на сторону франков встал князь далматинских хорватов Борна.

Третий период в раннесредневековой истории хорватов связан с правлением князя Томислава (ок. 910–928), принадлежавшего к далматинской династии Трпимировичей. Он распространил свою власть и на Далматинскую, и на Посавскую Хорватию. Томиславу удалось добиться признания независимости своего государства и получить королевский титул. Перед хорватским войском не смогли устоять даже опытные военачальники Симеона, потерпевшие сокрушительное поражение в 925 г. При наследниках Томислава роль правителя ослабла, укрепилась позиция банов, вероятно, назначавшихся королем для управления крупными областями.

АНГЛОСАКСОНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ БРИТАНИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАННИХ ГОСУДАРСТВ

История Англии раннего Средневековья открывается германским завоеванием населенного кельтами острова. По преданию, начавшиеся после ухода с острова римских легионов (в начале V в.) междоусобицы и нападения пиктов заставили кельтского вождя Вортигерна обратиться за помощью к германцам – братьям-вождям Хенгисту и Хорее, которые привели с собой войско, спустя некоторое время убили Вортигерна и стали основателями англосаксонских правящих династий. В действительности переселение германских племен англов и ютов с Ютландского п-ова и саксов из Гольштейна было длительным и постепенным. На протяжении V–VI вв. кельты были вытеснены на запад, в Уэльс и Корнуолл (их недолговечные успехи в борьбе с пришельцами отразились в легендах о короле Артуре), а на основной территории Англии сформировалось несколько германских «королевств». Эти образования были неустойчивы и зависели от успехов их «королей», но к VII в. первенство оспаривали уже только семь «государств», среди которых выделялись Уэссекс и Кент на юге, Мерсия и Восточная Англия к северу от Темзы и Нортумбрия на севере.

Легенды о короле Артуре

Рассказы об Артуре, вожде бриттов, содержатся в «Истории бриттов» (ок. 800 г.). О нем упоминается в хрониках Гальфрида Монмутского, Уильяма Мамсберийского и в других источниках. Наиболее подробно легенды об Артуре описал английский писатель XV в. сэр Томас Мэлори. Согласно традиции, Артур был сыном короля Утера Пендрагона и воспитан волшебником Мерлином. Став королем, он сделал своей столицей Камелот и пригласил к себе на службу знатнейших рыцарей. Чтобы они не спорили друг с другом из-за знатности, Мерлин подарил Артуру Круглый стол. Жизнь Артура и подвиги его рыцарей служили темой многих произведений средневековой куртуазной литературы (Кретъен де Труа, Вольфрам фон Эшенбах). Среди рыцарей Круглого стола источники называют Гавейна, Ланселота Озерного, Кея, Парсифаля и Галахада. Наиболее известен сюжет о поисках кубка Св. Грааля – таинственной чаши, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран Христа. Артур был смертельно ранен в бою и отвезен на остров Авалон, где, согласно легенде, дремлет, но проснется в нужный час, чтобы спасти Британию.

На пороге завоевания англы, юты и саксы переживали последнюю стадию родоплеменного строя. Имущественное расслоение сопровождалось обособлением родовой знати, сосредоточением власти в руках военных вождей, формированием слоя профессиональных воинов. Основную массу населения составляли свободные общинники.

Завоевание Англии ускорило общественное развитие переселенцев. В первую очередь оказались подорванными родоплеменные связи. Древнейшие судебники (VII в.), а также археологические материалы свидетельствуют, что основной хозяйственной ячейкой становится малая семья. Однако вековые установления изживались медленно, и элементы родовой организации продолжали существовать длительное время. Кровные родичи сохраняли право на получение вергельда за убийство сородича, а в некоторых случаях должны были выплачивать вергельд семье убитого; ближайшие родичи участвовали в наследовании имущества. Продолжала существовать кровная месть: несмотря на попытки заменить ее системой штрафов, законы даже IX в. вынуждены признавать ее. Королевская власть поддерживала юридическую ответственность рода, повышая роль родовой организации в обеспечении общего мира и социального порядка. Поэтому реликты родового строя дожили вплоть до Нормандского завоевания 1066 г.

Установление форм земельной собственности было определено ходом завоевания страны. Хотя переселение осуществлялось кровнородственными коллективами, в процессе чересполосного расселения разных племен и родов формировались сельские общины, состоявшие к началу VII в. из малых семей. Община сохраняла право собственности на совместно занятую землю – *фольклэнд* («народная земля»), включавший как пахотные земли, так и угодья, пастбища и леса. В VII в. появляются личные, хотя и неотчуждаемые, участки на общинной земле, а в IX в. возникает индивидуальная собственность общинника на земельный надел. В коллективной собственности общины, которая постепенно становится соседской, остаются лишь угодья.

Более интенсивно становление частной собственности на землю происходило на королевских землях. После переселения устанавливается верховная власть вождя на захваченную территорию: часть земли образует королевское владение, домен, на общинных землях король чинит суд, собирает подати. Уже в первые десятилетия VII в. распространяется практика пожалования королем земли в управление (кормление) – *бокленд* (от *bōc*, «грамота»). Получатель бокленда, глафорд, приобретал право на сбор податей, на осуществление суда и взимание судебных штрафов. Условия предоставления бокленда и объем прав его владельца отличались разнообразием: бокленд мог даваться навечно, с правом продажи или передачи земли по наследству, или пожизненно и лишь при условии несения военной службы; иногда бокленд освобождался от ряда или от всех повинностей, т.е. его владелец обретал иммунитетные права. Как правило, такие пожалования получали представители светской знати, а по мере распространения христианства – церкви и монастыри.

За два столетия после переселения существенно изменяется и усложняется социальная структура англосаксонского общества. Древнеанглийские судебники VII в. отражают развитую стратификацию общества с иерархической градацией социальных статусов внутри трех основных категорий населения: несвободных, свободных общинников и знати.

Слой несвободных включал несколько категорий: рабы, зависимые и полузависимые. По мере становления феодальной собственности на землю и усиления эксплуатации свободных общинников, часть из них разорялась, и обезземеленные крестьяне стали основным источником несвободных.

Однако процесс этот происходил медленно, и даже в 1085–1086 гг., когда состоялась перепись населения («Книга Страшного суда»), до 15% крестьян в Англии сохраняли землю и личную свободу. Одновременно утрачивало значение существовавшее в патриархальных формах рабство. Хотя термин «раб» продолжает употребляться и в XI в., уже с VII в. «рабы» имеют надел земли, выплачивая оброк и неся другие повинности (барщину). К XI в. этот термин в основном обозначает лично зависимых земельных держателей, среди которых много вольноотпущенников.

Социальное расслоение охватило и среду свободных общинников (кэрлов), отрыв которых от знати углубляется, о чем свидетельствуют размеры штрафов за убийство. В VII–VIII вв. кэрлы имели пахотные наделы земли в личном пользовании и обладали всеми правами и обязанностями свободного человека: посещали народные собрания, несли воинскую повинность, получили компенсацию за вторжение в дом или усадьбу, могли иметь рабов, платили подати королю или собственнику земли, а также церковную десятину, выступали в суде в качестве истцов и свидетелей, вели торговлю. Однако усиление эксплуатации вело к ущемлению личной свободы кэрлов, их прикреплению к земле и сокращению их прав.

Верхушку общества наряду с королем и членами королевского рода составляли эрлы, а также служилая аристократия – гезиты и тэны. В VII–VIII вв. дифференциация в среде знати была менее выражена, чем ее отличие от простых свободных, однако слой знати был проницаем: кэрл, владевший пятью гайдами земли, мог получить статус тэна. Королевская служба также давала ряд привилегий, повышая статус свободного человека. Нередки и пожалования королем более высокого статуса своим приближенным.

Военный характер завоевания обусловил резкое усиление власти военного вождя. Однако королевская власть долгое время рассматривалась как прерогатива рода в целом, любой член которого мог претендовать на трон. Лишь в X в. постепенно закрепляется право на трон старшего сына. Одновременно упрочивается и положение самого короля. Если еще в VIII в. король мог быть изгнан или убит, то к концу IX в. он занимает в социальной иерархии место, несопоставимое с положением любого другого представителя светской знати: королю (как и архиепископу) не требуются свидетели или принесение присяги в суде, а преступник, злоумышляющий против короля, карается не штрафом, а смертной казнью – личность короля становится неприкосновенной. С середины VIII в. королевская власть освящается также и авторитетом церкви – вводится процедура помазания на царство.

На протяжении нескольких столетий после завоевания Британии реализация центральной власти сосредотачивалась в руках короля и его дружины. Основные принципы будущей системы управления проявляются лишь в IX–X вв. Создается сеть административно-фискальных округов – *шайров* (разделенных на сотни, впоследствии графств), управление которыми осуществляют королевские чиновники – элдормены, представители наиболее знатных родов. В их обязанности первоначально входит сбор налогов и судебных пошлин в пользу короля, руководство окружным ополчением во время военных действий, отправдение судопроизводства, позднее административные и судебные функции передаются шерифам. Чиновники-*геревы* управляют королевскими имениями, собирают подати в пользу короля и представляют

интересы короны. Основным органом местного управления на протяжении всего англосаксонского периода остается совет шайра, возглавляемый вначале элдорменами, а позднее *шайргерефами* (шерифами). Высшим органом государственного управления являлся *уитенагемот*, совет знати при короле. В его состав входили члены королевской семьи, епископы, элдормены и королевские тэны. Вплоть до конца англосаксонского периода уитенагемот совмещал административные, судебные, законодательные и внешнеполитические функции. Члены уитенагемота утверждали (или избирали) короля, участвовали в составлении законов, свидетельствовали особо крупные земельные пожалования, принимали решения о войне и мире.

Представители знати обычно жили в усадьбах с рядом жилых и хозяйственных построек, которые обносились земляным валом с деревянным чостоколом наверху. Подобные бургы строили на своих землях и короли. Наряду с бургами, укрепленными усадьбами знати и короля, а нередко и вокруг них образуются поселения городского типа, где в первую очередь оседали ремесленники и где велась торговля. Города римского времени пришли в упадок после англосаксонского завоевания и за исключением нескольких наиболее крупных и удобно расположенных на торговых путях, типа Лондона и Йорка, оказались заброшены. Но уже в VIII–IX вв. начинается возрождение старых и строительство новых городских центров. Прежде всего возникают эмпории на юго-восточном побережье: Ипсвич, Хамвик и Лондон, Йорк, Вестминстер и Дорчестер, Кентербери и Сэндвич становятся центрами ремесла, международной, а с X в. и внутренней торговли. В них сосредотачиваются органы управления, они являются центрами епархий и резиденциями светских и церковных властей, в них формируется городская культура, отличная от сельской. В первой половине XI в. возникает городское право, окончательно отделившее город от деревни и усилившее значение города как опоры королевской власти.

БОРЬБА С ВИКИНГАМИ И ОБЪЕДИНЕНИЕ АНГЛИИ

Тенденции к объединению отдельных королевств и формированию единого древнеанглийского государства начинают проявляться уже в VII в., когда на юге доминирующее положение оспаривают Уэссекс и Кент, а на севере на протяжении трех поколений удерживает приоритет Нортумбрия. В конце столетия господствующее место захватывает Мерсия: короли Этельбалд и Оффа распространяют свою власть на всю территорию южнее Хамбера. Лишь в начале IX в. к верховной власти приходят короли Уэссекса, господство которых на протяжении более двух столетий объясняется как высоким социально-экономическим развитием Южной Англии, так и политической ситуацией, сложившейся в стране в это время, а частично и личностью выдающегося государственного деятеля – короля Альфреда Великого.

IX столетие во многих отношениях было переломным и знаменовало начало нового этапа в развитии англосаксонского общества. Изменения в характере землевладения, в положении свободных общинников, резкое усиление королевской власти и укрепление аппарата управления вели к созданию единого государства. Немало способствовала этому и внешняя опасность, которая в

IX в. потребовала от Англии напряжения всех сил. Эта опасность исходила от бывших соседей и родичей англов и ютов – данов, а позднее – от норвежцев.

793-й год открыл новую эпоху в жизни западноевропейских стран – эпоху набегов викингов. В этом году даны разорили монастырь св. Кутберта на о-ве Линдисфарн, на следующий год пострадал монастырь в Ярроу, а в 795 г. – побережья сразу Южной и Западной Англии и Ирландии. До 30-х годов IX в. даны с востока и юга, а норвежцы с севера и запада совершают набеги, грабя поселения и монастыри на побережье и в устьях крупных рек. Норвежцы оседают на Оркнейских о-вах и на севере Шотландии, нападают на Ирландию, о-в Мэн, северное и западное побережья Англии. С 835 по 865 г. отряды датских викингов на десятках кораблей ежегодно осаждают южное и восточное побережья Англии, разорению подвергается п-ов Корнуолл, города Эксетер, Портсмут, Винчестер, Кентербери, наконец Лондон. Ведущие непрерывные междоусобицы английские государства оказались бессильными перед лицом хорошо вооруженного, обученного и организованного врага. В 30–50-е годы усиливается натиск норвежцев на Ирландию. В 832 г. некий Тургейс высадился на севере «Зеленого острова» и, воспользовавшись междоусобицей местных правителей, захватил Ольстер с его главным городом и религиозным центром Армахом, после чего победно прошел чуть ли не по всей стране, став ее верховным правителем.

В середине IX в. даны и норвежцы перешли от разовых набегов к захвату и колонизации обширных территорий в Ирландии и на юго-востоке Англии, которые привели к существенным изменениям политической карты страны. В 853 г. ирландцы признают власть норвежца Олава (Белого, сына норвежского конунга). Норвежское «королевство» с центром в Дублине просуществовало более двух столетий и послужило исходным пунктом для норвежской колонизации Западной Англии.

В 851 г. викинги впервые остаются на зимовку на о. Шиппей. Осенью 865 г. в Восточной Англии высадилось «великое войско» датчан под предводительством сыновей легендарного викинга Рагнара Кожаные Штаны, якобы для того, чтобы отомстить за смерть отца, убитого по приказу нортумбрийского короля Эллы в змеином рву. 1 ноября 866 г. часть датского войска вошла в Йорк: юго-восточная часть Нортумбрии попала под власть данов, где началось их интенсивное оседание на землю, а северо-западная – под власть норвежцев из Ирландии. На протяжении девяти лет другая часть данов сражалась в Мерсии, нападала на Уэссекс, захватила в 871 г. Лондон.

В 871 г. к власти в Уэссексе пришел король Альфред, впоследствии прозванный Великим. Имея уже большой опыт борьбы с викингами, Альфред создал боеспособный флот, который смог успешно отражать морские набеги, и восстановил старые и основал новые крепости-бурги, способные сдерживать нападения небольших отрядов противника до подхода основного войска. Неудачи на море и тяжелое поражение в битве, которую Альфред навязал им в 878 г., вынудили датчан покинуть Уэссекс. Их предводитель Гутрум был крещен и заключил с Альфредом мирный договор, после чего и эта часть «большого войска» расселилась в Восточной Англии. Таким образом, к 879 г. обширная часть земель на востоке острова от р. Тис на севере до Темзы на юге оказалась заселенной данами и стала называться «Денло» («Областью датского права»).

Серебряный пенни короля Альфреда 886 г. Музей Кориниум, Англия; Золотая монета короля Оффы. VIII в. Британский музей, Англия

Однако один Уэссекс не мог сдерживать натиск датчан. Поэтому в 886 г. Альфред занял Лондон и, используя матримониальные связи с королевскими династиями Восточной Англии и Мерсии, стал верховным правителем всей Англии, не занятой датчанами. Так в ходе сопротивления внешним нападениям сформировалось единое английское государство.

По социально-политическому развитию скандинавы, расселившиеся в Англии, значительно отставали от англосаксов. Однако расселяясь среди местного населения, скандинавы довольно быстро усвоили более прогрессивные формы социально-экономического уклада, придав им некоторое своеобразие. Большое значение имела и христианизация язычников-датчан, постепенно стиравшая грани в духовной культуре местного и пришлого населения. Процессы этнокультурного синтеза усугублялись в X в. активными

действиями преемников Альфреда, перешедших от обороны к наступлению. Сын Альфреда Эдуард подчинил своей власти Денло, а в 955 г. был изгнан последний скандинавский правитель Йорка – Эйрик Кровавая Секира, и вся Англия, включая Нортумбрию, оказалась объединена в руках уэссекской династии, которая удерживала власть до начала XI в.

В правление Этельреда Нерешительного (978–1016) снова усиливается экспансия скандинавов. Войско датского короля Свейна Вилобородого грабит земли на востоке Англии, не встречая особого сопротивления. Английское государство выплачивало колоссальные контрибуции, откупаясь от нападений. Сообщается о выплате датчанам 24 тыс. фунтов серебра в 1002 г., 36 тыс. фунтов серебра в 1007 г. В 1013 г. Свейн высадился в Сэндвиче, затем проник в Хамбер и вверх по р. Уз дошел до Гейнсборо, где его провозгласили королем Нортумбрии. Оттуда он направился в Мерсию и Уэссекс, после ожесточенного сопротивления захватил Лондон и стал королем всей Англии. Этельред бежал в Нормандию. После смерти Свейна в 1014 г. и Этельреда в 1016 г. на английском престоле укрепился сын Свейна Кнут, женившийся на вдове Этельреда Эмме. Вплоть до его смерти в 1036 г. внутреннее и внешнее положение Англии стабилизируется. Однако его сыну Хардакнуту не удалось удержать власть, и с 1042 г. после нескольких лет междоусобной борьбы английское государство вернулось к представителю старой англосаксонской династии Эдуарду Исповеднику, сыну Этельреда Нерешительного и Эммы.

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА АНГЛОСАКСОВ

Немаловажную роль в социально-экономическом и особенно культурном развитии англосаксонского общества сыграла церковь. В 597 г. папа Григорий I направил в Британию первую миссию для проповеди христианства. К этому времени христианство уже было знакомо населению Британских островов. Многие группы кельтов были христианизированы еще в III–IV вв. задолго до переселения германцев, но в ходе завоевания церковь утратила былые позиции. Значительная часть кельтов-христиан эмигрировала на континент, часть была ассимилирована германцами. Однако на западе страны и в Ирландии сохранились немногочисленные монастыри, где поддерживались традиции кельтского варианта христианства. В Ирландии жило немало отшельников, один из которых, св. Колумбан (521–597), совершил попытку привести англосаксов в лоно церкви и основал знаменитый впоследствии монастырь в Иона. Успеха его миссия, как и миссия, посланная Григорием I, не имела. Тем не менее к началу VII в. почва для принятия новой религии оказалась подготовлена как внутренним развитием общества, так и постоянными контактами с христианским миром.

На протяжении VI в. положение христианской церкви в Англии было неустойчивым. Принимая новую веру, правители во многом руководствовались политическими соображениями и нередко возвращались в язычество. Лишь в середине VII в. кентские короли получили возможность уничтожать языческие капища, но прошло еще 50 лет, прежде чем король Кента Уитред установил штраф за идолопоклонство. Еще позже христианство проникает на север и северо-запад. Христианизация Мерсии начинается лишь с 685 г. Однако политические выгоды христианства, его способность поддержать коро-

левскую власть были оценены знатью южных, наиболее развитых областей Англии, и в 664 г. собор в Витби признает его официальной религией.

Под влиянием ирландской церкви в Англии VII–IX вв. бурно растет число монастырей. Их основателями выступали как проповедники христианства, так и представители местной знати, щедро предоставлявшие землю и средства для постройки церквей и монастырских зданий, для украшения церквей и приобретения богослужебных предметов и книг. В VIII в. создается система диоцезов; резиденцией главы английской церкви становится Кентерберри. Могущественная и богатая, поддерживаемая Римом, англосаксонская церковь играла существенную роль в укреплении государства и королевской власти, освящая ее своим авторитетом. Церковные деятели активно включались в решения внутри- и внешнеполитических вопросов, участвовали в составлении судебных книг, являлись членами королевских советов. Как единый организм, не связанный с отдельными ранними государственными образованиями, англосаксонская церковь способствовала их консолидации.

Церковь принесла англосаксам новую общеевропейскую культуру, однако дохристианские традиции сохранялись длительное время, что привело к культурному синтезу, не имеющему аналогий в средневековой Европе и наиболее ярко проявившемуся в письме и литературе.

Англы, саксы и юты перенесли на остров общегерманское культурное наследие, руническое письмо и героический эпос. Старший рунический алфавит, состоявший из 24 рун, был модифицирован для передачи специфических звуков древнеанглийского языка и пополнился рядом новых знаков. Однако распространение латинского письма довольно быстро (к X в.) вытеснило рунику. Иной была судьба эпического наследия. Общегерманские и скандинавские, и собственно английские сюжеты перелагались в поэмах, написанных аллитерационным стихом на древнеанглийском языке. Судя по упоминаниям, существовали десятки поэм, из которых до нас дошли единицы, такие как «Беовульф», «Вальдере», каталог эпических сюжетов «Видсид» («Многогранный»). Героический эпос получил бурное развитие в VIII–X вв., когда появляются новые жанры: героические элегии, оплакивающие утраченный героический идеал, религиозный эпос – переложения библейских сюжетов с использованием героико-эпической топики, сюжетов и мотивов, исторические песни – отклики на современные события («Песнь о битве при Мэлдоне»).

Древнеанглийский язык продолжает широко использоваться и в «ученой» монастырской среде, и в делопроизводстве, хотя в этих сферах широко употребляется и латынь. Два древнейших памятника историописания написаны один на национальном – «Англо-Саксонская хроника», другой на латинском языке – «Церковная история народа англов» Беды, причем выдающийся труд монаха из Ярроу (ум. 735 г.) был в конце IX в. переведен на древнеанглийский: по образцу академии Карла Великого Альфред собрал вокруг себя нескольких выдающихся литераторов, которые осуществили переводы таких фундаментальных произведений, как «История против язычников» Павла Орозия, «Утешение философией» Боэция и др. Среди них была и «История» Беды.

Англосаксонские монахи, как и их ирландские предшественники и современники, отличались образованностью, широтой кругозора и большим творческим потенциалом. В монастырях создавались местные хроники, жития святых аббатов и епископов, комментарии к Библии и сочинения Отцов церкви и многое другое.

ВИЗАНТИЯ ЭПОХИ «ТЕМНЫХ ВЕКОВ» И ИКОНОБОРЧЕСТВА

ВИЗАНТИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЫХ УГРОЗ

Период, начавшийся арабскими вторжениями, в истории Византии иногда называется «Темными веками». В первую очередь, такое название объясняется скудостью дошедших до нас источников, но эти века были действительно весьма мрачным периодом для империи. Ослабленная персидскими войнами Византия испытала страшный удар арабского нашествия. Утрачены были громадные территории Северной Африки, Ближнего Востока, а позже и ряд островов Средиземного моря; сократились владения ромеев в Италии, а с севера на земли Византии устремились славяне и болгары. Нашествия варваров, разрыв торговых путей, сокращение спроса на товары у поредевшей знати ударили по экономике города. Мелкие и средние города подвергались аграризации, ремесла в них хирели, торговля замирала. Империя из мировой Средиземноморской державы незаметно превратилась в региональное средневековое государство.

Потеря восточных провинций с негреческим населением обусловила повышение в империи удельного веса греков. Латиноязычные элементы, прежде игравшие важную роль в армии и имперской администрации, к тому времени сошли на нет. Греческий язык стал господствующим. С 629 г. главу государства начали обозначать восходящим к глубокой древности греческим титулом «василевс» вместо латинского «император». Формула «василевс ромеев» приобрела официальное звучание.

Вторым по численности этносом в империи стали славяне, заселившие обширные территории Балкан. Если не считать севера, где славянам, ассимилировавшим протоболгарских кочевников, удалось создать собственное государство, на прочих византийских землях они в ходе двух–трех столетий интегрировались в состав империи. Под влиянием славян окрепла местная соседская община. Наиболее важные сведения о жизни византийской деревни содержит памятник начала VIII в. «Земледельческий закон». Подобно западным «Варварским правдам», он являлся записью обычного права, согласно данным которого соседская община переживала тогда время интенсивного развития.

Упрочение положения свободного крестьянства заложило основу возрождения империи. Оно обеспечило решение двух важнейших задач: поступления налогов и комплектования территориальной армии. Свободное (по преимуществу общинное) крестьянское землевладение стало почти на два столетия основной формой земельной собственности и сельскохозяйственного производства. Крупные имения сохранились лишь sporadически и принадлежали в основном короне, церкви и монастырям.

Радикальные изменения произошли в структуре провинциального управления. Вся полнота власти в провинциях вручалась императором наместнику-стратигу (военачальнику). Сама провинция получила название *фема* (первоначально отряд местного войска). Ядро воинских сил фемы составили стратиоты – военнообязанные хозяйственно состоятельные крестьяне, внесенные вместе со своими участками в военные каталоги (списки). Фемная органи-

не нанося ущерба военной знати. Лев оказался способным принять на себя нелегкое бремя. Основанная им Исаурийская династия (717–802) оставила крупный след в истории Византии. При Льве III начались важные реформы в сфере права, общественных отношений и церковной политики. В 726 г. был издан краткий законодательный сборник, получивший название «Эклога». Он отразил серьезные сдвиги в общественном строе Византии в VII – начале VIII в. Император предпринял шаги по укреплению феодальной системы.

ИСАУРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ: ПЕРВЫЙ ЭТАП ИКОНОБОРЧЕСТВА

Особенно широкий политический и идеологический резонанс в Византии вызвали церковные реформы первых Исауридов, стремящихся вновь поднять престиж центральной власти и ослабить влияние почуявших вкус бесконтрольности церковных иерархов и монашества.

Лев III, талантливый полководец и государственный деятель, начал свое правление в момент острейшей внешней опасности. Арабы подступили к самой столице, угрожая ей с суши и моря. Осада продолжалась больше года (с августа 717 по август 718 г.), однако попытка взятия города арабами потерпела полную неудачу. С тех пор и до XV в. мусульмане не пытались больше штурмовать Константинополь. Престижу арабской династии Омейядов был нанесен сокрушительный удар. Лев III, напротив, прославлялся своими подданными как спаситель империи. Это позволило ему приступить к необходимым, с его точки зрения, реформам церкви. Эти реформы, принявшие форму борьбы против почитания икон, получили название «иконоборчества». Первый этап иконоборчества продолжался с 726 по 780 г. Во-первых, правительство испытывало острую нужду в средствах, а ортодоксальная (халкидонитская) церковь располагала обширными богатствами: дорогой церковной утварью, окладами икон, раками с мощами святых. Земельные угодья, отходившие к все более многочисленным монастырям, были освобождены от государственных налогов. В монастыри нередко устремлялись молодые здоровые люди, и в результате империя лишалась необходимых сил для войска, земледелия и ремесла. Монашество и монастыри зачастую служили прибежищем для лиц, желающих избавиться от государственных обязанностей и не имевших искреннего стремления уйти от мира. Религиозные и государственные интересы тесно переплетались в иконоборчестве.

Кроме того, иконоборцы («иконокласты») хотели очистить религию от тех искажений, которые, по их убеждению, отдалили ее от первоначального истинного направления. Не следует забывать, что раннее христианство икон не знало. Культ икон возник позднее – лишь в III–IV вв. Все ереси V–VII вв. – несторианская, монофиситская и монофелитская – решительно отвергали почитание икон. Вражда к иконам и священным изображениям на драгоценных сосудах и раках отражала протест против роскоши в церкви, противопоставлявший «испорченности» духовенства внутреннюю религиозность, и в той или иной мере встречалась повсюду. Но наиболее распространено это течение было в восточных областях империи, где сильнее чувствовалось влияние мусульманской религии, отвергающей поклонение антропоморфным изображениям как дань язычеству. Недаром все императоры-иконоборцы были родом с Востока.

Немалую роль сыграло усилившееся противостояние столицы и провинции. С VII в. Константинополь (и без того издавна доминирующий в жизни

Применение греческого огня против кораблей русского князя Игоря в 941 г. Миниатюра Мадридского списка Хроники Иоанна Скилицы. XII в.

зация армии была связана с преобладанием в этот период свободного крестьянства и относительным ослаблением централизации. Постепенно утвердившись в империи, фемный строй позволил упорядочить сбор налогов, реформировать и усилить армию, отразить врагов и начать отвоевание потерянных земель.

В 681 г. между Дунаем и Балканским хребтом возникло новое государство – Болгария. Его основали пришедшие из Приазовья протоболгары, которые частью привлекли себе в союзники, а частью подчинили местных славян. В течение трех с половиной веков Болгария враждовала с Византией на Балканах, расширяя свои границы за счет имперских земель. В свою очередь, империя, отражая натиск болгар, не оставляла планов восстановить свое господство на утраченных землях. Самым опасным врагом Византии с середины VII и вплоть до середины IX в. оставались арабы. В 70-х годах VII в. они не раз осаждали Константинополь.

При осаде арабами Константинополя византийцы с успехом применили «греческий огонь», уничтожив флот врага. Горючая смесь из нефти высокой возгонки, селитры и серы с помощью особых труб (сифонов), ведущих к котлам, в которых смесь нагревалась, с силой выплескивалась на корабли противника и превращала их в пепел. «Греческий», или «жидкий», огонь с успехом применялся при осаде крепостей и городов врага (сосуды забрасывались катапультами за стены, вызывая многочисленные пожары в разных местах) и при обороне своих укреплений (его низвергали на осадные орудия неприятеля и на самих осаждающих). Изготавливали «греческий огонь» только в Константинополе. Секрет изготовления «огня» и техника его использования тщательно охранялись: власти высоко ценили мастеров, умевших обращаться с ним, избегая опасности взрыва котлов и сифонов. Виновному в разглашении тайны «огня» грозила казнь.

В ходе борьбы за выживание империи стратиги малоазийских фем приобрели огромную власть, все более выходя из-под контроля центра. В начале VIII в. императоры стали дробить фемы, стремясь ослабить власть стратигов. На гребне их недовольства к власти пришел стратиг фемы Анатолик Лев III Исавр (717–741). Но и перед ним встала необходимость обуздания сепаратизма. Предстояло решить эту задачу, не ослабляя военные силы империи и

империи) стал играть роль поистине исключительную, ибо его давние соперники, Антиохия и Александрия, оказались во власти арабов. Ортодоксальная церковь имела главный центр в Константинополе. В городе и его округе располагалось множество монастырей. Хотя высшие военные должности империи уже перешли в руки провинциальных малоазийских и армянских землевладельцев, придерживавшихся иконоборческих взглядов, чиновная знать была тесно связана со столичными церковной организацией и монашеством – отсюда серьезная оппозиция иконоборчеству. В массе своей население Константинополя также состояло из иконопочитателей («иконодулов»). Фемная провинциальная военно-землевладельческая знать и провинциальное духовенство, между тем, стремились оттеснить с руководящих позиций аристократию константинопольскую.

В 726 г. Лев III издал первый указ против иконопочитания, которое он приравнивал к идолопоклонству. Вскоре он приказал ликвидировать весьма почитаемую статую Христа, стоявшую на одной из дверей входа в Большой императорский дворец. Уничтожение образа вызвало возмущение, в котором главное участие приняли женщины. Посланца императора, которому поручили разбить статую, растерзали, за что защитники образа Спасителя понесли тяжелые наказания и рассматривались впоследствии как первые мученики иконопочитания.

Политика Льва III вызвала серьезное противодействие. Константинопольский патриарх Герман и римский папа Григорий II решительно высказались против иконоборчества. В Греции и на о-вах Эгейского моря в 727 г. население, поддержанное моряками флота, подняло восстание, но оно было легко подавлено. Соппротивление не остановило Льва. В 730 г. он потребовал от патриарха Германа подписать императорский эдикт против икон, тот отказался и был низложен. Вместо него патриархом стал Анастасий, подписавший эдикт, что дало возможность императору действовать от имени Православной церкви.

В ответ на это папа собрал в 731 г. в Риме поместный собор, который осудил иконоборческую политику, не упоминая, впрочем, имени императора. Тем не менее это послужило поводом для восстания в Италии. Византийские войска были разбиты или перешли на сторону папы, города (в том числе Венеция) отложились. Лишь на юге – в Сицилии, Апулии и Калабрии – Византии удалось удержать власть. В качестве репрессии против папы был издан указ Льва III о переходе под юрисдикцию константинопольского патриарха Сицилии и Калабрии, а также тех областей Балканского п-ова, которые находились под духовной властью Рима: Эпира, Иллирии, Македонии, Фессалии и Дакии. Только страх перед лангобардским завоеванием удерживал Рим от полного разрыва с Византией, но когда в середине VIII в. папа сумел найти нового покровителя в лице франкского короля, раскол стал реальностью.

Соппротивление иконоборцам шло не только с Запада, но и с Востока. Так, известный проповедник Иоанн Дамаскин рассылал повсюду письма в поддержку иконопочитания и даже написал трактат «Три слова против порицающих святые иконы». Отвергая обвинения в идолопоклонстве, Иоанн провел различие между служением, подобающим лишь Богу (*латриа*), и поклонением (*проскинесис*), оказываемым тварным вещам, каковыми являются иконы. Связь между святой иконой и прототипом, по его убеждению, осуществляется не естеством, но благодаря божественной энергии, причем икона позволяет человеку приобщиться к Богу.

Богоматерь Троеручица. Афон. IX в.

18 июня 741 г. Лев III скончался, и на престол вступил его сын Константин V (741–775). Как и его отец, он проявил себя талантливым полководцем и решительным политиком, вел успешные войны с арабами, отвоевав у них Северную Сирию и вторгнувшись в Месопотамию и Южную Армению. Армян и сирийцев он переселил во Фракию на земли, на которые претендовали болгары. Последовал ряд набегов болгар; император отвечал на них опустошительными походами на Дунай. Но этот успешный правитель заслужил

ненависть иконопочитателей. Злые языки утверждали, будто младенцем при крещении он обмарался в купели, поэтому к нему приросло в исторических произведениях прозвище «Копроним» («Навозоименный»; в славянских памятниках – «Гноеименитый»), а крестивший его патриарх Герман предрек, что через него дескать церковь постигнут великие несчастья.

Правление Константина началось с гражданской войны. Стратиг ближней к столице фемы Опсикий, зять императора Артавасд, провозгласил себя императором и выступил против застигнутого врасплох Константина, который бежал в фему Анатолик, где у иконоборцев имелось много приверженцев. Артавасд между тем вступил в сношения со столичными властями и патриархом Анастасием, которые распустили слух, что Константин умер. Артавасд был провозглашен императором. Вступив в Константинополь и пытаясь заручиться поддержкой населения, он первым делом отменил постановление Льва III об иконах. Патриар Анастасий, ранее рьяно поддерживавший императора-иконоборца, и на сей раз не спорил с властями и объявил Константина еретиком.

Но Константина горячо поддержали малоазийские фемы. В 742 г. он разгромил Артавасда, а затем долго держал столицу в осаде. Взяв город, Константин жестоко обошелся с врагами и изменниками. Артавасда подвергли ослеплению, а патриарха Анастасия бичеванию. Посаженный на осла задом наперед, он был провезен по ипподрому. Впрочем, Константин сохранил ему патриарший сан, по-видимому, полагая, что опозоренный и раболепный предстоятель удобен для контроля над церковью.

Чтобы ликвидировать возможность реставрации иконопочитания, император решил созвать Вселенский собор, который заседал несколько месяцев, (с 10 февраля по 27 августа 754 г.) в одном из предместий Константинополя. Участники собора единодушно приняли определение, согласно которому иконопочитание возникло вследствие козней дьявола. Писать иконы Иисуса Христа, Богородицы и святых – значит оскорблять их «презренным эллинистическим искусством». Все «древопоклонники» и «костепоклонники» (т.е. почитатели мощей святых) предавались анафеме. Запрещалось иметь иконы в храмах и в частных домах. Единогласное постановление собора произвело оглушительное впечатление на современников.

Преследование икон после собора стало проводиться с неумолимой немилосердностью. Иконы разбивались, сжигались, замазывались и подвергались всяческому поруганию. С особой яростью преследовалось почитание образов Богородицы. Вместо икон появлялись изображения деревьев, птиц, зверей, сцен охоты, ипподрома и т.д. По данным одного жития, Влахернский храм в Константинополе, лишенный прежнего благолепия и расписанный по-новому, превратился «в овощную лавку и птичник». При уничтожении живописных икон (мозаик и фресок) и икон-статуй погибли многие памятники искусства.

После собора начались активные репрессии против монашества как силы, наиболее оппозиционной иконоборчеству. Монахи, которых Константин называл «мраконосителями», подвергались всяческому преследованиям: их принуждали вернуться в мир, вступать в брак, отбывать государственные повинности и т.д. Практиковались клеймение непокорных, позорные шествия монахов. Монастыри обращались в казармы и сборные пункты для войск, земли и скот распродавались. Так, по свидетельству хрониста Феофана, стратиг Лаханодрокон согнал всех монахов и монахинь в Эфес и объявил им: «Кто не хочет быть послушником царской воли, пусть наденет белое платье

и немедленно возьмет себе жену; в противном случае будет ослеплен и сослан». Большинство подчинилось стратигу, но нашлись и те, кто предпочел пострадать за веру. Многие сторонники иконопочитания перебрались в Сицилию и Южную Италию, в Херсон и на острова Архипелага. Иконоборческая политика Константина вызвала резкую критику со стороны папы римского и всей Западной церкви. В 769 г. на Римском соборе церковных иерархов были отвергнуты иконоборческие положения Константинопольского собора 754 г.

После смерти Константина V на престол вступил его сын Лев IV (775–780), иконоборец по убеждению, но настроенный не так радикально, как его отец. И хотя преследования иконопочитателей продолжались, гонения на монахов прекратились. Весьма вероятно, на Льва оказывала влияние его молодая и честолюбивая супруга Ирина, сторонница иконопочитания.

После внезапной смерти Льва IV его вдова, оставшаяся с малолетним сыном Константином VI, фактически овладела высшей властью. Интригами избавившись от многих государственных деятелей и особенно военачальников из числа иконоборцев, она поставила на их место своих родственников и чиновников-евнухов, близких к ее двору. Главой церкви она сделала своего человека, Тарасия, который даже не был духовным лицом. Тарасий начал подготовку к новому собору, надеясь осудить иконоборчество. Летом 786 г. участники собора съехались в столицу, но иконоборческие епископы апеллировали к войску, которое и разогнало делегатов. Тогда неутомимые Ирина и Тарасий принялись готовить второй созыв собора, а чтобы убрать из столицы преданные иконоборцам войска, правительница отправила их в поход против арабов. Это дало возможность заменить состав гвардии за счет заранее подготовленных отрядов из Фракии. 24 сентября 787 г. в Никее открылся собор, получивший название VII Вселенского. Иконоборчество подверглось осуждению, а иконоборческих епископов вынудили отказаться от своих убеждений. Этот собор стал последним из Вселенских соборов (т.е. из тех, чьи решения признаются и Западной, и Восточной церквями).

Фемная знать, лишенная Ириной политического влияния, не решалась открыто настаивать на восстановлении иконоборчества, но принялась играть на противоречиях честолюбивой матери и ее сына. В декабре 790 г., опираясь на фемные войска, молодой Константин отстранил мать от власти. Но Ирина не собиралась сдаваться. Положение осложнялось тем, что к тому времени Болгария окрепла после разгрома, учиненного Константином Копронимом, и вновь предъявила претензии на отвоеванные Византией области в Македонии, куда болгарский хан Кардам предпринял вторжение в 789 г. Контрнаступление Константина VI закончилось разгромом его войск. Мир был заключен на условиях ежегодной выплаты дани болгарам. В 796 г. Константин отказался от очередной выплаты и вместо золотых монет послал хану конский навоз. Началась война, но поход императора опять оказался неудачным.

Правление Константина VI являлось своеобразным компромиссом между фемной и столичной знатью, не удовлетворявшим ни ту, ни другую сторону. На сцену снова выступило монашество с осуждением императора-«прелюбодея». В свое время Ирина приказала привезти из провинций различных молодых девушек и из захудалой провинциальной знати выбрала сыну невесту. Константин вынужден был жениться против воли, но затем бросил жену и, заключив ее в монастырь, вступил во второй брак. Влиятельный игумен Студийского монастыря Феодор резко нападал на императора. Константин предпри-

нял ряд жестоких мер против монашества, давно уже стремившегося добиться экономической самостоятельности от епископата и превратить монастыри в независимые религиозно-хозяйственные центры. Но это только облегчило Ирине захват власти. Используя военные неудачи императора и осуждение его «прелюбодеяний», она организовала переворот – заговорщики ослепили Константина. Ирина была провозглашена единодержавной императрицей 15 августа 797 г. Однако она оказалась совершенно неспособной управлять государством. Все ее правление было заполнено внутренней борьбой приближенных.

Отношения с папой римским после собора несколько улучшились. Но папа остался не удовлетворен результатами собора 787 г. и не вполне принял формулу иконопочитания: в своем послании он признал пользу икон только в том, что неграмотные могут через них познакомиться со Священным Писанием (такую позицию в отношении икон занимал еще папа Григорий Великий). К тому же папский примат Византия не признала и не возвратила папе земель в Сицилии и Калабрии.

Отношения Византии с Франкским королевством первоначально носили дружественный характер, и даже предполагалось заключение брака Константина с дочерью Карла Великого. Но Карл критически воспринял антииконоборческие решения собора 787 г. В ответ на них по приказу короля были составлены так называемые «Каролингские книги», где поклонение иконам осуждалось, хотя и допускались изображения в церквях в дидактических целях. Эти положения были подтверждены решениями поместных соборов во Франкфурте (795 г.) и в Париже (825 г.) и, хотя не стали официальным учением Западной церкви, положили началу расхождению западной и восточной линий развития церковного искусства. Критичная позиция Карла Великого по отношению к византийскому иконопочитанию и политические противоречия в Италии сделали брак его дочери с византийским императором невозможным. Борьба за Адриатику и Южную Италию даже привела к войне с Византией.

После того как в 797 г. Ирина низложила своего сына-императора и стала самодержавной правительницей империи, Карл Великий и римский папа Лев сочли вакантным императорский престол, занятый женщиной вопреки традициям Римской империи. В 800 г. папой Львом Карл был коронован императором в Риме. Византия, считавшая себя единственной наследницей империи, этого титула не признала. Карл понимал, что в Византии по смерти Ирины изберут нового императора, права которого на императорский титул будут признаны неоспоримыми. Предвидя в грядущем подобные затруднения, Карл начал переговоры с Ириной, предлагая ей вступить с ним в брак и «воссоединить Восток и Запад». С этой целью в 802 г. он отправил к Ирине посольство. Однако византийские сановники воспрепятствовали этому союзу. Можно предположить, что толки о возможном появлении в Византии Карла ускорили падение Ирины.

31 октября 802 г. произошел дворцовый переворот, организованный чиновными лицами, недовольными полным расстройством государственных дел. Императором был провозглашен логофет геникона (главный чиновник по финансовой части) Никифор I (802–811). Монахи во главе с Феодором Студитом оплакивали свержение Ирины, но ни население столицы, ни патриарх не заступились за нее: переворот не означал перехода власти к иконоборцам. Представитель столичных верхов, Никифор выступал в качестве иконопочитателя. После смерти Тарасия он посадил на патриарший престол такого же иконопочитателя Никифора. Подобно Тарасию, Никифор до пат-

риаршества был мирянином, образованным константинопольским аристократом. Этому назначению, однако, сильно противился Феодор Студит, за что вскоре отправился в ссылку, как и другие монахи его монастыря.

Не покушаясь на почитание икон, Никифор проявил строгость в отношении монастырей. За время господства Ирины финансы империи оказались расстроены. Для срочного пополнения казны были отменены налоговые смягчения, предоставленные Ириной монастырям. Обложены были и церковно-благотворительные учреждения, которые в провинциях превратились в настоящие вотчины. Конфискованные или полученные в уплату налогов церковные сокровища Никифор приказывал переплавлять в монету. Церковные круги выказали этому сильное недовольство, но громче всего возмущались тем, что император прекратил преследование еретиков.

Мероприятия Никифора были направлены на укрепление фемного войска и создание слоя земельных собственников-крестьян, которые подчинялись бы непосредственно столичному чиновничеству. Однако императора преследовали военные неудачи. В 806 г. арабы вторглись в Византию, и только опасность на Востоке удержала халифа от дальнейших действий. В 811 г. император предпринял масштабный поход против болгар и даже захватил их столицу Плиску. Но на обратном пути византийцы попали в засаду: болгары окружили войска Никифора в горной теснине. Император пал в битве, и болгарский хан Крум приказал сделать из его черепа чашу для пиров. В результате Болгария надолго стала наиболее опасным противником Византии.

После гибели Никифора его преемники правили лишь недолгое время. Один из них, Михаил I, вернул из ссылки монахов Студийского монастыря. Под влиянием Феодора Студита отношения с папой обрели дружественный характер, а к Карлу Великому было отправлено посольство, приветствовавшее его в Ахене как императора, на что ранее Византия не соглашалась. Но война с Болгарией оставалась безуспешной для Византии. Военные поражения дискредитировали правительство иконопочитателей, и в конце концов оно было сброшено армией. Императором провозгласили стратига Льва, выходца из армян, переселившихся в Византию под угрозой арабских нашествий. Власть и государственный аппарат вновь оказались в руках фемной знати.

ВТОРОЙ ЭТАП БОРЬБЫ ИКОНОБОРЦЕВ С ИКОНОПОЧИТАТЕЛЯМИ И ОСЛАБЛЕНИЕ ИМПЕРИИ

Лев V Армянин (813–820), иконоборец по убеждениям, был вынужден скрывать свои взгляды во времена предшествующих императоров. Но как только он укрепился на престоле, начал открыто проводить иконоборческую политику. С его правления начинается второй период иконоборчества.

Пришедшая к власти фемная знать стремилась снова подчинить себе церковь и монашество, которое при Михаиле I заняло весьма влиятельное положение. Патриарх Никифор, воспротивившийся иконоборческой политике Льва V, был смещен и на его место возведен представитель иконоборческой знати Феодот. В 815 г. в храме Св. Софии собрался очередной церковный собор, который предал анафеме каноны собора 787 г. и подтвердил решения иконоборческого собора 754 г.

Но иконоборцы встретили серьезное противодействие. Особым упорством отличался Феодор Студит. Он готов был признать авторитет римского

папы в делах всей церкви, требовал подчинения императорской власти священству и настаивал на автономии монастырей. Разгневанный деятельностью Феодора император вновь отправил его в далекую ссылку. Политика Льва V по отношению к иконопочитателям отличалась жесткостью. Недовольные методами его правления сгруппировались вокруг Михаила, прозванного Травлом, что значит «косноязычный». Он был родом из простых стратиотов и являлся почти неграмотным, но проявил себя опытным военачальником. Заговор был раскрыт, Михаил арестован и осужден на сожжение. Однако в ночь перед Рождеством 820 г. произошел дворцовый переворот. Лев был убит, а Михаил прямо из тюрьмы в цепях возведен на престол. Новый император происходил из столицы фемы Анатолик Амория, почему и его династия, давшая трех представителей, называется Аморийской (820–867).

Свержение Льва V не вызвало сильного противодействия провинциальной иконоборческой знати, напуганной грозным восстанием Фомы Славянина, разгоревшимся в Малой Азии (820–825). Фома вышел из низов общества, но сделал карьеру в фемном войске и стал одним из видных византийских военачальников. Затем он бежал в Халифат, где выдал себя за чудесным образом спасшегося сына императрицы Ирины Константина. Арабы устроили в Антиохии торжественное венчание Фомы на царство и стали собирать ему армию из различных народов Востока. С этой армией самозванец двинулся в Малую Азию. К нему стекались крестьяне, стратиоты, городская беднота и рабы, а также иконопочитатели, монахи и часть провинциальной знати. Фоме удалось привлечь на свою сторону местный управленческий аппарат и получить крупные средства от налоговых поступлений. Восстание переросло в гражданскую войну, отличавшуюся страшным ожесточением и кровопролитием. По словам хрониста Феофана, она, словно «открывшиеся Нильские пороги, затопила землю не водой, а кровью». Фома, на сторону которого перешел также флот Эгейского моря, в течение года осаждал с суши и моря Константинополь, но потерпел поражение сначала от болгар, с которыми Михаилу удалось заключить союз, а затем и от сторонников императора. В среде восставших начался разброд, в конце 823 г. Фому выдали, и Михаил предал его мучительной казни. Но повстанцы продолжали свою борьбу еще два года.

Гражданская война до крайности ослабила империю. Гибель большей части флота в боях под Константинополем привела к тому, что арабы почувствовали себя хозяевами на море. В 826 г. арабским выходцам из Испании, нашедшим убежище в Египте, удалось захватить Крит. Этот узловой торговый пункт Восточного Средиземноморья превратился в гнездо пиратов, что наносило страшный ущерб политическим и экономическим интересам империи. Еще ощутимее оказалась потеря значительной части Сицилии, где прочно закрепились африканские арабы, постепенно расширявшие свои владения.

При сыне и преемнике Михаила II Феофиле (829–842) произошла последняя попытка осуществления иконоборчества в полном его объеме. Феофил был человеком, сведущим в теологических вопросах, ревностным почитателем Богородицы и автором нескольких церковных песнопений. Его учителем являлся будущий константинопольский патриарх, идеолог иконоборчества Иоанн Грамматики, считавший иконопочитание невежеством, а монахов смутьянами.

Внешнее положение империи продолжало оставаться напряженным. Арабы из Сицилии перебрались в Южную Италию, где положение византийских владений стало угрожающим. Около 840 г. арабы взяли Тарент, а в

842 г., уже после смерти Феофила, – Бари. На востоке продолжалось соперничество Византии и Халифата Аббасидов. В 838 г. халиф Мутасим снарядил большую армию, которая проникла далеко в глубь Малой Азии, захватив фемы, являвшиеся оплотом иконоборчества.

В этот период все более грозной силой становится ересь павликиан (ее название происходит от апостола Павла, ссылками на которого еретики аргументировали свое учение). Формулы Павловых посланий, превозносящих личный труд и необходимость зарабатывать на жизнь своими руками, вполне соответствовали мировоззрению общинного крестьянства. Первоначально пассивное учение, павликианство все более проникалось критическим духом, воспринимая идеи манихейства. Они отвергали почитание Богоматери и всех святых, считали крест не предметом поклонения, но наоборот, символом проклятия (ибо на нем был распят Христос), не принимали икон и церковной обрядности, не признавали таинств крещения и причащения. Сергей Тихик, которого называют «вторым основателем павликианства», признавал только внутренний духовный мир созданием Божественного Духа, а триипостасного Бога Отца – творцом небес, ангелов и духовного мира. Весь же материальный мир, в том числе и церковь, считался уделом сатаны.

Окончательное оформление павликианства относится ко времени восстания Фомы Славянина. В среде павликиан создаются общины, проникнутые боевым духом. Особой силы это движение достигло в феме Армениак. В ответ на жесткие действия властей павликиане убили митрополита и экзарха, после чего бежали за пределы Византии. Пользуясь покровительством арабов, павликиане начали смело распространять свое влияние на территории Малой Азии.

После смерти Феофила власть перешла к его вдове Феодоре, правившей за их малолетнего сына Михаила III (842–867). Феодора искренне почитала иконы и свою главную задачу видела в восстановлении православия. Через год был созван собор, без особых помех осудивший иконоборчество. Патриарх Иоанн Грамматик был низложен и отправлен в монастырь, а патриарший престол предоставлен Мефодию. По завершении работы собора в храме Св. Софии была проведена торжественная служба в первое воскресенье Великого поста, 11 марта 843 г. Тогда же был утвержден обряд анафематствования всех ересей (на первой неделе Великого поста, в «неделю Православия»). Во время этого праздника «Торжества православия» император вместе с патриархом вступал в храм Св. Софии, как бы символизируя единство государства и церкви.

Большого сопротивления победа иконопочитателей не вызвала. Опора иконоборчества – фемная верхушка – сильно пострадала в ходе военных действий арабов, к тому же общая опасность перед разрастающимся движением павликиан заставила провинциальную знать искать союза с сановной аристократией Константинополя. Иконоборцы, открещиваясь от еретического отрицания икон павликианами, готовы были идти на сближение с иконопочитателями.

Сплочение верхов византийского общества было скреплено беспощадными репрессиями павликиан. Десятки тысяч их сторонников были подвергнуты самым зверским истязаниям. Источники говорят о ста тысячах жертв этой расправы. Доведенные до отчаяния павликиане оказали серьезное сопротивление властям. Лишь в 872 г. их главный оплот, крепость Теффрика, была взята императорскими войсками и разрушена. Часть уцелевших павликиан бежала или была впоследствии переселена во Фракию, где со временем получила имя богомилов.

Борьба иконоборчества с иконопочитанием по существу являлась борьбой восточных и западных тенденций в Византии. С победой иконопочитания возобладала западная тенденция, хотя в отношении к иконам на Западе сохранилась известная двойственность, которая поведет развитие западного изобразительного искусства по иной траектории, а много позже, в эпоху Реформации, породит там новые волны иконоборчества.

Переживая тяготы «темных веков», иконоборческие споры и мятежи, смуты и вторжения язычников, натиск ислама и утрату большей части территорий – Византия в корне изменилась. Окреп авторитет монастырей и монахов, способных противостоять мощи василевсов-автократоров.

В эпоху иконоборчества на передний план идейной борьбы выдвинулись проблемы эстетики, постижения художественного идеала и этических ценностей в изобразительном искусстве. Иконоборцы выработали очень тонкую и порою убедительную философско-догматическую аргументацию против почитания икон и священных изображений. В иконопочитании они видели грубый фетишизм, возрождение языческого культа, отход от спиритуалистических идеалов раннего христианства. Они исходили из стремления сохранить за христианским богослужением возвышенную духовность, очистить его от плотских начал и пережитков эллинского сенсуализма. На формирование иконоборческих доктрин, видимо, оказали известное влияние религиозно-эстетические идеи иудаизма и ислама, в основу которых положено представление о неописуемости и непознаваемости единого верховного божества.

Эстетические и стилистические истоки иконоборческого искусства, видимо следует искать в произведениях сирийских христианских мастеров, украсивших мозаиками ранние мечети на территории халифата. К ним относятся два великолепных памятника – мозаики храма Скалы (мечеть Омара) в Иерусалиме (691–692) и мечеть Омейядов в Дамаске (705–715). Это изысканные элегантные мозаичные ансамбли, состоящие из причудливо орнаментированных фантастических пейзажей с фонтанами и постройками эллинистического типа, со стилизованными изображениями роскошных садов, изобилующих экзотическими деревьями и цветами. В этих мозаиках растительные орнаменты образуют сложнейшие узоры, отличающиеся переливчатой колористической гаммой. По ним можно судить и о погибшем от рук иконопочитателей монументальном искусстве иконоборцев, и о раннем художественном творчестве ислама. Подобные веяния проникли в книжную миниатюру иконоборческого периода. И хотя от этого времени сохранилось крайне мало рукописей, но, вероятно, именно в иконоборческую эпоху были заложены основы византийской орнаментики, достигшей столь блестящего расцвета в X–XII вв.

Нет сомнения, что уничтожением памятников человеческой мысли и произведений искусства, иконоборцы, как, впрочем, и иконопочитатели, причинили заметный вред культурному развитию Византии VIII–IX вв. Но вместе с тем, нельзя отрицать, что иконоборческая доктрина и эстетическое мышление иконоборцев внесли свежую художественную струю в образное видение мира византийцев – изысканную абстрактную символику в сочетании с рафинированной и эстетически привлекательной декоративной орнаментикой. В развитии художественного творчества Византии оставила заметный след и борьба

иконоборцев против чувственного, воспевающего трепетную человеческую плоть эллинистического искусства с его иллюзионистской техникой и красочной цветовой гаммой. По всей видимости, именно иконоборческие художественные искания во многом открыли дорогу к созданию глубоко спиритуалистического искусства Византии X–XI вв. и подготовили победу возвышенной духовности и отвлеченного символизма во всех сферах общественного сознания последующих веков. Кроме того, иконоборческое движение послужило стимулом к новому взлету светского изобразительного искусства и архитектуры.

Вместе с тем и в период иконоборчества продолжало существовать гонимое, но стойко отстаивающее свои эстетические и философско-религиозные позиции суровое монашеское искусство иконопочитателей. Художественные идеалы этого искусства черпались из гуши народных верований и эстетических представлений народов Востока. Ярким примером этого направления в искусстве служат росписи христианских храмов Каппадокии.

Особый интерес вызывает такой феномен, как одновременное существование в пещерных храмах Каппадокии двух течений в искусстве: монашеского иконопочитательского, продолжавшего изображать антропоморфные фигуры Христа Богородицы и святых, и иконоборческого, в котором преобладало символическое изображение креста. Новейшие открытия показывают, что в VIII – начале IX в. в Каппадокии было создано иконоборцами несколько храмов, украшенных изображениями множества крестов. С точки зрения художественного стиля эти иконоборческие фрески почти не отличаются от монашеской иконопочитательской живописи.

Подобное сосуществование двух течений в изобразительном искусстве встречается и в Фессалонике, где рядом с архаизирующей иконопочитательской живописью сохранились редчайшие памятники иконоборческого искусства. Это остатки фресковой росписи IX в. в небольших церквях, которые представляют собой фриз инкрустированных крестов и растительного орнамента, вписанные в арки этих храмов. По-видимому, они, как и иконоборческие росписи Каппадокии чудом сохранились во время гонений иконопочитателей.

Идейная борьба в византийском обществе VIII–IX вв. мобилизовала все интеллектуальные силы противоборствующих сторон и в той или иной степени оказала влияние на общественное сознание эпохи. Религиозно-философские споры вызвали необходимость систематизации христианского богословия, что нашло отражение в творчестве Иоанна Дамаскина, а позднее Феодора Студита.

Иоанн Дамаскин в своем труде «Источник знания» поставил сложную задачу построить целостную систему ортодоксального христианства. Он пытался систематизировать всю сумму знаний христианского богословия, почерпнутую им из Писания и сочинений апологетов и Отцов церкви. В онтологическом аспекте система Дамаскина основана на стремлении вывести все сущее из Бога. Согласно этой концепции, Бог – извечное, непознаваемое начало мира, источник и цель бытия. Природа – не только творение Бога, но и раскрытие его божественной мудрости. Важное место в сочинениях Дамаскина занимает христианская антропология. Человек – это своего рода микрокосмос, маленькая вселенная, сотворенная гармонично и мудро из разумной души и плоти. Человек стоит в центре мироздания, мир создан для человека, и искупительная жертва Христа принесена для спасения человека.

Сочинение Дамаскина вооружало христианских богословов четкой аргументацией в борьбе с различными ересями и еретическими течениями, в

частности доктринами несториан, манихеев, а позднее павликиан и богомилов. Вместе с тем Иоанн Дамаскин не отвергал античную философию, а, наоборот, использовал для грандиозной философской системы учение Платона и логики Аристотеля, основы античной науки.

В общественной мысли Византии возрастает интерес к созданию целостной, всеобъемлющей картины Вселенной и человечества. В этот период временно исчезают обширные исторические сочинения светского характера и заменяются всемирными хрониками, принадлежащими перу церковных деятелей и монахов. Церковно-догматические идеи полностью господствуют в их сочинениях.

Наибольшей известностью среди произведений подобного рода пользовались «Хронография» Феофана Исповедника (752–718), «Бревиарий» патриарха Никифора (середина VIII – 828) и хроника Георгия Монаха, или Амартола («Грешника») (IX в.).

Феодор Студит (759–826), сыгравший столь важную роль в торжестве иконопочитания, известен не только как яростный полемист и страстный проповедник. Помимо трех книг «Опровержений» и сборников проповедей, один из которых («Малый Катехизис») служил излюбленным чтением широких кругов византийского общества, Феодору приписывается устав Студийского монастыря, ставший для православных стран тем, чем был для католиков устав св. Бенедикта – извечным образцом для подражания, служившим отправной точкой для реформаторов монашеской жизни.

Феофан Исповедник не всегда проявлял столь решительную непреклонность к прегрешениям императоров, как Феодор Студит, но, тем не менее, подвергся гонениям при императоре Льве V. Основанный Феофаном монастырь был сожжен, а сам он умер в темнице. Ему принадлежит «Хронография», доведенная до 813 г., практически единственный источник наших сведений о «темных веках» византийской истории. Жанр «всемирной истории» способствовал тому, что Феофан приводил много свидетельств о событиях, происходивших у персов, арабов и других народов, а также продолжил начатую Иоанном Дамаскином полемику с исламом. Последующие хронисты во многом подражали этому сочинению, которое было быстро переведено на латинский язык. Не меньшее влияние на позднейшую летописную традицию оказала хроника Георгия Амартола, доведенная от сотворения мира до 842 г. Ее переводы на грузинский, сербский и древнерусский языки сохранились во многих экземплярах, что свидетельствовало о его большой популярности, возможно, определявшейся языком Амартола – безыскусным, приближенным к народному.

Именно в эпоху «темных веков» окончательно сформировались характерные черты византийской культуры, принципиально отличной от позднеантичной. Не случайно произведения, созданные в эту эпоху, окажутся в большом ходу далеко за пределами империи, оказав существенное воздействие на все страны византийского культурного ареала и на Западную Европу.

ЗАВОЕВАНИЯ АРАБОВ И ОБРАЗОВАНИЕ ХАЛИФАТА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА

Население Аравии издревле делилось на две большие этнические и языковые группы, члены которых вплоть до VII в. считали себя разными народами, потомками двух предков-эпонимов – Аднана и Кахтана. Обитатели Южной Аравии, преимущественно земледельцы, говорили на языке южно-семитской группы и носили собирательное название *химйариты*. Кочевое в основной своей массе население северной и центральной части полуострова говорило на языке северосемитской группы и называлось бедуинами (араб. *бадави* – «жители пустыни, пастухи-кочевники»). Наряду с двумя основными формами хозяйственного уклада существовали и различные смешанные типы хозяйства, в которых сочетались черты оседлого и кочевого образа жизни.

Соседние народы Месопотамии, Передней Азии и Южной Аравии (по крайней мере с VII в. до н.э.) называли бедуинов «арабами». Этноним «араб» был знаком уже древним грекам. В античной литературе он впервые упоминается у Гомера в четвертой песне «Одиссеи» (IV. 84). В первые века н.э. греко-латинские авторы в качестве собирательного наименования кочевых племен, обитавших в пустынных и полупустынных местностях Ближнего Востока и Аравийского полуострова, использовали и другой термин – «сарацины» (от араб. *шаркиййун* – «те, кто на востоке»). В этнографических комментариях ранних библейских экзегетов сформировалось представление об арабах, к которым относили различные кочевые племена степных и пустынных областей Ближнего Востока и Аравии, как о потомках Исмаила – «исмаильтянах», или «агарянах» (по имени матери Исмаила Агари).

В эпоху арабских завоеваний жители Аравии осознали свое единство перед лицом завоеванных ими народов и сами стали использовать термин «арабы» в качестве самоназвания. По мере распространения ислама и исламской культуры термины «сарацины» и «агаряне» в европейской традиции часто стали употребляться как синоним мусульман вообще.

На основной части полуострова, где обитали кочевники, господствовали древние языческие общесемитские верования. У каждой семьи и племени имелись свои идолы-покровители. Среди бедуинов был широко распространен культ небесных светил, связанный с тем, что во время своих перекочевок по пустыне им приходилось ориентироваться по солнцу, луне и звездам. Наряду с небесными светилами почитались деревья, скалы и камни. Они рассматривались как воплощения божеств или обиталища духов. Почиталась триада женских божеств (*ал-Лат*, *ал-Уzza* и *Манат*). Верховным богом древнего арабского пантеона был *Эл* (*Ил*, *ал-Илах*, *ал-Лah*). По представлениям арабов, посредниками между людьми и богами были добрые и злые духи (*джинны* и *шайтаны*). Представлений о загробной жизни, воздаянии за добрые и дурные дела, о бессмертии души у древних арабов не существовало. Жреческого сословия у древних арабов не было, но в каждом племени име-

лись свои прорицатели и провидцы (*кахины*), гадатели и предсказатели (*ар-рафы*), а также хранители идолов (*садины*).

На севере Аравии, а также в приморских областях полуострова (Хиджазе, Йемене и Омане), в той или иной степени открытых для внешних влияний, получило распространение христианство. Оно проникало в Аравию главным образом в форме монофиситства (из Византии и Эфиопии), а также в виде несторианства (из Ирана). Наряду с общинами христиан во многих городах и оазисах Аравии существовали иудейские общины, однако кто в них входил – переселившиеся в Аравию евреи или принявшие иудаизм арабы, точно не известно. В начале VI в. правитель Йемена Зу-Нуvas даже принял иудаизм, но его распространению помешало эфиопское завоевание Йемена в 525 г., благодаря которому там укрепились позиции христианства. Жившие в аравийских городах христиане и иудеи передавали арабам-язычникам рассказы из своих священных книг и преданий. Благодаря этому идеи и образы библейской традиции становились частью духовной жизни оседлого населения Аравии.

В начале VI в. на территории Аравийского полуострова существовало несколько политических образований: южноаравийское химйаритское царство Йемена; основанное химйаритами Киндитское царство в центре полуострова; зависимое от Сасанидов царство Лахмидов, которые контролировали значительную часть Северной Аравии, вплоть до пустыни Нефуд и границ Византии; царство византийских вассалов Гассанидов, занимавшее населенные кочевыми арабами земли от Евфрата до Акабского залива Красного моря. К началу VII в. все эти царства исчезли, а ведущим звеном социально-политической организации на Аравийском полуострове стали племена – кровнородственные коллективы (*бану*, букв. «сыновья [одного отца]»). Они были объединены общей генеалогией (как реальной, так и мнимой) в разветвленную многоуровневую систему взаимных обязательств, устанавливавшую иерархическую структуру племен. Каждое племя было самостоятельной единицей. Во главе племени стоял *шейх*, лидерство которого основывалось на его личном авторитете и богатстве. Шейх руководил всей хозяйственной жизнью соплеменников, разбирал их тяжбы и поддерживал отношения с соседями.

Причины крушения надплеменных политических структур, по мнению исследователей А.В. Коротаева, В.В. Клименко, Д.Б. Прусакова, могли быть связаны с глобальными климатическими изменениями, которые, в свою очередь, были вызваны тектонической активностью в регионе, сопровождавшейся землетрясениями и извержениями вулканов и, как их следствие, эпидемиями, засухой и голодом.

В этих условиях появились новые формы политической интеграции. Выросло значение региональных и общеаравийских святынь, паломничества к которым сопровождалось проведением ярмарок (Указ, Маджанна, Зу-л-Маджаз, Мекка в Западной Аравии и др.). Важную роль в ходе проведения таких ярмарок играл некоммерческий обмен: разбор межплеменных конфликтов, заключение перемирий, выкуп пленных, урегулирование долговых обязательств, состязания поэтов и т.п. На этой основе племена, не теряя своего суверенитета, становились частью более или менее широкой религиозно-политической системы.

Надплеменную власть в начале VII в. осуществляли аравийские духовные авторитеты и проповедники, которые объявляли себя пророками (*наби*). Сведения об их деятельности очень скудны, но можно утверждать, что они были не язычниками, а монотеистами, поклонявшимися единому Богу, которого они называли *ар-Рахманом* (араб. «Милостивый») и *Аллахом*. Сохранились описания того, как тот или иной пророк получал откровение, находясь при этом в состоянии экстатического транса. По своему социальному статусу аравийские пророки начала VII в. принадлежали к представителям различных групп населения – горожан, земледельцев, бедуинов, полукочевников. Почти все пророки были выразителями местных интересов и связаны с политическими движениями, направленными на создание государственных образований в разных районах Аравии.

В Йасрибе действовал пророк иудаистской ориентации Ибн Сайад, в Йамаме – пророк Мусайлима, сплотивший вокруг себя племя *ханифа*; на северо-востоке Аравии во главе племени *тамим* стояла пророчица Саджах; в племени *асад* в Недже выдвинулся пророк Тулайха ибн Хувайлид, а в Йемене – пророк ал-Асвад, подчинивший себе всю Южную Аравию до Хадрамаута. В Западной Аравии начинал свою проповедь Мухаммад (Мохаммед), с именем которого связано возникновение новой мировой религии – ислама.

Родина Мухаммада город Мекка к концу VI – началу VII в. стал крупным торговым и религиозным центром Западной Аравии. Мекку населяли арабы из племени *курайш*, пришедшие сюда в середине V в. Они вели торговлю с Сирией и Йеменом и, заботясь о сохранности своего имущества, заключали соглашения с бедуинами, которые за долю прибыли, получаемой мекканцами от торговых операций, обеспечивали безопасность их караванов. Эксплуатация трансаравийского торгового пути из Сирии на юг полуострова стала особенно выгодной после завоевания Йемена персами в конце VI в., которое привело к резкому сокращению морской торговли между Византией и Йеменом.

Однако возвышению Мекки способствовало не столько ее географическое положение, сколько то, что город сложился вокруг древнего святилища – Каабы (араб. Куб), ставшего объектом поклонения для многих арабских племен. В начале VII в. на месте старого святилища, сильно пострадавшего от пожара и селя, было возведено новое здание, вдвое большего размера, имевшее перекрытие и художественную роспись изнутри. Наряду с Каабой в Мекке и ее окрестностях существовали и другие святыни – колодец Замзам, вода которого считается священной; долина Арафат, где, по преданию, встретились Адам и Ева, скитавшиеся по Земле в разлуке целых сто лет; многочисленные статуи идолов – племенных богов, почитавшихся в разных местах Аравии.

Все источники сведений о Мухаммаде, кроме Корана, основаны на воспоминаниях его современников и излагают предания, бытовавшие в исламской общине главным образом в виде устных рассказов. Их данные невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть какими-либо свидетельствами извне, поскольку иностранные известия о деятельности Мухаммада отсутствуют. Сам Мухаммад, будучи неграмотным, никаких записей не вел. Наиболее ранние сообщения, которыми мы располагаем о жизни и деятельности Мухаммада, были записаны спустя много лет после его смерти, когда он уже стал превра-

щаться в полулегендарную личность, в эталон человека, с которого должен брать пример каждый мусульманин.

Важнейшими источниками сведений о жизни Мухаммада являются «хадисы» (араб. «известие, рассказ») – воспоминания сподвижников Мухаммада о его словах и поступках, касающихся различных сторон жизни мусульманской общины. Те хадисы, которые носили по преимуществу исторический характер, легли в основу «сирь» (араб. «дорога, путь, образ жизни») – полного жизнеописания Мухаммада, имевшего многие черты житийной литературы. Первое сочинение этого жанра было написано в середине VIII в. Мухаммадом ибн Исхаком, но сохранилось лишь в обработке Ибн Хишама начала IX в.

Жизнь Мухаммада до начала его пророческой миссии малоизвестна. Он родился в Мекке около 570 г. в небогатой, но близкой по родству к мекканской знати семье из рода хашим племени курайш. Мухаммад рано потерял родителей и воспитывался в доме сначала деда, Абд ал-Мутталиба, а потом дяди – Абу Талиба. В юности Мухаммад пас овец и участвовал в снаряжении торговых караванов. Около 595 г. Мухаммад нанялся сопровождать торговые караваны богатой мекканской вдовы Хадиджи бинт Хувайлид и вскоре женился на ней. После женитьбы Мухаммад прекратил водить караваны и стал торговать кожами. Семья Мухаммада быстро разрасталась: Хадиджа родила ему несколько сыновей, умерших во младенчестве, и четырех дочерей. Кроме того, Мухаммад, тяжело переживавший потерю первенца, усыновил одного из своих рабов – юношу из племени калб по имени Зайд ибн ал-Хариса, а также взял на воспитание своего двоюродного брата Али, сына разорившегося Абу Талиба.

Мухаммад имел обыкновение время от времени предаваться уединенным размышлениям в окрестностях Мекки – в пещере на горе Хира. С 610 г. его стали посещать видения и речения извне, благодаря которым он убедился в своей пророческой миссии. Поначалу о своих видениях Мухаммад рассказывал только членам своей семьи и ближайшим друзьям. В частности, он беседовал с двоюродным братом Хадиджи Варакой ибн Науфалом, который, по свидетельствам мусульманских авторов, «знал Писание» и «жил по Писанию», т.е. был христианином. Во время этих бесед Мухаммад мог получить представление о монотеистических и апокалиптических идеях.

Уверившись в том, что он избран Богом в качестве посланника и пророка, Мухаммад приступил к публичной проповеди, отвергая распространенное в Аравии многобожие и призывая к признанию единственного и Единого для всех людей Бога (Аллаха). Он говорил о всемогуществе Аллаха и его величии, о предыдущих пророках, о древних народах, наказанных за свое непослушание, о воскрешении мертвых, Страшном суде, предлагал своим соплеменникам задуматься о спасении души, раскаяться в совершенных грехах и жестокосердии, помогать бедным и сиротам, вести благочестивую жизнь. Мухаммад не рассматривал себя в качестве основателя какой-то новой религии; он считал, что передает людям такие же откровения, что и предыдущие пророки, и не претендовал на то, чтобы проповедуемая им истина была названа его именем.

Первыми последователями Мухаммада были его жена Хадиджа и ее двоюродный брат Варака, двоюродный брат Мухаммада Али (сын Абу Талиба), приемный сын Мухаммада Зайд, дядя Мухаммада Хамза ибн Абд ал-Мутталиб, богатый мекканский купец Абу Бакр, авторитетный курайшит Омар ибн ал-Хаттаб. Мухаммада и его немногочисленных (не более 150 чел.) по-

следователей мекканцы стали подвергать гонениям, вынудив часть мусульман в 614–615 гг. уехать в Эфиопию (так называемая «эфиопская хиджра»). В конце концов мекканские старейшины постановили не иметь никаких дел с членами рода *хашим* (под защитой главы которого, Абу Талиба, находился Мухаммад).

Около 620 г. Мухаммад получил приглашение от группы жителей Йасриба – крупного земледельческого оазиса, расположенного в 350 км к северу от Мекки. Измученные постоянными усобицами между местными арабскими языческими (*аус*, *хазрадж* и др.) и иудаизированными племенами (*кайнука*, *курайза*, *надир*, *фитйун* и др.), жители Йасриба нуждались в верховном арбитре. В 622 г. в окрестностях Мекки, в Акабе, Мухаммад и представители арабских племен Йасриба – *аус* и *хазрадж* – договорились об условиях его переезда в Йасриб: *аус* и *хазрадж* принимали Мухаммада как главу общины и вероучителя в обмен на покровительство Мухаммада в отстаивании их интересов.

Переселение Мухаммада и его сподвижников в Йасриб (араб. *хиджра* – «выселение», «эмиграция») происходило поэтапно, в течение июля–сентября 622 г. С Мухаммадом из Мекки уехали до сотни боеспособных мужчин – мухаджиров (т.е. «совершивших хиджру»). Мусульман Йасриба, оказавших поддержку прибывшим мединцам, стали называть ансарами («помощниками»); в дальнейшем именно мухаджиры и ансары стали главной военной и политической опорой Мухаммада. Йасриб получил наименование Мадинат ан-наби («Город Пророка»), или просто ал-Мадина (Медина). Хиджра была знаменательным событием для арабского общества, так как отныне принадлежность к мусульманской общине стала ставиться выше традиционных родовых и племенных связей, что открывало перспективу превращения общины мусульман в государство.

По приезде в Йасриб Мухаммад из частного лица и гонимого проповедника превратился в третейского судью и политического лидера общины, которому пришлось решать такие вопросы, с которыми он не сталкивался ранее: организация повседневной жизни мусульманской общины, урегулирование противоречий между разными племенами арабов, борьба с мекканцами.

Поначалу Мухаммад пытался найти религиозную и политическую поддержку у иудеев Йасриба. С этой целью он воспринял ряд культовых установлений иудеев: пост «дня очищения» (*ашура*); обращение при молитве (*кибла*) в сторону Иерусалима; предписания относительно пищи, по которым запрещалось есть мертвечину (в том числе скот, убитый без выпуска крови), кровь и свинину. Однако иудеи отказались признать в Мухаммаде мессию из неиудеев, более того они его высмеивали и даже вступили в контакт с его врагами мекканцами. К иудеям присоединилась и часть других йасрибцев из язычников, иудеев и христиан, которые сначала приняли ислам, но затем выступили против Мухаммада.

Размежевание членов мусульманской общины с язычниками, иудеями и христианами Йасриба способствовало развитию представления об исламе как об особой религии, исправляющей те искажения воли Аллаха, которые допускают иудеи и христиане. Проповеди, произнесенные Мухаммадом в Медине, сильно отличаются от мекканских своим сугубо деловым характером.

Рукопись Корана. X в. Арабский манускрипт в кufическом написании

Постепенно вырабатываются пять основных столпов (руки) ислама – «шахада» («исповедание веры»), заключающих в себе два основных догмата ислама – строгий монотеизм (*таухид*), выражающийся в формуле «Нет никакого божества, кроме Аллаха», и признание пророческой миссии Мухаммада (*нубувва*); молитва (*салаат*), которую необходимо совершать пять раз в день; пост (*саум*) в месяц «рамадан»; благотворительный налог в пользу нуждающихся (*закат*, или *садака*); ежегодное паломничество в Мекку (*хадж*), совершаемое в месяц «зул-хиджжа» по лунному календарю и состоящее из серии обрядов.

В Медине происходит становление мусульманских обычаев и ритуала: «киблой» избирается Кааба (вместо Иерусалима); учреждается день общей молитвы с «хутбой» (проповедью) – пятница; устанавливаются правила молитвы и омовения; объявляется запрет на вино, свинину и азартные игры; вырабатываются основы

мусульманского права – порядок наследования имущества, раздел добычи, семейные отношения и уголовное право. В Медине также начинает особо выделяться положение Мухаммада как посланника Аллаха. Там строится дом Мухаммада и близ него первая в городе мечеть.

Одной из форм сплочения мусульманской общины и ее расширения с самого начала мединского периода стала борьба с неверующими мекканцами. В 623 г. начинаются нападения мусульман на мекканские караваны. В начале 624 г. при Бадре (к юго-западу от Медины) мусульмане, возглавляемые Мухаммадом, победили численно превосходящий мекканский отряд и захватили богатую добычу. Борьба с мекканцами, шедшая с переменным успехом, в 628 г. увенчалась договором, заключенным в местечке ал-Худайбийя, на границе священной территории Мекки. Состоявшиеся там переговоры между мекканцами и мусульманами завершились заключением письменного соглашения между сторонами, которым предусматривалось десятилетнее перемирие. По утверждению биографов Мухаммада, после заключения договора в ал-Худайбийи Мухаммад предпринял ряд внешнеполитических шагов. Он отправил послания с призывом принять ислам византийскому императору

Ираклию, иранскому шаху Хосрову II Ануширвану, эфиопскому негусу, гассанидскому эмиру, наместнику Египта ал-Мукаукису, правителям Омана, Йемена, Бахрейна и Йамамы.

Постепенно мусульмане завоевали богатые оазисы Северной Аравии (Хайбар и Фадак), а также привлекли на свою сторону новые арабийские племена. В Мекке многие жители принимали ислам, в том числе и будущие выдающиеся мусульманские полководцы Халид ибн ал-Валид и Амр ибн ал-Ас, до того бывшие активными противниками Мухаммада. В результате 12 января 630 г. мусульмане беспрепятственно вошли в Мекку. Мухаммад совершил поклонение Каабе и уничтожил там всех языческих идолов. Такая же участь постигла и языческие святилища в окрестностях Мекки.

Окончательная победа над Меккой и последовавший за ней разгром многотысячного бедуинского ополчения в Вади Хунайн (в конце января 630 г.) еще больше подняли политический и религиозный авторитет Мухаммада в Аравии. В 631–632 гг. под власть Мухаммада перешла значительная часть племен Центральной Аравии и Йемена. Все они сохранили свою внутреннюю племенную организацию, но стали платить налог (садака) в казну мусульманской общины.

После победы над мекканцами Мухаммад вернулся в Медину. В начале 632 г. он снова отправился в Мекку – на этот раз в качестве главы хаджа. Позднее это паломничество получило название «прощального». В долине Мина близ Мекки, которая еще в языческие времена служила объектом культового почитания у арабов, Мухаммад произнес проповедь, объяснявшую основные положения ислама. По возвращении из паломничества Мухаммад тяжело заболел и 8 июня 632 г. скончался (существует легенда, что он был отравлен). Мухаммад был похоронен в главной мечети Медины («Мечеть пророка»).

ЭПОХА «ПРАВЕДНЫХ ХАЛИФОВ»

Оба сына Мухаммада умерли во младенчестве. Младшая дочь Мухаммада (от его брака с Хадиджей) Фатима вышла замуж за двоюродного брата и друга Мухаммада Али ибн Абу Талиба, от которого имела двух сыновей – Хасана и Хусейна. От их потомков происходят все потомки «семьи Пророка» – *сайиды* (араб. «вождь», «господин», «глава») и *шарифы* (араб. «знатный», «благородный»), составляющие особую привилегированную группу в мусульманском обществе.

При жизни власть Мухаммада распространялась на все стороны жизни общины мусульман. Он был вероучителем и политическим вождем (*амир*), руководителем общей молитвой (*имам*), вершил суд. Мухаммад умер, не оставив каких-либо указаний о том, кто и как должен будет руководить мусульманской общиной после его смерти.

После непродолжительной борьбы за власть между верхушкой мухаджиров и ансаров 9 июня 632 г. община присягнула на верность Абу Бакру, соплеменнику, тестю и ближайшему сподвижнику Мухаммада, которому тот незадолго до кончины передал функции имама. Абу Бакр (632–634) получил титул «халифа расули-л-лах» (араб. «заместитель посланника Аллаха»).

Первых четырех халифов, которые были выбраны из числа ближайших сподвижников Мухаммада, называют «праведными халифами», чтобы отличить от последующих невыборных халифов, основавших династии Омейядов и Аббасидов. Власть первых халифов опиралась, главным образом, на их личный авторитет среди мусульман. Столицей «праведных халифов» была Медина.

Узнав о кончине Мухаммада, многие племена Аравии начали прогонять сборщиков садаки. В различных районах Аравии политически активизировались местные духовные авторитеты и проповедники: Мусайлима в Йамаме, Тулайха ибн Хувайлид в Недже, ал-Асвад в Южной Аравии, Саджах, вступившая в союз с племенем *тамим* на северо-востоке полуострова и др. Это движение племен Аравии в 632–633 гг. мусульманские историки впоследствии называли термином «ар-ридда» – «отступничество (от ислама), возвращение к язычеству». На самом деле выступление против центральной власти носило антимусульманский характер только в Недже. В остальных областях Аравии после смерти Мухаммада развернулась прежде всего политическая борьба за власть.

Для подавления отступников Абу Бакр организовал военные экспедиции. В них особенно отличился полководец Халид ибн ал-Валид, усмиривший племена Центральной и Восточной Аравии. Военные отряды мусульман были посланы также в Йемен против племени *масхидж*, в Хадрамаут против восставших киндитов, в Махру, Бахрейн и Оман. В 633 гг. власть мусульман была восстановлена на всей территории Аравийского п-ова.

Другим важнейшим событием правления Абу Бакра было начало завоевания Сирии и Ирака. Переход мусульман к внешней экспансии явился в какой-то мере естественным продолжением внутренних войн, когда наиболее боеспособную часть племен отправляли сначала на границу, а потом и за границу. В 633 г. вождь одного из кочевых арабских племен Приевфратья обратился к Абу Бакру с просьбой о помощи против персов. Абу Бакр отправил отряд во главе с Халидом ибн ал-Валидом, который с боями дошел до Хиры и быстро овладел городом. Населявшие Хиру арабы-христиане отказались принять ислам, но согласились платить подушную подать (*джизья*).

Вслед за этим Абу Бакр отправил три военных отряда общей численностью около 15 тыс. воинов в пограничные византийские области – Палестину и Сирию, населенные в основном семитскими народами (арамеями, евреями и арабами), а также греками, жившими главным образом в прибрежных городах. Византийские власти поначалу не обратили большого внимания на вторжение арабов, поскольку оно было похоже на обычное сезонное появление кочевых арабских племен. Арабы совершали успешные набеги на незащищенные селения, но, не имея осадной техники, поначалу не могли овладеть ни одним укрепленным городом.

Взятие арабами Бостры (Бусры) в мае 634 г. и начало осады Дамаска заставили византийского императора Ираклия собрать крупное войско и направить его в Палестину. 30 июля 634 г. арабская и византийская армии столкнулись при Аджнадаине (к юго-западу от Иерусалима), где византийцы потерпели поражение. В разгар этих событий тяжело заболел Абу Бакр, завещавший мухаджирам избрать своим преемником Омара – энергичного, решительного человека, ближайшего сподвижника и тестя Мухаммада.

В правление Омара I (634–644) границы Халифата стремительно расширились: были завоеваны Сирия и Палестина, Западный Иран и Армения, Азербайджан и Египет.

Поражения византийской армии при Аджнадаине и в начале 635 г. под Фихлем вынудили жителей целого ряда палестинских городов заключить договоры с мусульманами. В сентябре 635 г. арабы под командованием Халида ибн ал-Валида после длительной осады взяли Дамаск, а вслед за ним пали и другие сирийские города – Баальбек, Эмесса (Химс), Эпифания (Хама), Ларисса (Шайзар). Византийский император собрал большую армию (около 40–50 тыс. чел.) и начал вытеснять мусульман с захваченных ими земель. В частности, под напором византийцев арабам пришлось оставить такой важный стратегический пункт, как Дамаск. Решающее сражение состоялось при р. Йармук (приток р. Иордан) в августе 636 г.; оно продолжалось несколько дней и завершилось полным разгромом византийской армии. После сокрушительного поражения при Йармуке Ираклий фактически отказался от дальнейших попыток защищать Сирию.

В 637 г. в Сирию и Палестину приехал халиф Омар и некоторое время проживал там, решая на месте вопросы, связанные с организацией управления этими областями. Большим событием явился переход в 638 г. под власть арабов Иерусалима – священного города иудеев и христиан. Жители Палестины и Сирии не оказали серьезного сопротивления арабам, так как те предлагали им весьма умеренные условия капитуляции. Кроме того, большинство местного населения исповедовало неортодоксальное христианство и подвергалось преследованиям со стороны византийцев-халкидонитов, в связи с чем не испытывало желания защищать интересы империи с оружием в руках. Перейдя под власть мусульман, жители сирийских и палестинских городов получали статус покровительствуемых данников (*зимми*), живших на «договорных землях». Местные жители в обмен на гарантии неприкосновенности жизни и право свободного распоряжения своим имуществом – личным, муниципальным и церковным – выплачивали подушную подать (один, два или четыре динара в год со взрослого мужчины).

Арабское наступление разворачивалось и на иранском направлении. В конце 636 г. мусульмане одержали победу над персами под Кадисией (к югу от Хиры), а весной 637 г. взяли и разграбили Ктесифон – столицу Сасанидов. Шах Йездигерд III со своим двором и казной бежал в горные районы – сначала в Хулван, а затем, преследуемый арабскими войсками, в Хамадан или Рей. Перелом в войне с Сасанидами был достигнут в 642 г. в битве при Нихавенде, где собранная Йездигердом иранская армия была разгромлена. Это поражение решило судьбу Сасанидской державы, и в 643–644 гг. под власть арабов перешел весь Западный Иран до границ Хорасана.

В 639 г. мусульмане, наступавшие со стороны Сирии, взяли Ракку, а затем вошли в другие города Верхней Месопотамии – Эдессу, Харран и Самосату. Захват Амида летом 640 г. открыл арабам дорогу на Армению, формально объединенную под властью Теодороса Рштуни, но на деле сильно раздробленную и не способную оказать эффективное сопротивление захватчикам. К концу 641 г. арабы штурмом взяли армянскую столицу Двин. В 643 г. арабские войска вторглись в иранский Азербайджан и захватили его столицу Ардебиль.

В конце 639 г. арабский отряд численностью в три с половиной тысячи человек под командованием Амра ибн ал-Аса вторгся в Египет, который тогда входил в состав Византийской империи. Основную часть населения Египта составляли копты, христиане-монофиситы по вероисповеданию. В Александрии и некоторых других крупных городах жили также греки. После нескольких побед, одержанных арабами над византийскими войсками, патриарх Кир решил откупиться от арабов и заключил договор с Амром, однако разгневанный этим император Ираклий отозвал Кира в Константинополь и отправил его в ссылку. Арабы вновь начали наступление и, захватив в апреле 641 г. после многомесячной осады Бабаьун (в южной части совр. Каира), двинулись на Александрию. Однако, подойдя к стенам Александрии, они отказались штурмовать или осаждать город и отступили.

В результате смены власти в Константинополе, где после кончины в феврале 641 г. Ираклия и кратковременного правления его сыновей Константина III и Ираклиона в августе того же года воцарился Константин II, в Александрию снова вернулся патриарх Кир. Он сразу же вступил в переговоры с Амром о сдаче Александрии, и в ноябре 641 г. стороны пришли к соглашению о перемирии сроком на 11 месяцев. Александрия выплачивала арабам дань, а византийский гарнизон обязался покинуть город; мусульмане, в свою очередь, обещали не вмешиваться во внутренние дела местных христиан и не предпринимать враждебных действий по отношению к Александрии.

За время, в течение которого продолжалось перемирие с Александрией, мусульмане завоевали весь Египет и близ Бабаьуна обустроили свой лагерь ал-Фустат (араб. «лагерь»), ставший вскоре новой столицей Египта. Тогда же по приказу Омара было начато восстановление древнего канала от Нила до Суэцкого залива, что позволило перенаправить транспортные потоки в сторону Красного моря и далее в Аравию.

В апреле 642 г. неожиданно скончался Кир, а в сентябре византийская армия оставила Александрию и переправилась на Кипр. Александрия без боя сдалась арабам. Таким образом в 642 г. важная провинция Византийской империи, Египет, была включена в состав Халифата. При арабах Александрия осталась резиденцией монофиситского коптского патриарха, но, утратив столичный статус, быстро превратилась в провинциальный город.

В 642–643 гг. Амр совершил несколько походов на запад, в места обитания кочевых и полукочевых берберских племен, и обложил данью несколько населенных пунктов – Барку (Пентаполис), Нибару (совр. Триполи в Ливии), Сабрату и сахарский оазис Завилу.

По мере расширения границ Халифата формировалось его административно-политическое и социально-экономическое устройство. Территория Халифата была разделена на провинции, возглавляемые наместниками – Мекка, Таиф, Йемен, ал-Джанада, Куфа, Басра, Египет, Химс, Дамаск, Бахрейн и Оман. Центрами провинций на завоеванных территориях стали построенные арабами военные лагеря – Басра и Куфа в Ираке, Фустат в Египте, превращавшиеся в базы для дальнейшего продвижения арабских армий. Поселяясь на завоеванных землях, арабы сохраняли свое племенное деление. Наместниками на захваченных территориях становились главнокомандующие арабских войск. Наместник выполнял функции имама, возглавлял войско, был верховным судьей и отвечал за сбор и учет налоговых поступлений

с подведомственных ему земель. Сбор налогов и учет налогоплательщиков в завоеванных областях на первых порах оставались в руках местных чиновников, в повседневные дела которых арабские наместники не вмешивались.

В результате завоеваний мусульманская община сильно обогатилась. Военная добыча, выплаты по договорам с покоренного населения, большое количество культивируемых земель на захваченных территориях в совокупности приносили баснословные средства. Только в одном Ктесифоне было захвачено драгоценностей, ковров и посуды на общую сумму примерно в 125 млн дирхемов. Правила раздела военной добычи – того, что было найдено на поле боя и захвачено в лагере противника, – были установлены еще при Мухаммаде: четыре пятых добычи шли участникам похода (при этом кавалеристу полагалось вдвое больше, чем пешему воину), пятая часть (*хумс*) – главе общины, халифу.

На завоеванных арабами землях прежние владельцы сохраняли право пользования землей и были обязаны платить поземельный налог (*харадж*). Бесхозные земли стали считаться неотчуждаемой коллективной собственностью мусульманской общины (*савафи*). Налоги с этих земель, платившиеся деньгами и натурой, поступали в общий фонд, которым распоряжался халиф. Из этого фонда воинам, а также лицам, имеющим заслуги перед мусульманской общиной (вдовы Мухаммада, мухаджиры и ансары), выплачивалось твердое жалование и натуральный паек, размеры которого для разных категорий получателей сильно варьировались. Например, вдовы Мухаммада получали по 6–12 тыс. дирхемов в год, халиф, внуки Мухаммада и участники первых сражений – по 5 тыс. дирхемов, а рядовые воины – 100–150 дирхемов. Для учета воинов Омар учредил специальные реестры-«диваны».

Завоевание Сирии, Палестины и западной части Ирана вплоть до Закавказья, а также начало завоеваний в Африке превратило общину единоверцев-арабов в многонациональное государство с преобладающим иноверческим населением. Все немусульмане-мужчины с 15 лет облагались подушным налогом (*джизья*). Христиан и иудеев и даже зороастрийцев мусульмане считали «людьми Писания» (т.е. такими, которым были ниспосланы богооткровенные Писания – Тора, Псалмы и Евангелие) и не стремились насильно обращать их в ислам. С местным населением крупных городов мусульмане заключали договоры, которые гарантировали христианским и иудейским общинам самоуправление. При условии выплаты налогов за иноверцами сохранялось право свободного исповедания своей веры, право владения землей и имуществом. Впоследствии отдельные христиане и иудеи даже пользовались большим влиянием в мусульманском обществе, занимали высокие административные должности, прославились как поэты и ученые, врачи и финансисты.

Положив начало организации государственных структур на завоеванных территориях, Омар предпринял еще один шаг, направленный на консолидацию общества, – он ввел новое летосчисление по хиджре, так как именно она послужила отправной точкой в превращении общины мусульман в государство, идеологическим фундаментом которого стал ислам. За исходную точку был принят не день отъезда Мухаммада из Мекки и не день его прибытия в Йасриб, а первый день «мухаррама» (первого месяца года у мусульман) 622 г., что соответствует 16 июля 622 г. христианской эры.

Перед смертью Омар оставил нечто вроде устного завещания относительно передачи верховной власти. Он назначил совет (*шура*) из шести человек, которые должны были выбрать нового халифа из своего состава. Выбор членов совета пал на Османа – богатого мекканского купца из рода *умайя*, одного из первых сподвижников Мухаммада, его зятя и тестя.

При Османе (644–656) было завершено завоевание Сасанидского Ирана, продолжались успешные завоевания арабов в Северной Африке и Закавказье, для войны с Византией в Восточном Средиземноморье был даже построен крупный флот.

В 645–651 гг. арабские войска неуклонно продолжали продвигаться на восток вслед за убегающим Йездигердом III, который бесславно погиб в Мерве. Сын Йездигерда, рассчитывая вернуть себе трон, ушел еще дальше на восток, за Амударью, но не нашел там ни у кого поддержки. В Хорасане наиболее серьезное сопротивление арабам оказали эфталиты – полукочевые племена Центральной Азии. В 651–652 гг. под власть арабов перешли хорасанские города Нишапур, Нис, Абиверд, Серахс, Мерв, Герат, Гузган и Балх.

В 650 г. арабское войско под командованием Салмана ибн Рабии вторглось в Армению, правитель которой Теодорос Рштуни не мог своими силами защитить страну от нападений арабов. Одновременно с этим он не хотел ставить свой народ в зависимость от византийского императора, требовавшего от армян-григориан (армянская ветвь монофиситства) перехода в халкидонство. Поэтому в 652 г. Теодорос Рштуни заключил мирный договор с арабским наместником Сирии и Палестины Муавией, по которому Армения, сохраняя внутреннее самоуправление, переходила под покровительство арабов. В следующем году Муавия назначил Теодороса Рштуни правителем всей Армении и Закавказья, однако из-за болезни тот быстро утратил власть над страной. Для удержания этих земель Муавия предпринял новую военную кампанию, в ходе которой арабские полководцы с боями дошли до Терека. Многие города Армении, Грузии и Кавказской Албании, а также некоторые горные княжества (Кайтак, Лакз, Филан, Табарсаран) заключили мирные договоры с арабами.

В своем продвижении на север арабы столкнулись с хазарами, занимавшими прибрежные районы между Главным Кавказским хребтом и Каспийским морем. Арабо-хазарское противостояние, начавшееся в 653 г., длилось более двух веков. В 653 г. (по другим данным – в 22 г.х., т.е. в 642/643 г.) арабы овладели Дербентом, важнейшим звеном в цепи крепостных сооружений на севере Сасанидской империи. Однако продвижение в глубь Хазарии поначалу окончилось для мусульман неудачей: арабское войско было разгромлено, хазары отбили Дербент, а арабский полководец Салман ибн Рабия погиб в бою.

Александрия, захваченная мусульманами в 642 г., летом 645 г. вновь перешла в руки византийцев. Однако Амр ибн ал-Ас в декабре того же года взял штурмом город, вернув его под власть арабов. Другие арабские полководцы в 648 г. вторглись в Ифрикию (совр. Тунис и восточная часть Алжира). Византийский экзарх Африки Григорий, по разным сведениям, был убит или бежал в Византию, а знать Карфагена откупилась от мусульман, после чего они ушли, не оставив даже гарнизона.

В 651–652 гг. арабы совершили поход в Нубию, где после сражения у Донголы между сторонами был заключен договор о взаимном ненападении. По этому договору нубийцы обязались поставлять 300 (360 или 400, по разным данным) невольников ежегодно, а также выдавать беглецов из Египта – мусульман и коптов. Арабы, в свою очередь, разрешали нубийцам беспрепятственный доступ на рынки Египта, откуда они получали пшеницу и чечевицу.

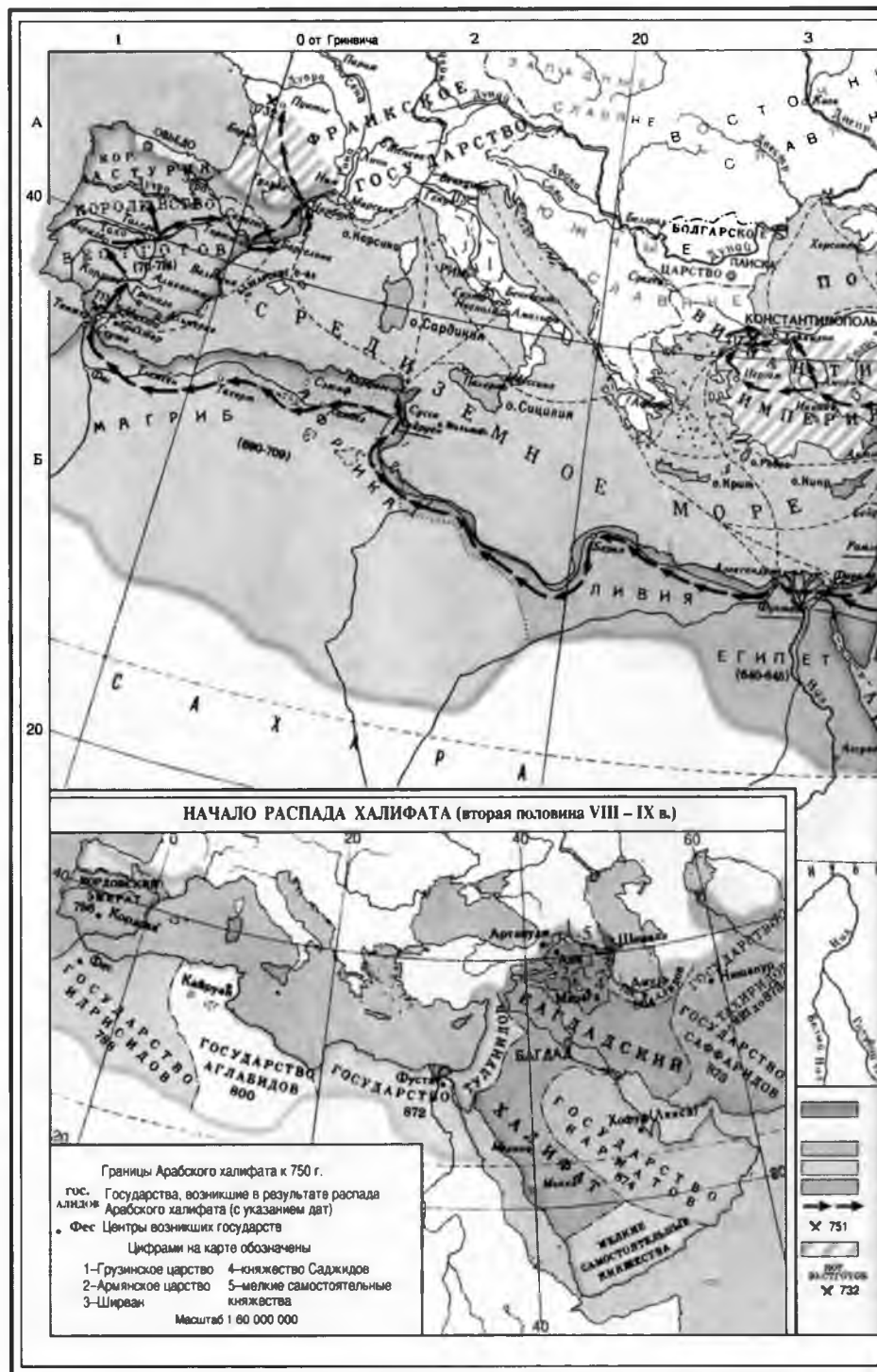
После контрнаступления, предпринятого византийцами в 645 г. в Египте и на Средиземноморском побережье Сирии, мусульмане взялись за строительство собственного флота, которое развернулось на верфях Сирии и Египта. Уже в 648 г. наместник Сирии Муавия направил арабскую флотилию на Кипр. Византийцы, не ожидавшие нападения, не смогли воспрепятствовать высадке мусульман, которые разграбили остров и увели в плен несколько тысяч человек. В 653–654 гг. арабы вновь вторглись на Кипр, а затем отправились дальше на запад – на Родос, Кос и Крит. В 650 г. близ Фойника состоялось морское сражение между арабским и византийским флотами, закончившееся победой мусульман, в результате которой они стали хозяевами Восточного Средиземноморья.

Одновременно с действиями на море мусульмане совершали набеги из Сирии в Малую Азию, захватывая крепости и уводя пленных. На арабо-византийской границе в Киликии и Верхней Месопотамии арабы стали возводить фортификационные сооружения и создавать опорные пункты (рибаты) для сезонных вторжений в пределы Византии.

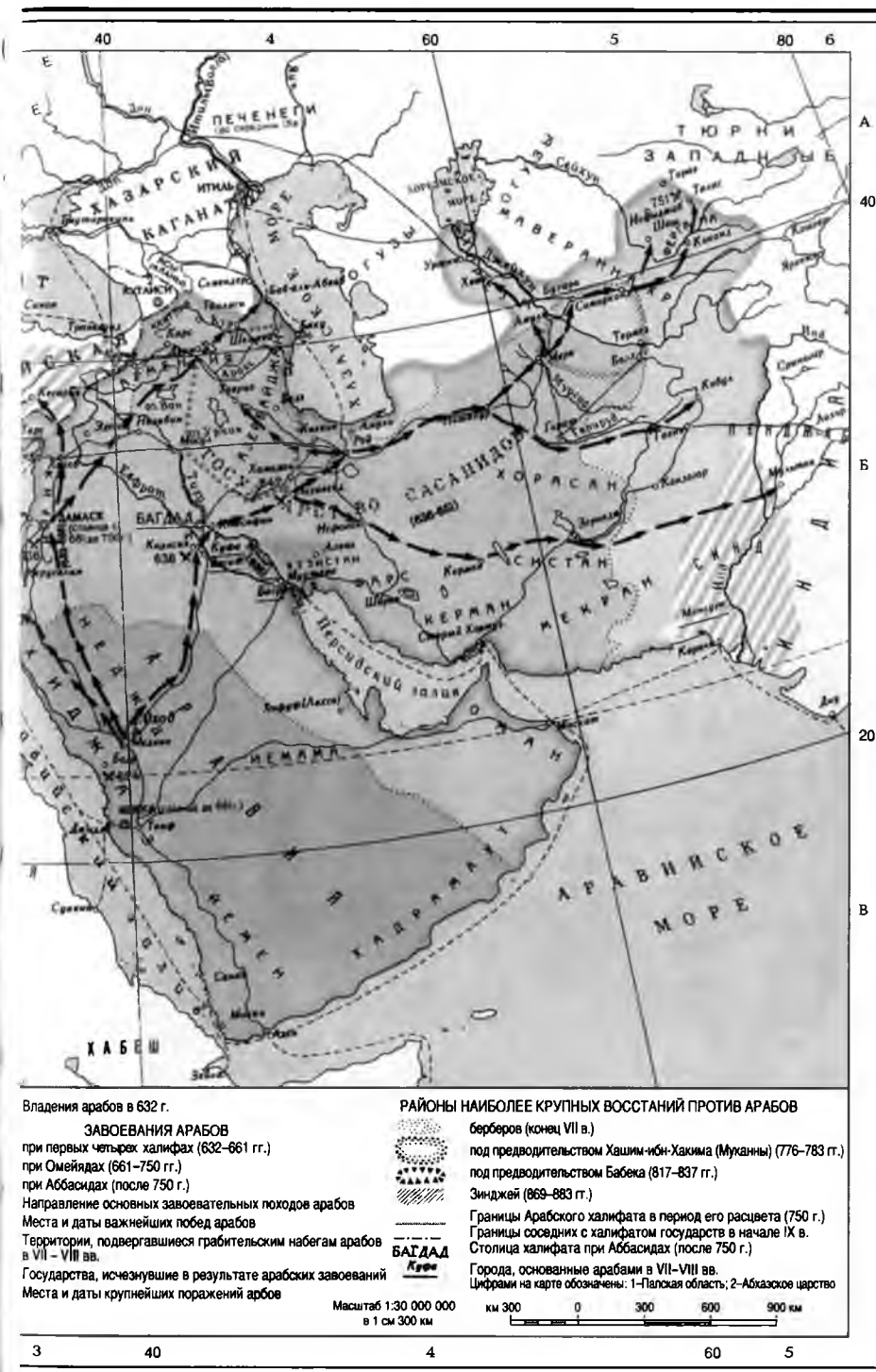
По своему характеру и образу жизни Осман сильно отличался от решительного и аскетичного Омара, который мог лично следить за порядком на мединском базаре и выслушать любого просителя (он и погиб от руки одного пленника-иранца, которому отказал в выполнении его просьбы). Осман первым из халифов построил себе большой каменный дом в Медине, обзавелся личной охраной (*шурта*) и приобрел недвижимость за пределами Аравии. Слабохарактерный и подверженный влиянию своей родни, Осман всегда действовал заодно с членами своего клана Омейядов, доверял им важные посты, делал щедрые подарки, закрывал глаза на казнокрадство. Подобный протекционизм вызывал недовольство у верхушки мусульманской общины, оттесненной на второй план, тем более что едва ли не все приближенные к власти родственники Османа – прежде всего его двоюродный брат Марван ибн ал-Хакам – в прошлом так или иначе запятнали себя сотрудничеством с противниками Мухаммада.

Стремительное расширение границ Халифата, в состав которого включались территории с разным уровнем социально-экономического развития и народы, различавшиеся в этническом и религиозном плане, принесло с собой много новых социальных проблем.

Медина, отделенная от границ Халифата несколькими тысячами километров, неуклонно утрачивала свой столичный статус. Центры принятия решений все больше перемещались в созданные арабами на завоеванных землях военные базы – Куфу, Басру, Фустат, а наместники провинций все меньше зависели от центра в финансовом и военном отношениях. На фоне такого перераспределения сил попытки халифа и его ближайшего окружения

Завоевания арабов и Арабский халифат в VII–IX вв.

рассматривать все земли Халифата и общинную казну как свою собственность воспринимались на местах особенно болезненно.

При Османе мусульмане стали обзаводиться землей на захваченных территориях. Это процесс привел к тому, что среди воинов, переселившихся из Аравии в завоеванные страны (всего их насчитывалось около 80–90 тыс. чел.), стало усиливаться имущественное и социальное неравенство. В провинциях появился слой мусульман-неарабов, среди которых преобладали так называемые *мавали* (ед.ч. *маула*, *мавля*) – вольноотпущенники, как правило, из пленных рабов. Принимая ислам, они не становились автоматически полноправными членами мусульманской общины, но сохраняли клиентские отношения со своими бывшими хозяевами (последние также назывались *мавали*).

При Османе начались первые волнения в новых провинциях Халифата – Египте и Ираке, активизировалась внутренняя оппозиция, состоявшая из аскетически настроенных мусульман, обвинявших халифа в отступлении от образа жизни Мухаммада. Они ставили ему в вину замену старой мечети в Медине на новую каменную и даже кодификацию Корана, из-за которой было велено уничтожить все записи, сделанные частными лицами еще при жизни Мухаммада. В начале 656 г. сотни недовольных из Египта, Куфы и Басры прибыли в Медину, чтобы изложить халифу свои жалобы и требования. В мае того же года под их давлением Осман подписал обязательство свято блюсти мусульманский закон и положить конец финансовым злоупотреблениям. Одновременно с этим он тайно распорядился наказать предводителей тех отрядов, которые прибыли из провинций. Один из гонцов, отвозивший такое распоряжение наместнику Египта, был задержан, после чего несколько сотен египтян вернулись в Медину и осадили дом Османа. 17 июня 656 г. толпа осаждавших ворвалась внутрь, требуя, чтобы он отказался от власти. Но халиф, застигнутый нападавшими за чтением Корана, на этот раз проявил твердость характера и был убит.

Убийство халифа потрясло всех мусульман. После того как следующим халифом был выбран Али ибн Абу Талиб (656–661) – двоюродный брат Мухаммада, воспитывавшийся в его доме и женатый на его дочери Фатиме, участник почти всех военных походов Мухаммада и блестящий оратор, – не все согласились с таким решением. Некоторые подозревали Али в причастности к убийству и отказались признать его халифом, требуя отомстить за кровь Османа. Единая прежде мусульманская община раскололась на партию Али, или шиитов (араб. *ши'а Али* – «партия Али»), и остальных мусульман, суннитов, которых возглавил двоюродный брат Османа Муавия, наместник Сирии и Палестины. Борьба Али с Муавией приобрела затяжной характер и положила начало первой гражданской войне в Халифате (656–661), когда Али владел Мединой, а также Куфой и Басрой в Ираке, а Муавия – Сирией и Палестиной.

В стане шиитов очень быстро сформировалась внутренняя оппозиция, местом сбора которой служила Мекка. Во главе ее встали сподвижники Мухаммада Талха и аз-Зубайр, которые при выборе халифа также находились среди претендентов на верховную власть и держали обиду на Али за то, что, став халифом, он перестал с ними считаться. Их поддержала Аиша, любимая жена Мухаммада, которая после его смерти пыталась играть политическую роль в качестве хранительницы и толковательницы его заветов.

В конце 656 г. Талха, аз-Зубайр и их сторонники подняли мятеж и захватили город Басру. Одновременно против Али выступил Муавия, обвинив

его в причастности к убийству Османа. В сражении под Басрой Али удалось разбить малочисленное войско Талхи и аз-Зубайра. Это сражение получило название «Битвы у верблюда», так как решающая схватка велась вокруг верблюда, на котором сидела Аиша, а после того, как раненый верблюд упал, опрокинув паланкин с Аишей, сражение быстро закончилось.

В 656 г. Али перенес свою резиденцию из Медины в Куфу и начал борьбу с сирийцами. В июне–июле 657 г. при Сиффине (к западу от Ракки, неподалеку от правого берега Евфрата), произошло крупное сражение. Войска Али почти разбили силы противника, однако полководец Муавии Амр ибн ал-Ас пошел на хитрость, приказав своим воинам прикрепить на вершушки копий свитки Корана. Набожный Али прекратил битву, а Амр ибн ал-Ас предложил решить спор переговорами между сторонами и соглашением о третейском суде. Суд завершился в пользу Муавии – он добился провозглашения себя халифом в июле 660 г. после юридического осуждения убийства Османа. Али не признал такое решение суда справедливым, и убоицы продолжились вплоть до его гибели в 661 г.

Непоследовательность в борьбе с Муавией привела к отходу от Али части его сторонников (около 12 тыс. чел.), образовавших новую религиозно-политическую группировку «хариджитов» (букв. «ушедшие», «выделившиеся»). В 657 г. хариджиты восстали против Али, провозгласив, что «Суд принадлежит только Аллаху». Хариджиты отражали взгляды рядовых мусульман, в основном новообращенных, отстаивавших принципы равенства всех мусульман. Хариджиты сыграли большую роль в истории исламской мысли, так как исповедуемые ими принципы породили системы, которым предстояло развиться в последующие годы. Главный тезис первоначального хариджизма состоял в том, что община включает только верующих, неукоснительно повинующихся закону ислама, и исключает (вплоть до физического истребления) всех прочих. Практически это было безоговорочное осуждение многих сподвижников – Османа, Талхи, аз-Зубайра и Али. Отсюда вытекало, что и сам глава общины должен строго повиноваться закону и в случае отклонения от него лишаться прав и подлежать смерти, а халифат должен переходить к лучшему, а не наследоваться членом какой-либо семьи или клана. Халифат, с точки зрения хариджитов, должен быть исключительно выборным, и ни происхождение, ни раса не могут быть препятствием назначению самого достойного.

Хариджиты повели борьбу не только против Муавии, но и против Али. В январе 661 г. выходявшего из мечети в Куфе после пятничной молитвы Али смертельно ранил отравленным мечом один хариджит, и через три дня халиф скончался. Он был похоронен под Куфой, где впоследствии возник город Неджеф, ставший шиитской святыней. В историю ислама Али вошел как трагическая фигура. Шииты полагают, что только Али и его потомки (Хасан и Хусейн, сыновья от брака Али с дочерью Мухаммада Фатимой) являются единственными законными претендентами на имамат – верховную власть в мусульманской общине и государстве. По мнению шиитов, власть имама predetermined свыше и потому не зависит от желания людей и не может быть выборной. В отличие от суннитов, почитавших Али как четвертого в ряду преемников Мухаммада, шииты не признавали трех первых халифов и не употребляли само слово «халиф» применительно к носителю верховной власти.

Основоположник династии халифов Омейядов Муавия ибн Аби Суфьян (661–680), как и Мухаммад, происходил из племени *курайш*, но был не хашимитом, а выходцем из рода *умайя*. Род Омейядов принадлежал к древней мекканской знати и играл видную роль в доисламской Мекке. Муавия прославился как удачливый военачальник и был назначен наместником Палестины и Сирии. На этом посту он приобрел большой политический и административный опыт управления страной с иноверческим населением и утонченной городской культурой. Среди христианского населения Сирии и Палестины он пользовался репутацией справедливого государя, не допускавшего религиозных гонений и злоупотреблений по отношению к иноверцам. Некоторые из иноверцев занимали при нем высокие посты: к примеру, секретарем Муавии служил христианин Сарджун (Сергий), отец знаменитого богослова Иоанна Дамаскина, а личным врачом халифа – христианин Абу Усал.

Во время правления Муавии продолжились завоевательные походы мусульман в Среднюю Азию, Афганистан, Индию и Северную Африку. Основным результатом военных действий на границах Халифата были не столько территориальные приращения, сколько получение добычи и взимание дани, а также основание новых военных баз для дальнейших завоеваний. На восточной границе Халифата такой базой стал Мерв, а на западной – ал-Кайраван (совр. Кайруан в Тунисе). В начале 674 г. арабы переправились через Амударью, разбили объединенное войско тюрков и согдийцев и дошли до Бухары, обложив ее данью. В Северной Африке многолетние походы полководца Укбы ибн Нафи ал-Фихри (впоследствии под именем Сиди Окбы ставшем одним из крупнейших североафриканских святых) в 60–80-х годах VII в. против берберов создали благоприятные условия для завершения к началу VIII в. завоевания всего Магриба.

Ежегодно совершались набеги на византийские владения в Малой Азии. Был построен большой военный флот, с помощью которого арабы стали теснить византийцев в восточной части Средиземного моря, блокируя их важнейшие гавани. В 672 г. арабы захватили о. Родос, а в следующем году высадились на Крите. Однако они не смогли развить этот успех, так как византийцам удалось сжечь большую часть мусульманского флота и навязать Муавии мирный договор, по которому тот должен был – согласно византийским источникам – платить императору ежегодную дань золотом и конями.

В правление Муавии изменился характер верховной власти. Эти изменения, с одной стороны, были следствием естественной эволюции, которую претерпело мусульманское государство, превратившееся в результате завоеваний из сравнительно небольшой общины единоверцев-мусульман в огромную империю с преобладанием иноверческого населения. С другой стороны, на внешние формы этих изменений повлияли государственные традиции завоеванных стран, прежде всего Сирии и Палестины, где долгое время жил Муавия.

Из первого среди равных в общине мусульман, какими были – при всей разнице между ними – «праведные халифы», халиф превратился в лицо, стоявшее над обществом, обособленное от рядовых мусульман. Муавия первым из халифов построил себе дворец, окружил себя многочисленными слугами-

лями, ограничил доступ в свои покои очень узким кругом лиц, сделал «хаджиба» («привратника») важной придворной фигурой. Постепенно сложился придворный церемониал.

По заключенному в 661 г. соглашению со старшим сыном Али Хасаном Муавия обязался не назначать преемника, но поручить его выбор совету мусульман; в случае же смерти Муавии власть по условиям договора переходила к Хасану. После кончины Хасана в 669 г. халиф посчитал себя свободным от этого обязательства и в 676 г. в Мекке заставил сыновей первых четырех халифов принести присягу своему сыну Йазиду. Таким образом, Муавия отменил прежний обычай избрания халифа и основал наследственный Халифат со столицей в сирийском городе Дамаске.

Со смертью Муавии I вновь выдвинулся на первый план вопрос о верховной власти, что привело ко второй гражданской войне в Халифате (680–692). Отказ второго сына Али, Хусейна, повиноваться новому халифу Йазиду I (680–683) побудил шиитов возобновить открытую борьбу за халифа из Алидов. Собравшиеся в Куфе вожди шиитов обратились с посланием к Хусейну, в котором просили его приехать в Куфу и возглавить борьбу, опираясь на их поддержку. Пока Хусейн собирался в путь, обмениваясь письмами с шиитами Куфы и Басры, куфийцы подняли восстание, но оно было тут же подавлено наместником Куфы Убайдаллахом ибн Зийадом. О подавлении выступления куфийцев Хусейн узнал, будучи уже в пути, но решил не поворачивать назад.

На подъезде к Куфе Хусейн, направлявшийся туда вместе со своими женами, детьми и другими родственниками, встретил отряд, охранявший подступы к городу. 10 октября 680 г. у Кербелы состоялся неравный бой между людьми Хусейна (их насчитывалось 80 чел.) и воинами наместника, имевшими по меньшей мере пятидесятикратный численный перевес. О гибели Хусейна в этом бою сохранилось множество рассказов у мусульманских историков. Поначалу никто из халифских воинов будто бы не решался поднять руку на внука Пророка, не желая брать на себя единоличную ответственность. Но затем они все вместе набросились на него и изрубили мечами. В бою погибли и ближайшие родственники Хусейна – сыновья, родные и двоюродные братья и племянники. Уцелели (как несовершеннолетние) – сын Хусейна Али ал-Асгар («Младший») и сыновья Хасана – Омар и Хасан; их, а также взятых в плен женщин доставили сначала в Куфу и Дамаск, а затем отвезли обратно в Медину.

Мученическая смерть Хусейна имела далеко идущие последствия для шиитского движения. Она еще больше сплотила шиитов, а образ имама-мученика придал этому поначалу политическому движению ярко выраженный религиозный характер.

Оставшийся в Мекке сторонник Хусейна Абдаллах Ибн аз-Зубайр – сын верного сподвижника Мухаммада и внук Абу Бакра по материнской линии – публично осудил убийство Хусейна и стал призывать к созыву совета для избрания нового халифа. Попытки Йазидов мирно уладить конфликт ни к чему не привели, а распространившиеся слухи о том, что халиф готовит поход на Мекку, заставили сторонников Ибн аз-Зубайра прибыть к нему в Мекку. Они разбили отряд, посланный против мятежников наместником Медины, и этот

успех еще больше укрепил авторитет Ибн аз-Зубайра в Хиджазе. Ибн аз-Зубайр подчинил Таиф, а также получил поддержку хариджитов Йамамы.

Весной 683 г. влиятельные мединцы прогнали наместника Медины Османа ибн Мухаммада, двоюродного брата Йазиды, и заявили о низложении халифа. Вместе с тем, они не стали поддерживать мятежного Ибн аз-Зубайра, поскольку считали, что халифа должен выбирать совет. В августе 683 г. к Медине подошла направленная Йазидом из Сирии армия. После упорного сражения воины халифа ворвались в город и предали его настоящему разгрому. По сообщениям мусульманских историков, среди убитых оказалось 306 курайшитов и ансаров. В сентябре того же года начались боевые действия у Мекки, где во дворе ал-Масджид ал-Харам стал лагерем Ибн аз-Зубайр, примкнувшие к нему хариджиты из Йамамы и оставшиеся в живых мединцы. На горе Абу Кубайс сирийцы установили катапульту, с помощью которой стали метать камни в мечеть. Одним из наиболее запоминающихся эпизодов этой кампании стал пожар Каабы, во время которого треснул и раскололся знаменитый Черный камень (31 октября 683 г.).

В конце 683 г. после гибели Йазиды (разбившегося в результате падения с лошади на охоте) в Халифате вновь вспыхнули смуты, но на этот раз их причиной стало фактическое безвластие в самом Дамаске, где после гибели Йазиды I его сыновья показали полную неспособность к управлению страной. Старший сын Йазиды Муавия II (683–684) не имел никаких властных амбиций и фактически передоверил все функции управления государством Хассану ибн Малику ибн Бахдалу, предводителю арабского племени *калб*, двоюродному брату Йазиды. Хассан имел авторитет в Сирии и Палестине, но не пользовался влиянием в других областях Халифата – Ираке, Египте и Аравии. К тому же спустя три месяца Муавия II объявил, что отрекается от власти. Халиф не сделал никаких распоряжений относительно своего наследника и вскоре скончался, заболев чумой. Его брат Халид также был неподходящим кандидатом на престол, поскольку науками – химией и греческой философией – интересовался больше, чем политикой. Других взрослых сыновей у Йазиды не было, поэтому реальными претендентами на власть могли стать представители других ветвей рода Омейядов, но среди них самих не имелось единства на этот счет.

Положение в Сирии осложнялось еще и разгоревшимися волнениями арабских племенных объединений *калб* и *кайс*. Калбиты считались «старыми сирийскими арабами» – на них опирался еще Муавия, женатый на дочери их вождя и предоставивший калбитам ряд привилегий. Североарабские племена кайситы переселились в Сирию из Аравии во время мусульманского завоевания; они растеклись по всей Сирии, заняв пустующие земли, и периодически конфликтовали с местными племенами из-за пастбищ и водопоев.

Узнав о безвластии в Дамаске, Ибн аз-Зубайр в феврале 684 г. объявил себя халифом. Он сразу же лишился поддержки иракских хариджитов, которые, отстаивая идею выборности правителя, не признали его законным халифом, но по-прежнему пользовался влиянием в Аравии и имел немало сторонников в Египте, Ираке и Хорасане. К нему также примкнули вожди некоторых арабских племен Сирии и Палестины (как из калбитов, так и из кайситов). Не остались в стороне от борьбы за власть и вожди хариджитов – Нафи ибн ал-Азрак и Наджда ибн Амир ал-Ханафи. Поначалу они поддер-

живали Ибн аз-Зубайра в его противостоянии Йазиду I, но затем отмежевались от него и уехали из Мекки в Басру. Очень скоро между ними возникли разногласия.

Ибн ал-Азрак занимал непримиримую позицию по отношению к мусульманам-нехариджитам. Он считал их язычниками, с которыми нельзя идти ни на какие соглашения; даже те из хариджитов, которые не принимали участие в хариджитских восстаниях, рассматривались им как изменники. Последователи Ибн ал-Азрака впоследствии получили название «азраkitов». Наджда ибн Амир придерживался более умеренных взглядов, допуская общение хариджитов с иноверующими мусульманами. Так и не договорившись с Ибн ал-Азраком, Наджда летом 684 г. ушел из Басры в Йамаму. Там он возглавил местных хариджитов и значительно укрепил свои позиции, захватил в 686–688 гг. Бахрейн, Оман и Йемен.

Несмотря на то, что сам Ибн ал-Азрак вскоре погиб в одной из стычек с басрийцами, азраkitам удалось распространить свою власть на ал-Ахвaz (Хузистан), Фарс и Керман. Своего вождя ал-Катари ибн ал-Фуджаа они провозгласили халифом. Азраkitы нашли поддержку среди сельского населения этих областей Южного Ирана, но широкой социальной базы не имели, так как своим экстремизмом отталкивали от себя остальных мусульман.

Трагическая гибель Хусейна побудила куфийских шиитов искать способы отмщения его убийцам-Омейядам и (в перспективе) передачи власти представителю «дома Пророка». Часть шиитов шли за Сулейманом ибн Сурадом, другие поддерживали прибывшего из Мекки ал-Мухтара ибн Аби Убайда ас-Сакафи, который объявил себя представителем Мухаммада ибн ал-Ханафии (637–700), сына Али (не от Фатимы, а от другой жены – Хаули бинт Джафар из племени *ханиф*). Выступление Сулеймана потерпело неудачу – собранные им отряды в начале 685 г. были разбиты сирийскими войсками.

В октябре 685 г. ал-Мухтар поднял восстание в Куфе. Его сторонники осадили дворец наместника (ставленника мекканского халифа Ибн аз-Зубайра Абдаллаха ибн Мути) и вынудили куфийскую знать присягнуть ал-Мухтару. Через некоторое время повстанцы захватили Мосул и совершили неудачный рейд на Мекку. В августе 686 г. на р. Хазир отряды ал-Мухтара нанесли тяжелое поражение сирийскому войску, отбили утраченный к тому времени Мосул и вошли в Нисибин. В восстании ал-Мухтара активное участие принимали мусульмане-неарабы (мавали) и рабы, из-за чего знатные куфийцы в конце концов отшатнулись от ал-Мухтара, а некоторые даже выступили против него. Ал-Мухтар ответил на это казнями, заставив уцелевших аристократов обратиться за помощью к басрийцам, поддерживавшим Ибн аз-Зубайра. Басрийцы с боями прорвались в Куфу и блокировали резиденцию ал-Мухтара. После четырехмесячной осады сторонники ал-Мухтара сдались и впоследствии были казнены, а сам он погиб в бою в апреле 687 г.

Несмотря на гибель ал-Мухтара, проповедовавшаяся им идея об имамате Мухаммада ибн ал-Ханафии нашла продолжателей среди шиитов. Они получили общее наименование «кайсанитов», по имени начальника гвардии ал-Мухтара Абу Амра Кайсана. Кайсаниты, вслед за ал-Мухтаром, приписывали Мухаммаду ибн ал-Ханафии знание сокровенных тайн, хранившихся в роду Али, и на этом основании считали его преемником Али. После смерти Мухаммада ибн ал-Ханафии, решая вопрос о том, кто из его потомков более

всего достоин прав на имамат, кайсаниты размежевались на несколько общин (которые, в свою очередь, стали сами дробиться на более мелкие объединения). Учение кайсанитов впоследствии обогатило догматику шиитского ислама и сыграло большую роль в идейной подготовке прихода к власти Аббасидов.

В противовес Ибн аз-Зубайру сирийские арабы провозгласили халифом Марвана I (684–685) – сына ал-Хакама, двоюродного брата Абу Суфьяна. Его избрание было обставлено рядом условий, в частности, было оговорено, что после смерти Марвана власть перейдет к Халиду ибн Йазиду.

Марван захватил Дамаск и в сражении у Мардж Рахит разбил сирийских сторонников Ибн аз-Зубайра, что позволило ему стать хозяином положения в этой провинции Халифата. К концу 684 г. Марван захватил Египет, что еще больше укрепило его позиции. Поэтому по возвращении в Дамаск он объявил наследником своего сына Абд ал-Малика (685–705), положив таким образом начало второй ветви рода Омейядов – Марванидам.

Прежде всего новый халиф урегулировал отношения с Византией, поскольку одновременно с внутренними беспорядками сильно осложнилось положение на внешних границах. Византийцы изгнали арабов с Родоса, Крита и Кипра, а также разрушили базы арабского военного флота в Сирии, вернув себе тем самым господство в восточной части Средиземного моря. Арабов потеснили и в Малой Азии и даже в Сирии, где им пришлось отдать Антиохию. Летом 685 г. Абд ал-Малик был вынужден заключить крайне невыгодный для себя мирный договор с Константином IV, по которому халиф обязался платить византийскому императору по одной тысяче динаров, одному рабу и одному породистому коню за каждый день мира. В 687–688 гг. военные действия на византийско-арабской границе возобновились, но теперь успех сопутствовал арабам, которым удалось отбить Антиохию и дипломатическими средствами нейтрализовать союзников императора – мардаитов, укрепившихся в горных районах Сирии. Император Юстиниан II, вынужденный в это же время отражать натиск славян в Европе, пошел на заключение мира с Абд ал-Маликом. Арабы продолжали выплачивать дань, но размер ее существенно сократился, а византийцы обязались переселить мардаитов из Сирии в Армению.

Сразу же после заключения мирного договора с Византией Абд ал-Малик повел борьбу с внутренней оппозицией. Прежде всего были взяты под контроль города Месопотамии – хорошо укрепленный центр кайситов Киркисия и находившиеся в руках соратников ал-Мухтара Нисибин и Мосул. В 691 г. после победы при Маскине под власть Абд ал-Малика перешли Куфа и Басра. В Мосуле, Куфе и Басре Абд ал-Малик поставил своих наместников.

Первый поход против хариджитов Аравии окончился неудачей. Однако хариджитское объединение Наджды ибн Амира вскоре распалось из-за внутренних трений, а сам Наджда был убит в начале 90-х годов VII в. Вскоре после его гибели в Аравию было послано большое войско, которое разгромило хариджитских вождей Бахрейна.

Наконец, весной 692 г. полководец Абд ал-Малика ал-Хаджадж ибн Юсуф ас-Сакафи начал осаду Мекки, где в мечети укрылся Ибн аз-Зубайр и его немногочисленные соратники. Осажденные страдали от недостатка продовольствия, и некоторые из них покинули Ибн аз-Зубайра, в том числе и его

сын Абдаллах. 5 ноября 692 г., пытаясь вырваться из окружения, Ибн аз-Зубайр погиб в бою. С его кончиной раскол Халифата удалось ликвидировать. Оставалось лишь справиться с его приверженцами в Хорасане и покончить с укрепившимися в южных районах Ирана азракитами ал-Катари. С этой целью Абд ал-Малик в 694 г. поручил управление всеми восточными областями Халифата ал-Хаджаджу ибн Юсуфу (694–714), который за несколько лет восстановил там порядок, жестоко подавляя всякое сопротивление.

РАСЦВЕТ ХАЛИФАТА ОМЕЙЯДОВ

Восстановив единство государства, Абд ал-Малик провел кардинальные реформы, благодаря которым в Халифате сформировались собственные фискальная и административная системы. Все делопроизводство в канцеляриях было переведено на арабский язык. До этого в бывших византийских провинциях, особенно в Египте и Сирии, обходились услугами перешедших на службу к арабам прежних чиновников, пользовавшихся привычным для них греческим, сирийским или коптским языками, а в иранских провинциях – среднеперсидским. Это мероприятие привело к повсеместной замене старого чиновничества на арабское.

Завоевав бывшие византийские провинции, арабы сохранили прежние типы монет (византийскую золотую номисму и сасанидскую серебряную драхму), лишь добавив к ним (и то не сразу) арабские прокламационные надписи. Взамен прежних монет в 90-е годы VII в. был начат выпуск монет нового образца с арабской легендой – золотых динаров, серебряных дирхемов и медных фельсов. Правом выпуска монеты обладал только сам халиф.

В царствование Абд ал-Малика по всему Халифату появились почтовые станции, были измерены дороги и поставлены милевые камни. Начальник почты (*сахиб ал-барид*) не зависел от наместника и по совместительству выполнял функции тайной полиции.

Абд ал-Малик всячески возвеличивал Иерусалим – историческую столицу древней Палестины, священный город иудеев и христиан – и даже пытался перенести туда из Мекки центр паломничества. При нем в Иерусалиме в 686–691 гг. была воздвигнута монументальная купольная мечеть Куббат ас-Сахра («Купол скалы»), которая должна была стать архитектурной доминантой города и символом величия ислама. Мечеть построили над скалой, где, по библейскому преданию, Авраам собирался принести в жертву своего сына Исаака и где находилась святая святых первого и второго Иерусалимского храма. В мусульманской традиции с этим местом связывается ночное путешествие Мухаммада и его вознесение на небеса.

Окончание гражданской войны позволило Абд ал-Малику возобновить активную внешнюю политику. Опираясь на созданные еще при Муавии I военные базы в Мерве и Кайруане, сын Абд ал-Малика ал-Валид I (705–715), все годы правления которого прошли в непрерывных войнах со всеми соседями Халифата, расширил пределы государства.

На Востоке был завоеван Мавераннахр («Заречье»; арабское название междуречья Аму- и Сырдарьи), Ферганский и Ташкентский оазисы, Белуджистан и Синд. С хорезмшахом в 712 г. был заключен договор, по которо-

му тот обязался платить дань. На западе к началу VIII в. был завоеван весь Магриб, а к концу первого десятилетия VIII в. отряды мусульман, усиленные принявшими ислам берберами, под командованием мавали Мусы ибн Нусайра вышли к побережью Атлантического океана и выбили византийцев из Сеуты.

В 710 г. с помощью перешедшего на сторону мусульман византийского наместника Сеуты Юлиана мусульманский отряд предпринял успешную вылазку на Пиренейский п-ов и вернулся обратно с большой добычей. В следующем году около 7 тыс. мусульманских воинов высадились на побережье близ Гибралтара. Отрядом командовал бербер, клиент Мусы ибн Нусайра, Тарик ибн Зийад (название «Гибралтар» происходит от его имени: араб. *Джабал Тарик* – «Гора Тарика»). Мусульмане обосновались в районе совр. Альхесираса и в первой же битве в долине р. Рио-Барбате нанесли поражение вестготскому королю Родерику. В 712 г. в Испанию из Африки переправился еще один отряд мусульман, которым командовал Муса ибн Нусайр. За какие-нибудь три года мусульмане покорили всю Испанию, без особого труда подавляя локальное сопротивление. На завоеванной территории, которая получила арабское название «ал-Андалус», мусульмане создали свой административный аппарат. Столицей мусульманской Испании первоначально была Севилья, а с 717 г. – Кордова. Для того чтобы сделать управление новыми землями более оперативным, правителя ал-Андалуса назначал не непосредственно халиф, а его наместник Ифрикии, чья резиденция располагалась в Кайруане.

В 718 г. арабы преодолели Пиренейские горы, а в 720 г. захватили Нарбонн, превратив его в свою базу для новых экспедиций. В течение следующего десятилетия под власть арабов перешли Ним, Каркассон и Бордо. Дальнейшее продвижение мусульман в глубь Европы было остановлено Карлом Мартеллом, который нанес арабам поражение при Пуатье (октябрь 732 г.) и в 738 г. отбил у них Арль и Авиньон (захваченные мусульманами в 734 г.). Под нажимом франков арабы в конце концов оставили территории к северу от Пиренеев, но в Испании закрепились надолго – вплоть до XV в.

В 717–718 гг. арабский полководец Маслама ибн Абд ал-Малик предпринял попытку захватить Константинополь. В 717 г. мусульмане дошли до Абидоса на Геллеспонте, переправились через него на европейский берег и начали осаду византийской столицы. К ним подошел также арабский флот, состоявший, по сообщениям византийских историков, из 1800 судов, однако византийцы с помощью «греческого огня» сожгли его. Суровая зима 717/718 г. и сопутствующий ей голод и эпидемии вынудили арабские войска в 718 г. уйти от Константинополя.

Эта неудача была компенсирована успешным наступлением в Закавказье. Окончательное подчинение Армении арабским наместником Мухаммадом ибн Марваном (братом халифа Абд ал-Малика) в начале VIII в. создало для этого благоприятные предпосылки. Границам Халифата с севера угрожали хазары, каган которых являлся союзником Византии: союзнические отношения были в 732/733 г. скреплены браком дочери кагана и сына императора Льва III Константина – будущего императора Константина V Копронима. Главной целью арабов в данном районе был Дербент. Впервые захваченный ими в середине VII в. и вскоре утраченный под натиском хазар, он с тех пор неоднократно переходил из рук в руки. В первой половине VIII в. мусульма-

не вели упорную борьбу за овладение этим стратегическим пунктом. Решающую роль в ней сыграли походы арабских полководцев Масламы ибн Абд ал-Малика, ал-Джарраха ибн Абд Аллаха ал-Хакима и Марвана ибн Мухаммада – будущего халифа Марвана II (744–750). Ареной их военных действий являлся не только район Дербента, но и Арран (Кавказская Албания), Грузия, Абхазия, Алания, горные и равнинные районы Дагестана.

К северо-западу от Дербента при Масламе были возведены дополнительные укрепления и проведены другие строительные работы. Кроме того, Маслама переселил сюда из внутренних районов Халифата 24 тыс. арабских воинов с семьями. Дербент стал отныне главным опорным пунктом мусульман на Северном Кавказе, а также центром исламизации Северо-Восточного Кавказа. Слава первого распространителя ислама в Дагестане в местной фольклорной и исторической традиции приписывается Масламе ибн Абд ал-Малику, упоминаемому в дагестанских сочинениях под именем Абу Муслима или просто Муслима.

В последние десятилетия правления Омейядов Халифат находился в состоянии социального и политического кризиса. После ал-Валида I один халиф после непродолжительного правления сменял другого; исключением являлось только почти двадцатилетнее правление брата ал-Валида I Хишама (724–743), при котором государство в последний раз было восстановлено в прежних границах.

В начальный период арабских завоеваний на захваченных землях сосуществовали две различные общины – завоевателей и их данников. В омейядский период это положение стало постепенно меняться за счет привлечения местного населения к работе в административном и финансовом аппарате, а также обращения в ислам представителей покоренного населения. В Халифате появился новый, неуклонно растущий социальный слой – неарабские мусульмане. Процесс исламизации принял особенно интенсивный характер после окончания гражданской войны, при Абд ал-Малике и ал-Валиде I.

Принимая ислам, новообращенные-мавали теоретически становились равными членами мусульманской общины, однако на практике далеко не всегда происходило так. Арабы, продолжавшие жить в системе племенных отношений, не считали иноземцев равными себе, даже когда те становились мусульманами. Основной формой интеграции новообращенных в общину мусульман была клиентская зависимость мавали – индивидуальная (от хозяина-патрона) либо групповая, когда новообращенного адоптировало какое-нибудь арабское племя; последнее получило особенное распространение в Сирии, которая стала районом интенсивной арабской колонизации. Неполноправность мавали проявлялась и в финансовом плане. Участвуя в военных походах, они получали часть добычи, но не пожалования, и нередко продолжали платить харадж и даже джизью, теоретически взимавшуюся лишь с немусульман.

Халиф Омар II (717–720) уравнивал жалование и налогообложение всех мусульман и отменил некоторые налоги. Однако после его смерти все пошло по-прежнему, так как принятые им меры привели к сокращению притока средств в казну, что в условиях прекращения завоеваний было особенно ощутимо. Хишам даже поднял налоги и ввел новые подати, что вызвало сильное недовольство в провинциях и мятежи. Самое активное участие в них принимали мавали.

Расширившийся процесс исламизации народов завоеванных стран имел серьезные последствия и для самих арабов, поскольку подрывал их монополию на власть в государстве, в котором они составляли абсолютное меньшинство населения. Этот объективный процесс усугублялся еще и тем, что с течением времени разрушалось единство самих арабов, территориально разобщенных и раздираемых межплеменными противоречиями.

Омейяды понимали задачу халифов в первую очередь как предводителей мусульманской армии, главной целью которых было завоевание новых земель и подавление соперников внутри страны. Правительственные учреждения и местная администрация оставались при них сравнительно простыми и сохраняли в себе много патриархальных черт, унаследованных от эпохи первых завоеваний. Управление провинциями полностью находилось в руках наместников, которые назначались непосредственно халифом, опиравшимся на знать арабских племен. Наместники являлись прежде всего военачальниками, отвечавшими за порядок на подведомственной им территории и своевременную отправку в столицу части военной добычи. Их влияние на повседневную хозяйственную деятельность и социальные отношения на управляемых землях ощущалось незначительно.

Постепенно в провинциях Халифата стала укрепляться местная элита, недовольная неравноправным положением мусульман, не являвшихся этническими арабами, прежде всего тем, что именно тем доставались все сколько-нибудь значимые посты в государстве. Поэтому в первой половине VIII в. Омейяды, которые управляли государством как империей арабов, занимавших господствующее положение по сравнению с другими входившими в Халифат народами, столкнулись с широким недовольством своей политикой.

Халифат при Омейядах оставался конгломератом разнородных провинций, естественные различия между которыми усугублялись неравноправием арабов и остального населения, пусть даже и частично перешедшего в ислам. Рассматривая Халифат как империю арабов, Омейяды не прилагали усилий для выработки единой исламской идеологии, которая могла бы сыграть консолидирующую роль в государстве. Между тем нараставшие социальные противоречия в разных частях Халифата, приобретавшие форму религиозных движений, побуждали их сторонников к идеологическому осмыслению новых проблем.

Шиитское движение, которое проявляло чрезвычайную активность в эпоху Омейядов, после гибели Хусейна и подавления восстания ал-Мухтара стало все больше и больше приобретать религиозный характер и как таковое развивалось в двух направлениях. Согласно одному из них, имам не умер, но пребывает в «скрытом состоянии» (*ал-гайба*) до своего возвращения (*ар-раджа*) в качестве «ал-Махди» (араб. «ведомый верным путем»), при котором наступит торжество справедливости. Это представление сложилось среди кайсанитов, сторонников имама Мухаммада ибн ал-Ханафии (ум. в 700 г.), и впоследствии получило распространение среди различных шиитских течений – имамитов, исмаилитов и др. Приверженцы другого направления считали, что каждый имам, прежде чем умереть, назначал себе преемника, который, чтобы себя раньше времени не обнаруживать, действовал через своего представителя. Эта идея широко эксплуатировалась при подготовке аббасидского восстания.

В хариджитском движении помимо азрамитов во второй половине VII в. выделилось умеренное течение ибадитов – последователей басрийца Абд Ал-

лаха ибн Ибада, который отказался поддержать вооруженное выступление азраkitов против Омейядов. Ибадиты отстаивали выборность имама советом шейхов и допускали одновременное существование нескольких имамов в разных частях исламского мира. В начале VIII в. большинство ибадитских вождей за свою политическую деятельность были высланы из Басры в Оман.

Шиитам и хариджитам противостояли сторонники компромисса с Омейядами. Это идейное течение зародилось в алидской среде в конце VII в. и было впервые сформулировано ал-Хасаном ибн Мухаммадом в его послании к приверженцам Алидов. Ал-Хасан выступал за лояльное отношение к Омейядам и призывал «отсрочить» суждение о действиях мусульманина, так как вера выше любых деяний и никто не может предвидеть решение, которое Аллах примет в Судный день относительно грехов верующих. По термину *ирджа* («откладывание», «отсрочивание») последователи этого течения называются мурджиитами.

В конце периода Омейядов появилось движение, которое оказало большое влияние на исламскую мысль и религиозно-политическую жизнь Халифата VIII–IX вв., – мутазилитизм (от араб. *ал-му'тазил* – «обособившиеся», «отделившиеся»). Мутазилиты отделились от проповедника Хасана ал-Басри (642–728) и основали первую в исламе дискурсивную школу, призванную дать рациональное объяснение (*калам*) основным положениям ислама.

После смерти халифа Хишама в 743 г. на престоле за короткий срок сменилось три халифа – ими были племянник Хишама ал-Валид II (743–744), сын ал-Валида I Йазид III (944) и его брат Ибрахим (944). Одновременно претензии на власть заявил наместник Армении и прославленный полководец Марван ибн Мухаммад. В ноябре 744 г. в сражении у Айн ал-Джарр армия Марвана наголову разгромила войско Ибрахима, который отрекся от власти и сдал Дамаск. Марван II (744–750) стал последним халифом из династии Омейядов.

Конец правления Омейядов ознаменовался восстаниями шиитов, подавить которые удавалось с большим трудом. В 739 г. в Куфе вспыхнуло восстание Зайда ибн Али, внука ал-Хусайна. Оно продолжалось почти целый год и закончилось после того, как Зайд погиб в сражении в 740 г. После гибели Зайда его сторонники образовали особую религиозно-политическую группировку в шиитском движении. Зайдиты проповедовали вооруженное восстание в пользу любого Алида, готового бороться за власть с оружием в руках. Сын Зайда Йахья бежал в Хорасан, но вскоре также был убит. Смерть Зайда и Йахьи усилила неприязнь иракских арабов к Омейядам и сделала их более восприимчивыми к разворачивавшейся Аббасидами пропаганде.

Ослабление центральной власти привело к росту сепаратизма на окраинах Халифата. В начале 40-х годов VIII в. вспыхнуло берберское восстание в Северной Африке. Мятежники захватили Танжер и разбили посланные против них войска. В 745 г. Кайруан и все территории к западу от Триполи отпали от Халифата. Тогда же Марвану пришлось отражать нападение нубийцев на Египет, во время которого они захватили Фустат. Однако самые масштабные военные действия развернулись на востоке империи. С 747 г. шиитские волнения охватили ее восточные провинции – Хорасан и Мавераннахр. Население этих областей, недовольное тем, что Омейяды опирались на знать арабских племен, игнорируя интересы местных землевладельцев, стало социальной опорой шиитов и вставших во главе движения Аббасидов.

ХАЛИФАТ АББАСИДОВ И РАСЦВЕТ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аббасиды вели свое происхождение от ал-Аббаса ибн Абд ал-Мутталиба ибн Хашима (ум. в 653 г.) – дяди Мухаммада и Али. Аббасиды полагали, что по сравнению с Омейядами они могут претендовать на верховную власть с большим основанием, поскольку Омейяды, хотя и были одним из родов племени курайшитов, но к роду Пророка, т.е. к хашимитам, не принадлежали.

Чтобы подчеркнуть свою близость также и к Алидам, Аббасиды утверждали, будто право на имамат было завещано им по линии сына Али Мухаммада ибн ал-Ханафии (637–700), которого крайние шииты объявили мессией (*ал-мах-ди*). Впоследствии, уже после прихода к власти, Аббасиды перестали ссылаться на свою тесную связь с Алидами, но в период борьбы с Омейядами они прибегали к этому аргументу для того, чтобы использовать шиитское движение в своих интересах. Благодаря активной пропаганде, развернутой Аббасидами в восточных провинциях Халифата, в конечном итоге именно они, а не шииты возглавили борьбу против Дамаска. На начальном этапе пропаганды Аббасиды предпочитали сами держаться в тени, выдвигая шиитские лозунги и агитируя в пользу некоего не называвшегося ими по имени «имам из семьи Пророка».

В 747 г. в Хорасан прибыл посланец Аббасидов шиит Абу Муслим, который должен был координировать деятельность всех оппозиционных сил на востоке Халифата. Абу Муслим призывал к возрождению справедливости в мусульманском государстве, в котором все мусульмане, независимо от своего этнического происхождения и сословной принадлежности, будут равноправны. В 748 г. Абу Муслим занял Мерв, где находилась резиденция наместника, а затем принялся за устранение своих политических конкурентов в Хорасане и Мавераннахре. Одновременно с этим он отправил на запад своего полководца Кахтаба, который быстро взял Нишапур и Рей. 26 июня 749 г. армия Аббасидов одержала важную победу при Нехавенде, открывшую повстанцам дорогу на Ирак. Вскоре они захватили Куфу – один из главных центров аббасидского движения, где тайно находились его руководители.

28 ноября 749 г. в соборной мечети Куфы лидер Аббасидов Абу-л-Аббас Абд Аллах произнес программную речь и принял присягу присутствовавших в качестве нового халифа (749–754). В своей речи Абу-л-Аббас, обещая щедро вознаградить жителей Куфы за лояльность, неоднократно называл себя «ас-Саффах» (букв. «щедрый», «прощающим грехи»). Впоследствии этот эпитет стал его «лакабом», т.е. почетным прозвищем.

После прихода к власти первого аббасидского халифа Марван II, продолжавший править в западной части Халифата, был разбит в сражении при Большом Забе и бежал в Египет, где был схвачен и убит в 750 г. Впоследствии Абу-л-Аббас истребил почти всех Омейядов, из которых уцелели лишь единицы. Одним из них был внук халифа Хишама Абд ар-Рахман, который добрался до Испании и в 756 г. основал эмират в Кордове.

Вслед за Омейядами настала очередь шиитов, поскольку о разделе власти с ними не могло быть и речи. Абу-л-Аббас отмежевался от Алидов уже

в своей программной речи в Куфе, в которой он признал отрицавшуюся шиитами законность власти всех «праведных халифов». Затем Абу-л-Аббас и занявший престол после него его брат Абу Джафар ал-Мансур (754–775) расправились со своими бывшими сторонниками. Сначала при помощи Абу Муслима были убиты Абу Салам, руководитель аббасидской пропаганды в Хорасане, который после победы Аббасидов стал правителем Куфы, и шиитский лидер в Хорасане Сулайман ибн Касир.

Сам Абу Муслим оставался в восточных провинциях Халифата, где создал большую армию из иранцев и тюрок. В первой половине 50-х годов VIII в. Абу Муслим фактически заново завоевал Мавераннахр для халифов: он подавил там несколько восстаний, поднятых местными владетелями, а также отстоял восточную границу Халифата в битве против китайцев и их тюркских союзников на р. Талас. Абу Муслим пользовался широкой популярностью в Мерве, где местные жители сложили о нем легенды, на основе которых в XI–XIII вв. был создан народный роман на персидском языке «Абу Муслим-наме». Роман получил распространение не только в Иране, известен и его турецкий вариант. Согласно одной из таких легенд, Абу Муслим превратился в голубя, который улетел в горы и там ждет своего часа, чтобы вместе с зороастрийцем Маздаком и мессией ал-Махди установить на земле справедливость. Могущество Абу Муслима стало раздражать Аббасидов, и в 755 г. он был убит во время аудиенции у ал-Мансура.

Другими соперниками Аббасидов были лидеры шиитов, не примирившиеся со своим поражением в борьбе за власть. Во главе шиитов встали братья Мухаммад и Ибрахим, правнуки Хасана. Мухаммад поднял восстание в Медине, но в 762 г. его сторонники были разогнаны войском халифа, а сам он убит. Ибрахима также постигла неудача: его приверженцы потерпели разгром под Басрой в 763 г.

ОТ АРАБСКОГО ГОСУДАРСТВА К МУСУЛЬМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Переход власти от Омейядов к Аббасидам не просто знаменовал смену правящей династии, он сопровождался радикальными социально-политическими изменениями, в результате которых Халифат превратился из империи арабов в исламское государство, где вероисповедание стало важнее для определения статуса человека, чем его этническая принадлежность. В отличие от Омейядов, которые управляли государством как вожди арабских бедуинских племен и предводители армии, Аббасиды стали лидерами всей мусульманской общины, принадлежащим к которой считался любой мусульманин, даже живший за пределами Халифата.

При Аббасидах была окончательно порвана всякая связь халифа с арабской аристократией. Халиф стал рассматриваться как символ политического и духовного единства всех мусульман-суннитов. Он не обладал правом ни на законодательную инициативу, ни на самостоятельную интерпретацию коранических установлений и заветов Мухаммада – все это являлось уделом мусульманских теологов. Законодательные акты халифов имели силу лишь в качестве административных распоряжений.

Четкий порядок наследования, заранее определяющий выбор преемника, при Аббасидах, как и ранее при Омейядах, не был законодательно отрегулирован, и это являлось одной из причин неустойчивости верховной власти. Халифы избирали преемников среди не только своих сыновей, но и других близких родственников – братьев или дядей. Передача власти новому халифу не имела сакрального характера, а являлась светским актом.

Одной из первых акций Аббасидов был перенос столицы Халифата на новое место – из Сирии в Ирак. Первоначально столицу перенесли в Куфу, где в период борьбы с Омейядами находился руководящий центр Аббасидов и где был провозглашен первый аббасидский халиф. Впоследствии ал-Мансур начал строительство нового столичного города – «Мадинат ас-салам» (букв. «Город благоденствия»), или Багдада. Он был заложен неподалеку от древней парфянской и сасанидской столицы Ктесифона, в центре густонаселенного региона, на пути в восточные провинции Халифата. Багдад, сооруженный в 758–762 гг., быстро превратился в экономический, интеллектуальный и религиозный центр Халифата. К середине IX в. в нем насчитывалось около 250 тыс. жителей, а его площадь составляла около 4 тыс. га, т.е. в несколько раз больше площади Константинополя (1400 га) и Рима (1366 га) того же времени.

В Багдаде для централизованного управления Халифатом были созданы *диваны* – специализированные канцелярии-министерства. Первоначально были организованы *диван ар-расаил* – канцелярия, *диван ал-джайш* – военное ведомство, *диван ал-мал* – казначейство, *диван ал-барид* – почтовое ведомство. Впоследствии к ним были добавлены диваны, занимавшиеся вопросами налогообложения.

Аббасиды стремились превратить Халифат в централизованное государство, в котором верховная власть опиралась бы на мощный бюрократический аппарат. В отличие от периода Омейядов при Аббасидах наместники провинций стали выполнять в пределах своей территории не только военно-полицейские, но и административно-гражданские функции. С этой целью в провинциях создавались, по образцу столичных, административные, военные и финансовые учреждения. Первоначально управление и ведение финансами в провинциях осуществлялись разными лицами. Однако с течением времени отдельные наместники стали сами взимать налоги и присваивали себе их часть.

Создание новых учреждений сопровождалось ростом чиновничьего аппарата в центре и на местах. Среди сотрудников диванов – *катибов* («писец», «секретарь») было очень много принявших ислам иранцев; встречались среди чиновников и христиане. Кроме того, из чиновничьей среды вышло много выдающихся мусульманских ученых – таких, например, как географ IX в. Ибн Хордадбех, бывший начальником почтового ведомства.

Уравнение в правах мусульман-неарабов с завоевателями способствовало быстрой мусульманизации Ирана и Средней Азии. Это, в свою очередь, усилило роль иранцев в политической и духовной жизни Халифата. Если в эпоху Омейядов местным жителям доверяли, как правило, должности писцов и чиновников финансового ведомства, то при Аббасидах выходцы из местной среды, в первую очередь иранцы, активно способствовавшие приходу Аббасидов к власти, стали получать и высшие должности в государстве.

Ал-Мансур, заняв престол, сразу же устранил с важнейших государственных постов – как потенциальных конкурентов – своих родственников и представителей алидской знати. На все значимые должности он поставил людей, лично ему преданных. Среди них были и персы – сын главного жреца храма огня Балха Халид ибн Бармак и высокообразованный иранец Абу Убайд Аллах Муавия. Вошедшие в ближайшее окружение аббасидских халифов иранцы принесли с собой политические традиции сасанидской государственности и способствовали возрождению в новом качестве некоторых ее институтов.

Халиф ал-Махди (775–785), воспитателем которого был Абу Убайд Аллах Муавия, завел при дворе иранские обычаи. Халиф отделил себя от своих подданных и показывался им крайне редко – во время торжественных событий, а также судебных заседаний, в которых он выступал в качестве высшей апелляционной инстанции. Безопасность халифа и его многочисленной семьи охраняла личная гвардия, специальные чиновники (*хаджибы*) регулировали доступ в халифские покои. При дворе правителя постоянно находились тысячи вельмож, слуг и рабов.

Для координации деятельности центральных ведомств Аббасиды учредили должность вазира (араб.-перс. *вазир* – «помощник»), функции которого во многом совпадали с обязанностями первого министра (*вузург фрамандар*) сасанидских царей. При первых аббасидских правителях вазир (или везирь) являлся личным помощником халифа – его секретарем, надзирателем за имуществом, наставником наследника. При Харуне ар-Рашиде (786–809) вазир становится главным советником и доверенным лицом халифа, хранителем государственной печати, распорядителем по административно-финансовым делам. Объем реальной власти вазира не был четко определен и часто зависел от конкретных обстоятельств, в том числе и от личных качеств самого вазира. С X в. вазирь появляются у всех крупных местных правителей, особенно в восточных провинциях Халифата.

Ярким свидетельством роста влияния иранцев в империи служит возвышение Бармакидов, из рода которых вышли многие багдадские вазирь. Халид ибн Бармак первоначально занимал важный пост в финансовом ведомстве, затем был назначен правителем иранских провинций Фарс и Табаристан, а позднее стал вазиром халифов ал-Мансура и ал-Махди. Сын Халида Йахья стал вазиром при Харуне ар-Рашиде, которому он помог взойти на трон. Сыновья Йахьи – Фадл и Джафар – также занимали высокие посты: были наместниками провинций (Фадл – Хорасана, Ирака, Табаристана, Азербайджана и Армении; Джафар – Египта, Сирии и Хорасана) и наставниками сыновей Харуна ар-Рашида – ал-Амина и ал-Мамуна.

Могуществу Бармакидов пришел конец в начале IX в. Харун ар-Рашид, недовольный как терпимой политикой Бармакидов по отношению к Алидам, так и их особым вниманием к восточным провинциям державы, сначала отстранил Фадла от власти, а в 803 г. заточил его в тюрьму вместе с отцом, а также приказал казнить Джафара. Избавившись от Бармакидов, Харун ар-Рашид стал сам решать важнейшие государственные дела, значительно сузив круг полномочий своего нового вазира. Бармакиды, как и сам Харун ар-Рашид, превратились в фольклорные персонажи, образы которых были запечатлены в сказках «Тысячи и одной ночи».

Наряду с административными преобразованиями была проведена реформа армии. Уже при первых Аббасидах воинские силы перестали иметь чисто племенной вид, в которых главную роль играли бедуины, сражавшиеся в силу племенных или религиозных обязанностей и получавших за это часть военной добычи. Армию начали комплектовать из арабских и неарабских добровольцев, а затем сделали наемной.

С начала IX в. при ал-Мамуне (813–833) ядром личной гвардии халифа стали профессиональные воины-рабы (*гулямы*, или *мамлюки* – пленные кипчаки и прочие турки, а также выходцы с Кавказа и славяне). Прежде чем пополнить гвардию, гулямы воспитывались при дворе в специальных школах. Боевые качества тюркских воинов высоко ценились, немало подтверждений чему можно найти в сочинении «Использование тюрок» арабского ученого IX в. ал-Джахиза. При халифе ал-Мутасиме (833–842), брате ал-Мамуна, число тюркских и берберских наемников достигло 70 тысяч.

В Багдаде постоянно происходили стычки между тюркскими воинами и членами традиционных ополчений. Чтобы их избежать, для размещения гвардии ал-Мутасим основал новую резиденцию халифов Самарру – город, расположенный выше по течению Тигра от Багдада. Как и прежняя столица, Самарра быстро превратилась в крупный город. Там для гвардейцев близ халифского дворца и соборной мечети отвели определенные кварталы, чтобы они жили отдельно, не смешиваясь с местным населением. В своей новой столице халифы быстро попали в полную зависимость от гвардейских военачальников, которые нередко бунтовали, недовольные частыми задержками жалованья. С 842 по 870 г. в Самарре сменилось шесть халифов, из которых пятеро были убиты. В конце IX в. ал-Мутамид (870–892) вернулся в Багдад.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АББАСИДОВ

Существенные изменения по сравнению с предшествующим периодом претерпела внешняя политика. Аббасидские халифы не предпринимали новых больших завоевательных походов. Их военные мероприятия против других государств были направлены прежде всего на сохранение границ империи.

Первые аббасидские халифы периодически вторгались в византийские владения в Северной Сирии, Иране и Малой Азии. Византийские отряды, в свою очередь, совершали набеги на мусульманские земли, часто сопровождавшиеся уводом пленных. При ал-Мансуре был проведен ряд успешных операций, но в целом эта военная активность серьезных результатов не принесла. Харун ар-Рашид с целью укрепления границы исключил пограничные с Византией районы («авасим») из местного административного подчинения. Они были выделены в особые пограничные округа, которыми управляли военачальники.

В то время как Харун ар-Рашид был самым могущественным правителем исламского мира, на Западе, в странах латинской Европы, наиболее сильным государем являлся франкский император Карл Великий (800–814). Обе империи граничили с эмиратом испанских Омейядов, которые доставляли немало беспокойства и аббасидскому халифу, и франкскому императору. Из-

вестно о двух посольствах, направленных Карлом Великим ко двору Харуна ар-Рашида. В результате Римская церковь получила некоторые привилегии в Иерусалиме: в частности, христианские святыни города перешли под покровительство Карла Великого. В ответ Харун ар-Рашид отправил Карлу в Ахен ценные подарки, в число которых входили водяные часы с боем и даже слон.

На восточном направлении Аббасиды завершили начатые еще в VII в. войны, целью которых являлся контроль над среднеазиатским участком Великого шелкового пути. Там Аббасидам удалось остановить продвижение на запад китайцев, захвативших в 40-е годы VIII в. Тараз, Суяб и Чач. В июле 751 г. в битве на р. Талас мусульмане и их союзники карлуки разгромили китайскую армию. В результате Таласской битвы стабилизировалась восточная граница Халифата.

Завоевание арабами в начале VIII в. богатых среднеазиатских городов вывело их на торговые пути, которые издавна связывали этот регион с народами Восточной Европы. Наиболее тесные связи имел Хорезм, само географическое положение которого побуждало его владык искать торговых и политических партнеров не только в Азии, но и в Европе. В Восточной Европе в домонгольский период к таковым относились Хазария, Волжская Булгария и Древняя Русь. Естественным центром торговли со странами Восточной Европы был северо-западный форпост Хорезма город Гургандж. От Гурганджа путь шел через плато Устюрт, пересекал реки Эмбу и Урал, вел к низовьям Волги, оттуда поднимался вверх по реке до Булгара. Другой маршрут, связывавший Хорезм с Восточной Европой, проходил к востоку от Волги, через земли огузов и башкир, в обход Хазарии. Описание этого пути содержится в сочинениях многих арабских авторов.

К концу VIII – началу IX в. завершился длительный период арабо-хазарских войн, начавшихся еще в середине VII в. с появлением арабов у стен Дербента. Последний заметный набег хазаров на границы Халифата, сопровождавшийся грабежами и уводом большого количества пленных, имел место в 799/800 г. и был спровоцирован действиями самих аббасидских правителей Закавказья, занятых личными распрями и призывавших хазар себе на помощь. В целом же ситуация на северной границе Халифата к этому времени окончательно стабилизировалась. Именно с установлением мирных отношений между Халифатом и Хазарией принято связывать начало массового поступления арабского серебра в Восточную Европу, фиксируемого археологами на рубеже VIII–IX вв.

Во время правления халифа ал-Муктадира (908–932) завязались дипломатические отношения Халифата с Волжской Булгарией. Посольство из Багдада было направлено в Булгар по инициативе правителя Волжской Булгарии Алмуша. Желая освободиться от власти хазаров, тот решил искать помощи у халифа ал-Муктадира, одновременно сообщив ему о своем намерении принять ислам. Для этого в 921 г. он направил послов в Багдад, прибегнув к посредничеству среднеазиатских правителей Саманидов, поддерживавших устремления булгарского царя. Из Багдада в июне 921 г. отправилось ответное посольство, во главе которого стоял некий Сусан ар-Расси, а секретарем был неизвестный нам по другим источникам Ибн Фадлан. Посольство халифа двигалось из Багдада через Хамадан, Рей, Нишапур, Мерв, Бухару, далее по Амударье до Хорезма, а затем через плато Устюрт, земли огузов и башкир в обход Хазарии добралось до Волжской Булгарии в мае 922 г.

Правовой статус в Халифате определялся вероисповеданием. По этому принципу все жители делились на три категории. Первую составляли мусульмане. Считалось, что все взрослые и здоровые мужчины-мусульмане равны перед Аллахом и его законом независимо от рода занятий и места жительства; правоответственность женщин, рабов и недееспособных была вдвое меньше. Ко второй группе относились лица, находившиеся под покровительством мусульманской общины, *ахл аз-зимма, зиммии* («покровительствуемые»): иудеи, христиане и зороастрийцы, которые признавали власть мусульман и платили подушный налог (*джизья*), взамен получая гарантию неприкосновенности их личности и имущества, а также возможности исповедовать свою веру. Джизью платили мужчины, за исключением стариков, инвалидов, нищих и рабов. Ставки джизьи варьировались в зависимости от имущественного положения плательщика и всегда взимались в денежной форме. К третьей категории относились многобожники, подлежащие обращению в ислам. Каждая конфессиональная община руководствовалась своими собственными религиозно-правовыми нормами, которые регламентировали ее духовную и социальную жизнь.

Положение человека в обществе находилось в прямой зависимости от рода его занятий, которое определяло его налогообложение: богатч или землевладелец, не занимавший государственной должности, рассматривался как рядовой налогоплательщик.

Поскольку исполнение божественного закона считалось прерогативой светской власти в лице халифа, в мусульманском обществе не существовало церкви, т.е. специального института, выступающего в качестве посредника между людьми и Богом, и не сложилось особого слоя лиц, наделенных благодатью. Мусульманское духовенство – *улемы* (знатоки богословия, священного предания и этико-правовых норм), *факихи* (богословы-законоведы) и *муджтахиды* (богословы, обладающие правом выносить самостоятельные решения по богословско-правовым вопросам) – состояло из лиц, обладающих высоким личным авторитетом и глубокими познаниями в сфере богословия. Имамом, предстоятелем на молитве, в принципе мог быть любой грамотный мусульманин. Обучение религиозным наукам считалось частным делом как ученика, так и учителя. Религиозные судьи (*кади*), контролировавшие общественные отношения с точки зрения соответствия их шариату, входили в государственную иерархию, т.е. подчинялись светским властям – султанам, наместникам, амирам – и получали от них жалованье.

Весь земельный фонд в Халифате теоретически считался коллективной собственностью мусульманской общины, от лица которой верховным распорядителем земли выступало государство, которое реализовывало свое право собственника через взимание поземельного налога. В эпоху арабских завоеваний всякий налог, собиравшийся с покоренного населения и рассматривавшийся как плата за пользование землями, которые по праву завоевания принадлежали мусульманскому государству, назывался *хараджем*. Первоначально налоговый статус земли зависел от религиозной принадлежности ее хозяина, однако по мере исламизации, одним из последствий которой становилось уменьшение налоговых поступлений, к концу VII в. установился

порядок, согласно которому налог лежал на земле, а не на личности ее владельца.

Практиковалось несколько форм уплаты хараджа: натурой при уборке урожая, деньгами (не в виде единовременной выплаты, а в рассрочку в течение года) или в смешанной форме. Ставки налога варьировались в зависимости от местности, от площади земельного владения, от того, в какой форме уплачивался налог (денежные ставки менялись реже, чем натуральные, и колебались не так сильно, как последние). Размер хараджа составлял в среднем треть урожая. Харадж мог выплачиваться в индивидуальном порядке (Египет) либо коллективно, когда налогоплательщиков какого-либо поселения связывала круговая порука (Ирак, Иран).

Привилегированный налог с продуктов земледелия, взимавшийся с мусульман, назывался *ушром* (букв. «десятая часть»). Под этот вид налогообложения попадали земли, не подлежавшие обложению хараджем. К их числу относились земли в Аравии, земли, доставшиеся по праву завоевания, владения, пожалованные халифом, вновь освоенные участки, а также земли, на которых выращивались огородные культуры. На практике размер ушра мог быть и меньше десятины. К примеру, с земель, для орошения которых применялась техника, брали вдвое меньше – двадцатую часть урожая.

В связи с тем, что шариат гарантировал мусульманам личные и имущественные права, источником социального напряжения становились вопросы налогообложения. Большинство народных бунтов в Халифате были связаны именно с недовольством существующей практикой налогообложения.

Земля, принадлежавшая членам правящей династии, считалась неотчуждаемой (*савафи*). Земли, не вошедшие в царский домен, остались в собственности прежних владельцев. Мусульмане – как частные лица – могли приобретать землю на завоеванных территориях. Земля или имущество, находившееся в частной собственности в результате покупки, наследования, дарения, захвата в виде военной добычи, освоения (заброшенных земель, к примеру) или изготовления, обозначалась термином *мулк* (или «милк»).

Государственная собственность на землю не только не господствовала, но занимала меньшую долю по сравнению с частновладельческими землями. К примеру, ал-Хаджадж при строительстве ал-Васита или ал-Мансур при постройке Багдада были вынуждены покупать землю под застройку у ее хозяев. Особенностью земельных отношений в Халифате был повсеместный парцеллярный характер хозяйства, независимо от того, территорией какого размера владел феодал. В отличие от средневековой Европы крупные собственники земли жили не в своих поместьях, а в городах, сдавая свою землю в аренду. Да и поместий как таковых не имелось: земля была дорогая, так как требовала орошения, поэтому для средней руки феодала не могло быть и речи о собственных парках, охотничьих угодьях или замках на природе.

Собственность феодала на землю сочеталась с собственностью крестьянина или сельской общины на ту же землю. Крестьянин мог продать свой участок земли, не спрашивая на это разрешения у феодала. Имеющиеся данные о прикреплении крестьян к земле относятся либо к Египту, где до IX в. сохранялись старые византийские порядки, либо к более позднему времени – монгольскому и мамлюкскому периодам. Наряду с крестьянской мулковой собственностью была широко распространена издольная аренда земли,

Мечеть Ибн-Тулуна. Каир. IX в.

при этом арендатор мог использовать собственные орудия труда и семена, а мог получать это от хозяина.

В эпоху завоеваний, в особенности при Османе, распространилась практика наделения арабской знати и воинов участками земли из фонда савафи. Такие участки назывались *катиа* (от араб. *акта* 'а – «отрезать», «наделять»), лицо, наделенное землей именовалось *мукта*, а сам акт дарения – *икта*. Необходимость содержать огромный бюрократический аппарат привела к тому, что в IX в. сановникам было предоставлено право самим собирать налоги с подведомственных им округов, а также оставлять себе их часть в качестве жалования; фактически в распоряжении чиновника оставалась разница между ставкой хараджа и ушром. Икта предоставлялось на время службы или пожизненно.

Еще одним видом собственности был *вакф* – не облагаемое налогами неотчуждаемое движимое или недвижимое имущество строго определенного назначения, переданное владельцем на религиозные или благотворительные нужды общине, государству или отдельному лицу. Переданное в вакф имущество перестает быть собственностью дарителя, но вместе с тем и не становится в полном смысле собственностью того, кому оно подарено (отсюда и термин *вакф* – араб. «остановка»). Право собственности на переданное в вакф имущество ограничивалось правом пользования доходом с него; в ряде случаев часть дохода могла перераспределяться в пользу потомков дарителя.

Бурный рост вакфного имущества начался в X в., когда повсеместно стали возникать религиозные учреждения: мечети, медресе, больницы и т.п. Это в свою очередь привело к росту влияния духовных лиц, распоряжавшихся вакфами – улемов (или факихов – знатоков религиозных наук) и дервишей (или суфиев – святых и служителей могил святых).

Повседневная жизнь арабов и других народов, населявших страны Халифата в VII–XIII вв., разительно отличалась от жизни их современников-европейцев. Тогда как в Европе господствовало натуральное хозяйство, на мусульманском Востоке процветали города, велась оживленная торговля, на небывалую для того времени высоту поднялось развитие наук, искусств и ремесел, сформировалась утонченная бытовая культура.

Большую часть городов Халифата составляли населенные пункты, существовавшие задолго до арабского завоевания (в Сирии, Ираке и Египте). Городов, основанных самими арабами, насчитывалось немного – они представляли собой либо бывшие военные лагеря (Куфа, Басра, Фустат), либо заново построенные центры, служившие резиденцией правителей (ал-Васит, Багдад, Самarra).

В земледельческих регионах Халифата – Месопотамии и Египте – число горожан в общей массе населения доходило до 15%. Наряду с городами, выполнявшими функции административных центров, существовали и населенные пункты, специализировавшиеся на каком-либо производстве. Так, в дельте Нила располагался целый ряд городов, где производились льняные и шелковые ткани (Тиннис, Шата, Димьат), а в Верхнем Египте – шерстяные; в Ираке и Средней Азии имелись города, связанные с добычей и обработкой металлов (серебра, железа) и драгоценных камней. В отличие от европейского города мусульманский город мог не иметь стен. В центре города, как правило, находилась крепость правителя (*арк, хисн*), вокруг которой селилась знать; эта часть города называлась *мадина*, или по-персидски – *шахристан*; вокруг нее располагались торгово-ремесленные предместья (*рабат*).

Городской статус населенному пункту Халифата давало наличие в нем соборной мечети (*ал-масджид ал-джами*), в которой проходило общее пятничное моление с проповедью (*хутба*). Проповедь произносилась со специальной трибуны (*минбар*, или *мумбар*) и в качестве обязательного элемента включала здравицу в честь правившего халифа. Со второй половины IX в. некоторые местные правители добились права быть упомянутыми в хутбе после имени халифа. В крупных городах, таких как Багдад, Фустат и сменивший его Каир и др., могла быть не одна соборная мечеть, а несколько.

Города Халифата не имели особого правового статуса. Город как часть того или иного административного округа управлялся наместником, которого назначал халиф. Наместник отвечал за поддержание порядка в городе и сбор налогов с горожан. Для этого он назначал правителя города (*вали*), начальника городской полиции, сборщиков налогов, судью (*кади*). Если город содержал вооруженные отряды горожан, то они подчинялись начальнику полиции. По нормам шариата горожане, как и остальные мусульмане, пользовались личной свободой, свободой торговли и передвижения, были равны перед законом; кроме того, в общественном мнении городские профессии (торговцев, ювелиров, менял и т.п.) пользовались уважением. Городские ремесленники были объединены в корпорации (*синф*), которые не имели тако-

го замкнутого характера, как цехи в европейских городах. Многие важные функции, которые на Западе являлись внутренним делом цехов, в Халифате возлагались на специального государственного чиновника (*мухтасиб*). Он ведал регламентацией и стандартизацией производства и торговли, а в неурожайные годы также и ценовой политикой.

В городском быту использовалось множество машин и приспособлений. Например, во многих городах Халифата имелись подземные водопроводы и сложные оросительные сооружения, было изобретено множество машин с использованием приводов, рычагов и поршней для подъема подземных вод, которые шли на снабжение горожан питьевой водой, орошение полей и другие хозяйственные нужды. Многие города предоставляли своим жителям и другие удобства – уличное освещение и общественный транспорт (ослы, лодки). В крупных городах насчитывались сотни и даже тысячи бань, где к услугам посетителей были массажисты, цирюльники, лекари. Многие города имели собственную больницу, а то и несколько. К началу IX в. в повседневный быт мусульманских стран вошла бумага, секрет производства которой был получен от китайцев, взятых в плен во время Таласской битвы в 751 г. Благодаря относительной дешевизне и доступности бумаги стало возможным массовое изготовление книг. Книжные лавки можно было встретить повсеместно в любом крупном городе Халифата, бумагу не жалели даже на упаковку продуктов на рынке.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО И БОГОСЛОВИЕ В VIII–X вв.

Превращение Халифата в эпоху Аббасидов из империи арабов в общеемусульманское государство привело к дальнейшему развитию самого ислама. Новообращенные мусульмане приносили в трактовку исламского вероучения свои духовные традиции, благодаря чему возникали различные направления и школы в сфере права и в области исламской теологии. Плюрализм форм исламской мысли способствовало и то, что в исламе отсутствовало понятие ортодоксии, а развитие богословия осуществлялось в порядке частной инициативы.

Мусульманское право (араб. *ал-фикх* – «глубокое понимание», «знание») начало складываться незадолго до прихода Аббасидов к власти. В VII – начале VIII в. на завоеванных территориях продолжали действовать прежние правовые нормы, и лишь со временем они стали подвергаться осмыслению с точки зрения исламского религиозно-этического учения. Специфика исламской государственности – соединение в лице халифа светской и религиозной власти – обусловила развитие в Халифате исключительно религиозного по своему характеру права. Ни халиф, ни какое-либо другое лицо или государственный орган не являлись источниками права. Все правовое регулирование осуществлялось на основе Корана и сунны, так как считалось, что в них имплицитно содержатся ответы на все правовые вопросы. Совокупность закреплённых в Коране и сунне принципов, норм и правил, на которых строится закон и правосудие, называется «шариатом» (букв. «прямой, правильный путь»). Даже халиф не мог изменить или отменить какую-либо часть шариата.

та, поскольку сам считался хранителем и исполнителем священного закона. Коран и сунна стали основными источниками мусульманского права. Самостоятельным источником права было также признано единодушное мнение (*ал-иджма*) авторитетных факихов по обсуждаемому вопросу, согласие которых придавало решению статус правовой нормы.

По мере включения в состав Халифата новых территорий и усложнения социальной структуры мусульманского общества встал вопрос о принципах интерпретации и практического применения коранических предписаний в меняющихся условиях. Сталкиваясь при разборе тяжб с практическими проблемами, прямо не отраженными в священных текстах, судьи были вынуждены давать им самостоятельную интерпретацию. При этом они руководствовались здравым смыслом или опирались на местные обычаи, имея в виду, что принятое ими решение должно было основываться на исламском учении и поддерживать его. Постепенно в среде правоведов были выработаны специальные принципы и приемы толкования основополагающих источников для решения тех вопросов, относительно которых в Коране и сунне нет прямых указаний. Этот комплекс приемов, владение которыми требовало большой эрудиции и совершенного знания арабского языка, получил название *ал-иджтихад* (букв. «усердствование», «большое старание»). Основной формой иджтихада было суждение по аналогии (*ал-кийас*), когда механизм решаемого вопроса вырабатывается путем сопоставления с аналогичным или сходным казусом, присутствующим в Коране или сунне. Кийас стал, наряду с Кораном, сунной и иджма, четвертым источником мусульманского права.

Мусульманские юристы (факихи) были не только законоведами, но одновременно и богословами, а первые правовые труды представляли собой сборники тематически подобранных хадисов. Занятия правом являлись частным делом, и факихи не были государственными чиновниками. Многие выдающиеся факихи – Абу Ханифа, Малик Ибн Анас и другие – вышли из городской торгово-ремесленной среды.

Среди факихов возникали серьезные разногласия относительно того, какими методами следовало выносить решения по новым проблемам и спорным вопросам. Наиболее крупными центрами иджтихада были Мекка и Медина в Хиджазе, Куфа и Басра в Ираке, а также Дамаск и Бейрут в Сирии. С конца VII по начало XI в. в этих городах шла активная разработка теоретических основ мусульманского права. Постепенно расхождения между сторонниками разных направлений стали оформляться в виде отдельных доктрин, что в конечном итоге привело к образованию самостоятельных богословско-правовых школ – мазхабов (араб. «путь»; термин *мазхаб* широко используется не только в области фикха, но и в сфере других исламских наук – философии, хадисоведении и др.).

Четыре мазхаба суннитского фикха были признаны каноническими – ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский. С середины X в. «врата иджтихада закрылись», т.е. дальнейшая разработка новых принципов интерпретации богословско-правовых источников прекратилась. Возможной стала лишь деятельность уточняющего или систематизаторского характера, которая дополняла сочинения, ранее уже признанные авторитетными. Впоследствии был канонизирован и шиитский мазхаб имамитов-джафаритов.

Обособление религиозно-политических группировок в самом исламе, а также неизбежные контакты мусульман с представителями иных вероисповеданий в пределах Халифата сопровождались дискуссиями на различные богословские и морально-этические темы, в ходе которых стороны оттачивали свое полемическое мастерство. И если во внутриисламской полемике силы противоборствующих сторон были равны, то в диспутах с христианами, иудеями или зороастрийцами мусульманам пришлось столкнуться с развитой полемической и философской традицией. Все это потребовало от мусульманских богословов выработки стройной системы рассуждений по поводу своей веры. В первой половине VIII в. в исламе стали складываться школы, представители которых давали рационалистическое толкование различных аспектов вероучения: единству бога и соотношению его сущности и атрибутов, свободе воли и предопределению, сущности веры, «сотворенности» или «несотворенности» Корана, верховной власти в исламской общине и др. Этот религиозно-философский дискурс получил наименование *калам* (араб. «речь», «разговор»), а его теоретики назывались *мутакаллимами* (букв. «разговаривающие»). Мусульманские мыслители четко различали калам и собственно философию, которая носила иное название (*фалсафа*).

Первой крупной школой калама были *мутазилиты* (букв. «отделившиеся», «обособившиеся»). В период правления Омейядов мутазилиты вели пропаганду своих взглядов среди просвещенных горожан и находились в оппозиции к правящей династии. При Харуне ар-Рашиде мутазилиты подвергались преследованиям, но сумели добиться поддержки его сына – будущего халифа ал-Мамуна. Период наибольшей активности мутазилитов пришелся на первую половину IX в., в особенности на время правления халифов ал-Мамуна (813–833), ал-Мутасима (833–842) и ал-Васика (842–847).

Ал-Мамун решил сделать доктрину мутазилитов идеологической опорой своего режима. Около 827 г. он учредил в Багдаде «Дом мудрости» (Байт ал-хикма), которому отводилась ведущая роль в пропаганде мутазилитского учения. «Дом мудрости» представлял собой учреждение по сбору, систематизации и переводу сочинений античных и эллинистических ученых, главным образом, естественно-научного и философского плана. На деле реальное значение «Дома мудрости» вышло далеко за рамки тех идеологических задач, ради которых он создавался. Организация «Дома мудрости» (если рассматривать ее в более широком историческом контексте) была не просто волевым актом верховной власти, но прежде всего органичным явлением интеллектуальной жизни Халифата VIII–XI вв. Эта форма культурного учреждения продолжала существовать в мусульманском мире и после официального отказа от мутазилизма. «Дома мудрости», или «дома науки» (*дар ал-илм*) в IX–XI вв. имелись во многих городах Ирака (Багдаде, Басре, Мосуле), Сирии и Палестины (Дамаск, Иерусалим, Триполи), а также Египта (Каир). Они содержались за счет казны, частных лиц или мусульманской общины, помещались в отдельном здании, где в распоряжение ученых предоставлялись книги, письменные принадлежности, жилье и денежное пособие. Со второй половины XI в. «дома науки» уступают место библиотекам при «вакуфных» (т.е. принадлежавших мусульманской общине) учреждениях (мечетях, медресе и больницах).

При преемниках ал-Мамуна мутазилитские теологи полностью контролировали такие крупные центры, как Багдад, Басру и новую халифскую резиденцию Самарру. Однако попытки властей основать исламскую догматику на непонятных для широкого круга верующих рационалистических философских идеях вызывали повсеместный гнев традиционалистов, особенно сильный в Сирии, Египте и Хорасане. Вскоре халиф ал-Мутаваккил (847–861) осудил не только главные положения мутазилитского учения, но и калам как таковой.

Большое количество ответвлений породило шиитское движение. Разногласия среди шиитов были связаны прежде всего с вопросом о том, кому из потомков Али должно принадлежать право на имамат. Эта проблема порождала споры и распри в шиитском движении после смерти каждого претендента на имамат. В VIII в. шииты окончательно раскололись на два основных течения – «умеренных» и «крайних», которые, в свою очередь, стали и дальше дробиться на идейно обособленные общины. Шиитские лидеры в ряде районов Ирака, Ирана, Сирии и Аравии добились и политического успеха. Значительную роль в истории Халифата сыграла ветвь исмаилитов, которые разработали сложную религиозно-философскую систему, многие положения которой восходили к учениям неоплатоников, гностиков и мистиков, а также многоступенчатую систему пропаганды своего учения в Ираке, Хорасане, Сирии, Египте и на юге Аравии.

В Аббасидское время сформировалось мистико-аскетическое направление в исламе – суфизм. Термины «суфизм» (*ат-масаввуф*) и «суфий» (*мутасаввиф*, *суфи*) происходят от слова «суф» (араб. «шерсть»), так как одеяние из грубой шерстяной ткани было характерным атрибутом мистиков, аскетов и отшельников. Важным элементом суфийской практики было духовное наставничество, предполагавшее, что начинающий суфий (мурид) должен беспрекословно повиноваться своему наставнику (шейху, муршиду, пиру). Местом обучения был широко распространенный с X в. тип суфийской обители – «ханака», «завийа» и «рибат». С середины XII в. на базе суфийских обителей стали складываться суфийские братства, в каждом из которых существовал свой метод мистического познания Истины со свойственными ему приемами духовно-религиозных и физических упражнений. В качестве наименования членов суфийских братств стал употребляться термин «дервиш» (перс.-тур. «нищий», «бедняк»). Суфийские братства не имели централизованного управления и в том или ином регионе мусульманского мира были весьма тесно связаны с местными духовными традициями. Благодаря этому суфизм стал очень распространенной формой бытования ислама на периферии исламского мира.

Тесное взаимодействие арабов с покоренными ими народами – иранцами, семитами, тюрками, коптами, берберами и другими – глубоко видоизменило аббасидское общество. При этом отношения между местным населением и арабизированными мусульманами в различных частях Халифата имели свои особенности. Единая для аббасидского Халифата арабо-мусульманская культура на деле существовала во множестве локальных вариантов, формировавшихся по мере взаимопроникновения исламской идеологии и местных культур. Свое политическое выражение это культурное многообразие находило в появлении местных династий, тяготевших к зависимости от Багдада.

Первые признаки распада Халифата проявились уже в конце VIII в., а в X–XI вв. его политическая карта стала быстро меняться. В конце VIII в. из-под власти Аббасидов вышли провинции Магриба, где разрозненные берберские племена находились на начальном этапе исламизации. В Магрибе почти повсеместно ислам распространялся в форме хариджизма, поэтому там находили приют многие Алиды, вынужденные бежать из центральных областей Халифата. Основателями первой алидской династии в Марокко были Идрисиды (789–974). На западе Алжира во второй половине VIII в. образовался хариджитский эмират Рустамидов (777–909). В Ифрикии (Тунисе) также образовался местный эмират – государство Аглабидов (800–909), которые, в отличие от Идрисидов и Рустамидов, оставались вассалами Халифата. Аглабидские эмиры построили большой флот, который совместно с Аббасидами совершал пиратские налеты на средиземноморские города Италии, Сардинию, Сицилию и Корсику. В 846 г. аглабидские пираты разорили Рим. При эмире Абу-л-Гаранике Мухаммаде II (863–875) Аглабиды присоединили к своим владениям Мальту, при Ибрахиме II (875–902) – Сицилию, где впоследствии укрепилась мусульманская династия Калбидов (948–1062).

Первой местной династией в Египте, добившейся независимости от Багдада, были эмиры Тулуниды (868–905). После возвращения Египта под власть багдадских халифов управление этой провинцией осуществляли назначавшиеся в Багдаде военные чиновники. Их власть была малоэффективной и спустя тридцать лет вновь перешла в руки самостоятельной династии эмиров Ихшидидов (935–969).

В слабо исламизированных районах Южного Прикаспия и в Мавераннахре появились самостоятельные иранские династии Тахиридов (821–873) в Хорасане, Саффаридов (867 – ок. 1495) в Систане, Саманидов (819–1005) в Мавераннахре и Хорасане. Все они возводили свою родословную к Сасанидским шахам.

В середине X в. восточные провинции Халифата вместе с Ираком на целый век попали под власть иранской шиитской династии Бувайхидов (Бундов) (945–1055), выходцев из Дайлама – горной области на юго-западном побережье Каспийского моря, которая традиционно поставляла первоклассных солдат в халифскую армию. Халиф остался духовным главой мусульман-суннитов, но реальную политическую власть утратил, хотя формально Бувайхиды управляли государством от имени халифов – ал-Мути (946–974), ат-Таи (974–991), ал-Кадира (991–1031), ал-Каима (1031–1075).

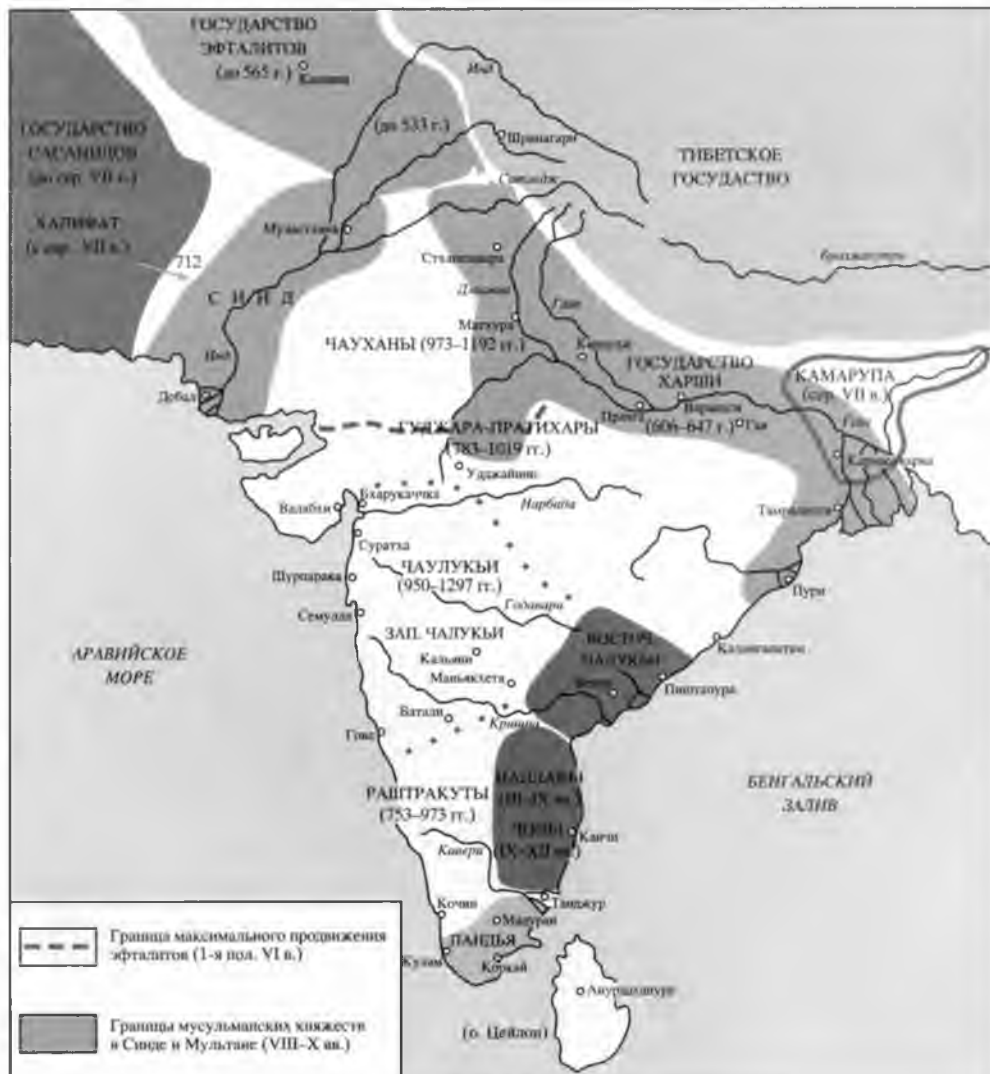
Политическая история Индии после распада державы Гуптов в начале VI в. с большим трудом поддается описанию. Три основные зоны субконтинента: Север, Декан и Юг – оказались разделены на множество мелких государств (в V–VII вв. насчитывалось около 50 разного рода политических образований), которые часто сменяли друг друга в качестве доминирующей силы в том или ином регионе.

Еще одна трудность заключается в том, что раннесредневековый период истории Индии меньше всего обеспечен источниками. Сохраняется специфическое отношение индусов к истории, стремление не отразить существующую действительность, а создать идеальные образы, не фиксируя происходящие в обществе изменения и многие значительные политические события. Например, представления об иерархической структуре общества того времени формулировались и дошли до нас не в трактатах о политике или праве, а в произведениях, посвященных искусству и архитектуре. В связи с этим продолжают сохранять свое значение иностранные свидетельства и данные эпиграфики (надписи становятся гораздо более распространенными и информативными, особенно на юге). Ярким примером индийского отношения к истории служит тот факт, что в надписях гуджаратской династии Чаулукеев не упоминается поход на их государство создателя державы Газневидов, охватывавшей Среднюю Азию, Афганистан и значительную часть Ирана, Махмуда Газневи (988–1038), в 1024 г. разрушившего столицу и разграбившего богатейший храм Шивы в Сомнатхе, который являлся одним из наиболее известных индийских храмов.

С конца VIII в. начинается движение воинственных кланов, сложившихся в районе современного штата Раджастан, на восток, в плодородную долину Ганга. К X в. они овладели практически всей Северной и Центральной Индией, но передвижения раджпутских кланов, постоянно теснивших друг друга, продолжались вплоть до начала колониального периода. Создав свои государства, они называли себя *раджанутра* («царские сыновья» – традиционно они причисляли себя к 36 царским кланам) и стали претендовать на происхождение от ведических кшатриев. На самом деле они, скорее всего, были потомками завоевателей эфталитов и гурджаров, окончательно подорвавших могущество империи Гуптов в VI в., но затем оттесненных в засушливые районы будущего Раджастана.

В V–VI вв. Северная Индия подверглась одному из очередных иноземных завоеваний. Сдвинувшиеся со своих мест под напором гуннов центральноазиатские племена эфталитов (или «белых гуннов») – восточноиранские или тюркские по своему происхождению (существует и теория, что они представляли собой конгломерат различных по происхождению и языковой принадлежности племен, что было характерно для эпохи Великого переселения народов) – с середины V в. начали нападать на границы державы Гуптов.

Правителям слабеющей империи удавалось неоднократно одерживать над ними победы, но это не остановило продвижение эфталитов на Запад Северной Индии. Надписи сохранили имена вождей завоевателей: Тораманы (490–515) и

Индия в VI–XII вв.

его сына Михиракулы. Последний стал известен как жестокий правитель, гонитель буддизма, разрушивший множество монастырей и храмов. После поражения от одного из центральноиндийских правителей в 533 г. Михиракула отступил на Север и захватил Кашмир. К середине VI в. многие из племен белых гуннов и пришедших вместе с ними гурджаров уже осели на территории Раджастана и постепенно ассимилировались с местным населением, что способствовало их желанию «кшатрианизироваться».

По преданию, древние кшатрии принадлежали к двум семьям: «Солнечной династии» (к ней традиция относит героя «Рамаяны» Раму) и «Лунной династии» (к ней причисляли Кришну и героев «Махабхараты» – Пандавов). Раджпутские династии стремились причислить себя к одной из этих

легендарных семей. Династии, правившие на Декане, не имели отношения к раджпутам, вышедшим из Раджастанана, однако тоже создавали для себя кшатрийские генеалогии, часто противоречивые. Например, Чалукьи из Ватапи считали себя «Солнечной династией», а их родственники Чалукьи из Кальяни объявили свою династию «Лунной». Некоторые династии не сразу смогли определиться с варновой принадлежностью и называли себя сначала брахманами, а затем кшатриями. Стремление брахманов к «кшатрианизации» показывает, что брахманский статус в то время не воспринимался как наивысший, несмотря на традицию, основанную на священных книгах.

Глава раджпутского клана носил титул князя или царя (*нрипа, раджа, махараджа*). Клан делился на подкланы, группы родственных семей и большие семьи. Рядовой член клана называл себя раджпутом. Сложившись из различных этнических и кастовых групп, раджпуты выработали особые правила поведения, бытовой уклад, брачные нормы и даже своего рода рыцарский кодекс чести. Они считали войну своим основным занятием, что приводило к постоянной вражде между княжествами, которая истощала ресурсы раджпутских владений.

Несмотря на крайнюю политическую нестабильность региона, в Северной Индии и на Декане IX–XII вв. можно выделить три наиболее значимых государства: державы Гурджара-Пратихаров, Палов и Раштракутов. Возникшее в начале VIII в. в западном Раджастане государство Гурджара-Пратихаров подчинило в IX в. области от Бенгалии до Панджаба, контролируя большую часть Северной Индии. Оно просуществовало до 1019 г., когда его столица Канаудж, которую продолжали считать столицей всей Индии, была разграблена войсками Махмуда Газневи. На востоке с Гурджара-Пратихарами соперничало государство Палов, возникшее в середине VIII в. на территории Бихара и Бенгалии и также утратившее свое могущество к XI–XII вв. На юге представители этих династий противостояли державе Раштракутов, которая активно вмешивалась в борьбу между северными соседями за Канаудж.

Уже в X в. все три государства, боровшиеся до этого за господство в Северной Индии, пришли в упадок. В конце X в. одно из княжеств во главе с ветвью клана Чауханов – Чауханы из Сакамбхари – стало независимым от Гурджара-Пратихаров, а с середины XII в. превратилось в доминирующую силу в Северной Индии, контролируя восточную и центральную Раджпутану, часть Гуджарата, восточный Панджаб и район Дели. Северо-запад Индии подвергался постоянным нападениям мусульманских княжеств из Афганистана и Ирана. Первые мусульманские набеги и завоевания в Индии относятся к началу VIII в., когда было захвачено несколько северо-западных княжеств на территории Синда. Вскоре завоеватели были остановлены Пратихарами и Чалукьями. С конца X в. мусульманские нападения вновь стали представлять собой значительную угрозу, но до конца XI в. оставались скорее грабительскими, а не завоевательными. Наиболее заметными из них были 17 походов Махмуда Газневи.

В конце XII в. ослабевшая династия Газневидов была свергнута Гийас ад-Дином Мухаммадом Гури, основавшим свое обширное государство. Младший брат Гийас ад-Дина Муиз ад-Дин Мухаммад Гури (1173–1206) начал завоевывать Северную Индию. В 70–80-е годы XII в. он присоединил Панджаб и Синд. Занятые постоянными междоусобными войнами индийские государ-

П
И

о-Дели,

ства оказались не в состоянии противостоять мусульманской угрозе. Тем не менее правителю из династии Чауханов из Сакамбхари Притхвираджу III (1177–1192) удалось на короткий срок возглавить коалицию из многих индийских правителей, созданную для отпора завоевателям. В 1191 г. объединенные войска североиндийских княжеств нанесли Муиз ад-Дину первое поражение. Но союз раджпутских княжеств вскоре распался, Притхвирадх III потерпел поражение от мусульман и погиб, оставшись в памяти индусов национальным героем. После этого военачальники Муиз ад-Дина продолжили поодиночке завоевывать одно индийское государство за другим.

Существовавшие на юге дравидские государства (Паллава, Пандья, Чола) были более политически стабильными, чем княжества Северной Индии. В IX в. государство Паллава прекратило

свое существование, а после захвата Чолами в начале X в. значительных территорий у Пандьев (крайний юго-восток) весь Тамилнад оказался под властью Чолов. С XI в. начинается распространение южноиндийского влияния на Декан. К началу XII в. в результате слияния южноиндийского государства Чолов с державой Восточных Чалукьев (представитель Чалукьев по женской линии унаследовал трон Чолы), появилась наиболее могущественная держава во всей Южной Азии. Раштракутов сменили на Декане Чалукьи. В конце X–XI вв. держава Чолов при правителях Раджарадже I (985–1016) и Раджендре I (1016–1044) переживала расцвет своего экономического и политического могущества, правда, ее влияние практически не затронуло север Индии, хотя армия Чолов совершала походы на север, дойдя, по преданию, до реки Ганга. На короткий период в зависимости от них оказались прибрежные земли восточной части Центральной и Северной Индии. На юге правители Чолов Раджараджа I и Раджендра I воевали с объединенными силами правителей Кералы (в основном княжества западного Малабарского побережья Индии не вмешивались в конфликты внутрииндийских держав), Пандьи и Шри Ланки, контролировавших торговлю с Западом. Чолы стремились получить этот контроль в свои руки и вытеснить поддерживаемых Кералой арабских купцов, составлявших Чолам торговую конкуренцию. Им удалось подчинить Ланку (современная Шри Ланка) и Мальдивские острова. Раджендра I в одной из своих надписей утверждает, что его флот разгромил

Шривиджаю (на Суматре), однако других подтверждений этого похода нет, также как и следов существовавшего тогда военного флота.

Ясно лишь, что военная экспансия подорвала силы государства. В результате Чолы не смогли противостоять наступлению вновь усилившихся Пандьев с юга и державы Хойсалов (бывших вассалов Чалукьев) с запада. Их владения сократились до размеров небольшого княжества, в то время как доминирующей силой на юге в XIII в. стали Пандьи, а на Декане Чалукьев сменили государства Ядавов и Хойсалов.

В начале новой эры складывается кастовая система, которая становится основой социальной структуры индийского общества. Происходят изменения в представлениях о «разделении труда» между варнами. Если в древний период занятиями вайшьев считались и земледелие, и скотоводство, и торговля, то в Средние века распространяется представление о том, что земледелие – занятие шудр, которыми до этого считались ремесленники и представители обслуживающих три высшие варны профессий. Этот процесс можно расценивать по-разному. С одной стороны, шудры перестали восприниматься как отверженные, им теперь разрешалось принимать участие в богослужении, они стали уже не слугами, а самостоятельными хозяевами. Но возможна и другая трактовка: статус земледельцев и скотоводов понизился, что отразило массовый характер их превращения из самостоятельного сельскохозяйственного населения в зависимое. Касты, относимые к шудрам, начинают после этого делить на «чистые» (земледельцы и часть ремесленников) и «нечистые» (другая часть ремесленников и служебные касты). Вместе с тем появляется значительная группа каст, которых считали стоящими ниже шудр, что, видимо, связано с включением в кастовую систему многочисленных менее развитых племен, до этого находившихся на периферии держав древности и включенных в средневековый период в освоенную индийской цивилизацией территорию. Они стали восприниматься как «неприкасаемые».

Упадок городов и торговли, проявившийся в западных областях еще до образования державы Гуптов и связанный как с общеевразийскими процессами (в том числе Великим переселением народов), так и с внутренними факторами, особенно затронул города среднего течения Ганга после VI в. Южная Индия была больше связана с морской торговлей с Ближним Востоком, Африкой (портовые города Малабарского побережья) и странами Юго-Восточной Азии (порты восточного, Коромандельского побережья), и оказалась меньше затронута этим упадком. Возрождение городов на севере Индии началось с XI в., но говорить о нем, как о массовой тенденции, возможно лишь с XIV в.

Торговля велась корпорациями или общинами купцов, которые имели ряд привилегий и активно отстаивали свои интересы. В Южной Индии и на Декане существовало несколько крупных торговых корпораций, имевших отделения во многих городах и занимавшихся как торговлей внутри Индии, так и с Западной и Юго-Восточной Азией. Торговые корпорации содержали собственные воинские контингенты, что повышало их социальный статус. Некоторые южноиндийские купцы получали привилегии пользоваться зонтиком, служившим символом власти, ездить на слонах, иметь дом в несколько этажей и т.д. Купеческие корпорации вводили самообложение, принимали вклады от частных лиц, совершали дарения, занимались благотворительностью.

Эллора. Пещерные храмы. Индия. V–IX вв. (фото)

Кастовые организации ремесленников (не только городских, но и обслуживающих сельское население на натуральной основе и мало связанных с рынком, изначально находившихся по положению ниже слоя земледельцев-налогоплательщиков) также приобретали черты корпораций. Они стремились отстаивать свои интересы, могли принять решения о бойкоте того или иного общинника или деревни, если те нарушали их права, принимали участие в дарениях. Организация пяти основных ремесленных каст (кузнецов, плотников, золотых дел мастеров, каменщиков и медников) также приобрела определенный социальный престиж, получив право по торжественным случаям использовать рожки и горны, носить зонтики и т.д.

С натурализацией экономики была связана практика дарения деревень и земель, отразившаяся в дарственных грамотах, сохранившихся на медных табличках или на камне (особенно много источников такого рода найдено на юге Индии, не подвергшемся мусульманскому завоеванию; в результате него на севере были разрушены многие храмы, вместе с которыми исчезли и надписи на стенах, и медные таблички). Получатель грамоты имел фактически «феодалные» права: распоряжения землей, фискального, административного и частичного судебного иммунитета, право требовать подчинения от населения и т.д. Кроме правителей дарения земель нередко осуществляли и частные лица, что говорит о широком распространении крупного частного землевладения.

В результате раджпутского завоевания на севере представителям осевших воинственных кланов, сначала просто получавших с общинных крестьян налоги, удалось завладеть землей и превратить бывших общинников в

своих арендаторов. Часть земель была раздарена брахманам, так как раджпуты стремились таким образом доказать свое кшатрийское происхождение (классические древние трактаты утверждали, что брахманы могут принимать дары только от кшатриев). Появление новых династий вело к обложению этих высококастовых общинников со стороны более крупных землевладельцев, а также государства. Таким образом возникали крупные многослойные или широкие общины, делившиеся на более мелкие подразделения.

На юге Индии и на Декане также возникли влиятельные крупные общины во главе с высокопоставленными кастами. Они охватывали десятки деревень, имели совет, старост, имущество, включая землю. Они собирали в свою пользу некоторые налоги, пользовались самоуправлением, дарили землю брахманским общинам и храмам, строили каналы, устраивали празднества, осуществляли судопроизводство. Наибольшей автономией пользовались крупные общины в Тамилнаде. В Карнатаке и Андхре они часто находились под контролем чиновников, назначаемых из центра.

После VI в. культура Индии переживает период упадка, сокращается число выдающихся поэтов и ученых. Развивается практика комментирования древних сочинений, при этом в комментариях не вносилось ничего нового. Творчество на санскрите, непонятном подавляющей массе населения, становится элитарным, уходит в эстетические изыски. Наиболее распространенным видом литературы остается поэзия, в которой форма часто превагирует над содержанием. Распространяются поэмы, имеющие два и более смысла. Например, поэтизированная история династии Чаулукиев одновременно представляет собой трактат о правилах грамматики. В то же время идет процесс становления национальных языков (тамильского, бенгальского, маратхского, телугу, гуджаратского, каннада и др.), на которых появляется и бурно развивается собственная литература, также в основном представленная поэзией.

С фактическим исчезновением в Средние века буддизма из Индии (хотя его еще поддерживали правившие до XII в. в Бенгалии Палы), исчезает традиция фресковой живописи. Поза и атрибутика скульптур тысяч индуистских божеств определялась традицией, что практически не давало возможности для творчества художников. С VIII в. в западных и северо-западных частях Индии появляются «средневековые» черты в скульптуре и живописи – тенденции к переходу к двухмерному и плоскостному видению, к линейным композициям, к резким, нервным, угловатым линиям, скорее всего, вызванные влиянием среднеазиатских кочевых народов. В XI–XII вв. они распространяются и в центральных областях Индии, но не затрагивают ее восток и юг.

На X–XIII вв. приходится расцвет храмового строительства. Оформились основные черты храмового комплекса и выделились региональные и династические стили (паллавский, чольский, чалукийский, хойсальский и т.д.).

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В 800–1200 ГОДАХ

К 800 г. н.э. в Юго-Восточной Азии продолжал существовать и развиваться ряд государственных образований, сформировавшихся в более ранний период (с начала нашей эры). В центральной части современного Вьетнама находилось государство Чампа (Тямпа, Тьямпа) – государственное образование в континентальной части региона, сформированное аустронезийскими племенами и просуществовавшее до XV–XVII вв. Страна неоднократно меняла свое наименование: до середины VIII в. в китайских источниках она называлась Линьи, затем в течение столетия, когда ее центр сместился на юг, китайцы называли ее жителей *хуанвань*, и только с середины IX в. после возвращения столицы на север появилось название Чампа.

Северный Вьетнам, где основным этнос составляли вьеты, находился с I в. до н.э. в зависимости от китайских империй. Лишь с конца IX в. н.э. китайские войска покинули эту часть региона, и здесь началось формирование независимого государства вьетов. После полувека борьбы вьетов с силами небольших южнокитайских государств, возникших на развалинах империи Тан, а также междоусобных столкновений двенадцати аристократических родов, в 968 г. было образовано государство Дайковьет (с 1054 г. – Дайвьет), во главе которого стоял император (*хоанг де*). С 1009 по 1225 г. в Дайвьете правила династия Ли, во времена которой государство пережило расцвет своего политического могущества: велось крупное ирригационное и городское строительство, столица была перенесена в крупный исторический центр рисоводства Тханглаунг (совр. Ханой). Хотя формально Дайвьет признавал сюзеренитет династии Сун, страна, постоянно находясь под угрозой вторжений с севера, смогла отстоять независимость. Пытаясь добиться от вьетов фактического подчинения, в конце XI в. китайский император заключил военный союз с Чампой и Камбуджадешей. Тем не менее чамские и китайские войска были разбиты, после чего началось присоединение к Дайвьету чамских территорий.

Первая крупная «империя» в Юго-Восточной Азии Фунань (Бапном), образованная на территории современной Камбоджи (в дельте Меконга) в первые столетия нашей эры и охватывавшая в период своего расцвета большую часть региона (Южный Вьетнам, части Лаоса, Таиланда, Мьянмы и Малайского п-ова), прекратила свое существование в начале VII в. н.э. На ее развалинах помимо прочих этнополитических образований появились кхмерские вожества с сакральным центром у горы Лингапарвата (совр. Таиланд), поначалу попавшие в зависимость от Чампы. Сбросив чамское иго, кхмерские правители развернули борьбу за наследство Фунани.

Государство Ченла с центром между горами Дангрек и оз. Тонлесап в течение VII в. распространило свое влияние на все кхмерские земли. В начале VIII в. Ченла распалась на два государства: Ченла Земли (на севере) и Ченла Воды (на юге), которые, в свою очередь, состояли из нескольких княжеств. В конце VIII – начале IX в. правитель княжества Аниндитапура, входившего в Ченлу Воды, Джаяварман II начал борьбу за объединение кхмерских

Юго-Восточная Азия в IX–XII вв.

территорий. За 52 года своего правления он взял под свою руку княжества на юго-востоке и приступил к завоеванию северо-запада, где основал город, впоследствии ставший столицей империи Камбуджадеша и получивший название Ангкор. В XI–XII вв. эта империя охватывала большую часть Юго-Восточной Азии.

Племена *монов* образовали ряд государств на территории современного Таиланда: Дваравати (позднее название – Лаво, VII–XI вв.), возникшее из объединения существовавших с начала н.э. городов (пура), и находившуюся к северу от него Харипунджайю (появилась в VIII в.), куда первоначально переселялись выходцы из Дваравати. В XI в. Дваравати/Лаво было подчинено великим хммерским завоевателем Сурьяварманом I (1002–1050). Войны монского государства Харипунджайя с Сурьяварманом II (1113–1150) также завершились включением его территории в состав Камбуджадеша. Расселение на юг тайских племен из образованного в VII в. на территории Юньнани государства Наньчао (Дали), граничившего с монскими государствами современного Северного Таиланда, привело к тому, что *тайцы* стали здесь к XII–XIII вв. преобладающим этносом, вытесняя монов и подрывая гегемонию хммеров. Территория Лаоса, первоначально заселенная *хммерами*, и входившая в состав как Ченлы, так и Камбуджадеша, с XII–XIII вв. стала заселяться с севера тайскими племенами.

История государственного образования в Аракане, располагавшегося на юго-западе современной Мьянмы и отделенного от большей части страны на востоке Чинскими горами, возводится к мифическим временам и не подтверждается документальными источниками. В первые века нашей эры центром араканской государственности становится г. Дханьявади, а с 788 г. – г. Вайшали. Названное по последней столице государство Вайшали просуществовало до конца XI в., когда оно было поглощено быстро расширяющим свои границы бирманским государством Паганом (появившимся в середины IX в.), населенным этносом *мьянма*, правителям которого удалось объединить под своей властью практически все земли, входящие в состав современной Мьянмы (Бирмы).

В центральной части Мьянмы находилось известное с IV в. н.э. государство народа *пью* Шрикшетра. Его расцвет пришелся на VII–VIII вв., но в 30-е годы IX в. оно было разгромлено Наньчао, сровнявшим столицу пью с землей и угнавшим в плен жителей. Существовавшие по крайней мере с IV в. монские города (Татон, Тайккала, Пегу и др.), расположенные на юге Мьянмы, образовали государство Раманнадесу, просуществовавшее с VI по середину XI в., когда оно было завоевано бирманским Паганом.

В островной части региона, Нусантаре (совр. Индонезия), с древних времен получило развитие мореплавание. Местные народы изобрели лодку с противовесом (прообраз катамарана), которая была заимствована у них в Южной Индии, Хадрамауте и на Африканском Роге. Расселившись на многочисленных островах Тихого океана и части материка (например, в Фунани, Чампе), индонезийцы также освоили Мадагаскар, где смешались с переселившимися позднее племенами *банту* и арабами, но сохранили язык аустронезийского происхождения (малагасийский).

Народы Индонезии, так же как и большинство народов континентальной части Юго-Восточной Азии, испытали на себе сильное влияние индийской

Прамбанан VIII–IX вв. Матарам (Индонезия)

культуры. Государство Шривиджая, образовавшееся к VII в. н.э., включало в себя значительные территории островной части Юго-Восточной Азии (Суматра, в VIII–IX вв. – западная часть Явы) и п-ов Малакку. Оно до XIII в. контролировало важнейшие торговые пути в регионе (Зондский и Малаккский проливы), его влияние распространялось на многие районы Нусантары (островной Индонезии). Правители Шривиджайи, являясь в основном буддистами, выделяли средства на строительство монастырей в Бенгалии и Южной Индии. Ко временам правления шривиджайской династии Шайлендра на Яве (VIII–IX вв.) относится сооружение знаменитого буддийского храмового комплекса Бوروبудур. Империя фактически состояла из многочисленных вассальных княжеств, а центральный государственный аппарат большей частью формировался из родственников правителя.

Упадок Шривиджайи начался в XI в. и был вызван борьбой с восточно-яванским государством Матарам (существовавшим с середины VIII в.), а также, возможно, поражением, нанесенным Шривиджае южноиндийской империей Чола, которая в XI–XII вв. превратилась в могущественную морскую державу. Империя Чола оказывала на государства региона не только политическое, но и значительное культурное влияние. Это выразилось в сооружении на Яве храмового комплекса Прамбанан в чольском архитектурном стиле. Несмотря на борьбу с Матарамом и империей Чола, Шривиджая окончательно уступила свою торговую гегемонию яванскому государству Сингхасари (наследнику Матарамы) лишь XIII в.

Основу экономики внутренних районов Юго-Восточной Азии (в особенности долин крупных рек – Иравади и Салуина (Мьянма), Менама-Чао-Прайи (Таиланд), Меконга (Камбоджа, Лаос), Красной (Северный Вьетнам) – составляло поливное рисоводство. Кроме риса выращивали и другие культуры: просо, сою, хлопчатник и сахарный тростник. Прибрежные районы были активно включены в международную морскую торговлю, связывавшую регион с Индией, арабскими странами и Китаем. Сухопутные торговые пути соединяли Юго-Восточную Азию с Индией, Китаем, Тибетом, Центральной Азией и Ираном.

Тесные экономические связи с Индией также сопровождались широким проникновением в регион влияния индийской культуры и религий, отмеченного уже в начале н.э. Большинство государств Юго-Восточной Азии испытывали индианизацию и приняли в качестве религий буддизм или индуизм в сочетании с традиционными местными культами предков и анимизмом. В ряде государств воссоздавалось подобие индийской социальной организации с варнами и кастами. Широкое распространение получили культы *девараджи* («бога-царя») и *будда-раджи* («будды-царя»), в которых всевластный правитель представлял Верховным Богом, сочетающим в одном лице и светскую, и духовную власть.

Хотя, как уже отмечалось, большинство государств Юго-Восточной Азии в гораздо большей степени испытывали на себе влияние индийской, а не китайской культуры и традиций (за исключением северной части современного Вьетнама), все южные соседи в той или иной мере перенимали ряд моделей, выработанных династиями Поднебесной в области административной структуры, отношений центральной власти с варварской периферией и аккумулярования уже существующих традиций и форм управления.

Политическая история региона полна многочисленных военных конфликтов, завоеваний и уступок отнятых у соседних государств территорий, разрушения и переноса столиц, создания и распада обширных держав, на сравнительно короткий период становящихся доминирующими в континентальной части Юго-Восточной Азии. Одну из самых могущественных империй создали кхмерские правители. Она объединила под своей властью или поставила в зависимость от себя земли от северных пределов современного Таиланда до Малаккского п-ова и от границ Пагана до Южно-Китайского моря (ее владения были сопоставимы лишь с территорией империи Сун и превосходили по площади все существовавшие в тот же период государства).

В течение IX в. произошло, как уже отмечалось, объединение кхмерских земель государств Ченлы Земли и Ченлы Воды, начатое в 802 г. правителем княжества Аниндитапура Джайяварманом II, основавшим на северо-западе новый город, который позднее стал столицей и получил название Ангкор (так часто называлась и вся империя Камбуджадеша).

В X–XII вв. государство Камбуджадеша переживало экономический и культурный подъем: шло активное строительство индуистских храмовых комплексов (самым известным из которых является Ангкор-Ват), продолжалось сельскохозяйственное освоение новых земель и масштабные ирригационные работы. Ангкор в период своего наивысшего расцвета являлся одним из самых крупных городов мира. В зависимости от Камбуджадеша в разные периоды ее истории находились монские государства Дваравати/Лаво и Ха-

рипунджаия, тайские княжества в верховьях Менама, а также Чампа, с правителями которой велись постоянные войны.

На историю Камбуджадеша сильно повлияла борьба двух основных религий – индуизма (в форме шиваизма) и буддизма (*тхеравады*, хотя махаяна также была распространена в ранний период истории этой страны). Первые правители Камбуджадеша (считающийся его основателем – Джайяварман II (802–854), Индраварман I, 877–889) стремились укрепить свою власть и развивали культ *дева-раджи*.

Однако отмеченное с начала XI в. усиление позиций буддизма тхеравады привело к началу XIII в. к его значительному распространению среди всех слоев населения. Первые правители-приверженцы буддизма (например, Сурьяварман I, 1002–1050) проводили либеральную религиозную политику, сохраняя шиваистские культы, в том числе культ *дева-раджи*, и привилегии индуистской знати. В последующий период противостояние между буддизмом и индуизмом усилилось, что повлекло за собой жесткие конфликты в XIII в.

Находившиеся к северо-западу от кхмерской империи на территории современной Мьянмы монские города в IX в. объединились для борьбы с Наньчао, стремившимся расширить свои границы на юг и разгромившим соседнее с монскими землями государство народа пью – Шрикшетру. Монам удалось сдержать натиск Наньчао и даже расширить собственные владения за счет части земель, входивших ранее в состав Шрикшетры.

Могущество и богатство приморских городов монов, среди которых главную роль играли Татон и Пегу, основывалось на международной морской торговле, а также на доходах от налогов с иностранных купцов (в связи с этим их союз – государство Раманнадесу – называют талассократией). Хотя моны не отличались воинственностью, значительную часть их богатств приносило пиратство, распространенное в регионе и входившее в число основных занятий населения некоторых приморских государств, в том числе монских городов и Чампы. Политические и социальные структуры приморских монов были в определенной степени индианизированы: правители носили индийские имена и титулы, население разделялось на варны.

В 832 г. войска Наньчао уничтожили последнюю столицу пью – Халинджи. Переселившиеся в середине IX в. из Наньчао на земли разгромленной Шрикшетры бирманцы ассимилировали оставшийся на этой территории народ пью и унаследовали его ирригационные системы. Новый этнос, с которым столкнулись пью, а затем моны, пришел издалека. Западные цыны, предки бирманцев (мьянма), жили в Северо-Западном Китае (Ганьсу) еще на рубеже нашей эры. Оттуда под давлением китайцев они ушли в Северо-Восточный Тибет, а затем – в Сычуань, где с VII в. стали вассалами Наньчао. Тесня пью, бирманцы проникли в долину Иравади и захватили плодородную область Чаусхе – центр поливного земледелия. В середине IX в. один из бирманских князей основал г. Паган, ставший впоследствии бирманской столицей.

Расцвет бирманского государства пришелся на правление Анируды (Ано-раджи) (1017–1077), при котором Паган захватил Пегу, а затем Татон. Это привело к значительному влиянию на бирманцев более развитой монской культуры. Первые бирманские правители стремились включить монов в свою систему управления: их назначали на ответственные посты в Пагане,

монский язык пользовался равными правами с бирманским. Но с первой половины XII в. политика сотрудничества сменилась доминированием бирманцев в политической и культурной сферах: отныне моны стали не союзниками, а подчиненным народом. Завоевав монские города, правители Пагана унаследовали и их торговые и политические связи. В XI в. Паган заключает союз с Ланкой (Цейлоном) для противостояния могущественной южноиндийской державе Чолов.

Наследники Анируды продолжили расширять границы Пагана: был завоеван располагавшийся западнее Аракан, на севере граница с Наньчжао проходила по рубежу с современным Китаем, на юге бирманцы достигли Малаккского п-ова. Таким образом, большая часть континентальной Юго-Восточной Азии оказалась к XII в. разделена между двумя могущественными державами – Камбуджадешей и Паганом. Независимыми в Индокитае от империй кхмеров и мьянма оставались лишь Чампа и Дайвьет. В 60-е годы XII в. обострились отношения между Паганом и Ланкой, которой удалось захватить портовые города противника и обеспечить себе положение державы, контролирующей значительную часть морской торговли в регионе. Ослаблению Пагана способствовали нападения племен шанов и каренов, захвативших в XIII в. значительную часть владений этого государства.

ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Аридные зоны Евразии представлены двумя принципиально различными экологическими районами. В Восточной части Евразии преобладали обширные степи. Значительные пространства их давали возможность концентрировать людские ресурсы, создавать значительные кочевые империи. К югу находился Китай, отделенный труднопроходимыми пустынями. Со времен древности в этом регионе сложилась биполярная региональная структура, в которой империи кочевников являлись милитаристскими «двойниками» аграрных цивилизаций, так как зависели от поступающей оттуда продукции. При этом кочевники выполняли важные посреднические функции между земледельческими цивилизациями. Подобно мореплавателям они обеспечивали связь потоков товаров, финансов, технологической и культурной информации между островами оседлой экономики и урбанистической культуры.

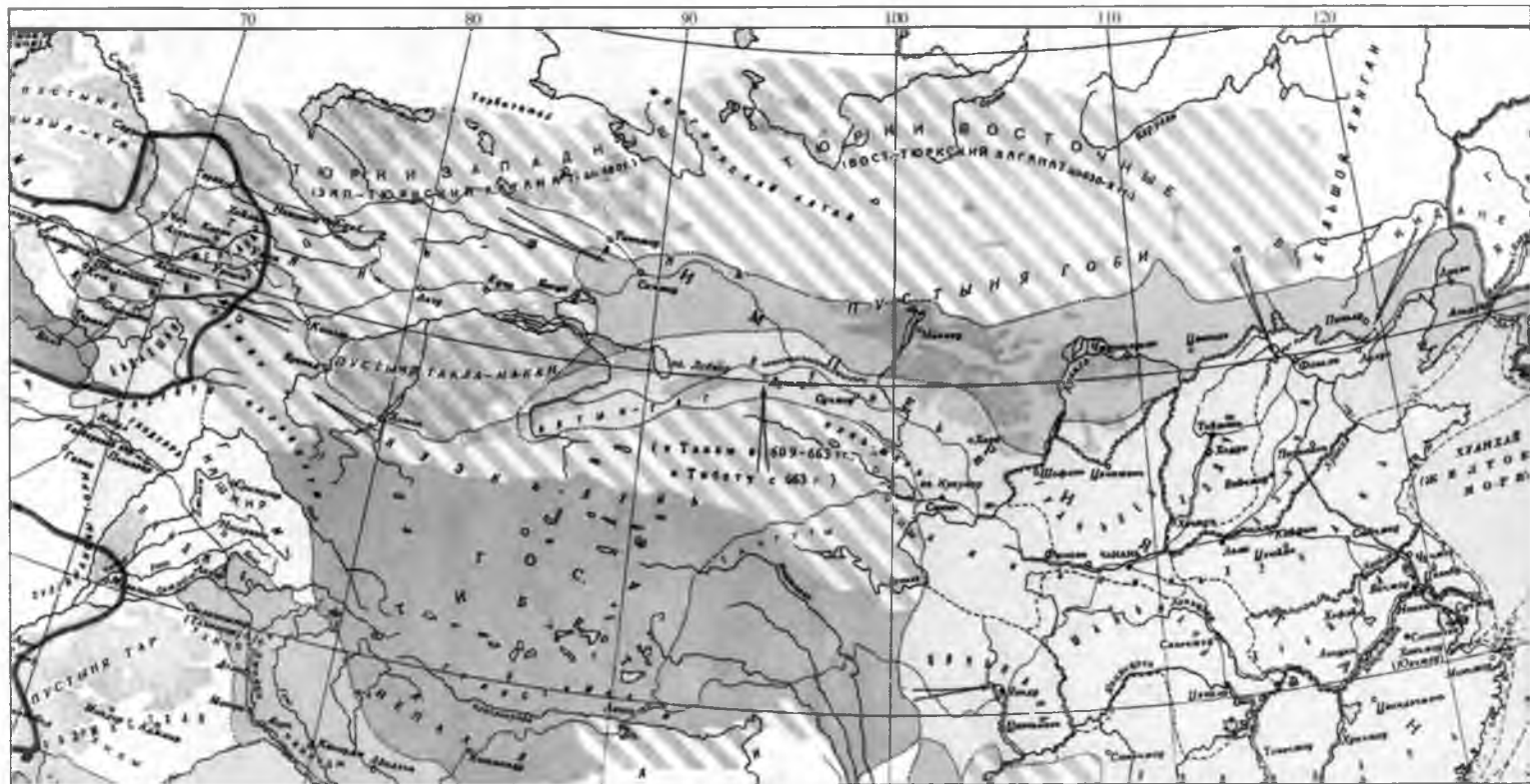
РАСЦВЕТ И ЗАКАТ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ

Эпоха раннего Средневековья в евразийских степях традиционно связывается с тюркскими каганатами. Начальный этап их этнической истории проходил в предгорьях Алтая. Тюрки подчинялись жужаньскому кагану и, согласно китайским источникам, поставляли для него с Алтайских гор железо и изделия ремесла.

Существует легенда о том, что предки тюрков были истреблены врагами. Остался в живых только один десятилетний мальчик, которому обрубили руки и ноги. Его выкормила волчица и впоследствии родила ему десять сыновей. Один из внуков волчицы по имени Ашина привел свой народ на Алтай. Именно отсюда пошли тюрки. Слово *ашина* имеет иранское происхождение и обозначает синий цвет. Именно так, подобно вечному Голубому Небу (Тэнгри), впоследствии называли свой каганат (небесный эль) тюрки. Китайцы называли их *туцзюэ*, согдийцы – *туркут*.

Когда тюрки почувствовали свою силу, их правитель каган Бумын потребовал от жужаньского хана в жены его дочь. Хан посчитал это оскорблением и послал для отмщения войско. В 552 г. войско было разбито тюрками, которые быстро захватили всю территорию жужаньского царства. Все степные народы от кыргызов до киданей были вынуждены признать их власть. Тюркские каганы продолжили хуннскую политику постоянного требования даров, угрожая соседям набегами. Царства Северного Китая (Северное Ци и Северное Чжоу) были поставлены под контроль и должны были под видом подарков выплачивать большую контрибуцию.

После нового объединения Китая сначала династией Суй (581–618), а затем Тан (618–907) в Восточной Евразии восстановилась биполярная струк-

Тюркский каганат и его соседи в VII – первой половине VIII в.

тура с центром на юге и «теневой» империей кочевников на севере. Политическая стабильность обусловила быстрое возобновление торговых маршрутов и контактов с другими крупными цивилизационными центрами.

Первый каганат тюрков (552–630) стал настоящей евразийской империей. Он связал торговыми путями Китай, Сасанидский Иран и Византию. В конце 60-х годов VI в. тюрки включаются в борьбу за контроль над западным участком Великого шелкового пути. Тюрки имели многочисленное, сильное, хорошо обученное конное войско. Одним из главных тактических новшеств тюрков была тяжелая кавалерия, вооруженная длинными копьями. Им удалось разбить эфталитов («белых гуннов») и завязать дипломатические отношения с Византией. В качестве посланника выступил согдийский купец Маниах. Император послал ответное посольство во главе со стратигом Зимархом в ставку к тюркскому кагану. Византийцев интересовал союз против персов. Постепенно продвигаясь на запад, тюрки дошли до Кавказа и Причерноморья. Наступил период расцвета каганата.

Для удобства управления каганат был разделен на «левое» восточное (*тёлис*) и правое западное (*тардуш*) крыло. Правитель «западного» крыла имел более низкий статус. В древнетюркских рунических надписях упоминаются две параллельные системы иерархии – родоплеменная (*бодун*) и военно-административная (*эль*), основанная на десятичной системе. Первая из них использовалась в системе управления и интеграции племен, возглавлявшихся вождями племен (*иркин*) и вождей (*ильтебер*). Вторая применялась в военное время и объединяла воинов различных клановых групп в военные отряды согласно десятичной системе. У тюрков, подобно древним хуннам, имелась развитая титулатура для обозначения предводителей и военачальников разных уровней: *шад*, *ябгу*, *буюруки*, *тарканы*, *тудуны* и др. Существовали названия для основных социальных групп: *каган* и *беги* (кочевая элита), *эры* (воины), *кулы* (невольники) и прочие.

Первые внутренние конфликты фиксируются в 581–583 гг. Их причиной послужил династический спор. В Тюркском каганате существовала система передачи власти от брата к брату и потом старейшему из племянников (так называемая «лествица»). Спор вышел из-за того, кто из внуков первого хана должен был получить престол. Начались трения между тюрками на востоке и на западе. Конфликт продолжался до 593 г. Следствием этого стало разделение имперской конфедерации на Восточный и Западный каганаты к началу VII в. Это было логичное решение, поскольку возникли серьезные трудности в управлении такой обширной территорией. Центр Восточного каганата находился в долине р. Орхон, Западного – в Семиречье.

После раздела Восточный каганат просуществовал чуть менее трех десятков лет. Последнее десятилетие существования по приказу Эль-кагана тюрки постоянно нападали на приграничные районы Китая. Это вынудило китайцев собрать большую армию, и в 629 г. на территории современной провинции Шаньси тюркское войско потерпело поражение. После этого восстали токуз-огузы, а на следующий год танская армия совершила ответный поход в степь. Степняки потерпели сокрушительное поражение, каган попал в плен, и каганат распался.

Чтобы воспрепятствовать возрождению каганата, китайцы начали проводить насильственную депортацию номадов. Много тюрков было переселено к

северным границам империи Тан – в Ордос и Шаньси. Там они находились под контролем пограничных чиновников. Многие из степняков были вынуждены стать под знамена танских военачальников и участвовать в походах против других стран. На полвека тюрки попали под полный контроль Танской империи.

Только в 679 г. тюрки подняли восстание и в результате десятилетия ожесточенной борьбы против китайцев вновь обрели независимость. Каганом был провозглашен Кутулуг (Ильтериш-каган). Его ближайшим соратником стал знаменитый Тоньюкук, благодаря которому история тюрков была запечатлена древнетюркским руническим письмом на знаменитых стелах. Центр Второго Тюркского каганата располагался в предгорьях Хангая (Отюкенская чернь). После смерти Кутулуга в 691 г. правителем державы стал Капаган-каган. На годы его царствования пришлось время наивысшего расцвета каганата. Он совершил несколько успешных походов против китайцев, восстановил господство тюрков над киданями в степях Барги и кыргызами на Енисее. Тюркские дружины дошли даже до Семиречья, но были там остановлены арабами.

В 716 г. при подавлении восстания токуз-огузов Капаган-каган попал в засаду и погиб. Каганом стал его племянник Бильге. Во главе войска был поставлен храбрый Кюльтегин, а советы кагану давал мудрый Тоньюкук. Это дало возможность исправить ситуацию. В 718 г. тюрки разбили китайскую армию, посланную покончить с «северной угрозой». Еще два десятилетия тюрки оставались политическим центром степей Восточной Евразии. Когда в 731 г. умер Кюльтегин, на его похороны собралось множество послов из разных стран от Бохая до Византии.

Степная элита практиковала полигинический брак. У каждого из ханов имелось много жен и много детей, в результате чего численность потомков росла в геометрической прогрессии. В третьем–четвертом поколении наступает критическая ситуация («закон Ибн Халдуна»). Нечто подобное произошло и со Вторым Тюркским каганатом. Примерно через 60 лет после образования каганата возникло внутреннее напряжение. В 734 г. был отравлен Бильге-каган. Новый правитель вскоре также умер. Фактическую власть захватила дочь Тоньюкука, выполнявшая функции регентши при малолетнем кагане. По ее наущению были убиты некоторые влиятельные претенденты на престол. Это привело к эскалации междоусобных конфликтов. В 744 г. уйгуры разгромили ослабевший каганат тюрков и стали новым гегемоном в монгольских степях.

УЙГУРСКИЙ КАГНАТ

Изначально китайцы называли уйгуров этнонимом *гаогюй*, мотивируя это тем, что они кочевали на телегах с высокими колесами. С V в. в китайских источниках появляется другой термин – огузы (*токуз-огузы*). Основной отраслью хозяйства уйгуров являлось скотоводство. Скорее всего, они разводили типичный для кочевников этого региона набор животных: лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и верблюдов. При этом большую часть домашних животных составляли овцы.

На рубеже V–VI вв. гаоюйцы под предводительством отважного предводителя Афучжило успешно противостояли жужаням. Во времена господства тюркских каганатов уйгуры входили в состав их «правого крыла». Они неоднократно восставали против них, а в период между двумя тюркскими каганатами даже создали свою конфедерацию под предводительством Тумиду, однако после возрождения Второго Тюркского каганата снова были вынуждены подчиниться. В 744–745 гг. уйгурские вожди подняли свои племена против тюрков. Их поддерживали карлуки и басымылы. После победы над тюрками был создан Уйгурский каганат. Каганом провозгласили Кутлуг Бильге кюль-кагана из знатнейшего рода Яглакар, но уже через несколько лет он умер. Каганом стал в 747 г. его сын Эльетмиш Бильге-каган (кит. Моянь-чжо или Моянчур). Именно при нем уйгурская держава окрепла и объединила все монгольские степи.

В отличие от тюркских каганатов уйгуры почти не совершали набегов на Китай. Им достаточно было лишь продемонстрировать силу своего оружия. Номады не только вымогали ежегодные богатые «подарки», но и выпрашивали дополнительные дары по каждому удобному поводу (поминки, коронация и т.д.). Китайцы были вынуждены открывать приграничные рынки, где номады имели возможность обменивать свой скот на китайские сельскохозяйственные и ремесленные товары. Уйгуры хитрили и поставляли старых и слабых лошадей, но цену запрашивали за них чрезмерную. Такая торговля приносила китайцам большие убытки. Фактически эта торговля, как и подарки, являлась скрытой формой платы степнякам за мир на границе. Только в 778 г. китайский император возмутился, так как лошади оказались хуже некуда. Он купил всего шесть тысяч из десяти. Уйгуры сразу совершили разрушительный набег на приграничные провинции Китая, а потом стали ожидать императорского посольства. Делегация приехала очень скоро, и прежняя система взаимоотношений была восстановлена.

Кроме того, китайцы несли обременительные расходы по приему многочисленных уйгурских посольств. Больше всего китайцев раздражали не финансовые затраты, а то, что номады вели себя как завоеватели. Уйгуры устраивали пьяные драки и погромы в городах, буйствовали по дороге домой и воровали китайских женщин и девушек. Во время вспыхнувшего в Китае в 755 г. восстания Ань Лушаня они вызвались помочь Танской династии в борьбе с сепаратистами. Однако участвуя в военных компаниях на территории Китая в 50–70-х годах VIII в., уйгуры нередко забывали о своих союзнических обязательствах и просто грабили мирное население, угоняли его в плен.

Уйгуры создали на основе согдийского письма собственную руническую алфавитную письменность. Они воздвигли в монгольских степях в долине Орхона столицу каганата – громадный по меркам того времени город Карабалгасун, раскинувшийся более чем на 20 км. Существовали в каганате и другие города и укрепленные крепости. Уйгуры приняли манихейство и заимствовали другие элементы культуры среднеазиатских народов.

На рубеже 770–780 гг. в каганате начался династический кризис, обусловленный перепроизводством элиты. В это время резко ухудшились отношения между частью уйгурской знати и согдийскими купцами. В столице каганата было убито много согдийцев. Как следствие резко сократился поток товаров

Карабалгасун (руины). VIII–IX вв. Монголия

через Карабалгасун. Это привело к потере важного экономического ресурса власти. Потрясения закончились только в 795 г., когда к власти пришел другой клан, поддерживавший манихейство.

С 20-х годов IX в. усиливается противостояние уйгуров и кыргызов. Для защиты от своего соседа уйгуры построили целую линию крепостей на территории Тувы. В военном противостоянии кыргызы одержали несколько побед. Поражения сопровождались ослаблением центральной власти, сменой принципа наследования (от брата к брату). В конфедерации снова стало слишком много потенциальных претендентов на престол. Начались новые конфликты. Все закончилось внезапным набегом кыргызского войска на столицу каганата. Город был сожжен после штурма. Затем остатки уйгурских племен осели около Великой стены и постоянно грабили приграничные китайские территории. В итоге китайцы послали войска для их уничтожения. Другая часть уйгуров мигрировала в Турфанский оазис, где постепенно перешла к оседлому образу жизни.

В западной части Евразии степные ландшафты типичны лишь для казахстанских и южнорусских степей. Для большей части пространств Ближнего Востока, Афганистана, Средней Азии (без Казахстана) и Южного Синцзяна характерны полупустыни. Здесь в долинах рек и у крупных водных источников существовали оазисы, пригодные для занятия сельским хозяйством. В отличие от монгольских степей в этих местах степняков и жителей оазисов разделяли небольшие расстояния. Здесь не существовало экологических предпосылок для создания крупных степных империй. Поэтому в данном

регионе сложились несколько иные формы сосуществования кочевников и земледельцев.

Это хорошо видно на примере каганата западных тюрков (тюркютов). Они не смогли в новых природных условиях полностью воспроизвести структуру Восточного каганата. Западный каганат тюрков назывался «элеи десяти стрел». Он состоял из двух крыльев, в каждое из которых включалось по пять военно-племенных подразделений. Однако в него помимо кочевников входило и земледельческо-городское население оазисов (согдийцы). Каганат существовал в основном за счет контроля Шелкового пути, а также поставок собственного шелка в Византию и Иран. Согдийцы полностью контролировали эконо-

Чаша Афрасиаб (Самарканд). Х в. На стенках надпись «Щедрость – свойство праведников» Керамика, глазурь © Государственный музей искусства народов Востока, Москва

номику каганата. Вся местная монета чеканилась в согдийских мастерских и содержала надписи на их языке. Согдийские торговые колонии были широко распространены на всем протяжении среднеазиатского участка Шелкового пути – в Семиречье, Джунгарии и Восточном Туркестане. Только в Чуйской долине существовало около двух десятков крупных городов. Там же располагалась официальная столица каганата г. Суяб, отождествляемый археологами с городищем Ак-Бешим. Каганат просуществовал до середины VIII в., когда карлуки подчинили тюркютов и создали свой политический союз.

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

Еще в 70-е годы VI в. тюркюты достигли Кавказа и берегов Черного моря. Именно от них хазары заимствовали многие политические институты своего Хазарского каганата. В описаниях хазар упоминаются привычные тюркские титулы вождей и старейшин. Однако хазарская модель управления имела свою особенность. Она заключалась в том, что каган обладал только сакральной властью. Он не имел права появляться на публике, выполнял магические функции и служил жителям каганата гарантом покровительства (кут – «небесное счастье») со стороны Неба. Когда в стране случался неурожай или нападали враги, знатные люди и народ шли толпой к «малику» и говорили «“Мы рассмотрели приметы этого хакана и дней его, и считаем их зловещими. Так убей же его или выдай нам, чтобы мы его убили”». Иногда он выдает им хакана, и они убивают его; иногда он убивает его сам; а иногда он жалеет его и защищает в том случае, если тот не совершил никакого преступления».

Реальная власть находилась у соправителя *шада* (каган-бека, малика), который сосредоточил в своих руках военные и административные prerogatives. Управленческие функции выполняли *тарханы*. На местах власть сосредотачивалась в руках *тудунов*. В каганате существовало войско, набираемое из кочевников. Впоследствии его заменила армия из наемников.

Хазары установили контроль над восточноевропейскими степями примерно в середине VII в. В состав Хазарского каганата входили нижняя часть бассейна Волги и Заволжье, Восточное Предкавказье до Дербента и Подонье, где располагалась хорошо известная крепость Саркел (Белая вежа). Под их влиянием оказались и причерноморские степи и торговые пути в Константинополь и Трапезунд. Во многих источниках VIII–IX вв. Черное море называется Хазарским.

Территория каганата находилась на пересечении торговых путей из Причерноморья, с Волги, с юга из Средней Азии через Дербент и Каспий. По этой причине одним из основных источников дохода хазарских каганов служила транзитная торговля – хазары взимали со всех проходящих через их страну торговых караванов десятину. Помимо торговых пошлин казна пополнялась за счет дани, которую хазары брали, как пишет летописец, с «дыма», т.е. с каждого дома.

Главную опасность в VII в. для каганата представляли арабы. Первый конфликт между ними зафиксирован в 652 г., когда арабы попытались захватить один из хазарских городов. В 737 г. каганат очутился на грани уничтожения. Хазарское войско потерпело сокрушительное поражение, а арабский полководец Марван ибн Мухаммед стремительным рейдом прошел через донские и поволжские степи.

В периоды расцвета Хазарский каганат представлял собой полиэтническое государство. В результате сложного симбиоза тюркоязычных кочевников, местных земледельцев славян и угрофиннов возникло государство, которое испытывало также и сильное культурное влияние Византии. Кочевники зимой перекочевывали в предгорья на юг, летом перемещались в южнорусские степи. Кроме этого в стране существовало развитое земледелие. В источниках Хазария нередко описывается как страна виноградников и садов, известны такие ее крупные города, как Беленджер и Семендер. Столицей являлся город в дельте Волги – Итиль. Этот город до сих пор не найден археологами, известны только его исторические описания. Согласно ним город раскинулся по обеим сторонам реки на несколько километров. На острове размещался каганский дворец, а с городом остров соединялся понтонным мостом.

Большинство населения столицы исповедовало ислам, кроме мусульман в городе проживали христиане, иудеи и язычники. Конфликты внутри разных диаспор разбирали специальные судьи, которые вершили правосудие в соответствии с традиционными для представителей разных вероисповеданий нормами. Межконфессиональные споры судились по шариату. В городе была построена соборная мечеть с минаретом, много других мечетей, синагог и христианских церквей. Вместе с религией в Хазарию пришла и письменная культура. Кроме иудейского письма в каганате существовала руническая письменность. Современные исследователи выделяют две группы надписей – донскую и кубанскую, по всей видимости, связанную с ареалами расселения каких-либо этносоциальных групп.

Хазарская элита исповедовали иудаизм, дата принятия которого дискуссионна. Согласно легенде, хазарскому царю Булану приснился сон, в котором ангел призывал его принять веру, обещая за это умножить его власть. Это произошло в 30-е годы VIII в. Однако только через несколько десятилетий иудаизм стал государственной религией. Это раскололо общество на противоборствующие конфессиональные группировки. Среди простых кочевников популярным оставался шаманизм и культ Тэнгри. Недовольство проявляли и мусульмане. Начался затяжной конфликт с православной Византией.

С ослаблением каганат стал подвергаться набегам печенегов. По мере усиления Руси активизируется деятельность против Хазарии киевских князей. В «Повести временных лет» рассказывается про то, как хазары пришли к славянам и стали требовать дань. Славяне прислали им от дыма (т.е. жилища) по мечу. Это было воспринято хазарами как намек на скорую гибель. «Не добрая дань эта, княже, – сказал один из них хакану, – мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель».

Уже в конце IX в. Олег присвоил себе дань, которую ранее хазары взимали со славян Поднепровья. Защищаясь от русов, хазары построили крепость Саркел. В 909 и 910 гг. русы на своих драках совершили грабительские набеги на Хазарию. В 913 г. они получили от хакана разрешение на проход по Волге на Каспий. На обратном пути хазары их коварно обманули и напали с целью овладеть богатой добычей. Тех, кому удалось уйти, подстерегли на Переволоке местные племена буртасы. После этого почти десять лет русы не ходили вниз по Волге.

Хазары блокировали Русь и не давали выхода для развития международной торговли через Каспий. Это послужило причиной новых военных походов. В 965 г. киевский князь Святослав напал на столицу каганата Итиль, взял его штурмом и разорил дотла. На обратном пути князь прошел через Предкавказье до Тмутаракани, потом захватил Саркел и только оттуда отправился домой. Через несколько лет Итиль и Семендер снова подверглись разграблению и разорению. В конце X в. остатки Хазарии были обложены данью его сыном Владимиром Святославичем.

УКРЕПЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ПРИ ДИНАСТИЯХ СУЙ И ТАН

Объединение сперва государств Китайского Севера, а затем и Юга под властью династии Суй (581–618) положило конец длительной эпохе Лючао, времени утраты государственного единства. Новая династия могла опереться на ряд достижений предшествующих властителей Севера.

На первых порах вполне эффективной оказалась система *фубин* («военных округов»), имевшая отдаленные аналоги в созданной военачальником Юйвэнь Таем (отцом основателя государства Северная Чжоу) военной организации государства Западная Вэй. Коренное отличие тобгачской «фубин» от аналогичной суйско-танской системы состояло в том, что в государстве Западная Вэй это была военно-организационная структура регулярной армии, разделенной на «полки» и «корпуса» и принципиально отличавшейся от древней родовой организации сяньбийцев-тобгачей, в то время как в государствах Суй и Тан система «фубин» представляла собой систему военных округов, в которых рекруты-солдаты в мирное время занимались земледелием, а во время походов сами себя обеспечивали продовольствием. Таким образом, расходы казны на содержание армии были невелики. Первоначально основную часть таких рекрутов-солдат составляли воины кочевого происхождения, но с течением времени среди них становилось все больше китайцев.

Получила развитие дошедшая из прежних времен надельная система, призванная ослабить засилье «сильных домов» и укрепить основную налоговую базу империи – свободное крестьянство. Государство, регулируя землевладение и землепользование вплоть до отдельной семьи, обеспечивало каждому человеку, включая женщин, детей и рабов, право на определенный надел, с которого взимался налог зерном и выполнялись работы – женщины сдавали в казну шелк или пряжу, мужчин могли мобилизовать для трудовой или извозной повинности.

Династия Суй начала в спешном порядке возрождать традиционную бюрократическую систему. Формирование отлаженного гражданского управления в объединенной стране дало власти реальную возможность воздействия на общество. Ревизии выявили 1,5 млн крестьян, не внесенных в прежние налоговые списки. Централизованная бюрократия, ломавшая сопротивление «сильных домов», следовала принципам надельной системы, что привело к освоению целины и заброшенных земель.

Двум императорам династии Суй удалось достичь внушительных успехов. Столица переехала из Чанъани в Лоян, который был заново отстроен и поражал роскошью своих дворцов. В новую столицу принудительно переселили 10 тыс. богатейших провинциальных семейств, тем самым ослабив их позиции на местах и поставив под контроль императора. Был прорыт Великий канал, соединивший Янзцы и Хуанхэ, по которому стало возможно доставлять с юга зерно, собираемое в виде налогов, его засыпали в выстроенные в окрестностях Лояна грандиозные зернохранилища. Император Ян-ди,

явно подражая империям Цинь и Хань, затеял реконструкцию Великой китайской стены, многие сотни лет стоявшей в запустении.

Был восстановлен ранее утерянный контроль над землями вьетов, удачные военные экспедиции на некоторое время привели к подчинению Центрального Вьетнама (Чампы), Тайваня и о-вов Рюкю. Военные и дипломаты усердно действовали на границе с Тюркским каганатом. Кровавопролитные войны велись за покорение государств Корейского п-ова.

Все это было бы невозможно без реформ, давших в руки правительства солидные ресурсы, но этих ресурсов оказалось явно недостаточно для осуществления все более амбициозных планов императора Ян-ди. Для строительства и поддержания шлюзов и других сооружений Великого канала было согнано около 80 тыс. надельных крестьян и солдат, миллион человек работал на возведении дворцов Лояна, не меньше насчитывала и армия строителей Великой стены, имевшей скорее символическое, нежели военное значение. Смертность на этих стройках была огромной. На подкуп тюркских вождей тратились немыслимые средства и устраивались пышные праздники, демонстрирующие кочевникам щедрость и изобилие Поднебесной, что отнюдь не гарантировало мир. Два неудачных похода в Корею унесли чуть ли не миллион жизней. Дезертиры, недовольная знать и голодные крестьяне поднимали восстания, подавлявшиеся с немыслимой жестокостью. На юге военачальник, пообещав сохранить жизнь сложившим оружие повстанцам, повелел закопать живьем в землю 300 тыс. человек. Но восстания вспыхивали повсеместно, а вчерашние союзники-тюрки беспрепятственно грабили страну. В итоге император бежал на юг, где пал от рук одного из своих придворных.

Страна вновь распалась на части. Однако правитель области Тан в северной провинции Шаньси Ли Юань смог одолеть противников одного за другим. Будучи полутюрком (его мать происходила из знатного тюркского клана Дугу), он являлся представителем той пограничной знати, которая впитала в себя и китайские, и кочевые традиции. Хорошо знакомый с тактикой войны в степи, Ли Юань при помощи своих тяжеловооруженных воинов-профессионалов мог успешно противостоять кочевникам и нейтрализовать угрозу со стороны каганата. Проявляя несвойственное прежней династии великодушие, он привлек на свою сторону многих противников, раздавал голодающим крестьянам зерно из государственных хранилищ, отправил по домам 10 тыс. девушек из гарема прежнего императора.

В 618 г. Ли Юань, впоследствии известный как Гао-цзу (618–626), провозгласил себя императором новой династии Тан. Он передал бразды правления своему сыну Ли Ши-миню (впоследствии Тай-цзун, 626–649), не менее умелому воину и дипломату, но обладавшему еще и незаурядными административными способностями. Система управления, основы которой были заложены при Тай-цзуне, оказалась чрезвычайно устойчивой и воспроизводилась последующими династиями лишь с небольшими изменениями.

Территория, разделенная на 10 провинций, в каждую из которых входили области и уезды, управлялась назначаемыми из центра чиновниками. При этом чиновник ни в коем случае не должен был служить там, откуда он родом. Начальник уезда (в лучшие годы в империи насчитывалось до полутора тысяч уездов) назначался сроком на три года и обладал штатом наемного вспомогательного персонала (стражников и писцов) и добровольных помощ-

ников из числа местной элиты. Чиновников всех уровней контролировала специальная Палата цензоров, члены которой расследовали злоупотребления и обладали очень важным правом подавать доклады непосредственно императору. В столице шестью высшими учреждениями управляли два *цзайсяна* – «левый» и «правый». Этот термин обычно переводят как «канцлер», хотя буквально это – «советник-исполнитель» при сакральной фигуре императора. Левый *цзайсян* управлял ведомствами чинов и обрядов (контролировавшими соблюдение норм поведения и взаимоотношения с «варварскими» странами) и налогов; правый – военным, наказаний (юстиции) и общественных работ.

Ведомство чинов, руководствуясь древними принципами Конфуция и легистов, контролировало подготовку и назначение чиновников. Именно в эпоху Тан окончательно утвердился единый конкурсный принцип, опиравшийся на систему экзаменов. Для их сдачи требовалось отменно знать конфуцианские каноны и сочинения древних авторов, демонстрировать эрудицию, литературный вкус и способность к стихосложению. Роль экзаменационных билетов играли таблички с начертанными на них темами. Кандидат сам выбирал тему, сбивая табличку стрелой. Те, кто лучше других справился с ответом (таких, как правило, бывало не более 5%), получали право держать экзамены на следующую степень. Обладатели высшей степени *цзиньши* («продвинувшегося мужа») могли назначаться на должность от уездного начальника и выше. Успешно сдавшие экзамены на уровне уездов и провинций допускались к экзаменам в столице.

Экзамены могли сдавать все, кто не принадлежал к «подлому люду», иначе говоря – все налогоплательщики. Конечно, выходцы из аристократических семей и дети чиновников имели лучшую подготовку и больше досуга для занятий. Но и способный сын бедного крестьянина располагал некоторыми шансами на успех – ему мог помочь клан родичей, вся деревня или какой-нибудь богатый покровитель в расчете на последующую выгоду. В итоге формировался особый тип ученого-чиновника, добродетельного и трудолюбивого, готового воплощать в жизнь конфуцианские заповеди, лежащие в основе существования государства.

Дети чиновников сдавали экзамены на общих основаниях и должны были начинать карьерный рост с самого низа. Лишь для высших рангов действовало «право тени» – после смерти такого чиновника его дети и внуки получали некоторые преимущества при определении на должность (с понижением на два уровня по отношению к предку).

Порядок занятия должностей, штаты учреждений (как центральных, так и местных), характер и объем повинностей всех подданных подверглись тщательной регламентации в созданном в середине VII в. своде законов. По всей вероятности, подобные кодексы существовали и в эпоху Хань, служившую образцом для танских правителей, но они не сохранились, поэтому примером для будущих законодателей неизменно выступала сама империя Тан.

Значение созданной в эту эпоху государственной системы управления трудно переоценить. Железный каркас бюрократии обеспечивал восстановление государственности при любых потрясениях. Четкое штатное расписание, продуманное разделение функций, контроль за исполнением решений, единая система культурных ценностей делали китайскую чиновничью

машину самой эффективной в средневековом мире. Наличие значительного слоя людей, обязанных своим статусом образованию (лауреаты конкурсов, учащиеся, преподаватели и чиновники разных рангов) благоприятствовало бурному развитию культуры. Антология самых известных поэтов эпохи Тан насчитывает свыше двух тысяч имен.

Впрочем, помимо сбоев и нарушений, неизбежно порождаемых самой жизнью (протекционизм, кумовство, элементы коррупции), подобная система обладала еще и иными недостатками. Кандидатов становилось все больше, сдать экзамены было все сложнее, а перспективы занять хорошую должность делались все туманнее. В результате росла группа провалившихся соискателей – образованных, амбициозных и озлобленных. Из их рядов выходили застрельщики мятежей и восстаний, которыми так богата история Китая. Немаловажным было и то, что конфуцианская бюрократия ориентировалась на служение скорее идеалу империи, чем лично императору, который этому идеалу не вполне соответствовал. А императору требовались абсолютно преданные слуги, чью роль успешно играли лишь евнухи. Им, инородцам или выходцам из бедных семей, презируемыми аристократами и чиновниками, уповавшим лишь на милость императора, доверялись поручения не только по части управления гаремом и дворцовым хозяйством, но и в области финансов и других дел государственной важности. Засилье евнухов при дворе (особенно к концу династического цикла) представляло повторяющийся факт китайской истории.

При всех издержках бюрократия эпохи Тан оказалась весьма эффективной. Удалось усовершенствовать надельную систему, распространив ее почти повсеместно, и добиться необычайной детализации учета подданных. Крестьяне заносились в реестры, на основании которых от имени государства на период трудоспособности им выделялись наделы. Предусматривался периодический передел надельных полей, под которые не попадали земли, выделенные «для вечного пользования», занятые под выращивание шелковицы, жужубы (китайских фиников) и вязов (чьи семечки шли на откорм поросят). Со своего надела крестьяне вносили налог зерном, а также шелком или пеньковой тканью, реже – серебром. Трудовая повинность ограничивалась двадцатью днями в год. Крестьяне были организованы в «пятиворки» и «двадцатипятиворки», связанные круговой порукой, сотня крестьянских дворов составляла базовое административное объединение *ли*, во главе которого стоял старейшина, ответственный за составление реестров, сбор налогов, соблюдение порядка и состояние нравов.

Надельная система распространялась не только на крестьян. Свои индивидуальные наделы полагались также буддийским и даосским монахам, знати. В тех районах, где имелась такая возможность, половинный надел получали и горожане. Наряду с наделами («общественными полями») в стране существовали казенные земли – пастбища, леса, поймы рек, но главное – земли, отданные под наделы военных поселенцев и чиновников. Последним в зависимости от ранга полагались соответствующие «должностные поля», обрабатываемые податными крестьянами, отдающими владельцу часть урожая. Поскольку чиновник не мог «самовольно» увеличивать долю взимаемой в его пользу части урожая, то фактически это было не «землевладение», а «налоговладение». Из «казенных земель» родственникам императора так-

же передавалось определенное количество податных дворов, которые обеспечивали им содержание государственных имений. А вскоре появились и императорские имения, вокруг размещенных в разных частях страны императорских дворцов. Владения, выключенные из надельной системы, существовали и у знати, чиновников, монастырей, и у представителей «богатых и влиятельных домов», правда, у последних они имели большей частью незаконный характер.

Численность населения быстро росла: если в 30–40-х годах VII в. было зарегистрировано около 3 млн дворов, то в середине VIII их насчитывалось уже 8,2 млн. Но задуманный идеал надельной системы все больше расходился с реальностью. Волости давно уже были поделены на «просторные», т.е. нормальные, и «тесные», где остро стояла проблема малоземелья и крестьянам полагался вдвое меньший надел. При том, что основной налог оставался относительно легким, крестьянам приходилось отдавать все больше зерна на создание запасов на случай массового голода, на обеспечение чиновников, на содержание солдат, на помощь монахам, на нужды строительства, осуществлялись также принудительные закупки по низким ценам для нужд двора и армии. Все большее число надельных земель законным (а чаще – незаконным) путем переходили в категорию «вечнонаследуемых». Несмотря на запреты, де-факто осуществлялась купля-продажа земли, что приводило к концентрации ее в руках богатых землевладельцев и к появлению большого слоя разорившихся крестьян-арендаторов и батраков: многие уходили на новые земли либо в города, становились нищими или разбойниками.

Но эти процессы станут более заметными в VIII в., а поначалу надельная система обеспечивала казну регулярным поступлением налогов, а трудовая повинность давала необходимую рабочую силу: строились дороги и каналы, дамбы и дворцы, храмы и целые большие города. Как и ранее, города в первую очередь служили резиденциями властей. Ремесло и торговля подлежали детальному контролю и регулированию. Казенные ремесленники отбывали трудовую повинность в мастерских по очереди, с интервалом в несколько месяцев. В мастерских работали также государственные рабы и преступники. В провинциях в распоряжении местных властей находились и специальные податные дворы, занимавшиеся добычей соли и полезных ископаемых, изготовлением железа и меди, строительством кораблей.

Частное ремесло было представлено семейными мастерскими, одновременно служившими и лавками, они располагались на рыночных площадях и составляли контролируемые властями объединения («ряды» – «хан»). Еще большей регламентации подвергалась торговля. Для продажи и перевозки грузов требовалось разрешение властей, которые имели право устанавливать цены на товары и определять таможенные пошлины при перевозе из одной провинции в другую. Налогообложение торговых домов усугублялось частыми принудительными займами и реквизициями. Только хозяйства монастырей, не подлежавшие государственному контролю, могли беспрепятственно наращивать свою хозяйственную активность, превращаясь в центры ремесла, торговли и ростовщичества.

Однако в этот период интенсифицировалась торговля с зарубежными странами, что было связано с активизацией внешней политики империи. Будучи в какой-то мере обязанной своим происхождением синтезу китайских и

«варварских» традиций, династия Тан, особенно на первых порах, проявляла удивительную открытость и стремление выйти за рамки привычных границ Поднебесной. К 668 г. империи удалось добиться подчинения всех трех корейских государств (см. с. 300). Еще ранее, в 630 г., под ударами китайских войск пал Восточный Тюркский каганат. Часть тюркских племен была расселена императором Тай-цзуном в пограничных районах на положении федератов. Активное использование конницы позволило императору захватывать оазисы, расположенные вдоль Великого шелкового пути, куда раньше не добиралась китайская пехота.

В 657 г. императорские войска вторглись в Семиречье в Средней Азии и в союзе с уйгурами разгромили Западный Тюркский каганат. Вдоль Великого шелкового пути размещались китайские гарнизоны, строились караван-сарай. Китайское влияние стало весьма ощутимым в Средней Азии. Так, например, величайший поэт эпохи Тан Ли Бо родился на территории современной Киргизии, в семье купца. Помимо Великого шелкового пути, интенсивно функционировал и морской путь через Гуанчжоу, где имелся отделенный от остального города иноземный купеческий квартал, населенный в основном арабами. Что же касается выезда за море китайских купцов, то его всячески ограничивали.

АПОГЕЙ И КРИЗИС ИМПЕРИИ ТАН

При сыне Тай-цзуна императоре Гао-цзуне (649–683) политика Танской империи претерпела изменения. Если основателя династии Ли Юаня и его сына, возмужавшего в войнах западного пограничья, наряду с учеными китайцами окружали тюркские воины, то Гао-цзун получил уже чисто китайское воспитание. По мнению некоторых исследователей, именно в этот период назрел конфликт между военной доблестью и очарованием китайской учености, представленной чиновниками, лучше владеющими кистью, чем саблей.

Большую роль в конце VII в. сыграла императрица У Цзэ-тянь. Взятая из буддийского монастыря, она во все большей мере подчиняла императора Гао-цзуна своей воле, а после его смерти правила от имени своих сыновей, которых одного за другим удаляла в ссылку. 19 октября 690 г. императрица сама приняла титул императора – случай беспрецедентный в китайской истории. Ее опору составляли буддисты, создавшие комментарий к сутре «Больших облаков» (Махамегха-сутра), доказывающий, что императрица У Цзэ-тянь – воплощение бодхисаттвы Чакравартини и должна наследовать империю у династии Тан.

Симпатии императрицы и буддистов отличались взаимностью. В пещерных храмах Лунмэнь, работы в которых начались еще в эпоху Тоба Вэй, выделяется большая статуя Будды Вайрочаны, считавшаяся одним из лучших образцов искусства периода Тан. Полагают, что черты Будды повторяют лик У Цзэ-тянь, которая выделила немало средств на завершение работ, на украшение и косметику для изваяния. В период ее правления была построена знаменитая пагода Диких гусей в Чанъане и множество других буддийских храмов. В этот период буддизм достигает наивысшей фазы своего развития в Китае. Монастыри, в которых ведутся бурные философские споры, являются средоточием интеллектуальной жизни. Но монастыри также владели солидными земельными комплексами, покровительствовали ремеслу и торговле, поддерживая между собой интенсив-

Большая пагода диких гусей. Сиань, Китай. VII в.

ные экономические связи. Монастырские хозяйства, свободные от жесткого государственного контроля играли роль катализатора динамики экономического развития Китая.

Хотя под давлением окружения У Цзэ-тянь пришлось отказаться от намерения основать новую династию, она еще долго оставалась у власти и лишь в 704 г. в результате заговора восьмидесятилетнюю императрицу отправили в ссылку.

Когда после ряда дворцовых переворотов к власти пришел император Сюань-цзун (712–756), он был полон решимости ликвидировать последствия предшествующего правления. На буддистов обрушились гонения. Ра-

ботоспособным монахам предписывалось вернуться в податное сословие, ограничивалось монастырское землевладение. Правительству удалось провести новую перепись населения, выявившую много утаиваемых от налогообложения дворов, в результате вдвое увеличились поступления.

Долгое правление Сюань-цзуна считается апогеем эпохи Тан. Бурно развивалась экономика, в обращение были введены новые медные деньги, на долгие века составившие основу китайской денежной системы. Моне-ты, имевшие посредине отверстие, собирали в длинные связки, но во время дальних путешествий деньги заменяли квадратиками бумаги с печатью и именем императора. Полагают, что эта практика была заимствована из обихода хозяйственной сети буддийских монастырей.

К этому периоду относится и дальнейшее развитие системы подготовки чиновников. В Чанъани была основана столичная государственная академия Ханьлинь («Лес кистей»), где создавались труды по самым разным отраслям знаний и где тщательно собирали старинные тексты. Столичная школа «Грушевый сад» готовила актеров для императорского театра. Еще одно ученое ведомство составляло по образцу сочинений Сыма Цяня историю прежних и нынешней династий, правивших с I по VII в. Сюань-цзун увлекался учением даосов, в особенности их алхимическими опытами, призванными изготовить «пилюли бессмертия». Но главный интерес императора вызывала поэзия. При его дворе жили великие поэты Ли Бо, Ду Фу и Ван Вэй. Сюань-цзун тоже любил писать стихи, напутствуя ими назначаемых в провинцию чиновников. Однако император и сам стал героем множества поэм из-за своей поздней любви к «роковой женщине Поднебесной», наложнице Ян Гуйфэй.

Ян Гуйфэй разделяла страсть императора к искусству и почиталась поэтами и художниками. Но клан ее алчных родственников устремился к важнейшим должностям, минуя только что закрепившуюся систему отбора чиновников. Ее брат Ян Гочжун, став цзайсяном, получил практически всю полноту формальной власти в стране, власть неформальную присвоил себе дворцовый евнух Гао Люши, которому в свое время удалось привлечь внимание императора к Ян Гуйфэй. Все это вызывало всеобщее недовольство.

Но у политического кризиса имелось немало объективных причин. Империи приходилось напрягать все силы для ведения внешних войн. На Юге, на территории современной провинции Юньнань усилилось государство Наньчао, населенное воинственными предками современных тайцев, лаосцев, шанов и многих других родственных им народов, населяющих нынешнюю Юго-Восточную Азию. Был утрачен контроль над Кореей. С Запада один за другим следовали набеги тибетцев, чья держава распространилась от Брахмапутры до Сычуани. Несмотря на то что Второй Тюркский каганат был разгромлен уйгурами, попытки Китая воспользоваться этим и укрепить свою власть над Самаркандом не увенчались успехом. В 751 г. китайские войска на р. Талас потерпели сокрушительное поражение от арабов. В результате междуречье Амударьи и Сырдарьи навеки связало свою судьбу с исламским миром, а контроль над значительной частью Великого шелкового пути оказался утерян.

Рост населения Китая привел к земельному голоду. В «тесных волостях» приходилось сокращать размеры наделов, с которых крестьянам все труднее становилось нести повинности и выплачивать налоги. Переселение в «про-

сторные волости» затруднялось из-за набегов неприятеля. Меры по ограничению монастырского землевладения оказались недостаточными, слишком много земель продолжало выпадать из надельной системы, все больше становилось императорских земель и дворцовых хозяйств – надо было содержать множество отпрысков императорской крови. Так, лишь у Сюань-цзуна имелось пятьдесят девять детей; у одного из его сыновей пятьдесят восемь, у другого пятьдесят пять, у третьего тридцать шесть. Но ведь императорскому примеру организации семьи следовали многочисленные аристократы и высшие чиновники, содержавшие свои гаремы. Таким образом, характерное для многих традиционных обществ аграрное перенаселение усугублялось «перепроизводством элит» и сокращением налогооблагаемой базы. Гнет сборов и повинностей становился все тяжелее, а казна при этом получала все меньше средств.

При этом военные расходы резко возросли. Армия, основанная на системе «фубин», разлагалась. Солдаты, направляемые на службу из военных округов, использовались на тяжелых работах, воевали неохотно, дезертировали. Столичная гвардия утратила надежность, но приобрела склонность к участию в заговорах. В пограничных районах требовались более боеспособные части. В 742 г. было учреждено десять *цзеду* – пограничных военных округов, прикрывавших самые опасные направления и возглавляемых военачальниками *цзедуши*. Войска, комплектовавшиеся в основном за счет «варваров», получали солидное вознаграждение, а их командиры (*цзедуши*) становились независимыми от гражданских властей и могли действовать на свой страх и риск. Это повышало эффективность их деятельности, но превращало в полных хозяев своих областей. Войска старого типа сохранялись, но значительно уступали новым частям. Поэт Ду Фу описал настроения китайских воинов, которые отправлялись против тибетцев. Из его стихов видно, как солдаты тяготятся службой, отсутствием вознаграждения, необходимостью воевать вдали от родной земли. Но совсем иначе поэт передает боевой настрой войска в пограничной армии *цзедуши* Ань Лушаня (тюрка или согдийца по своему происхождению), выступившего за Великую стену против киданей:

На ровном песке повсюду раскинулись наши палатки,
Выстроились отряды и перекличка слышна.
Ночной покой охраняют воинские порядки,
И с середины неба за ними следит луна.
Несколько флейт вздохнули печальными голосами,
И храбрецы вздохнули, глядя в ночную синь.
Если спросить у воинов: кто командует вами?
Наверно они ответят: командует Хо Кюй-бинь.

Так поэт уподобляет Ань Лушаня легендарному воину, некогда разгромившему хунну, но далее он сравнивает *цзедуши* еще и с соколом, готовым броситься на птичью стаю и залить степь кровью.

Итак, старая армия стояла дешевле, но была небоеспособна, новая хотела и умела воевать, но могла стать опасной и, главное, требовала много денег. Поборы росли и становились невыносимыми, в то же время отсутствие средств мешало поддерживать ирригационные сооружения. В ряде провинций начался голод. Ду Фу писал стихи, где осуждался двор императора, устраивавший роскошные пиры в то время, когда дети умирали от голода. При том, что и конфуцианские чиновники, и аристократы, и *цзедуши*

презирали и ненавидели друг друга, они сходились в неприязни к клану Ян и к всесильной фаворитке, из-за которой император нарушил рамки поведения, установленные древними обычаями. Обрушившиеся на страну бедствия могли трактоваться как утрата «мандата Неба», что указывало на потерю императором своей легитимности.

В 755 г. Ань Лушань поднял мятеж, требуя ниспровержения клана Ян. 150 тыс. пограничных войск единодушно поддержали восстание. Ян Гочжун двинул против него все силы, но его армия угодила в горную ловушку и подверглась истреблению. Объединившись со своими вчерашними противниками киданями, Ань Лушань захватил провинцию Шэнси, устроив там страшную резню, а затем занял древний Лоян. Но на сей раз китайское население оказало упорное сопротивление. Ду Фу, еще недавно критиковавший правительство и восхвалявший воинов Ань Лушаня, узрел теперь в них традиционных врагов – варваров и описывал героизм защитников Чанъани, с надеждой поджидавших известий о подходе правительственных войск.

Однако тяжеловооруженные воины-профессионалы оказались намного сильнее. Чанъань пала, ее жители рассеялись по окрестностям, а император, чудом избежавший плена, поручил командование своему сыну и бежал в Сычуань, отделенную от остальной китайской территории неприступными горами. По дороге гвардейцы вышли из повиновения императору, требуя избавиться от фаворитки и ее брата. Самоубийства, совершенного Ян Гочжуном, оказалось недостаточно, и вскоре император вынужден был согласиться на убийство Ян Гуйфэй, а затем передал власть своему сыну Ли Хэну. Новый правитель выдвинул против мятежников оставшиеся верными войска, но, главное, нанял кочевников-уйгуров, которым удалось выбить войска Ань Лушаня из столиц. Однако эта «правительственная армия» относилась к местному населению ничуть не лучше мятежников. Военные действия продолжались до 763 г.

Героическое сопротивление китайского народа, военное искусство уйгуров и разброд в стане мятежников помогли династии Тан удержаться у власти. Но править приходилось опустевшей страной. По переписи 754 г. в империи числилось 52 880 488 душ, а в 764 г. – лишь 16 900 000. Одни были перебиты, погибли от голода и болезней, другие разбежались, третьи потеряли свободу и были из реестров, некоторые территории оказались утрачены. Слабеющее государство более не могло сохранять наделную систему, ибо не было способно контролировать периодические переделы земли и регулярно составлять реестры. Одни поля переставали обрабатываться и приходили в запустение, другие скупались и продавались. Вновь приобретаемая земля уже не считалась наделной и не подвергалась налогообложению. В результате крупные частные землевладельцы усиливали свою мощь, а государство хирело все больше и больше.

ВТОРОЙ ДИНАСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Император Дэ-цзун (779–805) решил на проведение важной реформы, о которой уже давно говорили. В 780 г. императорский цзайсян Ян Янь предложил ввести новый порядок налогообложения: вместо выплат и повинностей с фиксированного надела теперь дважды в год взимался налог. Налоги зависели от количества земли, но их размеры были одинаковы для всех

категорий землевладельцев. Государство, отказываясь от непосредственного контроля за землепользованием, снимало препятствия росту частного землевладения и развитию аренды.

Одни историки видят в этом отказе от наделной системы качественный разрыв с традиционным для древнего Китая регулированием поземельных отношений, основанном на верховном праве императора на всю землю, и рассматривают этот шаг в качестве признания государством прав частного землевладения. Возражения других сводятся к тому, что и раньше существовала негласная практика отчуждения земель; в то же время и после реформы Ян Яня государство пыталось замедлить процесс превращения крестьян в безземельных арендаторов и не одобряло появления слишком могущественных частных землевладельцев. По-видимому, суть в том, что наделная система всегда являлась лишь определенным идеалом для государственных мужей, время от времени призывавших к ней вернуться.

Но свою задачу реформа 780 г. выполнила, заглушив остроту кризиса. Государство увеличило налоговую базу, начало восстанавливать разрушенные дамбы, проводить ирригационные работы. Беглецы возвращались на заброшенные земли. Но теперь мало что препятствовало процессу концентрации земель. Крестьяне, лишавшиеся наделов, были вынуждены арендовать землю у средних и крупных землевладельцев или уходить на заработки в города. Изобилие рабочей силы делало излишними большинство казенных мастерских, использование свободного труда вело к расцвету ремесла, а освобождение от государственных монополий давало высокую прибыль предпринимателям. Начали возникать предприятия, организованные по принципу рассеянной мануфактуры. Так, например, торговый дом Ху в городе Динчжоу имел 500 шелкоткацких станков. Бурный рост торговли привел к появлению новых платежных средств – своеобразных векселей («летучих денег»). Чтобы не возить громоздкие связки монет, их сдавали в одной торговой конторе, а затем, по предъявлении «летучих денег», можно было получить соответствующую сумму в конторе другого города.

Уже к началу IX в. в Китае насчитывалось двадцать городов с полумиллионным населением. Но они оставались прежде всего административными центрами, где проживали чиновники, а также неисчислимое множество «слуг», выполнявших работу по дому и осуществлявших представительские функции, повсеместно сопровождая своего хозяина и демонстрируя степень его значимости и влияния.

В отсутствие наделной системы потребности казны в основном удовлетворялись за счет косвенных налогов – прежде всего соляного, но также и ряда других сборов, в том числе и налога на чай. Именно в эпоху Тан чай получил всеобщее распространение, превратившись и в предмет утонченного наслаждения людей высокой культуры, и в товар повседневного спроса. В ту пору чай не заваривали кипятком, а варили, как суп. Этот способ приготовления чая сохранился у горцев Тибета и кочевников Великой степи, именно в эпоху Тан познакомившихся с этим напитком, ставшим для них важнейшим элементом питания. Торговля чаем с «варварами» приносила огромные барыши и была монополизирована государством.

К началу IX в. по сравнению с предыдущим веком центральное правительство реально контролировало лишь треть провинций. Остальные зем-

ли либо были утеряны, либо находились под властью 48 цзедуши, чувствовавших себя полными хозяевами и своих войск, и своих провинций. Но 36 из них силой и хитростью сумел сменить император Сянь-цзун (806–820). Конфуцианские сановники предлагали вернуться к старым методам – восстановить военные поселения (что было отчасти реализовано в провинции Шанси) и реставрировать надельную систему. Но император не пошел столь далеко, предпочитая более простой способ – на место ненадежных цзедуши он ставил преданных евнухов, которые не могли передавать свои должности по наследству. Приостановив на время нарастание сепаратистских тенденций, Сянь-цзун предопределил главную политическую коллизию следующих десятилетий: придворную борьбу бюрократии (*шэньши*) и евнухов.

Империя давно перешла от экспансии к обороне. Политика сводилась главным образом к отражению набегов варваров, а чаще к выплате им замаскированной дани в виде «подарков» или неэквивалентного обмена. Китайская дипломатия не без успеха натравливала одних варваров на других. Уйгурский каганат стремились использовать против могучей Тибетской державы, кыргызов – против уйгуров.

Некогда танские императоры, стремясь к созданию общеазиатской империи, поддерживали религии, пришедшие с запада: буддизм, христианство в его несторианской форме, ислам и иногда даже манихейство. Эти религии довольно прочно укоренились в Поднебесной, что вызывало протест конфуцианцев. Так, например, в 819 г. в Чанъань была привезена из Индии реликвия – кость пальца Будды. Император сам участвовал в торжественной церемонии встречи реликвии, но философ-конфуцианец Хань Юй подал докладную записку, где писал: «Ведь он, Будда, мертв, и уже давно. Это же только сгнившая кость. Как же можно помещать ее во дворец! Как может Сын Неба поклоняться праху! Сам же Будда происходит из инородцев, он говорил на языке, отличном от языка, принятого в Срединном царстве, носил другую одежду... не знал долга, которыми руководствуются правители и подданные, не испытывал чувств, существующих между отцами и сыновьями». Хань Юй призывал императора обратить буддийских монахов в мирян, сжечь их книги, превратить их храмы в жилища, а взамен вернуться к древней китайской традиции, «разъясняя путь царей».

Увещевания Хань Юя разгневали императора, который едва его не казнил. Однако на подобных идеях удалось воспитать новое поколение чиновников, применивших их на практике. В правление императора У-цзуна (840–846) возобновляются гонения на буддистов. В 845 г. вышел указ, по которому у буддийских монастырей отбиралось все их имущество: земли и сокровища, храмовая утварь, которая могла пойти в переплавку. Погибли бесценные произведения искусства. Около четверти миллиона монахов покинули свои обители. Экономический и интеллектуальный рост влияния буддизма был остановлен. Но монастырских богатств хватило казне ненадолго.

Государственный аппарат продолжал хиреть. Хотя система экзаменов постоянно усложнялась, на деле быть допущенным к высшим степеням и получить должность без протекции становилось практически невозможно. Для того чтобы раздобыть деньги на сиюминутные потребности, казна шла на порчу монеты. Увеличивались налоги на соль и чай – для обеспечения монополии на эти товары власти пытались бороться с контрабандистами.

Но ни казни, ни суровость императора Сюань-цзуна II (846–859) не могли обеспечить порядок в стране, которой вновь угрожали варвары (тангуты и кидани) и в которой вновь начинался голод. Голоду способствовали нашествия саранчи, недороды и наводнения, обостренные тем, что дамбы и каналы не ремонтировались и выходили из строя. Так, например, в 858 г. страшное наводнение поразило районы вокруг Великого канала.

Как и ранее, стечение роковых обстоятельств укрепляло подозрения в том, что династия теряет «мандат Неба». Восстания вспыхивали повсеместно, особенно усилившись после смерти императора Сюань-цзуна II в 859 г. Крестьяне южной провинции Чжэцзян (при Тан – Чжэдун) попытались создать собственное государство, приступив к распределению содержимого казенных и монастырских амбаров. На юге мятежники базировались на боевых флотилиях лодок-джонок, неуловимых для правительственных войск. Пан Сюнь, армейский командир, восставший в Гуйчжоу, двинулся затем на север к Лояну и держал в страхе десять окрестных областей. Правительству удалось справиться с этими движениями лишь с помощью кочевников. Но длительного успокоения не произошло.

МЯТЕЖ ХУАН ЧАО И КОНЕЦ ДИНАСТИИ ТАН

На севере, в Хэнани восстание крестьян и беглых солдат возглавил контрабандист Ван Сяньчжи. В 875 г. к этим повстанцам присоединился Хуан Чао, выходец из рода богатых торговцев солью, связанный с Ван Сяньчжи участием в контрабанде. Хуан Чао прекрасно владел боевыми искусствами и получил неплохое образование. Он несколько раз пытался сдать экзамены на степень лауреата (*цзиньши*), дававшую право на занятие чиновничьей должности, но терпел неудачи, пока не решил реализовать свои амбициозные планы иначе. Из родственной среды вышли некоторые другие вожди восстания, как, например Чжу Вэнь, происходивший из семьи преподавателя, но не сумевший пробиться к престижным должностям.

Весь свой обвинительный пафос в воззваниях к народу Хуан Чао обращал против династии Тан с ее «жадными и ненасытными» чиновниками, тяжелыми налогами, несправедливостью правления. Его декларации находили живой отклик у массы народа. В краткий срок войско повстанцев достигло 100 тыс. человек, и у правительства явно не хватало сил для отражения столь серьезной опасности. Однако вскоре между вождями восстания произошла ссора, и их войско разделилось. В 878 г. Ван Сяньчжи совершил поход на Лоян, но его отряд был разбит наемными кочевниками, а сам предводитель подвергнут жестокой казни. Хуан Чао, двинувшийся на юг, оказался более успешен: в 879 г. он осадил и после безуспешных переговоров о сдаче взял штурмом богатый Гуанчжоу, вырезав до 100 тыс. иноземных купцов – арабов, персов и евреев, пытавшихся оборонять город.

Однако войску повстанцев, состоявшему преимущественно из северян, трудно было закрепиться на юге. Во время возвращения на Север в их ряды вливались все новые сторонники. Во главе полумиллионной армии Хуан Чао подошел Лояну. Наместник восточной столицы почтительно вышел встре-

чать вождя мятежников, принявшего титул «Великого полководца Поднебесной». Обосновавшись в восточной столице, Хуан Чао направил свою армию на завоевание столицы западной – Чанъани. Разложившаяся императорская гвардия была разгромлена, а император Си-цзун (873–888) бежал вместе со своим двором в Сычуань, отгороженную горами от остального Китая.

В начале 881 г. Хуан Чао на золотой колеснице торжественно въехал в Чанъань. Его сопровождали сподвижники на медных колесницах, а за ними следовали всадники в парчовых одеждах. Хуан Чао отдал приказ уничтожить весь императорский род и прогнать со службы чиновников трех высших рангов. Приняв девиз «Цзиньтун» («Золотое правление»), он провозгласил основание новой династии. Его сподвижники получили высокие посты, чиновникам средних и низших рангов были возвращены их должности. Но организовать реальный контроль над страной новоявленный император не смог. Опомнившись от шока, танское правительство в Сычуани объявило сбор сторонников старой династии в провинциальном центре Чэнду, куда начали стекаться отряды, собранные «сильными домами», и поступать налоги с территорий, не захваченных Хуан Чао. Это позволило нанять конницу кочевников. Самым яростным врагом повстанцев стало племя тюрков *шато*, которое возглавлял одноглазый вождь Ли Кэюн.

Вскоре 17-тысячная конница Ли Кэюна разгромила выдвинутую против него стотысячную армию самопровозглашенного императора и перекрыла подвоз продовольствия. Неспособность Хуан Чао обеспечить нормальное снабжение столицы вызвало недовольство горожан и части его войск. В результате в мае 883 г. армия повстанцев покинула Чанъань. Сразу же после этого отряды Ли Кэюна ворвались в столицу, учинив в ней такой разгром, что горожане стали называть тюрков *шато* «черными воинами», а их вождя – «одноглазым драконом». В Хэнани, куда ушли повстанцы, им было нанесено несколько поражений, после чего их силы начали быстро таять. На сторону Танов перешел Чжу Вэнь. Теряя сторонников, Хуан Чао отступил в Шаньдун, где покончил с собой в 884 г. Однако его племянник Хуан Хао продолжал борьбу вплоть до 901 г.

Четвертьвековая крестьянская война нанесла сокрушительный удар династии Тан. Центральная власть перестала контролировать территорию страны. Множество крестьян и горожан погибли. Остальные прекратили платить налоги, недоимки и исполнять трудовые повинности в пользу центральной власти. Система налогообложения приказала долго жить.

В 883 г. император Си-цзун вернулся в Чанъань. Однако, находясь в древней столице и сидя в императорском дворце, он сначала служил марионеткой в руках Ли Кэюна, а потом его отстранил от власти бывший главарь повстанцев Чжу Вэнь. В ходе военных действий между этими двумя лидерами подверглась полному разрушению западная столица Чанъань, а император вместе со всей семьей увезен Чжу Вэнем в Лоян. Последние танские императоры Чжао-цзун (888–904) и Ай-ди (904–907) были бледной тенью правителей начала династии. Вершителем их судеб оставался Чжу Вэнь, пока в 906 г. окончательно не истребил весь императорский род и не провозгласил императором себя самого. Но в это время Китай вновь распался на несколько самостоятельных государств. Начиналась «эпоха пяти династий и десяти царств» (907–960).

Несмотря на социальные взрывы, с очевидной регулярностью сотрясавшие страну в конце династических циклов, эпоха Тан в китайской традиции считается периодом наивысшего могущества, когда Китай надолго опережал весь мир в своем развитии. Это было время, когда в обиход китайцев вошли чай и фарфор, когда обрела стройность знаменитая бюрократическая система, основанная на экзаменах, когда возникли знаменитые академии и школы, призванные готовить чиновную элиту, это период небывалого взлета китайской культуры, создавшей эталонные образцы словесности и изобразительных искусств. Культура эпохи Тан сочетала в себе сознательное подражание образцам древней империи Хань и вместе с тем была открыта влияниям извне. Культуры степных кочевников, среднеазиатских и арабских торговцев, учения мусульман, манихеев и христиан, не говоря уже о давно адаптированном буддизме, быстро впитывались китайским обществом. Даже такой враг иноземных учений, как философ Хань Юй, уравнивал свои нападки на буддизм тем, что объявлял учителем Будды китайского мудреца Лао Цзы, подчеркивая единую природу человеческих знаний.

О творческой силе культуры того времени свидетельствует стихийный поиск противовеса господствующей тенденции. Когда учение буддийских философов приобрело строгость четкой системы, утвердившей иерархию 19 степеней интеллектуального совершенства, когда буддизм становился господствующей религией (при императрице У Цзэ-тянь) или помещался под жесткий бюрократический контроль, тогда в ответ на торжество формального интеллектуализма расцвела буддийская секта Чэнь, культивирующая спонтанное мистическое озарение, порожденное непосредственным личным созерцанием Бога. Когда конфуцианский принцип следования разуму и подчинения строгим канонам достиг апогея, самым любимым поэтом китайцев, включая императора, стал бесшабашный Ли Бо, воспевавший «священное опьянение» и, согласно легенде, утонувший пьяным, пытаясь поймать прекрасную луну, отразившуюся в речной глади. Чтобы стать чиновником, мало было толковать изречения Конфуция, нужно было еще обладать богатым воображением и писать, подражая этому поэту:

Облака отразились в водах
И колышут город пустынный,
Роса, как зерна жемчужин,
Под осенней луной сверкает.
Под светлой луной грушу я
И долго не возвращаюсь...

СОСЕДИ ПОДНЕБЕСНОЙ: КОРЕЯ, БОХАЙ, ТИБЕТ

За пределами Китая в эпоху раннего Средневековья существовали различные государства. Все они в той или иной степени испытали влияние китайской цивилизации. Однако каждое из государств сохранило свои оригинальные черты и самобытную культуру.

КОРЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

К востоку от Танской империи на Корейском п-ове располагались ранние государства корейцев. Это горная страна, покрытая лесами, в которой более половины территории находится на уровне выше 500 м над уровнем моря. Равнины занимают меньшую часть, обычно с выходом к побережью. Для данного региона характерно большое разнообразие различных биоресурсов и комплексный характер экономики.

Начало эпохи Средневековья в этом регионе принято связывать с эпохой Троецарствия – временем, когда на полуострове существовали три самостоятельных политических образования. Северную часть полуострова занимало королевство Когурё. На юго-западе располагалось королевство Пэкче, на юго-востоке – королевство Силла. Несмотря на то, что согласно письменным источникам все три государства возникли еще до нашей эры, археологические данные подтверждают это только в отношении Когурё. В других частях полуострова складывание крупных вождеств и раннегосударственных образований произошло несколько позднее, в период II–IV вв.

Во главе каждого из трех королевств стоял *ван* (король, князь). Власть вана передавалась по наследству внутри правящего рода и имела ярко выраженный сакральный характер. Согласно легенде, основатель Когурё Чумон (Тонмён-ван) был рожден из яйца речной богини. Именно ван считался ответственным за покровительство своим подданным со стороны богов. Социальная структура древнекорейского общества включала аристократию (*чвасик*), простых общинников крестьян (*хахо*), различные зависимые категории (в том числе *ноби* – рабы). Значительная социальная стратификация отражена в пышных курганах элиты с каменными мавзолеями внутри, расписанными изысканными фресками.

Корейские крестьяне занимались земледелием – выращивали сою, ячмень, просо, чумизу и рис. Деликатесами для местного населения издревле считались свинина и собачатина. Близкое расположение моря предполагало наличие рыболовства и морского собирательства. К эпохе трех царств корейцы имели достаточно высокий уровень металлургии, гончарного ремесла, ткачества, занимались шелководством. Тем не менее хозяйственный обмен имел в основном натуральный характер. Экономической основой этих ранних государств была редистрибуция (вертикальное перераспределение) прибавочного продукта и услуг. Крестьяне должны были платить ренту зерном и тканями, иногда шелком. Кроме этого, простое население привлекали к строительству и ремонту дорог и укреплений, сооружению защитных стен, другим многочисленным повинностям.

Самым крупным государством было Когурё. Его столицей с 427 г. являлся Пхеньян. Еще со времен династии Хань Корейский п-ов испытал сильное влияние китайской культуры. Равнинные города строились по китайским градостроительным канонам, имели четкую планировку и разделялись на кварталы. Постепенно из столичной элиты и племенных вождей начинает складываться бюрократический аппарат по конфуцианскому образцу, формируется территориально-административная структура государств. Когурё делилось на 60 округов. Пэкче состояло из пяти округов, каждый из которых делился на 10 небольших уездов.

В Когурё были введены ранги чиновников, которые отличались различным цветом одежды и поясов (пурпурным, малиновым и пр.), специальными знаками на головных уборах. В Пэкче существовало 16 рангов чиновников, в Силла – 17 рангов. Бюрократический аппарат включал различные ведомства, которые занимались подготовкой и распространением указов, хранением продовольствия, следили за соблюдением законов, обрядов и церемоний, общественными работами, взиманием налогов и т.д. Армии во всех трех государствах состояли из гвардейских подразделений, гарнизонов крепостей и ополчения, набираемого в случае необходимости из простого люда.

В начале Троецарствия население Корейского п-ова практиковало отправление традиционных религиозных культов. Главными объектами поклонения являлись Небо, Солнце и Луна. Со второй половины IV в. в Корею проник буддизм. В 372 г. с посольством из династии Западная Цзинь в Когурё прибыл первый миссионер. Уже через три года был построен первый храм, а в 392 г. обнародован декрет об официальном принятии буддизма. В 384 г. буддийские проповедники прибыли в Пэкче. В Силла буддизм попал в начале V в. и только в 527 г. был провозглашен официальной религией страны. С даосизмом корейцы познакомились не ранее VII в. Однако он не завоевывал популярности на полуострове.

В течение нескольких столетий китайцы стремились поставить под свой контроль раннекорейские государства. Для защиты когурёсцы даже выстроили стену от г. Фуюй до Бохайского залива с 66 крепостями. Суйская династия совершила несколько походов на Когурё (589, 612, 613, 614 гг.), которые закончились для китайцев неудачно.

В борьбе против китайской экспансии жители Когурё активно использовали тактику партизанской войны. Например, полководец Ыльчи Мундок смог таким образом уничтожить огромную китайскую армию императора Ян-ди (604–616). Врагов заманивали вглубь страны, отрезая им путь к отступлению. Кроме того, корейцы одержали решительную победу над завоевателями в 612 г. на р. Сальсу (Чхончхонган). В итоге, по возможно преувеличенным данным источников, из более чем миллионной армии суйского императора назад в Китай вернулось менее 3 тыс. воинов.

Ыльчи Мундок не только обладал талантом полководца, но и писал стихи. Он послал командующему китайскими войсками такое сообщение:

*Божественная политика основывается на воле Неба,
А искусная стратегия – на знании дел земных.
Зная, сколь высоки Ваши воинские заслуги,
Не будет ли лучше удовлетвориться достигнутым
И покончить с войной?*

Но правители Поднебесной не послушались этого совета Ыльчи Мундока...

ных земель сократилось. Это привело к уменьшению налоговых поступлений. Казны не хватало на содержание двора, многочисленных чиновников, армии, поддержание инфраструктуры. Увеличивался налоговый гнет, что привело к росту недовольства масс. В 890 и 897 гг. страну потрясли восстания. В начале X в. Силла фактически распалась. В 935 г. к власти пришла новая династия Корё, которая опиралась на буддизм как защиту от китайского конфуцианского влияния.

ГОСУДАРСТВО БОХАЙ

К северу от Корейского п-ова на территории Маньчжурии и современного российского Дальнего Востока обитали народности *мохэ*. Их традиционно относят к тунгусо-манчжурам. Летописи выделяют семь наиболее известных и влиятельных объединений народности *мохэ* (союзов племен или вожеств). Из них наиболее крупными и сыгравшими важную роль в истории были *сумо мохэ*, жившие на крайнем юго-западе мохэских земель, и *хэйшуй мохэ* на северо-востоке, в долинах нижнего течения Сунгари, Уссури и Амура.

Хозяйство мохэсцев было комплексным. Они занимались земледелием, используя для вспахивания земли лошадей, разводили свиней. Таежная охота и рыболовство также принадлежали к важным отраслям их хозяйства. Для жилья мохэсцы строили землянки, вход в которые устраивался сверху.

В VII в. *сумо мохэ* подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это привело к их консолидации и созданию в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью у *сумо мохэ*, называвшегося в тюркских рунических текстах «боклийским каганатом». В 698 г. были провозглашены королевство Бохай и первый его правитель (ван) Да Цзожун. Бохай включал восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. Государство было разделено на пять столиц, 15 областей (*фу*) и 62 округа (*чжоу*).

Бохайские ваны стремились расширить территорию страны за счет включения, главным образом, восточных и северных территорий в VIII–IX вв. Истинный расцвет Бохая пришелся на правление вана Да Циньмао (737–794), который за свой вклад в развитие образования и культуры в стране получил посмертное имя «Просвещенный». В годы его правления была сформирована система государственных институтов. Административный аппарат Бохая включал три управления (*шэн*), несколько министерств (*бу*) и палат (*сы*). Министерства подразделялись на «левые» и «правые». Чиновники делились на восемь рангов. Они носили одежду разного цвета с верительными знаками отличия. Для ведения делопроизводства бохайцы заимствовали китайскую письменность. В стране были созданы школы для обучения детей знати грамоте. Среди элиты определенное распространение получил буддизм.

Социальная структура Бохая первоначально выглядела следующим образом: ван (монарх) и его родственники; шесть знатных кланов; вожди и старейшины, простые общинники. В период расцвета социальная структура Бохая состояла из двух основных классов: бюрократическо-управленческой элиты, разбитой на восемь рангов, в которую входили королевская семья, крупная аристократия и служилая знать, и непосредственных производителей

Будда Маз Самджон. Пэкче (Корея). VII в.

Танские императоры в 645–651 гг. также несколько раз безуспешно вторгались на территорию Северной Кореи. Только когда они заключили союз с Силла, им удалось разгромить в 660 г. Пэкче, а в 668 г. и Когурё. На захваченной территории создали китайские наместничества, в которых были размещены гарнизоны солдат и чиновники.

Буквально через два года началась война между Силла и Тан. В 676 г. был освобожден Пхеньян и вскоре силланцам удалось отвоевать у китайцев все ранее захваченные земли. Корея оказалась объединенной под правлением единой династии. Объединенная Силла была разбита на девять провинций. Столица располагалась в городе Кёнджу. С этого времени начинается новый этап истории Корейского п-ова.

В культурном отношении Корея впитала многие элементы китайской цивилизации, начиная с конфуцианской доктрины до иероглифической письменности. Уже в Когурё были созданы специальные школы для изучения китайского языка, литературы и исторических сочинений. От периода Троецарствия остались стелы с эпитафиями, напи-

санными на китайском языке. Самая известная из них – шестиметровая стела призматической формы Квангэтхо-вану 414 г. (на территории совр. КНР).

Однако корейцы не посчитали необходимым ограничиться простым заимствованием китайских иероглифов. Они изобрели целый ряд вспомогательных символов для обозначения предлогов, окончаний и союзов. В конечном счете это привело к созданию собственной письменной культуры и богатой литературной традиции. Это в известной степени способствовало развитию в стране астрономии, математики, медицины, географии, истории и философии. В Корее возникла оригинальная архитектура, изобразительное искусство и музыка.

В конце VIII – начале IX в. династия Силла пришла в упадок. Вследствие раздач участков аристократии и чиновникам количество общегосударствен-

лей – крестьян, объединенных в общины (*буцзюй*) и различные неполноправные категории (*нубэй*).

Большинство населения Бохая составляли крестьяне, которые выращивали пшеницу, ячмень, просо, сою, гречиху и рис. Бохайцы разводили домашних животных, свиней и собак, которых употребляли в пищу, лошадей и крупный рогатый скот. Помимо этого они занимались таежной охотой и собирательством. Каждая сельскохозяйственная округа располагала укрепленным городским центром. Крупные столичные города имели четкую планировку по китайской модели. Они являлись центрами торговли, ремесел, религии и культуры, сюда свозились налоги с сельской округи, здесь жили региональный правитель, чиновники и дружина. Население городов также занималось и сельским хозяйством. На периферии бохайская строительная практика во многом основывалась на традиционных навыках, выработанных самими мохэсцами. Археологам известны горные и долинныя городища.

Одним из таких городов являлся порт и окружной центр Янь – Краскинское городище на юге Приморского края. Форма городища напоминает подкову площадью около 13 га. Защитные стены сделаны из камня и сверху засыпаны землей. Центральная улица делит город на две части. Исследованиями археологов обнаружен храм, печи для обжига черепицы, фундамент башни, колодец и другие сооружения. Город состоял из кварталов, улочек между ними и отдельных усадеб. Здесь жили ремесленники и торговцы, иные категории населения. Материалы раскопок свидетельствуют о высоком уровне дворцово-храмовой архитектуры, скульптуры, настенной живописи, художественной обработки камня и различных металлов.

Бохай имел дипломатические отношения с соседними странами: державой Тан, Силла, кочевыми империями. Особенный интерес вызывают его контакты с Японией, которую неоднократно посещали бохайские суда. В составе бохайских посольств помимо официальных лиц и торговцев были поэты и музыканты. Они участвовали совместно с японскими литераторами в представлениях при императорском дворе.

Бохайцы были разбиты в 926 г. киданями, которые создали на их землях марионеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Во главе него основатель киданьского государства Елюй Абаоцзи поставил своего сына Туоя. Бохайцы были обложены данью, но в том же году восстали. Восстание было подавлено, а через некоторое время начались новые волнения. Чтобы ликвидировать очаг недовольства, кидани использовали традиционную для доиндустриальных государств стратегию – в течение 30–40-х годов X в. они насильственно переселили почти полмиллиона бохайцев на свои земли в долины рек Шара-Мурэн и Ляохэ. Часть бохайцев была позднее депортирована в Центральную Монголию, для строительства города Чжэнчжоу (совр. городище Чинтолгой Балгас). По иронии судьбы через столетие, уже после падения империи Ляо, именно туда стеклись остатки киданьского воинства, которые отказались подчиниться чжурчжэням. Как и бохайцы, они потеряли свою страну и ушли на чужбину. В Средней Азии они создали государство каракиданей.

Примерно в это же время к западу от границ империи Тан в горных долинах Тибетского нагорья сформировалось еще одно государство, которому суждено было сыграть важную роль в истории региона. Здесь проживали две разные группы населения. К первой относятся тибето-бирманские племена цянов, обитавшие в кукунорских степях и территориях верхнего и частично среднего течения Хуанхэ. Вторую группу составляло коренное население высокогорных районов. По внешнему виду оно было более близко к южным китайцам и малайцам. Согласно древнекитайским источникам, отчасти имеющим легендарный характер, предводитель цянов Фаньни в V в. увел их за Хуанхэ и подчинил местные народы. Процессы политогенеза привели к началу VII в. к созданию на тибетском нагорье крупных вожеств и раннего государства. Правитель тибетского королевства носил титул *цэнпо*. Согласно преданию, первый цэнпо Лха спустился по священной горе – лестнице с Неба. Цэнпо научили людей заниматься земледелием и скотоводством, осуществлять ирригацию, выплавлять металлы. Власть цэнпо имела ярко выраженный сакральный характер. Важную роль в этнокультурной консолидации общества играла религия *бон*.

По всей видимости, складывание государственности завершилось при цэнпо Сонгцэн-гампо (613–649). При нем была создана тибетская письменность, записаны законы, окончательно сформировалась структура государственного аппарата из девяти министерств, возглавляемых министрами (*лонпо*). Была проведена административная реформа. Страна была разделена на шесть губерний (*кхоспон*). На низовом уровне административная и военная (десятичная) системы совпадали. Крупные воинские подразделения были объединены в четыре формирования, которые назывались «рогами».

Тибетское общество характеризовалось развитой социальной стратификацией. Существовали специальные термины для обозначения элиты (*джялриг*) и простого населения (*ман*). Последнее, в свою очередь, делилось на так называемых свободных общинников (*банг*), которые работали на королевских землях и платили ренту-налог, а также различные несвободные (*бран*) группы населения. Простые крестьяне должны были поставлять дары своим вождям и королевскому двору. Они занимались земледелием в предгорных долинах и выпасали на альпийских лугах домашних животных. На них также были возложены различные трудовые повинности.

Существовало несколько видов землевладения. Основная часть земли находилась под контролем королевской власти (*джешиг*). Цэнпо мог пожаловать участок земли за службу. Такие владения назывались *кхольюл*. Кроме этого, часть земельных угодий сосредоточилась в руках знатных кланов (*сид*). В середине VII в. королевская власть столкнулась с кризисной ситуацией, обусловленной сокращением налоговых поступлений в казну и отсутствием свободных земель для раздач. Цэнпо Сонгцэн-гампо провел массовые конфискации земель и расширил королевский фонд, что серьезно укрепило его власть. Он также перенес столицу из Ярлунга в Лхасу и выстроил там грандиозный королевский дворец.

Тибет постепенно превратился в мощную военную державу, надежно защищенную труднодоступными перевалами и высокими горами. Тибетские цэнпо проводили активную завоевательную политику. Они посылали свои войска в Непал и Бенгалию, на юг Китая в царство Наньчжао, на восток к озеру Кукунор против местных полукочевых народов (тогонцев или туюйхуней). На завоеванных территориях были созданы специальные генерал-губернаторства (*кхром*). В середине VIII в. тибетцам удалось оттеснить китайцев и мусульман из Средней Азии, распространив свое влияние на местные города и оазисы. В период расцвета границы государства простирались от истоков Инда на юге и до Тянь-Шаня на севере, от Памира на западе до излучины Хуанхэ на Востоке. В 763 г. была даже на некоторое время захвачена столица танской империи Чанъань.

В 634 г. из Тибета было отправлено посольство к танскому двору. Цэнпо просил дать ему в жены китайскую принцессу, надеясь данным браком повысить свой международный статус. Отказ императора стал бы поводом для войны, и через семь лет китайцы все-таки были вынуждены удовлетворить желание цэнпо. Прошло еще несколько лет, и в 646 г. принцесса добралась до Лхасы. Она привезла с собой буддийские святыни, и для их хранения в Тибете был построен первый буддийский храм.

В 649 г. во время эпидемии Сонгцэн-гампо умер. Поскольку его наследник был малолетним, реальная власть оказалась в руках знатного клана Гаров. С этого времени начинается борьба между сторонниками местной религии «бон» и приверженцами буддизма. Королевская власть настаивала на введении буддизма, а аристократия требовала сохранить в качестве государственной религии «бон». Этот конфликт продолжался на протяжении многих лет. Ситуация принципиально изменилась в годы правления цэнпо Трисонг Дэцэна (755–797). Он пригласил в Тибет проповедника Шантиракшиту, но его проповеди не имели успеха. В то же время Шантиракшита заметил, что отдельные положения «бон» похожи на тантризм и посоветовал цэнпо пригласить тантриста Падмасамбхаву. Последний получил в Тибете признание и стал проповедовать включение в буддийский пантеон боннских божеств. С 781 г. буддизм официально был объявлен государственной религией. В Тибете большее распространение получил индийский вариант буддизма. Многие буддийские тексты были переведены с санскрита на тибетский язык.

В конце IX в. в Тибете происходит ослабление центральной власти. Отчасти это было обусловлено внутренней политикой правившего в этот период цэнпо Муни. Он стремился воплотить в своем государстве эгалитаристские заповеди раннего буддизма. Муни провел в обществе радикальные реформы, которые закончились весьма плачевно как для страны, так и для него лично. В результате заговора он был отравлен собственной матерью.

К власти был приведен его брат Триде Сонгцэн (804–815). Его правление ознаменовалось дальнейшим укреплением буддизма и установлением мирных отношений с Китаем. В результате был заключен договор, согласно которому танский император считался «дядей», а цэнпо «племянником». При этом Китай был вынужден признать за Тибетом западные земли.

В 836 г. в Тибете произошел переворот, в результате которого цэнпо был убит. К власти пришли противники буддизма. Были закрыты храмы, отменены привилегии буддистов. Это привело к внутреннему расколу. Новый цэнпо также был убит, и страна оказалась ввергнутой в череду религиозных конфликтов. К этому времени значительные земельные ресурсы (*сид*) находились в руках знатных кланов, что привело к ослаблению королевской власти. Данные обстоятельства не могли не сказаться на военной мощи страны. Стали отделяться завоеванные земли. Первым независимости добился в 851 г. Дуньхуан. К началу X в. фактически все внешние владения оказались утрачены. Территория страны сократилась до естественных ареалов проживания тибетского населения. В этих пределах границы остались неизменными до наших дней.

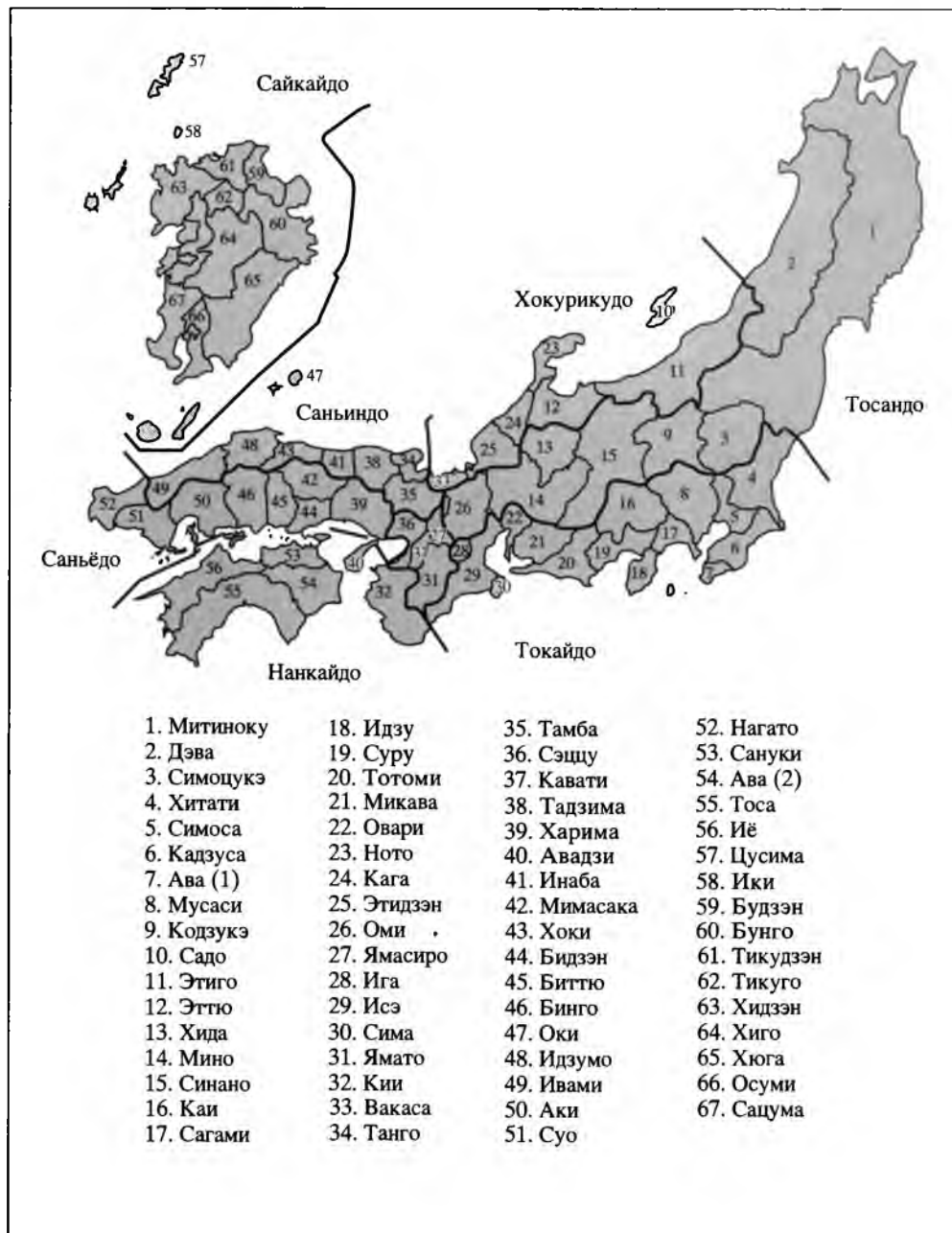
Ранний период истории Японии достоверно не отражен в письменных источниках (за исключением генеалогических записей, часто носивших легендарный характер), в связи этим изучение периода до VI в. н.э. ведется в основном по данным археологии. Неолитическая культура *Дзёмон* (до III в. до н.э.) была распространена по всему Японскому архипелагу, от о-ва Хоккайдо до о-вов Рюкю. Носители этой культуры, возможно, родственные народам Юго-Восточной Азии, занимались охотой, собирательством и рыболовством.

Главными носителями культуры *Яёй* (III в. до н.э. – III в. н.э.) первоначально выступали переселенцы с континента (в основном из Кореи и Китая, в их число входили племена тунгусского происхождения). Она распространялась только на юг и центр Хонсю, Сикоку и север Кюсю, откуда шло распространение принесенного переселенцами заливного рисоводства. В этот период начинается формирование японского этноса в центральных областях, завершившееся примерно к VI в. н.э. В ходе этого процесса автохтонный компонент, с одной стороны, постепенно смешивался с представителями нескольких потоков мигрантов с континента, а с другой – постепенно оттеснялся во внутренние и окраинные области, где долгое время сохранялись традиции культуры *Дзёмон* (на о-вах Рюкю, развивавшихся до начала XVII в. вне орбиты влияния японского государства, эти черты прослеживаются до XII в., на Хоккайдо до начала XX в.).

Возникновение раннеяпонского государства с самоназванием *Ямато* принято относить к IV в. По археологической периодизации, время существования государства Ямато, IV–VII вв., соответствует так называемому курганному периоду (*кофун*). Наиболее характерной особенностью этого периода является крупномасштабное сооружение курганных захоронений для родовой знати, распространение которых на новые области можно рассматривать как расширение территорий, находящихся под властью Ямато. На сегодняшний день обнаружено свыше 10 тыс. курганов.

В этот период активно складываются государственные структуры управления, выделяется правящий слой. Государство Ямато состояло из мелких протогосударственных образований, главы которых стояли ниже правителя Ямато, выполнявшего функции первосвященника и осуществлявшего контроль за отправлением ритуалов богам-прародителям. Тем не менее, несмотря на относительную силу императоров в период Ямато, власть принадлежала группе влиятельных кланов. Императорский род был сильнейшим из них, во многом благодаря существовавшему представлению о сакральности власти императоров, возводивших свой род к солнечной богине Аматаэрасу. Значительная роль других могущественных родов часто приводила к доминированию одного из них в управлении государством (эта тенденция сохранялась и в последующий период).

Появление государства Ямато в значительной степени обеспечивалось внедрением более эффективных методов земледелия. Во-первых, широко

Провинции и округа древней Японии

стали использоваться железные орудия труда. Во-вторых, проводилось активное строительство ирригационных сооружений. В-третьих, увеличилась площадь обрабатываемой земли. В приморских районах, где рисоводство не стало важнейшим типом хозяйства, преобладало рыболовство и добыча морепродуктов, очень разнообразных у берегов Японии.

В период Ямато происходила экспансия на окраинные области севера Хонсю и на юго-западные острова, проводимая как с санкции центральной власти, так и местными могущественными родами по собственной инициативе. Этот процесс продолжался в течение нескольких столетий, включая в орбиту влияния центральной власти все новые территории. Оттесняемое автохтонное население, именуемое общим названием «народы эмиси», прославилось своей воинственностью и, в свою очередь, нападало на владения подчинявшихся центральной власти местных кланов. Большинство исследователей видит в *эмиси* («креветковые варвары», «волосатые люди») предков современных айнов, генетически связанных с археологической культурой *Дзёмон*. Однако есть мнение, что термин «эмиси» имел не столько этническое, сколько социальное значение, обозначая различного рода изгоев, вытесненных на периферию общества Ямато.

Важной особенностью этого периода являлась высокая внешнеполитическая активность государства Ямато. Дело в том, что именно материк в лице Китая и Корейского п-ова служил основным каналом доступа к новым технологиям и методам хозяйствования, а также к передовым методам управления. Не случайно практически все престижные вещи, являвшиеся символом высокого социального положения, в этот период были привозными (бронзовые зеркала, железные доспехи и мечи и т.д.). К VI в. относится проникновение буддизма на территорию Японии, а вместе с ним и постепенное распространение буддийского обряда кремации. Сооружение курганов, но уже в меньших масштабах, продолжалось и в VII в.

В 603 г. в Ямато была введена первая «система из 12 рангов». Хотя она получила ограниченное применение, в дальнейшем ранговая система продолжала развиваться (во второй половине VII в. было проведено четыре реформы чиновничьих рангов), и к концу VII в. рангами были охвачены практически все служащие государственного аппарата.

Важнейшим событием был так называемый переворот Тайка (645 г.) («великая перемена»), совершенный принцем Наканоэ. Он отстранил от власти влиятельный аристократический род Сога и начал реформирование государства по китайским лекалам. Был создан центральный аппарат управления и система местной администрации; вся земля объявлена государственной, крестьянам выделялись наделы фиксированных размеров с выплатой налогов за пользование ими, чиновники высоких рангов получали кормовые дворы и жалованье в натуральном эквиваленте, средних и низких рангов – натуральные выплаты шелком, полотном, шелковой ватой, мотыгами.

Для реализации реформ потребовался целый ряд подготовительных мероприятий: проведение переписи населения, организация школ чиновников, создание инфраструктуры, обеспечивавшей связь центра с регионами (устройство застав и почтовых дворов) и т.д. Реформы, особенно активно осуществлявшиеся со второй половины VII в., в наиболее полной мере были воплощены в VIII в., большую часть которого по названию столицы именуют эпохой Нара (710–794). Государство этого времени принято называть «государством, основанным на законах» (яп. *рицурё кокка*), подчеркивая тот факт, что самые разные стороны жизни этого времени регламентировались законодательными сводами, составленными по образцу танских законов.

В VIII в. деятельность государства регулировалась сначала сводом законов «Тайхо рицурё» (701–702 гг.), затем «Ёро рицурё» (сост. в 718 г., введен в действие в 757 г.). В источниках есть сведения о двух предшествовавших законодательных сводах, но их существование подвергается сомнению.

Правители Японии хотели не просто подражать китайским традициям, но ни в чем не уступать Китаю, установить отношения равенства, а не подчинения. С этой целью был проведен ряд мер, направленных на повышение статуса японского государства, как в его собственных глазах, так и перед лицом соседей.

С начала VIII в. были введены собственные девизы правления (и их задним числом придумали для правителей предыдущего периода), тогда как государства, признававшие главенство Китая и подносившие символическую дань китайскому императору, но обычно фактически сохранявшие при этом независимость и самостоятельность, пользовались китайскими девизами правления. В VIII в. страна получила свое современное название Нихон.

Впервые факт употребления самоназвания «Нихон» зафиксирован на страницах танской хроники под 702 г., когда ко двору китайского императора прибыло посольство из Японии, объявившее, в частности, о переименовании страны. В китайской хронике отмечается, что прежнее название «Ямато» японцам не нравилось. Чем же объясняется переименование страны?

Одно из значений иероглифа, которым записывалось название Ямато и которым обозначали Японию в китайских и корейских летописях, звучало как «карлики, лилипуты», еще одно – «далекий, окраинный». Потенциальное наличие такого пренебрежительного оттенка действительно могло не понравиться амбициозной правящей элите древнеяпонского государства.

Но важнее другое. В системе международной практики, принятой на Дальнем Востоке в это время, переименование было равнозначно объявлению о своей независимости от Китая. Новое название «Страна восходящего солнца», «Присолнечная страна» имеет тесную связь с солярной символикой, бывшей важным элементом государственной идеологии. Императоры вели свое происхождение от богини Солнца Амаэрасу, которую почитали в своем родовом святилище Исэ-дзингу.

Принятое в русском языке название «Япония» (заимствованное из европейских языков) впервые фиксируется в источниках XVII в. и происходит от искаженного китайского названия Японии – «Жибэньго».

Правителей государства Ямато называли «великим господином» (*ооками*), т.е. они были лишь первыми среди других «господ» (*ками*). С конца VII в. в качестве титулатуры императора стал использоваться китайский даосский термин *тяньхуан* (яп. *тэнно*), обозначающий Небесного императора или Полярную звезду.

В конце VII – начале VIII в. появились и первые постоянные столицы Японии, до этого правители Ямато не имели постоянных резиденций – в начале правления каждого императора возводился новый дворец на новом месте. Первой постоянной столицей стал г. Фудзивара, пробывший в этом статусе всего 16 лет – с 694 по 710 г. Название «Фудзивара» (букв. «Поле глициний») встречается в источниках лишь однажды (в поэтической антологии второй половины VIII в. «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), и

некоторые исследователи считают это более поздней вставкой переписчика. Чаще всего первая столица в источниках называлась просто «столица».

С 710 по 784 г. столицей был г. Нара (другое название Хэйдзё). В отличие от прежних резиденций правителей и Фудзивара, и Нара представляли собой города с четко спланированной симметричной застройкой, копировавшие китайские образцы. Заранее прокладывалась сетка дорог, пересекавшихся под прямым углом и образовавших прямоугольные кварталы. Самая широкая центральная дорога (в Фудзивара в 32 м шириной, в Нара – 70 м в ширину) вела от южных ворот столицы на север к императорскому дворцу. Нара занимала площадь в 25 кв. км, по разным оценкам в городе могли проживать от 100 до 200 тыс. человек. В 784 г. столица была перенесена в Нагаока, а в 794 г. – в Хэйан. Нара окончательно забросили во второй четверти IX в.; город пришел в запустение, а его территория превратилась в рисовые поля.

В соответствии с законодательными сводами во главе государства стоял император. Непосредственно императору подчинялись три высших государственных учреждения – Палата большого государственного совета (*Дадзёкан*), Палата небесных и земных божеств (*Дзингикан*), Ведомство инспекций цензоров (*Дандзётэй*). В законе о штате ведомств первой названа Палата небесных и земных божеств, не имеющая китайских аналогов. Хотя формально ее возглавлял чиновник невысокого 4-го ранга, верховным синтоистским жрецом являлся сам император (*синто* – название, позднее использовавшееся для обозначения религиозной системы, основанной на почитании японских божеств).

Главным административным органом считался Дадзёкан, возглавляемый главным министром. В него входили левый и правый министры, а также советники. Внутри Дадзёкан существовал высший политический совет *Гисэйкан*, в который входили только представители старых кинайских аристократических родов (так же как и в Китае, столица и прилегающие к ней территории, составили столичный район – Кинай). Гисэйкан обсуждал важные государственные вопросы и отвечал за выработку политического курса. На протяжении VIII в. назначение в данный совет находилось в фактической монополии 21 рода, происходившего из Киная. Из них наибольшим влиянием пользовались пять родов: Фудзивара, Тадзихи, Ки, Оотомо и Абэ. На протяжении VIII в. постепенно укреплялась роль рода Фудзивара, занявшего доминирующую позицию во второй половине столетия. Ведомство инспекций цензоров должно было осуществлять проверки в столице и на местах, расследовать нарушения закона. Ниже Дадзёкан находились восемь министерств (*сё*). Министерствам подчинялись управления (*сики*), отделы (*ре* или *цукаса*) и бюро (*си* или *цукаса*).

Система местного управления в Японии VIII в. строилась в соответствии с китайскими (танскими) образцами и, согласно законодательным сводам, выглядит стройной иерархической системой. Существовало четыре уровня административных единиц: округ (кит. *дао*, яп. *до*) – провинция (кит. *чжоу*, яп. *коку*) – уезд (кит. *сянь*, яп. *гун*) – село (кит. *ли*, яп. *ри*) (состояло из 50 крестьянских дворов). Насчитывалось семь округов, 68 провинций (их число колебалось и в отдельные периоды достигало 74) и 591 уезд.

В VIII в. было проложено семь так называемых «государственных дорог», соединявших столицу Нара с основными регионами и служивших в

качестве их границ. Исходя из важности дорог, они ранжировались на «большие», «средние» и «малые». Статус большой имела только дорога, ведущая на о. Кюсю, поскольку тот служил основным каналом контактов с материком. Статус «средних» дорог был присвоен Токайдо и Тосандо, поскольку государство осуществляло экспансию на север о. Хонсю. Остальные дороги считались «малыми».

Дорожно-транспортная сеть функционировала вполне эффективно. В VIII в. расстояние между Кюсю и Нара государевы гонцы преодолевали за четыре–пять дней, а между северо-восточными районами Хонсю и столицей – за семь–восемь дней.

В VIII в. население Японии составляло около 6 млн человек и делилось на две большие социальные группы – *рёмин* («добрый люд») и *сэммин* («подлый люд»). К первой категории относились чиновники, свободные общинники и ремесленники, ко второй – государственные и частные рабы, охранники могил, преступники. Чиновничество делилось на столичное (*найкан*) и провинциальное (*гайкан*). Основным показателем социального статуса чиновников становится ранг, хотя сохранялись также и наследственные титулы знатности (*кабанэ*). Граница между столичным и провинциальным чиновничеством проходила по пятому рангу (он давал право служить при императорском дворе), всего рангов насчитывалось девять, внутри них также существовала градация, так что в целом шкала состояла из 30 ступеней.

Чиновники были освобождены от уплаты налогов (чиновники с 8-го по 6-й ранги только сами, а чиновники более высоких рангов распространяли это право на своих отцов, детей, братьев, сыновей и внуков). Согласно законодательным сводам общее число чиновников государственного аппарата составляло 6398 человек. Из них лишь около 250 персон обладали рангами с 1-го по 5-й, причем эта группа чиновничества в целом представляла собой замкнутую, самовоспроизводящуюся группу.

Самой многочисленной группой населения были крестьяне, рассматривавшиеся господствующим слоем в качестве основы государства. Категория *сэммин* насчитывала по разным оценкам от 3 до 10% населения и включала в себя рабов различных категорий. Согласно «Тайхо рицурё», существовало две основных категории рабов – государственные и частные, каждая из которых в свою очередь делилась на группы.

Существовало три вида основных налогов: земельный налог (*дэнсо*), исчисляемый с площади надела, и составлявший около 3% урожая, натуральная повинность (*мё*), раскладываемая подушно и включавшая полотно, морепродукты, шелковую вату, шелк (в зависимости от местных условий), и «заменительная натуроплата» (*ё*), которая уплачивалась вместо отбытия трудовой повинности. Налогоплательщиками считались мужчины в возрасте от 17 до 65 лет. Доставка налогов возлагалась на самих крестьян.

Сохранившиеся подворные реестры позволяют утверждать, что предписанные законом нормы наделения крестьян землей соблюдались не всегда. Если в провинции не хватало земель, выдавались наделы меньших размеров. Участки могли выдаваться не единым массивом, а вразброс и порой даже в соседней провинции. В таких случаях крестьяне нередко бросали свои дома, стараясь перебраться поближе к основному полю. Количество реальных налогоплательщиков в VIII в. не превышало четверти населения.

Помимо налогов крестьяне также привлекались к трудовой повинности и обязывались поставлять военнообязанных. Из четырех взрослых мужчин один человек должен был проходить военную службу со своим вооружением. Срок службы составлял один или три года, в зависимости от места несения. Отбывтие трудовой повинности по закону могло занимать до 60 дней в году. Крестьяне должны были работать от восхода до захода солнца, без выходных, в два самых жарких летних месяца предоставлялся двухчасовой перерыв. Питание трудообязанных обеспечивало государство. В источниках сохранились нормы суточного питания некоторых категорий трудообязанных. Основным продуктом питания служил рис, помимо него выдавались соя, приправы, водоросли, мисо (соевая паста), иногда овощи и фрукты. Однако в случае болезни или простоя в работе, паек уменьшался вдвое.

В источниках есть сведения о массовом бегстве трудообязанных из столицы, причем бежали не только работавшие на различных государственных строительных объектах, но и призванные их охранять солдаты. Основными строительными объектами были дороги, буддийские храмы, административные здания. Рабочие руки требовались также для возведения столиц: Фудзигары, Нары, Нагаоки и Хэйана.

Еще одну важную статью дохода государства составляли поступления от «рисовых ссуд» (*суйко*) – частных (давались под 100%) и государственных (под 50%). Чаще всего ссуды выдавались весной, а возвращались осенью. По данным счетно-налоговых книг, процент невозврата ссуд из-за смерти должника был довольно велик (от 9 до 42%). По всей видимости, оформление ссуд на уже умершего крестьянина служило одним из источников дохода провинциального и уездного чиновничества.

Признаки деградации централизованной системы государственного управления стали появляться уже в конце первой половины VIII в. Упадок «государства, основанного на законах», был связан прежде всего с ростом частной собственности на землю и как следствие этого процесса с распадом наделной системы землепользования. Основным способом приобретения частных земельных владений было поднятие нови (осуществляемое в основном по инициативе столичной и местной знати).

Упадок наделной системы означал сокращение числа налогоплательщиков. При этом государственные расходы не уменьшились, а напротив имели тенденцию к увеличению. Во второй половине VIII в. налоговая система начинает давать сбои. Центральные власти во всем винили нерадивость и корыстолюбие местных чиновников. «Столичным чиновникам не хватает жалования, они страдают от холода и голода, а у провинциальных чиновников в достатке имеются и одежда, и еда. Поэтому многие чиновники, не ведая стыда, домогаются должностей в провинциях...», – гласило составленное в 775 г. «Продолжение анналов Японии». Провинции становились все более независимыми от центра, а центр все больше нуждался в доходах провинций.

С самого начала построения централизованного государства сосуществовали две системы: система *рицурё*, т.е. положения, прописанные в законодательных сводах, и прежняя родовая система. Так, например, высокая социальная мобильность, характерная для Китая, в Японии была ограничена системой «теневых рангов». Это означало, что чиновники 1–5-го рангов могли «отбрасывать тень» своего положения на своих сыновей и внуков, и те в

зависимости от положения «отбрасывающего тень» могли получить «теневой ранг», который автоматически превращался в настоящий по достижении 21 года. Система теневых рангов существовала и в Китае, но в Японии она применялась шире и позволяла получить более высокий стартовый ранг. В результате центральная бюрократия в основном пополнялась за счет бывшей родоплеменной аристократии.

На уровне местного управления отклонения от конфуцианских принципов, предусмотренных законодательными сводами, были еще более значительными. Если должности в провинциальном аппарате высшего звена управления (управители, помощники управителей и примыкающие к ним инспекторы) замещались столичными чиновниками, то на должности уездных управителей назначались почти исключительно выходцы из местной родовой знати. Должность уездных управителей была пожизненной и имела выраженную тенденцию становиться наследственной.

Несмотря на впечатляющие успехи в создании централизованного государства, эпоха Нара отнюдь не воспринималась потомками в качестве «золотого века», ни один из императоров этого времени не считался образцовым. Одной из причин этого была политическая нестабильность, характерная для эпохи Нара, чрезвычайно богатой заговорами и мятежами. Возникновение политических кризисов было вызвано тремя основными причинами. Во-первых, отсутствовал четкий порядок престолонаследия. В условиях полигамии круг претендентов на престол был широким, окончательный выбор определялся расстановкой сил, в которой помимо императорского рода участвовали наиболее влиятельные роды, вступавшие в коалиции (в предыдущий и последующий периоды на выбор наследника влияло происхождение его матери, которая в большинстве случаев была представительницей наиболее могущественного рода: Сога до реформ Тайка, Фудзивара – в период Хэйан). Во-вторых, реформы VII–VIII вв. изменили соотношение сил внутри правящей элиты, привели к разбалансированию прежних социально-политических механизмов. Наконец, выбор основной идеологической модели управления не получил завершения – представители правящего класса попеременно обращались к буддизму или конфуцианству.

Кардинальные перемены сопровождались активными процессами государственной самоидентификации. Государственная идеология складывалась на многокомпонентной основе, включавшей даосизм, конфуцианство, буддизм (получает распространение с VI–VII вв.) и синтоизм. Соотношение между этими компонентами, в особенности между буддизмом и конфуцианством, на протяжении VIII столетия неоднократно менялось: процесс усвоения пришедших с материка учений, их переработки и творческого преобразования еще не завершился. По сравнению с Китаем в Японии буддизм в качестве элемента государственной идеологии играл гораздо более существенную роль, но в исторической перспективе роль буддизма имела тенденцию к сокращению (что не отменяет значимости буддизма в формировании японской культуры), а роль синтоизма, напротив, – к увеличению. Тем не менее буддизм служил идеологическим обоснованием борьбы новой знати, группировавшейся вокруг императорского престола, против старой аристократии, возводившей свое происхождение к различным божествам синтоистского пантеона.

Таблички моккан. Япония

Божество-прародительница правящего рода богиня Солнца *Аматэрасу* прочно утвердилось в качестве верховного божества; как уже сказано, при императорском дворе была создана Палата небесных и земных божеств, жрецы которой отвечали за проведение обрядов в масштабах всей страны. К началу X в. в стране насчитывалось 2861 святилище (в них почиталось 3132 божества), включенное в систему общегосударственных обрядов – в основном призванных обеспечить плодородие, а также очистительных.

В письменной культуре господствовал китайский язык и китайская же образованность. Все источники этого времени: летописно-мифологические своды «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 г.) и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.), историческая хроника «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии», 797 г.), официальная документация, эпиграфика, географические описания «Фудоки», законодательные своды и т.д. – написаны на литературном китайском языке. Единственным исключением является поэтическая антология «Манъёсю», составленная во второй половине VIII в. Стихи этой антологии записаны на японском языке, чтобы пере-

дать звучание живой речи, китайские иероглифы были использованы фонетически. Такой метод применялся и раньше, в основном для записи стихов, в «Сёку нихонги», а также для записи некоторых императорских указов, но за исключением «Манъёсю» это были лишь редкие вкрапления японской речи в китайязычные тексты.

Моккан

Долгое время вопрос, удалось ли воплотить идеалы государства «рицурё» в жизнь, вызывал скепсис среди историков. Однако за последние десятилетия был получен целый ряд доказательств того, что система действительно работала. В частности, в 60-е годы XX в. в ходе археологических раскопок был найден новый массовый эпиграфический материал – деревянные таблички моккан.

Моккан – деревянная табличка с надписью тушью, размеры колебались от 10 до 166 см в длину. Но чаще всего длина табличек составляла 10–30 см, а ширина – 4–6 см. Моккан использовались в основном японскими чиновниками и ведомствами, и были материалом многократного использования. Ненужная надпись соскабливалась ножом, а затем наносилась новая. Уже непригодный к использованию моккан выбрасывали. Поэтому чаще всего моккан находят в ямах и рвах. Подавляющее большинство найденных моккан – свыше 200 тыс. сохранились в обрывочном виде. Лишь около 40 тыс. частично или полностью прочитываются. Основной массив моккан относится к VIII в. Но есть также небольшое число моккан, относящихся ко второй половине VII и к началу IX в.

Среди моккан в самом общем виде выделяют три вида: бирки, сообщения, учебные тексты. Бирки крепились к грузу, который отправлялся в столицу в качестве налогового платежа, на них указывался поставщик продукции, ее вид, количество. Бирки также использовали на складах для сортировки товаров. В количественном отношении именно бирки преобладают среди найденных моккан. Сообщения – это различная переписка между ведомствами, запросы, распоряжения, пропуска, объявления, выставлявшиеся на дорогах (о розыске вора, пропаже ребенка, домашнего скота) и т.д. Учебные тексты – это выписки из китайских философских текстов, из произведений изящной словесности, прописи иероглифов, выписки из действующего законодательства и т.д.

В основном моккан находят в столице, возле императорского дворца, в крупных усадьбах аристократов и храмах, на территории бывших государственных учреждений. Хотя в количественном отношении бо́льшая часть находок локализуется в центре, пусть и немногочисленные находки на местах охватывают практически всю страну от префектур Фукуока и Оита на севере Кюсю до Акита и Мориока на северо-востоке Хонсю.

МИР ОКОЛО ТЫСЯЧНОГО ГОДА. РАСЦВЕТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ЯПОНИЯ ЭПОХИ ХЭЙАН (IX–XII ВЕКА)

В 794 г. резиденция японского императора была перенесена в г. Хэйан-кё (яп. «Столица мира и спокойствия»). Этот год принято считать началом нового периода японской истории – «эпохи Хэйан», которая закончилась в 1185 г. установлением власти военных правителей сёгунов. В период Хэйан распалась надельная система землепользования и распространилось частное землевладение, произошли значительные изменения в экономике, системе государственного управления и культуре.

Процесс образования частных земельных владений (*сёэн*) начался в VIII в. Согласно указу 743 г. было разрешено вечное частное владение вновь освоенными полями, поэтому большинство «ранних сёэн» возникло на новых землях. Такие владения не имели полного налогового иммунитета. Сёэн, которыми владела аристократия, обрабатывались крестьянами-арендаторами. Для возделывания владений, принадлежавших крупным буддийским храмам, привлекались крестьяне, исполнявшие таким образом трудовую повинность. «Ранний сёэн», как правило, представлял собой единый участок земли и находился в управлении непосредственного владельца (в случае храмового владения – в управлении специально созданной администрации).

Еще одной категорией крестьян, обрабатывавших частные земли, были беглецы с государственных наделов из-за высоких налогов. В результате массового бегства крестьян в конце VIII – начале IX в. резко сократился объем налоговых поступлений в столичную казну. Для фискального контроля над губернаторами в 824 г. на постоянной основе вводится система инспекторов *кагэ-сюи*. Двор и правительственные учреждения, стремясь обеспечить стабильное поступление налогов, создают собственные фонды земель. Так, в 823 г. учреждаются земли наместничества на Кюсю (*куэйдэн*), в 828 – земли императорского двора (*тёкусидэн*), в 879 г. – земли правительственных учреждений (*кандэн*).

В то же время государство пытается восстановить контроль над расширением частного землевладения. В 896 г. запрещается владение сёэн чиновникам младше 5-го ранга. В 902 г. был издан ряд указов, призванных упорядочить земельные отношения, в частности запрещалось создавать сёэн без официального разрешения. После длительного перерыва был также проведен передел земель. Тем не менее реформы начала X в. не были направлены на

восстановление надельной системы. Напротив, указами 902 г. признавалась возможность перевода наследственных частных владений в разряд сёэн.

В начале X в. проводится реформа местного управления, в результате которой значительно расширяются полномочия губернаторов. Теперь губернаторы полностью контролировали налогообложение в провинциях, но были обязаны перечислять в столичную казну определенную сумму налогов. Подушное налогообложение заменялось поземельным. Земельные участки объединялись в фискальные комплексы *мё*, за сбор налогов с которых отвечали богатые крестьяне *мёсю*.

В X в. начинает формироваться иерархическая земельная собственность: стремясь защититься от фискального гнета и административного произвола со стороны губернаторов, мелкие землевладельцы жертвуют свои сёэн в пользу столичных аристократов. Прежние владельцы земли, как правило, становились управляющими сёэн и получали как вознаграждение за службу, так и часть доходов с управляемых территорий. В домах патронов (*хонкэ*) создавались особые административные советы *мандокоро*, которые отвечали за все земли, коммендированные в собственность хонкэ. Система управления государственными землями фактически повторяла систему управления сёэн: в качестве управляющих выступали губернаторы, а в качестве патронов – высшие государственные чиновники.

В период Хэйан система государственной власти претерпела значительные изменения. Уже в первой половине IX в. были созданы учреждения, не предусмотренные законодательством *рицурё* и подчинявшиеся напрямую императору: личная канцелярия государя (*куродо-докоро*) и полицейское управление (*кэбииси-но мё*).

Во второй половине IX в. устанавливается система «правления регентов и канцлеров» (*сэккан сэйдзи*) из рода Фудзивара при, соответственно, несовершеннолетних и совершеннолетних императорах. В 858 г. на престол вззошел малолетний император Сэёва, регентом (*сэссё*) при котором стал его дед Фудзивара-но Ёсифуса. В 887 г. Фудзивара-но Мотоцунэ стал канцлером (*кампаку*) при императоре Уда. После смерти Фудзивара-но Мотоцунэ в 891 г. новый *кампаку* назначен не был, и император Уда правил самостоятельно. В 897 г. Уда отрекся от престола в пользу своего сына – императора Дайго. Именно при Дайго был проведен пересмотр системы сёэн, а также военная реформа, в результате которой за губернаторами была закреплена обязанность содержать воинские формирования в провинциях. Губернаторы получили право применять вооруженную силу с целью поддержания порядка на местах без согласования со столицей.

В X в. усиливается воинское сословие. В 30-е годы X в. в восточных провинциях началось антиправительственное выступление под руководством Тайра-но Масакадо. В 939 г., захватив несколько провинций, Масакадо объявил себя императором, но спустя несколько месяцев погиб в сражении с войсками Тайра-но Садамори и Фудзивара-но Хидэсада, посланными для усмирения смуты. В 940 г. антиправительственный мятеж в западных провинциях поднял Фудзивара-но Сумитомо.

В XI в. дом Фудзивара достиг пика своего политического могущества. В 1016 г. Фудзивара-но Митинага стал регентом при императоре Гоитидзё, который приходился ему внуком. Сын Митинага, Фудзивара-но Ёримити, занимал посты регента и канцлера с 1017 г. до 1067 г.

В 1068 г. на престол взошел император Госандзё, не имевший прямых родственных связей с домом Фудзивара. Госандзё не стал назначать канцлера из рода Фудзивара и, заручившись поддержкой других аристократических родов, предпринял попытку усиления императорской власти. В 1069 г. был издан указ о ликвидации сёэн, возникших после 1045 г. Кроме того, было создано специальное ведомство, отвечавшее за проверку документов, подтверждавших права землевладельцев. Незаконные владения изымались в пользу императорского дома. В 1072 г. на престол взошел сын Госандзё император Сиракава. В 1086 г. Сиракава отрекся от престола в пользу своего сына Хорикава и после отречения принял буддийский монашеский постриг. При этом Сиракава сохранил политическую власть и фактически управлял страной до своей смерти в 1129 г. Таким образом, на смену «правлению регентов и канцлеров» пришла система «правления отрекшихся императоров» (*инсэй*).

Во второй половине XI в. между феодалами восточных провинций вспыхивали частые войны. В 1062 г. Минамото-но Ёриёси подавил мятеж управлявшего обширными территориями, населенными эмиси, могущественного дома Абэ, представители которого отказались подчиняться губернатору и платить налоги. В то время как Ёриёси и его соратники были щедро награждены двором, сын Ёриёси Минамото-но Ёсииз, прославившийся в ходе «Трехлетней войны» 1083–1087 гг. с домом Киёхара, попал в опалу, так как двор опасался могущественного военачальника и его вассалов. В это время дом Минамото значительно расширил свои земли за счет участков, коммендированных мелкими землевладельцами.

Если отрекшийся император Сиракава стремился ограничить расширение владений феодальных домов и буддийских монастырей, то император Тоба, отрекшийся от престола после смерти Сиракава и правивший страной до 1156 г., не препятствовал образованию новых сёэн. При Тоба императорский дом стал крупнейшим землевладельцем. Сразу после смерти Тоба в 1156 г. между его сыновьями, отрекшимся императором Сутоку и императором Госиракава, взошедшим на престол в 1155 г., развернулась борьба за главенство в императорском доме. Бывший долгое время главой дома Фудзивара Фудзивара-но Тададзанэ и его сын Ёринага поддерживали Сутоку. В 1156 г. в столице произошли вооруженные столкновения, которые получили название «Смуты годов Хогэн» (*Хогэн-но ран*). Сторонники Сутоку потерпели поражение, и отрекшийся император отправлен в ссылку. Победа императора Госиракава была во многом определена поддержкой наиболее могущественного в западных провинциях дома Тайра во главе с Тайра-но Киёмори.

В 1159 г. в столице подняли мятеж Минамото-но Ёситомо и Фудзивара-но Нобуёри. Эти события получили название «Смута годов Хэйдзи» (*Хэйдзи-но ран*). Мятеж был подавлен Тайра-но Киёмори. В результате событий «Смуты годов Хэйдзи» дом Минамото был обезглавлен и уступил первенство дому Тайра. В 1167 г. Киёмори занял пост главного министра. Его дочь стала супругой императора Такакура и матерью императора Антоку, взошедшего на престол в 1180 г. Могущество дома Тайра основывалось не только на военной мощи его вассалов и доходах от подконтрольных провинций. Тайра также вели торговлю с Китаем и развивали судоходство во Внутреннем Японском море.

Бодхисатва Фугэн. Конец XII в. Дерево, лак, позолота, металл. Япония
© Государственный музей искусства народов Востока, Москва

В конце 70-х годов XII в. произошел конфликт между Тайра и императорским двором. Отрекшийся император Госикракава был помещен под арест, знатные аристократы из его окружения лишились должностей и земельных владений. Но в 1180 г. против Тайра выступили феодалы восточных провинций во главе с Минамото-но Ёритомо, сыном Минамото-но Ёситомо. Война Тайра и Минамото продолжалась пять лет и закончилась в 1185 г. разгромом Тайра в морском сражении при Данноура. Итогом войны стало значительное ослабление хэйанских институтов власти и установление новой политической и административной системы, значительную роль в которой играли воины восточных провинций.

В период Хэйан официальные контакты с материком были прекращены: последнее посольство в танский Китай отправилось в 838 г., последнее посольство государства Бохай в Японию датируется 922 г. К IX в. объем культурной информации, заимствованный японцами из Китая, был огромен: в каталоге китайских книг «Нихон коку гэндзай сё мокуроку» («Каталог книг, имеющихся в Японии»), составленном Фудзивара-но Сукэё во второй половине IX в., перечислено 1579 китайских сочинений (при этом в каталог не включены буддийские сутры и трактаты). Синтез японских традиций и китайских заимствований дал начало процессу формирования самобытной «национальной культуры» (яп. *кокуфу бунка*). В живописи наблюдается постепенный переход к собственно японским сюжетам, в архитектуре начинает преобладать японский стиль *синдэн-дзукури*. Происходит становление новых жанров национальной литературы.

В IX в. на основе китайских иероглифов были созданы фонетические азбуки *катакана* и *хирагана*. Первым литературным произведением, записанным азбукой *хирагана*, стала составленная в 905 г. поэтическая антология «Кокин вакасю» («Сборник старых и новых песен»). *Хирагана* применялась для записи стихов, дневников, художественных произведений. Официальные сочинения (хроники, официальные дневники) записывались иероглифами по-китайски.

В IX в. были составлены пять официальных исторических хроник: «Сёку Нихонги» («Продолжение “Анналов Японии”», 797 г.), «Нихон коки» («Поздние анналы Японии», 840 г.), «Сёку Нихон коки» («Продолжение “Поздних анналов Японии”», 869 г.), «Нихон Монтоку тэнно дзицуроку» («Истинные записи о государе Японии Монтоку», 879 г.), «Нихон сандай дзицуроку» («Истинные записи о правлении трех государей Японии», 901 г.). Вместе с «Нихон сёки» они составили так называемые «шесть национальных историй» (*риккокуси*). В 892 г. один из наиболее видных ученых и государственных деятелей периода Хэйан Сугавара-но Митидзанэ по государеву указу систематизировал записи официальных хроник по тематическим разделам и составил сочинение «Руйдзю кокуси» («Систематизированная история Японии»). В конце XI – начале XII в. появляются исторические сочинения «Фусо рякки» («Краткие записи о Японии») и «Нихон кираку» («Сокращенные записи о Японии»), которые охватывали период с древности до XI в. В 1150 г. как продолжение «Нихон сандай дзицуроку» была составлена хроника «Хонтё сэйки» («Записи о правлениях государей Японии»). Среди нехудожественных произведений эпохи Хэйан важное место занимают дневники государей и высших сановников.

В конце IX – начале X в. появляется новый жанр сюжетной прозы *моноготари* (яп. «повествование»). Первым произведением в этом жанре стала повесть «Такэтори моноготари» («Повесть о старике Такэтори»). Своего расцвета жанр достиг в XI в. с появлением «Гэндзи моноготари» («Повесть о Гэндзи») писательницы и поэтессы Мурасаки-сикибу.

К началу X в. относится появление жанра лирической прозы *никки* (яп. «дневник»), первый образец которого, «Тоса никки» («Дневник путешествия из Тоса», около 935 г.), принадлежит поэту Ки-но Цураюки. Родоначальницей жанра эссе *дзуйхицу* (яп. «вслед за кистью») стала автор «Макура-но соси» («Записки у изголовья», около 996 г.) Сэй-сёнагон.

Тесть, который хвалит зятя. Невестка, которую любит свекровь.

Серебряные шипчики, которые хорошо выщипывают волоски бровей. Слуга, который не чернит своих господ.

Человек без малейшего недостатка. Все в нем прекрасно: лицо, душа. Долгая жизнь в свете нимало не испортила его.

Люди, которые, годами проживая в одном доме, ведут себя церемонно, как будто в присутствии чужих, и все время неусыпно следят за собой. В конце концов редко удается скрыть свой подлинный нрав от чужих глаз. Трудно не капнуть тушью, когда переписываешь роман или сборник стихов. В красивой тетради пишешь с особым старанием, и все равно она быстро принимает грязный вид.

Что говорить о дружбе между мужчиной и женщиной! Даже между женщинами не часто сохраняется нерушимое доброе согласие, несмотря на все клятвы в вечной дружбе.

(Из «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон)

В XI в. появляются исторические повести (*рэкиси моногатари*), наиболее известными из которых являются «Эйга моногатари» («Повесть о процветании») и «Оокагами» («Великое зеркало»).

В период Хэйан впервые были составлены сборники буддийских устных рассказов (*буке сэцува*) «Нихон рёики» («Японские легенды о чудесах», конец VIII – начало IX в.) и «Кондзяку моногатари сю» («Собрание стародавних историй», конец XII в.). В IX в. возникают новые буддийские школы. В 806 г. монах Сайтё основывает школу Тэндай, в 816 г. монах Кукай – школу Сингон. Общей для этих школ была идея об изначальном присутствии природы будды во всех существах. В IX в. под влиянием школы Тэндай складывается представление о божествах *ками* как воплощениях будд и бодхисаттв (*хондзи-суйдзяку*). Со второй половины XI в. начинает расти популярность культа будды Амида. Его последователи считали, что для спасения и возрождения в райской Чистой земле достаточно лишь повторять имя этого будды.

ОТ ЭПОХИ «ПЯТИ ДИНАСТИЙ»
К УСТАНОВЛЕНИЮ ДИНАСТИИ СУН

После свержения династии Тан Китай вновь распался на несколько враждующих между собой государств. На их престолах сменяли друг друга императоры из числа вчерашних бандитов, вождей кочевых племен и военачальников, посаженных на трон армией. Этот период получил в истории название «Эпохи пяти династий и десяти царств» (906–960), хотя государственных образований в этот период насчитывалось еще больше. Междоусобные войны и набеги степняков, разрушение дамб вели к запустению Поднебесной. Столица Чанъань подверглась разрушению настолько, что, по уверению современника, ее «развалины заросли боярышником и ежевикой, и по ним бегали лисы и зайцы». Население либо было перебито, либо уходило в более спокойные районы – на запад в Сычуань или на юг за реку Янцзы. В обществе неизмеримо возросла роль военных: коменданты военных округов – *цзедуши* чувствовали себя полными хозяевами, армейская верхушка составляла большинство в окружении императора, местные чиновники различного уровня, деревенские общины, даже монастыри, – все пытались содержать своих воинов, способных хоть как-то защитить в смутное время.

Китайская историография, ориентирующаяся на ценность государственного единства, рисует этот период самыми мрачными красками. Но, как и в эпоху Лючао, крах мощной империи нельзя оценивать однозначно. Ослабление налогового гнета и временное сокращение бюрократического аппарата позволяли быстро восстанавливать хозяйственную жизнь, как только наступало затишье. Новые крупные землевладельцы, сменившие танскую вышнюю бюрократию и зная, уже не надеясь на милости столичных властей, проявляли заинтересованность и в улучшении ирригационной системы, и в возделывании целины, что вело к подъему сельского хозяйства. Особенно бурно развивалось хозяйство в южных районах, удаленных от опустошительных набегов степняков. В новых государствах некоторым из вельмож удавалось сохранять культурные традиции, лавируя между враждующими правителями. Так, Фэн Дао (882–954) с характерным прозвищем «Никогда не унывающий старик» пережил восьмерых императоров пяти разных династий, сохраняя при этом должность цзайсяна. Покровительствуя ученым, он заботился о редактировании свода конфуцианского канона и основал в Лояне типографию, печатавшую эти тексты с деревянных досок. Гравюры на дереве были известны и ранее, но тиражирование книг применялось впервые, и поэтому Фэн Дао считается изобретателем ксилографии.

Но в памяти поколений междинастические периоды запомнились не этими успехами, а вторжениями варваров, которые пользовались ослаблением страны. Так, кидани, уже давно привлекавшиеся участниками междоусобных войн, захватили значительные территории на севере Китая, создав империю Ляо. Китайские правители вынуждены были выплачивать ей дань.

Китай в 978–1127 гг. (империя Сун)

Центром сопротивления киданям стало государство Поздняя Чжоу со столицей в Кайфэне, возглавляемое императором Чай Жуном (950–960). Предприняв ряд радикальных мер, в том числе конфискацию монастырских земель, ему удалось создать крепкую армию и присоединить земли в провинциях Шаньси, Сычуань и в междуречье Янцзы и Хуанхэ. Увеличив территорию своего государства, Чай Жун выступил против киданей, но во время этих войн умер. Армия провозгласила императором военачальника Чжао Куаниня, основавшего династию Сун (960–1279).

Новый император, получивший храмовое имя Тай-цзу, прекратил войны с киданями и сосредоточился на подчинении соседних государств. В период с 960 по 976 г. он выполнил эту задачу, объединив Китай за исключением земель, занятых государством Ляо. Столицей империи остался Кайфэн. Император начал свою деятельность с того, что поставил цзедуши под жесткий контроль со стороны центра. В дворцовой гвардии была проведена чистка командного состава. И отставные цзедуши, и гвардейские командиры, и правители присоединенных областей не могли жаловаться на свою судьбу – им гарантировались почетные и выгодные условия на новом месте. Придя к власти без кровопролития и объединив страну практически мирным путем, династия Сун не пошла на создание независимых пограничных территорий или сильной военной касты.

Империя Сун относилась к бюрократическим государствам. Постоянно совершенствовался экзаменационный принцип занятия должностей. Чиновники, регулярно перемещаемые с места на место, являлись носителями унифицированной культуры и «ученого» языка, что придавало устойчивость государству. Но бюрократический аппарат быстро рос, плодились все новые ведомства, а попытки сокращения штатных должностей оставались безуспешны. Разросшееся чиновничество потеснило знать. С начала XI в. перестают составлять генеалогические списки знатных родов. На руководящие должности по результатам экзаменов выдвигаются представители незнатных семей. Однако аристократия полностью не исчезла, императорская родня и члены прославленных древних фамилий получали синекуры. Но и за семьями высших чиновников закреплялось право выдвижения на должности, минуя экзаменационные конкурсы («право тени»), служилые роды обретали признаки аристократии.

В эпоху Сун завершился процесс становления социальной группы *шэньши* («ученые мужи, носящие широкий пояс»). И хотя формально ими могли считаться лишь обладатели ученых степеней, многочисленных «учеников» и «кандидатов» трудно было отделить от этого слоя, дополнявшего чиновничество и даже сливавшегося с ним на низшем административном уровне, где их привлекали к управлению в качестве помощников. В руках *шэньши* сосредоточилось решение всех проблем в китайской деревне и волости. Конфуцианская традиция предписывала знание литературного канона, поэтому в еще большей степени, чем в эпоху Тан, множились частные школы, а репутация искусного преподавателя могла значить больше, чем громкий титул.

При этом проблема экзаменов и отбора на государственные должности находилась в центре общественного внимания. Реформаторы полагали, что важнее иметь более практические знания. Неоконфуцианцы порой сомневались в том, что эрудиция может заменить истинную добродетель, а проверка

письменных работ дает представление о подлинных моральных качествах соискателя. Философ Чжан Цзай в середине XI в. настаивал на том, что чиновников надо отбирать из членов прославленных фамилий. Историки видят в этом стремление высшей бюрократии превратиться в замкнутую касту, однако сам мыслитель считал такие меры наиболее полным воплощением конфуцианской морали, превыше всего ставящей семейные ценности. Компромиссом между принципами отбора кандидатов стало введение иерархии государственных школ. Последовательное прохождение трех уровней обучения и сдача экзаменов открывали дорогу в столичную императорскую академию, по окончании которой предоставлялась высшая степень *цзинши* – «совершенного ученого мужа», достойного должностей высшего ранга. Таким образом, постоянный надзор за нравственными качествами учащихся совмещался с проверкой их академической подготовки и контролем над содержанием образования. Но в 1121 г. эта система рухнула – в условиях военнополитического кризиса содержать 200 тыс. учеников казне оказалось не по силам.

Роль военных в эпоху Сун была ниже, чем в предыдущий период, однако численность армии росла. В столице и ее округе располагалось «войско запретного города», состоящее из отборных гвардейских частей, в каждом округе стояли местные гарнизоны, а специальные «сельские войска» выполняли полицейские функции. При необходимости могла производиться и мобилизация крестьян. В армии процветало казнокрадство, многие воины фактически являлись слугами своих командиров. Гигантская армия, превышавшая миллион человек, могла подавлять бунты и выполнять экстренные хозяйственные задачи, но не отличалась эффективностью в операциях против кочевников. Китайская конница была слаба (страна утратила главные коневодческие провинции), пехота же противостояла кочевникам, защищая себя переносными заграждениями-рогатками, а, позже – укреплениями из повозок. Технический гений китайских изобретателей постепенно вооружал солдат бамбуковыми трубками, стреляющими пороховыми зарядами, чугунными бомбами и огнеметами. Все это помогало ослабить мощь конной атаки и выдерживать осады, но инициатива по-прежнему принадлежала степнякам, и империя Сун вынуждена была откупаться то от государства Ляо, то от тангутов, отказавшись от контроля над Великим шелковым путем.

Хотя территория империи Сун была меньшей, чем в период Тан, ей удалось достаточно долгое время содержать разбухший государственный аппарат и еще более разбухшую армию. Объяснялось это беспрецедентным взлетом китайской экономики. Отказавшись от надельной системы, правительство заботилось лишь о налогообложении обрабатываемых земель. Прекращение политики «установления земельных порядков» дало свои результаты. Большую часть земельного фонда Китая составляли частные земли, на которых происходил постоянный процесс концентрации владений. Земли покупались, дарились, закладывались за долги. Наиболее надежными были владельческие права на освоенные целинные и залежные земли. К концу первой трети XI в. в распоряжении таких «поглотителей» оказалось до половины всей обрабатываемой земли, на которой трудились арендаторы (*кэху*, *дяньху*), чей статус различался. Разумеется, собирание земель осуществлялось не только экономическими методами, но также путем силовых захва-

тов и всевозможных махинаций. Ясно также, что арендные отношения не относились к чисто экономическим, раз неимущий крестьянин становился в положение «младшего» по отношению к хозяину.

Среди крупных землевладельцев встречались представители «сильных домов», гражданские и военные чиновники, купцы и ростовщики, богатые горожане и зажиточные крестьяне. Все они стремились добиться исключения своих земель из списка податных, используя то власть и силу, то связи и подкуп. В результате налоговая база сокращалась, а попытки приостановить концентрацию земельной собственности имели лишь временный успех. Крестьяне, лишавшиеся надела и не сумевшие стать арендаторами, пытались найти работу в городах и промысловых селах, но также пополняли шайки бродяг и разбойников. Государство, желая хотя бы отчасти решить проблему безземельных крестьян, мобилизовывало их в войска, что и приводило к росту армии. Так, при императоре Жень-цзуне (1023–1063 гг.) ее численность достигла 1260 тыс. солдат.

Усиливающееся неравенство повышало социальную напряженность. В 1043 г. в провинции Шаньдун вспыхнуло восстание под руководством солдата Ван Луя, к которому помимо крестьян и дезертиров примкнули горожане и даже провинциальные чиновники. Подавленное в этой провинции, восстание в 1046 г. перекинулось в соседнюю провинцию Хэбэй, где во главе повстанцев встал еще один солдат – Ван Цзе, который провозгласил создание государства «Умиротворенное Ян», чьи принципы основывались на мессианских идеях «наступления всеобщего счастья и благоденствия», пропагандируемых тайным обществом буддийской секты «Милэцзяо». Правительству пришлось заключать невыгодный мир с государством тангутов (1044 г.), чтобы найти силы для борьбы с мятежниками. Но разложение армии, неэффективность чиновничества, трудности со сбором налогов – все это убеждало в необходимости преобразований.

АПОГЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Политические проекты XI в. нельзя рассматривать в отрыве от культурного контекста эпохи Сун. Династии не хватало легитимности, она не могла гордиться военными победами, да и для опоры на грубую силу ее армия была слишком слаба. Император Чжань-цзун (997–1022) поощрял синкретические культы на основе даосизма и даже сам объявил о некоем явившемся ему с небес Откровении. Это могло бы придать императору ореол святости в глазах простонародья, но отнюдь не «шэньши». Более успешно поиски оправдания и объяснения существующего порядка велись в период длительного правления его сына Жень-цзуна. Именно тогда начался процесс оформления неоконфуцианской доктрины, завершившейся в трудах Чжу Си, жившего уже в конце XII столетия. Он стал последним из «шести сунских мудрецов», чтимых конфуцианской традицией. Пять прочих творили во времена Жень-цзуна. По сути, они создавали новое учение, впитавшее в себя традиции буддизма и даосизма и сочетавшее в себе этическую, метафизическую и религиозную системы.

Гу Хунчжун. Ночная пирушка (деталь). X в. Музей императорского дворца, Пекин

Естественно, что в любой средневековой цивилизации поиски нового велись лишь с оглядкой на далекое прошлое, свое или чужое. В предыдущие эпохи в Китай новые идеи проникали извне (например, буддизм или манихейство), теперь, когда империя оказалась отрезана от крупнейшей торговой артерии, Великого шелкового пути, источником вдохновения могло стать только новое прочтение национальной традиции. В свое давнее прошлое напряженно всматривались китайские интеллектуалы, которые могли пользоваться благами ксилографического книгопечатания, вооружавшего мыслителей все новыми сводами древних текстов. В них философы отыскивали «истинное» знание, якобы непонятое и искаженное поколениями комментаторов и переписчиков. Например, философ Чжоу Дуньи, отыскал в гадательной «Книге перемен» («И цзин») намек на понятие «Великий предел». Как и прочие, он считал, что столь древнюю книгу мог написать только Совершенный мудрец – Конфуций. И несмотря на то, что в сочинениях самого Конфуция ни такого термина, ни понятия не встречалось, Чжоу Дуньи помещает «Великий предел» в центр всей конфуцианской мысли своей эпохи. Современные ему философы могли с ним спорить, но действовали схожим образом.

Интеллектуалы разрабатывали планы улучшения жизни в Поднебесной давно, но именно потрясения 40-х годов XI в. заставили императора приблизить мудрецов к власти, остановив свой выбор на Фан Чжуняне по прозвищу «Литературная истина». Он и его сподвижники предлагали решить проблему с помощью выдвижения честных и добродетельных чиновников. Помочь была призвана система поручительства, при которой человек, рекомендуемый кого-либо, нес личную ответственность за ошибки своего протеже. На экзаменах предлагалось выявлять не только знание литературных канонов, но также истории и права, и удостовериться в наличии добродетелей и практических способностей. Традиционно считая земледелие главным и единственно достойным источником поступления доходов в казну, Фань Чжунянь разработал программу ирригационных работ, которые должны были осуществляться с привлечением армии. Предполагалось отобрать земли, захваченные «поглотителями», чтобы восстановить старинную практику раздачи «должностных полей». Из давнего прошлого брался и рецепт сокращения военных расходов: восстановить наделы солдат-земледельцев, которые вооружались бы за счет общины.

Попытка преобразований натолкнулась на сопротивление придворных, что привело к отставке Фан Чжуняня. Но новый император Шэнь-цзун (1067–

1085) приблизил к себе провинциального чиновника Ван Аньши, который в течение семи лет (1069–1076), осуществлял масштабные преобразования, получившие название «нового курса» (*синь фа*). Он принадлежал к знатокам старины, что не мешало ему, ссылаясь на старые тексты, предлагать нововведения. Первый же подготовленный им закон («Уравнение потерь») в этом смысле был характерен. Обычно все зерно, поступающее в виде налогов, свозилось в столицу. Транспортировка обходилась дорого, зерно продавалось в столичном округе по низким ценам из-за своего изобилия, а в случае недорода его трудно было доставить в голодающую провинцию. Ван Аньши сослался на прецедент времен династии Хань, когда зерно поступало в провинциальные казенные амбары, чтобы по мере необходимости продаваться на месте. Восстанавливая традицию, правительство добивалось выравнивания цен на хлеб, избегало перенасыщения столичного рынка и обогащало казну прибылью, которая раньше доставалась купцам.

Выступая в роли торговца, казна брала на себя и функции кредитора: мелким землевладельцам под умеренный процент выдавались государственные ссуды как семенами, так и деньгами (закон «Молодые всходы»). Помогая крестьянам, Ван Аньши защищал их земли от захвата «поглотителями» и лишал ростовщиков доходов. Ссуды выдавались также ремесленникам и мелким торговцам, что способствовало расцвету городов. Закон «Освобождение от повинностей» заменял принудительное участие в общественных работах денежными выплатами. Этот закон был ненавистен богачам, которые прежде легко увиливали от государственных повинностей. Теперь же устанавливались пять ступеней благосостояния с прогрессивной шкалой обложения. На собранные деньги нанимались работники. Массы крестьян и солдат привлекались к беспрецедентным по масштабу работам по устройству каналов, плотин и дамб (так, на Юге только за шесть лет «нового курса» было построено 11 тыс. ирригационных сооружений).

Важнейшим из преобразований «синь фа» была реформа земельного налогообложения (закон «Измерение площадей»). Сложную фискальную практику Ван Аньши постарался заменить более простой и справедливой системой, разделив всю пахотную землю на квадратные поля со стороной в тысячу шагов, которые делились на пять категорий в зависимости от плодородия земли. Каждое хозяйство, деревня и деревушка подлежали регистрации. Чиновникам теперь было сложнее давать ложные данные, уменьшая налогооблагаемую базу.

Понимая, что страна беззащитна перед кочевниками, Ван Аньши закупил 30 тыс. лошадей, переданных на содержание крестьянским семьям Северного Китая с условием выставять всадников в императорскую кавалерию. Он пытался восстановить принцип рекрутского набора, а также поощрял создание и обучение отрядов местной самообороны.

Главная трудность состояла в том, что традиционный аппарат не мог и не желал выполнять новые сложные задачи, а привлечение новых чиновников возмущало старую иерархию. Да и подходящих людей, наделенных коммерческими способностями, математическими и инженерными знаниями, найти было трудно. Ван Аньши пытался пересмотреть и систему экзаменов, вводя испытания по математике и естествознанию, умножал число государственных академий, борясь с засильем частных школ, которые, по его мнению,

больше интересовались культурой, чем величием государства. На все это требовалось время, а его не имелось.

Деятельность Ван Аньши, затрагивавшая интересы слишком многих лиц, вызывала растущую критику при дворе. Обличителями «нового курса» выступали интеллектуалы из числа бывших сподвижников Фан Чжуняня, лучшие из философов-неоконфуцианцев. Их полемика вошла в «золотой фонд» китайской политической мысли. Они утверждали, что прежде всего надо заботиться о морали и ритуалах. По словам Чжоу Дуньи, «надеяться на совершенное правительство без восстановления древней и изменения современной музыки – значит бить далеко мимо цели».

Когда историка Сыма Гуана спросили о том, как работает закон «Молодые всходы» в его родной провинции Шэньси, он ответил, что не знает, как там действуют новые законы, однако раз старые были для населения обременительны, новые будут еще тяжелее. Зачем усугублять страдания народа переменами, раз мир устроен так, что богатые дают бедным займы, чтобы разбогатеть, бедные берут в долг у богатых, чтобы жить, так они и живут, поддерживая друг друга? Стоит ли развивать в чиновниках алчность, заставляя их быть ростовщиками? Ведь не зря же Конфуций утверждал, что благородный муж говорит о морали, а низкие людишки – о прибыли.

Но соратников Ван Аньши нельзя было назвать «низкими людишками». Так, например, Шэнь Ко был гениальным математиком, географом и астрономом, автором важнейшей календарной реформы. Шэнь Ко разрабатывал новые технологии очистки каналов с использованием вычищенного ила для удобрений, разъезжал по стране, инспектируя инженерные и военные сооружения, разведывая полезные ископаемые (он первый организовал добычу нефти – «каменного масла») и пропагандируя политику Ван Аньши. В 1073 г. состоялась его встреча с правителем города Ханьчжоу, знаменитым поэтом Су Ши. Последний написал трактат против «нового курса», утверждая, что «сохранение или гибель государства зависит от того, насколько глубоки или поверхностны его добродетели, а не от того, сильно оно или слабо... Если добродетель поверхностна, а обычаи все время нарушаются, то даже богатое и сильное государство не спасется от скорой гибели». Шэнь Ко сделал выписки из трактата и послал их с депешей императору, в результате Су Ши лишился поста.

Воздадим должное эпохе: опальные чиновники отправлялись не на плаху, а в почетную ссылку, где продолжали заниматься поэзией и философией и обмениваться с оппонентами любезными письмами.

Историки пишут о «реформаторах» и «консерваторах». Однако взгляды неоконфуцианцев, не одобрявших вмешательства государства в экономическую жизнь, выглядели для Китая новее, чем доктрина Ван Аньши, апеллирующего к наследию древнего легизма. Скорее можно говорить о «дейтельных» и «созерцательных» чиновниках. Полагают, что эта полемика определялась культурными различиями. Оппонентами «нового курса» выступали в основном жители севера, среди которых был более распространен даосизм, а в сочетании с консерватизмом он делал их поборниками «конфуцианского недеяния». Ван Аньши, Шэнь Ко и ряд их сторонников принадлежали к южанам и впитали элементы буддийского мировоззрения, распространенного на Юге. Их реформаторская деятельность сочеталась с

этикой благодетельства, призывавшей к активности (вспомним удивительную предприимчивость буддийских монастырей в эпоху Тан). Наконец, в 1076 г. император отправил цзайсяна в отставку. Шэнь-цзун сохранял приверженность «новому курсу», но с течением времени созданная Ван Аньши система была пересмотрена, хотя его сторонники продолжали иметь определенное влияние.

Противники «нового курса» утверждали, что он принесет народу неисчислимые беды, однако еще целых полвека Китай не знал крупных восстаний. Демографические показатели данного периода необычайно интересны. Уже в первой трети XI в. численность населения подошла к пятидесяти миллионному рубежу. Вспомним, что империя Тан дважды достигала этого уровня, после чего следовал жестокий кризис, среди причин которого аграрное перенаселение играло важную роль. Усиление социальной напряженности наблюдалось и сейчас, и реформы стали ответом на этот вызов. Но никакого катастрофического спада на сей раз не последовало, перепись 1083 г. показала, что в Китае проживает примерно 90 млн человек, а перепись 1124 г. свидетельствовала уже о 100 млн. Возможно, демографический «потолок» был достигнут, о чем свидетельствовал коллапс, порожденный войной и мятежами, но удвоение численности населения нуждается в объяснениях.

Как считают исследователи, в Китае, особенно в южных его областях, развернулась аграрная революция, выразившаяся в освоении целинных земель и, главное, в распространении новых сортов вьетнамского риса и передовой технологии рисосеяния. Конечно, она была подготовлена веками взаимодействия переселявшихся на юг ханьцев с местными народами, от которых были заимствованы навыки возделывания риса. Но к XI в. они были сильно усовершенствованы. Урожайность новых сортов риса составляла 30 центнеров с гектара – втрое выше, чем урожайность проса на севере. В некоторых областях собирали два урожая в год: после сбора риса сеяли пшеницу, причем правительственный указ запрещал землевладельцам брать арендную плату со второго урожая. Практиковались специальная обработка семян, выращивание рассады в парниках с хорошо подготовленной почвой. Улучшениям способствовала и помощь государства: поля на участках, отвоеванных у болот, окружались дамбами высотой до шести метров – по ним прокладывали дороги и сажали вдоль них деревья. В насыпях проделывались отверстия, чтобы в случае необходимости открывать заслонки и подавать на поля воду.

Рост площади пахотных земель и резкое увеличение урожайности привели к расширению экологической ниши Китая. И усилия реформаторов, бросивших все силы, включая армию, на ирригацию, если и не послужили единственной причиной «китайского чуда», то явились благоприятными факторами, наряду с отказом от амбициозных военных проектов. Сражения и немалые потери имели место, но крупных экспедиций в глубь степей не предпринималось. Дань варварам была тяжела, но она давала возможность не перенапрягать народ чрезмерными налогами.

Эпоха Сун стала апогеем экономического развития средневекового Китая. Уже на рубеже X–XI вв. в Китае было выпущено в десять раз больше монеты, чем в VIII–IX вв. и в середине XI в. больше половины всех налогов в казну вносились деньгами. Поскольку монеты для обращения не хватало, вводились ассигнации. Появившиеся сперва в Сычуани переводные чеки,

обеспечивавшиеся звонкой монетой, были признаны в 1023 г. властями в качестве законного платежного средства. С середины XI в. правительство начинает выпуск ассигнаций в качестве равноправного с монетой средства обращения. Однако на рубеже XI–XII вв. власти стали злоупотреблять эмиссией ассигнаций, и они быстро обесценились. С ослаблением правительства снижалась и цена бумажных денег.

В X–XIII вв. стремительно развивались китайские города. В некоторых из них проживало свыше 1 млн жителей. Особо высокой урбанизацией отличались области Юго-Востока, где численность горожан доходила до четверти населения. Кроме городов появилось большое количество торгово-ремесленных и промысловых поселений, возникавших на скрещении торговых путей или в местах концентрации промыслов. Жизнь внутри городских стен претерпела существенные изменения. В период Тан город строго разделялся на кварталы, каждый из которых запирался на ночь, а не успевший в свой квартал горожанин рисковал получить палочные удары от ночной стражи. Теперь же улицы превратились в круглосуточно открытые артерии, жизнь в городе не замирала ни на час, не запрещались ни ночная работа ремесленников, ни развлечения, причем работали даже ночные рынки со специальным освещением, контролируемым пожарной инспекцией. Городские власти больше всего опасались пожаров, возводили пожарные каланчи и пристально следили за увеселительными заведениями. Так, в Кайфэне для нужд «войска запретного города» было открыто 24 публичных дома, помещенных под надзор пожарных, чтобы вечно пьяные гвардейцы не подпалили столицу.

Издавна ремесло и торговля подвергались в китайском городе жесткому контролю, а идеалом считалось казенное производство. Однако идеалы отстояли от действительности все дальше. Многочисленные объединения ремесленников и торговцев (*хан*) основывались теперь не на территориальном, а на производственном принципе. Во многом они напоминали западные цехи – ремесленники устанавливали число подмастерьев в хозяйстве, стремились поддерживать равные для всех условия труда, заботились о сохранности секретов производства. «Хан» отмечал свои праздники и проводил богослужения, выделял деньги на лечение и похороны своих членов. Но при этом «ханы» не имели политического влияния на жизнь города и находились под полным контролем властей. Главной же их функцией в глазах государства считалась фискальная, поэтому в «ханы» заставляли объединяться всех: и мусорщиков, и гадалелей-геомантов, и даже нищих (чьи тонкости «искусства» передавались по наследству, как секреты ремесленников).

Поначалу ремесленникам надлежало по очереди отрабатывать повинности в государственных мастерских, однако в результате реформ Ван Аньши отработки были заменены денежным взносом. Это дало заметный толчок развитию частного ремесла. Время от времени правительство предпринимало меры по усилению регламентации ремесла и торговли, по укреплению монополии на продажу железа и цветных металлов, соли и чая, квасцов и дрожжей, уксуса и лака, что ограничивало легальную сферу деятельности китайских купцов. Это приводило к расцвету контрабанды или даже к мятежам. Но чаще ситуация смягчалась за счет «подношений» чиновникам. В результате сложился особый тип китайского предпринимателя, сведущего как в своем деле, так и в умении встраиваться в бюрократическую систему.

Производство совершило грандиозный рывок. Металлургия усовершенствовалась за счет внедрения новых механизмов и технологий. По сравнению с эпохой Тан добыча меди увеличилась в 30 раз, железной руды – в 12. Возведенные в эпоху Сун железные пагоды и мосты на железных цепях кое-где дожили до наших дней. Массовое использование древесного угля в доменных печах и вагранках привело к исчезновению лесов, поэтому уже к середине XI в. металлурги использовали кокс каменного угля.

Заметно возросло производство тканей, в этой области возникали объединения мануфактурного типа. В конце XI в. в шелкоткацких мастерских Кайфэна работало 400 станков, в Чэнду – 154. Гуандун, Гуанси и Фуцзянь славились хлопчатобумажными тканями. Все больше производилось изделий из белого фарфора. Выпускались сервизы, все чашки которых при ударе серебряной ложкой отзывались на особый лад каждая, особо ценилась глазурь «цвета неба после дождя в разрыве облаков». Качество достигалось за счет усложнения технологических процессов, порой растянутых на несколько лет.

Техника ксилографии с трудом удовлетворяла спрос на книги, ведь весь текст вырезался на гладкой доске твердого дерева, и малейшая ошибка целиком губила матрицу. Однако изобретенный в ту пору наборный шрифт распространения не получил: слишком много иероглифов приходилось хранить в наборных кассах и слишком велика была роль каллиграфии, предполагавшей эстетическую ценность за каждым вновь начертанным иероглифом.

Именно город, в большей степени, чем императорский дворец и буддийский монастырь, стал центром расцвета интеллектуальной жизни. Здесь состязались в учености преподаватели массы школ. Большинство создаваемых в городах литературных произведений писалось не на ученом языке бюрократической традиции (*вэньянь*), а на разговорном наречии. На нем записывали «рассказываемые новеллы», посвященные сказочным персонажам, но изобилующие сценами из повседневной жизни, или своеобразные детективы – рассказы о праведном судье, способном распутать любое дело. От XII–XIII вв. дошло не менее семи сотен театральных пьес. Интересно, что женские персонажи наделялись более высокими нравственными качествами, чем мужские.

Особой популярностью пользовался в ту пору жанр «записок о путешествиях». Китайцы путешествовали гораздо чаще, чем прежде. Между провинциями была налажена регулярная почтовая связь, по рекам и каналам ходили суда с гребными колесами, в морские плаванья из эстуария Янцзы отправлялись огромные многопалубные и многомачтовые джонки, способные маневрировать при любом ветре и разделенные водонепроницаемыми переборками на отсеки.

Трудно оценивать уровень развития цивилизаций, сопоставляя достижения гуманитарного знания, для этой цели лучше подходят научно-технические успехи и в особенности самая абстрактная из наук – математика. В этом отношении эпоха Сун намного опережала другие китайские культуры. Если в период Тан математикой занимались высокопоставленные чиновники, то за исключением Шэнь Ко, приближенного к кормилу власти, великие сунские математики в основном трудились учителями частных школ. Примеры задач носили практический характер: исчисление монетной массы, расче-

ты конструкций дамб, распределения воды для ирригации, определение из отдаленного пункта диаметра и окружности городской стены. Математики исследовали методы решений систем уравнений высших степеней, приемы построения прогрессий, использовали символ нуля, заложив последующие основы китайской алгебраической традиции. Горожане охотно отдавали детей в их частные школы. Но попытки ввести математику в программу государственных экзаменов, предпринимаемые между 1084 и 1113 гг., закончились провалом, натолкнувшись на упорное сопротивление.

КРИЗИС ИМПЕРИИ: СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА

У власти часто менялись «реформаторы» и «консерваторы». Сторонник «нового курса» Цзяй Цин, уже ранее возглавлявший правительство, был снова назначен цзяйсяном молодым императором Хуэй-цзуном (1101–1126).

Чайный император

В 1101 г. на трон Поднебесной вступил девятнадцатилетний император Хуэй-цзун. Тогда же он опубликовал свой трактат «Размышления о чае». В нем впервые упомянут белый чай, описываются различные сорта чая (такие как «Серебряные иглы с белым ворсом» или «Костный мозг зеленого феникса с высокого пика»), излагаются особенности чайной церемонии и объясняется сама суть напитка: «что до чая как предмета, то он изяществом своим превосходит изящество долин Оу и Минь, собирает в себе всё совершенство гор и потоков, успокаивает душу и избавляет от тоски, дает ясность и приводит к гармонии...»

Поддерживать мировую гармонию – миссия императора, и он неустанно трудился на этом поприще, совершенствуя церемонии и прибегая к искусству. Императоров-поэтов в истории Китая встречалось немало, но на сей раз, на троне оказался одаренный художник. Он вырос во дворце, украшенном пейзажами, утверждавшими красоту мироздания, а, следовательно, и порядок в стране. Но Хуэй-цзун предпочитал более камерные композиции жанра «цветы и птицы». Лишенные помпезности, они подчеркивали эстетическую ценность частных проявлений природы и при этом доказывали тезис о единстве живописи и поэзии. Император учреждает Академию живописи (1104 г.), где темами конкурсных работ художников служили строки из поэтических произведений. Однажды такой темой стала строфа из стиха танского времени:

*«Бамбуковая роща окружает таверну
Рядом с прогулочным мостом».*

Пока все рисовали рощи, таверны и мосты, один художник нарисовал флаг, развевающийся над бамбуковой рощей, на котором был начертан иероглиф «вино». Император признал этот способ передать идею «окружает со всех сторон» самым оригинальным и присудил ему победу. Но, поощряя отказ от слепого подражания канону, Хуэй-цзун не допускал сомнений в эталонном характере собственных картин, копируемых учениками. Художник в нем был все же сильнее философа.

Синтез живописи, поэзии и философии призвана была подкреплять каллиграфия, в которой император также был признанным мастером. Может быть,

именно поэтому цзайсяном стал в 1104 г. Цзэй Цин, имевший неоднозначную репутацию, но слывший лучшим каллиграфом своего времени. Возможно, император не вникал в подробности управления страной. Но он занимался другим – сочинял музыкальные произведения, совершенствовал экзаменационные программы, писал трактаты по садово-парковому искусству и архитектуре, производству фарфора. Сотни чиновников разъезжали по стране в поисках предметов старинного искусства и древних рукописей для пополнения императорской коллекции живописи, включавшего описание шести тысяч работ. Красота являлась залогом сохранения миропорядка, ради этого Хуэй-цзун трудился, не покладая рук.

На его картине 1112 г. изображен конек крыши и разлетающиеся по небу журавли. Поднимающийся к солнцу журавль служит добрым предзнаменованием, а в даосском пантеоне символизирует связь земли и неба, поскольку на журавлях летают в небесах бессмертные. В поисках философского смысла своей деятельности император все больше сближался с учением даосов. Приближенный ко двору даосский мудрец Линь Линьсу провозгласил Хуэй-цзуна воплощением старшего сына Верховного Нефритового императора, призванным установить даосское правление во всем мире. Здоровье души и тела императора, его долголетие и сексуальная энергия, поддерживаемая знаменитыми «золотыми пилюлями» даосов, гарантировала связь земли и неба, была стержнем той самой мировой гармонии, к которой стремился император. Увлеченный даосизмом император ко всему подходит серьезно – он занимается реформированием даосской литургии, сочиняет ряд религиозных гимнов (распеваемых по сей день), распоряжается отпечатать полное издание даосского канона. Придворные даосы убеждают его в необходимости ускоренного слияния буддизма с их религией. С 1117 г. буддийские монастыри реорганизовывались на даосский манер и перешли под контроль императорской администрации.

Потерпев неудачу в затеянной против его воли войне против чжурчженей, император увидел крах всего того, над чем работал всю жизнь. Ясно было, что причина катастрофы – внутренний недуг государства. Отовсюду подавались докладные записки, объяснявшие все коварством и корыстолюбием шестерых негодяев в правительстве во главе с Цзэй Цинем. Но вместо того чтобы обвинить их, император, выплатив варварам огромную контрибуцию и заключив тяжелейший мир, 18 января 1126 г. отрекся от престола в пользу сына.

Сделал ли он это из страха? Император слишком много трудился во имя гармонии, веря в то, что она зависит именно от него, и поэтому, увидев крах своего идеала, не стал искать других виноватых. В китайской традиции Хуэй-цзун получил прозвище «ветротекущий император», историография, писавшаяся с позиции победившего консервативного неоконфуцианства, не прощала ему увлечения даосизмом, растраты средств на искусство, доверия к реформатору Цзэй Цину и его «банде шестерых». Но, по сути, он совершил лишь одну роковую ошибку, поддавшись уговорам и чиновников, и народа и разорвав мир с чжурчженями.

Трудно сказать, как доживал император еще восемь лет плена, что он оплакивал больше: гибель своей империи или гибель своей коллекции. А возможно, он продолжал заваривать белый чай и работать над картинами стиля «цветы и птицы».

Конфуцианская традиция характеризует Цзэй Цина как взяточника, потакавшего в желании удержаться у власти всем вздорным идеям императора. На самом деле он строил больницы для бедняков, пытался вести такую налоговую политику, чтобы богачам приходилось делиться своими доходами, ему удалось провести новую перепись населения, показавшую, что оно за

Император Хуэй-цзун. Журавли счастья. XII в. Китай

тридцать лет увеличилось на 10 млн. Инициированные даосами гонения на буддийские монастыри обогатили казну за счет секуляризации. Но основные цели «нового курса» реализовать не удалось: кавалерия не была создана, армия оставалась дорогой и беспомощной, налоговая система «квадратных полей» пришла в разлад, средства приходилось добирать за счет косвенных налогов (на соль, чай, лак), что вызывало всеобщее недовольство. А расходы возрастали: помимо оплаты меценатских затей Хуэй-цзуна, требовались деньги на войну.

Империя Ляо, некогда отторгнувшая у Китая северные округа и получавшая китайскую дань, клонилась к упадку. В 1115 г. Агуда, вождь подвластных Ляо племен чжурчженей, поднял мятеж, провозгласив новую империю Цзинь. В 1118 г. правительство Сун заключило с ним союз, договорившись о разделе владений Ляо. Но кидани, проигрывавшие свирепым чжурчженям, оставались сильнее китайской армии, терпевшей от них поражения. Пришлось вводить новые налоги, а в 1121 г. прекратить финансирование государственных школ, распустив по домам десятки тысяч учеников и преподавателей, пополнивших ряды недовольных. Неоконфуцианская идеология предъявляла к добродетелям власти завышенные требования, которым сунская бюрократия соответствовать не могла, а если пыталась их удовлетворить, то допускала ошибку за ошибкой. Восстановление миропорядка предписывало наказать наглых варваров и отвоевать исконно китайские территории, а раз это не получается, то не утрачен ли властью «мандат Неба»?

В 1120–1122 гг. в приморской провинции Чжэцзян вспыхнуло восстание, подготовленное тайной организацией «Минцзяо» («Учение о свете»),

чья идеология включала манихейские, буддийские и даосские верования. Повстанцы захватили Ханчжоу, и правительству пришлось двинуть на них войска, призванные сражаться на северных границах. Вождь восставших Фан Ла – крупный производитель лака, пострадавший от государственной монополии на его товар, обличая беззакония властей, особый упор делал на позорную дань, выплачиваемую варварам. В 1121–1122 г. в провинции Хэбэй вспыхнуло восстание чиновника средней руки Сун Цзяна, развернувшееся под характерным лозунгом «все люди – братья» и подавленное с еще большим трудом. Считается, что именно на основе народных легенд об этих событиях в XIV в. был написан самый популярный китайский роман «Речные заводы», где кроме вождей присутствуют и антигерои – Цзяй Цин и его подручные, наделенные портретным сходством (например, обыгрывается каллиграфический талант цзяйсяна). Сатирический роман «Цветы сливы в золотой вазе», написанный позднее, также буквально воспроизводит обвинения, выдвинутые против клики Цзяй Цина при дворе. С легкой руки победивших консерваторов (их оплот – придворная академия Ханьлинь – вела официальную историческую хронику) эпоха Сун стала символом несправедного правления.

Государство Ляо пало в 1124 г. Лишь небольшая часть киданей спаслась бегством в Семиречье, где они образовали свою державу. Поскольку многие из них исповедовали несторианство, до Запада дошли слухи о возникновении в тылу мусульманских государств христианского царства Пресвитера Иоанна.

Несмотря на то что вклад китайской стороны в победу был невелик, чжурчжени были готовы передать несколько областей союзнику. Но императорские войска предпочли занять все земли, некогда принадлежавшие Китаю. Императив морального долга был сильнее трезвых расчетов и верности договору, заключенному с варварами. Чжурчжени, однако, уничтожили китайскую армию и осадили столицу.

Ректор академии Ханьлинь публично обвинил во всем Цзяй Цина и его сообщников. Тот же, зная реальное положение дел в империи, настаивал на заключении мира на любых условиях. Хуэй-цзун согласился с ним, но заключив унижительный мир, в январе 1126 г. отрекся от престола в пользу сына. Новый император внял требованиям консерваторов, снял Цзяй Цина и, собрав новую армию, двинул ее вдогонку чжурчженям. Это привело к катастрофе. Армия была вновь разбита, а Кайфэн в январе 1127 г. оказался в руках варваров, захвативших старого и нового императоров. Вместе с тысячами придворных они были угнаны в Маньчжурию.

Весь Северный Китай оказался во власти чжурчженей, которые даже сумели переправиться через Янцзы, но были не готовы к тому, чтобы развивать дальше свой неожиданный успех. Они рассчитывали, что захватив императорскую семью, смогут организовать на юге государство, которое будет полностью зависеть от империи Цзинь. Однако младший брат императора Гао-цзун сумел бежать на Юг, где провозгласил восстановление империи, перенеся столицу в Ханьчжоу.

Под властью Южной Сун оставалось 50-миллионное население, пополняемое беженцами. Многие рвались в бой, мечтая освободить Север. Но положение Южной Сун осложнилось новым мощным восстанием в провинциях Хунань и Хубэй, где давно действовала даосская секта Байлянь-цзяо. Восставшие грабили буддийские монастыри, убивали землевладельцев-«по-

глотителей» и непопулярных чиновников. Число восставших доходило до 400 тыс. человек. Они создали новое «царство Чу», где отменялись повинности и делались попытки установить всеобщее равенство. Армия «царства Чу» попыталась воевать с чжурчженями, но быстро была уничтожена.

С 1136 г. правительство Южной Сун начало переговоры с империей Цзинь, поняв, что для продолжения войны в стране нет сил. Однако движимые ненавистью к варварам, местные ополчения и отдельные регулярные части вели войну на свой страх и риск. Особенно выделялся военачальник Юэ Фэй, автор знаменитого стиля боевого искусства «длинный кулак». Вооружив своих воинов пиками с крюками, он научился противостоять атакам варварской конницы. Главным секретом его успеха являлась строгая дисциплина, установленная в войсках, и независимость в принятии решений. Правительство, желавшее заключить мир, никак не могло остановить Юэ Фэя. В конце концов он был вызван в Ханьчжоу и тайно казнен. Однако популярность его была такова, что 60 лет спустя император присвоил ему почетный титул, в его честь соорудили храм, слагались стихи и писались пьесы. Но тогда, в 1142 г., его устранение дало возможность заключить с государством Цзинь мирный договор, по которому чжурчженям отходили все земли к северу от р. Хуайхэ и выплачивалась огромная дань. Несмотря на периодически повторявшиеся попытки «партии войны» освободить Север, в целом мир удалось сохранить. Южная Сун смогла продлить свое существование и продолжить беспрецедентное хозяйственное и культурное развитие.

На землях, оказавшихся под властью империи Цзинь, шли процессы, характерные для «варварских» государств, возникавших в Северном Китае. В ходе завоеваний многие гибли, другие бежали на юг, значительную часть оставшихся превращали в рабов. Дамбы и ирригационные системы плохо содержались новыми властями, случались наводнения. С другой стороны, императоры Цзинь считали себя законными наследниками китайской культурной и государственной традиции. В каком-то смысле, порядки в империи Цзинь напоминали Танскую эпоху: более выраженным, чем на Юге, было стремление ограничить рост крупной земельной собственности и восстановить систему наделов. «Моукэ» – родовые общины завоевателей – образовывали привилегированные поселения воинов, напоминавшие старую систему «фубин». Однако уже к концу века бывшее единство общинников ушло в прошлое, а вскоре сановник Вэй Цыпин констатировал, что молодежь из богатых семей не годится для военной службы из-за своей трусости, а бедняки разорились и не имеют возможности нести службу. Он предлагал освободить моукэ от обязанности военной службы и перейти к наемной армии, что вскоре и произошло.

Императоры, стремясь ограничить власть родовой знати, окружали себя китайскими чиновниками. Но имели место и попытки усилить чжурчженский элемент в империи. Император Ши-цзун в 1173 г. ввел параллельные экзамены на чжурчженском языке, стремясь пополнить бюрократию выходцами из семей завоевателей. Однако кандидаты, выдержавшие эти экзамены, становились не чиновниками, а учителями чжурчженских школ. Подорвать китайскую культурно-бюрократическую монополию не удалось.

Остается лишь гадать, как далеко мог бы зайти процесс культурного синтеза, поскольку в 1234 г. империя Цзинь была завоевана монголами. Южная Сун сопротивлялась гораздо дольше, опираясь на технические новшества, в том числе на огнестрельное оружие. Однако в 1279 г. государство Южная Сун пало.

В конце IX в. корейское государство Объединенное Силла, ослабление которого началось еще со второй половины VIII в. (за 150 лет на троне сменилось 20 ванов, в числе которых десять лет государством правила женщина-ван, передоверившая власть фаворитам), распалось на три части: Позднее Пэкче, Позднее Когурё и сильно сократившуюся Силла. Период раздробленности охватывал первую треть X в. Одному из полководцев Позднего Когурё Ван Гонгу удалось завоевать популярность у населения, воспользоваться недовольством, которое вызывал ван, устроивший массовые репрессии (по легенде, он казнил по 100 человек в день, включая свою жену и двух сыновей) и при поддержке сановников организовать государственный переворот. После этого Ван Гон (ставший ваном Тхэджо) провозгласил создание нового государства Корё и перенес столицу в свой родной город Сонек (Кэгён).

Власть Ван Гона усилилась благодаря разумной политике. Он наладил контакты с представителями «сильных домов», породнился с аристократией (у вана имелось 29 жен), сохранил места чиновникам, служившим при прежней династии; попавшим из-за долгов в зависимое состояние (*ноби*) снова вернули свободный статус (*янъин*). В результате ситуация в стране нормализовалась. Последний ван Силла предпочел отказаться от титула в пользу Ван Гона (935), а в 936 г. было завоевано Пэкче. Таким образом, Корея была вновь объединена.

Реформы Ван Гона, продолженные его потомками, способствовали укреплению власти династии. Правители Корё стремились к ослаблению позиций старой аристократии, пересматривая статус *ноби*, на зависимости которых базировалось ее могущество. В 958 г. для получения чиновничьих должностей (*квэго*) была введена система сдачи экзаменов, в которых могли участвовать также и свободные крестьяне. В результате уменьшилась зависимость получаемых рангов от происхождения. Старая система, построенная на наследственности рангов, теряла свое значение, что подрывало могущество знатных родов.

Сложившаяся в законченном виде в XI в. административная система Корё, приближенная к сунской бюрократической структуре, представляла собой огромный чиновничий аппарат, в котором были определены и максимально унифицированы штаты всех учреждений и четко расписаны по рангам и степеням все должности в государстве. Только в центральном аппарате Корё насчитывалось 150–170 учреждений, имевших более 500 различных должностей, которые занимали около 2,5 тыс. чиновников. Уже в 958 г. были введены «два деления» (*янбан*): гражданских чиновников (*мунбан*) и военных (*мубан*). С этого момента понятие «янбан» стало синонимом корейского чиновничества. Военные чиновники занимали в Корё более низкое положение, чем гражданские. Военная система Корё базировалась на всеобщей воинской повинности крестьян-янъинов в возрасте от 16 до 60 лет.

Поскольку система экзаменов являлась основным источником поставки кадров административного аппарата, представители династии Корё уделяли большое внимание развитию образования. В конце X в. (992 г.) в столице

например, из Аравии привозились благовония, красители, лекарства и ртуть. Именно от арабов в Европе впервые узнали о Корё. Внешняя и внутренняя торговля была строго регламентирована.

Во внутренней торговле в качестве денежного эквивалента наряду с рисом и тканями в конце XI в. стали использовать различные виды металлических денег, а для крупномасштабных обменов – деньги большого номинала, называемые «серебряные бутылки», в форме, напоминающей очертания Корейского п-ова.

В XI–XII вв. в Корё образовались две противоборствующие придворные группировки, одна из которых предлагала проводить активную внешнюю политику в отношении северных племен: покорить чжурчжэней и провозгласить собственную империю (что означало отказ от признания формальной вассальной зависимости от империи Сун). Это являлось продолжением традиций Когурё. В то же время другая политическая группировка, отстаивавшая приоритет культурных ценностей Силла, выступала за сохранение привычного статуса младшего союзника Китая и отказ от военной экспансии.

Чжурчжэни, жившие в основном на территории Маньчжурии, в начале XII в. еще не имели собственного государства и пытались поддерживать дружественные отношения с Корё. В то же время в конце XI – начале XII в. они начали интенсивно переселяться на территорию Корё. Поскольку в это время в правительстве верх одержали сторонники активной внешней политики, было решено завоевать чжурчжэней. В 1107 г. корёская армия вышла за стену в 1000 ли и оккупировала часть земель до р. Туманган. Активное сопротивление чжурчжэней и критика со стороны «партии мира» вынудили корёсцев отказаться от завоеванных земель. Вскоре чжурчжэни образовали государство Цзинь (1115–1234), разгромили киданей, завоевали северную часть сунского Китая и потребовали от Корё признания вассальной зависимости, на что Корё, предпочитая сохранить мир, согласилось в 1126 г.

За годы мира позиции военных чиновников ослабли, что привело к росту недовольства с их стороны. В результате начались многочисленные мятежи верхушки военных. К началу XII в. власть в стране удалось захватить военному аристократу Ли Джагёму, который на следующий год после подписания мира с чжурчжэнями попытался свергнуть правящую династию. Но ван, опираясь на согёнскую (пхеньянскую) группировку чиновников, смог подавить мятеж. В результате Согён стал альтернативным центром власти. В 1135 г. чиновники Согёна, намеревавшиеся воевать с Цзинь, подняли мятеж и создали на севере собственное государство Тэвигук («Государство великих деяний»). Мятеж был в 1136 г. подавлен правительственными войсками во главе с Ким Бусиком – известным талантливым полководцем, автором первого дошедшего до нас труда по истории Кореи («Самгук саги» – «Исторические записи Трёх государств»). Отношения с Цзинь остались дружественными.

В 1170 г. обострение борьбы внутри правящей элиты привело к захвату власти военными. Они свергли вана Ыйджона (1146–1170), посадили на трон его брата и управляли страной с помощью Чунбана – совещательного органа высших военачальников. Между различными полководцами шла борьба за власть. За 26 лет правители менялись шесть раз, пока к власти в 1196 г. не пришел Чхве Чхунхон, правивший до 1219 г. Он поднес вану пети-

например, из Аравии привозились благовония, красители, лекарства и ртуть. Именно от арабов в Европе впервые узнали о Корё. Внешняя и внутренняя торговля была строго регламентирована.

Во внутренней торговле в качестве денежного эквивалента наряду с рисом и тканями в конце XI в. стали использовать различные виды металлических денег, а для крупномасштабных обменов – деньги большого номинала, называемые «серебряные бутылки», в форме, напоминающей очертания Корейского п-ова.

В XI–XII вв. в Корё образовались две противоборствующие придворные группировки, одна из которых предлагала проводить активную внешнюю политику в отношении северных племен: покорить чжурчжэней и провозгласить собственную империю (что означало отказ от признания формальной вассальной зависимости от империи Сун). Это являлось продолжением традиций Когурё. В то же время другая политическая группировка, отстаивавшая приоритет культурных ценностей Силла, выступала за сохранение привычного статуса младшего союзника Китая и отказ от военной экспансии.

Чжурчжэни, жившие в основном на территории Маньчжурии, в начале XII в. еще не имели собственного государства и пытались поддерживать дружественные отношения с Корё. В то же время в конце XI – начале XII в. они начали интенсивно переселяться на территорию Корё. Поскольку в это время в правительстве верх одержали сторонники активной внешней политики, было решено завоевать чжурчжэней. В 1107 г. корёская армия вышла за стену в 1000 ли и оккупировала часть земель до р. Туманган. Активное сопротивление чжурчжэней и критика со стороны «партии мира» вынудили корёсцев отказаться от завоеванных земель. Вскоре чжурчжэни образовали государство Цзинь (1115–1234), разгромили киданей, завоевали северную часть сунского Китая и потребовали от Корё признания вассальной зависимости, на что Корё, предпочитая сохранить мир, согласилось в 1126 г.

За годы мира позиции военных чиновников ослабли, что привело к росту недовольства с их стороны. В результате начались многочисленные мятежи верхушки военных. К началу XII в. власть в стране удалось захватить военному аристократу Ли Джагёму, который на следующий год после подписания мира с чжурчжэнями попытался свергнуть правящую династию. Но ван, опираясь на согёнскую (пхеньянскую) группировку чиновников, смог подавить мятеж. В результате Согён стал альтернативным центром власти. В 1135 г. чиновники Согёна, намеревавшиеся воевать с Цзинь, подняли мятеж и создали на севере собственное государство Тэвигук («Государство великих деяний»). Мятеж был в 1136 г. подавлен правительственными войсками во главе с Ким Бусиком – известным талантливым полководцем, автором первого дошедшего до нас труда по истории Кореи («Самгук саги» – «Исторические записи Трёх государств»). Отношения с Цзинь остались дружественными.

В 1170 г. обострение борьбы внутри правящей элиты привело к захвату власти военными. Они свергли вана Ыйджона (1146–1170), посадили на трон его брата и управляли страной с помощью Чунбана – совещательного органа высших военачальников. Между различными полководцами шла борьба за власть. За 26 лет правители менялись шесть раз, пока к власти в 1196 г. не пришел Чхве Чхунхон, правивший до 1219 г. Он поднес вану пети-

цию о реформах из 10 пунктов, в числе которых были требования: сократить чиновничество, прекратить захваты земель крупной аристократией и расформировать не облагавшиеся налогами монастыри. Вскоре сопротивление буддийских монастырей было подавлено, а ноби вновь освобождены из зависимого состояния. Период господства клана Чхве длился до 1258 г.

В этот период продолжалось сосуществование конфуцианства, рассматриваемого в качестве политической идеологии; буддизма, которому покровительствовали ваны, строившие многочисленные храмы и монастыри, получавшие земли, ноби и различные привилегии; даосизма, часть обрядов которого получила статус государственных церемониалов. Распространенное еще во времена Силла учение геомантии активно занималось в XI–XII вв. решением вопроса о выборе благоприятного места для столицы. В результате столица была перенесена в находившийся в центре страны Ханян (Сеул) (до этого основными центрами были Кэгён и Согён (Пхеньян)).

Поэзия Корё испытала на себе большое влияние танской традиции, а проза – сунской. Корёская литература подверглась также и японскому влиянию, о чем свидетельствуют стихи в стиле танка. В Корё была распространена техника ксилографической печати, с помощью которой были напечатаны более 10 тыс. томов буддийских текстов («Тэджангён», «Сокчангён»).

Наибольшего развития в данный период достигло прикладное искусство, в особенности керамика, спрос на которую был высок в соседних странах. Художники увлекались изображениями «четырех благородных растений»: сосны, бамбука, сливы и орхидеи (древнейший подобный рисунок был обнаружен в могиле Ван Гона). Из архитектурных сооружений начала эпохи Корё сохранилось несколько каменных многоярусных пагод и памятников на могилах буддийских монахов (*пудо*). 38 лет сооружалась самая большая статуя Будды в Корее (завершена в 938 г.). Но качество скульптурных произведений стало более низким, чем в период Силла.

Сосуд в форме лотоса. XII в. Корейский национальный музей, Сеул © 2011. Photo Scala, Florence

НАСЛЕДНИКИ ТЮРОК НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ

Тюркские завоевания дали толчок процессам этно- и политогенеза в евразийских степях на несколько столетий вперед. Большая часть территории степного евразийского коридора в рассматриваемое время с полным правом может считаться наследием тюркской эпохи. Только степи Монголии и Забайкалья были заселены монголоязычными номадами – киданями и шивэйцами. Кидани в указанный период создали на территории Северного Китая могущественную империю Ляо (907–1125) (см. также с. 335–336, 497).

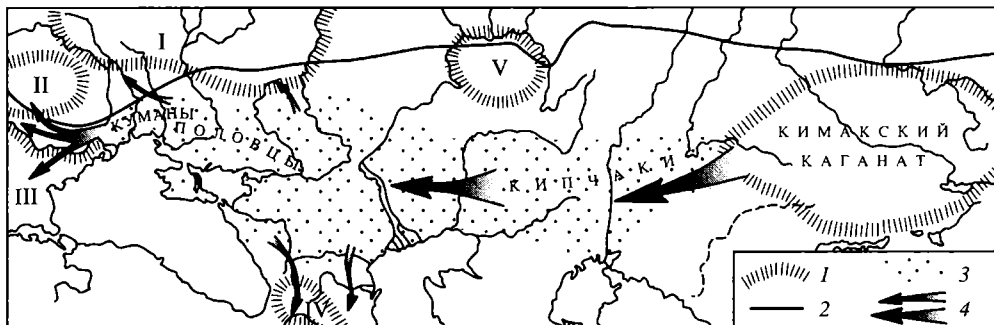
РАССЕЛЕНИЕ ОГУЗСКИХ ПЛЕМЕН

На пространствах Средней Азии в этот период обитали огузские племена. Они расселялись в Северном Прикаспии, бассейне Сырдарьи и в Приаралье, основное их занятие составляло скотоводство: огузы разводили овец, лошадей и верблюдов, им также были известны зачатки земледелия и стационарные поселения. В обществе существовало социальное неравенство, фиксируемое в источниках разделение на «беков» (вождей, элиту) и «эров» (простых скотоводов). В конце X в. среди огузов усиливаются междоусобные конфликты, которые привели к откочевке одной из племенных групп, *сельджуков*, сначала в Мавераннахр, а оттуда на территорию современного Туркменистана. Наивысший пик могущества Сельджукской державы пришелся на последнюю треть XI в. (см. с. 352–354). В 1071 г. в битве при Манцикерте было разбито византийское войско, а император попал в плен; в 1077 г. захвачена Никея. Опорой государства на этапе военных походов выступали воины-кочевники. Однако с завоеванием народов, имевших давние традиции государственности, у сельджуков начинает складываться административный аппарат. С течением времени на подчиненных территориях стало возрождаться сельское хозяйство и городская жизнь. Началась постепенная седентеризация кочевников. Была создана армия из наемников, стали раздавать надель за службу и постепенно возникли традиционные в средневековом арабском мире институты землепользования (*мульк*, *икта*).

Сельджукская держава просуществовала всего чуть более полстолетия. На рубеже XI–XII вв. начинается затяжной экономический кризис, усобицы между кланами правящей элиты. Империя распадалась на несколько самостоятельных владений – Западносельджукское в Ираке, Восточносельджукское в Хорасане и Хорезме и Румский султанат в Малой Азии со столицей в Никее.

ОТ МИГРАЦИЙ ВЕНГРОВ К ВОЖДЕСТВАМ ПЕЧЕНЕГОВ

Одним из родственных огузам народов были печенеги (*кангры*). Они известны с середины I тысячелетия н.э. Кангры кочевали в районе Сырдарьи, а во второй половине VIII в. под натиском племен огузов были вынуждены мигрировать в междуречье Урала и Волги. Однако и там они задержались

Наследники тюрков в XI – начале XIII в.

Схема расположения в степях кимаков, кипчаков, половцев, куманов. Условные обозначения: I – Русь; II – Венгрия; III – Болгария; IV – Грузия; V – Волжская Болгария. 1–2 – северная граница степей; 3 – кочевнические общности; 4 – основные направления кочевнической экспансии в конце X – начале XIII в. (Источник: Плетнева А. С. Половцы. М., 1990. С. 34–35)

недолго и были вытеснены в южнорусские степи. В 915 г. летописи фиксируют их первое появление у границ Руси.

Под натиском печенегов финно-угорские племена венгров (мадяров) мигрировали из причерноморских степей на Запад. По пути около Киева они разбили русскую княжескую дружину и, взяв большую контрибуцию, откочевали в Паннонию. Оттуда они совершали набеги на Русь и продавали пленников в Византию. Венгерское войско насчитывало до 20 тыс. конников. Социальное устройство ранних венгров было подобно другимномадам тюркского мира. У них существовал институт соправительства: главой державы являлся *кархан* (произв. от *каган*), а его помощником в военных делах его воевода *джила*. С начала X в. начинается переход венгров к оседлому образу жизни, развитие у них земледельческого хозяйствования и становление государственности.

По византийским источникам известно 40 племен печенегов и восемь племенных объединений или вожеств (греч. *фемов*), которые возглавлялись вождями (греч. великими архонтами). Конфедерация печенегов делилась на два крыла: первое располагалось на востоке южнорусских степей, где печенеги соседствовали с Хазарией и Русью; второе крыло занимало западную часть Причерноморских степей и граничило с Булгарией, Венгрией и Русью.

Католический миссионер Бруно Кверфуртский характеризует печенегов как «самых жестоких» из всех язычников. В течение X–XI вв. печенеги своими набегами терзали Хазарию, лесостепную Русь и приграничные фемы Византии. Помимо этого вожди их племен постоянно вымогали дары от правителей оседло-земледельческих стран, чтобы раздавать их своим воинам и сородичам. Византийский император Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» отзывался о печенегах как о «ненасытных и крайне жадных» до подношений. В то же время он приводит факты, свидетельствующие, что ханы выпрашивали подачки не из алчности, а для привлечения кочевников на свою сторону. «Когда василик (т.е. посланник императора) вступит в их страну, они требуют прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей».

Речь идет о важнейшем механизме создания надплеменной конфедерации у кочевников: хан объединяет номадов только для совместных походов на земледельческие государства, при этом каждый может рассчитывать на долю добычи. В мирное время ханская власть нужна для вымогания подарков от соседних стран. В число полученных от Византии даров перечисляются «влаттии» (драгоценные шелковые ткани, пурпур), «прандии» (ленты, платки и прочий мелкий галантерейный товар), «харерии» (вид шелковой персидской ткани), пояса, перец, парфянские алые кожи и другие предметы.

В 968 г., пользуясь тем, что русский князь Святослав находился в походе, печенеги осадили стольный град Киев. Только появление воеводы Претича с дружиной заставило их отойти в степь. Когда же Святослав в 972 г. возвращался домой из болгарского похода, он попал в печенежскую засаду на днепровских порогах и погиб в бою. Из его черепа печенежский вождь Куря сделал ритуальную чашу.

Князь Владимир Святославич строил засеки и пограничные крепости для защиты Руси от печенежских набегов: «Нача ставити города по Десне и по Устри, по Трубешеву, и по Суле, и по Стугне», – сообщает древнерусский летописец. Но засеки не могли остановить набеги, а предназначались лишь для того, чтобы успеть проинформировать население о вражеском нашествии и собрать дружину. Кроме того, место прохода вражеского войска через засеку могло быть использовано для засады, чтобы отбить пленников и добычу.

Печенеги не умели брать городов приступом. Они обычно довольствовались разорением сельскохозяйственной округи, а в том случае, если они не опасались подхода подкрепления, могли взять город в осаду. В летописях приводится повествование об осаде Белгорода, имеющее легендарный характер. Когда в городе начался голод, белгородцы придумали хитрость. Они наварили из последних запасов бочку киселя и бочку сыты и вставили их в специально вырытые колодцы. После этого они пустили в город печенежских послов и угостили их едой из колодцев, утверждая, что запасов хватит лет на десять. Озадаченные печенеги решили снять осаду и «восвояси идоша».

В 1036 г. печенеги совершили последний поход на Киев. Ярослав Мудрый успел привести дружину из Новгорода и нанес им сокрушительное поражение. На некоторое время это обезопасило степные границы Руси. Печенеги перекочевали поближе к границам Византии и на протяжении почти полувека терроризировали империю своими набегами. Только благодаря поддержке половецких ханов Тугоркана и Боняка в 1091 г. войска императора Алексея Комнина одержали над ними решающую победу. Согласно византийским источникам, было уничтожено около 30 тыс. кочевников. После разгрома остатки печенегов влились в союз торков.

Торки пробыли в причерноморских степях не более двух десятков лет, после чего ушли к границам Византии. Летописец с облегчением написал: «Бог избави крьстьяны от поганых». В конце XI в. на южных границах Киевской Руси расселяются «черные клобуки» – «свои поганые», как характеризует их древний хронист. Клобуки имели союзнические отношения с русскими князьями и большей частью помогали отражать им набеги других кочевников.

К этому времени на границах Руси возникла новая опасность – половцы. Начала их этнической истории до сих пор не выяснены. Они известны в истории под самыми разными названиями: кипчаки, кыпчаки, куманы, куны, канглы, половцы, шары. Древнеславянское слово «половцы» происходит от слова «половый» (светлый, бледный, желтый). Этноним «кипчак» (кыпчак) впервые зафиксирован на так называемом Селингинском камне – уйгурской надписи середины VIII в. Это дает возможность предположить, что уйгуры указанного времени имели какое-то представление о данном народе.

Первоначально кипчаки входили в племенной союз кимаков. Расцвет кимаков приходится на время после гибели в 840 г. Уйгурского каганата. Именно тогда на этой территории оказались бежавшие сюда токуз-огузские племена. Кимаки располагались на значительной территории от Иртыша до Прикаспия. Глава союза принял титул кагана (*хакана*). В источниках сообщается, что в союз входили одиннадцать племен, которые управлялись утверждаемыми хаканом правителями. Кимаки активно воевали со своими соседями. Известно, что в их стране не только обитали кочевники, но и существовали города.

Половцы не представляли собой единого целого. Это был сложный конгломерат лингвистически и культурно близких между собой племен и вожеств. Они занимали обширные пространства, раскинувшиеся от Западной Сибири и Казахстана до Прикарпатья. По всей видимости, можно локализовать три больших ареала расселения половцев: Казахстан – Западная Сибирь, междуречье Урала и Волги (Итиля), степные районы южного Причерноморья от Дона до устья Дуная. В некоторых источниках сообщается о «белой» и «черной» Куманиях.

С тех пор как они появились в южнорусских степях, те стали называться половецкими (Дешт-и-Кыпчак). Куманы обнаружили здесь тучные пастбища и достаточное количество водных источников, т.е. существенно более благоприятные природные условия, чем полупустыни Средней Азии. Из источников известно, что половцы имели типичный набор домашних животных кочевников евразийских степей: лошадей, овец, верблюдов и крупный рогатый скот. В Причерноморье зимы более теплые, чем в Азии, но более влажные и снежные. Выпадение большого количества снега создает трудности для выпаса мелкого рогатого скота. Для этого кочевники с давних пор используют тебеневку – выгоняют сначала табун лошадей, чтобы они разбили наст и разгребли глубокий снег. Возможно, именно поэтому на этой территории в основном используется так называемый «меридианальный» способ кочевания. Еще Страбон писал про местных кочевников, что зимой они спускаются на юг к Меотиде (Азовскому морю), а летом поднимаются к северу на равнины. Точно такой же метод практиковали на этой территории средневековые кочевники и калмыки в Новое время.

В древнерусских летописях упоминаются крупные стоянки – *вежи*. Кроме того, из археологических источников известны стационарные поселения с глинобитными жилищами. Одно из таких поселений (Белая Вежа) обнаружено на Дону. По летописям известны другие городки – Шарукань, Сугров, Балин. Правда, существует предположение, что их жителями были аланы. Так или иначе, во многих кочевых обществах в удобных для занятия земледелием местах существовали стационарные поселения. Их могли населять

кочевники, не имевшие скота, пленники и перебежчики. Они снабжали кочевую часть общества продуктами земледелия и изделиями ремесла.

Археологические раскопки свидетельствуют, что в половецком обществе имелись опытные кузнецы, которые умели изготавливать предметы вооружения, стремена и конскую сбрую. Встречались также искусные ювелиры. Половецкие камнерезы изготавливали в память об усопших соплеменниках каменные статуи. Они знали свойства камня, владели техникой шлифовки, сложился определенный тип статуй с укороченной нижней частью. Тысячи таких статуй («половецких баб») найдены в южнорусских степях.

Половцам было знакомо социальное неравенство. В древнерусских летописях упоминаются «лепшие князья» (ханы племен и вождей) и «лепшие мужи» (богатыри, предводители кланово-территориальных групп). Помимо них перечисляются низшие социальные слои – «челядь», «чаги» (домашние рабыни или служанки), «колодники» (пленники?).

Удобное географическое положение позволяло половцам контролировать транзитную торговлю между соседними странами, в случае необходимости вступать с их жителями в прямые отношения обмена. Другим источником доходов для них являлись грабительские набеги, вымогание даров от правителей соседних государств. Угнанных полоняников половцы выгодно продавали на причерноморских рынках работорговли.

Как и печенеги, половцы не имели централизованной политической организации. Один из европейских путешественников XII в. отметил, что «у них нет царя, а есть лишь князья и знатные семьи». Куманы делились на племена, состоящие из отдельных клановых групп. Известно, что эта рыхлая непрочная конфедерация распадалась на западную и восточную части (крылья?). Исследователи выделяют несколько групп половецких племен и вождей – дунайско-бужскую, приднепровскую, лукоморскую, крымскую, донскую, нижнедонскую, предкавказскую и поволжскую.

Почему половцы не создали большую кочевую империю? Это, по всей видимости, было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, обычно степная держава возникает как ответ на существование мощной империи с развитой земледельческой экономикой. Это порождалось тем, что кочевникам для набегов на государство с сильной армией и хорошо укрепленными городами нужна надплеменная конфедерация. Только крупная централизованная (хотя бы на время) сила способна преодолеть эшелонированную систему обороны границы. К моменту прихода половцев в причерноморские степи Византия переживала уже не самые лучшие времена. Русь также была раздроблена на отдельные княжества.

Во-вторых, для того чтобы степная империя могла не опасаться ответного вторжения, она должна была иметь некоторый защитный барьер. В Центральной Азии подобным буфером всегда являлась пустыня Гоби. Для скифов и гуннов щитом выступало Черное море, не дававшее возможности охватить их с фланга. В случае нападения можно было постепенно откатываться на восток, как поступили скифы в войне с древнеперсидским царем Дарием в VI в. до н.э. Половцы подобного барьера не имели. Переходя границу лесостепи, славяне сразу вторгались в Дикое поле. В-третьих, никакое объединение кочевников невозможно без существования сильного лидера, который выказывал бы способность преодолеть сепаратизм племенных вождей. В русских летописях неоднократно упоминаются имена известных вождей

Половецкие вежи. Радзивилловская летопись. Список XV в.
Библиотека Академии наук СПб.

половцев – Боняка, Шарукана, Кончака. По всей видимости, ни один из них не обладал такими же способностями, как Аттила или Чингисхан.

Первый контакт между славянами и половцами произошел в 1055 г. Уже через несколько лет в 1060 г. половцы совершили набег на Черниговскую землю. Князь Святослав Ярославич разбил в несколько раз превосходящее войско кочевников на р. Снови. Однако уже в январе–феврале 1061 г. половцы снова вторглись в пределы Руси. «Се бысть первое зло на Руську землю от поганых безбожных враг».

В период раздробленности Руси половецкие кочевья то и дело терзали приграничные княжества своими набегами. Они представляли серьезную опасность для Руси. Летописи полны горестных записей под тем или иным годом: «Створи бос я плач велик у земле нашей, и опустели города наши, и быхом бегуще и перед врагом нашим». В 1068 г. войска трех князей Ярославичей – Изяслава, Святослава и Всеволода – были разбиты половцами. В 1092 г. Русь охватила сильная засуха. Половцы совершили рейд на несколько княжеств. На следующий год они предприняли новый поход, и дружина русских князей претерпела разгром, на Руси было захвачено много пленников. «Много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде», – так описывает страдания русских пленников летописец. Полонян половцы продавали в рабство византийским и венецианским купцам. По этой причине князья были вынуждены заключать с половецкими

вождями мирные договоры и дипломатические браки. Через некоторое время половцы оказались включенными в систему внутренних взаимоотношений между княжествами. Они принимали участие в княжеских междоусобицах в качестве наемников, принимались на службу в дружину и воевали в качестве вассалов. Только Ольговичи использовали их в качестве союзников не менее чем полтора десятка раз.

Уже было сказано, что половецкая степь (Дешт-и-Кыпчак) располагалась по соседству с древнерусскими княжествами. Это давало возможность князьям вторгаться в глубь вражеской территории. В случае погони нагруженные скарбом повозки кочевников не могли уйти от погони всадников без обоза. Этим обстоятельством удачно пользовался князь Владимир Мономах. В 1095 г. он совместно со Святополком Киевским совершил поход в степь, взял богатую добычу и множество пленников. В 1111 г. он совершил рейд по половецким вежам, разрушил несколько укрепленных поселений, взял большой полон. «И скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками». В 1113 г. был совершен еще один поход, в результате которого погибли два десятка половецких вождей, не считая простых воинов и добычи в виде скота, домашнего скарба и женщин. Князь «пил золотым шеломом Дон и приемшую землю их всю». После похода 1116 г. силы половцев оказались подорваны, что вынудило их откочевать подальше от русских земель.

На некоторое время славяне получили передышку. Однако во второй половине XII столетия, пользуясь раздорами князей, куманы снова стали совершать походы на Русь. Война велась с переменным успехом. За период с 1147 по 1210 гг. половцы осуществили десятки набегов на различные древнерусские княжества. Особенно страдали от набегов Киевская и Переяславская земли. Только на Киевщину половцы вторгались около 30 раз (примерно раз в пять-шесть лет). В ответ на это князья совершали карательные рейды в степь. Нередко походы приносили богатую добычу. Так, в 1170 г. состоялся поход на Дон, чтобы обезопасить торговые пути на Русь. В результате князья «взяша полону множество».

В апреле 1185 г. состоялся печально известный поход Игоря Святославича на половцев. В нем участвовала рать в 6–8 тыс. человек. 1 мая в районе Севского Донца войско Игоря наблюдало солнечное затмение, повергшее их в ужас: «оузревше и видиша всю и поникоша главами и рекошу моужи княже се есть на на добро знамение се». Войска прошли примерно 200 км и наткнулись на половецкий стан. Они захватили добычу и остались здесь пировать. Наутро они были окружены половцами. Князья решили выходить из окружения пешим строем. Битва продолжалась три дня. Большинство участников похода погибли или попали в плен. Не избежал полона и сам князь Игорь. Русские княжества снова оказались открытыми для набегов кочевников.

Фактически до самого монгольского нашествия половцы продолжали вторгаться в Русскую землю, принимали участие в княжеских усобицах, участвовали на стороне галичан в войне против венгров. Но в 1123 г. испуганные силой монголов они примчались на Русь с просьбой о защите: «Аще не поможета намъ, мы ныне исечени быхомъ, а вы наутрее исечени боудете». Рюриковичи приняли решение поддержать печенегов и вывели свои дружины в степь. 31 мая состоялось трагическое для русских князей сражение на р. Калке. Тумены Субедея и Джебе разбили коалицию союзников. Дальнейшая история половцев связана с их завоеванием войском Бату-хана и включением их в состав населения своего улуса.

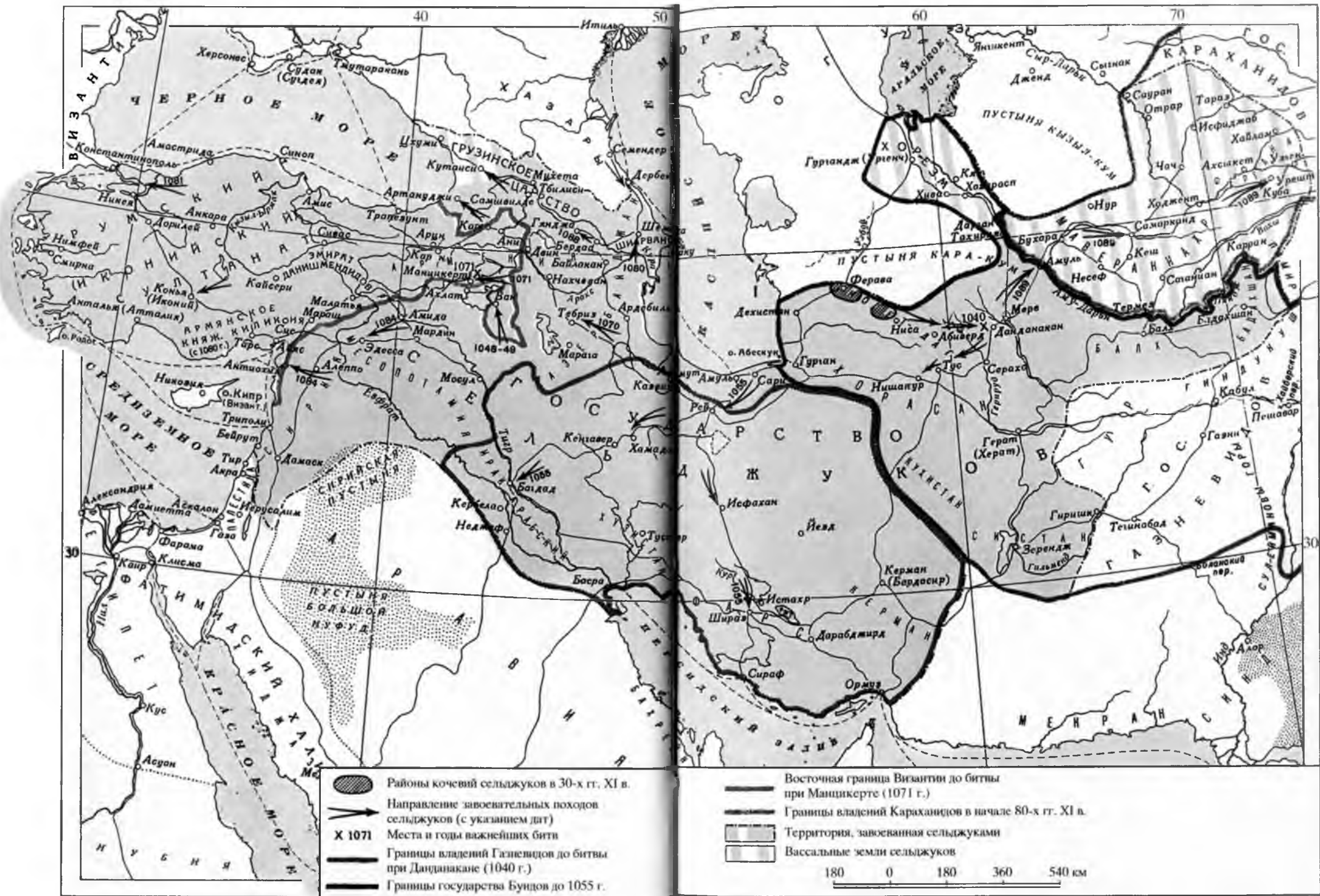
Со времен Тюркского каганата в Семиречье обитали кочевые огузские племена (*гузы* арабских источников), которые обособились от их восточной ветви (*токуз-огузов*). Мифологические, легендарные и исторические предания огузов известны под общим названием «Огуз-наме». Хранителями и исполнителями эпоса являлись певцы-озаны, сопровождавшие свою декламацию аккомпанементом на кобузе (кобызе) – двухструнном смычковом музыкальном инструменте. Сводом эпических сказаний огузов является «Книга моего дела Коркута на языке племени огузов», сложившаяся среди азербайджанских тюрок и записанная в XV–XVI вв.

Во второй половине VIII в. огузы покинули Семиречье и перекочевали в низовья Сырдарьи, а в IX–X вв. – в бассейн Сырдарьи и в Приаралье. Центром раннего государства огузов, с характерными для него сильными пережитками родоплеменного строя, являлся расположенный в низовьях Сырдарьи город Йангикент. Глава огузского племенного союза (состоявшего из 24 племен) носил тюркский титул *йабгу*, но его власть ограничивало народное собрание. Продвижение огузов в культурные области Средней Азии сопровождалось их исламизацией и распространением сведений о них в мусульманском мире. Подробный перечень и генеалогию 24 огузских родов приводят Махмуд Кашгарский (последняя четверть XI в.), автор написанного по-арабски, но содержащего образцы тюркских наречий сочинения «Свод турецкой лексики» («Диван лугат ат-турк»), и персидский историк XIII – начала XIV в. Рашид ад-Дин.

Среди огузских племен особенно выделялись сельджуки, получившие свое название по имени их полулегендарного предводителя Сельджука ибн Тугака. Усиление сельджуков проходило в постоянных столкновениях с эмирами Хорезма, Бухары и Газны. В 20-х годах XI в. сельджукам удалось захватить земли в предгорьях Копет-дага и на Балханах. На новом месте они столкнулись с войсками Махмуда Газневи, который разгромил сельджукские кочевья и выселил часть сельджукских орд (4 тыс. семей) в область Северного Хорасана. Оттуда они стали просачиваться дальше на запад – в западное Прикаспье и Иран.

Сельджуков возглавляли несколько вождей, главными из которых были внуки Сельджука, братья Чагрилбек и Тугрилбек. Последний в 1038 г. занял Нишапур, где был провозглашен султаном (1038–1063). В 1040 г. при Данданакане Тугрилбек наголову разгромил армию газневидского эмира Масуда ибн Махмуда (1030–1041) и стал хозяином Хорасана. После разгрома Газневидов часть сельджуков осталась в Средней Азии, а другие отправились на Ближний Восток. Между 1040 и 1050 гг. сельджуки захватили Хорезм и почти весь Иран, а в 50-х годах XI в. – Азербайджан и Курдистан.

Убежденный суннит, Тугрилбек провозгласил себя защитником халифа от узурпировавших власть Бувайхидов и в 1055 г. легко овладел Багдадом Халиф ал-Каим (1031–1075) объявил его «султаном и царем Востока и Запада». Тугрилбек первым официально носил этот титул, потом его же удостоились Газневиды, а впоследствии он стал весьма распространенным.

Государства Сельджукидов в конце XI в.

Кувшин Ахсикет (Фергана). XI в. На тулове надпись «Сделал Ахмад» © Государственный музей искусства народов Востока, Москва

Как и поверженные им Бувайхиды, Тугрилбек полностью лишил халифа всех светских полномочий.

После смерти Тугрилбека его сын Алп-Арслан (1063–1072) завоевал Армению и Восточную Грузию (1064 г.), а в августе 1071 г. при Манцикерте нанес сокрушительное поражение крупной армии византийского императора Романа IV Диогена (1067–1071), в состав которой входили также армянские, грузинские и русские отряды. В результате византийское господство в Армении сменилось на сельджукское. Нашествие сельджуков вызвало массовое бегство армян из пределов Армении; они переселились в Киликию – историческую область на юге современной Центральной Турции, где образовали Киликийское армянское княжество (с 1198 г. – царство) во главе с династией Рубенидов (1080–1375).

Действуя в качестве союзника египетских Фатимидов, стремившихся с помощью сельджу-

ков обезопасить свои границы в Сирии от набегов бедуинов, сельджукский полководец Атсыз в 70–80-х годах XI в. захватил Палестину и Сирию. На востоке в последней трети XI в. сельджуки покорили караханидские княжества в Мавераннахре. В результате военных походов сельджуков образовалось огромное государство, простиравшееся от Амударьи и границ Индии до Средиземноморья. Династию султанов, правившую этим государством в XI–XII вв. (1038–1194), принято называть династией Великих Сельджукидов.

Своего расцвета держава Сельджукидов достигла при сыне Алп-Арслана султана Малик-шахе I (1072–1092), в правление которого завершилось складывание государственных структур, начатое еще при Тугрилбеке. В отличие от своих предшественников, носивших тюркские имена, Малик-шах взял себе имя, составленное из араб. *малик* и перс. *шах* (оба слова имеют значение «царь»). Столицей государства Сельджукидов Малик-шах сделал иранский Исфахан и быстро воспринял образ жизни своих мусульманских подданных.

Государство Сельджукидов в пору своего расцвета при Малик-шахе носило черты относительно централизованного государства, основные административные принципы которого были заимствованы у Аббасидов и Саманидов. Верховным владыкой и собственником всей земли в государстве Сельджукидов считался султан, власть которого передавалась по наследству

от отца к сыну. Второй фигурой в государстве являлся вазир, руководивший системой центральных учреждений и ведомств (диванов). Центральная администрация дублировалась провинциальными структурами с четким разделением гражданских и военных властей, однако на практике централизованный аппарат управления не мог справиться с сепаратистскими настроениями на местах (в частности в Сирии).

Сельджуки, не имевшие собственного развитого аппарата управления, привлекали на государственную службу образованных лиц из местного населения, оставляя за собой ведение военных операций. Одним из иранцев, перешедших на службу к Сельджукидам, был Абу Али Хасан Туси, больше известный под именем Низам ал-Мулк (1064–1092), – могущественный вазир султанов Алп-Арслана и Малик-шаха. Низам ал-Мулк был выдающимся государственным деятелем, автором персоязычного трактата об управлении «Книга о правлении» («Сийасат-наме»), в котором он изложил свои принципы государственного строительства. За образец государства Низам ал-Мулк почитал суннитские империи Аббасидов, Саманидов и Газневидов.

Для реализации своих планов Низам ал-Мулк ввел новую систему подготовки чиновников и суннитских богословов. Преподавание религиозных наук, которое ранее велось в порядке частной инициативы в соборных мечетях или молельнях, он перенес в специальные учреждения – медресе (*мадраса*), каждое из которых располагало более или менее значительной библиотекой. Благодаря тому, что в медресе преподаватели и студенты (*талибы*) содержались за казенный счет, государство получило возможность контролировать весь учебный процесс. Одной из главных целей новой системы образования была антииитская пропаганда.

Прежнее родоплеменное ополчение сельджуков при Малик-шахе было заменено постоянным войском. Оно комплектовалось в основном из рабов-мамлюков, которых привозили из Средней Азии, обращали в ислам и обучали военному делу. Став профессиональными военными, мамлюки обретали свободу, и некоторые из них делали блестящую карьеру, дослуживаясь до высоких должностей.

Воины и чиновники получали условные земельные держания, дававшие им право на присвоение части доходов с земельных наделов в качестве жалованья. При Сельджукидах система «икта́» получила дальнейшее развитие по сравнению с бувайхидским периодом. Во-первых, изменился порядок исчисления доходов: «мукта» получили право собирать налог в таком размере, который позволял бы им содержать подведомственное ему войско. Во-вторых, сельджуки разрешили передавать «икта́» по наследству, что привело к складыванию автономных в фискальном отношении крупных земельных владений, выходивших из-под контроля государственной администрации. Уже при Малик-шахе образовались султанаты, в которых правили ветви династии Сельджукидов, лишь номинально зависимые от Великого Сельджука.

Наряду с мусульманскими принципами организации государства, заимствованными у покоренных ими персов и арабов, сельджуки сохранили и некоторые черты политического устройства кочевых народов. К ним относятся, в первую очередь, семейная концепция власти, когда империя рассматривалась как собственность всей семьи, а не отдельных ее членов, и таким образом функция руководства могла принадлежать нескольким братья-

ям или осуществляться старшим сыном умершего правителя. Это порождало частые междоусобицы, ослаблявшие государство. Первая междоусобная война разгорелась еще в первой половине 60-х годов XI в., после смерти Тугрилбека, когда за власть боролись сначала двое его племянников – Алп-Арслан и Сулейман, а затем Алп-Арслан, уже ставший султаном, и его двоюродный дядя Куталмыш. Малик-шаху также пришлось отстаивать свои права на престол, которые оспаривал его дядя Кара-Арслан Кавурд.

В государстве Сельджукидов сохранялся также институт *атабеков* (букв. «дядька, отец-опекун») – наставников, советников и воспитателей при малолетних принцах-наследниках, которым давались в управление отдельные области сельджукской державы. Атабеки, приобретавшие большое влияние на своих воспитанников, нередко отстраняли царевичей от власти и объявляли себя независимыми правителями. Так, в Дамаске укрепилась атабекская династия Буридов (1104–1146), в Мосуле – Зангидов (1127–1222), в Иранском Азербайджане – Идельгизидов (1137–1225), в Фарсе – Салгуридов (1148–1270), а в Луристане – Хазараспидов (1148–1424) и ряд других.

В 1092 г. Низам ал-Мулк был убит, а через месяц скончался Малик-шах. Его смерть положила начало распаду империи Сельджукидов. Сыновья Малик-шаха в течение ряда лет оспаривали власть друг у друга: 1092–1094 гг. были периодом двоевластия: в Рее правил Беркьярук, а в Исфахане – другой сын Малик-шаха, малолетний Махмуд I (1092–1094).

Одержав верх над Махмудом, Беркьярук (1094–1105) стал верховным правителем Сельджукской державы. Ему пришлось отстаивать свое первенство и в борьбе против своего дяди Тутуша (1078–1095), эмира Сирии и Палестины, который угрожал Исфахану, а через несколько лет после разгрома армии Тутуша Беркьярук был уже вынужден отражать атаки своего брата Мухаммада. Братья заключили договор, разграничив сферы влияния: Беркьяруку, как верховному султану, отошел Центральный и Западный Иран и Ирак, а Мухаммаду, как его наследнику, – Северо-Западный Иран, Мосул и Сирия.

В восточных областях империи Сельджукидов Беркьяруку противостоял его дядя Арслан Аргун, который в 1092 г. захватил Хорасан. Сразу подавить вооруженное восстание в Хорасане не удалось, но помог случай: в начале 1097 г. Арслан Аргун был убит своим же гулямом, после чего армия Беркьярука легко овладела Хорасаном. Там утвердился сводный брат Беркьярука Санджар.

В 1118 г. умер глава династии Сельджукидов Мухаммад I (1105–1118). Против его наследника Махмуда тут же выступил Санджар, который силой заставил Махмуда заключить договор. Санджар добился своего признания в качестве главы Сельджукидов, но одновременно с этим был вынужден отдать управление западных районов империи представителям других ветвей династии. Таким образом в начале XII в. Сельджукский султанат окончательно раскололся на несколько независимых и полунезависимых владений: Хорасанский (Востоносельджукский), Иракский и Румский султанаты.

Хорасанский, или Востоносельджукский султанат был основан Санджаром (1118–1157), четвертым сыном Малик-шаха, и вся история этого государства была связана с деятельностью этого правителя. Территория султаната – вместе с вассальными Хорезмом, Систаном, Газной и Маверан-

нахром – включала в себя практически всю Среднюю Азию, Иран и Афганистан; столицей султаната был г. Мерв.

Все время правления Санджара прошло в войнах со своими вассалами, с иракскими Сельджукидами и с вторгшимися из Синьцзяна киданями. В сентябре 1141 г. под Самаркандом восточные сельджуки были разгромлены киданями, а сам Санджар еле ушел из окружения. Кидани захватили Бухару и наложили дань на хорезмшаха. Некоторое время после поражения Санджару еще удавалось поддерживать единство своей державы. Он, в частности, вернул в вассальную зависимость хорезмшаха Атсыза (1127–1156), который разграбил Бухару в 1139 г., а в 1141 г. – захватил Сарахс и Мерв и увез к себе в Хорезм султанскую казну. Санджар сначала восстановил свою власть в Мерве, а затем осадил столицу хорезмшаха Ургенч, вынудив того вернуть награбленные сокровища. В 1152 г. Санджар разгромил у Герата войско другого своего вассала гуридского султана Ала ад-Дина I, отказавшегося платить Санджару дань.

Воспользовавшись ослаблением восточных Сельджукидов, против них взбунтовались огузы, вытесненные из Мавераннахра киданями и кочевавшие в Балхской области. Огузы платили дань за пользование землей и пастбищами султана и испытывали недовольство произволом его чиновников, увеличивших размер выплат. В 1153 г. между Мервом и Балхом огузы разбили армию Санджара, а его самого взяли в плен. Вслед за этим огузы разграбили Мерв, Тус и Нишапур. В 1156 г. Санджар бежал из плена в Мерв, но нашел там пустую казну. Никто из вассалов не пришел ему на помощь. В 1157 г. Санджар умер, после чего Восточносельджукский султанат распался на мелкие владения, во главе которых встали бывшие военачальники Санджара и огузские вожди.

Иракский султанат, доставшийся Махмуду II (1118–1131), просуществовал с 1118 по 1194 г. Султанат не был централизованным государством, а представлял собой конгломерат фактически не зависимых друг от друга владений сельджукских военачальников в Сирии, Палестине, Ираке и Иране. Большая часть государственных земель была роздана эмирам в качестве «икта», что только усиливало их самостоятельность.

Политической раздробленностью Иракского султаната не преминули воспользоваться его вассалы. Так, грузинский царь Давид IV Строитель (1089–1125) прекратил выплату дани Махмуду и нанес ему военное поражение в 1121 г. Однако главными противниками западносельджукских султанов стали крестоносцы, создавшие в начале XII в. вокруг Эдессы, Антиохии, Триполи и Иерусалима свои государства, и египетские султаны Айюбиды (1169–1252). Общим врагом как Сельджукидов, так и Аббасидов были исмаилиты, под контролем которых находились несколько городов и областей Сирии и Ирана.

Одним из последствий междоусобиц, охвативших державу Сельджукидов в конце XI – первые десятилетия XII в., был рост политического влияния багдадских халифов. Получение инвеституры от халифа стало важным аргументом в династических спорах Сельджукидов. С усилением внутренней слабости Иракского султаната уменьшалась и политическая и экономическая зависимость халифов от сельджукских владык. В 1126 г. халиф ал-Мустаршид (1118–1135) прекратил выплату дани Махмуду II и сумел отразить

атаку султана, осадившего Багдад. Ал-Мустаршид и его преемник ар-Рашид (1135–1136) были убиты исмаилитами, и средневековые арабские историки отмечали, что к этим убийствам могли быть причастны и Сельджукиды. Халиф ал-Муктафи (1136–1160) пошел еще дальше и, несмотря на вооруженное сопротивление султана Мухаммада II (1153–1159), поставил под свою власть почти весь Ирак. Халиф ал-Мустанджид (1160–1170) покончил с наиболее сильным союзником Сельджукидов в Центральном Ираке – шиитской бедуинской династией эмиров Мазъадитов. Окончательную независимость халифы обрели при ал-Мустади (1170–1180), опиравшемся на поддержку Айюбидов, которые в 1171 г. вернули Египет в лоно суннитского ислама.

Расширяя территорию халифата на восток за счет владений последнего сельджукского султана Тогрула III (1176–1194), халиф ан-Насир (1180–1225) оказывал поддержку его политическим противникам – хорезмшахам. Ан-Насир рассчитывал на то, что хорезмшах Текиш (1172–1200) будет его верным вассалом. Однако желание того сохранить самостоятельность и общее усиление государства хорезмшахов при Мухаммаде II (1200–1220) заставило халифа искать ему противовес в лице исмаилитов и султанов Гура, а позднее – монголов.

Еще одна часть бывшей империи Великих Сельджуков располагалась на территории Малой Азии. Проникновение сельджуков в этот регион представляло собой продолжительный процесс кочевой миграции. В XI–XII вв. в Малую Азию переселилось около 200–300 тыс. сельджуков. По оценкам исследователей, соотношение между переселенцами и местными жителями составляло один к десяти.

Часть тюркских переселенцев были оседлыми, и они устремились в малоазийские города. Однако большую часть составляли кочевники и полукочевники, которые сохранили свой образ жизни и совершали набеги на земледельческие области Византии и Киликийской Армении. Несмотря на сравнительно небольшую численность тюрков, своими периодическими набегами они довольно быстро разрушали привычный образ жизни местного оседлого населения, которое уничтожалось, уводилось в плен или бежало с насиженных мест. Освоение тюрками византийского мира принимало различные формы – от вытеснения греков с их земель, приводившего к депопуляции территорий, до исламизации греков, оказавшихся под властью тюрков.

После победы при Манцикерте сельджуки за короткое время овладели рядом византийских городов и стали образовывать свои эмираты. В Севастии (совр. Сивас) утвердилась династия эмиров Данишмандидов (1071–1174), в Никее (совр. Изник) – эмир Сулайман ибн Куталмыш (1077–1086) из боковой ветви Сельджукидов. В 1081 г. Сулайман заключил договор с императором Алексеем I Комнином, по которому границей между владениями Византии и сельджуков признавалась р. Драконт. Никея стала столицей основанного Сулайманом Румского султаната (1077–1307), получившего свое название по арабскому наименованию Византии «ар-Рум».

Под напором крестоносцев, осадивших Никею в 1097 г., сельджуки вернули город византийскому императору. Они утратили значительную часть завоеванных ранее территорий, были вытеснены на Анатолийское нагорье, но сохранились как самостоятельное государство. Столицу султаната пере-

несли в город Иконий (совр. Конья), в связи с чем Румский султанат известен также как «(И)конийский».

В XII в. сельджукские султаны Кылыч-Арслан I (1092–1107) и Кылыч-Арслан II (1156–1192) расширили территорию султаната за счет владений Данишмандидов (в Сивасе и Малатье), которые к 1178 г. потерпели окончательное поражение в борьбе с султанами Рума. В 1176 г. при Мириокефале сельджуки разгромили армию императора Мануила I Комнина (1143–1180), что сильно подорвало военную мощь Византии. Султан Кылыч-Арслан II по древнему обычаю разделил страну на 11 уделов между своими девятью сыновьями, братом и племянником. Это надолго ввергло султанат в междоусобные войны. Изменились и внешние условия его существования.

Захват Константинополя в 1204 г. участниками IV Крестового похода привел к созданию на месте Византийской империи нескольких государств: крестоносной Латинской империи на Балканах, Никейской империи на западе Малой Азии и Трапезундской империи на южном побережье Черного моря.

В 1214 г. сельджукам удалось захватить важный черноморский порт Синоп, через который осуществлялась торговля с городами Крыма, а в 1223 г. – совершить оттуда набег на крымский порт Судак. Захват Синопа сельджуками превратил византийские владения в Малой Азии в два изолированных анклава – западно-анатолийский и понтийский, территория которых постоянно сокращалась под ударами туркмен. В первой четверти XIII в. сельджуки прорвались и к Средиземному морю (в районе Анталы), отрезав греков и киликийских армян друг от друга. В зависимость от румских султанов попало Трапезундское княжество, Эрзерум и Эрзинджан.

Заключительному этапу в истории малоазийских сельджуков посвящена историческая хроника Ибн Биби. Его подлинное имя было Насир ад-Дин Йахья ибн Мухаммад, однако оно было вытеснено прозвищем по матери, и в литературе он известен как Ибн Биби (или Ибн ал-Биби). Занимавший высокое положение в социальной иерархии – он был эмиром, – Ибн Биби написал свою хронику по заказу монгольского государственного деятеля и историка Ала ад-Дина Ата-Малика Джувейни (1226–1283). Хроника Ибн Биби была составлена им в 1282–1285 гг. на персидском языке, игравшем наибольшую роль в культурной жизни турок Малой Азии, и охватывала период с 80-х годов XII в. по 80-е годы XIII в. В XV в., уже в османскую эпоху, хроника Ибн Биби была переработана и переведена на турецкий язык придворным панегиристом Языджи-огду Али, составлявшим по заказу султана историю малоазиатских Сельджукидов «Сельджук-наме» (или «Огуз-наме»).

В 1237 г. к границам сельджукского султаната впервые подступили монголы. В 1241 г. они захватили Эрзерум, после чего стали совершать набеги на Анатолию. Султан Кай-Хусрав II (Кей-Хосров) (1237–1246) согласился платить монголам дань, но это лишь отсрочило его порабощение. В 1243 г. в долине Кёседаг монголы нанесли сельджукам сокрушительное поражение, которое навсегда подорвало могущество Сельджукидов Рума. Они стали вассалами сначала монгольских ханов, а после образования державы Хулагуидов – ильханов. В конце XIII в. государство Сельджукидов в Малой Азии распалось на отдельные княжества (бейлики).

ВИЗАНТИЯ ЭПОХИ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ И КОМНИНОВ

К X–XI вв. Византия представляла собой значительное государственное образование, включавшее разнообразные в этническом, языковом и культурном отношении территории, объединенные «под властью и покровительством» василевса.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В этот период правящей династии удалось укрепить свое положение, опираясь на достаточно эффективную работу бюрократического аппарата. Желая избежать сепаратистских тенденций аристократов и получить в лице знати союзников в деле укрепления государственности, византийские императоры пошли по пути налаживания стройной системы вертикальных связей за счет раздачи должностей и широкого распределения земель среди представителей богатейших семей и прелатов церкви. Василевсы сталкивали противоборствующие лагеря элиты и тем самым усиливали собственные позиции, ослабляя одних и возвышая других. Они стремились не только фиксировать размеры вотчин и число зависимых держателей (*париков*), но и сохранять пожалованные территории под своим контролем.

Рост крупной земельной собственности (домена правящей династии, владений магнатов и влиятельных иерархов церкви) протекал прежде всего благодаря присвоению земель свободного крестьянства, постепенно вовлекаемого в новые формы зависимости. Византийские императоры прибегали к особым способам передачи земельных фондов во временное пользование. Существовала практика предоставления *динату* (лицу, обладавшему положением и влиянием) монастырских (или иных, принадлежавших церкви) земель в рамках условного держания (*харистикий*).

Особое распространение в XI–XII вв. получила *прония*, по мнению многих исследователей, сходная с западноевропейским бенефицием и имевшая форму условного владения, при которой пожалованные земли передавались динату во временное пользование взамен реализации им ряда установленных государственной властью обязательств (преимущественно военного характера). В случае нарушения или неисполнения знатным лицом данных обещаний, правительство могло лишить его пронии. Держатель, получивший пожизненное право собирать с пожалованных земель подати, стремился передать находящиеся в его распоряжении владения по наследству. Наряду с землей динат приобретал напомилавшее западноевропейский иммунитет право «экскуссии», предоставлявшее ему привилегированное положение при уплате налогов, сборе податей, и тем самым частично выводившее владение из-под юрисдикции центральной власти.

Укрепление положения крупных собственников, получивших за счет бурного роста частновладельческих земель и расширения привилегий (в том числе судебно-административного характера) еще большую власть, сказа-

лось на статусе податного крестьянства. Под давлением налогового бремени (*ситаркии* и *капникона*) оно было вынуждено переходить с одного имения на другое и, как следствие, постепенно утрачивать личную свободу, становясь зависимым (*парики*). Вследствие имущественного расслоения византийской деревни X–XI вв. значительно увеличилось число обедневших крестьян, продававших или иным способом уступавших господину свои наследственные земли ради предоставления им субсидий. В итоге они теряли наделы и заселялись на предоставляемые знатью участки с обязательством платить ренту (как деньгами, так и частью урожая).

Положение париков было достаточно тяжелым: попадая в зависимость, они могли быть не только лишены земли, изгнаны с обрабатываемого надела за неисполнение требований господина, но и проданы вместе с имением, и даже обменены. Однако при условии длительного и непрерывного пользования землей, уплаты всех податей и исполнения ряда обязанностей парик имел шанс передать надел по наследству. Обедневшие стратиоты – крестьяне, обязанные нести воинскую повинность и обладавшие имуществом и развитым хозяйством, также могли стать париками, прикрепляясь, как правило, к вотчинам военачальников. Наряду с париками во владениях дината работали по договору вольнонаемные служащие – *мистии*; в хозяйственной жизни поместья по-прежнему заметную роль играли рабы, остававшиеся к X–XI вв. одной из наиболее востребованных (хотя и архаичных) категорий зависимых людей.

Дополнительным фактором усиления позиций византийской аристократии явилось постепенное вытеснение «государственной» ренты, которую выплачивало податное население центральной власти, рентой в пользу местного дината. Данная практика приводила к накоплению значительных финансовых ресурсов в руках знати, что способствовало ее дальнейшему обособлению и лишало казну империи регулярного притока налоговых взносов, необходимого для содержания армии и обеспечения выбранной василевсом политики.

С введением в IX в. и утверждением в последующие столетия многоуровневой системы налогообложения, включавшей уплату «димосия» (поземельного налога), «синона» (хлебного налога), «капникона» (подымного налога) и «энномия» (хозяйственного налога), значительно усилился процесс разложения сельской общины. И все же несмотря на все возрастающую социальную дифференциацию в византийской общине сохранялись черты внутреннего единства, что нашло отражение в фактах земельного совладельчества, а также «солидарной ответственности» (*аллиленгий*) в виде уплаты свободными крестьянами коллективного налога. Тем не менее расслоение общины, разделение держателей на «богатых» и «бедных» приводило к попаданию части крестьян в зависимость. Замещение свободных общинников париками повлияло на финансовое благосостояние центральной власти. Осознав важность возмещения дефицита денежных средств и чрезмерную консолидацию элиты, василевсы пошли на ряд мер, призванных ограничить распространение парикии и расширить императорский домен за счет включения в него обширных (пустующих и невостребованных наследниками) земель после истечения срока давности. Для сохранения экономической и правовой независимости членам общины предоставлялось исключительное право выку-

па сельскохозяйственных угодий. На законодательном уровне (например, в новеллах императора Василия II) значительно ограничивались возможности династов присваивать земли свободных держателей. Политика центральной власти ориентировалась прежде всего на консервацию сельской общины, на недопущение усиления процесса разложения, признаком которого являлись пустующие территории.

Крупная земельная собственность в Византии не была иерархической. Василевс, стоявший во главе системы государственного аппарата власти, не имел устоявшихся связей с подданными, подобно западноевропейским вассально-сеньориальным. Основу земельного фонда аристократии, чаще всего рассредоточенного в разных провинциях империи (фемах), кроме наследственных территорий, составили имения, пожалованные государем представителям знатных родов за службу.

Важным и весьма распространенным в XI–XII вв. инструментом упрочения связей василевса и крупных землевладельцев (как светских, так и церковных) было предоставление им права взыскания налогов в определенных государственной властью землях (*солемния*). Тем не менее несмотря на многие меры императорам так и не удалось обрести в лице крупных собственников союзников, готовых в любой момент встать на защиту интересов правящей династии.

В распоряжении знати находились обширные земельные угодья, работники (разной формы зависимости) и даже собственные военные отряды; единственное, чего ей не хватало – это полного иммунитета. Богатые и влиятельные семьи все же были обязаны платить налог в пользу государства, представлять в случае необходимости в судах империи; увеличение земельного фонда находилось под неусыпным контролем василевса. Ограничение властных прерогатив крупных землевладельцев вызывало недовольство, и представители знатных родов и военной верхушки пытались провести своих ставленников в императоры, но встречали сопротивление находящегося у «кормила власти» высшего чиновничества. Противостояние двух лагерей аристократии, боровшихся, по сути, за принципиально различные способы распределения финансовых ресурсов, сказалось на ходе внутривизантийского развития византийского государства X–XI вв.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД

Подъем византийских городов, начавшийся в середине IX в. и достигший апогея в X–XII вв., был связан, главным образом, с торговой деятельностью и повсеместным распространением ремесленного производства. Появляется новый тип объединений производителей – ремесленные и торговые корпорации. Жизнь данных организаций, для вступления в которые требовалась уплата вступительного взноса, регламентировалась властями: так, деятельность свободных торговцев и ремесленников Константинополя, объединившихся в корпорации, протекала сообразно с правилами, зафиксированными в уставе – «Книге Эпарха» (X в.).

Византийские объединения принципиально отличались от западноевропейских цехов. Корпорации получали широкую поддержку городских вла-

стей, которые способствовали приобретению необходимого сырья, мест для сбыта товаров, устранению конкурентов со стороны «вольных торговцев», получению налоговых привилегий, но благодаря этому они оказывались в их подчинении. Чиновники, нередко самовольно, в обход мнения членов корпорации, назначали главу организации и обязывали ремесленников и торговцев следовать предписанным правилам; под их контролем находились финансовые и организационные вопросы (подбор персонала, характер производства и определение размера оплаты труда). Но несмотря на значительные ограничения свободы корпораций, их члены были заинтересованы в протекции со стороны городских властей, которые обеспечивали объединениям масштабные заказы светской и церковной знати.

Распространение ремесленных мастерских, в которых изготавливались предметы роскоши (ювелирные украшения, обрамленное драгоценными камнями оружие, ткани) и декоративно-прикладного искусства, а также вещи, необходимые для повседневной жизни (предметы обихода, изделия из глины и стекла), наряду с технологическими новациями (применение в мореходстве косо́го паруса), стимулировало внешнюю торговлю.

Крупнейшим центром ремесла и торговли являлся Константинополь. Он издавна славился изготовлением дорогостоящих тканей, утвари и украшений и экспортировал свою продукцию по всему миру.

В декабре 1171 г. в Византийской империи побывал Вениамин Тудельский – раввин из королевства Наварра, посетивший Месопотамию, Грузию, Сирию, Палестину и Малую Азию. Он оставил путевые заметки, в которых подробно описал столицу ромеев Константинополь: «...в город приходят купцы из земли Вавилонской из Месопотамии, Персии, Мидии, всех царств земли Египетской, из земли Ханаанской (Палестины), России, Венгрии, земли печенегов, Хазарии, Ломбардии и Испании. В него стекаются для торговли со всех стран, морем и сухим путем, это шумный город; нет подобного ему ни в одной стране, за исключением Багдада... [В Константинополе] есть храм Святой Софии, и там живет греческий папа, потому что они не подчиняются римскому папе. В этой церкви столько алтарей, сколько в году дней. Ни в одном из храмов мира нельзя встретить богатства, подобного этому». Подробно, хотя и весьма предвзято характеризуя облик и поведение византийцев, путешественник замечает: «Для войны с турецким султаном они нанимают военных людей из различных народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления». Заметно утрированное (отчасти даже мифологизированное) описание Константинополя и его утопающих в роскоши жителей отражает вполне типичное для Средневековья представление о «другом» – иной культуре, одновременно привлекающей и пугающей своей загадочностью.

Провинциальные города Византии, для которых также характерно планомерное развитие профессиональных корпораций и интенсификация производства, играли заметную роль в упрочении внутреннего рынка и налаживании внешнеторговых сношений. Деятельность византийских ремесленных организаций имела определенную специализацию: Коринф и Фивы экспортировали шелковые ткани высокого качества; приморские города Малой Азии – изделия из металла (оружие), стекла и глины. Исключительное значение имели порты Восточного Средиземноморья и города, расположенные на сухопутных путях: Дамаск, Никея, Эфес.

Фессалоника установила прочные экономические контакты со славянскими государствами Балканского п-ова; городские ярмарки привлекали купцов из стран Западной Европы, Малой Азии и Руси. Византия оставалась главным центром транзитной торговли европейских держав с Востоком; города Сирии Антиохия, Дамаск и Алеппо являлись посредниками в налаживании экономических контактов империи ромеев с арабским миром. Упрочились связи с Италией, преимущественно с приморскими городами Пизой и Венецией а также с Закавказьем. Византия торговала с Причерноморьем; наряду с Фессалоникой в портовых гаванях Трапезунда и Смирны постоянно пришвартовывались корабли купцов из Европы и с Востока, вывозивших товары «греческого мира» и доставлявших ромеям предметы местного производства. Тесное сотрудничество Византии с европейскими и арабскими торговыми партнерами способствовало расцвету провинциальных городов, в которых велась застройка по образцу архитектурной планировки столицы империи.

Несмотря на интенсивное развитие внешнеэкономических связей византийские города постепенно приходили в упадок: сказывалась жесткая регламентация властями деятельности ремесленных и торговых корпораций, не имевших достаточных сил выдержать конкуренцию со стороны иностранных производителей. Развернувшееся в Константинополе соперничество византийских и итальянских торговых компаний, привело к тому, что первые постепенно уступали свои, в прошлом лидирующие, позиции на внутреннем рынке. Дополнительным фактором ослабления местного производства в Константинополе XI–XII вв. служило увеличение налогового бремени и покровительство центральных властей итальянским торговцам и купцам. Политика протекционизма доходила до того, что представители компаний Венеции и Генуи, облагавшиеся гораздо меньшими податями, чем местные корпорации, постепенно скупили значительные территории и заняли положение основных поставщиков продукции для аристократии Константинополя. Провинциальные города, избежавшие прямой конкуренции с западноевропейскими торговцами, страдали от произвола чиновников и притеснений со стороны знати. Данные обстоятельства сказались на характере, объемах и темпах византийского ремесленного производства, предопределив его скорую стагнацию.

УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРИЕЙ

В истории византийской империи период X–XII вв. отмечен перестройкой структуры государственного управления, направленной на устранение разногласий в деятельности властных институтов, их последующую централизацию и четкое распределение функций, а также созданием разветвленной системы ведомств (*секретов*) и, как следствие, усилением позиций василевса – «владыки христианской ойкумены».

По пути реформирования устаревших механизмов властвования пошел император Лев VI Мудрый (886–912). Он унифицировал существовавшие к тому времени титулы, чины и ранги, создал иерархическую модель должностей и положил тем самым начало серьезным преобразованиям в области

государственного управления; его политику продолжили потомки – представители Македонской династии (867–1056).

Император, возглавлявший политическую иерархию и концентрировавший в своих руках все рычаги воздействия на чиновничество, определял состав и характер деятельности административных органов. Бюрократический аппарат зависел от воли василевса, тот выплачивал служащим жалование и предоставлял им ряд привилегий. Учреждения, обладавшие фискальными, судебными и военными функциями, отвечавшие за контролирование налогообложения и пополнение казны, ведение международных контактов и военное обеспечение, на практике утверждали сильную централизованную власть императора. Совет высшей знати (*синклит*) не имел реальной силы: только в условиях политического кризиса знатнейшие люди империи, союзники василевса, могли встать на защиту интересов сюзерена и правящей династии. Особыми «скрытыми» функциями обладали члены курии – спальничие и евнухи; не располагая действенными способами воздействия на политику Византии, они, находясь в ближнем кругу императора, могли постепенно направлять волю василевса в нужном им направлении. С течением времени спальничие (*парахимонены*), насаждавшие в системе управления своих ставленников и притязавшие на определенные полномочия, становились децентрализующей силой.

Государь не только определял стратегию развития державы ромеев и дворцовую политику, но также направлял деятельность синклита и контролировал систему имперского управления, фактически замкнувшуюся на фигуре василевса. Тем не менее он был вынужден ради сохранения власти за своими потомками ввести институт «соправительства», что увеличило шансы наследника на преодоление сопротивления сановной знати и законное получение престола.

Даже после создания единой структуры управления, связывавшей василевса, глав столичных ведомств (*логофетов*), чиновников на местах, военных и других членов политической иерархии, к XI–XII вв. в Византии по-прежнему повсеместно господствовала коррупция. Весьма популярна была практика покупки должностей.

Налаженная работа ведомств и учреждений государственной власти не остановила постепенный упадок феодальной структуры, в которой на смену возглавлявшему ее стратигу пришел обладавший полномочиями в сфере гражданского судопроизводства претор; высшая военная юрисдикция была сосредоточена в руках главы отряда наемников – тагмы. Наиболее крупные пограничные военные округа (*катепанаты*), представлявшие особый интерес для василевса, переходили под контроль наместников, которые с течением времени устраивали на данных территориях частные наследственные владения. Активизировалась роль военных поселенцев (*акритов*), являвшихся заметной силой, стоявшей на защите рубежей византийской империи.

Получив значительные земельные угодья, почетные, увеличивающие влияние государственные должности, обретя привилегии и новые prerogatives, византийская аристократия с новыми силами вступила в борьбу за престол. С 1055 до 1071 г. на троне сменилось четыре императора; страну разрывали постоянные восстания, организованные знатью. Борьба гражданских и военных сил за политическое господство определила характер

развития обуреваемой постоянными мятежами империи. Только Алексею I Комнину (ок. 1057–1118) удалось, опираясь на поддержку родственников, а также провинциальной военной знати, сломить мощную оппозицию магнатов и лишить столичных вельмож прежнего влияния. С победой мятежного полководца над Никифором Вотаниатом, утверждением превосходства «милитаризованной партии» и приходом к власти новой династии Комнинов, в Византии наступил временный мир.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ

На протяжении IX–XI вв. успехи империи в области внешней политики перемежались с дипломатическими неудачами и военными поражениями. Благодаря активному курсу Василия II Болгаробойцы (958–1025) держава ромеев значительно расширила свои границы. Византии удалось отвоевать у ослабевшего Арабского халифата Крит, Кипр и часть Малой Азии, в результате изнурительной продолжительной войны захватить Болгарию, вынудить сербов и хорватов признать верховное главенство василевса и присоединить некоторые кавказские области (с утверждением протектората в Армении и Грузии). Однако во второй половине XI–XII в. империя столкнулась с новым мощным противником, турками-сельджуками, и потерпела от них ряд поражений: в 1071 г. в битве при Манцикерте султан Алп-Арслан разгромил греческие войска, пленил Романа IV Диогена (1068–1071) и включил Армению и Малую Азию в свои владения; в 1176 г. при Мириокефале отряды сельджуков снова нанесли решительное поражение армии василевса. Алексей I Комнин с помощью рыцарей I Крестового похода сумел вытеснить сельджуков во внутренние районы Малой Азии, тем самым на время обеспечить безопасность границ.

Часть принадлежавших ромеям территорий была отторгнута норманами: благодаря успешной военной кампании герцогу Роберту удалось в 1071 г. завоевать Южную Италию. С севера Византии угрожали печенеги: поражение Алексея I Комнина в битве при Доростоле (1088 г.) значительно ухудшило положение империи. Печенегам удалось не только захватить часть земель (Филиппополь), но и своим агрессивным наступлением привлечь как внешних (эмир Чаха), так и внутренних (богомилы) врагов державы ромеев. К началу 90-х годов XI в. нестабильность в стране, вызванная возрастающим давлением неприятеля, была настолько глубока, что Алексею I Комнину ничего не оставалось, как обратиться за помощью к западноевропейской знати и половцам. Благодаря успешной стратегии императору удалось 29 апреля 1091 г. в битве при Эносе разгромить орды печенегов, оттеснить их от границ Византии, а заодно (путем хитроумных дипломатических манипуляций) нейтрализовать притязания эмира Чаха. Последовательность Алексея I Комнина в деле защиты империи и сохранения ее территориального единства принесла плоды: он сумел вернуть значительную часть византийских владений в Анатолии.

Приход к власти династии Комнинов на время остановил череду внешнеполитических неудач: ромеи отвоевали земли, прежде захваченные сельджуками; вели успешные военные операции, направленные на ослабление нор-

маннов – дипломатической победой являлся подписанный в 1108 г. Алексеем I Комнином и Боэмундом Тарентским Девольский договор. Это помогло отдалить перспективу раздробленности. Византийские императоры, надеясь любым доступным им способом сохранить территориальную целостность государства, делали ставку на заключение военных и династических союзов с европейскими монархами. Однако такая тактика, за редким исключением, не принесла реальных результатов.

Важным направлением византийской внешней политики было поддержание дипломатических отношений с Древнерусским государством, впоследствии вылившихся в прочные союзнические связи. На протяжении IX–XI вв. русы постоянно совершали вооруженные набеги на империю. В согласии с некоторыми из заключенных по итогам военных кампаний договоров (особенно 907/911 г.) им предоставлялись значительные привилегии (возможность ведения беспошлинной торговли); часть военной элиты русов в виде наемной силы была принята в византийскую армию. Исключительное значение в истории русско-византийских отношений имеет договор 987 г.: киевский князь Владимир Святославович, согласившись поддержать Василия II в его борьбе с оппозицией (Варда Фока), потребовал в награду руку сестры василевса Анны; греческая сторона в качестве одного из условий исполнения договора обязала Владимира принять христианство (см. с. 382).

Вместе с необходимостью преодоления оппозиции византийской знати и устранения внешней угрозы, исходившей от турок-сельджуков, норманнов и печенегов, императорам предстояло столкнуться с серией еретических движений. Богомилы, впервые появившиеся в Болгарии и досаждавшие официальной власти, обличали порочность духовенства, а также взяточничество местных чиновников. Они указывали на ущербность всей системы управления, ориентированной исключительно на удовлетворение интересов богатейших людей страны.

Учение богомилов, получившее широкую поддержку крестьян, части городского населения и военных, было во многом родственно идеям укрывшихся от гонений в Македонии и Фракии павликиан, имевших множество последователей в Армении. Массовые народные и еретические выступления, нередко отражавшие больше интересы аристократии, чем плебса, то и дело угрожали целостности империи: в 1040 г. Болгарию потрясло восстание Петра Деляна, в 1042 г. недовольным произволом чиновников удалось захватить дворец василевса, свергнуть и ослепить Михаила V Калафата, в 1078 г. около Месемврии разыгрался мятеж богомилов под предводительством Добромира, в 1078–1079 гг. разразился бунт павликиан, наконец, в 1147 г. по о. Корфу прокатились масштабные выступления против власти.

Несколько раз восстания богомилов и павликиан вспыхивали в Филиппополе; после первой военной неудачи еретиков они вновь собрались с силами, выдвинулись в 1084 г. против Алексея I Комнина и благодаря заключенному союзу с печенегами, а также умелому руководству полководца Травла нанесли византийской армии сокрушительное поражение. Позднее василевс все же сломил сопротивление мятежников.

Наряду с усмирением «светских» бунтовщиков, императорская власть стремилась искоренить всякое религиозное инакомыслие – еретичество не только вредило христианским устоям, но и угрожало социальной и полити-

ческой стабильности государства, возбуждая в представителях низших слоев общества желания свергнуть существующий строй. Василевс, считавший себя защитником Православной церкви («общины верных»), наставлявшей людей в вере и направлявшей души к спасению, видел в ней политического союзника, игравшего важную роль на дипломатической сцене.

Произошедший в 1054 г. раскол между Православной и Католической церквями повлек за собой глубокие последствия для Византии. Столкновение константинопольского патриарха Михаила Кирулария, инициировавшего закрытие ряда придерживавшихся латинской литургической практики обителей в Южной Италии, и римского понтифика Льва IX способствовало увеличению расхождений (прежде всего догматических) между церквями и их дальнейшему обособлению друг от друга. Развернувшаяся полемика между византийскими иерархами и папским легатом Гумбертом привела к взаимным обвинениям и последующему отлучению. Предав 16 июля 1054 г. друг друга анафеме, представители церквей лишь несколько лет спустя смогли прийти к временному соглашению. Тем не менее схизма не была преодолена, и ее влияние отчетливо прослеживается на характере крестоносного движения.

Постоянная угроза со стороны врагов (сельджуков, норманнов и кочевников), внутренние раздоры, приводившие к дестабилизации аппарата управления, и недостаточно развитая армия вынуждали василевсов искать союзников. Набеги печенегов на византийскую империю диктовали Алексею I Комнину необходимость ведения переговоров с западноевропейскими рыцарями (1095 г.), которые могли бы силой своего оружия защитить рубежи державы ромеев. Уже говорилось, что первоначально благодаря участию крестоносцев византийцам удалось отвоевать у турок-сельджуков значительные территории в Малой Азии (включая Смирну и Эфес) и существенно укрепиться в этом регионе. Однако постепенно роль «латинского воинства» переставала быть исключительно союзнической: возрастало количество мелких стычек и масштабных столкновений населения с крестоносцами. Проникнувшие в крупные города венецианские и генуэзские купцы, все прочнее утверждались в жизни византийского общества, разоряли, как уже упоминалось, местных производителей и постепенно замещали греческие ремесленные и торговые корпорации, прежде являвшиеся основными поставщиками товаров для аристократии, итальянскими компаниями.

ПОСЛЕДНИЕ ВАСИЛЕВСЫ

На волне народного недовольства в мае 1182 к власти пришел Андроник I Комнин (1182–1185). Представитель правящей династии, сын высокопоставленного придворного (севастократора), он, прошедший через заключение и вынужденные скитания по Руси и странам Востока, путем искусных политических комбинаций, козней, заговоров и убийств достиг трона. Андроник ничем не гнушался: по его приказу умертвили дочь Мануила I Марию и ее мужа Раймонда Монферратского, казнили вдову василевса Марию Антиохийскую. Для упрочения положения Комнин связал себя узами брака с юной дочерью французского короля Людовика VII Агнессой – невестой убитого по его повелению малолетнего императора Алексея II.

Недолгое правление Андроника I, за которое ему удалось претворить в жизнь ряд реформ по отмене практики продажи должностей, унификации налогов, ликвидации чиновничьего произвола и коррупции, знаменовало усиление среди населения недовольства активностью иностранцев (итальянских купцов и крестоносцев) и углубление кризиса в византийско-европейских отношениях. Последовательный во внутренней политике Андроник I Комнин не преуспел на ниве дипломатии – турки-сельджуки заняли г. Сополь (Малая Азия), венгры и сербы захватили стратегически важные города в Далмации и на Дунае, норманны, подстрекаемые византийской оппозиционно настроенной знатью, взяли Диррахий (Драч) и Фессалонику (1185 г.). Своей «пронародной» ориентацией василевс («крестьянский царь», как называл его Ф.И. Успенский) возбудил против себя наиболее влиятельных аристократов, и те время от времени организовывали военные выступления и мятежи «самозванцев», направленные на свержение власти. На Кипре поднялось восстание, во главе которого стоял провозгласивший себя «императором» Исаак Комнин. В результате одного из заговоров, инспирированного знатью при поддержке части простого люда Константинополя, 12 сентября 1185 г. Андроник I Комнин был схвачен и казнен; трон перешел к представителю новой династии – Исааку II Ангелу (1185–1195).

Правление Ангелов (1185–1204 гг.) знаменовало упадок Византии: истощение военных (как армии, так и флота) и финансовых ресурсов страны, являвшееся следствием бессилия центральной власти, укрепляло сепаратизм и увеличивало угрозу внешнего вторжения. От державы ромеев отделились Кипр, Трапезунд, утрачена Далмация, от греческой власти освободились Сербия и Северная Болгария – ранее единая великая восточнохристианская империя распадалась на части. Ослабление Византии, вызванное помимо всего постоянными беспорядками и социальными волнениями и мятежами знати, было использовано западноевропейскими государствами – крупнейшими феодалами и прелатами церкви. Венецианская республика, давний соперник державы ромеев в средиземноморской торговле, добилась изменения маршрута IV Крестового похода: отряды рыцарей, прежде направлявшиеся к Палестине и Сирии, повернули к Константинополю. Новое «византийское направление» отражало интересы как римского папы, желавшего установить свое главенство над Православной церковью, так и германских феодалов и итальянских компаний, стремившихся (в том числе за счет расширения торговых миссий) увеличить собственное влияние на Востоке.

Поводом для вторжения в пределы империи послужил династический конфликт, итогом которого стало свержение Исаака II Ангела и утверждение ставленника оппозиции Алексея III (1195–1203). Бежавший в Италию сын Исаака II Алексей в начале 1203 г. обратился за помощью к западноевропейским феодалам, прежде всего к германскому императору Филиппу Швабскому, женатому на дочери смещенного василевса и заинтересованному как в новых территориальных приобретениях, так и в расширении влияния Католической церкви. Просивший восстановить легитимного правителя (т.е. Исаака II Ангела) на троне, царевич Алексей тем самым дал крестоносцам идеальный повод для вмешательства во внутренние дела империи: отряды рыцарей, возглавляемые Бонифацием Монферратским, захватили принадлежавший венграм город Задар в Далмации, а затем летом 1203 г. осадили и ок-

купировали Константинополь. Благодаря силе «латинского оружия» оппозиции удалось отстранить Алексея III, восстановить в правах слепого Исаака II Ангела, вновь провозглашенного императором, а его сына Алексея сделать соправителем. За участие крестоносцев в реставрации законного строя Исаак и Алексей обещали выплатить им значительную сумму – 200 тыс. дукатов. Однако в опустошенной казне не нашлось средств, и осенью 1203 г. между византийцами и западноевропейскими рыцарями разразился конфликт.

Правление Исаака II и Алексея было недолгим: на волне массовых народных выступлений к власти в начале 1204 г. пришел представитель рода Дук Алексей V (05.02.1204–13.04.1204), прозванный «Мурзуфл», т.е. «Насупленный». При первом вооруженном столкновении с рыцарями Генриха Фландрского плохо подготовленная и состоявшая по большей части из наемников армия Алексея V потерпела сокрушительное поражение; при отступлении византийцы оставили древнюю икону Богоматери «Палладиум Константинополя».

12–13 апреля 1204 г. после осады и разграбления Константинополя крестоносцами Алексей V бежал из города, укрывшись в Месинопле. Все его попытки найти союзников среди византийской знати (в том числе в лице изгнанного Алексея III Ангела) не увенчались успехом. Алексея V ослепили, а затем отдали в руки крестоносцев, которые казнили императора, сбросив его с колонны Феодосия в Константинополе. Со смертью василевса Византия, потеряв последний шанс сохранить территориальную целостность, распалась в начале XIII в. на несколько самостоятельных государств.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Политические преобразования, проводимые на протяжении X–XII вв. императорской властью и направленные на масштабное обновление бюрократического аппарата и формирование профессионального состава высшего чиновничества, накладывали глубокий отпечаток на развитие византийской культуры. Василевсы стремились предстать в глазах людей «мудрецами на троне», поэтому всегда покровительствовали искусствам, благоволили ученым мужам (причем не только профессорам, но и студентам), поддерживая их материально и одаривая высокими должностями; власть практически никогда не оставалась безучастна к процессам, происходившим в сфере культуры и духовной жизни. Образованность составляла одну из важнейших добродетелей императора. Ум государя ценился не меньше, чем талант полководца, а владение пером превозносилось порой выше мастерства воина. «Величайшим из василевсов» считался Константин Багрянородный (913–959), оставивший несколько энциклопедических трактатов, имеющих исключительную историческую ценность: «Об управлении империей», «О фемах», «О церемониях византийского двора». Прославивший среди современников знатоком Священного Писания и христианского богословия Алексей I Комнин активно привлекал к государственному управлению переводчиков, правоведов, нотариев; он также выступал инициатором учреждения специальной школы, предназначенной для детей погибших на полях

сражений воинов, и повышения образовательных критериев, предъявляемых к будущим высшим иерархам церкви.

Низкое происхождение не мешало талантливым людям подняться по иерархической лестнице и достичь определенных высот: знаменитый философ, математик, физик и естествоиспытатель Лев Математик был возведен в митрополиты, а Михаил Пселл, на протяжении ряда лет состоявший советником василевсов, возглавил философскую школу. Не только мужчины, но и женщины могли получить образование и преуспеть в науках. Ярчайшим примером является жизнь и творчество «тринадцатой музы» Анны Комнины (1083–ок. 1153/1155) – дочери византийского императора, талантливой писательницы, автора знаменитой, прославляющей деяния Алексея I Комнина «Алексиады».

Нередко единственным условием приобретения знаний и учености была способность оплатить услуги *дидаскала*. Именно материальная составляющая часто препятствовала проникновению в «сокровищницу мудрости» простолудин – крестьян и городской бедноты.

Развитие византийской культуры X–XII вв. опиралось на античное наследие: приложение классической образовательной модели на практике привело к утверждению системы преподавания «тривиума» и «квадривиума». Начальные навыки чтения и письма, общие представления о библейской истории, христианском вероучении и греко-римской культуре византийцы, изучавшие Псалтырь, произведения Гомера и Эзопа, получали в элементарных, чаще всего частных школах; также существовали первичные образовательные учреждения при храмах и монастырях (например, при Нарсийской обители). В Византийской империи X–XII вв. сложилась разветвленная система школ: многочисленные светские и церковные центры учености находились как в Константинополе, так и в других городах державы ромеев; в них любой мог, освоив грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, музыку, астрономию и физику, приступить к постижению «чистого знания» – богословия.

Важной вехой в эволюции византийской системы образования стало появление в IX в. в Константинополе высшей школы (иногда называемой в историографии «университетом»), размещавшейся в Мангаврском зале дворца василевса. Данное учреждение носило светский характер, преподавание в нем велось по четырем дисциплинам – грамматике, геометрии, астрономии и философии. В следующем, X столетии, Константин VII Багрянородный основал школу, структура и система обучения в которой походили на организацию предшествующего центра. Иначе была устроена Константинопольская высшая школа, созданная в середине XI в. Константином IX Мономахом; на двух ее подразделениях, философском и юридическом, готовились квалифицированные кадры для государственного аппарата.

Как элементарные, так и высшие учебные заведения Византии X–XII вв. являлись проводниками античных знаний. Ставший впоследствии «ипатом» философов в школе Константина IX Михаил Пселл (1018–ок. 1096/1097) был одним из тех, кто возрождал традиции классической культуры в области философии и риторики. Последователь античного неоплатонизма и тонкий знаток древних авторов, Пселл оставил обширный корпус сочинений по философии, праву, логике, астрономии, медицине, математике, музыке и

грамматике, в том числе историко-мемуарную «Хронографию», «Логiku» и «Всеобщее наставление». В них он претворял в жизнь идею симфонии интеллектуальных достижений эллинистическо-римского мира и христианского Откровения. Его стремление разделить сферы действия веры и разума, богословия и философии, положившее начало тенденциям к рациональному объяснению важнейших вопросов человеческого бытия, повлияло на творчество ближайшего ученика, знатока диалектики, Иоанна Итала (вторая половина XI в.), осужденного церковью за приверженность к аристотелизму, повлекшему ошибочные, признанные еретическими, воззрения (1082 г.).

Заметных успехов в XI–XII вв. достигли естественные науки – новый уровень познания законов природы в связи с развитием человека-микрокосмоса нашел отражение в трактате Симеона Сифа «Общий обзор начал естествознания»; с введением индийских (арабских) цифр расцветают математические дисциплины; благодаря использованию трудов Аристотеля и позднейших комментаторов расширяется система представлений византийских ученых о происхождении и строении животных. В целях совершенствования медицины и фармакологии в XII в. была организована специальная школа при больнице монастыря Пантократора.

Огромное значение в складывании «научной картины мира» византийцев имеют изыскания Евстратия Никейского (ок. 1050–1120), который систематизировал античные представления о земле и Вселенной. Наряду с постижением «благородного знания» интеллектуалы интересовались «суетной наукой» (Михаил Пселл) – астрологией, видя в ней, вопреки предостережениям авторитетных ученых, практический способ объяснения поведения людей с помощью движения звезд. Например, Михаил Глика открыто критиковал императора Мануила за его любовь к астрологии.

Достижения в области агрикультуры были сведены по поручению Константина VII Багрянородного в уникальный энциклопедический сельскохозяйственный труд «Геопоники». Греческая хронография X в. представлена сочинением Льва Диакона (950–ок. 1000) «История» (ок. 990 г.).

Вместе с расцветом светских наук процесс систематизации византийского богословия, начатый во второй половине VIII–начале IX в. в условиях жесткой религиозной полемики («Источник знания» Иоанна Дамаскина, Федор Студит), получил продолжение в X–XII вв. Мистическое понимание христианского Откровения и тайн мироздания характерно для Симеона Нового Богослова (949–1022), учение которого, по словам И. Мейендорфа, «нелегко укладывается в привычные богословские и церковные рамки».

Глубокие трансформации, происходившие в научных областях знания, также затронули сферу византийской литературы. В XI–XII вв. рождается новое направление словесности, связанное с реалистическим (предельно конкретизированным) изображением действительности – наиболее ярким примером принципиально иного подхода к видению различных сторон жизни общества является творчество Христофора Митиленского. В работах другого видного поэта-профессионала Феодора Продрома дается детальная картина быта и стиля мышления придворного общества XII в. Постепенно на задний план отходят традиционные жанры византийской литературы (памятники агиографии, литургическая поэзия), уступая место явлениям, связанным прежде всего с глубоким психологизмом и индивидуальностью.

Обретение мощей Климента Римского близ Херсонеса. Миниатюра из Менология императора Василия II. XI в. Ватиканская библиотека, Рим

В XI–XII вв. большой популярностью пользуются эпические, соединяющие исторические и легендарно-мифологические элементы фольклорных преданий («Дигенис Акрит»), а также эротические произведения. Широкое хождение имеют написанные на народном языке сочинения сатирического, обличительного содержания, пересматривающие устоявшиеся эстетические каноны и этические нормы поведения и отражающие «предренессансные» изменения в сознании как самих авторов, так и читательской аудитории.

Не только философия и литература, но и искусство, а также архитектура подверглись основательному изменению: на смену традиционной для Византии базилики пришла крестово-купольная форма храмового строительства; масштабная планировка сменяется малой по объему. В памятниках зодчества XI–XII вв. – церкви монастыря Хора в Константинополе, церкви св. Пантелеймона в Фессалонике, церкви монастыря Дафни близ Афин – отчетливо проявились черты строгости внешних форм и красочности внутреннего пространства (мозаика, фреска, икона), изысканности убранства. Храм–«образ мира» являлся в своем монументальном величии свидетельством торжества Православия, восхваляющего Бога и Его творения. В византийском искусстве на первый план вышла практика изображения лика, основанная на акцентировании не физической (с достаточной долей реализма), а духовной составляющей. Высокого художественного уровня достигло декоративно-прикладное искусство – изделия из слоновой кости, глины и книжная миниатюра.

РАССЕЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Расселение восточнославянских племен в лесостепной зоне Восточной Европы – одна из последних волн миграций эпохи Великого переселения народов – по древнейшим достоверно славянским археологическим памятникам начинается в конце V – начале VI в. н.э. *Пращско-корчакская* и *пеньковская* культуры охватывают в это время территорию от Эльбы на западе до Среднего Днепра на востоке и Нижнего Подунавья на юге. Дальнейшее продвижение восточных славян на север и северо-восток в лесную зону охватило к IX в. земли вплоть до Ладожского озера, верховьев Волги, Волго-Окского междуречья и верховьев Дона.

В середине I тысячелетия в сочинениях византийских и римских писателей (Прокопия Кесарийского, Менандра Протектора, Иордана) появляются первые упоминания славян, которые обозначаются двумя этнонимами: «словене» (др.-рус. словѣне, греч. Σκλαβηνοί – «склавины», лат. slavi/sklavi – «славы/склавы») и «анты» (греч. Ἄνται, Ἄντης, лат. antae). Первое являлось общим наименованием славян (не только восточных), второе относилось к юго-восточной их группировке с иранским субстратом, обитавшей в лесостепной зоне.

Характер древнейших восточнославянских общностей (до IX в.) восстанавливается по скудным, разрозненным и подчас косвенным данным крайне неопределенно. В позднейших греческих, латиноязычных и русских источниках упоминается до 100 наименований славянских (среди них около 10 восточнославянских) племен. Доминирующий способ образования восточнославянских этнонимов от названия местности указывает на то, что они возникли в ходе миграций как обозначения новых, территориальных общностей вместо старых, кровнородственных. В них выделились военные вожди и, вероятно, профессиональный военный слой (дружина) – о крупных военных походах антов сообщает ряд византийских историков. В это же время в лесостепной зоне среди многочисленных селищ появляются укрепленные рвами и земляными валами городища, что свидетельствует об усилении властных структур, способных организовать значительные массы людей. Основу хозяйства составляло земледелие, особенно продуктивное в лесостепной зоне, и пастбищное скотоводство.

На протяжении VIII–IX вв. в среде восточнославянских племен происходят существенные социально-политические сдвиги. Называемые в летописях «княжения» полян, древлян, северян, дреговичей, радимичей и других занимали большие территории, являли собой, вероятно, объединения более мелких родственных племен и возглавлялись князьями и родовой знатью – старейшинами. Мощным стимулом для перерастания этнополитических объединений в ранние государства, наряду с расширением пахотных земель и ростом прибавочного продукта (в лесостепной полосе), явилось формирование трансконтинентальных торговых путей, связавших Западную Евро-

пу через Балтийское море и реки Восточной Европы с арабским Востоком и, позднее, с Византией. Важную роль в освоении путей и осуществлении торговой деятельности играли скандинавы, которых уже с VII в. привлекал север Восточной Европы прежде всего как источник пушнины, высоко ценившейся в Западной Европе.

На протяжении VIII в. система североморско-балтийских коммуникаций продлевается на восток через Финский залив в Ладожское озеро, образуя макробалтийский регион, и через разветвленную речную сеть достигает Верхней, а затем и Средней Волги – Балтийско-Волжский путь, восточный отрезок трансконтинентальной магистрали. Возникновение в середине VIII в. на Волхове торгово-ремесленного поселения в Ладоге, а столетием позже – поселения на Городище под Новгородом, где размещался скандинавский гарнизон, а позднее находилась княжеская резиденция, свидетельствует об активном использовании этого пути. Уже в конце VIII в. купцы с европейского Севера и из Арабского халифата встречались в богатых городах Волжской Булгарии, начинается обильный приток арабского серебра в Восточную Европу и Скандинавию. Древнейшие клады восточных серебряных монет – дирхемов, оставленные скандинавами (на многих монетах процарапаны руны, изображения оружия и ладей, символы северных языческих культов), сосредоточены в Ладоге и ее окрестностях вплоть до Финского залива, а в IX–X вв. распространяются по всей территории Руси, в Восточной Прибалтике, на о-ве Готланд и в Восточной Скандинавии. Обильное поступление высококачественного серебра в эти регионы имело столь важное значение для их экономического развития, что в основу древнерусской денежно-весовой системы лег арабский дирхем.

В это время в финно-скандинаво-славянской контактной зоне на Северо-Западе Восточной Европы возникает и распространяется наименование *русь* (греч. Ῥῶς, лат. Rhos, нем. Ruzzi, араб. *ар-рус*). По принятому большинством исследователей мнению, оно происходит от финн. Ruotsi (эст. *Rootsi*; в современных финских языках – «Швеция»), которое отражает древнескандинавское слово **rōþ(e)R* – «гребец, участник похода на гребных судах». Самоназвание скандинавских, по преимуществу шведских отрядов было воспринято финским населением еще в VI–VII вв., когда на землях прибалтийско-финских племен появляются скандинавские поселения и скандинавы начинают проникать в глубь Восточной Европы.

Вторая, трансевропейская, магистраль, называемая «Повестью временных лет» «Путем из варяг в греки», формируется на протяжении IX в. и с X в. приобретает не только международное торговое, но и внутрирусское административно-политическое значение. Балтийско-Днепровский путь обеспечил прямой выход на богатые рынки Византии и Переднего Востока. Это было тем более важно, что военно-торговым экспедициям русов в страны Арабского халифата препятствовал Хазарский каганат, контролировавший устье Волги. Интенсивное использование этого пути также вызвало появление ряда торгово-ремесленных центров и контрольных пунктов – в Гнёздове (у Смоленска), Шестовице (у Чернигова) и других, а также бурный рост Киева.

Одновременно с двумя меридиональными водными путями складывается и еще один трансевропейский путь – сухопутный, идущий в широтном

направлении, который связал Центральную Европу через Среднее Поднепровье со Средним и Нижним Поволжьем (Волжской Булгарией и Хазарией) и выводил на Великий шелковый путь, тянувшийся вплоть до Китая.

Трансконтинентальные пути определили преимущества геополитического положения восточнославянских земель – на пересечении мощных потоков ценностей, разнокультурных импульсов и влияний. Возможность участия в дальней торговле притягивала к ключевым участкам путей местную знать, получавшую доступ к источнику легкого и быстрого обогащения, способствовала стратификации восточнославянских общностей, консолидировала и укрепляла центральную власть – все это в совокупности ускоряло процессы восточнославянского политогенеза.

Знакомые с восточноевропейским миром по рассказам купцов-очевидцев, арабские писатели второй половины IX в. (Ибн Хордадбех и другие, чьи сочинения известны в переложениях авторов X в. Ибн Русте, ал-Истахри и др.) отличают народы *ас-сакалиба* и *ар-рус*, в которых современные исследователи видят славян и скандинавов. Первые – оседлые земледельцы со специфическими земледельческими культами, вторые – купцы и воины, которые взимают со славян дань, реализуемую затем в торговых операциях, и захватывают в плен славян, которых затем продают на Востоке в качестве рабов. Сходную картину для середины X в. рисует и византийский император Константин Багрянородный, знавший росов не понаслышке – его имя стоит под русско-византийским договором 944 г.: обосновавшиеся к этому времени в Киеве росы в осенне-зимний сезон собирают дани со славян-«пактиотов» (т.е. в соответствии с договором-пактом), а летом везут добычу на рынки Константинополя.

Процессы государствообразования протекали одновременно в нескольких регионах восточнославянского мира: в Поволховье, Среднем Поднепровье, Посемье, возможно в полоцком Подвинье.

На Северо-Западе на протяжении IX–X вв. складывается широкая зона, экономически связанная с Балтийско-Волжским путем (до Ярославского Поволжья на востоке и Белоозера на севере), в узловых пунктах этой зоны формируется сеть поселений, отмеченных скандинавским присутствием и восточными импортами (Псков, поселения у дер. Крутик на Белоозере, у дер. Тимерёво в Ярославском Поволжье, Городок на Ловати и др.), там встречаются многочисленные клады арабских монет. Главенствующее положение в регионе занимают Ладога, торгово-ремесленный центр, населенный преимущественно славянами, но также финнами и скандинавами, и Городище под Новгородом. Согласно летописному «Сказанию о призвании варяжских князей» (под 862 г.), в условиях внутренних раздоров знать местных славянских и финских племен пригласила правителем Рюрика (др.-сканд. *Ngørekr*) с дружиной – нейтральную военную силу, способную блюсти общие интересы и оборонять регион от вторжения отрядов викингов. Летописцы XI – начала XII в. существенно переосмыслили местное древнее предание, отражавшее историческую память о событиях второй половины IX в.: Рюрик, – вероятно, предводитель одного из многих военно-торговых варяжских отрядов, действовавших на Балтийско-Волжском пути, заключивший договор-«ряд» с местной знатью, преобразился в «Сказании» в первого легитимного правителя Руси и основателя династии русских правителей, просуществовавшей

до конца XVI в. Ему было приписано основание Новгорода (который возник в 30-е годы X в.) и власть над территорией, объединенной Балтийско-Волжской системой коммуникаций: от Полоцка и Изборска на западе до Ростова Великого и Белоозера на северо-востоке и востоке.

Другим важнейшим регионом зарождения государственности было Среднее Поднепровье, где климатические условия более благоприятствовали производящему хозяйству и где поэтому процессы социальной стратификации, обособления знати и формирования потестарных структур начались раньше и происходили, видимо, интенсивнее, чем на Северо-Западе. Определенное влияние на развитие этого региона оказала близость Хазарского каганата, в данническую зависимость от которого попали восточнославянские племена Левобережья Днепра – северяне, вятичи и радимичи. Славянские, прежде всего северянские, древности этого времени включают элементы хазарской кочевнической культуры, а на территории Киева, возможно, располагался хазарский форпост, осуществлявший сбор даней. Согласно «Повести временных лет», процессы зарождения государства в Среднем Поднепровье проходили в обстановке противостояния двух княжений: полян, занимавших земли на обоих берегах Днепра с центром в Киеве, и древлян, живших в Правобережье и занимавших территорию между реками Тетерев, Горынь и Припять к северу от полян с главными градами Искоростенем и Овручем. Победившие уже в X в. в этой борьбе поляне во главе с киевскими князьями варяжского корня, заняли главенствующее место в представлениях летописцев о ранней истории Среднего Поднепровья, и в летопись было включено полянское предание о происхождении их правителей. Восходящее к архаичным мифам, оно было радикально переосмыслено древнерусскими летописцами. Согласно летописному преданию, три брата Кий, Щек и Хорив и их сестра Лыбедь основывают город на Днестре и называют его Киевом по имени старшего брата, который правит племенем полян и становится родоначальником полянских князей. Подтверждая «княжеский» статус Кия, летописец, основываясь на сообщениях о реальных походах в Византию князей X в., рассказывает о поездке Кия в Константинополь и его приеме императором.

Ускорение процессов политогенеза в Среднеднепровском регионе происходит во второй половине IX в. в тесной связи со становлением широтного сухопутного пути, пересекавшего территорию древлян и проходившего через Киев, и Днепровского пути, связавшего Север с Византией и Передней Азией. Первые набеги на византийские владения известны уже в первой трети IX в. В 839 г. из Византии через Центральную Европу возвращается посольство «кагана» росов (они оказались свеонами), посланное из Восточной Европы, возможно, из Среднего Поднепровья или из Волховско-Ильменского региона. В 860 г. (по «Повести временных лет» – в 866 г.) состоялась первая осада росами Константинополя. Согласно летописной традиции, поход возглавили скандинавские вожди Аскольд и Дир, «воеводы» Рюрика, захватившие перед этим Киев. Новейшие археологические исследования позволяют относить примерно к этому времени возникновение крупного торгово-ремесленного центра на Киевском Подоле вдоль р. Почайна, сходного по топографии и функциям с Ладогой. Однако лишь в конце IX в. Днепровский путь превращается в крупнейшую магистраль Восточной Европы. Его интенсивное использование отмечается появлением комплекса поселений на

Верхнем Днепре у дер. Гнёздово в 12 км от Смоленска. Тогда же возникает и ряд других военных стоянок, торгово-ремесленных и административных центров со значительным населением скандинавского происхождения – в Шестовице под Черниговом, Седневе и в самом Чернигове (в земле северян), Китаеве и Любече на Днепре (в земле полян) и др.

ВЫХОД НА АВАНСЦЕНУ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Началом складывания Древнерусского государства традиционно считается объединение Поволховского и Среднеднепровского предгосударственных образований. Согласно устным преданиям, переработанным летописцами XI–XII вв., в 882 г. (все летописные датировки до XI в. условны) Олег (др.-сканд. *Helgi*), родич Рюрика, ставший после его смерти регентом при малолетнем сыне Рюрика Игоре (др.-сканд. *Ingvarr*), собирает разноэтничное войско, с которым движется по Днепру на юг, захватывая по дороге Смоленск (Гнёздово), Любеч, Вышгород и другие города, оставляя в них своих «мужей». Остановившись у Киева, Олег хитростью заманивает местных князей Аскольда и Дира на свой корабль, убивает их и овладевает городом. Таким образом, под его властью оказываются оба узловых региона, обеспечивавшие контроль над всей системой коммуникаций Восточной Европы. Символическим актом, прокламирующим статус нового киевского правителя, стало принятие им хазарского титула «каган» (сохранялся до 70-х годов XI в.) и эмблемы в форме двузубца (впервые – в виде граффито на арабских монетах из кладов конца IX – начала X в.), ставшего сначала родовым «знаком Рюриковичей», а с начала XI в. – лично-родовым знаком князей Рюриковичей с помощью его разнообразных модификаций.

Утвердившись в Киеве, новая военная элита, преимущественно скандинавского происхождения, приступила к покорению близлежащих славянских княжений. Вероятно, в это время формируется территория, непосредственно подчиненная киевским князьям – так называемая «Русская земля» в узком смысле, включавшая, по одной из точек зрения, земли от Переяславля Южного и Чернигова до водораздела Припяти и Днестра.

Основной формой экономического обеспечения киевской элиты – как ранее поволховской – был сбор натуральных даней с подвластного населения, часть которых удовлетворяла непосредственные нужды элиты и профессионального военного слоя, часть реализовывалась в торговле, прежде всего с Византией. К середине X в. караваны купцов-русов с пушниной, рабами, воском и медом ежегодно совершали плавания по Днепру и Черному морю в Византию. Военные походы киевских князей на Константинополь: Олега в 907 (и 911?) г. и Игоря в 941 (и 944?) г. – завершались заключением исключительно выгодных для Руси договоров, главным содержанием которых было регулирование торговых отношений: порядка приезда и пребывания на византийской территории русских купцов, правил торговли и разрешения конфликтов как в среде самих русов, так и между ними и византийцами.

Приоритет внешней торговли обусловил ряд особенностей Древнерусского государства на раннем (до 50-х годов X в.) этапе. Сложение государ-

Древняя Русь и ее соседи в IX–X вв. (до 980 г.)

ственной, т.е. для этого времени – подвластной киевскому князю, территории определялось несколькими факторами. Во-первых, присоединение к Среднеднепровской Руси новых племенных земель было важно в экономическом отношении, поскольку обеспечивало рост даней. Во-вторых, было необходимо закрепить под своей властью земли вдоль Днепровского пути, т.е. обеспечить стабильную связь между Волховско-Ильменским и Среднеднепровским регионами. Наконец, из Среднего Поднепровья по многочисленным правым и левым притокам Днепра открывались альтернативные пути на восток (на Оку и Северский Донец) через земли северян и вятичей и на запад вплоть до Дуная по местам обитания уличей и тиверцев.

Покорение киевскими князьями восточнославянских племен сталкивалось с рядом трудностей. Одной из них было хазарское влияние на Днепровском Левобережье: ближайшие к Киеву северяне и обитавшие севернее радимичи и вятичи платили хазарам дань. Проблема их «переподчинения»,

видимо, стояла достаточно остро: не случайно летописец неоднократно обращается к мотиву «хазарской дани», хотя и изображает покорение Олегом северян и радимичей как мирное соглашение с ними. Возможно, что относительно легкому присоединению этих земель к Киеву способствовало начавшееся ослабление Хазарского каганата, который уже не имел возможности контролировать отдаленные северные территории.

Другой трудностью было существование в Среднем Поднепровье сильных и самостоятельных племенных объединений, помимо полянского, древлянского и северянского. Как и поляне, эти племена населяли плодородные земли лесостепной зоны, высокоразвитое земледелие и скотоводство обеспечивали их постепенное социально-политическое развитие, выделение потестарных структур (известно о существовании у древлян в середине X в. князя и старейшин), возникновение крупных укрепленных поселений – «градов». Через земли древлян и северян проходил широтный путь из Среднего Подунавья в Хазарию; Десна и ее притоки служили важным ответвлением пути «из варяг в греки», поэтому и те и другие могли пользоваться преимуществами дальней торговли. «Повесть временных лет» сохранила воспоминания о длительной и ожесточенной, начавшейся задолго до появления Олега в Киеве, борьбе полян и древлян. Приход к власти в Киеве профессиональной военной элиты резко изменил соотношение сил. Отрывочные сообщения летописи рисуют картину острого и кровопролитного противостояния, в котором древляне неоднократно восставали против власти киевских князей. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы было убийство древлянами киевского князя Игоря (в 945 г.?), за которым последовало вторжение на их территорию войска вдовы князя Ольги, приведшее к уничтожению Искоростеня. Возможно, не столь драматично, но также силой оружия приводились в подчинение Киеву и другие племена как на северо-востоке («окняжение» земель северян и вятичей сопровождалось строительством дружинных лагерей), так и на юго-западе – с уличами и тиверцами, через земли которых открывались дополнительные выходы в Черное море и на Дунай, Олег, по летописи, «имаше рать».

К середине X в. власть над огромной территорией от Ладожского озера до Киева и от верховьев Дона до Днестра концентрируется в руках киевского князя. Однако все властные функции осуществляет княжеская дружина, которая не только составляет профессиональное ядро войска, но и выполняет административные (контроль над бывшими племенными территориями), фискальные (сбор дани), репрессивные и внешнеполитические функции. Она находится на содержании князя, доходы которого составляют натуральные дани, военная добыча и прибыль от торговли. Основными формами подчинения восточнославянских племен Киеву остаются выплата дани и участие в военных предприятиях киевских князей.

Однако различия в путях формирования двух основных «ядер» Древнерусского государства – Волховско-Ильменского и Среднеднепровского – обусловили специфические для каждого из регионов формы властных структур и заложили основы своеобразия их дальнейшего политического развития. На севере, где, как предполагается, Олег оставил своих наместников, сложилась система местного самоуправления. Рядом с княжеской резиденцией на Городище, которая сохраняется и в последующее время, в 30-е годы X в. возник-

кает Новгород как административный и торгово-ремесленный центр. Здесь сосредоточивается местная знать, осуществляющая контроль над сельской местностью, откуда поступают дани, часть которых отчисляется представителям киевского князя. Поднепровье же, находившееся под непосредственной властью Киева, было охвачено системой полкюдья. На основе сообщения Константина Багрянородного реконструируется маршрут объездов князем подвластных ему территорий для сбора дани, вероятно, предварительно свозимых в центры, получившие позднее название «погостов». Путь пролегал из Киева по правому берегу Днепра, охватывая земли древлян, дреговичей и кривичей, достигал Гнёздова на Верхнем Днепре и поворачивал обратно на юг по левому берегу через земли радимичей и северян. Вероятно, часть дани собиралась княжескими воеводами: так, дань с древлян при князе Игоре собирал его воевода Свенельд. Размер дани, видимо, не был строго фиксированным, хотя и существовала некоторая регламентация их размера, что дало основание древлянам выступить против Игоря и убить его за попытку повторного (после Свенельда) сбора дани.

Середина X в. ознаменовалась рядом новых явлений в жизни Древнерусского государства. Во-первых, происходит укрепление центральной власти. После смерти Игоря его вдова и регентша при малолетнем сыне Святославе княгиня Ольга проводит общегосударственную административно-фискальную реформу: регламентирует подати и основывает опорные пункты княжеской власти на всей территории государства, включая Северо-Западную Русь – «погосты», куда должна свозиться дань. С этого времени киевские князья сажают в крупнейших центрах Руси своих сыновей: уже при Игоре в Новгороде сидит его сын Святослав, позднее центральную власть там представляет Владимир Святославич, в Овруче (в земле древлян) – Олег Святославич. Эта практика становится особенно распространенной в конце X – первой половине XI в.

Во-вторых, регламентация дани, превращающихся в подати, расширение административных и судебных функций, взимание штрафов и торговых пошлин начинают обеспечивать русской элите более или менее прочную экономическую основу; военные походы как источник обогащения постепенно уступают место внутренним ресурсам, и внешняя торговля перестает доминировать как средство обеспечения элиты. И хотя торговые связи и в XI в., и позже продолжают играть важную роль в экономике Древней Руси, зависимость от них прекращается.

В-третьих, длительные контакты с Византией – центром восточного христианства – оказывают существенное культурное влияние на древнерусскую знать, прежде всего в конфессиональной сфере. Проникновение христианства в Восточную Европу начинается еще в середине IX в., когда после похода на Константинополь 860 г. часть «росов» принимает крещение, о чем сообщает современник и участник этих событий – константинопольский патриарх Фотий. Новая волна скандинавов-язычников, пришедшая в Киев с Олегом, смела (или отодвинула на задний план) зачатки христианства в регионе. Однако на протяжении первой половины X в. положение христианской общины в Киеве упрочивается: если в договоре с Византией, заключенном Олегом в 911 г., русская сторона приносит клятвы только по языческому обряду, то в договоре Игоря 944 г. предусмотрено два вида клятв:

русы-язычники по-прежнему клянутся на оружии, русы-христиане – целуют крест в церкви св. Ильи. Важное значение для распространения христианства на Руси имело обращение в новую веру княгини Ольги, которая, согласно летописному известию, была крещена во время ее поездки в Константинополь в 946 или 957 г. Это событие оставило глубокий след в исторической памяти и заложило основы почитания Ольги как «мудрейшей» правительницы Руси, «предвозвестницы христианской земли». Вплоть до своей смерти в 969 г. Ольга управляла государством от имени своего сына Святослава, который провел большую часть жизни в военных походах и остался в памяти летописцев великим полководцем.

Деятельность Святослава являлась отчасти продолжением внешней политики Олега и Игоря. С одной стороны, Святослав продолжил покорение восточнославянских племен, расширяя территорию Руси: подчинение вятичей (хотя вятичи, как и ранее древляне, долго еще боролись за свою независимость) открыло пути на Оку и Среднюю Волгу и в Волго-Окское междуречье. С другой стороны, несомненным успехом Святослава был разгром Хазарского каганата в ходе одного или двух походов (965 и 967 гг. ?), в результате чего Древнерусское государство получило доступ на Дон.

Главные же интересы Святослава лежали в другом регионе – Нижнем Подунавье. С 967 (968) г. открывается череда балканских войн Святослава, в начале которых ему сопутствовала удача. Заключив союз с византийским императором Никифором Фокой, который остро нуждался в союзниках против болгар, Святослав захватил северо-восточную часть Болгарии и сделал своим опорным пунктом Переяславец на Дунае (его местонахождение спорно), куда намеревался перенести столицу Руси – в место, где «вся благая сходятся»: золото и драгоценные ткани из Византии, вина из Чехии, серебро и кони из Венгрии, пушнина и рабы из Руси. Однако его попытка закрепиться в регионе вызвала острое беспокойство нового византийского императора Иоанна I Цимисхия, который направил против Святослава войско в 10–12 тыс. человек под командованием Варды Склира. Весной 970 г. Святослав вместе с теперь уже союзными болгарам и печенегами направился на юг, намереваясь захватить Константинополь, но в 120 км от него, около Аркадиополя, вынужден был вступить в сражение с армией Варды Склира, в котором, согласно византийским источникам, потерпел сокрушительное поражение (по русской летописи, Святослав дошел до Константинополя и получил «дань» – откуп от осады). Вряд ли Варде Склиру действительно удалось разгромить Святослава, поскольку в апреле следующего года против русского князя выступил сам Иоанн Цимисхий. Вскоре Иоанн захватил болгарскую столицу Преслав, откуда русскому отряду удалось прорваться в Доростол, где находился Святослав с основными силами. Последовавшее за трехмесячной осадой Доростола кровопролитное сражение не принесло победы ни одной из сторон и закончилось мирными переговорами в июле 971 г., в которых приняли личное участие русский князь и византийский император (эта встреча, как и вся византийско-русская война подробно описаны византийским историком Львом Диаконом). Остатку русского войска было гарантировано безопасное возвращение на Русь и необходимое продовольствие; восстанавливались торговые отношения, а Святослав вступал в военный союз с Византией. Однако обратный путь на Русь оказался нелегким.

В степях Причерноморья к середине X в. главной силой становятся печенеги активно используются Византией против Хазарии и Руси. Еще в 968 г. пребывание Святослава в Переяславце было прервано нападением печенегов, осадивших Киев: вернувшийся «вборзе» князь отогнал кочевников от города. Но осенью 971 г. ослабленное войско Святослава не смогло прорваться сквозь засаду печенегов (видимо, подстрекаемых Византией) у Днепровских порогов и зазимовало в устье Днепра. Весной следующего года войско вернулось на Русь, но сам Святослав был убит печенегами. С его смертью закончилась «героическая эпоха» в истории Древней Руси, отмеченная собиранием восточнославянских племен под рукой киевского князя и широкомасштабными походами на Византию.

Стремление Святослава переместить центр Древнерусского государства в Подунавье и смерть Ольги (969 г.), правившей Русью в его отсутствие, вызвали необходимость в реорганизации системы управления государством, и Святослав производит первый известный нам раздел Руси: на время своего отсутствия он отдает старшему сыну Ярополку Киев (с землями в Левобережье – северянской и радимичской), Олегу – Правобережье (древлянскую, а также, вероятно, дреговичскую и часть кривичской территории), Владимиру – Северо-Западную Русь (Новгород). Однако результатом этого раздела после смерти Святослава стала братоубийственная война, победителем из которой вышел Владимир Святославич, захвативший в 978 г. Киев.

РАСЦВЕТ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Как внутренняя, так и внешняя политика князя Владимира существенно отличалась от политики его предшественников. Основные его усилия направлены на консолидацию территории и укрепление властных структур Древнерусского государства. Он решительно уничтожает последних независимых скандинавских правителей в Полоцке, присоединяет новые регионы на западе (Перемышль, Червенские города, Среднее Побужье), усмиряет восставших радимичей и вятичей, создает систему оборонительных линий вдоль южных рубежей Руси, страдавших от нападений печенегов. Впервые в его деятельности важное место занимает формирование общерусской государственной идеологии. Видимо, в его правление формируется династическая легенда о происхождении княжеского рода от Рюрика – первого «легитимного», пришедшего к власти по договору, правителя в одной из важнейших областей Руси. Идеологической консолидации государства служит и попытка укрепить позиции язычества: по рассказу летописцев конца XI – XII в. (его достоверность подвергается сомнению), Владимир учреждает языческий пантеон в Киеве, объединивший богов балто-славянского (Перун – глава пантеона), славянского (Велес, Мокошь, Дажьбог) и иранского (Хорс, Симаргл) происхождения. Следующим шагом в этом направлении, имевшим непреходящее значение для дальнейшего развития Руси, стало принятие Владимиром христианства как официальной государственной религии. Это событие отразилось в ряде преданий, включенных как в летопись, так и в жития св. Владимира.

Летописное «Сказание о выборе вер» повествует о приходе к Владимиру представителей четырех вероисповеданий: мусульманина из Волжской Булгарии, иудея из Хазарии, христианина-«немца» из Рима и христианина, «присланного от грек». Выслушав рассказы каждого о своей религии (в «Речи философа»-грека кратко изложена библейская история и основы христианской догматики), Владимир вместе с боярами выбирает восточное христианство. Этот выбор был обусловлен всей предшествующей историей Руси с ее ориентацией на Византию и южных славян, с которыми она находилась в тесных политических, экономических и культурных связях. Истории собственно крещения Владимира посвящена «Корсунская легенда»: Владимир захватил византийский город Корсунь в Крыму (античный Херсонес, в черте совр. Севастополя) и потребовал от императоров-соправителей отдать ему в жены их сестру Анну. По настоянию византийской стороны, Владимир в 988 или 989 г. принимает крещение в Корсунь и затем женится на Анне. Вернувшись в Киев, Владимир разрушает языческое святилище, на месте которого воздвигает христианский храм («Десятинную» церковь Богородицы) и заставляет под угрозой силы киевлян принять новую веру, а в Новгород отправляет своего дядю Добрыню для крещения новгородцев («огнем»).

Принятие Владимиром христианства проходило в исключительно благоприятных для Руси обстоятельствах: византийский император Василий II Болгаробойца остро нуждался в военной помощи для подавления внутреннего мятежа и в нарушение строжайших византийских традиций согласился отдать замуж за «варвара» багрянородную принцессу, что заставило византийские власти максимально ускорить организацию русской церкви: почти сразу была учреждена митрополия в Киеве с подчиненными ей епархиями в Новгороде, Белгороде, Полоцке и Чернигове; к концу XI в. уже насчитывалось девять епархий. Однако христианство далеко не сразу распространилось на Руси: на протяжении первого столетия оно постепенно охватывало лишь верхушку общества и горожан. Лишь к концу XIII в. оно укоренилось в сельской местности.

Принятие христианства сыграло важнейшую роль в консолидации государства: оно конфессионально объединило разноэтничные народы, вошедшие в состав Древней Руси, идеологически легитимизировало княжескую власть Рюриковичей и поддерживала ее своим авторитетом. Не меньшее значение христианизация имела и во внешнеполитическом плане: Русь вошла в семью христианских народов Европы, стала полноправным партнером в системе европейских политических связей, обрела доступ к сокровищнице европейской культуры.

Внутриполитическая стабильность, которой стремился достичь Владимир, разместив в крупнейших городах своих многочисленных сыновей в качестве посадников, была нарушена после его смерти 15 июля 1015 г. Согласно летописному рассказу, Святополк, «сын двух отцов» (беременная вдова Ярополка Святославича, убитого по приказу Владимира, была взята им в жены) и главный претендент на киевский стол, устранил своих младших братьев Бориса, Глеба и Святослава, первому из которых Владимир, видимо, намеревался передать власть. Сидевший в Новгороде Ярослав, сын Владимира и полоцкой княжны Рогнеды, узнав об убийстве братьев, выступил против Святополка и после битвы у Любеча (1016 г.) вынудил его бежать. Однако в 1018 г. при поддержке своего тестя, польского короля Болеслава I Храброго

Святополк захватил Киев, а Ярослав вернулся в Новгород, где собрал новое войско, подкрепленное отрядом варягов, присланных из дружественной ему Швеции. В битве на р. Альта (1019 г.) Святополк потерпел сокрушительное поражение и бежал (обстоятельства его смерти неизвестны). В Киеве вокняжился Ярослав.

Начало его правления не отличалось спокойствием: в 1023 г. с претензией на киевский стол выступил княживший в Тмутарокани его брат Мстислав Владимирович (ум. 1036 г.). Ярослав в это время находился в Новгороде, но киевляне отказались впустить Мстислава в Киев, и он сел в Чернигове. Попытка Ярослава изгнать Мстислава в следующем году окончилась неудачей: он потерпел поражение в битве возле Листвена в Черниговской земле и бежал обратно в Новгород. Лишь в 1026 г. по предложению Мстислава был заключен мир, по которому Южная Русь была разделена: Киев с Правобережьем остался за Ярославом, Чернигов с Левобережьем – за Мстиславом. Смерть Мстислава в 1036 г. оставила Ярослава Владимировича единственным правителем Руси.

Княжение Ярослава Владимировича Мудрого (ум. 1054) – эпоха завершения процессов становления Древнерусского государства. В это время происходят кардинальные изменения практически во всех областях общественной жизни Руси. На смену дружинной форме управления государством, еще сохранявшейся при Владимире, приходят властные институты со специализированными функциями. Силловые методы борьбы за власть уступают место договорным разделам княжений, которые в последующем станут предметом соглашений на княжеских съездах. Происходит первая запись правовых норм – в 1015 г. Ярослав дает новгородцам «Правду Русскую» («Правду Ярослава»). Первый русский судебник был предназначен для ограниченного круга субъектов права – свободного городского населения, но уже через полвека он дополняется нормами, охраняющими княжеское хозяйство («Правда Ярославичей»).

В эпоху Ярослава создается государственная идеология: устанавливается общерусское прославление свв. Бориса и Глеба как небесных покровителей династии Рюриковичей и всей Руси, возникает концепция богоданности княжеской власти. Укрепляется материальное обеспечение церкви (десятина с княжеских доходов была установлена еще Владимиром): Ярослав предоставил церкви право взимания штрафов по делам, подпадавшим под церковную юрисдикцию. В своем церковном уставе Ярослав впервые законодательно разграничил сферы светского (княжого) и церковного права, передавая церковному суду юрисдикцию по вопросам семьи и брака, преступлений против нравственности, проявлений язычества и прочего; ей также подлежали духовенство и «церковные люди» (миряне, служившие в церкви, сироты и вдовы и т.п.). Ярослав делает первую попытку ослабить зависимость древнерусской церкви, подчиненной Константинопольскому патриархату, от Византии. В 1051 г. киевским митрополитом впервые стал русский священнослужитель Иларион, поставление которого состоялось, вопреки церковным нормам, не в Константинополе, а на соборе русских епископов. Написанное им незадолго до этого «Слово о Законе и Благодати» обосновывает права Руси на равенство среди других христианских народов. Возникают и получают княжескую поддержку монастыри, прежде всего Киево-Печерский, осно-

ванный, по преданию, Антонием и занявший главенствующее положение в культурной жизни Руси во второй половине XI в. В нем и в других монастырях осуществляются переводы византийских сочинений, как богословских, так и исторических, на древнерусский язык, закладываются основы летописания, создаются первые литературные произведения.

При Ярославе проводится масштабная перестройка Киева по константинопольскому столичному образцу с храмом св. Софии, Золотыми воротами и пр. В Киеве, как и в других крупнейших центрах государства, строятся новые оборонительные сооружения, возводятся соборы и церкви, в первую очередь кафедральные Софийские соборы в Новгороде и Полоцке.

Чрезвычайно расширяется круг международных контактов Руси: более или менее прочные отношения связывают молодое государство и со старыми, традиционными партнерами: Византией, Швецией и (после периода военного противостояния) с Польшей, а также с новыми партнерами – Данией, Норвегией, Германией, Францией и Венгрией. Радикально меняется характер и направление внешней политики Руси. Многочисленные, но личностные, не объединенные едиными целями контакты с Византией, Болгарией и Скандинавскими странами перерастают в систему межгосударственных отношений, в которых доминанта переносится с Византии на Запад и Север. Переориентация внешней политики диктовалась обстановкой начального периода правления Ярослава: необходимостью обеспечить себе союзников в борьбе со Святополком и поддерживающей его Польшей. Германия и Дания выступали естественными противниками Польши, Швеция была связана с Ярославом как издавна сложившейся традицией, так и новыми родственными узами – в 1019 г. Ярослав женится на дочери шведского конунга Ингигерде (в крещении Ирине). Разнообразнее становятся формы теперь уже межгосударственных отношений. Военно-политические и торговые контакты осуществляются через обмен посольствами, подвергаются регламентации и становятся предметом договоров (древнейший из известных нам, хотя его текст и не сохранился, с Норвегией 1024–1027 гг.), заключаются многочисленные династические браки: к концу своего правления Ярослав оказывается в родственных отношениях с правителями Швеции, Византии, Польши, Франции, Дании, Венгрии и Норвегии. Имя Ярослава становится широко известно в Европе.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РУСИ В XI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Важнейшим наследием Ярослава Мудрого стало не только сильное, признанное во всем средневековом мире Древнерусское государство, но и введение нового порядка престолонаследия, которое обеспечило относительную стабильность Руси вплоть до конца первой трети XII в. – начала периода раздробленности. Как и в других ранних государствах, Русь рассматривалась как родовое владение (патримоний), право на верховную власть в котором имел любой представитель правящей династии, что выливалось в войны между Святославичами в 972–978 гг. и Владимировичами в 1015–1026 гг. В основе новой системы, определенной Ярославом в его завещании-«ряде», лежал

принцип старейшинства (так называемое «лествичное право»), в соответствии с которым киевский, главный стол, наследовался следующим по старшинству братом умершего князя; при отсутствии братьев стол переходил к представителю следующего поколения – старшему сыну старейшего из братьев предшествующего поколения (если он в свое время княжил в Киеве); при смене киевского князя происходило перемещение остальных князей в города с более высоким статусом. Завещание Ярослава устанавливало главенство его старшего сына, Изяслава (1024–1078): согласно «ряду Ярослава», он не только получал княжение в Киеве, но и провозглашался верховным правителем Руси («в отца место»), остальным сыновьям выделялись меньшие уделы: Святославу – Чернигов, Всеволоду – Переяславль Южный, Вячеславу – Смоленск, Игорю – Владимир Волынский. Хотя младшие братья временами выступали против Изяслава и даже изгнали его из Киева в 1073 г. (в Киеве вокняжился черниговский князь Святослав Ярославович, а затем – Всеволод Ярославич, уступивший стол Изяславу в 1077 г.), на протяжении почти 20 лет после смерти Ярослава доминировала согласованность действий (иногда обозначаемая как соправительство) трех старших Ярославичей при главенстве Изяслава. Этот порядок помогал сохранить единство государства в качестве владения всего рода Рюриковичей, хотя и порождал межкняжеские усобицы: обделенные потомки младших или не успевших занять киевский стол старших сыновей вступали в борьбу с более удачливыми родичами (как например, Ростислав, сын старшего из сыновей Ярослава Мудрого Владимира Ярославича, умершего ранее отца).

«Ряд Ярослава» имел кардинальное значение для дальнейшей истории Руси: уделы Ярославичей послужили основой ее последующей территориально-политической структуры – княжеств второй половины XI–XIII вв. с собственными династиями, происходящими от одного из Ярославичей. Он рассматривался позднее как правовой прецедент, закреплявший княжества (или точнее «земли») за соответствующими ветвями Ярославичей как «отчинами», и в условиях усилившихся попыток передела владений «отчинный» принцип получил подтверждение на Любечском съезде князей в 1097 г. Киевский же стол, на который претендовали потомки старших Ярославичей, занимается в дальнейшем по соглашению между ними.

Новой опасностью для Руси во второй половине XI в. стали кочевые племена половцев. С 1061 г. они постоянно опустошают земли Южной Руси. Тяжелое поражение русского войска в 1068 г. привело к изгнанию киевлянами Изяслава Ярославича, который отказался вооружить горожан для борьбы со степняками, и лишь черниговскому князю Святославу Ярославичу удалось разгромить половецкое войско. В 1093 г. кочевники разбили соединенные силы Святополка Изяславича Киевского и Владимира Всеволодовича Мономаха. Это заставило южнорусских князей предпринять экстренные меры для отражения половецкого натиска. Первостепенную роль в этой борьбе сыграл Владимир Всеволодович (1054–1125), называемый Мономахом по своей матери – дочери (?) византийского императора Константина IX Мономаха. Еще при жизни отца занимая в качестве его наместника различные столы (в Смоленске, Ростове, Чернигове), он неоднократно организовывал походы против половцев. В 1093 г. после смерти Всеволода он по соглашению уступил киевский стол своему двоюродному брату, сыну старшего из Ярославичей,

Святополку Изяславичу (1050–1113) как старейшему в роде, а сам сел в Чернигове, который отдал в следующем году Олегу Святославичу, оставив за собой свою отчину Переяславль и Ростовскую землю. В 1097 г. по его инициативе собирается Любечский съезд (см. выше), одной из целей которого было создать антиполовецкую коалицию князей, однако новый виток усобиц свел усилия Владимира на нет. Лишь в 1103–1116 гг. Святополк и Мономах, а затем один Владимир, ставший после смерти Святополка киевским князем, проводят ряд победоносных походов в Половецкую землю и на два десятилетия устраняют угрозу с этой стороны.

Военные успехи Владимира Мономаха принесли ему высочайший авторитет и способствовали укреплению его власти как верховного правителя Руси. Подводя итоги своего правления, Владимир в «Поучении», предназначенном для своих сыновей, выступает идеологом сильной центральной власти, которую он и стремился поддерживать в реальной жизни. Крепкой рукой он подавлял попытки неподчинения князей, благодаря чему межкняжеские усобицы, не прекращавшиеся уже с 60-х годов XI в., несколько ослабели. В его правление и в княжение его старшего сына Мстислава Великого (1076–1132) начавшие действовать после смерти Ярослава Мудрого центробежные тенденции затормозились, была достигнута стабилизация в междукняжеских отношениях, сохранялась роль Киева как главного объединяющего центра Древнерусского государства.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУСИ

С начала XI и до второй трети XII в. произошли существенные изменения не только в политическом, но и в социальном строе и в экономической жизни Руси. Прежде всего, завершилась переориентация экономики государства с внешней торговли на внутреннее аграрное и ремесленное производство. В немалой степени этому содействовало прекращение на рубеже X–XI вв. притока арабского серебра (в связи с исчерпанием серебряных рудников в Халифате), что вызвало быстрый упадок торгово-ремесленных центров, рядом с которыми возникли или были основаны киевскими князьями новые города в качестве административных, производственных и церковных центров (Смоленск рядом с Гнёздовым, Ярославль рядом с Тимерёвым и др.). В отличие от поселений X в. они были тесно связаны с аграрной округой: в них, вероятно, поступали подати с сельского населения, в них же сосредоточивалось ремесленное производство, обслуживающее округу. Превращение сельского производства в главную экономическую опору господствующего слоя повлекло за собой изменения в отношении к земле. Если в предшествующий период государственная территория являлась владением всего княжеского рода, но реальными собственниками угодий были общины-верви, члены которых, свободные общинники-смерды, занимались обработкой земли, то с конца XI – начала XII в. начинают проследиваться следы частного землевладения, княжеского (княжеские «села» и «грады» существовали уже во второй половине X в.: Ольгин град Вышгород, село Берестово Владимира и др.), боярского и монастырского, и появляются новые социальные группы

зависимых людей – холопы, закупы и др. Однако упоминания этих групп появляются только в Пространной редакции «Русской правды», составленной, вероятно, при Владимире Мономахе, в «Правде Ярославичей» (1072 г.) о них речь не идет.

Появление частного землевладения оказало значительное влияние на положение и структуру самого господствующего слоя. Естественное расслоение внутри дружины – по опыту и возрасту – дополнилось превращением старших дружинников в землевладельцев, из чего вытекала их экономическая независимость от князя. Землевладельцами, видимо, становились и уцелевшие представители старой родовой знати, и княжеские наместники, и другие чиновники. Особенно четко прослеживается процесс становления боярского землевладения в Новгородской земле: благодаря берестяным грамотам стало возможным установить принадлежность некоторых сел, разбросанных на обширной территории, определенным боярским родам, жившим в Новгороде.

Вместе с тем, в конце XI – первой трети XII в. предпосылки будущего раздробления государства на более или менее независимые княжества продолжают нарастать. В этот период формируются крупные боярские вотчины, усложняются и специализируются властные институты, упорядочивается система материального обеспечения церкви. На севере продолжается активная колонизация Беломорья, Подвинья и Предуралья из Новгорода и Суздаля.

Древнерусское государство существовало в форме совокупности династически единых и политически тесно взаимодействующих, но самостоятельных земель-княжений.

Со смертью Мстислава Владимировича (1132 г.) начинается новый этап в истории Древнерусского государства – эпоха раздробленности. Она ознаменовывается во второй половине XII в. острой борьбой князей за Киев, который постепенно утрачивает свое политическое значение; нарастающей политической и экономической независимостью от Киева отдельных княжеств, дробящихся на уделы; образованием в них самостоятельных княжеских династий, большинство из которых принадлежало к роду Владимира Мономаха. Вместе с тем, Киев остается церковным (митрополией) и культурным центром, символом идеи общерусского единства. Сохраняется и архаическое представление о нем как о владении всего княжеского рода, что служит обоснованием смены в нем представителей разных ветвей Рюриковичей и объясняет стремление князей получить «причастие» (долю) в Русской земле в узком смысле, т.е. сесть в Белгороде, Переяславле Южном или Вышгороде.

Провозглашенный на Любечском съезде «отчинный» принцип привел к обособлению нескольких крупных княжеств и земель как отчин одной из ветвей Рюриковичей. Как уже сказано, большинство княжеских династий удельного времени восходят к Владимиру Мономаху: во Владимиро-Суздальской земле утверждаются потомки его сына Юрия Долгорукого (1097–1157), в Смоленске – внука Ростислава Мстиславича, в Галиче и на Волыни – сына Мстислава. Лишь в Чернигове сохраняют отчину потомки внука Ярослава Мудрого Олега Святославича – Ольговичи, и в Полоцке не прерывается династия, ведущая начало с конца X в. от сына Владимира и Рогнеды Изяслава. В Новгороде, где в 1126 г. восторжествовала традиция приглашения князя, собственной княжеской династии не сложилось, здесь соперни-

чали местные боярские группировки, связанные с киевскими или владими́ро-суздальскими домами (изредка приглашаются смоленские князья). На Руси устанавливается полицентрическая политическая система, при номинальном главенстве Киева.

Развитие крупной земельной собственности привело к возрастанию политической роли местной светской (боярство) знати (наибольшей остроты противостояние боярства и князя достигло в Галиче и Владимире-на-Клязьме). Возрастает роль городов, число которых неуклонно множится (в 30-е годы XIII в., по подсчетам В.А. Кучкина, их насчитывалось до 336). Городские советы, использующие поддержку горожан, выступают в роли корпораций сеньоров. Центры обособившихся княжеств становятся, как правило, и средоточием церковных округов, епархий (ко времени монгольского нашествия их насчитывалось 16), что существенно увеличивало авторитет кафедральных городов и укрепляло власть местных княжеских династий.

ПЕРИОД РАЗДРОБЛЕННОСТИ НА РУСИ

Уже в княжение младшего сына Владимира Мономаха Ярополка (1132–1139) в борьбу за киевский стол включаются черниговские Ольговичи во главе с Всеволодом Ольговичем, который после смерти Ярополка захватил Киев и удержался в нем ценой многочисленных уступок волостей и городов недовольным Мономашичам. Его попытки закрепить Киев за Ольговичами и по соглашению с другими князьями, которые даже целовали на этом крест, передать княжество своим братьям – Игорю, а затем Святославу, успехом не увенчались. Через несколько дней после вокняжения Игоря Ольговича киевляне пригласили на стол Мономашича Изяслава Мстиславича, сидевшего в Переяславле Южном, который быстро собрал войско и после разгрома Игоря утвердился в Киеве. Тем самым Изяслав пренебрег преимущественными правами на киевский стол своих дядей – Вячеслава и Юрия Долгорукого, с которым объединились черниговские Ольговичи, что привело к острой междукняжеской борьбе в Южной Руси. На протяжении 1149–1155 гг. Киев оказывался в руках то Юрия, то Изяслава, на пару месяцев после смерти последнего им овладел внук Мономаха смоленский князь Ростислав Мстиславич, а затем черниговский Изяслав Давыдович, пока в 1155 г. в Киеве окончательно не утвердился Юрий, который оставался киевским князем до самой смерти. В эту усобицу оказались вовлечены крупнейшие княжества Руси; ее масштабы были особенно велики, поскольку она затронула и церковь, обычно служившую установлению мира между князьями. В 1147 г. Изяслав без санкции константинопольского патриарха поставил киевским митрополитом Климента Смолятича, стремясь обеспечить себе поддержку церкви, что вызвало раскол, поскольку часть епископов Климента не признала. Церковный конфликт был урегулирован в 1155 г., когда по просьбе Юрия Долгорукого из Константинополя прислали нового митрополита.

Междоусобие 1149–1155 гг. сильно ослабило Киев, но окончательно его статус изменился в конце 60-х годов после очередного противостояния владими́ро-суздальских, смоленских и черниговских князей, последовавшего за смертью Ростислава Мстиславича. Приглашенный киевлянами Мстислав

Изяславич, внук Мономаха, несмотря на успехи в борьбе против половцев, не смог устоять перед натиском коалиции южно- и северорусских князей, созданной Андреем Юрьевичем Боголюбским. 12 марта 1169 г. впервые в истории Киев подвергся жестокому разорению, которое подорвало его политический вес. О падении роли Киева, равно как и о возвышении Владимиро-Суздальской земли, говорит уже то, что Андрей Боголюбский не сел сам на киевский стол, а посадил на него своего брата Глеба Юрьевича, а после его смерти – Романа Ростиславича.

С этого времени порядок генеалогического старейшинства при наследовании киевского стола был окончательно разрушен. После смерти Андрея Боголюбского в 1174 г. и нового витка междоусобиц в 1181 г. в Киеве установилось своего рода двоевластие: в городе по соглашению с другими князьями сел Ярослав Изяславич, а Киевская земля перешла в руки его соправителя Рюрика Ростиславича, однако реальное политическое влияние имел старейший среди всех Мономашичей владими́ро-суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.

К середине XII в. на первый план выходят четыре крупнейших политических образования: Черниговское, Владимиро-Суздальское, Смоленское княжества и Новгородская земля.

Чернигово-Северские земли охватывали территорию на Левобережье Днепра вплоть до Оки, граничили со степью и имели анклав в Тмутарокани и Муроме. Княжеская династия в Черниговском княжестве вела род от сына Ярослава Мудрого Святослава и его сына Олега. После Любечского съезда, лишившего их права на киевский стол, что, впрочем, не мешало им иногда вполне успешно (например, Всеволоду Ольговичу) бороться за него, Ольговичи получили в виде компенсации курское Посемье и ряд городов на Правобережье Днепра. За немногими исключениями все выделявшиеся удельные княжества Черниговской земли – Новгород-Северское, Муромское, Курское и Вщижское – сохранялись в руках Ольговичей.

Разветвленное семейство Ольговичей продолжало дробить Черниговское и Северское княжества на мелкие уделы и вступать в усобицы с соседними князьями. Так, сыновья Игоря Святославича Новгород-Северского в начале XIII в. вмешались в борьбу за Галич и вокняжились в нем, но их жесткая антибоярская политика (по сообщению летописи, по их приказу убили 500 бояр) вызвала восстание; братья бежали в Венгрию, но были выкуплены боярами и повешены.

Черниговские и северские князья поддерживали тесные связи со степняками, временами воюя с ними, временами вступая в союзы, часто против других русских князей, и заключая браки. Одним из ярких проявлений многогранности контактов послужили события, отразившиеся в «Слове о полку Игореве»: после успешных действий против половцев киевских князей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича весной 1185 г. в поход в степь неожиданно выступил новгород-северский князь Игорь Святославич (ум. 1201), который в трехдневной битве потерпел жестокое поражение и был взят в плен вместе со своим сыном. Немедленно половцы во главе с ханом Кончаком направились на Русь: на беззащитное Новгород-Северское княжество, на Переяславль Южный и на Киев. С большим трудом объединив силы нескольких князей, Святославу и Рюрику удалось остановить нашествие

вие половцев. Игорь же бежал из плена, некоторое время спустя возобновил союз с Кончаком и женил своего сына на сосватанной еще до похода 1185 г. дочери половецкого хана.

Два другие крупнейшие образования, Владимиро-Суздальская и Смоленская земли, были отчинами Владимира Мономаха и после его смерти закрепились первая – за его сыном, вторая – за внуком.

Владими́ро-Сузда́льская земля соседствовала на западе со Смоленским княжеством, на юге с Черниговской землей, на востоке ее ограничивала Волга, северные ее территории, включая Белоозеро, еще в начале XI в. принадлежали Ростову и служили плацдармом для дальнейшей колонизации на северо-востоке. Плодородное Суздальское ополье обеспечивало потребности в зерне не только самого княжества, но и Новгородской земли.

Получив от отца, Владимира Мономаха, Суздаль и став после его смерти суверенным суздальским князем, Юрий Долгорукий (1096/1097–1157), женатый на дочери половецкого хана, вел активную политическую борьбу, стремясь усилить влияние своего княжества. Он неоднократно сажал своих сыновей в Новгороде и претендовал на киевский стол, организовав несколько походов на Киев и трижды овладевая им, хотя и не надолго. Став киевским князем в 1155 г., Юрий, с одной стороны, раздал главные города «Русской земли» своим старшим сыновьям (правда, все они, кроме Глеба Переяславского, не смогли в них закрепиться, а Андрей Боголюбский сам ушел из Вышгорода), а младших посадил в городах Суздальского княжества. Юрий сумел существенно укрепить свое княжество, выведя его в число сильнейших, присоединил бассейн р. Москвы вплоть до Твери и основал ряд городов, в том числе Москву (первое упоминание в летописи – под 1147 г.). Города Северо-Востока быстро богатели благодаря торговле с Волжской Булгарией, тесным связям с Новгородом, куда поставлялась пшеница, а также даням с колонизируемых земель на севере. Одновременно крепло и боярство, получавшее земельные пожалования.

Усиление княжества продолжилось при сыне Юрия Андрее Боголюбском (ок. 1111–1174). Опираясь на боярство Ростова, Суздаля, Владимира и Переяславля Залесского, Андрей захватил, вопреки завещанию отца, власть в Суздальском княжестве (младших сыновей Юрия, которых тот хотел видеть на столах Владимиро-Суздальской земли, Андрей отправил в изгнание) и сделал своей столицей Владимир-на-Клязьме, что породило конфликт между боярством этих городов. В дальнейшем, участвуя в политической борьбе в южнорусских землях, Андрей не стремился сам занять киевский стол, а после успешного захвата Киева в 1169 г. посадил там своего брата Глеба. После длительной борьбы с Новгородом Андрею удалось установить над ним контроль. Однако в самом княжестве зрело недовольство боярской верхушки, что и привело к убийству Андрея, выступлениям против княжеских посадников и других министериалов. Попытка ростовских и суздальских бояр урегулировать ситуацию избранием князьями племянников Андрея успеха не имела, поскольку владимирское боярство настаивало на приглашении младших Юрьевичей – Михалка и Всеволода. Стабильность в княжестве восстановилась лишь в 1176 г. после победы последних и скорой смерти Михалки, когда владимирским князем стал сводный младший брат Андрея Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212).

В правление Всеволода было резко ограничено влияние боярства, расширена территория княжества, укрепились позиции владимирского князя в Рязани, Муроме и Новгороде, в общерусских политических делах и на международной арене. Свое влияние Всеволод поддерживал не столько военной силой, сколько дипломатическими средствами и путем династических браков с князьями Киева и Чернигова. Он был признан большинством князей старейшим представителем Мономашичей, обладал серьезным авторитетом во всей Руси и был первым князем, чей титул включил определение «великий». Однако многочисленность наследников, расширение территории, рост числа городов привели к владельческому, а затем и к политическому дроблению Владимирского княжества.

Роль *Смоленского княжества*, находившегося в XI в. под властью Киева (с 60-х годов XI в. дани со Смоленска распределялись между тремя старшими Ярославичами), в политической жизни Руси резко возрастает со второй трети XII в. Ставший киевским князем после смерти Владимира Мономаха Мстислав Великий посадил в Смоленске своего сына Ростислава (ум. 1167 г.), который стал родоначальником смоленской ветви Рюриковичей. При жизни отца он активно участвовал в его военных предприятиях (походы на чудь, Литву, Галич), но после его смерти политика Ростислава становится самостоятельной и направленной на обеспечение интересов собственного княжества. При нем расширяется территория Смоленского княжества, охватывая все Верхнее Поднепровье. В непрекращающейся борьбе киевских, черниговских и владими́ро-суздальских князей за Киев Ростислав занимал гибкую позицию, поддерживая то Юрия Долгорукого, то киевских князей, дважды (в 1154–1155 и 1159–1067 гг.) занимал киевский стол как старейший среди Мономашичей, и с этого времени Белгородское и Вышгородское «причастия» в «Русской земле», как правило, принадлежали смоленским князьям. По его инициативе в 1136 г. была учреждена Смоленская епархия, доходы которой определялись в его Уставной грамоте. Сыновья Ростислава упрочили независимое положение княжества и окончательно порвали с зависимостью от Владимира, поддерживая младших Юрьевичей в их борьбе за власть. Наивысшего расцвета Смоленское княжество достигло в первой трети XIII в., когда на киевском столе сидели смоленские князья. В отличие от других земель Смоленское княжество практически не дробилось на уделы, и в начале XIII в. смогло оказать активное противодействие продвижению Ливонского ордена в Прибалтике. Утрата Полоцком западных областей в Ливонии и его неспособность противостоять наступлению Ордена заставила смоленского князя Мстислава Давыдовича взять Полоцк и посадить в нем сына киевского князя.

В усилении Смоленского княжества в XII – начале XIII в. существенную роль играли отсутствие разорительных набегов половцев, относительная редкость усобиц между удельными князьями, а также интенсивная внешняя торговля с балтийским регионом, прежде всего с Ригой и Готландом.

Новгородская земля, включавшая территории к северу от Западной Двины и Верхней Волги и расширявшаяся на север за счет колонизируемых земель в Заволочье и Подвинье, радикально отличалась от остальных русских земель по своему политическому устройству и экономическому укладу, восходящим к временам возникновения здесь государственности. Находясь в

зоне рискованного земледелия и потому нуждаясь в регулярном снабжении зерном, Новгород процветал за счет международной торговли и промыслов.

Если в Чернигове, Владимире, Смоленске и Галиче к началу XIII в. княжеская власть в борьбе с боярством укрепляется, то в формировании политического строя Новгородской земли чрезвычайно сильны оказались (идушие из IX в.) традиции приглашения князей на основе договоров (докончаний), главными условиями которых были запрет на приобретение князем земельных владений в Новгородской земле, финансовая зависимость князя от местной власти и совместное с ней осуществление судопроизводства. Главной политической силой в Новгороде было боярство, обладавшее крупной земельной собственностью и осуществлявшее властные функции через институт посадничества, возникший, вероятно, в конце XI в., когда вместо посадников, назначаемых киевским князем, их стали избирать новгородские бояре из своей среды. В 1136 г. статус посадника как главы нового типа государства – «боярской республики» – был закреплен в конституировании «сместного» (совместного) суда князя и посадника, в котором решающее слово принадлежало посаднику. Вплоть до конца XIII в. посадничество не было регламентировано: не существовало установленного срока пребывания в должности посадника, избрание на должность зависело от влиятельности соответствующей боярской группировки, ориентировавшейся на одну из княжеских династий: владимирских Юрьевичей, черниговских Ольговичей, киевских Мстиславичей или смоленских Ростиславичей. Победа боярской группировки вела к приглашению нового, союзного ей князя. В межклановой борьбе широко использовалось вече (его преемственность от народных собраний догосударственного времени – предмет дискуссий) – сходки горожан, созываемые в целях силовой поддержки одной из группировок.

Важную роль в процветании Новгорода играли международные связи, прежде всего с Балтийским регионом: Скандинавскими странами, Германией, в XIII в. – с городами Ганзейского союза. Регулярная торговля способствовала обогащению принимавшего в ней участие боярства, выделению и усилению профессиональных купцов, которые уже в XII в. образуют гильдию при церкви Ивана на Опоках, а также интенсивному развитию ремесел, ориентированных на рынок. На рубеже XI–XII вв. в Новгороде появляется первый купеческий иноземный двор («Готский двор»), обладавший правом самоуправления; к концу столетия возникает «Немецкий двор» (ганзейская контора). Интенсивная торговая деятельность как иноземных купцов в Новгороде, так и новгородских в «заморье» регулировалась торговыми договорами (первый реконструируемый договор относится к 1024–1028 гг., древнейший сохранившийся договор датируется 1191/1192 г.). В Новгороде торговля контролировалась посадниками и купеческими организациями. Благодаря отсутствию собственной княжеской династии в Новгородской земле феномен удельной раздробленности не проявлялся, и она сохранила целостность.

Несколько особняком в политической жизни Руси довольно долгое время стояло *Полоцкое княжество*, которое являлось наследником независимой политики конца IX в., князь которой Рогволод был убит Владимиром Святославичем, взявшим силой в жены Рогнеду Рогволодовну. Через несколько лет Владимир отдал Полоцк ей и ее сыну Изяславу, ставшему родоначальником полоцких Рюриковичей. Участие в борьбе за киевский стол, в результате

которой Всеслав Брючиславич, внук Изяслава, на некоторое время стал киевским князем, окончилось в 1129 г., когда киевский князь Мстислав Владимирович выслал полоцких князей в Византию и посадил в Полоцке своего сына Изяслава. Однако через десять лет после вокняжения Всеволода Ольговича в Киеве полоцкие князья смогли вернуться назад и начать борьбу за главный стол между собой. В ходе этой междоусобицы Полоцкая земля подверглась разделению на несколько небольших уделов: Витебский, Минский, Друцкий и др. Слабые удельные княжества вступали в союзы с более сильными соседями, прежде всего Смоленским княжеством, и не могли воспрепятствовать наступлению Ливонского ордена, что заставило Смоленск включить в свой состав не захваченные еще немцами территории Полоцкого княжества.

Муромско-Рязанская земля в Среднем Поочье входила в состав Черниговского княжества. Муромское княжество выделилось, вероятно, в 1127 г., когда в городе сел изгнанный из Чернигова Ярослав Святославич. После 1177 г., когда участвовавший в борьбе за владимирский стол рязанский князь Глеб Ростиславич был посажен в темницу и на следующий год умер, Муромо-Рязанская земля попадает под верховную власть владимирских князей.

На юго-западе Руси во второй половине XI – первой половине XII в. складываются *Галицкая* (на основе Перемышльского и Теребовльского княжеств) и *Волынская* (вокруг Владимира Волынского) *земли*, которые активно расширялись на протяжении последующего столетия, что сопровождалось основанием новых городов, в том числе Звенигорода (80-е годы XI в.) и Галича (начало XII в.). В конце XI в. в Перемышле и Теребове сидят потомки старшего сына Ярослава Мудрого Владимира – Ростиславичи (сыновья Ростислава Владимировича), зависимые от киевских князей. В 1141 г. при объединении этих княжеств в единое Галицкое (позднее к нему было присоединено и Звенигородское княжество) столица переносится в Галич. Расцвета Галицкое княжество, ставшее к этому времени фактически самостоятельным, достигло при Ярославе Владимировиче Осмомысле (1153–1187). Он вел независимую от киевских князей политику, поддерживал Юрия Долгорукого в его притязаниях на киевский стол, восстановил дружественные отношения с Венгрией и Польшей, имел тесные контакты с Византией.

Во Владимире Волынском со времени Владимира Святославича сидели Мономашичи, которые рассматривали Волынь как свою отчину, где они выделяли уделы своим сыновьям (Владимир Волынский, Белз, Луцк и др.). В конце 60-х – начале 70-х годов XII в. здесь формируется Владимиро-Волынское княжество, князь которого Роман Мстиславич (правнук Мстислава Владимировича и праправнук Владимира Мономаха), стремившийся к автономии от Киева, в 1199 г. объединил его с Галицким княжеством, где умер последний из Ростиславичей. В результате было создано могущественное государственное образование, но оно держалось в основном на военной силе и авторитете Романа. До его смерти в 1205 г. в княжестве не успели сложиться единые административный аппарат и системы налогообложения и судопроизводства. Его составные части были неоднородны: бывшее Владимиро-Волынское княжество обладало прочной центральной властью, в Галицком – при слабости княжеской власти силу набирало боярство.

Консолидации государственной структуры Галицко-Волынского княжества помешала война, начатая галицким боярством после смерти Романа.

Бояре восстали против его вдовы Анны и их малолетних сыновей Даниила и Василька. Княжество распалось, в его отдельных волостях и городах власть перешла к удельным князьям и даже боярам, являвшимся ранее наместниками и «держателями» Романа. Бегство Анны с детьми в Польшу, а затем в Венгрию дало возможность бывшим союзникам Романа, полякам и венграм, начать наступление на Галицко-Волынское княжество с целью его раздела. На несколько лет им удалось посадить в Галиче сына венгерского короля, тогда как Перемышль оказался под властью польского князя. Романовичам были выделены небольшие уделы, но между 1214 и 1215 гг. во исполнение соглашения между Венгрией и Польшей о разделе княжества они получили Владимир Волинский. На протяжении более 20 лет Даниил и Василько Романовичи с переменным успехом собирали отчинные земли, но только в 1238 г. Даниил, опираясь на поддержку горожан, закрепился на галицком столе, восстановив тем самым Галицко-Волынское княжество.

Междукняжеские войны и отсутствие сильного объединяющего центра, дробление княжеств и соответственно снижение их военного потенциала в эпоху раздробленности существенно ослабили Древнерусское государство перед лицом надвигающегося врага – орд Батыя.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Восточнославянская культура дописьменной поры известна мало и в основном в ее материальном выражении (домостроительство, одежда, украшения), поскольку она восстанавливается прежде всего по археологическим материалам. Общественное сознание формировалось язычеством с развитым пантеоном и мифологией, многочисленными культами, часть из которых, видимо, отправлялась в святилищах. Во главе пантеона, судя по позднейшим источникам, стоял Перун, небесный бог-громовержец, которому противопоставлялось единственное женское божество – Мокошь (Макошь), очевидно, богиня воды (земли). Важное место занимали солнечные божества Хорс (иранского происхождения?) и Дажьбог («русичи» названы в «Слове о полку Игореве» Дажьбожьими внуками). Земледельческие культы были связаны с Велесом, «скотьим богом». Функции других богов, Симаргла, Стрибога и т.д., неясны. Обнаруженные святилища и установленные на них резные изображения богов (как, например, Збручский идол), были, очевидно, связаны с культами одного или нескольких богов, однако определить такие связи не удастся, так же как не сохранились и мифологические повествования. В славянском язычестве, безусловно, существовало почитание предков (Лады, Рода и рожаниц), в том числе первопредков племен и знатных родов, отголоском такого предания является сказание о Кие, Щеке и Хориве.

Возникновение Древнерусского государства во главе с военной элитой скандинавского происхождения вызвало формирование новой, «дружинной» культуры, маркировавшей социальный статус элиты. Она изначально синтезировала несколько этнокультурных традиций: восточнославянскую, скандинавскую, кочевническую, что ярко демонстрируют курганные погребения X в. в Киеве, Чернигове и Гнёздове. В это время создается пласт дружинных сказаний (возможно, в поэтической форме) о деяниях вождей и правителей:

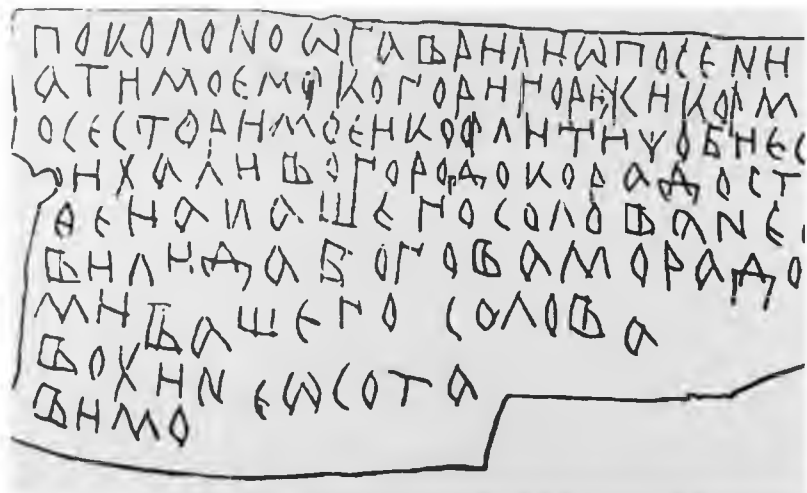
их переложения легли в основу реконструкции летописцами XI – начала XII в. ранней истории Руси от Рюрика до Святослава. Наиболее значительным был цикл сказаний о князе Олеге, который, будучи перенесен на север, нашел отражение в древнескандинавской литературе.

Важнейшее воздействие на формирование древнерусской культуры оказало распространение на Руси христианства в его византийском варианте. Ко времени крещения Руси христианство было сложившейся религией с собственным мировоззрением, системой литературных и литургических жанров и искусством, которые стали немедленно насаждаться в новообращенной стране греческими иерархами.

Еще в дохристианскую эпоху на Русь проникает (из Болгарии?) славянская письменность – глаголическая (изобретенная Кириллом) и кириллическая (основанная Мефодием). Древнейшая древнерусская надпись – «Гороухша» или «Гороуна» – процарапана на сосуде, найденном в погребении в Гнёздове и датируется серединой X в., но находки подобного рода крайне редки, поскольку письменность распространяется широко только после принятия христианства и прежде всего в церковной среде (такова «Новгородская псалтирь» – *цера* (восковая табличка), на которой было записано несколько псалмов; найдена в Новгороде в слоях начала XI в.). Обе надписи выполнены кириллицей – глаголица получила на Руси незначительное распространение.

Появление письма и знакомство с византийской культурой вызвало быстрое зарождение на Руси литературы. Древнейшее дошедшее до нас произведение принадлежит митрополиту Илариону. Написанное между 1037 и 1050 гг. (время написания спорно), «Слово о законе и благодати» настаивало на равноправии новообращенных народов и прославляло князя Владимира как крестителя Руси. Вероятно, в то же время или еще раньше (в конце X в.) возникают историописания, сначала, возможно, в виде отдельных записей на пасхальных таблицах. Однако необходимость воссоздания и осмысления национального прошлого нашла выражение в летописании. Его начальным этапом, как полагают, было составление сводного сказания о первых русских князьях, где были соединены исторические повествования разного происхождения – о Рюрике (ладожско-новгородское), Олеге (киевское) и др. Древнейшая дошедшая до нас, хотя и в составе более поздних летописей (самые ранние списки которых датируются концом XIV в.), – «Повесть временных лет». Она была написана в начале XII в. и явилась результатом работы нескольких поколений летописцев – монахов Киево-Печерского монастыря. Предшествующая «Повести» реконструируемая летопись – так называемый «Начальный свод», как считается, более точно отразилась в другой ранней летописи – Новгородской первой. Наряду с устной традицией летописцы XI–XII вв. использовали византийские исторические сочинения, которые служили для них образцом историописания, а также Священное писание, парафразы которого они охотно включали в свой текст. С середины XII в. ведение погодных записей начинается в Новгороде, несколько позднее в Суздальской земле, в Галиче и других крупнейших центрах Древней Руси.

Развитие как церковных, так и традиционных жанров литературы и словесности породило богатейшую библиотеку Древней Руси. С одной стороны, расцветает один из наиболее распространенных видов христианской

Новгородская берестяная грамота

литературы – жития святых, которые были известны на Руси в переводах с греческого языка. Собственная агиографическая литература появляется с середины XI в.: в житиях Антония Печерского и Феодосия Печерского рассказывается об основателях Киево-Печерского монастыря. Огромное политическое и идеологическое значение имели жития Бориса и Глеба («Чтение о Борисе и Глебе» Нестора и анонимное «Сказание о Борисе и Глебе»), посвященные сыновьям Владимира Святославича, убитым в 1015 г. во время борьбы за киевский стол их сводным братом Святополком. С другой стороны, видимо, продолжает существовать исторический эпос, единственным сохранившимся памятником которого является «Слово о полку Игореве». Основанное на реальных событиях 1185 г. – неудачном походе новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев, это произведение пропитано фольклорными мотивами и языческими образами и прямо апеллирует к устной поэтической традиции. В условиях раздробленности и княжеских междоусобий оно героизирует Игоря как спасителя Руси от половцев и призывает русских князей к сплочению. Другой общественной средой, остро нуждавшейся в письменности, было городское население, состоящее из ремесленников и купцов, а также княжеская и городская администрация.

Уже с середины XI в. в Новгороде появляются первые берестяные грамоты (12 из найденных к 2011 г. 1005 датируются XI в.), количество которых резко возрастает в последующие столетия. Подавляющее большинство грамот связано с управлением и хозяйственной деятельностью новгородцев: это долговые записи, деловые поручения, отчеты. Среди них много повседневных писем, а также записей, связанных с церковью (перечни праздников, молитвы). Первая берестяная грамота была найдена 26 июля 1951 г. археологической экспедицией А.В. Арциховского (сегодня этот день отмечается как праздник во многих археологических экспедициях). В небольшом количестве (возможно, из-за их плохой сохранности) берестяные грамоты найдены и еще в одиннадцати русских городах: Старой Руссе, Торжке, Смоленске, Москве и др.

Влияние христианской культуры прослеживается во многих сферах жизни Древней Руси, но особенно в ее искусстве. До нас дошли по преимуществу памятники церковного искусства, которые создавались на первых порах греческими мастерами и служили потом образцами для подражания. Введение христианства сопровождалось массовым строительством храмов – каменных в городах и деревянных как в городах, так и в сельской местности. Деревянная архитектура древнерусского времени полностью утрачена, хотя из дерева строилось подавляющее большинство церквей и лишь впоследствии некоторые из них перестраивались в камне. Древнейшие каменные храмы – Десятинная церковь в Киеве, Софийские соборы в Киеве, Новгороде и Полоцке – возводились по византийским образцам и украшались, как и византийские церкви, иконами, фресками и мозаиками.

ЧЕХИЯ, ПОЛЬША И ВЕНГРИЯ В X–XIII ВЕКАХ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

С X в. в Центральной Европе происходит процесс становления новых государств, который протекает в конфронтации со Священной Римской империей, стремящейся удержать и расширить свое влияние в этом регионе. Важнейшим фактором становится превращение пришедших несколько ранее на равнины Паннонии племен кочевых мадьяров в государство раннефеодального европейского типа, включившего в свой состав славянский (словаки, русины, королевство Хорватия) и частично восточнороманский компоненты. Сильные Польское и Венгерское государства становятся новыми доминантами в Центральной и Восточной Европе, тогда как Чешские земли включаются в состав империи, образуя одно из важнейших ее звеньев. Тем самым Чехия играет роль двойной доминанты, занимая одну из ведущих позиций как в центрально-восточноевропейском мире, так и в пределах империи.

Церковная схизма XI в. провела черту, в том числе географическую, между латинским и православным мирами, окончательно разделив народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы по конфессиональному признаку. В то же время границы государств данного региона еще не стабилизировались, и завоевательные походы оставались обычаем этого периода. Формируются правящие династии, опирающиеся на военно-служилую знать. Ситуация, когда «слишком много князей», приводит к усилению отдельных княжеств и внутридинастической борьбе, в которой активно участвует военная знать. В XII в. обозначился процесс оседания этой знати на землю, превращение ее в слой земельных собственников – феодалов, сопровождавшийся установлением определенных форм зависимости (подданства) крестьянского населения.

Развитие сельскохозяйственного производства в частных земельных владениях дворянства тормозилось демографическим фактором – малочисленностью сельских жителей. Это обусловило процесс внутренней колонизации малонаселенных территорий, для чего правителями и феодалами приглашались немецкие переселенцы из германских земель, которым предоставлялись определенные льготы («немецкое право»). В результате сельской колонизации в XIII в. значительно выросли объем и качество сельскохозяйственного производства, прежде всего земледелия. Приглашенные немцы также приняли решающее участие в формировании городов, их экономики и городского права. Города в данном регионе развивались на базе подградий как военно-административных и экономических центров, а также возникали в торгово-перевалочных пунктах. Вследствие городской колонизации, затронувшей весь регион, но более всех Чехию, повысился уровень экономического развития. Ремесло, отделившись от земледелия, пошло по западноевропейскому пути развития, так же как городское право и городская культура. Именно города наряду с Католической церковью стали наиболее эффективным зве-

Остромирово Евангелие. XI в. Российская национальная библиотека. СПб.

ном, связывавшим страны региона с Западной Европой. Области со слабой городской сетью оставались аграрными (значительная часть Польши и Венгрии), развитие их шло крайне медленно, сохраняя многие черты традиционной местной культуры.

Спецификой стран региона в раннее Средневековье, да и в дальнейшем, можно считать внутренние социально-экономические контрасты, обусловленные заложенным в урбанизме прогрессом, с одной стороны, и статичностью крестьянского мира – с другой. Дворянство в своем культурно-социальном типе сочетало эти черты, к которым добавлялись собственно дворянские:

осознание себя «политической нацией», основой военной и государственной силы.

Если в период становления государственности князь и дружина находились во взаимной зависимости, обусловленной практикой военных походов и раздачи бенефициев, то по мере приобретения земельных владений «лучшими» дружинниками (знатью, из которой формировалось дворянство как основной класс общества и государства) ослабевала их зависимость от центральной власти. Примерно с XII в. начинается борьба феодалов с княжеской (королевской) властью за гегемонию в политической сфере.

Церковь играет в этот период ведущую роль в духовной жизни и идеологии, в которой, однако, интересы светской власти, отражаемые хронистикой, выходят на первое место. Христианская церковь продолжает выполнять культуртрегерскую функцию, хотя традиционная культура этносов в этом регионе Европы оказалась очень стойкой и жизнеспособной. Церковь активно включается в политическую жизнь, где позиция высшего клира играла значительную роль, а его интересы всегда учитывались верховной властью.

К концу означенного периода происходит формирование понятия целостности этногосударственного организма, трактуемого в виде сакрализованного (через «национальных» святых) единства этноса, власти и территории. Возникают термины-понятия *Polonia*, *Bohemia* (Земли Короны чешской), *Hungaria* (*Magyarország*), хотя реалии были весьма далеки от этих идеологем.

ЧЕХИЯ В X–XIII веках

Наибольшей интенсивностью и целостностью характеризуется развитие Чехии. Еще в IX в. здесь доминирующие позиции заняла династия Пршемысловцев, а князь Борживой создал в Пражском Граде новый государственный центр и принял христианство от самого св. Мефодия в период нахождения Чехии в составе Великой Моравии. В X в. происходит становление и укрепление Чешского государства. Харизматической фигурой становится князь Вацлав (ок. 908–935), укреплявший христианство в стране и воевавший с империей. Однако сопротивление оказалось безуспешным, и в 929 г. Чехия вошла в ее состав на правах лена. С этого времени Чехия активно участвует в политических делах империи, а та вмешивается в ее жизнь, зачастую организуя военные походы.

Мученическая смерть Вацлава, убитого по приказу брата Болеслава, и последовавшая затем канонизация придали образу св. Вацлава исключительное значение. Святовацлавская традиция, ставшая доминантой чешского сознания и культуры вплоть до Нового времени, трактовала его как «вечного правителя» Чехии и всех чехов, небесного патрона и заступника народа и государства. Главная чешская этатизационная легенда, зафиксированная уже в X в., подчеркивала свободное, но по божественному промыслу совершенное пророчицей Либуше избрание правящей династии в лице простого крестьянина – Пршемысла-пахаря. Святовацлавская и пршемысловская традиции акцентировали целостность этногосударственного организма, автохтонность верховной власти, ее простонародные и сакральные корни, что выделяло чехов среди других народов ранне-средневековой Европы.

Болеслав I создал весьма крепкое государство Пршемысловцев, устойчивое во всех междоусобных и внешних войнах. С 983 г. Чехия стала самостоятельной церковной епархией, а пражский епископ св. Войтех своей миссионерской деятельностью в языческой славянской Пруссии придал ей европейский масштаб и занял место главного небесного патрона Польши.

История чешского государства Пршемысловцев в XI–XII вв. – это сложная вереница военных действий против соседей, внутридинастической борьбы и вооруженных конфликтов с участием дружины, которая боролась за право избрания центрального князя, против принципа первородства (примогенитуры). Получение от императора королевских титулов Вратиславом II в 1085 г. и Владиславом II в 1158 г. (наследственно) реально не меняли положения дел. Усиление центральной власти, как правило, сопровождалось активным вовлечением в дела империи. Особенно значимым было участие чехов во взятии Милана Фридрихом Барбароссой в 1158 г. На рубеже XII–XIII вв. при Пршемысле Отакаре I обозначилась тенденция укрепления центральной власти и прекращения междоусобиц, что вызвалось процессом оседания дружинников на землю и формирования класса дворянства (шляхты), заинтересованного в стабильной и сильной центральной власти. Устроению дел в Чешском государстве, включая Моравию, и его отношений с империей значительно содействовал особый закон – «Золотая булла сицилийская» (1212 г.).

Чехия становится наиболее мощным государством Центральной Европы при Пршемысле Отакаре II (1253–1278) – «короле золотом и железом». Он значительно расширяет границы страны за счет земель Германии, Австрии, Крайны и Корутании, ведет успешные войны с Венгрией и Польшей, покоряет пруссов и основывает на Балтике крепость Кралевец (будущий Кёнигсберг, совр. Калининград). Внешнеполитические успехи привели его к борьбе за императорскую корону, однако князья империи из опасения могущества чешского короля предпочли ему казавшегося слабым Рудольфа I Габсбурга, в битве с которым на Моравском поле чешский король погиб, во многом из-за измены чешского дворянства. Оно было недовольно усилением королевской экономической политики в стране, выражавшейся в немецкой сельской колонизации, основании большого количества городов и местечек, введении вместо градской системы управления страной крайской системы, опиравшейся на города, а не на феодалов, укреплявших свою власть на местах.

Экономическое развитие Чехии в XIII в. достигло необычайных масштабов, став пиком ее хозяйственного развития за все Средневековье. Власть Вацлава II (1283–1305) вновь стабилизировала положение в стране. Король провел денежную реформу, упорядочил добычу серебра и чеканки монеты, в результате чего чешский грош стал наиболее стабильной и распространенной денежной единицей во всей Центральной и Восточной Европе. Вацлав II также стал королем Польши, введя в ней в качестве меры по борьбе со шляхетской анархией систему государственных чиновников, напрямую подчиненных королю, и претендовал на венгерский престол. Однако убийство в 1306 г. его юного сына Вацлава III положило конец династии Пршемысловцев и их внешнеполитическим амбициям, а также свергло страну в хаос.

Консолидация польских племен достигла успехов к середине X в., однако часть их оставалась за границами центрального ядра, находившегося в Великой Польше. В польских землях после утверждения лидерства великопольского племени полян во главе с династией Пястов благодаря деятельности Мешко I (ок. 960–992) и христианизации (966 г.) создается относительно сильное государство с системой градов как центров управления округа. Князь Мешко I, заключив брак с сестрой св. Вацлава и Болеслава I, открыл путь сильному чешскому церковному и культурному влиянию на Польшу, столицей которой после 999 г. становится Краков, откуда Болеслав Храбрый изгнал чешский гарнизон. В дальнейшем польско-чешские отношения развивались конфликтно, сопровождаясь взаимными военными действиями, прерываемыми на определенное время мирными соглашениями, однако до начала XIV в. эти отношения и границы государств не были стабильными.

Болеслав Храбрый (992–1025) укрепляет центральную власть, совершает победоносный поход в Киевскую Русь (1018 г.) и захватывает часть ее территории. Его коронация в 1025 г. подчеркивает независимость Польши от империи. Краков становится важным политическим центром европейского масштаба. Консолидации и государственно-церковной независимости Польши значительно содействовало учреждение в 1000 г. архиепископства в Гнезно и признание империей польской суверенности.

Однако в середине XI в. разразился сильнейший кризис, проявившийся в восстании народа против феодализации и христианской церкви. Преодолеть его удалось Болеславу II Смелому (1058–1081), королю с 1076 г. Он вовлекает Польшу в конфликты с папой и императором. Недовольство в его окружении вылилось в заговор, одним из последствий которого было убийство по приказу короля краковского епископа Станислава. Причисленный к лику святых, он позднее стал символом морального противостояния церкви грехам светской власти, а также преодоления феодальной раздробленности. Бегство Болеслава II в Венгрию усилило кризис. Консолидации удалось добиться Болеславу III Кривоустому (1102–1138), успешно воевавшему за воссоединение польских земель и христианизацию Поморья.

После его смерти Польша вступает в период феодальной раздробленности, длившийся до конца XIII в. В 1241 г. в битве при Легнице с татарами погибло все польское войско и часть князей. Феодальная анархия и внутридинастические войны превратили Польшу в конгломерат враждебных друг другу княжеств, а чехарда королей на краковском престоле усугубляла ситуацию. Положение еще более ухудшило призвание князем Конрадом Мазовецким в 30-е годы XIII в. Ордена крестоносцев, который он думал использовать в своекорыстных целях, а также для христианизации Пруссии и Литвы. Однако Орден, позже получивший название Тевтонского, стал проводить собственную политику, угрожая самой польской государственности. Тем не менее это не мешало польским князьям заключать с ним союзы в своих целях.

Социально-экономическое развитие польских земель шло медленными темпами и имело ряд специфических черт. В XI в. господствует дружинная организация, опиравшаяся на систему градов, – принцип, аналогичный Великой Моравии и Чехии. Вся территория считалась доменом главного князя

(короля), управляемым его администрацией и состоявшим из округов. Сбор дани как государственного налога с населения осуществляли представители князя. Крестьяне были лично свободными землевладельцами и подданными государя. Успешно функционировала централизованная система государственной эксплуатации зависимого населения.

С XII в. идет процесс роста земельной собственности элиты дружины. Феодализация выражалась в раздаче государством земель в условную, а затем в полную собственность дружинникам и министериялам монарха. Очень значительные земельные владения получила церковь. Светская вотчина возникла позже церковных доменов. В XIII в. начинается процесс колонизации, однако немногочисленные города остаются слабыми, не включенными в политическую систему государства. В период апогея феодальной раздробленности власть удельных князей начинают контролировать местные собрания шляхты иногда с участием крестьянства, в чем можно видеть зародыш специфически польского типа феодальной демократии. Феодальная раздробленность стала также временем накопления экономического потенциала страны и роста каждого из ее крупных регионов. Сильные регионы останутся особенностью польской государственности и экономики.

В конце XIII в. явно обозначилась тенденция к объединению польских земель. Осуществлять ее стал князь Владислав Локеток. Процесс шел долго и с переменным успехом. Реальным объединителем Польши выступил чешский король Вацлав II, но его власть в силу ряда причин оказалось недолгой. С 1305 г. Локеток стал править как единый государь, хотя борьба за единство еще продолжалась. В ней он использовал Тевтонский орден, однако тот захватил Восточное Поморье. Процесс объединения польских земель, причем не всех, завершился в 1320 г., символом чего стала коронация Владислава Локетка королевской короной. Возникает понятие Королевство Польши, хотя в стране еще нет единой административной и правовой систем, она внутренне слаба, ей угрожает Орден, ее внешнеполитические позиции скромны.

ОТ «ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ» К ВЕНГЕРСКОМУ КОРОЛЕВСТВУ

В конце IX в. в Центральную Европу вторгаются племена кочевых венгров (мадьяров). Очередное нашествие «варваров» на этот раз имело совершенно иные последствия. Кочевники угрофинны в относительно короткий срок изменили весь свой хозяйственно-культурный тип, превратившись в оседлый этнос с сельскохозяйственным производством и феодальной организацией общества по западноевропейскому типу. Приглашенные в 899 г. императором Арнульфом для войны с Ломбардией, мадьяры в 955 г. в битве на р. Лех (Бавария) потерпели поражение от немецко-чешского войска, что послужило внешним толчком для смены образа жизни. Мадьяры до прихода в Карпаты и Паннонию жили кланами, составлявшими племя как боевую единицу. Существовало около 108 кланов, основанных на кровнородственных связях. Во главе союза племен стоял род Арпада. Боевой ударной силой служила конница, сохранившая некоторые черты своей военной специфики вплоть до Нового времени.

Заняв Паннонию и значительную часть Великой Моравии (территория совр. Словакии), мадьяры быстро и успешно переняли у оседлых земледельческих народов, главным образом славян, их способ хозяйствования. Многие области Карпат были до прихода мадьяров незаселенными, поэтому вся территория созданного Венгерского королевства впервые обрела свою целостность. Формирование словацкого этноса проходило в Северной (Верхней) Венгрии, а развитие хорватов, чье королевство в XI в. вошло в Венгерское, также осуществлялось в его рамках, в котором долго сохраняли значение этнические различия между венгерскими племенами. Поэтому Венгерское государство развивалось как многонациональное, а понятие «венгры» служило политическим обозначением.

Процесс оседания мадьяров в Паннонии получил название «Обретение Родины». Его завершающей вехой считается 1000 г., когда вождь Иштван получил королевскую корону от папы римского, что означало христианизацию кочевников-язычников и независимость нового государства от империи. Было основано собственное епископство в Эстергоме, ставшем также светской столицей. Иштван I (св. Стефан) (1000–1038) объединил мадьярские племена и автохтонное население в единое государство, положил начало системе феодального управления и законодательства. Началась ускоренная трансформация венгерского общества, подражавшего западной модели, хотя сохранялись элементы кочевой языческой культуры. В XI в. король обладал самой большой земельной собственностью, хотя вожди племен сохраняли полноту своей власти, постепенно трансформируясь в военную аристократию, а затем в «баронов» – высший слой официально единого венгерского дворянского сословия. Простые воины (*йобагионы*), составлявшие основу конного войска, затем, пройдя этап расслоения, в большинстве своем составили средний и низший слои дворянства. Наряду с ними существовало крестьянство, значительная часть которого этнически была славянской, как и ремесленники. Огромные земли получила Католическая церковь.

В административном отношении страна была поделена на комитаты (округа) с центрами в замках. При короле состоял совет, в который входили прелаты, епископы, ишпаны (правители комитатов) и палатин (верховный судья). При Иштване I страна стала самым могущественным из новых государств Европы, ее церковь непосредственно подчинялась Риму. Оформился политический союз с Византией. Впоследствии возникло понятие «корона св. Стефана», в которую входили все земли королевства вне зависимости от различий населявших их этносов, тем более что сами мадьяры расселялись чересполосно с аборигенами.

С 40-х годов XI в. начинается длительный период междоусобиц внутри рода Арпадов и вторжений войск империи. В 1044 г. король Петер даже стал вассалом императора, как и в 1063 г. король Шаломон. В своей борьбе за трон многие Арпады опирались на поддержку германского императора, Византии и Польши. Стабилизация наступила при Ласло I (1077–1095), восстановившем независимость от империи и расширившим границы государства за счет земель в Трансильвании, Хорватии, Славонии и Далмации. Особое значение для внутреннего развития Венгрии имели своды законов 1077, 1081, 1092 гг. На рубеже XI–XII вв. Венгрия подверглась нашествиям кочевого племени куманов (половцев), часть которых затем интегрировалась

в венгерский социум, усилив, однако, его «варварские» элементы. В начале XII в. возобновляются усобицы, ведутся безуспешные войны с Византией за земли на Балканах.

Пика своего развития феодализация в Венгрии достигает при Эндре II (1205–1235). Формируются латифундии баронов (магнатов), не связанных ленными отношениями с монархом, усиливается их политическая власть, возникает мелкое дворянство, зависимое от короля. Все дворянское сословие получает очень большие права: оно не платит дани, воюет за пределами страны только по собственному желанию, обладает правом вооруженного сопротивления королю в случае нарушения им их прав и привилегий. От кормила власти изгоняются иностранные советники, против которых было направлено восстание дворян. Новое положение дворянства зафиксировала Золотая булла 1222 г., которая вызвала недовольство церкви. Но конфликт церкви с королем окончился ее усилением, прежде всего экономическим (получение соляной монополии). Апогея своего развития Венгрия достигает при Беле IV (1235–1270).

Оправившись от вторжения татаро-монголов в 1241–1242 гг., страна переживает подъем экономики. Развивается сельская колонизация, основываются города (преимущественно с немецким населением), в том числе центры горнорудной промышленности (в совр. Словакии), обновляется система градских комитатов. Заключается мир с Польшей и Русью, развивается экспансия на запад и юг (Штирия, Босния). Однако раздоры с сыном, в которые вовлекается дворянство, ослабляют власть Беле IV: страна делится на две части. Восточный «удел» наследника имеет своим центром Трансильванское княжество.

С 70-х годов XIII в. начинается упадок и деградация Венгрии – царят хаос и анархия. Растет власть магнатов, в жизнь страны вмешиваются татаро-монголы, империя и папство. В этой обстановке зарождается специфический венгерский парламентаризм. В 1277 и 1298 гг. на Ракошском поле у Пешта (отсюда польский термин *рокошь*) состоялись государственные собрания (съезды вооруженного дворянства), ограничившие право крестьянского перехода и принявшие законы о государственном (королевском) совете. Значительная часть его членов стала избираться государственным собранием. Решения короля теперь нуждаются в одобрении совета. Магнаты и прелаты наряду с королем обладают законодательной властью.

Апогей анархии, вызванной также тем, что вымер род Арпадов, после притязаний Чехии завершился в 1308 г. с избранием королем Карла Роберта из Анжуйской династии, которому удалось быстро консолидировать государство и установить дружеские отношения с Чехией и особенно с Польшей.

ДРЕВНЯЯ СКАНДИНАВИЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Наступление железного века (ок. 500 г. до н.э.) и начавшееся на рубеже нашей эры взаимодействие с римской цивилизацией существенно ускорили экономическое и социальное развитие скандинавских народов. Внедрение железных орудий труда, прежде всего плуга, в условиях климатического оптимума способствовало подъему земледелия и скотоводства, а расширяющаяся торговля с Центральной и Западной Европой вместе со службой скандинавов в римской армии обеспечивали приток предметов роскоши и изделий из драгоценных металлов. Благодаря сочетанию этих факторов уже в первые века нашей эры в Дании, а к середине I тысячелетия в Средней Швеции (Свеаланде) и Норвегии отчетливо проявляется социальная и имущественная стратификация общества, формируется слой военной элиты. В ее руках концентрируются богатства, она осуществляет контроль над торговыми путями, возникающими вдоль них торгово-ремесленными поселениями и племенными территориями. Интенсивнее всего эти процессы происходят на Ютландском п-ове и Датских о-вах, тесно связанных с Западной Европой. Наряду с деревнями, здесь возникают торгово-ремесленные центры (Риббе на юго-западе Ютландии, Люнебург на о. Фюн, Экторп и Исманторп на о. Эланд, Хельгё в оз. Меларен), выделяются так называемые «усадьбы магнатов», или «центральные поселения» с расположенными поблизости святилищами и небольшими группами курганных захоронений (Тиссё на о. Зеландия, Тушокра в Богуслене). К середине I тысячелетия в Скандинавии, и не только в Дании, появляются усадьбы вождей с большими, до 80 м длиной, домами (*халле*) и курганными могильниками, насчитывающими иногда несколько сотен захоронений (Лайре на о. Зеландия, Старая Упсала в Средней Швеции и др.). При всех региональных различиях выявляется сходная иерархия поселений и некрополей, соответствующая социальной и территориально-политической структурам: крупные племенные области («ланды») возглавляются вождями-конунгами, владельцами «халле», погребения которых в «больших», или «королевских» курганах (высотой до 10 м и диаметром 60–70 м, как в Старой Упсале) отличаются чрезвычайной роскошью; во главе входящих в ланды мелких территориальных образований стоят местные вожди (*хёвдинги*), которым принадлежат элитные, хотя и более скромные некрополи с захоронениями в ладье в небольших по размеру курганах (Вальсёрде – V в., Вендель – VI–VII вв., в Средней Швеции). Археологически хуже прослеживается основной слой общества – свободные крестьяне (*бонды*), ведущее занятие которых составляло земледелие, в силу природных условий более развитое в Дании, Сконе и Свеаланде, и скотоводство, в том числе овцеводство – главная отрасль сельского хозяйства в Норвегии. О наличии рабов, видимо, немногочисленных и из числа пленных, говорят захоронения в болотах (жертвоприношения?) и помещение в ногах погребенного в богатом кургане убитого человека.

К началу VIII в. в Ютландии и на Датских о-вах, в Свеаланде и, возможно, в некоторых других регионах племенные территориально-политические образования перерастают в первые «дружинные» (варварские) государства. Власть «короля» (в латиноязычных источниках – *rex*, в скандинавских – *конунг*) осуществляется с помощью дружины, которая выполняет, наряду с военными, все основные функции управления: сбор податей, административное управление и суд. Эти протогосударства занимают небольшие территории и крайне неустойчивы – их существование зависит от военной мощи и удачи конунга и его дружины.

Локальные сообщества объединяются единством языка (диалектное членение праскандинавского языка начинается только в VII–VIII вв.), материальной культуры и искусства (во всей Скандинавии господствует «звериный стиль»), а также религии – язычества с общегерманским пантеоном и постепенно трансформирующейся мифологией (исполнение жреческих функций конунгами или обособленной кастой жрецов – вопрос дискуссионный).

ЭПОХА ВИКИНГОВ И ЕЕ ЭТАПЫ

Исчерпание ресурсов для внутренней колонизации, демографический рост, острая потребность в материальном обеспечении военной элиты вызвали к жизни массовый всплеск военной активности скандинавов. Если до VIII в. главными источниками доходов вождей были контроль за торговыми путями, служба в римской армии, нападения на соседние племенные образования и другие народы в пределах Балтийского региона, то с VIII в. важнейшим способом обогащения становятся набеги на страны Западной Европы. Грабительские рейды получили в Скандинавии наименование *викинг* (от др.-исл. *vík*, вероятно, «залив, бухта»), также назывались и участники таких походов – «викинги», откуда произошло обозначение всего периода внешней экспансии скандинавов – «эпоха викингов», которая еще в XIX в. была выделена в историографии в самостоятельный период в истории Скандинавских стран. При этом ее хронологические границы определялись двумя событиями: нападением викингов на монастырь св. Кутберта на о. Линдисфарн у восточного побережья Англии (793 г.) и гибелью норвежского конунга Харальда Сурового Правителя, претендовавшего на английский трон, в битве при Стамфордбридже (1066 г.). Исходя из современного понимания исторического содержания эпохи викингов как времени формирования национальных государств, ее хронологические рамки охватывают период от возникновения «дружинных» государств до их перерастания в централизованные национальные государства, которые существуют и ныне.

Первым признаком возникновения раннегосударственных образований считается начало крупномасштабных строительных работ в конце 30-х годов VIII в., невозможных в условиях племенного общества, а именно мощных оборонительных линий на юге Ютландского п-ова (*Danevirke*), канала длиной 800 м и шириной 11 м на о. Самсё у северо-восточного берега Ютландского п-ова. Работы такого масштаба могли быть организованы только в условиях объединения значительной территории с многочисленным насе-

лением в единую политическую структуру с сильной центральной властью. Потому начало эпохи викингов относят ныне к началу, а не концу VIII в.

Процессы трансформации дружинных государств в средневековые не завершились к 1066 г. В разных Скандинавских странах социально-политическое развитие общества проходило с различной степенью интенсивности. Так, в Дании единое государство сложилось уже в 70-е годы X в., но формирование аппарата управления, фискальных и судебных органов, возникновение крупной земельной собственности происходило на протяжении XI – первой половины XII в. В Швеции объединение нескольких племенных владений в единое целое и складывание административного и судебного аппарата завершилось лишь во второй половине XI – начале XII в. Становление Норвежского государства уже после его объединения Олавом Харальдссоном в 20-е годы XI в. заняло еще около столетия. Поэтому окончание эпохи викингов обычно относится к концу XI в.

Географическое положение отдельных скандинавских стран определило основные направления походов: для норвежцев ближайшей целью стали острова Атлантического океана, север Шотландии и Ирландия, для данов – побережья Восточной Англии и Северо-Западной Франции, для свеев, готландцев и ётов – Восточная Прибалтика с дальнейшим продвижением на восток и юго-восток.

Первый этап эпохи викингов (до середины IX в.) ознаменовался быстрым нарастанием масштабов викингских походов – от единичных и разрозненных нападений на прибрежные монастыри и поселения викинги переходят к крупным военным предприятиям на сотнях кораблей. К середине IX в. разгул викингов в Европе достигает своего пика: они разоряют Гамбург (845 г.) и Дорестад (окончательно в 864 г.), несколько раз осаждают Париж (845, 856–857, 885–886 гг.), захватывают Лондон (842 г.), грабят Руан (842 г.) и Луну (принятую ими за Рим, 857–861 гг.). Лишь в редких случаях они терпят поражение, как в Испании, где захват Севильи (844 г.) закончился полным разгромом флота викингов. По большей же части викингские вожди («морские конунги») возвращаются домой с огромной добычей – результатом откупов, грабежей, захвата и перепродажи пленных.

С середины IX в. начинается второй период эпохи викингов – период колонизации. Около 840 г. норвежец Тургейс захватывает часть Ирландии и устраивает свой опорный пункт в основанном им Дублине. Временные успехи ирландских королей не меняют ситуацию: с 853/4 г. на острове устанавливается власть норвежцев, сохранявшаяся до 1014 г. (битвы при Клонтарфе). В 865 г. в Англии высадилось «большое языческое войско» данов, которое после нескольких лет грабежей разделилось; одна его часть захватила Нортумбрию, и датское (позднее норвежское) королевство с центром в Йорке просуществовало до середины X в. Другая его часть во главе с Гутрумом потерпела поражение в войне против Уэссекса и, заключив договор с королем Альфредом Великим (878 г.), осела к северу от Темзы, где возникла «Область датского права» (Денло) – самостоятельное государственное образование. Оно просуществовало недолго – менее 50 лет, но оказало значительное влияние на социально-экономическое развитие англосаксонской Британии. В начале X в. по договору с Карлом Простоватым (911 г.) норвежский (?) викинг Хрольв (Роллон) получает в лен земли в нижнем течении Сены с цен-

тром в Руане, где возникнет будущее герцогство Нормандия. Во второй половине IX в. скандинавская (возможно, шведская) военная элита становится во главе формирующегося Древнерусского государства.

Одновременно идет интенсивное заселение норвежцами островов Атлантического океана: Оркнейских (и северной части Шотландии), Шетландских, Фарёрских, где образуются практически самостоятельные ярлства. Наконец, в 870-е – 930-е гг. осваивается Исландия. Этот мощный колонизационный поток позднейшие скандинавские источники – родовые и королевские саги – связывают с началом процессов централизации в Норвегии и Дании. Согласно традиции, конунг Южной Норвегии (Вестфольда) Харальд Прекрасноволосый (ум. ок. 940) подчиняет себе ранее независимые области Южной и Центральной Норвегии, вызвав бегство из страны не желавших подчиниться ему конунгов и хёвдингов этих областей, а также некоторой части крупных бондов. Достигнутое им соглашение с правителями Трёндалёга ярлами Хладира (на территории совр. Тронхейма), позволило ему объединить под своей властью всю Норвегию. Усиление процессов централизации происходит, видимо, в это время и в Дании, где в 60-е годы X в. Харальд Синезубый завершает объединение Датского государства, в которое входит Ютландия, Датские острова и южная часть совр. Швеции.

Третий, завершающий, этап эпохи викингов начинается в конце X в. новым усилением скандинавской экспансии в Западной Европе. Она носит иной, принципиально отличный от ранних походов викингов характер: датские конунги Свейн Вилобородый и его сын Кнут Великий (ум. 1035 г.) осуществляют завоевание Англии, королем которой в 1014 г. становится Кнут. Под его властью оказывается практически вся Северо-Западная Европа: Дания, Англия, позднее Норвегия, выдвигает он претензии и на главенство в Швеции. В противостоянии с Данией Харальда Синезубого и империей Кнута завершается формирование Норвежского и Шведского государств.

После смерти Харальда Прекрасноволосого борьба между его потомками – конунгами Вестфольда, которых позднейшая традиция считает единственными легитимными правителями Норвегии, и ярлами Трёндалёга, поддерживаемыми датскими конунгами, возобновилась с новой силой. В борьбе со шведско-датской коалицией в битве при Свольде (1000 г.) погиб норвежский конунг (с 995 г.) Олав Трюггвасон, проводивший детство на Руси, он принял христианство, по одной из версий, в Византии (по другой – в Англии) и активно насаждал его в самой Норвегии (по традиции – креститель Исландии). Через 15 лет хладирского ярла Хакона, наместника Кнута в Норвегии, изгоняет потомок Харальда Прекрасноволосого Олав Харальдссон, креститель Норвегии и впоследствии ее святой патрон. Как и его предшественник, он проходит процедуру избрания на областных *тинггах* (собраниях свободных) и становится общенорвежским конунгом. Его жесткая централизаторская политика и насильственное введение христианства вызвали бурное противодействие норвежской знати и бондов, которые при поддержке датчан изгнали Олава из Норвегии в 1028 г. (вместе с сыном Магнусом Олав нашел прибежище на Руси). При попытке вернуть себе власть в 1030 г. Олав был убит и спустя год объявлен святым. Лишь в 1036 г., после смерти Кнута, его сын и наместник в Норвегии изгоняется Магнусом Олавссоном, и на протя-

жении второй половины XI в. единое Норвежское государство возглавляется потомками Харальда Прекрасноволосого.

Несколько медленнее идет процесс формирования Шведского государства. В наиболее развитой, благодаря импорту железных руд и торговле с Восточной Европой, центральной области – племенной территории свеев (Свеаланде) – к концу X в. складывается раннегосударственное образование, к которому в начале XI в. присоединяется (при сохранении определенной автономии?) Ётланд.

СКАНДИНАВСКИЕ КОРОЛЕВСТВА В XI–XIII вв.

Со второй половины – конца XI в. недавно сложившиеся скандинавские национальные государства охватывают смуты. В них формируется служилая аристократия, тесно связанная с королем, но сохраняет силу и старая, родовая знать. Представители наиболее могущественных родов начинают претендовать на верховную власть. Одновременно крепнет церковная организация: во всех скандинавских странах образуются епархии, которые переходят в подчинение от Гамбург-Бременского архиепископства к вновь создаваемым архиепископиям: с 1104 г. – в Лунде, которая распространяет свою юрисдикцию на всю Скандинавию (позднее только на Данию), а затем в каждом из государств (с 1164 г. – шведская в Упсале, с 1152–1153 – норвежско-исландская в Нидаросе/Тронхейме). Церковные иерархи принимают активное участие в политической жизни, а с конца XII в. становятся инициаторами крестовых походов в Восточную Прибалтику.

Отдельные исторические области, объединенные в составе Скандинавских государств, продолжают сохранять значительную внутреннюю самостоятельность: они имеют собственные тинги во главе с избранными лагманами, руководствуются в судебной практике областными законами. Королевская власть все еще слаба – она не имеет прочной социальной и экономической основы. Король по-прежнему избирается, хотя выбор, как правило, существенно ограничен представителями правящего рода, а в Швеции даже сохраняется традиция объезда избранным в Старой Упсале королем тингов основных областей – так называемая Эриксгата («Дорога Эрика»).

После смерти последнего конунга из рода Инглингов Эймунда Старого (ок. 1060 г.) в Швеции начинается борьба среднешведских конунгов и ётских ярлов, а затем представителей ётских знатных родов за шведский трон. Она осложняется слабостью королевской власти, не имевшей опоры в крупном землевладении, отсутствием государственного аппарата, слабостью церковной организации в связи с незавершенностью процесса христианизации: вплоть до 80-х годов XI в. в (Старой) Упсале сохраняется общешведское языческое капище, и избрание королем, например, Свена Жертвоприносителя (ок. 1080 г.) определялось его принадлежностью к язычеству. Лишь в середине XIII в. с приходом к власти династии Фолькунгов (ярла Биргера Магнуссона, который добился избрания королем своего сына Вальдемара) положение в Швеции стабилизировалось, началось укрепление королевской власти.

Ранее всего возникшее и казалось бы крепкое Датское государство, пережившее расцвет в конце эпохи викингов при Кнute Великом и его племяннике Свене Эстридсене (ум. 1074 или 1076 г.), стало аренной «войны принцев» — пятерых сыновей Свена, последовательно правивших Данией (последний из них, Нильс, был убит в 1134 г.), и их наследников. Старая традиция избрания конунгов советом знати оказалась недейственной, так как в это время и сама аристократия еще находилась в стадии становления, раздираемая индивидуальными интересами, а церковь, организация которой существенно продвинулась при Свене Эстридсене, еще не обладала достаточным авторитетом. Постоянное вмешательство в политическую жизнь Дании ее южного соседа Германии лишь осложняло ситуацию. К 1134 г. Датское государство фактически разделилось на три королевства: Сконе (южная часть Скандинавского п-ова); Зеландия и другие Датские острова; Ютландия и Шлезвиг, где закрепился Вальдемар, герцог Шлезвига, выросший на Руси и названный в честь своего прадеда Владимира Мономаха. Именно ему в 1157 г. удалось объединить все три области Дании и восстановить единое Датское государство.

Не менее драматично развивались события и в Норвегии с 30-х годов XII в. Вслед за подъемом страны в правление Олава Спокойного (1066—1093), сопровождавшимся ростом городов, упорядочением торговли, строительством каменных церквей, наступает время усобиц между претендентами на престол, а затем и широкого социально-политического кризиса. Обратной стороной усиления государства стал рост налогового бремени, утрата частью бондов наследственных владений и превращение их в арендаторов, попытки конунгов, потомков Харальда Прекрасноволосого, сократить «свободы» крестьян и внедрить свое верховное право вызвали массовое восстание, которое получило название «движения *биркебейнеров*» («березовоногих», «лапотников»). Его возглавил Сверрир, выдававший себя за потомка Олава Святого и сумевший овладеть трон в 1184 г., опираясь на выходцев из низов, а также на часть примкнувшей к нему знати. Захватившие государственные должности и земельные владения биркебейнеры быстро отошли от основной массы недовольных крестьян и приняли активное участие в подавлении продолжавшихся мятежей. После смерти Сверрира (1202 г.) борьба биркебейнеров и их противников багглеров, приверженцев «церковной партии», привела к расколу государства: первые обосновались в Трёндалёге на западе Норвегии, вторые — в юго-восточной ее части. Лишь во второй половине 20-х годов XIII в. с утверждением единоличной власти внука Сверрира Хакона Хаконарсона (был избран королем в 1217 г.) положение королевской власти укрепляется, враждовавшие группировки знати примираются, и Норвежское государство обретает единство.

Таким образом, после более или менее длительного периода смут, сопровождавшихся подчас дроблением королевств, скандинавские страны в XIII в. преобразуются в феодальные государства. Радикально меняется положение крестьянства во всех регионах. На смену бондам, владельцам одалей, приходит землевладелец, несущий воинскую повинность (в источниках он нередко называется «рыцарем»), и арендатор, обязанный владельцу земли и государству податями.

С этого времени королевская власть становится устойчиво наследственной, а не выборной. Формируется иерархическая система знати, светской и

церковной, тесно связанная с королем, но опирающаяся на крупное землевладение. Создается разветвленный и многоуровневый аппарат управления, верхушку которого составляют служилые люди короля, сосредотачивающие в своих руках фискальные функции и военную власть. Под контроль короля все в большей степени переходят судебные функции, которые ранее осуществлялись на тингах, что окончательно подрывало основы местного самоуправления, характерного для Скандинавии эпохи викингов. Король становится также высшим источником законодательства: XIII–XIV вв. ознаменовались сначала записью областных судебных кодексов, включавших разделы «королевского права» (в Дании – «Законы Сконе», в Швеции – «Законы Вестгёт», «Законы Уппланда», в Норвегии – «Законы Гулатинга», «Законы Фростатинга» и др.), а затем составлением общегосударственных судебных кодексов: короля Вальдемара II (1241 г.) в Дании, Магнуса Хаконарссона (1274 г.) в Норвегии и Магнуса Эрикссона (ок. 1350 г.) в Швеции.

САГИ И СКАЛЬДЫ

Древнескандинавская культура разительно отличалась от других европейских не только долгим сохранением дохристианских традиций, но и их распространением и процветанием вплоть до XIV в., прежде всего в Исландии. Христианизация скандинавских стран, начавшаяся отдельными случаями крещения викингов и их правителей еще в VIII в., завершилась во второй половине X–первой половине XI в. принятием христианства в качестве официальной религии.

Мифы и саги

Скандинавское язычество оставило глубокий след в древнескандинавской культуре и не было забыто после христианизации: еще в XIII в. языческий пантеон и мифы о богах были хорошо известны и отразились в записях мифологических песней («Старшая Эдда»), пересказах в «учебнике» поэтического мастерства («Младшая Эдда»), в многочисленных упоминаниях в скальдических стихах и сагах. Скандинавская мифология представляла собой всеобъемлющую систему мировосприятия от происхождения мира и людей до социального устройства общества. Трехчастный универсум, миры богов, людей и чудовищ, объединялся мировым деревом. Во главе пантеона находился бог воинов, а также мудрости *Один*; защитником людей от великанов выступал *Тор*. Боги плодородия брат и сестра *Фрейр* и *Фрейя* обеспечивали благоденствие. Существование мирового порядка должно было быть нарушено битвой богов и чудовищ (*Рагнарёк*), завершавшей очередной цикл времен, за которым следовало возрождение мира.

Как и англосаксы, скандинавы унаследовали общегерманское руническое письмо, однако не утратили его после введения латинского алфавита, а продолжали широко употреблять в повседневной практике. Сохранилось около 4 тыс. мемориальных камней с надписями руническими знаками, установленных в XI в., с X и по XIV в. деревянные стержни с вырезанными на них руническими надписями широко используются в деловой и бытовой переписке, для записи молитв, стихов и т.д. Практически во всех средневековых городах Швеции и Норвегии находят десятки (в Бергене более 1000) таких стержней.

Не имеющего аналогий в Европе расцвета достигла в Скандинавии литература на древнеисландском языке, как поэтическая, так и прозаическая. В поэзии, с одной стороны, продолжалось развитие общегерманской эпической традиции: песни о героях как эпохи Великого переселения народов, так и скандинавского прошлого имели широкое распространение и вошли в состав «Старшей Эдды», с другой – в IX в. появилась новая форма авторской поэзии – скальдическая, в которой (также с использованием аллитерирующего стиха, но с метрикой, отличной от эддической), прославлялись деяния конунгов, описывались недавние события. Крайне сложный, насыщенный метафорами-кеннингами, язык скальдов, по преимуществу исландцев, сделал возможным долгое сохранение скальдических стихов до их записи в XIII в. Еще большее распространение получила прозаическая литература, в которой был создан оригинальный повествовательный вид – «сага», объединивший разнообразные по содержанию и предназначению, но близкие по форме жанры: родовые саги (повествования об исландцах первого столетия после заселения Исландии – до 1030 г.), королевские саги (истории норвежских конунгов до конца XI в.), саги о древних временах (пересказы героического эпоса и рассказы о деяниях викингов X в.), епископские саги, саги об апостолах и святых (пересказы европейских агиографических сочинений) и др. В отличие от скальдической поэзии саговое творчество было анонимно. До середины XIII в. известен лишь один исландский писатель – Снорри Стурлусон, крупный политический деятель, которому принадлежит свод королевских саг «Круг земной», «Младшая Эдда», а также, возможно, «Сага об Эгиле», скальде X в. С начала XIII в. появляются переводы европейских куртуазных романов (рыцарские саги).

«ВЕЛИКАЯ МУТАЦИЯ» ЗАПАДА (X–XII ВЕКА)

ОТ ИМПЕРИИ КАРОЛИНГОВ К СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Гибель Каролингской империи в IX в. оплакивали многие ученые монахи и епископы, рисовавшие ужасы братоубийственной войны, мятежей и нашествий варваров: дракары норманнов обрушивались не только на побережье, но поднимались по рекам в глубь материка; по Сене в обход Парижа они достигали Северной Бургундии; Луара, Сомма, Шельда, Рейн, Маас и Мозель стали их торными дорогами. На Юге «сарацины», арабы и берберы, чувствовали свою безнаказанность, в Провансе и Септимании у них имелись свои базы, они полностью захватили Сицилию, высадились в Калабрии и Апулии, совершали рейды на север, угрожая Риму. В конце IX в. через Карпаты в Паннонию ворвались кочевники-венгры, называвшие себя мадьярами. Осев на месте бывшего Аварского каганата, они разгромили Великоморавское государство и обрушили свои набеги на Германию, Северную Италию и Прованс, достигая Аквитании. Иногда отряды венгерских язычников приглашали местные правители, ведущие междоусобные войны. Арабы разграбили древнейший монастырь Монтекассино, викинги – богатейшую обитель Флери-на-Луаре, венгры – знаменитый Санкт-Галленский монастырь в предгорьях Швейцарских Альп, и такая участь ожидала сотни аббатств и епископских резиденций. Именно они служили основной мишенью грабителей, но именно в них создавали свои хроники летописцы, а потому дошедшие до нас описания рисуют столь мрачную картину всеобщего разорения и гибели. Однако даже там, куда не доставали набеги, власть наследников Каролингской империи деградировала на удивление быстро.

Верденский раздел 843 г. не остановил дробления державы Карла Великого. К 888 г. она распалась уже на пять частей, и это было лишь началом процесса. Слабеющие короли уступали инициативу знатым представителям местной власти, присваивавшим себе все больше полномочий. Решив задачу отражения набегов, они принимались воевать друг с другом, от чего население страдало не меньше, чем от язычников. «Каролингский ренессанс» ушел в прошлое, кругозор составителей монастырских хроник стремительно сужался, число образованных людей падало.

Историки, подчеркивая неизбежность гибели державы Каролингов, редко задумываются над тем, что Византия при столкновениях с гораздо более серьезными трудностями в те времена неизменно справлялась с ними, пусть даже ценой территориальных потерь. Может быть, василевсы были правы, не считая Каролингов равными себе, полагая, что они так и остались варварами? Однако империя франков успела проделать большую созидательную работу, породив институты, идеи и образы, которым суждено было пережить династию и задать определенный вектор развития, направленный не на упрощение, а на усложнение социальной жизни.

Европа в конце IX – начале XI в.

Судьба Восточно-Франкского королевства показывала, что идея империи не была изжита и что попытки ее реставрации не оставались безуспешными. Род Каролингов пресекся здесь в 911 г. Избранный новым королем франконский герцог Конрад правил неудачно, он столкнулся с мятежом знати в Швабии и Баварии и потерпел поражение от венгров. Король Генрих I,

избранный из саксонского рода Людольфингов, оказался более успешным. Ему удалось отобрать Лотарингию у короля Западно-Франкского государства Карла Простоватого. Мирный договор, подписанный прямым потомком Карла Великого, признавал формальное равенство двух франкских королей. Генрих выстраивал отношения со знатью с осторожностью (не желая раздражать герцогов ни принятием императорского титула, ни пышной коронацией германской короной), но угроза венгерских набегов способствовала консолидации его власти. Он возводил укрепленные *бурги* (крепости или замки) и создал сильное конное войско, в основном состоящее из *министерялов* — людей, лично зависимых от короля или герцогов. В Германии сохранялись сильные черты племенного деления, и строй некоторых из племен мало отличался от описанного в «варварских правдах». Поэтому в Саксонии, Фрисландии и в предгорьях Альп оставалось еще немало свободных земледельцев, способных лично нести военную службу. Генрих свершил ряд успешных кампаний против заэльбских славян, одержал победу над венграми и в 934 г. присоединил заселенную норманнами Датскую марку на Севере.

Серьезным успехом Людольфингов был отказ от франкского обычая делить королевскую власть между наследниками. Корона передавалась старшему сыну, хотя высшая знать и участвовала в выборе короля. Оттон I (939–973) короновался уже с большой помпой в Ахене (где был похоронен Карл Великий), подчеркивая свое превосходство над герцогами. В 955 г. он нанес в битве на р. Лех решающее поражение венграм, навсегда избавившись от их вторжений. Адельгейда, вдова короля Одона Прованского и наследница Лангобардской династии, обратилась к Оттону за помощью. Он с войском пересек Альпы и без труда завоевал раздробленную Северную Италию. Женившись на Адельгейде, он короновался в Павии венцом лангобардов, подобно Карлу Великому. В 962 г. за помощью против окружающих Рим баронов и римской черни обратился папа Иоанн XII. Оттон совершил новый поход в Италию, восстановил власть папы и вновь, как и Карл Великий, был увенчан в Риме императорской короной.

Его современниками данное событие воспринималось не как создание новой империи, но как возрождение старой. Правда, восстановить империю в прежних границах не удалось, но ее территория была расширена на северных и восточных рубежах, а в орбиту влияния включались все новые земли, принимавшие христианство: Польша, Венгрия и Чехия. Как и подобало императору христианской империи, Оттон помогал немецким архиепископствам Бременскому, Майнцкому и новому, Магдебургскому, вести миссионерскую деятельность среди язычников. Блеск возрожденной империи подкреплялся женитьбой наследника, будущего короля Оттона II (973–983), на византийской царевне Феофано, племяннице императора Иоанна Цимисхия.

Сталкиваясь с растущим сопротивлением власти, Оттоны в еще большей степени, чем Карл Великий, опирались на церковь. Они назначали епископами своих ставленников, превратив канонические выборы в формальность. Императорам легко было получить папское одобрение, поскольку они не раз смещали неугодных понтификов. Характерный образчик столпа имперской церкви являл Бруно, брат Оттона I, с детства подготовленный к духовной стезе. Заняв пост канцлера королевства, он собрал в дворцовой школе выдающихся ученых и способствовал утверждению блестящего стиля

императорских грамот, заложив основы для так называемого «Оттоновского ренессанса». Он помогал брату подавлять мятежи князей и стал не только архиепископом Кельнским (главой всего немецкого духовенства), но еще и герцогом Лотарингским, сменив там мятежного Лиудольфа. Будучи теснейшим образом занят в делах управления империей, Бруно ревностно заботился о содержании епископских школ и о реформировании монастырей. Преданные епископы и аббаты должны были исполнять светские обязанности: приводить конное ополчение и собирать налоги.

Церковь получала щедрые дары, но в случае необходимости императоры могли использовать и ее ресурсы. Ведь церковное имущество не подлежало разделу между наследниками (императоры поддерживали церковь в борьбе за жесткий целибат – обет безбрачия духовенства) и постоянно прирастало дарами не только императора, но и других мирян. Требовалось лишь следить, чтобы на церковных должностях находились люди, преданные именно императору, а не местной знати (что, впрочем, тоже случалось). Систему, при которой церковь фактически управлялась императором и служила основой его власти, принято называть «имперской церковью». Сотрудничество светской и церковной властей отличалось взаимностью. Церковь рассматривала все подвластные императору территории как «Христианский мир», переданный Богом правителю, становящемуся его наместником на земле. Отсюда укреплялось и представление о христианском долге монарха – справедливо управлять вверенным ему миром и защищать церковь и всех верующих.

Оттон III (983–1002), считавший себя наследником и германских, и греческих императоров, сделал Рим своей постоянной резиденцией, где восстанавливал должности сенаторов, консулов и префектов и подражал византийскому церемониалу. На освободившийся папский престол в 999 г. он возвел своего наставника Герберта Орильякского, самого ученого человека своего времени (поэтому с репутацией чернокнижника), ставшего папой Сильвестром II. В выборе имени содержалась отсылка к прошлому, ведь во времена императора Константина Святой престол занимал также папа Сильвестр. Возможно, сама дата Тысячного года пробуждала надежды «нового Константина» и «нового Сильвестра» увидеть установление всемирной Христианской империи.

Новый порядок мыслился как федерация католических монархий, подчиненных императору и папе. Молодой правитель поощрял создание собственных митрополий в новообращенных странах. В 1001 г. польскому князю Болеславу Храброму был пожалован титул патриция, подарена копия главной реликвии империи (Священного копья) и обещан королевский титул, а венгерский вождь, взяв в крещении имя Иштван (Штефан), получил в том же году от императора королевскую корону. Создание епископств в Гнезно и Эстергоме освобождало национальные церкви от власти магдебургской и майнцской кафедр, что вызвало гнев немецких епископов, полагавших, будто чувство благодарности привяжет новых правителей к Германии не столь сильно, как бывшая зависимость их церквей от германских митрополий. Оттон III со свойственным ему рвением поощрял миссионерскую деятельность, а когда его друг пражский епископ Войцех-Адальберт принял мученическую смерть в Пруссии, сам хотел отправиться обращать язычников. Он пытался заручиться тесным союзом с Византией и изгнать арабов из византийских владений на юге Италии. Но деятельность монарха не встречала поддержки в Германии, которой отводилось место лишь одного из королевств империи.

Там полагали, что император в первую очередь должен был обратить внимание на берега Эльбы, где в 983 г. восстали славяне, вернувшиеся к язычеству и угрожавшие саксонским землям (ими был сожжен Гамбург). В Италии же неприятие императора приобрело всеобщий характер и восстания вспыхивали одно за другим. Подавив мятеж «префекта флота» Григория Тускуланского, император упрекал римлян, поддержавших мятежника: «Вы ведете себя так, как будто вы не являетесь моими возлюбленными римлянами. Ради вас я оставил свое отечество, своих близких; из любви к вам я покинул своих саксов и немцев. Я добыл для вас такие новые земли, на которые никогда не ступала нога ваших далеких предков, когда они покоряли мир. Все это делалось во славу вашего имени...» Но мятежи продолжались, императору и папе пришлось бежать в Равенну. Так и не дождавшись помощи из Германии, где зрел мятеж герцогов и части епископов, император двинул оставшиеся войска на Рим, но в походе скончался в возрасте 22-х лет, не оставив наследника.

Новый император Генрих II, представитель боковой ветви Саксонской династии, вынужден был идти на серьезные уступки знати и бережно восстанавливать прежнюю систему имперской церкви. Тот же путь проделала и новая династия Салиев (Франконская) – Конрад II (1024–1039), Генрих III (1039–1056) и Генрих IV (1056–1106), которые опирались на епископов (в основном получивших подготовку в придворной капелле) и на собственные домениальные владения, расширенные за счет конфискаций у мятежной знати. Земли шли для помещения министриалов и прямых вассалов императора. Вместе с тем, много хлопот Салической династии доставляли Италия, Лотарингия и Бургундия, вошедшая с 1039 г. в состав империи на правах третьего королевства (после Германии и Италии), но и в Германии не прекращались попытки мятежей знати. В этих условиях все более важной становилась роль имперской церкви, и императоры заботились о ее реформировании и об укреплении папства.

Империя, или, как ее назовут в следующем столетии, «Священная Римская империя», поначалу воспроизводила образцы Каролингской империи. Постепенная эволюция социально-политических отношений, главным образом за счет изменений, шедших с Запада, заставляла искать новые способы управления и поддержания порядка, и имперская церковь играла для императоров все большую роль. Тем горшим испытанием стал начавшийся конфликт между императорами и папством, разразившийся в последней трети XI в. Местом действия были Германия и Италия, но истоки конфликта следует искать в западных землях бывшей империи франков. Упадок центральной власти был там несравненно более глубоким, но именно там разворачивались социально-политические процессы, которые обеспечивали своеобразие и динамизм Западной Европы.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНО-ФРАНКСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В Западно-Франкском королевстве род Каролингов номинально правил до 987 г. Однако модель государственности, вполне последовательно воплощавшаяся Оттонами, здесь не приживалась. После Верденского раздела западно-франкский король Карл Лысый (843–877) вел постоянные войны за наследие Лотаря. Ему удалось на некоторое время завладеть Италией и

даже получить от папы императорскую корону на рождество 875 г. Но ведя войны, он вынужден был покупать поддержку знати постоянными уступками. Немалую роль в ослаблении королевской власти сыграл Кьерсийский капитулярий (877 г.), создававший прецедент наследственного владения бенефициями (земли воинов, погибших в походе в Италию, переходили их сыновьям). Тот же капитулярий официально закрепил наследственность должностей графов.

Несмотря на энергичную политику Карла Лысого, к концу его правления в Западно-Франкском королевстве возникло большое число полунезависимых княжеств. Внутренние междоусобицы усугублялись вторжениями сарацинов, норманнов, бретонцев, и центральная власть оказалась неспособна отразить их внезапные рейды; те из графов, герцогов или даже епископов, кому удалось хоть как-то справиться с этой задачей, могли очень быстро превратиться в самостоятельных и независимых правителей. Так, граф Парижский Эд (Одон) успешно выдержал осаду норманнов в 884–885 гг., а подошедшая с опозданием армия императора уклонилась от битвы, пропустив врагов в глубь страны. В 888 г. Эд был избран правителем Западно-Франкского королевства; знать и епископы надеялись, что он сможет прекратить норманнские вторжения. Но новому королю успехов достичь не удалось, к тому же престиж Каролингов был еще велик, поэтому после смерти Эда корона вернулась к Карлу Простоватому. Но в этот период легитимность королевской власти определялась волеизъявлением знати – подлинных хозяев политического пространства Каролингской державы.

Некогда бывшие императорскими чиновниками, графы и их помощники «вице-графы» (виконты) теперь стали наследственными владельцами своих должностей, превратившихся в титулы. Короля почитали, но его власть становилась все более призрачной, и он делал все новые уступки. Именно за счет уступок и был разрешен норманнский вопрос. В 911 г. вождь датской дружины Роллон, обосновавшийся в устье Сены, получил от Карла Простоватого титул графа Руанского, обязуясь защищать короля от прочих викингов и от бретонцев. Понемногу расширив свои владения и став герцогом Нормандии, Роллон с дружиной принял христианство, и вскоре его герцогство переняло латинский язык делопроизводства.

Реальная власть каролингских королей ограничивалась в X в. междуручьем Соммы и Луары, но и здесь все большую силу набирали потомки графа Парижского. Один из них, Гуго Великий, получил титул «герцога франков» (*Dux Francorum*), и с тех пор термин «Франция» стал употребляться как для обозначения земель, находящихся под властью этого рода, так и (пока еще очень редко) в расширительном смысле для обозначения всего Западно-Франкского королевства. Помимо земель вокруг Парижа и в долине Луары, Гуго и его наследники владели большим числом монастырей, где они занимали посты «графов-аббатов».

После смерти бездетным последнего Каролинга королем был избран Гуго Капет (987–996), сын Гуго Великого. Новая династия сумела удержать в своей семье королевский титул, который продолжал пользоваться уважением. На протяжении двух веков каждый король еще при своей жизни успевал обеспечить коронацию своего старшего сына. Принцип выборов короля знатью сохранялся лишь в виде символического одобрения при коронации.

Но Капетинги быстро теряли контроль даже над теми графами и виконтами, которые ранее были подвластны «герцогу франков». Виконты Блуа и Анжера присвоили себе титул «граф милостью божьей», став своенравными и порой враждебными королю князьями. Вмешательство в свои дела они отвергали, напоминая, что именно они сделали Капетингов королями. Характерно, что на коронации Филиппа I (1060–1108) отсутствовали герцог Нормандский и граф Шампанский, его непосредственные соседи, зато прибыли южане: герцог Аквитанский, граф Овернский, граф Ангулемский, виконт Лиможа. Они тем охотнее признавали священный авторитет короля, что он не мог угрожать их реальной власти. Даже внутри своего домена между Орлеаном и Парижем короли с середины XI в. не чувствовали себя хозяевами: бароны самовольно возводили здесь замки, и навязать им королевскую волю становилось все труднее.

При всем обилии локальных вариантов развития событий, происходившее во «Франции» отражало общее положение дел в Западно-Франкском королевстве, в Северной Италии, в королевстве Бургундия и с некоторыми оговорками на западных и северо-западных окраинах Германии. Публичные функции верховной власти присваивались на местах графами, маркграфами и герцогами, но также епископами и аббатами. Эти функции заключались в «праве бана»: совокупности военных, административных, судебных и фискальных прерогатив. Осуществляли эти права новые властители при помощи переподчиненных себе чиновников: виконтов, видамов, или фогтов (светских «защитников» епископов), и шатленов (комендантов крепостей). Но и они начинали чувствовать свою независимость. Некоторые виконты провозглашают себя графами, шатлены уже от своего имени собирают налоги, отправляют правосудие, формируют ополчение. Их военную силу составляют «свободные», которых становится все меньше, и «воины» (*miles*) – вассалы, либо живущие в доме шатлена и кормящиеся от его стола, либо получавшие небольшие поместья неподалеку, становясь «оземленными» (*casati*) вассалами. Полученная вотчина – сеньория – состояла из земельных владений и судебно-административных прав, проистекающих из права *бана*. Несмотря на принесенную клятву и на полагающуюся верность своему сеньору, они, следуя духу времени, быстро начинали считать себя господами «милостью божьей». Воин, обладавший вооружением и боевым конем, да и просто владеющий оружием, был фигурой востребованной в эпоху, когда даже аббатства спешили обзавестись собственными дружинами. Положение воина выглядело привлекательно для многих людей несвободного состояния. Так, в одной из грамот аббатства Болье близ Лиможа в 971 г. говорилось, что несвободные люди, министриалы аббатства, управляющие поместьями имеют право носить оружие, но уточнялось, что они не являются «воинами» и им не разрешается иметь щит, меч и одежду с разрезами спереди и сзади, но дозволены лишь копье и только одна шпора. Аббаты, по-видимому, не без основания опасались, что их челядь захочет проникнуть в привилегированную группу, представители которой облачались подобным образом.

При том, что эта смутная эпоха крайне скудно представлена в источниках, у нас есть немало примеров успешных карьер замковых воинов. Так, например, на рубеже X–XI вв. на п-ове Котантен в Нормандии был возведен небольшой замок Отвиль ла Гишар, его владелец Танкред имел в своем

Корабль викингов (Осебергский корабль). IX в. Музей кораблей викингов. Осло (фото)

распоряжении отряд всего из десяти рыцарей, однако был человеком уважаемым, и герцог Нормандии последовательно выдал за него двух дочерей, родивших Танкреду дюжину сыновей. Поскольку владения отца были малы, лишь один из сыновей стал сеньором де Отвиль, а остальные искали счастья в других местах. Им повезло, они нанялись на службу в Южную Италию, воюя то на стороне лангобардских герцогов против Византии, то на стороне Византии против сицилийских арабов, и сумели добиться многого. Старший сын Вильгельм победил в поединке сиракузского эмира, за что получил прозвище «Железная рука» и в конце концов стал графом Апулии, его брат Дрого, присоединив Калабрию, очутился прямым вассалом германского императора, а их сводный брат, знаменитый Роберт Гвискар, герцог Апулии, Калабрии и Сицилии, дважды отлученный от церкви, сжегший Рим в 1084 г., стал одним из самых почитаемых рыцарей Средневековья, героем легенд, прообразом воина-крестоносца.

На протяжении X и XI вв. замков становилось все больше, они представляли собой центры реальной власти, накладываясь на старые административные деления – «сотни» и «паги» – или подменяя их собой. В принципе, любой свободный человек, заручившись поддержкой, мог воздвигнуть замок на малонаселенных, пустующих землях. Эти замки пока еще выглядели весьма примитивно (за исключением возникавших на месте старых крепостей). На естественном или насыпном холме воздвигалась башня, окруженная валом и бревенчатым палисадом. Такая конструкция служила укрытием на случай внезапного набега неприятеля и могла дать убежище окрестным крестьянам.

Замки продолжали строиться и тогда, когда угроза набегов язычников ослабла; между новообразованными графствами, виконтствами и кастелянствами велись войны, дополнявшиеся *файдами* – частными войнами, кровной местью. Обеспечить связь шатлена со своими рыцарями, а графа или виконта с шатленом могли узы верности, основанные на принесении вассальной присяги. Но она немного стоила, к тому же ситуация осложнялась переплетением взаимных вассальных присяг и отношений верности. Уже с конца IX в. один и тот же человек мог числиться вассалом нескольких сеньоров, порой враждебных друг другу.

ПАРАДОКСЫ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ. ТЕОРИИ «ФЕОДАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Подобную фрагментацию общества и государства называют «феодалной раздробленностью» и не без основания подчеркивают ее губительные последствия для государственного единства и силы публичной власти. Но самое интересное состоит в том, что именно в этот период Запад вступает в фазу динамичного развития. Для того чтобы убедиться в этом, прежде чем вчитываться в редкие дошедшие до нас средневековые грамоты того времени, достаточно просто проехать по Лангедоку, Бургундии, Каталонии или Италии и полюбоваться на сотни церквей, возведенных в течение столетия после тысячного года и дошедших до сегодняшнего дня, вопреки разделяющему нас десятку веков. По этому поводу часто ссылаются на бургундского хрониста Рауля Глабера: «Вскоре после 1000 года вновь приступили к постройке церквей, и это почти повсеместно, но главным образом в Италии и в Галлии. Их строили даже тогда, когда в том не было необходимости, ибо каждая христианская община спешила вступить в соревнование с другими, дабы воздвигнуть еще более великолепные святилища, чем у соседей. Казалось, что мир стряхивал свои отрепья, чтобы весь приукраситься белым нарядом церквей».

Массовое строительство храмов важно само по себе, но, помимо прочего, может считаться показателем экономического и демографического роста. При всей приблизительности оценок численности населения специалисты сходятся в том, что между тысячным годом и первой половиной XIII в. население латинского Запада удвоилось, а в некоторых наиболее развитых районах даже утроилось. В следующий раз таких темпов роста Западная Европа достигнет лишь в период индустриальных революций.

Если взять территорию современной Франции, то сеть населенных пунктов, сложившаяся к началу XIII в., не претерпела серьезных изменений до XIX столетия. Историки называют такое максимально полное освоение территорий «внутренней колонизацией». Постепенно вновь распахивались заброшенные земли, сводились леса, осушались болота, в Нидерландах начинали понемногу отвоевывать побережье у моря, осваивались земли водоразделов рек. Растущее демографическое давление находило выход в военно-колонизационных движениях – Реконкисте, Крестовых походах...

О причинах этого расцвета ведутся оживленные споры. Одни указывают именно на рост населения как на главный «мотор» экономического подъема.

Важность этого фактора невозможно отрицать, именно он побуждал распахивать новые земли, заботиться о повышении урожайности, он же выталкивал избыточное население в города, а растущее городское хозяйство, в свою очередь, стимулировало сельскохозяйственное производство. Но почему население начало расти?

Другие решающую роль отводят совершенствованию орудий труда и улучшениям в агрикультуре, указывая на распространение водяных мельниц, колесного плуга с лемехом, на появление хомута, делавшего возможным пахоту на лошадях, распространение трехпольной системы и т.д. Скептики указывают либо на то, что все это было известно в более раннее время, либо на сугубо ограниченный характер инноваций (конный плуг, равно как и трехполье, возможны только на определенных почвах). Но в любом случае вновь уместен вопрос о причинах этих достаточно быстрых сдвигов, происходивших в определенное время и в определенном месте.

Указывают также на улучшение климата, ставшего более теплым и влажным. Впрочем, климатологи далеко не так единодушны, как того хотелось бы историкам. И в данном случае надо объяснять, почему благоприятные климатические изменения в одних регионах вызвали значимые социально-экономические последствия, а в других – нет.

Понятно, что ученые не обязаны сегодня быть монистами, т.е. искать единственную причину, по отношению к которой все остальные были бы вторичными. Но трудно не заметить совпадения во времени и в пространстве двух явлений. Медленный подъем экономики начинается тогда, когда своего апогея достигает процесс «феодальной раздробленности». В 60-е годы XX в. Жорж Дюби предложил концепцию так называемой «феодальной революции». В той или иной мере она была поддержана его коллегами, говорящими несколько более осторожно о «феодальной мутации». Первопричина сдвигов помещалась ими в область социальных отношений. Метафора «революции» отсылала к тому факту, что власть в виде бана переходит из рук монарха и придворной знати в руки местных сеньоров, рыцарей. В ходе этой «революции бана» сеньориальная власть перемещалась ближе к земле, что делало возможным ее возросшее давление на производительные силы и давало толчок к повышению производительности крестьянского труда.

Если в каролингскую эпоху социальную элиту составляла знать, а воины, наравне с прочей челядью, ценились лишь за свою службу, то теперь все чаще встречавшийся в грамотах термин *milites* («воины») обозначает рыцарей, занимающих важное место в обществе. Вне зависимости от своего происхождения (кто-то принадлежал к младшим ветвям аристократических родов, кто-то был незнатным свободным, а кое-кто и министриалом из рабов) они сливаются в одну группу с аристократами – группу «воюющих», призванных выполнять важнейшую социальную функцию – военную, направленную на защиту слабых.

К «слабым» относили не только людей церкви («молящихся»), но и крестьян («пахущих»). Ополчение всех свободных людей (*ост*) ушло в прошлое, равно как и деление на свободных и несвободных. Свободными (вне зависимости от происхождения) считаются теперь те, кто носит оружие, судится в графской курии и может осуществлять кровную месть, защищая свой линьяж и свою честь силой. Все остальные: *колоны, литы, сервы, три-*

бутари и прочие – сливаются в один слой – крестьян, «пахарей», «селян». Не случайно в немецких диалектах к концу XI в. появляется новое слово «bauer» – крестьянин.

Как настоящий социальный переворот «феодалная революция» сопровождалась насилием: захватывали права публичной власти, отбирали землю у церкви и заставляли крестьян признать новую реальность – господство феодальных замков над сельской местностью, которое было не только символическим. Рыцари могли сломить любое сопротивление крестьян, подобно тому, как это произошло в Нормандии и Бретани в конце X в. Как настоящая революция, она приводила к серьезным экономическим сдвигам, раз речь шла об очередном разделении труда. Прежняя военная служба оказывалась тяжелой ношей для простых земледельцев, особенно в изменившихся условиях ведения войны, вызванных введением рыцарского вооружения. Рыцари, монополизировавшие военную функцию, осели на землю и, проживая в своих замках, сумели обеспечить более производительный труд крестьян, ведь именно их собственное благополучие зависело в большей степени от своей вотчины, а обрести добычу и славу в далеком походе было уделом немногих.

Происходящие изменения нашли отражение в формировании новых представлений о сословном делении общества. В первой половине XI в. Адальберон Ланский использует трехчастную модель для описания общества: «молящиеся», «воюющие» и «работающие». Этот образ был очень популярен, подчеркивая иерархию и взаимозависимость сословий.

Аргументы сторонников «феодалной мутации» дополнялись удачными терминологическими находками. Пьер Тубер, фиксировавший перегруппировку жителей окрестностей Рима вокруг замков, возведенных баронами почти одновременно, подобрал этой ситуации удачное наименование «озамкование» (*incastellamento*), аналогичные процессы были обнаружены историками в разных частях Западной Европы около Тысячного года. Робер Фоссье видел принципиальное изменение не в столько в появлении новых социальных групп, сколько в формировании плотной сети новых ячеек – базовых социальных структур, охватывающих всю территорию Европы. Во избежание путаницы он подобрал для этого явления термин, в равной степени чуждый и нам, и людям Средневековья – «объячеивание» (*encelulement*). Средневековый крестьянин оказывался включенным в несколько ячеек, границы которых накладывались друг на друга: приход, сеньория, сельская община, деревня, на которые могли надстраиваться более сложные структуры. С точки зрения исследователя, в каролингскую эпоху население не имело такой прочной укорененности в пространстве, возможно, вообще не зная устойчивых деревень. Углубляя эту идею, ее сторонники говорили, что Средневековье как феодальную эпоху следует начинать с X в., характеризуя каролингский период как «карикатурно-античный».

Теория «феодалной революции», определявшая социальную причину быстрых изменений, привлекала и тем, что позволяла связать воедино процессы, происходившие, казалось бы, в разных сферах жизни. Но со временем эта концепция подверглась острой критике. «Антимутационисты» утверждали, что изменения шли не столько революционным, сколько эволюционным путем, причем отнюдь не по единому сценарию. Термины и явления, трактуемые как новации Тысячного года, были присущи каролингскому об-

шеству, которое предстает не как «карикатурно-античное», но скорее как «первый феодальный период». Они уточняют, что схема «трех сословий» появилась раньше и отнюдь не была единственно возможным объяснением общественного устройства. Они утверждают, что так называемое «феодальное право», записанное лишь в конце XII в., не столько резюмировало три столетия эволюции социально-политических отношений, сколько отражало волю позднейших государей, стремившихся привязать к себе мир рыцарей. И, пожалуй, наиболее серьезным уточнением, внесенным в концепцию «феодальной революции», явилось перенесение внимания с социальных слоев и групп, которым якобы соответствовали определенные термины источников, на реальных участников социально-политических процессов.

ЛИНЬЯЖИ ЗНАТИ И ИХ СТРАТЕГИИ: СЕМЕЙНАЯ «ЧЕСТЬ», «СОЮЗНИКИ», «ВАССАЛЫ», БРАКИ, ЧАСТНАЯ ЦЕРКОВЬ

Главными действующими субъектами этого смутного времени выступали семейные кланы – *линьяжи*. Они представляли собой большие патрилинейные семьи, обладающие сильным чувством семейной солидарности, их члены готовы были вершить кровную месть, отвечая друг за друга. Род владел некоторой неразделенной семейной собственностью – *патримониумом*, для них было свойственно развитое генеалогическое сознание, хранившее память о предках и их подвигах. Линьяжи обладали собственной стратегией выживания, временами не тождественной субъективным желаниям отдельных своих членов. Линьяж решал сразу несколько противоречивых задач: сохранить ядро семейной собственности, не допустить ее раздробления, за которым следовала деградация рода, поскольку потеря патримониума вела к утрате социальных позиций, а в перспективе к лишению статуса свободного человека. При этом требовалось достойно обеспечить детей, увеличить число людей, на чью помощь можно рассчитывать в частных войнах – «файдах». Причиной файд была кровная месть, но также и всякая защита семейной «чести», понимаемой как совокупность социальных позиций (должности, земли, замки), ущерб которым затрагивал интересы всех родственников. А для решения таких задач нужно было иметь много «друзей», «верных», «союзников», с которыми также необходимо поддерживать взаимовыгодные отношения.

Подобные отношения иногда приобретали характер вассальных, но они не образовывали согласованной системы и не имели единого ритуала. Вассальные присяги иногда сводились к «поцелую мира», но в Лангедоке и Провансе, где сохраняли силу римские правовые традиции, охотнее заключали письменные договоры, с перечислением взаимных обязательств. В виде «обязывающего дара» во владение могли передаваться земли и замки, что предполагало ответные обязательства (иногда сопровождаясь обрядом *инвеституры* – передачи куска дерна, жезла или ветви, символизирующей передачу земли и власти над нею). Такие владения в романских странах могли именоваться *фьефом* (феодом), в германских землях – *леном*, но могли обозначаться и как-то иначе, например *фиск*, что указывало на возможность получения фискального дохода с имущества. «Вещные» отношения, по-видимому, счи-

тались важнее личных, хотя и персональный момент также имел значение, поскольку после смерти одного из участников инвеституры ее приходилось повторять заново. При помощи инвеституры и клятвы верности в большинстве случаев старались скорее завести союзников, чем организовать четкую иерархическую систему соподчинения. Один и тот же человек мог получить феодалы от разных сеньоров, которые при этом могли воевать между собой (позже такую ситуацию назовут «множественным вассалитетом»).

Крайне скудные данные, относящиеся к X – первой половине XI в., имеющиеся в распоряжении историков, показывают, насколько важную роль для линьяжа играла матримониальная политика. Для привлечения надежных, верных «союзников» дочерей могли выдавать замуж не столько за богатых и знатных, сколько за хороших воинов (и потому выделить из патримониума меньшее приданое, нежели в случае равенства сторон). Сыновья же искали богатых и знатных невест, и иногда им везло. К примеру, уже упомянутый Танкред Отвиль стал зятем герцога Нормандского, а Родриго Диас де Бивар (Сид Воитель) женился на донье Химене, дочери графа Гормаса, внучке и кузине леонских и кастильских королей, его отцом был воин прославленный, но не титулованный, но в жилах матери текла королевская кровь.

Сид Воитель

В конце XII – начале XIII в. в королевстве Кастилия было записано на пергамене поэтическое произведение, которое в виде отдельных отрывков или полнотью, по-видимому, уже несколько десятилетий исполнялось певцами-хугларами для услаждения слуха благородных рыцарей и дам: «Песнь о моем Сиде». В его основу легла история Родриго Диаса де Бивара (ок. 1050–1099), еще при жизни снискавшего славу прекрасного воина и в христианских, и в мусульманских землях. Христиане прозвали его «Компеадор» (Воитель), а мусульмане – Эль Сид («Господин»). Родриго происходил из семьи кастильского рыцаря, чьи владения находились неподалеку от Бургоса и включали местечко Бивар. В юности Родриго был отправлен ко двору леоно-кастильского короля Фернандо I, где воспитывался вместе с его старшим сыном – будущим королем Санчо II. Сид стал королевским оруженосцем, командовал королевской дружиной, а в сражениях нес знамя короля. После гибели Санчо Родриго де Бивар согласился перейти на службу к его брату и многолетнему сопернику в борьбе за передел унаследованных от их отца королевств Альфонсо VI. Существует легенда, что прежде чем принести присягу верности новому повелителю, Сид якобы потребовал от него поклясться, что он непричастен к убийству брата. Так или иначе, Сид занял довольно заметное место при дворе нового короля: по его воле Родриго получил в жены донью Химену Диас, представительницу одного из самых благородных леонских семейств, находившегося в родстве с королями. Он выполнял многочисленные важные поручения Альфонсо VI, в частности был отправлен за данью в Севильскую тайфу. Но пик славы Сиды пришелся на те периоды, когда его изгоняли из королевского окружения из-за самовольных военных действий против мусульман (первый раз) и неисполнения королевской воли (второй раз). Оба раза, покинув земли, находившиеся под контролем христиан, Сид поступал на службу к эмирам тайф.

В 90-е годы XI в., действуя самостоятельно, Сид добился того, что ему платили дань мусульманские правители Валенсии, Лериды, Тортосы и других го-

родов. Прежде многие из них были данниками леоно-кастильских и арагонских королей, которые пытались, но безуспешно, воевать против Сиды.

Единственная сила, которая могла поколебать власть Родриго де Бивара, были войска альморавидов, пришедшие в Аль-Андалус из Северной Африки. Эта угроза заставила Сиду предпринять усилия по созданию своего территориального политического образования (оно не имело определенного статуса графства или королевства) с центром в Валенсии, которую он завоевал в 1094 г. Рыцарь удерживал город до своей смерти в 1099 г. За это время в Валенсии была восстановлена епископская кафедра, которую занял клунийский монах Иероним из Перигора (1097–1102). После смерти Сиды его жена, донья Химена еще три года обороняла город от мусульман, но в 1102 г. была вынуждена оставить его, несмотря на военную помощь короля Альфонсо VI.

Чтобы избежать угрозы дробления родового имущества, большинство сыновей отправлялись на поиски службы у знатных сеньоров или же становились клириками и монахами, дочерей, не вышедших замуж, отдавали в монастырь, но желательно в «свой» частный монастырь, либо основанный данным линьяжем, либо находящийся под его покровительством. На должность аббата и даже священника назначался кто-нибудь из «своих» (от епископа требовалось лишь формальное благословение). Современные исследователи раскрыли важнейшую роль, которую играли монастыри в кристаллизации власти знатных родов. Дары, адресованные своей церкви или монастырю, при жизни служили гарантией заступничества святого патрона в делах земных, после кончины становились местом погребения и регулярного литургического поминовения самого основателя и его родных. Так выстраивалась и поддерживалась сакральная память рода. Линьяж мог разрастаться, от него отделялись новые ветви, основывающие уже свои монастыри, но дарения старой обители продолжались, подтверждая родовую солидарность.

Такой наделенный землей семейный монастырь играл роль патримониума. При необходимости эту землю можно было передать в держание (*прекарий*), но верховная собственность монастыря (или церкви), а в конечном счете рода сохранялась. Право «частной церкви» давало возможность распоряжаться церковным имуществом и поступающей церковной десятиной. Сами монастыри или церкви могли передаваться по наследству или в ленное держание нужным людям. Они аккумулировали богатства, и из их сокровищниц можно было черпать средства на неотложные нужды – строительство замка либо набор войска.

Такая линия поведения была характерна и для знати каролингского времени, но в ту пору выступала лишь как одно из средств, наряду с теми, которые могла предоставить императорская власть. В условиях распада последней роль института «частной церкви» стала гораздо более важной в жизнедеятельности «сильных» родов.

Церковь воздействовала и на матримониальную сторону политики линьяжей. Укрепляя институт церковного брака, развивая учение о его таинстве, она ужесточала запреты на браки между родственниками, даже дальними, а усиливая роль духовного родства, строжайше запрещала браки между теми, кто в этом родстве состоит. Это усложняло линьяжу подбор брачных партий, но способствовало тому, что поиск «союзников» распространялся на

все больший круг людей, а конфигурация родственных связей становилась более сложной.

В итоге господствующая социальная группа, сформировавшаяся на Западе в период X–XII вв., обладала уникальными чертами. Она препятствовала дроблению семейного имущества за счет приоритетных прав лишь одного из наследников (часто такая форма семейного раздела и выступала доказательством принадлежности к благородной семье). Одни из обделенных наследников искали выход в военной службе, что приводило к постоянным усобицам, но также и повышало способность европейцев к военной экспансии (достаточно вспомнить сыновей Танкреда Отвиля); другие направляли свои усилия на службу церкви. Но медиевисты редко обращают внимание еще на одно обстоятельство. На значительную часть наследников распространялся все более строгий целибат, для прочих действовали все более жесткие правила моногамии. Постепенное укрепление учения о таинстве брака не мешало появлению бастардов (незаконнорожденных детей), но закрывало им путь к наследству. В итоге Западная Европа не знала проклятья других регионов: опережающего роста численности элиты на фоне скромного прироста крестьянского населения. Ситуация «один с сошкой, семеро с ложкой» пока не возникала, что явилось одной из причин экономического роста.

ВЫЗРЕВАНИЕ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ. НОВЫЕ ИДЕАЛЫ МОНАШЕСТВА

Оборотной стороной тесной спаянности светской знати с церковью была привычка рассматривать монастыри в первую очередь как продолжение своего семейного имущества. Это и побудило искать выход из ситуации в реформе монастырской жизни, оказавшейся судьбоносной для Западной Европы. Сам дух «частной церкви», вполне соответствующий веяниям времени, распространялся практически на все прочие церковные институты. Трудно отделить «частную церковь» императора от «имперской церкви». Королю или императору отходило движимое имущество умершего епископа и, пока место оставалось вакантным, все доходы с диоцеза поступали в его казну. Процедура введения в должность епископов (*инвеститура*) также была заимствована из сферы права «частной церкви». Инвеститура означала передачу части властных полномочий, доходов и прав и, подобно светской инвеституре, оформлялась как передача при введении во владение определенных символизирующих власть предметов – посоха и кольца. Во Франции герцоги и графы могли выступать собственниками епископств и обращались с их диоцезами, как и с другими подвластными землями – передавали их по наследству, обменивали. Аббатом монастыря мог стать мирянин. Его цели сильно отличались от монастырских идеалов. Немало встречалось и женатых священников, но «мирские аббаты» в особенности извращали саму идею монашества, поэтому не удивительно, что в монастырских кругах X в. зрело стремление освободить монастыри от любых форм вмешательства мирян в их жизнь.

Средство борьбы с нестроением в церкви и в монастырях имелось только одно: «ре-форма», возврат к старой форме, старым уставам, отклонение от

которых оказалось губительным. И в этом не просматривалось ничего нового: когда-то Карл Мартелл при помощи св. Бонифация реформировал церковь и монастыри королевства; Людовик Благочестивый поддерживал Бенедикта Аньянского, стремящегося восстановить во всех монастырях империи древний устав св. Бенедикта Нурсийского; время от времени Оттоны и Салли начинали реформировать монастыри и восстанавливать церковную дисциплину, понимая, что иначе церковь не сможет служить им опорой.

Если бы в Западно-Франкском королевстве сохранялся прежний порядок, то очередное восстановление основ монашеской жизни пошло бы уже проторенным путем, «сверху». Но монахам, особенно южнее Луары, приходилось надеяться на самих себя и на некоторых благочестивых мирян, которых оказалось больше, чем можно было ожидать. Помимо искреннего религиозного чувства, подкрепленного убеждением в том, что монастыри и церковь обязательно надо «реформировать», дальновидные владельцы частных монастырей могли руководствоваться и прагматическими целями. На фоне общего падения церковной дисциплины аббатства плохо справлялись с такой важной функцией, как организация вечного помина души. Отсутствовали гарантии, что «частная церковь» не будет поглощена соперником, в чьих руках окажется епископская кафедра данного диоцеза, что погрязшие в мирской жизни монахи не разбегутся, что женатый священник не раздаст имущество сыновьям. Кто тогда будет заботиться о душах умерших благодетелей и беречь монастырское добро?

Поэтому аббатства надлежало освободить из-под влияния как местных епископов (подконтрольных светским правителям), так и сеньоров, которые могли бы захватить монастырь, став светскими аббатами.

Первый импульс реформы исходил из аббатства Ключни, расположенного на юге Бургундии, в графстве Маконнэ, и посвященного апостолам Петру и Павлу. Его основатель герцог Гийом Аквитанский отказался от своего права на монастырь в 910 г. и передал его под покровительство папы. Подчинение папе, пусть даже чисто номинальное (в ту пору он не имел реальной власти и в самом Риме), порождало поистине вселенские амбиции. В грамоте об основании обители провозглашались необычные цели: основать такую общину, которая в своем религиозном усердии служила бы спасению душ всех живых и почивших христиан.

В том, что конец света близок, средневековый человек не сомневался никогда, но к началу X в. слишком многие признаки усиливали эсхатологические настроения. Как писал анонимный автор того времени, мир «уже скатился к худшему, ибо многие сошли с пути истины», и спасти его предполагалось в первую очередь путем духовного обновления монашества, очищению его жизни от всего мирского. Уже при первых аббатах-реформаторах в Ключни воцарились строгая дисциплина; литургии посвящалось не менее семи часов в день, а молебны во здравие и за упокой достигали невиданных масштабов. Миряне, сперва уроженцы графства Маконнэ, но затем жители более удаленных областей, адресовали богатые дары св. Петру. Волна подражаний ключнийцам из Бургундии и Аквитании через Верхнюю Лотарингию докатилась до Фландрии и Северной Франции, а в другом направлении, через Альпы, проникла до Южной Италии. Примыкавшие к реформе монастыри образовывали союз – конгрегацию под управлением ключнийских аббатов.

В начале XI в. конгрегация включала 64 обители, а столетие спустя – уже больше 1000.

Постепенно нравственный климат начинал меняться, и быть аббатом-графом становилось неприлично. Гуго Капет, чье могущество изначально основывалось на владении монастырями, в 979 г. отказался от прав на аббатство Сен-Жермен под Парижем, заслужив похвалы современников. То, что раньше выглядело нормой, теперь считалось недопустимым и для частных монастырей.

Маленький монастырь Сан-Бартоломео-ди-Карпинето в области Абруцци, основанный местным сеньором в 962 г., в середине XI в. начал воспринимать соседство с замком как источник «злостных гонений». Хроника аббатов с неодобрением рассказывает, что прачки сеньора свободно посещали монастырь, пользовались отхожими местами монахов и смели входить в трапезную. Это послужило поводом для реформирования аббатства, и чтобы ослабить связь с сеньорами, братии пришлось переехать в дальнейшее монастырское поместье. Необходимость дистанцироваться от «своего» монастыря воспринималась сеньорами болезненно, но чтобы удержать монахов и пользоваться благами их молитв, приходилось менять отношение к монастырю как к собственности, а к монахам как к прислуге.

Значение клюнийского движения за духовное обновление не ограничивалось монашеским миром. Идея церковной свободы (*libertas ecclesiae*) церкви, независимой от мирских властей, была в полной мере выражена клюнийским аббатом Одоном (ум. 942 г.). В существующих смутах реформаторы винили светскую власть, пренебрегающую церковным контролем (*censura ecclesiastica*). То, что мирянин мог поставлять священником или аббатом того, кто предложил более щедрый дар, все чаще называлось грехом *симонии* (или святокупства) по имени упомянутого в Евангелии Симона-Волхва, пытавшегося за деньги приобщиться к таинствам. До прямых притязаний духовной власти на верховенство было еще далеко. Речь шла о духовном контроле, о напоминании властям об их христианском долге защитников Церкви и «бедных», и о том, что лишь свобода от вмешательства мирян в руководство церковными делами позволит восстановить «истинный» порядок не только в стенах монастырей, но и в миру, обеспечив спасение всем христианам.

С середины X в. наряду с Ключи обозначились еще несколько центров движения монашеской реформы в Лотарингии, Южной Германии и Италии. В отличие от Ключи лотарингская реформа распространялась не созданием конгрегации, а путем передачи монастырского «обычая» (*consuetudo*): монахов из Горца и Трира приглашали в другие обители, чтобы они устанавливали там новые порядки. Инициаторами таких приглашений чаще всего выступали владельцы монастырей – члены королевской семьи, имперская знать и епископы. Аналогичным образом происходило реформирование монашества в Англии в конце X в. при короле Эдгаре. Реформы нередко встречали сопротивление – монахи либо не хотели отказываться от привычного образа жизни, либо искренне полагали, что обычаи их родных монастырей и являются уставом св. Бенедикта, и видели в заезжих реформаторах охотников до монастырского добра. История монастырей изобиловала заговорами, отравлениями и мятежами.

Сто лет процветания клюнийской конгрегации, рост ее богатства могли вызвать сомнения в ее соответствии аскетическому идеалу. Отшельники-еремиты в Италии, объединившие свои кельи в общины и конгрегации (камальдулы и валлумбразианцы в Италии, картузианцы во Франции), в XI в. пользовались авторитетом в силу строгости индивидуальной аскезы.

Позже монахи, объединившиеся вокруг монастыря Ситó (*Cistercium*) в Бургундии (1098 г.), не отказываясь от устава св. Бенедикта, провозгласили главной формой монашеского служения физический труд, давно оставленный клюнийцами. Селясь в лесах и других пустынных местах, способствуя тем самым процессу внутренней колонизации, они создавали передовую агрикультуру и рентабельную систему хозяйства, позволившую им не только кормить себя, но и организовать по всей Европе сеть госпиталей для бедных. Уже к середине XII в. таких обителей насчитывалось свыше трех сотен. В 1118 г. цистерцианцы, заручившись папскими привилегиями, провозгласили себя Орденом – особой, отличной от других монастырей структурой с иерархической организацией. Движение обновления монашества встречало поддержку и среди каноников – священников и дьяконов кафедральных соборов, помогавших епископу. Во второй половине XI в. некоторые из них объединялись в общины, подражая монахам. Их устав, опиравшийся на сочинения бл. Августина, совмещал монашеские обеты с жизнью в городе и несением пастырских обязанностей. Такие «уставные каноники», ставшие с 1120 г. орденом августинцев, служили опорой церковной реформы в городах. Возникновение самого понятия Ордена как принципиально новой иерархической модели организации монашеских сообществ было важным следствием реформационных движений X–XII вв., начатых в Ключи.

ДВИЖЕНИЕ «БОЖЬЕГО МИРА» И УСПЕХИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ

В тех же местах зародилось и другое, не менее важное, движение «Божьего мира». В последней четверти X в. в Аквитании влияния королевской власти не ощущалось, территория была уже поделена владельцами замков, военные столкновения стали главным средством регулирования конфликтов между сеньорами. От их военных стычек страдали крестьяне, купцы и особенно монастыри, беззащитные перед грабежами. По инициативе местного духовенства, находившегося под влиянием распространявшихся из Ключи идей, удалось добиться того, что крупные сеньоры начиная с 975 г. стали заключать скрепленный клятвой договор о мире. Заключившие его стороны гарантировали неприкосновенность церковного и монастырского имущества и жизни всех тех, кто не мог или не имел права носить оружие. Для этого собирались соборы духовенства и мирян, сопровождаемые большим скоплением простого народа, готового поддержать епископов, по инициативе которых создавались специальные силы «милиции мира», способные навязать силой принятые решения.

Начавшись в Оверни, это движение продолжилось в Бургундском королевстве, в Нарбоннской провинции, а после некоторого перерыва, уже в первые десятилетия XI в., под влиянием клюнийских монахов распростра-

нилось в герцогстве Бургундия, а оттуда перекинулось на Луару и на юг – в Прованс и Каталонию. Всех, кто носит оружие, приводили к клятве, а разрушителей мира судили, вынуждали к возмещению ущерба и наказывали церковным покаянием, но главное – против них выступала «милиция мира», действовавшая с большой решительностью. При необходимости в это войско набирали и крестьян, впереди него шли священники с крестами, демонстрируя священный характер войны. С 1027 г. церковные соборы начали вводить запрет воевать в определенные дни литургического года, объявляемые «Божьим перемирием». Количество таких дней увеличивалось, и, согласно постановлениям собора в Нарбонне (1054 г.), сеньорам для войн между собой оставалось не более 80 дней в году. На «милицию мира» эти ограничения не распространялись, принуждение к миру вооруженной рукой было святой целью.

Движение «Божьего мира» порождалось новым политическим контекстом, когда реальная власть ускользала не только от короля, но и от крупных территориальных князей, и не было направлено против сидящих в своих замках сеньоров. За ними признавалось право на месть и самозащиту, и отобрать у них это право было пока невозможно. Речь шла лишь об установлении определенных правил, ограничивающих уровень насилия в отношении третьих лиц, в первую очередь клира, но также и всех безоружных. Запрещалось захватывать вдов и паломников. Нельзя было вредить «общему делу»: ломать мельницы, уничтожать виноградники, вредить купцам и крестьянам, снабжавшим общество всем необходимым.

Взаимная клятва как важнейшее условие «Божьего мира» приносилась на реликвиях святых, причем в рассказах хронистов есть свидетельство, что святые эти творили чудеса во время торжественной присяги. Церковь настаивала на том, что перед присягой полагалось поститься, подчеркивая ее сакральный характер. Но клятва устанавливала отношения не «вертикального» (как вассальная присяга), но горизонтального характера: взаимная клятва предполагала равенство сторон.

Реакция монархов на это движение зависела от того, насколько они сами обладали силой. В 1028 г. французский король Роберт Благочестивый встретил его с энтузиазмом, хотя ему возражали некоторые епископы (во главе с Адальбероном Ланским), считавшие, что только король может устанавливать мир в королевстве. В Германии «Божье перемирие» было установлено только после 1081 г. и вскоре сменено «Имперским миром». Страны с сильной на тот момент королевской властью: Англию, Чехию, Польшу и Венгрию – движение «Божьего мира» не затронуло.

Но территориальные князья сразу же оценили выгоду этого движения, и «Божий мир» вскоре сменился миром графским или герцогским. Именно они карали нарушителей, используя «Божий мир» как способ реализовать свое собственное, а не делегированное им верховной властью господство.

Постепенный процесс консолидации власти начинался с середины XI в. именно в рамках некоторых территориальных княжеств, там, где герцоги и графы имели возможность строить более мощные замки и донжоны, чем шатлены, и собирать более солидное войнство. Многое здесь зависело от личных качеств правителей, от военной удачи, от заключения выгодного брачного союза. Герцоги и графы имели возможность получать дополнительные

ресурсы, организуя распахки пустошей и собирая торговые пошлины. На их стороне имелась поддержка церкви, заинтересованной в охране собственных владений, которую лучше других могли обеспечить князья. Для правителей появилась освященная церковью возможность срывать замки строптивых шатленов и баронов, привлекая к этому даже тех сеньоров, кто не был их непосредственным вассалом, а при необходимости даже собирать ополчения крестьян.

Князья не злоупотребляли этими мерами, боясь оттолкнуть от себя рыцарей, которые оставались достаточно независимы и в случае обиды могли перейти на службу другому правителю, как это делал уже упоминавшийся Сид Воитель в Испании или Отвили в Италии. Важнее было укрепить систему взаимных обязательств правителя и рыцарей. *Графу Барселоны* Рамону Беренгеру I (1035–1076) это удалось сделать раньше других. Он добился принесения вассальных клятв от своей мятежной знати, а затем получил клятвы верности от графов сопредельных областей – Бесалу, Сердании, Ампураса и Руссильона. В результате графство Барселонское, хотя номинально признававшее сюзеренитет далекого короля Франции, стало самым влиятельным и полностью независимым политическим образованием в регионе. Считают, что во время правления графа началась запись «Барселонских обычаев», содержащих помимо процессуальных норм еще и перечень феодалов с уточнением обязанностей их владельцев, а также включающих в себя меры по поддержанию «Божьего мира». Отсюда еще далеко до развитого феодального права, придающего стройность вассально-ленной иерархии, но первый шаг в этом направлении был сделан. Барселонские графы обладали солидными доходами, получая золото от средиземноморской морской торговли. Иногда они заключали военные союзы с тайфами («королевствами» мусульман Аль-Андалуса), но при этом охотно выступали в роли организаторов священной войны с неверными.

В *герцогстве Нормандском* при вступлении в права наследства нового «герцога Божьей милостью» наступал период смут, и тогда воздвигались замки баронов, ведущих междоусобные войны. Но как только герцог укреплялся на троне, он сносил «незаконные» замки. Вильгельм I (1035–1087) железной рукой устанавливал «мир герцога», усиливая ограничительные предписания «Божьего перемирия»: запрещалось нападать на того, кто пашет землю, носить оружие в лесу, а снаряжаясь на «частную войну», нельзя было брать с собой знамя и рог (чтобы не привлекать к себе дополнительных сторонников). Доходы от все более интенсивной торговли по морю и по Сене, чеканка собственной монеты усиливали позиции герцога. Но его главным успехом было то, что он сумел сплотить знать в воинских предприятиях, навязав ей достаточно жесткие принципы вассально-ленных отношений. Сперва им было завоевано графство Мэн, а затем – Англия. Став после 1066 г. английским королем, герцог получил колоссальный перевес по отношению к знати, что, впрочем, не прекратило ее мятежи.

Графам Фландрии удалось во второй половине XI в. нанести ряд поражений многочисленным мелким правителям. Уже с 1030 граф Бодуэн V и епископ Нуайонский собирают совет знати, где приносится присяга мира. В 1063 г. Бодуэн V вместе с епископом Торуанским провозглашает «Божье перемирие», причем все сеньоры приносят в этом присягу уже самому гра-

фу, который следит за его соблюдением весьма решительно, не останавливаясь перед казнями послушников. Графы были весьма активны, присоединив земли так называемой «Имперской Фландрии», воинственные фламандские воины участвовали в походе в Англию Вильгельма Завоевателя, а впоследствии составили основу крестоносного войска. Стараясь упорядочить агрессивность рыцарей, графы выступают инициаторами первых турниров, организованных по инициативе графа Карла Доброго (1119–1127). В какой-то мере Фландрия становится «законодательницей моды» в организации рыцарства. Графы поощряли масштабные работы по осушению болот и устройству польдеров. Но главным источником доходов и политической силы графов стали города Фландрии. «Графский мир» Карла Доброго строго карал за нападения на купцов. Современники говорили, что он установил во Фландрии спокойствие, как в каком-нибудь монастыре.

Доходы от торговли составляли важный ресурс власти *графов Шампани*, которые на рубеже XI–XII вв. брали на себя охрану ярмарок, окружая места их проведения своими донжонами и крепостями. Вместе с тем, они опирались на развитую систему вассальных связей. В первой трети XII в. они составляют регистр фьефов графства Шампанского с указанием владений двух тысяч графских вассалов.

При всем различии конкретных условий можно определить некоторую стратегию успеха графов и герцогов: достижение стратегического преимущества над своими шатленами и баронами за счет привлечения дополнительных ресурсов; использование движения «Божьего мира»; выстраивание системы феодальных отношений на своей территории. Постепенно «шатлены божьей милостью» перестают быть независимыми владельцами своих замков. Прежние многообразные виды связи уступают более унифицированной системе. Терпеливо выстраивая вассально-ленные связи в виде пирамиды, правители де-юре признавали права и властные полномочия феодалов, расположенных на каждой ее ступени, но де-факто имели возможность непосредственного вмешательства на всех ее уровнях. Начиная строить феодальную систему, правители намеренно придавали ей иерархический характер, и пример для подражания у них имелся – они ориентировались на церковную иерархию, становящуюся в это же время все более жесткой.

ОТ «ИМПЕРСКОЙ ЦЕРКВИ» К «ПАПСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» И «ЦЕРКОВНОМУ ВОИНСТВУ»

В начале XI в. под влиянием идеологов клюнийской и лотарингской реформ предпринимает шаги к своему обновлению и имперская церковь. По инициативе императора Генриха II (1002–1024) и при поддержке ряда аббатов-реформаторов и папы Бенедикта VIII один за другим провинциальные синоды повторяют запрет священникам жениться, а их сыновьям наследовать церковное имущество. При Генрихе III (1039–1056) реформа достигает Рима: император в 1046 г. возвел на папский престол немца Климента II.

Реформы стали реально ощущаться в годы понтификата папы Льва IX (1048–1054), в прошлом епископа Туля, одного из оплотов лотарингской реформы. Он начал с реорганизации римской курии, назначив кардинала-

ми прелатов из разных стран, проявивших себя активными реформаторами (теолог и епископ Петр Дамиани, архидьякон Фридрих Льежский – будущий папа Стефан IX, римский монах Гильдебранд – будущий папа Григорий VII). При Льве IX были предприняты решительные шаги по искоренению симонии и введен строгий целибат для священнослужителей, расширена программа реформ в отношении места церкви в обществе и положения папы в церковной иерархии. По его поручению были собраны и упорядочены все имевшие место в прошлом правовые акты, подтверждающие «свободу Римской церкви», где фиксировались догматические и правовые основы института папства (так называемые «Псевдоисидоровы декреталии»). Именно при Льве IX произошел разрыв с Восточной, Православной церковью, связанный с разночтениями в трактовке догмата о воплощении Христа. Это была не первая схизма, и в ту пору никто из современников не предполагал, что она станет окончательной.

Инициатива реформ переходит к папству, которое после смерти Генриха III и во время малолетства Генриха IV начало предпринимать осторожные попытки распространить требования «церковной свободы» на взаимоотношения папы и императора. Так, декрет 1059 г. папы Николая II регламентировал процедуру папских выборов, отнеся их к компетенции исключительно кардиналов: семеро кардиналов и 28 кардиналов-священников главных римско-католических церквей отныне избирали папу независимо ни от римской знати («народа»), ни от воли императора. Впервые прозвучало требование запретить мирянам назначать на должность клириков, будь то за вознаграждение или бескорыстно, иными словами понятие «симонии» распространялось на всякое вмешательство мирян в дела церкви. Немецких епископов вызывали в Рим отвечать за случаи симонии в их диоцезах, им предписывалось применять строгие меры для искоренения этого порока, а также браков священников. В Германии, а особенно во Франции, где посты ленных князей и епископов часто совмещались, возбужденный епископат всемерно пытался противиться административной власти римской курии.

С избранием монаха Гильдебранда на папский престол под именем Григория VII (1073–1085) реформа вступила в решительную фазу. Понтифик запретил под угрозой отлучения принимать святые таинства из рук женатых священников, а также тех, кто приобрел свой сан за деньги; таким образом, к поддержке прежних дисциплинарных установлений церкви привлекались и миряне. Носителям духовного сана не позволялось становиться вассалами мирян. Но Григорий VII не ограничился борьбой за очищение церкви от симонии и браков священников. Он впервые поставил под сомнение всеобщую непоколебимую убежденность в единстве светской и духовной власти, высказав претензию на духовное руководство христианским миром. Так далеко не заходил еще никто, поэтому движение, которое было начато не этим понтификом, получило имя «Григорианской реформы».

Новую концепцию папской власти можно найти в «Диктате папы», содержащем 27 утверждений. Этот текст никогда не имел силы официального документа, скорее речь шла о выписках из «Псевдоисидоровых декреталий», но он в концентрированном виде содержит обоснование папского приоритета. Главным аргументом здесь выступала обновленная Петром Дамиани идея миссии папы в качестве наследника апостола Петра и потому высше-

го арбитра христианского мира. Король, которому запрещалась инвеститура епископов, становился всего лишь мирянином; не он, а папа объявлялся «викарием Христа» на земле, уполномоченным низлагать того, кто пренебрегает христианским долгом, будь то король или епископ. Реализация этой доктрины была возложена на папских полномочных посланцев – легатов, имеющих право смещать любого епископа.

Осенью 1075 г. завуалированная угроза низложения прозвучала и в адрес императора Генриха IV, когда тот провел инвеституру трех итальянских епископов, что стало формальным поводом для длительного конфликта папства с императорами, получившего в истории название «спор об инвеституре». В ответ император в январе 1076 г. собрал в Вормсе имперских епископов и объявил о низложении папы. В этом содержалось мало нового – Оттоны и Салии не раз смещали неугодных понтификов, но беспрецедентным стало решение папы отлучить от церкви отказавшихся подчиняться ему епископов и самого императора, и тем самым освободить его подданных от клятвы верности.

Отлучение развязало руки врагам императора. Герцоги заявили, что выберут другого короля, если Генрих пробудет под отлучением больше года. Епископы начали переходить на сторону папы. Император отважился почти без войска перейти зимние Альпы и неожиданно появился в Ломбардии, где его ленники и местные епископы готовы были воевать с папой до конца. Тем не менее переговоры в замке Каносса в январе 1077 г закончились униженным покаянием императора.

Получив перемирие, Генрих IV сумел удержаться на троне и взять реванш, избрав своего папу. Григорий VII умер в изгнании под защитой норманнов Роберта Гвискара. Но история запомнит не его печальную участь, а Каноссу – как самое яркое событие эпохи «борьбы за инвеституру». И это во многом справедливо, потому что, назвав Генриха IV в булле об отлучении «немецким королем», Григорий VII уравнивал его империю с другими европейскими государствами, лишив универсального характера саму имперскую идею. Теперь принцип единства христианского мира обеспечивается главой церкви, который имеет право и даже обязан при необходимости призвать к порядку любого короля. В этом смысле «Каносса» символизирует один из самых критических моментов в истории идеи императорской власти как высшей власти на земле – момент, когда теократический дуализм ее природы подвергся оспариванию. С этого времени начинается новый период в истории империи и Западной Европы, выбравшей для себя уникальный путь развития, кардинально отличный от имперского наследия.

Несмотря на запреты пап, ни Генрих IV, ни его сын Генрих V (1106–1125) не хотели, да и не могли отказаться от поставления аббатов и епископов, что давало им рычаги контроля над церковной организацией – главной опорой их власти в империи, так что «борьба за инвеституру» продолжалась еще несколько десятилетий. Только во время понтификата папы Каликста II (1119–1124) было найдено компромиссное решение, закрепленное в 1122 г. Вормским конкордатом. Теоретическую базу для этого соглашения еще в конце XI в. подготовил теолог Иво Шартрский, обосновав различие между «духовным» и «светским» компонентами во власти прелата. Светские сеньоры имели право инвеституры применительно к светским прерогативам еписко-

па и вводили его во владение пожалованными землями («инвеститура жезлом»), а посвящение в сан осуществлялось актом инвеституры церковной («кольцом и посохом»). Но при этом папа настаивал на канонической свободе выборов епископов и аббатов. И лишь в спорных случаях определяющим было мнение императоров, причем только в Германии, но не в двух других королевствах – Италии и Бургундии. Еще раньше этот компромисс приняли французский король Филипп I (1104 г.), и английский Генрих I (1107 г.), поэтому в этих странах «спор об инвеституре» не принял столь жесткой формы, как в Германии.

Папство проявило интерес к участию в движении «Божьего мира» довольно поздно. Лишь в 1095 г. Урбан II объявил «Божий мир» на территории всего Запада, распространявшийся на тех, кто отправлялся в Крестовый поход. Все действия против самих крестоносцев, их семей и имущества, принятые во время похода, объявлялись святотатством.

В том, что движение, долженствующее установить мир, привело к призыву к войне, крылась своя логика. Для осуществления своей миссии церковь нуждалась в «вооруженной руке», будь то «милиция мира», или воинство, собираемое папами. В 1053 г. папа Лев IX собрал и возглавил войско, чтобы двинуть его против норманнов, угрожавших Риму. А Григорий VII, еще будучи архидьяконом Римской церкви, разработал и реализовал идею настоящего «воинства святого Петра» – войска папы для наведения порядка в Папской области. В начале своего понтификата он собирался во главе вооруженного контингента отправиться на помощь Византии и дойти до Гроба Господня. Но эффективно соединить священство с воинской службой до поры до времени не удавалось.

В большей мере церковь преуспела в создании христианского этического кодекса для «сражающихся», в основу которого легла идея достижения «Божьего мира» с оружием в руках. Для борьбы с теми, кто нарушает священные клятвы, с еретиками и язычниками, церковь вырабатывала идею «справедливой войны», участие в которой является долгом христианского воина. Так, отказ англосаксонского короля Гарольда Годвинсона выполнить клятву, принесенную герцогу Нормандскому на святых мошах, и передать последнему английскую корону дал основание папе Александру II объявить войну против нечестивого короля Гарольда справедливой и священной. И победа Вильгельма Завоевателя при Гастингсе в 1066 г., сделавшая его королем Англии, рассматривалась как проявление Божьей воли.

После прекращения набегов скандинавов и венгров идея священной войны с язычниками постоянно актуализировалась на северо-восточном «фронтире» – в походах против славян, пруссов, литовцев и других балтийских народов, с конечной целью приведения их в лоно христианства. Отношения с мусульманами на Пиренейском п-ове и на Юге Италии складывались более сложно – обращение их представлялось скорее исключением, чем правилом, а служба христианских рыцарей эмирам, а мусульман – королям и графам случалась пока слишком часто, чтобы создать цельную концепцию «вооруженного миссионерства» в странах ислама. Она будет разработана позже, в ходе Крестовых походов.

В создаваемой концепции рыцарства как «воинства Христова» церковь воздействовала на формирующуюся этику рыцарства, «христианизируя»

пролитие чужой и собственной крови во имя защиты всех христиан. Этого требовало завершение процесса оформления рыцарства, и церковь сыграла в этом процессе огромную роль. Однако к концу XI в. высветились лишь первые шаги в этом направлении. Зато в наступающем столетии достаточно быстро удалось «христианизировать» ритуалы рыцарства: клятва верности приносилась с участием духовенства, выносившего раку с мощами, Библию или позже – причастие; передаваемое при посвящении в рыцари оружие освящалось; в рукоятку меча иногда вкладывались реликвии. Сформированный сословный идеал уже вполне отчетливо требовал от «христианского рыцаря, воина сильного и мудрого», служить не только земному, но и небесному господину, а значит, по требованию церкви браться за оружие. И Крестовые походы стали логическим завершением этого процесса. В наиболее полной форме сочетание монашеского и рыцарского идеалов проявилось в создании духовно-рыцарских орденов (госпитальеры, тамплиеры, Ордена Св. Лазаря и Св. Гроба Господня, Калатрава, Сантьяго, Алькантара, Авицкий орден, а также Тевтонский, Меченосцев и другие). Бернар Клервосский в послании тамплиерам в 1136 г. прославляет «новое воинство», призванное обращать или истреблять язычников.

История церкви в XII в. изобиловала бурными конфликтами. Папам часто приходилось спасаться бегством из Вечного города; они вступали в распри с императорами и королями, раздоры в коллегии кардиналов приводили к избранию антипап, против тех или иных понтификов восставали жители Папской области и даже Рим. На пап зачастую ополчались епископы поместных церквей, которые, в свою очередь, нередко враждовали с канониками собственных капитулов, причем порой доходило до применения оружия, монашеские ордена резко критиковали друг друга и конфликтовали с епископами. Но все эти яркие перипетии не должны заслонять главного, а именно, поразительных успехов в строительстве церкви в качестве универсальной власти, способной обеспечить единство христианского мира во всем его многообразии, преобразовывая общество под руководством папы. Если в конце XI в. речь шла скорее о смелых декларациях, то в следующем столетии за заявлениями о том, что «только папа есть подлинный Император», уже стояла организационная мощь церкви, не знавшая себе равных.

Среди понтификов XII столетия не много встречалось личностей, столь же ярких, как деятели первого поколения «папской революции», но у них в руках уже находился такой важный инструмент, как каноническое право, сформировавшееся в период между появлением двух сборников: «Декрета» Иво Шартрского (1094 г.) и «Декрета» Грациана (1140 г.). Правоведение превратилось в согласованную дисциплину, и знатоки канонического права, канонисты, не просто примкнули к интеллектуальному движению, связанному с так называемой «рецепцией римского права», но стали важнейшей движущей силой этого процесса. Освоение логики Аристотеля позволяло примирять противоречия авторитетов, находить компромиссы, выносить четкие определения. Параллельно с этим шло развитие теологии, также применяющей рациональные методы. Теологи и канонисты были тесно связаны. Так, Иво Шартрский учился и преподавал в болонских школах права, но являлся и учеником Ансельма Кентерберийского, лучшего теолога своего времени.

В рамках обновленной теологии шла работа по уточнению догматов, составлению достаточно согласованной картины мира.

Помимо решения важнейших вопросов, без которых невозможно осуществить работу всего механизма церкви, и усилий по уточнению догматов, многое делалось для укрепления абсолютной власти папы. Его все чаще называют не только наместником св. Петра, но и викарием Христа. На символическом уровне подражание Спасителю получает развитие в ритуалах папской интронизации и явления народу. Для канонизации святого уже недостаточно было происходивших у его могилы чудес и исцелений и даже одобренного епископом народного почитания. Отныне такие вопросы могли решаться только в Риме, где к концу века формируется четкий порядок канонизации, все более напоминающий судебную процедуру. Появляется подразделение на «святых» и «блаженных», а между святыми устанавливается определенная иерархия.

ЕРЕСИ И «ТАИНСТВА»: БОРЬБА ЗА ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ И РОЛИ ЦЕРКВИ В МИРЕ

По мере движения за обновление церкви растет число известий о еретиках. Мы мало что знаем о них в XI в., когда папы объявляли еретиками и «николаитов» (женатых священников), и «симониakov», принявших инвентитуру из рук императора. Известно лишь, что в 1022 г. клирики Орлеанского диоцеза отрицали таинство евхаристии и подверглись сожжению по распоряжению короля. Но преподаватель логики Беренгарий Турский, осужденный поместным собором за трактовку пресуществления, продолжал свою деятельность, несмотря на новые осуждения.

В середине XI в. в Милане возникло движение *патария* (по названию одного из рынков, где проповедовали его сторонники). «Патарены», чьи имена нам известны, были местными аристократами. Они осуждали архиепископа и его прелатов за алчность и симонию, отказываясь принимать из их рук причастие. Александр II и Григорий VII использовали недовольство патаренов для борьбы с имперским епископством Ломбардии. Однако после победы папства патарены были объявлены Урбаном II еретиками, чье учение противоречит догматам о таинствах. Церковь настаивала, что действительность таинства не зависит от личности священника.

В XII в. полемике с еретиками уделяют значительно больше внимания. Аббат Ключи Петр Почтенный посвятил им в 1139 г. трактат, где описал основные «заблуждения еретиков». К ним он относил невежественных людей, которые, согласно аббату, слишком буквально поняли Евангелие, а потому не считали, что местом служения Богу должны быть исключительно храмы, отрицали таинства и заупокойные службы, не желали почитать крест как орудие пытки.

В 1174 г. лионский купец Пьер Вальдо раздал имущество бедным и, заказав перевод Библии на провансальский язык, взялся проповедовать народу, утверждая, что церковь должна быть бедной. Архиепископ Лионский поддержал это движение, надеясь направить его против своих соперников – богатых лионских каноников. В Риме в 1178 г. Петр Вальдо встретился с папой Александром III, вызвав у него некоторый интерес, но члены комиссии ку-

рии, проэкзаменовав проповедников, прогнали их с глаз долой. После того как их отлучили от церкви и подвергли гонениям, они укрылись в горах Пьемонта и Люберона, где общины *вальденсов* существовали до XVI в.

О взглядах новых еретиков, *катаров*, появившихся на юге Франции во второй половине XII в., известно очень мало. Предполагают, что их учение могло быть связано с ересью византийских богомилов, в которой сохранялись элементы манихейского дуализма. Катары объявляли весь плотский мир порождением дьявола и поэтому считали воплощение Христа невозможным. Отрицая материальный мир, они отвергали и церковную организацию как утратившую духовность ради земного богатства.

Папство боролось с ними как репрессиями, так и убеждением. Позднее Иннокентий III, организовавший крестовый поход против катаров-альбигойцев, пытаясь ответить на их критику «богатой церкви», поддержал Франциска Ассизского, проповедовавшего бедность. Почему же понтифик Александр III не оценил в свое время пользы, которую могла бы принести поддержка вальденсов? Дело в том, что они не только проповедовали бедность, но отрицали «таинство пресуществления» (*евхаристию*), а в этом вопросе церковь оставалась непреклонна.

Именно этот догмат выступал основной мишенью самых разных еретиков, и именно по его поводу велись горячие споры теологов. Победила крайняя точка зрения, узревшая в евхаристии отнюдь не напоминание о жертве Спасителя и тем более не ее символ, но реальную «плоть и кровь Христову», превращаемые из вина и хлеба при помощи чуда, каждый раз творимого священником. На пути к этому убеждению надлежало преодолеть немалые логические трудности и отучиться верить своим глазам. Конечное решение было выработано позднее Фомой Аквинским в догмате о *трансубстанции*, в соответствии с коим присутствие Христа в вине и хлебе реализуется не материально и зримо, но духовно и невидимо, на уровне не *акциденции* (внешнего проявления), но *субстанции* (сущности).

Но уже с конца XI в. священник поднимал Святые дары над головой, делая всех собравшихся свидетелями и участниками таинства. Подчеркиванием значения евхаристии возвышали роль клириков, литургически окончательно отделенных от мирян (с XII в. клирики причащались хлебом и вином, а миряне только хлебом), но жизненно необходимых им – ведь без клирика, способного отправлять таинства, нельзя ни причаститься, ни предварительно исповедаться для покаяния. Да и укреплявшиеся в тот период представления о важности всех прочих таинств (в особенности таинства брака) помещали клирика-священника в эпицентр социальной жизни. И потому появившаяся в XII в. практика «интердикта» (запрета богослужений) стала грозным оружием в руках церкви.

Евхаристия производилась не в полях и лесах, как призывали еретики, но только в освященных церквях, со строгим соблюдением литургического обряда. Храмы были выключены из обычного профанного (светского) пространства и в то же время господствовали над ним, организовывая его в приходы и общины. Трудно не увидеть тесную взаимосвязь между уже упоминавшимся социальным «объячеиванием» жизни, начавшимся после Тысячного года, и укреплением евхаристического культа.

Евхаристия была соборным действием, ибо приносимая на алтаре жертва предназначалась не только для прихожан, но и для всей общины христи-

Замок Гравенстеен. XII в. Гент, Бельгия (фото)

ан, живых и мертвых. Принимая в себя тело Христово, человек причащался ко всей церкви. Микрокосм храма связывал человека со всем христианским миром. Ядром священного пространства был алтарь, на который ставилась гостия, потир и мощи святых, затем следовало сакральное пространство церкви, далее – окружающее церковь кладбище, освященная земля, обнесенная церковной оградой. Такие концентрические круги сакрального пространства, расширяясь, охватывали всю христианскую ойкумену.

Термин «тело Христово» (*corpus Christi*) употреблялся в трех смыслах, как физическое, «историческое» тело Спасителя, как Святые дары – причастие, и как все мистическое тело, составлявшее вселенскую общину верных. К XII в. термин «Церковь» также обрел три значения: церковного здания; церкви как института, отделенного от мирян; всей «общины верных», мистического тела Христова. То, что именем части (церкви как института) обозначали целое (Христианское общество), показывало всеобъемлющее значение церкви, придававшей форму и поддерживающей единство общества. Такая церковь представляла чем-то неслыханно новым, будучи органично связана с новым обществом, сеньориальным и феодальным.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ

Историки долгое время считали, что города и королевская власть, чей медленный, но неуклонный подъем становится заметным в XII в., представляют собой явления, чуждые феодальной системе. На сегодняшний день очевидно, что они были не просто порождением этой системы, но элементами,

без которых она не смогла бы достичь своей завершенности. Городская традиция никогда не прерывалась на Западе, и сколь бы глубоким ни был упадок муниципальной жизни, общество воспринималось как сугубо городское.

Сеньориальное давление на производительные силы способствовало повышению продуктивности крестьянских хозяйств и интенсификации обменов. В торговле проявляли заинтересованность и мелкие сеньоры, которым требовались новые средства, и крупные князья, видевшие в рыночных и ярмарочных пошлинах и в мытных сборах важнейший ресурс укрепления своей власти. Купцов брали под свою защиту церковные иерархи, распространяя на них действие «Божьего мира». Во все учебники вошел рассказ о том, как люди французского короля Филиппа I ограбили в 1074 г. караван итальянских купцов, но известно об этом из писем папы Григория VII, взявшего купцов под свою защиту и опозорившего молодого короля на весь мир. Купцы, по всей видимости, двигались на ярмарки Шампани, хотя документальные подтверждения об их организации датированы лишь началом XII в. Шампанские ярмарки являлись общеевропейским местом встречи товаропотоков: с Севера привозили фламандское («фризское») сукно, английскую шерсть, изделия из металла, воск и меха, с Юга – пряности, шелк и предметы роскоши. Еще один путь шел через Регенсбург, куда, помимо южных и северных купцов, прибывали и караваны с Востока и из славянских стран, которые доставляли лошадей и рабов.

Совместные усилия флотов Генуи, Пизы и Барселоны сделали более безопасными воды Западного Средиземноморья, викинги уничтожили пиратские базы на Сицилии и Мальте, успехи Крестового похода закрепили позиции итальянских купцов в Леванте. Торговля приносила баснословную прибыль морским городам Италии: сперва Амальфи, Салерно и Бари, а позже сменившим их Пизе, Генуе и Венеции.

Во многих случаях горожане добивались расширения своих прав, заключая союз и принося взаимную присягу (*conjuratio*). Присяги такого типа уже встречались в каролингскую эпоху и особенно в период движения «Божьего мира». Клятвенные союзы, или первые «коммуны», горожан подчинялись схожей логике. Одну из самых ранних коммун создали в 1070 г. жители Ле Мана в графстве Анжу. Этот город давно служил ареной борьбы епископа и графа, за каждым из которых стояли группировки знати, опиравшейся на окрестные замки. Ситуация осложнялась соперничеством за этот город графов Анжуйских и герцогов Нормандских. В 1163 г. город был завоеван герцогом Вильгельмом. Но когда он отбыл в Англию, горожане изгнали его рыцарей и пригласили потомка прежнего графского дома. Это не принесло спокойствия, поскольку новый властитель обложил горожан незаконными поборами и не смог навести порядок в округе. Тогда горожане «составили заговор, который называли коммуной», и связали себя клятвой, заставив вступить в этот союз и правителя, и всю знать округа. С нарушителями обращались жестоко, сжигая их замки даже в пост и на Страстной неделе. Против владельца одного из замков они выдвинули крупное войско, отправив послов по всей округе с призывом выступить против того, кто противится их «священным установлениям». Во главе войска шествовали епископ и священники приходских церквей, неся кресты и хоругви. Но благодаря военной хитрости коммунальное войско было разбито, а епископ пленен. По возвращении

из Англии Вильгельм подошел к Ле Ману, тогда к нему явились «видные горожане», перед которыми король поклялся, что не будет наказывать город за неповиновение и сохранит его старинные обычаи и права. После этого горожане передали себя и свое имущество во власть своего сеньора.

Желание преодолеть насилие, порожденное безвластием, активное участие епископа, всеобщая «священная присяга», распространенная на духовенство и сеньоров, делают это выступление схожим с движением «Божьего мира». А войско горожан, пополненное крестьянами и возглавляемое епископом, явно мнит себя «милицией мира», не обязанной соблюдать «божьего перемирия». Но появляются и новые черты: клятвенный союз добывается от сеньора соблюдения обычаев, делегирует «видных» вести от имени коммуны переговоры и приносить и принимать клятвы.

Если в начале коммунального движения инструментами горожан служили присяга и осознание важности сиюминутных задач (снижение уровня насилия, строительство стен, городское снабжение, фиксация обязанностей по отношению к сеньору), то со временем спектр возможностей для укрепления городского единства расширялся. Укреплялся культ святого патрона, формирующего городскую идентичность (например св. Марк в Венеции, св. Георгий в Генуе, св. Эммерам в Регенсбурге, св. Женевьева в Париже), складывается набор важнейших городских инсигний и материальных символов коммуны: набатный колокол, каланча, позже – ратуша, повозка с боевыми знаменами («кароччо») в тосканских городах. Определяется система особых городских праздников, сочиняется история города, все более разветвленными становятся городские институты управления. Правоведы-канонисты вооружали горожан все более совершенными атрибутами для обоснования и осмысления своего единства: от персонального «клятвенного союза» (*conjuratio*) переходят к разработке более сложного понятия *universitas* – корпорации, наделенной «юридическим лицом». Город становится главной площадкой разработки торгового права, нотариата и всей системы городского права, регулирующего и принципы общественно-хозяйственных отношений в городе, и порядок его административного устройства. А это означало, что западный город обретал одно из своих уникальных свойств – правовое отличие от сельской местности.

Обычно герцоги и графы соглашались подтвердить права горожан и даже оформляли это решение хартией. Но иногда сеньоры, в особенности епископы, отказывались мирно уступать свою власть горожанам. Однако если нам оказываются известны застрельщики этой борьбы, то это, как правило, епископские министерiales, сеньориальные судьи (скабины, эшеваны, шеффены), рыцари, живущие в городах, и лишь иногда купцы. Впрочем, в приморских городах именно знать проявляла особенную активность в морской торговле. Рыцари преобладали в испанских городах и на Юге Франции, где городом часто управляли «консул благородных» и «консул народа».

Город представлял собой концентрированную форму общественной жизни, аккумулируя на небольшом пространстве значительные богатства и являясь местом контактов и интенсивного взаимодействия различных групп социальной элиты. И уже поэтому социально-политические процессы протекали в городе быстрее, нежели в сельской местности. Немало знатных родов стремились утвердиться в городском социуме. Недаром города Италии

в XII в. вдруг ошетинились башнями, только в Болонье их насчитывалось около двух сотен. Чтобы представить их вид, достаточно взглянуть на возвышающиеся сегодня в центре Болоньи башню семейства Гаризенди и соседнюю почти стометровую башню Азинелли. Они возводились больше из соображений престижа, чем в оборонительных целях, но все же они принадлежали влиятельным семействам, чье могущество основывалось на способности мобилизовать множество родных и друзей в случае, скажем, вендетты, ведение которой считалось и правом, и обязанностью тех, кто претендовал на лидерство в городе. Позже городские коммуны или единоличные правители городов начнут сносить эти символы частной власти и престижа, но в XII–XIII вв. множество башен возвышалось не только в Болонье, но и в большинстве других городов Италии, а иногда и за ее пределами, как например, в Регенсбурге, где их насчитывалось свыше 60. В других регионах их было не так много, но везде городские советы контролировались теми, кто принадлежал к сильным и разветвленным родам. Не случайно в городах Германии патрициат иногда называли *геишлехтерами* («людьми рода», «семейными»), подчеркивая характерную особенность их власти.

На этом этапе конфликты велись не между социальными слоями горожан, но между близкими в социальном отношении соперничающими кланами, к вражде которых обычно примешивались и внешние обстоятельства. Так, например, сторонники императора боролись с его противниками в итальянских городах, приверженцы епископов враждовали с теми, кто поддерживал капитул в Льеже и Лионе. И в этой борьбе стороны готовы были апеллировать к купцам, ремесленникам или даже к городскому плебсу.

История возвышения коммун слишком многообразна для выведения неких общих схем. Можно констатировать лишь то, что в борьбе городов против сеньоров всегда присутствовал сеньориальный элемент и что итогом ее часто становилось формирование городского единства, способного ставить общие интересы выше интересов отдельных кланов.

Что касается королевской власти, то мало сказать о ее сосуществовании в XII в. с феодальной системой – монархи придают ей завершенность и смысл.

СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ ШТАУФЕНОВ

В Германии короли обладали немалыми прерогативами. Но в ходе борьбы с папством, сопровождавшейся мятежами знати, они не смогли утвердить наследственный принцип передачи власти в самой Германии, не говоря уже об эфемерных правах на итальянскую и бургундскую короны. С 1138 г. в империи утверждается династия рода Штауфенов, ранее ревностно служившего императорам династии Салиев и снискавшего титул герцогов Швабских. Их главными соперниками выступал род Вельфов (в Италии по их имени врагов императора стали называть «гвельфами», а приверженцев императорской власти – «гибеллинами» от латинизированного названия родового замка Штауфенов – Гаубелинга). Вельфы имели титулы герцогов Баварии, Саксо-

нии и маркграфов Тосканских, тогда как у королей не было своего крупного домена, который мог бы стать ядром грядущей централизации.

Конрад III, не имея возможности отправиться в Рим, не короновался имперской короной, но его преемник Фридрих I Барбаросса (1152–1190) совершил в Италию шесть походов. Его манил не только титул императора, но и прагматические соображения. Штауфены получили корону в период, когда князья уже опирались на развитую сеть вассалов, имели солидные домениальные комплексы, расширенные за счет освоения новых территорий. Новая династия пыталась перестроить к своей пользе ленные связи, опереться на имперских министралов и иногда на города, реализовать выгоды от права чеканки монеты и сбора торговых пошлин. Она собрала земли в разных частях империи, но компактного домена, способного дать перевес над князьями, так и не получила. Такую возможность могла предоставить Италия, где процессы укрепления местной власти не зашли столь далеко. Только папство со своим «Патримониумом св. Петра» и королевство норманнов, утвердившихся на Юге, виделись Фридриху I главными соперниками. К этому моменту итальянские коммуны уже набрали сил, но между ними происходило постоянное соперничество. Если в Ломбардии Милан служил оплотом гвельфов, то Кремона сохраняла верность императору, а в Тоскане гибеллинская Пиза уравнивала гвельфскую Флоренцию.

Императоры устремлялись в Италию ради коронования, а затем спешили назад, памятуя об участии Оттона III, но Фридрих I стремился обосноваться на Апеннинах надолго. Он обратил внимание на ресурс, который предоставляли ему знатоки римского права. Уже во время первого похода в Италию, перед тем как принять императорскую корону, Фридрих велел начать работу над кодификацией ленного права Ломбардии. Изданный в 1154 г. закон, записавший отчуждение ленных земель, стал первым шагом в работе, которая завершится позже созданием знаменитой «Книги феодалов» – источника представлений историков о «классическом» феодальном праве.

Второй по счету поход императора в Италию (1158 г.) оказался еще успешнее. Сломив сопротивление городов, император собрал сейм на Ронкальских полях, где была составлена комиссия по определению *регалий* (прав императора), состоявшая из представителей 28 городов и четверых болонских юристов. Правоведы опирались на обновленную концепцию прерогатив императора как носителя публичной власти, их система аргументов предполагала точные доказательства. Города ссылались на незапамятные обычаи своих свобод, но подкрепить свои слова документами не сумели. В результате император получил право назначать консулов в городах, подчинять их власти своих чиновников – (*подестá*), распоряжаться торговыми пошлинами и возводить дворцы (*пфальцы*) на любой территории. В благодарность за помощь он даровал юристам хартию, гарантировавшую защиту всем, кто изучает право (по недоразумению ее иногда считают документом основания Болонского университета).

В 1157 г. на Безансонском рейхстаге было зачитано послание, в котором папа Адриан IV напоминал императору и князьям об их христианском долге и обещал, что окажет еще большее благодеяние (*beneficia*). Но в феодальном лексиконе этот термин однозначно указывал на то, что империя приравнивалась к лену, который император держит от папы. Поднялась волна возмуще-

ния – на сей раз императора поддерживали все епископы и даже злейшие враги императора Вельфы. Папе пришлось разъяснять, что термин *beneficium* он употребил в смысле не *feodum* (лен), а *bonumfactum* («благое дело»). Столь единодушное негодование продемонстрировало, что притязания Святого престола в духе «Диктата папы» в империи мало кто разделяет.

В это время канцелярия Фридриха I старалась утвердить надличностную идею империи, которая начинает именоваться не просто «Римской», но еще и «Священной», а близкий к императору Оттон Фрейзингенский утверждал, что святость эта не зависит от папы. Уже само избрание князьями правителя делает его королем римлян прежде папской коронации. Ведь князья являются не чем иным как римским Сенатом, и в акте избрания выражается воля Бога и воля народа. Стремясь закрепить за империей «запас святости», Фридрих добивается объявления Ахена священным городом и канонизации Карла Великого. Канонизация эта, проведенная антипапой Пасхалием III, никогда не признавалась церковью, но это не мешало и не мешает до сих пор Ахену считать Карла Великого своим святым патроном.

Мощь Фридриха росла – в 1162 г. сдался восставший Милан, который был сожжен и распахан подобно Карфагену. Но чрезмерное усиление императора вызывало все больше недовольства. Папа Александр III (1159–1181) способствовал объединению противников императора в Ломбардскую лигу (1167 г.). Ее ополчению в 1176 г. удалось разбить армию императора, которая оказалась немногочисленной – Вельфы и другие князья не предоставили войск. Фридрих I вынужден был признать Александра III папой (в ответ тот снял отлучение с императора) и покинуть Ломбардию. В Германии император сумел разделаться с Вельфами, отобрав у них Саксонию и Баварию. Успехом императора стал и брачный договор с королевством норманнов, что в будущем дало возможность претендовать на Юг Италии. Престиж Фридриха Барбароссы достиг небывалой высоты: на празднике, устроенном в Майнце в 1184 г. по случаю посвящения в рыцари сыновей императора, приняли участие от 40 до 70 тыс. человек. Восстановив пошатнувшиеся позиции в Италии, император с помпой возглавил III Крестовый поход, но скоропостижно утонул при переправе через реку в Малой Азии.

Его наследник Генрих VI сумел организовать поход в Палермо и вступить во владение богатым королевством на Юге Италии. Средства для набора войска он получил в качестве выкупа за английского короля Ричарда, захваченного на территории империи. Штауфены реализовали свою мечту, получив целостный домен, но располагался он слишком далеко от собственно Германии.

Политика Штауфенов демонстрировала сосуществование двух способов управления, имевшихся в распоряжении правителя. Он мог опереться на имперскую идею, использовать ее публично-правовые аспекты, оживленные за счет интеллектуальных резервов римского права, обновленных ритуалов и концепций особой святости, не зависящей напрямую от пап. Второй способ заключался в укреплении монархом своей роли сюзерена, вершины вассально-ленной пирамиды. Этот путь был не столь эффективным, сколь более надежным. Но он не менее первого требовал усилий правоведов, тем более что складывающаяся практика выглядела чрезвычайно запутанной.

РАСЦВЕТ СИЦИЛИЙСКОГО КОРОЛЕВСТВА: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Публично-правовые и ленные отношения образовывали сложную многослойную конструкцию в той части Италии, которая оказалась в руках Штауфенов. Норманны на протяжении столетия захватывали все новые территории на Сицилии, в Калабрии и Апулии, пока герцог Рожер II Сицилийский из рода Отвилей не объединил все норманнские владения и не получил от антипапы Анаклета II корону нового «Сицилийского королевства» (1130 г.). Оно охватывало значительную территорию, на которой проживали потомки лангобардов, а также норманны и греки, арабы и евреи. Здесь раскинулись цветущие города Амальфи и Салерно, Бари и Неаполь, Мессина и Палермо, здесь высились неприступные замки баронов. Норманны проявляли относительную веротерпимость и предоставляли общинам автономию. Но при этом они рьяно отстаивали свои монаршие prerogatives. Король Рожер (Роджер) и его преемники жестоко подавляли мятежников, опираясь на преданное им войско сицилийских мусульман.

В управлении обширными областями причудливо переплетались византийские и арабские традиции. Канцелярией по обычаю ведал грек, носивший при этом титул «эмира эмиров». Королевство служило ареной интенсивного диалога культур. Достаточно назвать лишь имя аль-Идриси, автора «Книги Рожера» («Китаб ар Руджер»), самого точного географического труда своего времени. Салерно становится главным центром медицинского знания на Западе, местом встречи греческой, арабской и еврейской медицинских традиций. В Амальфи создается «Торговый кодекс», заложивший основы морского права Европы. В городах Сицилийского королевства зарождается нотариат, создаются учебники, которыми будут руководствоваться нотариусы Нового времени. Многочисленные королевские судьи, юстициarii, разъезжали по всему королевству, творя суд в присутствии «добрых людей» – местных присяжных. Необходимость согласовывать различные системы права предоставляла правоведам богатое поле деятельности. В 1140 г. свод законов нового королевства («Арианские ассизы») устанавливает порядок сочетания местных обычаев и королевского права. Впервые в Европе государь полностью запрещает все частные войны, все рыцари первым делом обязаны клятвой королю и только во вторую очередь непосредственно сеньору. Сицилийские короли сохранили верховное право распоряжения ленами и право высшей юрисдикции, максимально широко трактуя понятие государственной измены, считавшейся одновременно и святотатством. Впрочем, эти меры оказывались действенными лишь в руках решительного короля. Калабрийские бароны вновь и вновь устраивали мятежи в период междоусобиц.

Короли, сохранившие за собой право инвеституры, при опоре на городское рыцарство и послушную церковь полностью подчинили города управлению своих чиновников. Городам не позволили превратиться в самостоятельные коммуны, что поспособствовало их постепенному упадку. Такой жесткий вариант доминирования объясняют тем, что у сицилийских королей слишком рано не осталось соперников, а папских отлучений и интердиктов они привыкли не бояться, зная, что без помощи норманнов папы оказались бы безза-

щитны перед императором. Указывают также на влияние византийской государственной традиции и на особенности вассально-ленной системы в родном для завоевателей герцогстве Нормандском. Но беспрецедентная жесткость и централизация ленной системы стала возможной в силу факта завоевания. Ведь право завоевания было свято, поскольку выражало «Божью волю».

АНГЛИЯ ПОСЛЕ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Нормандский герцог Вильгельм, ставший королем Англии (1066–1087), действовал в своих новых владениях еще более решительно в деле укрепления власти монарха. Соппротивление местного населения подавлялось, к концу XI в. англосаксонская знать лишилась почти всех земель, которые передавались нормандским баронам, непосредственным вассалам короля. Бароны располагали собственными вассалами, в том числе и сохранившими свои владения англосаксонскими тэнами. Но король требовал клятвы от всех рыцарей королевства, обязывая их нести службу вне зависимости от того, чьими они являлись вассалами. Возведение замков и башен было возможно только с разрешения короля. Седьмую часть всех обрабатываемых земель король перевел в свой домен, в состав которого вошло и большинство лесов, превращенных в охотничьи заповедники. Король также восстановил сбор «датских денег», что дало ему дополнительные финансовые ресурсы. По результатам беспрецедентной переписи 1086 г. был составлен кадастр, известный как «Книга Страшного суда» (Domesday book).

Сохранив старую систему административного деления Англии, Вильгельм Завоеватель поставил во главе нее своих должностных лиц, шерифов, ведавших повседневным управлением в региональных собраниях «сотен» и графств, но при этом создавал церковные суды, в деятельность которых запрещалось вмешиваться людям короля. Церковь при Вильгельме I получала богатые пожалования и сосредоточила в своих руках до 1500 поместий, но высшие церковные иерархи становились непосредственными вассалами короны, обязанными различными повинностями и службами.

Стройность вассально-ленной системы не гарантировала короля от мятежей знати. Они начались еще при жизни Вильгельма Завоевателя (характерно, что англосаксонское население поддерживало короля, но не знать) и усиливались в периоды междоусобиц. Новые короли обещали нормандским баронам и епископам, а иногда и англосаксам, что будут править по старине, уважать права и свободы церкви и баронов, разрешат охоту в своих лесах, подтверждая это клятвами на Библии, составлением «Хартий вольностей». Но по мере укрепления своей власти они не выказывали склонности выполнять взятые на себя обязательства. Так, Вильгельм II Рыжий (1087–1100) простоудушно заявил архиепископу Кентерберийскому: «Разве есть тот человек, который выполнил бы все, что обещал?», – но он заслужил репутацию тирана и погиб на охоте при загадочных обстоятельствах. Его брат Генрих I Боклерк (1100–1135) действовал умнее и избегал ссор с церковью (его прозвище переводится и «хороший клирик», и «хорошо образованный»), но и он отступил от большей части обещаний, данных в своей «Хартии вольностей». При нем был значительно усилен королевский суд, превратившийся в регулярно дей-

ствующую судебную палату («Суд королевской скамьи»), королевские судьи периодически объезжали страну, творя правосудие в отдельных графствах.

После смерти Генриха I начались войны между сторонниками его дочери Матильды и его племянника Стефана Блуасского, во время которой бароны самовольно возводили замки и грабили страну. Продолжавшаяся 20 лет смута закончилась приходом к власти Генриха II Плантагенета (1154–1189), сына Матильды и герцога Анжуйского. Под его властью помимо Англии оказались Нормандия и Анжу, Пуату и Мэн, Турень, а также полученное в качестве приданого за королевой Алиенорой герцогство Аквитанское. При нем же началось завоевание Англией восточной части Ирландии. Историки называют владения Генриха II «Анжуйской империей».

Англия была настолько разорена баронскими войнами, что Генрих II обошелся даже без предварительной хартии. Он решительно принялся укреплять власть, сменив всех шерифов и приказав срыть около трехсот незаконно возведенных замков. Согласно судебной реформе, суд Королевской скамьи стал высшей апелляционной инстанцией. Каждый свободный человек имел право перенести в него рассмотрение своего дела из курии своего сеньора, уплатив некоторую сумму. Для рассмотрения дел разъездными судьями привлекались свободные люди, обычно в количестве дюжины присяжных. Генрих II освободил вассалов от личной военной службы королю при условии уплаты «щитовых денег». На эти средства, а также на суммы, взимаемые в виде *рельефа* (уплачиваемых вассалами за ввод в наследство), король нанимал рыцарей, которые служили постоянно, а не определенные обычаем 40 дней в году. Помимо уменьшения зависимости короны от службы феодалов реформа имела и важные социальные последствия – английские рыцари в перспективе превратятся из воинов в землевладельцев-помещиков (*сквайров*).

Но политика этого решительного монарха имела ряд уязвимых мест. «Анжуйская империя» представляла собой конгломерат различных областей, лишенных единства, попытки распространить на континенте жесткие принципы английской вассально-ленной системы встречали отпор, а войны в Аквитании, Ирландии и Уэльсе требовали денег.

Административное рвение Генриха II, желавшего распространить действие судебной реформы на церковные суды, столкнулось с церковной организацией, возглавляемой в Англии архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом. Ранее он занимал пост королевского канцлера и верно служил королю, но став примасом церкви, переменял свою позицию. Бекет воспротивился тому, чтобы обвиняемые в уголовных преступлениях клирики привлекались к светскому суду. А когда в 1164 г. в Кларендоне состоялся церковный собор, который под нажимом короля принял реформу церковных судов, Бекет отказался приложить к «Кларендонским ассизам» свою печать, публично объявив английскую церковь свободной от их ограничений, а затем бежал под защиту французского короля. Генрих II вынужден был пойти на примирение с ним (без архиепископа коронация его старшего сына оказалась бы недействительной). Но 29 декабря 1170 г. люди короля зарубили архиепископа прямо в соборе. Папа подверг Англию интердикту; противостояние продолжалось до 1172 г., когда Генрих II принял папских легатов и совершил покаяние. Томас Бекет уже в 1173 г. был объявлен мучеником и причислен к лику святых. Церковь же укрепила принцип неподсудности клира светским

властям, вынудив их признать свою повышенную ответственность за жизнь клирика.

В конце жизни Генрих II столкнулся с мятежами сыновей, а целостность «Анжуйской империи» оказалась под вопросом при Ричарде I Львином Сердце (1189–1199) и Иоанне Безземельном (1199–1216). Войны обходились все дороже и оканчивались все менее удачно. В итоге церковь и бароны вернулись к старому требованию от короля хартии, где фиксировались бы его права и обязанности. Но теперь к движению присоединились города и рыцари. Подписание «Великой хартии вольностей» (1215 г.) стало шагом на пути к сословному представительству.

ФРАНЦИЯ: УКРЕПЛЕНИЕ АВТОРИТЕТА КАПЕТИНГОВ

Во Франции к началу XII в. скромный домен короля, окруженный владениями таких успешных соседей, как герцог Нормандский, графы Фландрии, Шампани и Блуа, был покрыт самовольно возведенными баронскими замками. Лишь Людовик VI Толстый (1108–1137) начинает энергично наводить порядок на территории домена. Замки баронов как нарушителей «священного мира» сносятся один за другим. Так, в 1111 г. замок Гуго де Пюизе был взят королем с помощью ополчений приходских общин, возглавляемых священником. Когда в 1124 г. император Генрих V объявил войну Франции и двинул свои войска на Реймс, королю удалось собрать неожиданно крупное ополчение городов. На его призыв откликнулось большинство графов и даже далекий герцог Аквитанский. Не ожидавший такого сопротивления император предпочел отказаться от похода. Престиж королевской власти постепенно укреплялся, что выразилось в заключении брака молодого короля Людовика VII (1137–1180) с Алиенорой Аквитанской.

Алиенора Аквитанская (ок. 1122–1204) после смерти отца и брата в 1137 г. стала герцогиней и графиней, а также самой богатой наследницей в Европе: ее владения простирались от Луары до Пиренеев. В 1147 г. Алиенора сопровождала своего мужа во II Крестовом походе, посетив Константинополь и Иерусалим. Поход оказался неудачным, а безупречные отношения между супругами еще больше ухудшились, и они вернулись во Францию порознь. В 1149 г. папа отказал Алиеноре в просьбе аннулировать брак, однако в марте 1152 г. развод был получен по причине установления факта отдаленного родства супругов. Алиенора вернулась в Пуатье и через два месяца вышла замуж за Генриха Анжуйского, который в 1154 г. стал королем Англии. Тем самым громадная территория Франции оказалась под властью «Анжуйской империи».

На протяжении двух десятилетий Алиенора играла активную роль в управлении державой Плантагенетов, активно разъезжая по всем краям. Она участвовала в управлении государством и была регентом в Англии, когда Генрих посещал Францию, и наоборот. Открытый роман Генриха с Розамундой Клиффорд способствовал отдалению супругов, и Алиенора создала свой двор в Пуатье. В 1169 г. она провозгласила своего сына Ричарда герцогом Аквитании. В 1173 г. Алиенора приняла участие в заговоре своих трех сыновей (Генриха Молодого, Джеффри и Ричарда) против их отца. Восстание не удалось, и в результате Алиенора отправилась в заключение. Она оставалась под надзором вплоть до смерти Генриха II в 1189 г. Сын Ричард, который стал королем Ричардом I Львиное

Сердце, находился под сильным влиянием матери. В 1190 г. Алиенора выступила в роли регента в Англии, пока Ричард находился в III Крестовом походе. Она также принимала участие в переговорах о его освобождении из плена и сборе выкупа. В 1199 г. Ричард умер, и ему наследовал младший сын Алиеноры Иоанн. Правительница перестала принимать участие в делах Англии, хотя по-прежнему была тесно вовлечена в управление Аквитанией, где прожила последние годы. Алиенора умерла 31 марта 1204 г. и была похоронена в церкви монастыря Фонтевро, куда удалась еще в конце жизни.

Алиенора принадлежит к одной из самых выдающихся и могущественных женщин Средневековья. Невероятная энергия и сила характера позволили ей выступить регентом Англии для своего мужа и фактически управлять страной большую часть правления сына Ричарда, а также обеспечивать верность своих непостоянных вассалов в Аквитании на протяжении почти 70 лет. Она получила хорошее образование, знала латынь, обучалась музыке и литературе и играла важную культурную роль при дворах обоих своих мужей, покровительствуя поэтам и трубадурам.

К концу правления Людовика VII территория королевского домена практически не расширилась, и историки часто называют монарха неудачником, затормозившим процесс централизации. Но современники относились к нему с уважением. Неизменно поддерживая церковь, он встал на сторону Александра III в его борьбе с Фридрихом Барбароссой, предоставил убежище Томасу Бекету, способствуя его примирению с Генрихом II. Не обладая солидными материальными и военными возможностями, король заботился о том, чтобы вассально-ленная система, выстраиваемая местными правителями, заработала бы в его пользу. Поэтому Людовик VII внимательно следил за соблюдением своих прав сюзерена и настаивал на том, чтобы ему всегда приносили личный оммаж. Генрих II, совершая оммаж за свои французские владения, обещал своему сеньору лишь безопасность, что уже было немало, учитывая соотношение сил. От остальных вассалов удавалось добиться большего. Король стремился установить отношения приоритетного вассалитета, сделать вассала своим *лигием*. Это означало, что, например, граф Фландрии, державший земли и от короля, и от императора, в случае конфликта между сюзеренами поддерживал короля, будучи «человеком королевской лиги». Граф Тулузский, будучи вассалом Генриха II как герцога Аквитанского, при этом считал короля своим «приоритетным сеньором». Король всячески стремился укрепить узы вассалитета с теми, чьи владения располагались на землях князей. Сам же король отказывался приносить персональный оммаж кому бы то ни было.

Там, где «мир графа» или «мир герцога» оказывался недостаточным, для пресечения конфликтов вмешивался король. Так, в 1155 г. он установил «королевский мир» на 10 лет. Но клятвы о его соблюдении принесли не все, а только герцог Бургундский, графы Фландрии, Шампани и Невера, обрисовав таким образом контуры политической коалиции, призванной противостоять внезапно возникшей «Анжуйской империи». Позже в орбиту этого союза вошел и граф Тулузский. Но помимо политических целей король получал возможность вмешиваться во внутренние дела, исправляя несправедливость и покушения на права церкви. Нарушители вызывались в королевскую курию, а в случае необходимости вразумлялись силой оружия. Так, три раза

Людовик VII водил войска в Бургундию, защищая Ключни от местных феодалов. Стремлением расширить действие «королевского мира» была вызвана поддержка коммунального движения. Если епископы не могли прекратить городские конфликты, то король давал возможность горожанам самим обеспечить мир, заключив между собой союз. В своем домене король не выдавал прав коммун, здесь он сам выступал гарантом «королевского мира». Принцип апелляции в королевский суд еще отсутствовал де-юре, но реализовывался де-факто в том случае, если местный сеньор не справлялся с задачей поддержания мира. Так, постепенно король получал возможность распространять свою власть за пределы своего пока еще небольшого домена.

В 1165 г. от брака с Аделью Шампанской (что укрепило союз с богатым графством) у короля родился долгожданный наследник – будущий король Филипп II Август (1180–1223). Ему будет суждено стремительно расширить границы королевского домена на большую часть королевства и одолеть Плантагенетов. Но начинал Филипп с хороших позиций, подготовленных предыдущим правлением.

ИСПАНСКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Правители пиренейских государств – барселонские графы, короли Арагонского, Наваррского, Леона-Кастильского и Португальского королевств – для укрепления своей власти обладали всем набором средств, доступных монархам других стран. Они длительное время приводили к повиновению своих вассалов, опираясь на записи «обычаев», эволюционирующих в кодификации феодального права – «Книги феодов». Короли Астурии и Наварры, Леона и Кастилии время от времени провозглашали себя «императорами всей Испании». Последним брал этот титул Альфонсо VII (1135–1157), король Галисии, Леона и Кастилии. Правители апеллировали к вестготской традиции, к памятникам вестготского права, при этом производя раздел королевств между наследниками, что к северу от Пиренеев казалось уже архаикой. Они пользовались посредничеством ключнийских монахов, устанавливая «Божий мир», но отстаивали особенности своей церкви: в пиренейских монастырях наравне с бенедиктинским действовал устав свв. Исидора и Фруктуоза. Долгое время сохранялась особая «мосарабская литургия». В конце XI в. под давлением папства короли и церковные соборы добились перехода на римскую литургию, но приверженцы старины оказывали сопротивление, что отразилось в легендах о «Божьих судах» – испытаниях поединком и огнем, приносивших победу мосарабскому обряду.

Идея Реконкисты как «священной войны» укрепляла власть государей, особенно если их предприятия получали статус «крестовых походов», как например, экспедиция барселонского графа совместно с пизанцами и генуэзцами против Майорки в 1115 г. или поход Альфонсо I Арагонского на Сарагосу в 1118 г., что усиливало приток крестоносцев, оседавших на новых территориях. В 1147 г. шедшие во II Крестовый поход морем фламандские, шотландские и английские крестоносцы по просьбе епископа г. Порту, убедившего их в том, что война с мусульманами священна везде, взяли штурмом Лиссабон. Он был передан королю Португалии Афонсу Энрикешу, который незадолго до того (в 1039 г.) добился независимости от Леона-Кастильского королевства.

На Пиренейском п-ове обосновались тамплиеры и госпитальеры, но возникали и другие духовно-рыцарские ордена. Отношения между ними и местным духовенством, между знатью и королями складывались достаточно сложно. Обстановка «священной войны» не мешала королям и графам использовать войска своих мусульманских вассалов для борьбы со своевольной знатью. Перевес над феодалами достигался и за счет многочисленных городов как старых, так и особенно новых, чьи свободы и обычаи подтверждались подписанными королями «фуэрос». Успехи правителей были налицо: Реконкиста, хотя и замедлила свои темпы, но позволила Леону-Кастильскому королевству закрепиться на р. Тахо и удержать Толедо. Барселонский граф, женившись на наследнице Арагонского престола, положил начало образованию унии – «Арагонской короны», чья власть распространилась на Прованс, Жеводан и Руссильон, а чуть позже – на Монпелье, Майорку и Валенсию.

Власть и авторитет королей Кастилии были настолько сильны, что они даже обходились без миропомазания. Вместе с тем, приходилось считаться со всеми политическими силами: епископами и орденами, с *рикос-омбрес* («богатыми людьми», магнатами) и с городскими общинами. Раньше, чем в других регионах Европы, короли обращаются при обсуждении дел страны не только к своей курии, но и к консультативным органам – «кортесам», приглашая туда помимо знати и духовенства представителей *консехо* (городских общин). Первый из известных кортесов состоялся в Леоне в 1188 г. Так в очень ранний период на Пиренеях начало складываться сословное представительство.

СВЕТСКИЕ ПРАВИТЕЛИ В XII в. СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА

В XII в. королями становились по праву завоевания, путем избрания или по праву наследования, что пока не отрицало процедуры выборов, реальной или символической. За редким исключением монархи проходили таинство миропомазания. Церкви удалось оказаться незаменимой для того, чтобы правитель обрел должный запас сакральной силы и стал настоящим королем «Божьей милостью». Попытки монархов добиться в этом самостоятельности предпринимались как на символическом, так и на теоретическом уровне, но до поры до времени не имели успеха. Взаимное переплетение могущества королей и церкви стало единственно возможной формой осуществления власти в этот период, что не исключало острых конфликтов между данными силами. Но церковь могла лишь помочь или помешать королям, а добиваться укрепления своей власти им предстояло самостоятельно. Они достигали этого в основном тремя путями: во-первых, стараясь укрупнить свой домен, во-вторых, расширяя свои судебные прерогативы, в-третьих, реализуя свои феодальные права.

1. «Король должен жить своим» – это всеобщее убеждение, совершенно нереальное к концу Средневековья, в XII в. еще недалеко отстояло от истины. Земли и различные судебные и фискальные права, леса и пустоши, находившиеся в непосредственном владении короля, приносили ему основные доходы. Правом собирать налоги со всей страны не обладал никто. Даже право сбора «датских денег», введенное Вильгельмом I (именно по праву завоевателя), английским королям сохранить не удалось. Понятие «столица» еще

находилось в стадии зарождения, большую часть времени короли проводили в разъездах по своему домену. Только так они могли эффективно контролировать территорию и, путешествуя от поместья к поместью, от пфальца к пфальцу, как и в раннее Средневековье, потреблять произведенный в домене «прибавочный продукт». Домен нужен был и для испомещения на нем рыцарей или министриалов, верных лишь королю. Увеличить домениальные доходы можно было путем распашки пустошей, поощрения торговли, оптимизации управления имуществом: королевские лесничие охраняли леса от браконьеров, королевские прево собирали доходы и штрафы. Домен можно было расширить также за счет приданого, конфискаций и выморочного имущества.

2. Реализовать верховные судебные права было легче всего королям-завоевателям. Рожер I Сицилийский и Генрих Боклерк без особого труда утвердили право королевского суда принимать апелляции на решения любых сеньориальных курий. Дополнительную стройность королевскому правосудию придавали судебные реформы в Англии Генриха Плантагенета, одновременные мерам Фридриха Барбароссы, устанавливавшего новый правовой режим в Ломбардии. Оба монарха, как и их старший современник Рожер Сицилийский, использовали помощь ученых правоведов, извлекавших из римского права ряд полезных принципов, согласно которым «то, что угодно правителю, имеет силу закона», а сам правитель является «одушевленным правом» (*lex animata*). Но напрямую претворять эти идеи пока не удавалось, что показали битва при Леньяно, дело Томаса Бекета и мятежи калабрийских баронов. Слишком велико было сопротивление как обычаев, так и канонического права, за которым стояла растущая мощь церкви.

Католическая церковь предоставляла возможность иного, менее конфликтного пути усиления королевских судебных полномочий. Монарх имел больше шансов на успех, если выступал хранителем «Божьего мира», пересмысленного в «королевский мир». Эта функция придавала его судебному и даже военному вмешательству в конфликты более обоснованный вид и наполняла королевские prerogatives сакральностью. Всякий, кто нарушал «королевский (а также герцогский или графский) мир», бросал вызов еще и Богу и потому уже мог считаться святотатцем (что ярко было выражено в «Арианских ассизах»). Поэтому королевский судья в дальнейшем перестает выступать только арбитром в споре сторон, но обретает возможность самостоятельно возбуждать дела против преступлений, нарушающих «мир и общее благо». Но это потребует уже иного уровня развития правосудия.

Самым надежным средством установления королевского контроля над правосудием была запись обычаев. Фиксация *кутумов*, *фуэрос*, *consuetudines* и *usages* приветствовалась не только крестьянами и горожанами, но и сеньорами, видевшими в этом подтверждение старых прав и защиту от новых требований. Но записанный обычай менял свою природу. Попав на пергамен, он подвергался толкованиям юристами, обрастал комментариями, постепенно включаясь в общее королевское законодательство. Да и сам факт признания обычая монархом, его подпись или печать, превращала короля в источник этого права, которое милостиво «даровалось» коммуне, общине или области. Надзор над «обычаем» открывал путь к контролю над территорией.

Помимо политических выгод, контроль над правосудием сулил выгоды материальные – судебные штрафы, пошлины и конфискации служили важ-

ным источником дохода. И все же для XII в. можно говорить лишь о первых шагах по установлению королевских судебных прерогатив или о восстановлении прав, которые были некогда узурпированы сеньорами.

3. Король был королем и имел какую-то власть, лишь опираясь на феодальную систему. Мало кто, подобно сицилийским и некоторым пиренейским королям, мог положиться на войско преданных мусульманских воинов или получал с торговых пошлин доходы, достаточные для содержания наемного войска. Рыцарское воинство было не очень надежной, но практически единственной силой, которой до поры до времени располагали монархи. Поэтому для них было жизненно необходимо опереться на хорошо функционирующую систему феодального права. Речь шла не только об использовании военной силы. Осуществление прав сюзерена составляло значительную часть доходов английского короля («щитовые деньги», «рельеф», право опеки над вдовами и сиротами вассалов). Возможности сюзеренов на континенте выглядели скромнее, но и они старались расширительно толковать понятие «фелонии» (измены вассальному долгу), чтобы иметь законный повод для конфискации ленов. Оговоренные случаи помощи вассалов сеньору (выкуп из плена, сборы в Крестовый поход, посвящение в рыцари старшего сына, свадьба старшей дочери) использовались королями и для извлечения доходов, и для политических целей. Авторитет французских королей от Людовика VI до Людовика IX в среде европейских сеньоров основывался на том, что они предпочитали добиваться своих целей, не выходя за рамки, предусмотренные феодальным правом.

Короли XI–XII вв. не опирались на уже существующее феодальное право, они в значительной степени его и творили, преобразуя разрозненный и противоречивый набор прецедентов и традиций, жестов и клятв, а также письменных обязательств в некоторую систему, которой, в свою очередь, придавался ясно выраженный иерархический характер, под очевидным влиянием принципов церковной иерархии. Начиная с первой трети XII в. этот процесс пойдет все быстрее, поскольку в него будут все больше вовлекаться ученые юристы. Но помимо правоведов над организацией отношений в среде рыцарства начнут трудиться и иные специалисты – герольды, «короли оружия», знатоки гербов и турнирных обычаев, к которым можно с известными оговорками причислить и менестрелей с миннезингерами. Но лучшими специалистами в этих вопросах являлись сами сюзерены: графы Фландрии и Эно, германский император Фридрих Барбаросса и английский король-рыцарь Ричард Львиное Сердце.

Можно вполне определенно утверждать, что не только церковь, но и короли создали классическое средневековое рыцарство. Идеальный тип рыцаря, конечно, лишь в незначительной степени имел отношение к реальности, но это не снижает его значимости. Образ благородного воина «без страха и упрека», украшенного гербом, живущего в замке, руководствующегося в своих поступках специфической этикой, выработанной под влиянием церкви, включенного в вассально-ленную систему, приносящего оммаж, прошедшего обряд посвящения в рыцари, участвующего в турнирах, внимающего жонглерам и менестрелям и читающего рыцарские романы, – этот образ складывается не ранее XII в. Но он возник синхронно с оформлением новой концепции церкви и формированием нового облика королевской власти. Образовавшийся треугольник взаимозависимых сил придал обществу, которое

мы уже с полным правом можем назвать феодальной, удивительную устойчивость. Сложившаяся система позволяла поддерживать определенный порядок без тяжких усилий по созданию сильного государства, мощь которого, как правило, была недолговечна. Эта модель осмыслялась и освящалась церковью, она была привлекательна для социальной элиты, ее выгоду оценили и короли. Поэтому феодальный тип организации общества не только приносился на завоеванные территории, но мог распространяться и без всякого завоевания. В первой трети XII в. феодальный путь избирает для себя Шотландия (во всяком случае, ее равнинные области), по нему же следуют короли Польши и Чехии. Феодальные отношения постепенно укореняются в Дании, хотя в целом в Скандинавии встречаются сопротивление, чреватое восстаниями. Так, упомянутый выше (с. 411) мятеж биркебейнеров («лапотников») привел на норвежский престол короля-узурпатора Сверира, однако со временем элементы феодальной системы утверждаются и здесь.

КРЕСТЬЯНЕ И СЕНЬОРЫ

Средневековый Запад всегда сохранял зоны крестьянской свободы – большая часть Скандинавии, область Датского права в Англии, многие из горных районов и т.д. Но в большинстве случаев сельские жители находились под властью сеньоров, причем за столетия, истекшие с каролингских времен, довольно часто происходила перегруппировка поселений. Территория оказалась покрыта сетью замков или других центров локальной власти (ими могли быть аббатства, командорства военно-рыцарских орденов, форпосты епископской власти, иногда городские общины в качестве коллективного сеньора). Основной ячейкой являлась вотчина – *сеньория* или *манор* (как ее называли в Англии). Она представляла собой переплетение двух видов господства, проистекавшего из поземельной и судебно-административной зависимости крестьян. Историки первый тип господства называют «поземельной сеньорией», а второй – «банальной сеньорией» (от права *бана*). Не всегда эти виды власти были сосредоточены в руках одного сеньора.

В поместьях некоторая земля оставалась господской (*домен* или *резерв*), но большая часть раздавалась в держания (*цензивы*). Держатели платили своему сеньору ценз, представлявший собой фиксированную натуральную или денежную плату за землю, и были обязаны на господской земле нести барщинные повинности. Порой барщина была невыгодна сеньору, чаще всего работников надлежало кормить, и обычай фиксировал, чтобы крестьяне получали сполна. Так, в Эльзасе косцы должны были получать после работы хлеб такого размера, «что если его взять подмышку, нельзя было бы палец засунуть за пояс». Отмечалась общая тенденция к снижению доли отработочных повинностей и к их замене фиксированными выплатами, но возможны были и попятные движения, например у церковных сеньоров, в особенности цистерцианских монастырей, строящих экономику на непосредственной эксплуатации своих земель. В XII в. наблюдался общий рост цен, параллельно возрастали потребности сеньоров, хотя бы в силу удорожания воинских доспехов и роста общих расходов на поддержание статуса. Фиксированные платежи теперь становились невыгодны сеньорам, поэтому

рентные отношения пересматривались по обоюдному согласию, и крестьяне платили фиксированную часть урожая – *шампар* (или *таска* в Каталонии), размеры которого сильно колебались от области к области. Это служило страховкой держателю на случай неурожая, но в целом такая система была выгодна сеньорам, приспособляющим свои доходы к рыночным ценам.

Если доходы земельной сеньории имели в XII в. некоторую тенденцию к снижению, то сеньоры стремились компенсировать это за счет увеличения бремени «банальной сеньории». Владельцы замков получали доходы от судебных штрафов, обладали правом сбора произвольной *талли* (платы за защиту в случае войны), могли призвать крестьян к постройке замка, к извозной повинности и т.д. Часто крестьяне обязаны были молоть зерно только на мельнице своего сеньора, выпекать хлеб в его печи, пользоваться его прессом, и все это за определенную плату (что, кстати, объясняло бурное строительство мельниц). Такие права назывались «баналитетами».

Размер повинностей регулировался обычаями (*кутюмами*) и зависел от прецедента. Сеньору не так просто было ввести новые поборы, не освященные традицией. Формы крестьянского протеста отличались разнообразием (чаще всего они использовали трения между разными сеньорами, например между монастырями и владельцами замков). Как правило, сторонам удавалось договориться. Таким образом, в основе обычая лежал своеобразный молчаливый консенсус крестьян и сеньора. И потому сеньоры, нуждаясь в увеличении доходов, искали новые пути: осваивали новые земли, поощряли организацию рынков и ярмарок.

В XII в. крестьяне в большинстве случаев были объединены в достаточно сплоченные коллективы – общины, связанные узами родства как кровного, так и духовного, соседской взаимопомощью и необходимостью совместной организации цикла сельских работ. Достаточно часто община совпадала с приходом: XII век – время повсеместного упрочения приходской системы. Епископ чаще всего уступал ходатайству сеньора, подкрепленному просьбами крестьян о строительстве сельской церкви. Приходская община владела своим имуществом, церковь служила местом сбора десятины, но прихожане контролировали ее расходование, оставляя часть для помощи бедным. В тех случаях, когда приход был слишком большим или по разным причинам не выступал выразителем крестьянских интересов, крестьяне могли заключать клятвенный союз и объединяться в братства, дублирующие приходские рамки. Такие братства организовывали помощь бедным, устраивали праздники, собирали средства на ремонт здания церкви.

Важнейшим результатом развития деревни к XII в. явилось формирование общины как своего рода «юридического лица», способного вести переговоры с сеньором по поводу «хороших» и «дурных» обычаев. Первыми были те, которые основывались на прецедентах, признаваемых всеми сторонами, вторые же представлялись как «новые», не подкрепленные незапамятным распоряжением вещей. Иногда от сеньоров удавалось добиваться выдачи *хартий* или *франшиз* – документов, подтверждающих «вольности» общины и содержащих достаточно четкий перечень взаимных обязательств. Такие договоры заключались в Италии и во Франции, в Германии они носили характер «признания прав», а в Англии встречались крайне редко, учитывая стремительный, «завоевательный» характер установления сеньориальных отношений.

В норманнских владениях на Юге Италии были распространены договоры, подписываемые сеньором и *boni homines* – представителями общины, согласно которым предусматривались выборы *синдиков* (старост). Любопытный случай представляли собой *бегетрии* Кастилии и Леоны – общины, обладающие правом самим искать себе сеньоров и менять их, а также имевшие свое фуэро с перечнем фиксированных прав. Франшизы получили распространение во Франции в некоторых районах Луарской области, также в Провансе и Каталонии. Запись прав, в первую очередь, требовалась там, где сеньоров было несколько. То, что крестьяне редко оставались один на один со своим сеньором, давало им преимущества. Они могли использовать к своей выгоде соперничество между сеньорами; распашки новых земель давали возможность уходить в основанные там поселения, наделенные большими свободами, наконец, переселяться в города. Существовали некоторые типовые хартии и франшизы, которые брались за образец в соседних областях: одной из таких образцовых франшиз была хартия из области Лорисс на Луаре. Движение за получение франшиз не являлось подражанием городским коммунальным движениям, поскольку началось даже немного раньше, но логика у них была общая – по возможности минимизировать непредсказуемые, произвольные поборы как источник «дурных обычаев», заменив их фиксированными денежными выплатами. Чаще всего речь шла о достижении компромисса, и тот факт, что где-то не сохранилось подобных документов, не означает, что там такого компромисса не существовало. Сеньоры даже шли на уступки и предоставляли общине определенную автономию (например, возможность самостоятельно заниматься обустройством дорог, ремонтом моста, содержанием общинного пастуха, решением мелких взаимных конфликтов). Но они тщательно оберегали от покушений свои судебные права, и обычно деревенский пейзаж дополняла виселица как символ высшей сеньориальной юстиции.

Общинное сознание крестьян подкреплялось на литургическом уровне причастием и церковными праздниками, но иногда и такими ритуалами, с которыми церкви приходилось в лучшем случае лишь мириться, например высаживание майского дерева, обряды, связанные со сбором урожая. Иногда в них участвовали и сеньоры, ведь они также являлись членами общины, и в том случае, если у них оставались домениальные земли, они располагались чересполосно, включаясь в принудительный севооборот; сеньоры состояли и в приходской общине, тратились на ее обновление и имели в церквях свои скамьи, украшенные гербами.

Слияние разных групп населения (свободных и колонов, литов и рабов-сервов или манципиев) в единое крестьянское «состояние» шло медленно. Сервы продолжали находиться в более тяжелой зависимости от сеньора, носящей подчеркнуто личный характер. Они платили *шеваж* – особый «рабский сбор», не могли жениться без воли сеньора и выплачивали брачную подать, а «право мертвой руки» предусматривало особую плату за вступление в наследство. При том, что в общей массе крестьян сервы составляли меньшинство и в количественном отношении сокращались, следуя риторической фигуре метонимии (синекдохе, или свойство части, распространявшейся на все целое), представление о «пятне рабства» имело тенденцию распространяться на все крестьянство. При этом несвободные могли быть должностными лицами сеньора и вливаться в ряды «воюющих», наподобие министралов в Германии.

Достаточно сложно ответить на вопрос, удавалось ли крестьянам воспользоваться плодами экономического подъема Западной Европы, иными словами – ухудшалось или улучшалось их положение? Крестьяне XII в. могли позволить себе строительство домов из камня или хотя бы на каменном цоколе. Конечно, речь идет скорее о деревенской верхушке, но данные об увеличении числа сельских каменных церквей свидетельствуют о том, что это столетие было более благоприятным для крестьян. Бывали неурожайные годы, но те ужасные голодовки, сопровождаемые людоедством, которые описывал Рауль Глабер в начале XI в., больше не повторялись. Если не считать Англии с ее особой ситуацией, сеньоры в целом все реже вмешивались в сельское производство. Они достаточно плотно контролировали его «на входе», определяя систему держаний, и «на выходе», взимая феодальную ренту. Впрочем, методы эксплуатации были весьма разнообразными – от установления собственных мер и весов, более выгодных сеньору, чем крестьянину, до выдачи из своих запасов зерна в виде ссуды в голодный год с последующими отработками.

По выражению известного историка Э.П. Томпсона, «центральное понятие феодального обычая – не собственность, но взаимные обязательства». Понятие собственности мало помогает для определения сущности сеньориальных отношений, уместнее говорить о *dominium* – господстве сеньора, предполагавшего неразрывную связь господства над землей и господства над людьми. Сеньор осуществлял власть и получал доходы, но не мог распоряжаться этой властью по своему усмотрению. Эта сама по себе достаточно непростая ситуация осложнялась включением сеньории в систему вассально-ленных отношений, когда над сеньором надстраивалось еще несколько людей, имеющих определенные права на данную землю и на людей.

ПРАВО И ПРАВОВЕДЫ В ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

У нас очень скудные данные о сеньории X–XI вв., но их становится намного больше в XII столетии. Политическая ситуация обретала относительную стабильность, источников появлялось больше и сохранность их повышалась. Но немаловажно, что постепенно (хотя и медленнее, чем для других областей общественной жизни), на отношения крестьян и сеньоров распространялся новый язык правовых норм и фиксирующих их документов. Все чаще к их составлению привлекались профессиональные юристы. Обычно они занимали сторону не крестьян, в этом смысле возможности городов были солиднее и не потому ли их коммуны становились полноправными *universitas*, а сельские общины, даже наделенные франшизами, как правило – нет? Юристы предпринимали попытки описать положение крестьян в достаточно четких категориях, одним из самых первых примеров этого служит «Трактат о законах и обычаях королевства английского» Глэнвиля; в следующем поколении, уже в XIII в., юристы-практики будут приносить правовые дистинкции в описание крестьянской жизни. И в этом смысле прямые заимствования из римского права могли негативно сказаться на положении крестьян, приравнивая их зависимость к рабскому состоянию. Запись крестьянских прав и их статуса в процессе кодификации обычаев, как правило,

улучшала положение крестьян. Тогда же, когда этот процесс шел сверху, как в «Книге Страшного суда», статус крестьян существенно понижался. Но в XII в. мало кто был в силах осуществить такое масштабное мероприятие.

Именно в XII в. благодаря работе правоведов, философов и теологов, средневековое общество в исторически очень короткий срок при жизни двух–трех поколений обрело те характерные черты, которые до сих пор определяют суть наших представлений обо всем Средневековье. Идея системы церковной иерархии с папой во главе, представления о вассально-ленной пирамиде, увенчанной королем-сюзереном, и о правах коммун как *universitas*, о крестьянском состоянии и о правовом обосновании функционирования сеньории – все это возникает практически одновременно. Конечно, все эти институты были результатом длительных процессов, да и сами они описывались в документах в качестве опирающихся на «незапамятные обычаи», что вводит в заблуждение исследователей. Но их оформление явилось итогом деятельности не только анонимных социальных сил, но и вполне конкретных людей – это были правоведы, еще в XI в. преподававшие право в Равенне, Павии и особенно в Болонье, способствовавшие так называемой «рецепции римского права». На самом деле римское право никогда не исчезало ни в Италии, ни в Южной Галлии и на Пиренейском полуострове. Но во второй половине XI – начале XII в. правоведы не просто обратились к римскому наследию, но обеспечили синтез двух великих традиций Античности: греческой формальной логики и римской юридической мысли, применив законы логики Аристотеля к изучению «Дигест» Юстиниана.

«Римское право», изучаемое болонскими правоведами, отнюдь не отражало реалий своего времени. Но самим своим существованием и развитием новое право постепенно изменяло окружающую действительность. Обретение правоведением самостоятельной логики привело к оформлению в 40-е годы XII в. канонического права, не имевшего никаких античных прототипов. Затем та же неумолимая логика осмысления все новых областей общественной жизни привела к экспансии «ученого права». Юристы осмыслиют в своих терминах право феодальное, городское, торговое, королевское и манориальное.

Правоведы опирались на тексты «Корпуса римского права», «Декрета» Грациана и других памятников, обраставших их комментариями-гlossами. К текстам применялся схоластический метод истолкования, как раз в это время рождавшийся в трудах богословов и философов. Основой знания оставались мнения авторитетов, причем противоречия между авторитетами проявлялись теперь заметнее, чем прежде, но этого перестали бояться. Как писал теолог и автор поэмы «Антиклавдиан» – энциклопедии всеобщих знаний своего времени: «У авторитета нос из воску, и его можно повернуть в любом смысле, а поэтому следует подкрепить его разумными доводами». Появляются все новые трактаты, сталкивающие между собой мнения авторитетов, например «Да и нет» Абеяра, даже «Декрет» Грациана имел заголовок: «Согласование противоречивых канонов».

Вся эта деятельность стала возможной лишь в силу складывания особой социальной среды, состоящей из магистров и студентов школ. Специфика этой среды придавала интеллектуальной деятельности импульс постоянного саморазвития. Она осуществлялась в основном в форме преподавания, т.е. чтения основного текста и искусного построения к нему всевозможных комментариев.

Мастерство преподавателя определялось его способностью выдвигать новые вопросы и умением отстаивать свою позицию на диспутах. Для преподавателей, юристов, философов и богословов стремление побеждать было свойственно в не меньшей степени, чем для рыцарей. К тому же не только престиж, но и материальное благосостояние магистра зависели от числа учеников, а их можно было привлечь главным образом лишь постановкой все новых вопросов.

Если говорить о юристах-гlossаторах, то особенностью их стиля мышления и преподавания является стремление постоянно разделять рассматриваемый предмет на все новые подмножества (строить дистинкции). Например, они брали понятие «контракта» и затем делили его на договоры и пакты, пакты подразделяли на срочные и бессрочные, срочные, в свою очередь, разделяли на несколько подвидов. Юристы спорили между собой относительно того, как именно следует строить дистинкции, выдвигали все новые определения. Так, в лекциях, и особенно в диспутах, развивалась эта наука, так формировался особый стиль мышления средневековых юристов, которые уже не могли думать иначе, даже если рассматривали вопросы, лежащие вне компетенции так называемого римского права: от права подданных на участие в обсуждении государственных дел до прав крестьянина на возмещение ущерба в том случае, если у него украдет курицу серв соседнего лорда.

НОВЫЕ ФОРМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Подобные принципы характеризовали богословие, медицину, но также и многое другое, за что брался человек, получивший начатки нового образования, будь то написание исторических хроник или политических трактатов. Интеллектуалы, сформированные подобным образом, все чаще принимали участие в выработке решений светскими правителями, способствуя укреплению в них уважительного отношения к наукам (Иоанн Солсберийский в трактате «Поликратик» писал, что необразованный король подобен ослу на троне). Они и сами все чаще занимали кафедры епископов, становились кардиналами. Болонский правовед Роландо Бандинелли в 1159 г. избирается папой Александром III, а парижский теолог Лотарио Конти – папой Иннокентием III; эти два самых активных понтифика своего века открывали череду ученых на Святом престоле.

Успехи схоластики неизбежно порождали критиков новой интеллектуальной модели, призывавших остерегаться ложных умствований и уповать на послушание и мистическое озарение. Петр Дамиани еще в середине XI в. осуждал суемудрие и утверждал, что все необходимое уже сказано в Божественном Откровении. Но сей суровый аскет из вновь образованного ордена отшельников-камальдулов сам был прославленным преподавателем риторики в школах Пармы и считается одним из родоначальников канонического права. Примечательно, что из ордена камальдулов вышел и Грациан, создатель канонического права. Бернард Клервосский, чье мистическое самоуглубление было настолько велико, что занятый молитвой, он проехал вдоль Женевского озера, так и не заметив его, призывал парижских студентов и магистров удалиться в пустынь, где в лесу можно найти больше мудрости, чем в книгах. Он обрушился с критикой мудрствования Пьера Абеляра, кумира парижских школяров, добившись его осуждения на Сансском соборе 1141 г. Но при этом Бернард поддержи-

вал тесные контакты с парижскими учеными из Сен-Викторской обители уставных каноников, пытавшихся совместить занятия схоластикой с правилами монастырской жизни.

Письмо епископа Турнэ Стефана, клеймившего в конце XII в. парижских школяров, «обсуждающих таинства Троицы на городской площади под рукоплескания невежественных юнцов», обычно приводится как пример реакции традиционалистов на городскую модель интеллектуализма. Но автором этих инвектив был в прошлом один из самых известных преподавателей канонического права, руководивший жизнью парижских школ Левого берега. Критика схоластики, таким образом, была включена в «правила игры» все более усложняющейся системы организации интеллектуальной деятельности в городах. Характерно, что все монашеские конгрегации: и клунийцы, и цистерцианцы, и регулярные каноники, даже орден отшельников-картезианцев (шартрезцев), — стремились основать свои новые монастыри в городах, поближе к учебным центрам. Монахи сами объясняли это тем, что горожане более прочих погрязли в грехах и потому более нуждаются в хорошем примере и в молитве. К тому же, говорили они, деревня во всем следует за городом, поэтому исправляя нравы горожан, помогаешь и всем остальным.

Были ли новые школы порождением города, выражали ли они интересы нового слоя горожан, заинтересованных в рациональной картине мира, в точном знании? Это может быть справедливо только в очень долгосрочном плане и не подтверждается прямыми свидетельствами. Рукопись «Дигест» была передана в Болонью маркграфиней Матильдой, рьяной сторонницей папства (ей принадлежал замок Каносса), болонский правовед Ирнерий, служивший Матильде, впоследствии оказывал ценные услуги императору Генриху V. Учеников-правоведов брал под свое покровительство Фридрих Барбаросса. Папы неизменно оказывали им поддержку, распространив к концу XII в. на школяров и магистров принцип неприкосновенности клириков. Горожане, напротив, часто конфликтовали с этим беспокойным элементом, хотя и были заинтересованы в них как в потребителях услуг.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА И «РЕНЕССАНС XII ВЕКА»

И все же совпадение во времени двух явлений — подъема городов и расцвета нового типа интеллектуальной деятельности — было не случайным. В этом критики были правы — городской ученый не походил на монастырского мудреца хотя бы мотивацией своей деятельности. Для монастырского затворника интеллектуальный труд являлся послушанием, средством спасения души и мира, для магистра — источником пропитания и славы, причем и публичность ложилась в основу его деятельности. Ему требовались многочисленные ученики, нужны были коллеги-соперники. Такие условия складывались только в городах. К тому же монастырь могли разграбить враги, ему грозил упадок из-за дурного управления, рвение монахов могло остыть, и тогда интеллектуальная традиция прерывалась. В городе этой угрозы не существовало. Он представлял собой концентрат социальных связей, в котором только и возможен был выход на новый уровень развития человеческого мышления.

То, как в городе встречались и переплетались друг с другом идеи и социальные тенденции, можно рассмотреть на примере одного лишь 1137 г в Париже. Возле епископского дворца на острове помещалась соборная школа, где преподавали теологию, на Малом мосту и на Левом берегу, тогда еще только начинавшему застраиваться, вокруг аббатства св. Женеьевы располагались частные школы. Сюда прибыл учиться молодой английский клирик, известный в будущем как Иоанн Солсберийский, друг Томаса Бекета и автор смелых концепций, базирующихся на политическом учении Аристотеля. Тогда, в 1136–1137 гг., он начал свой путь в Париже в школе Абеяра, всеми обожаемого прославленного ученого, «который тогда царил на холме св. Женеьевы». Слава этого ученого была велика как никогда – по рукам ходили списки «Истории Бедствий», где рассказывалось о его победах на диспутах, о кознях завистников, об истории его несчастного романа с Элоизой. Переписка Элоизы и Абеяра также стала предметом всеобщего внимания не только друзей, но и недругов философа. Среди последних находился и Бернард Клервосский, который доносил в Рим: «Есть у нас во Франции монах без устава, без попечения прелат, без послушания аббат, Пьер Абеяра, умствующий с мальчиками, рассуждающий с женщинами...»

Бернард обрушивался с критикой не только на Абеяра, но и на аббата Сугерия, по его словам, отринувшего «созерцательность ради мирских дел» и превратившего свое аббатство Сен-Дени в «кузницу Вулкана». Крестыанский сын, отданный в монастырь, Сугерий стал соратником Людовика Толстого и влиятельным советником его сына. Сугерий был аббатом монастыря, хранящего мощи мученика Дионисия, покровителя Капетингов и их королевства. Предшественники Сугерия уже немало сделали для утверждения этой связи. В «Песни о Роланде», записанной в скриптории монастыря Сен-Дени, помимо прочего рассказывалось, что король сарацин желал захватить именно это аббатство, что франкские воины неслись на врага с кличем «Монжуа Сен-Дени!», а в рукоятке меча Роланда среди прочих реликвий хранились волосы св. Дионисия. Французские короли с конца XI в. получили выморочные права графа Французского Вексена, который был «защитником» аббатства Сен-Дени. Тем самым хоругвь св. Дионисия стала одновременно знаменем французского короля – орифламмой. В 1124 г., когда на Францию двинулся император, Сугерий организовал так, что «согласно незапамятному обычаю», король, выступив в поход, взял с алтаря св. Дионисия священную орифламму. Удачный исход событий еще более укрепил позиции аббатства, получившего права на солидные доходы с ярмарки Ланди, проводившейся на поле между монастырем и Парижем.

Сугерий старательно собирал средства на строительство новой базилики, достойной славы св. Дионисия. Помимо ярмарочных доходов и королевских пожалований он увеличивает доходность монастырских земель, проведя на них редкое для своего времени увеличение барщины. Кроме того, он добился восстановления монастырских прав на многие из соседних аббатств, в частности на приорат Аржентей, откуда были выселены обитавшие там монахи-ни (среди них оказалась та самая энергичная Элоиза, сумевшая переселить сестер в Параклет, монастырь, ранее основанный Абеяром, что дало повод возобновить с ним переписку).

Собор Нотр-Дам ла Гранд. Пуатье. XII в. Франция

В 1137 г. были начаты строительные работы в Сен-Дени. К счастью для историков Сугерий вел нечто вроде дневника, записывая свои дела по управлению аббатством, из которого мы узнаем, как он искал ответ на вопрос столь серьезного оппонента, как Бернард Клервосский: «Что делать золоту в храме?». Еще в каролингскую эпоху усилиями местных аббатов парижский мученик был отождествлен с упоминаемым в послании апостола Павла Дионисием Ареопагитом. Тем самым Парижская епархия становилась равноапостольной, древнейшей в Галлии (и попытки Абельера усомниться в тождестве епископа Парижского с учеником апостола воспринимались очень болезненно). Тогда же, в IX в., в монастырскую библиотеку поступил латинский перевод ано-

нимного византийского трактата «О небесной иерархии», который также приписали первому епископу Парижскому. В этом трактате Бог описывался как абсолютный, истинный, всепроникающий свет, «незримое солнце», чьи лучи, пронизывая мир от высших сущностей до низших ступеней материи, одухотворяют его. По мере удаления от Бога сила света убывает, но ни на одной ступени не затухает окончательно. Постигание Божественного света посредством чувств ведет человека ввысь, от материального к нематериальному, к источнику красоты и гармонии, к Богу. Сугерий с энтузиазмом воспринимал слова мудреца, чьи мощи, как он полагал, покоились в крипте его родного аббатства. Говоря о чувствах, которые вызывает у него созерцание драгоценных камней, он повторяет те же идеи: «Когда я восторгаюсь красотой дома Божия, прелесть драгоценных камней уводит меня от внешних забот и благочестивая медитация побуждает меня размышлять, переходя от того, что материально, к тому, что нематериально, к разнообразию священных предметов, тогда мне кажется, что ... по милости Божией я могу быть восхищен из этого низшего мира в тот высший мир анагогическим образом». Последний термин был в то время в ходу у парижских богословов из обители Сен-Виктор, определявших *анагогический* смысл Писания как обеспечивающий восхождение духа от материального к созерцанию Божественного. В конце 20-х годов XII в. Гуго Сен-Викторский пишет комментарии к «Трактату о небесной иерархии», где (хотя и другими словами) выражает те же идеи, что и Сугерий, придавая мистическое содержание эстетике света. В своих записях аббат не упоминает о сен-викторских теологах. Но маловероятно, что он не был знаком со своими учеными соседями. Трудно представить, чтобы Гуго мог работать над этой редчайшей рукописью где-нибудь кроме библиотеки аббатства Сен-Дени.

Сугерий повсюду скупал самоцветы, желая украсить ими все литургические предметы, дабы они ослепительно сверкали во время богослужения. Он стал восторженным ценителем витражей и даже изобрел «сапфирную материю» (при изготовлении стекол в сплав по его указанию добавлялись измельченные сапфиры, дающие небесно-голубой свет). С гордостью аббат пишет, что истратил 700 ливров на витражи, собрав мастеров разных национальностей. Не он выдумал витражи, они встречались и в романских церквях. Новым было соотношение стеклянных плоскостей и каменной материи. Впервые витраж стал равноправным с архитектурой компонентом храма. Но чтобы витражи пропускали достаточно света, который вспыхивал бы в драгоценных камнях, нужны были крупные проемы. Чтобы наполнить интерьер светом, Сугерий велит прорубить большие стрельчатые окна и перенести нагрузку со стен на контрфорсы и аркбутаны. Легкая конструкция сводов, тонкость опор и большое расстояние между ними, замена тяжелой материи стен стеклянными плоскостями витражей дает впечатление победы над камнем.

Уже в 1143 г. было произведено торжественное освящение хоров базилики Сен-Дени. Главный королевский храм, древняя королевская усыпальница, являла теперь единение божественной и королевской власти, демонстрировала единство небесной и земной иерархии, соединенной лучами божественного света.

Конечно, каковы бы ни были удивительные способности Сугерия и сколь бы ни старался он подчеркнуть свое чудесное озарение, приведшее его замысел к завершению, на него работала целая команда лучших специалистов.

Так рождался стиль, получивший название «готики». Через несколько лет начнется массовое строительство готических соборов в городах Северо-Востока Франции. Они станут выражением экономической и политической мощи городской общины. В их эстетике, призванной подчеркнуть принцип единства в многообразии, искусствоведы найдут немало соответствий со схоластическим принципом деления предмета на дистинкции. Историки искусства отказывают Сугерию в пальме первенства «открытия готики», которое происходило одновременно в нескольких местах. Возможно, парижский пример интеллектуального синтеза не является исключением, тем он интереснее.

Сторонники «феодальной революции» отмечают благотворную роль разделения труда между воинами и землепашцами, некоторые из историков-урбанистов подчеркивают значение процесса отделения ремесла от сельского хозяйства в этот период. Но тогда же происходил не менее значимый процесс профессионализации интеллектуального труда. Неважно, что большинство интеллектуалов пользовались церковными привилегиями и получали дары от светских сеньоров. Они создали особую среду, жившую по своим законам, находясь в постоянном общении, ускоряли и усложняли процесс интеллектуальной деятельности в несколько раз, придавая ему новые формы. Это был очередной переворот в мышлении. Был создан своего рода «коллективный компьютер», который, включившись, начал преобразовывать мир вокруг себя, придавая ему те упорядоченность и те формы, в которых по привычке воспринимаем средневековый мир и мы.

Термин «ренессанс XII века» указывает на нечто большее, чем на то, что литература того времени и документы папской или императорской канцелярий были написаны на хорошей латыни, приближенной к античным образцам. Обычно, когда говорят об успехах культуры в какой-либо области, то подразумевают, что это достигалось ценой застоя или регресса в других областях. А в данном случае одновременно расцвели все тенденции, зачастую диаметрально противоположные. Ранняя схоластика, основанная на разуме, развивалась параллельно с мистикой, городская сатира – с куртуазной рыцарской литературой, назидательные «Зеркала» для мирян – с фривольной поэзией вагантов. Появляются новые формы благочестия и устраиваются первые из известных нам карнавалов на городских площадях. Продолжают возводить романские церкви и грозные крепости и одновременно строят первые готические соборы, устремленные ввысь. Латинские мыслители пишут полемические трактаты против иноверцев, доказывая свое превосходство, и вместе с тем с нетерпением ждут новых переводов арабских, греческих и еврейских рукописей.

В социально-политической жизни успехи папства шли параллельно успехам светских государей, оформление феодального права с утверждением городского строя, укрепление территориальных структур со все возрастающей мобильностью населения. В следующих веках развитие Западной Европы будет менее гармоничным и более конфликтным, но импульс, полученный после Тысячного года, не затухал. Запад и впредь будет сохранять единство во множественности, сочетая относительную устойчивость с динамикой поступательного развития, наличие нескольких соперничающих центров власти станет определенной гарантией от стагнации, а необходимость консолидации не будет чрезмерно острой в отсутствие действительно серьезной внешней угрозы.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

ПРИЧИНЫ И ПРЕДЫСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Согласно традиционному определению, под Крестовыми походами понимаются военно-религиозные экспедиции христиан, предпринимавшиеся с конца XI в. с целью освобождения Гроба Господня и других христианских святынь Палестины в соответствии с папской буллой и под эгидой церковной власти, персонифицированной в лице сопровождавшего крестоносцев папского легата. Однако многие историки, преимущественно английские и американские, считают, что все войны, которые велись против неверных, еретиков и схизматиков с целью защиты христианской церкви и по инициативе или при содействии папства, могут рассматриваться в качестве крестовых походов. В этом случае хронологические рамки крестовых походов расширяются вплоть до битвы при Лепанто (1571 г.).

Термин «крестовый поход» позднего происхождения и появляется лишь на рубеже Нового времени на Западе, а в арабском мире около 1850 г. Средневековые тексты чаще всего говорят о «путешествии в Иерусалим» (*iter hierosolymitanum*) или о паломничестве (*peregrinatio*). Позже употребляются также термины *auxilium terre sancte* (помощь Святой земле), *expeditio* (поход), *transitio* (переход) и др. События, которые мы называем крестовыми походами, на самом деле не воспринимались таковыми современниками. Христиане рассматривали их как продолжение войны византийского императора Ираклия против персов, в результате которой христианской церкви была возвращена драгоценная реликвия – Честной Крест (Животворящее древо), на котором распяли Христа (629 г.). Тем не менее очевидно, что современники сознавали: крестовый поход – не просто вооруженное паломничество или военная операция, а новое явление, в котором черты паломничества сочетаются с элементами военной экспедиции.

В основе этого явления лежит целый комплекс демографических, социально-экономических, политических, религиозных и психологических мотивов, не всегда сознававшихся участниками крестовых походов. Одна из причин – сложившаяся в конце XI в. в Западной Европе демографическая ситуация, для которой был характерен избыток народонаселения. В этот период в среде знати существовало так называемое право майората – наследование отцовских земельных владений только старшим сыном, в силу чего младшие сыновья феодалов оставались необеспеченными и пополняли беспокойную рыцарскую вольницу. Демографическое давление способствовало и росту политической напряженности – постоянной чертой европейской жизни стали междоусобицы и феодальные войны. Крестовые походы давали возможность направить агрессивную энергию феодального общества в русло войны против неверных и тем самым обеспечить консолидацию христианского мира. Инициатором и организатором крестоносного

движения стало папство, существенно укрепившее свои позиции во второй половине XI в.

Крестоносное движение возникает в конце XI в. главным образом как результат соединения традиции паломнических путешествий, участвовавших с середины XI в., и новой идеи «священной войны». Велика роль паломничества в создании той атмосферы религиозного воодушевления, которая породила крестовые походы. Иерусалим представлял для христиан центром земного и духовного мира, паломники отправлялись к Гробу Господню и почитали Честной Крест и другие христианские святыни. Завоевание Палестины арабами (Иерусалим взят в 638 г.) не затронуло поток паломников к святым местам, и если в 1009 г. фатимидский халиф Каира аль-Хаким разрушил Гроб Господень, то уже последователи халифа вновь разрешили христианским пилигримам посещать «святой город». Рассказы паломников о Святой земле приучили средневековых людей рассматривать ее как свою далекую родину, породили также желание завладеть Гробом Господним, находившимся в руках неверных. В это же время участились рассказы о бесчинствах мусульман по отношению к христианским святыням и о жестоких преследованиях восточных христиан в Палестине, что побуждало средневековых людей защитить своих единоверцев. Цель освободить от власти иноверцев Палестину была поставлена папой Урбаном II на Клермонском соборе в 1095 г., положившем начало крестоносному движению.

Крестовый поход открыто провозгласил борьбу против неверных. С точки зрения церкви, война оправдана, когда она защищает интересы христианства. Начиная с IV в. церковь в лице св. Августина проповедует теорию «справедливой войны». Идея *bellum justum* с особой силой зазвучала в X в. в связи с набегами на Западную Европу венгров, арабов и норманнов. Последующим войнам против иноверцев Испании церковь также пыталась придать конфессиональное звучание. Папа Иоанн VIII даже давал отпущение грехов тем, кто погибал, защищая христиан от сарацин в Италии. В 1063 г. папа объявляет войну против тех, «кто преследует христиан», и утверждает, что нет греха в том, чтобы проливать кровь неверных. Более того, участие в войне, полезной для церкви, рассматривалась как индульгенция, подобно милостыне или паломничеству. В этом контексте крестовые походы воспринимались как «священная война».

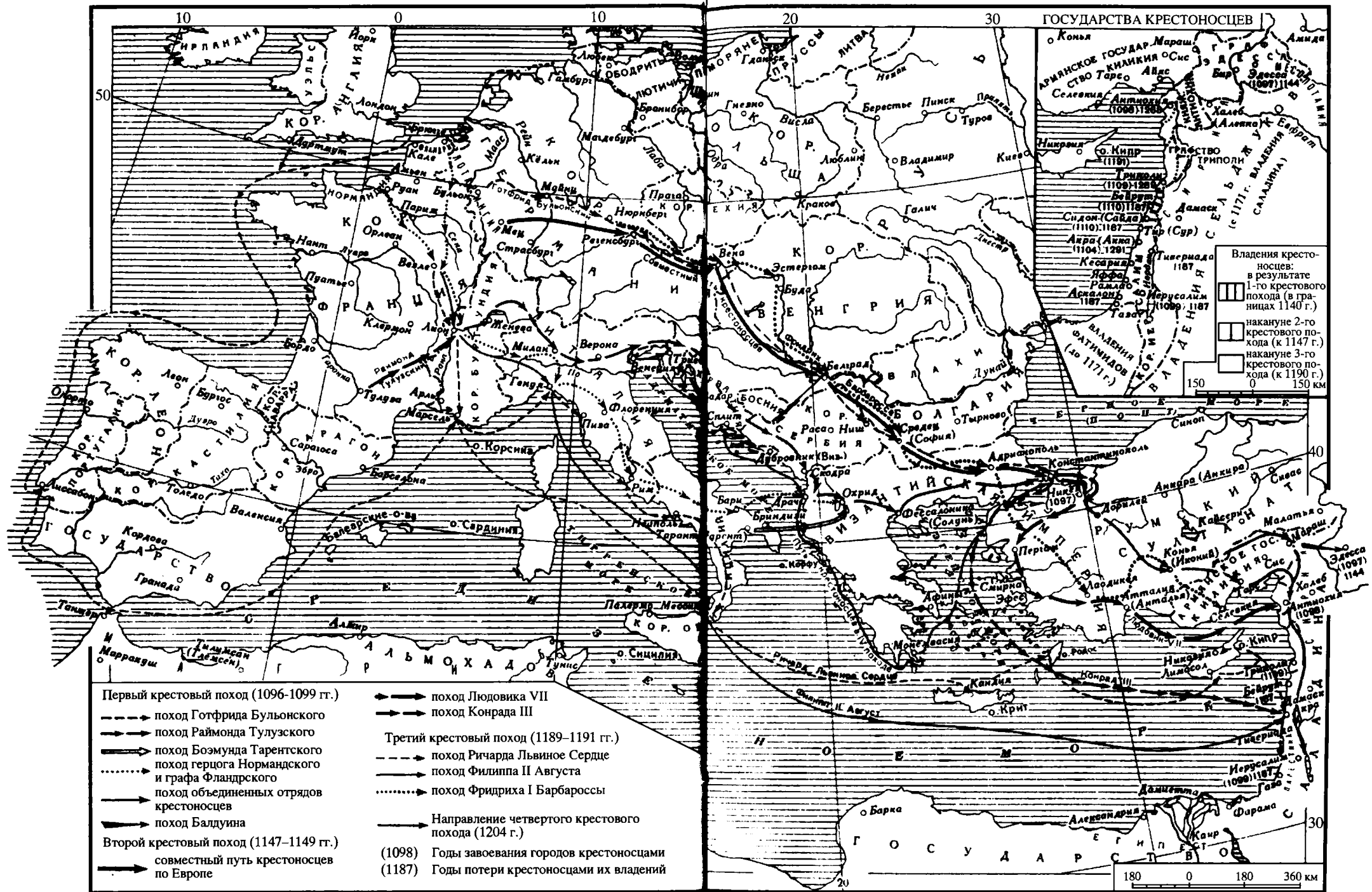
Непосредственные причины крестовых походов связаны с той ситуацией, в которой оказалась Византийская империя после вторжения в конце XI в. в ее малоазийские владения тюрок-сельджуков. Потерпев поражение при Манцикерте в 1071 г., византийцы не смогли помешать тюркам обосноваться в Никее в 1078 г. и основать там эмират в 1081 г. На церковном соборе в Пьяченце в июне 1095 г. посланцы византийского императора Алексея Комнина попросили у западных людей военной помощи, чтобы сражаться против тюрок. При этом Византия не призывала к крестовому походу. С точки зрения византийцев, борьба против арабов и тюрок была делом защиты империи, а не священной войной. По-иному оценивала ситуацию Римско-католическая церковь.

Через шесть месяцев после собора в Пьяченце Урбан II созвал собор в Клермоне в конце ноября 1095 г., в котором участвовали преимущественно французские епископы. Согласно соборному постановлению тем, кто отправится освобождать Иерусалим, была обещана отсрочка наложенной епитимьи и последующее отпущение грехов. В завершение собора папа 27 ноября 1095 г. во время знаменитой проповеди призвал христиан к оружию. Он упомянул о «бедствиях восточных христиан», потребовал от христиан Запада прекратить вести междоусобные войны и объединиться для того, чтобы разгромить «язычников» и освободить братьев с Востока. На этот призыв, обращенный непосредственно к рыцарям, толпа отвечала возгласом «Бог того хочет» («Deus lo vult»). Наиболее экзальтированные из присутствовавших на соборе решили взять крест, т.е. принять обет паломничества (*votum peregrinum*) в Иерусалим. Знак этого обета – матерчатый крест, символ принадлежности к новой общине вооруженных паломников, наделенных особыми церковными привилегиями. Тех, кто носил этот крест, стали называть *cruce signati* (крестоносцы). Урбан II затем пытался умерить непомерный энтузиазм, вызванный его призывом: клирики не могли отправиться в крестовый поход без разрешения вышестоящих церковных иерархов, молодожены без разрешения своих супругов и т.д. Однако отказаться от *votum peregrinum* можно было только под страхом церковного отлучения. В течение 10 месяцев папа проповедовал крестовый поход в Южной Франции, апеллируя главным образом к южнофранцузской знати. Но набранный летом 1096 г. контингент значительно превышал эти рамки. К крестоносцам присоединились Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, и его брат Бодуэн Бульонский (Буржский), а также брат французского короля Гуго Вермандуа и др. Отправление было назначено на 15 августа 1096 г.

ПЕРВЫЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ КРЕСТОНОСЦЕВ

Тем временем простой народ отреагировал на пропаганду крестового похода очень остро. В этом громадную роль сыграла проповедь Петра Пустынника в Берри в апреле 1096 г. Многие будущие участники похода ожидали Апокалипсис и отправлялись на Восток, не надеясь на возвращение, до официальной даты, назначенной папой римским. Вместе с несколькими тысячами паломников в путь отправились духовный предводитель крестоносцев Петр Пустынник и их военный вождь рыцарь Вальтер Неимуший. Продвижение крестоносцев по рейнской Германии сопровождалось погромами евреев. Волна насилия прокатилась по Шпейеру, Майнцу, Ксентену, Кельну, затем Триру, Мецу и Регенсбургу. В Восточной Европе участники народного крестового похода столкнулись с многочисленными трудностями.

Отправляясь в путь, многие из них не успели обеспечить себя провиантом. В 1096 г. в Западной Европе после долгих лет засухи был богатый урожай. Крестоносцы надеялись, что христианские города Восточной Европы будут бесплатно снабжать их продовольствием. Болгария, Венгрия и другие страны, через которые пролегал маршрут участников «похода бедноты», не соглашались на их условия, и между обеими сторонами часто вспыхивали конфликты. Около г. Ниша большая часть крестоносцев была перебита объединенной армией болгар и венгров, мстивших за бесчинства «бедняков».

Крестовые походы (1096-1204)

Наконец, 1 августа 1096 г. крестоносцы прибыли в Константинополь. Император Алексей I посоветовал им дождаться баронов, но в связи с чинившимися ими беспорядками переправил бедняков через Босфор и предоставил в их распоряжение крепость Цивито. В Малой Азии крестоносцы перессорились и разделились на две армии – одна из них состояла из французов, другая – из немцев и итальянцев. Несмотря на предостережения Алексея I, немцы захватили крепость Ксеригордон и начали грабить окрестности Никеи. Однако никейский султан Кылыч-Арслан окружил Ксеригордон и наголову разбил осажденных немцев, а затем и подоспевших к ним французов, решивших отправиться в Никею с целью присоединиться к своим единоверцам. В этом первом сражении были убиты тысячи участников крестового «похода бедноты», и лишь немногим из них удалось вернуться в Константинополь. Вальтер Неимуший погиб в этом бою, а Петр Пустынник, которому удалось спастись, позже примкнул к главной армии баронов. Так плачевно закончился народный крестовый поход.

В августе 1096 г. начался «крестовый поход баронов». В нем участвовали четыре армии рыцарей. Первая – из Северной Франции и Нижней Лотарингии под предводительством Готфрида Бульонского двигалась вдоль Дуная, вторая – с юга Франции, во главе которой стоял граф Тулузский Раймунд Сен-Жильский и папский легат Адемар из Пуи, прошла через Ломбардию, Далмацию и север Греции. Третья – из Средиземноморской Италии во главе с норманнским рыцарем Боэмундом достигла порта Дураццо по морю, откуда по Эгнациевой дороге достигла Константинополя. Четвертая армия – из Центральной Франции, возглавляемая Стефаном Блуаским и Робертом Нормандским, направлялась через Рим.

Передовые отряды рыцарей подошли к Константинополю весной 1096 г. Если прибытие первых крестоносцев прошло без инцидентов, то по мере прибытия остальных контингентов ситуация изменилась. Византийский император Алексей I Комнин стремился получить оммаж верности от вождей крестоносцев и вернуть империи все земли, которые принадлежали ей до сельджукского завоевания. Большинство крестоносцев приняло условия императора, но отношения между византийцами и крестоносцами оставались напряженными. Среди вождей крестоносцев находился Боэмунд, сын норманнского правителя Робера Гвискара, разграбившего владения византийцев в 1081 г. Император стремился в своих целях использовать крестоносцев, которые по его просьбе отвоевывали у сельджуков византийские территории. В 1097 г. они осадили Никею и вернули ее императору. По пути в Антиохию Бодуэн Бульонский помог армянскому правителю Эдессы Торосу сбросить владычество тюрков и стал владельцем города. Осада Антиохии крестоносцами продолжалась несколько месяцев (с октября 1097 по июнь 1098 г.). Благодаря внутренним противоречиям в лагере мусульман Боэмунду удалось без помощи византийцев войти в город первым. Крестоносцы полагали, что тем самым они освободились от клятвы верности византийскому императору и сохраняют город за собой, и византийцам пришлось признать права завоевателей.

Лишь в январе 1099 г. армия отправилась к Иерусалиму. Сирийские христиане указывали им наиболее надежные маршруты, и прочие восточные христиане на протяжении всего похода оказывали крестоносной армии су-

шественную поддержку. Уже в июне они, взяв Вифлеем, подступили к Иерусалиму. После двухнедельной осады 15 июля 1099 г. город оказался захвачен и предан грабежу. Нехристианское население – мусульмане и иудеи – было поголовно вырезано. Для мусульман резня, устроенная крестоносцами в Иерусалиме, стала символом христианской нетерпимости.

Большое число западных рыцарей, выполнив обет паломников, отправились по домам, другие же крестоносцы готовились обосноваться на Востоке. Готфрид Бульонский был избран правителем Иерусалимского королевства. Он отказался от титула короля и присвоил себе титул «защитника Гроба Господня» (*advocatus Sancti Sepulchri*). В сентябре 1099 г. в королевстве остались 300 рыцарей и 2 тыс. пехотинцев. Франкские владения были удалены друг от друга и плохо связаны с морем. Иерусалим стал столицей латинского государства крестоносцев, границы которого простирались до Красного моря, а несколько позже также резиденцией военных Орденов. На Западе весть о взятии Иерусалима вызвала новые волны похода. Но эти арьергардные крестовые рейды потерпели поражение в Анатолии. Море стало единственным средством связи с Западом. Архиепископ Пизы Даимберт, прибыв в Яффу со 120 кораблями, был избран латинским патриархом Иерусалима и сюзереном княжества Антиохии и Иерусалимского королевства, получив при этом четверть города Иерусалима и всю Яффу. Готфрид Бульонский, со своей стороны, обещал венецианцам, только что взявшим Хайфу, треть всех городов, которые они помогут завоевать. Новые контингенты, преимущественно норвежские, также прибывшие на кораблях, помогали обосновавшимся крестоносцам завоевать прибрежные города.

Через несколько месяцев после смерти Готфрида Бульонского в 1100 г. его брат Бодуэн Эдесский стал правителем Иерусалимского королевства. Он расширил границы государства, присоединив Арсур, Цезарию, Бейрут и Сидон. Со своей стороны Раймунд Тулузский при помощи Генуи завоевывает графство Триполитанское. Таким образом, в результате успешного I Крестового похода крестоносцы основали несколько государств: Иерусалимское королевство, княжество Антиохийское и между ними графство Триполитанское, а также графство Эдесское.

Социальные отношения, сложившиеся в Иерусалимском королевстве и других государствах крестоносцев, представляли собой некий синтез западноевропейских порядков с теми, которые установились в Сирии и Палестине до появления западных рыцарей. Военно-ленная система *икта*, существовавшая там со времен арабского, а затем сельджукского господства, сочеталась в государствах крестоносцев с элементами социальных порядков франков. Восточные элементы сохранялись в несколько измененном виде – были оставлены некоторые должности, как например, *раис* (деревенский староста), *кади* (судья) и др., но все же институты западноевропейского феодализма, в том или ином варианте, возобладали. Так, в Иерусалимском королевстве доминировали черты французского феодализма, в Антиохийском княжестве – итало-норманнские феодальные порядки и т.д. Исключительно развитая торговля, интенсивная городская жизнь в Иерусалимском королевстве породили процесс фискализации фьефов, когда вместо земельных пожалований король предоставлял своим вассалам в качестве фьефа различные

Крестоносцы выезжают из ворот замка. Фреска часовни тамплиеров в Крессаке. XII в.

доходные статьи, такие как право сбора рыночных налогов, таможенных пошлин, торговые монополии и пр.

Политический строй государств крестоносцев можно охарактеризовать как феодальную иерархию, примерно такую же, какая существовала в то время на Западе. Иерусалимское королевство считалось самым главным государством – правители Триполи, Антиохии и Эдессы сохраняли некоторую, хотя и формальную, зависимость от иерусалимского короля. Государства крестоносцев разделялись на более скромные феодальные владения – баронии, а те дробились на еще более мелкие рыцарские фьефы. Крупнейшим феодалом являлся иерусалимский король. Его домен включал самые большие города королевства: Иерусалим, Наблус, Тикр и Акру. Король имел право требовать выполнения военной службы от своих вассалов в течение всего года, поскольку государства крестоносцев находились в состоянии постоянной войны. В обязанности же баронов и прочих королевских вассалов входило участие в феодальном совете – «ассизе». Под «ассизой» подразумевались не только судебные заседания, но и судебники, в которых фиксировались решения курии. Главный свод государства крестоносцев, «Иерусалимские ассизы», закрепил вассально-ленные отношения, сложившиеся внутри господствующих слоев.

Крестьяне и ремесленники этнически принадлежали к местному населению – то были арабы и сирийцы, армяне и греки. С местных крестьян взимались всевозможные натуральные оброки и платежи, причем в податной си-

стеме наблюдалась определенная преемственность с предыдущим периодом: например, с крестьян взимали прежний поземельный налог «харадж», который теперь назывался «терраж», денежный налог «мууна» («моне») и др.

В экономической жизни Иерусалимского королевства и других государств крестоносцев исключительную роль играли итальянские города-республики, прежде всего Венеция и Генуя. Итальянские купцы, поначалу выступавшие против завоеваний, которые, по их словам, могут осложнить торговые отношения, начинают усматривать в крестовых походах средство расширения сферы своей деятельности и принимают участие в покупке восточных товаров на собственный страх и риск, не прибегая к посредническим услугам мусульманского и византийского миров. Итальянские города играли важную роль в обеспечении морских и сухопутных коммуникаций государств крестоносцев, обеспечивали их провиантом и оружием и поддерживали их связь с метрополией. Со временем важное значение в жизни франкских колоний на Ближнем Востоке приобретают военно-монашеские ордена: после I Крестового похода был основан Орден тамплиеров, который длительное время не только поддерживал Иерусалимское королевство во враждебном окружении мусульманских соседей, но и обеспечивал охрану множества европейских пилигримов, направлявшихся в Иерусалим. В начале XII в. был основан и Орден госпитальеров (иоаннитов), который со временем стал крупной военно-политической силой.

II И III КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. УСПЕХИ САЛАХ АД-ДИНА

Победы крестоносцев и успешная колонизация Ближнего Востока латинянами вызвала ответную реакцию мусульманского мира. Начиная с 1128 г. силы мусульман объединяются под эгидой атабека Мосула Имад ад-Дин Занги. В 1144 г. Занги провел ряд успешных операций, которые завершились взятием Эдессы и падением Эдесского княжества, что нанесло весьма чувствительный удар всему восточному христианству. Эти события спровоцировали II Крестовый поход. 31 марта 1146 г. Бернар Клервоский выступил с его проповедью сначала в Везлэ, а затем в Шпейере. Французский король Людовик VII решил отправиться на Восток для искупления своих грехов. Немецкие крестоносцы во главе с Конрадом III присоединились к французам. Германский император отправился в поход из Регенсбурга в мае 1147 г. и продвигался по Дунаю в направлении к Эдессе. Французы во главе с королем Людовиком VII вышли из Парижа через месяц, т.е. в июне 1147 г., по той же дороге, что и немцы. Отсутствие дисциплины в армии служило причиной многочисленных инцидентов на Балканах. В Константинополе византийский император Мануил I Комнин потребовал у обоих государей принести ему оммаж. Конрад III и Людовик VII отказались и тем самым утратили поддержку византийцев, которые не согласились обеспечивать их пропитанием, что затруднило переход крестоносной армии через Малую Азию. Византийский император, не желая видеть армии крестоносцев, призывал их пересечь Босфор. В октябре 1147 г. армия Конрада III была разбита турками-сельджуками в битве при Дорилее, германский император с оставшимися воина-

ми продолжил путь в Иерусалим. По дороге к нему присоединилась армия Людовика VII. Затем оба правителя ввязались в авантюру, но уже не против Эдессы, а против Дамаска. Осада города в июле 1148 г. не принесла никаких плодов, и остаткам крестоносцев пришлось возвратиться в Европу. В результате II Крестового похода престиж европейских монархов – участников крестового похода резко понизился. Современники приписали неудачу грехам крестоносцев. Вина пала и на Бернара Клервоского, который, как считалось, проповедовал поход, не думая о его организации.

Овладение Эдессой в 1144 г. было первой победой мусульман в цепи последующих событий, которые разыгрались на Ближнем Востоке. Атабеки Мосула постепенно возродили джихад и установили контроль над Сирией. Сын Занги Нур ад-Дин продолжил политику своего отца. Чтобы обороняться от внешних врагов, правители латинских государств вынуждены были заключить союз с Византийской империей. Они также пытались играть на соперничестве между Фатимидами и сирийцами.

Мусульманская коалиция стала представлять для латинского Запада серьезную угрозу, когда сопротивление крестоносцам возглавил талантливый полководец Салах ад-Дин. Ему удалось стать везиром последнего представителя династии Фатимидов; в 1169 г. он восстановил суннизм, а после смерти Нур ад-Дина в 1174 г. стал султаном Египта, таким образом создав союз Сирии и Египта. Затем Салах ад-Дин пытался изолировать латинян и для этого заключал альянсы с Сельджукидами в 1179 г., с Византийской империей и Кипром в 1180 г. Салах ад-Дин извлек пользу из дипломатических побед и укрепил контроль над Алеппо и Мосулом. В то же время, когда Иерусалимскому королевству угрожали внешние враги, его раздирали и внутренние противоречия. Правитель королевства Бодуэн IV, страдавший проказой, был более не в состоянии удерживать власть. После его смерти Сивилла, сестра покойного короля, и ее муж Ги де Лузиньян стали править королевством, получив короны из рук Иерусалимского патриарха. Их главный враг и один из претендентов на власть, граф Триполитанский Раймунд, которого устранили придворные группировки, с целью борьбы за власть просил помощи у Салах ад-Дина, но тот поначалу отказал ему, заключив перемирие с Иерусалимским королевством. Но известный крестоносец Рено Шатийонский ограбил купеческий караван мусульман в Дамаске в 1187 г. и, несмотря на требование нового короля, отказался вернуть добычу. Это обстоятельство стало для Салах ад-Дина поводом для объявления джихада. Его наступление на позиции крестоносцев завершилось блистательной победой в битве при Хитине 4 июля 1187 г. В результате король Иерусалимского королевства Ги де Лузиньян, великий магистр тамплиеров Жерар де Ридфор и многие другие вожди крестоносцев попали в плен.

В течение 1187 г. Салах ад-Дину удалось овладеть большей частью Палестины, а также Акрой и после длительной осады Иерусалимом. Рено Шатийонский, 200 рыцарей (тамплиеров и госпитальеров) были убиты, и многие рыцари взяты в плен. Салах ад-Дин завоевал одна за другой все крепости Иерусалимского королевства. Проявив щедрость, он разрешил всем христианским воинам собраться в Тире, чтобы оттуда на кораблях вернуться в Европу. В Иерусалиме знатный рыцарь Балин д'Ибелин добился от

Салах ад-Дина почетной капитуляцией, по которой трети населения было разрешено выкупиться. 2 октября 1187 г. всему мусульманскому миру были посланы известия о взятии святого для исповедующих ислам города (*аль-кудс*). В результате победоносных походов Салах ад-Дина все владения крестоносцев на Ближнем Востоке оказались сведены к городу Тиру и крепости Бофор в Иерусалимском королевстве, а также к крепости Крак-де-Шевалье в Антиохии и к замку Маргат на севере.

Когда весть о взятии Иерусалима Салах ад-Дином достигла Запада, папа Григорий VIII начал проповедовать новый крестовый поход. Владетельный сеньор Ришар де Пуату, будущий Ричард Львиное Сердце, принял крест первым, за ним последовали английский король Генрих II Плантагенет и французский король Филипп II Август, которые предпочли морской путь через Мессину. Германский император Фридрих I Барбаросса с крупным крестовым войском, по меньшей мере в 20 тыс. рыцарей, покинул Регенсбург в апреле 1189 г. Он избрал сухопутный маршрут. Как и в предыдущих крестовых походах, Константинополь остался важным транзитным пунктом на их пути к Иерусалиму, и опять по прибытии западных рыцарей в Византию резко обострились противоречия между византийцами и крестоносцами. Переговоры императора Исаака Ангела и крестоносцев закончились подписанием мирного договора, по которому византийский император обязался переправить крестовую армию через Босфор. Тем временем немецкая армия завершила переход через Анатолию, где Фридрих I Барбаросса бесславно утонул в водах р. Селеф (Малая Азия). Большая часть немцев вернулась в Европу, и лишь несколько сотен немецких рыцарей достигли Акры. В 1190 г. паломники из Любека и Бремена создали Орден тевтонских рыцарей госпиталей св. Марии в Иерусалиме, имевший резиденцию в Акре (Тевтонский орден). Что касается английских и французских крестоносцев, то конфликт между ними задерживал отправление Генриха II Плантагенета и Филиппа II Августа. В 1189 г. английский король умирает (на престоле его сменяет Ричард Львиное Сердце), а французский государь в 1190 г. отправляется в путь. Погрузившись на корабли в Генуе и Марселе, войска крестоносцев провели зиму на Сицилии в постоянных раздорах. Взятие Кипра Ричардом Львиное Сердце в 1191 г. стало причиной их дальнейших разногласий.

Тем временем в Святой земле король Иерусалимский Ги де Лузиньян начал осаждать Акру с небольшим войском в августе 1188 г. На помощь ему туда же прибыли французский и английский короли с большой франкской армией. 12 июля 1192 г. после двухлетней осады Акра перешла к христианам. После взятия Акры Филипп II Август возвратился во Францию. Ричард Львиное Сердце, оставшись один, одержал блистательную победу над мусульманами у Арсуфа. В сентябре 1192 г. он прибыл в Яффу и провел целый год в Южной Палестине, где восстанавливал Аскалон с целью укрепления южных границ Иерусалимского королевства. Подписав с Салах ад-Дином договор, согласно которому за франками оставалась береговая полоса от Яффы до Тира (Иерусалим находился в руках мусульман), Ричард Львиное Сердце отправился в Англию в октябре 1192 г.

В результате III Крестового похода образовалось так называемое Второе Иерусалимское королевство со столицей в г. Акре – его территория ограничивалась прибрежной полосой, в его жизни значительную роль играют

итальянские общины. После этого английский и французский короли перестали активно участвовать в политике крестоносцев. Лишь сын Фридриха I Барбароссы Генрих VI попытался использовать крестовый поход в своих целях. Его войска взяли Бейрут и Сидон в 1197 г. и восстановили территориальный континуитет между Акрой и Триполи, но неожиданная смерть Генриха VI в 1198 г. помешала закреплению достигнутых результатов.

IV КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И РАЗДЕЛ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1198 г. папой римским стал Иннокентий III. Он планировал воодушевить рыцарей на новый поход в Святую землю, желая стать во главе него и тем самым восстановить авторитет Рима, который был подорван неудачами крестоносцев в предыдущих экспедициях. Разослав легатов во все католические страны с требованием отдать сороковую часть имущества на новый поход, папа начал сбор средств.

В своем послании о крестовом походе Иннокентий III обещал всем рыцарям, которые примут участие в войне за Святую землю, освобождение от налогов и долгов и защиту церковью их имущества. Этот призыв привлек на сторону папы многочисленных бедняков, которые надеялись улучшить свое имущественное положение за счет крестового похода. Однако сеньоры и короли не проявили особого энтузиазма. Папа рассылал в разные города священников, которые убеждали рыцарей помочь освободить Святую землю. Наибольшую известность из проповедников получил Фульк из Нейи, который привлек к походу несколько тысяч воинов и собрал огромные денежные средства.

Предводителем крестоносцев в новом походе стал Бонифаций Монферратский. Летом 1202 г. отряды рыцарей собрались в Венеции. Поскольку у вождей крестоносцев не нашлось средств заплатить за транспортировку по морю в Палестину, они согласились на требование венецианцев принять участие в военном походе против враждовавшего с Византией христианского города в Далмации Задара. В конце ноября 1202 г. после успешной осады крестоносцы захватили и разграбили город. Иннокентий III отлучил крестоносцев от церкви, пообещав, однако, снять отлучение, если они продолжат поход к Святой земле. В начале 1203 г., по просьбе бежавшего на Запад византийского царевича Алексея Ангела, сына императора Исаака II, свергнутого в 1195 г. его братом Алексеем III (1195–1203), крестоносцы решили вмешаться в борьбу политических группировок в Византии. С этой целью в конце июня 1203 г. они осадили Константинополь. В середине июля, после бегства Алексея III, они восстановили на престоле Исаака II Ангела, а его сын Алексей стал соправителем нового императора под именем Алексея IV. Поскольку Ангелы не смогли уплатить крестоносцам обещанную им огромную сумму в 200 тыс. дукатов, отношения их с крестоносцами начали ухудшаться, и в ноябре 1203 г. между ними вспыхнул конфликт. 5 апреля 1204 г. в результате народного восстания Исаак II и Алексей IV были свергнуты, и новый император Алексей V Мурзуфл вступил с рыцарями в открытую конфронтацию. 13 апреля 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь и

разграбили его. В результате на территории бывшей Византийской империи возникло несколько государств. На северо-западе Малой Азии греками была создана Никейская империя, куда были перенесены столица Византии и резиденция Константинопольского патриарха. Крестоносцы поделили обширные земли завоеванной Византии, включавшие значительную часть Балканского полуострова, часть Малой Азии и о-ва Эгейского и Ионического морей, и создали Латинскую империю (1204–1261), от которой зависели другие владения – королевство Фессалоникийское (1204–1224), Афинское герцогство (1205–1454), Морейское (Ахейское) княжество (1205–1432). Латинская империя (Романия), главное государство крестоносцев, представляло собой феодальную монархию французского типа, но с некоторыми чертами византийского государственного устройства. В социальном строе других государств крестоносцев также сочетались черты западноевропейские (в основном французские) и византийские. Греческая знать также частично вошла в состав социальной элиты. Отношения внутри господствующих общественных слоев регулировались «Ассизами Романии» и строились по принципу феодальной иерархии. Экономiku этих государств в основном контролировали венецианцы. Высшие церковные иерархи в Латинской империи и ряде других государств принадлежали к католикам, а рядовое духовенство – к православным. Крестьянство было по преимуществу греческим, и на него распространялась византийская податная система, сохраненная завоевателями. Симбиоза латинской и греческой культур не наблюдалось, а в сфере политики отношения между греками и латинянами оставались напряженными.

Государства крестоносцев раздирали внутренние противоречия в среде латинских феодалов, ситуацию осложняла враждебность местного греческого населения, которое подвергалось тяжелому экономическому, политическому и религиозному гнету. В результате войн с Никейской империей и ее союзником Болгарией Латинская империя постепенно теряла свои владения и закончила свое существование в 1261 г., когда 25 июля греки взяли Константинополь и восстановили Византийскую империю. Некоторые феодальные владения в Средней и Южной Греции, ранее входившие в состав Латинской империи, продолжали оставаться в руках латинян вплоть до XV в. Как видим, события IV Крестового похода привели к существенным изменениям в средневековом политическом мире и в целом способствовали окончательному расколу западного и византийского христианства.

ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И ЗАКАТ КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ

Пятому крестовому походу предшествовал так называемый крестовый поход детей. В историографии так принято называть народное движение, происходившее в 1212 г. К этому времени идея крестового похода в значительной степени исчерпала себя. Неудачи крестоносцев подрывали доверие к ним, но современники продолжали верить в то, что достигнуть цели – отвоевать Гроб Господень у нехристей – могут только чистые и невинные души. Эту идею разделяли францисканцы, которые поддерживали крестовый поход. Согласно легенде, в 1212 г. тысячи детей отправились в поход с целью за-

воевания христианских святых и погибли в пути к Иерусалиму. Однако, согласно новейшим исследованиям, основную массу участников крестового похода составляли не маленькие дети, а крестьяне, так как латинское слово *pueri* (мальчики, дети) в средневековых источниках обозначает простолюдинов.

Итак, в начале 1212 г. тысячи крестьян (в том числе детей и подростков) из Германии и Франции отправились в поход с целью завоевания Гроба Господня в Иерусалиме. (Судя по некоторым источникам, французские дети поначалу отправились в Париж ко двору Филиппа II Августа, где некий проповедник обещал представить королю письмо от Иисуса Христа; король будто бы отдал распоряжение распустить детей по домам.) В мае 1212 г. немецкое народное войско прошло через Кёльн, направляясь в Италию, чтобы оттуда морем достигнуть Святой земли. В августе 1212 г. войско достигло г. Пьяченцы, где, как сообщает итальянский хронист, они спрашивали дорогу к морю. В те же дни в Кремоне видели толпу детей, пришедших сюда из Кёльна. Здесь крестовый поход детей фактически закончился. Согласно легенде, детей посадили на корабль и отвезли на север Африки, где их продали в рабство. На самом деле, никто не решился переправлять толпу простолюдинов через море. События 1212 г. обросли легендами, которые позже были подвергнуты художественной обработке в ряде литературных произведений (например, в романе Марселя Швоба «Крестовый поход детей», 1896).

В 1215 г. папа римский Иннокентий III снова призвал к крестовому походу. Возглавить его пообещал Фридрих II Гогенштауфен, который стремился заручиться папской поддержкой в борьбе с Оттоном IV за императорский трон. Армия западноевропейских крестоносцев, которых сопровождал папский легат кардинал Пелагий, прибыла в Акру и объединилась с войсками короля Иерусалима Иоанна II Вриенского, отрядами Орденов госпитальеров и тамплиеров, а также с войсками, набранными в ближневосточных государствах крестоносцев (1217–1218 гг.). В мае 1219 г. крестоносцы начали осаду Дамиекты. Тем временем Франциск Ассизский и его ученики предпринимали попытки обратить в христианство воинов мусульманской армии. Их принимали за шпионов и пожелали расправиться с ними, но египетский султан сохранил им жизнь. В ноябре 1219 г. Дамиекта пала под ударами христиан, но затем в течение почти года крестоносцы безуспешно ожидали прибытия Фридриха II Гогенштауфена с его войсками. В начале 1221 г. на помощь крестоносцам прибыли великий магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальц и герцог Баварский Людовик. Армия султана аль-Камиля численно намного превышала армию крестоносцев. В июне 1221 г. крестоносцы по приказу папского легата Пелагия начали наступление на Каир, и христианские войска осадили египетскую крепость Эль-Мансуру. Аль-Камиль предлагал христианам мир на выгодных условиях возвращения крестоносцам Иерусалима и других территорий Святой земли в обмен на Дамиекту, но его предложения встретили решительный отказ Пелагия и переговоры были прекращены. Тем временем египетский флот перекрыл реку, по которой войску христиан доставлялись припасы. Последовавший разлив Нила грозил крестоносцам голодной смертью. Ситуация резко изменилась в пользу мусульман, в этих условиях крестоносцам пришлось пойти на заключение крайне невыгодного для себя мира, по которому они возвращали мусульманам Дамиекту, а в

обмен получали несколько важных реликвий. Было заключено перемирие на восьмилетний срок. Таким образом, V Крестовый поход не принес существенных результатов христианскому миру.

VI Крестовый поход был предпринят Фридрихом II Гогенштауфеном, который дал обет папе Григорию IX. В 1227 г. германский император отплыл из Сицилии в Сирию, но вспыхнувшая в среде крестоносцев эпидемия лихорадки помешала осуществлению намеченных планов. Фридриху II пришлось вернуться на Сицилию. Тем не менее папа воспринял это как нежелание императора выполнить обет крестоносца. Отношения между папой и императором осложнились и из-за попыток императора включить Южно-итальянское королевство в состав Священной Римской империи. В 1228 г. Фридрих II снова отплыл в Святую землю, не испросив разрешения папы. В ответ на эти действия Григорий IX вторично объявил о его отлучении и лишил его права на ленное владение Южной Италией. Папские войска осадили Неаполь. Между тем Фридрих II прибыл в Палестину. Местные крестоносцы отказались помогать отлученному от церкви императору, и лишь его собственное войско и рыцари Тевтонского ордена подчинялись его приказам. Искусно проведя дипломатические переговоры с мусульманскими правителями, Фридрих II добился того, чтобы христианам уступили Иерусалим, Назарет и Вифлеем, а также полосу земли, связывающую Иерусалим с морем. Прибыв в Иерусалим, Фридрих II короновался в феврале 1229 г. и принял титул иерусалимского короля, женившись на дочери Иоанна II Вриенского. Со времен Готфрида Бульонского никто не добивался более значительных уступок от мусульман. Но именно постольку, поскольку речь шла о мирных договоренностях между императором и мусульманскими правителями, некоторые историки отказываются рассматривать события 1228–1229 гг. как крестовый поход.

Как видим, вся история крестоносного движения представляет собой различного рода отклонения (географические, политические и религиозные) от первоначальной цели. Существенной девиацией стал IV Крестовый поход (1199–1204), так как конечным пунктом оказался уже не Иерусалим, а Константинополь, подвергшийся разграблению. VI Крестовый поход (1227–1229 гг.) был просто дипломатическим договором между императором Фридрихом II и султанами Египта и Дамаска. Но Седьмой (1248–1254 гг.) и Восьмой (1270–1271 гг.) крестовые походы, организованные французским королем Людовиком IX, представляли собой некую попытку отчасти вернуться к первоначальной религиозной идее.

Седьмой крестовый поход (1248–1254) начался весной 1248 г. Крестоносцы стремились отвоевать Иерусалим, в 1244 г. захваченный мусульманами. С целью борьбы против Египта Людовик IX завязал сношения с монголами, видя в них союзников в борьбе против мусульман. Однако дальше обмена любезностями и предложения монголам обратиться в христианство, а французам – признать власть монгольского хана, дело не двинулось. В начале июня 1249 г. крестоносцы высадились в Египте и захватили Дамиетту. В начале февраля 1250 г. пала крепость Эль-Мансура. Однако здесь крестоносцы сами попали в осаду армии султана Муаззама Туран-шаха. Начавшийся разлив Нила помешал осуществлению военных действий крестоносцев. Несмотря на успешные маневры Робера Артуа, брата Людовика IX, осада

Дамиетты окончилась в целом неудачей. Крестоносцы попытались договориться с султаном Египта Туран-шахом о сдаче мусульманам Дамиетты в обмен на передачу им контроля над Иерусалимом, но тот не согласился на сделку и в новом сражении под Дамиеттой (1250 г.) наголову разгромил крестоносцев. Цвет знати и рыцарства был захвачен в плен, был пленен и сам французский король, освобожденный только после выполнения всех условий мусульман. После того как Людовик Святой был выкуплен из плена, он остался на Востоке и помогал освобождению своих единоверцев. Из Египта он отправился в Акру, где ожидал прибытия новых крестоносцев, одновременно занимался строительством и укреплением существующих в Святой земле латинских фортов Яффы, Цезарии, Сидона и Акры. Лишь в апреле 1254 г. он оставил Акру и вернулся во Францию.

В 1266 г. король обратился к папе Клименту IV за позволением совершить второе паломничество в Святую землю, а в марте 1267 г. дал обет крестоносца. Его пример поначалу не вызвал серьезного религиозного воодушевления. Рыцари прохладно отнеслись к идее нового крестового похода, но братья Людовика Святого Альфонс Пуатье и Карл Анжуйский, а также его сыновья последовали за ним. Весной 1270 г. крестоносцы отправились в путь. Первым важным транзитным пунктом для них стал о. Сардиния. Здесь вожди крестового похода держали совет о дальнейшем направлении их военной экспедиции. В конечном итоге они договорились идти не в Сирию и Египет, а в Тунис. На это решение существенно повлияла позиция Карла Анжуйского, который враждовал с тунисским эмиром по поводу сицилийских дел. Крестоносцы достигли Туниса в июле 1270 г., но вскоре в армии разразилась эпидемия чумы, от которой 25 августа скончался и сам Людовик. Таким образом, французский король перенес все испытания, которые могли выпасть на долю крестоносца – он не только побывал в сарацинском плену, но и кончил свою жизнь в крестовом походе. Это дало основание современникам и позднейшим историкам рассматривать Людовика Святого в виде идеального крестоносца. После неудачи в VIII Крестовом походе дни латинского господства на Ближнем Востоке были сочтены. Падение в 1291 г. Акры, последнего военного оплота христиан на Ближнем Востоке, знаменует конец эпохи крестовых походов.

РОЛЬ КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ В РАЗВИТИИ ЕВРОПЫ

Крестовые походы составили целую эпоху в европейской истории и оказали серьезное влияние на многие стороны европейской жизни. По словам Ж. Ле Гоффа, крестовые походы оказались «вершиной экспансионизма средневекового христианского мира», «первым опытом европейского колониализма». В результате этого первого опыта западной колонизации существенно возросла роль итальянских республик в регионе Восточного Средиземноморья.

Во время крестовых походов Католическая церковь значительно укрепила свои позиции и расширила сферу своего влияния; под эгидой Святого престола были созданы новые военно-религиозные институты – Ордена там-

плиеров (1119 г.), госпитальеров (1080 г.) и Тевтонский орден (конец XII в.), которые сыграли важную роль в последующей европейской истории (иоанниты в защите Средиземноморья от турок, тевтонцы в немецкой агрессии в Прибалтике). Папство подтвердило свой статус лидера западнохристианского мира. В то же время крестоносное движение привело к углублению пропасти между христианами и мусульманами и евреями, к еще более решительному разрыву с Греко-православной церковью, нанесло тяжелый удар по Византии, от которого та так и не оправилась.

В плане заимствований культурных достижений значение крестовых походов оставалось ограниченным, и распространение мусульманской культуры в Европе происходило главным образом через арабов Сицилии и Испании. Заимствование ряда элементов материальной культуры Востока (ковры, бани, специи) до некоторой степени изменило культурные ориентации средневековых христиан. Приобретение нового опыта в различных сферах материальной и духовной жизни способствовало определенной секуляризации системы ценностей средневекового общества. В эпоху крестовых походов было создано большое число исторических и литературных произведений (исторические сочинения Гийома Тирского, Жака де Витри, Жоффруа Виллардуэна, Робера де Клари и др.). В Святой земле крестоносцами были построены оригинальные фортификационные сооружения и крепости (Крак-де-Шевалье, Монфор), созданы многочисленные произведения искусства (например, иллюстрированные рукописи из ателье в Акре и т.д.). Во время крестовых походов с Востока были переняты образцы архитектуры (храм с купольным сводом).

Все же главные культурно-исторические итоги крестовых походов заключаются в том, что они значительно раздвинули интеллектуальный горизонт средневековых людей и в целом изменили их систему мировоззрения. Открытие новых культур и религий способствовало осознанию культурного многообразия мира. Крестовые походы были весьма важны в плане эволюции западной христианской цивилизации и культуры. В крестовых походах европейцы впервые осознали свое единство, поднявшись над этническим партикуляризмом, и объединились для общего дела – освобождения Иерусалима.

ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ

К рубежу I–II тысячелетий н.э. в большинстве регионов Старого Света, образующих средневековую Мир-Систему, завершились процессы политогенеза. Конечно, на этих территориях возникнет еще немало новых государств, и некоторые из них будут весьма специфичны, но все же к означенному времени уже вполне определились основные типы складывания государственности.

Говорить о путях политогенеза в настоящий момент непросто в виду отсутствия общепринятого ответа на вопрос о том, что такое государство. Старые, казалось, непоколебимые определения, например: «Государство есть машина для угнетения одного класса другим; машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы», – теряют свою привлекательность вообще и оказываются мало пригодными для описания средневековых государств, в частности. Новое определение: «государство – специализированный институт, осуществляющий управление сложным обществом и обладающий монополией на узаконенное применение силы», – выглядит слишком общим для практического применения к истории Средневековья, периода, когда монополия на применение насилия оставалась для правителя чаще всего лишь далеким идеалом.

Одно из авторитетных для этнологов определений носит более описательный характер: «Государство – это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. Оно существует в сложном, стратифицированном обществе, расположенном на определенной территории и состоящем из двух основных страт – правителей и управляемых. Отношения между этими слоями характеризуются политическим господством первых и налоговыми обязательствами вторых. Эти отношения узаконены разделяемой, по крайней мере, частью общества идеологией, в основе которой лежит принцип реципрокности». Но всякая детализация понятий чревата трудностями, и у медиевистов возникнут возражения, поскольку степень сложности некоторых раннесредневековых обществ – вопрос дискуссионный, а способностью собирать налоги со своих свободных «управляемых» правители обладали далеко не всегда.

Поэтому историки, как им и подобает, чаще подходят к политогенезу исторически, рассматривая его именно как процесс, а не как результат. В этом смысле говорят о типологии образования средневековых государств, причем в качестве критерия берутся особенности синтеза «античных» и «варварских» начал. Хотя историки и говорят о «бессинтезном» пути, он существует лишь в виде метафоры, во всяком случае, для средневековой Мир-Системы, все элементы которой были связаны между собой если не прямыми, то опосредованными влияниями. Но синтез мог идти либо с преобладанием начал древней государственности, либо с явным преобладанием начал «варварских», либо при относительном их равновесии. Тем не менее и эта классификация, разработанная, как и многие другие теоретические схемы, на за-

падноевропейском материале, при наложении на более обширные регионы нуждается в уточнениях.

В следующих параграфах будет представлен в обобщенном виде опыт некоторых из вариантов складывания средневековых государств. Специфический путь политогенеза, обычно недооценивавшийся в обобщающих трудах по всемирной истории, представляли собой средневековые кочевые империи. Еще один тип, связанный с переселением кочевых или полукочевых народов на территории древних земледельческих цивилизаций, иллюстрируется историей государств, образованных на территории Северного Китая. Но этот пример значительно отличается от синтеза «варварских» и «античных» начал, происходившего на территории империй земледельческих племен германцев и славян.

В первом и втором разделах говорилось о варварских королевствах, одному из которых, королевству франков, удалось трансформироваться в Каролингскую империю. В третьем разделе, наконец, будут рассмотрены государственные образования, входящие в зону, слишком удаленную от центров древней цивилизации, чтобы подвергаться их прямому воздействию, но при этом отнюдь не являвшиеся «изолятами». Речь идет о регионе, раскинувшимся от Северной Атлантики до Волги и Полярного Урала.

Но прежде чем перейти к рассмотрению вариантов средневекового политогенеза, надо сказать о давно уже существующих государствах, без которых все рассматриваемые далее процессы были бы немыслимы. Речь идет о древних империях, которым удалось начать, а иногда и завершить трансформацию своего социально-политического строя при сохранении прежней государственной традиции. Таковы Византия, Китай, а для раннего Средневековья – еще и Иран.

«СТАРЫЕ ИМПЕРИИ»

Эти империи воплощали собой три разные цивилизации, но при всем своем явном отличии друг от друга бросаются в глаза их общие черты – это были регионы древней государственности, и их населению не надо было объяснять ни того, что такое налоги и почему их надо платить, ни того, что фигура правителя священна.

Власть императора имела сакральный характер. И культурно-религиозное единство выступало мощнейшим фактором, обеспечивающим целостность империи. По словам ираниста Р. Фрая, соединение государства и церкви, предполагаемое в исламе, имело превосходный образец в Сасанидской державе; развернутое изложение этой идеи содержится в восходящих к сасанидским текстам новоперсидских «Книгах советов» («Андарз-намэ»). Для отношений императора и церкви в Византии *симфония* была идеалом.

В Китае же в силу особенностей исторического развития фигура императора сама по себе была божественна и, владея «мандатом Неба», служила залогом поддержания правильного миропорядка. Но существовавшие здесь религиозные и квазирелигиозные системы в начале Средневековья подвергались систематизации, обретая некоторое подобие упорядоченных структур в виде даосских и буддистских монастырей, которые осыпали милостями

императоры и аристократы. Попытки императоров Поднебесной опереться исключительно на буддизм или даосизм и превратить его в государственную религию неизменно заканчивались провалом.

Время от времени императоры устанавливали достаточно жесткий контроль за монастырской жизнью и предпринимали масштабные конфискации монастырских земель. Это давало ресурсы для решения неотложных задач. Любопытно, что два этапа гонения на буддизм в Китае (712–756 гг. при императоре Суань-цзуне и 840–846 гг. при У-цзуне) хронологически совпадают с двумя этапами иконоборчества в Византии от Льва III Исавра в 717–741 гг. до императора Феофила (829–842). При всей разнице цивилизационных оснований императоры, столкнувшись с острой нехваткой средств для решения важнейших военно-политических задач, прибегают к секуляризации монастырских богатств.

Для трех империй характерно создание обширных сводов права – кодексов Феодосия и Юстиниана, «Матиган-и хазар дадестан» («Сборника тысячи судебных решений») Сасанидской эпохи и кодекса законов китайского императора Тай-цзуна, которые определили дальнейшую правовую традицию Средневековья.

Выйти из внутреннего кризиса и противостоять варварским вторжениям империям помогало наличие не просто мощного бюрократического аппарата, но и устойчивых бюрократических традиций, проникших в «плоть и кровь» местной культуры. Пример Китая в данном случае самый яркий, но и византийская бюрократия отличалась удивительной устойчивостью. Не раз случалось, что бюрократия оказывалась в некотором роде сильнее государства. Несмотря на утрату территориального единства, да и самой государственности, бюрократические и культурные традиции подчас заново «собирали» империи из осколков. Наиболее интересна в этом отношении судьба иранской бюрократии. *Дабиры* («писцы») заложили столь мощную традицию, что даже после арабских завоеваний и, казалось бы, радикального изменения всего облика Ирана в результате исламизации, персидская бюрократическая традиция неоднократно возрождалась, начиная от халифата Аббасидов до государства Сефевидов, сохраняя, несмотря на все потрясения, преемственность культурно-государственного наследия.

Термин «бюрократия» в известной мере анахроничен, как и «чиновничество», слишком силен стоящий за этими словами образ управленцев, описанных Максом Вебером как агентов власти, действующих на рациональных основаниях. В то же время, если применять веберовскую классификацию, речь идет скорее об обществах, покоящихся на основаниях традиционалистских. И должностные лица могли выполнять свою роль, невзирая на смуты и междоусобицы, только будучи носителями специфической культуры, осознавая себя как важнейших хранителей государственного начала, легитимного в той мере, в которой оно покоилось на незыблемой традиции.

Устойчивость бюрократии обеспечивалась и строго иерархическим принципом ее организации, и известным корпоративизмом, усиленным общим культурным багажом и, как правило, скрепленным взаимными семейными связями. Все это придавало чиновникам уверенности в себе, но государственная машина становилась консервативной и неповоротливой (даже если и не говорить еще о коррупции). В некоторых случаях чиновники мог-

ли действовать так, будто лучше императора понимают, в чем благо государства.

Власть императоров была не просто священной, но и непререкаемой. Даже в том случае, когда она имела за плечами прошлое, связанное с полисными традициями (в Византии и в определенной мере в Сасанидском Иране), она стремилась как можно решительнее отмежеваться от такого наследия. Не столь успешно, но порой не менее решительно императоры противостояли притязаниям аристократии на власть, не желая делиться ею ни с кем. Это нередко вынуждало правителей к поискам абсолютно преданных и при этом достаточно эффективных исполнителей. Отсюда происходит любопытное в своем постоянстве стремление правителей опираться на евнухов, что было характерно не только для полигамных китайских императоров, арабских халифов, ханов и шахов Ирана, но и для христианских (и поэтому моногамных) византийских василевсов. Евнухам, вырванным из своей среды, не имеющим семей и презираемым придворными и чиновниками, доверяли даже самые мнительные императоры. Пока власть находилась в сильных руках, кастраты были лишь тенью императора, исполняя его волю, но когда власть слабела, их роль многократно возрастала.

Перед империями стояли схожие по своей сложности задачи в военной области: надлежало удерживать обширную территорию, особенно уязвимую ввиду набегов кочевников, причем противостоять приходилось зачастую маневренным конным армиям. Выход виделся в создании военных округов (в особенности в пограничных районах) с широким набором полномочий их правителей и в основании военных поселений, жители которых получали льготные надельные земли и иногда были освобождены от налогов, но обязаны служить в войске.

Система *фубин* и военные округа *цзеду* возникают в империи Тан лишь немногим ранее, чем *фемы* и поселения *стратиотов* в Византии. В одном случае эти меры помогли обезопасить границы от наследников Тюркского каганата и перейти в наступление, в другом – остановить натиск арабов и отвоевать часть утраченных территорий. Но еще раньше по этому пути пошел Сасанидский Иран, где выделялись пограничные округа-«марзпанства», чьи правители соединяли в своих руках военную и судебно-административную власть. Позже халифат Аббасидов будет создавать подобные особые округа на границе с Византией.

Военные округа Китая и Византии сумели противостоять противнику, создали свою вполне боеспособную конницу, от которой в новую эпоху зависело многое. Но выполняя свою задачу, военные доставляли все больше неудобств правителям: «фемархи» и «цзедуши» были склонны в лучшем случае к сепаратизму, а в худшем могли претендовать на власть, соперничая с имперской бюрократией. Мятежи Ань Лушаня в Китае и Фомы Славянина в Византии были подавлены ценой величайших жертв, но ставленникам военных: Исаврам, Комнинам и Сунам – удалось основать новые династии.

Правда, придя к власти, новые императоры принимались ограничивать власть комендантов военных округов. Династия Сун поставила *цзедуши* под жесткий бюрократический контроль, застраховав себя от военных переворотов и сепаратизма, но тем самым утратив боеспособность своей армии. Несмотря на громадные военные расходы, Суны вынуждены были смирить-

ся с потерей северных территорий и выплачивать дань киданям, тангутам и чжурчженям. В необходимости откупаться от «варваров» рано убедилась и Византия. При этом эффективная византийская дипломатия действовала достаточно умело, сталкивая одних «варваров» с другими. Чужеземцев охотно принимали на военную службу; особо ценились варяги и сицилийские норманны, а конными лучниками в византийской армии были, как правило, тюркские наемники.

Сасанидский Иран раньше других стал создавать армию нового типа, в которой служили *дикхане* (представители мелкой служилой знати), но также часто вынужден был откупаться от кочевников-эфталитов. Мусульманские преемники шаханшахов достаточно быстро отказались от опоры на местные ополчения и начали покупать рабов для военной службы: *гулямов* и *мамлюков*. Военную функцию все чаще здесь исполняли этнически обособленные группы – горцы (приведшие к власти Буидов), бедуины, а позже – турки из кочевых и полукочевых племен.

Китай и Византия не пошли по этому пути, несмотря на значительную и даже все возрастающую роль наемников, их армии в этническом отношении не отличались от основного населения империи. Но комплектованию таких армий мешала концентрация политической власти в руках крупных землевладельцев, что вело к ослаблению слоя свободных крестьян и что, в свою очередь, сокращало как налоговую базу, так и возможности для набора войска. Для того чтобы противостоять этому процессу, надо было прилагать титанические усилия, периодически обновляя кадастры, укрепляя крестьянское землевладение и осаживая алчность землевладельцев. Это требовало политической воли, слаженных действий бюрократического аппарата и немалых ресурсов. С какого-то момента власть начинала постепенно отказываться от этой задачи, лишь изредка напоминая обществу о своих прерогативах.

В Византии поселения стратиотов как основы войска медленно, но все же неуклонно уступали место прониям, все более напоминавшим западные сеньории. Это давало возможность императорам из династии Комнинов быстро собирать боеспособных воинов, минуя столичную бюрократию, но было чревато ослаблением государства. В империи Сун планы восстановления надельной системы и создания контингента национальной конницы остались лишь проектами, и крестьяне продолжали терять землю, становясь в лучшем случае арендаторами.

Возможности государства сокращались. Это не обязательно имело лишь негативные последствия. В периоды ослабления государства мог наблюдаться расцвет культуры и экономический рост. Однако присутствие мощных и агрессивных соседей делало такие периоды чреватými катастрофическими потерями. Вернуть утраченное могущество империям можно было лишь восстанавливая свободное крестьянство. Позднее, в XIV–XV вв., Китай сумеет решить эту задачу, Византия – нет. И их исторические пути окончательно разойдутся.

Древние империи с большим или меньшим успехом пытались адаптироваться к новым условиям и при этом сохранить свою идентичность. Но плата за величие была очень высока. Слабые империи становились добычей соседей. Сильные тратили все ресурсы в надежде вернуться к изначаль-

ному идеалу. К этому стремились, по-видимому, все средневековые люди, но не у всех имелись столь мощные средства для того, чтобы блокировать неизбежные изменения. Лучше всего в этом убеждает пример городов. Сасаниды старательно искореняли следы былого городского самоуправления. Стремление китайских властей контролировать ремесло и торговлю, чтобы не дать им развиться сверх меры, общеизвестно. Города и объединения купцов и ремесленников («ханы») подвергались всесторонней регламентации.

Но и византийское ремесло, в том его виде, в котором сведения о нем сохранились в «Книге Эпарха», более походило на китайские ханы, чем на западноевропейские ремесленные цехи. Ликвидация следов муниципального самоуправления (куриалов и синклита) де-юре была завершена при Льве VI Мудром (де-факто она произошла много раньше) с весьма емким объяснением: «ныне обо всем печется император». Цветущие и многообещающие города старых империй слишком жестко контролировались властями и не сумели реализовать свой инновационный потенциал.

Поскольку взаимодействие культур и синтез традиций часто кладется в основу выделения типологий то ли «генезиса феодализма», то ли образования средневековых государств, вопрос о синтезе уместен и применительно к этим древним империям. Они интегрировали традиции разных народов, исторически оказавшихся включенными в их пределы (характерный пример – население осваиваемого ханьцами Юга). Они влияли и друг на друга, во всяком случае, взаимное влияние Византии и Сасанидского Ирана настолько очевидно, что некоторые историки говорят даже о своеобразном политическом «симбиозе» этих стран. Да и возникший на месте Ирана Халифат также по-своему влиял на империю ромеев (так, например, в иконоборчестве видят следы мусульманского влияния).

«Варвары», хотя бы временно проникавшие на территорию империй, приносили свои порядки, будь то славяне на Балканах или кочевники в Северном Китае. Иное дело, что имперское сознание старалось не замечать факт подобных заимствований, а если и признавало, то лишь как зло, от которого надо спасать империю. В то же время «внешние» народы подражали империям вполне сознательно.

Византийский придворный церемониал долгое время служил образцом для всех правителей Запада, включая римского папу, а влияние византийского опыта на мир южных и восточных славян, а также Закавказья, общеизвестно. Арабские правители заимствовали сасанидский церемониал и структуру двора. Пример китайской государственности служил руководством вовсе не только для кочевников, осевших на его северных территориях, но и для Кореи, Вьетнама, Японии, государства Наньчжао, в меньшей степени для Сиам и государств Явы.

Но в целом вопрос о типологиях и классификациях представляется столь же важным, сколь и трудным для разрешения. Мы приводим лишь один из вариантов классификаций, из которого сразу же выпадают многие регионы. Вполне очевидно, что если положить в основу принцип культурной диффузии, то типология будет иной. Русь заимствовала из Византии неизмеримо больше, чем скандинавы, прекрасно знавшие византийские порядки, ведь варяги издавна служили в Константинополе. Япония, не имевшая непосредственных контактов с Китаем, никогда не завоеванная и не воевавшая с ним

(в отличие от Кореи и Вьетнама), при этом оказывается настолько восприимчивой к китайской культуре, что путь ее развития трудно назвать «бессинтезным».

Трудно классифицировать страны ислама, явно заимствовавшие древнюю традицию и столь же явно ее отрицавшие и трансформирующие. Если германцы, славяне, сяньбийцы или тангуты, оказываясь на территориях империй, стремились подражать существующим здесь порядкам (разумеется, сильно искажая их), то арабы, появившись на землях древнего Ирана, Византии или готской Испании, сразу же настолько радикально меняли цивилизационный облик этих стран, что само по себе выявление здесь культурного влияния местных традиций требует некоторых усилий историков. Но при этом контакты с завоеванным населением быстро изменяли природу арабского общества.

В то же время долгое сосуществование сельджуков, османов и иных племенных союзов тюркских народов с наследниками ирано-арабской и византийской традиций не приводило к быстрым масштабным трансформациям строя бывших кочевников. До сих пор остается неясным, складывались ли кочевые империи за пределами Великой степи, например у бедуинов Аравии и Северной Африки? Существовал ли особый тип политогенеза у горцев Европы, Азии и Северной Африки?

Подобные вопросы можно перечислять долго, и по мере рассмотрения каждого из типов будет выясняться уникальность отдельных примеров и их несводимость друг к другу. У лингвистов есть термин *гапакс* (от греч. *hapax legomena* – «сказанное однажды») – так называются «одноразовые» слова и словоформы, которые лишь единожды встречаются в корпусе текстов. Историки часто склонны рассматривать общества и государства именно как набор таких уникальных «гапаксов», что, конечно, затрудняет типологизацию.

Однако сравнивать общества между собой можно и нужно, во-первых, потому, что только так можно усмотреть определенные исторические закономерности, а во-вторых, потому что и сами они в свое время постоянно сравнивали себя друг с другом (не всегда мирным путем), находясь в постоянном взаимодействии, что и призвано подчеркнуть наше издание.

КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ

Кочевники (или иначе номады) обитали в засушливых степях и полупустынях, где почти невозможно было заниматься земледелием. Однако они разводили животных, которые питались травой, и это было эффективным способом существования в данных природных зонах. Главной пищей номадов были различные виды молочных продуктов, реже мясо забитых или умерших животных и охотничья добыча. Неудивительно, что при таком способе существования сосредоточением всех интересов кочевников являлся скот – источник их жизни и показатель благосостояния.

Поскольку животным постоянно необходимы новые пастбища, скотоводы были вынуждены по несколько раз в год перемещаться с одного места на другое. В силу подвижного образа жизни наиболее распространенным типом жилищ у кочевников являлись различные варианты разборных, легко

переносимых конструкций, покрываемых, как правило, шерстью или кожей (юрта, палатка или шатер). По этой же причине домашняя утварь у кочевников была немногочисленна, а посуда чаще всего делалась из небьющихся материалов (дерево, кожа). Одежда и обувь шились, как правило, из кожи, шерсти и меха.

Несомненно, такая экономическая система отличалась хрупкостью и зависела от природной среды. Засуха, снежный буран (джут), эпидемии животных (эпизоотии) могли за одну ночь лишить кочевника всех средств существования. Для противодействия природным напастям скотоводы разработали эффективную систему взаимопомощи. В случае гибели животных каждый из соплеменников снабжал своего пострадавшего сородича одной-двумя головами скота, и таким образом он вновь получал средства к существованию. Но и он был обязан в случае необходимости оказать такую же услугу своим пострадавшим родственникам.

Самобытная природа обществ кочевников, многочисленные отличия от раннегосударственных образований, созданных оседлыми земледельцами, привели к целой дискуссии среди историков по поводу общественного строя кочевников. Одни авторы отрицали, что кочевники могли преодолеть барьер государственности, другие полагали, что они достигали уровня раннего государства, третьи писали об особом «кочевом феодализме». Этот спор продолжается до сих пор. К трем названным выше точкам зрения добавилось мнение об особом пути социальной эволюции кочевников.

Вне всякого сомнения, наиболее сложный вопрос истории кочевников — как и почему они создавали могущественные империи и завоевывали оседлые цивилизации. В научной литературе высказывалось много различных суждений относительно причин возникновения степных держав. Условно можно выделить объяснения *внутренние* (рост производительных сил, демографический взрыв, агрессивная природа кочевников и/или их военное превосходство, преэминентность государственной традиции, пассионарность, личные способности политических лидеров и др.) и *внешние* (изменения климата, опять же демографический взрыв, раздробленность земледельческих государств, необходимость адаптироваться к внешнему миру и пр.).

В большинстве из перечисленных точек зрения есть свои рациональные аргументы. Однако необходимо иметь в виду этнографические исследования современных скотоводческих народов Передней Азии и Африки. Они показывают, что экстенсивная пастушеская экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь институализированной иерархии. Следовательно, можно предположить, что потребность в государственности для кочевников не являлась внутренне необходимой.

Сложная надплеменная политическая система у кочевников возникала только там и тогда, где они были вынуждены вступать во взаимодействие с более высокоорганизованными оседлыми обществами. При этом степень централизации кочевников была прямо пропорциональна величине соседнего оседлого общества. Поэтому кочевники Северной Африки и Передней Азии, для того чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации, или вождества. Там, где кочевникам противостояли мощные земледельческие цивилизации, и в тех регионах, где су-

уществовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия подвижным скотоводством, средством адаптации номадизма к внешнему миру становилась «кочевая империя».

Для реализации своих замыслов кочевники использовали несколько пограничных стратегий, которые могли на протяжении истории одного общества сменять одна другую: 1) стратегия набегов и грабежей (монголы XV–XVI вв. по отношению к Китаю, Крымское ханство – к России и др.); 2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Хазария и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком; 3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (племена тоба, киданей и чжурчжэней в Китае, монголы в Китае и Иране); 4) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества (печенеги, тюрки, уйгуры и пр.).

При этом историки давно обратили внимание на циклический характер истории китайских династий (впрочем, это применимо ко всем доиндустриальным государствам). На ранней фазе в государстве развивается экономика, растет население, процветает культура. Постепенно хозяйство приходит в упадок, расцветает коррупция чиновников, множатся беспорядки, и династия погибает. Природа такого цикла объясняется так называемой структурно-демографической теорией Голдстоуна–Нефедова–Тручина, согласно которой параллельно с экономическим ростом опережающими темпами идет увеличение численности элиты и государственного аппарата. Это приводит к тому, что производители оказываются не способны платить чрезмерные налоги. В результате династия приходит к кризису и к краху.

Империи кочевников являлись зеркальными двойниками китайских династий. Они появлялись в то время, когда Китай расцветал и был способен приносить прибыль кочевникам в виде военной добычи и вымогаемых подарков (в древности хунну и Хань, в Средние века тюрки/уйгуры и Суй/Тан, монголы-ойраты и Мин). Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации со стороны кочевников переставала работать. Имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока на юге снова не восстанавливались мир и порядок. Т. Барфилд полагает, что такие империи можно называть *теневыми*, поскольку они возникали как бы в тени уже существующих цивилизаций и империй (с современной точки зрения этот термин удачен и в том отношении, что подчеркивает именно «теневой» характер экономики подобных паразитических структур).

Снаружи кочевые империи выглядят как настоящие завоевательные государства (военно-иерархическая структура, международный суверенитет, специфический церемониал во внешнеполитических отношениях), так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Однако внутри империи номадов оставались основанными на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества основывалась на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны. Такие общества было предложено называть *экзополитарными* (от греч. *экзо* – «вне» и *полития* – «общество, государство») или *ксенократическими* (от греч. *ксено* – «наружу» и *кратос* – «власть»).

Каменная черепаха на границе разрушенного города. XIII в. Каракорум, Монголия

Для «кочевых империй» характерны следующие признаки: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный (на «крылья») или триадный (на «крылья» и центр) принцип административного деления империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу; 4) ямская служба как специфический способ организации административной инфраструктуры; 5) специфическая система наследования власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай); 6) особый характер отношений с земледельческим миром.

Можно выделить два типа кочевых империй и подобных им «квазиимперских» образований (еще один вариант, когда кочевники завоевывают оседлое население и создают на его территории государство, будет рассмотрен ниже). В первом случае кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии. Получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством так называемой дистанционной эксплуатации: войны и взимание разовой контрибуции, периодические набеги, вымогание так называемых «подарков» (в сущности, рэкет), неэквивалентная торговля и т.д. (тюрки и уйгуры в Восточной Азии, гунны в Европе). В империях второго типа кочевники и земледельцы входили в состав одного политического организма (страны, межгосударственного объединения), но продолжали жить отдельно в собственных экологических зонах и сохраняли более или менее обособленно свои традиционные экономические и общественные структуры. Их интеграция принимала лишь политический характер. Кочевники взимали дань

с подчиненных земледельческих обществ (Хазария, династия Юань в Китае, Золотая Орда).

Степные ставки империй последнего типа постепенно преобразовывались в место сосредоточения бюрократического аппарата, который управлял оседло-земледельческими территориями. Сюда стекалась основная часть прибавочного продукта, здесь концентрировались угнанные в плен ремесленники и строители, обеспечивавшие престижное потребление элиты. Для этих же целей в ставки собирались торговцы из многих стран. Постепенно административно-управленческие центры этих империй превращались в крупные города – центры своеобразной полиэтничной культуры и идеологии (Итиль, Каракорум, Сарай-Бату).

Города кочевников

Долгое время считалось, что города как стационарные оседлые поселения были присущи только оседлым народам, однако археологические данные показывают наличие у кочевых сообществ памятников с характерными строительными и архитектурными особенностями (городища). Целый ряд центральноазиатских кочевников имели собственные города. Их появление связано с возникновением государственности у кочевых сообществ, созданием кочевых империй.

Первые стационарные поселения появились еще у хунну и были вызваны необходимостью создания системы управления возникшей обширной империей, а также влиянием китайских советников. Однако такие поселения несли не только административные функции, они оказывали сильное влияние и на экономику хунну, позволяя им производить продукцию, не характерную для кочевников (земледелие и ремесло). Впоследствии свои города строили сяньбийцы, уйгуры, кидани, монголы и др.

Любопытно, что при одинаковой общей схеме становления государственности у кочевников (создание сильной военной организации, внешняя экспансия, проведение территориально-административных реформ) не всегда этот процесс приводил к появлению стационарных оседлых поселений. Так, нет данных об оседлых поселениях на территории тюркских каганатов.

Тюрки отличались ярко выраженным антиурбанизмом, видя свою силу в мобильности: «Когда мы построим свои замки, чтобы жить в них, и изменим наши старые привычки, тогда в один прекрасный день мы будем побеждены... поэтому нам не стоит строить» (советник Бильге-кагана Тоньюкук). А потребности в ремесленной продукции решались за счет завоеванных ими городов Восточного Туркестана и Средней Азии. Правда, расположенные к западу тюркоязычные племена кипчаков имели городища на территории Центрального Казахстана. Хазары (VIII–IX вв.) и булгары (X–XII вв.) создавали в Поволжье большие города с развитой экономической инфраструктурой.

При монголах, которые применяли в покоренных землях тактику тотального разрушения городов и уничтожили города Северного Китая, Средней Азии, Ирана, Закавказья и Руси, города появляются в не знавших до этого урбанизации южнорусских, казахских и монгольских степях. Причем строительство городов было взято под контроль государства, прежде всего была построена столица – Каракорум. Появление городов оказывало влияние и одновременно явилось результатом политических, экономических и социальных процессов, происходивших в кочевых обществах.

Возможны три варианта в эволюции данных империй: 1) отделение земледельческой подсистемы, запустение степных городов, номадизация населения, переход «метрополии» в состояние, характерное для типичных кочевых империй или распад вовсе (Золотая Орда, империя Юань); 2) дальнейшая седентеризация и превращение в комплексное земледельческо-скотоводческое государство (Хазарский каганат, киданьская империя Ляо); 3) миграция номадов на территорию оседлого государства и превращение империи этой модели в империю третьего типа (государство Ильханов). Поскольку основа этих империй – взимание дани, то их следует называть *данническими* кочевыми империями.

Как было сказано выше, стабильность имперских конфедераций кочевников напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, земледельческих продуктов, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых территорий. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Механизмом, соединявшим племена в имперскую конфедерацию, являлись институты престижной экономики. Манипулируя подарками и одаривая ими соратников и вождей племен, правитель кочевой державы увеличивал свое политическое влияние и престиж щедрого правителя. Одновременно он как бы связывал получивших дар обязательством ответного отдарка.

Племенные вожди, получая подарки, с одной стороны, могли удовлетворять личные интересы, а с другой – могли повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, реципиент как бы приобретал от него часть сверхъестественной благодати, чем дополнительно способствовал увеличению своего собственного престижа.

Можно предположить, что помимо символического обмена между вождями различных рангов и правителями степных империй отношения осуществлялись, по всей видимости, через включение в генеалогическое родство различных скотоводческих групп, через широкий круг коллективных мероприятий и церемоний (сезонные съезды и праздники, облавные охоты, возведение монументальных погребальных сооружений и пр.).

Определенную роль в институционализации власти правителей кочевых обществ играли выполняемые ими функции священных посредников между социумом и Небом (Тэнгри), которые обеспечивали бы покровительство и благоприятствование со стороны потусторонних сил. Согласно религиозным представлениям номадов, правитель степного общества (шаньюй, каган, хан) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей осуществлял ритуалы, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для общества громадное значение. Поэтому в случае природного стресса или болезни и гибели скота неудачливого хана или вождя могли заменить, а то и просто убить.

Несколько слов следует сказать о причинах распада империй кочевников. Исследователями неоднократно выделялось много причин, среди них: 1) природные явления (усыхание степи, кратковременные климатические

стрессы и эпидемии); 2) внешнеполитические факторы (нашествия врагов, затяжные войны, прекращение внешних доходов, кризисы соседних земледельческих цивилизаций); 3) внутренние причины (демографический взрыв, потеря внутреннего единства и сепаратизм, гигантские размеры и слабость административной инфраструктуры, классовая борьба, усобицы ханов и гражданская война, бездарные политические правители).

Современные данные не подтверждают значения некоторых факторов. Как уже отмечалось выше, палеогеографические данные последних десятилетий свидетельствуют об отсутствии прямой связи глобальных циклов усыхания/увлажнения степи с периодами гибели/подъема степных империй. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников, поскольку таковой у них не наблюдалось. Однако большинство вышеперечисленных причин оказало реальное воздействие на судьбы тех или иных степных держав. Правда, сравнительно-исторический анализ показывает, что нередко влияние на гибель кочевых империй оказывало не одно, а сразу несколько обстоятельств. Внутренние усобицы могли сопровождаться как локальными экологическими катастрофами (уйгуры), так и нашествиями врага (жужани и те же уйгуры).

В то же время имелись причины, которые потенциально способствовали структурной неустойчивости кочевых империй: 1) внешние источники поступления богатств, которые делали стабильность степной конфедерации зависимой от военной удачи и экономического благополучия соседней оседло-городской цивилизации; 2) мобильность и вооруженность кочевников вынуждала ханов и каганов балансировать в поисках консенсуса между различными кланами степной элиты и племенами; 3) специфическая «удельно-лествичная» система наследования власти, согласно которой каждый из представителей правящего «линиджа» (или «линьяжа») от главных жен имел право в соответствии с очередью по возрасту на повышение административного статуса и в том числе права на престол; 4) так называемый «закон Ибн Халдуна» – полигамия (в виде полигинии) в среде высшей элиты кочевников (у Чингисхана, например, было около 500 жен и наложниц, у Джучи 114 сыновей, у Хубилая около 50 сыновей и т.д.). Это приводило через три-четыре поколения к переизбытку представителей правящей элиты, резко возросшей конкуренции и гражданским войнам.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ ПОЛИТОГЕНЕЗА (кочевники и земледельцы)

Еще один вариант возникновения государственности был связан с переселением кочевников на территорию земледельческого государства и завоеванием местного населения. Он многократно встречался в Средние века в различных регионах Евразии. Данные империи трудно уже относить к кочевым, так как они быстро эволюционировали по пути превращения в комплексное земледельческо-городское государство с крупным скотоводческим укладом. В Европе таким путем возникли аварская, болгарская и венгерская державы.

В истории Китая период IV–VI вв. получил название «эпохи 16 государств пяти варварских племен». Пять племен, о которых уже говорилось выше, – это *хунну*, *сяньби*, *цяны*, *цзе* и *ди* – кочевые и скотоводческие народы, вторгшиеся на китайскую равнину из Синьцзяна, монгольских степей и из Маньчжурии. Самым крупным из этих образований была империя Северная Вэй (Тоба Вэй).

Примерно в это же время происходили завоевания эфталитов в Средней Азии, которые частично осели на захваченных территориях, а частично перешли к паразитическому существованию за счет завоеванных народов. Уйгуры после разгрома кыргызами в середине IX в. переселились в Турфанский оазис, где осели и стали развиваться как скотоводческо-земледельческое общество. Схожим путем происходило становление империй сельджуков и караханидов, Дунайской и Волжской Болгарии, государства Ильханов в Иране.

Имеет смысл проиллюстрировать данный вариант политогенеза на примере киданьской империи Ляо (907–1125) и чжурчжэньского государства Цзинь (1115–1234). Кидани – это полукочевой народ, проживавший на территории Маньчжурии и внутренней Монголии. В период господства каганатов тюркоязычных кочевников они являлись их вассалами. Когда Уйгурский каганат был уничтожен кыргызами и чуть позже погибла империя Тан, кидани получили шанс стать политическими лидерами в регионе.

Это совпало с усилением власти вождя киданьской конфедерации восьми племен Елюя Абаоцзи. У киданей существовал обычай, согласно которому через определенный срок вождь конфедерации должен был сменяться. Когда срок правления Абаоцзи истек, он собрал всех вождей на праздничный пир и вероломно убил. После этого он объявил себя единоличным правителем и напал на несколько небольших государств, образовавшихся на обломках Танской империи. Киданьская держава получила название Ляо («Железная»). Следующий этап – уничтожение бохайской государственности в 926 г., начало завоевания территории Северного Китая, затем войны против династии Сун.

На протяжении многих лет держава киданей была основана на эксплуатации соседних государств. Даничество и вымогаемые от китайских государств «подарки» приносили огромную прибыль. После подписания договора в 1005 г. Сунская династия согласилась выплачивать ежегодно Ляо 100 тыс. лян серебра и 200 тыс. кусков шелка. После военной кампании 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. лян и до 300 тыс. кусков шелка. Длительное время эти доходы оставляли основу бюджета экономики империи.

В империи Ляо скотоводы-кочевники кидани («ядро-метрополия») составляли пятую часть населения (750 тыс. чел.). Кроме них, в состав империи входили земледельцы: китайцы (более половины населения – 2 млн 400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские («варварские» скотоводческие и охотничьи народы – 200 тыс. чел.). Общая численность населения державы составляла 3 млн 800 тыс. чел.

По мере включения в состав империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Догосударственные институты управления конфедерации

«восьми племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с ее многочисленными городами. В 947 г. в империи Ляо была создана дуальная система администрации, разделенная на северную и южную части. Северная администрация считалась по рангу выше Южной. Она возглавлялась «северным канцлером», который назначался из представителей кланов Елюй и Сяо. В его компетенцию входил контроль за киданями – титульным этносом многонационального государства.

Полностью повторили киданьский пример чжурчжэни в XII в. Так, начиная с X в., стали называть происходившие от *хэйшуй мохэ* племена, расселившиеся по территории Северной Маньчжурии и на опустевших после киданьского завоевания бохайских землях. Во второй половине XI в. начался процесс консолидации чжурчжэней. Это привело к войне против господствовавших в тот период на Дальнем Востоке киданей и к провозглашению в 1115 г. «Золотой империи» чжурчжэней (кит. Цзинь).

В период расцвета чжурчжэньская империя занимала Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока современной России, часть Северной Кореи и большую часть территории Северного Китая. Численность населения Цзинь в начале XIII в. составляла более 53 млн чел., из которых чжурчжэни составляли около 10%, тогда как китайцы не менее 83%. В империи Цзинь существовала система пяти столиц (как в Бохае и в Ляо).

Подобно киданям, чжурчжэни практиковали стратегию требования подарков от южносунского Китая. Пользуясь своим военным преимуществом, они постепенно увеличили сумму выплат почти в пять раз и довели до 1 млн связок монет. Разовые контрибуции были еще больше. Только в 1127 г. чжурчжэни получили от Сун 1 млн лян золота, 10 млн слитков серебра, 10 млн кусков шелка и 10 млн кусков тканей.

Для управления завоеванными территориями чжурчжэни воспользовались дуальным принципом управления и созданными киданями институтами. Однако позднее в 1133–1134 гг. дуальная система управления была преобразована в единый общегосударственный бюрократический аппарат. Многие были заимствованы от китайской бюрократической системы. Основу составляли шесть «министерств»: общественных работ, юстиции, финансов, церемоний, чинов и военных дел. Кроме этого, были созданы государственный совет, государственная канцелярия и государственный секретариат, военный совет, цензорат, несколько палат и консультативные органы при императоре.

Большинство чиновников в Цзинь составляли китайцы. Однако высшие должности занимались чжурчжэнями. Удельный вес китайцев в высших эшелонах бюрократического аппарата постепенно увеличивался, правда, так и не достиг даже половины. Заимствованная из Китая система экзаменов подверглась преобразованию таким образом, чтобы фильтрация китайцев происходила жестче. Чжурчжэням было гораздо проще достичь степени *цзиньши*, чем китайцам. Кроме этого, чжурчжэни могли получить должность по наследству или по протекции. Из числа китайцев более льготные условия создавались для бывших подданных Ляо – «северян» (*ханьэр*), чем для «южан» (*наньжэнь*) сунцев.

В результате сложных аккультурационных процессов сложилась полиэтническая социальная структура чжурчжэньской империи. Во главе находился император и его многочисленные родственники. Они были крупнейшими владельцами собственности и занимали большинство главных постов в государственном аппарате. Далее располагалась чжурчжэньская аристократия. Ее представители, обладая значительным богатством, служили опорой государства. Ниже находились племенные вожди и, наконец, рядовые чжурчжэни. Последние составляли опору армии, занимались земледелием, скотоводством, охотой и ремеслом.

Из представителей нечжурчжэньских народов в империи высокое общественное положение имели китайские чиновники и крупные землевладельцы. Положение китайских ремесленников, торговцев и крестьян было хуже. На них лежали основные тяготы налогов и повинностей. Еще тяжелее было положение казенных и частных рабов.

В целом, для всех государств завоевательной модели были характерны следующие тенденции. Среди завоевателей усиливалось социальное расслоение. Если ранее во время войны все представители «варварского» общества, включая элиту и бедняков, имели право на долю добычи, то после того как с покоренных народов стали взимать твердые налоги, обогащалась только знать и ее окружение.

С течением времени завоеватели усваивали культуру побежденных. Они одевались в одежды побежденных, перенимали их этикет и письменность, либо создавали свое письмо (как кидани и чжурчжэни). Строились крупные города с пышными дворцами и храмами, где селились королевский двор и чиновники (иногда, как в болгарской Плиске, на первых порах кочевники жили в соответствии со своими обычаями в юртах). Города становились центрами ремесленного производства, торговли, идеологии и своеобразной полиэтнической культуры. Происходило смешение культур, складывались синкретичные формы религии.

Поскольку так называемые «варварские» институты власти были, как правило, предгосударственными, они не были приспособлены для управления экономикой земледельческого общества с многочисленными городами. Это приводило к усложнению органов управления, созданию бюрократического аппарата из завоеванного населения. Нередко для поддержания порядка на подчиненных землях создавались специальные военные поселения.

ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВ В МАКРОБАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Территории, широкой дугой охватившие континентальную Европу от Англии и Северной Франции через Скандинавские страны до лесостепной полосы Восточной Европы и заселенные западными и северными германцами и восточными славянами, в VIII–X вв. представляли собой единый регион, в центре которого находилось Балтийское море. Их объединяло несколько геополитических и геоэкономических факторов. Во-первых, все эти земли принадлежали к так называемой «бессинтезной» зоне: на них не распростра-

нялось влияние позднеантичной цивилизации, синтез с которой существенно ускорил переход как континентальных германцев, так и южных славян в эпоху Великого переселения народов к государству и обусловил особенности их политического устройства. Даже в Англии, где в I–IV вв. размещались римские легионы и кельтское население подвергалось воздействию римской культуры, переселение германцев, вытеснивших кельтов на запад в Уэльс и Ирландию и на восток – на континент, смело остатки этой культуры, в том числе и материальные: кельто-римские виллы были разграблены и заброшены, города пришли в упадок, латинская письменность осталась достоянием немногих уцелевших и рассеянных по разным обителям монахов. В Скандинавии же, особенно в Дании, куда служившие в римской армии германцы привозили полученные в награду или награбленные римские предметы роскоши, и тем более в Восточной Европе, где отмечены лишь отдельные находки римских монет, социально-политическое развитие происходило автономно. Во-вторых, с конца VII и по начало XI в. все входившие в этот регион территории оказались связаны единой системой торговых коммуникаций, простиравшихся от Северного до Каспийского и Черного морей. Дальнюю торговлю вели по преимуществу фризы и скандинавы. Последние стали посредниками в трансконтинентальной торговле между Западной Европой и арабским Востоком и распространяли материальные и духовные ценности по всей ойкумене викингов.

Эти особенности развития региона обусловили синхронность социально-политических процессов, приведших к образованию Скандинавских и Древнерусского государств. Она обнаруживается уже в V в., когда начинается колонизация скандинавскими племенами на западе Англии, на востоке Восточной Прибалтики. На всем пространстве макробалтийского региона – от Квентовика, Дорестада, Ипсвича и Лондона на западе до Ладоги на востоке – практически одновременно в VIII – первой половине IX в. возникают торгово-ремесленные центры (вики, эмпории), возрождаются те поселения, которые были основаны еще в римское время и пришли в упадок в эпоху Великого переселения народов. В IX–X вв. плотная сеть торгово-ремесленных поселений, в которых присутствует значительный скандинавский элемент, на всех участках трансконтинентального пути и на его ответвлениях охватывает берега Балтийского моря и земли Восточной Европы, лежавшие вдоль Балтийско-Волжского и Днепровского путей.

Значение протяженных торговых маршрутов в ранних обществах далеко выходило за область экономики, поскольку собственно экономический эффект торговли был еще незначителен: престижные обмен и торговля (предметы роскоши длительное время являются основной категорией товаров) обслуживали лишь небольшую часть общества, а именно формирующуюся знать, и практически не затрагивали более широкие слои населения. Поэтому обмен и торговля в ранних обществах в первую очередь стимулируют их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию. Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, сухопутную или водную, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т.д. Путь обрастал сложной системой связанных с

ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени взаимодействующей с торговым путем, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в самой торговле. Путь притягивал к себе окружающие области, вовлекая округу в сферу своего функционирования, т.е. играл консолидирующую роль и представлял собой более или менее широкую зону, тяготеющую к нему.

Протекание экономических и социальных процессов в этой зоне определялось требованиями дальней торговли или стимулировалось ею. Участие в ней и тем более контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как нобилитета, так и общества в целом. С другой – вызывало перемещение знати к ключевым пунктам путей и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых ею поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах крупных торговых путей создавались благодаря этому предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землям, не имевших связи с торговой магистралью.

Особую роль трансконтинентальная система коммуникаций Макробалтийского региона сыграла в социально-политическом развитии скандинавского и восточнославянского обществ. Крупнейшие эмпоры VIII и IX вв. Хедебу, Бирка и Ладога стали центрами зарождения государственности. Возникновение первого из ранних государственных образований относят к 30-м годам VIII в., когда начинается строительство мощного оборонительного вала (Даневирке) к югу от Хедебу, но о собственно раннем государстве можно говорить лишь с конца столетия, когда правители Хедебу вступают в непосредственные сношения с Франкской империей. Становление предгосударственных структур в Средней Швеции, возможно, началось в IX в.: о конунгах Бирки сообщает Римберт в «Житии св. Ансгария». Тогда же возникают скандинавские «государства» в Англии (Денло – «Область датского права»), и в Ирландии с центром в Дублине.

Во второй четверти IX в., вероятно, складывается и политическое образование в Ладожско-Ильменском регионе, которое получило в литературе условное наименование «Русского каганата» – на основании сообщения «Бертинских анналов» (под 839 г.) о посольстве, состоявшем из «росов», по видимому, свеонов, от некоего «кагана» к императору Феофилу. Сказание о призвании Рюрика и его братьев, восходящее к устной исторической традиции этого региона, очевидно, отражает не только (а, может быть, и не столько) конкретный факт установления власти предводителя одного из скандинавских отрядов, сколько сложившуюся к этому времени ситуацию: консолидацию племенных элит, тяготевших к крупным центрам на Балтийско-Волжском пути, и контроль скандинавов над торговлей и над самим путем.

Формирование государств в Макробалтийском регионе во многом обуславливалось особенностями местных обществ, начиная со специфики их расселения в каждой из областей. Завоевательный характер переселения

англосаксов на Британские острова в V–VI вв. вызвал распад кровнородственных общностей, глубокую стратификацию общества, резкое обособление военного слоя во главе с вождем, формирование обширного фонда «королевских земель», и образование уже к концу VI в. ряда «королевств», которые были объединены в X в. Во Франции и Англии скандинавские политии возникали в условиях более или менее развитой государственности со сложившимися политическими институтами, церковной организацией и местными культурными традициями. Скандинавские колонисты здесь достаточно быстро усваивали новые для них формы организации общества и его культуру.

Северогерманские племена не меняли основного региона своего обитания; ограниченная колонизация (островов Северной Атлантики, областей в Англии и Франции) не оказала существенного влияния на их социально-политическое развитие, отличавшееся консервацией родовых отношений. Поэтому в Скандинавии, где социальное расслоение началось еще в бронзовом веке, процессы перехода от племенного устройства к государственному растянулись более чем на тысячелетие, резко усилившись в середине – третьей четверти I тысячелетия н.э., что было связано с их участием в крупномасштабной трансконтинентальной торговле и с быстрым обогащением знати в результате походов викингов.

Восточнославянская земледельческая колонизация Восточноевропейской равнины, начавшаяся в V в., носила мирный характер, не вызвала военизации общества и, вероятно, ослабляя кровнородственные связи, не разрушала их полностью. В то же время взаимодействие с аборигенным населением усилило племенную дифференциацию: так, в *роменской* (северянской) культуре присутствует значительный *салтовский* (хазарский) элемент, тогда как в культуре кривичей прослеживаются балтские влияния. Вкупе с незначительной плотностью населения на огромной территории эти факторы не могли не тормозить процессы государствообразования. Тем не менее уже в IX в. на восточнославянских землях образуется несколько предгосударственных политий, экономической предпосылкой возникновения которых служили пересекавшие их трансконтинентальные торговые пути.

В условиях военного завоевания формирование частной собственности на землю проходит в Англии весьма интенсивно, в первую очередь, выделяются земли, собственником которых является король. Уже в VIII в. фиксируются королевские земельные пожалования церкви и частным лицам. Иная картина характерна при мирной колонизации или стабильном расселении. В Скандинавии в период политогенеза целиком и полностью господствует общинная и семейно-родовая (*одадь*) собственность на землю; конунг не имеет права на какие-либо земельные владения, кроме собственных усадеб, и вплоть до XIII в. не претендует на распоряжение землей. Для Руси поземельные отношения до конца XI в. совершенно неясны из-за отсутствия источников. Однако обеспечение церкви только десятиной после принятия христианства Владимиром и длительное отсутствие земельных пожалований в ее пользу говорит, вероятно, о том, что земля вплоть до конца XI в. находилась в общинной собственности, и князь не имел права отчуждать ее.

Несмотря на эти изначально присущие каждой из областей особенности, формирующиеся в них государства имели значительные черты сходства, особенно возникавшие спонтанно Скандинавские и Древнерусское государс-

тва. Как у скандинавов, так и у восточных славян стратификация общества накануне образования государств архаична и еще связана родовыми отношениями. Основное население в обеих областях – свободные общинники, привилегированную часть которых в Скандинавии составляют владельцы «одаля», наследственного (в нескольких поколениях) земельного владения (отсутствие письменных источников не позволяет установить характер землевладения у восточных славян). Слой несвободных, рабов, крайне невелик и образован по преимуществу пленными. Рабы используются в хозяйстве (патриархальное рабство), но главным образом становятся предметом торговли.

Уже на рубеже нашей эры в Скандинавских странах выделяется профессиональная военная прослойка, возглавляемая в значительной части родовой знатью (*конунги, ярлы, хёвдинги*). Военные функции знати усилились в ходе военных и военно-торговых походов эпохи викингов, однако резкой дифференциации в ее среде не произошло вплоть до XI в., когда окончательно складываются государства. Аристократия эпохи викингов продолжает еще быть тесно связанной с племенными (и родовыми) территориями, т.е. является военно-родовой. Восточнославянская знать в условиях относительно мирного существования, видимо, оставалась исключительно родовой, выполняя военные функции лишь при необходимости: так, вероятно, можно интерпретировать рассказ «Повести временных лет» о древлянских князьях, которые «распали» древлянскую землю, но оказались беспомощны перед натиском военной силы киевских князей. Установление контроля скандинавов сначала над Балтийско-Волжским путем, где сложилось предгосударственное образование в Волховско-Ильменском регионе, а затем над Днепровским путем, сопровождавшееся их закреплением в Киеве, привело к формированию новой военной по своему характеру и преимущественно скандинаво-балтской по происхождению элиты возникающего Древнерусского государства. Впрочем, эта элита была проницаемой: в нее быстро начали вливаться представители и славянской, и угрофинской родовой знати.

Преемственность правления и в ранней англосаксонской Британии, и в Скандинавии, и на Руси (о восточнославянских традициях ничего не известно) определялась архаичными представлениями о верховной власти как прерогативе определенного, харизматического рода. Реальный или чаще легендарный прародитель этого рода оказывался первым правителем страны (области), потомком одного из богов (чаще верховного) языческого пантеона. Сакральная генеалогия, воплощавшаяся в династических легендах (о Хенгисте, прародителе королей и первом правителе Кента, о Кердике, прародителе королей Уэссекса, об Ингви, сыне Одина, основателе династии среднешведских и южнорвежских конунгов и многих других), легитимизировала права данного рода на власть. Однако при наличии нескольких (иногда многих) претендентов на власть ее переход к новому правителю постоянно вызывал конфликты и междоусобные войны. В Англии эта ситуация была разрешена по франкскому образцу достаточно рано: уже в VIII в. власть должна была (в теории) переходить к старшему сыну правителя. В Скандинавии сохраняется архаичная традиция избрания конунга, ограниченная, однако, его обязательной принадлежностью к определенному роду – в Средней Швеции Инглингам, в Дании – Скъельдунгам и пр. Процедура избрания конунга во

всех Скандинавских странах вплоть до середины XI в. следовала древнегерманской традиции выборов военного вождя (в отличие от старейшин, имевших реальную власть в мирное время); претендент на власть должен был получить одобрение (быть избран) на основных тингах (собраниях бондов) подвластной его предшественнику территории и затем совершить ряд ритуалов, сообщавших его власти законность. Сходный принцип избрания правителя лежит, вероятно, в основе сказания о призвании варягов в «Повести временных лет»: легитимность правлению Рюрика придает факт существования его «рядя»-договора с местной знатью.

«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?”. Те же ответили: “Были три брата: Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде» (*Повесть временных лет. Пер. Д.С. Лихачева*).

Иерархизация древнескандинавской и восточнославянской элит выражена на крайне слабо. Даже в условиях, когда в Норвегии (ранняя история которой лучше всего освещена источниками, хотя и более поздними) остались две крупные конкурирующие области, на юго-западе во главе с конунгами, возводящими свой род к Инглингам, и на северо-западе в Трёндалёге (племенная земля трёндов) во главе с ярлами Хладира, статус конунга или ярла незначительно отличался от статуса бонда-одаальсмана, завися более от военной мощи конкретного лица, нежели от его правового положения, и продолжал определяться обычаем, не закрепляясь законодательно вплоть до XII или XIII в. В дружине конунг X в. являлся первым среди равных. Статус восточнославянских князей из-за отсутствия письменных источников неясен. Предполагается (на основании того же рассказа о древлянско-киевском конфликте), что их власть была ограничена племенными старейшинами, т.е. их статус не отличался сколько-нибудь принципиально от статуса других представителей знати. Древнерусские же князья скандинавского происхождения не имеют родовых корней в Восточной Европе (не случайно автор «Повести временных лет» не знает родословную ни Рюрика, ни Олега), их власть зиж-

дется на военной силе. Они прежде всего являются военными вождями, и их статус, вероятно, сохранял те же особенности, что и в Скандинавии: показательно, что князь не являлся субъектом права ни в «Правде Ярослава», ни в последующих судебныхниках.

Основные функции верховной власти до начала – середины XI в. как в Скандинавии, так и на Руси, военную, административную, фискальную и другие, осуществляла дружина верховного правителя. Военная элита представляла собой корпорацию с собственными правовыми нормами и установлениями, восходящими к обычному праву и имитирующими в определенной степени кровнородственные отношения (в Скандинавии, например, право/обязанность дружинников осуществлять кровную месть, получать вергельд за убитого товарища и т.п.). Положение дружинников внутри сообщества определялось их личными отношениями с конунгом, возрастом и опытом. Лишь с конца X в. выделяются некоторые категории официалов, прежде всего ответственных за сбор податей: управляющие усадьбами конунгов (*bryti*) в Скандинавии и «мечники», пломбирующие в Новгороде мешки с данью (пушниной), на Руси.

Экономическое обеспечение элиты отличалось многообразием. Прежде всего, это натуральные дани, собираемые с местного населения. И в Северной, и в Восточной Европе первоначальной формой сбора даней являлся объезд правителем подвластной ему территории с остановками в центрах, куда свозилась дань. «Вейцла» как форма кормления конунга и его дружины сохранялась в Норвегии до середины XI в. Древнерусское полюдь отмечается в Ладожско-Ильменском регионе уже в IX в., в Среднем Поднепровье – в середине X в. Во второй половине X в. оно сменяется на Руси фиксированным обложением, также, видимо, натуральным. Дани обеспечивали непосредственные потребности знати в предметах потребления, с одной стороны, с другой – поставляли предметы, которые использовались в торговле. Важной особенностью Древней Руси IX–X вв. было сосредоточение торговой деятельности также в руках верховного правителя и его дружины; в Скандинавии эту функцию выполняли отдельные лица, частично дружинники, которые постепенно обособлялись в отдельный слой воинов-купцов. Тем самым торговля изначально и на протяжении последующих полутора–двух столетий служила знати, прежде всего древнерусской, важнейшим источником доходов. Третьим способом обеспечения знати был грабёж: военные походы викингов, скандинавских конунгов и русских князей являлись важнейшим, хотя и непредсказуемым источником их обогащения.

Главным итогом всех описанных процессов и явлений стало образование единых протонациональных государств. Они складывались в борьбе нескольких (на последнем этапе двух) территориально-племенных политий, одному из которых в итоге удавалось выйти победителем. Ранее всего, в конце IX в. (по летописной датировке в 882 г.), происходит объединение Северной и Южной Руси. В 60-х годах X в. завершается консолидация Датского государства, на рубеже X–XI вв. происходит слияние Свеаланда (Центральной) и Гаутланда (Южной Швеции) под главенством первого. Наконец, к концу первой трети XI в. в противостоянии Трёндалёга и Вика завершается «собираение земель» в Норвегии.

Сходство развития англосаксонского, скандинавского и восточнославянского обществ на путях к государственности – при изначально разных исходных предпосылках и очевидном опережении социально-политической эволюции англосаксов – вызывалось прежде всего типологической близостью геополитических («бессинтезная зона») и геоэкономических (их объединение общими трансконтинентальными торговыми путями) условий. Чрезвычайно быстрое на протяжении примерно полутора столетий образование англосаксонских королевств обуславливалось военным характером расселения германцев в Британии, но также и активным участием Юго-Восточной Англии в рейнской, а затем североморской торговле в VI–VIII вв. Особая схожесть и синхронность (но не длительность) перехода к государственным образованиям в Скандинавии и у восточных славян, наряду с единым для обеих областей стимулирующим влиянием торговых коммуникаций, усугублялась участием скандинавов в политическом развитии восточнославянского общества и на раннем этапе возглавивших древнерусские пред- и государственные образования. Вместе с тем, восточные славяне прошли путь от племени к государству несравненно быстрее, нежели скандинавы: всего около четырехсот лет отделяют начало их расселения по Восточноевропейской равнине от образования единого Древнерусского государства. Находясь на перекрестке трансконтинентальных путей, восточные славяне оказались в эпицентре интенсивных и разнообразных экономических и культурных влияний, что обусловило их ускоренное развитие.

PAH MONGOLICA И АПОГЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА (XIII – середина XIV века)

РАСЦВЕТ ЗАПАДА

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В XIII–XIV ВЕКАХ.

Место и время: общая характеристика

Возникает вопрос о том, насколько можно приписывать единство такому понятию, как Западная Европа, для XIII–XIV вв. (т.е. насколько это понятие сконструировано постфактум в ходе развития истории и культуры). Речь идет, естественно, об историко-культурном единстве, для которого географическая среда создает только общие предпосылки и условия: внешнее, из которого и в борьбе с которым рождается внутреннее. Народы, населяющие регион, выступают в качестве носителя этого единства, созданию которого способствуют длительное оседлое проживание, определенная генетическая (этническая) общность, обмен традициями в вертикальном (историческом) и горизонтальном (межэтническом) планах. Как ни странно, для нас доступнее знание о культурных процессах, хотя они традиционно считаются и являются более поверхностными, изменчивыми и зыбкими, чем о базовых антропологических параметрах, теоретически поддающихся измерению и подсчету, но с трудом регистрируемых на основе имеющихся археологических памятников, в частности из-за большой подвижности и изменчивости демографических факторов.

Говоря о единстве региона, в данном случае Западной Европы и отчасти Европы в целом, мы должны указать на те факторы, которые способствовали нивелированию укладов жизни и верований разных народов. В Западной Европе имелись два института, которые стали проводниками объединительных процессов – Церковь и Империя. В них наиболее явно выразились структурные черты, присущие средневековому обществу и сознанию, а именно понимание мира как иерархически устроенного единства, управляемого свыше. Это понимание выработалось на основе исторического опыта Римской империи и отражало идеологию христианского единобожия с его античными и ветхозаветными корнями.

Цивилизационное понятие «Европы» в Средние века находилось в стадии формирования. В ее внутренней истории противостояние по вертикали Север–Юг и по горизонтали Запад–Восток часто играло более существенную роль, чем противостояние Европы и внешнего по отношению к ней мира. К началу XIII в. раздел Европы на западную – католическую и восточную –

византийско-православную уже оформился, но окончательно закрепили и усугубили его Крестовые походы, подорвавшие мощь Восточной империи, и монгольское нашествие, ослабившее связи средне- и южнорусских земель с западными странами. Что касается направления Север–Юг, то здесь в единстве Европы, созданном распространением римского христианства, Франкской империей и, в известном смысле, норманнскими походами, трещины только наметились. Весь континент был поделен на множество мелких административных образований, участвующих в процессе постепенного формирования более крупных государств, сменивших в Новое время империю. Основные линии противостояния центров власти в этот период проходят между Германией в лице императоров и Италией, представленной противоречивым институтом папства, сочетающим духовную и светскую власти, тотальную иерархию и избираемость главы, универсальность и привязанность к Риму, а также между Францией и Англией, в силу притязаний английских королей на континентальные владения.

К рубежу XIII–XIV вв. некоторые историки привязывают начало так называемого малого ледникового периода, вызванного, возможно, изменением теплого течения Гольфстрим и наступлением ледников. Во всяком случае в первые десятилетия XIV в. зимы, особенно в Северной Европе, стали более суровыми, а погода в целом более влажной. В 1315 г. шли толки о начале нового всемирного потопа. В северных странах прекратилось возделывание некоторых сельскохозяйственных культур, снизилось производство зерна и участились неурожайные годы, сопровождавшиеся ростом цен на хлеб и массовым голодом.

XIII век был периодом относительного благосостояния за счет завершающегося освоения новых земель в Западной Европе. Произошел переход от обработки земли в речных долинах к менее плодородным массивам, расположенным на холмистых водоразделах, и к освоению под пашню пастбищ и лугов. Следствием этого было снижение поголовья скота (служившего помимо прочего основным источником удобрений), что в сочетании с истощением полей и ухудшением климата с начала XIV в. вело к сокращению производства злаковых культур. Образовавшийся избыток сельского населения, которое не находило занятости в деревне, перетекало в города. Здесь имелось больше возможностей прокормиться, в том числе за счет благотворительности. Значение городов заключалось не только в том, что они выступали центрами ремесла, торговли, культуры и политической жизни, но и в их роли рынков сбыта сельскохозяйственных продуктов, производимых окружающими крестьянскими хозяйствами. В связи с истощением традиционных природных ресурсов, в частности вследствие вырубки лесов, предпринимаются попытки перейти от использования древесного угля к каменному при производстве железа (одним из крупных европейских центров экспорта угля в XIII – XIV вв. был Ньюкасл в Англии).

Росту выплавки железа способствовало внедрение технологии получения чугуна в высоких доменных печах и изобретенного в XIV в. его передела в ковкое железо. Для дутья на железоделательных заводах использовался привод от водяных колес. Железо применялось в основном для изготовления оружия и орудий труда. Европейцы познакомились со свойствами пороха и начали производить огнестрельное оружие. В 20-е годы XIV в. появляются

лесопилки, что содействует росту судостроения. Расширяется применение механических часов и происходит переход к делению суток на равномерные отрезки при счислении времени: 24 или 12.

К XIII–XIV вв. относится распространение очков, пуговиц для одежды, бумаги, в мореплавании применяются навигационные карты и компас. В этот период проявляются начатки торгового и промышленного предпринимательства, впоследствии выразившегося в развитии феномена, известного под названием «капитализм». Рост товарного производства и зарождение промышленности были связаны с деятельностью правителей (горное дело) и крупных феодалов, включая монастыри (сельскохозяйственные продукты и сырье), но прежде всего купцов и ремесленников. Раньше всего прототипы будущих мануфактур возникают в Италии, в частности во Флоренции, где в рамках средневековой цеховой организации создаются крупные сукнодельные предприятия, что дает стимул торговле и банковскому делу.

Основа хозяйства средневековой Европы была аграрной, большинство населения занималось земледелием, и общество имело соответствующую структуру; в представлениях того времени оно делилось на три сословия – военных, священников и землепашцев (о чем уже упоминалось выше – с. 424). При ближайшем рассмотрении средневековый социум оказывается гораздо более сложным и многомерным. Сознание средневекового человека тяготело к конкретности и к восприятию общего через многообразие его частных проявлений. Отсюда множество разных наименований похожих и, на первый взгляд, совершенно одинаковых вещей и функций. Наличие многочисленных градаций в положении отдельных категорий представителей знатного, или воюющего (или феодального, или землевладельческого) сословия, или крестьян, которые также в той или иной степени, даже находясь в поземельной или личной зависимости, обладали определенным правовым статусом, – все это отражало не просто многоступенчатость устройства общества, оно порождалось также особым образом мысли, духовной спецификой (можно было бы сказать ментальной, идеологической, виртуальной и прочей – но все эти эпитеты лишь частично отражают суть).

Устойчивость средневекового общества покоилась на сохранении и передаче социального статуса отдельных лиц из поколения в поколение, однако ему была присуща и определенная подвижность, как по горизонтали – связанная с перераспределением собственности, так и по вертикали – возможность изменения сословного положения. В частности, хотя к духовной карьере предназначались, в основном, дети знатных людей, путь к ней не был закрыт и для выходцев из крестьян, которые могли подняться и на самый верх церковной иерархии.

Все общество было пронизано узами личной зависимости/независимости, связанной с владением собственностью, главным образом землей. Владение землей предполагало наличие определенных властных полномочий, иначе говоря, определенной независимости, иммунитета от вмешательства вышестоящих правителей, в чем и заключается главный принцип феодализма. (Зависимые крестьяне тоже обладали определенными зафиксированными обычаями правами на размер надела и повинностей, переходившими по наследству.) В то же время каждая ячейка общества должна была находиться «под кем-то», как папа и император под Богом. В силу такого распределения

власти и того факта, что член корпоративных сообществ располагал автономией и некоторым правом голоса, в средневековом обществе наряду с зависимостью существовала своего рода демократия.

Отношения регулировались так называемым обычным правом, т.е. правом, установившимся в результате давности обычая, положения которого, как правило, относились к конкретным казусам. Соответственно, правовое устройство западноевропейского средневекового общества отличалось большой пестротой. Кроме сеньоров, имевших право судоговорения и взимания повинностей на подвластных им территориях, существовали чиновники центральной власти – королей и императора, которому формально (а в XIII в. и фактически) подчинялась значительная часть европейских земель. Духовенство имело свой собственный суд и юрисдикцию. Одним из существенных социальных различий было разделение на свободных людей, как правило, обладающих собственностью, и зависимых, несущих те или иные повинности, хотя это разграничение во многих случаях провести сложно, поскольку прямой связи между имущественным и социальным статусом не существовало.

Правовой статус был связан также с принадлежностью к той или иной корпорации, которые охватывали практически всех представителей средневекового общества (существовали, например, корпорации нищих или воров). Если в X–XI вв. власть и верховное право распоряжения землями на западноевропейских территориях сконцентрировались преимущественно в руках более или менее крупных землевладельцев, сеньоров, владевших замками и собственными военными отрядами, то к началу XIII в. важную роль, особенно в Северной Италии и Южной Франции, стали играть новые центры самостоятельной власти – города, которые, будучи центрами торговли и ремесла, накопили немало сил и богатств и освободились от своих прежних патронов, чаще всего имперских наместников и епископов, и вступили с ними в борьбу за обладание окружающими областями.

XIII–XIV вв. явились временем расцвета городских коммун, в состав которых входили как ремесленные и торговые корпорации (цехи и гильдии), так и отдельные горожане, часто представители средней и мелкой знати, рыцари (*milites*). Богатых аристократов города также притягивали, а тех, кто питал враждебность к горожанам, нередко переселяли в город насильственно. Именно в контексте борьбы городов за независимость следует понимать акты освобождения крестьян на подвластных им территориях, ослаблявшие мощь враждебной знати и одновременно облегчавшие снабжение городов сельскохозяйственными продуктами. Города стали главными источниками социальной и хозяйственной динамики; богатейшая верхушка горожан образовывала патрициат, прибиравший к рукам власть: уже на протяжении XIII–XIV вв. развернулась борьба между социальными и политическими группами внутри коммун: сначала внутри знати, затем между знатью и «народом», наконец, между прослойками самого народа.

Рынок, обмен, товарное производство пока играли в жизни европейских народов подчиненную роль. В основном земля питала своими плодами тех, кто на ней работал, и тех, кто ею владел. Возможность покупки земли в принципе существовала, но поскольку для владения ею требовались опреде-

ленные права, главными способами перераспределения оставались так называемые «внеэкономические»: завоевание, пожалование и дарение.

В то же время предметом купли-продажи, залога и прочих операций могли быть целые и относительно автономные политические образования – парадоксальное следствие тесной привязки публичной власти к личным, семейным и сословным прерогативам. Система хозяйства тяготела к устойчивости и закреплению отношений, родовые имения должны были сохраняться, поэтому для приобретения новых владений обделенными членами знатных семей оставалось участие в войнах (в частности, против «неверных»).

Имущество угасавших семей переходило в руки центральной власти, которая вообще позиционировала себя верховной распорядительницей земель и главным источником феномена условного держания – пожалования владений на условиях предоставления службы. Много земли накапливалось в руках церкви, прежде всего монастырей, получавших дарения и наследовавших земли благочестивых верующих – настолько много, что в XIV в. этот процесс стал вызывать протесты как внутри самой церковной организации, так и со стороны властей, и это выразилось в критике стяжания и движениях за церковные реформы. Примерно те же рамки ограничивали возможности роста крестьянских хозяйств, по отношению к которым распорядителями выступали землевладельцы. Существовала возможность освоения новых земель в ходе колонизации или, например, Реконкисты в Испании, но к середине XIV в. возможности такого экстенсивного развития оказались, в основном, исчерпаны.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XIII–XIV вв.

Количественные оценки населения Европы в рассматриваемый период разнятся, но сходятся в том, что с начала XIII до середины XIV в. оно выросло примерно в 1,5 раза. Однако эпидемия чумы вернула этот показатель к исходной величине. Подавляющая часть населения (до 90%) проживала в сельской местности, но существовали и города, где насчитывалось несколько десятков тысяч жителей. Численность горожан Флоренции, Милана и Венеции приближалась к 100 тыс. Население Парижа в начале XIII в. составляло, по разным оценкам, от 25 до 80 тыс. чел., а в начале XIV в. выросло до 200 тыс. Большую часть населенной территории Европы покрывали деревни, насчитывавшие до нескольких сотен человек (в некоторых странах – небольшие хутора), и замки, строившиеся из дерева, а в рассматриваемый период как и городские стены, все чаще из камня. В богатых городах возводились огромные соборы, в которых не только проходили религиозные службы и совершались обряды, но и устраивались собрания горожан и магистратов, церкви служили центрами культурной жизни. Монастыри также представляли собой важные ячейки не только хозяйственной и духовной, но и политической структуры.

XIII–XIV вв. – это время процветания средневековой западноевропейской цивилизации, которое подготовило при этом и существенные перемены, приведшие в конечном счете к завершению миропорядка, получившего на-

звание Средних веков. В эту эпоху общественное и государственное устройство достигло определенной целостности и осмысленности, выразившейся во взглядах философов (Фома Аквинского, Марсилия Падуанского). В мире и в обществе всякому бытию отводилось свое место, иерархически выстроенная картина мира не была лишена драматизма, но проникнута величественной и всеобъемлющей гармонией, отразившейся в готическом стиле искусства. Было достигнуто определенное равновесие светского и духовного начал, хотя во многом иллюзорное и уже тогда подверженное сильным потрясениям. Войны, ереси и народные движения заставляли официальную церковь прислушиваться к обновленческим тенденциям. Крестовые походы и торговля способствовали знакомству европейцев с иными обычаями и представлениями о мире, а также (через арабов) с некоторыми идеями античной философии.

Императоры и другие властители, как и крупные городские коммуны, затрачивали огромные средства на создание и украшение храмов, дворцов и общественных зданий, на содержание и оплату труда художников, архитекторов, поэтов, врачей и юристов. Вокруг княжеских и прочих курий группировались представители интеллектуальных профессий: секретари, литераторы, правоведы и медики, деятельность которых имела преимущественно светскую направленность, хотя образование и грамотность еще очень долго отождествлялись с духовным званием и были доступны почти исключительно на духовной стезе. Появились первые университеты, выпускавшие помимо богословов ученых медиков и юристов. Открытие памятников римской юриспруденции привело к выработке концепции *jus commune* (общего права). Она основывалась на представлении о наличии идеальных законодательных и юридических норм, сформулированных в римскую эпоху. Общее право дополнялось каноническим, утверждаемым церковными соборами и постановлениями пап. На местах действовало частное, или в более буквальном переводе, «собственное право» (*jus proprium*), имевшее источником обычай или решения светских властей.

Особый феномен развился в сфере сословной этики, где вырабатываются такие понятия, как куртуазность, рыцарственность и объединяющее их благородство. Общие для всех христиан церковные заповеди не вступали с ними в противоречие, но получали своеобразное перетолкование. Куртуазность, имевшая множество синонимов («вежливость», «любезность», «образованность» – в том числе *civilitas*, *urbanitas*), была прямо связана с развитием городской культуры, однако оказалась атрибутом рыцарской этики. Рыцарство изначально вытекало из принадлежности к военному сословию, но стало синонимом особого кодекса поведения, благородства в широком смысле. Современные хроники пестрят оценками поступков королей и других персонажей с точки зрения рыцарских идеалов. Расцвет любовной лирики, выросшей на почве рыцарского культа Прекрасной дамы, поэзии трубадуров и миннезингеров, «нового сладостного стиля», способствовал развитию утонченных вкусов и созданию таких грандиозных произведений, как «Божественная комедия» Данте, написанная на народном языке.

Совокупность культурных перемен, которая обретает определенные очертания в Италии в первой половине XIV в., получила название Возрождения, и хотя оно не знаменовало полного разрыва с предшествовавшей эпохой, это течение формировалось в противостоянии со средневековым дуалис-

тическим взглядом на мир, и его первым внешним признаком стал возврат к наследию Античности. На своем «средневековом» этапе (по XV в. включительно) связанное с Возрождением обмирщение культуры не вызывало у церкви особых нареканий и широко использовалось самим папством.

В формировании понятия Европа (точнее Западная Европа) определяющую роль играли, очевидно, не только и не столько географические и чисто хозяйственные, сколько культурно-исторические предпосылки, основанные на преемственности самых разных структур, воспроизводившихся, часто под другими именами, на политическом, экономическом, духовном уровнях и имевших опору не только в коллективном сознании, но и в осознанных усилиях исторических деятелей и мыслителей (не только великих), творивших в данном культурном пространстве. Одной из структурообразующих европейских идей была идея «империи», причем не империи вообще (такое понятие стало самостоятельным только в Новое время), а конкретного государственного образования, империи Римской, к началу Средних веков соединившей в себе все представления о земном величии и на всем протяжении этого периода как бы постоянно возрождавшейся на христианской основе. Восточная империя являлась прямым продолжением античной, поэтому, видимо, ее мало заботило соответствие античным образцам, тем более что она подвергалась постоянным угрозам с Востока и с Запада. На Западе же империя проявилась как относительно искусственное и в меру призрачное образование, продукт определенной интеллектуальной энергии, поэтому имперскую идею в Средние века следует признать своего рода «знаменем» европейского единства.

По сути же дела Западная Европа на протяжении средневекового тысячелетия никогда – даже во времена Карла Великого – не была единой и оставалась раздробленной на множество слабо связанных между собой уделов и княжеств, причем наряду с универсалистскими идеями империи и церкви существовала и все громче заявляла о себе другая объединительная тенденция, связанная с образованием территориальных, а затем национальных монархий и нашедшая поддержку прежде всего у населения растущих городов. Королям неоднократно приходилось иметь дело с мятежными городами, но зачастую горожане, связанные с товарным производством и рынком, испытывали заинтересованность в том, чтобы страны жили по общим правилам. Можно сказать, что здесь кроется один из истоков более поздней европейской нивелирующей демократии.

ВЕРА И ЦЕРКОВЬ. АПОГЕЙ ПАПСКОГО МОГУЩЕСТВА

Идеологическую базу средневекового «европеизма» составляла католическая вера. Собственно говоря, исторически и «европеизм» в некотором смысле формировал средневековое основание католицизма, потому что навряд ли какой-либо из догматов, даже знаменитый *filioque* (тезис об исхождении Св. Духа и от Бога Отца, и от Сына) или обрядность, составляли сами по себе неодолимое препятствие для объединения церквей (что подтверждается и историей уний, попытки организовать которые приходится и на XIII–XIV вв., например, на II Лионском соборе 1274 г.).

Примат папы в этом отношении важнее, так как напрямую связан и с идеей Рима, и с конкретными пространственными координатами, и с вписанностью в определенную историко-культурную совокупность структур. Однако вытекающие отсюда притязания папства на роль главного столпа западноевропейского мира вступали в противоречие с самими условиями, в которых формировался этот институт. Духовная сущность папской власти, выборность пап и их противостояние церковным соборам, их неизбежная зависимость и столкновения со светскими государями порождали такие явления, как схизмы, наличие антипап, а в XIV в. и перевод папской резиденции в Авиньон, уподобленного Петраркой «Вавилонскому пленению». Внешний триумф папства над империей в середине XIII в. образовал опасную для него пустоту, потому что церковь не обладала и не могла обладать самостоятельной силой для управления Европой.

К тому же тот историко-культурный ареал, который мы называем сегодня «Западной Европой», существовал в постоянном контакте и взаимодействии с представителями других цивилизаций, противостоявших ему, но и приносивших с собой много полезного и даже необходимого. Контакты с исламским миром в эпоху Крестовых походов необыкновенно расширили кругозор европейцев, хотя в XIV в. начинается новая волна исламского (османского) наступления, усилившая взаимную неприязнь. Взаимоотношения с Византией оставались конкурентными, что вылилось в разгром Константинополя в 1204 г. и образование Латинской империи, хотя западные государи охотно вступали в родство с византийскими правящими домами и поддерживали проекты церковной унии.

Особый элемент западноевропейского общества составляли евреи, которые играли в нем роль своего рода клапана, необходимого для гашения социальных конфликтов. Им было запрещено заниматься земледелием, и вынужденное ростовщичество превращало их в предмет всеобщей ненависти. В рассматриваемый период изоляция евреев усиливалась, они жили отдельными общинами со своими порядками и самоуправлением (ит. «гетто»), им предписывалось носить особые знаки, и вообще евреи, как сообщество без определенного и законного места в обществе стали рассматриваться в качестве своего рода «регалии», имущества короны. Такое состояние обеспечивало им некоторую защиту со стороны властей, но последние во время прокатившихся по Европе в эпоху Крестовых походов антииудейских погромов охотно отводили еврейским общинам роль громоотводов и заодно пополняли при этом свою казну (хотя бы за счет неуплаты долгов евреям-заимодавцам).

Крестовые походы, как принято считать, служили также отдушиной для выплеска потенциальных антисоциальных настроений. Тем не менее средневековое общество было достаточно конфликтным. Размытость власти приводила к войнам между отдельными сеньорами, в городах шла постоянная борьба между социальными группами и партиями (гвельфы и гибеллины), низы общества составляли питательную почву для зарождения протестных, часто довольно радикальных движений, заявлявших о себе в виде ересей. В конце XIII в. эти движения иногда перерастали в вооруженные выступления (расправы с инквизиторами, секта Дольчино), предвещавшими будущие крестьянские войны.

К началу XIII в. позиции Римско-католической церкви в целом укрепились: папы диктовали свою волю императорам и королям, Рим стал высшим авторитетом не только в делах веры, но и в политике, будучи знаменем борьбы с неверными. Вместе с тем церковь сталкивалась с внешними и внутренними трудностями, которые в совокупности свидетельствовали о кризисе прежних порядков и о необходимости продолжения реформ, начатых ранее папой Григорием VII. Формально утвердившись в качестве главного идеологического и нравственного авторитета почти на всей территории Западной Европы, церковь постоянно имела дело с пережитками язычества и суевериями, широко распространенными не только в простом народе, но и среди других сословий, в том числе самого духовенства. То, на что раньше закрывали глаза, теперь казалось недопустимым.

Священники в массе своей были необразованными, корыстолюбивыми пастырями, поддерживавшими местных властителей и зависевшими от них, имели сожительниц и даже жен, несмотря на окончательно утвердившееся правило безбрачия. На рубеже веков громко заявляют о себе ереси дуалистического и спиритуалистического толка, особенно вальденсы и альбигойцы в Северной Италии и Южной Франции. Еретики выступали за возврат к евангельской бедности и часто отрицали необходимость какой бы то ни было церковной организации вообще, не говоря уже о подчинении Риму.

В политическом отношении европейские короли были вынуждены считаться с папами, выступавшими в роли миротворцев, и формально признавали себя во многих случаях их вассалами (английские, арагонские, португальские и сицилийские короли). Однако они стремились расширить собственный контроль над подданными, включая духовенство, и в благоприятных обстоятельствах не упускали случая вступать в конфликты с Римом, обычно имевшие материальную подоплеку. Что касается внешних противников, то в начале XIII в. крестоносное движение находилось еще на подъеме, но приобретения на Востоке оказались под угрозой со стороны египетских султанов, и к концу рассматриваемого периода европейцы лишились подавляющей части завоеванных территорий.

Стоящие перед церковью задачи успешно решал один из самых могущественных и выдающихся пап в ее истории Иннокентий III, правивший с 1198 по 1216 г. Он опирался на теорию о том, что в качестве преемника апостола Петра римский понтифик обладает высшей властью на земле, как главное светило (солнце), власть же земных правителей зависит от нее, как отраженный свет луны. При Иннокентии III был организован IV Крестовый поход, приведший к разгрому православной Византийской империи (см. с. 478–479).

Крестовые походы были выражением средневекового единства Западной Европы, которое позволило собрать значительные силы, вдохновляемые идеей отвоевания Гроба Господня, и в то же время выражением ее конституциональной слабости, разнобоя в источниках власти, воспроизводившегося и на завоеванных территориях. Во вновь созданных государствах в Сирии и Палестине и между ними шла борьба за политическое верховенство. Для самой Европы походы имели позитивное значение: они дали толчок развитию торговли, мореплавания, усвоению новых растений, знакомству с новыми видами пищи и товаров, обычаями и формами искусства; однако население новых стран осталось чуждым крестоносцам; силы Византийс-

кой державы были подорваны и тем самым подготовлено новое наступление мусульманского мира на Европу, продолжавшееся несколько столетий. Как бы то ни было, с завершением титанической борьбы за главенство над западнохристианским миром ее духовных и светских вождей, когда с середины XIII в. вопрос о возможности такого главенства вообще постепенно уходит из повестки дня, крестоносное движение теряет прочную почву под ногами.

ИМПЕРАТОР ФРИДРИХ II И СУДЬБА ЮГА ИТАЛИИ

Последний и, возможно, самый мощный всплеск упомянутой борьбы приходится на правление императора Фридриха II Гогенштауфена, получившего прозвание Великого (род. 1194, император в 1215–1250). Это имя явилось символом целой эпохи в истории западноевропейского общества, поскольку деятельность его носителя выразила некоторые характернейшие ее тенденции и одновременно ярко обозначила назревающие перемены. Фридрих пришел к власти при поддержке церкви. Еще в младенчестве он лишился родителей, и хотя право на престол принадлежало ему как сыну императора Генриха VI, германским королем (титул, дававший право претендовать и на императорское звание) стал его дядя Филипп Швабский.

Противники Штауфенов (таково более точное родовое имя) Вельфы выдвинули своего кандидата – Оттона IV Брауншвейгского, который пережил Филиппа и стал императором. Оттон, как и все его предшественники, выдвинул притязания на Италию, тогда папа Иннокентий III, рассчитывавший на покорность Фридриха как своего вассала (Сицилийское королевство формально подчинялось папе; брак родителей Фридриха был заключен при содействии церкви) поддержал избрание последнего королем. Папа требовал немедленно начать новый (VI) Крестовый поход, но Фридриху было важнее утвердить свою пошатнувшуюся власть в Южной Италии. По разным причинам выступление в Святую землю постоянно откладывалось, и если сменивший Иннокентия Гонорий III относился к этому довольно терпимо, следующий папа, Григорий IX, отлучил Фридриха от церкви. Несмотря на это, император осенью 1228 г. все же отправился в поход и сумел получить Иерусалим (на который он претендовал как зять последнего короля Иерусалимского) в обмен на союз с египетским султаном, в том числе и против христианских противников последнего.

Одной из основных проблем царствования Фридриха была изначальная двойственность его положения, которая отчасти напоминала двойственность положения духовного главы католического мира: будучи избираемыми властителями совокупности западноевропейских стран, они были вынуждены, с одной стороны, укреплять собственное могущество как могущество руководимых ими институтов, церкви и империи, а с другой – считаться с политической раздробленностью и распределенностью власти, центробежными тенденциями, и играть по общим правилам, т.е. преследовать свои личные и семейные интересы. К этому прибавлялся клубок противоречий, вызванных

Европа в XIV в.

историко-географической связью и противостоянием Германии и Италии как главных центров общеевропейского суверенитета Средневековья.

В качестве Римского императора и короля Италии Фридрих проводил жесткую централизаторскую политику, особенно последовательно осуществлявшуюся в Сицилийском королевстве. Он воевал с мятежной знатью

и конфисковывал ее земли, облагал все сословия, в том числе и духовенство, одинаковыми налогами, отменял феодальные привилегии, создал мощный бюрократический аппарат, военный флот, открыл в Неаполе университет, который сегодня носит его имя. Правоведы Фридриха создали первый единый для Сицилийского королевства свод законов, получивший название «Мельфийские конституции» (1231 г.). В нем провозглашались общие для всех подданных принципы судопроизводства, управления и налогообложения. Разгромив издавна живших на Сицилии арабов, император переселил их на материк в город Лючеру, и в дальнейшем они составили ядро его войска, нечто вроде гвардии.

При дворе Фридриха (его столицей являлся Палермо) вообще чувствовалось влияние Востока. Помимо того что он четырежды вступал в брак и имел любовниц, император располагал целым гаремом наложниц. Он покровительствовал наукам и искусствам, сам написал трактат о соколиной охоте, и, по отзывам современников, был чуть ли не атеистом, во всяком случае скептиком и рационалистом, проводившим опыты по измерению души и искавшим разумное объяснение всему необычному. Правда, многие слухи распространяли о Фридрихе его противники, в том числе нищенствующие монахи, которые в соответствии с эсхатологическими пророчествами называли его «последним императором» и даже Антихристом.

В Германии Фридрих вынужденно придерживался противоположной политики, наделяя все новыми привилегиями князей, от которых зависело избрание короля, и духовенство, в расчете на его поддержку в духовном и церковном противостоянии папским интердиктам. Городскую свободу император преследовал повсюду, отменяя коммунальные вольности, возвращая феодалам отнятые у них городскими республиками земли и насаждая в них свои порядки. Это привело к конфликту с североитальянскими коммунанами, которые воссоздали Ломбардскую лигу. После Крестового похода папа внешне примирился с Фридрихом, тем более что тот неукоснительно поддерживал все его мероприятия по жестокой борьбе с еретиками.

Но в ходе разгоревшейся войны с Ломбардской лигой папа встал на сторону городов и в 1239 г. снова отлучил императора, наложив на его владения интердикт. В 1237 г. имперская армия одержала важную победу над ломбардским ополчением при Кортенуове, однако в дальнейшем император был вынужден осаждать то один, то другой из постоянно восстававших против него городов. В 1245 г. на I Лионском соборе Фридрих был объявлен лишенным власти, и в Германии князья избрали сначала одного, затем (после смерти первого) другого альтернативного короля. Император вступил с ними в борьбу, опираясь на помощь своих сыновей, носивших титул королей отдельных частей его обширных владений. Один из них, король Сардинии Энцо, попал в плен к болонцам и просидел у них в заточении более 20 лет; другой, Генрих, восстал против отца и потерпел поражение. Последние годы правления Фридриха отмечены неудачами в борьбе против нового папы Иннокентия IV и итальянских городов, в ходе которой он скончался. (Существует легенда, что астрологи предсказали ему смерть в городе с «цветочным» названием – итал. «фьоре» – поэтому он никогда не посещал Флоренцию. Умер же он от болезни в городке Каstell Фьорентино в 1250 г.)

Момент смерти Фридриха II оказался переломным во взаимоотношениях папства и германских императоров. Попытки последних укрепиться в Италии и даже (в лице Фридриха) создать здесь для себя главную базу вели к ослаблению их влияния в Германии и к обострению конкуренции с папством. Сыновьям Фридриха, его наследнику в Германии Конраду IV (1250–1254) и наместнику в Сицилийском королевстве Манфреду (род. 1231–1266), на протяжении некоторого времени удавалось успешно противостоять папам и даже не допускать их в Рим, поднимая своенравный римский народ и знать. Сторонникам империи, гибеллинам, не без помощи немцев удалось прийти к власти во Флоренции и других городах Италии.

Папы в своем стремлении расправиться с ненавистными Штауфенами стали предлагать корону вассального для них Неаполитанско-Сицилийского королевства предположительно дружественным для них кандидатам, и в конце концов им удалось склонить к походу в Италию брата французского короля Людовика Святого Карла Анжуйского. Войско последнего одержало победу над Манфредом при г. Беневенто (26 февраля 1266 г.), причем сам король погиб, а его владения сдались французам почти без боя. Через три года Карл разгромил последнего претендента из династии Штауфенов на итальянский престол, внука Фридриха Конрадина, который был предан казни в Неаполе в октябре 1268 г.

Для папства наступил момент наивысшего торжества, поскольку оно расправилось с опаснейшим противником, но в дальнейшем его собственная независимость ослабла, и оно подпало под влияние французских королей. Карл Анжуйский, как и германские императоры, тоже не собирался ставить интересы Рима выше своих собственных, намереваясь создать крупную державу в Италии и присоединить к ней Святую землю.

Определенную роль в падении Штауфенов в Италии сыграло предательство части местной знати, желавшей самостоятельности. Воцарение анжуйцев, которые обращались с местным населением, как с покоренным народом, и увеличили всевозможные поборы, никак не отвечало этим чаяниям, и в мае 1282 г. в Палермо вспыхнуло антифранцузское восстание, известное под названием «Сицилийской вечерни»; в конечном счете оно привело к отделению острова и распаду королевства на две части.

В ходе «Сицилийской вечерни» восставшие пригласили к себе короля Арагона Педро III (1239–1285), который приходился зятем покойному Манфреду. Это событие положило начало притязаниям испанцев на итальянский Юг, где они, временами в союзе с немцами (в составе империи) и в постоянной борьбе с французами, властвовали до XVIII в. Неаполитанское королевство разделилось на так называемое Сицилийское – на материке, его столицей Карл Анжуйский сделал Неаполь, и на островную Сицилию, носившую название Тринакрии, со старой столицей в Палермо. Сыновьям и внукам Педро удалось отстоять свою власть не только вопреки посягательствам анжуйцев, но и в противостоянии с местной знатью, представленной в парламенте. Сицилийский парламент обладал относительной самостоятельностью и утверждал новоизбранных королей.

В 1285 г. Карла I сменил на престоле его сын Карл II Хромой (1285–1309). Он вступил в брак с сестрой венгерского короля Марией, что дало возможность его потомкам претендовать на венгерский престол. Сыновья Карла II управляли также крестоносными владениями на Балканах – княжеством Ахайей и герцогством Дураццо. Но основным направлением внешней политики оставалась борьба за Сицилию, титул королей которой представители Анжуйской династии носили по-прежнему и в качестве таковых считались вассалами папы.

Притязания пап на суверенитет над Сицилией препятствовали попыткам мирного урегулирования конфликта между анжуйцами и представителями Арагонской династии, приглашенными туда островитянами. По условиям заключенного в 1302 г. мира в Кальтабеллотте брат арагонского короля Фридрих (Федерико) II женился на дочери Карла II Элеоноре и оставался пожизненным правителем Сицилии; затем остров должен был вернуться под власть Карла или его наследников. Однако, если преемники Федерико формально и признавали верховенство анжуйцев, в частности при Иоанне (Джованне) I Неаполитанской (1343–1382), их власть оставалась преимущественно номинальной. Самым выдающимся представителем Анжуйской династии считался третий сын Карла II Роберт (1309–1343), который возглавил папскую партию в Италии и успешно боролся на ее территории с германскими императорами; он выступал покровителем искусств, а Франческо Петрарка даже посвятил ему свою латинскую поэму «Африка».

ПИРЕНЕЙСКИЕ СТРАНЫ

Как и Юг Италии, Пиренейский п-ов представлял собой зону соприкосновения двух культурных миров – исламского и западнохристианского, причем контакты в данном регионе сопровождались непрерывной войной и постепенным перекраиванием политической карты полуострова в пользу христиан. Это явление получило название Реконкисты.

К началу XIII в. здесь существовали четыре независимых королевства: Наварра, Арагон, Португалия и Кастилия и Леон. В 1212 г. объединенные силы этих государств во главе с кастильским королем Альфонсом VIII одержали победу при Лас-Навас-де-Толоса над войском занимавшего южную часть полуострова халифата Альмохадов. Это был реванш за поражение от арабов при Аларкосе в 1195 г. и переломный момент в ходе христианского продвижения. Другой кастильский король Фердинанд (Фернандо) III Святой (1230–1252) отвоевал почти всю остающуюся территорию будущей Испании за исключением области Гранада. Сражаясь с раздробленными силами мусульман, он занял Кордову (1236 г.), Севилью (1248 г.), установил протекторат над Мурсией и Гранадой. При Фердинанде обрело законодательное закрепление единство Кастилии, Леона и Галисии и проведены судебные реформы.

На завоеванных землях, которые раздавались крупному и мелкому дворянству, селились крестьяне-колонисты, получавшие льготы согласно специальным грамотам – *фуэрос*. В военных действиях принимали участие духовно-рыцарские ордена, организованные по образцу крестоносных –

Калатрава, Сантьяго и Алькантара, а также городские ополчения. Города заключали между собой союзы – *эрмандады* («братства») для защиты своих привилегий, и их представители вошли в состав сословных консультативных собраний, которые получили название *кóртесов*.

При преемнике Фердинанда Альфонсе X Мудром (1252–1284), поэте и покровителе наук, были составлены «Свод законов в семи разделах» (или «Семь партий») и исторические хроники на кастильском языке.

Во второй половине XIII в. ведущее положение на Пиренеях наряду с Кастилией начинает играть королевство Арагон, благодаря династическому браку объединенное с прибрежным графством Каталонией. Географическое положение способствовало экспансии Арагона в важной в торговом отношении области Западного Средиземноморья (завоевание Балеарских о-вов и Валенсии в 30-е годы XIII в.). Завершение совместной борьбы христианских государств полуострова с исламскими укрепляло почву для конфликта их внутренних интересов, тем более что правящие династии зачастую были связаны родственными узами. Приглашение представителей Арагонского дома на сицилийский престол положило начало влиянию испанцев и в центральной части Средиземноморья, прежде всего в Италии. Непрерывные войны с «неверными», как, впрочем, и наличие в испанских королевствах большого числа подданных других конфессий, наложили отпечаток на психологию здешних христиан, у которых защита чистоты католической веры стала особенно почетным делом.

ГЕРМАНСКИЕ ЗЕМЛИ

В Германии после смерти Конрада IV наступил двадцатилетний период, характеризующийся шаткостью центральной власти и получивший название Междоуцарствия. Главная роль перешла в руки князей, которые обрели в своих владениях практическую независимость, особенно избравшие короля, в первую очередь семь курфюрстов: архиепископы Майнцкий, Кёльнский и Трирский, король Чешский, герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский и пфальцграф Рейнский. Князья приглашали на немецкий трон чужеземных государей (Вильгельма Голландского, Ричарда Корнуэльского, Альфонса X Кастильского), которые, правда, не оказали реального влияния на ход событий. В 1273 г. был избран граф Рудольф I Габсбург, которому удалось разгромить своего соперника, чешского короля Пржемысла II Оттокара и присоединить подчинявшиеся последнему к этому времени Австрию, Штирию, Каринтию и Крайну. В дальнейшем эти владения стали родовыми землями Габсбургов.

После шестилетнего правления Адольфа Нассауского (1292–1298), при котором началась новая смута, был избран сын Рудольфа Альбрехт I Габсбург, продолживший политику централизации. В 1308 г. он был убит, и на немецкий трон вступил первый представитель династии Люксембургов, который сумел сделать своего сына королем Чехии, подчинить мятежные итальянские города и, преодолевая сопротивление гвельфов, короноваться в Риме под именем Генриха VII. Смерть от лихорадки в 1313 г. помешала

ему продолжить объединение имперских земель, которое вызвало надежды и одобрение поэта Данте Алигьери.

Борьбу с папами в Италии, которую облегчало начавшееся «Авиньонское пленение», на протяжении более 30 лет вел и новоизбранный король из другого немецкого дома, Виттельсбахов, Людовик (Людвиг) IV. В Германии он успешно справлялся со своим конкурентом из рода Габсбургов Фридрихом III Красивым. В борьбе с папой Людовик Баварский опирался на помощь францисканских мыслителей, преподавателей Парижского университета Марсилия Падуанского и Жана Жандена. Они развивали теорию первенства государства, совершенной формы сообщества, основанного на народном суверенитете и сословном представительстве, над церковью как социальным институтом. В отношении церкви они выдвинули принцип конциляризма, т.е. примата собора высшего духовенства над папой. К сторонникам конциляризма принадлежал также Уильям Оккам, ранний предшественник протестантской Реформы, утверждавший, что спасение зависит только от воли Божьей. В Авиньоне он был признан еретиком и бежал ко двору императора.

Последние годы жизни Людовика были осложнены борьбой с новым претендентом на престол, Карлом IV Люксембургом, избранным в 1346 г. по настоянию папы Климента VI, воспитанником которого он являлся. Став полноправным монархом (Людовик в 1347 г. скончался), Карл вел себя примерно так же, как и его предшественники, т.е. собирал свой собственный домен, пытался укрепить свою власть в Италии и враждовал с папством, а также со все новыми претендентами на престол, сменявшими друг друга в первые годы его правления. Действуя подкупом и заключая династические союзы, Карл утвердился на германском троне и в 1355 г. венчался в Риме императорской короной. К своим родовым владениям он присоединил территории на Востоке: Бранденбург, Силезию и Лужицкие земли.

Особое внимание он уделял Чехии, где находилась его столица – Прага. Он украсил город многими постройками (в их числе знаменитый Карлов мост), основал архиепископство и Пражский университет (1348 г.). Важнейшим событием царствования Карла IV было издание в 1356 г. Золотой буллы, утвержденной на рейхстагах. Еще в 1338 г. курфюрсты постановили, что для избрания германского короля и императора Священной Римской империи достаточно решения их коллегии. Теперь это решение было закреплено императорским указом. «Золотая булла», устанавливавшая церемониальные обязанности участников выборов, де-факто констатировала, что избрание короля является привилегией семерых курфюрстов и для него достаточно простого большинства голосов, одобрения папы для этого уже не требовалось. Курфюрсты официально наделялись значительными правами и привилегиями: на чеканку собственной монеты, регалию (собственность на недра), на сбор пошлин и другими. «Золотая булла» упорядочила избрание верховной власти в Германии и была в тот момент выгодна для императора, но вместе с тем она на столетия закрепила всевластие князей.

В этот период закладываются основы будущей Швейцарской конфедерации, отдельные земли которой (нем. Orte, впоследствии фр. «кантоны») добились непосредственного подчинения императору, а на часть других претендовали Габсбурги. Еще в 1291 г. военный союз против последних заключили

три «лесных кантона», находившиеся на пути в Италию: Ури, Швиц и Унтервальден. В 1315 г. они возобновили союз и разбили габсбургское войско в битве при Моргартене, после чего объединение было закреплено договором на вечные времена и родилось новое название будущей страны, связанное с именем кантона Швиц. Император Людовик Баварский, враждовавший с Габсбургами, подтвердил вольность лесных кантонов, которые формально остались в подчинении империи. Дальнейшее развитие конфедерации связано с войнами, в которых отдельные швейцарские земли то заключали союзы между собой в борьбе против австрийцев, то поддерживали последних. Решающее значение для дела «сельских» кантонов имело присоединение к ним городов Люцерн (1332 г.), важного центра текстильной промышленности, а также Цюриха и Берна (1352–1355).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ

XIII–XIV вв. – время подъема городов, которые были, как уже сказано выше, наиболее динамичным элементом средневекового общества, фундаментальным источником изменений во всех сферах его жизни. В развитии западноевропейских городов важную роль играли, с одной стороны, традиции, восходившие к римским временам, с другой – процессы расширения обмена и торговли, особенно морской. Для организации морской торговли требовались крупные капиталы, поэтому в ней участвовали, как правило, товарищества купцов, а в итальянских морских республиках, где она служила главным источником доходов и делом по существу государственным, торговлей и снаряжением судов занимались в первую очередь представители высшего слоя горожан, в том числе и самые знатные – владение торговым капиталом заместило здесь феодальное владение землей.

К началу XIII в. на первое место выходят северные морские республики Италии: Венеция, Генуя и Пиза, которая вышла победительницей из конкурентной борьбы с южным портом Амальфи. Все три морские республики враждовали между собой. К конкуренции на морских путях, в основном, связанных с левантинской торговлей, прибавлялась политическая борьба между папством и империей (гвельфами и гибеллинами) и внутренние социальные смуты. Особенно сильно они проявлялись в Генуе, где верх брали то гибеллины, то гвельфы. Генуэзцы разгромили в морской битве при Мелории (1284 г.) Пизу, традиционно стоявшую на стороне гибеллинов, отняли у нее о-ва Сардинию и Корсику. В дальнейшем главное противостояние разворачивается между Генуей и Венецией.

Венецианцы использовали свои связи с Византийской империей для расширения владений на Адриатике. Разгром Константинополя в 1204 г. и образование Латинской империи способствовали укреплению их позиций. Венецианцы (при участии генуэзцев и пизанцев) играли главную роль не только в торговле, но и в обеспечении связей между крестоносными и восточными государствами и Европой; основанные в Причерноморье колонии (в большинстве генуэзские) приносили большие доходы, в частности, благодаря работоторговле.

Государственный строй Венеции оказался наиболее жизнеспособным из всех морских республик, он позволил ей сохранять независимость до конца XVIII в. В ходе длительной эволюции власть в городе закрепились за патрициатом, представлявшим собой замкнутое сословие, защищающее свои привилегии как от посягательств «снизу», так и от опасности установления режима личной власти с помощью сложной системы распределения полномочий, контроля и слежки. Законодательная власть в городе принадлежала Большому совету, членство в котором в XIII в. стало наследственным для всех знатных граждан с 25 лет, поэтому он становился все более многочисленным. Фактически делами заправлял Сенат, ряд исполнительных и представительских функций был доверен дожу, который являлся формальным главой республики Св. Марка и от ее имени «обручался с морем», бросая в воду перстень.

В Венеции городской патрициат представлял собой более сплоченное сословие по сравнению с другими итальянскими коммунами, в том числе Генуей и Пизой; здесь не существовало столь острых противоречий между земельной аристократией и пополанской торговой верхушкой. В то же время подобные противоречия не помешали и даже отчасти способствовали в XI–XIII вв. обретению независимости и росту итальянских и не только итальянских городов, хотя в XIV в. начинается процесс образования синьорий, т.е. установления в бывших коммунах режимов личной власти, более жизнеспособных в условиях средневековой Западной Европы, в ситуации перманентных войн между территориально-национальными государствами.

Синьорами в результате насильственного, а иногда и мирного захвата власти становились представители влиятельных семей, пользовавшиеся раздорами, постоянно сопутствовавшими внутренней жизни городских республик. В частности, в крупнейшем городе Северной Италии Милане, ослабленном, помимо прочего, борьбой с императорами в эпоху второй Ломбардской лиги в первой половине XIII в., к концу столетия начинает доминировать род Висконти, утвердившийся в борьбе против другой знатной семьи, Делла Торре. В начале XIV в. Висконти становятся синьорами Милана и затем подчиняют себе ряд других независимых коммун, закладывая основы собственного территориального государства. Сходные процессы шли и в Тоскане, где примерно тогда же заявляет о своих претензиях Лукка под водительством своего «тирана» (так называли иногда итальянских единоличных правителей) Каструччо Кастракани.

Однако к середине XIV в. свой примат в Тоскане удастся утвердить Флоренции, одержавшей верх над Луккой, Сиеной и Пизой и вместе с тем на долгое время сохранившей свое демократическое устройство. Во Флоренции шли те же процессы, что и в других городах. После подчинения окрестных феодалов и образования подчинявшейся коммуне округа (*контадо*) здесь разгорелась внутренняя борьба между знатными семействами, осложнившаяся образованием партий гвельфов и гибеллинов – после ряда драматических перипетий власть осталась за первыми. Параллельно на протяжении XIII в. усилилась другая социальная сила – *пополо* (народ), имевший собственную цеховую организацию и накопивший значительные средства благодаря развитию промышленности (в первую очередь производству сукон), торговли и банковского дела.

В 1293 г. были приняты Установления правосудия (или справедливости), значительно урезавшие права знати – грандов и фактически утвердившие на два столетия приоритет пополанов («народа»), в первую очередь торговых и промышленных слоев, т.е. бюргерства, буржуазии, как называют эти группы историки разных школ (все эти термины не совсем точны, так как социальный состав попола был очень пестрым, в него входили и низшие категории горожан, в дальнейшем тоже заявлявшие о своих правах, и крупнейшие купцы и банкиры, постепенно сформировавшие новую городскую аристократию).

Судьба других итальянских городов не миновала и Рим, в котором враждовали дворянские семьи Колонна и Орсини. Несмотря на присутствие пап (впрочем, их власть была не столь прочна и нередко они покидали город), здесь жила память о былом римском величии и свободе, волновавшая народ. Один из всплесков «антифеодалного» (т.е. направленного против всевластия знати) движения связан с деятельностью Кола ди Риенцо (1343–1354), который объявил себя «трибуном свободы», но в попытках упрочить личную власть стал пешкой в политической игре и был убит.

Своим влиянием итальянские города во многом были обязаны финансовой деятельностью, в которой они занимали передовые позиции. В Средние века она сводилась в основном к ростовщичеству – кредитованию под огромные проценты, в связи с высоким риском неплатежей, тем более что им вынужденно занимались евреи – христианам давать деньги в рост формально запрещала церковь. В XIII–XIV вв. происходит переход к более сложным операциям: переводу денег по векселям, страхованию, прежде всего морских перевозок, обслуживанию сделок на ярмарках.

Итальянские банкиры сосредоточили в своих руках огромные капиталы, пользователями которых были главные фигуры на европейской политической сцене: папа, император, другие государи. Процентные ставки и риск оставались и в этом случае высокими: так, отказ английского короля Эдуарда III платить долг в размере около миллиона золотых флоринов привел в начале 40-х годов XIV в. к банкротству крупнейших флорентийских компаний Барди и Перуцци и многих связанных с ними более мелких. (Кстати, флорин был первой в Европе высокопробной золотой монетой, которая со времен раннего Средневековья стала чеканиться во Флоренции в 1252 г., а затем, в подражание ей, и другими городами.)

Влияние итальянских банкиров было связано с тем, что агенты и отделения итальянских торговых домов находились во всех сколько-нибудь значительных городах Европы. Местные правители оказывали им всемерное содействие, например граф Фландрский разрешил итальянцам свободно торговать в Брюгге, крупнейшем центре сукноделия на Севере Европы. Города Северной Европы, в основном германские и нидерландские, составляли в эпоху развитого Средневековья определенную конкуренцию итальянским, хотя и не могли соперничать с ними в области морских перевозок и банковского дела. Раздробленность Германии способствовала росту городов. Как и в Италии, они освобождались здесь от своих сеньоров и получали от императора (иногда за выкуп) вольности и привилегии, обретая статус имперских городов или независимых вольных городов. Торговля была важнейшей

статьей их доходов, а купцы отдельных городов объединялись между собой в союзы, которые назывались «ганзами».

В начале XIII в. стал складываться большой союз северных городов, получивший впоследствии (в XIV в.) имя Великой Ганзы. В этом процессе ведущую роль играли города Любек и Гамбург, контролировавшие торговлю рыбой и солью, позднее к ним присоединились Бремен, Кёльн, а также города на колонизированных немцами территориях, прежде всего в Балтийском регионе: Данциг (Гданьск), Рига, Дерпт, Ревель, Кёнигсберг; нидерландские (Брюгге) и шведские (Висбю на о. Готланд). Купцы Ганзейского союза торговали сельскохозяйственным сырьем, зерном, рыбой, продуктами, вывозившимися из Скандинавских стран и Новгорода, где у них имелось свое представительство, и играли посредническую роль в товарообмене с Югом, который поставлял драгоценные металлы, вино, пряности и ремесленные изделия. Ганзейский союз не имел общей организации, все вопросы решались на съездах в Любеке, но это не мешало ему проводить полицейские и даже военные операции силами, главным образом морскими, отдельных городов. К середине XIV в. Ганзейский союз насчитывал в своем составе 60–80 городов.

Именно процветающим городам обязано своим развитием в XIII–XIV вв. изобразительное искусство. В Германии, Франции и Англии наивысшего расцвета достигает готическая архитектура; в Италии романский стиль сменяется особым вариантом готики, насыщенной византийскими и восточными влияниями и склонной к пышности и декоративности, а в конце XIII в. намечаются тенденции, получившие название Проторенессанса. Провозвестниками искусства Возрождения выступили пизанские скульпторы Никколо, Андреа и Джованни Пизано, архитектор Арнольфо ди Камбьо, живописец Джотто, работавший во Флоренции и Падуе. Великий флорентийский поэт Данте Алигьери, написавший свою философско-теологическую «Комедию» на народном языке, считается переходной фигурой, а другой выходец из Флоренции, Франческо Петрарка (его отец, как и Данте, был изгнан из города за принадлежность к партии «белых гвельфов»), открывает эпоху ренессансной литературы.

НОВЫЕ ЕРЕСИ И НОВЫЕ ДУХОВНЫЕ ОРДЕНА

Города Южной Европы превратились в основные рассадники ересей, распространившиеся во второй половине XII в. Существование ересей объясняется, в первую очередь, расхождением официальной доктрины, опирающейся на церковную организацию и поддержку властей, и народных представлений о мире, подпитываемых языческими пережитками и иногда творчеством неортодоксальных мыслителей. Возникновение ересей в Средние века было неизбежно в силу представлений о тайной природе знания и о существовании потаенного знания, имеющего сверхъестественную силу; в еретических движениях присутствовал элемент недовольства устройством общества, в то же время и церковь испытывала своего рода нужду в явных противниках, чтобы расширить свое влияние.

Ереси зарождались в самом лоне Католической церкви, и до поры до времени нельзя было предсказать, будут ли признаны тот или иной деятель или течение правоверным или еретическим. В большинстве еретических учений получали развитие идеи, заложенные в христианской доктрине в целом; они обычно гиперболизировали присущий миру дуализм, вплоть до утверждения, что материальный мир создан дьяволом; соответственно, получали осуждения все его проявления, начиная от употребления в пищу мяса и кончая институтами брака и власти. Сектанты чаще всего отрицали собственность и стремились проводить в жизнь принципы евангельской бедности; они отвергали необходимость посредничества церкви и священников в общении с богом; большое распространение получили идеи о грядущем конце света и приходе накануне его Антихриста, особенно досконально разработанные в учении монаха второй половины XII в. Иоахима Флорского. В начале XIII в. в Северной Италии и Южной Франции ереси катаров и вальденсов стали столь популярны, что составили серьезную конкуренцию официальной церкви.

Латеранский собор

Задачу борьбы с ересями в качестве одной из главных поставил IV Латеранский собор, созванный в 1215 г. в Риме. Кроме более полутора тысяч духовных лиц на нем присутствовали и миряне, представители светских государей. Собор утвердил 70 канонов, предложенных папой Иннокентием III, в частности осудил учение Иоахима Флорского (но не его самого), катаров и вальденсов, потребовав от епископов вести непримиримую борьбу с ересями. Кроме того, были приняты ограничительные меры против евреев и мусульман, которые должны были отныне носить отличительные знаки.

В части догматов собор принял учение о пресуществлении, т.е. превращении вина и хлеба в кровь и тело Христа во время богослужения, подтвердил католический Символ веры и первенство папы над другими иерархами.

Всем верующим было вменено в обязанность исповедоваться и причащаться не менее раза в год; установлены ограничения на браки между родственниками, введено правило испрашивать согласия женщины при выдаче ее замуж. Светским властям запрещалось раздавать церковные должности и облагать налогом духовных лиц.

Что касается последних, то было подтверждено правило celibата, т.е. безбрачия, и воспрещено содержать наложниц, посещать представления скоморохов (жонглеров), пьянствовать, ездить на охоту, играть в азартные игры, носить не подобающие сану одежды и заниматься врачеванием. Собор одобрил готовившийся новый Крестовый поход и даровал отпущение грехов его участникам и жертвователям средств на него.

Решения Латеранского собора в части укрепления веры, церковной власти и дисциплины имели долговременные последствия, по крайней мере для истории XIII – первой половины XIV в.

Латеранский собор запретил создание новых монашеских орденов и новых орденских уставов, пытаясь упорядочить и придать управляемость мощному движению снизу, питаемому народной и вообще массовой рели-

гиозностью. Одновременно церковь поддержала создание нищенствующих орденов, по-своему отвечавшее запросам времени.

Устав первого нищенствующего ордена – францисканцев, был одобрен Иннокентием III еще в 1210 г. Его основатель, св. Франциск Ассизский (ок. 1181–1226), неграмотный купеческий сын, был одним из многочисленных мирян, движимых желанием соблюдать евангельские заповеди и уподобиться Христу еще в земной жизни. Францисканцы называли себя «меньшими братьями», или миноритами (*fratres minores*), они проповедовали на улицах и призывали народ к покаянию, иными словами, исходили из того же идеала, которым вдохновлялись неортодоксальные движения. Они приносили обет бедности и жили за счет подаваний. Перед францисканцами была поставлена задача помогать страждущим и проповедовать слово Божье. На деятельность ордена наложила отпечаток личность св. Франциска, которому бытовой аскетизм не мешал прославлять сотворенный мир во всех его материальных проявлениях (в записях сохранились полулегендарные «Цветочки святого Франциска» и его «Гимн брату Солнцу»). Некоторые историки считают его предтечей Возрождения.

Движение францисканцев привело в их лагерь многих мирян, которые получили возможность, не принося монашеские обеты, разделять их идеалы и участвовать в их деятельности, помогать бедным и больным, проповедовать бедность и покаяние. Для них в 1221 г. Франциском был учрежден новый орден, впоследствии названный Третьим, откуда имя «терциарии» (второй орден, женский, сестры которого жили в монастырях, был основан сподвижницей Франциска св. Кларой). Среди терциариев встречались многие знаменитые личности, в том числе Данте и французский король Людовик Святой. Впоследствии третий орден разделился на монахов-пенитенциалов («кающихся») и мирян.

Францисканцы стали опорой церкви наряду со вторым основанным в начале XIII в. нищенствующим орденом – доминиканцами. Оба ордена выполняли важнейшие из стоявших перед церковной организацией задач и оставили заметный след в духовной, культурной и политической истории Европы. Их представители ревностно следили друг за другом и конкурировали во многих областях. Францисканцы участвовали в деятельности инквизиции, из их среды вышли выдающиеся проповедники, например св. Антоний Падуанский, они основали свои миссии на окраинах Европы и в нехристианских странах (еще св. Франциск отправлялся проповедовать среди мусульман), знаменитые путешественники-францисканцы середины XIII в. Джованни Плано Карпини и Гийом де Рубрук оставили свои описания истории и быта монголов. Во второй половине XIII в. францисканцы стали соперничать с доминиканцами на поприще образования, руководя кафедрами богословия в крупнейших университетах: Париже, Болонье и Оксфорде. Они дали миру таких знаменитых средневековых ученых, как св. Бонавентура, Иоанн Дунс Скот, Роджер Бэкон и Уильям Оккам.

При первых преемниках Франциска подверглась упорядочению организация ордена; его возглавлял генерал, провинциями руководили министры-провинциалы, отдельными общинами, имевшими свои обители – братья-кустыоды; высшим органом являлся генеральный капитул, съезд провинциалов и представителей общин. В это время в связи с расширением мирских забот

францисканцев в ордене наметилось два течения, различавшихся своим отношением к уставу.

В 1221 г. св. Франциск принял второй устав (*Regola non bollata* – не подтвержденный буллой), а в 1223 г. буллой папы Гонория III был утвержден окончательный устав (*Regola bollata*). Течение так называемых «конвентуалов» придерживалось именно последнего, менее строгого варианта устава, отдавая предпочтение жизни в монастыре и компромиссному использованию материальных средств, получаемых общинами и братьями. Их противники, «ревнители», требовали строгого и буквального исполнения первоначальных заветов св. Франциска – жизни в полной бедности за счет милостыни.

Это течение было осуждено в 1260 г. на генеральном капитуле в Нарбонне, возглавленном св. Бонавентурой. В принятой капитулом Нарбоннской конституции одобрялось создание больших монастырских общин, подчиняющихся не местным епископам, а непосредственно ордену; подчеркивалось значение науки и обучения и, соответственно, приветствовалось участие францисканцев в преподавании в школах и университетах. В деятельности нищенствующих орденов находили свое выражение в конечном счете та же тяга к идеалу и те же завышенные требования к социальной организации, что проявлялись и в ересь. Церковь одобряла деятельность орденов именно потому, что это давало возможность сглаживать противоречия, но в наиболее радикальных всплесках движения она усматривала скрытую угрозу для себя как института власти. Поэтому папы XIII–XIV вв. давали орденам привилегии, смягчающие аскетические строгости уставов и облегчающие их мирскую деятельность. После Нарбоннского капитула в среде францисканцев оформилось течение «спиритуалов», не признававших большинство таких привилегий. Деятельность спиритуалов не получила поддержки Рима, который даже отлучал их от церкви. Папа Иоанн XXII признал утверждение о том, что у Христа и его учеников не было имущества, ересью. На стороне спиритуалов стояли известные выходцы из Парижского университета Уильям Оккам и Марсилиус Падуанский. Разносторонняя активность францисканцев в миру и ослабление дисциплины привели в первой половине XIV в. к кризису, ответом на который стало движение так называемых «обсервантов» (соблюдающих устав). Обсерванты создали собственные монастыри и провинции и стали самостоятельной ветвью ордена.

Почти одновременно с францисканским развивался другой нищенствующий орден братьев-проповедников, получивший название доминиканского по имени своего основателя. Кастильский каноник Доминик Гусман принимал участие в проповеднической кампании против альбигойцев в Тулузском диоцезе и пришел к выводу, что еретиков можно победить их же оружием – проповедью, опирающейся на глубокие знания, призывом к покаянию и примером жизни в соответствии с евангельскими заповедями. Поскольку IV Латеранский собор запретил создавать новые ордена, при учреждении в декабре 1216 г. организации проповедников, для которой было сделано исключение, взяли за основу устав августинцев, монахов, живущих среди мирян, но впоследствии, как и у францисканцев, он подвергся значительным изменениям, в первую очередь касавшихся обета бедности.

Принципы устройства нищенствующих орденов сочетали в себе элементы выборности на всех уровнях и строгого подчинения нижестоящих ор-

ганов вышестоящим. Они стали одним из ярких проявлений своеобразной средневековой демократии, которая, вопреки распространенному взгляду, составляла неотъемлемую черту тогдашнего общества. Поскольку все оно делилось на автономные единицы, тенденция к централизации и единоначалию существовала наряду с дробностью и сменяемостью власти, что заметно не только в жизни городских республик, но и в церковной организации. Тем более что официальной идеологией последней были принципы нестяжательства, всеобщего равенства (перед Богом), любви и помощи ближнему.

Латеранский собор постановил, что при каждом епископстве должен находиться специальный проповедник, магистр, который мог бы обучать священников и монахов богословию. Доминиканский орден стал кузницей кадров для этой цели, поскольку в начале XIII в. они почти полностью отсутствовали. Доминиканцы изначально признавали ученость необходимым условием приближения к Богу. Их деятельность способствовала становлению системы образования в Европе. В остальном их история во многом сходна с историей францисканцев: у них также образовались женский орден и Третий орден для мирян; они много путешествовали и занимались миссионерской деятельностью; выполняли светские – дипломатические и миротворческие функции, по поручению не только церкви, но и светских государей, духовниками которых, как и францисканцы, часто становились.

По мере расширения деятельности ордена основывались крупные монастыри и накапливались богатства, которые были необходимым условием для занятий наукой; с историей ордена связано много памятников архитектуры и изобразительного искусства. В среде доминиканцев также наметились течения «конвентуалов» и «спиритуалов», а со второй половины XIV в. стали образовываться конгрегации обсервантов, более строго соблюдающих первоначальные заповеди ордена.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ КОРПОРАЦИИ И УНИВЕРСИТЕТСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Образовательные инициативы церкви имели одним из своих последствий интенсивное развитие университетов. В XIII в. всякая ученость связывалась почти исключительно с принадлежностью к духовному сословию, во всяком случае вершиной науки считалось постижение божественных истин.

Школы, в которых преподавали и обучались представители всех стран, или, как тогда говорили, «наций», назывались *Studia generalia*. Структура первых университетов складывалась во многом стихийно, вокруг обособившихся в том или ином городе преподавателей и стекающихся к ним студентов. Однако местные власти, император и папа проявляли заинтересованность в создании университетов и наделяли их всевозможными привилегиями. Университеты Болоньи, Парижа, Монпелье и Оксфорда завоевали в начале XIII в. автономию, добившись неподсудности местным властям как светским, так и церковным, имели собственные уставы, свой суд, свои доходы от церковных бенефициев, своих должностных лиц. Студенты образовывали землячества и «нации», которые избирали ректоров и прокураторов,

а магистры – деканы. К середине XIV в. в Европе действовало около двух десятков университетов.

Для поступления в университет юноша должен был знать латынь, универсальный язык западноевропейской культуры в Средние века, облегчавший складывание единой системы образования. На подготовительном факультете изучались «семь свободных искусств» и философия, затем можно было приступить к медицине, правоведению и царице всех наук – теологии. Преподаватели читали лекции, в основном комментируя и истолковывая тексты; одной из основных форм обучения и экзаменов, и вообще научной жизни являлись диспуты. Сначала студенты получали степень бакалавра, затем, после прохождения длительной практики – лиценциата, имевшего права преподавания, и, наконец, звание магистра, или учителя, который мог читать лекции в любом университете. Синонимично ему еще более почетное звание доктора.

Преподаватели и студенты считались принадлежащими к духовному сословию, иногда они вступали в конфликты не только между собой как представители разных школ, но и с горожанами, и с приходскими священниками, для которых были конкурентами. Подобный конфликт, вызванный засильем доминиканцев и францисканцев в преподавании, возник в середине XIII в. в Парижском университете. Один из его профессоров, Вильгельм Сент-Амурский (Гийом де Сент-Амур, 1202–1272) написал направленную против нищенствующих орденов книгу «Об опасностях нынешних времен», где доказывал, что жизнь за счет подаяния не является евангельским образцом. Папа Александр IV принял сторону орденов, и труд Вильгельма был предан сожжению, а самому ему некоторое время пришлось провести в изгнании. На стороне францисканцев и доминиканцев выступили также светочи тогдашней науки, будущие святые и признанные учителя церкви, Бонавентура из Баньореджо (ок. 1217/21 – 1274) и Фома Аквинский (1225–1274).

На XIII–XIV вв. приходится расцвет схоластики – «школьной науки», опиравшейся на Писание и авторитеты и основной упор делавшей на комментирование и изощренное толкование текстов. Одним из главных авторитетов схоластики к XIV в. становится Аристотель, в раннее Средневековье известный лишь своими трудами по логике, но в XII–XIII вв. переведенный на латынь с арабского. Первоначально «новые» книги Аристотеля не получили признания церкви. Развернувшаяся к XIII в. дискуссия об авторитете Аристотеля и Платона была связана со спорами так называемых номиналистов и реалистов об универсалиях: общих идеях, определяющих сущность вещей. Первые (Иоанн Дунс Скот, Уильям Оккам) считали универсалии чистыми идеями, в действительности не существующими; вторые (св. Ансельм Кентерберийский, св. Бонавентура) утверждали, что они имеют реальное и единственно подлинное существование, как платоновские идеи. Аквинат и его учитель Альберт Великий (1193 или 1206–1280) развивали промежуточные концепции о том, что общие идеи существуют в человеческом разуме и в разуме Бога.

Фома Аквинский построил в своих «Суммах» универсальную философию, на основе некоторых положений Аристотеля обосновывая бытие Бога

разумными доводами. Он доказывал, что Бог является первопричиной и перво двигателем всех вещей, а также высшим благом и целью всего сущего. Другой многолетний спор о примате воли или интеллекта, восходящий к XIII в., разделил философов по школьному принципу: «томисты», отдававшие в целом первенство разуму, большей частью принадлежали к доминиканцам; у францисканцев авторитетом пользовался опиравшийся на Августина Дунс Скот, который утверждал, что воля самостоятельна и определяет собой поведение независимо от разума. Приверженцы этого учения назывались «скоттистами». В сущности, это была средневековая форма постановки одной из основных проблем философии – о соотношении «практического» и «теоретического» разума; объекта и субъекта, описания и действия, рационального и этического начал. Учение Аквината о душе как личной субстанциальной форме человека было направлено против разделяемого аверроистами – сторонниками учения арабского мыслителя Ибн Рушда (Аверроэса) – утверждения о безликости разумной души и в 1314 г. стало официальной доктриной католицизма. Несмотря на то что в 1277 г. епископ Парижский осудил ряд тезисов Фомы, в 1323 г. при папе Иоанне XXII Фома Аквинский был канонизирован, а его учение, томизм, до сих пор лежит в основе философской теории католицизма.

ИНКВИЗИЦИЯ И АЛЬБИГОЙСТВО

С IV Латеранским собором связывают иногда и становление инквизиции как учреждения, хотя собор только подчеркнул необходимость расследования случаев извращения еретиками «правильной веры» (*inquisitio haereticae pravitatis*) и поручил заниматься этим епископам и состоящим при них церковным судам. Однако опыт ближайшего времени показал, что необходим более универсальный и независимый орган, предназначенный для этой цели, и около 1233 г. папа Григорий IX создает его в лице инквизиторов, подчиняющихся только Святому престолу. Инквизиторы должны были быть людьми учеными, поэтому их рекрутировали первоначально из доминиканцев, а в середине XIII в. инквизиционные провинции (в основном они находились в Северной Италии и Южной Франции) были поделены между ними и францисканцами. К работе судов в качестве консультантов привлекались квалифицированные юристы. С 1252 г. к обвиняемым было разрешено применять пытки.

Расследования проводились втайне, на основании свидетельских показаний, причем имена свидетелей обвиняемому не сообщались. Задача суда состояла в том, чтобы заставить последнего раскаться в своих заблуждениях. Тех, кто явился в суд сам, сознавая собственную вину, приговаривали к церковной епитимье, раскаявшихся во время процесса – к заключению, а упорствующих – к сожжению на костре. Сжечь могли и покойного, если его вина вскрылась посмертно. Для казни осужденного передавали в руки светских властей. Часть конфискованного имущества переходила к инквизиторам, часть – к светским властям. Деятельность инквизиторов, особенно массовые расследования, вызывала протест в обществе и приводила к беспорядкам, например, в 1242 г. был убит инквизитор Петр Веронский; кроме

того, независимость этого института не очень устраивала как церковные, так и светские власти. В начале XIV в. папы стали ограничивать полномочия инквизиторов и подчинять их местным епископам; местные власти, особенно во Франции, успешно использовали их в собственных целях.

На юге Франции – в Лангедоке, Провансе и графстве Тулузском – к началу XIII в. деятельность еретиков-альбигойцев (названных по их центру г. Альби) приняла угрожающие для церкви масштабы. Альбигойцы создали ее упрощенное подобие в виде собственной организации, епископов и, по некоторым сведениям, соборов. Вступавшие в секту, которая называлась Церковью Любви, принимали духовное крещение в виде наложения рук. Истоки верований альбигойцев возводят к самым разным старинным дуалистическим течениям: манихеям, богомилам, катарам и другим. Критика разложившегося духовенства и призыв к подражанию евангельским образцам снискали поддержку как у знати, так и у простого народа; альбигойцев поддерживал, в частности, тулузский граф Раймонд VI, за потворство еретикам отлученный от церкви. В начале XIII в. борьба вступила в насильственную стадию; после убийства папского легата Петра Кастельно, вина за которое была возложена на графа Раймонда, папа Иннокентий III в 1209 г. организовал крестовый поход в Южную Францию, возглавленный легатами Святого престола и бароном Симоном де Монфором, V графом Лестером.

Со стороны альбигойцев предводителями войска выступали граф Тулузский и позднее его сюзерен и муж его сестры король Педро II Арагонский, победитель «мавров». Он погиб в битве с крестоносцами при Мюре 12 сентября 1213 г., а владения графа Раймонда были переданы Монфору. Последний также был убит при осаде Тулузы в 1218 г. Войны и осады в ходе покорения альбигойцев продолжались несколько десятилетий и отличались исключительной жестокостью; например, после взятия города Безье, принадлежавшего племяннику графа Тулузского Рожеру, были перебиты тысячи его жителей, включая женщин и детей, причем, по слухам, папский легат Арнольд велел крестоносцам избивать всех подряд, утверждая, что «Господь узнает своих». Основное участие в завоевании южных провинций принял французский король Людовик VIII (1223–1226), взявший город Авиньон. В 1229 г. был заключен договор в Мо, по которому наследник Раймонда VI его сын Раймонд VII уступал Людовику IX город Нарбонну и другие земли. В результате религиозных войн были отвергнуты притязания арагонских королей на Южную Францию и усилилось влияние в ней северофранцузских королей. Однако ересь не удалось искоренить, и жестокую борьбу с ней, тянувшуюся еще более полутора столетий, продолжили инквизиторы.

ФРАНЦИЯ КАПЕТИНГОВ

Во Франции, стране классического феодализма, происходил в это время столь же классический (с точки зрения образования исторических схем) переход к формированию единого, централизованного национального государства. Он характеризуется изменениями структуры управления и судебной и налоговой системы, борьбой королевской власти за расширение своего влияния внутри страны и присоединением новых территорий. Политика

ограничения феодальных вольностей, проводившаяся Филиппом Августом (1180–1223), продолжилась при его внуке Людовике IX (он вступил на трон в двенадцатилетнем возрасте и сначала регентшей была его мать Бланка Кастильская). Упорядочение судебной организации выразилось в учреждении верховного суда, функции которого выполнял Парижский парламент, и издании свода законов. Были запрещены частные войны и отменены судебные поединки, ограничены полномочия сеньориальных судов, решения которых стало возможным обжаловать перед королем; важнейшие уголовные дела («королевские дела») изымались из их юрисдикции. Власть короля окончательно стала передаваться по наследству, сам он рассматривался как высший представитель интересов всей страны и ее подданных, на местах его распоряжения проводили в жизнь назначаемые им чиновники.

Императорской власти Франция не повиновалась со времен раздела государства Карла Великого, хотя ее короли иногда претендовали на титул римских императоров (всегда безуспешно), а германские властители вмешивались в ее дела и выступали по сути дела конкурентами французских на европейской сцене. Правда, в XIII–XIV вв. европейская экспансия Франции сдерживалась внутренними проблемами и конфликтами с Англией.

В 1269 г. Людовик принял Прагматическую санкцию, утвердившую автономию французской церкви, а в конфликтах с римским престолом, назревших после завоевания Карлом Анжуйским от имени церкви Сицилии, поддерживал своего брата. Вместе с тем он организовал Крестовый поход в Египет, во время которого попал в плен и был освобожден за выкуп, и Крестовый поход в Тунис (1270 г.), – в ходе последнего Людовик умер от эпидемии. Впрочем, помимо благочестивых целей, эти походы имели своей задачей расширение владений Анжуйского дома – в глазах участников одно могло и не противоречить другому.

Борьба пап с императорами династии Штауфенов усилила связь понтификов с французской правящей династией, а к концу XIII в. конфликт финансовых и политических интересов привел к перерастанию этой связи в зависимость. Конфликт обострился в правление последнего выдающегося короля из рода Капетингов Филиппа IV Красивого (1285–1314). Филипп проводил активную внешнюю политику и постоянно нуждался в средствах, поэтому повышал налоги, прибегал к займам и даже к порче монеты. Камнем преткновения в отношениях между папой Бонифацием VIII (1294–1303) и королем стал как раз вопрос о доходах церкви, которые последний обложил налогом.

Папа своей буллой запретил мирянам взимать налоги с духовенства без своего особого разрешения, но во Франции эта мера не возымела действия, так как Филипп запретил вывозить из страны золото и серебро, и папа пошел на попятный. Тем не менее противостояние переросло в принципиальный спор о верховенстве властей, причем король, как и германские императоры, опирался на помощь законников-легистов, среди которых выделялись Гийом де Ногаре и Пьер Дюбуа; они настаивали на приоритете национальных (т.е. королевских) интересов над церковными.

Филипп затеял судебный процесс над епископом Памье, представителем южнофранцузского духовенства, державшего сторону Рима. В ответ на это папа, который настаивал на подведомственности духовных лиц только цер-

ковной юрисдикции, потребовал самого короля на свой суд, а в своей булле «Ausculta fili» 1301 г. провозгласил примат духовной власти над светской и призвал короля к покаянию. Филипп после этого впервые в истории страны собрал Генеральные штаты, в которых были представлены три сословия: дворянство, духовенство и горожане. Ассамблея полностью поддержала монарха, а французские духовные лица не поехали на собор, созванный Бонифацием в Риме. В 1302 г. Бонифаций издал буллу «Unam sanctam», в которой со ссылкой на Евангелие излагалась теория «двух мечей» и снова был подтвержден тезис о первенстве духовной власти над светской; в 1303 г. папа призвал подданных французской короны к неповиновению.

В конце концов в Италию был послан Гийом де Ногаре, который совершил неслыханное до того деяние: опираясь на многочисленных противников Бонифация из числа римской знати, он арестовал папу в городке Ананьи, где тот укрывался, причем по легенде последнему была нанесена пощечина дворянином Шаррой Колонна. Местные жители освободили папу, но событие имело огромный резонанс, а переживший позор Бонифаций VIII вскоре скончался. Властный и погрязший в коррупции папа не пользовался симпатией в самой Италии настолько, что Данте Алигьери поместил его в своей «Комедии» в Аду.

Следующий папа Бенедикт XI снял с французского короля церковное отлучение, а на выборах 1305 г. победил кардинал Бордоский, короновавшийся под именем Климента V (1305–1314). С этого времени начинается тесное сотрудничество папства с французскими королями, которое критики курии (Петрарка) сравнивали с Вавилонским пленом Библии. В 1309 г. Климент перенес свою резиденцию в Авиньон в Провансе, и следующие шесть пап, все французы, сохраняли там свое местопребывание (отсюда, как уже говорилось, произошел термин «Авиньонское пленение» пап). В этот момент Авиньон принадлежал неаполитанскому королю Роберту Анжуйскому (формально – вассалу церкви), а в 1348 г. папа Климент VI выкупил его у королевы Иоанны, воспользовавшись ее политическими трудностями (ее обвиняли в убийстве мужа). Пребывание пап в Авиньоне было вызвано политическими смутами в Италии и составляло выгоду прежде всего для французского престола, которому легче было оказывать влияние на глав западного христианства.

Политика самого папства принципиально не изменилась: продолжались конфликты с императорами Генрихом VII, Людвигом IV Баварскими и Карлом IV, которые все меньше с ним считались; период политического могущества Святого престола закончился. Но фискально-бюрократическая система усложнялась, сопровождаясь продажей должностей и торговлей индульгенциями. Вместе с тем проводились некоторые реформы, при папе Иоанне XXII (1316–1334) была усовершенствована финансовая система, возглавляемая казначейством (Camera Tesaularia) и ведомством по сбору налогов (Camera Apostolica), обычно отдававшимся на откуп итальянским банкирам, а также бюрократическая и судебная структуры. Система управления в папском государстве относилась к наиболее передовым и стала образцом для подражания в зарождавшихся европейских странах.

Орден тамплиеров (Иерусалимского храма) к началу XIV в. стал не столько военной, сколько финансовой организацией; он имел официальное разрешение папы на проведение денежных операций и другие льготы, и благодаря разветвленной организации и наличию филиалов во многих странах обеспечивал надежные переводы средств. Главной резиденцией Ордена стал Париж, причем в построенном рыцарями замке Тамплъ хранилась королевская казна. Филипп Красивый сильно задолжал Ордену, и это, наряду с постоянной нехваткой средств, явилось одной из главных причин организации судебного процесса, затеянного французским королем с вынужденного согласия папы.

В 1307 г. во Франции были одновременно арестованы сотни рыцарей. Позднее прошли аресты и в других странах, но нигде преследования членов Ордена не носили такой жестокости, а в некоторых местах они были оправданы. Тамплиеров обвиняли в отречении от Христа и других кощунственных обрядах, ереси и содомии. Следствие вели королевские чиновники совместно с инквизиторами, широко применялись пытки. Рыцари признавали свои преступления, но отказывались признать себя еретиками; несколько десятков из них попали на костер, в том числе в 1314 г. верхушка тамплиеров во главе с гроссмейстером Жаком де Молэ. В 1311 г. под давлением короля Вьеннский собор осудил Орден, а в 1312 папской буллой он был объявлен распущенным. Часть имущества тамплиеров во Франции досталась королю, довольно крупные суммы церковным организациям и частным лицам; официально его наследником стал Орден иоаннитов.

С середины XIV в. авиньонские папы стремятся вернуться в Италию, однако с их переездом обратно в Рим (1377 г.) консолидации не происходит, начинается церковный раскол.

Филипп IV еще при жизни своего отца, Филиппа III, женился на королеве Наваррской Жанне, что позволило присоединить к королевскому домену принадлежавшую ей область Шампань, место проведения общеевропейских ярмарок, и объединить Францию с Наваррой на основе личной унии, продолжавшейся и в царствование троих его сыновей, по очереди занимавших французский престол до 1328 г. В юго-восточной части страны Филиппу удалось подчинить себе важнейший речной порт, центр торговли и текстильной промышленности Лион на Роне и графство Франш-Конте.

На северо-востоке объектом французских притязаний была Фландрия с ее богатыми городами Брюгге, Гентом, Лиллем и другими центрами торговли и сукноделия. Фламандские ремесленники работали на поставляемой из Англии и Шотландии шерсти и в конфликте французского короля с английским стояли на стороне последнего. Как и в других средневековых городах, во Фландрии цеховые объединения вели политическую борьбу с богатейшими семьями – патрициатом, которому принадлежала реальная власть. Соперником патрициата являлся также номинальный правитель Фландрии граф Ги Дампьер; французский же король, будучи сюзереном, выступил в роли союзника городской олигархии. В 1297–1300 гг. французы заняли почти все фламандские города, а граф Фландрский попал к ним в плен. Однако жесткая налоговая политика королевских наместников, в частности Жака Шатийона, вызвала городские восстания, самое известное из которых, «Брюггская заутреня», вспыхнуло 18 мая 1302 г.

Еще до начала восстания часть горожан Брюгге, недовольная политикой французского наместника, бежала из города. Ночью 18 мая они вернулись, вырезав французских часовых. В качестве сигнала к началу восстания и одновременно «пароля» были выбраны слова «Щит и друг» («Schild en Vriend»), которые французы не могли правильно произнести по-фламандски. В ходе восстания горожане Брюгге перебили несколько тысяч французов и часть городского патрициата (по сообщению флорентийского хрониста Дж. Виллани, трупами убитых французов были усеяны «все улицы и площади Брюгге», и их не смогли вывезти за город даже за три дня). Благодаря этой победе ремесленным цехам города удалось добиться включения своих представителей в состав городского совета. Возглавившие антифранцузские действия ремесленники Петер Конинк (Peter de Coninck) и Ян Брейдель создали ополчение, выступившее навстречу рыцарской армии. Восстание за несколько дней распространилось на всю Фландрию.

В решающем сражении при Куртрэ 11 июля 1302 г. благодаря продуманной оборонительной тактике фламандская пехота одержала победу над французским войском, причем в битве погиб цвет французского рыцарства во главе с командовавшим войском родственником короля графом Робером Артуа. Это сражение вошло в историю под названием «битва золотых шпор», так как победители выставили захваченные в качестве трофеев золотые шпоры в своих церквах. Событие имело большой резонанс в силу своей уникальности, так как это была одна из первых побед пехоты, состоявшей к тому же в значительной части из ополченцев, над профессиональным конным воинством.

Однако уже через два года французской армии, возглавленной самим королем, удалось взять реванш, и по условиям заключенного в 1305 г. мира фламандцы признали верховную власть Франции, обязались выплатить ей контрибуцию и в залог передали несколько южных городов: Лилль, Дуэ и другие, которые Филипп IV впоследствии так и не вернул.

Со смертью Филиппа Красивого начинается длительный период ослабления активности французских королей. В 1314 г. на престол вступает Людовик X Сварливый, правивший всего 18 месяцев. В этот период вздохнувшая более свободно страна страдала от повсеместных мятежей и вызванных непогодой неурожаев. Испытывая нехватку финансов с момента коронации, король разрешил евреям, изгнанным при Филиппе Красивом, возвращаться во Францию при условии выплаты определенных сумм. Он предложил также сервам освобождаться за выкуп. Людовик был старшим сыном Филиппа и с 1305 г., после смерти своей матери, носил титул короля Наваррского. Его первая жена, Маргарита Наваррская, была обвинена в измене и, по слухам, задушена в тюрьме; их дочь Жанна впоследствии дала начало новой династии наваррских королей. От второй жены, Клеменции Венгерской из рода неаполитанских Валуа, у Людовика родился уже после его смерти сын, проживший всего несколько дней (Иоанн I Посмертный).

В связи с этим впервые за несколько столетий возникла ситуация, когда у короля не имелось прямого наследника мужского пола. Был созван королевский совет, запрещающий передавать власть по женской линии, и королем стал регент Франции и брат Людовика граф Пуатье Филипп V (1316–1322). Генеральные штаты подтвердили это решение. Уже позже умелые французские юристы подберут этому прецеденту юридическое обоснование в виде

ссылки на «Салический закон» франков, якобы запрещавший наследование земельных наделов женщинами. Новый король попытался приступить к некоторым реформам в унификаторском духе, что в целом не было доведено до конца. В частности, он намеревался ввести единую денежную единицу, а также монополию на чеканку монеты, выкупив при этом у крупнейших сеньоров уже отчеканенные ими денежные запасы. Филиппу пришлось считаться с дарованными ранее привилегиями для местных властей и корпораций; продолжалось восстание фламандских городов, с которыми в 1320 г. удалось заключить мир, обручив малолетнюю принцессу с фландрским графом; вспыхивали крестьянские волнения. В том же 1320 г. под предлогом готовящегося крестового похода произошла вспышка движения «пастушков», повторение стихийного выступления 70-летней давности. Пастушки из Северной Франции намеревались отправиться в Святую землю, но по дороге занялись грабежами и еврейскими погромами и в конце концов были рассеяны королевскими войсками.

Филипп V также не оставил наследников мужского пола, и королем после него стал младший сын Филиппа Красивого Карл IV (1322–1328). Он столкнулся с теми же проблемами расстройств финансовой системы, волнениями во Фландрии и избытком местных привилегий, что и его предшественники. Карл был трижды женат, но к моменту его смерти в живых у него оставалось только две дочери от третьего брака, так что согласно задецованному ранее «Салическому закону» корона должна была перейти к ближайшему родственнику по мужской линии. Таковым являлся граф Филипп Валуа, племянник Филиппа IV Красивого и двоюродный брат Карла, который был регентом при беременной вдове последнего, а когда она родила дочь, вступил на престол под именем Филиппа VI (1328–1350). Это событие ознаменовало смену династии: в 1328 г. пресеклась династия Капетингов и начался отсчет почти 300-летнего правления Валуа. Свои притязания на французскую корону заявил также внук Филиппа Красивого, английский король Эдуард III, и это стало одной из причин начавшейся вскоре Столетней войны.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Наиболее серьезные угрозы для целостности французского королевства в XIII–XIV вв. исходили из Англии. Истоки конфликта крылись в событиях второй половины XII в., когда английским королям удалось овладеть более чем половиной территории географической Франции. Генриху II (1154–1189) принадлежали по наследству Нормандия и ряд графств; благодаря браку с Алиенорой Аквитанской ему досталось герцогство Аквитания, а его сын женился на наследнице Бретани. Филипп II Август сумел воспользоваться распрями Генриха II с сыновьями и остановить расширение английских владений на континенте; борьбу с Ричардом Львиное Сердце (1189–1199) облегчили плен и затем гибель последнего. Успешнее всего Филипп Август сражался с другим сыном Генриха II, Иоанном (1199–1216), прозванным Безземельным. При выделении наследства отец не оставил ему владений в Англии, затем он утратил большинство земель во Франции.

Воспользовавшись конфликтом Иоанна с его племянником Артуром, герцогом Бретонским, Филипп в 1202 г. призвал короля на суд в Париж как своего вассала (по владениям во Франции) и вследствие неявки объявил эти территории конфискованными. В ходе начавшихся военных действий за несколько лет французы вернули себе почти все земли на материке, кроме Аквитании и Гаскони. Победа была окончательно закреплена в войне 1214 г., хотя на стороне Иоанна выступили германский император Оттон IV и графы Фландрский и Булонский. В битве при Бувине 27 июля 1214 г. войска Филиппа Августа одержали верх, и по Шинонскому миру в том же году все завоевания французов были признаны Иоанном.

Сын Филиппа Людовик в 1216 г. вторгся в Англию, заявив о своих претензиях на престол (он был женат на внучке английского короля). Его сторонникам удалось отнять у нового короля Генриха III (1216–1272) ряд территорий, в том числе Лондон. В 1217 г. они были разбиты, но, став французским королем, Людовик VIII продолжил войну и в 1224 г. занял Пуату. Генрих III безуспешно пытался вернуть себе эти земли, выходцы из которых были на первых ролях при английском дворе. При поддержке графа Тулузского он вторгся в Пуату, но потерпел поражение при Сенте в 1242 г. Война продолжалась до 1259 г., когда был заключен Парижский договор. Французской территорией были признаны отвоеванные в начале века земли: герцогство Нормандия, графства Мен, Анжу и Пуату, за англичанами осталась Гиень (или Аквитания, англичане называли эти территории Гасконью), причем Генрих III принес за нее вассальную клятву Людовику IX и согласился с его сюзеренитетом над другими феодальными владениями во Франции.

Филипп IV не мог не воспользоваться войнами англичан и шотландцев и в 1295 г. объявил войну Эдуарду I (1272–1307). Предлогом для этого послужил отказ последнего явиться на суд в качестве вассала французского короля для разбора жалоб на действия подданных английской короны. Филипп на некоторое время занял Гиень, но в данном случае прямому столкновению англичан и французов мешали военные действия первых в Шотландии и вторых во Фландрии. Сначала было заключено перемирие, затем в 1303 г. – мир. Эдуард получил обратно Гиень и женился (вторым браком) на сестре французского короля Маргарите.

В 1325 г. снова вспыхнула война между сыном Филиппа Карлом IV и сыном Эдуарда I Эдуардом II, с 1308 г. женатым на сестре Карла Изабелле. Изабелла оказалась во главе партии, намеревавшейся свергнуть ее мужа с престола. Под предлогом переговоров о мире Изабелла вместе с малолетним сыном, будущим Эдуардом III (1327–1377) приехала в Париж, а в 1326 г. коалиция противников английского короля высадилась на острове. Эдуард II был низложен и вскоре убит в тюрьме. Франции за содействие Изабелле досталась область Аженуа по обоим берегам Гаронны. Но в 1330 г. восемнадцатилетний Эдуард III отправил мать в ссылку и начал править самостоятельно. В 1337 г. он заявил о своих притязаниях на французский престол в качестве внука Филиппа IV по прямой, хотя и женской линии – с этого момента начинается отсчет Столетней войны.

Столетняя война не воспринималась – по крайней мере сначала – как конфликт двух наций; она виделась продолжением династических споров по поводу суверенитета и повод к ней основывался на феодальном праве, как в

Дьявол и женщина. Витраж. Сен-Шапель. Середина XIII в. Музей Клуни, Франция

свое время предлог для нормандского завоевания Англии. Вместе с тем, война стала важным фактором в процессе формирования новых историко-политических организмов, национальных монархий Англии и Франции, которые превратились в крупнейшие субъекты европейской и мировой политической жизни Нового времени. Существенную роль в обострении конфликта сыграли также притязания французских королей на Фландрию, связанную с Англией торгово-промышленными интересами (поставками шерсти), и английских – на Шотландию.

Первая стадия Столетней войны прошла под знаком превосходства англичан. В 1340 г. Эдуард III объявил себя французским королем и намеревался короноваться на материке, где и проходили военные действия. Они разворачивались, в основном, на северо-востоке и юго-западе Франции. В июне 1340 г. собранный Эдуардом флот одержал победу при Слейсе (Эклюзе) над французскими силами, пытавшимися блокировать пути коммуникации между Англией и Фландрией (Брюгге); французская флотилия состояла преимущественно из генуэзских и испанских кораблей. Таким образом англичане обеспечили свое господство в проливе Ла-Манш и обезопасили себя от высадки французов на острове.

В 1346 г. Эдуард высадился в Нормандии с десяти тысячной армией, значительную часть которой составляли лучники. Английская пехота 26 августа разгромила французское рыцарское ополчение при Креси. Примерно через

год англичане захватили порт Кале, оставшийся в их руках после этого на протяжении 200 лет. Война перемежалась длительными перемириями, одно из них выпадает на период эпидемии чумы, сильно опустошившей Европу. В 1350 г. Филипп VI умер, его сменил сын Иоанн II Добрый (1350–1364), которому пришлось пережить самые тяжелые поражения, в том числе в битве при Пуатье 19 сентября 1356 г., когда примерно повторилась ситуация Креси. Французский король оказался в плену, где впоследствии и умер (он приехал во Францию для сбора выкупа, но затем вернулся в Англию, чтобы заменить оставшегося в заложниках и бежавшего оттуда младшего сына Людовика Анжуйского).

Оставшийся у власти дофин Карл (будущий Карл V, 1364–1380), пытаясь собрать новые средства, вступил в конфликт со своими подданными; созданные в 1357 г. Генеральные штаты попытались ограничить его власть, в Париже вспыхнуло восстание во главе с купцом Этьеном Марселем. Одновременно на близлежащих территориях начались широкомасштабные выступления крестьян против сеньоров, известные под названием Жакерии. Организованные силы восставших были разбиты королем Наваррским Карлом Злым, который выступал в качестве соперника дофина и заключил союз с англичанами и Э. Марселем. Дофин пошел на некоторые уступки, и ему удалось вернуться (после гибели Марселя) в Париж.

В 1359 г. Эдуард III попытался безуспешно взять Реймс, чтобы по традиции французских королей короноваться в его соборе, и подошел к Парижу. Обе стороны проявили готовность заключить мирный договор, который и был подписан в Бретиньи и утвержден в Кале в конце 1360 г. Он оказался крайне тяжелым для Франции, утратившей около трети своих территорий и принужденной выплачивать контрибуцию в 3 млн экю; англичане в ответ отказались от притязаний на французскую корону и на Нормандию.

БРИТАНИЯ В XIII–XIV вв.

Внутреннее развитие Англии в XIII–XIV вв. говорит о тех же тенденциях, которые действовали на остальной территории Западной Европы, и ближе всего напоминает перемены, происходившие во Франции, сопредельной и исторически очень тесно связанной с ней в этот период стране. Становление централизованной королевской власти с ее судебной и административной системой протекало в конфликтах с сословиями, прежде всего баронами, и внешними силами, папством и империей, в той или иной мере оказывавшими свое влияние и в эпоху развитого Средневековья. В англо-французском противостоянии папы поддерживали французов, а императоры чаще выступали союзниками английских королей.

Прения с церковью, начавшиеся еще при Генрихе II, который пытался урезать ее права в свою пользу, продолжились при его сыне Иоанне Безземельном в связи с выборами архиепископа Кентерберийского в 1205 г. Иоанн не признал кандидата, избранного папой, и тот наложил на Англию интердикт, а затем отлучил короля от церкви. Поскольку Иоанн испортил к этому времени отношения почти со всеми подданными, с которыми он обращался довольно бесцеремонно, король оказался в тупике и в 1213 г. был вынуж-

дальнейшим формированием и правовым оформлением политической структуры страны, основанной на компромиссном уравнивании интересов центральной власти и граждан (в первую очередь знати). Внешние неудачи привели к принятию Генрихом в 1258 г. «Оксфордских провизий», навязанных баронами, собравшимися на так называемый «бешеный парламент».

Согласно «Оксфордским провизиям», король должен был удалить от двора своих гасконских фаворитов и согласовывать свои действия с постоянным советом и периодически созываемым парламентом, состоявшими из небольшого числа баронов. Поскольку с согласия папы Климента IV и французского короля Людовика IX, выступавшего в роли третейского судьи, Генрих отказался соблюдать «Оксфордские провизии», бароны во главе с зятем короля (мужем сестры) Симоном де Монфором, VI графом Лестером, начали против него военные действия. Король потерпел поражение в битве при Льюисе в 1264 г. и вместе с сыном Эдуардом попал в плен. Монфор вступил в Лондон, был объявлен протектором и для укрепления

своих позиций созвал в январе 1265 г. расширенный парламент, в работе которого кроме баронов-лордов впервые приняли участие представители «общин» – рыцарей и городов. Бежавший из плена Эдуард разбил войско оппозиции в сражении при Ившеме 4 августа 1265 г., в котором Монфор погиб. После этого бразды правления постепенно переходят в руки принца Эдуарда.

В последние годы царствования Генриха III Эдуард находился в VIII Крестовом походе и короновался под именем Эдуарда I лишь по возвращении в Англию в 1274 г. В его правление были приняты важные законодательные распоряжения: расширены полномочия королевских чиновников, учреждены мировые суды, ограничено церковное землевладение. В 1295 г. был принят закон об участии в заседаниях парламента представителей рыцарства – по

Великая хартия вольностей. XIII в. Британский музей. Лондон

ден принять условия Иннокентия III: признать его кандидата Лэнгтона архиепископом, а себя – вассалом папы (такое положение сохранялось до конца XIV в.). Баронам король вынужден был дать обещание соблюдать старые законы, восходящие еще к Эдуарду Исповеднику.

«Великая хартия вольностей»

15 июня 1215 г. английский король Иоанн Безземельный подписал на лугу Раннимед близ Лондона (между Виндзором и Стейнсом) документ, который вошел в историю под названием «Великая хартия вольностей» (*Magna Carta Libertatum*). Так был положен конец продолжительному противостоянию между королем и баронами; на стороне последних выступали также представители церкви, рыцарей и горожан. Впоследствии грамота пять раз переиздавалась (с изменениями) еще до 1300 г. при преемниках Иоанна королях Генрихе III и Эдуарде I (1216, 1217, 1225, 1297). Королевская канцелярия каждый раз рассылала копии во все графства королевства. Основные изменения были внесены уже в 1217 г. и окончательно закреплены в версии 1225 г. Оригинал, подписанный Иоанном, не сохранился, но существуют четыре копии грамоты 1215 г., одна – 1216 г. и по четыре – 1217, 1225 и 1297 гг. Известны также подтверждения XIV в., но затем грамота была забыта. В правление Елизаветы I значительный интерес к грамоте проявили правоведы и антиквары, но большее значение она приобрела во время бурных событий середины XVII в., когда парламент пытался использовать ее для обоснования своего права контролировать действия короля.

Документ написан на латинском языке и скреплен печатью. Исследователи выделяют в нем преамбулу и 63 статьи. Грамота закрепляет определенные права всего свободного населения страны: свобода от незаконного ареста (никто не может быть подвергнут аресту и лишению имущества иначе как по приговору равных по статусу – «пэров») и ограничение размеров взимаемых штрафов. Но прежде всего она отражает интересы баронов: закреплены размеры «рельефа», урегулирована опека над несовершеннолетними, положение вдов. Были также подтверждены права церкви на свободный выбор своих должностных лиц. Три статьи затрагивают непосредственно интересы горожан: привилегии города Лондона, единство мер и весов, свобода въезда и выезда из Англии в мирное время. Но самое главное, именно эта грамота стала важным этапом на пути к появлению английского парламента, так как в ней было заложено правило, что любое вспомоществование королю (кроме трех случаев – возведение в рыцари старшего сына, выдача замуж старшей дочери, выкуп из плена) может быть пожаловано только с согласия общины всего королевства. Против Хартии выступил Иннокентий III, который посчитал ее самовольное принятие нарушением его прав как верховного сюзерена Англии. Продолжившаяся борьба, в ходе которой противники короля поддержали вторгшегося на остров сына Филиппа Августа Людовика, затихла со смертью в 1216 г. Иоанна Безземельного и Иннокентия III.

Длительное правление Генриха III, вступившего на трон в девятилетнем возрасте, началось с подтверждения им и его советниками Великой хартии. Самостоятельная политика Генриха, освободившегося от опекунов в 1227 г., состояла в попытках вернуть утраченные при отце французские земли и в войнах с баронами, противостоя которым он стремился опереться на поддержку пап. Как и в предыдущее царствование, эти события сопровождались

двое от каждого графства, и городов – по двое от города. Король рассчитывал на поддержку с их стороны в противовес знати, но в вопросах о налогах, которые Эдуард постоянно завышал, нуждаясь в средствах для ведения войн, сословия иногда объединялись. Так, в 1297 г. под давлением парламента король был вынужден подтвердить положения Великой хартии вольностей, ограничивавшие произвол в налогообложении. Примерно в это же время разгорелся конфликт вокруг владений английской короны во Франции, однако король не мог вести там активные военные действия в связи с неспокойной ситуацией на самих Британских островах. В последние десятилетия XIII в. он вел войну с валлийцами по главе с принцем Ллевелином, погибшим в 1282 г.

В 1284 г. Уэльс, до этого формально признававший сюзеренитет английского короля, вошел в состав его владений и был поделен на графства, а с 1301 г. наследник английского престола стал носить титул принца Уэльского. С 1290 г. началось вмешательство Эдуарда в шотландские споры о престолонаследии в связи со смертью последней представительницы династии Данкельдов Маргариты. Намереваясь установить свое полное господство в Шотландии, английский король поддерживал то одного, то другого из претендентов. Жестокие меры, применявшиеся англичанами к непокорным шотландцам, вызвали восстание, возглавленное рыцарем Уильямом Уоллесом («Храброе Сердце»), который делал набеги со своими отрядами на территорию самой Англии. В 1305 г. Уоллес был разбит и подвергся мучительной казни в Лондоне (его образ воплощен во многих шотландских легендах).

В 1306 г. Роберт Брюс (1306–1329) провозгласил себя шотландским королем. Англичанам, опираясь на помощь противников Брюса внутри страны, удалось изгнать его с территории страны, но в последующие годы Роберт I отвоевал Шотландию и даже вел военные действия в Англии и Ирландии, формально принадлежавшей англичанам. Решающее сражение с армией Эдуарда II при Баннокберне в 1314 г. обеспечило шотландцам независимость, заявленную в 1320 г. обращением шотландского духовенства и баронов к папе римскому. Предпринятый англичанами в 1327 г. новый поход окончился неудачей, и заключенный в 1328 г. Нортгемптонский договор подтвердил суверенитет Шотландии и права Брюсов на ее корону (они правили до 1371 г., при этом борьба с англичанами и с другими претендентами на престол почти постоянно продолжалась).

Царствование Эдуарда II, отмеченное военными неудачами, прошло в войнах с баронами и закончилось восстанием и отречением короля. В правление Эдуарда III значение парламента еще более возросло: он стал созываться чаще, контролировал финансовую политику и назначение министров. В 1341 г. парламент разделился на две палаты: верхняя палата, состоящая из наследственных пэров и глав церкви, выполняла функции верховного суда, выборная палата общин получила законодательные функции. В этот период закладываются основы национального самосознания, английский язык начинает вытеснять в официальных документах использовавшийся до этого французский. Палата общин возмущается огромными поборами, взимаемыми в Англии в пользу авиньонских пап, она принимает решения, направленные против покровительствуемых папами итальянцев и французов;

с 1333 г. прекращается выплата ленного взноса папе. (На патриотической волне Эдуард III отказывается возвращать итальянцам долги, что приводит к краху флорентийских банков.)

СКАНДИНАВИЯ И СТРАНЫ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

К началу XIII в. почти вся территория Европы была христианизирована и вошла в состав католического или православного миров; события XIII–XIV вв. на ее окраинах тесно связаны с общеевропейскими (борьба пап и императоров, крестовые походы и колонизация) и во многом напоминают то, что происходило в западных странах: рост и борьбу городов за независимость, сословные трения, конфликты между набирающей силу королевской властью и крупными феодалами. В этот период взаимодействие западной и северо-восточной частей Европы во многом определялось переселением немецких колонистов на новые земли, особенно в города. Западные историки впоследствии часто представляли это движение, в частности, как привитие на слабо цивилизованной почве более высокой формы религии – христианства и более передовой организации социума и власти. Перенесение культурных стереотипов, безусловно, сопровождало процесс западной экспансии, но скорее как побочный продукт действий его основных предполагаемых проводников. Папство, императоры, короли и тем более местная знать, патрициат и местное духовенство руководствовались в первую очередь собственными интересами и вступали в трения друг с другом.

Короли скандинавских государств, будучи выборными правителями, вели борьбу с верхушкой знати и епископами, и в случае успеха могли проводить активную внешнюю политику. В Норвегии при короле Хоконе IV (1217–1263) был принят закон о престолонаследии (1257) и завершено подчинение Исландии и Гренландии (1262 г.). Его сын Магнус VI (1263–1280), «Исправитель законов», закрепил наследственную власть, обнародовав новое уложение, основанное на старинных правовых институтах. В Швеции соперничество местных конунгов завершилось в середине XIII в. приходом к власти рода Фолькунгов в лице короля Вальдемара (1250–1275) и его отца и фактического правителя ярла Биргера. При них и их преемниках произошло присоединение Финляндии и совершались походы в Карелию. В результате семейных распрей трон в 1319 г. перешел к трехлетнему Магнусу Эрикссону (изгнан в 1363 г.), который тогда же унаследовал власть в Норвегии, и между двумя странами установилась личная уния. Магнусу удалось на некоторое время отвоевать южные провинции Швеции у датчан, которые контролировали торговлю в Балтийском море, владея обоими берегами пролива Зунд (Эресунн).

Дания в конце XII в. считалась леном германского императора, но в начале XIII в., при короле Вальдемаре II (1202–1241) сумела присоединить с согласия Фридриха II ряд немецких городов на восточном берегу Эльбы, с трудом вернувших себе позднее независимость. В дальнейшем датским королям приходилось всерьез считаться с политическим влиянием Любека, Гамбурга и других немецких ганзейских городов, сосредоточивших в своих

руках морскую торговлю. Преемникам Вальдемара пришлось также столкнуться с высшим духовенством, стремившимся освободиться от выплат в казну, и с знатью, желавшей сделать наследственными свои ленные владения и отстоять привилегии.

При вступлении на престол датские короли должны были принимать так называемые капитуляции, подтверждавшие действие старых законов и права свободных людей собираться на сейм, апеллировать в высшие судебные инстанции, а фактически усиливавшие позиции знати. Сословие свободных крестьян, составлявшее в Дании, как и в других Скандинавских странах, большинство, в XIII–XIV вв. резко сократилось. В ходе смут короли гибли (Эрик V), изгонялись из страны (Христофор II), были вынуждены закладывать земли могущественным немецким феодалам и голштинским графам. После смерти Христофора II в 1332 г. Дания оказалась расчлененной и фактически обезглавленной, и снова объединить ее удалось только его сыну Вальдемару IV Аттердагу (1340–1375).

Духовенство в окраинных странах Европы стало очень влиятельной силой, которая в ходе местной борьбы за власть зачастую защищала не столько интересы римского престола, сколько свои собственные. Это положение с оговорками применимо даже к такому немецко-европейскому «проекту», как перевод в Пруссию Тевтонского ордена. Основанный в конце XII в. духовно-рыцарский орден был приглашен сначала венгерским королем в Трансильванию, а в 1225 г. одним из польских князей Конрадом Мазовецким в Пруссию для войны с местными языческими племенами. Рыцари стали строить на покоренных землях замки и основывать города, в том числе Торн (Торунь), Кёнигсберг (Крулевец) и Мариенбург (Мальборк), который с 1309 г. стал главной резиденцией гроссмейстера. В 1308 г. был захвачен Данциг (Гданьск).

В 1237 г. с Тевтонским орденом слился основанный рижским епископом Орден Меченосцев, с этого времени называвшийся Ливонским. Таким образом, юго-восточные прибалтийские земли стали объектом экспансии, в которой кроме орденов участвовали местные епископы, назначавшиеся с их согласия и делившие с ними завоеванные территории, а также дворянство и государи Центральной Европы, прежде всего немецкие. Общее покровительство католической христианизации края оказывал папа. Иногда рыцари заключали союзы с литовскими, польскими и русскими князьями, но чаще между ними вспыхивали столкновения. Рыцарские государства с их своеобразной структурой (деление на кастовые группы, коллективно-иерархическое управление) просуществовали до XVI в. Их опорой служили города, населенные немецкими переселенцами и управляемые согласно «немецкому праву». Города имели собственный суд, сами собирали налоги, выплаты центральным властям подвергались регламентации.

Подобный же статус получали польские города, так как польские князья и короли поощряли их развитие и содействовали переселению немцев; в деревне также внедрялось немецкое право, согласно которому колонисты наделялись наследственными правами на землю и льготами. В XIII–XIV вв. в Польше, как и в большинстве европейских стран, шел процесс объединения отдельных княжеств в общее государство. Значительного успеха добился великопольский князь Пршемыслав II, провозглашенный королем (1294–1295). Его преемникам, Владиславу Локетку (1320–1333) и Казимиру III (1333 –

1370), пришлось вести борьбу с маркграфством Бранденбургским, Тевтонским орденом, литовскими князьями и чешскими королями, а также внутри страны – с немецким патрициатом в городах.

ДУХОВНЫЙ МИР ЕВРОПЕЙЦЕВ: СТАРОЕ И НОВОЕ

В XIII–XIV вв. Европа испытала два сильнейших «стихийных» бедствия: нашествие татаро-монголов в середине XIII и эпидемию «Черной смерти» в середине XIV в. Оба события воспринимались современниками в контексте приближающегося конца света, когда бог посылает наказания, чтобы люди покаяться и приготовились к переходу в иной мир. Во второй половине XIII и в середине XIV в. наблюдаются всплески движения флагеллантов («бичующихся»). Оно зарождалось в Северной Италии и затем распространялось на близлежащие части континентальной Европы. Процессии флагеллантов переходили из одного населенного пункта в другой, устраивая богослужения в церквах и сопровождая дважды в день молебны самобичеванием. Это движение представляло собой одну из форм разрешения социального напряжения, которые варьировали от полустихийных религиозных инициатив (учреждение общины францисканцев) до ересей и отрицания институтов средневекового общества.

Крайние формы миллениаризма приводили к таким попыткам приблизить царство Божье, как движение апостоликов в Северной Италии, закончившееся вооруженной борьбой и казнью главы последнего, фра Дольчино (1307 г.). Эпидемия чумы вызвала также волну еврейских погромов, прежде всего в Германии, поскольку евреев обвинили в отравлении колодцев. Духовные и светские власти пытались противостоять стихийным выступлениям; в частности, папа Климент VI причислил в 1349 г. движение флагеллантов к ересям. Вообще для средневекового сознания характерно было делать акцент на искупительном, оздоравливающем эффекте бедствий; их целью – а средневековые люди во всех событиях подразумевали высшую целесообразность – являлось исправление земного мира. Сам этот мир понимался средневековыми европейцами как иерархически устроенный; на географических картах в центре ойкумены изображался священный град Иерусалим, а ее окраины населялись полумифическими народами, земное пространство обретало трансцендентные очертания.

Вместе с тем, именно в XIII–XIV вв. начинают вырабатываться иные этногеографические представления, связанные с военной, торговой и идеологической экспансией европейцев. Крестовые походы, путешествия миссионеров и купцов, таких как добравшийся до Китая Марко Поло, начавшиеся в это время плаванья за Геркулесовы Столбы привели не только к новым знаниям, связям и приобретениям, но и к изменению самосознания. Универсальные структуры прошлого – Церковь и Империя – начинают заменяться новыми объединениями по территориально-национальному принципу, королевствами. Однако снова разделившуюся на нации Европу связывает отныне зарождающееся и крепнущее в эпоху Возрождения понимание иной общности – цивилизационно-культурной. Ростки «европеизма» еще не нача-

ли пробиваться, а осознание европейского, даже западноевропейского превосходства сначала на конфессиональной основе, а позднее на основе идеи прогресса обретает почву. Европа получает особый статус как средоточие передового опыта человечества, «цивилизации»; образа жизни, диктуемого развитием науки и технологии, и эти особые права становятся одной из причин мировых конфликтов вплоть до нашего времени.

В эпоху развитого Средневековья, его «предзакатного расцвета», Европа была местом, где отдельный человек начинал осознавать свою ценность не только благодаря включенности в родовой и корпоративный коллектив и не только как носитель бессмертного духовного начала, но и как данная личность, занимающая свое собственное место в истории и обладающая правом выбора. Конечно, в более отчетливом и осознанном виде это проявляется позднее, вместе с идеями Возрождения, Реформации и Просвещения. Однако современному читателю истории–европейцу эта эпоха представляется, с одной стороны, яркой и насыщенной драматическими событиями, характерами, идеями и образами, а с другой – довольно близкой, родственной и относительно понятной.

РУСЬ В XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

РУСЬ ДО И ПОСЛЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

К началу XIII столетия на Руси существовало двенадцать фактически самостоятельных крупных политических образований, именовавшихся «землями». В большинстве из них – Волынской и Галицкой, Муромской и Пинской, Полоцкой и Рязанской, Смоленской, Суздальской и Черниговской землях – правили определенные ветви древнерусского княжеского рода Рюриковичей. Земли включали в себя «волости» – территориальные единицы со стольными городами; княжеские столы (престолы) в волостях внутри каждой из земель распределялись между представителями правящей в земле ветви. Исключение составляли три земли – Киевская, Новгородская и Переяславская. Киев сохранял номинальный статус столицы всей Руси, и за княжение в нем шла конкурентная борьба между князьями разных земель. При этом в пределах Киевской земли существовали так называемые «части» – владения, выделяемые киевским князем сильнейшим князьям, представлявшим другие княжеские ветви. На Переяславское княжество в начале XIII в. также претендовали князья разных ветвей, но в отличие от Киевского, оно к этому времени утратило былое значение. Что касается Новгородской земли, то здесь местное боярство в XII столетии присвоило себе право приглашать князей по своему усмотрению, в результате чего ни одному из княжеских родов в Новгороде закрепиться не удалось. В начале XIII в., после пресечения местной ветви в Галицкой земле, объектом борьбы князей разных ветвей рода Рюриковичей стал также Галич. Сильнейшими землями на Руси в начале XIII в. были Черниговская, Смоленская, Суздальская (столицей ее стал с середины XII в. Владимир-на-Клязьме, но земля именовалась по прежней столице – Суздалю) и Волынская. Именно их князья – соответственно Ольговичи (Чернигов), Ростиславичи (Смоленск), а также потомки Юрия Долгорукого (Суздальская земля) и Изяслава Мстиславича (Волынь) – вели в первой трети XIII в. борьбу за «общерусские» столы – киевский, новгородский и галицкий.

Для социального строя раннесредневековой Руси было свойственно господствующее положение в обществе корпорации военно-служилой знати во главе с князем – «дружины». Члены дружины получали доход от системы государственных податей, возлагавшихся на «людей» – рядовое лично свободное население: в первую очередь, даней (поземельных податей) и судебных штрафов (вир и продаж). Существовали у дружинников, в первую очередь у верхнего слоя дружины, бояр, и собственные земельные владения, но они играли второстепенную роль в сравнении с системой так называемого «государственного феодализма». Со второй половины XII в. начался процесс смены дружины княжеским «двором». Это понятие имело два значения. С одной стороны, так назывались все княжеские служилые люди, включая бояр, с

другой – только те, кто постоянно находился при князе. Эта категория, nasledovavshaya «молодшей дружине» предшествовавшего периода, называлась *дворянами* (т.е. членами княжеского двора) или *слугами*.

Первое столкновение русских князей с силами Монгольской империи, покорившей в первой четверти XIII в. Южную Сибирь, Северный Китай, Тибет, Среднюю Азию и Иран, произошло в 1223 г., когда крупный монгольский отряд из войск Чингисхана, действовавших в Средней Азии, обогнул с юга Каспийское море, разгромил государства Закавказья и северокавказских аланов, вышел в степи Приазовья и нанес поражение половцам. Половцы обратились за помощью к русским князьям, и те откликнулись на этот призыв. Был организован крупный поход в степь войск многих князей во главе с главными князьями Южной Руси киевским Мстиславом Романовичем, черниговским Мстиславом Святославичем и галицким Мстиславом Мстиславичем. Но когда дело дошло до битвы, организованность сменилась разобщенностью, результатом чего стал разгром русских войск и союзных им половцев 31 мая 1223 г. на р. Калке. Киевский и черниговский князья погибли. Монгольские войска, преследуя отступавших, достигли пределов Южной Руси и разорили один город, но затем повернули в степи и ушли на восток, за Волгу; масштабное вторжение на Русь в их планы тогда не входило.

В последующие годы монголы завершили завоевание Средней Азии и Западного Ирана, поставили под свой контроль степи к востоку от Волги. В 1235 г. на курултае (съезде) потомков Чингисхана было принято решение о походе на Запад, на завоевание Европы. Во главе соединенного войска был поставлен Бату (в русских источниках Батый), внук Чингисхана (сын его также уже умершего к тому времени старшего сына Джучи).

Первой жертвой завоевателей стало мусульманское государство Среднего Поволжья Волжская Булгария – она подверглась разгрому в 1236 г. В конце 1237 г. войско Батыя подошло к границам Руси. Первый удар монголов пришелся на северо-восточные русские земли. Сначала пало Рязанское княжество, в начале 1238 г. Батый вторгся в Суздальскую землю, где встретил наиболее упорное за все время завоевания Руси сопротивление. Под Коломной (еще в рязанских пределах) монголы в ожесточенном сражении взяли верх над войском во главе со Всеволодом, сыном владимирского князя Юрия Всеволодовича. Отчаянно сопротивлялись оказавшаяся затем на пути завоевателей Москва и столица княжества – Владимир. К началу марта 1238 г. монголы разорили большую часть территории Суздальской земли, взяв 14 городов. Юрий Всеволодович, пытавшийся собрать войска для отпора монголам, погиб в бою с одним из вражеских отрядов на реке Сить. Войска Батыя вторглись в пределы Новгородской земли, захватили после двухнедельной осады Торжок, форпост на ее юго-восточных границах, но на сам Новгород не пошли, а повернули обратно в степь, разорив по пути часть территорий Смоленщины и Черниговщины (в последней прославился семинедельной обороной г. Козельск).

Осенью 1239 г. отряды монголов захватили главные города Левобережья Днепра, столицы земель – Переяславль и Чернигов, а также опустошили восточные пределы Суздальской земли, не затронутые во время рейда Батыя. А осенью 1240 г. Батый начал свой главный поход – через Южную Русь в Центральную Европу. Первым пал после двухмесячной обороны Киев, затем

Русь в XII – первой половине XIII в. Татаро-монгольское нашествие

подверглась разгрому Волыно-Галицкая Русь. После этого в 1241 – начале 1242 г. монгольские орды огнем и мечом прошли по Польше, Венгрии и Хорватии. Но силы их были истощены, и после получения известия о смерти в Монголии великого хана Угедея, сына Чингисхана, Батый повернул назад.

В отличие от 1223 г., когда князья Южной Руси сумели организовать соединенный поход против монголов, в 1237–1240 гг. со стороны русских правителей не возникло даже попытки скоординировать свои действия, причиной чему послужила затяжная междоусобная война за Киев и Галич, развернувшаяся в 30-е годы. Она продолжалась и тогда, когда Батый разорял Северо-Восточную Русь, более того – даже после падения Переяславля и Чернигова. В результате сильнее южнорусские князья того времени Ми-

хаил Всеволодович Черниговский (княживший накануне нашествия в Киеве) и Даниил Романович, владевший Воынью и Галичем, бежали из своих земель, не попытавшись организовать сопротивление захватчикам.

По завершении своего похода Батый обосновался на Нижней Волге. Здесь расположился центр нового государства, простиравшегося в степях Евразии от Нижнего Дуная до Иртыша. Оно получило название улус Джучи (по имени отца Батыя), или Орда. (Традиционное в исторической литературе название «Золотая Орда» появляется в источниках только в XVI в., когда улуса Джучи уже не существовало; в русских источниках XII–XV вв. это образование именовалось «Ордой» без какого-либо определения.) Столицей новой державы стал основанный Батыем город Сарай в низовьях Волги. Поначалу Орда входила составной частью в Монгольскую империю со столицей в Каракоруме во внутренней Монголии, но с 60-х годов XIII в. стала полностью независимым государством.

По праву завоевания монгольские ханы стали требовать от русских князей приезда в Орду с изъявлением признания зависимости. Правители русских земель подчинились этим требованиям – в середине 40-х годов они (в том числе самые влиятельные – Ярослав Всеволодович, ставший после гибели брата Юрия в 1238 г. великим князем Владимирским, Даниил Романович и Михаил Всеволодович Черниговский) приехали к Батыю и признали его власть. В отличие от большинства покоренных монголами стран Русь не вошла непосредственно во владения Чингизидов, местные правители сохранили свои владения. Зависимость выражалась, во-первых, в утверждении ханами князей на их престолах путем выдачи грамот (ярлыков) на княжение, во-вторых, в выплате дани (выхода), в-третьих, в обязанности оказывать монголам военную помощь.

Сами завоеватели называли себя *монголами*, но в Европе, в том числе на Руси, за многоэтничным населением Орды закрепилось название *татары*, восходившее к наименованию одного из монголоязычных племен, которое было перенесено (вначале китайцами) на остальные монгольские племена.

На монгольских правителей (сначала – на великого хана, потом на хана Орды) распространился титул *цесарь/царь*, которым обозначали в древнерусском языке правителя высшего (императорского) ранга. Ранее на Руси так называли только императоров Византии и Священной Римской империи. Таким образом, правитель Орды, носил, по представлениям того времени, титул более высокий, чем кто-либо из русских князей. Его верховная власть над Русью приобрела в силу этого некое подобие легитимности.

РУССКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XIV в.

Судьбы русских земель после нашествия претерпели существенное изменение. *Киевская земля* после нашествия утратила свое бывшее значение. Власть над Киевом была передана в 1243 г. монголами владимирскому великому князю Ярославу Всеволодовичу, а после его смерти – его сыну, новгородскому князю Александру Невскому (1249 г.). Но Александр не отправился княжить в Киев, а предпочел объединить под своей властью Новгородское

и Владимирское княжения (в 1252 г.). Таким образом, князь, признанный Ордой «старейшим» на всей Руси, избрал в качестве своей столицы не Киев, а Владимир. До начала 90-х годов XIII в. киевскими князьями считались приемники Александра Невского на владимирском столе. В 80-е годы Киев вошел в сферу влияния Ногая, правителя западной части Орды (от Дуная до Днепра), ставшего практически независимым от ханов, правивших в столице Орды Сарае на Волге. В 90-е годы XIII в., с начала борьбы Ногая с сарайским ханом Тохтой в Киеве по воле соперничавших ордынских предводителей начали княжить незначительные южнорусские князья. Таким образом, Киев перестал входить во владения князя, признаваемого главным на Руси.

В конце XIII в. Киев утратил и роль резиденции митрополита всея Руси: в 1299 г. митрополит Максим ушел во Владимир. Тем самым Киев лишился последнего атрибута номинальной общерусской столицы. В 20-е годы XIV в. Киевская земля попала в зависимость от Великого княжества Литовского, а в начале 60-х годов окончательно вошла в его состав.

В *Черниговской земле* во второй половине XIII в. усиливается политическая раздробленность, формируется большое количество княжеств под управлением разных ветвей местной династии Ольговичей. В середине XIII в. сильнейшим в земле становится Брянское княжество, чьи князья одновременно являлись и князьями черниговскими. Но в середине 90-х годов того же века Брянское княжество перешло (видимо, по воле хана Орды Тохты) в состав владений смоленских князей. В результате возможная объединяющая роль Брянска на Юго-Востоке Руси осталась нереализованной. Титул черниговского князя, главного князя земли, к XIV в. превращается в значительной мере в номинальный. Еще в XIII в. начались набеги на Черниговскую землю Литвы (где в середине этого столетия сформировалось сильное государство), а в 60–70-е годы XIV в. большая часть Черниговской земли оказалась подчинена великим князем Литовским Ольгердом. Лишь северо-восточные, верхнеокские (так называемые «верховские») ее княжества сохранили самостоятельность.

В Юго-Западной Руси к 40-м годам XVIII в. победу в борьбе за Галич одерживают волынские князья. В результате объединения *Волынской* и *Галицкой* земель под властью Даниила Романовича и его брата Василька здесь сформировалось сильное государство – *Галицкая Русь*, сумевшее избежать значительного территориального дробления. Признав в 1245 г. власть Батыя, впоследствии Даниил вышел из повиновения и в 50-е годы успешно противостоял ордынскому натиску. Рассчитывая на помощь католической Европы против Орды, в 1253 г. он принял от римского папы королевскую корону. Но в конце 50-х годов галицкому князю все-таки пришлось под давлением превосходящих воинских сил признать зависимость от ордынского хана (преемника Батыя Берке).

Потомки Даниила Романовича по мужской линии княжили в Галицко-Волынской земле до 1323 г., а по женской – до 1340 г. В первой половине XIV в. усилилось давление на Юго-Западную Русь со стороны соседних государств – Литвы, Польши и Венгрии. В 1352 г. после продолжительной борьбы Галицкая земля отошла к Польскому королевству, а Волынь – к Великому княжеству Литовскому.

В *Смоленской земле* удельные княжества не закрепились за определенными княжескими линиями, как это произошло в Черниговщине. Тем не менее политическое значение Смоленского княжества в середине XIII–XIV в. уменьшалось. Уже во второй половине XIII в. смоленские князья признавали политическое верховенство великих князей Владимирских, а в 30-е годы XIV в. стали вассалами великих князей Литовских. В середине и второй половине XIV столетия литовские и владимирские великие князья (из московского дома) вели борьбу за влияние на Смоленск. Смоленские князья вынуждены были лавировать между этими силами. В конце концов в 1395 г. великий князь Литовский Витовт захватил Смоленск. В 1401 г. власть местных князей была здесь восстановлена, но ненадолго – уже через три года, в 1404 г., Витовт вновь занял Смоленск и окончательно включил Смоленскую землю в состав Литовского государства.

Территория Переяславского княжества после Батыева нашествия перешла под непосредственное управление Орды, а в 60-е годы XIV в., как и Черниговская земля, была присоединена к Великому княжеству Литовскому.

Полоцкая земля уже накануне Батыева нашествия была значительно ослаблена в результате натиска Литвы и немецких крестоносцев, обосновавшихся с начала XIII в. в Прибалтике. Окончательно она вошла в состав Великого княжества Литовского в конце XIII – начале XIV в. Тогда же попала под литовскую власть слабая Пинская земля.

В *Новгородской земле* во второй половине XIII–XIV в. окончательно складывается строй «боярской республики». При этом, если в домонгольскую эпоху местное боярство приглашало к себе князей из разных земель, то к середине XIII столетия сложилась иная система: Новгород признавал своим сюзереном великого князя Владимирского, т.е. верховного правителя Северо-Восточной Руси. Политическая система Новгородской земли не предполагала каких-либо общерусских объединительных тенденций, стремления к первенству среди русских земель. Признание вассалитета по отношению к великим князьям Владимирским давало возможность избегать непосредственных контактов с Ордой (они перелagались на князей-сюзеренов) и в то же время привлекать военные силы Северо-Восточной Руси к обороне западных рубежей Новгородской земли от Ливонского ордена, Швеции и Литвы. Управление городом и Новгородской землей в целом осуществлялось выбиравшимися из числа бояр местными магистратами – посадником и тысяцким, значительную роль играл и глава новгородской церкви архиепископ. Наиболее важные вопросы решались на вече – собрании полноправных горожан.

Натиск на западные рубежи Новгородской земли особенно усилился на рубеже 30–40-х годов XIII в., одновременно с монгольским нашествием на Русь. Тогда последовали попытки сначала шведов, а затем рыцарей Ливонского ордена захватить часть новгородских территорий (соответственно течение реки Невы и Псков с окрестностями). Эти поползновения встретили решительный отпор, которым руководил князь Александр Ярославич, сын тогдашнего владимирского великого князя Ярослава Всеволодовича. В 1240 г. молодой князь нанес поражение шведам на Неве (отсюда позднейшее прозвище Александра – Невский), а в 1242 г. крестоносцам на Чудском озере.

«Златые врата» Рождественского собора в Суздале. Начало XIII в.

К XIV в. фактическую независимость от Новгорода приобрела *Псковская земля*, где сложилась сходная с новгородской республиканская форма правления. При этом псковичи в течение XIV в. признавали сюзеренами то владимирских, то литовских великих князей.

Рязанская земля сумела сохранить относительную самостоятельность, хотя с конца XIV столетия ее князья стали признавать политическое старейшинство князей московских. Соседняя с Рязанской небольшая Муромская

земля самостоятельной роли не играла, а в конце XIV в. перешла под непосредственную власть Москвы. Для *Суздальской земли* в период после Батыева нашествия характерно относительно «менее неблагоприятное» развитие, чем для других русских земель. Именно здесь в XIV в. начинается процесс объединения русских земель в новое единое государство, центром которого стала Москва. Этому способствовал ряд факторов.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ

В отличие от черниговских, смоленских и волынских князей князья Северо-Восточной Руси почти не участвовали в разорительной междоусобной войне, полыхавшей в Южной Руси накануне Батыева нашествия, в 30-е годы XIII в. К середине столетия князьям суздальской ветви удалось установить контроль над новгородским княжением. Новгород оказывался более выгодным из «общерусских» (не закрепленных в домонгольскую эпоху за какой-либо княжеской ветвью) столов, нежели Галич, лежавший на пограничье со Степью, занятой теперь татарами, или потерявший всякое свое значение Киев. В отличие от Волыни, непосредственно граничавшей с Литвой, и Смоленской и Черниговской земель, к рубежам которой литовские владения вышли после подчинения в конце XIII в. Полоцкого княжества, Северо-Восточная Русь до второй половины XIV в. (когда уже укрепилось Московское княжество) непосредственно литовского натиска не испытывала, а вплоть до начала XV в. между ними сохранялся своеобразный «буфер» в виде Смоленского княжества. Поддержанию у владимирских князей «общерусских» притязаний способствовало то, что именно они были признаны Ордой «старейшими» (главными) на всей Руси. Сначала символом этого «старейшинства» являлось обладание великими князьями Владимирскими Киевом, но к концу XIII в. эта связь с прежней столицей всей Руси теряется. Право именоваться «князьями всея Руси» переходит непосредственно к великим князьям Владимирским. Наконец, важным фактором стало перенесение в конце XIII в. в Северо-Восточную Русь места постоянного пребывания митрополита. Будучи само по себе следствием усиления Суздальской земли, это обстоятельство еще более увеличивало ее престиж и оправдывало претензии на пребывание носителя высшей светской власти всех русских земель именно в этой части Древнерусского государства.

Как и в Черниговской земле, в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия произошло выделение княжеств, управляемых определенными ветвями местного княжеского рода (потомков Всеволода Юрьевича Большое Гнездо). Помимо них существовало «столичное» княжество – великое Владимирское. Последнее стало играть роль, сходную с Киевским княжеством во второй половине XII – первой трети XIII в. Но в отличие от последнего для Владимирского княжества не характерно было «совместное» владение им князьями разных ветвей; здесь не возникло «частей», которыми правил не великий князь; территория великого княжества полностью находилась под властью того, кто занимал владимирский стол. Это давало возможность князьям одного из усилившихся княжеств через владение великим княже-

ством Владимирским занять главенствующее положение на Северо-Востоке Руси (что и произошло в XIV в.).

К 1263 г. в данном регионе существовало 13 княжеств – великое Владимирское, Галицко-Дмитровское (позже разделилось на Галицкое, со столицей в Галиче Мерском за Волгой, и Дмитровское), Городецкое, Костромское, Московское, Переяславское (Переяславля-Залесского), Ростовское, Стародубское, Суздальское, Тверское, Углицкое, Юрьевское и Ярославское. После правления во Владимире Александра Невского (1252–1263) сложилась практика, при которой ярлык на владимирское великое княжение получал в Орде один из правителей этих княжеств, правда, не всех, а только тех, где правили потомки Ярослава Всеволодовича – первого великого князя Владимирского, чьи права были признаны Ордой (это значило, что великими князьями не могли стать галицко-дмитровские, ростовские, стародубские, юрьевские и ярославские князья). Владимирское великое княжество было самым крупным. Соответственно князь, получавший ярлык на Владимир, не просто становился сюзереном остальных, но и реально получал в свое распоряжение много больший потенциал, чем любой другой из князей Северо-Восточной Руси. В результате борьба за великое княжение стала на столетие с лишним определяющим фактором ее политического развития.

В 1263–1271 гг. владимирским великим князем был следующий за Александром по старшинству из потомков Ярослава Всеволодовича – Ярослав Ярославич, князь Тверской, затем (1272 – 1276) младший из Ярославичей – Василий Костромской. В 1277 г. на великокняжеский стол взошел старший в поколении внуков Ярослава Всеволодовича – переяславский князь Дмитрий Александрович. Но с начала 80-х годов XIII в. его права начал активно оспаривать следующий по старшинству сын Александра Невского – Андрей, князь Городецкий. Он попытался опереться в этой борьбе на сарайских ханов, а Дмитрий прибег к помощи Ногая, ставшего в тот период фактически самостоятельным правителем западной части Орды (к западу от Днепра). В результате в 80–90-е годы князья Северо-Восточной Руси разделились на две коалиции. В сфере влияния Ногая находились, помимо Дмитрия Александровича, князя Переяславского и великого князя Владимирского, его младший брат московский князь Даниил, двоюродный брат Александровичей тверской князь Михаил Ярославич, а также суздальский, юрьевский и дмитровский князья. На сарайских ханов ориентировались, помимо Андрея Александровича, ярославские, ростовские и стародубские князья. Борьба между князьями неоднократно принимала вооруженные формы с участием татарских сил. В 1281, 1282, 1285 гг. и зимой 1293–1294 гг. в русские пределы вторгались войска из Волжской Орды, призванные Андреем, зимой 1283–1284, в 1289 и начале 1294 г. – отряды от Ногая, действовавшие в поддержку Дмитрия и его союзников. Андрею удалось утвердиться на великокняжеском престоле только в 1294 г., после смерти Дмитрия. Вторым по старшинству среди претендентов на великое княжение теперь стал Даниил Московский. В 1296 г. он и его союзники Михаил Тверской и Иван Переяславский (сын Дмитрия Александровича) выступили против Андрея, но вмешательство ордынских войск вынудило их пойти на соглашение и признать себя вассалами хана Тохты. В последующие годы Тохта вступил с Ногаем в войну, закон-

чившуюся поражением и гибелью последнего. После этого в 1300 г. коалиция бывших союзников Ногая в Северо-Восточной Руси распалась: Михаил Тверской перешел в стан союзников Андрея Александровича.

СОПЕРНИЧЕСТВО МОСКВЫ И ТВЕРИ

Приблизительно с начала XIV в. начинается возвышение Москвы. Первое упоминание о ней в источниках относится к 1147 г., когда Юрий Долгорукий устроил пир в городке Москов для своего союзника в борьбе за Киев Святослава Ольговича. В домонгольский период Москва была небольшим городом на юго-западных рубежах Суздальской земли, там, где ее границы приближались к пределам сразу трех земель – Рязанской, Черниговской и Смоленской. Княжеский стол в Москве появился только в 60-е годы XIII в., после того как Александр Невский завещал город своему младшему сыну Даниилу, родившемуся за два года до смерти отца (в 1261 г.). Новое княжество занимало среднее течение р. Москвы и верховья Клязьмы. Значительная часть его границ приходилась на рубежи с соседними землями: так, верховья Москвы-реки входили во владения смоленских князей, а нижнее течение принадлежало князьям рязанским. Как самостоятельный политик Даниил Александрович заявил о себе в 80-е годы XIII в. Он примкнул к коалиции князей, возглавляемой его старшим братом Дмитрием и противостоявшей группировке во главе со средним Александровичем – Андреем. По смерти Дмитрия (1294 г.) Даниил становится главой этой коалиции, ориентировавшейся на хана Ногая. Но после поражения последнего от хана Тохты группировка распалась: ее покинул главный союзник Даниила тверской князь Михаил Ярославич. В 1302 г. умер другой союзник Иван Дмитриевич Переяславский. Тем не менее Даниил Александрович в первые годы XIV в., в столь неблагоприятных условиях, сумел серьезно укрепить свое княжество. Вмешавшись в усобицу рязанских князей, в 1300 г. он сумел получить низовья р. Москвы с г. Коломной. Примерно в то же время в состав его владений вошел Можайск (с верховьями р. Москвы). Наконец, в конце 1302 г. Даниил занял Переяславль-Залесский, завещанный ему умершим бездетным племянником Иваном Дмитриевичем. На рубеже XIII–XIV вв. на службу к Даниилу приехало немало служилых людей из Южной Руси, из княжеств, чьи правители ранее были союзниками Ногая и теперь лишились своих столов. Это значительно укрепило военную силу московского князя. Но в 1303 г. Даниил Александрович умер, так и не достигнув великокняжеского престола.

Смерть Даниила Александровича означала, что московские князья вы-бывают, согласно существовавшим нормам наследования, из числа претендентов на великое княжение. Старший сын Даниила Юрий, ставший московским князем, по родовому счету уступал своему двоюродному дяде Михаилу Тверскому, а также сыну Андрея Александровича Михаилу, старшему двоюродному брату; ему требовалось пережить их, чтобы получить права на великокняжеский стол. Но кроме родового был еще «отчинный» принцип наследования – требовалось, чтобы отец князя побывал на искомом столе. А поскольку Даниил великокняжеского достоинства так и не достиг, московские князья должны были навсегда лишиться надежд на великое княжение, а

Москва остаться не более чем столицей периферийного княжества в составе Суздальской земли.

Однако вопрос о великом княжении решался ханским ярлыком. Обычно ханы не нарушали бытовавшие на Руси традиции престолонаследия. Но в принципе правитель Орды мог принять какое угодно решение по поводу любого княжеского стола. И когда в 1304 г. умер великий князь Андрей Александрович и его наследником должен был стать «старейший» из потомков Ярослава Всеволодича Михаил Ярославич Тверской, претензии на великое княжение предъявил и Юрий Данилович Московский.

Спор князей в 1305 г. хан Тохта разрешил в пользу Михаила. Однако Юрий в последующие годы оспаривал часть великокняжеских прерогатив: княжения в Переяславле и в Новгороде Великом. Около 1310 г. он занял стол в Нижнем Новгороде, освободившийся после смерти его двоюродного брата Михаила Андреевича. Великий князь Михаил Ярославич дважды ходил на непокорную Москву походами – в 1305 и 1308 гг.

После смерти хана Тохты (1312 г.) Михаил отбыл к его преемнику Узбеку для подтверждения своих великокняжеских полномочий. В его отсутствие Юрий вокняжился в Новгороде Великом. После этого, в 1315 г. последовал вызов его в Орду к хану. Здесь Юрий был задержан, а Михаил отпущен на Русь в сопровождении сильного татарского отряда. В начале 1316 г. он разгромил под Торжком новгородцев, возглавляемых братом Юрия Московского Афанасием.

Пока Михаил находился на Руси, Юрий сумел завоевать расположение Узбека, женился на сестре хана Кончаке и в 1317 г. получил ярлык на великое княжение. Роли переменялись: теперь уже московский князь шел на Русь с ордынским послом. Михаил признал переход великого княжения к Юрию (т.е. не проявил непокорства, сопоставимого с тем, которое оказал Юрий в 1305–1310 гг.). Но когда тот начал разорять собственно Тверское княжество, тверской князь оказал сопротивление и разгромил войска Юрия Даниловича. Причем жена Юрия, сестра хана Узбека, попала в плен, где вскоре умерла, после чего пошел слух об ее отравлении. В 1318 г. Юрий и Михаил отправились в Орду. Здесь тверскому князю были предъявлены обвинения в неуплате дани, сопротивлении ханскому послу и умерщвлении ханской сестры. 22 ноября 1318 г. Михаил Ярославич был предан казни.

Но Юрий Данилович не смог надолго удержать за собой великое княжение. В 1322 г. он не передал собранную в Орду дань, чем воспользовался новый тверской князь, сын Михаила Дмитрий. Он приехал к Узбеку с жалобой на Юрия и получил ярлык на великое княжение. Юрий, тем не менее, продолжал считать великим князем себя и удерживал за собой новгородский стол. В 1324 г. ему пришлось отправиться на разбирательство в Орду. Находясь там же Дмитрий Михайлович не стал ждать ханского решения и убил Юрия. За это самовольство он через некоторое время был казнен, но великое княжение Узбек оставил за тверским княжеским домом, передав ярлык на него брату Дмитрия Александру.

В политике тверских и московских князей по отношению к Орде в первой четверти XIV в. не просматривалось принципиальных различий. И те и другие признавали верховную власть хана над Русью. Но Юрий Московский проявил способность пойти наперекор конкретной ханской воле (если она

ущемляла его интересы и усиливала его соперника); Михаил Тверской же не сделал этого ни разу, и его гибель явилась результатом трагического стечения обстоятельств.

Исторические обстоятельства вскоре вновь сложились в пользу Москвы.

Тверское восстание 1327 г.

В начале XIII в. разгорелось соперничество за лидерство между быстро наращивающей мощь Москвой и Тверью, обе стороны добивались ярлыка на великое княжение. В 1326 г. великим князем Владимирским стал Александр Михайлович Тверской. Летом 1327 г. в город прибыли татары во главе с Шевкалом (Чол-ханом, Щелканом), который был близким родственником ордынского хана Узбека. Как сообщает летопись, татары захватили власть в городе в свои руки и собирались обратить ее жителей в «бесерменскую веру». Сам Александр призывал тверичей терпеть, но 15 августа 1327 г. вспыхнуло восстание. Началось оно внезапно. В день Успения Богородицы дьякон Дюдько повел рано утром молодую и здоровую кобылицу на водопой. Татары попытались ее отнять, и началась драка, которая затем переросла в резню. В ответ вспыхнуло восстание, в результате которого были перерезаны все татары вместе с Чол-ханом. Тверской князь (роль которого в восстании оценивается летописями неоднозначно, но исследователи склоняются к мысли, что он не был инициатором) бежал в Псков, а его братья – в Ладугу. Ответные меры татар последовали незамедлительно. Была снаряжена карательная экспедиция (Федорчукова рать), к которой присоединились также московский князь Иван Данилович Калита и суздальский князь Александр Васильевич. Тверь подверглась разграблению, а вместе с ней Торжок и Кашин. Могущество Тверского княжества оказалось подорвано. Оно было отдано брату Александра Константину Михайловичу, а Великое княжество Владимирское поделили между московским и суздальским князьями. В народе память о восстании сохранилась в виде «Песни о Щелкане».

Иван Калита получил после подавления Тверского восстания великое княжение, правда, наполоам с суздальским князем Александром Васильевичем. Но после смерти последнего (1331 г.) Иван Данилович остался единственным великим князем Владимирским.

Ивану Даниловичу Калите первому из московских князей удалось сохранить за собой великое княжение до конца жизни (1340 г.). При этом он сумел серьезно расширить пределы великокняжеских владений. Иван получил в Орде ярлыки на половину Ростовского княжества, на Дмитровское княжество, а также купил у князей Галича, Углича и Белоозера верховные суверенные права на их владения (местные князья перешли в статус «служебных князей» великого князя). Ивану Калите удалось добиться фактического переноса в Москву резиденции митрополита всея Руси – главы русской церкви: еще митрополит Петр (1308–1326 гг.), бывший союзником московских князей в их борьбе с тверскими князьями, подолгу жил в Москве и здесь был похоронен; его преемник Феогност уже пребывал в Москве почти постоянно.

После смерти Ивана Калиты великим князем стал его старший сын Семен. Однако, не желая чрезмерно усиливать Москву, Узбек выделил из великого княжества Владимирского Нижегородское княжество, переданное им

князю суздальскому. Тем не менее Семен Иванович (1340–1353 гг.) сумел как великий князь сделать важные приобретения: получить ставшее выморочным Юрьевское княжество, а к территории собственно Московского княжества присоединить рязанские владения на правом берегу Оки – по рекам Протве и Луже.

ХОЗЯЙСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

В период после Батыева нашествия система взимания прибавочного продукта через государственные институты продолжала сохранять приоритетное значение; в первое столетие иноземной власти частная земельная собственность в русских землях обнаруживает очень незначительный рост. Консервирование системы государственной эксплуатации в качестве ведущей было связано, в первую очередь, с тем, что на страну пала дополнительная нагрузка – выплата дани в Орду; выполнять эту функцию правящим слоям было проще через государственные механизмы взимания податей, что и замедляло долгое время после завоевания рост частной крупной земельной собственности.

Система получения господствующим слоем доходов в первой половине XIV в. лучше всего изучена на материалах Московского княжества, благодаря тому что до нас дошли духовные (завещательные) и договорные грамоты московских князей – Ивана Калиты и его сыновей Семена и Ивана. Центральную часть княжества составлял городской *уезд*. Он делился на *пути* и *станы*. В станах жило население, относившееся к так называемой «служилой организации», т.е. люди, выполнявшие те или иные виды профессиональной деятельности для обеспечения нужд князей и знати. «Пути» же отдавались боярам в «кормление» – управление, при котором часть взимаемых с порученной ему территории государственных податей кормленщик оставлял себе. Остальную часть княжества составляли *волости*. Термин «волость» в XIV в. приобрел иное значение, чем прежде. Если в домонгольский период так называлась территориальная единица во главе с городом, находившаяся под властью определенного князя, то теперь «волостью» стали называть мелкую территориальную единицу, охватывающую несколько сельских поселений и города на своей территории не имевшую. В этом значении понятие «волость» заменило понятие *погост*, употреблявшееся для таких мелких административных единиц в домонгольский период. Волости, как и пути, передавались в кормление боярам.

Частные земельные владения – княжеские, боярские, монастырские – именовались, как и прежде, селами. В первой половине XIV в. возникает новое явление – передача князьями некоторых своих сел в «кормление», при этом не боярам, а низшему слою служилой знати (*слугам вольным*).

К началу XIII столетия во всех крупных русских землях сложились самобытные культурные центры. Нашествие Батыя нанесло тяжелый удар не только по экономике, но и по культуре, поскольку главный урон несли города. В огне пожаров погибло множество книг; пришли в забвение некоторые ремесленные техники; на несколько десятилетий прекратилось строитель-

ство каменных храмов. Но в целом в ордынскую эпоху духовная культура продолжала развиваться в рамках тенденций, свойственных предшествующей эпохе.

В XIII в. продолжало вестись летописание в Южной Руси, Новгороде и в Суздальской земле. Южнорусское летописание дошло в составе Ипатьевской летописи: материал за XIII столетие (Ипатьевский свод доведен до 1292 г.), находящийся в ее составе, был сведен в Галицко-Волынском княжестве. В Новгороде летописание велось при архиепископской кафедре; оно дошло до нас в составе Новгородской первой летописи, старший извод которой был доведен до 1280 г., а младший содержит продолжение вплоть до середины XV в. В Северо-Восточной Руси в начале XIII в. был создан летописный свод, ставший основой Лаврентьевской и Радзивилловской летописей и Летописца Переяславля Суздальского. В составе Лаврентьевской летописи содержится продолжение летописания Суздальской земли за XIII – начало XIV в. Последующее летописание Северо-Восточной Руси донесли до нас Троицкая и Симеоновская летописи и Рогожский летописец. Если в домонгольский период летописными центрами здесь были Владимир и Ростов, то во второй половине XIII в. летописная работа ведется в Переяславле-Залеском, а в XIV в. появляются тверское и московское летописание. На Северо-Западе Руси также появляется новый центр летописания – Псков.

Ряд ярких произведений был создан в жанре Житий святых. Это Житие Авраамия Смоленского (вторая четверть XIII в.), князя Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в 1246 г. в Орде (третья четверть XIII в.), Александра Невского (60-е годы XIII в.), Михаила Ярославича Тверского, убитого в Орде в 1318 г. (20-е годы XIV в.), митрополита Петра (конец 30-х годов).

К выдающимся произведениям русской средневековой литературы относятся также «Слова» (поучения) владимирского епископа Серапиона (середина XIII в.) и «Слово о погибели Русской земли», произведение поэтического характера (близкое по жанру «Слову о полку Игореве»), созданное в период монгольского нашествия на Русь.

ВОЗВЫШЕНИЕ ЛИТВЫ

С середины XIII в. серьезную роль в Восточной Европе начинает играть Литва. Ранее литовские племена (аукшайтов и жемайтов, а также ятвягов, земгалов, куршей и собственно литвы, давшим общее название народности) жили догосударственным строем, а в эпоху Киевской Руси платили дань русским князьям. К середине XIII в. князю Миндовгу удалось объединить их в государство и дать отпор немецким крестоносцам, пытавшимся захватить литовские территории (как они это сделали в начале XIII в. с землями Восточной Прибалтики, населенными предками эстонцев и латышей). Очень скоро Литва начала экспансию на русские земли, ослабленные после Батыева завоевания. К началу XIV столетия в состав Литовского государства (его глава в XIV в. стал именоваться великим князем, отсюда название государства – Великое княжество Литовское) вошли Полоцкая и Пинская земли. Особенно Литва усилилась в правление Гедимина (1315–1341) и его сына Ольгерда (1345–1377). При Ольгерде были присоединены к Литве Волын-

ская, Киевская и Переяславская земли, большая часть Черниговской, часть Смоленской. В начале XV в. Витовт (1392–1430) завладел Смоленском. Великое княжество Литовское, таким образом, включило в себя значительную часть Руси – все ее южные и западные земли, кроме Галицкой (отошедшей к Польше). При этом вхождение русских земель в состав Великого княжества Литовского не избавляло их от ордынской зависимости: по соглашениям литовских князей с правителями Орды дань с этих территорий продолжала выплачиваться.

Литовская государственность строилась по русскому образцу. Языком делопроизводства был русский (будущий старобелорусский) действовали русские правовые нормы («Правда Русская»), среди литовской знати распространялось православие (хотя большинство членов правящей династии, Гедиминовичей, оставались язычниками). Полному «обрусению» Великого княжества Литовского помешала личная уния Литвы и Польши 1385 г., после которой Гедиминовичи стали править в Польском королевстве, а литовцы (в том числе знать и часть членов правящего дома) были крещены в католичество. Тем не менее русский язык оставался государственным в Великом княжестве Литовском до XVII столетия.

ЗАКАТ ВИЗАНТИИ (XIII–XV ВЕКА)

РАЗГРОМ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ И ЛАТИНСКАЯ РОМАНИЯ

Несмотря на ряд предпринятых византийскими василевсами мер, следовавших обновлению бюрократической системы и упрочение центральной власти, Византийское государство не миновало глубокого кризиса, в итоге вылившегося в распад державы ромеев (1204 г.). Кроме внутренних причин (династическая борьба, сильная оппозиция, произвол чиновников, коррупция, слабость армии, массовые выступления) в разложении империи определяющее значение имели внешние обстоятельства: помимо постоянных нападений турок-сельджуков, норманнов и печенегов, которые истощали финансовые и военные ресурсы страны и возбуждали сепаратистски настроенную региональную знать, значительную угрозу целостности Византии представляли феодалы Западной Европы.

Призванные в империю в качестве союзников, способных защитить суверенную власть василевса, крестоносцы в ответ на нарушение греческой стороной обязательств выплатить военную контрибуцию обрушили всю свою мощь на Константинополь и его окрестности. Падение древней столицы ознаменовало крах великого государства, разделенного, по словам Никифора Григоры, на «части и осколки».

Масштабному разорению государства предшествовала серия военных операций латинских держав, итогом которых стало завоевание Кефалинии, Закинфа, Итаки силами норманнов (Вильгельмом II, 1185 г.), и Кипра, вначале отторгнутого от империи англичанами (Ричардом Львиное Сердце, 1191 г.), а затем перешедшего под контроль иерусалимского короля Гвидо (Ги) де Лузиньяна. Уже в 1192 г. при протекции Римской церкви и европейских монархов возникло независимое от византийского василевса Кипрское королевство, просуществовавшее вплоть до 1489 г.

После ожесточенных боев, 13 апреля 1204 г., под ударами крестоносцев пал Константинополь, а вместе с ним и некогда великая Византийская империя. По итогам IV Крестового похода сфера влияния западноевропейских феодалов распространилась на значительные территории – Пелопоннес, Македонию, часть Фессалии, Фракию, восточную область Средней Греции, Крит, о-ва Эгейского и Ионического морей, а также некоторые регионы Малой Азии.

Падение державы ромеев отнюдь не означало полного и безоговорочного подчинения всех земель западноевропейцам. Новая власть стремилась, за редчайшим исключением (сеньор Апры Феодор Врана), не допускать представителей византийской знати к управлению страной, но старой греческой аристократии (особенно в Малой Азии и Эпире) удалось сосредоточить в своих руках значительные ресурсы и возглавить силы оппозиции. Опираясь на поддержку местного православного населения, отвергавшего супрематию

папы и повсеместное насаждение католичества, они смогли сплотить вокруг себя земли, впоследствии вошедшие в состав Никейской и Трапезундской империй, а также Эпирского царства (деспотата).

На осколках некогда великой державы европейской аристократией и итальянскими торговыми компаниями было создано несколько государств: Латинской империи (1204–1261), включавшей часть о-вов Эгейского моря, Константинополя и Фракии, находившейся под властью Балдуина Фландрского (1204–1205); Фессалоникийского королевства (1204–1224), состоявшего из Фессалии и Македонии (в том числе Фессалоники) и возглавляемого Бонифацием Монферратским; Афинского (Афино-Фиванского) герцогства (1205–1456), обнимавшего часть Пелопоннеса и Аттический п-ов, и руководимого бургундским рыцарем Оттоном де ля Рош (1205–1225); Ахейского (Морейского) княжества (1205–1432).

По пакту «Partitio Romaniae» часть Константинополя, о-ва Крит и Корфу, ряд городов, крепостей и портов (Южный Пелопоннес) были переданы Венеции. Благодаря выгодному приобретению стратегически важных земель республика св. Марка стала колониальной империей, практически безраздельно властвовавшей в Восточном Средиземноморье и обеспечившей себе безопасные торговые пути в Причерноморье. Некоторые области, ранее принадлежавшие греческой знати, в ходе раздела Византийской империи попали в сферу влияния богатейших венецианских патрицианских семей, создававших при поддержке дожа мелкие государственные образования. Так, например, появилось герцогство Наксосское Марко Санудо, включавшее ряд о-вов Кикладского архипелага – Наксос, Парос, Санторин, Антипарос, Анафи, Милос и др.

Оккупированные территории (владения Латинской империи, Венецианской и Генуэзской республик, Фессалоникийского королевства, Афинского герцогства и Ахейского княжества) составили особый конгломерат сеньорий – «Латинскую Романию», находившийся под руководством «верховного сюзерена» Балдуина I и его преемников. Однако государства, формально признавшие главенствующую роль латинского императора, на деле развивались вполне обособленно, а их лидеры проводили самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Постоянно враждуя друг с другом, они ослабляли позиции Романии.

На оставшихся землях державы ромеев господствовала местная греческая знать. На первых порах разобщенность вождей областей, архонтов, играла на руку захватчикам, ибо не позволяла объединить военные силы и слаженно ударить по врагу.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА – ПРЕЕМНИКИ ВИЗАНТИИ

В 1204 г. возникло три самостоятельных греческих государства: Эпирское царство (1204–1337), Трапезундская (1204–1461) и Никейская (1204–1261) империи.

Утверждению централизованной власти в этих государствах мешали постоянные конфликты региональной знати, борющейся за политическое

господство и стремившейся любым путем закрепить собственный авторитет в подчиненных им землях. Западные окраины империи находились во власти представителей крупнейших аристократических родов: Комнинов (Южная Македония), Ангелов и Дук (Эпир), Петралифов (Фессалия) и ряда других.

Малая Азия не составляла исключения. Тем не менее по ряду обстоятельств, среди которых необходимо прежде всего назвать богатые плодородные поля Вифинии, развитую торговлю и ремесленное производство, она несколько отличалась от других регионов.

Бежавший из Константинополя Феодор Ласкарь (Ласкарис) – зять Алексея III Ангела, один из влиятельных вельмож (имел титул деспота), умелый политик и воин – нашел убежище в Никее. Убедив местную знать в необходимости объединения сил против крестоносцев, он снискал уважение и поддержку населения. Феодор Ласкарь воспользовался стратегическим преимуществом северо-западных областей Малоазийского п-ова (в том числе наличием системы мощных оборонительных укреплений) и в течение нескольких лет, не располагая первоначально достаточными финансовыми ресурсами, собрал армию, не только давшую отпор западноевропейским рыцарям, но и остановившую их продвижение в глубь региона.

Сокрушительное поражение крестоносцев в битве при Адрианополе (1205 г.) от войск болгарского царя Калояна позволило Феодору сплотить вокруг себя значительную часть православного населения Малой Азии. *Никейская империя* (1204/1205) фактически провозглашалась правопреемницей Византийской державы, а ее глава – законным «наследником» последнего василевса. Тем не менее на протяжении нескольких лет Феодор I Ласкарь, являясь с момента основания империи ее единоличным правителем, только в 1208 г., после избрания новым патриархом Михаила IV Авториана и разрешения ряда формальных требований, был коронован императором – «владыкой всех ромеев». Торжественная церемония утверждала легитимный характер власти никейского императора – власти, одобренной церковью (в лице ее предстоятеля и опальных константинопольских иерархов) и освященной, как писали современники, животворной благодатью Всевышнего.

Активно используя земельные ресурсы империи, конфискованные у неояльных аристократов, и владения, ранее принадлежавшие крупным монастырям и церквям (например, Св. Софии), Феодор I (1208–1222) практиковал их раздачу во временное пользование за несение военной службы (прония). Таким образом, он дал подданным именно то, в чем они так нуждались – свободные плодородные угодия.

За счет привлечения пограничных сил местного населения (акритов), отрядов иноземцев и зажиточных воинов (стратиотов) ему удалось существенно укрепить обороноспособность страны. Успешное ведение военных и дипломатических кампаний, в частности победа над силами Трапезундской империи (1205 и 1214 гг.) и сельджуков (1211 г.), вступление в брак с Марией (1212 г.), сестрой влиятельного лидера крестоносцев Генриха I, а также заключение выгодных торговых договоров с итальянскими предпринимателями (1219 г.) закрепили высокий статус Никейской империи на международной арене.

Стабильность внутри страны обеспечивала стройная система бюрократического аппарата управления, в которой полномочия чиновников были

Деисус. Середина XIII в. Мозаика собора Св. Софии, Константинополь

разделены между различными должностными лицами. В потестарной иерархии особую роль играл *стратопедарх*, замещавший императора в период его отсутствия, а в куриальной – *татий двора*, отвечавший за обучение детей государя. Наряду с существованием традиционных функций по ведению гражданского делопроизводства (*логофет*) возникли новые: так появилась должность *коноставла*, командовавшего состоявшими на службе у императора наемниками. Разветвленная структура государственного аппарата предполагала тесное взаимодействие столичных чиновников и их представителей в провинциях.

Политику первого никейского государя, «зачинателя возрождения ромейской империи» (по отзыву Георгия Акрополита), продолжил его зять, Иоанн III Дука Ватац (1222–1254). Василевс, подавив мятеж братьев Феодора I

Ласкаря Алексея и Исаака, пытавшихся с помощью западноевропейских рыцарей получить бразды правления, способствовал дальнейшему ослаблению влияния крестоносцев. Стремясь вытеснить католиков с Балкан, Иоанн III заключил альянс с их противниками – болгарами. В роли союзников Никейской империи часто выступали и сельджуки. Император вступил в переговоры с Фридрихом II Гогенштауфеном, желая в его лице получить союзника в борьбе с папством, а в 1238 г. послал ему на помощь в Италию отборные войска.

Меры, направленные на обновление внутривосточного курса, привели не только к бурному росту экономики и благосостояния подданных (в том числе благодаря введению повсеместной практики награждения знатных лиц служилыми вотчинами), но и к расцвету культуры и образованности.

Ряд успешно проведенных василевсом военных операций предопределил будущее падение Латинской империи: благодаря коалиции с болгарами (1233–1246) ему удалось практически полностью вытеснить силы западноевропейского рыцарства из Малой Азии. Кроме того, Иоанн III подчинил обширные территории Македонии и Фракии, что позволило ему еще больше распространить влияние Никейской империи и создать прочный фундамент будущих военно-политических преобразований в регионе.

После кончины Иоанна III воцарился Феодор II Ласкарь (1254–1258), продолживший прежний курс, ориентированный на ослабление оппозиционно настроенной знати. Затем трон перешел к его малолетнему сыну Иоанну (1258–1261), фактически уступившему власть Михаилу Палеологу, бывшему сперва опекуном, а затем соправителем василевса; впоследствии он стал императором и единолично правил до 1282 г.

Другое государство «греческого блока», расположенное на Балканах *Эпирское царство (деспотат)*, с первых дней возникновения и вплоть до своего распада не представляло целостного политического образования. Его основателем был Михаил Ангел Дука Комнин – успешный военачальник, который приходился незаконнорожденным сыном севастократора Иоанна Ангела Комнина и состоял в родственных связях с династией Ангелов, а также знатными домами Малиасинов и Сенахиримов. Широко используя личные связи, ресурсы собственных владений в Эпире и поддержку членов аристократических семейств Никополя, он сумел сплотить вокруг себя значительные силы и стать главой новообразованного государства (1204 г.). В итоге успешной военной кампании Михаилу I Ангелу (1204–1215) удалось захватить Западную Фессалию и тем самым существенно расширить границы царства. Активный внешнеполитический курс продолжил его брат Феодор Ангел. В течение 20-х годов XIII в. он предпринял ряд мер (прежде всего присоединение Фессалии и Фессалоники), способствовавших тому, что Эпирское государство выступило в роли ведущей политической силы региона.

Обретя в 1225 г. императорский венец, Феодор I Ангел открыто заявил Никейской державе о своем желании стать единственным законным лидером «греческого сопротивления» и, как следствие, собирателем государства ромеев. Тем не менее амбициям Феодора I не суждено было воплотиться. Уже в 1230 г. в битве при Клокотнице объединенное эпирское войско понесло сокрушительное поражение от болгарского царя Ивана II Асеня, что в итоге

привело к расколу государства на два суверенных образования – Фессалонийское королевство и Эпирское царство, и к окончательной потере прежнего военного могущества.

Причины распада крылись прежде всего в политическом (разобщенность представителей элиты, бывших практически независимыми от центральной власти правителями) и социально-экономическом характере развития государства. Низкий, по сравнению с Никейской империей, уровень товарного производства, а также недостаточная организация бюрократического аппарата привели к доминированию центробежных тенденций. Неравномерность развития регионов, развитость южных областей и отсталость северных накладывали отпечаток на динамику общественных отношений. В Эпирском царстве, в том числе из-за многообразия населявших его народов (греков и славян, влахов и албанцев) постоянно возникали конфликты на этнической почве, подрывавшие хрупкую стабильность в стране.

После падения Эпирского царства и образования одноименного государства со столицей в Арте власть перешла к Михаилу II (1231–1268), который захватил часть балканских территорий Никейской империи и предпринял последнюю попытку в союзе с крестоносцами обрести былое могущество. После поражения 1259 г. государство уже не играло заметной роли в борьбе за византийское наследие, а в 1337 г. перестало существовать.

Возникшая в 1204 г. на черноморском побережье Малой Азии *Трапезундская империя* также входила в число греческих держав, оказывавших активное сопротивление Латинской Романии. Уникальное географическое положение, а также многолетняя практика независимого от Константинополя властвования (на территории фемы Халдии существовало образование, длительное время находившееся под управлением рода Гавров) способствовали тому, что сразу после падения Византии на землях Понта при поддержке Грузинского царства возникло новое государство. В лице легендарной грузинской царицы Тамар (1184–1213) Трапезунд получил могущественного союзника, фактически приведшего к власти внука последнего законного византийского василевса Андроника I Комнина – Алексея (1204–1222). Дабы подчеркнуть свою связь с древними традициями наследования титула и акцентировать идею преемственности императорской власти Алексей и его брат Давид стали именовать себя «Великими Комнинами».

Административная структура государства состояла из трех территориальных округов (*банд*) – Трапезунда, Гимора и Мацуки, возглавлявшихся военачальниками (*дуками*), под управлением которых находились *кефалы*. В политической иерархии империи видное место занимали высшие должностные лица – «великий доместик» (военное ведомство), «великий логариаст» (финансовое) и др. В зависимости от рода профессиональных занятий была принята практика титулования, характерная для различных потестарных институтов.

Выгодное географическое положение, а также высокий уровень агрикультуры, развития торговли и ремесла явились определяющими факторами экономического благоденствия Трапезундской империи. Кроме того, введение эффективных способов налогообложения (*коммеркий*) позволило Великим Комнинам существенно увеличить доходы казны. Значительный международный статус государство приобрело за счет активной торговли как с

Башня Галата. Константинополь. Середина XIV в.

Востоком, так и с Западом. Наряду с материальным благополучием не менее важны достижения в области культуры. Расцвет науки и духовности был связан не только с покровительством василевсов и подъемом национального самосознания, но и с широким участием различных этнических общностей (грузин, армян и других народностей), вносящих каждая свои уникальные черты в интеллектуальный облик Трапезундской державы.

В попытках расширить собственные границы за счет соседей и тем самым реализовать планы по восстановлению Византийской империи Давид Комнин, имевший под своей властью Пафлагонию и Ираклию Понтийскую, в 1205 г. вступил в военный конфликт с Никейской империей. Его брат Алексей, возможно, опасавшийся обострения отношений с сельджуками, не включился в кампанию. В результате столкновения с армией Феодора I Лас-

каря Давид потерпел поражение, а последовавшие затем события подтолкнули его к заключению союза с крестоносцами. После нескольких военных операций, в которых с попеременным успехом одерживала победу то одна, то другая сторона, в 1214 г. наступила решающая схватка. Ее итогом было поражение войск Трапезундской империи от коалиционных сил сельджуков и никейцев, повлекшее потерю стратегически важных крепостей Пафлагонии и Ираклии Понтийской, а в 1461 г. и ее захват османами.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Погубивший Византию политический кризис, вызванный слабостью центральной власти, не способной на должном уровне обеспечить торговые привилегии греческого купечества и предоставлявшей экстраординарные преференции иностранным компаниям, сказался на дальнейшем развитии византийских городов. Венецианские и генуэзские предприниматели, ввозившие дешевую и качественную продукцию, вытесняли с внутреннего рынка местных ремесленников, вынуждая их переориентировать производство. Отчасти этот фактор играл положительную роль (например, на Кипре и в Херсонесе), так как стимулировал прежде недостаточно динамично развивавшиеся сферы коммерческой деятельности.

В Трапезунде наряду с увеличением экономического присутствия итальянских компаний прочные позиции по-прежнему сохранило местное ремесленное производство, сумевшее приспособиться к жесткой конкуренции и пойти на кооперирование с иностранными предпринимателями. Такая «симбиотическая форма» на локальном уровне была выгодна обеим сторонам: западноевропейской – за счет привлечения дополнительных финансовых ресурсов и расширения внутреннего рынка сбыта, а греческой – за счет внедрения новых форм коммерческого кредита, а также налаживания партнерских связей с ведущими торговыми представительствами Италии.

Однако в целом негативные последствия засилия иностранных компаний оказывались более важными. После 1204 г. государства «греческого блока» (прежде всего Никейская империя, имевшая недостаточно развитое текстильное производство) испытывали значительные неудобства от западноевропейского присутствия.

Период XIII–XV вв. отмечен деградацией крупных урбанистических центров, вызванной, с одной стороны, демографическим упадком, сказавшимся на производственных возможностях ремесленных и торговых корпораций, а с другой – распадом системы внутризкономических связей города с «сельским миром». Включение западноевропейской финансовой элиты во внутреннюю жизнь территорий, некогда составлявших Византийскую империю, способствовало замиранию экономической активности в столице и крупных городах и, напротив, частичному оживлению коммерческой деятельности в провинциальных центрах. Впрочем, и в данном случае необходимо иметь в виду, что факторы экономического роста или, напротив, стагнации производства и затухания финансовой активности зависели от специфики конкретных регионов. В тяжелых условиях оккупации части греческих областей

местные купцы и ремесленники избрали для себя единственно верный путь выживания: заручившись поддержкой аристократии, они сделали акцент на ведении прежде всего внешней торговли. Таким образом им удалось не только упрочить связи с иностранными компаньонами, но и, обретя достаточную финансовую мощь, существенно расширить внутренний рынок сбыта собственной продукции.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕРЖАВЫ РОМЕЕВ

Среди государств «греческого блока» Никейская империя представляла собой самое влиятельное и динамично развивающееся политическое образование. Сочетание тонкой дипломатической игры и успешной военной политики дало правителям Никей все шансы обрести власть в Константинополе и восстановить единство державы ромеев. Каждый василевс, начиная с Феодора I Ласкаря, ставил перед собой амбициозные задачи по изгнанию западноевропейских рыцарей из древнего города, но только Михаилу VIII Палеологу удалось это сделать. Однако прежде ему пришлось вступить в сложнейшее противостояние как с оппозицией внутри страны (сторонниками царевича Иоанна, сына Феодора II Ласкаря), так и с внешними соперниками в лице лидеров Эпирского царства и Ахейского княжества. Кроме того, Михаил VIII был вынужден маневрировать между силами, способными уничтожить Никейскую империю: турками, болгарами и монголами.

Не имея ресурсов вести военные действия одновременно по нескольким направлениям, Палеолог предпочел заключить мирные соглашения с недавними противниками. Сумев заручиться поддержкой константинопольских греков, он на время отвел угрозу вмешательства императора Балдуина. Михаил VIII искал помощи у римского папы, с представителями которого обсуждал перспективу унии между церквями. Впрочем, этот шаг императора вызвал недовольство никейцев и обострил негативное к нему отношение в среде православного духовенства. Благодаря посланному в Тырново Георгию Акрополиту Палеолог развеял собственные опасения относительно грядущего столкновения с Болгарским царством; греческой делегации удалось убедить Константина I Тиха в добром намерении Никейской империи и необходимости сохранения прочных политических и экономических связей между двумя государствами.

Однако дипломатические миссии, направленные в Эпирское царство и Ахейское (Морейское) княжество, провалились, и перед Никеей встала острая необходимость готовиться к масштабной войне. Возглавивший кампанию брат императора Иоанн Палеолог, сыграв на противоречиях союзников, внес раскол в военную коалицию Михаила II, Гильома II Виллардуэна, сицилийского короля Манфреда и правителя Фессалии Иоанна. В итоге в 1259 г. в битве у Пелагонии принимали участие лишь сицилийские и ахейские отряды сил антиникейской коалиции. Иоанн Палеолог одержал сокрушительную победу: пленил цвет греческой и латинской военной аристократии (включая самого Гильома II Виллардуэна) и продвинулся в глубь вражеской территории. Начав осаду столицы Эпирского царства Арты, он вынудил Михаила II к бегству. Впрочем, вскоре тот вернул утраченное.

Силы Латинской империи таяли на глазах, антиникейская коалиция фактически распалась, лишь только венецианский флот отделял Палеолога от столицы древней Византии – Константинополя. Обезопасив границы Никейской державы от монгольской угрозы, Михаил VIII в 1261 г. заключил соглашение с генуэзцами. Ему пришлось заплатить высокую цену (предоставив налоговые и торговые льготы, право приоритетного пользования портами и т.д.) за союз с итальянской республикой, союз, который по сути ничего кроме разорения не принес никейской стороне.

Успешное наступление войск Эпирского (Михаил II) и Сицилийского (Манфред) государств подтолкнуло Михаила VIII к решающим действиям. В течение 1261 г. были мобилизованы значительные военные силы, и уже 15 августа при умелом руководстве полководца Алексея Стратигопула и поддержке населения древней столицы Палеолог вступил в Константинополь.

С приходом Палеолога восстановленная Византийская империя, включившая в себя лишь малую часть ранее принадлежавших ей территорий (отдельные области Македонии, Фракии, северо-западные земли Малой Азии, о-ва Эгейского моря), оказалась в осажденном положении: границам державы угрожали войска Эпирского царства и Сицилийского королевства. Болгары и сербы завладели севером Фракии и Македонии, а турки – прибрежной зоной Атталии и Пафлагонии. Теснимая врагами на суше, Византийская империя не имела свободы и на Средиземном море, где властвовали Венеция и Генуя. Борьба итальянских республик за передел рынка, а также доминирование в ведении торговых сношений с Востоком сказались на экономическом положении державы ромеев. Не только провинциальные города, но и столица находились в упадке. По свидетельствам современников Константинополь – разграбленный и разоренный крестоносцами – пребывал в жалком состоянии.

Михаил VIII, повторно коронованный, на сей раз патриархом Арсением в храме Св. Софии, активно взялся за восстановление былого величия древней столицы. Вскоре город преобразился. Василевс одаривал землями и титулами своих верных сподвижников: один его брат, Иоанн, стал «деспотом», а другой – «кесарем». Значительные расходы на строительство, содержание войск (преимущественно наемников), бюрократического аппарата и императорского двора опустошили казну. Расширение имунитетных прав аристократии способствовало ослаблению центральной власти. Земли, полученные знатью в качестве пронии, с течением времени становясь объектом наследования, выходили из сферы юридического влияния императора. Налоги, ранее уплачивавшиеся париками и другим населявшим господский двор служилым людом, в пользу государства, теперь отходили магнату. Все эти факторы, а также снижение притока средств за счет ведения международной торговли, способствовали принятию Михаилом VIII ряда непопулярных и неэффективных мер, прежде всего широкой практики конфискации имущества опальных династов и порчи монеты.

Ввиду усиления налогового гнета, существенного повышения ренты и ужесточения форм зависимости увеличилась социальная напряженность, вылившаяся в 60-е годы XIII в. в череду восстаний акритов. С углублением дифференциации деревенского населения, ремесленное производство, нахо-

дившееся в руках зажиточных граждан, переводится из города в сельские центры. Данное обстоятельство усиливает упадок малых византийских городов и ведет к их последующему включению в орбиту экономических и политических интересов знатных семейств. Так, многие урбанистические центры трансформировались в «родовые города» (Дидимотики). Дополнительным фактором упадка части городов выступала недобросовестная конкуренция со стороны итальянских морских республик, наводнивших внутренний рынок Византии дешевыми товарами, практически не облагавшимися налогами. Местные ремесленники оказывались зачастую вынуждены свернуть производство.

Решение внутренних проблем неизменно сопровождалось необходимостью поиска выхода из внешнеполитических тупиков. Тактика балансирования давала лишь кратковременные плоды: предоставив Венеции значительные налоговые преференции, ромейской державе удалось расколоть антивизантийскую коалицию, но это же осложнило положение горожан. Перспектива войны с союзом западноевропейских государств, предполагавшим восстановление Латинской империи, подтолкнула Михаила к переговорам с папством на предмет заключения унии. Лионское соглашение 1274 г., казалось, гарантировало греческой стороне мирное урегулирование противоречий с Западом. Однако известие об унии с Римско-католической церковью породило недовольство как духовенства, так и простого народа. Ситуация усугублялась тем, что Византия оказалась вовлечена в «торговую войну», разгоревшуюся между Венецией и Генуей за господство на Черном и Средиземном морях.

Распад тюркского Иконийского султаната также сказался на расстановке сил на геополитической карте региона. Таким образом, в конце XIII в. держава ромеев была ослаблена не только внутренне (за счет понижения уровня жизни и благосостояния населения, рассеивания земельных ресурсов и истощения финансовых), но и внешне – ее границы постоянно осаждали болгарские и сербские войска. Кроме того, значительные области Малой Азии находились под властью османских султанов. В течение 1303–1305 гг. состоявшие на службе у василевса каталонские наемники безуспешно пытались вытеснить турок. В результате сами каталонцы, воспользовавшись политической нестабильностью, разорили Южную Македонию, Фессалию и Фракию и установили контроль над Афинским герцогством.

Правительство Андроника II (1282–1328) не справилось с комплексом проблем, обостривших социальный раскол внутри страны и возбудивших оппозицию. Когда к власти пришел Андроник III (Младший), то вместе с ним утвердилась аристократическая партия, возглавляемая Иоанном Кантакузином. Появление на сцене представителя одного из крупнейших аристократических родов Фракии определило ход развития империи на многие годы: в период малолетства императора Иоанна V Палеолога Иоанн Кантакузин исполнял функции регента, а фактически был главой государства. С 1341 г. власть находилась в его руках, и это вызывало несогласие матери Иоанна V Анны Савойской. Поддерживаемая константинопольской знатью, она организовала против Кантакузина заговор, обрушив репрессии на его соратников. Фактически в лице Анны Савойской (а также ее сподвижника Алексея Апокавка) и Иоанна VI Кантакузина (1341–1354) столкнулись столич-

ная и провинциальная аристократии, пытавшиеся разделить сферы влияния и сосредоточить в своих руках все рычаги управления государством. Очень метко данную ситуацию характеризовал Никифор Григора: «... весь род ромеев раскололся на две части в каждом городе и каждой деревне». Очевидно, что от противоборства группировок знати страдал простой люд. В итоге последовательно разразилась череда восстаний, направленных на низложение местных властей.

ОТ ВОССТАНИЯ ЗИЛОТОВ К ПАДЕНИЮ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Движение *зилотов* (ревнителей), состоявшее из ремесленников, торговцев, чиновников и военных (главным образом моряков), сперва поддерживало тесные связи с Апокавком и выступало против кантакузинцев. Однако после заговора 1345 г., в котором приняли участие сочувствовавшие зилотам константинопольские аристократы и представители средних слоев, стремившиеся договориться с Иоанном, ситуация резко изменилась. Теперь восставшие обратили свой взор на бывших соратников, истребляя одного за другим. Постепенно зилоты теряли инициативу, а внутренние противоречия не позволяли им сплотить ряды.

Ценой больших потерь василевсу удалось подавить сопротивление зилотов и захватить Константинополь. Опустошенная Византия столкнулась с рядом вызванных этим движением проблем: возрастанием сепаратизма в рядах региональной аристократии, финансовым истощением и экономическим упадком. Гражданские войны еще больше ослабили государство перед внешним врагом – Венецией и Генуей. В 1348–1352 гг. алчные итальянские республики вновь включились в борьбу за главенство над принадлежащими империи морскими путями. Попытки Кантакузина разрешить ситуацию в пользу Византии не принесли результатов.

Отречение в 1354 г. Иоанна VI от власти ничего не изменило во внутреннем развитии ромейского государства. Неэффективная работа центрального аппарата управления, экономический упадок, низкий уровень товарного производства, доминирование крупной земельной собственности, ведущее к снижению налоговых поступлений, – все эти факторы объясняли неспособность Византийской империи выдержать внешнее давление. Османский натиск сметал один греческий город за другим. Вначале был захвачен стратегически важный форпост на Галлиполийском п-ове (крепость Цимпе, 1352 г.), затем силами султана Мурада I взят Адрианополь (1362 г.), куда вскоре перенесли столицу Османского государства.

В амбициозные планы турок-османов входило завоевание Балканского п-ова. Ни сербы, ни болгары, ни византийцы оказались не в силах сдержать их наступление. Иоанну V ничего не оставалось, как пойти на переговоры с турецким султаном и признать унижительные условия перемирия: вассальную зависимость от Османской державы и огромную контрибуцию. Тем не менее в период с 1394 по 1402 гг. Баязид I предпринял серию военных операций, в ходе которых ему удалось не только опрокинуть прибывшие на помощь империи отряды крестоносцев, но и осадить Констан-

тинополь. Ни силы венгерского короля, ни византийские или французские воины не сумели остановить завоевателя. Это сделал Тимур, в 1402 г. одержавший над османами сокрушительную победу в битве при Анкаре. Пожалуй, именно данное обстоятельство, а также последовавшее за ним ослабление турецкого государства, позволили Византии продлить свое существование.

Новая волна османских завоеваний, развернувшаяся в 20–30-е годы XV в., подтолкнула империю к Западу. В надежде найти в лице Католической церкви и верных ей европейских монархов поддержку в борьбе с турками Иоанн VIII решил заключить унию.

Ферраро-Флорентийская уния

В период с 1438 по 1445/47 г. в Ферраре, Флоренции и Риме проходил собор, на котором обсуждалась перспектива заключения унии между Католической и Православной церквями, преследовавшей идею повсеместного распространения папской супрематии на землях державы ромеев. В соборе приняли участие кроме византийского императора Иоанна VIII Палеолога и высших иерархов византийской церкви также представители Русского государства – киевский митрополит Исидор и суздальский епископ Авраамий. Греческие клирики, готовые пойти на уступки в области догматики, тем не менее весьма настороженно отнеслись к предложению католиков внести исправление в Никейский Символ веры, касающееся трактовки богословской проблемы исхождения Св. Духа «и от Сына» (*filioque*). Под давлением василевса, части аристократии и влиятельного митрополита Виссариона Никейского византийское духовенство приняло ряд положений собора, среди прочего признав в папе заместителя Христа и главу Церкви. Оказав существенное воздействие на развитие церковно-политических отношений и культурных связей между Западной Европой и Византией, Ферраро-Флорентийский собор, тем не менее, не оправдал возложенных на него ожиданий и не обеспечил военного альянса, способного оградить империю от нашествия врагов.

Крестовый поход, снаряженный западноевропейской знатью, не остановил продвижение турок в глубь территории Византийской империи. Отсутствие в народе единства по поводу заключенного с Католической церковью соглашения усугубляло внутренний кризис. Противостояние двух идеологически полярных группировок – латино- и грекофилов – сказалось на социальной и политической обстановке в стране. В итоге империя оказалась совершенно не готова к масштабной борьбе с османами.

29 мая 1453 г. после двухмесячной ожесточенной осады и героического сопротивления жителей (из которых воинов набралось не более 7 тыс. чел. против 150-тысячной армии турок) Мехмед II взял Константинополь. (Последний византийский император Константин XII Палеолог погиб на улице города в гуще сражения.) Падение столицы ознаменовало окончательный крах Византийской империи. Последовавшие затем завоевания в 1460–1461 гг. Мореи и Трапезунда были логическим завершением внешнеполитического курса Османской державы.

Раздел державы ромеев крестоносцами (1204 г.), образование на ее руинах конгломерата латинских государств и греческих империй не остановили бурного развития византийской культуры. Осведомленность греческой интеллектуальной элиты в западноевропейских философских, богословских и политических теориях породила две противоположные друг другу тенденции: с одной стороны, восхищения латинской словесностью, а с другой – уничижительного к ней отношения. Благодаря францисканцам и доминиканцам византийцы познакомились с классическими произведениями римской и средневековой западноевропейской литературы. В переводе на греческий вышли подготовленные Максимом Планудом (1260–1305) издания трудов Цицерона («Сон Сципиона», сопровождаемый комментариями Макробия), Овидия («Метаморфозы», «Героиды»), Цезаря («Записки о галльской войне»), Боэция («Утешение философией») и Августина («О Троице»). Позднее византийские книжники познакомили читателей с трактатами Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского («Сумма теологии» и «Сумма против язычников» в переводе Дмитрия Кидониса) и Рикольдо де Монте Кроче.

Появление сводов латинской философской и богословской мысли способствовало более глубокому чем прежде пониманию интеллектуальных ориентиров западной цивилизации. Вместе с тем включение схоластических идей (например, концепции симфонии веры и разума) и методов в ученую жизнь Византийской империи вызвало бурное недовольство со стороны авторов, отстаивавших принципы национальной самобытности и идентичности. Так, в диалоге «Флорентий» Никифора Григоры (между 1290 и 1295–1359/1360) описывается столкновение двух типов мышления: греческого (Ксенофан) и латинского (Никагор). Причем из хода полемики действующих лиц читателю, по замыслу автора, становится видна скудость рассуждений приверженца западной традиции (в данном случае Никифор недвусмысленно намекал на Варлаама Калабрийского).

Столкновение греко- (Иоанн Кантакузин, Нил Кавасила и др.) и латинофилов (Димитрий Кидонис, Мануил Калека, Андрей Хрисовберг, Иоанн Кипариссиот) усилилось в период противостояния Григория Паламы и Варлаама Калабрийского, а также обсуждения перспективы заключения унии с Римом. Тем не менее критичное отношение к латинской ученой культуре не означало, что греческие интеллектуалы не применяли отдельные научные принципы на практике: так, в византийской образовательной системе заметно прослеживается влияние классификации квадривиума Кассиодора.

Естественнонаучная литература XIII–XIV вв. представлена фундаментальными работами в области математики и астрономии. Указанные дисциплины совмещали греческие и индийские (через арабское посредничество) исследовательские методы. Важное значение имели учебник по математике, написанный Георгием Пахимером («Квадривиум»), а также изыскания Максима Плануда и Мануила Мосхопула. Изучение движения звезд и их места во Вселенной составляло исключительный интерес византийской интеллектуальной элиты. Трактат «Первоосновы астрономической науки» Феодора Метохита (1270–1332) во многом определил направление исследований в этой

области. Опираясь на труды Евклида, Аристотеля и Птолемея, он критиковал многие, ранее казавшиеся незыблемыми, положения Стагирита о природе физических явлений. Влияние арабо-мусульманской традиции прослеживается в творчестве Григория Хиониада.

Синтез различных космологических концепций с детальным изложением основных положений греческих и восточных (преимущественно персидских) мыслителей предложен Феодором Мелитениотом в трактате «Астрономическое трехкнижие». Греческие ученые стремились как можно полнее отразить свои наблюдения за строением человека, организацией окружающего мира, поведением животных и птиц в специальных сочинениях по медицине, ботанике (словарь Димитрия Пепагомена) и зоологии. В поздневизантийский период новое слово в постижении человеческого организма высказали Иоанн Актуарий и Николай Мирепс, соединившие идеи как классических авторов (Гиппократ, Гален), так и современных им западноевропейских (в частности итальянских).

Переосмысление античного наследия и знакомство с трудами латинских мыслителей способствовало утверждению нового понимания природы и предназначения человека, его места во вселенной. Византийские гуманисты делали акцент на высоком достоинстве высшего из существ, его особом призвании, состоящем в постижении предметов видимого мира и стремлении к божественной истине. Познавательные способности ставились в основу новой антропологической модели: Феодор Метохит прямо писал о том, что самое главное для людей, жаждущих знания, – «совершенствование интеллекта», и нет для них большего счастья, чем радость от умственной работы. В произведениях мыслителей эпохи «Палеологовского Возрождения» отчетливо проступает оригинальное видение жизненных идеалов человека – набора установок, понимаемых как гармоничное сочетание созерцательного и деятельного начал, внутреннего благородства и уравновешенности. Неоплатоническая трактовка задач политического развития общества и выработки нового комплекса этических норм нашла отражение в изысканиях Георгия Гемиста Плифона (1355–1452).

Если византийские гуманисты (Виссарион Никейский) придавали особое значение развитию разума человека, расширению его познавательных возможностей, то греческие богословы, прежде всего Григорий Палама (1296–1359) и его соратники, обращали специальное внимание на необходимость внутреннего делания, морального совершенствования и искоренение пороков. Святитель дал богословское обоснование практики «умной молитвы» (*исихия* – тишина, молчание) как особой формы «медитативного» погружения человека в глубины души, преодоления рассеянности ума и познания собственного «Я» в свете божественной благодати. Совмещение молитвы и физических упражнений (контроль дыхания и сердцебиения) позволяло человеку преодолеть духовное смятение и обрести покой. Многие положения *исихизма*, изложенные в том числе в программных трудах Григория Паламы, вызвали несогласие «латинской группы» византийских интеллектуалов, прежде всего Варлаама Калабрийского и его сторонников, так называемых «варлаамитов».

Новые веяния в области культуры нашли отражение в развитии различных жанров византийской литературы позднейшего периода. Прочные пози-

ции по-прежнему занимали многочисленные труды мемуарного характера, а также историографические сочинения («История» Никиты Хониата, «История ромеев» Никифора Григоры, «История» Иоанна VI Кантакузина). Широкое воздействие западноевропейской интеллектуальной традиции сказалось на греческой поэзии: стихотворные романы «Бельтандр и Хризанца», «Имберий и Маргарона» выполнены в стилистике рыцарской культуры. Наряду с высокой, ученой и изысканной словесностью значительно окрепла народная, пародийно-сатирическая в своей основе, литература. В фольклорных произведениях изобличались пороки знати и социальное неравенство («Рассказ о четвероногих»).

Динамичные художественные образы наделялись реалистическими чертами и глубокими психологическими свойствами. Поиск новых идеалов в архитектуре породил тип храмового строительства, основанный на идее материально-духовной симфонии, внешней и внутренней асимметрии, легкости, возносящей человека в молитвенном порыве к Богу (Кахрие Джами).

ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МАЛОЙ АЗИИ

ТЮРКИ В МАЛОЙ АЗИИ И ОБРАЗОВАНИЕ РУМСКОГО СУЛТАНАТА

Тюркские племена в Малой Азии и на Балканах впервые появились еще в период так называемого Великого переселения народов (в первые века нашей эры). Однако вплоть до VII в. проникавшие в эти районы массы тюркских кочевников, связанных с такими объединениями, как гунны и авары, сувары и булгары, хазары и многие другие, быстро поглощались местными этносами и не оставили сколько-нибудь заметного следа в этнической истории региона. В VIII–X вв. начинается более значительный приток тюрков из Средней Азии и Хорасана. Аббасидские халифы привлекают их в западные области халифата в качестве военной силы для защиты границ своих владений. Так на востоке Малой Азии, на границах с Византией, появляются поселения тюркских племен.

Такие тюркские племена, как печенеги, узы, куманы (кипчаки, половцы), продвигаясь по Северному Причерноморью, проникали в XI–XII вв. с северо-запада во владения Византии, где местные власти также стремились поселить их в пограничных провинциях и использовать как наемников в войске. Расселяясь среди других обитателей Малой Азии, эти поселенцы в какой-то мере подготовили будущую тюркизацию Анатолии. В XI в. к границам Малой Азии подступила новая, более мощная, чем все предыдущие, миграционная волна тюркских, так называемых огузских, племен из Средней Азии.

В X в. из огузо-туркменского племени *кынык* возвысился род Сельджука. В X–XI вв., став мусульманами, Сельджукиды повели борьбу против языческих огузских вождей. Продвинувшись на юг, в пределы государства Газневидов, сельджуки сумели сокрушить власть этого государства в Хорасане (1040 г.) и создать новую державу, получившую в истории название «Великих Сельджукидов». Во второй половине XI в. это государство подчинило себе огромные территории – от Средней Азии до Средиземного моря.

Становление державы Сельджукидов еще более активизировало миграционное движение огузо-туркменских племен на запад. Сельджукские султаны, устанавливая свою власть над тем или иным районом или государством, не предоставляли их земли своим кочевым соплеменникам, а отправляли последних все дальше на запад, т.е. проводили в отношении их сознательную миграционную политику, благодаря которой уберегали от разграбления подчинившиеся им земледельческие районы и города и вместе с тем постоянно поддерживали воинский дух и завоевательные устремления огузских родоплеменных объединений. Идеологически этот миграционный поток воодушевлялся исламом и почетностью борьбы с неверными и еретиками. Огузы выступали тогда как восстановители суннитской ортодоксии в охваченных шиизмом ближневосточных странах, а потом и как передовой отряд ислама

в борьбе с христианством. Такая политика «Великих Сельджукидов» и массовость миграции огузо-туркменских племен привели к тому, что, покрыв огромные расстояния, компактные массы тюркского населения сосредоточились там, где миграционная волна натолкнулась на некую преграду для своего дальнейшего продвижения. Потому-то тюркскими стали районы, географически наиболее удаленные от исходной базы миграции, т.е. от Средней Азии. Это – Азербайджан и Малая Азия.

Первые сельджукские вторжения в Закавказье и Малую Азию были совершены еще в первой половине XI в. Предводителями тюркских орд выступали тогда двоюродные братья первого сельджукского султана Тогрул-бека (1038–1063) Ибрахим Йинал и Куталмыш. При султанине «Великих Сельджукидов» Алп-Арслане (1063–1072) походами на Византию, которой принадлежала Малая Азия, руководили сам султан и его наследник Мелик-шах (походы 1064 и 1067–1068 гг.).

С этого времени нападавшие уже не ограничиваются лишь добычей, как в первых набегах, а пытаются захватить территории, делая их опорными базами для дальнейших завоеваний. Против сельджуков выступил император Византии Роман IV Диоген, попавший в 1071 г. в плен. Он вынужден был подписать мирный договор, по которому обязался выплачивать ежегодную дань и уступил Сельджукидам несколько крепостей: Эдессу (Урфу), Антиохию (Антакью) и ряд других. Со своей стороны Алп-Арслан обещал не нападать на восточные границы империи.

Однако после возвращения Романа IV Диогена из сельджукского плена византийские придворные круги добились его низложения, а преемники не признали для себя обязательными условия договора с Сельджукидами. Византийский историк Скилица пишет по этому поводу: «Так как заключенное с Диогеном соглашение осталось неисполненным, то турки..., поднявшись из Персии во всеоружии и не встречая никакого сопротивления, напали на ромейские фемы и опустошили их, не ограничиваясь лишь временным наездом, как это было прежде, и быстрым отступлением, но завладевая страной с целью обладания ею на правах постоянного господства». При этом, как свидетельствует анонимный грузинский автор XII в., после Манцикерта сами греки покидали свои земли и города, «коиими владели на Востоке... Их захватили турки и поселились в них».

Византийские правители не усматривали в устремлявшихся в пределы их государства тюркских мигрантах особой опасности. Византийский мир на протяжении веков жил в условиях постоянных варварских вторжений, он привык использовать варваров как для нужд обороны страны, создавая из них новое сословие крестьян-воинов (*акритов*), так и для имперской экспансии, натравливая одни народы на другие. Постепенно византийцы включали все новые и новые этнические массы в состав своего населения, подчиняли их своей культуре и, если не ассимилировали, то приучали жить по имперским нормам поведения. Так и с новыми восточными противниками византийцы надеялись со временем поладить, а потому не считали утерянными окончательно пространства, занятые тюрками и пока исключенные из сферы их влияния. Более того, они пытались использовать отдельные тюркские орды в своих внутренних усобицах. Так, Никифор III Вотаниат (1078–1081) в борьбе со своими противниками привлёк силы Сулеймана ибн Куталмышы,

Молитвенная ниша мечети Бейхаким в Конье, Анатолия. Вторая половина XIII в. Берлин, Музей исламского искусства © 2011. Photo Scala Florence

выходца из боковой линии сельджукидской династии, а за помощь разрешил ему расположиться со своими соплеменниками на азиатском берегу черноморских проливов и в г. Никея (Изник).

К концу XI в. огузо-туркменские племена утвердились почти во всех частях Анатолии. Отдельные тюркские военачальники и беи племен выступали здесь зачастую самостоятельно, слабо координируя свои действия, не всегда подчиняясь центральным властям и порой враждуя между собой. Среди них наиболее успешными были: Артук, Кунак, Барсук, Чаха (или Чекан), эмиры из рода Данишмендидов и наследники Куталмыша. Известно, что Сулейман ибн Куталмыш, опираясь на свои владения в районе Никеи, в 1081 г. начал высказывать претензии на первенство в роде Сельджука. В битве с братом

Мелик-шаха Тутушем, эмиром Сирии, Сулейман был разбит и погиб в бою (1086 г.). Однако малоазиатские владения остались за его наследниками.

После смерти Мелик-шаха (1092 г.) империя «Великих Сельджукидов» фактически распалась. В западных ее областях сюзеренитет «великого султана» сохранялся лишь номинально и выражался в праве на «хутбу» (т.е. упоминании имени султана в пятничной молитве) и чеканке монет с его именем. Владетели отдельных областей распавшейся державы «Великих Сельджукидов» начинают объявлять себя султанами. В XII в. титул «султан» присваивают себе и малоазиатские наследники Куталмыша. Их султанат стал называться Румским, поскольку располагался на бывших землях державы ромеев – Византии.

Сельджукиды начали свое утверждение в Малой Азии с мероприятия, которое российский исследователь В.А. Гордлевский назвал «социальной реформой» Сулеймана ибн Куталмыша: «Крестьян и рабов, работавших в латифундиях в Малой Азии, он объявил свободными, и они массами стали переходить в ислам». Различными пожалованиями и льготами Сельджукиды привлекали на свою сторону и отдельных представителей господствующего класса. Очевидно, такая политика помогала этой династии в борьбе с Византией и способствовала ее успехам в подчинении других тюркских владетелей.

Византия во второй половине XI в. переживала период анархии и междоусобиц, сопровождавшийся территориальными потерями. Находясь в критическом положении, император Алексей I Комнин в 1090–1094 гг. неоднократно обращался за помощью к папе римскому и западноевропейскому рыцарству, что послужило поводом к началу I Крестового похода. Румские Сельджукиды были разбиты крестоносцами (1097 г.), потеряли свою столицу Никею и были отброшены на восток, за Эскишехир. Крестоносцы, однако, не задержались в Малой Азии, а ушли в Сирию и Палестину. Государство Сельджукидов Рума сумело оправиться от удара. Его новой столицей стал г. Конья (Иконий) (с 1116 г.), по которой все государство получило с этого времени название не только Румского, но и Конийского (или Иконийского) султаната. Отношение к нему среди местного населения явно меняется, слишком запомнились грабежи и насилия крестоносцев. Сельджукиды выступают посредниками между тюркской кочевой вольницей и оседлым, главным образом греческим и армянским, населением, внося некий порядок в их взаимоотношения. Разгром Византии в IV Крестовом походе (1204 г.) позволил Сельджукидам еще более укрепить свои позиции.

От других сельджукских владетелей в Азии Сельджукиды Рума оказались отрезанными сохранявшими еще тогда самостоятельность тюркскими эмиратами Восточной Анатолии, а потому вынуждены были отстраниться от активной борьбы за власть и дополнительные территории в империи «Великих Сельджукидов». Борьбу с крестоносцами, обосновавшимися в Сирии, вели также эмираты Артукидов, Данишмендидов и др. Получив, таким образом, относительную внешнеполитическую передышку, Румский султанат сумел укрепить свою власть внутри страны, а затем, в 80-е годы XII в., сокрушил своего главного тюркского соперника в Анатолии – государство Данишмендидов.

К XIII в. объединение почти всей Анатолии в единый Румский султанат начинает давать свои положительные плоды. В Анатолии оживляется торговля, важнейшие торговые пути перемещаются сюда из Сирии, превратившейся в результате крестовых походов в арену ожесточенных войн. На торговых путях выросли караван-сарай. Транзитная торговля сделала государство Сельджукидов Рума одной из богатейших держав Ближнего Востока. Города Анатолии, по свидетельству современников, процветали. Конья, насчитывавшая до 100 тыс. жителей, представляла собой большой город, хорошо застроенный, изобилующий водой и ручьями, садами и фруктами, с прекрасными базарами, множеством мечетей, медресе, бань и ремесленных мастерских. Прекрасная зимняя резиденция султанов была создана на средиземноморском побережье в Алайе (Аланье). В страну продолжался приток тюрко-мусульманского населения с Востока, в том числе многих ученых, поэтов и философов исламского мира.

Существуя в ближайшем соседстве с Византией, а после ее разгрома в 1204 г. с ее наследниками – Никейской и Трапезундской империями, а также с государствами крестоносцев, Грузинским царством и Киликийской Арменией – Сельджукиды Рума сумели не только устоять, но и порой заставлять соседей платить себе дань. Их владения достигли всех омывающих Малую Азию морей (в 1207 г. они завоевали Анталию, в 1214 – Синоп). В 1221–1222 гг. они совершили успешный поход в Крым, где были разбиты греко-половецко-русские войска и захвачена Сугдея (Сурож русских купцов, совр. Судак).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РУМСКОГО СУЛТАНАТА

В сельджукский период среди тюркских племен, обосновавшихся в Малой Азии, интенсивно шел процесс разложения родоплеменного строя. Наряду с территориями для кочевания племени (так называемыми *уджами*), которые по традиции правители предоставляли племенам в пограничных районах государства, сельджукская кочевая знать получала в собственное распоряжение *икта*, т.е. земли, с которых могла собирать подати в свою личную пользу. Так эта знать приобщалась к эксплуатации местного земледельческого населения. Государство считалось собственником всей земли, а потому сохраняло определенную степень контроля за теми социальными отношениями, которые развивались в икта и уджах. Налоговая практика, существовавшая в государстве, была унаследована от Византии. Часть бывших кочевников начинает заниматься земледелием и переходить на оседлость, но процесс этот шел крайне медленно. Определенные земельные и иные доходные пожалования делались правителями различным мусульманским религиозно-благотворительным учреждениям, т.е. создавались *вакфы*, однако количество их пока также было незначительным.

Для основной массы тюркских племен главным занятием и в Анатолии оставалось кочевое скотоводство, а потому селились они прежде всего там, где находились удобные пастбища. Именно к таким районам относилось обширное плоскогорье Центральной Анатолии. Расселившиеся здесь много-

численные тюркские пришельцы очень скоро оказались в большинстве по отношению к местному населению, так как степные пространства Анатолии были до этого времени мало населены.

Иначе обстояло дело в других районах страны. Дружинники беев и эмиров, участвовавшие в завоевании Анатолии, оседали в городах и крепостях. Некоторая часть прибывших кочевников, как уже отмечалось, перешла на оседлость. Однако в городах и среди крестьянства тюрки-мусульмане продолжали составлять меньшинство населения, поэтому важнейшей статьёй доходов Румского султаната продолжал служить налог *джизья* (подушная подать с немусульман).

Кочевые племена оставались основным господствующим слоем населения страны. Большинство этих племен представляли собой не древние кровнородственные союзы, а были составлены из частей различных родоплеменных групп. Сельджукиды Рума практиковали в отношении их политику дальнейшего дробления и разъединения, предоставляя им для поселения территории в разных районах страны. Так, в районе Анкары до сих пор встречаются населенные пункты, названия которых связаны с наименованием 17 из 24 огузских племен, а подразделения племени *кайя* были расселены, судя по топонимическим данным, на громадном пространстве – от Чанаккале до Карса и от Урфа до Манысы. Уже в XI в. в применении к тюркским племенам, ушедшим далеко на Запад, почти перестает применяться общий термин «огузы», хотя отдельные отзвуки его и сохранились до сих пор в топонимике и ономастике региона. С X в. для племен, признававших власть рода Сельджука, стали использовать термин «сельджуки». Он бытовал наряду с этнонимом «туркмены», которым в XII–XIII вв. в Малой Азии называли все тюркские племена, приходившие с Востока. Здесь, особенно в Западной Анатолии, они смешивались с огузо-кипчаками, пришедшими с Запада, через Балканы и Причерноморье. Образовывалась новая общность тюркских народов, которая ранее впитала в себя часть более древнего ираноязычного населения Средней Азии и начала ассимилировать дотюркские народы Малой Азии. Постепенно тюрки менялись и антропологически, в их внешнем облике почти исчезли черты монголоидности, характерные для древних тюрков.

В Анатолии среди тех тюрков, которые переходили на оседлость, появился и тот этноним, который стал самоназванием малоазиатского тюркского населения – *турок* (*türk*). Однако он долгое время не мог получить широкого распространения, означал лишь простолюдина (что-то вроде русского «крестьянина-лапотника»), поскольку среди большинства населения на первый план выступало не этническое, а религиозное самосознание и государственное подданство – мусульмане и сельджуки. Самоназвание «туркмены» сохранилось до наших дней у ряда кочевых и полукочевых племен Восточной Анатолии. Однако эти туркменские племена нельзя отождествлять с туркменами Средней Азии, основное ядро которых сложилось из тюркизированных потомков древнего населения степей и оазисов Закаспия, а этнические компоненты огузо-туркменского происхождения послужили одним из крупных, но не единственным этническим слагаемым. В Восточной же Анатолии огузы были представлены в более чистом виде.

Массовая миграция огузо-туркменских племен в Малую Азию явилась исходным моментом для формирования в будущем турецкой народности, но в XI–XIII вв. процесс складывания турецкой этнической общности только начинался. Пока еще конфессиональные, племенные и языковые различия сильно затрудняли ход наметившихся этнических процессов. Не существовало и достаточно прочной социально-экономической и политической общности. Сам Румский султанат не был еще турецким государством. Однако этнические изменения, происшедшие в Малой Азии, приобретали уже необратимый характер.

Они еще более усилились в XIII в., когда сюда устремилась новая миграционная волна тюрок. Под ударами монголов пало государство Хорезмшахов, включившее в себя многие территории бывшей империи «Великих Сельджукидов». Оттуда в Малую Азию началось массовое переселение. Причем оно состояло уже не только из подвижных скотоводов и воинов, как было ранее. В движение на Запад вовлекались и другие социальные слои многих среднеазиатских, закавказских и иранских областей, подвергшихся монгольскому разграблению. С насиженных мест снимались даже ранее оседлые земледельцы и горожане. Они рассчитывали в Малой Азии, этой самой западной окраине мусульманского мира, укрыться от монголов. В результате плотность тюрко-мусульманского населения там в предмонгольский период значительно увеличилась. Новые мигранты располагались главным образом в Центральной и Западной Анатолии. При размещении среди местного населения они сохраняли на первых порах племенные формы социальной организации. Бей племен стремились официально получить землю от сельджукского правителя. Взаимоотношения же внутри племени могли быть довольно далекими от традиционно племенных, так как новые пришельцы являли собой в социальном, культурном, этническом и даже религиозном плане довольно разнородную массу, причем более склонную к оседлой жизни, чем продолжению кочевничества. Тем не менее в Анатолии в это время явно усилились настроения племенной вольницы, желавшей как-то защитить себя от государственного произвола. В стране нарастала социальная нестабильность, в условиях которой она встретила новую грозную опасность – нашествие монголов.

МАЛАЯ АЗИЯ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Разбив войско Сельджукидов в битве у Кёсе-дага (1242 г.), монголы произвели в Малой Азии огромные опустошения, разрушив многие города, истребив либо угнав в плен десятки тысяч жителей, особенно ремесленников. Владения сельджукских султанов были разделены на две части. Восточные территории Румского султаната отошли под непосредственное управление монгольского государства – вначале Золотой Орды, а затем государства Хулагуидов, или Ильханов (образовалось в 1256 г. на территориях Ирана, Афганистана, Закавказья, Ирака и восточной части Малой Азии). На западе Анатолии Сельджукиды, став вассалами монголов, сохраняли свою власть до 1307 г.

Опустошительное монгольское нашествие не смогло уничтожить связей тюркских племен с освоенной ими в XI–XIII вв. территорией. Вместе с тем в постмонгольский период усилилась этническая, религиозная и социальная разобщенность местного населения. Монгольское владычество подорвало авторитет сельджукских султанов. Крупные беи фактически становились независимыми от сельджукских властей. Происходила перегруппировка жителей. В восточных и центральных районах наблюдалась явная убыль населения. Многие были перебиты, другие бежали на запад, в горы, к побережью. Наиболее зажиточные переселялись в Сирию и Египет. Монголы расселяли на востоке Малой Азии новые кочевые племена, пришедшие вместе с ними. Среди них возобладали родоплеменные и кочевые традиции.

На западе социальные отношения развивались иначе. На первых порах там также активизировались объединения, в основе которых первоначально лежал не столько территориальный, сколько племенной принцип сплочения вокруг отдельных правящих родов, получивших для своего племени земли в качестве «икта» или «уджей» от Сельджукидов, ильханов либо отвоевавших их у соседей – неверных. Страна распалась на множество отдельных *бейликов* (эмиратов, княжеств), фактически независимых ни от монголов, ни от их вассалов – сельджукских султанов. В этот период изменяется психологический настрой тюркского населения Анатолии. В сельджукский период длительное сосуществование с византийскими землями позволяло надеяться на складывание здесь некоего тюркско-греческого общества, в котором важную роль играла бы не только тюркская, но и греческая знать. Одним из последних проявлений этой тенденции можно считать назначение Михаила Палеолога в 1258 г. *бейлербеем* (управителем) Кастамону. Через год после этого он, как известно, стал византийским императором Михаилом VIII Палеологом (1259–1282 гг.). Следовательно, тогда самые знатные люди византийского общества могли служить и Сельджукидам, и Византии. В сельджукском обществе также проявлялся как политический, так и культурный синкретизм.

Выдающийся философ-суфий, основатель ордена дервишей мевлеви Джеляледин Руми (1207–1273), получивший в народе прозвище «Мевляна» (Наш учитель), проповедуя равенство всех людей перед богом, пытался внести синкретизм даже в религию, примирить ислам и христианство. Когда Джеляледин умер, на его похоронах присутствовали приверженцы всех религиозных течений и сект Малой Азии. И хотя он оставался мусульманином и своими проповедями скорее привлекал христиан к исламу, чем наоборот, его призывы к мирному сожительству христиан и мусульман, утверждения, что между ними нет большого различия, были показателем настроения сельджукского общества на мирное сосуществование с греческим населением.

К концу XIII в. настроения изменились. Этому способствовала международная ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке. Установились дружеские отношения Византии и государства Ильханов, причем эта дружба сохранялась и тогда, когда монголы были язычниками, и после принятия ими ислама. Именно в правление принявшего ислам Газан-хана (1295–1304) был заключен союз с Византией против мятежных тюркских бейликов, в кото-

рых в условиях борьбы за свою независимость от монголов начинают расти тюркское самосознание и настроения исламо-христианского противостояния. Тогда же ослабевает иранское влияние. Персидский язык, бывший при Сельджукидах официальным языком управления и культуры, заменяется турецким.

Из бейликов наибольшую самостоятельность на первых порах проявлял бейлик Караманов, сложившийся в горных районах Западной Киликии. Находясь в пограничной зоне между двумя крупнейшими в XIII в. государствами Ближнего Востока – монгольской державой Ильханов и мамлюкским Сирийско-египетским султанатом, этот бейлик активно играл на межгосударственных противоречиях. В начале XIV в. после неоднократных неудачных попыток он захватил наконец бывшую столицу Сельджукидов Конью, чем явно заявил о своих претензиях стать их наследником в Малой Азии. Именно с правителем этого бейлика Мехмед-беем (1261–1277) связано введение турецкого языка в качестве государственного в делопроизводство и финансовую отчетность.

Главным соперником этого могущественного бейлика был бейлик Гермиянов (столица – г. Кютахья), который сумел к концу XIII в. овладеть землями вплоть до Анкары, т.е. захватить часть территорий, принадлежавших непосредственно ильханам. Он распространял свое влияние на север и юго-запад Анатолии, где местные бейские династии оказались в зависимости от Гермиянов, либо даже вели свою родословную от отдельных их военачальников (беи Сурухана, Айдына и ряд других). Будучи окруженными этими новыми образованиями, бейлик Гермиянов оказался «внутренним» государством, отделенным от территорий, населенных «неверными», против которых можно было бы вести «священную» завоевательную войну.

Бейлики Гермиян и Караман, занятые соперничеством между собой и за сельджукское наследство, сохраняли относительно медленные темпы внутреннего социального развития. Западные же, на первых порах зависимые от них, мелкие бейлики, вели «священную войну» за захват владений византийцев и итальянских государств в бассейне Эгейского моря, привлекая этим поток мигрантов из внутренних районов Анатолии, надевавшихся обрести здесь новые земли для своего поселения. Население этих бейликов оказалось по сравнению с внутренними районами более неоднородным, смешанным в этническом, социальном и религиозном отношении. Здесь распространяются учения различных исламских сект, во многом сохранивших традиции, сложившиеся у кочевников еще в Центральной Азии. Эпические сказания о богатырях-альпах переплетались с исламскими представлениями о «борцах за веру» – гази. Пассионарный настрой населения толкал эти бейлики к активной завоевательной политике.

В начале XIV в. бейлики Караси, Сурухан, Ментеше и Айдын, заняв всю Западную Анатолию и морское побережье, были тюркским форпостом в борьбе с Византией. Имея свой флот, они занимались пиратством и работорговлей, чем наносили значительный ущерб приморским районам и европейской средиземноморской торговле. В 1343–1344 гг. против них был принят крестовый поход, завершившийся взятием европейскими рыцарями

крупнейшего порта на Эгейском побережье Малой Азии Измира (Смирны), принадлежавшего ранее бейлику Айдын. Это сильно подорвало военный потенциал бейликов. К тому же к середине XIV в. прибрежные бейлики тесно приобщились к европейской торговле. Они стали выступать посредниками в торговле с Европой для других анатолийских бейликов, а через караванные торговые пути продвигали европейские товары в ближневосточные страны и мамлюкский Египет. Торговые связи с Европой побуждали к установлению относительно мирных христиано-мусульманских отношений.

Идея «священной» войны с неверными оказалась наиболее действенной на северо-западе Анатолии, где сложился бейлик Османов.

ДЕЛИЙСКИЙ СУЛТАНАТ В XIII – СЕРЕДИНЕ XIV ВЕКА

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

На протяжении нескольких столетий (с XIII до начала XVI в.) созданное военачальниками Мухаммада Гури государство оставалось самой значительной политической силой в Северной Индии, власть которого, в зависимости от успехов правителей, часто простиралась и гораздо дальше. После смерти владения Мухаммада Гури были поделены между его соратниками, которые юридически считались рабами (гулямами). Султаном Дели в 1206 г. провозгласил себя Кубт ад-Дин Айбак, но не успел до своей смерти в 1210 г. объединить все земли султаната. Его зять Шамс ад-Дин Илтутмыш (1211–1236) смог уничтожить других претендентов на престол и превратить султанат в могущественную державу, владения которой простирались от Бенгалии до Синда.

С начала XIII в. султанат находился под постоянной угрозой монгольских набегов. Первоначально этот фактор сыграл позитивную роль, так как распадавшееся государство сплотилось перед лицом внешней угрозы. Сам Илтутмыш сумел оказать сопротивление полчищам Чингисхана в 1221 г., а то, что северо-западные соседи султаната оказались разбиты монголами, способствовало присоединению правителями Дели Пенджаба и Синда. Но завоевательные походы монголов не прекращались, они нападали в 1241, 1279 и 1299, в 1303 г. два месяца осаждали Дели, а также в 1304–1308 гг. И несмотря на то что правителям султаната каждый раз удавалось отразить нападения врагов, на это уходили значительные силы.

Созданная Илтутмышем империя оставалась очень аморфной и неустойчивой; в ней отсутствовало регулярное административное деление и четкие границы регионов, куда назначались наместники. Правитель рассматривался тюркской мусульманской знатью, попавшей в Индию вместе с Гуридами («40 семейств»), как первый среди равных. Объединению тюрков-суннитов противостояла в борьбе за политическое влияние группа переселившихся позднее ираноязычных персов, таджиков и афганцев, часто шиитов по религии.

Илтутмыш, считавший своих сыновей неспособными эффективно управлять державой, склонялся к тому, чтобы ему наследовала его дочь Раззия, которую воспитывали как юношу. Тем не менее после смерти Илтутмыша «40 семейств» смогли посадить на трон одного из его сыновей, вместо которого фактически правила мать. Второй сын Илтутмыша организовал восстание в Ауде, остальные провинции также охватили волнения. В этой ситуации восставшие «горожане Дели» предали казни султана и его мать, провозгласив новым султаном Раззию. Это стало единственным случаем официального правления женщины в качестве султана в Индии. Хотя Раззии и удалось в течение некоторого времени (3,5 года) удерживать власть и подавить ряд восстаний, вскоре последовала череда государственных переворотов, во вре-

Делийский султанат в XIII – первой половине XIV в.

мая которой тюркская знать меняла одних наследников Илтутмыша на других. Нестабильность политической власти в Дели привела к отпадению от султаната Пенджаба, Бихара и Бенгалии и к восстаниям многих индусских князей.

В течение наступившего после этого долгого правления младшего сына Илтутмыша Насир ад-Дина Махмуда (1246–1266) значительное влияние при дворе получил бывший раб Илтутмыша Улуг-хан, одержавший несколько побед над монголами. Он женил султана на своей дочери и фактически управлял государством еще при жизни своего зятя. После его смерти Улуг-хан объявил себя султаном, поменяв имя на Гийас ад-Дина Балбана (1266–1287). Новоявленный владыка постарался уменьшить роль «40 семейств» в политике, постепенно натравливая знатные семьи друг против друга и уничтожая их. Также он противопоставил тюркской культуре иранскую, введя, например, персидский церемониал при дворе. Укреплению власти правителя способствовала и идея о божественном происхождении царской власти, которую стремился внедрить Балбан.

При нем появились и первые элементы административной системы – располагавшиеся на определенном расстоянии друг от друга опорные пункты с военными отрядами. Впрочем, попытка султана навести порядок в существовавшей системе условного землевладения (*икта* – наделов, получаемых за военную службу) оказалась безуспешной. Некоторая часть наделов перешла к наследникам иктадаров, которые уже не несли службу, но конфисковать эти земли Балбану не удалось из-за сопротивления вельмож его указу.

Балбану наследовал его внук – 17-летний Муиз ад-Дин Кайкубад (1287–1290), который продолжал борьбу со знатью тюркского происхождения. После того как он был отравлен, развернулась борьба за власть между тюрками и персами, в которой победил приближенный ко двору Кайкубадом перс Фируз-шах Хилджи (1290–1296, стал султаном под именем Джалал ад-Дина), основавший новую династию.

Джалал ад-Дин Хилджи совершил единственный и неудачный завоевательный поход в Раджпутану, но его племянник и зять Али Гуршасп, получив от султана разрешение продолжить завоевание Декана, в 1293 г. напал на государство Парамаров в Малве. Поход оказался успешным, и в 1294 г. войска Али выступили против государства Ядавов (находившегося на территории совр. Махараштры). Пригласив дядю приехать к нему на встречу и получить захваченные в столице государства Ядавов Девагири богатства, Али коварно убил его, провозгласил себя султаном под именем Ала ад-Дина (1296–1316) и вскоре захватил Дели. Став султаном, Ала ад-Дин продолжил завоевательные походы. В 1297 г. был завоеван Гуджарат, в 1299–1301 гг. после нескольких кампаний и годовой осады взята столица государства Чауханов Рантхамбхор; в 1303 г. к султанату присоединили Мевар, которому вскоре пришлось вернуть автономию, в 1305 г. добавили Малву.

История сопротивления мусульманским завоевателям Мевара, небольшого раджпутского княжества кулы (клана) Гухилот (Сисодии), на протяжении нескольких веков стала достоянием индийской истории и литературы. Не случайно именно к этой куле старался впоследствии возвести свой род создатель знаменитой индусской империи *маратхов*, боровшийся против власти моголов, Чатрапати Шиваджи (1674–1680). Первой страницей в истории борьбы Мевара за

независимость стала осадой его столицы Читторгарха войсками Ала ад-Дина Хильджи в 1303 г.

Согласно раджпутской легенде, делийский султан мечтал заполучить в жены супругу *раны* (правителя) Мевара Ратан Сингха рани Падмини, славившуюся своей красотой. Хитростью захватив в плен ее мужа, султан потребовал отдать в обмен на него рани. Прибывшая в лагерь Ала ад-Дина Падмини смогла привезти с собой воинов под видом служанок и отбить Ратан Сингха. Это привело к осаде Читторгарха, продолжавшейся семь месяцев. Когда раджпуты поняли, что крепость нельзя отстоять, они совершили *джаухар* – обряд саможжения, во время которого погибли все женщины и дети, в то время как все мужчины вышли на бой с противником и пали в бою. Тем не менее раджпуты Мевара не прекратили сопротивление и через 10 лет смогли вернуть свою столицу.

История с джаухаром повторилась через несколько столетий при осаде Читторгарха войсками могольского императора Акбара в 1568 г. Несмотря на многочисленные поражения от мусульманских завоевателей, Сисодия оказались одним из двух раджпутских кланов, сумевшим сохранить свою власть над родовыми владениями в Раджастхане.

Таким образом, большая часть раджпутских княжеств оказалась, по крайней мере формально, подчинена султанату. Это позволило перейти к походам на юг, которые возглавил Малик Кафур – эфиопский раб-евнух, ставший вторым лицом в государстве. В 1306 г. вновь была захвачена столица Ядавов Девагири, в 1308 г. – столица государства Какатьев на Восточном Декане Варангал. В 1310–1311 гг. войска Малика Кафура дошли до расположенных на крайнем юге субконтинента государств Хойсалов и Пандьев. Впервые со времен Ашоки (273–232 г. до н.э.) весь Индостан на несколько лет оказался объединен под властью одного правителя.

Стремясь предотвратить заговоры и восстания знати, Ала ад-Дин значительно урезал принадлежавшие ей земельные владения и обложил налогом те земли, которые раньше были от него освобождены. Кроме того, султан создал систему шпионажа, с помощью которой контролировал придворных и наместников. Браки между членами знатных семей могли заключаться только с разрешения Ала ад-Дина. Для проведения завоевательной политики и организации обороны границ от монгольских набегов требовалась огромная армия. В связи с этим султан провел налоговую реформу (по, возможно, слегка преувеличенным данным хронистов, натуральный налог достигал половины урожая) и ввел регулирование цен на продовольствие (пшеницу, ячмень, рис и сахар, топленое и растительное масло, соль и скот).

. Командно-административная экономическая система начала XIV в.

Ала ад-Дин Хилджи довел до «совершенства» восточную систему регулирования экономики. Сначала он запретил пить вино и приказал вылить на улицу все его запасы. Улицы Дели, по словам хрониста, превратились в грязные канавы. Правда, позднее султану пришлось разрешить своей знати пить, но только дома и в одиночку. Затем были фиксированы максимальные цены на базаре. По базарам рыскали соглядатаи, совершавшие «контрольные закупки», и если цены оказывались выше декретированных, торговцы подвергались крупным штрафам. Если эти меры не давали результатов и цены продолжали расти, сул-

тан приказывал выбросить на рынок запасы зерна из государственных складов и сбить цены «экономическим методом».

Соглядатаи следили также за тем, чтобы торговцы не обвешивали покупателей. Если фиксировался недовес, то из тела торговца нужно было вырезать кусок мяса соответствующего размера. Эта «идеальная модель» восточно-деспотического государства, проявлявшего неусыпную заботу о подданных, все же не смогла просуществовать долго и была оставлена после смерти султана.

В последние годы жизни Ала ад-Дина начался быстрый распад созданной им державы. Малик Кафур, фактически правивший в это время страной, был убит вскоре после смерти своего хозяина, а власть захватил третий сын Ала ад-Дина Мубарак (1316–1320). При нем были отменены наиболее непопулярные меры Ала ад-Дина, например, регулирование цен и слежка за придворными, возвращены владельцам некоторые конфискованные земли.

Тем не менее султана вскоре зарезали по приказу фактически правившего вместо него Насир ад-Дина Хусроу, а тот, в свою очередь, был свергнут и убит одним из самых известных военачальников Ала ад-Дина, прославившимся в войнах с монголами, Гази Маликом. Последний стал султаном под именем Гийас ад-Дина Туглака (1321–1325) и основал третью династию мусульманских правителей Дели – династию Туглаков, правившую до конца XIV в.

Гийас ад-Дин установил достаточно низкие налоги, поощрял развитие сельского хозяйства, провел строительство нескольких оросительных каналов. В ходе ряда завоевательных походов к султанату была окончательно присоединена территория государства Какатьев, а также Бенгалия, в которой с 1287 по 1324 г. существовало самостоятельное мусульманское княжество. На обратном пути в Дели с богатой добычей после похода в Бенгалию Гийас ад-Дин пал от рук своего любимого сына, ставшего султаном под именем Мухаммада Туглака (1325–1351).

Новый султан отличался неуравновешенным характером и жестокостью, но при этом обладал незаурядными способностями. По словам знаменитого историка того периода Зия ад-Дина Барани (1285–1357), какое-то время жившего при дворе Мухаммада Туглака, он «был одним из чудес творения». Султан увлекался логикой, философией, астрономией, математикой и естествознанием, хорошо писал стихи, охотился и проявил себя талантливым полководцем. При этом его решения часто были неожиданными и нелогичными. Например, в 1326 г. он попытался перенести столицу из Дели в Девагири (переименованный в Доулатабад), находившийся примерно в центре его владений. Все жители Дели должны были переселиться туда, но, скорее всего, на такой шаг пошли только приближенные султана. Расположенный далеко от северо-западной границы, которую необходимо было постоянно контролировать, в окружении враждебного индусского населения, Доулатабад пробыл столицей лишь несколько лет, после чего двор Мухаммада Туглака вернулся в Дели.

Попытка султана решить проблему нехватки средств в казне с помощью выпуска медных монет и их приравнивания к серебряным и золотым привела к появлению огромного количества фальшивых денег, парализации торговли и полному истощению государственной казны в результате вынужденного выкупа у населения государством медных монет за серебряные и золотые.

Налоги в центральных районах султаната значительно выросли, так как Мухаммад Туглак планировал провести кампании в Гималаях и для покорения Хорасана и Ирака. Крестьяне были доведены до полного разорения и нищеты, количество обрабатываемой земли резко сократилось. Султан несколько раз заставлял вельмож вносить крупные суммы в казну для оплаты походов. Но такая политика вызывала постоянное недовольство населения и восстания наместников.

Империя Мухаммада Туглака, доходившая во время своего расцвета до Тамилнада, начала распадаться. На территории Тамилнада, отделившегося в 1335 г., образовался Мадурайский султанат, в 1336 г. на юге появилось индусское государство Виджаянагар, в 1339 г. возник мусульманский султанат в Кашмире. В 40-х годах XIV в. был основан шиитский султанат Бахманидов (Мухаммад Туглак принадлежал к суннитам) со столицей в Доулатабаде, владения которого охватывали плоскогорье Декан. В середине XIV в. отделился Синд. Делийский султанат вновь ужался до границ, существовавших до завоеваний Ала ад-Дина Хилджи. В последующий период он часто оказывался более слабым и играл меньшую политическую роль, чем созданные на его развалинах и боровшиеся друг с другом новые государства – султанат Бахманидов и Виджаянагар.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА И КУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

С усилением власти и расширением владений Делийского султаната усиливалось и влияние ислама и мусульманской культуры на индусскую. Число мусульман в стране росло. В первую очередь, новую религию принимали ремесленники (приспосабливаясь к новым заказчикам из числа военной мусульманской знати) и прочие горожане, составившие со временем почти треть от всех мусульман Индии. Часть высших слоев общества, стремившаяся сохранить свои привилегии и владения после мусульманского завоевания также приняла ислам. Еще одной категорией населения, перешедшей в мусульманство, были выходцы из низших и неприкасаемых каст, желавшие улучшить свое социальное положение. Наибольшее распространение ислам получил на северо-западе Индостана в Пенджабе и Синде, куда он начал проникать задолго до мусульманского завоевания, и на северо-востоке Индии (в Бенгалии).

Тем не менее в большинстве завоеванных делийскими султанами районов страны немногочисленная мусульманская верхушка управляла индуистским большинством. В связи с этим особый интерес представляет религиозная политика султаната. Первые султаны были настроены по отношению к «язычникам» довольно нетерпимо: разрушали индуистские храмы и строили на их месте мечети, казнили брахманов. Но уже Илтутмыш перешел к новым, менее социально опасным способам воздействия: ввел для индусов поземельный налог «харадж» (из которого мусульмане первоначально платили половину ставки) и подушный налог (джизью), рассматривавшийся и в качестве платы за освобождение индусов от воинской повинности, которую несли все мусульмане.

Минарет Кутб-Минар, кирпич. Дели, Индия. XIII в. (фото)

При Ала ад-Дине индусов начали назначать наместниками, индусских раджей принимали при дворе в Дели. Завоеватели, разрушив крупные раджпутские государства, смирились с сохранением вассальных княжеств в Раджпутане и многочисленных мелких владений раджпутских князей практически во всех областях государства. Новая волна преследований индусов правителями султаната началась лишь в более поздний период – в середине XIV в.

Необходимость поддерживать власть делийских султанов в провинциях привела к значительному росту новых городов и развитию уже существовавших, использовавшихся в качестве опорных пунктов правящего слоя и мест размещения гарнизонов. Они же становились центрами ремесла и торговли, в том числе и международной (основным предметом импорта стали лошади,

необходимые для мусульманской кавалерии, в то время как Индия поставляла на рынки Ближнего Востока большое количество рабов, которых захватывали во время военных конфликтов, а также высококачественные железо и сталь). В архитектурном облике городов появляются новые, связанные с исламским влиянием элементы – арки и купола, в строительстве начинает широко применяться кирпич. В течение долгого времени наиболее развитой оставалась текстильная промышленность. В стране производились и продавались на базарах сотни видов ткани: от довольно грубых до тончайших муслинов и парчи.

Благодаря влиянию персидской культуры и языка на Декане и в Северной Индии с XIV в. начинается формирование нового языка – *урду*, ставшего затем наиболее распространенным среди индийских мусульман, на котором начинает развиваться собственная литературная традиция. Литература на санскрите продолжает оставаться элитарной. Известны поэтические произведения ряда индусских правителей, например *раны* Мевара Хаммира (1314–1364) и Пратапарудры II Какатьи (1295–1323).

В то же время зарождается литературная традиция на хинди. Знаменитый персоязычный поэт Амир Хусроу (1253–1325), живший при дворах нескольких делийских султанов, оставил сочинения не только на персидском, но и на хинди, первым оценив его художественные возможности.

После мусульманского завоевания в Индии появляется новый жанр исторического сочинения – *тарих* (хроники), авторы которых не только описывают происходившие события, но и стараются дать им оценку, передать идеологию того или иного султана, при дворе которого работали хронисты. Среди них стоит отметить Джузджани (р. 1193 г.), описавшего правление Насир ад-Дина Махмуда, Зию ад-Дина Барани, фактически продолжившего труд Джузджани, описав времена Балбана и начало царствования Фируз-шаха, удалившего историка от двора. Произведение Шамс Сираджа Аффифа, жившего во второй половине XIV в., также в основном посвящено правлению Фируз-шаха. Исами, создавший свой труд ок. 1350 г., описывает период от Газневидов до момента написания хроники.

В первой половине XIII в. (до 1258 г.) в государстве Корё сохранялась власть клана Чхве. После его свержения в стране шла борьба между другими военными лидерами вплоть до 1270 г., когда была восстановлена реальная власть вана. Столетие власти военных в Корё имело некоторое сходство с процессами, происходившими в то же время в Японии, где с конца XII в. началась эпоха сёгунов. Этот период истории Корё был одним из самых нестабильных. Наряду с борьбой за власть различных военных группировок, в провинциях часто вспыхивали крестьянские восстания, вызванные обезземеливанием и ростом налогового гнета. Один из командующих войсками (*пёнмаса*) даже заставлял женщин сдавать волосы в качестве налога.

Рост социальной нестабильности ослабил Корё, что особенно проявилось во время борьбы с монголами. Сначала отношения с усилившимся в начале XIII в. государством Чингисхана носили мирный характер. В 1219 г. монголы даже помогли корёсцам справиться с вторжением киданей, захвативших «шесть крепостей к востоку от реки (Амноккан)». Считая себя благодетелями Корё, монголы потребовали выплаты большой дани. Корёсцы отказались. В 1225 г. на обратном пути из Корё монгольские послы были убиты.

Под этим предлогом в 1231 г. монгольское войско во главе с Саритаем вторглось в Корё, но, столкнувшись с упорным сопротивлением, в следующем году отступило. В 1232 г. правительство заключило с монголами мир, но, опасаясь новых вторжений, спешно перенесло столицу на г. Канхвадо. Монголы продолжали нападения на Корё, которые длились до 1259 г. (всего насчитывалось шесть вторжений).

Попытка завоевать Корё не принесла монголам полного успеха, хотя ими была захвачена часть территории на севере в районе Ёнхына (Хамхына), на которой образовали Наместничество двух крепостей, где были устроены лошадиные пастбища. Именно туда были выведены монгольские поселения. Мирный договор, заключенный в 1259 г., после свержения клана Чхве, обуславливал вывод монгольских войск из страны пребыванием наследного принца Корё в качестве заложника при дворе империи Юань. Между правителем Корё и Юань был заключен династический союз: наследник вана женился на дочери Хубилая. Более того, новый ван, Вонджон, опирался на монголов в борьбе с оппозицией. Пользуясь этим, монголы пытались вмешиваться во внутреннюю политику Корё и заставляли ее посылать вспомогательные силы для участия в монгольских походах против Японии. Сотрудничество ванского двора с завоевателями вызвало восстание той части войска, которая наиболее активно сопротивлялась монголам. Было создано собственное правительство и образовано государство, во главе которого встал родственник вана.

В период зависимости от монголов (1259–1356) в Корё были предприняты попытки воспрепятствовать росту крупного частновладельческого сектора хозяйства. Стремясь увеличить государственные доходы, правительство возобновило борьбу с захватами земель «властными домами» и насильственным превращением свободных крестьян (*яньинов*) в лично зависимых (*ноби*).

За счет восстановления численности тягловых свободных крестьян предполагалось сократить общий объем крестьянских повинностей. Однако могущественные кланы, в число которых вошло немало ставленников монголов, успешно боролись против такой политики, которую ослабляли постоянная угроза вмешательства извне и выплата дани завоевателям. В итоге деятельность правительства потерпела неудачу: представители «властных домов», старой и новой промонгольской знати участвовали в заседаниях Государственного совета и обладали реальной политической властью.

В период монгольского вмешательства в состав корёской знати наряду со старыми аристократами и людьми, связанными с монголами (родственниками династии Юань и переводчиками), вошли также неродовитые фавориты ванов и даже некоторые разбогатевшие купцы. Этому способствовала распространившаяся практика продажи должностей. «Властные дома» (*квонмунседжок*) активно захватывали земли и превращали свободных крестьян в ноби. Сокращение налогооблагаемой базы вело к росту налогов на оставшихся тягловых, в число которых стали включать не только крестьян, но и чиновников. С 30–40-х годов XIV в. был введен специальный должностной налог на провинциальных чиновников.

Налоги и разорение чиновников

Многие мелкие чиновники оказались не в состоянии выплатить непрерывно растущие налоги. Из-за этого в 1272 г. группа чиновников подалась в бегство, в 1274 г. некий «чиновник-банкрот» подстригся в монахи. В 1334 г. помимо подати текущего года собирали недоимки за прошлый. Многие чиновники бросали службу и бежали в горы и на острова, некоторые даже кончали жизнь самоубийством. В хронике «Корёса» (XV в.) рассказывается история одного чиновника, который продал все свое имущество, но так и не смог заплатить налоги. Выплатив их, наконец, ценой многих лишений, он, не вынеся позора и нищеты, вместе со своей дочерью покончил жизнь самоубийством.

В середине XIV в. были предприняты попытки реформ. Ван Конмин (1351–1374), хотя и был женат на монгольской принцессе, проводил политику, нацеленную на освобождение Корё от влияния династии Юань или ее китайских противников. В 1356 г. он казнил группу сторонников промонгольской политики и вернул под власть Корё отторгнутую монголами территорию на севере, а в 1359 г. разгромил вторгшуюся на полуостров китайскую крестьянскую армию «красных повязок», восставшую против династии Юань. В 1369–1370 гг. ван Конмин продолжил ту же политику, но в более агрессивной форме: войска Корё совершили несколько походов на китайскую территорию с целью возвращения северных когурёских земель. Однако с упрочением власти династии Мин в Китае Корё вынуждено было признать традиционную зависимость от могущественного соседа.

В 1363 г. «властные дома» попытались свергнуть вана Конмина. Заговор не удался. В качестве ответной меры ван назначил главным министром простого монаха Синдона (его мать принадлежала к сословию ноби), который изгнал многих представителей знати и приступил к традиционным для Кореи мероприятиям: возвращению земли государству и освобождению ноби.

В своей политике ван Конмин опирался на авторитет неоконфуцианских учений. Однако позиции аристократии были очень сильны. В 1371 г. представители знати добились отстранения и казни Синдона, после чего вернули себе конфискованные земли и отнятых ноби. В 1374 г. был убит сам ван Конмин.

Большую часть правления У-вана (1374–1368), о котором рассказывали, что он – сын Синдона, усыновленный ваном Конмином, власть фактически сосредоточилась в руках влиятельных кланов (самым могущественным из которых был клан Ли Инима), которые во внешней политике в качестве противодействия правящим в Китае Минам ориентировались на монгольскую династию Северная Юань.

Усиление экономических и социальных позиций «властных домов» вызвало обострение общественных отношений в стране и, в конечном итоге, стало угрозой для государственной власти. Это было использовано группировкой средних и мелких чиновников, выразителями которых выступали видные конфуцианские деятели и известный полководец Ли Сонге, прославившийся победами над японскими пиратами и китайскими «красноголовыми». Они организовали в 1388 г. массовую подачу петиций У-вану, который вынужден был отстранить правившие кланы от власти. Во главе правительства встали лидеры чиновничества Чхве Ён и Ли Сонге.

Стремясь избавиться от популярного соперника, Чхве Ён предложил Ли Сонге отвоевать у Минов п-ов Ляодун, входивший ранее в состав Когурё. Ли Сонге дошел до р. Амноккан, но вместо вторжения на китайскую территорию приказал войскам возвращаться в столицу. Там он арестовал Чхве Ёна, сверг У-вана и посадил на трон его малолетнего наследника.

Для усиления своих позиций Ли Сонге возвел на трон нового правителя, Конъян-вана (1389–1392), при котором занял пост первого министра. Предприняв изменение аграрной системы в пользу укрепления государственного права собственности на землю, Ли Сонге в 1390 г. отдал приказ сжечь старые документы на владение полями. Это символизировало конец прежней земельной системы. В 1391 г. был издан Закон о *кваджон* (ранговых наделах), обеспечивавший контроль государства за использованием земельного фонда страны.

Налог, который платила значительная часть крестьян, обладавших частными землями (*саджон*), должен был отныне «переадресовываться» чиновникам в соответствии с их рангами во время службы и в период отставки до конца жизни. (Всего существовало девять рангов, каждый из которых делился на высший и низший, в итоге получалось 18 степеней). Кроме того, чиновники в соответствии со своим рангом получали жалованье зерном и тканями. Мелкие крестьянские частные владения защищались от поглощения «властными домами», по которым в основном и ударил закон о кваджон: незаконно захваченные ими земли возвращались государству.

Практика перераспределения земельного фонда в пользу государства и в ущерб «властных домов» получила поддержку как чиновников, так и крестьян. Поскольку массовая поддержка действий правительства обеспечила Ли Сонге широкую популярность, то в 1392 г. он убедил вана отречься от престола в свою пользу и, получив одобрение Государственного совета, осуществил официальную смену власти, провозгласив создание новой династии – Ли, правившей страной более 500 лет.

Зеркало с изображением морского судна. Корея. XII–XIII вв. © Государственный музей искусства народов Востока, Москва

названия, в VIII/VII – II вв. до н.э. располагавшемся на Корейском п-ове. В 1394 г. столица была перенесена из Кэсона (Кэгёна) в Ханян (Сеул), до этого успевший в разное время побывать столицей трех государств: Пэкче, Когурё и Силла.

Несмотря на политический кризис в Корё в XIII–XIV вв. произошли изменения во многих областях культуры. Главным техническим достижением стало изобретение первого в мире подвижного металлического шрифта, самые ранние сообщения о котором относятся к 1234–1241 гг. Сначала был изготовлен деревянный наборный шрифт, затем – металлический. Отливкой шрифтов занималось специальное управление, ведавшее также чеканкой медных денег. Первые книги, изготовленные подобным образом, не сохранились. Но напечатанная в 1377 г. работа буддийского монаха Кёнхана «Чикчи симчхе ёджоль» («Главное в прямом высказывании идей») считается самой древней книгой, напечатанной металлическим подвижным шрифтом. В 1382 г. была создана государственная типография по изготовлению шрифтов и печатанию книг. Частые войны и эпидемии требовали развития медицины. В 1236 г. в Корее была издана древнейшая книга по фармакологии «Способы изыскания местных лекарственных растений».

Борьба с японскими пиратами, резко усилившаяся с конца XIV в., стимулировала развитие корейского кораблестроения. Военные корабли Корё могли добраться до Японии за день, а до Китая – за три дня. На кораблях устанавливались пороховые пушки (изготовление пороха было налажено во второй половине XIV в.). Тем не менее широкого распространения огнестрельное оружие в XIV–XV вв. в Корее не получило.

В течение XIV в. в Корее сложился новый социальный слой – провинциальное служилое сословие (*садэбу*). Важную роль в нем играли военные сановники, а также мелкие и средние землевладельцы. Их идеологией выступало неоконфуцианство. Именно эта группа стала главной опорой новой династии.

Являясь сторонником дружественных отношений с минским Китаем, Ли Сонге, ставший ваном Тхэджо (1392–1398), обратился к императору Тай-цзу (Чжу Юаньчжану) с просьбой утвердить новое название корейского государства. Тот предложил на выбор два варианта: Чосон («Утренняя свежесть») и Хванён («Мир и спокойствие»). Ли Сонге выбрал Чосон, дабы подчеркнуть преемственность с древним государством того же

В 1364 г. из Китая были ввезены семена хлопка, для обработки которого была создана хлопкоочистительная машина и прялка. Хлопчатобумажные ткани вскоре стали широко использовать для изготовления не только относительно дешевой и удобной одежды, но и парусов на флоте. Их применяли также в качестве натурального средства обмена.

К периоду Корё относятся первые сохранившиеся памятники деревянной архитектуры: павильоны в монастырях (например, Мурансуджон («Павильон долголетия» в монастыре Пусокса – XII в.). Среди каменных памятников архитектуры выделяется построенная не из обычного гранита, а из мрамора 10-ярусная пагода буддийского монастыря Кёнчхонса в Кэпхуне, в которой прослеживается явное влияние монгольского ламаизма.

С появлением нового чиновничества (*садэбу*) в живописи становятся популярными темы, связанные с его досугом, изображающие четыре символа благородного мужа: сливу, гибискус, лотос и бамбук. Одна из самых известных картин этого периода «Рыбалка на небесной горе» приписывается вану Конмину. Типичным для буддийских картин этого периода был жанр изображения «бодхисатвы Авадокитешвары среди ив». Картины этого жанра нередко похищались японскими пиратами и до сих пор хранятся в Японии.

СЁГУНАТ МИНАМОТО

С победой рода Минамото над Тайра в 1185 г. началась новая эпоха в истории Японии, характерной особенностью которой стало существование правительств военной аристократии, обладавших значительной властью в стране и опиравшихся на сословие самураев, сформировавшееся в X–XII вв. В начале первого из сёгунатов – Минамото (или Камакура, по месту расположения ставки сёгуна в центре восточного района Канто) – шло постепенное формирование структуры власти, параллельной императорской.

Уже в предыдущий период закрепились система соправительства отрешившихся императоров с царствующими (*инсэй*), при которой роль в управлении представителей крупных аристократических родов значительно уменьшилась, но не исчезла окончательно. Появление сёгуната отражало значительное усиление роли военного сословия в обществе.

Существовавшие уже несколько столетий структуры государства *рицурё* не заменялись в результате усиления рода Минамото новыми структурами, создаваемыми *бакуфу* – ставкой военного правительства, а дублировались ими. При этом власть Минамото распространялась на те части страны, в которых проживало значительное количество вассалов Минамото Ёритомо, а именно на недавно отвоеванные у северной ветви рода Фудзивара земли на севере Хонсю, а также захваченные у Тайра земли и владения перешедших на сторону Минамото вассалов Тайра на юго-западе, где позиции Минамото были традиционно сильны и где располагалась ставка сёгуна (политико-административный центр сёгуната). Но в целом на протяжении всего периода властные полномочия военных и императорского двора продолжали сосуществовать.

Первые сёгуны из рода Минамото осознавали недостаток сил для управления всем государством (и в первую очередь для контроля над действиями созданных ими новых управляющих областей *сёэн* – *дзито*, постоянно превышавших свои полномочия) и предпочли оставить часть полномочий представителям администрации императорского двора.

Минамото Ёритомо получил в 1192 г. от императора титул *сэйи тайсёгун* (великий полководец и покоритель варваров), что означало официальное признание его власти. Хотя для Ёритомо этот титул не имел первостепенной важности, и в 1195 г. он отказался от него с тем, чтобы получить назначение командующего внутренней императорской гвардией, для потомков он стал первым сёгуном. Немногим раньше были легитимизированы действия Минамото против северных Фудзивара, разгромленных в 1189 г. Но реальную власть сёгуны Минамото сохраняли лишь около 30 лет, после чего в ставке-бакуфу была перенята характерная для императорского двора система соправления. Сёгун (обычно назначавшийся на эту должность в детском возрасте и отстраняемый от своих обязанностей к 25–30 годам) исполнял в основном церемониальные обязанности по поддержанию

Японский меч. Эпоха Камакура. Музей Штибберт © 2011. Photo Scala Florence

связей с императорским дворцом, принятию вассальных присяг и т.д., в то время как власть в правительстве-бакуфу принадлежала регентам – *сиккэнам*.

Сиккэнами становились представители тесно связанного с Минамото рода Ходзё, сохранявшего свою власть до 1333 г. Первый сиккэн – Ходзё Токимаса – стал регентом в 1203 г. при сыне Минамото Ёритомо Ёриизэ. Новый сёгун вскоре был отстранен от власти сиккэном, а затем убит. После убийства в 1219 г. третьего сёгуна из рода Минамото – Санэтомо (младшего сына Ёритомо), наладившего тесные дружественные отношения с императорским двором, прямая линия сёгунов из рода Минамото Ёритомо прервалась.

Вскоре после этого в 1219–1221 гг. была предпринята попытка вернуть фактическую власть в руки императорского дома, в которой приняли участие три отрекшихся императора во главе с Готоба, попытавшимся найти сторонников среди «военных домов», недовольных переходом власти к Ходзё, а также пользовавшихся поддержкой буддийских монастырей. Тем не менее войска Ходзё достаточно быстро смогли взять под контроль столицу – Хэйан-кё, которую постепенно стали называть просто Кёто (Киото – «столичный город», это новое название закрепилось в XV в.). Отрекшиеся императоры были отправлены в ссылку на разные отдаленные острова.

Победа Ходзё была одержана благодаря тому, что им удалось создать относительно прочную систему вассальных связей с *гокэнин* – самураями, находившимися на службе у сёгуна, который, в свою очередь, обеспечивал им и их владениям защиту от крупных феодалов. В дальнейшем Ходзё сначала дважды назначали сёгунами представителей рода Фудзивара (четвертый сёгун был назначен в 1226 г.), а затем – членов императорского дома. Таким

образом, поддерживалась связь между двумя параллельно существующими структурами власти.

В 70-е годы XIII в. правительство-бакуфу столкнулось с необходимостью организации сопротивления первому крупному иностранному вторжению на территорию Японии. Монголы, захватившие к этому времени север Китая и создавшие там империю Юань, а также подчинившие ближайшего соседа Японии – Корё, попытались использовать корейские силы для нападения на архипелаг.

В 1274 г. сооруженный по приказу Хубилая огромный флот (по сообщениям источников до 900 судов) напал на о-ва Цусима и Ики и после их захвата направился к о. Кюсю. Несмотря на распоряжения бакуфу, направленные – военным наместникам провинций (*сюго*) с целью организации обороны юго-запада, японские силы были сравнительно небольшими и от полного разгрома монголами их спас тайфун, уничтоживший большую часть флота завоевателей и получивший название *ками кадзэ* («божественный ветер»).

После этого бакуфу предприняло меры по строительству на побережье фортификационных сооружений и приказало своим вассалам-самураям (*гокэнин*), имевшим владения на юго-западе, отправиться туда на их защиту. Второе нападение монголов, подготовка к которому началась в 1279 г., должно было вестись силами двух флотов: восточного из Корё и южного со стороны юго-востока Китая, которые, по сообщениям источников, состояли из 4400 боевых кораблей.

Но монгольский флот в 1281 г., вновь захватив Цусиму и Ики, не смог вовремя соединиться, столкнулся с упорным сопротивлением небольших японских кораблей, а также невозможностью закрепиться на побережье залива Хаката на Кюсю из-за возведенных там прибрежных укреплений. Высадке объединившихся флотов также вновь помешал шторм, уничтоживший основную часть монгольских судов (остальные корабли ушли в Корё, бросив ту часть армии, которая смогла высадиться на берег и сражалась на суше против японских войск).

Организация обороны против монгольских нашествий способствовало как усилению позиций «сюго» и могущественных родов юго-восточных провинций, так и тому, что участвовавшие в военных действиях против захватчиков экипажи специально построенных с этой целью японских боевых судов впоследствии занялись пиратством около берегов Китая и стран Юго-Восточной Азии, часто совмещаемым с ведением торговли (до этого судоходство осуществлялось в основном в пределах Внутреннего Японского моря).

На протяжении конца XIII – начала XIV в. бакуфу стремилось использовать для укрепления своей власти соперничество между двумя ветвями императорского дома: Дайкакудзи и Дзимёин, представители которых с 1317 г. по распоряжению ставки военного правительства – бакуфу должны были сменять друг друга на престоле, оставаясь на нем не дольше 10 лет (традиция смены на троне представителей разных ветвей существовала и до этого с середины XIII в.).

Энергичный и целеустремленный император Годайго (1318–1331, 1333–1339) начал борьбу против контроля бакуфу за возвращение политической власти непосредственно императору (отмену системы *инсэй*, а, следовательно, и раннего отречения императоров). Отрекшийся император Гоуда в 1321 г. передал свои права Годайго, что усилило его позиции в борьбе против бакуфу. Одной из мер Годайго, направленных на укрепление экономических позиций императорского дома, было предпринятое впервые в 1322 г. введение налога с изготовителей *сакэ* в столице.

Идеалом Годайго было правление императора Дайго (конец IX – начало X в.), укреплявшего систему *рицурё*, который в конфуцианских традициях окружил себя просвещенными и талантливыми высшими чиновниками, а также сумевшего править без соправителей-регентов из рода Фудзивара. Следуя его примеру Годайго собрал при дворе образованных людей и начал готовить заговоры против власти бакуфу.

Правительство Камакура было на тот момент ослаблено внутренней борьбой за власть (с 1326 г. пост «сиккэн» не был занят), а также неспособностью бакуфу контролировать ситуацию в стране, которую наводнили отряды разбойников и бродяг, а также не желавших подчиняться местным властям в *сёэн* вооруженных отрядов мелких и средних землевладельцев (*акүто*).

Основными сторонниками Годайго стали самурайские семьи, недовольные правлением Ходзё, в том числе «акүто», а также буддийские школы, прежде всего Тэндай, во главе которой стоял сын Годайго Морианага. Два первых заговора против бакуфу оказались неудачными, в 1331 г. Годайго был вынужден бежать из столицы, но его схватили и отправили в ссылку. Тем не менее верный своим политическим идеалам император, несмотря на давление бакуфу, отказался отречься. Правительство, в свою очередь, возвело на трон императора Когона, происходившего из другой ветви императорского дома.

Во время ссылки Годайго принц Морианага активно собирал на свою сторону недовольных представителей «военных домов» по всей Японии. Благодаря их поддержке Годайго смог в 1333 г. вернуться из ссылки, а после перехода на его сторону Асикага Такаудзи, командовавшего войсками, посланными бакуфу против сторонников императора, сумел захватить столицу и контроль над большей частью страны. Император Когон отрекся, и власть полностью оказалась в руках Годайго.

Годайго попытался провести ряд реформ, в том числе восстановить действовавшие в эпоху Хэйан институты управления и, ликвидировав систему *сёэн*, вернуться к существовавшей до нее надельной системе. Тем не менее политика Годайго по отношению к поддерживавшим его в борьбе против Ходзё самураям и военачальникам не отличалась достаточной продуманностью, так как большинство из них не получило желаемых наград и титулов. Асикага Такаудзи, сыгравший ведущую роль в свержении Ходзё, не был назначен *сэйи тайсёгуном* (титул был дарован императорским принцам, в том числе Морианага), хотя в отличие от многих других получил пост *сюго* в нескольких провинциях, а восточную провинцию Мусаси – в реальное управление, и многочисленные земельные владения.

Воспользовавшись попыткой Ходзё организовать восстание и вернуть себе власть в 1335 г., род Асикага смог устранить рассматриваемого в качестве основного соперника принца Моринага, а также перебраться в Камакура, которую вновь принялись отстраивать. Такаудзи присвоил себе титул сёгуна и начал раздавать вассалам конфискуемые владения противников, после чего Годайго объявил его вне закона. Асикага начали борьбу за столицу, пообещав своим основным сторонникам в качестве награды целые провинции. В 1336 г. Такаудзи смог закрепиться в столице и сделал императором брата отрешенного Когона – Комё, а Годайго с многочисленными придворными отступил на юг в Ёсино.

С этого момента начался полувековой период сосуществования и проходившей с переменным успехом борьбы северного и южного дворов. В 1338 г. Такаудзи получил от императора Комё желанный титул *сэйи тайсёгуна*. Таким образом, появился сёгунат Асикага (известный также по названию района Киото, где располагалась резиденция Асикага, как сёгунат Муромати). В отличие от сёгуната Минамото, для второго бакуфу не была характерна система *сиккэн* и власть принадлежала сёгунам, опиравшимся на военных, в первую очередь – вассалов-самураев. Аристократия предыдущего периода была в значительной степени уничтожена в ходе войн XIV в. и перестала представлять собой значимую политическую силу.

Сосуществуя с южным двором, сёгунат Асикага в течение длительного времени контролировал лишь отдельные части страны. В 50-е годы XIV в. противостояние севера и юга обострилось, чему способствовал раскол и борьба за власть в лагере Асикага; столица в этот период многократно переходила из рук в руки, а кланы самураев – с одной стороны на другую. И до этого несколько поблекшая (в том числе из-за пожаров) столица, в которой свыше 100 лет не могли произвести ремонт императорского дворца, в 50-е годы того же века была почти полностью разрушена.

СЁГУНАТ АСИКАГА

Тем не менее в начале 70-х годов XIV в. правительство бакуфу смогло подчинить своей власти последние из поддерживавших южный двор земель, а в 1392 г. произошло воссоединение императорского дома. Вместе с тем, власти сёгунов Асикага было в значительной степени номинальным, так как в ходе войн они раздавали своим сторонникам крупные владения, и большая часть провинций оказалась под фактическим контролем все более усиливавшихся самурайских кланов, становившихся *сюго* (Ямано, управлявшие шестой частью страны, Симадзу, Сёни, Отомо, Оути, Хосокава и др.).

В конце XIV – начале XV в. третий сёгун Асикага Ёсимицу (сёгун с 1368 по 1394 гг., сохранивший политическую власть и после отречения до самой смерти в 1408 г.) провел эффективные действия, направленные на ослабление власти могущественных провинциальных родов. Пользуясь их соперничеством, сёгун смог поставить под контроль бакуфу практически всю страну. Во время правления Ёсимицу были восстановлены активные дипломатические и торговые отношения с Китаем. Сёгун даже получил от императора Чжу Ди (Юнлэ) титул *вана*, принятие которого означало признание вассаль-

ной зависимости от Китая, в чем Ёсимицу, в отличие от большинства других правителей Японии, не видел ничего предосудительного.

Торговля с Китаем приносила сёгунам и *сюго* значительные доходы. Из Китая продолжали ввозить предметы роскоши, а также керамику (некоторые районы Китая специализировались на производстве товаров для экспорта в Японию), а из Японии в Китай везли золото, серебро и мечи. Основную роль во внешней торговле играли расположенный вблизи столичного региона Сакаи (совр. Осака) и Хаката (часть совр. г. Фукуока) на юго-западе.

Установленная Ёсимицу относительно прочная власть сёгунов Асикага сохранялась до начала 40-х годов XV в. Сын Ёсимицу Ёсинори смог приостановить распад страны, начавшийся при правлении его старшего брата Ёсимото, и вновь добился реального подчинения Кюсю и области Канто на востоке. Авторитарные методы управления Ёсинори и вмешательство во внутренние дела кланов привели к заговору его приближенных, в результате которого в 1441 г. Ёсинори был убит. Власть Асикага была ослаблена, страна оказалась разделенной на владения более десятка могущественных родов.

Центробежные тенденции стали особенно очевидными во время «Войны годов Онин» (1467–1477), в ходе которой два самых могущественных клана Хосакава и Ямано боролись за влияние на правительство сёгуна и другие влиятельные роды. Военные действия начались как уличные бои в Киото (отстроенном во времена Ёсимицу), который после десяти лет ожесточенной борьбы вновь превратился в развалины. Война охватила большую часть Японии, в нее оказались втянуты практически все «военные дома».

Победителей в конфликте не оказалось... Власть Асикага была подорвана окончательно, но ни одному из кланов не удалось установить прочный контроль над сёгунатом. Многие из кланов потеряли контроль даже над собственными владениями, власть над которыми оспаривали их вассалы. Именно с событий «Войны годов Онин» начался период, известный как *сэнгоку дзидай* («эпоха воюющих провинций» – 1467–1573), в течение которого сохранялась номинальная власть Асикага, но фактически центрального правительства не существовало. Власть на местах принадлежала выдвинувшимся в ходе междоусобной войны – главам могущественных кланов (*даймё*), превратившимся в территориальных князей. Наиболее могущественными среди них были Такэда, Оути, Миёси, Имагава, Симадзу, Уэсуги, Ходзё, Датэ.

Сохранявшая свое значение на протяжении XIII в. система *сёэн* (частных земельных владений) в XIV в. претерпела значительные изменения. Пользуясь слабым контролем со стороны центральной власти, вотчинные администраторы (*дзито*), назначаемые в качестве управляющих *сёэн*, а также военные губернаторы провинций *сюго* сконцентрировали в своих руках значительное количество захваченных у прежних владельцев земель. Таким образом, постепенно происходил распад системы *сёэн*, в ходе которого осуществлялось перераспределение земельного фонда и усилились экономические позиции новой аристократии, сформировавшейся главным образом из представителей военного сословия. Если в предшествующий период земельные владения кланов распределялись по нескольким провинциям, в XIV–XV вв. происходит процесс формирования территориальных княжеств *даймё*, сосредоточивших в своих руках значительные массивы расположенных рядом друг с другом земель.

В XV в. формируется новая сельская община, представлявшая собой хорошо организованный коллектив, способный эффективно отстаивать свои интересы в условиях постоянных войн. Период характеризовался многочисленными крестьянскими восстаниями, превратившимися в новую форму социального протеста. Наиболее ярким из них стало восстание в 1485 г. в районе Кинай, вызванное междоусобицей внутри одного из военных домов, в ходе которого крестьянское ополчение, а также некоторые местные самураи, заставили обе воюющие стороны покинуть пределы провинции Ямасиро и создали собственную «республику».

Первоначально японские ремесленники проживали на территории земельных владений и обеспечивали необходимые поставки разнообразных изделий, получая взамен участки земли или доходы с них. В XII в. появились первые торгово-ремесленные корпорации *дза*, обладавшие монополией на производство одного вида продукции. Также существовали поставщики различных продуктов, которые одними из первых начали торговать на появляющихся повсюду рынках. Занимавшиеся перевозками и торговлей наряду с военным делом вассалы Ходзё – *миутибито* – играли значительную роль в структуре бакуфу конца XIII – начала XIV в.

Несмотря на политическую нестабильность периода Асикага, в это время начался экономический подъем страны, связанный как с внедрением новых сельскохозяйственных технологий, благодаря которым удавалось получать до трех урожаев в год, так и с расцветом ремесла, торговли и распространением монетного обращения. Это привело, в том числе, к усилению в середине XV в. роли богатых торговцев в структуре управления городов-портов Сакаи и Хаката. Ослабление политической власти способствовало также расцвету контрабандной торговли и пиратства.

В XIII–XV вв. в Японии появляются многочисленные новые буддийские учения, среди которых стоит выделить направления *амидаизма*: основанную в 1175 г. Хонэном школу «Чистой земли» и созданную его учеником Синран «Истинную школу Чистой земли»; школу Нитирэн (уделявшую особое внимание «Сутре Лотоса»), а также распространение с конца XII в. нескольких направлений дзэн-буддизма. В XIV–XV вв. самой сильной буддийской школой стала «Риндзай дзэн», монастыри которой получали поддержку со стороны сёгуната Асикага, став также важными образовательными центрами.

Широкое распространение получил жанр *гунки* – самурайского романа. Среди произведений этого жанра выделяется «Повесть о доме Тайра» (период Камакура) и «Повесть о Великом мире» (период Муромати). Восприятие перемен, происходивших в начале правления Минамото, отражено в «Ходзё-ки» («Записках из кельи», 1212 г.), написанных ставшим отшельником буддийским монахом Камо Тёмэй.

В живописи периода Камакура большое распространение получают сюжеты, связанные с войной, а также бытовые зарисовки. В период Муромати развивается парковое искусство, например Золотой павильон, построенный для сёгуна Ёсимицу в Киото, был размещен в гармонии с ландшафтным садом и небольшим озером. Начиная с правления Асикага, появляются каменные замки представителей могущественных родов, ставшие особенно распространенными в эпоху *сэнгоку дзидай*.

ЭТНОГЕНЕЗ И ОБЪЕДИНЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН. ВОЗВЫШЕНИЕ ЧИНГИСХАНА

Дальними предками монголов были отуз-татары (кит. *шивэй*). Они обитали на территории Восточной Монголии и Забайкалья. Среди названий шивэйских племен упоминаются такие этнонимы, как *татань* (дадань), *мэнью* (мэнгу). После крушения Уйгурского каганата в середине IX в. монгольские номады постепенно заселили большую часть монгольских степей. На рубеже I–II тысячелетий в китайских летописях они выступают под обобщенным этнонимом *цзубу*. Существует легенда о прародине, согласно которой когда-то предки монголов бежали в недоступную местность Эргуне-кун («Крутой хребет», возможно производное от Аргунь). Постепенно они там размножились и приобрели славу мастеров кузнечного дела. Собрав много дров и принеся жертвы, они расплавили гору и смогли выйти в степи.

На рубеже XII–XIII вв. в монгольских степях обитали самые различные народы. В восточной части территории современной Монголии в долинах Онона и Керулена кочевали племена, которые условно можно назвать монголами. В их числе были дарлекины, нируны, тайджиуты, кунгираты и другие группы. К востоку от них в Забайкалье и Внутренней Монголии обитали татары. В Центральной Монголии в предгорьях Хангая и в долинах Орхона и Толы проживали кереиты. Их вождество во главе с ханом Тоорилом (Ванханом) было одним из наиболее могущественных объединений кочевников в указанный период. В Северной Монголии по берегам Селенги жили меркиты. Западную часть Монголии занимали найманы, которых многие исследователи относят не к монголоязычным, а к тюркоязычным кочевникам.

Быт и культура средневековых кочевников монгольских степей мало чем отличались от образа жизни номадов более раннего времени. Особенно большое значение имела облавная охота, которая являлась хорошим способом выработки военных навыков: номады разделялись на две группы и охватывали в кольцо многокилометровую территорию; постепенно сжимая кольцо, они загоняли в круг множество диких животных. В обязанности мужчин входило наблюдение за домашними животными, изготовление стрел, луков и прочей утвари. Остальное время они занимались охотой, стрельбой из лука, ходили в военные походы. На женские плечи выпадала вся остальная ноша – работа по дому, воспитание детей. Когда мужчины отсутствовали, они выполняли и их работу. Однако роль женщины в монгольском обществе не сводилась к положению домашней рабыни. Женщины могли иметь большее значение в публичной жизни. Особенно высока была роль вдовы после смерти мужа. Достаточно напомнить, какое влияние на сыновей имела Оэлун, жена Есугай-баатура и мать Чингисхана, а также впоследствии другие ханши.

У монголов существовали различные формы семьи. Для небогатых скотоводов, по всей видимости, это была малая нуклеарная семья, состоящая из родителей и малолетних детей. Старшие сыновья при женитьбе получали свою долю скота и имущества. Младший сын (*отчигин*) оставался с родите-

лями, чтобы заботиться о них в старости. Ему же впоследствии доставался родительский *гэр* (юрта), имущество и домашний скот. Для более богатых монголов была характерна так называемая расширенная полигиническая семья. Те, кто мог заплатить калым, имели по нескольку жен. Во время набегов и военных походов можно было также взять себе наложниц, которые выполняли и работу по хозяйству. Кочевники монгольских степей придерживались шаманизма, верили в культ Неба (*Тэнгри*). Кроме «Вечного синего Неба» они почитали богиню Земли (*Этуген*), духов огня, гадали по бараньим лопаткам. Только керейты и найманы были знакомы с несторианством.

Обычно скотоводы кочевали *айлом* – группой из 5–10 семей. При необходимости номады могли образовывать более крупные объединения (*курень*), но с природно-хозяйственной точки зрения это было нецелесообразно: резко возрастала нагрузка животных на пастбища. Многие этнографы фиксируют, что для этих уровней характерны минимальные конфликты между членами группы. Как только возникает напряжение внутри коллектива, недовольные сразу откочевывают. Айлы группировались в общества более высокого таксономического уровня – линиджи (*урук*), экзогамный род (*обок*), племя, вождество (*иргэн*, *улус*). Для народов того времени характерно совпадение этнической и потестарной терминологии. Одни и те же термины могли обозначать как ту или иную этнополитическую группу, так и составляющие ее сегменты.

Монгольское общество было знакомо с неравенством и иерархией. Во главе племен и вождеств стояли ханы, которые имели дружины нукеров. Социальное господство в монгольском обществе конструировалось в соответствии с терминологией родового общества как противопоставление между старшим и младшим родственниками («отец–сын», «старший брат–младший брат»), генеалогическим, в том числе и фиктивным, неравенством между отдельными линиджами и сегментами («белая» и «черная» кость); более низкие по статусу родственники обозначались в терминах рабства (*богол*).

Племена кочевников постоянно нападали друг на друга с целью угона скота, захвата в плен женщин и детей. Анонимный монгольский летописец красочно охарактеризовал тяжелые времена монгольского Средневековья: «Звездное небо поворачивалось – была всенародная распря. В постель свою не ложились – все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась – всесветная брань шла».

Именно в таких условиях родился будущий основатель монгольской империи Чингисхан. Его отцом был один из потомков монгольского правителя Хабул-хана по младшей линии Есугай-баатур. Матерью являлась Оэлун из племени олхонутов. Она была отдана в жены одному из меркитов, однако Есугай силой умыкнул ее и сделал своей супругой. При рождении ребенка нарекли именем Темучжин в честь одного из поверженных его отцом врагов.

В девятилетнем возрасте отец повез Темучжина свататься к унгиратам, где ему в качестве невесты была выбрана Борте, дочь местного вождя Дайсечена. На обратном пути Есугай встретил татар, которые напоили его отравленным питьем. После смерти отца Темучжин был вынужден вернуться домой к матери. К этому времени большинство сподвижников Есугая решили бросить его семью и откочевать, поделив его стада. Это был типичный вари-

ант распада вожества у кочевников-скотоводов. Измена соплеменников нанесла юному Темучжину глубокую психологическую травму. Впоследствии он всегда с подозрением относился к родственникам, даже к самым близким, и стремился опираться на верных друзей и преданных воинов-нукеров. На долю матери Темучжина и ее семьи выпала нелегкая судьба – выжить без скота в суровых условиях монгольского климата. Оэлу пришлось заниматься собирательством, а детям – ловить рыбу, неслыханное дело для кочевников, потомки которых и до сих пор с опаской смотрят даже на рыбные деликатесы.

Именно в этот период развился конфликт между Темучжином и Бектером, его сводным братом от другой жены Есугая. Возможно, оба подростка чувствовали, что кто-то из них должен был со временем возглавить семью. Конфликт закончился драмой, Бектер был застрелен из лука. Это преступление не осталось без внимания со стороны дальних сородичей. Темучжин был захвачен тайджиутами и в качестве наказания закован в колодки. Проявив чудеса смекалки и храбрости, юноша смог убежать из плена и вернуться в семью.

Через некоторое время он совершил еще один храбрый поступок – погнался за конокрадами и отбил табун своих лошадей. В этом ему помог юноша из соседнего кочевья – Боорчу. Фактически он стал первым нукером Темучжина и в будущем одним из его ближайших сподвижников.

Поощренный этой победой, Темучжин отправился к Дай-сечену за невестой. В качестве приданого Борте получила роскошную соболиную доху. Эта доха была отвезена Темучжином в ставку керейтов и поднесена в качестве дара вождю конфедерации керейтов Тоорилу (Ван-хану). Взамен сметливый юноша попросил покровительства. Растроганный Ван-хан вспомнил о бывшей дружбе с Есугаем и пообещал молодому человеку поддержку.

Однако Темучжину недолго пришлось наслаждаться объятиями юной супруги. На его лагерь внезапно напали меркиты, которые долгие годы вынашивали план мести Есугаю или его родственникам. Темучжин был вынужден бросить молодую жену и скрываться в чащобе священной горы Бурхан-Халдун. Его спасла дружба с сильным покровителем. Темучжин обратился за помощью к Ван-хану и другому влиятельному монгольскому вождю, Чжамухе, своему ровеснику и побратиму (монг. *анда*). Еще в детстве мальчики обменивались подарками и пообещали друг другу хранить верность всю жизнь. Меркиты не ожидали набега и были разгромлены. Коалиции досталась богатая добыча, но Темучжину была нужна только его возлюбленная. Это один из самых трогательных эпизодов его биографии. Однако так случилось, что к моменту освобождения из плена Борте ожидала первенца. Несмотря на щекотливость ситуации Темучжин признал Джучи (букв. «гость») своим сыном.

Некоторое время после победы над меркитами Темучжин кочевал вместе с другом детства Чжамухой. Как в детстве, они спали, укрываясь одним одеялом. Однако постепенно между ними началась конкуренция за первенство, и Темучжин откочевал от «анды» (впоследствии они стали врагами). Еще через некоторое время сподвижники Темучжина решили провозгласить его ханом. Именно тогда он получил новое имя-титул Чингисхан. Вокруг него стали собираться верные нукеры. Первый небольшой «аппарат» состо-

ял всего из 26 дружинников, а возглавляла его тройка ближайших сподвижников Чингисхана: Боорчу, Чжельме и Субутай-баатур.

К сожалению, история ранних монголов от середины 80-х годов XII в. до 1204 г. не имеет точной хронологии. Разные источники по-разному описывают ход событий. Можно реконструировать только наиболее важные события, однако их даты и даже последовательность до сих пор являются предметом дискуссий для ученых. Известно, что вскоре после размолвки во время набега за скотом был убит младший брат Чжамухи. Это стало причиной вооруженного конфликта между побратимами. Чингисхан был разбит, но сумел даже из поражения извлечь пользу. Чжамуха в качестве устрашения приказал сварить живьем в котлах 70 вождей из монгольского рода чоносов. Это оттолкнуло от него многие племена, которые откочевали от него к «анде». К этому времени Чингисхан прослыл справедливым и весьма щедрым вождем, который раздавал своим сподвижникам большую часть добычи. Кроме того, его опора на верных нукеров, а не на родственников, давала возможность выходцам из других племен достичь высокого социального положения.

Дальнейшая история степи – это калейдоскоп набегов и войн между различными вождествами и племенами номадов. Несколько раз Чингисхан находился на грани полного разгрома. Однако он смог выстоять – пали его соперники. Сначала погиб Ван-хан, потом была разгромлена коалиция найманов и Чжамухи, тот бежал, но вскоре был предан своими нукерами. Чингисхан жестоко расправился с изменниками и предал «анду» почетной казни – ему сломали позвоночник без пролития крови.

ДЕРЖАВА ЧИНГИСХАНА И НАЧАЛО МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

В 1206 г. на берегу Онона Чингисхан был провозглашен правителем Монгольской державы (*Ёке Монгол Улс*). Он попытался разрушить традиционную племенную систему и создать принципиально новую структуру, основанную на фундаменте личной преданности. В результате была введена десятичная система (деление воинских подразделений на десятки, сотни и тысячи). Всего первоначально было создано 95 «тысяч». Они являлись как военными, так и административными подразделениями имперской конфедерации. Старую родовую структуру сохранили племена давних сподвижников Чингисхана, а также те вождества, которые добровольно вошли в состав имперской конфедерации. Остальные были перетасованы и включены в новые «тысячи». Правым крылом в 38 тыс. воинов командовал Боорчу. Левое крыло находилось под руководством Мухали, вместе с центром оно составляло 62 тыс. чел.

Чингисхан также создал дружину (*кешик*) в 10 тыс. воинов, которой была поручена охрана ханских покоев, имущества и ставки, руководство дворовой челядью, обеспечение ханского стола продовольствием, участие в ханских облавных охотах и т.д. Дружина являлась своеобразной кузницей кадров для будущей имперской администрации.

Родственники оказались обделенными. Матери на пару с младшим родным братом Чингисхан выделил 10 тыс. юрт, брату Хасару – 4 тыс., сыновьям – по 2 тыс.

ям: Джучи – 9 тыс., Чагатаю – 8 тыс., Угедю и Толую – по 5 тыс. При этом к ним были приставлены специальные наместники, которые должны были докладывать Чингисхану о каждом их шаге. Причина этого коренится в уже упомянутых событиях далекого детства, когда он столкнулся с изменой родственников, бросивших его семью после смерти отца. Помня об этом, Чингисхан неизменно старался опираться не на родственников, а на своих верных нукеров.

Судебные дела были поручены Шиги-Хутуху. Чингисхан также провозгласил новые правила поведения, которые обычно называют Ясой. Среди современных исследователей нет единства относительно того, что представляла собой Яса. Ее подлинник не известен, имеются только различные пересказы и упоминания восточных авторов Джувейни, Рашид ад-Дина, Макризи, Ибн Баттуты. По всей видимости, Яса не являлась писаным сводом законов. Она представляла собой компиляцию различных установлений, правил и табу, установленных Чингисханом с некоторыми дополнениями в правление Угедя. Данный текст был недоступен для общего пользования. Согласно Джувейни, «эти свитки называются Великой Книгой Ясы и лежат в казне старших принцев. Когда хан садится на трон, или будет собирать великое войско, или соберутся принцы и [станут советовать] о делах государства и управления, то приносят те свитки и в соответствии с ними осуществляют все решения; и к построению войска или разрушению стран и городов, как там предписано». С течением времени значение Ясы упало по причине разделения Монгольской империи на несколько самостоятельных частей, в которых определяющую роль имели местные юридические традиции.

Постепенно термин «монголы» распространился на все племена и вожества, вошедшие в степную державу. Налицо случай создания этнических общностей, когда один из этнонимов становится названием одного народа и постепенно разрозненные племена начинают осознавать себя единой этнической общностью. Этот исторический факт был подмечен еще в XIV в. составителями знаменитого «Сборника летописей» Рашид ад-Дина: «[Разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кeraitам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим именем], – а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен».

В 1210 г. чжурчжэньские посланники потребовали от Чингисхана уплаты дани. Теоретически монголы оставались вассалами империи Цзинь. Однако реальное соотношение сил между Севером и Югом сильно изменилось, и этот эпизод был использован в качестве повода к войне. На следующий год монголы вторглись в границы Цзинь сразу двумя армиями. С этого времени началась эпоха великих монгольских завоеваний. Чжурчжэни располагали 1 млн 200 тыс. бойцов. Чингисхан имел 139 «тысяч». Следовательно, соотношение сил было примерно 1:10. Однако чжурчжэньская армия была рассредоточена по отдельным гарнизонам, а монголы могли использовать эффект концентрации сил на главном направлении удара. Они перешли за

Стену и взяли Западную столицу. Первые же победы привели к увеличению численности монгольского войска за счет перебежчиков.

Обычная тактика монголов сводилась к следующему. Монгольское войско выстраивалось в несколько линий. Первые линии составляли тяжело-вооруженные всадники, сзади находились конные лучники. В начале битвы легкая кавалерия с флангов или через интервалы между передовыми подразделениями выезжала вперед и начинала засыпать противника стрелами. Сплошной поток из сыплющихся с неба стрел был хорошим психологическим приемом (особенно если часть стрел снабжалась специальными свистунками) и мог принести вред плохо вооруженной пехоте. Однако эффективность такой стрельбы была достаточно невысока для вооруженного защитной броней противника.

Коронной тактической уловкой монголов было знаменитое ложное отступление, когда они высылали вперед несколько подразделений, которые должны были имитировать столкновение с врагом, а потом сделать вид, что отступают. После того как враг бросался в преследование в надежде поживиться легкой добычей, монголы растягивали его коммуникации. После этого в дело вступали лучники, которые засыпали противника тучей стрел. Монголы предпочитали тактику дистанционного боя до получения решающего преимущества над противником. Возможно, это обуславливалось тем, что основную часть войска составляли легковооруженные лучники. Завершала сражение снова тяжелая кавалерия, которая сначала выдвигалась на легких рысях, а потом сминала уставшего и расстроившего ряды противника.

Каждый монгольский воин должен был иметь с собой полный комплект снаряжения, включая защитное и наступательное вооружение, веревки, транспортных животных и прочее. Если при осмотре войска обнаруживалась недостача, виновный сурово наказывался вплоть до смертной казни. Чингисхан ввел жесткую дисциплину и круговую поруку. Если с поля боя убегал один человек, карали весь десяток. Эта система была жестокой, но оказалась очень эффективной.

Монголы исповедовали тактику тотальной войны, масштабное запугивание противника с целью подавления его боевого духа и деморализации. Если города не сдавались им без единого выстрела, они не брали никого в плен, кроме искусных ремесленников. Для осадных работ использовалось местное население (*хашар*, букв. «толпа»), которое заставляли приводить в действие гигантские механизмы, собирать камни, заготавливать деревья, строить осадные сооружения.

В начале военных действий против чжурчжэней монголы испытывали недостаток опыта и специальных средств при осаде городов. В ходе первой кампании против тангутов они так неудачно пытались затопить водой столицу тангутского государства, что в результате вода прорвала построенную плотину и затопила монгольский лагерь. Однако монголы были хорошими учениками в военном деле. Они стали использовать на военной службе чжурчжэньских, китайских, а позже – мусульманских инженеров и ремесленников, что быстро привело к ощутимым результатам. Очень скоро они освоили самые передовые военные технологии – строительство осадных башен, в том числе с катапультами, а также различных метательных орудий, стреляющих стрелами, камнями и пороховыми зарядами, стали проводить

Мавзолей Арыстан-Баба. Отрар. XIV-XV вв. Казахстан (фото)

крупномасштабную подготовку перед штурмом, осуществлять возведение плотин для затопления вражеского города и рытье подкопов под вражеские стены и т.д.

Относительно причин превосходства монгольского войска над армиями других средневековых государств существуют разные мнения. Широко распространена точка зрения, что кочевники являются «природными воинами». Кочевники отличались выносливостью и неприхотливостью, зоркостью, прекрасно ориентировались на местности, с детства овладевали искусством управления лошадью и стрельбой из лука. Монгольский лук был самым мощным луком эпохи Средневековья. Долгие тренировки в период облавных охот обусловили высокую маневренность и координированность монгольских воинских подразделений, способность быстро перестраиваться и легко перемещаться по театру военных действий. В этом они наголову превосходили своих противников.

В то же время необходимо учитывать два важных обстоятельства. Что касается владения оружием ближнего боя, то обычные кочевники, как правило, уступали в этом профессиональным воинам оседло-земледельческих государств (военное сословие, дружинники, специально обученные воинские подразделения – мамлюки, янычары и др.). Кроме того, умение ориентироваться на местности и передвигаться с большим количеством лошадей обеспечивало преимущество для кочевников только в степных зонах или в непосредственной близости от них (как на Руси). Иное дело, если бое-

вые действия велись в непривычных условиях. Здесь номады теряли фактор «своего поля», и им приходилось играть по правилам своего противника. Так происходило на море во время двух походов юаньской армады против Японии. Так случалось и на Ближнем Востоке, где монголы потерпели поражение от мамлюков.

Первые кампании принесли огромную добычу. Чжурчжэньский император заплатил большую контрибуцию в 10 тыс. лян серебра и 10 тыс. слитков золота. После этого Чингисхан обратил свой взор на запад на владения хорезмшаха. В сентябре 1219 г. 150 тыс. монгольских всадников подошли к Отрару. Крепость была взята через пять месяцев. С течением времени пали и другие города Средней Азии: Бухара (1219 г.), Самарканд (1220 г.) и Ургенч (1221 г.). В 1226–1227 гг. было повержено тангутское государство Си Ся.

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ НАСЛЕДНИКАХ ЧИНГИСХАНА

В 1227 г. по время осады столицы тангутского государства Чингисхан умер. По одной версии, незадолго перед этим он расшибся, упав с лошади. По другой, он скончался от скоротечной болезни. По третьей, на него наслал порчу правитель тангутов. Существует также легенда, что он, подобно вождю гуннов Аттиле, пал от руки юной пленной тангутской царевны. Место погребения Чингисхана также неизвестно. Согласно одним данным, он был погребен на Алтае. По другой версии, его похоронили на родине около священной горы Бурхан-Халдун. Буддистские монахи считают местом его погребения Ордос.

Похороны произвели в тайне. Согласно преданию, после траурной церемонии все участвовавшие в ней были убиты, а над могилой прогнали табун лошадей, чтобы никто и никогда не нашел место захоронения Завоевателя Вселенной. Погребение ни одного из великих ханов и их ближайших родственников не найдено археологами до наших дней.

Несмотря на стремление Чингисхана разрушить племенную систему, это оказалось не под силу даже ему. На первом же курултае после смерти Чингисхана наиболее важные решения принимали его братья и сыновья. Даже дружина (*кешик*), которая всегда и везде формируется на основе личной преданности воинов своему командиру, с течением времени в Монгольской империи превратилась в «семейное предприятие».

Выбор преемника был сделан Чингисханом еще при жизни. Он обсуждал со своими ближайшими соратниками и родственниками возможную кандидатуру будущего правителя. Фигура его первенца Джучи не представлялась достаточно легитимной в силу сомнительного происхождения. Второй сын Чагатай оказался слишком импульсивен и вызывал опасения. Четвертый сын Толуй являлся «отчигином» и должен был наследовать дом родителей. Наиболее приемлемой для всех оказалась кандидатура третьего сына – Угедя (1229–1241), который был спокойным и уравновешенным, отличался щедрым нравом и любил развлечения. Однако самое главное достоинство Угедя оказалось в его способности не мешать естественному ходу событий. Он пил вино, охотился и развлекался со своими многочисленными женами,

а в это время монгольские воины брали новые города, присоединяли очередные страны. При нем империя раскинулась от Волги до Амура.

Общая хронология наиболее важных военных походов монголов выглядит следующим образом. С отдельными перерывами продолжалось завоевание Северного Китая. В 1233 г. монгольские тумены дошли до Приморья и завоевали чжурчжэньское государство Восточное Ся, а в следующем году окончательно пала династия Цзинь – был взят последний оплот империи город Цайчжоу. Чжурчжэньский император повесился, приказав сжечь свое тело, чтобы оно не досталось врагам.

В 1231–1232 гг. был совершен поход на Корейский п-ов и повержена династия Корё. В 30–40-е годы XIII в. совершены несколько успешных походов на владения Ирана. С 1234 г. возобновилась война в Китае, на этот раз против династии Сун. Уже через три года сунцы согласились платить ежегодно 200 тыс. слитков серебра и 200 тыс. кусков шелка. Мунке возобновил в 1251 г. военные действия, однако только при Хубилае в 1279 г. весь Китай был завоеван.

В 1235 г. состоялся курултай, определивший судьбы многих народов Старого Света: вынесено решение продолжить завоевания в Европе и в Азии. В 1236 г. была завоевана Волжская Булгария. Зимой следующего года монгольское войско вторглось на земли Руси: Рязань, Владимир, Суздаль и Ростов Великий последовательно пали в ходе нашествия Батыевой рати (см. с. 550). Потери монголы понесли немалые и еще несколько лет собирали силы для нового натиска. В 1239 г. был захвачен Чернигов, а осенью 1240 г. осажден и взят штурмом Киев. В январе 1241 г. монголы вторглись в Польшу и Венгрию. Это нашествие повергло в ужас население европейских стран, и их спасла только смерть монгольского хагана Угедея.

Перманентная экспансия была обусловлена тем, что стабильность Монгольской империи напрямую зависела от умения ханов организовывать внешние источники дохода. Чингисхан еще в молодости проявил себя щедрым вождем. Дети и внуки превзошли своего великого родителя в щедрости. Джувейни пишет, что Угедей затмил всех предшествующих степных ханов. Все захваченное в военных походах он по-царски раздавал своим сподвижникам, даже не требуя, чтобы это предварительно вносилось в специальную опись. Ему приписываются слова, сказанные о стяжательстве: «Те, кто в этом усердствует, лишены доли разума, так как между землей и зарытым кладом нет разницы, – оба они одинаковы в [своей] бесполезности. Поскольку при наступлении смертного часа [сокровища] не приносят никакой пользы, и с того света возвратиться невозможно, то мы свои сокровища будем хранить в сердцах и все то, что в наличии и что приготовлено, или [то, что еще] поступит, отдадим подданным и нуждающимся, чтобы прославить свое доброе имя». Сын Угедея Гуюк (1246–1248) хотел, чтобы слава о его щедрости гремела еще громче. В конечном счете Гуюк быстро истощил ханскую сокровищницу, поддерживая тех, кто привел его к власти, и задабривая остальных. Он также потратил огромные суммы на закупку дорогих товаров у среднеазиатских компаний, оставив долгов на 500 тыс. серебряных слитков. В период правления Угедея начинает складываться бюрократический аппарат огромной империи.

Институт казны и государственной финансовой системы воспринимался как непонятный, чужеродный для правителей кочевой империи. Они не стремились накапливать богатства в своих кладовых, чтобы использовать их как дополнительный властный ресурс. Напротив, щедрость – это то качество, которое кочевники ожидали от своих степных вождей. Не случайно ханы стремились раздавать все свои богатства, чтобы привлечь на свою сторону племена кочевников. Характерным примером, подтверждающим подобное отношение монгольских правителей к налогам и казне, является история, приведенная в сочинении Рашид ад-Дина. Там сообщается, что как-то Гуюк зашел в казнохранилище и увидел горы наваленных товаров. Хану доложили, что их перевозка с места на место во время перекочевков очень затруднительна, и он нашел воистину «соломоново» решение: приказал раздать все войнам и населению.

Чингизиды периодически сталкивались с тем, что ханская казна оказывалась пустой. Именно поэтому, когда после возвращения из похода в Среднюю Азию выяснилось, что на складах нет ни зерна, ни шелка, сторонники провоенной партии предложили Угедю уничтожить все население Северного Китая, а сельскохозяйственные поля превратить в пастбища. Однако сторонники другой группировки, которую возглавлял Елюй Чуцай, придерживались мнения, что гораздо выгоднее обложить завоеванное население налогами. Елюй Чуцай произнес знаменитые слова: «Хотя [Вы] получили поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне». Увидев, какие это может дать результаты, Угедей назначил Елюя Чуцай председателем государственного секретариата (кит. *чжун-шу шэн*). Фактически киданин стал главным советником в имперском правительстве. Здесь вырабатывались наиболее важные решения и готовились указы для распространения их на места, выдавались пайцзы, печати и другие атрибуты имперской власти. Однако вплоть до воцарения Хубилая этот орган не имел четкой организационной структуры.

На первых порах Елюю Чуцаю удалось наладить устойчивую налоговую систему. Помимо стандартных поземельных налогов были введены различные повинности и дополнительные поборы. Большим бременем стала обязанность снабжать пищей монгольских гонимых и должностных лиц, передвигающихся по просторам страны. В немалой степени успехи были обусловлены тем, что Чуцай стал активно формировать государственный аппарат из числа конфуцианских бюрократов. Он объяснял Угедю это тем, что они обладали большими знаниями и административным опытом. Для оптимизации налогообложения в 1233 и 1234 гг. на территории Северного Китая были проведены переписи.

Когда Елюй Чуцай предлагал ввести налоги, он думал не только о наполнении ханской казны, но и о восстановлении экономики страны. К концу жизни Угедей влияние конфуцианца упало. Зимой 1239/40 г. мусульманский купец Абд ар-Рахман предложил отдать ему налоги на откуп, пообещав удвоить поступления в казну. Несмотря на яростное противодействие Чуцай, Угедей и его окружение согласились. В 1236 г. под давлением кочевой аристократии Угедей роздал значительную часть завоеванной территории Северного Китая в уделы (*фэнь ди*). Елюй Чуцай также не смог воспрепятствовать этому. Ему удалось добиться лишь того, чтобы приставить для надзора к каждому из монгольских вождей специальных контролеров. ❖

По приказу Угэдея в завоеванные страны были направлены должностные лица (*баскаки*) и сопровождавшие их писцы (*битикчи*). Слово «баскак» тюркского происхождения (тюрк. *бас* – «давить»). Это калька монгольского термина *даргучи* (монг. *дару* – «давить»). Дословно оба слова обозначают человека, который ставит печать от имени хана. Судя по всему, в функции даргучи входил достаточно широкий круг административных, военных и судебных полномочий. Для укрепления инфраструктуры империи в 1235 г. была создана ямская служба. От каждой тысячи должны были выделены смотрители почтовых станций (ямов). Они обеспечивали гонцов и других должностных лиц свежими лошадьми, пищей и кровом.

Пришло время перенести ставку из Восточной Монголии в новое место. Было принято решение о строительстве в долине Орхона столицы, которая получила название Каракорум (монг. *Хархорин*). Местоположение новой столицы было обусловлено в первую очередь геополитическими преимуществами. Отсюда было гораздо удобнее контролировать и Китай, и торговые пути через Ганьсу, и совершать походы на Джунгарию и Восточный Туркестан. Важное место в создании столицы сыграла необходимость концентрации в одном месте ремесленников из завоеванных стран. В течение первых десятилетий существования империи монголы провели масштабную мобилизацию человеческих ресурсов. После захвата Хорезма в Монголию было угнано 100 тыс. ремесленников. Следующая волна насильственной депортации мастеров была связана с походами на государство Цзинь, в результате чего в Каракорум привезли много искусных ремесленников и мастерового люда, которые занимались украшением внутренних покоев дворца и производством для него утвари и различных украшений.

В 1235 г. был возведен дворец Угэдея, называвшийся *Ваньангун* – «Дворец мира на десять тысяч лет». Все представители элиты получили приказание построить в городе дворцы и дома. Перед этим дворцом находилось знаменитое винное дерево, сделанное мастером Вильгельмом из Парижа. Перед деревом стояли четыре серебряных льва, из пасти которых подавался кумыс. От ствола дерева отходили четыре трубы в форме позолоченных змей. Из этих труб лились вина. Ветки и листья были сделаны из серебра. На самом верху находился ангел с трубой.

Дворцовый комплекс был пристроен с юга к городским стенам. Сам город имел форму, близкую к прямоугольнику (в южной части – к равнобедренной трапеции). Длинные стороны (около 2,5 км) были ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. С северной стороны длина вала равнялась 1,6 км, с южной стороны – около 1,3 км. Стены были невысоки и не предназначались для серьезной обороны. Город разделялся на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и ханский дворец, в другой были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовало не менее четырех рынков, церкви и кумирни различных конфессий.

Сам Чингисхан и его ближайшие потомки не отдавали предпочтения ни одной из мировых религий, с уважением относясь ко всем существующим. Во многих государствах религиозные служители (даосы, буддисты, православные) были освобождены от налогов. Возможно, отчасти это было продиктовано прагматическими задачами, чтобы обеспечить свое правление в

завоеванных странах. Нельзя исключать и другое обстоятельство – таким способом Чингизиды стремились максимально застраховать себя от вреда со стороны любых потусторонних сил.

Несмотря на наличие столицы, монгольские ханы большую часть свободного времени проводили если не в военных походах, то в сезонных перекочевках. Угедей путешествовал на север от Каракорума, где в окрестностях Дойтын-балгаса развлекался соколиной охотой. С началом лета он переезжал к югу от столицы под защиту прохлады Хангайских гор. С наступлением зимних холодов Угедей перебирался на юг ближе к Гоби. Ранней весной он возвращался в Каракорум для решения государственных дел. Общая протяженность маршрута составляла около 450 км.

В общих чертах создается впечатление, что в период между 1229–1241 гг. складывается государственный аппарат Монгольской империи. Данные тенденции получили развитие при последующих ханах. При Гуюке канцелярия продолжала функционировать. В период его краткого царствования, а также после его смерти было выдано множество ярлыков и пайцз «без числа».

После этого власть перешла к потомкам младшего из сыновей Чингисхана Толуя. Ханом был избран сын Толуя Мунке (1251–1259). Большую поддержку ему оказал наиболее могущественный и старейший из потомков Чингиса Бату (рус. Батый). Мунке был вынужден потратить много сил на упорядочивание создавшейся административной чехарды и отменил многие из выданных ярлыков. Он назначил главой своей канцелярии Булгаака (Булгай Ака), повелев ему «писать его указы и повеления и составлять копии». Булгааку подчинялись писцы, владевшие уйгурским, персидским, китайским, тибетским и тангутским письмом. К 1260 г. в составе *чжуншу шэн* насчитывалось уже около 100 переводчиков разных национальностей.

Мунке возобновил войну против династии Сун. Он полагал, что китайских бюрократов можно использовать на службе в завоеванных районах Китая, однако не видел никакой надобности в них в центральном аппарате степной империи. Видимо, и в реальности потребность монгольской ставки в китайских аппаратчиках была не очень велика. Фактически до воцарения Хубилая на завоеванных китайских и чжурчжэньских территориях не были созданы специальные бюрократические институты. В этот период не существовало в Монгольской империи столь строго иерархизированного дворцового церемониала, как это было принято в китайских царствах.

В 1252 г. при хане Мунке была проведена перепись всех завоеванных владений. На территории бывших китайских царств перепись дворов поручили Махмуду Ялавачу. В Среднюю Азию с аналогичными функциями вернулся Аргун. На Русь был послан Бицик-Берке (т.е. *битикчи* – писец Берке). Однако перепись была проведена позднее, зимой 1257/1258 г. Для удобства подсчета и круговой ответственности на покоренных землях вводилась десятичная система. С течением времени она приняла более привычный для Руси вид: десяток был заменен селом, сотня – городом, а тысяча – волостью.

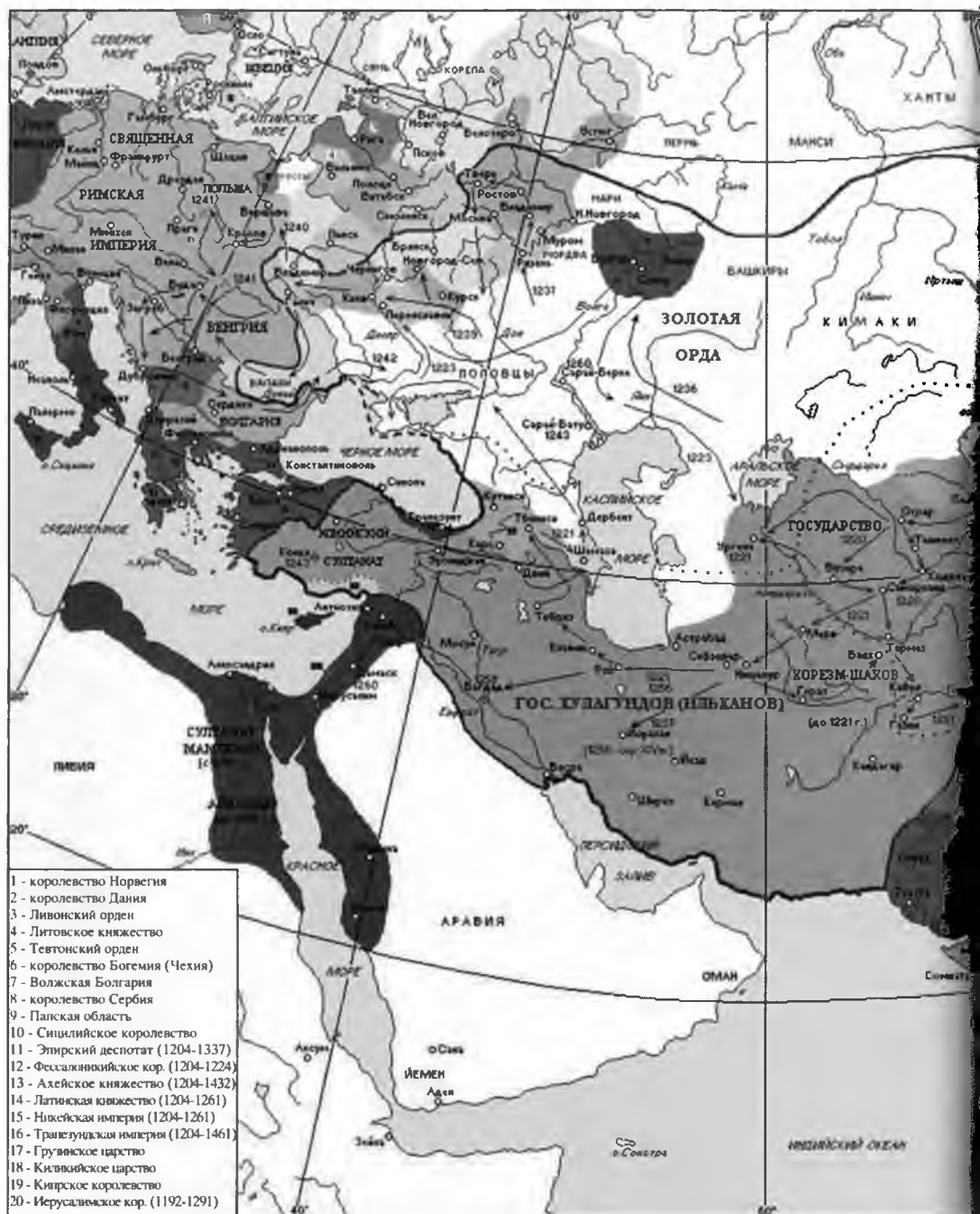
Улус второго сына Чингисхана Чагатай включал Восточный Туркестан и Мавераннахр. Столицей стал г. Алмалык в долине р. Или. Правление Чагатай пришлось на период новых завоеваний. После его смерти в 1242 г. на протяжении почти двух десятилетий отсутствовала политическая стабильность. Это обуславливалось стремлением Каракорума обеспечить здесь свой контроль. Только в период правления внука Угедея Хайду (1269–1301) улус обрел фактическую независимость.

Трудность управления *улусом Чагатаидов* состояла в том, что его западную часть составляло персидско-мусульманское население, тогда как на востоке проживали уйгуры, исповедовавшие буддизм и несторианство. Положение дел усложнялось наличием кочевого и оседло-земледельческого компонентов. По этой причине среди правящей элиты улуса всегда противоборствовали две тенденции. Одна группа придерживалась активной военной доктрины, поддержания традиций кочевого образа жизни за счет грабежа и уничтожения земледельческого населения. Другая группа полагала необходимым сохранение земледельцев и горожан, активизацию седентеризационных процессов. В период правления Чагатай и его ближайших преемников доминировала первая тенденция. Однако с начала XIV в. ситуация меняется. Начинается восстановление городов, земледелия и оросительных систем.

В 40-е годы XIV в. ханство распалось на оседло-земледельческий Мавераннахр, где власть оказалась в руках тюрко-монгольских эмиров, и степной Могулистан, где продолжали править Чингизиды. Основное население Могулистана составляли кочевники-скотоводы. В годы расцвета границы моголов простирались от Комула до Ташкента. Это было типичное полукочевое ханство, в котором правители претендовали на неограниченную власть, но баланс их власти был ограничен желаниями вождей кочевых племен. Несколько раз местные правители вторгались в Мавераннахр, однако им не удалось там закрепиться. В начале XV в. джунгары вытеснили моголов из Западной Монголии. Спустя столетие моголы потеряли пастбища Семиречья и Киргизии. По этой причине они были вынуждены перейти к оседлости в Кашгарии, где сделали своей ставкой г. Комул. В конце XVII в. моголы стали вассалами джунгаров, а после гибели Джунгарского ханства вошли в состав Цинской империи.

Несколько иначе разворачивались процессы монгольского завоевания Ирана. Становление *государства Хулагуидов* связано с решением курултая 1251 г. выделить в качестве улуса хану Хулагу «западные земли иранской земли, Сирию, Миср (Египет), Рум (Малую Азию) и Армению». Большинство из этих земель ему предстояло еще завоевать. Некоторые из них (как Египет) так и остались непокоренными, но походы монгольского войска привели эти некогда цветущие страны в состояние запустения.

В 1258 г. был разрушен Багдад. Халифа обрели на казнь. Он пытался вымолить себе жизнь, показав монголам все тайники, заполненные несметными сокровищами. Но это только привело Хулагу в ярость. Он потребовал от халифа, чтобы тот съел золото. На возражение, что золото несъедобно, хан в гневе воскликнул: «Почему ты тогда это копил, вместо того чтобы отдать своим воинам!»

Монгольские завоевания в XIII в.

Войска Хулагу сумели остановить только мамлюки, от которых монголы потерпели поражение в знаменитой битве при Айн-Джалуте (3 сентября 1260 г.). Военные историки считают, что главная причина неудачи монголов заключается в высоком военном профессионализме мамлюков и преобладании у монголов легковооруженной конницы. Мамлюки были прекрасными стрелками, но предпочитали более точную стрельбу из неподвижного положения. Монголам удалось в сражении прорвать только их левое крыло, тогда как центр и правое крыло выстояли, а когда монгольская конница устала, мамлюки на свежих конях перешли в контрнаступление и смяли противника.

Правители нового монгольского государства стали называться *ильханами* (тюрк. «хан страны»). Столицей нового государства был избран Тебриз. В период расцвета держава Ильханов занимала Иран, значительную часть Афганистана и Ирака. При этом только часть времени правители проводили в столице. Большую часть времени они кочевали со своей ставкой по степи. В Иране и Средней Азии имелись пустыни и пастбища, соседствовавшие с оазисами сельской и городской жизни. Это позволяло сохранять привычный для степняков кочевой образ жизни. Основное население составляли иранцы – жители земледельческих оазисов и городов.

Ильханы заимствовали административный аппарат от хорезмшахов. При ильхане существовал кабинет министров (*диван*), который возглавлял вазирь. В каждую из областей страны были посланы наместники. Для контроля их сопровождали баскаки. Чиновники («люди пера») постоянно конкурировали за власть с военной знатью («людьми меча»). Монголы сохранили основные типы землепользования, существовавшие до них, – государственные земли (*дивани*), церковные земли (*вакф*), владения правящей династии (*хассе*) и надель, переданные в частное пользование (*мулк*). При этом они, с одной стороны, расширили фонд ханских и государственных земель за счет конфискаций, с другой – раздавали огромные владения степной аристократии и наделяли участками земли простых воинов (*икта*).

Ислам больше христианства и буддизма соответствовал воинственному образу жизни степняков. В результате монголы заняли нишу предшествовавшей им тюркско-арабской местной господствующей элиты и воспринимались исламской философией через призму циклической парадигмы возникновения и гибели номадической государственности (например, в концепции Ибн Халдуна).

Правда, на первых порах завоеватели не приняли религии завоеванных. Они терпимо относились ко всем религиям. Хулагу-хан, возможно, больше симпатизировал христианам, поскольку его любимая жена была несторианкой. Но начиная с Газан-хана (1295–1304), царствующей династией был принят ислам. Газан-хан упорядочил системы мер и весов, предпринял ряд шагов по обузданию коррупции в госаппарате, сократил налоги, навел порядок в ямской службе и установил твердый курс серебряной монеты. Для возрождения ремесла были созданы государственные мастерские (*кархане*). Велась работа по восстановлению ирригационной системы, развивалось виноградарство и шелководство.

Хулагуиды покровительствовали наукам, в Мараге Насир ад-Дин Туси с помощью китайских специалистов построил крупнейшую для того времени обсерваторию. Историк Джувейни написал знаменитый трактат о завоевате-

ле Мира – Чингисхане. Под руководством вазира Газан-хана Рашид ад-Дина был подготовлен труд об истории средневековых монголов «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»).

Усиление «людей пера» не могло не вызвать серьезного недовольства «людей меча». Газан-хан был вынужден пойти на серьезные уступки кочевой знати. В 1303 г. был издан указ, который закреплял наследственное право на икта. Это значительно ослабило центральную власть. После смерти Газан-хана к власти пришли противники интеграционных процессов с местным земледельческим населением. Через некоторое время все его реформы были перечеркнуты. Более того, утрачены Предкавказье и среднеазиатские оазисы после войн с Джучидами и Чагатаидами. После смерти ильхана Абу-Саида в 1335 г. в стране фактически не имелось единого хана, и в 1353 г. государство распалось на несколько частей.

Фактическим правителем улуса Джучи (*Золотой Орды*) был его второй сын от главной жены Бату. Как уже говорилось, он был старейшим и наиболее авторитетным из всех внуков Чингисхана. Бату-хан активно способствовал развитию международной торговли, подобно каракорумским правителям, он переплачивал купцам за товары и тем самым привлекал их в Сарай. В 1256 г. Бату умер, власть наследовал его сын Сартак. Очень скоро он был отравлен родным дядей Берке, у которого после небольшого переворота в руках оказалась власть. Берке поддерживал купцов и развитие торговли. Были проложены тракты и установлены караван-сарай на расстоянии дневного перехода (примерно 25–30 км).

При Берке произошел окончательный разрыв с метрополией. Причина конфликта заключалась в том, что Хулагу и Берке не поделили Азербайджан. Война обескровила обе стороны, но никому не удалось получить решающего перевеса. При Берке началась исламизация. Он пригласил строителей и ремесленников, которые стали возводить мечети и минареты. Были созданы школы для детей, в которых изучали письменность и Коран. Однако степная аристократия на первых порах весьма прохладно отнеслась к увлечениям хана. Она продолжала соблюдать шаманистские культы и поклоняться Тенгри.

Золотая Орда занимала огромную территорию примерно в 6–8 месяцев пути с запада на восток. Западные границы страны в период расцвета доходили до Дуная и Паннонии. Северным рубежом улусов кочевников была естественная граница между Степью и лесостепной Русью. На юге с западной стороны Каспия границей являлся город Дербент, так называемые Железные ворота. Далее границы тянулись вдоль Аральского моря до о. Балхаш. Орда включала богатые города Отрар и Ургенч.

Население Золотой Орды составляли различные народы и этнические группы. Условно его можно разбить на две большие группы. К первой относятся кочевые народы – кипчаки, булгары, угры, огузы и монголы. Основное население степи составляли кипчаки. Монголы постепенно ассимилировались, стали терять свой язык. Однако элита разговаривала внутри своего круга на языке предков. Об этом, в частности, свидетельствуют археологические находки надписей на монгольском языке уйгурским алфавитом. Ко второй группе необходимо отнести население городов и оседлых поселений – русские, буртасы, ясы, черкесы, выходцы из стран Западной Евро-

пы. Кроме этого, в состав Орды вошло население Хорезма и других районов Средней Азии и Кавказа, включенных в состав кочевой империи. Условно всю страну можно разделить на несколько частей: Половецкие степи (Дешти-и-Кыпчак), Крым и Причерноморье, Хорезм, Сарай, вассальные государства и княжества.

В Золотой Орде возникло много городов, которые строили угнанные в плен жители земледельческих государств. Их социально-экономическое положение на первых порах было тяжелым, но с течением времени пленники адаптировались, улучшились их условия жизни и социальный статус.

Столицей Золотой Орды стал Сарай, построенный Бату (Селитренное городище в Астраханской обл.). Площадь городской застройки составляла около 10 кв. км. В городе проживало около 75 тыс. чел. Город имел четкую планировку, широкие улицы, базары, разбивался на кварталы. В городе существовала подземная канализационная система из деревянных труб. Внутри кварталов располагались отдельные усадьбы. Существовали особые кварталы ремесленников – металлургов и гончаров, ювелиров и косторезов. По всей видимости, ремесленники объединялись в корпорации по профессиональному признаку. Существовали также государственные мастерские, в которых использовался принудительный труд.

Археологические раскопки показывают, что простое население жило в наземных жилищах с «канами». Кан – это лежанка, под которой проходит дымоход от топки. Горячий воздух нагревает лежанку. Такая традиция, по всей видимости, была принесена ремесленниками государства Цзинь, угнанными далеко на запад. Поскольку в Причерноморье и Прикаспии климат более теплый, с течением времени кан трансформировался в «суфу» – глинобитное возвышение внутри жилища, с одной стороны обогреваемой дымоходом. Элита Золотой Орды проживала во дворцах. Один из них, раскопанный археологами, состоял из 36 комнат. Полы были выстланы красными кирпичами, стены покрыты росписями и мозаикой. Центральный зал имел площадь 200 кв. м. В одной из комнат находились ванна и туалет. К дворцу была пристроена баня. Помимо столицы в Золотой Орде существовали и другие крупные города: Гюлистан, Укек...

В период расцвета Золотой Орды примерно в течение 75 лет существовала огромная зона политической стабильности, что привело к беспрецедентному росту международной торговли и культурного обмена. На причерноморском побережье возникли торговые фактории генуэзских и венецианских купцов – Кафа в Крыму, Тана в устье Дона. Из Средней Азии везли имбирь, мускат, перец, масла, хлопок и квасцы, из Китая – шелк, парчу и различные ткани. Кочевники поставляли на рынки скот и рабов. Из Руси поступали мед, пушнина, икра и воск.

Как и другие кочевые империи, Золотая Орда имела «крыльевую» структуру. Она делилась на левую, восточную Кок-Орду (Синюю Орду) и правую, западную Ак-Орду (Белую Орду), причем левое крыло имело более высокий статус – его хан возглавлял Орду. Правым крылом командовал Бату. Крылья делились на подкрылья и на более низком уровне иерархии – на отдельные улусы («орды»), которые состояли из более мелких сегментов. Они возглавлялись *нойонами* (монг.) или *беками* (тюрк.). Количество «орд» доходило до нескольких десятков. Параллельно действовала десятичная военно-административная система – деление на тысячи, сотни и десятки воинов.

Административный аппарат включал должности беклярибека и везира. Беклярибек по сути являлся соправителем хана Ак-Орды (Белой Орды). Он командовал западной частью Белой Орды (Причерноморские степи). Везир управлял оседло-городскими обществами. Ему подчинялся специальный аппарат чиновников – диван. У наместников областей и городов имелись свои канцелярии, секретари и переписчики. Известны названия различных должностных лиц: битикчи (писцы), баскаки (сборщики дани) и др. Часть из этих терминов имеет монгольские и тюркские корни, другая часть связана с влиянием завоеванных оседло-городских народов. С принятием ислама помимо традиционного права тюрко-монгольских кочевников стал действовать шариат.

После хана Берке престол снова вернулся к потомкам Бату. Ханом стал правнук Джучи Менгу-Тимур (1266–1282), после смерти которого завершился первый династический цикл в истории Золотой Орды. Сказывался так называемый «закон Ибн Халдуна», согласно которому вследствие полигинии стабильная власть во многих средневековых государствах, в особенности в империях, созданных номадами, существует не более трех–четырёх поколений. Известно, что у Бату имелось 26 жен, не считая наложниц. Можно предположить, что у него должно было быть несколько десятков сыновей, не считая внуков и потомков его родных братьев. Данный цикл продлился 46 лет (1236–1282). После смерти Менгу-Тимура начались споры за наследство, которые привели к коллективному правлению нескольких Чингизидов на протяжении пяти лет.

В Китае монголы вписались в классическую схему смены династий вследствие нарушения предыдущим императором «мандата Неба». В результате Монгольский улус переродился в династию Юань. После прихода к власти Хубилая центр ханской политики был перенесен в Китай. Уже в 1264 г. столица переместилась в Ханбалык, а в 1271 г. хан официально провозгласил *империю Юань*. Как уже сказано, в 1279 г. весь Китай лег к ногам завоевателей. Правительство возглавляли два канцлера (левый – *цзочэнсян* и правый – *ючэнсян*), которым подчинялся государственный совет (*чжуншувэн*). Правый канцлер одновременно являлся главой правительства, которое состояло из шести *бу* (министерств, ведомств). Кроме этого, в центральный аппарат входил главный военный совет (*шумиюань*) и главный цензорат (*юйшитай*). Империя Юань подразделялась на 11 провинций (*шэн*), которые были поделены на административно-территориальные органы управления более низкого иерархического уровня: дороги (*лу*), области (*фу*) и т.д. Параллельно существовало 22 военных округа (*дао*).

Официально все население страны было разделено на четыре категории. Монголы имели наибольшую совокупность прав и привилегий. Вторую позицию занимали так называемые «цветноглазые» выходцы из Западной и Средней Азии (*сэмужэнь*). Они использовались монголами в управлении, поскольку не были связаны с местным китайским населением и не были включены в клановую иерархию завоевателей-монголов. Ниже располагались выходцы из Северного Китая – ханьцы, чжурчжэни, кидани, бохайцы (*ханьжэнь*). Самое низшее место в иерархии отводилось населению империи Сун (*наньжэнь*).

Юаньские императоры и высшая элита активно усваивали конфуцианскую доктрину. Сэму исповедовали ислам и христианство, чуждые для подавляющей массы населения династии. Сэму полностью были зависимы от монголов и поэтому проводили политику монгольских ханов и их сподвижников. По некоторым подсчетам, численность монголов и сэму в официальных учреждениях составляла не менее 30%. Квоты поддерживались искусственно, и даже когда была реанимирована система экзаменов на должность, для монголов и сэму были введены облегченные испытания. При этом прослеживается четкая тенденция увеличения количества представителей монголов и сэму с повышением уровня бюрократической иерархии.

Захватив обширные территории Северного Китая, монголы уделяли большое внимание подготовке квалифицированных переводчиков для управления ими. На первых порах монголы использовали для записывания текстов на родном языке уйгурский алфавит. Собственно монгольская письменность была создана при Хубилай-хане тибетским ламой Суматидхважей (Пагба-лама) в 1269 г. Так называемое «квадратное письмо» не имело длительной истории и по возвращении монголов в степь после падения Юаньской династии номады опять вернулись к уйгурскому письму. Это письмо использовалось также в Золотой Орде, где монгольская элита выдавала ярлыки, написанные на монгольском языке буквами уйгурского алфавита.

После завоевания страны постепенно восстановилась экономика, отстраивались города, росло население страны. Высокими темпами развивалась торговля. Несмотря на немалые торговые пошлины, прибыли намного превосходили любые издержки. Даже страх перед разбойниками не мог остановить купцов, отправлявшихся в дальние страны.

С искренним восторгом описывает столицу Юаньской империи город Ханбалык венецианец Марко Поло, не привыкший к подобным масштабам роскоши: «Домов и народу в этом городе, и внутри, и вне, превеликое множество... в предместьях жителей более, нежели в городе, там пристают и живут и купцы, и все, кто приходит по делам; а приходит многое множество ради великого хана... везут сюда драгоценные камни, жемчуг и всякие другие дорогие вещи. Все хорошие и дорогие вещи из Катая и других областей привозят суда; и все это для государей, что живут здесь, для их жен, для князей, для великого множества военных людей и для тех, что приходят сюда, ко двору великого хана... много здесь товаров продается и покупается. Каждый день, знаете, приезжает сюда более тысячи телег с шелком; ткутся тут сукна с золотом и шелковые материи».

С течением времени монгольские гарнизоны, расквартированные в городах, теряли свои боевые качества. Это обуславливалось многими причинами, такими как ослабление общей идентичности кочевнического сообщества, аккумуляция элиты кочевников к ценностям завоеванного общества, постоянные лишения, которые несли простые скотоводы, участвуя в непрерывных войнах и гарнизонной службе, неблагоприятный климат, характерный для рубежа XIII–XIV в. Все это приводило к разорению, вынуждало продавать в рабство жен и детей. Поскольку ханская власть не была заинтересована в ухудшении положения простых скотоводов, являвшихся основой войска, предпринимались меры по его поддержанию. Государство выкупало проданных в рабство детей и жен кочевников, раздавало населению скот, ткани и деньги, обеспечивало хлебом. Многие воины обзаводились китай-

скими женами, перенимали китайские обычаи. Билингвизм стал обычной практикой в смешанных семьях, что дает основание говорить о частичных аккультурационных процессах в государстве Юань. Однако если кидани и чжурчжэни (особенно последние) твердо шли по пути китаизации, то монголы для местного населения остались большими «варварами», нежели их предшественники. Императорская семья заимствовала китайский церемониал, но этническое противостояние между завоевателями, другими народами и китайцами сохранилось. В общей сложности почти за сто лет политического господства они не растворились среди местного населения.

С конца XIII в. в стране возрастает недовольство гнетом завоевателей, в следующем столетии антимонгольские движения принимают характер организованного сопротивления. В 1351 г. начинается восстание секты «Белый лотос», несколько позднее переросшее в крестьянскую войну «красных повязок». Несмотря на жестокое подавление выступлений, движение охватило всю страну. В январе 1368 г. восставшие взяли штурмом столицу и провозгласили новую династию Мин. Юаньский император был вынужден бежать в степи Монголии. Однако Чингизидов насчитывалось так много, что им уже не хватало места для создания отдельных владений. Источники свидетельствуют, что экономическое положение некоторых потомков Великого завоевателя не отличалось от участи простых аратов. Все это вело к эскалации внутренних конфликтов и борьбе за власть. Интересно, что 1380 год ознаменовал фактическое окончание эпохи тотального господства монголов в Старом Свете. У большинства историков этот год ассоциируется с битвой князя Дмитрия с войском Мамай на берегу р. Непрядвы, но в том же году войска Мин прошли через Гоби и сожгли Каракорум. Степная держава была поражена в самое сердце.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Оценивая роль империи Чингисхана и его преемников в мировой истории, необходимо констатировать, что монгольские завоевания принесли смерть и уничтожение многим народам и цивилизациям. Можно считать вполне объективным свидетельство Джувейни о завоевании Чингисханом Средней Азии: «Волны несчастий вздымались от татарского войска, но он не успокоил еще свое сердце мстью и не заставил течь реки крови, как было написано пером Рока на свитке Судьбы». Первоначальные завоевания производились с особенной жестокостью, которая должна была внушать страх и парализовывать возможное сопротивление. Однако необходимо иметь в виду, что современные археологические данные не подтверждают тотальный характер разрушений, как по времени, так и по масштабам. Как только монголы окончательно осознали, что налогообложение приносит больше доходов, чем грабеж (в период правления Мунке), они кардинальным образом поменяли всю внутреннюю политику.

После монгольских завоеваний принципиальным образом изменилась геополитическая расстановка сил в Старом Свете. В восточной части исламского мира центр сместился от Багдада к Тебризу, в Средней Азии – от Блассагуна к Алмалыку, в Восточной Европе – от Киева к Сарая и затем к Моск-

ве, в Китае – от Кайфына к Пекину. Монголы снова объединили весь Китай в единое государство и их административное деление сохраняется до сих пор. Более того, они заложили фундамент для создания китайской государственности в современных границах – включая Тибет, Синьцзян, Внутреннюю Монголию и Маньчжурию. Сегодня китайская историография настойчиво подчеркивает многоэтничный символ юаньского общества как важнейший вклад в национальное строительство КНР.

Монгольские завоевания способствовали началу масштабных миграционных процессов, новых культурных контактов, зарождению новых вкусов и моды, формированию идей космополитизма. Европейцы заключали браки с татарами Золотой Орды, давали своим детям имена, которые происходили от имен степняков: Алаоне (от Хулагу), Кассано (от Газана), Абага (от Абака) и др. Влияние монгольского мира прослеживается даже в одежде. К XIV в. в Европе вошло в моду так называемое «татарское платье». В 1331 г. перед рыцарским турниром через улицы Лондона проехала процессия английских всадников, 16 из которых были одеты в одежды и маски татарского покроя. 250 подвязок из татарской ткани (темно-синего цвета), с золотой вышивкой были сделаны для рыцарей английского Ордена подвязки. С Ближнего Востока лапша попала в Китай и Италию, где стала одним из основных национальных блюд. Европейцы познакомились с технологией перегонки спирта, не говоря уже о таких принципиальных для Запада открытиях, как компас, порох и книгопечатание. Элементы китайской живописи и декоративного искусства вошли в среднеазиатское искусство, так же как среднеазиатская парча попала на Дальний Восток.

Китайские техники и инженеры сопровождали монгольские армии, вторгавшиеся в страны ислама. Значительные группы населения с территории империи Цзинь были переселены в Мерв и Тебриз для занятия ремеслом и сельским хозяйством. По приказанию Хулагу были построены буддийские храмы на землях Хорасана, Армении и Азербайджана. Археологами исследованы остатки одного такого храма неподалеку от Мерва. Конструкция объединяет местные и дальневосточные строительные традиции. В городах существовали китайские кварталы. Подобные заимствования были многочисленны в монгольской империи. Это создавало возможности для расширения все новых и новых связей, формирования новых мод и вкусов. Однако не следует забывать, что монголы ставили себе иные цели. Они были одержимы идеей покорения мира и, следовательно, многие результаты их столкновений с другими культурами и цивилизациями оказались непреднамеренными. Но все же формировались обширные и постоянные сети культурных и технологических контактов между ремесленниками, инженерами, художниками и другими представителями интеллектуального труда разных народов и государств. Все это заложило основу для плодотворного технологического и культурного обмена, способствовало претворению в жизнь новых возможностей и уникальных открытий, которым через несколько столетий было суждено перевернуть весь мир.

Монголы также способствовали распространению и взаимопроникновению различных религий. Правда, при этом, в конечном счете, в выигрышном положении оказался ислам: Ильханы в Иране, Чагатаиды в Средней Азии, Джучиды в Дешт-и-Кыпчаке рано или поздно приняли веру в Аллаха.

Еще одним следствием масштабного культурного обмена стало визуальное расширение горизонтов Евразии и развитие картографии. В определенной степени это подтолкнуло европейцев к поискам новых морских путей в Индию и привело впоследствии к Великим географическим открытиям.

Монголы серьезно изменили лингвистическую ситуацию в регионе. Империя была многоэтничной державой, и монголы использовали различные языки для управления завоеванными территориями. Они создавали специальные школы для подготовки переводчиков, они стимулировали процесс создания многоязычных словарей, которые начинают появляться в XIII–XIV вв. в разных странах, связанных с торговлей по Великому шелковому пути от Китая до Европы. Мы уже не говорим о многочисленных языковых заимствованиях монгольских слов в различных языках и стимулированных монголами языковых взаимодействиях. Только в русский язык посредством контакта с кочевниками вошли такие слова, как «аргамак», «базар», «деньги», «казна», «таможня», «табун», «тьма», «ямщик»...

Подытоживая сказанное выше, представляется несомненным, что главное значение монгольской империи для мировой истории заключалось в том, что монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные составляющие средневековой Мир-Системы (Европа, Ислам, Индия, Китай и Золотая Орда) оказались интегрированными в единое макроэкономическое и культурное пространство. Гонцы, воины, торговцы и дипломаты перемещались от одного конца этой сети к другому, связывали между собой Китай и Каракорум, Среднюю Азию и Ирак, торговые фактории Причерноморья и католическую Европу.

С эпидемиологической точки зрения это имело одно катастрофическое последствие. В 1252 г. монголы столкнулись с чумой, источник которой находился, возможно, в Гималаях. Через Бирму бацилла попала в Южный Китай, но первоначально источник заражения удалось изолировать. Однако спустя столетие в 1331 г. очаг инфекции активизировался, и болезнь стала стремительно распространяться.

В XIV в. громадные территории Европы, Азии и Северной Африки были охвачены пандемией чумы, имевшей катастрофические последствия. Эта болезнь эпизодически проникала в Европу и ранее, но никогда не принимала столь опустошительных масштабов.

С ростом населения и увеличением его мобильности изменялась и эпидемиологическая ситуация: между различными регионами происходили не только военные столкновения, обмен не только товарами и культурами, но и болезнями. Основными распространителями эпидемии становились купцы и путешественники, странствующие монахи и паломники, шедшие к святыням в Рим и в Сантьяго-де-Компостелла. Среди бесчисленных последствий контактов Европы с Востоком нельзя не назвать и изменения эпидемиологической картины: Крестовые походы принесли проказу, а процветающие генуэзские купцы в XIV в. вместе с шелками и пряностями доставили в Европу чуму. Первая крупная пандемия чумы, известная под названием «чумы Юстиниана», охватила Европу в VI в. О ней известно немного, но несомненно, что память о страшной болезни сохранилась, и когда мор пришел в XIV в., его сразу узнали.

Второй пандемии чумы предшествовали глобальные климатические катаклизмы – климат стал холоднее, неустойчивее. Хроники отмечают засухи, наводнения, землетрясения и голод в Китае, сопровождавшиеся массовой гибелью населения (в том числе и от инфекционных болезней). С началом XIV столетия засушливые годы становятся бедствием, а в 1308 г. повсеместно наблюдалось нашествие грызунов, сопровождающееся мором и голодом. Источники фиксируют также вспышки эпидемических заболеваний. Так, начиная с XI в. в Европе активизировалась проказа. Она достигла своего максимума примерно через 200 лет после начала Крестовых походов – в XIII в., т.е. перед началом «Черной смерти». Проказа внушала современникам леденящий ужас, и при первых признаках болезни принимались жесткие изоляционные меры. Эта тактика приносила плоды, и уже к XV в. болезнь практически покинула Европу.

Согласно археологическим данным, чума XIV в. зародилась в Центральной Азии. Первичные очаги пандемии возникли в Китае, где первые вспышки отмечены в 1333 г., а также в Центральной Азии, в районе оз. Балхаш. Из Китая чума перекинулась в Индию и Персию, распространяясь по важнейшим путям караванной торговли. Арабский писатель Ибн ал-Варди, автор послания «Весть о чуме», сам в 1350 г. ставший ее жертвой, сообщает: «... приключилась в землях Узбековых чума, [от которой] обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно до 1000 трупов, или около того. Затем чума перешла в Рум (Византию), где погибло много народу, – сообщал мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, что кади Крымский рассказывал [следующее]: “Сосчитали мы умерших от чумы, и оказалось их 85 тысяч, не считая тех, которых мы не знаем”». Пандемия охватила земли Золотой Орды, Среднюю Азию, Кавказ, Причерноморский регион и Крым, достигла Черно-

морского побережья, где поразила татар, нападавших на итальянских купцов в Крыму.

Основная версия проникновения чумы в Европу связана с пассажем хрониста Габриэля де Мюсси. Он сообщает, что в 1347 г. татарское войско под предводительством золотоордынского хана Джанибека осадило генуэзскую колонию Кафу (совр. Феодосия) в Крыму. Чума вынудила татар снять осаду, но при этом они «изобрели бактериологическое оружие», перебрасывая через стены крепости трупы умерших от чумы, после чего заболели и осажденные. Генуэзцы покинули Крым, надеясь спастись бегством от страшной болезни. Результатом эвакуации стало распространение болезни на всем пути из Кафы в Геную. У де Мюсси сложилось впечатление, что где бы ни приставали итальянские корабли, везде быстро умирали все те, кто соприкоснулся с прибывшими на них. *«Родные, друзья и соседи поспешили к нам, но мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы своим дыханием смертельный яд»*, – записал де Мюсси.

Итальянцы привезли смертоносную болезнь и в Пёру – принадлежавшую им окраину Константинополя. Затем ее жертвой пал весь Царьград, а позже все малоазиатское побережье до Трапезунда. Византийский историк Никифор Григора сообщает, что «тяжкая и чумоподобная болезнь... опустошала как города, так и села, и наши, и все, которые последовательно простираются от Гада до Столбов Геркулесовых», и в считанные дни «в большинстве домов все живущие вымирали разом». В 1347 г. эпидемия охватила Константинополь, Грецию, Сицилию и Далмацию. Еще до окончания года вместе с шелком, мехами и рабами болезнь «доставили» в Александрию. Она быстро распространилась по всему Египту, Сирии и Марокко.

В октябре 1347 г. двенадцать генуэзских галер прибыли в Мессину. Их экипажи находились в плачевном состоянии, большая часть моряков скончалась. Именно в годы эпидемии в Европе родилась легенда о кораблях-призраках: когда чума появлялась на корабле, бывало, что после смерти большинства экипажа оставшиеся кончали жизнь самоубийством, чтобы избежать мучений. Корабли передвигались вдоль всей Сицилии от порта к порту, и хотя они были заполнены драгоценными товарами, нигде экипажам не позволяли сойти на берег. Когда Генуя отказалась принять собственные корабли, 1 ноября 1348 г. они причалили в Марселе. Епископ, поднявшийся на корабль, чтобы отпеть умерших, умер через несколько дней, и чума начала победоносное шествие по Европе. Из Марселя болезнь стремительно распространилась по всему Провансу, далее на запад до Атлантического побережья. Оттуда корабли доставили ее на берега Британии в порт Уэймут. Чума охватила весь остров (хотя север был затронут ей в меньшей степени), из Бристоля ее также завезли в Ирландию. В 1349 г. она дошла оттуда до Скандинавии: «корабль-призрак», груженный шерстью, с мертвым экипажем на борту, был обнаружен у берегов Норвегии. Местные жители в неведении сняли с корабля груз, а вместе с ним и «Черную смерть».

Болезнь распространялась по всему Западнему миру на протяжении трех лет. Вначале поражались порты, затем города и сельские местности. Ареал распространения болезни вскоре принял громадные размеры. Источники в разных концах Европы отмечают начало страшного мора. Морской путь распространения болезни утратил исключительность: чума стремительно про-

двигалась по суше, в частности через север Италии в глубь материка. Сильно пострадали земли нынешних Нидерландов, Бельгии, Дании, Германии, Швейцарии и Австрии. Затем зараза посетила Венгрию, Швецию, Польшу и русские земли. В 1351 г. повальный мор отмечают русские летописи: Новгород, Смоленск, Киев. В 1352 г. пандемия началась в Псковских землях, где приняла такой масштаб, что люди не успевали погребать мертвых. В Пскове по просьбе горожан побывал епископ Василий Новгородский, но на обратном пути он сам скончался от чумы на р. Узе. Плачевно заканчивались попытки богатых горожан раздать свое имущество бедным: «аще бо кто у кого возьмет, в той час неисцелно умирает». Как свидетельствует летопись, в Глухове и Белоозере не осталось вообще ни одного жителя – «вси изомроша». В 1353 г. чума пришла в Москву. От нее скончался, в частности, великий князь Симеон Гордый и его сыновья.

Клиническая картина заболевания изображена различными авторами весьма подробно. Предвестниками заболевания выступает озноб, повышение температуры тела, головная боль и упадок сил. Современники отмечают, что зачумленные мучились от «непрерывной лихорадки», бредили, страдали от тоски и болей в области сердца, язык чернел, они чувствовали сильнейшую жажду, бессонницу, или же, напротив, впадали в глубокий сон; от них исходило сильнейшее зловоние; иногда больных сотрясал кашель, сопровождавшийся кровохарканием (легочная форма чумы), что было симптомом наступления скорой смерти.

В других случаях в первые дни болезни в подмышечных впадинах и в паху возникали карбункулы и бубоны (бубонная форма). При легочной форме чумы больной жил не более трех дней, и кончина наступала неизбежно; течение болезни в бубонной форме продолжалось примерно пять суток и чаще всего также заканчивалось трагически. Дж. Боккаччо разделяет их географически, указывая, что на Востоке превалировала легочная форма чумы («кровотечение из носа было явным знамением неминуемой смерти»), в Европе же «в начале болезни у мужчин и женщин показывались в пахах или подмышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока или яйца, одни более, другие менее; народ называл их *gavoccioli* (чумными бубонами); в короткое время эта смертельная опухоль распространялась от указанных частей тела безразлично и на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появившиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела, у иных большие и редкие, у других мелкие и частые. И как опухоль являлась вначале, да и позднее оставалась вернейшим признаком близкой смерти, таковым были пятна, у кого они выступали». Шолиак называл «Черную смерть» чумой с кровохарканьем. Кантакузин и де Мюсси выделяли еще третью форму болезни – молниеносную. Больные умирали в первый день и даже час болезни, причем на них не было никаких «чумных знаков» (сын византийского императора Иоанна Кантакузина, Андроник, умер в течение трех часов с начала болезни). У других, по наблюдению Кантакузина, болезнь продолжалась до третьего дня и сопровождалась явлениями двоякого рода. Иногда появлялась сильнейшая горячка, больные теряли способность говорить и впадали в глубокую спячку. Если они просыпались, то пробовали говорить, но вскоре умирали. В других случаях «болезнь поражала не голову, а легкие. С сильнейшими болями в груди они выхаркивали вещества, окрашенные кровью. Особо ужасающее впечатление произвела эпидемия в Багдаде, где смерть людей наступала через несколько часов после начала болезни.

Вспышка бубонной и легочной чумы, самая страшная из известных в истории эпидемий, распространилась в Европе в период с 1347 по 1351 гг. и затем каждые несколько лет уже с меньшей интенсивностью повторялась в разных частях Европы на протяжении трех столетий.

Опыт борьбы с инфекционными заболеваниями, накопленный человечеством за прошедшие века, оказался мало эффективным, когда пришла «Черная смерть». Главным рецептом для спасения от чумы стало, по выражению итальянского гуманиста Марсилио Фичино, *cito, longe, tarde*, т.е. бежать от зараженных мест как можно быстрее, дальше и возвращаться позже. Такое паническое бегство из зараженных районов способствовало дальнейшему распространению заболевания. Чума опустошала целые местности. Особенно благоприятной средой для расширения эпидемии оказались средневековые города, ибо в условиях городской скученности болезнь шествовала быстрее, а уровень гигиены был чрезвычайно низок. Колодцы были заражены возбудителями, санитарной организации не существовало, а крысы и другие животные бродили по грязным улицам, где текли фекальные воды.

Попытки лечения чумы оказались безуспешными. Если при заболевании бубоны появлялись до начала лихорадки, это считалось хорошим знаком: природа сильна и сопротивляется болезни. Благоприятный прогноз был также возможен, если бубоны прорывались самопроизвольно и гной выходил из них. Врачи пытались облегчать состояние больных, выпуская гной из чумных бубонов. Классическим средством средневековой медицины для облегчения симптомов лихорадки служили кровопускания, но еще Гален, переживший так называемую «чуму Антонинов» во II в. н.э., предостерегал от использования кровопусканий при чуме, и средневековые врачи следовали его совету. Люди жгли пахучие травы, чеснок, ароматические вещества и ладан – считалось, что их пары очищают воздух от чумного яда. Средневековые медики советовали соблюдать умеренность в пище и питье, избегать мест скопления людей, реже мыться – вода могла явиться источником заражения, натирать кожу уксусом и розовой водой. Практиковалось также окуривание смолами, вдыхание паров селитры. Все же пораженный был практически обречен: смертность при заболевании доходила до 90%. Если при борьбе с проказой жесткие меры сегрегации приносили свои плоды и эта болезнь постепенно покидала Европу, то для «Черной смерти» подобные меры оказались явно недостаточными, да и изолировать всех заболевших вскоре стало технически невозможно.

Причиной эпидемии современники (как христиане, так и мусульмане) считали в первую очередь гнев Всевышнего. Но большое значение придавалось также астрологическим факторам: в 1348 г. профессора Парижского университета решили, что чума возникла от «дурного воздуха», поскольку год был жарким и влажным, а Ги де Шолиак, французский хирург и врач папы Климента VI в Авиньоне, объяснял эпидемию особой конstellляцией Сатурна, Юпитера и Марса. Отмечалась также связь чумы с иными природными катаклизмами: бури, пожары, голод и война («Четыре всадника Апокалипсиса»). Прослеживались механизмы заражения: в классическом описании чумы из «Декамерона» Дж. Боккаччо пишет: «...не только беседа или общение с больными переносило на здоровых недуг или причину общей смерти,

но, казалось, одно прикосновение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотронувшемуся».

В намеренном распространении чумы обвиняли некоторые категории населения. Подозрение падало, например, на прокаженных, чья болезнь, как считали современники, ввергала их в состояние злобы и безумия. Вину за распространение эпидемии общественное мнение зачастую возлагало на евреев, чьи гигиенические правила (бани и обливания) давали им некоторую защиту от заражения. Поэтому «Черная смерть» повлекла за собой вспышку антисемитизма: евреев обвиняли в злонамеренном отравлении колодцев с целью вызвать мор. На этом основании в октябре 1348 г. было принято решение о повсеместном изгнании евреев и уничтожении тех, кто остался. В 1348–1349 гг. избиению, сожжению и грабежу подверглись евреи во многих европейских городах, главным образом в Германии: в Аугсбурге, Вюрцбурге, Мюнхене, Нюрнберге и десятках других. В Базеле евреев заперли в деревянном доме и сожгли заживо, несколько тысяч человек было убито в Страсбурге и Майнце, во Франкфурте процессия флагеллантов повела горожан в еврейский квартал, где была устроена настоящая бойня. Одновременно сжигались долговые обязательства, еврейские дома, лавки и другое имущество. Хотя в булле Климента VI говорилось, что евреи так же, как и христиане, умирают от чумы, а следовательно, не являются ее виновниками, эта булла не положила конец преследованиям. «Черная смерть» и вызванные ею волны антисемитизма были причинами массового бегства евреев. Многие из них устремились в Польшу, получив разрешение селиться во владениях короля Казимира Великого.

Хронисты из разных регионов в ужасе отмечали, что в годы чумы стало некому хоронить погибших. Часто родные или соседи умерших просто выносили тела на улицы; их собирали на телеги и хоронили вместе. «Так как для большого количества тел, — пишет Дж. Боккаччо в “Декамероне”, — ... не хватало освященной для погребения земли, особенно если бы по старому обычаю каждому захотели отводить особое место, то на кладбищах при церквях, где все было переполнено, вырывали громадные ямы, куда сотнями клали приносимые трупы, нагромождая их рядами, как товар на корабле, и слегка засыпая землей, пока не доходили до краев могилы». Поскольку ежедневно погибало множество людей, приходилось нарушать обряд погребения: иногда заупокойные службы проводились над 50 покойниками одновременно. Бывало, что в одну могилу опускали по 10–20 трупов. Трупы хоронили в общих могилах вне городских стен, без соблюдения обрядов, поскольку никто не соглашался позаботиться о них из страха заразиться. Воспринимая кладбища как «священное место», люди Средневековья не осмеливались даже удалять их от городов или обеззараживать чумные могилы гашеной известью. В Авиньоне тела с благословения папы Климента VI грузили на телеги и сбросили в Рону, чтобы вода унесла их, но поток вновь вынес их на берег, приведя в ужас горожан. В других городах трупы сжигали вопреки традиции средневековой христианской культуры. При этом если людей все же хоронили, то издохшие животные оставались разлагаться на месте гибели. В окрестностях Лондона одно из пастбищ было усеяно трупами 5 тыс. овец, смрад от которых пугал даже зверей и птиц.

Во многих городах жители если не спасались бегством, то пытались избежать мест большого скопления людей. В Венеции были закрыты все церкви. Дж. Боккаччо сообщает, что многие жители Флоренции запирались в домах и всячески избегали общения с окружающими. В Лондоне была отменена сессия Парламента и закрыты школы. Прямо противоположным образом поступали жители Брешии, где проходили нескончаемые религиозные процессии с молитвами об избавлении от пагубного мора. Эти коллективные моления также становились фактором распространения инфекции. Во Флоренции ордонансы городских властей повелевали уничтожать собак и кошек, что лишь усложнило ситуацию: именно собаки и кошки душили крыс, длинных переносчиков инфекции.

И главной задачей стали меры, препятствующие дальнейшему распространению страшной болезни: именно чуме Европа обязана появлением карантинной службы и основ городского здравоохранения. Санитарно-профилактические меры были делом не столько врачей, сколько местных властей, и в разных городах применялись различные меры, имевшие целью изоляцию зачумленных.

Разведение огня практиковалось не только с целью оградить зачумленный район, но, в первую очередь, для «очищения воздуха» от миазмов, переносящих заразу. Так, например, в Авиньоне папа Климент VI специально приказал разжигать на улицах костры для очистки воздуха. Власти помещали заболевших в лепрозории, находящиеся за городской чертой. Появились так называемые «чумные врачи», которые должны были оказывать помощь заболевшим. В Венеции их изолировали на остров св. Лазаря (лацаретто) (с этого времени слово «лазарет» стало обозначать чумной госпиталь). Кроме того, больным там запрещалось входить в город. В Милане район города, где были зафиксированы случаи чумы, был обнесен стеной и замурован. Возможно, эти драконовские меры возымели успех, так как в Милане погибло всего 15% населения. Имущество умерших от чумы сжигалось, а их дома дезинфицировались серой и известью. Вход и выход из городов были ограничены.

Особые меры предосторожности принимались в портовых городах. В Венеции, Модене, Марселе, Пизе, Генуе экипажи кораблей, прибывавших с Востока, в течение 40 дней не сходили на берег, чтобы предотвратить возможное заражение (*quaranteneria*, «сорокадневие», отсюда слово «карантин»). В 1377 г. в Рагузе (Дубровнике) был установлен 30-дневный период изоляции на соседнем острове для всех судов, прибывавших из зараженных районов, впоследствии этот период также был увеличен до 40 дней.

Последствия чумы неизмеримы в плане демографическом, экономическом, социокультурном, религиозном и социально-психологическом. Особенно тяжела пандемия оказалась для Европы, поскольку население ее было более оседлым и менее мобильным, нежели в азиатских регионах. По различным подсчетам, чума унесла от трети до половины европейского населения, что привело регион в состояние подлинной демографической катастрофы. Дело хотя бы в том, что за несколько лет пандемии в Европе сильно сменился состав населения: вымирали семьями, родами, городами и селениями. В особенности пострадали города, ибо в условиях городской скученности болезнь распространялась быстрее. Некоторые города просто исчезли с лица

земли: их население погибло или бежало. Такая судьба постигла, например, Катанью в Италии и Белоозеро на севере Руси. При этом в зачумленных городах в первую очередь вымирали те категории населения, которые находились в непосредственном контакте с больными: врачи, клирики и юристы (поскольку при первых признаках заболевания человек спешил составить завещание). Это означает, что огромный урон потерпела группа представителей интеллектуальных профессий, и без того немногочисленная.

Но аграрный мир также пришел в критическое состояние: земля оставалась невозделанной, нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве привела к массовому падежу скота и эпизоотиям. Только в Англии исчезло более тысячи деревень. Из 2064 сел Трансильвании, упомянутых в 1251–1350 гг., около трети перестали существовать не только в результате смерти жителей, но и вследствие значительных миграций в разных направлениях, а в особенности на восток. Многие местности опустошались, поля зарастали, но осваивались для земледелия новые регионы благодаря пришлому населению, и таким образом чума перекраивала аграрную карту Европы.

К последствиям эпидемии относится резкий экономический спад. Страх заражения сократил международную торговлю. Резко выросли цены на продукты и предметы первой необходимости. Египетский историк Бадр ад-Дин Махмуд аль-Айни (1360–1451) писал: «Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях Египетских дороже 10 дирхемов...»

В попытках преодолеть экономический кризис власти шли порой на жесткие меры, что вызывало массовые народные волнения. Так, в Англии ордонанс Эдуарда III (1349 г.) предписывал всем взрослым людям обоего пола в возрасте от 12 до 60 лет, не имеющим собственной земли и других средств к жизни, наниматься на работу за ту же плату, которая назначалась до эпидемии чумы. За отказ от найма на таких условиях и за уход от нанимателя до истечения срока грозила тюрьма. Здоровым людям запрещалось попрошайничество: нищих, как и воров, ждало клеймение. Эти законы привели к восстанию под предводительством Уота Тайлера. Во Франции законы, направленные против роста заработной платы, вызвали Жакерию, одно из крупнейших крестьянских восстаний в истории страны.

Черная смерть показала, как изменяется поведение человека в критической ситуации. С 1348 г. в Европе наблюдаются эпизоды коллективной паники, массовые психозы, галлюцинации. «Почетный авторитет как божеских, так и человеческих законов почти упал и исчез», – с горечью отмечает Боккаччо. Авторитет церкви сильно снизился, поскольку и народ, и власть обвиняли ее в неспособности предотвратить эпидемию. Для «человека перед лицом смерти» девальвировались религиозные и нравственные нормы: «Не станем говорить о том, что один горожанин избегал другого, что сосед почти не заботился о соседе, родственники посещали друг друга редко, или никогда, или виделись издали: бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата, дядя – племянника, сестра – брата и нередко жена – мужа; более того и невероятнее: отцы и матери избегали навещать своих детей и ходить за ними, как будто то были не их дети». По многим линиям происходил разлом отношений человека с официальной церковью, и поэтому чума вызвала к жизни еретические течения. По городам

Франции и Германии двигались процессии братства флагеллантов, призывавших искупать свои грехи путем публичной исповеди и самобичевания. В годы пандемии движение флагеллантов получило очень широкое распространение, хотя особая булла папы Климента VI объявляла их учение еретическим.

* * *

Страшная пандемия не могла не найти свое отражение в изобразительном искусстве и литературе. Весьма распространенной в литературе и искусстве стала тема «Пляски смерти» – страшного хоровода, в который Смерть вовлекает мужчин и женщин, молодых и стариков, рыцарей и крестьян. Мироощущение человека приговоренного, человека за гранью отчаяния приводило к различным эксцессам: в художественной литературе прочно утвердилось тема «пира во время чумы».

Вместе с тем «Черная смерть» способствовала серьезным сдвигам в духовной жизни. Появляются новые формы почитания святых – защитников от чумы: св. Роха, самостоятельно исцелившегося от этой болезни, св. Себастьяна, пораженного стрелами, которые ассоциировались с поражением болезнью, св. Христофора, также принявшего мученическую смерть от стрел, Богородицы, укрывающей род людской своим покровом от болезни. Но главное состояло в том, что пандемия подтолкнула людей к размышлениям о том, что только они сами в первую очередь ответственны за спасение своей души.

НАКАНУНЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ. МИР К 1453 ГОДУ

КИТАЙ В КОНЦЕ XIII – XV ВЕКЕ

ДИНАСТИЯ ЮАНЬ И ЕЕ УПАДОК

Во второй половине XIV в. в Китае к власти пришла династия Мин (1368–1641), свергнувшая монгольское владычество. Завоеватели создали империю Юань («Изначальную»), ставшую первой иноземной династией, подчинившей себе весь Китай. В китайской исторической традиции отношение к наследию эпохи Юань (1271–1368) двоякое. Монгольское завоевание принесло больше разрушений и жертв, чем любое другое (в ходе установления господства династии Юань была уничтожена треть китайцев), сделав местное население неполноправным и униженным. С другой стороны, эта династия вернула Поднебесной земли, утерянные династией Сун, и даже присоединила новые территории (Тибет, Наньчжао). Более того, Китай оказался частью огромной империи, простиравшейся от Новгорода до Тайваня, причем старшинство державы Юань признавалось владельцами прочих улусов. Китайцы с гордостью отмечают, что многие достижения их культуры распространились по всему Старому Свету (так, некоторые историки полагают, что китайские принципы управления, тиражированные монголами, оказали влияние на политическую культуру Руси), ссылаются на лестную оценку императора Хубилая венецианцем Марко Поло.

Монгольские правители во многом нарушали китайскую традицию. Их жестокость казалась непредсказуемой и непоследовательной. Их правители, как и китайские императоры, претендовали на «мандат Неба», но выбирали их на курултае. Они, как и их китайские предшественники, полагали себя властителями Вселенной, но не довольствовались приемом символических даров, а стремились к реальному господству, снаряжая военные экспедиции в Японию, Аннам (Центральный Вьетнам), Тьямпу (Чампу), Бирму, на Яву.

Как было сказано выше, население империи Юань делилось на четыре категории, основанные на политико-географическом и этно-конфессиональном принципах.

Земли щедро раздавались в уделы монгольской знати, крестьяне переводились на положение рабов и «крепостных». Богатыми пожалованиями монголы осыпали монастыри: буддийские (в особенности – ламаистские) и даосские. Покровительством пользовалось мусульманское духовенство.

В качестве этико-политической и философско-религиозной доктрины конфуцианство (неоконфуцианство) при Юанях не пользовалось таким влиянием, как при династиях Тан и Сун. Однако введение экзаменационной системы отбора чиновников и открытие «Академии сынов отечества» (1287 г.) влекло за собой «ползучее» восстановление конфуцианской доктрины, сросшейся с учением о государстве.

Эпоха Юань была слишком противоречивой, чтобы давать ей однозначные оценки. Одни области лежали полностью в руинах (территория государства тангутов навсегда превратилась в пустыню), но при этом на юге продолжался демографический рост (правда, подпитываемый эмиграцией с Севера). Косвенные данные (рост арендной платы и хлебных цен) позволяют предположить, что в провинциях Юго-Востока, несмотря на завоевание, уровень жизни населения начал превосходить предыдущую эпоху. Наблюдался определенный хозяйственный прогресс, так, помимо свидетельств Марко Поло о цветущих городах, сохранились описания системы орошения, когда сложные колеса с черпаками поднимали воду из каналов, распределяя ее на поля по бамбуковым трубам, кроме того, южане освоили культуру гаоляна.

Постепенно в империи Юань развивались процессы, характерные для многих «варварских» государств: китайская цивилизация постепенно размывала традиции кочевой культуры. Великая Яса Чингисхана считалась главным законом империи, но параллельно с ней действовали своды китайского права. В делопроизводстве Хубилай предпринял попытку заменить китайские иероглифы на «квадратный алфавит», разработанный для монгольского языка на основе тибетского письма. Но данное поползновение не увенчалось успехом, как и многие другие начинания.

Хубилай и его преемники хотели опереться на китайских чиновников, а не на ненадежную монгольскую знать, и стремились восстановить систему экзаменов. Правда, это получилось лишь с пятой попытки в 1313 г., причем монголы и другие не китайские подданные могли сдавать экзамены по облегченной программе. Каракорум оставался священной столицей империи, но власти предпочитали жить в новой ставке – Ханбалыке (совр. Пекин). Судьбы империи Юань все дальше расходились с траекторией развития других монгольских улусов (Джучи, Хулагу, Чагатай), где в первой трети XIV в. утверждается ислам.

В первые годы правления Хубилая был воссоздан государственный аппарат по китайской модели. Однако крепость государства зависела не от мощи его государственного аппарата. Быстро росло крупное землевладение, подтачивающее финансовую состоятельность и военную силу Юаней. Число податных сокращалось, а рабы и арендаторы налогов не платили. И монгольские князья, и монастыри, и китайские землевладельцы действовали одинаково, укрывая от переписи «своих» крестьян. Попытки контролировать внешнюю торговлю, запретив частным судам выход в море, оставались безуспешны. Крепостные, приписанные к монгольским гарнизонам, разбегались. Командиры пьянствовали, пренебрегая подготовкой войск. Столицу сотрясали интриги, министры не задерживались у власти.

На Китай надвигался голод. Возможно, он был вызван аграрным перенаселением самых плодородных районов, но важнее, что во второй четверти XIV в. на страну обрушились бедствия – эпидемии, нашествия саранчи

и ливневые дожди, несущие наводнения. В этом видят признаки изменения климата, проявившиеся и в Западной Европе. Последствия стихийных бедствий были столь разрушительны потому, что дамбы и плотины не чинились, склады не ремонтировались и хранящееся в них зерно гнило. Транспортные средства выходили из строя, в связи с чем запасы продовольствия пополнялись плохо, и зерно не могли доставить в голодающие провинции. В 1344 г. р. Хуанхэ разрушила давно не отремонтированные дамбы и изменила русло, затопив Шаньдунский полуостров и разрушив Великий канал – главную артерию снабжения столицы и северных районов. В глазах населения это было знаком утраты династией «мандата Неба». Вспыхивали мятежи, активизировались тайные общества, готовившие восстание, и все чаще китайцы вспоминали древнее изречение: «У варваров не бывает удачи, которая длилась бы сто лет».

Как это уже случалось в империях Тоба и Цзинь, в условиях кризиса придворные круги были склонны к «традиционалистской реакции», призывая вернуться к монгольским обычаям. Цзайсян императора Тогон-Тэмура (1333–1370) Хэнань Баян пытался запретить употребление китайского языка при дворе, закрыл придворную академию, задавшись целью изгнать китайцев с государственной службы, возобновил запреты китайцам иметь оружие и лошадей, охотиться, выходить из дома в ночное время. Для устрашения он предлагал вырезать всех китайцев, носящих определенную фамилию (например, Ли, Ван, или Чжан), но реализовать это начинание не успел, сам пав жертвой придворных интриг. Его преемник Тогто не только восстановил систему экзаменов и академию, но и руководил написанием истории трех последних империй (Ляо, Цзинь и Сун). Затеяв грандиозные работы по восстановлению дамб, прорванных наводнением 1344 г., Тогто произвел денежную реформу, выпустив большое количество не обеспеченных товарными ресурсами бумажных денег, давших ему в руки средства для содержания миллиона рабочих и двадцатитысячной охраны. Китайские советники предупреждали его о негативных последствиях реформы, монголы указывали на опасность концентрации такого количества китайцев. Но цзайсян настаивал – работы были необходимы для снабжения Севера.

Опасения подтвердились: тяжелым положением погибавших от голода и болезней рабочих воспользовалось тайное общество, объявившее о воплощении Будды Майтреи и о скором приходе «Князя света» Мин Вана. Весной 1351 г. разразилось восстание, поднятое буддийской сектой «Белый лотос» в долине Хуанхэ, через несколько месяцев оно полыхало уже и в центральном Китае. Повстанцы, носившие красные повязки и именовавшиеся «Красными войсками», не только громили монгольские отряды и юаньских чиновников, но и истребляли всех землевладельцев, оказывавших им сопротивление, грабили население городов и деревень, но, главное, воевали друг с другом – претендентов на роль «Князя света» оказалось слишком много. Землевладельцы пытались создать собственные отряды самообороны («Синие войска»). Монгольские военачальники шли на союз с некоторыми командирами как «Синих», так и «Красных войск», но при этом враждовали друг с другом.

В воцарившемся хаосе успешнее других оказался Чжу Юаньчжан. Происходя из бедной крестьянской семьи, он поступил в буддийский монастырь,

где освоил начала грамоты, затем примкнул к одному из отрядов восставших, постепенно завоевывая все больший авторитет. Помимо воинских качеств он обладал административным талантом и острым политическим чутьем. В 1356 г. его отряд занял один из крупнейших городов на реке Янцзы – Цзицин. К этому моменту Тогто нанес повстанцам серьезные поражения в долине Хуанхэ, опираясь на помощь «синих». Он готовился перенести военные действия на юг, но в 1355 г. сам пал жертвой дворцовых интриг. Это дало Чжу Юаньчжану время для того, чтобы хорошо укрепиться на своей территории. Создавая основы управленческого аппарата, он сумел привлечь чиновников, гарантируя неприкосновенность имущества всем переходящим на его сторону, установив строгую дисциплину, пресекая грабежи и снабжая армию за счет налогов и собственных «подсобных хозяйств».

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ МИН

Некоторое время Чжу Юаньчжан заявлял, что подчиняется вождям «красных повязок», сражавшимся в долине Хуанхэ, но помощи им не оказывал. Наконец, сочтя, что повстанцы и силы Юань обескровили друг друга, а вожди ослаблены взаимной враждой, он начал устранять соперников и в 1368 г. провозгласил новую империю, переименовав Цзицин в Нанкин («Южная столица»). Для династии он выбрал название «Мин» («светлая»), показав, что царство Света уже наступило и те, кто претендуют на роль «Мин Вана» – самозванцы. Император проявлял беспощадность к тайным обществам, объявленным колдунами и смутьянами.

Взяв храмовое имя Тай-цзу, для своего правления он избрал девиз «Хуньу» («Разлив воинственности»). В отличие от прежних династий в дальнейшем императоры династии Мин, взяв определенный девиз своего правления, уже не меняли название «своей эры» до самой своей смерти. В выпущенном манифесте Тай-цзу заявлял, что пришел установить порядок и вернуть погрязшие древние обычаи. Он предложил монголам перейти под его власть: «Мои законы строги, и не бывает нарушителей их; те, которые переходят на нашу сторону, вечно будут спокойно жить в Среднем цветке, а те, которые повернутся к нам спиной, сами себя изгонят в Монголию». Уже к концу 1368 г. армия Хуньу овладела северной столицей и разрушила ее, а то, что осталось от бывшей столицы, было переименовано в Вэйли («умиротворенный север»). Тогон-Тэмур бежал в Степь, но многие монголы перешли под власть новой империи. Позже войскам Мин удалось захватить и разорить номинальную столицу общемонгольской империи Каракорум. В 1383 г. пала провинция Юньнань, где долго сопротивлялся монгольский гарнизон, отрезанный от всякой помощи, в 1387 г. был покорен п-ов Ляодун, и населявшие его монголы-урянкайцы перешли на службу империи Мин.

Новому императору предстояло успокоить страну, обезопасить ее от угрозы из Степи, восстановить хозяйство и заселить опустевшие районы, но главным делом было создание прочного государства, основанного на справедливости и законе. Он выступал сторонником конфуцианского мировоззрения, согласно которому богатство, армия, крепости, боевые джонки и пушки важны, но не достаточны, ибо никогда в истории Поднебесной варва-

Блюдо XV в. Империя Мин (Китай) © Государственный музей искусства народов Востока, Москва

ры не вторгались в пределы империи тогда, когда в государстве почиталась добродетель. Вчитываясь в исторические хроники, император особо интересовался плохими правителями, стараясь понять, какие ошибки приводят к гибели империй. Он строил государство чрезвычайными мерами и жестокими методами, но, с его точки зрения, эта жестокость находилась в русле нормальной китайской историко-политической традиции начала династийного царствования. Империи надлежало вернуться к образцам Хань и Тан, но избежать изменений, которые привели их к гибели. Жители Поднебесной вынуждены были признать новую сильную власть, выкованную в горниле освободительной войны, оттого успехи Чжу Юаньчжана были велики, а государство – прочным.

Принципы устройства возрожденной империи. Многочисленные наказы, составлявшие императором Хуньу, дают представление о порядках, к которым он стремился. Опору империи составлял крестьянин – пахарь, воин и налогоплательщик. Рабство и прочие виды зависимости резко ограничивались. Крестьянское землевладение вновь становилось господствующим, а позиции средних и крупных землевладельцев несколько ослабели – сказались результаты крестьянской войны, конфискации, принудительное переселение на Север. В то же время в 1368 г. верховная власть признала права «сильных домов», т.е. крупных землевладельцев, на захваченные во время восстания

земли, хотя в дальнейшем препятствовала незаконным методам расширения китайских «латифундий». Кроме покупки, важным способом увеличения частного землевладения было освоение целинных и заброшенных земель, чему власти всячески способствовали.

В этом отношении государство проводило политику поощрения расширения частного землевладения. Семьи крестьян объединялись в связанные круговой порукой «пятидесятидворки» и «стодворки», старосты отвечали за сбор налогов и за поддержание порядка. Когда по сигналу общественного барабана крестьяне выходили в поле, староста должен был стоять у деревенских ворот со списком и отмечать лодырей, уклонявшихся от работы. Надлежало выделять мальчишек-поводырей для стариков и увечных, чтобы те ходили по деревне с колокольчиком в руках и призывали молодежь жить праведно, трудиться, почитать старших и чтить законы. Никто не имел права оставаться праздным в Поднебесной. С этой целью регулярно обследовались монастыри, и выявленные в результате экзаменов лже-монахи направлялись на работы. Отработочные повинности обязывались исправно нести все, но они не должны были слишком обременять хозяйства. Налоги, в основном натуральные, надо было платить регулярно всем, но размер этих налогов не превышал разумных рамок. Однако богатые области Юго-Востока, в особенности те, в которых во время войны поддерживали не того претендента, подвергались тяжелому обложению, дабы богатства не скапливались в одном месте, но распределялись равномерно.

Хотя китайское общество XIV–XV вв. было жестко иерархичным и стратифицированным, власти в качестве идеала проповедовали равенство и стабильность. Никто не мог самовольно уходить из общины далее чем на 12 км. Заставы на дорогах не давали возможности передвигаться без документов. Эти меры были направлены против заговорщиков из тайных обществ, дезертиров, разбойников, нищих, но также и против купцов. При этом наиболее жестоким карам подвергались те, кто пытался самостоятельно вести внешнюю торговлю. Всякий, осмеливавшийся оснастить джонку более чем двумя мачтами, подлежал казни. Торговцам, как людям, заботящимся не о морали, а о выгоде, не доверяли, в отличие от крестьян они не именовались «добрым народом» (*лян минь*), им не разрешалось носить шелковую одежду.

Семьи самых богатых купцов переселяли в окрестности Нанкина, где они должны были ежемесячно предоставлять полную опись имущества, чтобы пресечь возможность получения несанкционированных доходов, ибо в официальной идеологии продолжала действовать установка «земледелие – ствол (основное), торговля и ремесло – ветви (побочное)», направленная против «чрезмерной» частной инициативы в «побочных» занятиях. В городах восстанавливалось казенное ремесло, основанное на отработках. Утверждался строгий контроль над рынками, число которых ограничивалось. Император отказывался от конвертируемости ассигнаций, лично определяя их курс.

За счет конфискаций фонд государственных земель был увеличен до 1/7 размера всех обрабатываемых площадей. Из него выделялись «должностные земли» чиновников (большую часть которых они получали не во владение, а в виде сбора получаемого с них налога; в 1392 г. все «должностные земли» чиновников и часть держаний титулованной знати были у них отняты

и заменены централизованно выплачиваемым жалованием) и земли для военных поселений.

Закон предписывал местным чиновникам стремиться к тому, чтобы величина надела соответствовала размеру крестьянской семьи. И все же, когда уже после смерти императора в 1399 г. придворный историк-конфуцианец Фан Сяожу предложил ввести систему «колодезных полей» (*цзинтянь*) – идиллический образец землепользования, якобы существовавший в глубокой древности (расположенные по периметру квадрата восемь пользователей личных полей должны были совместно обрабатывать расположенное в центре квадрата общинное поле) – этот традиционалистский политический деятель пошел значительно дальше замыслов Чжу Юаньчжана. Первый минский император никогда не собирался объявлять все земли государственными и восстанавливать надельную земельную систему. Из нововведений сунских «реформаторов-традиционалистов» Чжу Юаньчжан в полной мере сохранил лишь круговую поруку общин (*баоцзя*).

Система созданных Чжу Юаньчжаном военных поселений (*туньянь*) лишь внешне походила на военные округа (*фубин*) династий Суй и Тан. Если в прежние времена практически вся армия (от 400 до 800 тыс. солдат при Танах) в мирное время занималась земледелием, а во время походов сама обеспечивала себя продовольствием, то минские военные поселения (*туньянь*), существовавшие параллельно с гражданскими, поставляли лишь часть (иногда довольно существенную – до трех четвертей местных гарнизонов) воинов. Остальная доля солдат набиралась из числа «военных дворов» и даже преступников, и кормилась за счет налогов из государственных фондов, от «прикрепленных» сельских административных единиц, с торговцев, получавших за это торговые монополии.

Не пресекая возможности сделок с землей, правительство настаивало на строжайшей их регистрации. Земля постоянно пересчитывалась и вносилась в реестр. В дополнение к данным переписей, зафиксированных в «Желтом реестре», для всей империи был составлен подробный земельный кадастр с чертежами полей (так называемый «Реестр рыбьей чешуи»). Старосты должны были ежегодно сообщать об изменениях.

К концу эры Хуньу население Поднебесной доходило до 57–60 млн человек, впрочем, уступая уровню начала XIV в. – сказались природные и политические катаклизмы.

Особенности государственного аппарата эры Хуньу. Масштабы деятельности императора поражали грандиозностью: за годы его правления было создано около 49 тыс. ирригационных сооружений, подняты заброшенные и целинные земли, посажены сотни миллионов деревьев, началось возрождение северных провинций. Это было сделано силами многомиллионного китайского крестьянства. Особую роль играли чиновники, эффективность работы которых при Чжу Юаньчжане была максимальной за весь период правления Мин. Император создал режим жесткой ответственности чиновничества за весь комплекс проводимых им в стране мероприятий, сам лично контролируя широкий круг высших сановников. По сравнению с периодами правления прежних династий должностные лица были поставлены в приниженное положение. Им приходилось лавировать, выполняя суровые требования императора, вступая в конфликты с родовой аристократией и интереса-

ми влиятельных лиц, преодолевая инерцию сложившейся системы, а иногда действуя вопреки требованиям экономики.

Император проявлял постоянное недовольство тем, как чиновники справляются со своими обязанностями, обвинял их в саботаже, коррупции, заговорах, обрушивал на их головы репрессии. К концу его правления чиновники, отправляясь во дворец, на всякий случай прощались с семьями навсегда. Именно чиновники были главными строителями государства Мин, возводившегося в соответствии с их конфуцианскими ценностями, обязательными для всего народа. В официальной исторической традиции авторитет эры Хунъю неперерекаем. Несмотря на жесточайшие наказания (вплоть до смертной казни) в случае халатного исполнения должностных обязанностей, карьера чиновника была вожаделенной для простолюдинов, и император, поддерживая это стремление, желал по возможности расчислить дорогу талантам из народа. Укрепляя систему чиновной иерархии и предписывая ношение определенной одежды и знаков отличия в зависимости от ранга и ученой степени, он следил за тем, чтобы система экзаменов отбирала достойных и полезных кандидатов.

Император-самоучка, вышедший из народных низов, понимал несовершенство существующего порядка экзаменационных конкурсов, призванных отбирать начетчиков и интеллектуалов, оторванных от реальной жизни. Это часто вызывало гнев императора, но выхода из сложившейся ситуации он не находил. В 1377 г. он решил вообще отменить экзамены, подсчитав, что большинство носителей высшей степени «цзиньши» оказались негодными чиновниками. Возобновив экзамены в 1384 г., он пришел в ярость, узнав, что все победители оказались уроженцами Юга. Император казнил главного экзаменатора, хотя тот был всего лишь объективен – культурный уровень южан из состоятельных семей был выше. В тот год степень дали только северянам, а затем для них была установлена квота, гарантирующая не менее трети мест на высших должностях. Предпочитая преданных исполнителей утонченным эрудитам, побеждавшим на экзаменационных конкурсах, он создавал систему государственных училищ, лучшие выпускники коих могли назначаться на должности без экзаменов.

Пока же новых кадров не хватало, император призывал на службу чиновников старой династии. Тех, кто отказывался, ждали пытки и угроза уничтожения всей семьи. Иногда казнь заменялась каторжными работами. Нужда в специалистах была так велика, что опальных чиновников доставляли на службу в колодках. Император стремился искоренить коррупцию, поощряя крестьян доносить на чиновников, а чиновников – на своих начальников. Призыв верховной власти к доносительству нашел питательную среду в соперничестве военных и гражданских чиновников, в борьбе кланов, всеобщей зависти и частой некомпетентности должностных лиц. Осужденных ждали изощренные пытки, с виновного порой могли содрать кожу, сделав из нее чучело, и поместить в кабинете в назидание преемнику.

В 1380 г. был казнен Ху Вэйюн, когда-то бывший адъютантом Чжу Юаньчжана и ставший его цзайсяном. Его объявили японским и монгольским агентом, казнив вместе с ним около десяти тысяч человек. После этого император упразднил саму должность цзайсяна, как и подчиненный ему Дворцовый секретариат, не желая впредь ни с кем делить всю полноту власти. Несмотря

на свою работоспособность, столкнувшись с огромным потоком документов, император сразу же перестал справляться с работой с ними. Тогда быстро был создан штат секретарей-референтов (*дасеюши*), который впоследствии стал высшим административным органом.

В 1382 г. подверглась реформированию Палата цензоров, чиновникам которой предписывалось служить «ушами и глазами» императора, а также создана специальная служба, напрямую подчинявшаяся императору: «парчовые халаты», тайная полиция, призванная разоблачать заговоры. Ее жертвами становились высшие чиновники, военачальники и их многочисленные «сообщники». Подозрительность императора усиливалась пропорционально стремлению к полной централизации и унификации управления.

КУЛЬТУРА И КАНОНЫ НОВОЙ ИМПЕРИИ

Император внимательно читал древние классические книги, пытался вникнуть в философию даосов, утверждая, что главное у них не алхимия и мистика, но учение о государстве. Он дал своим детям хорошее образование, которого не успел получить сам, любил приближать ко двору философов и поэтов, немногие из которых, впрочем, умерли своей смертью. Император часто говорил, что он «всего лишь простолюдин с правого берега Хуайхэ». Но остальным не позволял намекать на его прошлое.

В рутинных поздравлениях и благодарственных письмах он мог усмотреть крамолу. Встречая иероглиф «гуан» («сверкающий»), император иногда видел намек на то, что был в прошлом монахом и его бритый череп сверкал на солнце, а иероглиф «цзэ» («правило»), читал как «цзэй» («бандит»). Тогда незадачливых авторов ждала казнь. Наконец, уступая просьбам, император повелел в 1396 г. начальнику академии Ханьлинь отобрать образцы подобных текстов и распространить по всем учреждениям, чтобы впредь при поздравлениях и благодарностях все следовало этим образцам. Только после этого ученые стали считать себя в безопасности. Целый ряд иероглифов был запрещен. За соблюдением запретов наблюдала своеобразная «литературная инквизиция». По ее доносам с 1384 по 1396 г. было казнено и отправлено в ссылку много неугодных литераторов.

Несмотря на недовольство императора системой экзаменационных курсов, он в итоге смирился с этим механизмом отбора кадров, подкрепленным деятельностью придворной академии и провинциальных императорских училищ. Авторитет неоконфуцианцев и в особенности Чжу Си, ставший непререкаемым еще в эпоху Юань, теперь получил статус официальной догмы. Придворное искусство и литература ориентировались на строгое следование канону. Но пульс творческой жизни бился не здесь.

Эпоха Мин обогатила сокровищницу китайской культуры знаменитыми романами. Эта литература писалась не на официальном ученом языке *вэньянь*, а на разговорном *байхуа*. В силу неофициального характера этой литературы мы мало что знаем об авторах и условиях возникновения романов. Печатные варианты текстов появятся много позже, первоначаль-

но они ходили во множестве списков и пересказывались рассказчиками-шошудами.

Ло Гуаньчжун, автор романа «Троецарствие», живший в самом начале эпохи Мин, читал исторические хроники, рассказывающие о событиях рубежа II и III вв., хорошо знал историю Китая и сформулировал суть понятия династийного цикла в первой фразе своего романа: «Великие силы Поднебесной после длительного разобщения неизменно воссоединяются, а после длительного воссоединения вновь разобщаются». Он руководствовался не только историческими текстами, но и легендами и пьесами, в которых древние персонажи уже давно вели свою собственную жизнь, отличную от официальной истории. Поэтому герои «Троецарствия» так походили на участников бурных событий второй половины XIV в., а в образе Лю Бэя, получившего власть благодаря смелости и мудрости и строящего идеальное государство, усматривают сходство с Чжу Юаньчжаном.

Авторство романа «Речные заводи» приписывается некоему Ши Найяню, другу Ло Гуаньчжуна. Действие в нем разворачивается во время восстания Сун Цзяна (1120–1121). В официальных хрониках упоминания о данном эпизоде скудны, но события эти обросли легендами, положенными в основу эпопеи. Восставшие выступали против несправедливостей эпохи Сун, осуждаемой в эру Хунью. Несмотря на то что автор пытался следовать конфуцианской интерпретации истории этой династии, в императорском Китае власти его роман читать не рекомендовали, а то и вовсе запрещали. Главные герои, 108 «благородных» разбойников, показаны жертвами несправедливости и защитниками угнетенных, в то время как чиновники и аристократы представлены в самом неприглядном виде. Подвиги героев постоянно чередуются с жанровыми сценами рыночных перебранок, проделок воришек, пирушек в придорожных трактирах. При этом каждый герой имеет свою собственную историю, наделен индивидуальностью; в Китае их имена стали нарицательными.

Оба романа наполнены сценами поединков, по-видимому, особенно популярных у читателей и слушателей. Из этих фрагментов уже в XV в. разовьется характерный жанр повестей в стиле «уся», своего рода «боевиков», воспевающих воинские искусства. Любопытно, что литературные жанры, на время избавленные от жесткого контроля конфуцианских эстетических канонов, начали порождать произведения, отчасти напоминающие западные рыцарские романы с их апологией доблести, индивидуальной чести, щедрости, готовности защищать справедливость. Первые романы эпохи Мин снискали известность далеко за пределами Китая. От Кореи до Камбоджи говорили, что человек, не читавший «Троецарствия», не достоин внимания.

Итог «эры Хунью» и «преодоление трудностей». Таким образом, культурная жизнь отличалась от того, что предписывал строгий император. Точно так же, вопреки запретам, была налажена некоторая хозяйственная активность – контрабандисты выходили в море, корабейники с товаром обходили заставы по горным тропам, несмотря на страх репрессий, чиновники договаривались с «сильными домами», давая для реестров не вполне точные данные, крестьяне уходили на заработки, на рынке во все большей степени обесценивались государственные ассигнации...

Историки спорят относительно того, сколько же человек было казнено в эру Хунью – одни приводят данные, превышающие 100 тыс. человек, другие говорят лишь о десятках тысяч. В своих наизиданиях потомкам император писал, что его жестокие меры – это законы особого периода, «когда нужно было положить предел мошенничеству, а не законы, применяемые в течение долгого времени монархами, уже упрочившими власть. Впредь наследные правители, которые будут управлять Поднебесной, должны придерживаться только “Кодекса законов” и не должны применять такие наказания, как клеймение, отрезание ног, носа, оскпление». Как и во многих странах, какое-то время находившихся под властью монгольской империи, некоторые черты ее политической культуры наследовались новой властью. Вопреки установкам на реставрацию ценностей империй Хань и Тан, традиции Чингизидов проявлялись и в дикой жестокости наказаний, распространяемых на весь род осужденного, и в обычае убивать наложниц, чтобы они сопровождали императора в загробный мир, и в практике дробления империи на уделы, раздаваемые наследникам.

Устранив всех своих реальных и мнимых потенциальных соперников из числа военной и чиновной элиты, император не доверял никому, кроме «родной крови» (у него было 24 сына и 16 дочерей). Пережив первенца, император передал трон его сыну, своему внуку, полагая, что все его сыновья, получившие в удел стратегически важные укрепленные районы, должны будут безоговорочно подчиняться племяннику. Советникам, указывающим на опасности такого решения и ссылавшимся на печальные прецеденты из недавнего прошлого, грозило наказание.

Но удельные князья проявили строптивость, как только в 1398 г. на трон вступил 16-летний император Хуэй-ди. Когда центральное правительство попыталось ограничить их власть, от имени оскорбленных князей выступил Чжу Ди, правитель северного удела Янь (с центром в Пекине). Обладая закаленной в боях пограничной армией и призвав на помощь союзные монгольские племена, он выступил против «дурных советников молодого императора». В китайских хрониках кровопролитная война 1399–1402 гг. называется войной «Цзиннань» («преодолением трудностей»). Наконец, северяне, несмотря на то что против них интенсивно применялась артиллерия, взяли Нанкин.

Императора не нашли. По одной версии, он погиб во время пожара императорского дворца, по другой, укрылся в буддийском монастыре, став простым монахом, и якобы был опознан через сорок лет старым придворным евнухом. Более вероятно, что он сгорел или был убит по приказу Чжу Ди. Но последний не хотел войти в историю как убийца законного правителя и в манифесте о вступлении на престол объявил, что император «заперся во дворце и сжег себя». Сокрушаясь о судьбе своего исчезнувшего племянника, подпавшего под дурное влияние, Чжу Ди согласился занять трон. Сразу же началось уничтожение придворных и членов семьи бывшего императора. Казни подвергались целые семьи, включая детей. Так, например, был казнен не только ученый Фан Сяожу, отказавшийся написать приветствие Чжу Ди, но и вся его семья до десятого колена (включая и его учеников). История сообщает, что ученый успел начертать своей кровью иероглиф «узурпатор».

Новый император, взявший девиз «Юнлэ» («Вечная радость»), установил общие нормы взаимоотношений с владельцами уделов, гарантируя им всем безопасность и требуя взамен лишь уважения и отказа от сепаратистских устремлений. Однако с их владельцами обошлись мягко. Ушли в прошлое и казни ученых конфуцианцев, которые были теперь заняты составлением грандиозного свода «Энциклопедии эры Юнлэ».

Северная столица. В 1403 г. Чжу Ди начал готовить возрождение северной столицы. Процесс ее воссоздания занял 15–18 лет. Поначалу было объявлено о переименовании Бэйпина («Умиротворенный Север») в Бэйцзин («Северную столицу»). Сюда прежде всего было переведено столичное воинское командование, большая армия (64 гарнизона) и создана новая система учреждений. Как грибы после дождя, появлялись конфуцианские училища, численность которых вскоре сравнялась со столичными в Нанкине. В 1406 г. вопрос о перенесении столицы на север был практически решен, и в 1409 г. Чжу Ди посетил Бэйцзин, в котором оставался полтора года. Еще раз он приехал в северную столицу в 1413 г., а с 1417 г. окончательно туда переселился.

Но только 28 октября 1420 г., после сообщения Дворцового управления о скором завершении строительства нового дворцового комплекса, после вызова на север наследного принца и его старшего сына, последовало личное распоряжение Чжу Ди о том, что со 2 февраля (нового года по китайскому календарю) основной столицей следует считать Бэйцзин (Пекин). Такое решение было вызвано не только тем, что здесь находился родовой удел Чжу Ди. Важно было подчеркнуть преемственность нового «центра мира» по отношению к предыдущим империям, ведь столицей государств Ляо, Цзинь и Юань служил именно этот город. Его трудно было снабжать и оборонять, здесь был суровый климат, но, разворачивая страну лицом к Степи, император укреплял безопасность северных границ от монгольской угрозы. Нанкин в статусе «Южной столицы» еще долго оставался самым богатым и населенным городом, однако политико-административный центр империи неуклонно сдвигался на Север: бюрократия плохо чувствовала себя на торгово-предпринимательском Юге и прекрасно акклиматизировалась в полуварварском Бэйцзине, привыкшем к чжурчжэньско-монгольской политической культуре и культуре приказа–исполнения. В результате к концу XV в. все высшие должности сосредоточились в руках северян.

На многие десятилетия Пекин превратился в громадную стройку, где сотни тысяч рабочих возводили великолепный Запретный город. Для снабжения зерном растущего населения столицы и северных районов, требовалось срочно восстановить Великий канал. Колоссальные по своей сложности работы заняли всего четыре года (1411–1415 гг.). Сложная система дамб и шлюзов растянулась на полторы тысячи километров.

Дипломатия эры Юнлэ. В отличие от эры Хуньу, правление в эру Юнлэ было отмечено активной внешней политикой на всех направлениях: велся интенсивный обмен послами с Японией и о-вами Рюкю, император снаряжал экспедиции на Амур, его дипломаты обследовали Тибет, проникали в Бенгалию и другие области Индии. Однако даже в этот период активности

Китаю редко удавалось подчинить новые территории, чаще устанавливались вассальные связи (с Кореей, с монгольскими и маньчжурскими племенами), еще чаще производился символический обмен дарами.

В сфере международных отношений Мины, как и предшествующие династии, придерживались концепции универсальной власти китайского императора, который принципиально считался правителем всего мира. Все остальные страны трактовались китайской властью в качестве подданных и вассалов Сына Неба. В минском Китае, как, впрочем, и ранее, отсутствовало специальное ведомство, занимавшееся взаимоотношениями с иностранными государствами. Все внешние связи проходили через министерство ритуалов, поскольку дары, подносимые иноземными послами (и даже товары, привезенные ими на продажу), воспринимались как ритуальная дань и изъявление покорности. Демонстрируя центральную и решающую роль Срединной империи в мироустройстве, проявляя щедрость и великодушие, император, защищая справедливость, готов был оказать помощь соседним странам.

Когда в 1407 г. из Тибета прибыл пятый «кармапа» (глава линии Карма Кагью, крупнейшего направления школы Кагью, одной из четырех школ тибетского буддизма) Дешин Шегпа, император, узнав, что не все соотечественники признают учение этого святого человека, решил ввести в Тибет войска, чтобы установить порядок. Гость вежливо отказался, удостоив императора титулом дхарма-раджа (Царь учения). По преданию, Чжу Ди настолько проникся учением линии Карма Кагью, что стал одним из пяти важнейших учеников Дешин Шегпы.

Через семь лет после прихода к власти во Вьетнаме новой династии, в 1407 г. Чжу Ди объявил ее узурпаторской и направил на юг 200-тысячную армию. Свергнув «узурпатора», китайцы начали уничтожать национальную вьетнамскую культуру, силой навязывая свой язык и традиции народу, который за полтысячи лет до того находился под их господством. Вьетнамцы начали освободительную войну, длившуюся десять лет, вплоть до 1427 г. Лучше обстояли дела в других землях Юга: китайцы успешно «осваивали» провинции Юньнань и Гуйчжоу, оставляя местные народы под управлением их национальных вождей (*ту сы*)).

Плавания Чжэн Хэ. В 1405 г. из устья Янцзы вышел «Золотой флот» под командованием евнухов Чжэн Хэ и его помощника Ван Цзинхуна, состоявший из 317 кораблей, везущих 26 800 солдат, офицеров, медиков, астрологов и дипломатов.

«Золотой флот» для плавания в «Западный океан»

«С третьего года эры Юнлэ до настоящего момента нам семь раз было поручено отправиться посланцами в страны Западного океана. Мы посетили следующие варварские земли: проплывая мимо Чампы, Явы, Палембанга и Аютии, доплыли до Цейлона в Южной Индии, Каликута и Кочина, Ормуза, Адена, Могадишо – в общей сложности свыше тридцати стран больших и маленьких.

Мы проплыли более 100 тысяч ли [50 тыс. км.] огромного водного пространства, держались на громадных волнах океана, вздымающихся до неба, как горы, мы наблюдали за далекими варварскими землями, спрятанными в прозрачной

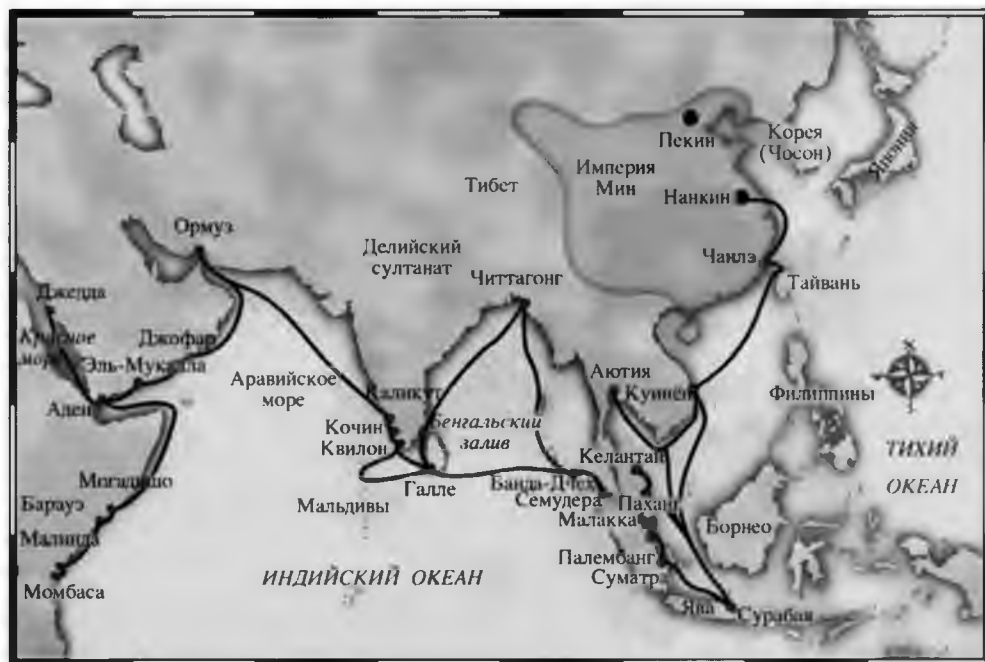
голубой дымке, в то время как наши гордо поднятые паруса как облака днем и ночью продолжали свой путь [быстрые как] звезда, проплывая через те дикие волны...»

Так описываются путешествия «Золотого флота» на воздвигнутой Чжэн Хэ в 1431 или 1432 г. стеле в провинции Фудзянь. На самом деле плоскодонные корабли «Золотого флота» были не приспособлены к плаванию по бурным морям. Имевшие не очень глубокую осадку (не больше 6–7 метров), они в основном были рассчитаны на традиционные для региона «сезонные» плавания (парусные суда отправлялись в путь, используя устойчивые муссоны). Время от времени «Золотой флот» делился на несколько частей, которые, посетив по отдельности относительно близкие друг от друга районы, затем вновь соединялись.

Самыми большими в составе флота были корабли-«сокровищницы» – огромные многомачтовые и многопалубные суда; по сообщению более поздних источников их размер оставлял около 126 м в длину и 51 м в ширину (таким образом, они являлись самыми большими деревянными кораблями в мире). Обычно в состав экспедиций Чжэн Хэ входило примерно 50–60 «сокровищниц».

Кроме того, в огромной флотилии имелись корабли для лошадей и продовольствия, разные типы военных судов (для перевозки солдат, боевые и патрульные) и корабли с водой, каждый из которых мог везти запас воды на месяц. Флот вез с собой не только воду, но и снаряжение, необходимое для возможного ремонта в пути. На кораблях, предназначенных для перевозки людей, могло уместиться от 500 до 1000 человек.

Всего было проведено семь экспедиций, на некоторое время превративших Индийский океан в «Китайское озеро». Многомачтовые и многопалубные корабли-баочуани шли уже привычной дорогой и опираясь на

Плавания «Золотого флота» Чжэн Хэ (первая треть XV в.)

достижения китайского кораблестроения и навигации двух предшествующих династий.

Но масштаб экспедиций был беспрецедентным. Некоторые утверждают, что китайцы думали об альтернативе Великому шелковому пути, пришедшему в упадок. Экспедиции старательно собирали сведения о торговых маршрутах, ценах и рынках, сами продавая и покупая некоторые товары.

Внешнеполитическая доктрина Юнлэ. Но никакая коммерция не могла окупить расходы «Золотого флота». Слоновая кость, рабы, благовония, пряности, экзотические животные, в том числе жирафы, отождествляемые со зверем «цилинь» (единорогом), который, согласно китайской мифологии, мог появиться только в эпоху идеального правления, – все это впечатляло современников, но не могло рассматриваться в качестве достойной цели. Экономическое объяснение не более правдоподобно, чем версия китайской династической истории о том, что корабли снаряжались императором на поиски его пропавшего племянника.

«Золотой флот» плыл с тем, чтобы, демонстрируя мощь Поднебесной, помочь «варварам» изъявить императору подобающую покорность. Так подтверждалась мировая гармония, а заодно и укреплялась легитимность новой династии, а император выполнял свой долг, не только подражая, но и превосходя Хубилай-хана. Поставленные цели достигались не столько силой, сколько постепенным распространением законов и ценностей Срединной империи. Встречая многочисленных китайских колонистов (хуацяо), вежливо именуемых в официальных документах «потерпевшими кораблекрушение» (иначе их пришлось бы признать преступниками, самовольно покинувшими страну), Чжэн Хэ принимался упорядочивать их жизнь, не только способствуя появлению новых поселений, но и карая нарушителей закона. Он сверг одного из малаккских султанов, незаконно захватившего власть. В Палембанге на Суматре он перебил 5 тыс. «пиратов» и доставил их вожда, уроженца Гуанчжоу, в Нанкин, где тот был обезглавлен.

В 1411 г. Чжэн Хэ разгромил на Цейлоне царя Вира Алакешвару, который держался вызывающе и отказался подарить императору драгоценную реликвию – зуб Будды, обрести которую намеревался еще Хубилай, а также волос Будды и чашу для подаяний – важнейший атрибут сингальских правителей. Строптивый царь был привезен в Китай, где советники императора предлагали казнить смутьяна, но тот смиловился над невежественными людьми, не знавшими, что такое Небесный мандат, и отпустил их, приказав палате ритуалов выбрать в царской семье достойного человека, чтобы управлять этой страной; и таковой нашелся: это был возведенный Чжэн Хэ на трон новый правитель Паракрамабаху VI (1412–1467), согласившийся платить Минам дань. Несмотря на подобные инциденты, экспедиции доставляли посольства от десятков правителей, и всем им, равно как и тем, кто прибывал в Китай сухим путем, император обещал покровительство. Посольства возвращались, увозя с собой богатые дары, священные реликвии, произведения искусства и книги, призванные распространять знание китайских законов по всей Ойкумене.

Активная внешняя политика Чжу Ди встречала оппозицию среди традиционалистского чиновничества, не понимавшего нужность дорогостоящих экспедиций и щедрых даров иностранным посольствам. Действительно, послы варваров покорнейше просили принять подарки для гарема, конюшни

или зверинца императора и возвращались с ответными дарами многократно большей ценности. Многие конфуцианцы возмущались такой расточительностью, требуя принимать посольства реже и меньше тратить на варваров. Чиновник Ся Юаньцзи даже отказал в 1421 г. в финансировании экспедиции Чжэн Хэ, за что был посажен в тюрьму.

Император, однако, не снижал расходов на дипломатию, нити которой были сосредоточены в ведомстве ритуалов, в чью компетенцию, помимо общей заботы о поддержании миропорядка, входил и прием посольств. С 1407 г. при нем работала школа переводчиков, в его архивах хранилась информация о дальних странах, тщательно записывались прецеденты, связанные с протокольным церемониалом, уточнялись титулы правителей, присылавших посольства с изъявлением покорности, указывались привезенные дары и ответные щедроты. Поддержание «внешнеполитической доктрины» империи требовало затрат, но можно ли назвать их напрасными?

Сегодня Китай подтверждает права на Тибет, острова Восточных морей и иные территории прецедентами из дипломатической истории Мин, заботливо храня сведения о послах из более далеких стран, получавших императорские дары и покровительство. Когда-нибудь будут востребованы и они.

Отказ от экспансии. Чжу Ди умер летом 1424 г. во время очередного похода в Степь. Один из современных историков назвал его «конным императором», постоянно перемещавшимся по просторам Поднебесной, более походившим на Хубилай-хана, чем на образцового конфуцианского правителя. Его сын в день вступления на престол издал указ о полном запрете заморских экспедиций и о прекращении торговли с «варварами юга и севера». Ся Юаньцзи был выпущен из тюрьмы, ко двору вернулись те, кто протестовал против расточительства эры Юнлэ, указывая, что стабильность государства основана на сельском хозяйстве и поступающие с него доходы надо тратить разумно, как учил основатель династии. Император задумал вернуть столицу в Нанкин, но умер не процарствовав и года. Его сын Чжу Чжаньцзи (1425–1436) пытался занять компромиссную позицию. После разгрома оккупационной армии во Вьетнаме и капитуляции китайского гарнизона в Тханглаунге (Ханое) он вынужден был вывести с юга остатки некогда победоносного войска, сократил расходы, но все-таки отправил Чжэн Хэ в седьмое по счету плаванье (1432–1433). Корабли вернулись с новыми посольствами и с драгоценными животными «цилин». Но со смертью императора в 1435 г. экспедиции прекратились навсегда.

Для современных китайцев эпопея «Золотого флота» является предметом гордости, иллюстрируя традиции «глобализации по-китайски». Но при минском императоре Чжу Цичжэне (1436–1449) Китай сделал иной выбор, отказавшись от роли морской державы, не просто забыв, но сознательно вычеркнув память об экспедициях: все отчеты и чертежи Чжэн Хэ исчезли из императорского архива уже в XV в. Причин для прекращения этого проекта было много. Экономика не могла выдержать всех начинаний эры Юнлэ (1403–1424). Помимо морских экспедиций, сюда входили: реконструкция Великого канала, строительство Пекина с его роскошным Запретным городом, начало восстановления Великой стены, походы в Монголию, разорительная и бесперспективная война во Вьетнаме, обустройство южных провинций и беспрецедентная дипломатическая активность. Для императора «Золотой

флот» был важным, но не главным делом, а задача завоевания господства на море вообще не ставилась.

Чжу Ди отчасти сам предопределил упадок мореходства. И дело не только в том, что перенос столицы в Пекин способствовал усилению континентальной, а не морской мощи империи. Раньше Китай снабжал свои северные области в обход полуострова Шаньдун, через Японское море, опасное бурями и пиратами. Это было мощнейшим императивом, заставлявшим держать морской флот. Великий канал в значительной степени обесценивал эти плавания, как и существование большого флота. Морская торговля не была жизненно необходима китайской экономике, которая обходилась медной и цинковой монетой, а потому не испытывала характерной для Европы «жажды золота». Вся система конфуцианских представлений диктовала выбор не в пользу торговли и предпринимательства, ведь, как известно, «стволом» общества считалось сельское хозяйство, и, чтобы помочь ему расти, надлежало старательно обрубить боковые «ветви».

ДВА СТИЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. КОНФУЦИАНЦЫ ПРОТИВ ЕВНУХОВ

На свертывание программы строительства и расширения плаваний «Золотого флота» парадоксальным образом повлияла борьба конфуцианцев и евнухов, которые, собственно, и возглавляли морские экспедиции. Основатель династии Мин Чжу Юаньчжан, искушенный в борьбе за власть и в сохранении оной, не допускал евнухов до руководящих постов. Однако, ломая традиции центрального управления и усиливая принцип самовластья, ослабляя роль регулярного чиновничества, он расчищал путь тем, кто был предан не принципам власти, а личности императора. Усиление роли евнухов в период правления Чжу Ди было связано с той поддержкой, которую они ему оказали в период войны Цзиннань (1399–1402).

В эру Юнлэ начался «золотой век» евнухов, напоминавший последние периоды эпох Хань и Тан. Конфуцианцы, исповедующие этику служения, иногда, несмотря на страх, осмеливались критиковать «неправедные», с их точки зрения, приказы императора. Правитель мог уважать таких чиновников, но был лишен возможности поручать им дела, требовавшие личной преданности, не всегда согласующейся с моралью ловкости и находчивости. Евнухи же были ценны меньшей обремененностью личными делами (так как у них не имелось наследников), малой связанностью с общепринятыми морально-этическими ограничениями и конфуцианским образованием, что придавало им гибкость мышления и практический склад ума, наконец (и это самое главное) – полной зависимостью от воли императора.

Если в предшествующие эпохи власть кастратов усиливалась в конце почти каждого династического цикла, то их влияние в империи Мин определялось стилем правления уже в самом начале династии, ибо они были призваны сильным правителем противостоять бюрократии.

Поначалу евнухами становились юноши, захваченные на войне. Чжэн Хэ происходил из семьи мусульман, прибывших в Юньнань с монголами, а после покорения этой провинции, в качестве военной добычи достался Чжу

Ди. Среди евнухов было много вьетнамцев, один из них, Нгуэн Ан, руководил завершением строительства Пекина, вьетнамцы командовали огневыми батареями (в их квалификации по этой части китайцы убедились на своем горьком опыте). Евнух-маньчжур Ишиха командовал экспедициями, добравшимися по Сунгари и Амуру до Сахалина. Евнухи управляли налаживанием ритуальных дипломатических отношений, возглавляли посольства, командовали армиями, руководили инженерными работами. Для евнухов была открыта специальная дворцовая школа. Только ими укомплектовал император созданную в 1420 г. службу безопасности – «Восточную ограду» (Дунгуан), которую боялись даже «Парчовые халаты».

Со временем ряды евнухов все чаще пополнялись выходцами из бедных семей, видевших в оскотлении путь быстрого социального продвижения, минуя «переползание» со ступени на ступень по этажам бюрократической лестницы. Статус евнуха давал возможность (правда, отнюдь не всегда реализуемую) почти мгновенно войти в запретную половину императорского дворца, куда не имели доступа самые важные сановники. Это была не прямая дорога к вершинам власти, занимавшая, учитывая систему экзаменационных конкурсов, от 30 до 40 лет, а «путь сбоку», предоставлявший широкий простор императорским любимцам и фаворитам. Этот «боковой путь» представлял сугубую важность и для самих императоров: именно через посредство евнухов верховные правители имели возможность отдавать быстрые практические распоряжения низшим слоям исполнительной власти в том случае, если их приказы не могли пробиться и буквально «вязли» в разросшейся толще высших и средних звеньев бюрократического аппарата.

Однако большинству евнухов приходилось довольствоваться ролью мелких слуг. Лишь некоторые из них, спаянные узами «бесполой» солидарности, могли не только выживать во враждебном окружении, но и успешно противостоять группировкам конфуцианских чиновников. Однако исторические хроники составляли конфуцианцы, идеалом которых выступал «совершенный муж» (*цзюньцзы*). Евнухи этому типу совершенно не соответствовали, и потому в хрониках они представлены лживыми, жадными и трусливыми. Составители анналов считали их главным злом, поскольку они, используя чрезвычайные обстоятельства, втягивали императоров в опасные предприятия, преследуя своекорыстные цели и «обделявая грязные делишки». Этика, основанная на понятиях семьи и чести, превращала в глазах конфуцианцев представителей «третьего пола» в чудовищ, алчущих лишь денег и власти, и потому в официальной версии китайской истории они могли изображаться лишь злодеями.

Последние наступательные кампании императоров. Такая роль отводилась влиятельному евнуху, занимающему пост управляющего в ведомстве ритуалов, Ван Чжэню, имевшему большое влияние на императора Чжу Цичжэня (Ин-цзуна; 1436–1449; 1450–1468). Ему ставили в вину дорогостоящий поход в Бирму в 1446 г., хотя это был триумф китайского оружия: минские войска подошли к стенам столицы, и бирманский король признал себя данником Пекина. Интерес к землям, открывавшим кратчайшую сухопутную дорогу в Индию, был совершенно логичен, а конфуцианцы, для которых даже такие провинции, как Юньнань и Гуйчжоу, считались «варварски-

ми» и недостойными внимания, в конечном счете, вели страну к изоляции. Дальнейший ход событий явился тому подтверждением: когда ведомство ритуалов запросило в военном архиве материалы эпохи Юнлэ, традиционно ориентированный хранитель бесценных сведений о путешествиях Чжэн Хэ уничтожил документы, дабы помешать растрате государственных средств. За свой поступок этот «совершенный муж» заслужил восхищение главы военного ведомства (злейшего врага Ван Чжэня) и получил высокий пост.

Вскоре разразилась война с кочевниками ойратами (западными монголами). Конфуцианцы призывали не потакать «варварам» и не обменивать столь необходимый кочевникам чай на якобы ненужных китайцам лошадей. Но воевать пришлось Ван Чжэню, убедившему императора самому возглавить поход. Для евнуха важно было не разлучаться с Чжу Цичжэнем, дабы уберечь его от влияния враждебной группировки. К несчастью, поход кончился катастрофой. В местности Туму 1 сентября 1449 г. ойратский вождь Эсэн наголову разгромил китайское войско. Вэн Чжэнь был убит, а император попал в плен.

Отправляясь в поход, Чжу Цичжэнь доверил регентство сводному брату. Узнав о катастрофе, придворные предложили регенту срочно заключать мир с ойратами и эвакуировать столицу в Нанкин. Но возобладала партия «патриотов» под руководством Юй Цаня, заместителя павшего в бою начальника военного ведомства. Он убедил регента занять престол самому (присвоив брату звание «великого предшествующего императора») и настоял на подготовке к обороне. Эсэн не стал сразу развивать свой успех, рассчитывая на то, что китайцы пойдут на любые уступки, раз у него в плену император. Однако Юй Цань напомнил ему изречение Мэн-цзы: самым важным является народ, затем – страна и лишь затем – государь. Поняв, что законный император принесен в жертву интересам правящей китайской элиты и переговорами он ничего не добьется, Эсэн начал штурм Пекина. Юй Цань вел активную оборону, применяя артиллерию в неслыханных ранее масштабах. Потерпев неудачу, Эсэн вынужден был вернуться в Степь. Возможно, задумав компенсировать провал похода и стремясь посеять раздоры в среде высшего руководства в Пекине, Эсэн отпустил своего венценосного пленника домой.

Можно считать, что замыслы Эсэна частично сбылись. «Великий предшествующий император» жил в столице под охраной до 1457 г., когда военный переворот вновь привел его к власти. На радостях он казнил Юй Цаня, считая его трактовку Мэн-цзы заурядным предательством (потом, правда, в честь спасителя Пекина был воздвигнут поминальный храм). Пребывание в плену наложило глубокий отпечаток на культурную политику Чжу Цичжэня, резко усилив его стремление к возвеличению исконно китайских ценностей и уничтожению кочевых. Хотя правление Чжу Цичжэня носило вполне мирный характер, он запретил в столице говорить по-монгольски, носить монгольскую одежду, а также прекратил обычай закапывать наложниц вместе с покойным императором. Со второй половины XV в. Поднебесная не знала «конных императоров» и перешла к стратегической обороне, восстановив Великую стену.

САМОДОСТАТОЧНАЯ ИМПЕРИЯ: КИТАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Жизнь в стране вошла в спокойное русло. Императоры соблюдали церемонии и занимались своим гаремом, постепенно устраняясь от управления государственным аппаратом. Потакая их прихотям, евнухи забирали все большую власть, а конфуцианцы все больше осуждали и евнухов, и императоров. Как и в эпоху Тан, множилась титулованная знать, получавшая щедрое государственное жалованье. К концу века родственников императора числилось уже свыше 20 тыс. Рос государственный аппарат, но эффективность его работы падала. Подати поступали, хотя не всегда и не отовсюду. Порой отдельные провинции поражали голод и восстания, случались слишком морозные зимы и разрушительные паводки.

Напрягая усилия, власти справлялись с этим злом. От обесценившихся бумажных денег избавились, отказались и от технологий гибкой финансовой политики – высшего достижения китайской средневековой экономики. Налоги собирались теперь не только натурой, но и металлическими деньгами. Крестьяне и ремесленники все чаще откупались от казенных отработок. Переписи этой эпохи отличались неполнотой, но все сходятся в том, что во второй половине столетия население достигло 100 млн, вернувшись на уровень полуторастолетней давности, начала XII в. Вопреки препятствиям властей земля концентрировалась в частных руках, крестьяне становились арендаторами или уходили в города и на промыслы, разлагалась система военных поселений.

Перенос столицы на Север замедлил развитие городов в нижнем течении Янцзы, но в целом города росли. Дымили казенные металлургические заводы и фарфоровые мануфактуры, работавшие не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Торговля строго контролировалась, но всюду сновали коробейники, а купцы постепенно богатели, обходя препоны. Несмотря на «морские запреты», все новые переселенцы из Фудзяни и Гуанчжоу пополняли колонии хуацяо в Юго-Восточной Азии. Те же самые люди в японских источниках назывались «китайскими пиратами».

Исправно действующая система экзаменационных конкурсов и государственные школы регулярно поставляли избыточное количество лауреатов, претендующих на рабочие места и жалованье. И с тем и с другим начинались проблемы. Частные школы занимались натаскиванием к экзаменам, превращая учение в череду бессмысленных зазубриваний. Философия возвела неоконфуцианство в догму, поэзия и литература строго подражала канонам, художники придворной академии копировали жанр «цветов и птиц». Развитие естественных наук и математики замедлилось, чиновники и купцы вполне обходились счетами. Старые приемы обмера площадей и исчисления налогов всех устраивали, а двигатель науки, навигация, была снята с повестки дня. Жизнь стала проще, но удобней. В чайной церемонии начали использовать заварочные чайники. Фарфор становился все тоньше. Расцвела жанровая миниатюра, мелкая пластика, прикладное искусство. В моде были новеллы в стиле уся и приключенческие романы на разговорном языке.

Не зная серьезных соперников, Поднебесная ощущала себя полностью самодостаточной. Мощное государство, сочетавшее конфуцианскую идею

логию с постепенно стирающимися традициями монгольской политической культуры, пока что справлялось с задачей «обрубать ветви, чтобы лучше рос ствол». Однако социальные противоречия, свойственные середине и второй половине династического цикла, нарастали: население умножалось, а земельный фонд был ограничен, размеры среднего крестьянского участка уменьшались, росли средние и крупные земельные владения, уходившие на эти земли тягловые люди переставали платить налоги, в результате чего их собираемость падала; быстро растущий государственный аппарат получал все меньшее жалованье в расчете на одного чиновника; солдаты переставали получать довольствие и переходили к разбою, у государства не хватало средств на оплату ремесленных поставок и купеческих перевозок, в связи с чем росла доля ремесленных и торговых отработочных повинностей. При этом развивалась экономика, процветала городская культура и казалось, что так будет всегда.

Следующему, XVI в., предстояло либо разрешить сложившиеся противоречия, либо привести империю к гибели. Признаки технологического отставания от Западной Европы были видны невооруженным взглядом: если Марко Поло испытал шок, столкнувшись с превосходством китайской цивилизации, то в XVI в. европейцы хотя и дивились богатству Китая, но прибывали на более совершенных кораблях и уже обладали более совершенными навигационными приборами, картами и лучшим оружием.

В Корее власть династии Ли, установленная в конце XIV в., укреплялась в первой половине следующего столетия благодаря политике первых ванов: основателя династии Ли Сонге (Тхэджо, 1392–1398), его пятого сына Тхэджона (1400–1418) и правившего более 30 лет преемника Тхэджона – Седжона (1418–1450).

Будущий ван Тхэджон не пользовался ни доверием своего отца, ни поддержкой его сподвижников. Тем не менее искушенный в интригах, он сумел добиться назначения в качестве наследника Ли Сонге хорошо к нему относившегося второго сына основателя династии, ставшего ваном Чонджоном (1398–1400), затем заставил его отречься от трона, убил юного наследника престола и уничтожил поддерживавшую того группировку чиновников.

Придя к власти, ван Тхэджон осуществил ряд мероприятий, способствующих укреплению власти правителя: ограничил полномочия высших сановников, продолжил политику отца и конфисковал часть монастырских земель (подобные акции предпринимались в 1392, 1402 и 1424 гг.), распустил частные военные формирования и в очередной раз организовал проверку законности закрепощения ноби. Это нанесло существенный удар по позициям «властных домов».

В XV в. наблюдается значительная дифференциация внутри «презренного» сословия ноби: часть из них уже владела другими ноби, некоторые имели собственные фамилии и совершали жертвоприношения предкам, т.е. фактически имели статус полусвободных, а иные, получив образование и пользуясь покровительством своих хозяев, даже нелегально сдавали государственные экзамены и становились чиновниками.

Правление следующего вана, Седжона, рассматривается корейской историографией как «золотой век» Чосона (сам ван известен под именем Седжона Великого, распространено представление о том, что после смерти он стал духом). Седжон был третьим сыном Тхэджона, с детства он так впечатлял своих родственников и окружающих способностями и образованностью, что один из его братьев, чтобы освободить ему дорогу к престолу, намеренно испортил себе репутацию, был изгнан и провел жизнь, странствуя в горах; второй добровольно ушел в буддийский монастырь, а отец Тхэджон отказался от трона в пользу Седжона, когда тому исполнился 21 год.

Создание корейского алфавита

Ван Седжон прославился в первую очередь тем, что создал и возглавил комиссию, которая разработала корейский алфавит из 28 букв (14 гласных и 14 согласных), из которых до сих пор используются 24. В работе принимали участие и другие члены правящей династии (в том числе будущий ван Мунджон, 1451–1452). По легенде, ван придумал идею для создания букв, рассматривая простые геометрические фигуры, из которых состояла оконная рама. Алфавит получил официальное название «хунмин чонгым» («обучение народа правильно»).

му произношению»), но стал более известен как *хангыль* («корейское письмо»). Он был обнаружен в конце 1443 г.

Созданный для повышения уровня образованности в Корее (где до этого использовалась сложная система китайских иероглифов, которые не могли точно передать значения корейских слов), алфавит быстро получил широкую популярность. Вскоре придворные дамы и жены чиновников уже активно вели на нем личную переписку, из-за чего противники внедрения алфавита называли его «женской азбукой».

Алфавит сделал доступными большинству населения литературные произведения, создаваемые в Чосоне, а также переводимые с китайского. Мелкие чиновники пользовались алфавитом, чтобы разъяснять простолюдным, не знавшим китайского, ванские указы (в официальных документах еще 400 лет использовались китайские иероглифы); среди крестьян распространялись написанные «хангылем» трактаты по животноводству, шелководству и садоводству.

При реализации своей политики ван Седжон использовал политические технологии, скорее присущие современности. Например, перед введением «Закона о поставках» (который снижал поземельный налог и создавал «кладовые справедливости» – традиционный фонд помощи беднякам) было проведено исследование общественного мнения, которым было охвачено ок. 180 тыс. человек, включая крестьян. Это масштабное мероприятие длилось 10 лет, по истечении которых закон был введен повсеместно.

При назначении чиновников ван не следовал сословным предубеждениям. При Седжоне должности получили многие выходцы из числа ремесленников и торговцев, которые в конфуцианской традиции рассматривались в качестве представителей презренных профессий, и даже неполноправные ноби. Многие из высших сановников при Седжоне стремились на практике стать похожими на знаменитых мудрецов древности: один из министров жил в доме с протекающей соломенной крышей, другой ездил в свои родные места верхом на быке.

При ване был создан Чипхёнджон («Павильон мудрейших») – совещательный орган, состоявший из молодых ученых, которые разрабатывали идеологическое обоснование для принятия ваном политических решений. В 1424 г. был отменен запрет на куплю-продажу земли, что противоречило политике Тхэджона, направленной на ослабление позиций «властных домов». Сочетание в деятельности Седжона традиционалистских (яркий пример – создание государственных кладовых с огромными запасами зерна) и отвечающих государственным потребностям его времени мер (разрешение купли-продажи земли) привело к укреплению финансов, повышению уровня жизни населения, росту количества образованных людей.

Одной из серьезных проблем, с которой сталкивалась Корея в конце XIV – начале XV в., были набеги японских пиратов (с 1393 по 1407 г. зафиксирован 61 пиратский рейд). Эти нападения разоряли хозяйство и инфраструктуру прибрежных областей, что приводило к их «обезлюдению», а также нарушали морское сообщение с Китаем и Японией (захватывались корабли, которые везли в Чосон ценные грузы). При этом пираты пользовались поддержкой как японских (например, правителей Цусимы), так и некоторых корейских могущественных кланов.

Наиболее опустошительным был набег 1419 г. Пираты, высадившись в одной из провинций, разграбили ее, но были вытеснены корейскими войсками. Тем не менее они, погрузившись на корабли, доплыли до другой провинции (находившейся с противоположной стороны залива, в центре которого располагалась столица) и начали разорять ее. Такая дерзость японцев не осталась незамеченной: узнав о повторной высадке пиратов, ван Седжон предпринял ответные меры. В поход против «логова» морских разбойников Цусимы была отправлена мощная экспедиция: 227 судов и 17 тыс. солдат. За две недели корейцы потопили 124 пиратских судна, а также добились признания князем Цусимы зависимости от Чосона и обещания бороться с пиратами. На корейском побережье было создано 50 военных гаваней и усилен военный флот. Прекращению набегов на полуостров японских пиратов способствовала также деятельность правительства сёгуната Асикага, стремившегося восстановить контроль над Корейским проливом и Японским морем.

По просьбе цусимского правителя по «Договору года кехэ» (1443) японцы получили разрешение вести торговлю в трех корейских портах (Пусане, Чепхо и Ёмпхо, известных как «Три порта» – Сампхо), куда в год могло прибывать 50 кораблей, и временно селиться в этих городах. Правда, они часто незаконно оставались в этих портах. В XV в. Чосон ежегодно посещало около 6–8 тыс. японцев. В Японию вывозили продовольствие и ткани (особенно хлопчатобумажные), одежду и фарфор, меха, женьшень и книги. Из Японии в Корею привозили медь, олово, красители, серу, лекарства и благовония. С Японией (правительством сёгуната Асикага) также происходил обмен посольствами.

С северными соседями – чжурчжэнями – Корею также связывали непростые отношения. Не подчинившись власти династии Мин, сменившей Юань в Китае, чжурчжэни не создали нового государства (подобного павшему под ударами монголов Цзинь). Воспользовавшись слабостью Мин, первый правитель из династии Ли попытался расширить свои границы на севере, вытесняя таким образом чжурчжэней (отвечавших на эти действия многочисленными набегам) и провоцируя конфликт с Китаем (из-за него минский император Чжу Юаньчжан в конце XIV в. отказался признавать власть Тхэджо, который в итоге отрекся от престола).

Тем не менее следующие представители династии стали проводить активную политику освоения земель, расположенных к югу от р. Амноккан, а затем и от р. Туманган. Введение войск в эти районы привело к созданию в них к началу 40-х годов XV в. «шести крепостей» и «четырех округов» (округа были ликвидированы в 50-е годы, а крепости до конца XV в. сохраняли свое значение в качестве оборонительных пунктов для защиты от чжурчжэней и центров организации корейских походов против них).

Все это не исключало мирных отношений с чжурчжэнями, с которыми жителям пограничных районов разрешалось вести торговлю. В 1406 г. с этой целью были организованы специальные рынки. С середины 30-х годов XV в. Корея стала поощрять переселение чжурчжэней на свои северные территории. Переселенцам оказывалась помощь при строительстве домов. Часть вождей чжурчжэньских племен согласилась приносить Чосону дань и признавать власть ванов, чего от них, как от «варваров», добивались корейские правители.

Отношения обмена с Китаем были облечены преимущественно в форму регулярных посольств (шесть–семь раз в год), приносивших дары. Эти дары служили выражением признания вассальной зависимости. В этом качестве в Китай ввозили золото, серебро, шкуры, меха, ткани, бумагу, кисти, циновки, керамику, женьшень и лошадей. Кроме того, представители династии Мин требовали от Чосона поставлять для двора императора красивых девушек и евнухов. На время отбора девушек по всей Корее было запрещено заключать браки. Только ван Седжон смог в 1436 г. добиться отмены выплаты «дани» девушками. Из Китая в Чосон ввозили шелк, лекарства, книги, письменные принадлежности. Подобный обмен способствовал развитию культурных связей обеих стран.

Дипломатические отношения и торговля также связывали Чосон с островами Рюкю, Аютией и яванским Маджипахитом. Посольства этих государств прибывали с дарами – предметами роскоши (расцениваемыми в Корее в качестве «дани») и увозили ответные подарки – одежду, ткани, письменные принадлежности, книги, с помощью которых Чосон надеялся оказывать культурное воздействие на «южных варваров».

В этот период продолжалось развитие казенного ремесла, значительно преобладавшего над частным. В столице существовали целые улицы государственных ремесленников, которые были обязаны обслуживать двор вана (они работали в 30 учреждениях и производили 129 видов разнообразных изделий).

Сеул, в котором проживало ок. 100 тыс. человек, являлся крупнейшим центром торговли, развитой в Чосоне лишь в крупных городах. Как и в Китае, торговлю в Чосоне ограничивали, считая, согласно конфуцианской традиции, более достойным занятием земледелие. Существовала монополия шести торговых домов (*сиджон*), так называемой «большой шестерки», обслуживавших двор вана, аристократию и поставлявших на столичный рынок шелк, бумагу, рыбу, ткани из хлопка, пеньки и рами (вида крапивы). Подобные торговые дома существовали и в других крупных городах (Кэсоне, Пхеньяне, Чонджу). В деревнях купцы-носильщики обменивали предметы широкого потребления, а также соль, рыбу, посуду и книги на рис и хлопчатобумажные ткани (использовавшиеся в сельской местности вместо существовавших в городах денег из коры шелковицы или меди).

Уже при первом ване Чосона началось создание истории предыдущей династии – Корё, завершённой в 1451 г. Эта летопись («Корёса») состояла из 139 томов. Также была предпринята переписка исторических произведений предыдущего периода (включая «Самгук саги» Ким Бусика) в духе неоконфуцианства.

В это время проводилась активная работа по составлению точных карт и географических описаний Кореи. Кроме того, в 1402 г. на основе китайских (династии Юань) карт была составлена «Карта всей территории мира и столиц государств». На ней были изображены Япония, Корея, Китай, Африка и Европа.

Военные походы, предпринимаемые против чжурчжэней и японских пиратов, способствовали совершенствованию огнестрельного оружия. Во время правления вана Мунджона (1450–1452) была изобретена «хвачха» («огненная колесница»), выпускавшая 100 стрел на расстояние до 1 тыс. ша-

гов. Совершенствовались военные суда: в начале XV в. появились «корабли-черепахи», предназначенные для тарана, а также небольшие быстроходные боевые джонки.

В XV в. получили распространение своеобразные литературные произведения жанра *пхэсол* («разных записей»), в которых, без соблюдения определенного стиля, часто в форме острой сатиры описывались нравы всех слоев общества от высших сановников до простолюдинов и ноби.

Светская архитектура раннего периода Чосон продолжала традицию конца Корё и строилась в соответствии с законами, предписывающими строго определенный размер домов для разных слоев общества (крупные чиновники могли иметь до 40 комнат, а простолюдины – не больше 10). Развивалась парковая культура, органично сочетавшая искусственные элементы с естественным пейзажем.

При династии Чосон существовала группа профессиональных художников *хвавон* (фактически являвшихся государственными чиновниками), писавших портреты ванов, членов их семей и высших чиновников, рисовавших в подробностях важные государственные церемонии, а также географические карты.

Значительное внимание в этот период уделялось развитию музыки. Ван Седжон Великий, обладавший, кроме всего прочего, редким музыкальным талантом, создал новую нотную систему и сочинил несколько музыкальных произведений (например, «Еминнак» – «Дарование радости народу»). При его правлении также были усовершенствованы 60 видов музыкальных инструментов.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В XIII – СЕРЕДИНЕ XV ВЕКА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА РЕГИОНА И МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Приблизительно до второй половины XIII в. над большей частью территории континентальной Юго-Восточной Азии сохранялся контроль четырех основных держав, сформировавшихся в более ранний период (к X в.): Пагана, который контролировал бассейн р. Иравади и часть окружающих его возвышенностей; империи Камбуджадеша (Ангкор), распространявшей свою власть на среднее и нижнее течение Меконга, на большую часть бассейна Чао Прайи (Менама) и на часть совр. Северного Таиланда и Малаккского п-ова; вьетнамского государства Дайвьет, расположенного по течению Красной реки и постепенно расширявшего свои владения на юг; и занимавшего центральную часть современного побережья Вьетнама государства Чампы (Тьямпы), которую постепенно теснили вьеты с севера и хмеры с юга и запада.

В конце XIII в. эти государства столкнулись с целым рядом серьезных внутренних проблем и внешних угроз. Постоянный рост населения в течение 200–300 лет и экологические изменения привели к нехватке плодородных земель. Государства региона значительно пострадали в результате нападений монголов и спровоцированного разрушением монголами в 1253 г. южнокитайского государства Наньчао (Дали) массового переселения на земли Юго-Восточной Азии тайских племен. Силу этих континентальных держав («теллурукратий, т.е. сугубо сухопутных государств»), ориентированных на преимущественное изъятие натуральных земельных налогов, медленно подрывал расцвет морской торговли, прежде всего контрабандной, которую они не в силах были контролировать. Усиливались центробежные тенденции, выражавшиеся в фактической автономии множества небольших княжеств, располагавшихся по периферии теллурукратий. Все это вылилось в кризис полиэтнических империй, которыми являлись Паган, Камбуджадеша, а в Нусантаре (островной Индонезии) – Шривиджая.

Образовавшиеся на месте Камбуджадеша в XIV–XV вв. тайские государства (Сукхотаи и сменившая его в качестве центра объединения тайских земель Аютия) так никогда и не смогли подчинить своей власти все земли, принадлежавшие когда-то Ангкорской империи. Хотя бассейн Иравади также был затронут миграциями тайцев и после разгрома Пагана в 1277–1283 гг. монголами пережил период политической раздробленности, там в значительно меньшей степени, чем в западных землях бывшей Камбуджадеша, произошла смена культуры и этнического состава населения. Еще в меньшей степени кризис коснулся Дайвьета, изначально гораздо более этнически однородного, компактного и достаточно сильного, чтобы не допустить переселения тайцев из горных районов в долинные.

Юго-Восточная Азия в XIII–XV вв.

Основное содержание политического развития региона в конце XIII – начале XVI в. составляла борьба за восстановление контроля одного из новообразованных (кроме Дайвьета) государств над каждой из четырех основных зон, существовавших в предыдущий период. На западе Юго-Восточной Азии вели бесконечную борьбу друг с другом возникшие на севере Бирмы шанские княжества (политические образования спустившихся с гор племен, в которых практиковалось принесение человеческих жертв), а также образовавшиеся после распада Пагана бирманские государства Таунгу и Ава и единая монская держава со столицей в Татоне и Пегу. В центре региона усиливающаяся тайская Аютия стремилась завоевать тайские княжества, образовавшиеся на севере совр. Таиланда и Лаоса, а также добить слабеющую Камбоджу. На востоке продолжалось многовековое противостояние Дайвьета и Чампы, в которое периодически вовлекались соседние государства региона, а также могущественный Китай.

Административная структура государств в рассматриваемый период если и изменялась, то не принципиально: приблизительно с X в. существовала единая модель для каждой страны. Общей характеристикой этих моделей был достаточно слабый контроль над подвластными и покоренными территориями, в основном сводившийся к требованию уплаты дани и признанию вассальной зависимости, основанной не на формальных, а на моральных обязательствах. Огромным влиянием (в том числе экономическим и социальным) пользовались религиозные институты. Исключение составлял Дайвьет, который с периода китайской зависимости воспринял жесткую бюрократическую модель политической системы и соответствующую политическую культуру. Здесь существовал централизованный административный аппарат, фиксированные налоги, постоянные поземельные и подушные переписи. Однако большую часть данного периода (вплоть до реформ Хо Кюи Ли в конце XIV в.) в Дайвьете огромную политическую, социальную и военную роль играли крупные землевладельцы.

До середины XIV в. редкие попытки унифицировать культуру и религиозные нормы полиэтнических и многоконфессиональных государств были крайне неудачны; например, политика Кансу I в XII в., резко сокращающая влияние представителей народа монов на государственную жизнь, пагубно сказалась на судьбе Пагана, а усиление шиваизма при правителе Камбуджадеша Джайявармане VIII в XIII в., противопоставившего индуистский по своему происхождению культ *линги* массовому распространению буддизма, привело к ослаблению империи. В то же время спокойное и последовательное влияние центра и придворной культуры, несомненно, сказывалось на периферии. Во многих случаях элитарная культура постепенно воспринималась более широкими массами населения. В распространенных в регионе культах правителей смешивались элементы всех существовавших в Юго-Восточной Азии религий: анимизма, различных течений индуизма и буддизма, а в Дайвьете – конфуцианства и даосизма. Это способствовало тому, что элита терпимо относилась к анимистическим культам и народным верованиям, которых придерживалась большая часть сельского населения.

СУДЬБЫ ГОСУДАРСТВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

На территории *Бирмы* с XIV в. можно выделить четыре основные зоны. В первую входили шанские княжества на севере бассейна Иравади, которые поддерживали торговые отношения с Китаем и переняли китайские военные технологии. Ко второй можно отнести государства наиболее плодородной и густонаселенной части Мьянмы – Верхней Бирмы. Ава, основанная в 1364 г. и населенная в основном бирманцами, стала главным наследником территории и административных традиций Пагана. Именно Ава доминировала на западе Юго-Восточной Азии до конца XV в. Тем не менее шанские княжества отрезали ее от торговых путей, связывавших страну с Китаем, а независимость Южной (Нижней) Бирмы не позволяла получать доходы от морской торговли. Попытки Авы завоевать Южную Бирму и Аракан оставались безуспешными. Значительные проблемы в государстве возникали из-за большого количества необлагаемых налогами монастырских земель.

Третью зону представлял собой Аракан, отделенный от остальных частей Мьянмы Чинскими горами и ориентированный на морскую торговлю. В XV в. начинается проникновение в Аракан ислама из соседней Бенгалии. В конце XIV – начале XV в. Аракан, втянутый в соперничество бирманской Авы и монского Пегу, потерял независимость, но в 1430 г. снова обрел ее на 400 лет. Четвертая зона, Нижняя Бирма, также была поделена на несколько княжеств, наиболее могущественным из которых к середине XIV в. становится монское Пегу. Удаленность от земель шанов и доходы, получаемые от морской торговли, укрепляли позиции Пегу, но климатические условия и заболоченность земель отрицательно сказывались на демографической ситуации и экономическом развитии, что создавало препятствия для успешной борьбы за гегемонию с княжествами и государствами Центральной Бирмы.

В 1238 г. один из тайских вождей женился на дочери правителя Камбуджадеша и, воспользовавшись ослаблением этой страны, которая вела непрерывные войны с Паганом, захватил бывшее наместничество кхмеров в монских землях –

Сидящий Ганеша, бронза. Сукхотаи (Таиланд). Начало XV в. Метрополитен музей, Нью-Йорк
© 2011. Photo Scala, Florence

Сукхотаи и образовал княжество на притоке Менама. Падение Наньжао в начале 50-х годов XIII в. под ударами монголов вызвало новую волну тайской миграции, что усилило политические позиции Сукхотаи, расширившего территорию за счет части земель монских государств Лопбури и Харипунджаи, а также ослабевшей Камбуджадеши. На большей части Харипунджаи тайцы в 90-е годы XIII в. образовали княжество Чиенгмай, основанное Менграем. Сукхотаи достигло наивысшего расцвета при Раме Камхенге (1275–1317). Однако вскоре после его гибели Сукхотаи распалось, а составлявшие его регионы признали вассальную зависимость от Аюттии.

Город Аютия, основанный Рамой Тибоди I (1350–1369) на юге тайских земель, дал название новому государству. Во второй половине XIV в. Аютия подчинила территории в среднем и верхнем течении Чао Прайи (Менама), а также значительную часть п-ова Малакка. Правители Аюттии стремились объединить все тайские земли и присоединить к ним соседние области, населенные монами. С XV в. Аютия (Сиам) стала одним из крупнейших государств региона, стремившимся превратить в своих вассалов Камбоджу и соседние бирманские княжества.

Аютия унаследовала от Наньжао четкие административные традиции. Был создан разветвленный государственный аппарат, чиновники в качестве жалованья получали право сбора определенной доли налога с управляемых территорий строго соответственно их рангу и должности. Крестьяне жили общинами и платили налог в казну, были обязаны служить в армии и выполнять общественные работы. В середине XV в. в Аюттии были приняты законы, в соответствии с которыми все население от знати до рабов получало определенное количество рангов. По системе *сактина* высшие ранги доставались членам семьи правителя, низшие – рабам и вьючным животным. Все население получало земельный пай в соответствии с числом своих рангов. Система «сактина» была аналогична китайской наделной системе. Централизованная администрация распространялась в основном на те районы Аюттии, где жили сами тайцы. Но существовали и «внешние провинции», управлявшиеся специальными наместниками, чаще всего принцами крови. Эти провинции обладали некоторой долей автономии.

Хотя большинство населения исповедовало буддизм хинаяны, двор и администрация во многом подверглись влиянию махаянистских и индуистских традиций Камбуджадеши: в Аюттии существовал культ бога-царя (дева-раджи), отсутствовавший в большинстве других тайских княжеств, в том числе в Сукхотаи.

Ослабление Камбуджадеши в XIII в. было связано, помимо тайской экспансии, с истощением почв, падением урожайности, засорением каналов, переходом крестьян под власть частных владельцев, а также с проникновением из соседних стран буддизма хинаяны, быстро распространившегося среди большинства населения. Между индуистами и буддистами при дворе шла острая борьба.

В первой половине XIV в. правители-индуисты начали преследования буддистов и пытались разрушать буддийские храмы, что привело к народному возмущению, свержению и убийству правителя и смене династии. Тем

не менее в итоге буддизм окончательно закрепился и при дворе, исчез культ дева-раджи, что совпало по времени с упадком Камбуджадеша. С середины XIV по середину XV в. центр государства постепенно смещался с голодного и обезлюдившего запада на не затронутый войной восток. Новая столица Камбоджи оказалась в районе совр. Пномпеня. Центр политического влияния в центральной части Юго-Восточной Азии перешел к Аютии.

Княжества северного Лаоса в XIII в. входили в состав государства Сукхотай. Южные районы Лаоса находились в зависимости от Камбуджадеша. В XIV в. произошло объединение части лаосских княжеств в государство Лансанг, первому правителю которого Фа Нгу-

ну (1353–1373) удалось присоединить северо-восточные районы Таиланда. На протяжении XIV–XV вв. Лансанг боролся с Аютией за контроль над занимавшими промежуточное положение тайскими княжествами.

На территории Вьетнама продолжалась борьба между Дайвьетом и Чампой. Чамы, в начале XIV в. уступившие в качестве «свадебного дара» большие территории и формально признававшие сюзеренитет Дайвьета, часто не выплачивали дань, грабили вьетские торговые корабли и стремились отвоевать свои потерянные северные области. До середины XV в. военные действия между Чампой и Дайвьетом приносили успех то одной, то другой стороне (в конце XIV в. после захвата вьетской столицы чамским правителем Тебонгнга на троне Дайвьета даже оказался чамский ставленник). Чампа оставалась одним из немногих государств региона, в котором в качестве основной религии сохранился индуизм.

В 1225 г. один из родственников правителя, Чан Тху До, совершил в Дайвьете дворцовый переворот, став основателем новой династии Чан, просуществовавшей до 1400 г. Представители династии Чан формально продолжали политику укрепления центральной власти, но не препятствовали росту политической, социальной и даже военной мощи родовой знати и крупных землевладельцев. Именно их боевые дружины спасли страну в период нашествий монголов во второй половине XIII в.

Джаяварман VII. Камбуджадеша. Начало XIII в. Музей Гиме, Париж © 2011. Photo Scala, Florence

Монгольские вторжения оказали огромное влияние на историю Юго-Восточной Азии. Ряд государств фактически прекратил свое существование (Паган) или был серьезно ослаблен после монгольского нашествия (Камбуджадеша), в то время как уничтожение Наньчао способствовало миграциям тайцев и лаосцев и созданию ими новых государственных образований (Сукхотаи, Чиенгмай, Аютия и т.д.). В то же время в восточной и островной части региона монголы столкнулись с ожесточенным сопротивлением местного населения, сумевшего под ударами монгольско-китайских войск сохранить свою государственность.

Одним из первых нападению монголов подвергся в 1257–1258 гг. Дайвьет, на территории которого войска завоевателей потерпели поражение. В конце 70-х годов XIII в. под ударом оказалась Чампа. Правитель чамов Индраварман V формально признал власть монгольской империи, но не выполнил приказ хана Хубилая явиться к его двору лично с выражением покорности. Те же требования были предъявлены к Кертанагаре – правителю яванского государства Сингхасари, также их не выполнившему. Монголы продолжали отправлять послов на Яву, и один из них вернулся в Китай с клеймом на лице.

Поводом для нападения на Чампу послужил арест Индраварманом V в 1282 г. юаньских послов, направлявшихся в Индию и центральные районы Юго-Восточной Азии. Монголы начали готовиться к походу против Чампы, с которой они не имели сухопутной границы. Чамы же заключили союз с вьетами и надеялись на верность своих «заключенных друзей». Получив от Дайвьета отказ в проходе на юг через его территорию, 200-тысячная армия монгольского полководца Сагату приплыла в Чампу на 350 кораблях, штурмом захватила столицу Виджайю и установила там собственную администрацию. Прямое монгольско-китайское управление вызвало сильнейшее возмущение населения, началась партизанская война, в ходе которой чамам удалось изгнать войска Хубилая, хотя они и признали свою формальную зависимость от империи Юань.

Еще более позорное поражение потерпели юаньские войска в Дайвьете. Два раза интервенты были разгромлены, причем в 1285 г. во время бегства погиб великий монгольский военачальник Сагату, а в 1287 г. вьеты под руководством Чан Хынг Дао сожгли и уничтожили китайский флот из 400 судов. Тем не менее Дайвьет продолжал признавать сюзеренитет правителей Юань.

Для проведения военных действий против чамов Сагату потребовал поддержки от Камбуджадеша и Сингхасари, которые, как и Дайвьет, предпочли поддержать Чампу. В 1292 г. империя Юань отправила на покорение южных земель новую огромную армию и флот. Им удалось захватить о. Белитунг в проливе между Суматрой и Калимантаном, а затем высадиться на Яве, переживавшей период внутренних усобиц. Один из претендентов на престол, принц Виджайя, пообещал монголам покорность, захватил с их помощью власть, но позже изгнал с Явы и всего архипелага, остановив монгольскую экспансию в Нусантаре (островной Индонезии).

Монгольское вторжение привело к серьезному кризису в Дайвьете. Были разрушены ирригационные сооружения, разорено сельское хозяйство, а затем начался голод, что привело к масштабным крестьянским восстаниям, одно из которых длилось 17 лет. Все это сопровождалось периодическими атаками чамского правителя Тебонгнга, который неоднократно доходил до столицы, а в 1369 г. взял и разграбил Тханглаунг.

В 1371 г. правительство возглавил Хо Кюи Ли, который провел ряд важных реформ: резко ограничил наследственные владения знати, реорганизо-

вал армию и административный аппарат, упорядочил налогообложение в интересах общинного крестьянства, заменил металлические деньги бумажными. Крупные землевладельцы, как духовные (монастыри), так и светские, недовольные реформами, не поддерживали правительство в момент нового китайского вторжения в Дайвьет в 1407 г., в результате чего китайцы оккупировали страну на 20 лет. Сопrotивление войскам династии Мин организовал харизматический лидер Ле Лой, он добился ухода китайцев и основал династию Поздних Ле (1428–1789).

В Малайе и островной части Юго-Восточной Азии в XIII–XV вв. появился ряд новых государств. В XIII в. среди малайских княжеств выделилось государство Трамбралинга, вскоре оказавшееся под властью Сукхотай. С конца XIII в. на власть над полуостровом, которая давала контроль над стратегически важными проливами и торговыми путями, стало претендовать яванское государство Маджапахит.

После начала исламизации Индии большая часть индийских торговцев в Юго-Восточной Азии также стала мусульманами, что привело к распространению ислама в островной части региона. В 1414 г. бежавший из Маджапахита в Малайю яванский принц Парамешвара под именем Искандер-шаха встал во главе созданного им могущественного Малаккского султаната, быстро захватившего почти всю Малайю, часть Суматры и соседних островов. На протяжении XV в. благодаря распространению ислама произошла замена индийской письменности на арабо-персидскую. Исламизация также способствовала развитию малайского языка и превращению его в литературный. Не менее важно и то, что малайский стал языком торговцев, языком межнационального общения в Нусантаре. В то же время вытеснение буддизма и индуизма привело к упадку храмовых сооружений.

На Яве изгнавший монголов принц Виджайя создал империю Маджапахит (1293–1520), которая ставила наследником Сингхасари и заняла лидирующую позицию в Индонезии, принадлежавшую до этого Шривиджая. Сама Шривиджая распалась в XIII в. под ударами со стороны Сукхотай и правителя Сингхасари Кертанагары.

Правители Маджапахита в середине XIV в. проводили активную внешнюю политику, и их владения распространялись на всю Яву, Бали, Мадуру, Сумбаву, часть Суматры, Калимантана, Сулавеси и Малаккского п-ова. Наивысшего развития Маджапахит достиг при правлении талантливого министра Гаджа Мада (20–60-е годы XIV в.). Созданный им свод законов закрепил социально-политическую организацию государства: во главе Маджапахита стоял махараджа, потребности его двора удовлетворялись за счет доходов с земель, считавшихся его доменом. Остальные территории находились под управлением наместников, обычно из числа родственников правителя и знати, а власть на местах осуществляли многочисленные чиновники, получавшие за это от казны служебные надель.

В религиозной практике Маджапахита существовал индуистско-буддийский синкретизм (официальная доктрина провозглашала, что Шива и Будда «хотя различны, но едины»). Свои лидирующие позиции эта буддийско-индуистская империя сохраняла до середины XV в., когда ей начали активно противостоять мусульманские государства, образовавшиеся на северном побережье Явы.

ИНДИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ XIV – СЕРЕДИНЕ XV ВЕКА

ОСЛАБЛЕНИЕ ДЕЛИЙСКОГО СУЛТАНАТА И ЕГО РАСПАД

Во второй половине XIV – середине XV в. значительно изменилась политическая обстановка в северной части Индии. Если до этого Делийский султанат, несмотря на периоды политической нестабильности и потери части владений, оказывался в состоянии восстановить утраченное ненадолго могущество и даже расширить свои владения на Декан и крайний Юг субконтинента, то к концу правления Мухаммада Туглака (1325–1351) центробежные процессы приняли необратимый характер. Султанат превратился в одно из нескольких практически равных по силе политических образований на севере Индии.

После смерти Мухаммада Туглака, когда, по словам Барани, «правитель избавился от своего народа, а народ – от своего правителя», на престоле оказался Фируз-шах Туглак (1351–1388). Он проводил жесткую религиозную политику по отношению к индусам и шиитам, но в памяти своих мусульманских подданных остался как рассудительный, милосердный и щедрый правитель. Во время правления Фируз-шаха земли «икта», выдававшиеся за службу, стали официально наследственными владениями. Султан также уменьшил налоги, провел несколько каналов, значительно расширив площадь орошаемых земель вокруг Дели, разбил там сады. Но завоевательная политика Фируз-шаха не была успешной, два похода в Бенгалию не дали никаких результатов, после чего он объявил, что армия будет использоваться только для подавления восстаний.

После смерти султана в стране началась борьба за престол. За шесть лет сменилось пять султанов, некоторые из них правили лишь несколько месяцев. Султанат продолжал распадаться. В 1388 г. отделился Хандеш, находившийся между Малвой на севере и государством Бахманидов на Декане, в 1394 г. – Джаунпур, расположенный к юго-востоку от Дели на границе с Бенгалией и Непалом, в 1396 г. возник Гуджаратский султанат на западе.

В 1398 г. на территорию ослабевшего Делийского султаната вторглись войска Тимура (1370–1405), завоевавшего к тому моменту Среднюю Азию, Афганистан, Иран и Ирак. Он разбил войска султана Насир ад-Дина Махмуда (1394–1395, 1399–1413) и захватил Дели, разграбив его и жесточайшим образом подавив восстание его жителей (их головы складывали в пирамиды). Ремесленники из столицы султаната были отправлены в Самарканд, многие оставшиеся в живых жители города розданы в качестве рабов воинам Тимура. Дойдя до Ганга, правитель Самарканда повернул свои войска и, разграбив еще несколько североиндийских городов, вернулся в Среднюю Азию с богатой добычей.

Попытки Насир ад-Дина Махмуда восстановить государство хотя бы в пределах двуречья Ганга и Джамны и Пенджаба не увенчались успехом. В 1413 г. после его смерти власть захватил Сайид Хизр-хан (1414–1421), который не принял титул султана, ибо еще во время походов Тимура перешел на его сторону и считал себя наместником (маликом) сына и преемника Тимура Шахруха (1409–1447). Династия Сайидов правила до 1451 г., когда

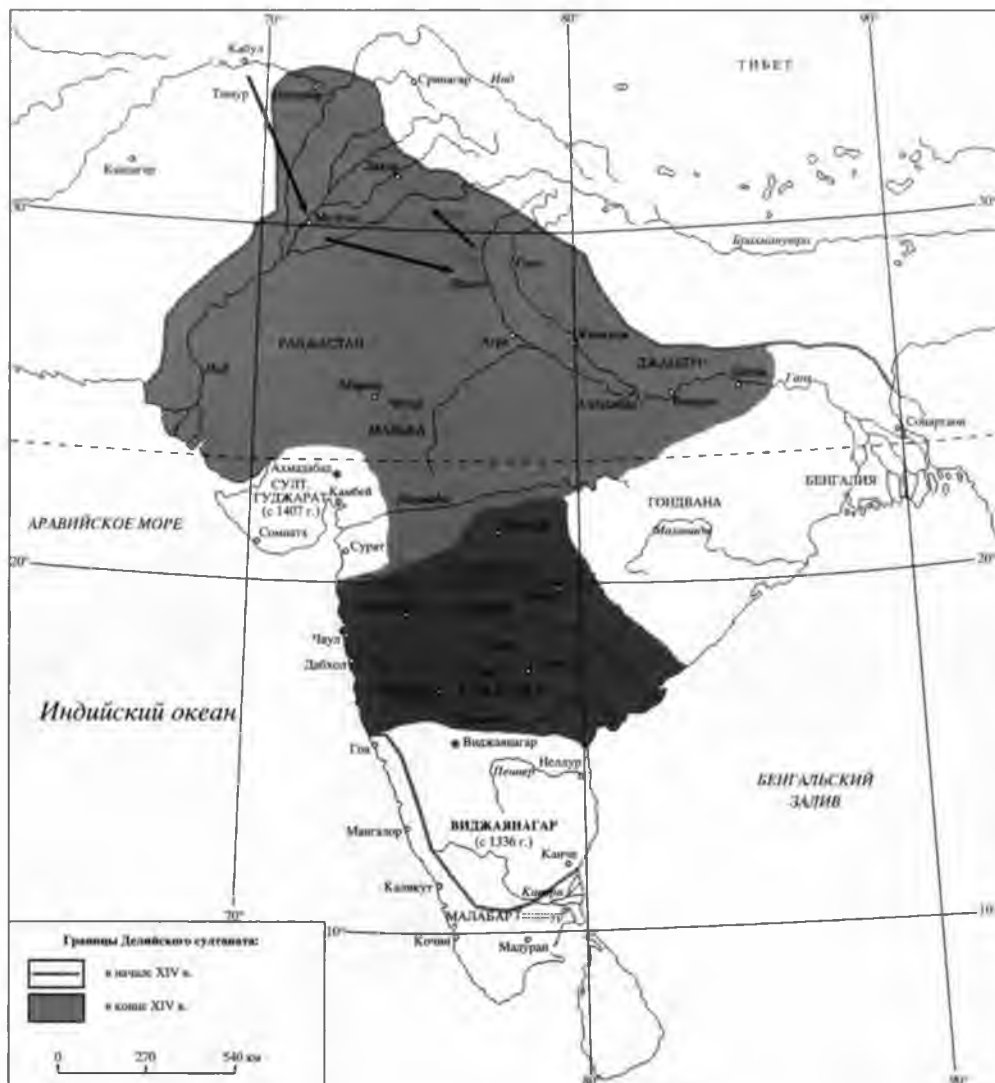

Сады Лоди. XV в. Дели, Индия

власть в Делийском султанате была захвачена пуштуном Бахлулом Лоди – главой афганского племени Лоди и наместником Лахора и Сирхинда (на территории совр. Пенджаба). Династия Лоди правила в Делийском султанате до его завоевания моголами в 1526 г., и ей удалось на время восстановить могущество султаната и распространить его власть на большую часть Северной Индии во второй половине XV в.

Южнее Делийского султаната располагалось государство Бахманидов, отделившееся от султаната в 40-е годы XIV в. Создатель государства – один из военачальников правителя Делийского султаната Мухаммада Туглака Хасан Зафар-хан, принявший в 1347 г. имя Абу-л Музаффар Ала ад-Дин Бахман-шах (1347–1358), – смог объединить под своей властью земли от Колхапура (юг совр. Махараштры) на северо-западе, Гоа и Дабхола на юго-западе до Бхонгира и Телингана (в Хайдарабаде) на юго-востоке. Первоначально столицей государства Бахманидов была Гулбарга, в 1425 г. столицу перенесли в Бидар. Во время своего расцвета (во второй половине XV в.) государство занимало весь Декан от Аравийского моря до Бенгальского залива и играло ведущую роль в торговле в Индийском океане. В 1469–1471 гг. государство Бахманидов посетил тверской купец Афанасий Никитин, оставивший ценные записки.

Политическая обстановка в государстве Бахманидов отличалась достаточной нестабильностью. За сто лет, прошедших после смерти основателя династии, на престоле сменилось девять правителей, трое из которых правили меньше года. Основным противником Бахманидов в борьбе за власть над

Индийские государства в XIV–XV вв.

Деканом выступало южноиндийское государство Виджаянагар, образовавшееся в 1336 г. Основными союзниками султанов Бахмани в войнах с Виджаянагаром были расположенные северо-восточнее княжество в Андхре, а позднее государство Гаджапати в Ориссе.

Так как на Декане встречалось очень мало мусульман, султанам Бахмани приходилось проявлять большую терпимость к индуизму и стараться привлекать на свою сторону индусских вождей. В этой ситуации Бахманиды также приглашали к себе выходцев из Ирана, которые занимали высокие должности в государственном аппарате, что вызывало недовольство среди местных мусульман (*деккани*) и приводило к острой внутривластной борьбе и государственным переворотам.

Начало истории создания империи Виджаянагар точно неизвестно, так как о нем сохранились лишь легенды. Согласно разным версиям, братья-основатели государства Харихара и Букка происходили либо из народности *телугу*, либо *каннада*, служили либо Мухаммаду Туглаку во время его завоевания юга Индии, либо династии Хойсалов, были обращены сначала в ислам, но затем вновь стали индуистами. Согласно легендам, встретив в лесах у р. Тунгабхандры мудреца-аскета Видьяранью, они получили указания о том, где следует основать столицу будущего государства г. Виджаянагар, который строился в течение семи лет вокруг храма Вирупакши, одной из ипостасей Шивы. Мудрец также стал советником первых трех правителей Виджаянагара. Очевидно, основатели государства использовали место, имевшее стратегическое значение еще со времен Ашоки, и культ Вирупакши, храм которому был построен еще при Хойсалах тремя веками ранее. Вирупакша считался истинным правителем государства, а императоры – его наместниками.

ВИДЖАЯНАГАР

Созданная братьями Харихарой и Буккой в междуречье Кришны и Тунгабхандры империя Виджаянагар быстро расширяла свои владения, превращаясь в крупнейшее индусское государство субконтинента. В 1345 г. было присоединено побережье Карнатаки, княжество Хойсалов на юго-западе было захвачено в 1346 г., причем многие военачальники без боя переходили на сторону Виджаянагара, в 1365–1370 гг. – завоеван Мадурайский султанат на крайнем юго-востоке.

Таким образом, правители Виджаянагара фактически сосредоточили в своих руках власть над большей частью Южной Индии, за исключением Малабарского побережья и крайнего юга, где сохранялись мелкие княжества Пандьев, бывших вассалами Виджаянагара. Небольшие портовые города-государства Малабарского берега играли значительную роль в торговых связях Индии с Ближним Востоком, Африкой, а затем с Европой. Так как империи не удалось непосредственно подчинить эти города, ее правители вели постоянные войны с Бахманидами и их северо-восточными союзниками из Андхры и Ориссы за междуречье Кришны и Тунгабхандры, контроль над которым мог обеспечить и контроль над западными портами Гоа, Чаулом и Дабхоллом, а также за область на восточном побережье севернее р. Кришны.

Виджаянагар удерживал спорные земли в первые десятилетия своего существования, затем они были потеряны в начале XV в., когда в империи разгорелась борьба за престол; в правление Деварайи II (1422–1446) Виджаянагар снова занял эти регионы, Андхру и спорное западное побережье. Но во второй половине XV в. данные земли оказались вновь потеряны из-за очередной внутренней междоусобицы. И лишь в конце XV – начале XVI в. Виджаянагар снова обрел свое могущество и, благодаря распаду к тому моменту государства Бахманидов, стал самым сильным государством Юга Индии.

Во время правления Деварайи II Виджаянагар проводил и успешную завоевательную политику за пределами субконтинента, продолжавшую традицию предшествовавших империи южноиндийских государств.

Государственная структура Виджаянагара была первоначально довольно примитивной: управление территориями строилось по семейному принципу (посты наместников находились в руках сыновей правителей). Постепенно сложилась система 10 провинций, в которые назначались временные губернаторы, занимавшие свои должности от нескольких месяцев до нескольких лет. Им подчинялись более мелкие военачальники, которые должны были поддерживать порядок и собирать налоги (налогообложение не было унифицировано).

В идеологии государства, согласно дидактической поэме, приписываемой одному из императоров, правившему в начале XVI в., но описавшему реалии более раннего периода, главным считалось получение государями доходов и их повышение. Именно ради этого было необходимо расширять территорию государства, развивать ирригацию, покровительствовать купцам, торговле (так как она дает коней и слонов, золото и драгоценные камни). Налоги следовало удерживать на низком уровне, ибо в этом случае общие поступления от податей увеличиваются. Бюджет государства должен был состоять из трех статей: 50% – содержание армии, 25% – милостыня и благотворительность, 25% – запас на будущее.

По крайней мере, в последнем случае императоры Виджаянагара действительно воплощали в жизнь идеологическую программу, это выражалось в том, что в их дворце в столице имелось много комнат, наполненных до потолка золотом и драгоценностями и запечатанных. Каждый император считал своим долгом добавить к этим комнатам хотя бы еще одну.

В отношении налогообложения теория не столь последовательно применялась на практике, о чем свидетельствуют, например, многочисленные жалобы из Тамилнада в 20-е годы XV в. на незаконное увеличение податей в результате сдачи налогов в откуп. Очевидно, массовые петиции и манифесты со временем привели к желаемому результату, поскольку впоследствии сообщения о налоговом гнете и бегстве населения из деревень исчезают.

Виджаянагар воспринимался его жителями как государство всех народов Южной Индии. Существование империи и экономический подъем региона в этот период способствовали развитию культуры дравидийских народов, особенно каннада и телугу. В середине XIV–XV в. великий поэт телугу Шринатха, переехавший в Виджаянагар и получивший высшие почести при дворе Деварайи II, перевел на телугу много классических произведений с санскрита и пракритов (среднеиндийских языков и диалектов). В своих собственных стихах он воспевал родную Андхру.

В период Виджаянагара был создан свой оригинальный величественный архитектурный стиль (первоначально использовались северные образцы, заимствованные у Чалукьев, затем южные – Чольские), до наших времен дошло множество храмовых построек. Сохранившиеся после разрушения столицы империи Виджаянагара в 1565 г. многочисленные памятники архитектуры XIV–XVI вв. – одни из самых ярких произведений южноиндийской культуры.

СМУТЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Политический кризис в Золотой Орде, связанный с борьбой Ногай за престол и с расколом Орды, был на время прекращен ханом Тохтой (1298–1312). Придя к власти при поддержке Ногай, Тохта спустя некоторое время выступил против бывшего покровителя, нанес ему поражение, восстановил единство страны и временно стабилизировал внутреннюю обстановку. Однако после смерти Тохты началась борьба за престол между его сыном Ильбарасом и младшим братом Узбеком. Победителем вышел Узбек, уничтоживший всех реальных и возможных соперников. Племена и родоплеменные объединения, входившие в Золотую Орду, признали его верховенство.

В правление Узбека (1312–1341) вновь усилилась власть ордынского хана, который, заручившись поддержкой должностных лиц – эмиров, уже не считал нужным опираться на всенародные собрания – курултай и перестал их созывать. Чтобы еще больше усилить свое положение, укрепить связи с исламскими странами, обеспечить себе поддержку мусульманской знати и мусульманских купцов, Узбек провозгласил ислам государственной религией. Он активно занимался градостроительством, в частности возвел крупный город Сарай-аль-Джедид («Новый дворец»), благоустроил караванные пути, что способствовало оживлению торговли со многими странами и регионами, в том числе с Китаем, Индией и Египтом.

В отношении северо-западного соседа и вассала, Руси, хан Узбек вел политику по принципу «разделяй и властвуй»: натравливал князей друг на друга и притом совершал набеги на русские земли, разграбив Тверь, Ростов и другие города.

С конца 50-х по 80-й год XIV в. Орду охватил новый острейший политический кризис – смута, получившая на Руси название «Великая замятня». По свидетельству летописца, «мнози цари побиена быша и царицы, и царевича, и рядцы, и секошася сами межи себе». Золотая Орда снова временно распалась на несколько самостоятельных земель. Правителем одной из них стал темник Мамай – выходец из монголо-татарской знати. Как часто бывает, смута привела не только к внутреннему ослаблению, но и к внешним потерям. Генуэзцы захватили ордынские владения в Крыму, Русь приостановила выплату дани, так называемого «выхода».

Вновь объединить улусы Золотой Орды удалось хану Тохтамышу (1380–1395). Воспользовавшись поражением Мамай в битве при Куликовом поле (1380 г.), Тохтамыш в том же году разгромил остатки войск Мамай в битве на р. Калке. Затем в 1382 г. он совершил поход на Москву, разорил ее и добился возобновления и даже увеличения дани. Неизвестно, как сложились бы дальнейшие отношения Руси с Ордой, если бы не поход Тамерлана – бывшего ее союзника, а впоследствии могущественного врага Золотой Орды.

ДЕРЖАВА ТИМУРА: СОЗДАНИЕ И РАСПАД

Тимур был, как известно, яркой и противоречивой личностью. Он родился в 1336 г. в Средней Азии, неподалеку от города Кеша (ныне Шахрисабз) на территории современного Узбекистана, в семье воина-скотовода, незначительного представителя племенной знати. Имя «Тимур» буквально означает «железо». В одном из сражений (или во время разбойного набега) Тимур получил ранение в ногу и с тех пор хромотал; с этим связано его иранизированное прозвище Тимур-э-лянг («Хромой Тимур»), в европейских языках воспринятое как Тамерлан. В молодости Тимур являлся предводителем отряда воинов, затем некоторое время правил округой Кеша, своим родным краем. В 1355 г. Тимур женился на внучке хана Казагана, правителя Мавераннахра, крупного региона в Центральной Азии, между Амударьей и Сырдарьей. В начале 60-х годов XIV в. Тимур на время стал союзником внука Казагана эмира Хусейна, которому помогал в борьбе с монгольскими ханами – претендентами на власть в Мавераннахре. Борьба завершилась победой Хусейна и Тимура во многом благодаря решительным действиям последнего в крупном сражении с войсками противника (1365 г.).

Спустя некоторое время бывшие сподвижники – Тимур и Хусейн – стали врагами. Борьба между ними завершилась сражением (1370 г.), в котором Тимур одержал победу, взял в плен Хусейна и захватил его оплот крепость Балх. Номинальным правителем, ханом, был избран ставленник Тамерлана Суюргатмыш. Потерпевший поражение Хусейн был вскоре убит. На всеобщем собрании (курултае) Тимуру присягнули военачальники Мавераннахра. В качестве «великого эмира» Тимур фактически возглавил обширное государство, столицей которого стал Самарканд. Чтобы еще больше укрепить свой статус и авторитет, Тимур женился на ханской дочери, вдове эмира Хусейна Сарай-Мульк-ханум.

Тимур создал многочисленную, организованную и хорошо вооруженную армию, состоявшую из тяжелой и легкой конницы, пехоты и вспомогательных отрядов. В этой армии сражались воины из разных племен и народностей. Обладая таким войском, Тимур совершил множество завоевательных походов. Первые из них были вызваны необходимостью укрепить власть, устранить угрозу со стороны внутренних противников и опасных соседей. К числу противников относились правители Хорезма, не желавшие признавать власть новоявленного властителя. Тимур осуществил несколько походов на Хорезм и в 1388 г. окончательно овладел этой древней страной. Затем Тимур совершил ряд рейдов на соседнее среднеазиатское государство Могулистан и добился победы, однако покорить его не смог.

На севере опасными соседями державы Тимура являлись татаро-монголы. Бывший союзник Тимура Тохтамыш, обретя власть над Золотой Ордой, стал действовать враждебно по отношению к Тимуру. Тогда тот начал боевые действия против Тохтамыша. В 1395 г. Тимур одержал окончательную победу, разрушил ордынские города и захватил множество пленных.

Разгромив Тохтамыша и разорив Елец, Тимур повел войска на Русь и двинулся в направлении Москвы. По версии одного из источников, «Зафар-Намэ» («Книга побед»), Тимур покорил Москву, согласно же русской летописи,

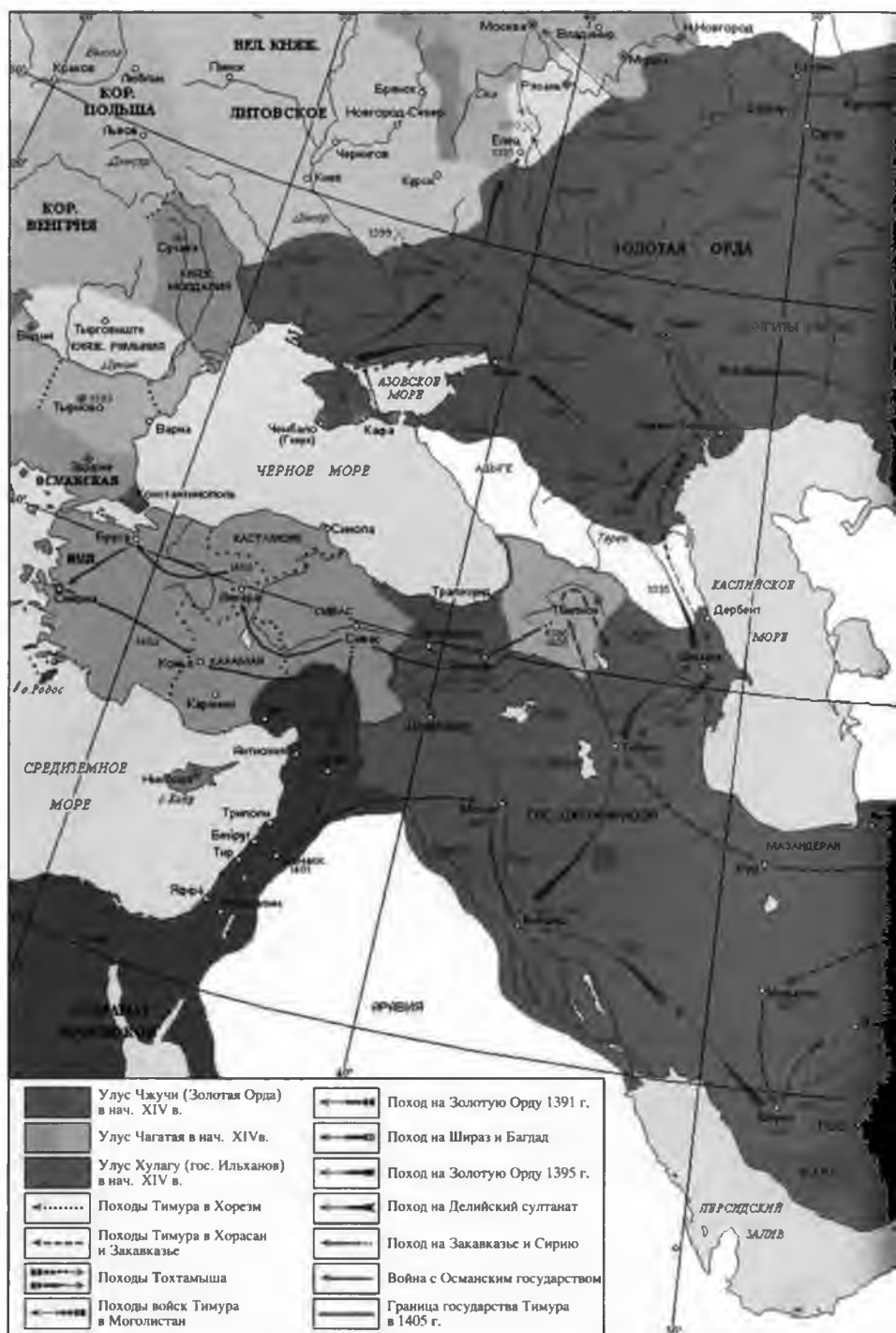
Мавзолей Гур Эмир. Начало XV в. Самарканд, Узбекистан. Место захоронения Тамерлана

завоеватели неожиданно повернули назад, не дойдя до Москвы: Тимуру якобы явилась Богородица и убедила покинуть Русь. Это чудо приписывалось действию иконы Владимирской Божьей матери, которая была перенесена в Москву для защиты от врагов.

Славу, могущество и богатую добычу Тамерлану принесли походы в государства Закавказья, Центральной и Южной Азии. Так, в 80–90-е годы XIV в. Тимур одержал ряд побед в Персии и завоевал почти весь Северный Иран. В конце 90-х годов XIV в. он совершил поход в Индию, захватил и разграбил Дели, в 1402 г. в битве при Анкаре разгромил султана Баязида Молниеносного и взял самого султана в плен. Скончался Тимур в начале 1405 г. во время похода в Китай.

Личность Тимура по сей день вызывает множество споров. Сведения о нем многочисленны и противоречивы. Сам себя он представлял «избранныком Аллаха», защитником ислама, покровителем наук, искусств и ремесел, «пастырем народа» – справедливым, правдивым и неустанно пекущимся об общем благе. В то же время биографы и другие авторы много писали о жестокости завоевателя: о том, как он истребил десятки тысяч мирных жителей, заживо закапывал пленников в землю, сооружал пирамиды из отрубленных голов. В наше время некоторые историки сомневаются в достоверности сообщений о зверствах Тамерлана. Все же, думается, многие из этих сообщений верны, тем более что они исходили от разных авторов, писавших независимо друг от друга.

Несомненно, Тамерлан был не только жесток, но и талантлив. Он являлся выдающимся полководцем – блестящим стратегом, великолепным тактиком,

Империя Тамерлана в 1370–1405 гг.

обладал солидными знаниями, владел персидским языком, мог вести ученые беседы, любил историю и был в ней сведущ. Он много пекся о градостроительстве: возводил и восстанавливал крепости, мосты и караван-сарай, заботился о духовном просвещении подданных-мусульман, основывал мечети, создавал училища-медресе. При Тимуре расцвели науки, развивалось прикладное искусство.

Тимур стремился править расчетливо и мудро, предъявлял высокие требования к должностным лицам, строго контролировал их деятельность. Это, в первую очередь, касалось высших должностных лиц – визирей, которые ведали государственным управлением, хозяйством, судопроизводством, внешней политикой, а также верховных военачальников – эмиров. Как опытный правитель и военачальник, Тимур придавал большое значение сбору сведений. В связи с этим он создал в своей державе развитую систему ямских станций, где гонцы могли сменить лошадей и благодаря этому быстро доставить весть.

В правлении страной Тимур опирался на старых боевых товарищей, которым доверил ответственные посты. Но вообще Тимур старался обрести поддержку в разных слоях общества – среди воинов, торговцев, ремесленников и ученых. В этой связи он уделял большое внимание праву, как мусульманскому (шариат), так и местному, основанному на обычаях, возникших до принятия ислама. Тимур следил за тем, чтобы законы нерушимо блюлись, чтобы судебные дела тщательно разбирались и чтобы подданным была обеспечена защита от произвола.

Европейское посольство у Тимура

Победы Тимура принесли ему славу не только в Азии, но и в Европе. В начале XV в. дружбы с Тимуром стали добиваться государи Византии, Франции, Англии и Кастилии. Тимур был нужен им как союзник в борьбе с турками; кроме того, подобное содружество могло принести торговые выгоды. Интерес был взаимным: Тимур, в свою очередь, нуждался в союзниках.

В 1403 г. к Тимуру было отправлено посольство кастильского короля Энрике III. Возглавил посольство камергер короля Руй Гонсалес де Клавихо. Совершив трудное путешествие, послы прибыли в Самарканд. Тимур радушно принял их, назвал короля Кастилии своим сыном, представил этого монарха своему окружению как главного из европейских государей. Он обрадовался подаркам, сам одарил послов, пригласил на пир и усадил на почетные места.

Все же испанцам не повезло: Тимур тяжело заболел, и послов спешно отправили на родину. Но путешествие оказалось отнюдь не бесполезным. Его итогом стала книга Гонсалеса де Клавихо о Тамерлане и его державе. Большая часть книги основана на дневниковых записях – результатах наблюдений Клавихо и его спутников.

Клавихо описал острова, города и местности, рассказал об обычаях армян, греков и восточных народов, привел подробные сведения о храмах Константинополя, поведал о восточных городах – Тегеране, Тебризе, Султании. Он описал базары, сообщил данные о торговле, ремесле, добыче драгоценных камней, рассказал о быте кочевников, подробно описал сады, дворцы, «орду» – ставку Тимура, церемонии, одежды знатных мужчин и женщин.

В числе прочего Клавихо посетил родной город Тимура Кеш, осмотрел мечеть, усыпальницу и дворец, построенные по приказу властителя. Клавихо остался восхищен дворцом: «Отделка была золотом, лазурью и другими разными цветами, достойная удивления даже в Париже, где искусные мастера»...

Сильное впечатление на кастильского посла произвел Самарканд и его окрестности. «Весь город окружен садами и виноградниками... Так изобилен и богат этот город и его земля, что просто удивительно. Богатство этой земли не только в изобилии съестного, но и в шелковых тканях, атласе... в притираниях, пряностях и в золотых и лазоревых красках и прочих предметах». Оценил Клавихо и общественный порядок: «в городе соблюдается законность, так что ни один человек не смеет обидеть другого или совершить насилие».

Несмотря на все усилия Тамерлана, его империя, как и многие другие крупные средневековые государства, оказалась непрочной. Государственный аппарат все-таки являлся несовершенным; функции должностных лиц в ряде случаев не были четко определены. Значительная часть державы была поделена на улусы – полусамостоятельные владения, которыми управляли сыновья и внуки Тимура. После смерти правителя начались усобицы между его потомками. На некоторое время положение стабилизировалось при одном из сыновей Тамерлана Шахрухе (1409–1447). Укрепив свою власть, Шахрух передал часть полномочий своему сыну Улугбеку, сделав того правителем Самарканда. Но Улугбек прославился в первую очередь не как властелин, а как ученый – математик, географ и историк. Особенно велики были его достижения в астрономии: он создал уникальную обсерваторию, произвел исследования, которые в течение столетий оставались непревзойденными.

Правление Шахруха и Улугбека стало последним периодом относительного спокойствия в созданной Тимуром империи. После смерти Шахруха междоусобная борьба разгорелась с новой силой. Улугбек был убит, и держава Тимура окончательно распалась. В конце XV в. ее земли были захвачены узбекскими ханами из династии Шейбанидов.

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В свою очередь, распалась и Золотая Орда. После похода Тимура в конце XIV в. в Орде началась новая смута. Властители отдельных частей Орды повели борьбу за власть. Победителем оказался Едигей – бывший военачальник Тимура, повелитель племен, кочевавших между Волгой и Яиком (Уралом). В 1399 г. в битве на реке Ворскле Едигей разгромил войска главного соперника Тохтамыша и его союзника литовского князя Витовта. Возведя на золотоордынский престол своего ставленника хана Шадибека (а после него другого номинального правителя), Едигей сосредоточил в своих руках фактическую власть в державе. На время ему удалось объединить и укрепить Орду, предпринять удачные военные экспедиции. В 1406 г. войско Едигея захватило Хорезм, в 1408 г. – совершило поход на Русь, осадило Москву и взяло с нее выкуп, разорило Нижний Новгород, Серпухов, Рязань и еще несколько русских городов.

Объединение Золотой Орды, осуществленное Едигеем, оказалось последним. В 1410 г. началась новая смута; Едигей был изгнан и спустя несколько лет убит. В первой половине XV в. Орда распалась окончательно. Но-

минальным преемником явилась так называемая Большая Орда – татарское государство в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье. Она обладала многочисленным войском, а ее ханы в продолжение традиций Золотой Орды считали русских князей своими вассалами и требовали от них дани – «выхода». Другим крупным объединением кочевников стала Ногайская Орда (известная также как Мангытский Юрт), во главе которой стояли потомки Едигея, а столицей являлся город Сарайчук на Нижнем Урале.

В конце 30-х годов XV в. образовалось Казанское ханство – позднесредневековое государство в Среднем Поволжье, фактический преемник Волжской Булгарии. На территории ханства жили предки современных поволжских народов – татар, башкир, чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы. В Западной Сибири, в бассейнах Оби и Иртыша, возникло крупное, но сравнительно малонаселенное Сибирское ханство. В 40-е годы XV в. появилось Крымское ханство со столицей в Бахчисарае. Оно включало в себя, помимо Крыма, другие земли в Приазовье и Северном Причерноморье (нынешние север Краснодарского края и юг Украины). В конце XV в. крымский хан Менгли-Гирей разгромил войска Большой Орды и сделал ее вассалом Крыма, а в начале следующего столетия положил конец ее существованию.

Примерно в середине XV в. в низовьях Волги образовалось Астраханское ханство. Поначалу оно признавало верховенство Большой Орды, после ее падения обрело номинальную самостоятельность, но фактически зависело от сильных соседей – Ногайской Орды, Крымского ханства, а несколько позже от Московской Руси.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВАЛИНАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

По части социального уклада и культуры позднесредневековые татарские государства многое унаследовали от Золотой Орды периода ее расцвета (XIV в.). Как и в Золотой Орде, значительную часть населения ханств составляли скотоводы-кочевники; в то же время имелось городское и сельское оседлое население. Далее, сохранялись военные традиции монголо-татар и прежде всего организация, вооружение и тактика главной силы татарских войск – конницы. Сохранялись и традиции в отношении торговли, продолжали действовать древние торговые пути. Преемственность соблюдалась и в вопросах вероисповедания. Государственной религией во всех татарских ханствах был ислам; при этом имелось и немало жителей, исповедующих другие религии – христианство (особенно православное), буддизм и язычество.

Помимо сходства, между ханствами имелись и различия, обусловленные неодинаковым уровнем общественного развития, спецификой природных условий, разнообразием местных обычаев. Например, в то время как в Казанском ханстве проживало значительное число оседлого населения, в Ногайской Орде почти все жители являлись кочевниками. Если в Казанском и Крымском ханствах существовало немало многонаселенных и развитых городов, то в Ногайской орде был только один крупный город – Сарайчук, а в Сибирском ханстве преобладали небольшие укрепленные поселения – «городки».

В отношении политического устройства у татарских государств находилось немало сходных черт, многие из которых были унаследованы от Золотой Орды. Во главе каждого из государств стоял хан – правитель и верховный землевладелец. Хану помогал верховный советник – своего рода премьер-министр: в Ногайской Орде он назывался *беклар-беги*, в Сибирском ханстве – *карача*, в Крымском – *калга султан*. При хане имелся совет – «диван». Нередко реальная власть находилась в руках советников, которые использовали ханов как послушных исполнителей их воли. Далее, для обсуждения особо важных вопросов созывались собрания представителей сословий. Во многих тюркских регионах такое собрание называлось курултаем. В Крымском ханстве оно имело название «Большой диван»; в русских источниках подобные съезды татар именовались «Вся земля». В административном отношении ханства делились на уделы – улусы, в значительной степени самостоятельные, которыми управляли должностные лица из числа знати – мурзы, беи.

Располагая достаточно сильными воинскими силами, ханы вели активную внешнюю политику, нередко вторгались в сопредельные земли. Так, казанцы дважды, в 1439 и в 1444–1445 гг., совершали походы на Москву. Во время второго похода был захвачен в плен великий князь Василий III, татары получили от Руси огромную денежную сумму в виде выкупа и дани. Вместе с тем (и это тоже было в своем роде продолжением золотоордынских традиций) татары подчас выступали союзниками русских. Так, в начале 80-х годов XV в. крымский хан Менгли-Гирей в качестве союзника Ивана III совершил поход в польские владения.

И все же позднесредневековые татарские ханства обладали далеко не таким могуществом, как когда-то Золотая Орда. Ханства были разобщены, их военные и хозяйственные ресурсы ограничены. Иным стало и восприятие татар: они уже не вызывали панического страха у соседей; опыт показал, что с татарами можно успешно бороться. К тому же многое изменилось в военном деле: вошла в употребление артиллерия, возросла роль пехоты (вооруженной, среди прочего, огнестрельным оружием), значительно усовершенствовались крепости. В этих условиях главная сила татар – конница, являлась уже не столь эффективной. Усиление соседей, особенно Московской Руси, изменило соотношение сил и, в конечном счете, привело к ликвидации независимости татарских государств. Большинство ханств уже в XVI в. были завоеваны Московской Русью и вошли в ее состав.

ОСМАНЫ: ПОТРЯСЕНИЯ НАЧАЛА XV ВЕКА И ВОЗРОЖДЕНИЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Разгромив османскую армию Баязида I в битве под Анкарой и взяв в плен самого султана, правитель Самарканда Тимур восстановил самостоятельность анатолийских бейликов, собственно же османские владения разделил между четырьмя сыновьями Баязида. В политическом отношении Анатолия оказалась отброшена на 50 лет назад. Армия Тимура огнем и мечом прошла Малую Азию, опустошив целые районы, разрушив многие города, уничтожив тысячи жителей. На западе полуострова Тимур отвоевал у рыцарей Родоса г. Измир, далее же в христианские области не продвигался. Балканские владения османских султанов нашествием Тимура затронуты не были.

В марте 1403 г. армия Тимура покинула Малую Азию. Страна вернулась к своим собственным проблемам. Миграционная волна, связанная с нашествием Тимура, была несравненно слабее двух предыдущих (в XI и XIII вв.), наблюдался даже некоторый отток кочевого населения из Малой Азии, а часть городских жителей, в частности ремесленников Измира, армия Тимура насильственно увела в район Самарканда. Многие тюркские племена в это время переселились в Румелию (т.е. европейскую часть османских владений).

Из восстановленных Тимуром анатолийских бейликов наибольшую жизнеспособность проявил бейлик Караманов. Остальные же самостоятельной роли в истории Малой Азии так и не сыграли. На востоке полуострова начали формироваться новые государственные образования кочевых тюркских племен, на первых порах, однако, обращавшие свое внимание не на Анатолию, а на иранские и закавказские области. Главная борьба за власть развернулась между османскими принцами, сыновьями Баязида. На первых порах выдвинулся Сулейман, получивший от Тимура европейские владения отца. Затем в 1410 г. его власть была свергнута другим братом – Мусой, продержавшимся на троне в Эдирне три года, и, наконец, в 1413 г. утвердился Мехмед I (1413–1421). Показательно, что борьба шла за установление господства того или иного претендента прежде всего в европейских районах османского государства. Следовательно, именно они и стали главной опорой османской власти.

Нашествие Тимура и длительная борьба сыновей Баязида за власть обострили тот социальный кризис османского общества, истоки которого были связаны с быстрыми темпами складывания нового государства, характерными для предшествовавшего периода. В стране рос новый господствующий класс, а так как государство формировалось в результате завоеваний, то он представлял собой прежде всего военное сословие. Главную роль начинают играть воины-кавалеристы (*сипахи*), которые за службу получали «тимары», т.е. приобщались к эксплуатации земледельческого населения завоеванных стран. Резкое увеличение численности владельцев тимаров стало возможным после завоевания новых земель на Балканах, а их условный характер (обязанность нести военную службу) усиливал власть султанов, выступавших жалователями этих «кормлений». Формирование тимарной кавалерии затрагивало интересы рядовых кочевников и земледельцев, ранее составляв-

ших племенное ополчение. Их начинают использовать лишь в качестве вспомогательного войска и все более пытаются низвести до уровня обычного податного сословия. Недовольство назревало и у представителей старых семей беев-завоевателей, некогда соперничавших с самими османскими султанами и теперь еще сохранявших свои самостоятельные владения в балканских районах. Они и их небольшие военные силы становились ненужными султанам. Эти социальные противоречия сделали столь ожесточенной и длительной борьбу сыновей Баязида, так как позволяли им в борьбе за трон опираться на различные соперничавшие между собой группы османского общества.

Общинно-племенные низы и старые беи зачастую выступали вместе, противясь становлению тимарных отношений, причем эти выступления не только происходили в поддержку того или иного сына султана, но и выдвигали своих самозванных претендентов на трон (в 1414, 1415, 1421 гг.). В 1416 г. их недовольство вылилось в крупное самостоятельное восстание, идеологом которого стал суфийский шейх Бедреддин Симави (1358–1416). Религиозно-философские взгляды этого теолога сформировались после нескольких лет странствий по странам Ближнего Востока, знакомства с жизнью кочевых племен, христиан Османского государства и некоторых христианских стран. В них сочетались элементы исламской мистики, шиитских мессианских надежд и некоторые христианские идеи. Шейх пользовался большим авторитетом, который внушали массам его аскетическая жизнь и ореол справедливого государственного деятеля, сложившийся в результате недолгой деятельности на посту верховного военного судьи при одном из побежденных затем сыновей Баязида – Мусе. Означенный шейх выступил с проповедями социальной и религиозной справедливости. У него были ученики, которые шли еще дальше, высказываясь за всеобщее равенство, некий «потребительский коммунизм». Идеи социального равенства они черпали в воспоминаниях и идеализации родоплеменного прошлого. Знаменательно, что эти идеи сочетались с идеями христианско-мусульманского союза. С большим напряжением сил султанским властям удалось разгромить восстание. После этого для христианского населения Османского государства исчезла последняя надежда на какое-то уравнивание его в правах с завоевателями и на совместное участие в создании нового государства.

Султанское окружение всячески способствовало распространению тимарной системы и тем самым расширению социальной базы султанской власти. Этой же цели служило и усиление роли и изменение способа формирования султанской гвардии – янычар.

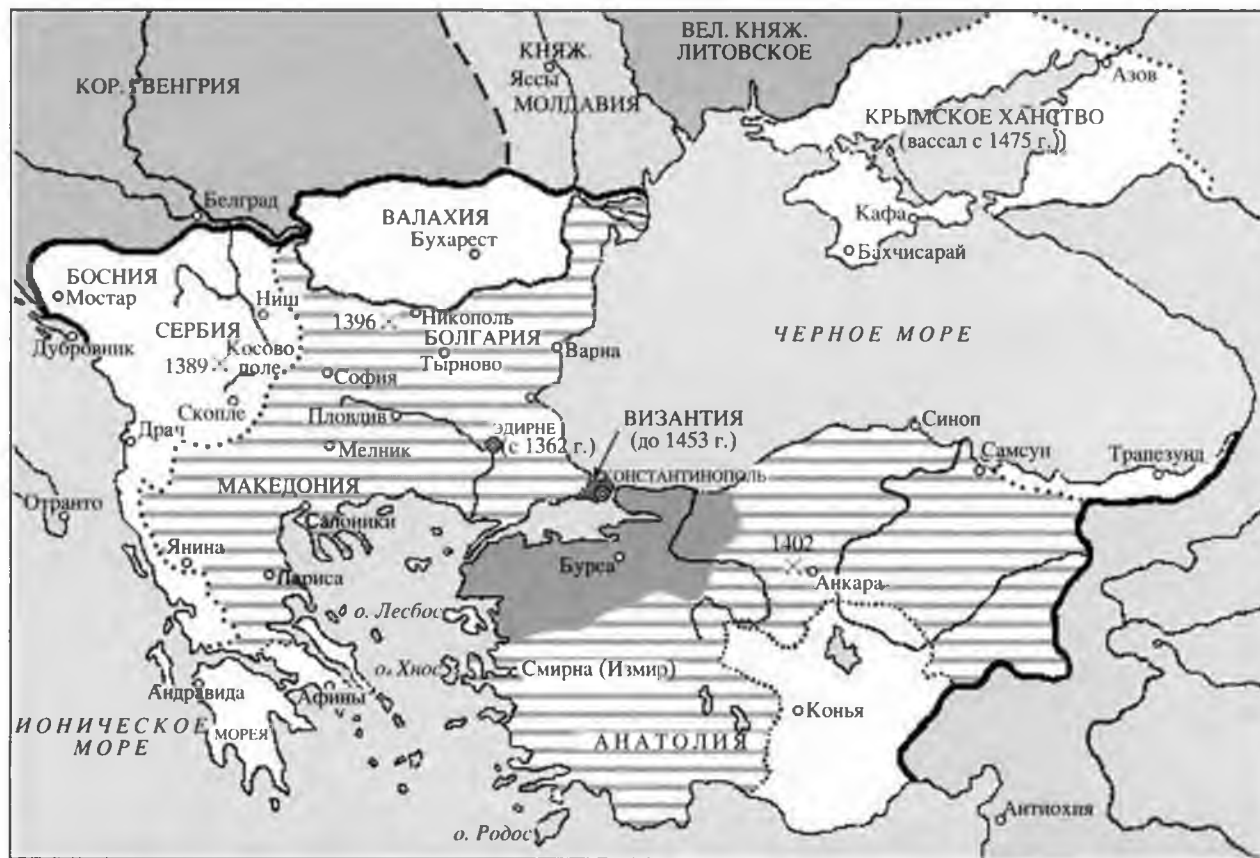
Впервые, как уже говорилось, армейское подразделение янычар появилось еще при Орхане. Специфика янычарского корпуса состояла в том, что он формировался из рабов. Вначале в буквальном смысле – из купленных невольников и военнопленных, а затем (и это с XV в. стало основным принципом комплектации) по особому набору «девширме». Суть его состояла в том, что у немусульманского населения Османского государства принудительно отбирали мальчиков 8–18 лет, которые никогда больше не должны были видеть свои семьи. Их обращали в ислам и раздавали в турецкие семьи разного социального положения и материального достатка (представителей знати, ремесленников, крестьян), чтобы «обучить турецкому языку и рабскому служению». Затем их через несколько лет снова собирали и помещали в специальную школу при султанском

дворе, где подготавливали к несению военной службы. Эти воины жили в казармах, им запрещалось жениться и заниматься какой-либо иной профессией. Кроме янычар (пеших воинов) по такому же принципу создавались отряды кавалерии, пушкарей и других видов воинов, всех их называли *капыкулу* (досл. «рабы [августейшего] порога»). Это было хорошо обученное войско, зависевшее лишь от султана, от которого оно получало жалованье, экипировку и пропитание. Любопытно, что важнейшим символом корпуса считался котел. Его как знамя несли впереди во время праздника, а в знак недовольства или мятежа переворачивали котел, символизируя тем самым отказ от выполнения своих обязанностей и султанского кормления. Такое войско, не имеющее родственных связей в османском обществе, было предано лишь лично султану.

Еще при Баязиде I отдельных «капыкулу» начали использовать не только для армейских нужд, но и в государственном и дворцовом управлении. В течение первой половины XV в. к выходцам из этой среды перешли все главные должности в управленческом аппарате государства.

К середине 20-х годов XV в. османы сумели снова подчинить себе бейлики Западной Анатолии, а также отвоевать у Византии и Венеции территории, которые им удалось присоединить к своим владениям в период османских усобиц. В Анатолии главным соперником османских султанов, как и в XIV в., оставался бейлик Караманов, в Европе – византийский император. Османы совершают новые военные экспедиции в Боснию, Герцеговину, Сербию и Северную Грецию. Активное сопротивление османской экспансии сумели оказать лишь трансильванский воевода, а затем правитель Венгрии Янош Хуньяди (1440–1467) и албанский лидер Скандербег (Георг Кастриоти), возглавивший борьбу албанцев против турок (1443–1468). Неудачным оказался новый крестовый поход, организованный папой Евгением IV. Поход этот должен был послужить поддержкой заключенной в 1439 г. Флорентийской унии, объединившей под главенством папы Православную и Римско-католическую церкви, на которую византийский император Иоанн VII Палеолог и высшее духовенство Православной церкви пошли в надежде ценой подчинения папе в церковном отношении добиться помощи против турок. Замечательно, что во время этого похода Хуньяди не удалось побудить к активному выступлению совместно с крестоносной армией балканские народы, активно поддерживавшие венгерского полководца в его более ранних анти-турецких действиях. Причиной этого было поведение самих крестоносцев, которые разрушали христианские православные храмы, грабили население. Крестоносцы были разбиты под Варной в ноябре 1444 г. Через четыре года (в октябре 1448 г.) потерпел поражение и Янош Хуньяди. Соотношение сил в Юго-Восточной Европе явно склонялось в пользу Османского государства. Эти две катастрофы имели большой резонанс в Европе. Там стали распространяться пессимистические настроения о невозможности изгнания турок из Европы. В тылу османских владений небольшим анклавом оставалась лишь Византия.

Сокрушить Византию и взять ее столицу Константинополь было вожделенной мечтой мусульманских завоевателей еще со времен арабо-византийских войн. Константинополь считался «Красным яблоком», сорвать которое служило главной целью «священных войн с неверными». Позднее такими же вожделенными «Красными яблоками» (*Кызыл хэльма*) объявлялись Вена

Османское государство в XIV–XV вв.

Крепость Румелихисар, Стамбул. 1451 г.

и даже Рим, куда султаны при своем вступлении на трон клялись янычарам привести их своей завоевательной деятельностью.

Взять Константинополь, оказавшийся к этому времени отрезанным от остального христианского мира, выпало на долю османского султана Мехмеда II (1451–1481), вошедшего в историю с прозвищем «Фатих» (Завоеватель).

Подготовку к взятию Константинополя Мехмед II начал с сооружения крепости Румелихисар (1451 г.) на европейском берегу самого узкого места Босфора. Этим он взял под контроль снабжение города. 6 апреля 1453 г. началась осада. Среди защитников византийской столицы не было единства. Готовность византийского императора идти на уступки римскому папе в церковных вопросах, чтобы получить помощь католического мира, встречала резкое противодействие местного населения. Широко известно заявление одного из знатных константинопольцев, командующего византийским флотом Луки Нотары: «Уж лучше видеть в центре города чалму турецкого султана, чем папскую тиару». Но несмотря на это и на отсутствие какой-либо реальной помощи от других стран, жители Константинополя почти пятьдесят дней героически противостояли явно превосходящим силам Мехмеда II. Среди осаждавших уже раздавались голоса о необходимости снятия осады, о якобы приближавшемся венецианском флоте, который спешил на помощь осажденным, и т.п. Однако решительный штурм города принес победу туркам: 29 мая 1453 г. Константинополь пал и был на три дня отдан армии на

разграбление. Султан тогда объявил своим войнам: «Сокровища и пленные пусть будут вашей добычей», мне же нужны лишь «здания и стены города». Было уничтожено огромное количество икон и других памятников искусства, драгоценной церковной утвари, старых книг и архивных документов. И хотя в руки турок не попало и половины того, что захватили и уничтожили крестоносцы при взятии Константинополя в 1204 г., но богатства и на этот раз были захвачены огромные, а ущерб, нанесенный культурному наследию, оказался невосполнимым.

Константинополь был переименован в Стамбул (турец. Истанбул) и стал столицей османов. Население его полностью обновилось, причем новые правители переселяли сюда не только турок, но и греков, армян, евреев из различных городов Анатолии и Балкан. Новым жителям предоставляли дома, покинутые прежними обитателями, большая часть которых была уничтожена или продана в рабство. Теперь же завозили новых ремесленников и торговцев. Их селили кварталами, отличавшимися друг от друга по роду занятий их жителей, а зачастую и по этнорелигиозному принципу. Новое население Стамбула представляло собой сложный конгломерат различных профессиональных групп и народностей. Главенствующую роль в городе стали играть мусульмане. Многие церкви, в том числе и Св. София, были превращены в мечети. Для султана с 1466 г. в Стамбуле строится новый дворцовый комплекс, раскинувшийся там, где некогда находился древний акрополь Константинополя.

С завоеванием Константинополя была предрешена судьба всего Балканского полуострова. В 1454–1459 гг. была окончательно покорена Сербия. Поражение турецких войск под Белградом в 1456 г., нанесенное Яношем Хуньяди, на некоторое время отсрочило ее окончательное порабощение, но не могло остановить османской агрессии. В 1456 г. начала платить дань Молдавия, в 1460 г. был завоеван Пелопоннес, в 1463 г. подчинилась Босния. В 1476 г. Валахия превращается в вассальное государство, в 1478–1479 гг. было сломлено сопротивление Албании. После войны с Венецией (1463–1479) османы захватили острова Эгейского моря. Турецкая угроза становится реальной для Южной, Центральной и Восточной Европы. Набеги *акынджи* докатывались до Штирии и Каринтии. В 1480 г. турецкие войска высадились на побережье Италии, где захватили г. Отранто, однако не сумели там закрепиться. Наряду с главным направлением экспансии, нацеленным на Италию и Центральную Европу, османы покорили тогда греко-лазскую Трапезундскую империю (1461 г.), установили свой сюзеренитет над Крымом (1475 г.).

После завоевания Константинополя возрос международный престиж османских султанов, что было признано как в мусульманском мире, так и в Европе. Начиная с Мехмеда II османские султаны сами стали смотреть на себя как на наследников византийских императоров и тем обосновывали свои претензии на власть над всем христианским миром. Даже в титулатуре османских султанов, которую приняли они сами и их подданные, появился термин *кайсер-и Рум*, т.е. (восточно)-римский император. Изменяют тон в отношении османских султанов и европейские страны, признавая их императорское достоинство. В исторической литературе для периода после 1453 г. к османскому государству применяется название Османская империя.

РУСЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV – XV ВЕКЕ. ФОРМИРОВАНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

К середине XIV столетия в Северо-Восточной Руси на первенствующие позиции выдвинулось княжество Московское. Князья Иван Данилович Калита и его сын Семен Иванович являлись одновременно великими князьями Владимирскими, т.е. главными в Северо-Восточной Руси, а формально «старейшими» (именно они имели право именоваться «великими князьями всея Руси»).

БОРЬБА ЗА ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ

Преемником Семена в качестве московского князя и великого князя Владимирского стал его брат Иван Иванович, чье правление оказалось недолгим – он умер в ноябре 1359 г. Судьба великого княжения, как и прежде, решалась тогдашним верховным сюзереном Руси – ханом Орды, где в это время началась междоусобная борьба и сменилось несколько ханов. Когда ко двору только что взошедшего на престол хана прибыли русские князья, правитель Орды предпочел новому московскому князю девятилетнему сыну Ивана Ивановича Дмитрию нижегородского князя Андрея Константиновича. Тот, однако, отказался от ярлыка в пользу своего младшего брата Дмитрия, суздальского князя; последний и занял летом 1360 г. владимирский стол.

Потеря великого княжения означала, что из-под власти московского князя уходит обширная территория великого княжества Владимирского с городами Владимиром, Переяславлем, Костромой, Юрьевом-Польским, Дмитровом и Ярополчем. Фактически владения князей московского дома возвращались почти к границам 1327 г. – времени до получения Иваном Калитой ярлыка на великое княжение.

Однако тридцатилетний период (с 1328 г.), в течение которого великое княжение сохранялось за московскими князьями, не прошел даром. Традиционная монгольская политика недопущения чрезмерного усиления кого-либо из вассальных правителей в данном случае дала сбой. И попытка Орды на рубеже 50–60-х годов XIV в. изменить соотношение сил в Северо-Восточной Руси не удалась как из-за накопленного к этому времени Москвой потенциала, так и по причинам обострения ситуации в самой Орде. Уже в 1362 г., воспользовавшись наличием в ней нескольких противоборствующих правителей, москвичи сумели получить ярлык на великое княжение для Дмитрия Ивановича. Попытка Дмитрия Константиновича, заручившись собственным новым ярлыком, вернуться в начале 1363 г. на владимирский стол была пресечена военной силой. Таким образом, в течение трех лет Москва восстановила позиции, существовавшие при Иване Ивановиче; более того, остававшаяся до этого суверенной половина Ростовского княжества, а также княжество Стародубское вошли в состав великого княжества Владимирского.

В конце 60-х годов XIV в., когда Дмитрий повзрослел, москвичи начали наступление на противящегося московской воле тверского князя Михаил-

ла Александровича. Михаил привлек тогда на свою сторону великого князя Литовского Ольгерда, женатого на его сестре, а также попытался заручиться поддержкой эмира (по-русски – князя) Мамай, ставшего к этому времени правителем западной части Орды (к западу от Волги). В 1371 г. Мамай от имени своего марионеточного хана выдал Михаилу ярлык на великое княжение, но в том же году Дмитрий Московский приехал в Орду и ценой богатых даров сумел получить ярлык на свое имя. Ольгерд же совершил три похода на Москву (в 1368, 1370 и 1372 гг.), но успеха достичь не смог и по договору лета 1372 г. признал великое княжение Владимирское «отчиной», т.е. наследственным владением, Дмитрия, отказавшись от поддержки Михаила Тверского.

В 1374 г. началось обострение отношений Дмитрия Ивановича с Мамаем, переросшее в шестилетнюю войну. Впервые русское княжество вступило в открытую конфронтацию с Ордой. Но противоборство с Мамаем не колебало ставшее традиционным представление о законности власти хана Орды, «царя», над Русью. Здесь расценивали ситуацию, при которой реальная власть в Орде находилась в руках не хана, а временщика, как нарушение нормы. Соответственно и борьба с Мамаем рассматривалась как выступление против незаконного правителя.

В этой ситуации Михаил Александрович Тверской вновь предъявил претензии на великое княжение Владимирское и в 1375 г. получил ярлык на него от Мамай. В ответ на Тверь двинулось огромное войско во главе с Дмитрием Ивановичем Московским. В него входили отряды со всей Северо-Восточной Руси, а также из некоторых княжеств Черниговской и Смоленской земель и новгородцы. Михаил Тверской вынужден был капитулировать, признав себя «младшим братом» (т.е. вассалом) Дмитрия, а великое княжение – его «отчиной».

Мамай ответил на это ударами по владениям московских союзников – нижегородского и новосильского князей. В 1377 г. его войска нанесли поражение рати, состоявшей из нижегородских и московских полков, на р. Пьяне. В 1378 г. временщик послал войско во главе с Бегичем на саму Москву, но Дмитрий разгромил его на р. Воже, в пределах Рязанской земли. Кульминации противостояние достигло в 1380 г. Мамай собрался в поход на Москву, заключив союз с великим князем Литовским Ягайло Ольгердовичем. Но Дмитрий Иванович во главе соединенного войска княжеств Северо-Восточной Руси (а также отрядов из некоторых княжеств Смоленской и Черниговской земель), желая предупредить соединение сил противников, вышел на ордынскую территорию. 8 сентября 1380 г. в верховьях Дона на Куликовом поле состоялась решающая битва, в которой войско Мамай было полностью разгромлено.

«Сказание о Мамаевом побоище», памятник древнерусской литературы XV в., сообщает, что сражение началось с поединка двух бойцов: «Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу: пяти сажен высота его и трех сажен ширина его. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выйдя из рядов, сказал: “Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним перевестись!” И был на голове его шлем, как у архангела, вооружен же он схимою

по велению игумена Сергия. И сказал: “Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой, Андрей Ослябя, моли бога за меня! Чаду моему Якову – мир и благословение!” – бросился на печенега и добавил: “Игумен Сергий, помоги мне молитвою!” Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: “Боже, помоги рабу своему!” И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались».

Таким образом, Дмитрий Донской не позволил Мамаю восстановить власть над русскими землями. Но другим, невольным результатом Куликовской победы стало восстановление единства Орды – власть в ней захватил хан Тохтамыш (накануне Куликовской битвы владевший только восточной – к востоку от Волги – частью улуса Джучи). Он был, в отличие от Мамая, законным правителем (потомком Чингисхана), и в Москве признали его верховенство. Однако Дмитрий не спешил возобновлять выплату дани. Следствием этого стал поход Тохтамыша на Москву 1382 г.

Дмитрий Донской не был готов к еще одному генеральному сражению, и Тохтамышу удалось захватить и разорить Москву, которую великий князь оставил. Однако полной победы хан одержать не сумел, быстро покинул русские пределы, после чего сам начал переговоры с Дмитрием. Они завершились компромиссом: Москва возобновляла выплату дани, а Тохтамыш сохранил великое княжение (на которое стал вновь претендовать Михаил Александрович Тверской) за Дмитрием Донским. Более того, хан признал великое княжение Владимирское наследственным достоянием московского княжеского дома (чего не делали его предшественники); в качестве компенсации тверскому князю его владения (вместе с другими сохранявшими суверенитет политическими образованиями Северо-Востока Руси – Нижегородско-Суздальским и Ярославским княжествами) выводились из-под верховной власти великого князя Владимирского. Тем самым старая система, при которой великим князем становился один из князей Северо-Восточной Руси, получавший определенные властные prerogatives в отношении остальных правителей, прекращала свое существование. Территория великого княжества Владимирского закреплялась за московскими князьями, они приобретали таким образом наследственный номинальный статус «великих князей всея Руси», но при этом другие княжества становились самостоятельными.

Дмитрий Донской в течение всей своей деятельности преследовал цель превратить великое княжество Владимирское из предмета регулируемых Ордой притязаний правителей разных княжеств Северо-Восточной Руси в свое наследственное владение, объединить его с Московским княжеством в единое государство. В 1372 г. ему удалось добиться признания этого Литвой, в 1375 – Тверью. В 1383 г. Дмитрий сумел получить санкцию на превращение великого княжения в «отчину» московской династии от сюзерена – хана Орды. Московскому князю удалось, таким образом, обернуть военное поражение крупнейшей политической победой. В результате в своем завещании, написанном незадолго до смерти (наступившей 19 мая 1389 г.). Дмитрий первым из московских князей передает своему сыну Василию власть не только над Московским княжеством, но и над великим Владимирским. Их объединение заложило основу государственной территории будущей России.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ РУСИ. ПРЕОБЛАДАНИЕ МОСКВЫ

В конце XIV в. политическая карта русских земель очень сильно отличалась от той, которая наблюдалась столетием раньше и тем более до Батыева нашествия. Литовское государство, возникшее в первой половине XIII в. на землях литовских племен аукшайтов и жемайтов, воспользовавшись ослаблением западных и южных русских земель, сумело в течение второй половины XIII–XIV в. во много раз увеличить за их счет свою территорию. В его составе оказались Полоцкая, Пинская, Волынская, Киевская и Переяславская земли, большая часть Черниговской и часть Смоленской. Галицкая земля попала в состав Польского королевства. В то же время в Северо-Восточной Руси в XIV в. возникает такой центр объединения русских земель, как Москва. В состав владений московских князей к концу правления Дмитрия Донского входила большая часть бывшей Суздальской земли. Помимо присоединений, осуществленных его предшественниками, Дмитрий ликвидировал самостоятельность Ростовского и Стародубского княжеств (чьи правители превратились в его «служебных» князей). Независимыми в Северо-Восточной Руси оставались теперь только Тверское, Суздальско-Нижегородское и Ярославское княжества. Кроме того, при Дмитрии к московским владениям были присоединены Ржевское княжество (часть Смоленской земли, ранее захваченная Литвой), Калуга (из состава бывшей Черниговской земли), а также Мещера (территория между Рязанским и Муромским княжествами с этнически смешанным славянским, угро-финским и отчасти татарским населением). Рязанская и Муромская земли признавали политическое верховенство Москвы. Новгородская земля признавала сюзеренитет великого князя Московского и Владимирского, а Псковская земля колебалась в ориентации между Москвой и Литвой. Таким образом, от существовавшей в домонгольский период системы земель, управляемых определенными княжескими ветвями, почти ничего не осталось; теперь на восточнославянской территории доминировали два крупных государства – Великое княжество Литовское и Московское великое княжество.

С исчезновением старой политической структуры уходила в прошлое и единая этническая общность под названием *русь* (так называемая «древнерусская народность»). На территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси начинается складывание русской (великорусской) народности, на землях же, вошедших в состав Литвы и Польши, – украинской и белорусской народностей. При этом этноним и хороним «Русь» продолжал применяться на всей восточнославянской территории. Если в домонгольский период он обозначал либо совокупность русских земель в целом, либо «Русскую землю» в Среднем Поднепровье (Киевское княжество с Переяславским и частью Черниговского), то во второй половине XIII–XIV в. в разных частях Руси обозначилась тенденция прилагать это название к своей земле. Так, в XIV столетии в Северо-Восточной Руси стали называть «Русской землей» территории, на которые распространялась власть великого князя Владимирского, т.е. Суздальскую землю вкуче с Новгородской.

Сын Дмитрия Донского Василий I (1389–1425) стал первым великим князем Владимирским, который вззошел на престол без того, чтобы по смерти

(Тамерлана) и остро нуждался в средствах. Щедрые дары Василия привели к тому, что Тохтамыш пожаловал московскому князю Нижний Новгород, Муром, Мещеру и Тарусу. Таким образом, под власть Москвы отходила огромная территория в Среднем Поволжье и Поочье: Нижегородское княжество – одно из крупнейших в Северо-Восточной Руси, Муромское – с середины XIV в. зависимое от Москвы, но сохранявшее формальную самостоятельность, Мещера, которой владел уже Дмитрий Донской, но как «куплей» (у местных князей), без ханского ярлыка, и Тарусское княжество – одно из верховских (верхнеокских) княжеств Черниговской земли. Однако статус каждого из этих княжеств после 1392 г. был неодинаков.

Нижегородское княжество с 1341 г., когда хан Узбек выделил его из Владимирского великого княжества и отдал суздальскому князю Константину Васильевичу, составляло единое политическое целое с Суздальским княжеством. Ярлык на Нижний Новгород, полученный Василием I, давал московским князьям право быть верховными распорядителями всего бывшего Нижегородско-Суздальского княжества. Собственно Нижний Новгород и прилегающая к нему территория перешли непосредственно под власть великого князя, а Городец-на-Волге (до 1404 г.) и Суздаль были оставлены местным князьям, перешедшим в статус князей «служебных»; их владельческие права теперь регулировались великим князем. Не все представители суздальско-нижегородского княжеского дома согласились с новым положением дел – некоторые из них пытались с ордынской помощью вернуть себе самостоятельность. И после похода на Москву правителя Орды Едигея в 1408 г. Нижний Новгород вернулся под власть местных князей, но был вновь отвоен Москвой семь лет спустя – в 1415 г.

Муромское княжество в 1392 г. сразу же целиком стало великокняжеским владением. Мещеру же в Орде рассматривали не в одном ряду с русскими княжествами – в силу этнически смешанного характера ее населения и наличия там князей татарского происхождения. Ярлык на Мещеру не предоставлял Василию I права наследственного владения, он требовал подтверждения при смене великого князя. Только после ликвидации зависимости от Орды при Иване III московский князь смог передать Мещеру по наследству.

Что касается Тарусы, то местные князья, как и нижегородско-суздальские, перешли в разряд «служебных князей» Василия I, сохранив за собой большую часть своих владений, в том числе стольные города Тарусу и Оболенск. Великий князь взял в непосредственное владение южную и восточную (т.е. пограничные) части Тарусского княжества. Переход в статус служебных князей был выгоден местным правителям, так как отныне великий князь брал на себя выплату «выхода» в Орду, был обязан защищать их земли от тех же татар, Литвы или других русских князей.

Во второй половине 90-х годов XIV в., после нового разгрома Тохтамыша Тимуром (1395 г.), в Орде разгорается смута. В результате реальная власть оказалась в руках эмира Едигея, менявшего (подобно тому, как это делал прежде Мамай) ханов по своему усмотрению. Первым таким «царем» был Тимур-Кутлук (1396–1400 гг.). Главную задачу он и Едигей видели в борьбе с Тохтамышем, получившим поддержку великого князя Литовского Витовта (на чьей дочери Софье был женат Василий I). Решающая битва произошла на р. Ворскле 12 августа 1399 г.: Витовт и Тохтамыш были в ней разгромлены.

Феофан Грек. Успение Богоматери. Конец XIV в. Государственная Третьяковская галерея. Москва

предшественника лично съездить за ярлыком в Орду. Правители других княжеств теперь больше не могли претендовать на великое княжение. А уже через три года после вокняжения Василию Дмитриевичу удалось существенно расширить пределы московских владений.

Летом 1392 г. Василий отправился в Орду к Тохтамышу. Хан годом ранее понес поражение от монгольского правителя Средней Азии Тимура

Со времени падения Тохтамыша Василий I перестал поддерживать сношения с Ордой и платить в нее дань; более того, в ответ на попытку одного из князей суздальско-нижегородского дома захватить Нижний Новгород с ордынской помощью московские войска во главе с братом Василия I Юрием Дмитриевичем зимой 1399–1400 гг. совершили поход в глубь ордынских владений, разорив Среднее Поволжье (бывшие земли Волжской Булгарии). В 1403 г. контакты с Ордой были возобновлены, однако без выплаты дани. Фактически это означало непризнание зависимости в условиях, когда реальная власть в Орде, как и во времена Мамая, принадлежала временщику, а не природному «царю». При этом московский князь действовал осторожно, стремился не обострять ситуацию.

И все же результатом такой политики стал поход на Москву Едигея в 1408 г. Войска правителя Орды взяли город в осаду, Василий I уехал из столицы, оставив руководить обороной своего двоюродного дядю, героя Куликовской битвы Владимира Андреевича Серпуховского, и своих братьев Андрея и Петра. Вскоре, получив весть о попытке свержения в Орде сыном Тохтамыша своего марионеточного хана, Едигей ушел от Москвы.

Поход Едигея не прекратил конфронтацию с Ордой: пока временщик находился у власти (до 1411 г., а затем, после его возвращения к ней, с 1414 по 1419 г.), не только не выплачивалась дань, но сохранялось состояние войны: велись военные действия против князей суздальско-нижегородского дома, пытавшихся с помощью Едигея удержать за собой свою «отчину» – Нижний Новгород.

УСОБИЦЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ МОСКОВСКОМ

Василий I был намерен закрепить престол за своим единственным сыном – Василием Васильевичем, родившемся в 1415 г. Но у великого князя оставалось еще четверо родных братьев. По древней русской норме наследования права братьев были предпочтительнее, чем права сыновей. Чтобы обеспечить переход великого княжения к Василию Васильевичу, Василий I заручился поддержкой митрополита Фотия и своего тестя, великого князя Литовского Витовта, которому наследник московского стола приходился по матери родным внуком (причем единственным). Фотий и Витовт стали гарантами завещания Василия I, в котором он передавал великое княжение своему сыну. Кроме того, Василий Дмитриевич получил от хана Улуг-Мухаммеда, пользовавшегося в борьбе со своими соперниками в Орде поддержкой Витовта, ярлык на великое княжение для сына при собственной жизни. Но все эти меры не помогли: после кончины Василия I (1425 г.) в Московском великом княжестве началась затяжная усобица.

После вступления на престол Василия II Васильевича (1425–1453) на престол у него сразу же разгорелся конфликт со старшим из дядьев Юрием Дмитриевичем, князем Звенигородским и Галицким, считавшим, что власть должна перейти к нему. В результате посредничества митрополита Фотия Юрий на время отказался от борьбы за великое княжение, но стороны договорились вынести спор на суд «царя», т.е. ордынского хана.

В Орду Василий и Юрий отправились только в 1431 г. До этого планам Юрия по оспариванию престола у племянника мешала позиция Фотия и деда Василия II могущественного Витовта. Но в 1430 г. умирает великий князь Литовский, а летом 1431 г. – митрополит всея Руси. В этой ситуации Юрий Дмитриевич рассчитывал на успех в борьбе за великое княжение. Но ханский престол занимал тогда Улуг-Мухаммед, выдавший ярлык Василию Васильевичу при жизни его отца. Склонился он на сторону молодого великого князя и на сей раз, отдав предпочтение ему.

Однако ханское решение не прекратило борьбы между племянником и дядей. Она возобновилась сразу после их возвращения на Русь в 1432 г. Юрий Дмитриевич в 1433 г. захватил великокняжеский престол, затем под давлением московской знати уступил его племяннику, но в 1434 г. вновь разбил Василия и вокняжился в Москве. Однако вскоре Юрий умер, и Василий Васильевич уже с полным правом занял великокняжеский стол. Однако против него выступил старший сын Юрия Василий. Одолеть его удалось только в 1436 г. Василий Юрьевич был выведен из политической борьбы, но оппозицию Василию II после этого возглавил другой двоюродный брат – Дмитрий Юрьевич Шемяка. Конфликты между ними сменялись периодами замирения, пока не наступил 1445 г. Тогда Василий II вынужден был вести военные действия против хана Улуг-Мухаммеда, к тому времени изгнанного соперниками из Орды и пытавшегося обосноваться в Нижнем Новгороде. Войска Василия II (к которым не присоединились полки Дмитрия Шемяки) потерпели поражение от сына Улуг-Мухаммеда под Суздалем, а сам великий князь попал в плен. Хан повел сначала переговоры с Шемякой о выдаче ему ярлыка на великое княжение, но в конце концов предпочел отпустить из плена Василия, обложив его огромным выкупом.

Обязательства великого князя татарам, ложившиеся тяжким бременем на население, стали поводом для заговора против него, возглавленного Дмитрием Шемякой. В феврале 1446 г. Василий II был схвачен и ослеплен. Шемяка отправил его вместе с семьей в ссылку в Углич, а затем в Вологду. Но вскоре многие московские служилые люди стали переходить на сторону бывшего великого князя. Он покинул место ссылки, найдя поддержку у тверского князя Бориса Александровича. В конце 1446 г. отряд сторонников Василия занял Москву. Дмитрий Шемяка вынужден был бежать за Волгу, в свой удельный центр Галич. Военные действия между соперниками продолжались еще несколько лет. В конце концов потерпевший поражение Шемяка бежал в Новгород Великий, где в 1453 г. был отравлен по приказу Василия II.

Междоусобная война ослабила внешнеполитические позиции Московского великого княжества. Были потеряны в пользу Литвы Козельск и на короткое время Ржев. Только в конце своего правления, когда власти Василия II уже ничего не угрожало, он сумел расширить московские владения, купив крупный массив рязанских земель на правом берегу Оки вплоть до верховьев Дона.

Правление Василия II пришлось на период, когда ордынские «замятни»-усобицы, в отличие от прежних времен, стали заканчиваться не временной консолидацией под властью того или иного сильного правителя, а складыванием на окраинных территориях Орды особых, практически независимых политических образований. В период его княжения возникли Казанское хан-

ство (основанное Улуг-Мухаммедом), Крымское ханство, Ногайская Орда. «Центральная» часть, занимавшая пространство между Днестром и Волгой, в русских источниках начинает именоваться «Большей Ордой»; ее правитель формально считался сюзереном остальных ханов.

В правление Василия II русская церковь приобрела самостоятельность от Константинополя, стала автокефальной. Это произошло после того, как в конце 30-х годов XV в. константинопольский император и патриарх пошли на унию с Римом, надеясь на помощь католического Запада против наступающих на Византию турок; уния эта на Руси признана не была. В 1448 г. новый митрополит всея Руси Иона был избран по воле великого князя собором русских епископов.

КОНЕЦ ОРДЫНСКОГО ИГА

При Василии II московский князь впервые начинает при жизни именоваться «царем», т.е. императорским титулом. Первоначально этот титул по отношению к нему встречается в литературных произведениях той эпохи в связи с отказом великого князя от унии с Католической церковью. Но в начале 60-х годов, уже после гибели Византийской империи под ударами турок (1453 г.), глава русской церкви Иона называет Василия II «царем» уже вне связи с вопросом об унии церквей.

Таким образом, в середине XV в. делаются первые шаги на пути становления идеи о переходе к московским великим князьям царского достоинства от византийских императоров. Появление такой идеи было естественно, поскольку после падения Византии Московское великое княжество осталось единственным православным государством, представлявшим реальную силу (Болгария и Сербия пали к тому времени под ударами турок). Способствовало ее появлению и установление автокефалии русской церкви. Поставление ее главы, митрополита, зависело теперь только от воли великого князя, санкции константинопольского патриарха не требовалось; между тем верховенство в церковных делах считалось прерогативой только одного светского правителя – императора, «царя».

Идея о царском достоинстве московского великого князя неизбежно должна была прийти в противоречие с продолжавшимся признанием верховенства хана Орды (поскольку царь – правитель высшего ранга, полностью суверенный, он не может подчиняться другому царю).

После смерти Василия II (1462 г.) на престол вступил его старший сын 22-летний Иван. Уже на следующий год он присоединил (по договоренности с местными князьями) к московским владениям остававшееся формально самостоятельным Ярославское княжество. При этом великий князь не стал испрашивать ярлык на Ярославль у хана Большой Орды. Это вызвало ответную реакцию – в 1465 г. ордынский хан Махмуд двинулся походом на Москву. Но, находясь в верховьях Дона, он подвергся нападению со стороны соперника – крымского хана Хаджи-Гирея, был им разбит, и поход на Русь сорвался.

Следующим, и не имеющим аналогов по своим масштабам, стало присоединение Новгородской земли. Новгород со второй половины XIII в. признавал политическое верховенство великих князей Владимирских (т.е. в XV

столетии фактически московских), но практически сохранял полную самостоятельность, являясь по сути боярской республикой. В 1470–1471 гг. часть новгородской знати склонилась к переходу под сюзеренитет великого князя Литовского (он же король Польши) Казимира IV. Тогда Иван III выступил в поход на Новгород и нанес новгородцам летом 1471 г. поражение на р. Шелони; по заключенному тогда мирному договору к великому князю отходили новгородские «части» Волока Ламского и Вологды, в остальном же договор соответствовал «старине». Ликвидация новгородской независимости произошла позже, в результате похода великого князя конца 1477 – начала 1478 г. Формальным поводом стал отказ новгородцев именовать великого князя не только «господином», но и «государем» (понятием, подразумевавшим более высокую степень зависимости). Поход окончился капитуляцией новгородского боярского правительства на условиях Ивана III, требовавшего, чтобы Новгород не отличался по своему положению от других составных частей его государства.

Одновременно с шагами по подчинению Новгорода происходило обретение Московским великим княжеством государственного суверенитета – освобождение от верховной власти хана Орды. Поражение, понесенное ханом Большой Орды Махмудом в 1465 г. от крымских татар, привело вскоре к захвату верховной власти его братом Ахматом. Москва продолжала в конце 60 – начале 70-х годов XV в. соблюдать отношения зависимости и отправлять в Орду дань. Но в 1472 г. Ахмат отправился в поход на Москву. Причиной этого послужило приведение Иваном III в покорность Новгорода (поскольку Ахмат поддерживал претензии на него Казимира IV).

29 июля хан с крупными силами подошел к г. Алексину на правом берегу Оки. Гарнизон Алексина оказал упорное сопротивление и задержал противника на два дня. Когда город был взят и сожжен, на левом берегу Оки появились московские войска. Попытка татар переправиться через реку была отбита. В ночь на 1 августа Ахмат поспешно отступил.

Именно после отражения похода 1472 г. Иван III перестал выплачивать дань и начал переговоры о союзе против Казимира и Ахмата с крымским ханом Менгли-Гиреем. Это означало фактически прекращение состояния зависимости от Большой Орды. Однако при этом московский князь стремился не обострять отношения с нею, рассчитывая оттянуть новое столкновение. В 1473–1475 гг. продолжался обмен послами с Ахматом. Но в 1476 г., когда пошел уже пятый год неуплаты дани, посол хана прибыл в Москву с требованием Ивану III явиться в Орду. Великий князь не поехал, и конфликт стал неизбежным. Памятуя о неудаче 1472 г., Ахмат не выступал во второй поход до 1480 г., пока не договорился о военном союзе с Литвой. Летом 1480 г. он наконец двинулся на Москву и произошло так называемое «стояние на Угре» – двухмесячное противостояние ордынского и московского войск на реке, отделявшей московские владения от литовских, противостояние, в ходе которого ни одна из сторон не предприняла решительных действий. Казимир IV так и не пришел на помощь Ахмату, и в начале ноября, с наступлением холодов, хан увел войска в степь.

Таким образом, фактическое прекращение отношений зависимости с Ордой произошло в 1472 г., после первого похода Ахмата на Москву. В 1480 г. имела место попытка хана восстановить власть над Московским великим

княжеством, к тому времени уже не признаваемую. Поход хана был на сей раз основательнее подготовлен, но все равно не принес успеха. После отступления Ахмата и его скорой гибели (январь 1481 г.) в результате нападения сибирских татар и Ногайской Орды Большая Орда была уже не в силах претендовать на сюзеренитет.

Непризнание ордынской власти произошло в условиях, когда уже начала действовать идея перехода к московскому великому князю из павшей Византийской империи царского достоинства, несовместимого с подчинением ордынскому «царю». Таким образом, освобождение совершилось тогда, когда начала преодолеваться прочно укоренившаяся «ментальная установка» о законности верховной власти хана Орды над Русью, причем совершилось почти бескровно (хотя Орда в 70-е годы XV в. переживала последний всплеск своего военного могущества).

Большая Орда продолжала существовать еще два десятка лет под властью сыновей Ахмата. Иван III стремился нейтрализовать ее путем сохранения союза с Менгли-Гиреем, врагом Ахматовичей. В конце концов в 1502 г. крымский хан окончательно разгромил Большую Орду и включил остатки ее населения в состав своих подданных.

После освобождения от ордынской зависимости расширение владений великого князя Московского продолжилось. В 1485 г. с политической карты исчезло последнее самостоятельное княжество Северо-Восточной Руси – Тверское, когда-то ярый соперник Московского в борьбе за первенство. Оно было присоединено силовым путем; поводом послужили сношения тверского князя Михаила Борисовича с Литвой.

Иван III еще с 60-х годов XV в. предпринимал действия, направленные на приведение в зависимость от Москвы восточного соседа – Казанского ханства, занимавшего территорию в Среднем Поволжье. В 1467–1469 гг. было осуществлено несколько походов на Казань с целью посадить там на царство одного из представителей местной династии – Касыма, находившегося на службе у московских великих князей со времен Василия II (ему был пожалован Городец Мещерский на Оке, позднее ставший называться Касимовым). Цель эту достигнуть тогда не удалось, но в 1487 г. московские войска взяли Казань, и там был посажен по воле Ивана III пасынок его союзника крымского хана Менгли-Гирея хан Мухаммед-Эмин.

С 1487 г. начались пограничные войны с Великим княжеством Литовским. В ходе них ряд князей Рюриковичей из черниговского дома, сохранявших свои владения в пределах Литовского государства, перешел на сторону Москвы вместе со своими владениями. В 1500 г. московские войска разгромили литовские силы на р. Ведроше близ Дорогобужа. По двум мирным договорам с великим князем Литовским Александром Казимировичем (1494 и 1503 гг.) к Ивану III отходила обширная территория всей древней Черниговской земли (как ее верхнеокская часть, так и Северщина с городами Черниговом, Брянском, Новгородом-Северским и др.) и восточной части Смоленской земли (с городами Вязьмой и Дорогобужем). В 1489 г. к Москве была присоединена Вятская земля – область русской колонизации в регионе рек Вятки и Камы, где существовало общественное устройство по типу новгородского.

В последние годы правления Ивана III активно шло формирование институтов нового единого русского государства, а также его символики. Офи-

циальным титулом Ивана III становится «государь и великий князь всея Руси» (такая титулатура содержала в себе претензию на обладание всеми русскими землями, включая и те, что входили в состав Великого княжества Литовского). Формируется совещательный орган при государе – Боярская Дума, аппарат государственных чиновников – дьяков. В 1497 г. был принят Судебник – общерусский правовой кодекс, заменявший региональные юридические памятники, действовавший, в отличие от них, на всей территории государства. В 90-е годы XV в. утверждается государственный герб – двуглавый орел. Наконец, с конца XV в. начинает употребляться, первоначально наряду с традиционным «Русь», новое название государства – «Россия».

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Со второй половины XIV в., по мере разворачивания процесса объединения северо-восточных русских земель вокруг Москвы, происходил значительный рост частного крупного землевладения. Рост двора московских князей, необходимость обеспечения все большего числа служилых людей вызвали массовые раздачи государственных земель великими князьями в наследственное владение (вотчину) боярам и «слугам вольным». Большие территории жаловались и монастырям, поддерживавшим великокняжескую политику. В конце XV в. начинается новый всплеск земельных пожалований. После присоединения Новгородской земли Иван III конфисковал владения новгородских бояр и стал раздавать их бывшие земли служилым людям в «поместье». В отличие от вотчины поместье было владением условным: его нельзя было продавать, передавать по наследству, дарить; кроме того, поместье сохранялось за владельцем только до тех пор, пока он нес службу. Формально верховным собственником поместных земель оставался великий князь. Очень скоро практика поместных раздач была распространена и на другие области Московского государства, помимо Новгородской земли.

Знать в XIV–XV столетиях по-прежнему была организована в корпорации, носившие название «княжего двора». Верхний слой двора составляли бояре, низший – «слуги вольные», или дворяне. В XV в. появляется новый термин для обозначения низшего слоя великокняжеского двора – дети боярские. По мере формирования единого Московского государства стержнем социальной структуры становится великокняжеский (Государев) двор; дворы сохранявшихся удельных князей занимают подчиненное положение. С конца XV в. термин «боярин» приобретает значение придворного чина великого князя: боярами теперь называется узкий круг его приближенных, членов Боярской Думы – совета при государе.

Рядовое население Руси в XIV–XV вв. носило разнообразные наименования. Это и древние термины «люди» и «сироты», и названия конкретных групп, связанные либо с продолжительностью их проживания на той или иной земле (старожильцы, новоприходцы), либо с характером повинностей (серебряники, половники). Между тем, с конца XIV в. распространяется, а к

концу XV в. закрепляется общее наименование для земледельцев – крестьяне (т.е. «христиане»). Значительная часть крестьян по-прежнему зависела только от государства и носила название «черных» (т.е. податных), а занимаемые ими земли именовались «черными землями». В течение XV в. государство предпринимало меры против переходов крестьян из одного поселения в другое, бывших в то время распространенным явлением. К концу столетия устанавливается общегосударственная норма (закрепленная в Судебнике Ивана III, 1497 г.): переходить из одного земельного владения в другое (безотносительно, шла ли речь о вотчине, поместье или «черной», государственной земле) крестьянам разрешалось только за неделю до и неделю после Юрьева дня осеннего (26 ноября). Это было, впрочем, еще не закрепощение крестьянства, а только государственное регулирование внутренней миграции сельского населения.

Сохранялась в XIV–XV вв. и такая категория населения, как холопы – люди, находившиеся в собственности своих господ. Они могли сажаться господами на землю, быть домашними слугами, но нередко оказывались на высоких должностях в администрации господина.

Города на Руси, исключая Новгородскую и Псковскую земли, находились под контролем княжеской власти; князья и окружавшая их служилая знать постоянно проживали главным образом именно в городских поселениях. Торгово-ремесленное население городов имело свою организацию (купцы, как правило, по профессиональному признаку, ремесленники – по территориальному), но самостоятельной политической роли не играло.

Во второй половине XIV – XV в. в тесной связи с объединительными тенденциями на Руси происходит культурный подъем, формируются черты культуры единого государства. Если в XIII – первой половине XIV в. летописание отличалось ярко выраженным региональным характером, то с конца XIV столетия в Московском великом княжестве происходит возрождение летописания общерусской направленности, стремящегося охватить всю историю Руси начиная с киевской эпохи. К общерусским летописям относятся Троицкая летопись (начало XV в.), свод митрополита Фотия конца первой четверти XV в. (дошедший в составе Софийской I и Новгородской IV летописей), Московский летописный свод 1479 г. Целый цикл произведений – две повести в составе летописей и поэтическая «Задонщина» (в которой был творчески переработан текст «Слова о полку Игореве») – был посвящен победе над Ордой Мамае на Куликовом поле в 1380 г. В жанре Житий святых наиболее яркие произведения принадлежат таким писателям, как Епифаний Премудрый (конец XIV – начало XV в.) и Пахомий Серб (30–80-е годы XV в.), чья деятельность была тесно связана с подмосковным Троице-Сергиевым монастырем, являвшимся крупнейшим культурным центром той эпохи. Среди произведений Епифания – жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского, Пахомий оставил жития Кирилла Белозерского, Никона Радонежского, митрополита Алексея. Уникальным памятником является «Хожение за три моря» Афанасия Никитина (конец 60-х – начало 70-х годов XV в.) – рассказ тверского купца о его путешествии в Индию.

Конец XIV – начало XV столетия стали временем создания выдающихся произведений древнерусской живописи. В это время творили Феофан Грек

Русская государственность зарождалась в специфических природно-географических условиях. На Восточноевропейской равнине преобладают малоплодородные почвы, а вследствие суровых погодных условий очень короток сезон земледельческих работ. Это обуславливало низкую урожайность и, как следствие, невысокий объем прибавочного продукта, необходимого для существования в обществе групп людей, не занимающихся производительным трудом. Перед населением регионов, где господствуют столь неблагоприятные условия, стоят два возможных пути развития. Первый – остаться на догосударственной стадии, не «перенапрягать» общество созданием политической надстройки. Многие народы Восточной Европы – племена ее Северо-Востока, Среднего Поволжья (кроме волжских булгар), Восточной Прибалтики (кроме литовцев) – пошли именно по этому пути, и государственность к ним была привнесена извне, путем включения их территорий в XIII–XV вв. в состав Руси, Орды и Ливонского ордена. Другой путь – создание относительно жестких государственных структур, способных изъять, концентрировать и рационально распределять прибавочный продукт. Именно на этот путь встали восточные славяне. В раннее Средневековье, в эпоху Киевской Руси, главной чертой общественного строя было преимущественное взимание прибавочного продукта через государственные институты («государственный феодализм»).

Центр нового единого русского государства – Российского – формировался на северо-востоке русских земель, где еще в большей степени, чем в Южной Руси, ощущалось негативное воздействие природно-географического фактора, обуславливавшее низкую урожайность и недостаточное количество прибавочного продукта. При этом значительная часть и без того скромного прибавочного продукта уходила теперь за пределы страны в виде ордынского «выхода». Русская государственность, таким образом, была поставлена в еще более тяжелые условия, чем на этапе своего зарождения. Это неминуемо вело к определенной «жесткости» структур формирующегося государства. Только такая жесткость давала возможность как освободиться от ордынской зависимости, так и противостоять натиску сильного Литовского государства. Великое княжество Литовское и в XIV, и в течение большей части XV в. заметно превосходило Великое княжество Московское как по количеству населения, так и по территории (только после присоединения огромной Новгородской земли Московское государство стало крупнее, сразу оказавшись самым большим в Европе, но в основном за счет малонаселенных северных областей; по количеству населения Литва все равно его превосходила). Усилению Великого княжества Литовского способствовала династическая уния с Польшей. Это, правда, не привело к объединению двух государств, но временами они управлялись одним правителем (в 1385–1392 Ягайло, в 1447–1492 гг. Казимир IV). Литовские правители, владевшие значительной частью русских земель (они титуловались «великими князьями литовскими и русскими»), были не прочь подчинить себе всю Русь. Чтобы не попасть под литовскую власть самим и не дать Литве подчи-

Благовещенский собор Московского кремля. Конец XV в. Современный вид

и его младшие современники – Даниил Черный и самый знаменитый художник русского средневековья Андрей Рублев, автор бессмертной иконы «Троица».

В конце XIII – XV в. получило развитие строительство каменных храмов, прерванное на несколько десятилетий после монгольского нашествия. Немало выдающихся памятников архитектуры было создано в Новгороде: церкви Николы на Липне (1292 г.), Федора Стратилата (1360 г.), Спаса на Ильине (1374 г.). В Северо-Восточной Руси наиболее ранними сохранившимися до наших дней каменными храмами считаются Успенский собор в Звенигороде и собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре (начало XV в.).

Своеобразным итогом развития русской культуры эпохи формирования Российского государства стало создание в конце XV – начале XVI столетия при участии приглашенных из Италии зодчих архитектурного комплекса Московского Кремля – крепостных стен и соборов, центральное место среди которых занял Успенский собор, ставший главным храмом русской церкви.

Церковь Федора Стратилата на ручью. Великий Новгород. XIV в.

нить республики Северо-Запада, признававшие верховную власть великих князей Владимирских – Новгород и Псков, Московское государство должно было формироваться как архицентрализованное и максимально военизированное.

После ордынского нашествия слабеют традиционные в домонгольский период связи – экономические и политические, культурные и династические – со странами Европы. Формирующееся Московское государство оказалось в определенной мере «отрезано» от европейских стран Великим княжеством Литовским. Династические связи московского княжеского дома до эпохи Ивана III не выходили за рамки соседних русских земель, Орды и Литвы (исключение – замужество дочери Василия I за бра-

том императора слабеющей Византии). Новому крупному русскому государству – России – предстояло заново завоевывать себе достойное место на европейской арене. И уже в конце XV столетия, в период правления Ивана III, международные связи ширятся. Важным шагом здесь стала женитьба великого князя в 1472 г. вторым браком на племяннице последнего императора Византии Софье (Зое) Палеолог, подкреплявшая претензии московского правителя на византийское наследство. С конца XV в. завязываются постоянные дипломатические контакты со Швецией, Данией, а также двумя империями – Священной Римской (Германской) и Османской.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В XIV–XV ВЕКАХ

В середине XIV в. доминирующие позиции в Центральной Европе, включая Священную Римскую империю, заняло *Чешское королевство*. Новая династия Люксембургов стремилась укрепить свои позиции, подняв престиж страны в европейском масштабе. Иоганн (Ян) Люксембург проявил себя и крупным дипломатом, и образцовым «готическим рыцарем». Апогей чешской государственности и культуры был достигнут при его сыне Карле IV, соединившем чешскую и императорскую короны (1346–1378). Карл IV основал в Праге первый в Центральной Европе университет, вскоре приобретший европейскую известность и позже названный Карловым в честь своего основателя.

Монарх разработал новую чешскую этногосударственную идеологию, отразившуюся на страницах хроник и в деятельности государя. Чехия представляла как центр Европы, а Прага как Новый Иерусалим и Рим, т.е. новый центр всего христианства. Чехи позиционировались в качестве славного и богоизбранного народа, находящегося под особым небесным покровительством. При этом акцентировался их патриотизм и историческая традиция. Сам Карл IV написал ряд сочинений, в том числе автобиографию, установление о коронации чешского короля, житие св. Вацлава, свод законов («Маэстас Каролина»). В них он развивал, помимо указанных, новые идеи особой сакральной функции монарха как предстоятеля перед Богом за всех своих подданных. Свод законов, ограничивавших всевластие феодалов, хотя и не был принят, на практике внедрялся в действующее законодательство. Карл IV считал Чехию основой своей власти в империи, поэтому в основном мирным путем расширял ее границы и стремился к ее интеграции в имперскую структуру в качестве ее главного звена. Это нашло отражение в его Золотой булле 1356 г., на многие века вперед установившей систему власти в империи, где чешскому королю отводилась первая роль среди имперских князей.

Огромного размаха достигла строительная деятельность Карла IV. Собор св. Вита, Карлов мост в Праге, замок Карлштейн с его концепцией единства светской и сакральной функций монарха, а также ряд новых городов и поселений изменили облик страны, сделав ее столицу Прагу одним из крупнейших и красивейших городов Европы, политическим и культурным центром империи, генерировавшим новые идеи и формы культуры. Чехия стремилась также стать лидером славянского мира, что проявилось в отношениях с Польшей и Сербией, а также в восстановлении кирилло-мефодиевской традиции в деятельности основанного в Праге Эммаусского монастыря на Словаках. В идеологии подчеркивались темы общего происхождения славян и их языкового единства. Концепция многообразия в единстве выдвигала на первый план чешскую патриотическую традицию, интегрированную в европейскую систему ценностей.

Карл IV умело сочетал продуманную династическую политику с интересами всего общества, что обеспечило прочность его власти и огромную личную славу. При Карле IV Чехия достигла пика своего развития за всю ее историю. Однако экономический рост страны обозначил свои пределы, обусловленные структурой феодального общества и его экономики, поэтому в дальнейшем начался социальный кризис, не позволивший стране сохранить позицию лидера всего региона.

В середине XIV в. апогея своего развития достигает и *Польша*, хотя в более скромных масштабах, как внутренних, так и международных. Окрепшее в 20-х годах XIV в. Польское королевство установило дружеские отношения с Венгрией и Великим княжеством Литовским, стремилось к объединению всех польских земель. Дальнейшее усиление Польши произошло при Казимире III Великом (1333–1370). Он распространил польское влияние на Галицко-Волинскую Русь, нейтрализовал Тевтонский орден, остававшийся главной опасностью для Польши, поднял международный престиж страны, установив политическое равновесие в регионе (съезд монархов Центральной и Восточной Европы в Кракове в 1364 г.). Интенсифицировалась экономическая жизнь городов и особенно многочисленных местечек, которые, однако, не могли стать опорой королевской власти. Многочисленные князья оставались реальной силой. Статуты Казимира III были направлены на кодификацию обычного права и усиливали королевскую власть.

В *Венгрии* при основателе Анжуйской династии Карле Роберте (1308–1342) была сломлена оппозиция магнатов, проведен ряд внутренних реформ, в том числе военная, обязывавшая светских и церковных феодалов выставлять собственные полки (бандерии) в соответствии с размерами и доходностью земельных владений. Окончательно установилась социальная структура, характерная для феодализма. Было урегулировано и снижено налогообложение крепостного крестьянства. Успешно развивались города – горнодобывающие центры современной Словакии.

Усиление Венгрии продолжилось при Лайоше Великом (1342–1382), ставшим в 1370 г. также королем Польши (как Людовик Анжуйский). Он вел сложную внешнеполитическую игру, прежде всего в Италии и на Балканах, добившись выхода Венгерского королевства к Адриатике, установил союз с Чехией. Во внутренней политике происходит консолидация государства за счет временного подавления партикуляристских стремлений дворянства. Декреты короля установили единообразие форм феодальной собственности, но увеличили крестьянские налоги в пользу государства.

В Польше, наоборот, усиливалась власть магнатов, приведшая в результате с учетом отсутствия мужских наследников у короля к принципу выборности монарха шляхтой и прелатами. Стремясь удержать польский трон по женской линии, Людовик сделал важный шаг по расширению прав и привилегий шляхты (Кошицкий привилей 1374 г.), положивший начало процессу складывания особого польского типа власти, получившего позднее название «шляхетской демократии».

Принцип выборности польского короля реализовался в 1385 г., когда по Кревской унии королем стал муж дочери Людовика Ядвиги, уже обладавшей польской короной, великий князь Литовский Ягайло, принявший крещение и

Чехия, Польша, Венгрия в XV в.

правивший как Владислав II Ягеллон. Литовцы-язычники были крещены по католическому обряду, тогда как славянское население княжества сохранило православие. Кревская уния положила начало интеграции этнически славяно-литовского государства – Великого княжества Литовского, называемого также Русь Литовская, в польское государственное пространство, хотя Литва еще полтора века сохраняла значительную самостоятельность.

В Чешском королевстве при сыне Карла IV Люксембурга Вацлаве IV (1378–1419) начался кризис, охвативший все сферы жизни, но прежде всего глубоко затронувший политическую и религиозную области. Резкое ослабление королевской власти и усиление группировок магнатов дестабилизировали ситуацию. Вацлав IV так и не стал императором, был дважды взят в плен собственными вассалами и лишен титула римского короля в пользу своего брата Сигизмунда, совместившего императорскую корону с венгерской (король с 1387 г.).

На кризис, разразившийся в Католической церкви на рубеже XIV–XV вв., особенно остро отреагировало чешское общество. В Пражском университете на основе идей английского реформатора Джона Уиклифа сформировалась группа магистров, требовавшая «очищения церкви». Она положила начало мощному гуситскому движению, в идеологии и деятельности которого соединились религиозные и социальные аспекты.

Ян Гус как богослов и проповедник выдвинул новое, демократическое понимание церкви, обличал грехи и общественную несправедливость, творимую клириками и дворянами, призывал к моральному совершенствованию и нравственному сопротивлению злу. В борьбе со злом главную роль он отводил светской власти. Церкви же надлежало вести бедную и высоконравственную жизнь, не вмешиваясь в светские дела. Социально-этическая проповедь Гуса сделала его самым популярным человеком в стране. Он также зарекомендовал себя как чешский патриот, проведя реформу Пражского университета, в результате которой его управление перешло от немцев к чехам. Немцы покинули стены университета, основав высшую школу в Лейпциге. Пражский университет же превратился из международного центра в чисто национальное учебное заведение, пришедшее в упадок к середине XV в.

Критические выступления Гуса и волнения пражских студентов вызвали негативную реакцию светской и церковной власти, обвинявшей Гуса в ереси. Он был вынужден покинуть Прагу. Созванный в 1414 г. в Констанце церковный собор, который был призван покончить с расколом Католической церкви и осудить ереси, вызвал его на суд. Желая доказать свою правоту, тот отправился на собор, получив гарантии безопасности от императора Сигизмунда, но был осужден как еретик и сожжен в 1415 г. Его казнь вызвала возмущение всего чешского общества, увидевшего в этом «поругание славного Чешского королевства».

Гуситское требование установления «правды Божьей» на земле было направлено прежде всего против деградировавшей церкви. В борьбе с ней как главным средоточием всех зол и общественных пороков объединились основные силы общества – дворянство, прежде всего среднее и мелкое, чешское население городов, духовные и светские интеллектуалы и крестьянство. Социальная и религиозная стороны гуситского движения были неразрывно связаны. Изменение религиозных взглядов повлекло за собой борьбу за их реализацию.

С 1419 г., когда произошло восстание в Праге, начался период гражданских войн и интервенции, называемый гуситскими войнами (чешская наука предпочитает термин «гуситская революция»). В ходе них произошло размежевание гуситского движения на умеренных (пражан) и радикалов (таборитов, названных так в честь горы Фавор, где по Евангелиям произошло преображение Господне, и основавших город-крепость Табор). Их объединяли «Четыре пражские статьи» – первый общественный документ реформационного характера в Европе, а также причащение мирян, как и клириков, под обоими видами – хлебом и вином из чаши (поэтому гуситов называют также подобоями и чашниками), создание собственной чешской гуситской церкви, которая, однако, хотя официально не отделилась от Римско-

Ян Жижка. Инсбрук, замок Амбрас © 2011. Photo Scala Florence

католической, в глазах последней оставалась еретической организацией. Среди гуситских радикалов распространились идеи хилиазма (или миллениаризма, от греч. или лат. варианта слова «тысяча») о скором пришествии Христа, его тысячелетнем царствии и Конце света.

Табориты создали свою военно-социальную организацию, направленную на войну с противниками, которыми объявлялись все несогласные с ними. Война должна была очистить землю от грешников, тем самым создав условия для пришествия Христа. Таборитское войско, получившее название «божьих воинов», под командованием Яна Жижки не знало поражений. Отражая крестовые походы против гуситов, орга-

низуемые императором Сигизмундом, успевшим захватить чешскую корону, табориты активно применяли огнестрельное оружие и тактику военных возов, образующих «крепости на колесах», что позволяло их крестьянскому войску пехотинцев громить рыцарскую тяжелую конницу. Новаторским было «Военное уложение» Жижки, в котором содержалось обоснование необходимости строгого единоначалия и дисциплины войска, воодушевляемого чисто идеологическими принципами. В 1420 г. восставшие одержали ряд решительных побед над императорскими войсками.

В условиях отсутствия центральной власти и существования нескольких политических центров, а также учитывая то, что подавляющая часть магнатов, их крестьян и немецкое население многих городов оставались католическими, была сделана успешная попытка создать земское правительство. Чаславский сейм 1421 г. положил начало чешскому парламентаризму и власти сословий, из числа которых было исключено духовенство.

Резко усилилась политическая роль городов во главе с Прагой, получивших представительство на сеймах. Города стали воевать с таборитами, что ослабляло позиции гуситов в целом. Попыткой их укрепления явились походы гуситских войск в соседние провинции и государства (Моравия, Германия, Австрия, Силезия, Лужицы и др.), наводившие ужас на всю Европу, но не принесшие гуситам новых союзников. Задуманное как общехристианское движение за очищение церкви и общества, начавшееся среди «богоизбранного народа» – чехов, гуситское движение постепенно стало сугубо национальным. Поэтому в нем появляются антинемецкие и патриотические элементы.

В начале 30-х годов XV в. обозначился кризис гуситского движения, прежде всего внутренний, так как постоянное существование полевых войск оказалось бесперспективным. Также стало очевидно политическое равновесие гуситского лагеря и чешского католического дворянства во главе с Сигизмундом. Начавшееся в Католической церкви «соборное движение», направленное против примата пап, позволило всем гуситам во главе с лидером таборитов Прокопом Голым пойти на переговоры с Базельским собором. Продолжив переговоры в Праге, делегаты собора смогли расколоть гуситов, признав причащение из чаши, что привлекло на их сторону города и дворянство. Установлению мира в стране мешали табориты. Их войско было разбито другими гуситскими войсками в битве у Липан в 1434 г., положившей конец гуситским войнам. В 1436 г. Базельский собор признал «компактаты» – документ, по которому за чехами признавалось право на гуситскую конфессию. Это было большим дипломатическим успехом гуситов.

Победа умеренных гуситов стабилизировала положение в стране. Церковь потеряла свои владения и авторитет. Резко возросло могущество городов, прежде всего политическое. Усилились экономические и властные позиции всей шляхты, поскольку она присвоила себе церковные земли. Произошла общая демократизация общества, ослабла королевская власть, новым центром власти стал сословный сейм.

В культуре значительные позиции занял чешский язык, вытеснивший латынь из церкви и светских учреждений. Переживала свой расцвет полемическая литература. Возник принципиально новый жанр – гуситская песня как синтез хорала, боевой и народной песни. Гусизм стал первым в Европе реформационным движением, причем победившим. Но это лидерство Чехии оторвало ее от контекста европейского развития. «Страна еретиков», реформационные устремления которой через сто лет будут продолжены лютеранской Реформацией, становится провинциально замкнутой и в европейском масштабе маргинальной. Наличие в Чехии двух конфессий создало ситуацию «раздвоенного народа», что несло в себе потенциальную опасность.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ XV в. «ЭПОХА УНИЙ»

В Венгрии Сигизмунд как венгерский король (1387–1437) постоянно шел на уступки дворянству, одновременно улучшая положение крестьянства. Так, в 1405 г. он подтвердил право крестьянского перехода и узаконил меры, охранявшие крестьян от произвола феодалов. Попытки дворянства свергнуть Сигизмунда не увенчались успехом. Сигизмунд стремился укрепить церковь, расшатанную папской схизмой и ересями. С целью остановить турецкую экспансию в Европе он организовал крестовый поход на Балканы, однако в 1396 г. в битве у Никополя его войска были разгромлены турками.

В Польше начало XV в. проходит под знаменем борьбы с Тевтонским орденом. Блестящая победа объединенных сил польско-литовского войска над тевтонскими рыцарями (Грюнвальдская битва, 1410 г.) не принесла ощутимых результатов. Последовавшая война выявила разногласия между королем

Владиславом II и великим князем Литовским Витовтом, что способствовало быстрому восстановлению Ордена, поддержку которому оказывал Сигизмунд. Городельская уния 1413 г. закрепила государственную самобытность Великого княжества Литовского, ставшего при Витовте (1392–1430) сильнейшей многонациональной и поликонфессиональной страной Восточной Европы, государственным языком которой оставался «русский» (старобелорусский). Украинское и белорусское население сохраняло православие. Связанное унией польско-литовское государство занимало огромную территорию и превратилось в мощный фактор политической жизни всего региона.

Стремясь закрепить польский трон за своими сыновьями от четвертого брака, Владислав II (1385–1434) идет на уступки шляхте, издавая привилеи о личной и имущественной неприкосновенности шляхтича. Владислав IV Варненчик, став королем Польши и Венгрии, предпринял новый поход против турок, но битва под Варной в 1444 г. закончилась полным разгромом христианского войска и гибелью короля. В Польше власть фактически перешла к олигархии во главе с архиепископом Збигневом Олесницким. Реальное объединение Польши и Литвы наступает при Казимире IV Ягеллончике (1447–1492), получившем обе короны.

По Нешавским привилеям 1454 г. власть короля несколько ограничивалась шляхтой, без согласия которой, выраженного на местных сеймиках, он не мог вводить новые законы и созывать всеобщее ополчение. В экономической сфере интересы городов ущемлялись в пользу шляхты. Тринадцатилетняя война с Тевтонским орденом (1454–1466) закончилась возвращением короне Гданьского Поморья.

В Венгрии в 1444 г. дворянство избирает королем ребенка Ласло (Ладислава) Постума (Посмертного) из династии Габсбургов, при котором реальным правителем («губернатором»), избранным государственным собранием, становится герой турецких войн магнат Янош Хуньяди. Его сын после неожиданной смерти Постума избирается венгерским королем, известным как Матьяш Корвин (1458–1490).

Матьяш Корвин (Хуньяди)

Смерть Яноша Хуньяди привела к внутренней борьбе между венгерскими магнатами, в ходе которой погиб старший брат Матьяша Ласло. Сам 14-летний Матьяш оказался в качестве заложника у Иржи из Подебрад в Праге. После того как сторонники рода Хуньяди всё же одержали победу в борьбе за власть, Матьяша официально избрали венгерским королем, и он был отпущен из плена (для освобождения Матьяш пообещал жениться на дочери Иржи). Процедура избрания проходила на льду замерзшего Дуная, где 40 тыс. венгерских дворян сделали свой выбор. Матьяш стал первым венгерским королем (после пресечения династии Арпадов в начале XIV в.), не принадлежавшим к какой-либо правящей европейской династии.

Представители крупного дворянства рассчитывали на то, что молодой и неопытный Матьяш не будет управлять самостоятельно, но их надежды не оправдались. За время правления Матьяша влияние крупной знати значительно уменьшилось. При поддержке среднего дворянства он подавил движение гуситски настроенных словаков-«братриков» на севере Венгрии и магнатскую оппозицию.

Укрепление королевской власти, реформы и создание сильной королевской армии превратили Венгрию в процветающее государство. Талант политика и полководца принес королю высокую оценку современников, например, Филипп де Коммин назвал его одним из трех самых могущественных людей, правивших в XV в. (наряду с Людовиком XI и Мехмедом II), отметив, что он, сам во всё вникая и с одинаковой мудростью, принимал решения как при ведении военных действий, так и во внутренней политике.

В правление Матьяша Корвина его столица Буда стала центром венгерского гуманизма и ренессансного искусства. Библиотека Корвиниана считалась современниками одной из лучших в Европе. Матьяш начал расширять границы своего государства, но вел войны не против турок, так как считал это бесполезным и вредным для Венгрии, а с Чехией и Австрией, стремясь укрепить в Центральной Европе свою власть, которую он стал рассматривать как абсолютную. Перенесение резиденции двора в Вену в 1485 г. подчеркнуло эту тенденцию.

Консолидация Чешского государства и общества после гуситских войн была достигнута при Иржи из Подебрад, бывшим, как и Матьяш Корвин, с которым он породнился, лидером национального магнатства. Иржи из Подебрад (с 1452 г. «земский правитель» при малолетнем Ладиславе Постуме, избранный сеймом король в 1458–1471 гг.) опирался на среднее гуситское дворянство и города, проводил внешнюю политику, направленную на преодоление изоляции Чехии.

«Гуситский король» впервые в Европе разработал идею мирного сосуществования государств и создания межгосударственного органа («Христианская лига»), который объединял бы европейских государей для общей борьбы с турецкой агрессией. Римский же папа Павел II вновь объявил гуситов еретиками, а Иржи – лишенным трона (1466 г.). Матьяш Корвин начал войну с ним под этим предлогом. Он занял Моравию и был провозглашен частью шляхты чешским королем. Фактически земли Чешской короны оказались разделенными, но, благодаря политической мудрости Иржи, вновь были объединены при намеченном им преемнике – Владиславе II из династии Ягеллонов, избранном королем Чехии (1471 г.), а затем Венгрии (1490 г.).

В конце XV в. в Центральной Европе настает период сильной власти сословно-представительных органов и магнатских родов, преследующих собственные цели, что ослабляло государства региона перед лицом османской агрессии. Демократизм победившего гусизма, мультиконфессиональность и многонациональный состав всех государств региона обусловили ситуацию вынужденной толерантности. Появление в регионе элементов культуры ренессансного типа свидетельствовало о сохраняющихся связях с общеевропейским развитием.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Эпоха с середины XIV до середины/конца XV в. имела в жизни Европы свои особые черты – согласно господствующей в исторической традиции точке зрения, она завершает Средневековье и готовит переход к Новому времени, – и вместе с тем эта эпоха не лишена консервативных тенденций, уже наметившихся до этого. Центробежные и центростремительные процессы, при сохранении известной инерции, изменили свою направленность: если раньше источниками и опорами интеграции служили католическая и имперская идеи, то теперь их подрывает формирование национально-территориальных монархий, причем на обочине этого процесса остаются именно оплоты церкви и империи – Италия и Германия. (В дальнейшем, в эпоху Реформации, происходит и церковный раскол по линии Север–Юг.) Основу новой европейской интеграции, начинающей вовлекать в свою орбиту и географическую периферию Европы, в том числе Россию, наряду с прочими экономическими и культурными факторами составляет необходимость противостоять османской опасности (после развала Византии) и культурный переворот, изменивший мировосприятие средневековых европейцев и известный под названием Возрождение (Ренессанс).

МЕСТО РЕНЕССАНСА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДА

Если в основе средневековых хронологий и периодизаций лежали религиозные (от сотворения мира, от Рождества, Хиджры) или политико-династические представления (мировые монархии), то Ренессанс ввел используемую до сих пор историко-культурную (в самом широком смысле) трехчастную периодизацию – Античность, Средние века, Новое время. Любопытно, что понятие «эпоха Возрождения» не получило такого же универсального использования, как вышеназванные. Видимо, это связано с тем, что Ренессанс проявился преимущественно в виде феномена культуры в узком смысле, затронувшего искусство, литературу и общественную мысль и в гораздо меньшей степени политические и экономические структуры. Тем не менее мы имеем дело с редким во всемирной истории случаем, когда преимущественно культурное течение дало или может претендовать на то, чтобы дать свое имя целой эпохе.

При этом феномен Возрождения остается спорным почти во всех его чертах: был ли это исключительно европейский или даже итальянский феномен, т.е. зародился он в одном месте и оттуда распространялся или закономерно возник вследствие общих исторических причин в разных странах (и даже возникал в разных цивилизационных сообществах), – отсюда отшумевшие споры о русском и восточном Возрождениях. Ограничивать ли это

явление только периодом перехода от Средневековья к Новому времени, или культурные возрождения возникают и в иные переходные эпохи (например, Каролингское возрождение)?

Каковы хронологические рамки этого периода? Некоторые историки возводят его начало чуть ли не к XII в., хотя наиболее распространенной является датировка серединой XIV в., а также рамки внутренней периодизации Возрождения, которое принято делить на Раннее (плюс иногда Предвозрождение – Проторенессанс), Развитое и Высокое, или Позднее. Поскольку ренессансные течения существовали и развивались неодновременно в разных странах и в разных отраслях культуры и искусства, создать общую периодизацию затруднительно; в Западной Европе эти течения оказывали заметное влияние иногда до середины XVII в., а в других регионах Европы и намного позже.

Наконец, каково отношение Возрождения к Средним векам и Новому времени: включать ли его полностью в рамки этих эпох, противопоставлять им или считать самостоятельным периодом – на этот счет историки разных школ придерживались иногда противоположных мнений. Видимо, зыбкость суждений об эпохе Возрождения связана с тем, что ее предмет принадлежит к субъективной, изменчивой и, как правило, неосязаемой сфере художественного и гуманитарного творчества. Как бы то ни было, бесспорно, что XIV–XV вв. (и почти весь XVI) в Западной Европе проходят под знаком Ренессанса и так или иначе отмечены его влиянием.

Ренессанс, разумеется, достаточно условное историческое понятие, за которым стоит преимущественно духовная реальность – мир вкусов, предпочтений, стилей, убеждений, традиций и приемов. Они воплотились в конкретных художественных и публицистических произведениях, в постройках, наверное, также в событиях и поступках людей той эпохи. Но даже в сравнении с такими общими и дискуссионными понятиями, как «феодальный» и «капиталистический», за которыми стоят представления о более или менее определенных принципах построения хозяйственных и властных отношений, понятие «ренессансности» как узкокультурное проигрывает с точки зрения его объективной обоснованности.

Сам феномен Возрождения мы связываем в первую очередь с резко усилившейся к середине XIV в. модой на греко-римскую древность (но верно и то, что целиком она никогда не угасала, а с начала XIII в. постепенно нарастала). При этом происходит некоторая переориентация с «прикладных» дисциплин на филологию и изобразительное искусство.

«Чем, думаешь, заняты правоведаы, чем – врачи? Юстиниана и Эскулапа они уж знать не знают, воплей клиентов и больных не слышат: оглохли, ошеломленные громкими именами Гомера и Вергилия, и под шум аонийского источника бродят по рощам киррейских долин... Плотники, суконщики, земледельцы, забросив плуги и прочие орудия своих искусств, бредят музами и Аполлоном».

Ф. Петрарка. Из Писем о делах повседневных / Пер. В. Бибихина.

Фактически был выдвинут тезис о восстановлении античного образа жизни как более привлекательного и «правильного» по сравнению с сегодняшним и вчерашним. Речь шла не просто о подражании неким утрачен-

ным и вновь обретенным традициям или образцам – античная культура была осмыслена как самостоятельная, особая, другая, противостоящая иным эпохам – отсюда впоследствии и развилось представление о «Среднем веке» – периоде забвения и упадка, а также о современности (*modernitas*), с которой стала связываться не только идея возврата и восстановления, но и понимание ее самоценности и своеобразия. Именно тогда начался (или получил решающий толчок) грандиозный процесс перемены знака в европейском и затем, под его натиском, в общечеловеческом самосознании – прощание с ценностью старины, подражания, данности и завершенности мира, и старт погони за новым.

Этот процесс начался не с каких-то технических изобретений и открытий, даже не с открытия новых земель (скорее оно было следствием перемены установок) и не с увеличения прибавочного продукта, часть которого, поступая на рынок, содействовала развитию денежного оборота, торговли и банковского дела, купеческого самосознания и предприимчивости индивида, а там, как предполагается, и осознанию его самоценности. Наверное, все эти вещи взаимосвязаны и должны рассматриваться в данном контексте; трудно сегодня утверждать и то, что с эпохой Возрождения наступил новый этап самореализации мирового духа или что идеи ее гениев, которыми она была так богата, составили дух времени и повернули человечество на новый путь. Важно лишь сказать, что расщепление культурного сознания (так можно охарактеризовать ощущение гуманистами своей принадлежности одновременно к двум разным культурным эпохам), каковы бы ни были его конечные и глубоко скрытые причины, имело очень далеко идущие последствия.

Этот до конца не сразу понятый порыв вести диалог с прошлым – диалог, по сути, с иных позиций, это отрицание определенных культурных установок ради других (сначала ради подражания) сломали, говоря банальным языком, лед традиции, развязали умственные путы, извлекли на свет идеал «свободы», которому суждено было сыграть важнейшую роль в дальнейшей истории, хотя за протекшие века этот идеал несколько потускнел и породил много новых вопросов.

Указанный переворот произошел в гуманитарной сфере, он был связан с переосмыслением понятия человека и соответственно его взаимоотношений с себе подобными, с Богом, с представителями других народов, рас и сословий. Он был связан также со средствами самовыражения человека – с языком и филологией – миром символов культуры и способов их использования в искусстве, политике и всех сферах жизни.

В целом Возрождение представляет собой переходный этап в истории одного культурного мира («старого»), когда темп перемен в разных сферах его жизни значительно ускорился и появились, под видом возврата к забытому первоначальному, некоторые новые явления. Процессы, происходившие в головах, безусловно, протекали во взаимозависимости с теми изменениями, которые наблюдались во всех отраслях жизни общества, в том числе и с самыми медленными структурными изменениями в его отношениях с окружающей средой, в демографической картине и в экономике.

Жизнь Европы во второй половине XIV – XV в. можно воспринимать под знаком своего рода «сейсмических» сдвигов в ее базовых основах, сдвигов, имеющих квазифизическую природу. Это изменение геополитической карты, связанное с падением Византии и выдвижением претензий Османской империи на гегемонию в Средиземноморье, смещение торговых путей, связывавших Европу и Восток со времен Античности до конца эпохи Крестовых походов, и активизация мореплавания, которая привела к лавине географических открытий, так называемому открытию Нового мира, сопровождавшемуся бурной миссионерской деятельностью Католической церкви. Это демографическое обновление и рост европейского населения после разрушительной эпидемии Черной смерти в середине XIV в., сократившей его почти вдвое. Все это происходило на фоне расширения рыночных обменов, формирования механизмов кредита и денежного обращения, увеличения населения городов и их политической роли, развития обслуживающих отраслей, не связанных непосредственно с сельским хозяйством.

Изменилось отношение к деньгам и понимание их природы. В Средние века ростовщичество было резко осуждаемо не только в связи с библейскими заветами, но и потому, что приращение денег казалось противоестественным, поскольку представляло собой «торговлю временем», а время принадлежало только Богу.

В эпоху Возрождения время стало ощущаться как почти материальная ценность (например, в «Книгах о семье» Л.Б. Альберти), и то, что деньги приносят прибыль «сами по себе», стало выглядеть естественно. Но несмотря на развитие кредитно-финансовых отношений, риски банков были чрезвычайно велики, и взимаемые ими проценты иногда не уступали ростовщическим (30–100% годовых). В банковском деле, как и во многих других отраслях, первенствовали итальянские города. Само слово «банк» итальянское, обозначающее прилавок менялы (banco). В XV в. в обращение входят переводные векселя, облегчающие проведение безналичных операций, вырабатывается система бухгалтерского учета («Трактат о вычислениях и записях» Луки Пачоли, 1494 г.). Предшественницей будущих фондовых бирж стала ярмарка в Лионе. Но тон на ней задавали итальянские купцы. Первая товарная биржа была основана в 1406 г. в Брюгге, главном ярмарочном центре на Севере Европы, а во второй половине века она переместилась в Антверпен. Само понятие предположительно возводится к латинскому слову bursa («кошелек») и производным от него. Во второй половине XV в. появляются специальные кредитные учреждения для неимущих, в которых можно было получить, оставив залог, сумму под небольшие проценты. Начало им положили францисканские монахи, ссылаясь на благотворительные цели, и они носили название Monti di pietà, в приблизительном переводе: «фонды, или кассы милосердия», в дальнейшем – ломбарды.

Финансовые капиталы, измерявшиеся в рассматриваемый период миллионами золотых денежных единиц, вырастали благодаря расширению обменных, рыночных процессов, увеличению объемов производства и торговли. В Западной Европе в XIV в. сформировались два основных центра экономического притяжения: средиземноморский с преобладанием морских республик Венеции и Генуи и северный, где первоначально главенствовал

Брюгге. Основное преимущество южного центра составляла высокодоходная торговля с Востоком, до XVI в. почти монополизированная итальянскими городами. Они ввозили пряности, прежде всего перец, который ценился наравне с деньгами, а также шелковые ткани и предметы роскоши. На Востоке пользовались спросом европейские сукна и серебро. Фактории итальянских купцов были также центрами торговли рабами, которые поступали через Крым иногда десятками тысяч.

Северный торговый путь проходил через Балтийское море, по нему из восточных стран Европы поступали главным образом продукты сельского хозяйства и промыслов (хлеб, скот, лес, меха, воск), а в обратную сторону везли готовые товары, ткани, вино, металл и металлоизделия. К началу XV в. эту торговлю монополизировали ганзейские города. Прибыль от нее была в несколько раз меньше по сравнению с левантинской и потому средиземноморские гребные суда (галеи) были здесь не рентабельны, так как требовали большой команды. Зато ганзейские парусные «когги» стали основой для совершенствования парусной оснастки, подготовив «морскую революцию». Торговые компании представляли собой различные виды товариществ, иногда исключительно на семейной основе, иногда с привлечением сторонних капиталов. Крупнейшие компании, занимавшиеся сухопутной торговлей, в XV в. были также итальянскими и немецкими (Великое Равенсбургское товарищество, основанное в 1380 г., объединяло более 100 семей). Крупные торговые города, как правило, первенствовали и в экономическом развитии в целом.

Передовой отраслью этого периода являлась текстильная промышленность, центрами которой были города Фландрии, работавшие на английской шерсти, и Италии, прежде всего Флоренция. В текстильном производстве раньше всего возникают элементы мануфактуры, основанной на разделении функций изготовления и сбыта (рассеянная мануфактура, когда торговец снабжал ремесленников сырьем и забирал у них готовый товар), а также на специализации по стадиям производства.

Рост экономики сопровождался и был связан с прогрессом всесторонней специализации: в отдельных городах, провинциях и регионах Европы культивировались определенные отрасли хозяйства. В Северной Европе, в частности, производились более грубые сукна, в Италии – дорогие ткани, здесь также находились центры кораблестроения и металлообработки (Милан и его окрестности). Металлургические центры были привязаны к месторождениям: в Англии добывались олово и свинец; медь, серебро и золото в Германии и Чехии, железо в Германии и Швеции. В это время в большинстве европейских стран утвердился принцип горной регалии, т.е. права верховной власти распоряжаться недрами (в Германии им обладали курфюрсты). Регалия обычно предполагала и горную свободу, возможность заниматься добычей для всех желающих при условии уплаты подати (примерно 1/10 продукции) и других сборов. Горное дело и металлургия были отраслями, где в первую очередь внедрялись новые технологии. Шахты стали глубже, для взрывных работ использовался порох, для обогащения руд – флотация, т.е. разделение измельченных частиц руды в водной среде. В XIV–XV вв., благодаря распространению высоких сыродутных печей (Blauofen) увеличивается производство чугуна и изделий из него, в том числе пушечных ядер, а затем, поскольку железо начинают получать не прямо из руды, а переделом из

Incipit epla beati iohanni p ad pauli
nu prebiteru de omnibus diuine huius
torie libris. Capitulum primum.

Rate ombrosius
tua michi inuiscu
la preteritis. dicitur
sunt et suauissimas
litteras: que a prin
cipio amicitias huius
probat iam fidei et caritatis amicitie
prebent. Mira tui illa familiaritas et
et spi gladio copulata: qua non utili
tas et familiaritas. non presentia tantu
compos. non subtilitas et pspas adulato:
sed dei amor et diuinau scilicet caru
studia conuolant. Egregius in uerbis
historijs. quodam laetitia. pruitas.
nouos adijle ppos. maxima taliter
ut eos quos se libere nouerat. coram
q; uiderent. Sic pitagoras triumph
nos uacat. sic plato egripit. et archi
tam tarentinu. tamq; ora ytalie. que
quondam magna greca dicebat: labo
mosissime peraguerit ut qui aduersus
mgi regit et potens. cuiusq; dodrina
achademir gignasia psonabat. fuit
pregnanus atq; discipulus: malus a
lima uerecunde dicitur: q; sua impu
derate ingreter. Deniq; cum litteras
quasi toto corpore fugientes persequitur.
captus a piratis et uenidatus. oratio
no crudelissimo paruit. dudus capti
uus onud et seruus: tamen quia phi
losophus: maiore annuit se fuit. ad
uolunt. laetia eloquentie fone ma
nanem. de ulnime hispanie galliacu
q; huiusmodi quodam uenille nobiles
legimus: et quos ad conuulplamini
sui roma non traiecit: unius homi
nis fama produxit. Habuit illa res
inaudiam omnibus seculis. celebra
dumq; miramulum: ut urben tatem

ingressi: aliud terra urbem querebant.
Pythilom? fuit ille mag? ut uulgus
loquitur. fuit ppius ut pitagora ca
dunt. itauit pias. pialitit tatali.
albanos. scithos. massagras. opu
lentissima indit regna praeuauit: et
ad eternum latissimo phyloti amne
talitullo puitit ad braguanas: ut
hyarum in throno fentit auro. et de
tatali fone potantem. inter paucos
discipulos. de natura. de morib; ac de
curfu dicit et fideri audiret docentem.
Quid p flammis. babilonios. chalde
os. mydos. assyrios. parthos. syro
pharicos. arabes. palestinos. reuer
sus ad alexandria. pergit ad ethio
piam: ut gignosophitas et famossili
mari solis metam uidet i tabulo.
Inuenit ille uir ubiq; quod diceret: et
lang proficere. fempit se melior fie
ret. Scripsit super hoc plenissime octo
uoluminibus. phylotatus. II.

Quid loquar de seculi hominibus:
cum apostolus paulus. uas
intonis. et magister gentium. qui de
consentia tant in se holpino loque
batur. dicitur. An repetendum que
ritas eius qui in me loquitur talis.
post damasum arabiaq; iustitiam.
alantem iherosolimam ut uidet pmi
et mactat apud cum dicitur quindici.
Hoc tui mistro rhodomadis et o
gdoadis: futur? gentium predicator
iustitiam fuit. Rursumq; post an
nos quatuordecim assumptum barba
ba et cro. reposuit cum apostolis in
angelium: ne forte i uacuum eueret
aut euerit. Habet nescio quid la
tentis integritate uir uos adus: et in
aure discipuli de audito ore canel
fusa: fone sonat. Unde et elchius cu
rodi regularet et legret illa amotatio.

чугуна, в конце этого периода появляются доменные печи (Hochofen) с непрерывным процессом плавки. Важнейшими отраслями-потребителями новых продуктов и технологий были военная, в связи с развитием огнестрельного оружия, и кораблестроение. В Италии появились многомачтовые корабли, способные совершать океанские плавания. Крупное производство требовало применения довольно сложных механизмов с приводом от мускульной или конной тяги, а также от водяного колеса. Для очистки каналов и мелиорации проектировались землеройные машины.

Книгопечатание

Использование бумаги способствовало возникновению книгопечатания, уже известного к тому времени на Дальнем Востоке, но не получившего широкого распространения. Его начало в Европе связывается с именем Иоганна Гутенберга (ок. 1400–1468), хотя печатание с металлических и деревянных (ксилография) досок практиковалось и ранее. Гутенберг примерно в начале 40-х годов изобрел новый способ набора с помощью шрифта в виде литых металлических литер с обратным начертанием букв и пресса для печатания текстов, набранных с помощью этих литер. К середине XV в. относится издание двух первых Библий, изготовленных таким способом, а к концу столетия насчитывалось уже порядка тысячи типографских предприятий (больше всего в Италии и Германии), опубликовавших от 30 до 40 тыс. названий книг.

ПЕРЕМЕНИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Появление новых изобретений и технологий предвещало новые времена, но оно явилось, в свою очередь, порождением меняющегося отношения человека к миру, переноса внимания на более близкие, конкретные цели. Европейские народы в этот момент набрали на своем пути на формулу гармонического отношения к природе, не основанного на разрыве, господстве или подчинении. Конечно, такое состояние умов, на какое-то время ставшее главенствующим благодаря усилиям тогдашних интеллектуалов, явилось закономерным результатом многих исторических, географических и культурно-хозяйственных обстоятельств. Но вместе с тем оно было и счастливой находкой.

Объяснять глубинные перемены, происходившие и в хозяйственной, и в политической, и в социальной жизни Западной Европы на рубеже так называемого раннего Нового времени только культурными и духовными феноменами представляется, наверное, неправильным. Но именно они придавали этой эпохе своеобразие как в самых ярких и внешних (художественных) ее проявлениях, так и в более отдаленных от узкокультурной сферы новациях, оказавших воздействие на государственную и общественную жизнь. Речь идет не только о Возрождении, но и о тех течениях, которые как бы противостояли ему, представляя традиционную средневековую культуру и одновременно по-своему отвечали на новые запросы. Подобным образом позднее в ответ на церковную Реформу началась Контрреформация.

Конец XIV и XV в. в Европе ознаменовались очередными всплесками и оживленными проявлениями религиозного чувства. Широко распространя-

ются религиозные братства, особенно среди горожан, в рамках католицизма зарождаются новые, не всегда ортодоксальные течения, вызывающие подозрение у церкви. В Италии – это терциарное движение, затронувшее светскую среду, отразившееся в деятельности Савонаролы и его последователей, в Северной Европе – движение «нового благочестия». Кроме того, элементы рационализма, т.е. стремления строить картину мира и человеческую деятельность на умопостигаемом знании и опыте, вступили в данную эпоху в своеобразное сочетание с традиционными представлениями о прямой связи духа и материи, об антропоморфности природы. Отсюда увлечение магией, астрологией и алхимией, начало охоты на ведьм и введение с конца XV в. в повседневную практику «ведовских» процессов.

Нужно иметь в виду, что культурный поворот не был столь уж радикальным, по крайней мере внешне он происходил в рамках готовых и традиционных форм духовного быта. И осмыслен он был как таковой гораздо позже, приписываемая ренессансному духу светская направленность не получила идеологического оформления, расхождение с церковью имело характер хорошо знакомой Средневековой внутренней критики (испорченности Рима) или проявлялось в смене профессионального обличья интеллектуалов. Гуманизм рождался как продукт творчества литераторов и отчасти художников, работавших при дворах государей и заложивших основы светского образования, под предлогом восстановления подлинного, высокого латинско-греческого стиля древней словесности. При этом многие из них (гуманистов) имели духовный сан и делали карьеру при римской курии, а художники выполняли заказы пап. Появлялись светские школы, такие как «дом радости» Витторино да Фельтре в Мантуе (1425 г.) и его учителя Гварино да Верона в Ферраре, где воспитывались отпрыски преимущественно благородных семей, но продолжить образование можно было в университете, причем вершиной науки оставалось богословие. Новая живопись разрабатывала старые сюжеты, и только постепенно все большее распространение получает светский портрет (скульптурные изображения, развивающиеся из надгробных памятников в Италии и Франции, живописные в Нидерландах). Обмирщению культуры способствовало книгопечатание, в свою очередь порожденное распространяющейся тягой к разнообразным знаниям. Высшим идеалом оставалось отвлеченное знание, почти тождественное блаженному незнанию, но практические науки постепенно приобретают права гражданства. При этом представления о сокровенной природе знания и его мистических или магических способностях сохраняются, и, возможно, в силу этого постепенно меняется статус художника. Аристотелизм, столь авторитетный в Средние века, отводил художнику роль копииста, ремесленника, рабски подражавшего природе. Распространение идей Платона способствовало тому, что из простого ремесленника и цехового мастера художник превращается в творца, свободного артиста, причастного к миру идей. Живопись, особенно благодаря популярности неоплатонизма, понимается как одно из средств познания.

Эволюция гуманистического течения была достаточно противоречивой. В частности, в Италии, с одной стороны, продолжилась великая народная традиция Данте в лице Петрарки и Боккаччо, а позднее Макиавелли и Ариосто, а с другой – латинская литература остановилась на канонах подража-

ния античной классике, которые в дальнейшем превратились в малоподвижные формы, не оказывающие активного влияния на движение культуры и науки. Но эти исторические обстоятельства не должны заслонять главной сути *studia humana* (что в переводе на современный язык можно передать как изучение человеческой культуры). За обращением к Античности скрывался всплеск интереса к земным занятиям человека, к его возможностям (состоянию доблести с судьбой), к его жизнеустройству в согласии с собственной и окружающей природой. От тезиса подражания природе следующий шаг вел к ее практическому изучению, к соединению практического и теоретического знания. Такое соединение воплотилось в присущем Ренессансу художественном освоении мира. Внимание художников сосредоточилось на внешних формах и проявлениях природы вещей и человека, начались эксперименты с перспективой, изучение человеческого тела, поиски секретов красоты. Исследование формул пропорции и гармонии привело к сопоставлению и «соперничеству» живописи, скульптуры и архитектуры (оно выразилось, в частности, в трактатах на тему о том, какое из искусств совершеннее).

«РЕНЕССАНСНОЕ ГОСУДАРСТВО» И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Явления, наблюдаемые уже в XIV–XV вв. в области государственного устройства, настолько характерны, что ими иногда обозначают историческую эпоху – эпоху перехода от территориальных к национальным государствам, формирования принципов абсолютизма. Хотя существуют термины «ренессансный государь» и «ренессансная монархия», о собственно ренессансных политических формах говорить трудно. Ренессансный государь – это, как правило, политик, получивший гуманистическое образование, меценат, усвоивший дух и идеологию эпохи, независимый и нередко беспринципный правитель.

Идеалы гражданской доблести и республиканизма, пропагандировавшиеся гуманистами в подражание Античности, особенно на первом этапе, пока еще не произошло преобразование коммун в синьории, были в дальнейшем оттеснены на второй план придворной культурой, вдохновлявшейся позднеантичными образцами восхваления монарха, его щедрости и утонченности, часто в причудливом сочетании разных ипостасей – отца отечества, гаранта общественного блага (*rei publicae*) и императора. Новшества затронули военную сферу, системы сбора налогов, отправления правосудия, взаимоотношения разных групп подданных с государем и между собой.

Для Средних веков была характерна иерархичность и раздробленность центров власти при сохранении высших, отчасти номинальных суверенитетов (папы и императора). К концу Средних веков намечается тенденция «локальной централизации», сосредоточения полноты власти в одних руках в рамках территориальных или будущих национальных образований (Франция, Англия, Испания). В соответствии с этим происходит унификация процедур сбора налогов, денежных и судебных систем, реформирование армий. Государственную службу исполняют не столько вассалы, сколько государевы слуги (отсюда слово «министр», первоначально его основное значение –

«слуга», «служитель»)), чиновники, не обязательно благородного происхождения, но непременно образованные.

Возникает не только потребность в светском образовании, но и осознание необходимости разделить земное и небесное, разграничить сферы политического управления и религиозного культа. В самом зародыше находится феномен бюрократии, власти чиновников.

В XIV в. на смену феодальным ополчениям приходят наемники, профессиональные военные, служащие за плату. Их отряды, формируемые кондоттьерами, возникают прежде всего в Италии, но служат в них очень часто иноземцы: немцы и бургундцы, каталонцы и шотландцы. В XV в. наемничество становится национальным ремеслом швейцарцев. Этот феномен был по сути переходным на пути к созданию профессиональных и национальных армий. Последнему способствовало и распространение огнестрельного оружия, в конечном счете покончившего с «танками» Средних веков – тяжеловооруженной рыцарской конницей, хотя существенное вытеснение рыцарских отрядов – *gente d'armi*, *gendarmes* – происходит лишь к концу XVI в., с повсеместным распространением полевой артиллерии.

Своеобразно развитие рыночных отношений в политической жизни этого времени. Интернациональное наемничество и рыцарство соседствует с регулярными ополчениями, ростовщичество с зачатками кредитно-банковских систем, причем государи принимают самое активное участие в их развитии, будучи крупнейшими заемщиками и одновременно носителями регулятивных функций. В силу того, что они обеспечивали функционирование финансово-распределительной системы в целом: чеканку и качество монеты, сбор налогов, который часто отдавался на откуп кредиторам для погашения займов, общий судебно-правовой контроль – создавались предпосылки для будущего формирования национальных финансово-кредитных систем. Вместе с тем государи нередко нарушали свои обязательства. Любопытно, что довольно распространенными оставались сделки по купле-продаже целых административных территорий в качестве средства приращения владений и решения политических споров. Все это можно было бы характеризовать как сочетание старого и нового, «феодальных» и зачаточно «капиталистических» технологий власти, если бы не крайняя условность этих понятий.

В рассматриваемый период обозначились особенности регионов Западной Европы, повлиявшие на ее не только политическое, но и экономическое и культурное развитие. Южная, особенно средиземноморская, Европа была страной быстро растущих городов, сначала городских республик, затем просто небольших государств, политическое равновесие между которыми поддерживалось с помощью дипломатии и локальных военных конфликтов, иногда почти бескровных, в ходе которых использовались в основном лишь наемные войска. Для растущих национальных монархий, не только борющихся за свою независимость, но и претендовавших на чужие территории, этого было мало. На судьбы Италии (отчасти и Испании) и Германии повлияла их близость и тесная связь со старыми средневековыми источниками универсальной власти, папством и Священной Римской империей. В дальнейшем к этому прибавились конфессиональный раскол, перемещение главных торговых путей в сторону Атлантики, колониальные захваты и войны. Если уместно говорить о типологическом единстве европейской истории, то

во второй половине XIV–XV в. перспективное направление развития показала Италия, где новые культурно-хозяйственные технологии принесли свои первые плоды. (Имеется в виду характерная прежде всего для Италии совокупность политико-экономических и социальных явлений – влияние античных традиций, городская демократия, освобождение крестьян, оживленные производственные, торговые, финансовые и культурные процессы.) Но в конце рассматриваемого периода Италия становится постоянной ареной продолжительных споров своих соседей и постепенно утрачивает роль важнейшего экономического, культурного, да и конфессионального центра Западной Европы.

Наряду с централизацией власти в политической жизни увеличивалась роль представительных учреждений, которые условно можно разделить на два типа. В городских республиках представительство граждан было традиционным и выражалось в сложных системах выборных органов управления, взаимно контролировавших друг друга. Эти органы в той или иной форме продолжали существовать и при установлении олигархических или единоличных режимов власти. Второй тип представляли судебные и сословные учреждения (парламенты, штаты, кортесы, сеймы и т.д.), которые иногда вступали в конфликты с главами национальных монархий, иногда поддерживали их в борьбе с сепаратизмом крупных сеньоров, но в целом становились политической опорой для тех социальных групп, которые могли претендовать на участие во власти в силу своего растущего веса в обществе.

Говоря о странах Западной Европы XIV–XV вв., большинство историков так или иначе связывает их развитие с появлением элементов нового общественного строя, «капитализма», и возникновением новых социальных групп, прежде всего «буржуазии» (или предбуржуазии в виде бюргерства) и наемных работников. Эти привычные сегодня понятия, связанные с развитием рыночной экономики, ростом производства, городов, разделением труда, имущественным расслоением, постепенным перераспределением власти в пользу финансово-промышленных дельцов и т.д., отражают некоторые, но далеко не все существенные черты происходившей долгосрочной эволюции. Какие бы схемы мы ни положили в основу ее описания (модернизация, промышленный переворот, становление абсолютизма и последующая борьба за «демократию», распад традиционных обществ и переход к обезличенному гражданскому конгломерату индивидов, нарастание индивидуализма и свободы в разных проявлениях), очевидно, что все они, во-первых, неполны и, следовательно, неточны и, во-вторых, что многие черты, характерные для средневековой жизни, преобладали не только в этот период, но и на протяжении еще не менее трех столетий.

Большинство европейского населения по-прежнему составляли крестьяне, которые делились, при всей пестроте местных градаций, на три основные группы: лично свободные и владеющие землей на правах относительно устойчивой собственности (например, в Англии фригольдеры, копигольдеры, затем йомены; во Франции – цензитарии), лично зависимые и несущие повинности в связи с принадлежностью земли сеньорам (вилланы) и сервы, почти лишенные каких бы то ни было прав. Это деление условно, так как границы между группами не были четкими; к тому же в позднее Средневековье распространились такие явления, как коммутация ренты, т.е. переход

от барщины к выплате повинностей продуктами, а затем и деньгами, а также выкуп крестьянами своих наделов и освобождение их от личной зависимости за деньги или в связи с политическими переменами. (В частности, итальянские города еще в XIII в. принимали законы об освобождении крестьян на подвластных им территориях.) В целом можно сказать, что распространение рыночных отношений в сельском хозяйстве некоторых стран, например, Италии, вело к формированию двух больших классов: землевладельцев и наемных работников.

После кризиса середины XIV в., когда эпидемия чумы унесла от трети до половины населения Европы (видимо, не менее 10 млн человек), начался медленный подъем, сопровождавшийся дефицитом рабочих рук. Численность населения достигла своего прежнего уровня примерно через полтора века после «Черной смерти», и только к концу этого периода образовался некоторый избыток рабочей силы. Спрос на наемный труд возрастал в городах, хотя его несколько ограничивала господствующая в производстве цеховая система. Цехи не только занимались регламентацией различных сторон деятельности ремесленников и сбыта их продуктов, но зачастую выступали в роли религиозных братств, имели также собственную политическую и даже военную организацию. В ходе открытых столкновений со старым патрициатом, владевшим землей, недвижимостью и торговыми компаниями, выходцы из цеховых структур получали свою долю в управлении городом. Но лишь полноправные граждане входили в состав бюргерского сословия (собственно слово «бюргер» – немецкий вариант французского «буржуа», в первоначальном значении «горожанин» или «гражданин»).

В городе фактически сложилась социальная иерархия, напоминающая отношения в сфере землевладения: на верхней ступени находились обладающие собственностью торговые и финансовые олигархи, внизу – наемные рабочие, пополняющие ряды бродяг и нищих (в Средние века фактически официально признанное сословие, с существованием которого власти иногда, например, в Англии, начинают борьбу). Неравенство отчасти сглаживалось благодаря корпоративному устройству общества, особенно в городах, где корпоративизм охватывает не только сословную и профессиональную сферы, но распространяется в форме организации различных товариществ, устраиваемых вскладчину – религиозных, благотворительных, увеселительных. Принцип коллективной ответственности не только признавался, но и использовался, например при сборе налогов.

Благородное сословие сохраняло свои главенствующие позиции в обществе, которые размывались, однако, в силу сокращения свободных земельных ресурсов и развития рыночных отношений. В таких традиционных сферах, как военное дело, отправление религиозного культа и даже государственное управление, дворян все больше теснят выходцы из «разночинных» семей. Институт монашества, отчасти поглощавший избыток населения и способствовавший сглаживанию социальных конфликтов, начинает утрачивать свой абсолютный в Средние века престиж. Это выразилось в спорах о допустимости собственности в среде нищенствующих орденов и в посягательствах властей на монастырские земли.

Большинство перечисленных явлений свидетельствует о зарождении новых элементов в малоподвижных структурах сословно и иерархически

Западная Европа в XV в.

организованного общества. Но в целом, по своим социальным, как и всем другим параметрам, XV в. в Западной Европе представлял эпоху полноценного Средневековья, когда свойственные ему характеристики становятся выраженными наиболее ярко, а чуждые ему по природе процессы только заявляют о себе в форме отдаленных симптомов.

ИТАЛИЯ

Италия в XIV–XV вв. была наиболее динамически развивающимся религиозным, экономическим и культурным центром Западной Европы. Исследователи, представляющие экономическую историю как сосуществование и развитие так называемых миров-экономик, считают центром европейского экономического мира этого периода Венецию, которая была средоточием

торговли между Востоком и Западом. В Италии бурно развивалось банковское дело, текстильная промышленность выходила за узкие рамки цехового ремесла. Политическое влияние двух сил, претендовавших на главенство не только в регионе, но и во всем католическом мире, т.е. папства и императоров, к концу XIV в. заметно уменьшилось, так что страна представляла собой конгломерат из ряда больших и маленьких фактически самостоятельных государств. В Италии никогда не угасала память об античном прошлом, в котором сочетались имперские и республиканские институты. В городских республиках бурлила не только хозяйственная, но и политическая жизнь. К столкновениям городов между собой, к бесконечным распрям знатных фамилий, знати и «народа» (пополо) в целом, а также гвельфов и гибеллинов (см. о них в гл. «Расцвет Запада») в рассматриваемое время прибавились социальные конфликты между олигархией, «старшими» и «младшими» цехами, «добрым» (в распространенном буквальном переводе «жирным» – *popolo grasso*) и «худым, тощим» народом (городскими низами – *popolo minuto*). Раньше эти конфликты разрешались с помощью назначаемых императорами или просто приглашаемых извне, как бы по контракту, правителей (*подестá*), но теперь почти повсеместно происходит переход от коммуны к синьории, иными словами, устанавливается единоличная и передаваемая по наследству, фактически монархическая власть. Таким образом, многие из итальянских республик по-своему прошли тот же путь, что в свое время и Римская республика, с той разницей, что они не сделали больших территориальных приобретений, но накопили множество богатств и превратились в культурную мекку Европы. Сложился идеал ренессансного государя – ценителя искусств, образованного и мудрого правителя, покровителя наук. Вместе с тем современники упрекали итальянских государей в чрезмерном пристрастии к роскоши, в изнеженности, распущенности и отсутствии воинской доблести. Военное ремесло стало уделом наемников, так что военный потенциал напрямую зависел от глубины кошелька. Результатом стал начавшийся в конце XV в. раздел Италии между более крупными и сильными в военном отношении соседними державами.

Одним из важнейших итальянских государств в XIV в. стала Флорентийская республика, которая, собственно, и являлась главным рассадником идей и художественных веяний Возрождения. Первый век Ренессанса был для его столицы эпохой самых разнообразных потрясений: едва утихли смуты, связанные с борьбой гвельфов и гибеллинов, затем «белых» и «черных» гвельфов и, наконец, в среде этих последних, как разразилось грандиозное наводнение 1333 г. Затем наступил финансовый кризис 40-х годов XIV в., сопровождавшийся разорением множества средних и мелких вкладчиков, а также политический кризис, закончившийся недолгим правлением герцога Афинского (1343 г.), приглашенного в качестве посредника, чтобы уладить конфликт между богатой цеховой верхушкой и ее разномастными противниками. Вскоре после изгнания своекорыстного герцога город потерял чуть ли не до двух третей населения во время эпидемии «Черной смерти» (в том числе из-за бегства жителей от чумы), а 70-е годы были отмечены новыми внешними и внутренними столкновениями.

В 1375–1378 гг. Флоренция пребывала в состоянии войны с находившимися еще в Авиньоне папами (получившей название войны «Восьми святых» по

Ф. Брунеллески. Купол собора Санта-Мария дель Фьоре. 1420–1436. Флоренция

имени специально созданного для ее ведения органа – Совета Восьми). Война еще больше усложнила внутреннюю обстановку в городе, где власть концентрировалась в руках членов старших цехов, занимавших большинство выборных должностей в правительстве. В особенно невыгодном положении находились наемные работники, остававшиеся за пределами цеха, и ученики, статус которых постепенно снижался. В 1378 г. произошло восстание «чомпи» (чесальщиков шерсти при одном из главнейших цехов – делла Лана), одно из первых известных политических выступлений наемных рабочих. К чомпи примкнули другие недовольные, в частности члены младших цехов и соперничающих групп знати. Прежде чем восстание было подавлено, чомпи удалось захватить власть и добиться учреждения трех новых цехов «народа Божьего». Впрочем, через четыре года эти цехи были уп-

разднены, а получившей перевес семье Альбицци удалось изгнать своих влиятельных противников.

На рубеже веков Флоренция выдержала противостояние с миланским герцогом Джаном Галеаццо Висконти и в 1406 г. одержала верх над своей соперницей в Тоскане Пизой. В процессе усиливающейся концентрации власти контроль над выбором должностных лиц захватил глава одной из семей новой олигархии Козимо Медичи. Противникам удалось ненадолго изгнать его (1433 г.), но Козимо вскоре вернулся и фактически стал правителем города. При нем сохранялись все республиканские учреждения, он, как и его преемники, особенно внук Лоренцо Великолепный (1449–1494), стремился быть мудрым правителем и поощрял развитие философии и искусств. Лоренцо Медичи пришлось пережить заговор Пацци в 1478 г., когда погиб его брат, а сам он получил ранение, а также начавшуюся после этого войну с папой и Неаполем, которую он завершил, лично отправившись для переговоров к королю Фердинанду I. Вообще Лоренцо стремился разрешать споры миром и предупреждать их. Заключая политические союзы, он способствовал созданию в Италии системы равновесия сил, препятствовавшей возгоранию серьезных конфликтов и вовлечению в них соседних держав.

В правление Медичи гуманистическая традиция достигла своего апогея. Еще в XIV в. на высшие должности во Флоренции стали назначаться известные ученые: канцлерами были писатели и филологи Колуччо Салютати (1331–1406) и Леонардо Бруни (1370–1444). Лоренцо Медичи, который сам был поэтом и писателем, всячески содействовал, как и его дед, деятельности Платоновской академии, философского сообщества, в центре которого стоял почитатель и переводчик Платона и неоплатоников Марсилио Фичино (1433–1499). Вошедший в моду платонизм был продолжением начавшегося еще при Петрарке увлечения античной литературой и латинским языком, а затем и греческим, благодаря нахлынувшему в Италию ученым византийцам. В спорах о взаимоотношениях латыни и народного языка «вольгаре» в 30-е годы XV в. участвовали известные гуманисты Бруни, Флавио Бьондо (1392–1463) и Леон Баттиста Альберти (1404–1472) (все они в разное время служили также при папском дворе).

Альберти, отличавшийся ренессансной разносторонностью, был также теоретиком архитектуры; наряду с Филиппо Брунеллески (автором купола кафедрального собора Флоренции Санта-Мария-дель-Фьоре) и другими художниками он экспериментировал с линейной перспективой и, обращаясь к античному искусству, пытался найти идеальные формы, основанные на заложенной в природе гармонии. Флорентийская живопись XV в. (Мазаччо, Паоло Уччелло) была вписана в контекст этих общих культурных поисков, устремленных к познанию природы и подражанию ей, часто в рамках традиционных сюжетов и канонов (например, работы доминиканца Фра Анджелико, отца и сына Липпи), но всегда в тесной связи с новыми веяниями. Развивается гражданская скульптура, возникает жанр скульптурного портрета (Донателло, Верроккьо). В окружении Медичи художники и поэты (Сандро Боттичелли, Анджело Полициано) под влиянием платонических учений о красоте и любви как средствах познания и преобразования мира, культивировавшихся Фичино и Пико делла Мирандола, узаконивают новые темы и сюжеты, взятые из античной мифологии.

Наиболее сильными и независимыми из итальянских городских республик были соперничавшие между собой Венеция и Генуя. В середине XIV в. они вели ожесточенную борьбу за колонии на Черном море и в Сирии (война св. Саввы), в 1379 г. генуэзцам удалось захватить соседнюю с Венецией Кюджу, однако Туринский мир 1381 г. закрепил относительное равновесие сил. Внутреннее устройство республик было схожим, особенно после утверждения в Генуе с 1339 г. выборной должности дожей. Основу военной силы составлял флот, к которому присоединялись наемные войска, а также дворянская кавалерия и гражданское ополчение; в рассматриваемое время в обеих республиках важнейший род войск составляют арбалетчики. В Венеции власть олигархии становится почти незыблемой благодаря замыканию Большого совета и всесторонне продуманной системе управления и безопасности, контролируемой такими органами, как Совет десяти, который фактически руководил текущей политикой.

Геную, напротив, сотрясали постоянные внутренние конфликты между низами и олигархией в целом, и между знатнейшими семьями города, принадлежавшими к партиям так называемых гвельфов и гибеллинов, а также «каппеллацци» – новой городской элиты. В результате республика утрачива-

ет самостоятельность и находится, с небольшими перерывами, под влиянием или фактическим управлением сначала Милана, потом французов (1396–1409) и снова герцогов Миланских. Как и Венеция, Генуя понесла большой урон в результате турецкой экспансии. Тяжелым ударом для нее оказалось падение Константинополя, где имелся большой генуэзский квартал Галата; его жители упорно обороняли византийскую столицу. В 1463 г. генуэзцы лишились своих владений на Кипре, а в 1475 г. – своего оплота в Крыму г. Кафа.

Венеции удалось не только сохранить независимость, но и значительно расширить свои владения. К концу XV в. она контролировала значительную часть побережья Адриатики, многие острова Ионического и Эгейского архипелагов, в том числе Крит (Кандию) и ряд областей Греции. В 1489 г. последняя королева Кипра Катерина Корнаро передала этот остров республике св. Марка. Натиск османов и неустойчивое равновесие в Италии побудили венецианцев к завоеваниям на континенте, которые прибавили к прибрежным и островным территориям Венеции (Терра-да-Мар) сухопутные (Терра-ферму). В начале XV в. под власть республики подпали ее крупные соседи Падуя, Виченца, Верона, еще недавно угрожавшая ей при Скалигерах, и (намного раньше) Тревизо.

В борьбе с другим крупнейшим государством Северной Италии, Миланским герцогством, Венеция завоевывает часть Ломбардии с городами Брешия и Бергамо (1433 г.); мир в Лоди 1454 г. закрепляет за ними эти приобретения. В 1482–1484 гг. происходит столкновение с Феррарой и ее союзниками – королем Неаполитанским, городами Болоньей, Мантуей и Урбино, получившее название Соляной войны (поводом послужило нарушение венецианской монополии на торговлю солью). В результате венецианцы завладевают принадлежавшим Ферраре г. Ровиго.

Наряду с Венецией на роль главного города Северной Италии претендовала столица Ломбардии Милан. Первым герцогом Миланским в ряду синьоров Висконти стал Джан Галеаццо (1347–1402), который купил свой титул в 1395 г. у германского императора Вацлава IV. Джан Галеаццо пришел к власти в 1385 г., свергнув своего дядю Бернабó, и, таким образом, соединил в своих руках все огромные семейные владения, до тех пор остававшиеся предметом раздоров. При Джане Галеаццо Милан находился на пике своего могущества, герцог вел войны со всеми соседями, включая Флоренцию, и дело шло к созданию нового королевства, когда он скоропостижно скончался от чумы. Свою дочь Валентину герцог выдал замуж за племянника французского короля, что сто лет спустя послужило Франции основанием для претензий на обладание Миланом. В правление Джана Галеаццо были заложены грандиозные памятники поздней готики: картезианский монастырь в Павии (Чертоза-ди-Павия) и миланский кафедральный собор Рождества Санта Марии.

После смерти герцога и десятилетнего периода распрей на престол вззошел его младший сын Филиппо Мария, продолживший политику отца. В 1447 г. он умер бездетным, и в Милане на несколько лет восстановился режим коммуны, названной Амброзианской республикой (от имени патрона города – св. Амброзия). В ходе продолжавшейся войны с Венецией кондотьер коммуны Франческо Сфорца (1401–1466), женатый на дочери предпоследне-

го Висконти, воспользовался слабостью режима и в 1450 г. установил собственную синьорию, положив начало новой династии. Заключенный в 1454 г. мир в Лоди, сопровождавшийся созданием общегерцогского союза против захвативших Константинополь турок, открыл период относительного спокойствия. Герцоги Сфорца в ренессансном духе покровительствовали искусству, при них произошла перестройка герцогского замка (Кастелло Сфорцеско), в которой участвовали знаменитые архитекторы Филарете и Браманте, а также находившийся при дворе Леонардо да Винчи. Последним в династии Сфорца стал сын Франческо Лодовико, по прозвищу Моро (Мавр), который отстранил от власти своего племянника Джан Галеаццо; в конце концов интриги Моро способствовали началу Итальянских войн.

На юге Италии очагом раздоров по-прежнему оставалось королевство Неаполитанское, борьбу за престол которого вели представители двух ветвей Анжуйской династии, местной и венгерской, а также претенденты из Франции. Эта борьба осложнялась расколом в церкви, поскольку королевство было ее вассальной территорией, так что папы и антипапы наделяли коронами соперников из противоположных лагерей. Приемный сын и наследник неаполитанской королевы Джованны I Карл Дураццо сместил ее и в 1382 г. организовал ее убийство, а через два года сам был убит заговорщиками в Буде из-за своих притязаний на венгерский трон. Его сменил сначала сын Владислав I (1376–1414), который не только упрочил свою власть, но и значительно расширил неаполитанские владения в Южной и даже Средней Италии, а затем дочь Джованна II (1373–1435). Последняя лавировала между герцогами Анжуйскими Людовиком III и Рене, с одной стороны, и призванным ею же и усыновленным королем Арагона, Сицилии и Сардинии Альфонсом V (1396–1458) – с другой. Альфонс, прозванный Великодушным, в 1442 г. занял Неаполь и провозгласил себя королем Обеих Сицилий. Он был просвещенным государем, основал первый университет в Сицилии, принимал меры по развитию скотоводства и текстильных промыслов. Король был большим почитателем античной истории, при его дворе Лоренцо Валла написал свой знаменитый трактат о подложности Константинова дара папам.

Альфонсу на неаполитанском троне наследовал его внебрачный сын Фердинанд I, или Ферранте (1423–1494), которому пришлось снова столкнуться с нападениями анжуйцев, а также с заговорами баронов, жестоко подавленными. Ему, как и его отцу, оказывал помощь албанский князь Скандербег, известный успешной борьбой с османами. Ферранте присоединил к королевству княжество Таранто, отошедшее к нему как приданое жены; он активно участвовал во всех итальянских политических спорах. При неаполитанском дворе по-прежнему поощрялись занятия литературой; на латыни писал Джованни Понтано, который дал свое имя Понтанианской академии, а на народном языке (варианте тосканского) – Якопо Саннадзаро, автор пасторальной поэмы «Аркадия».

Культура Возрождения складывалась в особой атмосфере Италии второй половины XIV – XV в. с ее раздробленностью на ряд мелких и не совсем автономных, но амбициозных государств, таких как Феррара, Мантуя, Урбино, Сиена, Пиза и других. Урбинские герцоги Монтефелтро, как и многие другие итальянские князья, служили кондотьерами более могущественным государям, но особенно прославились покровительством искусствам. Феде-

риго да Монтефельтро построил в Урбино великолепный дворец, в котором собрал одну из крупнейших библиотек своего времени и богатую художественную коллекцию, в которую внесли свой вклад Пьеро делла Франческа, Паоло Уччелло и другие; выходцем из Урбино был Рафаэль Санти. Богато украшали свои резиденции и виллы («делицие», места отдохновения) герцоги Феррары и Модены Эсте, знаменитую Камеру дельи Спози во дворце маркизов Мантуанских Гонзага расписал А. Мантенья.

ЦЕРКОВЬ И ПАПСТВО

Важнейшим политическим и духовным центром Италии оставался Рим, куда в 1377 г. из Авиньона окончательно перебрался папа Григорий XI. Немало усилий для этого приложила канонизированная впоследствии Екатерина Сиенская и другие итальянцы. (А также, впрочем, святая Биргитта Шведская, которая в своих откровениях провозглашала, что папа должен перебраться из Авиньона в Рим.) Вместе с тем сохраняла свое влияние и профранцузская партия, благодаря действиям которой наряду с папой-итальянцем Урбаном VI (1378–1389) был избран антипапа Климент VII, вернувшийся в Авиньон. Так было положено начало церковному расколу, подкрепленному политическими разногласиями европейских государств: союзники Франции поддерживали авиньонского папу, а англичане итальянского. Нарастало всеобщее недовольство своекорыстием пап, которое вошло в правило. При курии процветал nepотизм, т.е. раздача выгодных мест родне понтифика, продажа должностей (симония), замещение многих вакансий одними и теми же людьми и удержание свободных вакансий, доходы с которых поступали папскому двору. Все это осложняло традиционно непростые взаимоотношения руководителей церкви с местными властями и с теми силами внутри нее самой, которые хотели ограничить власть пап и поставить над ними высший авторитет вселенских соборов (движение «концилиаризма»).

Поскольку после смерти Урбана и Климента противоборствующие кардиналы продолжали избирать очередных пап от каждого лагеря, последней возможностью примирения оказался созыв собора. В 1409 г. Пизанский собор избрал единого кандидата, но соперники не признали его и в результате в церкви имелось уже три папы. Порядок должен был навести следующий Вселенский собор Католической церкви, открывшийся под эгидой германского императора Сигизмунда I в 1414 г. в Констанце. Здесь «пизанский» папа Иоанн XXIII был вынужден отречься от своего звания, римский папа Григорий XII внял призыву сделать это на определенных условиях добровольно, а авиньонский папа Бенедикт XIII продолжал настаивать на своих правах до самой смерти (1423 г.), но утратил поддержку. Новоизбранный Мартин V (Колонна, 1417–1431) успешно пользовался разногласиями участников собора, чтобы отвести нависшую над верховенством пап угрозу. Он обосновался в Риме, который за годы отсутствия глав церкви пришел в запустение и сделался предметом постоянных раздоров между местными баронами и пришлыми авантюристами. Папе удалось навести порядок и приступить к восстановлению римских построек, а также к возвращению территорий Папской области под власть церкви.

Одним из средств, направленных на поддержание церковного единства, стала борьба с течениями, объявленными еретическими. В XIV в. неортодоксальные идеи в связи с догматами о пресуществлении и о предопределении к спасению высказывал английский каноник Джон Уиклиф. Его последователи критиковали обмирщение церкви и отвергали некоторые таинства. Взгляды Уиклифа через чехов, обучавшихся в Оксфорде, проникли в Чехию и нашли там благодатную почву. Национальные и предреформационные мотивы этого учения получили выражение в Пражском университете в лице Яна Гуса (см. также с. 717). Констанцкий собор объявил еретическими учения Уиклифа, Гуса и парижского теолога Жана Пти, проповедовавшего законность убийства правителя-тирана. (Эти решения имели во многом политическую подоплеку.) В Констанце было принято решение созывать соборы регулярно, что для пап представляло большое неудобство. В 1423–1424 гг. собор в Сиене ограничился осуждением еретиков и схизматиков, следующий собор 1431 г. в Базеле начался конфликтом с новым папой Евгением IV. Последний пытался распустить его, а затем под разными предлогами переводить в другие места. В 1437 г. базельские реформаторы окончательно отказались подчиняться Евгению, и это привело к новому рецидиву раскола: они избрали своего папу, герцога Амедея Савойского под именем Феликса V. В конечном счете возобладала заинтересованность европейских властителей в единой централизованной организации Католической церкви, и в 1449 г. оставшиеся участники Базельского собора объявили о самороспуске, а Феликс отрекся от тиары.

Воспользовавшись церковными неурядицами, некоторые государи добились от пап уступок в отношении самостоятельности национальных церквей. Прежде всего это относится к Франции: Прагматическая санкция 1438 г. Карла VII несколько ограничила вмешательство римского престола в дела французской церкви и распределение ее доходов. По Венскому конкордату 1448 г. с германским императором папство получило больше выгод, сохранив, в частности, право вето при выборе епископов и право на денежные поступления.

Одним из главных объединяющих факторов для Европы XV в. служила общая для христианского мира опасность, связанная с расширением Османской державы. Под угрозой оказалось существование Византии, и в 30-е годы ее правители стали склоняться к идее объединения Восточной и Западной церквей при условии оказания помощи со стороны католических держав. Вопрос об унии послужил папе поводом для переноса Вселенского собора из Базеля в Феррару (1438 г.), куда было удобнее добираться византийскому императору, патриарху и духовным лицам, а затем, из-за эпидемии чумы, во Флоренцию, которая служила некоторое время резиденцией Евгения IV, после того как он рассорился с римлянами. 6 июля 1439 г. участники собора подписали декрет «*Laetantur coeli*», формально провозгласивший унию. Представители Православной церкви признали главенство папы и правомочность догматов латинян, в частности *filioque* (об истечении Св. Духа «и от отца, и от сына») и о чистилище, но, в свою очередь, сохранили собственную обрядность и право богослужения на национальных языках. Усилия папы по организации крестового похода не увенчались успехом: собранное для помощи венгерскому королю Владиславу III войско было разбито турками-

османами при Варне в 1444 г. Отсутствие реальных результатов унии привело к тому, что православное духовенство отвергло ее, и после падения Константинополя унии придерживались только те греки, которые укрылись на итальянских территориях.

Преемники Евгения IV на папском престоле, в частности Николай V (1447–1455), постоянно объявляли о сборе средств для нового крестового похода, выделяя на него долю церковных доходов, но объединению сил мешали разногласия как между европейскими государствами (Столетняя война и внутриитальянские конфликты), так и между католиками и православными. Николай V был первым в полном смысле ренессансным папой, выходящим из среды гуманистических интеллектуалов, хотя их приток в курию и покровительство новым литературным и художественным течениям начались еще при Мартине V и особенно усилились при Евгении IV. Следующий папа, испанец Калликст III (Борджиа), немало сделал в части возвышения своей семьи; его успехи в борьбе с турками ограничились организацией собственного небольшого военного флота. Самым выдающимся понтификом-гуманистом был Пий II (Энеа Сильвио Пикколомини, 1458–1464), литератор, сделавший карьеру при дворе папы и императора. Он также пытался собрать силы для крестового похода и даже написал послание к султану, призывающее его перейти в христианскую веру. Пий умер, так и не дождавшись отплытия крестового флота в Константинополь.

Последующие папы с Павла II и до завершающего XV столетие Александра VI столь же мало преуспели в борьбе с османской опасностью. Их главные усилия постепенно сосредоточились на укреплении собственной власти, прежде всего на расширении владений папского престола в Италии и на обогащении собственных кланов. Наиболее активно действовали в этом направлении Сикст IV (Делла Ровере), который был замешан в заговоре против флорентийских Медичи и вступал в конфликты с другими североитальянскими государствами из-за владений в Романье, а также Иннокентий VIII, устраивавший династические браки своих побочных детей с правящими семьями Италии. Стремление не отставать от светских властителей в роскоши и величии побуждало пап тратить большие средства на строительство, приглашать в Рим лучших художников, архитекторов и скульпторов Италии и Европы, покровительствовать гуманистам. Последние в это время наполняют курию, классическое образование становится нормой, в творчестве филологов-гуманистов, подражающих античной культуре, папы не усматривают угрозы для церкви и своей власти.

Возобладавшая тенденция к обмирщению, подкрепляемая укоренившимся в культуре духом Ренессанса, заставляет забыть о радикальных реформах, речь о которых шла в эпоху раскола. В то же время принимаются некоторые меры запретительного и карательного характера, призванные укрепить авторитет церкви и веру. Вводится церковная цензура, при Сиксте IV испанскому королю было дано разрешение учредить в Кастилии особую инквизицию главным образом для борьбы с сомнительными новообращенными христианами. Эту меру поддержал Иннокентий VIII, который помимо прочего своей буллой 1484 г. положил начало широким преследованиям ведьм в Германии, а затем и в других странах Европы.

С середины XIV в. интересы императоров все больше сосредоточиваются на германских делах и династических владениях, хотя формально они остаются выборными, как и папы, светскими главами западнохристианского мира. Императоры Люксембургского дома, начиная с Карла IV, владели Чехией, Моравией, Венгрией (с Сигизмунда), Силезией и Бранденбургом. Германские короли, которые по традиции становились и императорами Священной империи, фактически были первыми среди равных им по степени внутренней автономии владетельных князей. Главная роль среди последних принадлежала курфюрстам, которые вели войны между собой, с императором, дворянами и городами и управляли собственными территориальными государствами. Германия, с одной стороны, находилась в состоянии войны всех против всех, а с другой – в ней существовали те же объединительные тенденции, что и в иных странах, им способствовали земские движения (земский мир, земское самоуправление, представительство земских сословий).

Демографический кризис и другие неблагоприятные явления второй половины XIV в. привели к расхождению путей развития сельского хозяйства в разных частях страны: на севере и северо-востоке возобладали крупные поместья с широким использованием подневольного труда, на западе и юге распространились более гибкие формы отношений между крестьянами и собственниками земли (денежные выплаты, аренда). Вообще пестрота политической карты Германии соответствовала экономическому своеобразиею ее отдельных областей, за которым следовало и культурное.

На севере находились богатые и самостоятельные ганзейские города, торговавшие с Восточной Европой и Прибалтикой, запад и юг были теснее связаны торговыми отношениями с Францией и Италией, здесь сильнее сказывалось влияние крупнейших династических домов. Города в той или иной мере пользовались самоуправлением, выступая важнейшим источником денежного дохода для князей. Города воевали со своими феодальными патронами и с мелким дворянством, грабившим купцов. Внутри самих немецких городов разворачивалась борьба между патрициатом и набирающими силу цеховыми структурами. Наибольшим самоуправлением пользовались имперские города (Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне, Аугсбург), представители которых заняли заметное место в сословных учреждениях. Для поддержания мира и независимости города заключали между собой союзы, крупнейшим из которых в XIV в. был Швабский союз.

Швейцарский союз шести (затем восьми и десяти) земель к концу рассматриваемого периода завоевал фактическую независимость от империи. Швейцарская конфедерация разбила войска Габсбургов в 1386 г. при Земпахе и в 1388 г. при Нефельсе. В войнах французского короля Людовика XI с герцогом Бургундии они выступали на стороне первого, так как бургундцы пытались подчинить себе конфедератов. Среди кантонов главную роль стали играть городские: Берн, Люцерн и Цюрих, а жители сельских кантонов, благодаря успехам швейцарского оружия, все чаще заключали договоры о военной службе по найму с правителями Франции, Италии и других стран Европы. Еще одним популярным родом войск к концу XV в. становится также немецкая наемная пехота – ландскнехты.

Структура местного управления послужила основой для складывания общегерманских учреждений. Административную власть: судебную, фискальную и полицейскую – сосредоточили в своих руках специальные чиновники, располагавшие соответствующим аппаратом – амтманны в северных и центральных землях и фогты в южных, располагавшие соответствующим аппаратом. В княжествах созывались ландтаги из представителей дворянства, духовенства и горожан, а также действовали земельные уложения. В деревне сохранялось общинное самоуправление. Наряду с обсуждением церковной реформы на протяжении XV в. шел разговор о реформировании имперского управления. Предложения о принятии общих для страны законов высказывались в памфлете «Реформация императора Сигизмунда» (1439 г.), идеи об усилении власти императора и об усовершенствовании системы его выборов развивал немецкий кардинал и философ Николай Кузанский (1433 г.).

Для обсуждения общеимперских вопросов (сбора налогов, войн) в XIV–XV вв. созывались нерегулярные собрания высших сановников, хофтаги (придворные сеймы). Только в конце этого периода появились общегосударственные учреждения, имперские сеймы, с представительством из трех коллегий: курфюрстов, имперских чинов (прелатов и знати) и имперских городов. На Вормсском рейхстаге 1495 г. вся страна была поделена на округа, имевшие свои органы управления, учрежден Высший имперский суд (Reichskammergericht) для решения споров между государственными субъектами и провозглашен Вечный земский мир. Существовали и другие, региональные, органы поддержания мира, в частности организованный по инициативе императора в 1488 г. новый Швабский союз городов, дворян и князей.

Список крупнейших властителей Германии в XIV–XV вв. не оставался неизменным, напротив, шел процесс перераспределения и укрупнения владений важнейших княжеских домов. Их консолидации способствовало внедрение в практику к концу этого периода принципа майората – неделимости родовых земель и передачи их старшим наследникам. В Средней Германии господствовал дом Веттинов, происходивший от маркграфов Мейсенских. В 1422 г. Веттины, владевшие также ландграфством Тюрингией, получили титул курфюрстов и герцогов Саксонских, а в 1486 г. разделились на две ветви: Альбертинскую герцогов Саксонских с центром в Дрездене и курфюршескую Эрнестинскую, имевшую столицей Виттенберг, будущее гнездо протестантизма.

В северных землях закрепился род Гогенцоллернов, ведущая линия которых происходила из бургграфства Нюрнберг во Франконии (на юго-востоке Германии). В 1415 г. бургграф Фридрих VI (I), которому за несколько лет до этого император Сигизмунд поручил навести порядок в Бранденбурге, добился получения титула курфюрста. Его сын Альбрехт Ахилл в 1473 г. издал закон о разделе наследства: к старшей ветви переходили земли курфюршества Бранденбург, младшая сохранила за собой франконские владения. Потомки курфюрстов стали в дальнейшем герцогами и королями Пруссии.

На юге и на западе Германии наибольшим влиянием пользовался род Виттельсбахов, представители которого, наряду с Люксембургами и Габс-

бургами, претендовали на императорский трон. Виттельсбахи с 1329 г. также делились на две ветви. В XV в. в семье доминировала старшая (пфальцская) ветвь, владевшая территориями в Баварии севернее Дуная (Нордгау), позднее названными Верхним Пфальцем, и по обеим сторонам Рейна – Нижним Пфальцем. Пфальцграфы Рейнские носили титул имперских стольников (трухзесов) и имперских викариев в Южной Германии. Младшая ветвь наследовала звание герцогов Баварских и владела в различные периоды описываемого времени (кроме отдельных частей Баварии, поделенных между ее членами), также провинциями Бранденбургом (1343–1373), Тиролем (до 1363 г.), Голландией и Эно (Геннегау, до 1404 г.). В дальнейшем рейнская ветвь приняла протестантизм, а баварские Виттельсбахи, отстаивавшие свое наследство в войне с пфальцскими родственниками в начале XVI в. и объединившие всю Баварию под своей властью, склонились к поддержке католицизма и императоров Габсбургов.

Габсбурги в лице Альбрехта II сменили на императорском престоле Люксембургов в 1437 г. благодаря тому, что этот австрийский герцог был зятем императора Сигизмунда Люксембургского. С этого времени императорский титул остается в руках австрийских Габсбургов, род которых с 1379 г. делился на две ветви: альбертинскую, управлявшую большей частью собственно Австрии, и леопольдинскую, которой принадлежали Штирия, Каринтия, Крайна и Тироль. К сыну Альбрехта II, малолетнему Ладиславу Постуму (1440–1457) перешли короны Австрии, Венгрии и Чехии, но реальную власть оспаривали опекун Ладислава Фридрих III, избранный германским королем, и местные претенденты. Фридрих представлял леопольдинскую линию, его длительное 54-летнее правление стало временем междоусобной борьбы во всех владениях, принадлежавших Габсбургам. Их австрийские земли к концу царствования Фридриху удалось объединить в своих руках.

В Австрии Фридриху пришлось воевать с дворянством и с собственным младшим братом Альбрехтом, отчего ему часто приходилось скитаться с места на место, в 60-е годы XV в. главными противниками императора становятся османы и венгры. В 1485 г. значительную долю владений Фридриха захватил венгерский король Матяш Хуньяди, который вошел и в Вену. Император смог вернуться туда только после смерти последнего в 1490 г. От прежних владений Габсбургов в Швейцарии Фридриху пришлось отказаться окончательно. Тем не менее итог его правления оказался скорее положительным. В 1452 г. состоялась церемония его коронации (это была последняя коронация германского императора в Риме, но только к концу столетия заходит речь о принадлежности империи собственно «германской нации»), в 1453 г. Фридрих утвердил составленную еще в XIV в. «Великую привилегию» (*Privilegium Maius*), согласно которой австрийский монарх получал особый титул эрцгерцога.

Наиболее успешной оказалась матримониальная политика Фридриха III. В августе 1477 г. был заключен брак между сыном императора Максимилианом и богатейшей наследницей Европы Марией Бургундской, дочерью герцога Карла Смелого (или Безрассудного – *le Téméraire*). Сам герцог незадолго до этого (в январе) погиб в битве при Нанси, отстаивая свои права на часть огромных владений, собранных к этому времени бургундскими государями в центральной зоне Западной Европы.

ДЕРЖАВА «ВЕЛИКИХ ГЕРЦГОВ ЗАПАДА»: БУРГУНДИЯ И НИДЕРЛАНДЫ

Бургундское герцогство до 70-х годов XV в. занимало довольно прочные и независимые позиции. Фактическим основателем его могущества стал четвертый сын французского короля Иоанна II Доброго Филипп II Храбрый (1342–1404), который в 1363 г. получил герцогский титул. Благодаря женитьбе на дочери графа Фландрского Маргарите он унаследовал помимо Франш-Конте (графства Бургундского) земли Фландрии, графства Артуа, Невер, Ретель и часть современных Нидерландов. Филипп и его сын Иоанн Бесстрашный принимали самое непосредственное участие в управлении Францией, которая страдала от междоусобиц и продолжающейся Столетней войны с Англией. Но порой бургундские герцоги вступали в союз с англичанами и использовали слабость центральной власти для расширения своих владений. Отец Карла Смелого Филипп III Добрый (герцог в 1419–1467 гг., внук Филиппа Храброго) присоединил к ним путем завоеваний и наследственных приобретений Люксембург, Намюр, Антверпен, Брабант, графства Голландию и Зеландию, Геннегау (Эно) и стал называть себя «великим герцогом Запада».

Города Фландрии издавна отстаивали свою независимость в борьбе с французской короной, и бургундские герцоги вынуждены были с этим считаться, признавая в них элементы самоуправления. Сохраняя штаты отдельных провинций, Филипп Добрый в 1464 г. учредил и Генеральные штаты Нидерландов по образцу других сословных учреждений своего времени. Здешние города, прежде всего Антверпен, Брюгге и Амстердам, являлись крупнейшими центрами торговли, мореплавания, сукноделия и зарождающегося банковского дела. Через них из восточной части Европы ввозилось зерно, которого не хватало и в самих Нидерландах, так как значительная доля ее территории приходилась на отвоеванные у моря земли (польдеры), осушаемые с помощью дамб и приводимых в движение ветряными мельницами насосов. Северные города пытались освободиться от власти бургундцев, рассчитывая на помощь окружавших последних со всех сторон соседей-соперников. Льеж трижды восставал против своих епископов, ставленников герцога, но несмотря на содействие горожанам французского короля Людовика XI все выступления были подавлены.

Карл Смелый рассчитывал на присоединение Эльзаса и Лотарингии, которые отделяли собственно герцогство Бургундию от его северных владений. С этим и были связаны переговоры герцога с Габсбургами, открывавшие для него перспективу получения королевской, а возможно, и императорской короны. Габсбурги относились к подобным планам настороженно, и создававшаяся ситуация способствовала заключению в 1474 г. союза между последним представителем младшей ветви Габсбургов Сигизмундом Тирольским и швейцарцами (Констанцкий договор). Начались Бургундские войны, проходившие на территории Лотарингии и Швейцарии. Войска швейцарских кантонов трижды разгромили бургундцев: при Грансоне и Морате (Муртене) в 1476 г. и при Нанси, где погиб Карл Смелый.

Его наследнице Марии пришлось столкнуться с притязаниями ее опекуна, французского короля Людовика XI, от которых ее защитила только под-

держка нидерландских городов, купленная ценой существенных уступок: «Великая привилегия» в феврале 1477 г. вернула им большинство вольностей, отнятых герцогами прежде. Брак Марии с наследником германского императора Максимилианом столкнул получивших власть над Нидерландами Габсбургов с Францией. В 1479 г. французские войска потерпели поражение при Гингате, но смерть Марии в 1482 г. (ей было 25 лет, она упала с коня на соколиной охоте) привела к новым трениям с Францией и с нидерландскими подданными Максимилиана, которые отказались признать его регентом при его и Марии сыне Филиппе. Они заключили с Людовиком XI Аррасский договор, фактически отдававший последнему Бургундию и Пикардию. Максимилиан попытался реализовать свое право на все «бургундское наследство», но ему препятствовали смуты в Венгрии и Чехии, нападения турок и восстания в Нидерландах (он даже провел несколько месяцев в плену в Брюгге). По Санлисскому договору за Габсбургами остались, кроме Нидерландских областей, графства Артуа и Франш-Конте, что в дальнейшем послужило причиной новых конфликтов.

Культурная обстановка в нидерландских городах этого времени позволяет усматривать в них второй важнейший центр Европы не только в экономическом, но и в духовном отношении, хотя применительно к ним принято говорить не столько о ренессансных явлениях или влияниях, сколько о позднеготических. Эти феномены, проявившиеся как в архитектуре и искусстве, так и в особой атмосфере бургундского двора, при котором культивировались идеалы средневекового рыцарства и куртуазности, получили, благодаря книге нидерландского историка Йохана Хейзинги, название «Осени Средневековья». Имена фламандских художников XV в. приобрели такую же известность, что и их итальянских современников, творцов Возрождения.

Наибольшее значение имело творчество Яна ван Эйка (1390–1441), мастера портрета и создателя (вместе с братом) грандиозного алтаря для Гентского собора, а также придворного художника Филиппа Доброго Рогира ван дер Вейдена (1400–1464), совершившего путешествие по Италии. Его учеником и последователем был живописец немецкого происхождения Ханс Мемлинг (между 1433 и 1440–1494). К концу столетия приобретает популярность Иероним Босх (ок. 1453–1516), чьи насыщенные сатирической символикой и причудливыми фантазиями работы можно трактовать как предвестие реформационной бури. При бургундском дворе работала также плеяда композиторов-полифонистов самой знаменитой в то время нидерландской школы, в том числе Гийом Дюфаи (ок. 1400–1474), много времени проводивший в Италии, и крупнейший ее представитель Жоскен Дебре (ок. 1450–1521), также прославившийся в Италии и во Франции.

Особенно тесной была культурная связь Нидерландов с соседствующими с ними французскими и германскими землями. В северных странах новые духовные движения не имели столь явно выраженной мирской направленности, как в Италии, и всегда ставили своей задачей приближение к первоначальному евангельскому идеалу спасения (нечто подобное, но в более радикальных формах, происходило на Юге в XIII – начале XIV в.). Это течение получило название «Нового благочестия» (*Devotio moderna*) и выразилось, в частности, в деятельности Братства общей жизни, основанного в 1374 г. Гертом Гроте. Члены братства вели совместную жизнь и объединяли свое

имущество, но не принимали монашеских обетов и видели свою цель в труде, благочестии и воспитании, в том числе путем чтения Библии. Главным пособием для благочестивых мирян стал созданный в начале XV в. популярнейший мистический трактат «О подражании Христу» августинского монаха Фомы Кемпийского (1380–1471). Трактат предназначался для духовных лиц и призывал к самоотречению и следованию примеру Иисуса.

ФРАНЦИЯ

Во Франции XIV–XV вв. шел процесс складывания централизованного национального государства вопреки или во взаимодействии с множеством факторов, мешавших ее объединению. К ним относятся демографический кризис, вызванный рядом эпидемий, продолжавшаяся война с англичанами, разнохарактерность отдельных областей, наличие мощных соперничающих центров власти внутри страны и система наследования и распределения апа纳жей (уделов) «принцев крови», самостоятельность городов и сельских общин, городские и крестьянские восстания. Решающим фактором консолидации явилась не столько политика французских королей, сколько развитие национального самосознания и умножение всякого рода связей – экономических, политических и культурных.

Основную массу населения составляли крестьяне, которые были к этому времени в основном лично свободными и владели земельными наделами на праве цензивы, т.е. наследственного держания на условиях выплаты сеньору денежной ренты. Отношения внутри сословий и между сословиями и государством также все чаще получают денежное выражение. Именно в этот период складывается система регулярного и постоянного налогообложения. Наибольшее значение, с точки зрения доходов короны, имели налог на соль (габель), продажа которой была государственной монополией, и налог на землю и имущество, принадлежащие неблагородным сословиям (королевская талья).

Внутреннюю жизнь Франции определяли войны, в которых права суверенитета над ее территориями заявляли и отстаивали как английские и французские короли, так и члены королевского дома, поддерживаемые различными партиями. После невыгодного для Франции мира в Бретиньи (1360 г.) вступивший на трон в 1364 г. под именем Карла V дофин отвоевал области на юго-западе Франции, носившие название Великой Аквитании. Отряды под командованием коннетабля Бертрана Дюгеклена постепенно вытесняли англичан, так что в их руках остались в конце концов только пять портовых городов, в том числе Бордо и Кале. Последние годы правления Карла омрачили смуты в Бретани и Лангедоке; король умер в 1380 г., оставив престол 12-летнему Карлу VI. Хотя в Столетней войне наступил фактически длительный перерыв, разразилась гражданская война, вызванная властными притязаниями родни Карла, принцев королевского дома. Сначала власть делили между собой братья покойного короля Людовик Анжуйский, который участвовал также в борьбе за неаполитанский трон, правитель Лангедока Жан Беррийский и Филипп Храбрый, основатель могущества герцогов Бургундских. После того как Карл VI достиг 20-летия, он доверил управление так

называемым «мармузетам» (слово, введенное хронистом Фруассаром и примерно переводимое как «болванчик»), приближенным незнатного происхождения, пытавшимся приступить к некоторым реформам в области финансов. Чрезмерные налоги приводили к регулярным восстаниям, таким как восстание майотенов («молотобойцев») в Париже в 1382 г. и восстание тюшенов (слово итальянского происхождения, означающее «все заодно») в 80-е годы.

В 1392 г. у короля случился первый приступ преследовавшей его в дальнейшем все чаще болезни (предположительно, формы маниакально-депрессивного психоза), во время которого он убил нескольких человек из своей свиты. Вскоре к власти вернулись королевские дядя, вражда между которыми перешла к их наследникам. Образовались две партии: «бургиньонов», или бургундцев, во главе которых стал новый герцог Иоанн Бесстрашный, сын Филиппа Храброго (кузен короля), и сторонников брата короля, фаворита его жены Изабеллы Баварской, герцога Людовика Орлеанского – впоследствии их назовут «арманьяками» по имени их нового лидера – Бернара VII д'Арманьяка. В 1407 г. в Париже люди герцога Бургундского убили Людовика Орлеанского. Парижский теолог Жан Пти, находившийся на жалованье у Иоанна Бесстрашного, написал его апологию, где оправдывал законность убийства «тирана», которым считал герцога Орлеанского. Перевес склонялся то к одной, то к другой стороне, в частности в 1413 г., воспользовавшись подавлением восстания парижского цеха мясников (восстание кабошьенов по имени их вождя Кабоша), арманьяки вернули себе центральную власть.

В 1415 г. возобновилась война с англичанами, которым до этого мешали заниматься французскими делами внутренние смуты. 25 октября французская армия, намного превосходившая численностью армию английского короля Генриха V, потерпела катастрофическое поражение при Азенкуре. Английские лучники в очередной раз истребили цвет французского рыцарства, не позаботившегося защитить от стрел своих коней. Партия арманьяков, которая поддерживала дофина Карла (будущего Карла VII) была ослаблена неудачами, а поссорившаяся с ней жена Карла VI Изабелла Баварская в 1417 г. перешла на сторону бургиньонов и объявила себя регентшей при больном короле. В 1418 г. в ходе нового парижского восстания многие арманьяки, и в их числе граф Бернар, были перебиты, а дофина чудом удалось вывезти из Парижа на юг. Перед лицом английской угрозы обе партии попытались примириться, но во время встречи их представителей в сентябре 1419 г. на мосту Монтеро якобы по приказу дофина был убит Иоанн Бесстрашный. Это была месть арманьяков за убийство Людовика Орлеанского.

Новый бургундский герцог Филипп III, сын Иоанна, заключил в 1420 г. союз с английским королем Генрихом V и с помощью Изабеллы Баварской отдал ему руку дочери Карла VI Екатерины (договор в Труа). Королева «призналась», что дофин Карл прижит ею не от короля. За это ей и ее двору было сохранено содержание. Теперь права дофина, за которым стояли арманьяки, можно было оспорить. Генрих V с согласия Парижского парламента стал наследником французского короля вместо дофина Карла. В 1422 г. ушли в мир иной и Карл VI, и Генрих V, и в стране установилось своего рода двоевластие: королями были объявлены одновременно годовалый наследник Генриха V Генрих VI, возглавивший «двойную монархию» (английское и французское королевства), и Карл VII, причем в распоряжении последнего оставалась

примерно половина французских земель, в основном, области южнее Луары, правда, богатые и густонаселенные. Его резиденцией служил город Бурж в провинции Берри, почему его и прозвали «Буржским королем».

В 1428 г. англичане осадили Орлеан, закрывавший путь с Севера к их южным владениям во Франции, и создали угрозу для Буржа, так что Карл был вынужден удалиться в замок Шинон.

Жанна д'Арк

В этот трудный момент дело дофина и его сторонников спасло почти в буквальном смысле чудо, во всяком случае, история Жанны д'Арк относится к ряду тех событий, когда стечение случайных, на первый взгляд, обстоятельств переломило, казалось бы, безысходную ситуацию. Впрочем, значение этой истории было чисто моральным, судьбоносную роль сыграл психологический фактор. В марте 1429 г. 17-летней крестьянской девушке из деревни Домреми (по поводу подлинного имени, происхождения и даже возраста Жанны в науке существуют разногласия) после ряда перипетий удалось предстать перед Карлом, уверить его в своей божественной миссии. Она убедила дофина также и в законности его прав на престол по рождению, что было важно, учитывая упомянутое «признание» его матери и средневековые представления о праве на власть. В этом случае, как и во всей деятельности Жанны, главную роль сыграло именно ее убеждение в божественной поддержке, вынужденное ей голосами и видениями, – противники доказывали, естественно, что они исходили от дьявола.

Король поставил Жанну во главе войск, и Орлеан был освобожден. Затем Орлеанская Девственница, как ее стали называть, внушила Карлу намерение короноваться в Реймсе, по обычаю французских королей, хотя город находился на бургундской территории (июль 1429 г.). Серия удач была прервана попыткой взять Париж; в ходе дальнейших военных действий Жанна д'Арк попала в плен к бургундцам и была выкуплена у них англичанами. Те организовали против нее показательный процесс с обвинением в ереси (без применения пыток), который шел долго, но в итоге окончился сожжением Жанны на костре в Руане 30 мая 1431 г. Четверть века спустя приговор был отменен, а в 1920 г. Жанна д'Арк была канонизирована и объявлена святой покровительницей Франции.

Тем не менее перевес стал клониться на сторону Карла VII. В 1435 г. между ним и герцогом Бургундским был подписан Аррасский мирный договор, положивший конец борьбе партий, в 1436 г. на его сторону перешел Париж, затем были освобождены Нормандия (1450 г.) и оставшиеся в руках англичан юго-западные земли. Окончанием войны считаются победа французов при Кастийоне и падение Бордо в октябре 1453 г., хотя мир был заключен только двадцать с лишним лет спустя. В руках англичан остался лишь порт Кале на побережье Ла-Манша.

Победе способствовали некоторые преобразования, осуществленные Карлом VII. Под руководством парижанина Жана Бюро была организована полевая артиллерия; в 1445 г. учреждаются так называемые Ордонансные роты – эскадроны тяжелых конников, каждого из которых сопровождали вспомогательные бойцы. Также было сформировано пешее ополчение из лучников, по одному от каждого прихода. Для покрытия военных расходов Карл ввел, с разрешения провинциальных штатов, постоянные налоги, он учредил местные высшие судебные органы – Парламенты, подобные Па-

рижскому, в Тулузе и Гренобле. Финансы Карла VII приводил в порядок его суперинтендант, богатейший буржский купец Жак Кёр, который, правда, в 1451 г. был смещен и обвинен в растрате.

Несмотря на военные успехи, не прекращались внутренние смуты, в которых принял участие наследник Карла VII будущий король Людовик XI. В 1440 г. он присоединился к мятежу крупных сеньоров королевства, получившему название «Прагерии» по сходству с чешскими выступлениями гуситов. Оно было подавлено, но Людовик укрепился в своем апанаже – области Дофине (титულном владении наследника престола). Он принимал активное участие в военных действиях против англичан, а в 1444 г. был направлен в Швейцарию по просьбе папы Евгения IV – там заседал враждебный папе Базельский собор. Вмешательство Людовика в дела управления привело к новым ссорам с отцом, и в 1456 г., когда Карл выставил против него войско, он бежал в Бургундию. Здесь он встретил со стороны герцога Филиппа Доброго радушный прием и пробыл в его владениях до смерти своего отца в 1461 г.

Правление Людовика XI считается одной из наиболее ярких страниц в истории Франции. Людовика часто сравнивали с другими современными и более поздними монархами, силой или хитростью покончившими с феодальным сепаратизмом и устанавливавшими режим абсолютной власти в национальных государствах. Не отличаясь любовью к внешнему блеску, король пользовался популярностью в народе, а за такие свойства характера, как осторожность и мстительность, он получил прозвища Благоразумного и даже «Паука».

Сначала Людовик попытался расправиться с соратниками своего отца, но фактически продолжил его централизаторскую политику, которая шла вразрез, в частности, с обычаем раздачи земель принцам крови в апанаже. В 1465 г. последние, возмущенные этим, образовали направленную против Людовика Лигу Общественного блага, к которой примкнул наследник бургундского престола Карл Смелый. Бургундцы проявляли недовольство решением французского короля вернуть себе за выкуп города на Сомме в Пикардии, уступленные Бургундии по Аррасскому договору. Людовик противостоял войскам Лиги при Монлери, но убедился, что не сумеет одержать военную победу, а посему заключил несколько договоров со своими противниками. Король был вынужден сделать значительные уступки, в частности, он передал своему брату Карлу Беррийскому Нормандию. Но тот так и не вступил во владение, поскольку Людовик объявил эти уступки вырванными силой и начал войну с Карлом; позднее он заменил ему Нормандию на Шампань, а еще позже на Гиень.

Главную опасность для Людовика представлял новый герцог Бургундский Карл Смелый, против которого французский король постоянно подстрекал его соседей и подданных. В 1468 г. во время личной встречи Людовика и Карла на бургундской территории, в Перонне, против Карла поднялось восстание в Льеже, причем выяснилось, что к бунту призывали королевские агенты. Людовику удалось спастись ценой новых потерь, к тому же герцог заставил его присутствовать при жестокой расправе над горожанами. В дальнейшем Людовик XI предпочитал действовать чужими руками. Своих советников и подданных, обвиненных в измене, он сажал в железные клетки и предавал казни. В Англии он поддерживал соперника короля Эдуарда IV

(на сестре последнего был женат Карл Смелый, рассчитывавший на помощь английского короля). Когда Эдуард все же вторгся во Францию, Людовик, избежав сражения, ценой огромных денежных выплат и уступок заключает с англичанами договор в Пикиньи (1475 г.), формально подтвердивший результаты Столетней войны.

В 1472 г. после смерти бездетного Карла Французского Гиень окончательно переходит к королю. В 1477 г. погиб Карл Смелый, и восточная часть его владений также была присоединена к Франции. В 1480–1481 гг. пресеклась анжуйская ветвь Валуа, и в непосредственное подчинение королю перешли графства Анжу, Мэн и Прованс. Покорность короне герцога Бретонского Франциска II, участника прежних мятежей, была обеспечена рядом договоров. Наконец, перспектива получения бургундского наследства сохранялась благодаря помолвке наследника Людовика, будущего Карла VIII, с дочерью Марии Бургундской и Максимилиана Габсбурга Маргаритой. Таким образом, Людовик явился успешным собирателем французских земель; его административная деятельность также принесла плоды: доходы казны увеличились втрое, он организовал почтовую службу, содействовал развитию промышленности, приглашая чужеземных специалистов, основал университет в Бурже.

Французскую художественную культуру этого времени можно характеризовать в целом и как позднесредневековую, и как проторенессансную. Несмотря на ее открытость международным влияниям, итальянская мода на подражание Античности и экспериментирование в классическом духе еще не утвердились, скорее можно говорить о воздействии северной, особенно нидерландской, культуры. Наиболее значительные архитектурные сооружения создавались в стиле поздней готики, причем не только в церковном, но и в гражданском строительстве; в живописи, в книжной миниатюре и портрете, лучшие образцы оставил придворный художник Карла VII и Людовика XI Жан Фуке (ок. 1420–1481), в скульптуре создаются замечательно реалистичные надгробные портреты. Среди многочисленных исторических памятников выделяются «Хроники» историка Столетней войны Фруассара и «Мемуары» придворного Людовика Филиппа де Коммина. Самый знаменитый французский поэт XV в. Франсуа Вийон, бывший школяр, вращавшийся в воровской среде и не раз попадавший в тюрьму, выразил в своих иронических балладах мировосприятие общественных низов.

АНГЛИЯ

Англия также косвенно пострадала от Столетней войны, хотя военные действия велись на континенте. Непомерно возросшее налоговое бремя ложилось в основном на крестьянство, которые поставляло помимо прочего лучников в королевскую армию. Расширение рыночных отношений сказывалось на сельском хозяйстве двояко: увеличивалось число свободных и самостоятельных земледельцев, а также арендаторов земли, и в то же время количество безземельных крестьян, обрекаемых на наемный труд. Вместе с тем в конце XIV в., вследствие нехватки рабочих рук после ряда эпидемий чумы, наблюдалось некоторое возрождение барщинного хозяйства. Особенностью

Англии было вмешательство государственной власти в экономику на низшем уровне и жесткая регламентация правил торговли, ремесленной практики и занятости. После «Черной смерти» был принят ряд указов в рамках «рабочего законодательства», обязывающих всех трудоспособных наниматься на работу.

Одной из причин Столетней войны явилась борьба за влияние в Нидерландах, потреблявших продукты английского овцеводства. Не случайно юный Эдуард III провозгласил себя королем Франции на рыночной площади Гента, опираясь на поддержку горожан, восставших под предводительством суконщика Якоба ван Артевельде. В XV в. формируется собственная английская текстильная промышленность и принимаются меры «протекционистского» характера. Было запрещено вывозить товары на иностранных судах, поощряется деятельность английских купцов, экспортирующих сукна. В течение более ста лет запрещалось вывозить из страны необработанную шерсть.

В 70-е годы XIV в. французы вытеснили англичан из юго-западной Франции, избегая крупных столкновений, несмотря на грабительские рейды противника. В 1377 г., после смерти Эдуарда III на английский трон взошел его внук 10-летний Ричард II, сын Эдуарда Черного Принца, владевшего в 1362–1372 гг. Аквитанией (Гиенью) и умершего в 1376 г. До 1381 г. делами управляли государственный совет и дядя короля Джон Гонт (Гентский), герцог Ланкастер. В 1381 г. разразилось восстание низов во главе с Уотом Тайлером, спровоцированное ежегодно увеличивающимися размерами подушной подати на военные нужды. Восставшие также требовали сокращения феодальных повинностей и церковной реформы в духе Уиклифа и бродячих священников-лоллардов. Идеологом восстания выступил Джон Болл, который выразил его антидворянский дух в знаменитом стихе (перефразирующем народную поговорку): «Когда Адам пахал, а Ева пряла, разве о дворянах молва была?» Бывший солдат Уот Тайлер привел в столицу из близлежащего к Лондону Кента крестьян, которые по дороге расправились с архиепископом Кентерберийским. Восставшие требовали отставки правящих герцогов и встречи с королем. На встрече в Майл-Энде король согласился с их требованиями, а на следующий день Тайлер снова привел мятежников на поле Смитфилд, чтобы получить от Ричарда письменные гарантии. Во время этой встречи он был убит по наущению короля лордом-мэром Лондона, а восставшие, которым Ричард снова пообещал свободу, затем разогнаны и многие из них казнены. В дальнейшем король правил самостоятельно, окружив себя фаворитами, что привело к конфликтам со знатью и парламентом. В 1388 г. он был временно отстранен от власти, а в 1399 г. смещен в ходе столкновения со своим двоюродным братом Генрихом Болингброком, сыном Джона Гонта. После смерти последнего король конфисковал его владения, но Генрих, воспользовавшись отплытием Ричарда в Ирландию, вернулся с помощью французских сил в Англию и на волне всеобщего возмущения был провозглашен королем (Генрих IV, 1399–1413). Ричард II через год умер в тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

Приход к власти династии Ланкастеров послужил причиной многих будущих смут, которыми сопровождалось и царствование самого Генриха IV, чему способствовали слухи о чудесном спасении Ричарда (для их пресечения преемник Генриха IV в 1413 г. торжественно перезахоронил останки Ричарда

да II в Вестминстерском аббатстве). В правление Генриха впервые был издан указ о сожжении еретиков, направленный против лоллардов. Его сын Генрих V (род. 1387–1422) стал одним из самых удачливых полководцев Столетней войны. В 1415 г. он возобновил военные действия и разгромил французов при Азенкуре. Как уже было сказано, Генрих получил руку дочери французского короля Екатерины и стал его официальным наследником, но короны не дождался, умерев всего за два месяца до Карла VI. Обе короны достались его девятимесячному сыну Генриху VI, который начал править самостоятельно с 1437 г., после смерти матери. К этому времени значительная часть территорий во Франции оказалась потеряна, хотя и Генрих был увенчан французской короной в парижском соборе Нотр-Дам в 1431 г. в ответ на коронацию Карла VII в Реймсе в 1429 г.

Генрих VI был набожным и невоинственным правителем, и при нем возобладали сторонники мира с Францией во главе с герцогом Суффолком, который убедил короля жениться на племяннице Карла VII Маргарите Анжуйской (1445 г.). Условием этого брака выдвигалась передача Франции графств Мэн и Пуату, и обнародование (пост фактум) этой уступки привело к общественному недовольству и конфликту со сторонниками войны, возглавляемыми герцогами Глостером и Йорком. Глостер был обвинен в измене и погиб в тюрьме, а Ричард Йоркский отправлен в почетную ссылку в качестве наместника в непокорной Ирландии. Герцог Суффолк, в свою очередь, ввиду военных провалов отправился в изгнание, но по пути во Францию перевозивший его корабль был остановлен кем-то из врагов герцога, которые приказали обезглавить его (1450 г.).

Недовольство королем нашло выход в новом восстании кентских крестьян в том же 1450 г., возглавленном неким Джеком Кэдом, называвшим себя выходцем из семьи Мортимеров, потомков третьего сына Эдуарда III, которые формально следовали по старшинству за Ричардом II, т.е. стояли выше как Ланкастеров, так и Йорков. Повстанцы разбили королевские войска, заняли предместье Лондона и убили нескольких приближенных Генриха VI. Восстание было подавлено благодаря помощи ополчения лондонских горожан и обещанию помилования, хотя зачинщики затем были казнены.

Положение королевской партии, возглавляемой Маргаритой Анжуйской, более решительной, чем ее муж, усложнилось болезнью последнего, у которого появились припадки безумия, такие же, как у его деда, французского короля Карла VI. Герцог Ричард Йорк был ближайшим претендентом на престол, так как его мать Анна Мортимер приходилась внучкой уже упомянутого третьего сына Эдуарда III Плантагенета Лайонела, а по мужской линии он происходил от его пятого сына, в то время как Ланкастеры – от четвертого сына (Джона Гонта). Регентство Йорка не устраивало Маргариту, и в 1455 г. борьба между Ланкастерами и Йорками вступила в вооруженную стадию. Война продлилась более 30 лет и позднее получила название войны Алой и Белой роз по символам, избранным для себя враждующими партиями. Кризис усугублялся слабостью центральной власти, пользуясь которой крупные феодальные дома вступали в местное соперничество, и избытком в стране наемников после фактического окончания Столетней войны.

В начале военных действий успех сопутствовал йоркистам под командованием Ричарда Невилла, графа Уорвика, позже прозванного «делателем

королей». Ричард Йорк закрепил за собой титул лорда-протектора, но затем снова был отослан в Ирландию. Вернувшись оттуда с войском в 1459 г., он после нескольких сражений захватил короля в плен и посадил его в лондонский замок Тауэр. Йорк был провозглашен наследником короля, таким образом, малолетний сын Генриха VI Эдуард Вестминстерский (род. 1453–1471) был отстранен от престола.

В конце 1460 г. Ричард Йорк направился на Север Англии, где собирала силы королева Маргарита. Здесь 30 декабря он потерпел неожиданное поражение в битве при Уэйкфилде, и сам погиб в ней вместе с одним из сыновей. Голова герцога была выставлена на пике в соломенной короне.

Главой йоркистов стал теперь старший сын Ричарда Эдуард, граф Марш, который смог короноваться в Лондоне под именем Эдуарда IV и разгромил своих противников в кровопролитном сражении при Тоутоне 29 марта 1461 г., где погибло около 20 тыс. человек. Королевская чета бежала в Шотландию, правда, король в 1465 г. был снова арестован и заключен в Тауэр, а королева отправилась во Францию к своему двоюродному брату Людовику XI. Здесь она собрала новые силы, к которым присоединились поссорившийся с Эдуардом IV граф Уорвик и брат короля, еще один сын Ричарда Йорка герцог Кларенс. Их войско высадилось в Англии, а Эдуард IV, в свою очередь, отправился за помощью к герцогу Бургундскому Карлу Смелому, с недавних пор женатому на его сестре Маргарите. Эдуарда сопровождал другой его брат, Ричард Глостер, и при первом столкновении в Англии на их сторону снова перешел Кларенс. Это была битва при Барнете 14 апреля 1471 г., в которой погиб граф Уорвик. Окончательное поражение силы Ланкастеров потерпели в начале мая при Тьюксбери, Эдуард Вестминстерский погиб, а Генрих VI в третий раз попал в Тауэр, где вскоре был обнаружен убитым. Королева Маргарита также оказалась в тюрьме, откуда в 1475 г. ее выкупил французский король.

Смуты на этом, однако, не закончились, а только прервались до смерти Эдуарда IV в 1483 г. Правда, уже в 1478 г. по обвинению в заговоре брат короля герцог Кларенс был заключен в тюрьму и тайно казнен (по легенде он сам выбрал себе смерть – утонул в бочке с мальвазией). В 1475 г. был подписан выгодный для Эдуарда договор с Францией; его войско, возглавленное вторым братом, Глостером, успешно воевало в Шотландии.

Наследник Эдуарда, которому в момент воцарения исполнилось 12 лет, был провозглашен королем под именем Эдуарда V, а его мать Елизавета Вудвилл – регентшей. Влиятельная партия противников королевы объявила протектором Ричарда Глостера, который поместил Эдуарда V и его брата Ричарда в Тауэр (который служил одновременно дворцом и тюрьмой). В июне 1483 г. права Эдуарда на престол были объявлены парламентом недействительными вследствие того, что его отец, Эдуард IV, вступил в брак с Елизаветой Вудвилл уже будучи женатым, а также того, что и сам он был плодом внебрачной связи его матери. В итоге Глостер короновался под именем Ричарда III, а о судьбе его племянников в дальнейшем не известно ничего определенного (хотя короля после его свержения обвиняли в их убийстве, существуют и другие версии).

Главным противником Ричарда III во время его царствования оказался Генрих Тюдор, граф Ричмонд, и его сторонники. Генрих был одним из немно-

гих уцелевших представителей знати, имевших отношение к Ланкастерам (по женской линии): он был внуком Екатерины Французской, жены Генриха V, от ее второго брака; мать, Маргарита Бофор, приходилась правнучкой основателю династии Ланкастеров Джону Гонту. Осенью 1483 г. вспыхнул мятеж, подавленный Ричардом III; его предводитель, герцог Бекингем, подвергся казни, а граф Ричмонд бежал за границу. В августе 1485 г. высадившееся в Англии войско Ричмонда, состоявшее, в основном, из французов и валлийцев, одержало победу при Босворте над армией Ричарда III, один из командиров которой лорд Стенли в последний момент перешел на сторону Генриха. Сам Ричард погиб в сражении, и с ним закончилась история династии Плантагенетов, а воцарение Генриха VII Тюдора (1485–1509) знаменовало окончание войны Роз. Примирение враждующих партий было скреплено женитьбой нового короля на дочери Эдуарда IV Елизавете Йоркской. Впрочем, Генриху VII пришлось еще подавлять восстание племянника Ричарда III графа Линкольна в 1487 г. и бороться с самозванцами.

Окончание гражданских войн привело к прекращению внутренних смут вследствие ослабления и в значительной мере истребления крупной самостоятельной знати. Началось формирование «новой монархии», при которой возродилась и роль парламента. Англия лишилась почти всех владений на континенте, и ее международная активность на время снизилась. В то же время англичане начали осознавать себя единым народом, английский язык стал национальным языком, на котором короли приносили присягу, обращались к народу, составлялись юридические документы и законы, в конце XV в. начали печататься английские книги. На лондонском диалекте были созданы самые значительные произведения английской литературы этой эпохи: «Видение о Петре-пахаре» Уильяма Лэнгленда (вторая половина XIV в.) и «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера (1340–1400) – сборник новелл, повествователями в которых выступают герои из разных слоев общества.

Войны XV в. несколько ослабили давление англичан на их ближайших соседей. В Шотландии с 1371 г. правил основатель династии Стюартов Роберт II, внук Роберта I Брюса. Стюарты продолжили борьбу с англичанами (Яков I Стюарт провел 18 лет у них в плену), периодически возобновляя союзные договоры с Францией (Auld Alliance); во время Столетней войны на стороне Карла VII сражалось целое войско шотландских наемников. Шотландским королям пришлось также подавлять противодействие внутри собственной семьи и пресекать клановые распри в Горной Шотландии. Им удалось присоединить к своим владениям Гебридские, Оркнейские и Шетландские острова. В Шотландии имелся влиятельный однопалатный парламент, представлявший «три сословия»: духовенство, землевладельцев и города. В конце XV в. парламентом был принят акт об обязательном образовании для низовой администрации, к этому времени в стране было открыто три университета. Яков IV Стюарт женился в 1503 г. на дочери Генриха VII Маргарите Тюдор, что впоследствии обеспечило права его потомков на английскую корону.

В Ирландии также имелся свой парламент, который в конце XV в. был, однако, поставлен в зависимость от английской администрации и короля. Впрочем, реальная власть последних, начиная со времен «Черной смерти», простиралась не далее Дублина; остальная территория делилась между мес-

тными ирландскими кланами. В дальнейшем противостояние еще усугубилось Реформацией, которую ирландцы не поддерживали. Иначе сложилась судьба третьего «кельтского» региона Британии, Уэльса, выходцем из которого по отцовской линии являлся победитель в войне Роз Генрих Тюдор. Наследник английского престола с конца XIII в. носил титул принца Уэльского, но на протяжении рассматриваемого периода в Уэльсе неоднократно вспыхивали восстания, самое значимое из которых, под руководством Оуэна Глендура в начале XV в., дало полуострову на несколько лет фактическую независимость. Впрочем, при Тюдорах Уэльс полностью утратил самостоятельность.

СТРАНЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

На Пиренейском полуострове во второй половине XIV в. существовали пять крупных государственных образований: королевства Арагон, Кастилия и Леон, Португалия, Наварра и Гранадский эмират. Правители христианских королевств находились в родстве друг с другом и вели постоянные войны за передел владений. Крупнейший конгломерат взаимосвязанных территорий (формально объединенных общим монархом) представляла собой Арагонская корона. В ее состав входили королевства Арагон и Валенсия, княжество Каталония, Балеарские острова, Сардиния и частично Корсика, а также владения в Греции и Южной Франции. Подданные Арагонской короны, особенно жители островов и каталонцы, доминировали в торговом и военном мореплавании в западной части Средиземного моря, они составляли лучшие географические карты, а в конце XV в. на каталанском языке был составлен сборник морских обычаев «Книга консульства» как руководство для торговых судей-консулов в прибрежных городах Средиземноморья.

Династическая история Арагона с начала XV в. тесно переплетается с историей Кастилии и приводит в конечном счете к образованию Испанского королевства. Королевство Кастилии и Леона в XIV в. было крупнейшим государством на Пиренейском полуострове. Важнейшим источником его доходов стало отгонное скотоводство. Крупные землевладельцы, объединенные в консорциум Места, содержали огромные стада овец мериносовой породы, шерсть которых высоко ценилась и вывозилась в текстильные центры Италии и Фландрии. Развитие торговли привело к ранней коммутации ренты, т.е. замене барщины денежным оброком. Личные повинности крестьян в Кастилии были, в основном, выкуплены, а в Каталонии так называемые «дурные обычаи» сохранялись до конца XV в. (в Арагоне и позже) и были отменены после ряда крестьянских восстаний. Во всех пиренейских королевствах существовала могущественная знать, имевшая официальное право сопротивляться монархам и вступавшая в междоусобные войны.

Во второй половине XIV в. в Кастилии разразилась гражданская война между двумя сыновьями короля Альфонсо XI, законным Педро I Жестоким (род. 1334, правил в 1350–1369 гг.) и побочным – Энрике, графом Трастамарским.

Последнего поддерживали арагонский король Педро IV и французский военачальник Дюгеклен, а союзниками законного короля выступали англи-

Собор св. Марии. XIII–XV вв. Теруэль, Испания. Стиль мудахар

чане. В 1366 г. Педро Жестокий, преследуемый своим соперником, получил помощь от знаменитого полководца Столетней войны Эдуарда Черного Принца, который через год разбил армию Энрике при Нахере (Наваррете) и восстановил Педро на троне. Разлад между союзниками и болезнь Эдуарда привели к тому, что Педро снова остался без внешней поддержки. В 1369 г. он потерпел поражение при Монтеле и во время переговоров с Дюгекленом был убит графом Энрике.

Последний под именем Энрике II (он получил прозвище Братоубийцы) стал основателем новой Трастамарской династии кастильских (а позднее параллельно и арагонских) королей. Во время десятилетнего правления ему пришлось вступить в борьбу со всеми соседями – Арагоном, Португалией и Наваррой, причем конфликты он пытался решить путем заключения династических браков. Эту политику продолжил его сын Хуан I (1379–1390), женатый на дочери арагонского короля Педро IV Элеоноре. Второй его женой стала дочь португальского короля Фернанду I, по смерти которого Хуан попытался заявить свои права на португальский трон, но потерпел сокрушительное поражение при Алжубарроте в 1385 г. В 1386 г. в его владения вторгся новый претендент на кастильскую корону, брат Черного Принца Джон Гонт (Ланкастер), который вступил в брак с наследницей Педро Жестокого Констанцей. Этот конфликт был разрешен благодаря женитьбе сына Хуана I (инфанта) Энрике на дочери Ланкастера Екатерине; супруги получили

специальный титул принцев Астурийских, обозначивший их наследственные права.

Энрике III Болезненный (1390–1406) сократил привилегии знати, заседавшей в кастильском парламенте – кортесах, покровительствовал евреям, пострадавшим от погромов во время гражданских войн, успешно воевал с португальцами, с гранадскими маврами и присоединил Канарские острова, населенные народом гуанчей. В последние годы жизни его фактическим соправителем был младший брат Фернандо де Антекера, который после смерти Энрике стал регентом при его сыне Хуане II (1406–1454) вместе с Екатериной Ланкастер. Фернандо приходился племянником арагонскому королю Мартину I (брату его матери и сыну Педро IV) и выдвинул свою кандидатуру на арагонский престол, так как Мартин не оставил законных наследников и после его смерти началась борьба за власть – так называемое междуцарствие 1410–1412 гг. В 1412 г. при посредничестве кортесов Каталонии, Арагона и Валенсии было заключено соглашение – «компромисс в Каспе», и Фернандо стал носителем всех титулов Арагонской короны под именем Фердинанда I (1412–1416).

Наследником его был Альфонс V Великодушный (1416–1458), который больше занимался итальянскими делами и борьбой за Неаполь, о чем уже было сказано выше. В Неаполе Арагонскую династию продолжил побочный сын Альфонса Ферранте (Фердинанд I Неаполитанский). На Пиренейском полуострове семью представляли младшие братья Альфонса, «арагонские инфанты» Хуан (будущий Хуан II Арагонский, 1458–1479) и Энрике, которые вмешались в кастильские распри своего двоюродного брата Хуана II Кастильского со знатью. (Между прочим, он был женат на их родной сестре Марии, своей кузине, в то время как Альфонс V вступил в брак с его родной сестрой, для него двоюродной, Марией Кастильской.) Инфанты в 1427 г. изгнали из Кастилии фаворита короля Альваро де Луна и на протяжении почти 20 лет боролись с ним с переменным успехом.

Хуан Арагонский был женат на Бланке Наваррской, в 1425 г. унаследовавшей королевство Наварру, и впоследствии воевал за него со своим сыном Карлом. После вступления в 1458 г. на арагонский престол ему пришлось также столкнуться с непокорностью каталонских кортесов и вступить в войну (окончившуюся неудачно) за Руссильон. В 1469 г. Хуану II удалось заключить брачный союз его наследника, сына от второй жены, Хуаны Энрикес, Фердинанда (II Арагонского, 1479–1516), с Изабеллой, дочерью Хуана II Кастильского и сестрой короля Энрике IV Бессильного (1454–1474). Свое прозвище по одной из версий тот получил потому, что временами сам отрицал законность рождения своей единственной дочери (уже от второго брака) Хуаны и этим подтвердил слухи о своей неспособности иметь детей. Энрике признал сестру Изабеллу наследницей, правда, при условии, что она выйдет замуж за устраивающего его кандидата. Изабелла вступила в брак с Фердинандом Арагонским тайно, без согласия Энрике IV, и это повлекло после его смерти междоусобную войну при участии Португалии, так как португальский король Альфонс (Афонсу) V женился на Хуане и на этом основании претендовал на кастильский престол.

Фердинанду и Изабелле удалось окончательно утвердиться у власти в Арагоне и Кастилии только в 1479 г., причем оба королевства сохранили на

этом этапе свою автономию; тем не менее их союзом было положено начало единому испанскому государству и он ознаменовался многими грандиозными свершениями. Получившие впоследствии от папы титул «Католических» королей Фердинанд и Изабелла заложили фундамент объединения и значительно укрепили свою державу, широко используя для обоснования политических шагов ссылки на интересы католической веры. Проводником их внутренней политики стала Святая Эрмандада, военно-полицейская организация, устроенная по образцу распространенных в Испании (особенно в городах) братств по поддержанию мира и порядка.

Возрожденная в 1478 г. Инквизиция действовала под покровительством и в интересах короны и должна была укрепить лояльность ее подданных. В 1481 г. в Севилье состоялись первые сожжения еретиков по приговору инквизиционного суда (аутодафе), а к 1490 г., по оценке современника, было казнено 2 тыс. человек. В 1492 г. из страны было изгнано несколько десятков тысяч евреев, принадлежавших к наиболее богатым и образованным слоям общества; формально они не подлежали суду Инквизиции, но могли остаться, только приняв крещение. Позднее такая же судьба ожидала и мусульман-мавров, в частности жителей Гранадского эмирата, завоеванного монархами Арагона и Кастилии в 1492 г. Все эти мероприятия значительно пополнили их казну. В том же 1492 г. состоялось плавание Христофора Колумба. Между прочим, Колумб предлагал свой план поисков западного пути в Индию и португальскому королю Жуану II (1477/1481–1495), но получил отказ. Жуан, сын Афонсу V и внучатый племянник знаменитого Генриха Мореплавателя, не проявил заинтересованности в этих поисках, возможно, потому, что португальцы уже знали, что восточный путь в Индию короче западного. Жуан жестоко расправлялся со своими противниками из местной знати, которых поддерживали католические короли; еще одним поводом для вражды были притязания на вновь открываемые территории. Формально этот конфликт был улажен Тордесильяским договором 1494 г.

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ

На окраинах Западной Европы в XIV–XV вв. происходили политические события, напоминающие отчасти ситуацию во Франции и Англии, и особенно в Испании. Там создаются временные объединения, основанные на личных и династических униях, но в итоге получают перевес административные образования, являющиеся прообразом национальных государств. Формирование скандинавских государств происходит в постоянной борьбе с ганзейскими городами и немецким влиянием, особенно сильно заметным в центрах скандинавской торговли и ремесла. В политической жизни принимают участие не только местная знать и духовенство, но и свободные крестьяне, в Швеции избиравшие своих представителей в нерегулярно созывавшийся парламент – риксдаг.

В 1363 г. в Швеции поднялось восстание знати против последнего представителя династии Фолькунгов Магнуса IV Эрикссона, на заключительном этапе поддержанное датским королем Вальдемаром Аттердагом (1340–1375). Магнус бежал в Норвегию, где правил его сын, а на шведский трон был поса-

жен муж его сестры Альбрехт Мекленбургский. В качестве шведского короля с опорой на протестантскую партию ему пришлось вести длительную борьбу со сторонниками Магнуса и его наследников в Норвегии: сына Хокона и жены последнего Маргариты, дочери Вальдемара Датского. В 1376 г. сын Хокона и Маргариты Олаф унаследовал датский трон, а в 1380 – норвежский. В 1389 г. совет шведской знати (риксрод), напуганной, в частности, намерением Альбрехта отнять ранее пожалованные коронные земли, призвал на его место Маргариту. Альбрехт был разбит и попал в плен, в конце концов он уступил права на престол, и Маргарита стала фактической правительницей трех скандинавских стран (Олаф умер в 1387 г.).

В 1397 г. была заключена Кальмарская уния, провозгласившая вечный союз Дании, Норвегии и Швеции под эгидой избираемого ими короля. Формальным правителем стал внук сестры Маргариты Эрик Померанский, который приобрел самостоятельность только после ее смерти в 1412 г. Эрик вел длительные войны с графами Гольштейна за отвоевание ранее принадлежавшего Дании Шлезвига и с ганзейскими городами за пролив Зунд. С 1428 г. датчане смогли взимать пошлины за пересечение пролива. В 1434 г. вследствие ганзейской торговой блокады началось восстание крестьян и рудокопов в горнорудной шведской области Даларна. Хотя предводитель восставших Энгельбрект Энгельбректссон был убит, риксрод сместил короля Эрика и назначил регентом страны Карла Кнутссона. С этого момента начинается фактический распад унии, так как Эрик, уже не будучи шведским королем, сохранил за собой еще на некоторое время престолы Дании и Норвегии. Карл Кнутссон позднее был избран королем Швеции и в течение года занимал престол Норвегии, но постоянно сталкивался с претензиями датских королей из новой династии Ольденбургов и дважды отправлялся в изгнание. Соперничество, продолжившееся при преемнике Карла, его племяннике Стене Стуре Старшем (регент в 1470–1503 гг.) привело к окончательному разрыву унии между Швецией и Данией в 1523 г. (Норвегия вошла в состав последней).

В чем-то скандинавские политические традиции напоминали ситуацию в центральной и юго-восточной части Европы, где традиции избрания королей также способствовали соперничеству западных и местных династий. На польском престоле Анжуйская династия сменяется породнившейся с ней Ягеллонской. В 1385 г. заключается династическая Кривская уния благодаря женитьбе великого князя Литовского Ягайло на дочери польского (и венгерского) короля Людовика I Ядвиге. В Венгрии наследницей Людовика стала его старшая дочь Мария, вышедшая за Сигизмунда из династии Люксембургов, будущего императора, брата чешского короля Вацлава IV. Люксембургов на чешском, венгерском и немецком престоле сменили Габсбурги в лице Альбрехта и его сына Ладислава Постума.

Впрочем, борьба династических интересов, часто связанных с объединением корон, переплетается в этой части Европы с этноконфессиональными конфликтами, надвигающимися с Запада (битва при Грюнвальде 1410 г. с Тевтонским орденом, гуситские войны) и с Востока (поражение крестоносцев при Никополе в 1396 г., при Варне в 1444 г.).

Единство христианской Европы в XIV–XV вв. было представлено не в последнюю очередь родственными и матримониальными связями правящих в ней династий, что облегчало заключение уний. Причем, хотя отношение к

православным «схизматикам» со временем становилось все более враждебным, родство с константинопольскими императорами считалось на Западе почетным. С другой стороны, замкнутость правящей верхушки оборачивалась ее болезненностью и постепенным вырождением, а также междоусобными войнами, которые вели друг с другом отдельные ветви династий, основанные теми или иными сыновьями одного родоначальника. Как правило, воевали братья и дядя с племянниками. Законность происхождения имела значение, но не всегда была решающей: внебрачных детей можно было усыновить, а рожденных в браке – объявить незаконными.

Сегодняшнее представление о странах как месте проживания отдельных народов, имеющих политический суверенитет, только формировалось и заслонялось представлением о земле как семейном уделе, объекте владения и управления членами знатного рода, который подлежал особым правилам отчуждения. Государство могло быть и совокупностью таких уделов, управляемых выборным правителем, они могли и дробиться, и передаваться во владение вассалам, или по договору и завещанию, а также выступать предметом купли-продажи. Нередки были случаи заклада целых провинций, приводившие к большим войнам, как в случае Шлезвига, заложенного датскими королями немецким князьям, или части Эльзаса, в 1469 г. заложенной Карлу Смелому Сигизмундом Тирольским. Иными словами, владения привязывались к государю как его собственность, которой он мог распоряжаться свободнее, чем может показаться с сегодняшней точки зрения.

Более радикальные сдвиги произошли в этот период в духовной сфере: если Крестовые походы оправдывались необходимостью вернуть христианам Святую Землю, то с началом Нового времени подобные сакральные мотивы постепенно отходят на второй план, сменяясь более земными и прагматичными. Вместе с тем Возрождение наметило поворот к положительному восприятию нового и критическому отношению к себе и своей культуре, что привело к технологической и культурной (наряду с экономической и военно-политической) экспансии Европы. Именно с конца XV в., эпохи Великих открытий, начинается в полном смысле слова всемирная история.

К XV в. в Эфиопии практически уже закончилась внутренняя борьба за власть, приведшая еще в XIII в. (1270 г.) к смене династий, а по эфиопской традиции, к «восстановлению» древней «Соломоновой» династии, правившей еще в Аксуме.

Представления об Эфиопии в средневековой Европе

Со времен Крестовых походов по Европе ходили слухи о таинственном христианском царстве на Востоке, порождавшие надежды на обретение нового союзника в борьбе против «сарацин». Рассказывали об Иоанне, царе-священнике, живущем где-то между Персией и Арменией либо в Индии. По европейским дворам даже ходило письмо то ли византийскому императору, то ли римскому папе якобы от самого Иоанна.

Говорили, что земля его богата и обильна, полна молока и меда, там растет перец, реки несут золото и драгоценные камни. Есть и чудеса, которых не знают другие земли – здесь находится источник вечной юности. В огне живут сказочные саламандры, которые, как шелковичные черви шелковый кокон, создают вокруг себя оболочку из хризолита. Обитатели этой чудесной страны многочисленны и добродетельны, не знают, что такое ложь и прелюбодеяние, не ведают ни о каких пороках и преступлениях.

Возможно, толчком к созданию такой легенды послужило известие о создании государства кара-киданей (середина XII в.), среди которых было много несториан. Однако к рубежу XIII–XIV вв. стало ясно, что в Азии такого царства не существует. Но расстаться с этой легендой было сложно. Тогда к ней примешались сведения о таинственных черных христианах, с которыми европейцы сталкивались в Иерусалиме. Ведь там еще в VI в. возник монастырь эфиопской монофиситской церкви. Эти знания и соединились со старой легендой о царстве Пресвитера Иоанна, которое теперь стали искать в Африке. Африканской Индией называли Эфиопию монахи-доминиканцы середины XIII в., дававшие описание пути в эту страну вверх по Нилу. В этом столетии папы римские не раз писали правителям Эфиопии. Но нет никаких сведений о судьбе их посланцев. Достоверно известно лишь о пребывании в Эфиопии около 1315 г. доминиканского монаха Гийома Адана.

В XV в. начинаются активные плавания португальских моряков. Идея о поисках полумифического, но казавшегося таким реальным христианского царства в далеких неведомых землях была все еще жива. Итальянец на португальской службе Антонботто Узодиморе, поднявшись вверх по течению реки Гамбия, писал: «Однако будьте уверены, что отсюда действительно меньше 300 лиг (около 1800 км) до царства священника Иоанна – если не его резиденции, то хотя бы до границ его страны». Данные, полученные португальцами во время плаваний первой половины XV в., король Афонсу V распорядился передать некоему Фра Мауро, монаху с острова Мурано, венецианскому картографу. В 1459 г. им была создана карта, где указано на месте современной Эфиопии «королевство Хабешей (абиссинцев) и Пресвитера Иоанна Индийского».

Помощь, оказанная духовенством основателю новой династии Йекуно-Амлаку во время борьбы за власть, была далеко не бескорыстной. Вдохно-

вителем переворота считается один из церковных деятелей Тэкле Хэйманот. С этого времени церковь обладала третью всех земель. Были созданы два церковных поста, вошедших в структуру административного аппарата, обладатели которых получали не меньшую, а то и большую политическую силу, чем светские чиновники. Они стали вторым и третьим лицами в государстве после императора.

Центр государства сместился к югу. Ведущую роль с этого времени стал играть народ *амхара* – амхарский язык и сейчас является государственным языком Эфиопии. Борьба за главенство между церковной и светской властью стала главным содержанием истории последующих двух веков. Усиление роли духовенства сказалось на установлении регулярных связей с христианским Востоком: императоры и жители Эфиопии совершали паломничества в Иерусалим, в страну приезжали христиане не только из Александрии и Византии, но и из Сирии и Армении.

Эфиопию часто называют христианской страной. Зара-Якоб (правил в 1434–1468 гг.) писал в «Книге света»: «Наша страна окружена язычниками и мусульманами и с востока, и с запада». Однако уже в VII в. здесь появились первые мусульмане, со временем ислам приняли местные жители на берегах Красного моря и на востоке страны. Один из правителей средневековой Эфиопии Амда Цыйон (1312–1342) утверждал: «...я царь над всеми мусульманами земли эфиопской».

С другой стороны, сохранялось еще немало областей с языческим населением (главным образом на юге и юго-западе). Нередко монахи, проводившие проповеди во вновь завоеванных землях, оказывались в засадах, избивались или изгонялись местным населением. Да и в среде христиан сохранялись и вера в духов, и жертвоприношения, и иные традиции, которые определялись в хрониках формулой «по обычаям (либо вере) отцов своих». Христианизация была необходимым спутником и опорой территориальных завоеваний. И в периоды затишья, отсутствия прямых столкновений с мусульманскими владетелями на востоке страны негусы совершали походы на языческий юг, массами крестя местных жителей, строя на их землях монастыри. Но при этом они часто были вынуждены оставлять в качестве «наместников» традиционных правителей. Нередки были случаи возвращения к язычеству и отпадения от центра.

Для упрочения государства в этих условиях необходима была реорганизация власти. Процесс этот начал еще Амда Цыйон в XIV в. и практически завершил Зара-Якоб, самый значительный правитель XV столетия. Со времен Амда Цыйона все возможные наследники-соперники (братья и сыновья правителя) ссылались под своеобразный домашний арест на гору Гэшен. Не избежал этой участи, по-видимому, и Зара-Якоб. Но династическая смута возвела его в 1434 г. на престол. Оценивая его последующую деятельность, эфиопский историк Тадессе Тамрат называл его «Даром Божьим» для Эфиопии.

Это был, безусловно, неординарный человек. Здесь, как и всюду на Востоке, в наследниках воспитывали прежде всего воинов, учили стрельбе из лука, верховой езде, владению мечом, навыкам охоты, тактике боя и т.п. Грамотность не входила в число необходимых добродетелей. Зара-Якоб, прошедший юность в изгнании и заточении, был весьма начитанным и, как выразил-

Храм св. Георгия в Лалибэле. XII–XIII вв. Эфиопия

ся исследователь С.Б. Чернецов, «явился первым теоретиком на престоле». Он стремился преодолеть раздробленность страны, создавая централизованную властную структуру в лице монарха, опирающегося на высшее духовенство. В это время строились монастыри и храмы (многие из которых сохранились до наших дней), правитель дарил церкви земли. Он стал первым негусом, коронованным по христианскому обряду.

Но в эти же годы Зара-Якоб столкнулся с расколом внутри церкви, получившим название «евстафианства» по имени Евстафия (1273–1352), заложившего его основы. Первоначальным требованием «евстафианцев» было возвращение к апостольским постановлениям (в частности, празднования субботы), но одновременно, а возможно, и более важными – требования «нестяжательства», аскетизма, отказа от богатства церковников и правителей. Со временем течение начали рассматривать как антигосударственное и опасное. В 1400 г. его последователи были отлучены от церкви. Но именно это отлучение способствовало тому, что светская власть сделала «евстафианство» своим союзником в борьбе против засилья официальной церкви, связанной с Александрией, откуда вплоть до середины XX в. присылался ее глава «абуна». Занимаясь благотворительностью, ведя храмовое строительство, раздавая монастырям земли на условиях признания вассалитета Зара-Якоб сумел добиться объединения церкви (несмотря на появлявшиеся время от времени секты типа «стефанитов») под своим политическим руководством.

Зара-Якоб реформировал и армию. Его опорой стали привилегированные полки, подчинявшиеся непосредственно ему, получавшие земли во владение и освобождавшиеся от выплат местным властям.

Сформировалась разветвленная налоговая система. Помимо государственного налога взимались церковная десятина, таможенные сборы, процент с торговли и местные натуральные налоги. Стабилизация положения позволяла вести торговлю с внешним миром – Суданом и Египтом на севере и западе, с Арабским халифатом, а затем с Османской империей – на востоке и (хотя, возможно, в меньших масштабах, чем в древности) с Индией. В стране появилось много иностранцев (греков, индийцев, армян), как торговцев и ремесленников, так и духовных лиц. По выражению Бартницкого и Мانتель-Нечко, Зара-Якоб, умирая в 1468 г., оставил «Эфиопию объединенной и организованной, правда, только внешне примирившейся с абсолютной властью монарха». Среди недовольных оказались и его дети. Еще при жизни он раздал им провинции, а они вступили в заговор, в котором оказались замешаны и высшие придворные круги, и верховное духовенство. Заговор был жестоко подавлен, но после смерти Зара-Якоба страна оказалась ослабленной.

Именно во времена Зара-Якоба оформилась административная система. Существовала строгая иерархия от негуса к правителям провинций и до самых мелких административных делений. Их главы были одновременно и государственными чиновниками, и правителями в своих владениях. Вновь завоеванные земли раздавались военачальникам на условиях службы. Сложились различные формы землевладения, основными из которых были «гульт» и «рыст». Первый представлял собой наследственное владение с крестьянами при условии признания вассалитета и выполнения необходимых повинностей; второй – надел для обработки самим владельцем, передававшийся по наследству. Складывался и «королевский домен», крупным землевладельцем стала церковь. Вассалы оставляли себе часть налогов, обладали политической и военной, судебной и фискальной властью в своих владениях. Нередко их сила составляла угрозу центральной власти. Поэтому каждые несколько лет негус переводил их из одной области в другую. Эта система называлась «шум шыр» («разжалован – пожалован»), вошла в привычку и рассматривалась как неизбежная.

Сохранялась крестьянская община «адди». Хотя именно она имела право собственности на землю, и проводились периодические переделы, участки уже могли выделяться и чужакам, происходило постепенное закрепление земель за отдельными семьями. Крестьяне отработывали на землях хозяина обычно один день из четырех, но помимо этого обязаны были переносить грузы, строить дороги и т.п. Особенно тяжелой повинностью (сохранившейся до XX в.) была «дерго» – обязанность полностью содержать за свой счет чиновников и войска, проходившие через их земли.

Помимо крестьян в хозяйствах крупных землевладельцев работали и рабы. Работоторговля являлась одной из важных статей дохода. Недаром чернокожие рабы во многих странах Востока назывались общим термином «хабаш» от средневекового названия Эфиопии – Абиссиния. Внутри страны основной формой рабства было домашнее, прежде всего ремесленное производство для нужд поместья (прядение, ткачество, кузнечные работы, приготовление пищи и т.п.). Начали складываться переходные формы от ра-

бовладения к крепостничеству: рабы наделялись землей, скотом и сельскохозяйственными орудиями с обязательством выплачивать часть урожая. Жизнь раба была защищена законодательством: его убийство владельцем приравнивалось к убийству свободного; раб имел право жалобы на господина.

Восточная торговля сосредотачивалась в руках купцов-мусульман. Еще в IX–XIV вв. оформился целый ряд султанатов (Ифат, Адаль и другие). К XV в. они настолько окрепли, что стали серьезной угрозой для центральной власти. Султаны боролись между собой за контроль над торговлей и захват новых территорий. В результате происходило их укрепление, и постепенно на передний план выдвинулся Ифат. Важным условием его возвышения было удобное географическое положение на границе предгорий и пустынных равнин, где проходила перегрузка товаров с верблюдов на ослов.

Упадок красноморской торговли Эфиопии – ведь к этому времени северную часть моря контролировали турки, с юга же продвигались португальцы – привел к падению влияния местных мусульманских торговцев и их защитников султанов. Следствием же стало обнищание как низших слоев населения султанатов, так и кочевых племен, лишавшихся заработка от охраны караванов и доходов от нападений на них. Участились набеги на христианские области и выросло влияние эмиров – представителей военной знати. Современник этих событий Шихаб эд-Дин писал: «по обычаю страны... каждый эмир имел власть предпринимать или останавливать действия, совершать набеги и вести священную войну. Большинство воинов было под их рукой, а султан лишь имел свою долю налогов».

Столкновение христианского центра и мусульманской периферии было неизбежным. Первые серьезные конфликты пришлось еще на царствование Амда Цыйона, внука Йекуно-Амлака, который вел активные завоевательные походы. Внешне это выглядело как религиозная борьба, на деле преследовало цель не уничтожения или обращения противника в свою веру, а контроля над торговлей и торговыми путями. Об этом говорит и легкость неоднократного перехода простого люда из одной веры в другую. Среди подданных негусов насчитывалось немало мусульман. Так, Зара-Якоб писал египетскому султану Джакмалу, осуждая того за разрушение коптского монастыря в Каире, что сам он, имея много мусульманских подданных, весьма добр, позволяет им одеваться, как они хотят, жить, как хотят.

Тем не менее борьба продолжалась с переменным успехом. Соперники обменивались угрозами и нередко приводили их в исполнение. Правитель Эфиопии так писал предводителю мусульман: «Разве ты не знаешь, ... что я заключил в тюрьму и сделал слугой твоего брата Хакк-ад-Дина? И с тобой я так же поступлю, низложу тебя с престола твоего и погублю тебя – если ты убил 10 христиан, я убью у тебя тысячу. Если ты убил сто, я убью у тебя десять тысяч». А в ответ он получил такое послание: «Я не приду к тебе, ибо у меня войска больше, чем у тебя. И оно сражается мечами, ножами, стрелами. Если хочешь, приходи ко мне... а если нет, я приду и буду воевать с тобой».

Многих лет потребовало замирение *фалаша*. Этот небольшой народ, живший к северу от озера Тана, исповедовавший иудаизм доталмудическо-

го толка и ныне почти полностью переселившийся в Израиль (где его называют «эфиопские или черные евреи»), долго и упорно сопротивлялся завоеваниям.

Гипотезы о происхождении фалаша

Происхождение фалаша до сих пор остается загадкой. Существует множество версий. Одни считали их потомками беженцев из Иерусалима, которые после разрушения Храма переселились в Египет, где основали Элефантину, а впоследствии поднялись вверх по Нилу, спасаясь от преследований фараонов. Другие полагали, что они потомки евреев-рабов, отказавшихся уходить из египетского плена с Моисеем.

Есть и другие версии. Фалаша – якобы потомки «потерянного племени Дан»; они – местные жители, обращенные йеменскими иудаистами, бежавшими через Красное море, возможно, во время аксумо-хымьяритских войн VI в.; они – прямые потомки Моисея, женившегося на местной женщине, когда он был послан фараоном на завоевание Верхнего Египта.

Наконец, некоторые ученые считают, что народ фалаша сформировался как этноконфессиональная группа в Средние века в центральной Эфиопии. Сами фалаша в своих устных преданиях уверяют, что их предки вышли из Иерусалима в составе свиты Менелика I, сына библейского царя Соломона и царицы Савской.

Более или менее достоверная информация о фалаша относится только ко времени с XIV в., когда упоминания или достаточно подробные сведения об этом народе появляются в эфиопских хрониках и «Житиях» правителей Эфиопии.

Политический центр эфиопского государства к тому времени переместился в центральную область Шоа. Отсюда и начались активные завоевательные походы и не менее активная христианизация соседних народов. Фалаша же обосновались в горном массиве Сымен, хотя и не очень благодатном, изрезанном ущельями, но зато труднодоступном. Многие вершины были ими названы в память библейских гор – Синайская, Фаворская и другие.

Хроника так описывает эти места: «Не забудем же написать историю о том, сколь дурна земля Сымен. Все дороги ее неровны, непрямы, там множество пропастей, и не могут пройти там ни кони, ни мулы, ни ослы иначе как один за другим, да и то с трудом. Другое зло – холод сильный, что пронизывает до костей так, что не может тут жить чужестранец из-за великого холода, а лишь местные жители, которые к нему привычны. Третье же зло, что в этой стране падает сверху снег в то время, когда внизу стоит жара». Понадобилось не одно столетие, чтобы покончить с существованием в этих горах независимых владений.

Первые победы были связаны с именем эфиопского негуса Йешака (1414–1429), который сумел захватить многие области, населенные фалаша, крестил местное население, а тех, что отказывались, лишал права на землю. Главными занятиями фалаша стали ремесла: кузнечное и ювелирное дело, ткачество, гончарство и строительство. С этого времени возникла и своеобразная замкнутая этносоциальная организация.

Особенно ожесточенные столкновения фалаша и войск негуса происходили в царствования Амда Цыйона (1312–1342), Исаака (1414–1429) и Зара-Якоба (1434–1468). Первый разбил «иудейских князей» в областях Марабо, Варабо и Дамбии и построил там церкви. При втором «наместники Цаламтья и Сымена оставили христианство, приняли иудейство, истребили многих амхарцев, разбили царское войско и сожгли все церкви». Общая опасность перед лицом мусульман временно сплотила все население страны независимо от конфессии. Однако традиционная вражда возобновилась при Зара-Якобе. Хроники времен его правления пестрят сообщениями о ранее крещеных, вернувшихся к иудаизму и жестоко наказанных за это, о вооруженных выступлениях фалаша против амхарских воинов и наместников.

ЧЕРНАЯ АФРИКА НАКАНУНЕ ПРИХОДА ЕВРОПЕЙЦЕВ

Накануне европейского проникновения (к середине XV в.) Черная Африка, т.е. Африка южнее Сахары, представляла собой конгломерат разнородных социально-политических образований – от локальных групп охотников-собирателей (в том числе пигмеев и бушменов) до «королевств» и «империй». При этом существовали факторы, определявшие социокультурные характеристики, общие для всей Африки южнее Сахары. Среди них, в первую очередь, следует отметить фундаментальную роль общинной организации (при многообразии ее форм) на всем протяжении африканской истории вплоть до наших дней, а также отсутствие в доколониальный период «земельного голода» – наличие при низкой плотности населения огромных массивов земель, доступных для освоения и охотникам-собираателям, и скотоводам, и земледельцам. В то же время еще задолго до прихода европейцев на континенте вследствие природных и исторических причин сложился ряд областей, в пределах которых населявшие их народы, несмотря на различия в степени сложности социально-политической организации, обнаруживали в культурном облике черты сходства.

Стоит отметить, что в Африке южнее Сахары не возникло своей письменности, большинство сведений об этом регионе дошли до нас из арабских источников. Поэтому реконструкция истории регионов, не входящих в прямое взаимодействие с мусульманским миром в «доевропейский» период, значительно затруднена, в особенности это относится к восстановлению точной хронологии событий.

Арабские историки и путешественники об Африке

В течение столетий арабские купцы вели торговлю в Африке. С этим связано появление трудов, описывающих страны и города Западной и Восточной Африки, расположенные южнее Сахары (так называемой «арабской географической литературы»). Именно благодаря арабам (в первую очередь, жителям Магриба) в Европе появились первые карты Африки и сведения об ее внутренних районах.

Одними из самых известных авторов произведений, затрагивающих историю Африки южнее Сахары, стали бывшие почти современниками путешественник из Марокко Абу Абдаллах Мухаммед Ибн Баттута (1304–1377), автор «Подарка созерцающим о диковинах городов и чудесах путешествий», и знаменитый историк, родившийся в семье андалузского происхождения в Тунисе Абу Зейд Абд ар-Рахман Ибн Халдун (1332–1406), автор «Книги назидательных примеров по истории арабов, персов и берберов и их современников, имевших большую власть».

Ибн Баттута путешествовал в верховья Нила, побывал в восточноафриканских городах, на острове Занзибар, Мальдивах, а затем в Западной Африке – в районе р. Нигера, в том числе в Томбукту. Его описания были известны совре-

менникам, включая европейцев, что отразилось и на составлении Каталанского атласа 1375 г.

В создававшейся на протяжении десятилетий «Книге назидательных примеров» Ибн Халдуна содержится не только история Африки севернее и южнее Сахары (особенно ценными считаются описания жизни берберских племен) и других стран, но и интереснейшая теория «цивилизаций», описывающая взаимодействия между противоположными друг другу кочевыми и оседлыми народами, процессы экономического развития и упадка цивилизаций.

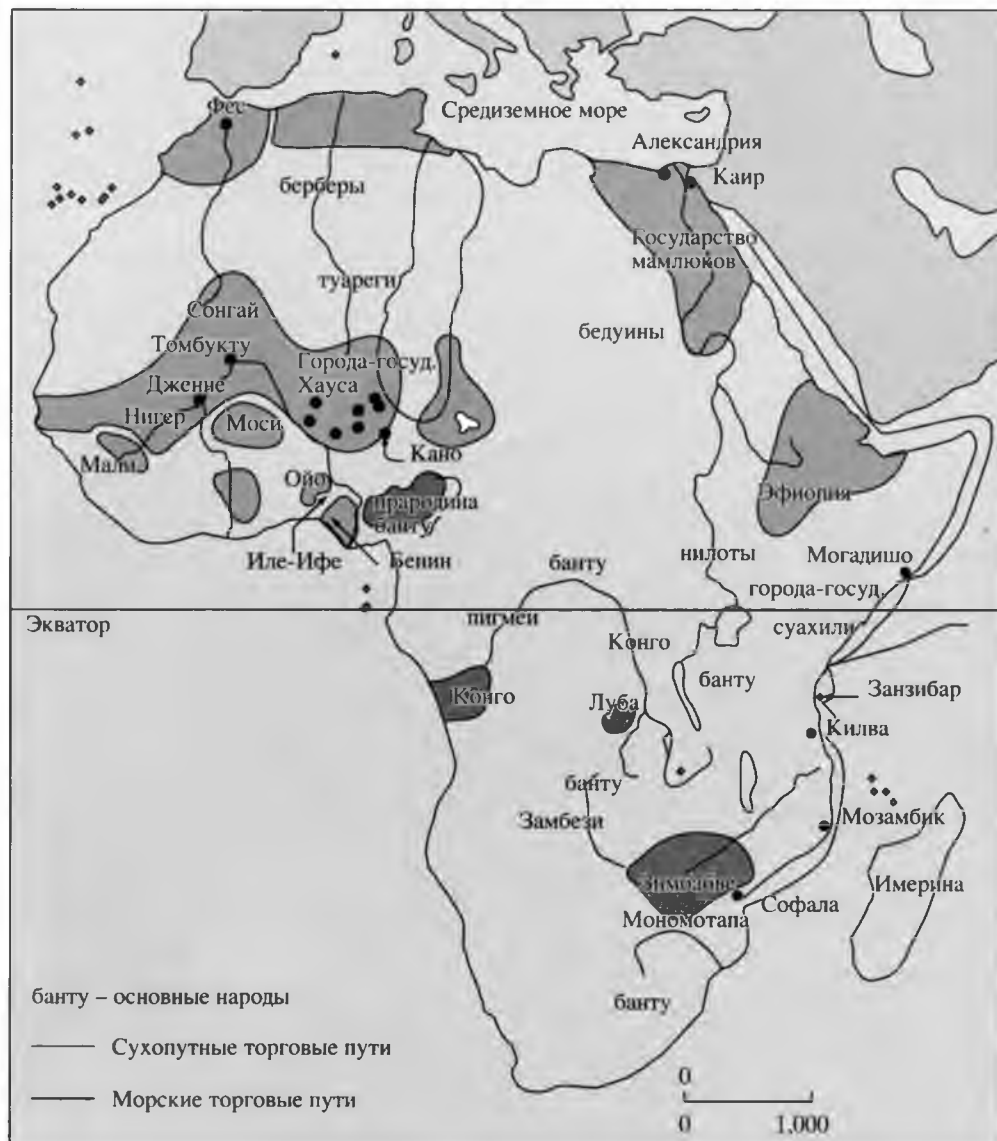
Введение к «Книге примеров» является одной из самых цитируемых книг из всего средневекового наследия. Многие политические антропологи и исторические социологи строят на основе этого текста всеобъемлющие концепции исторического процесса, апеллируя к «законам ибн Халдуна».

Ибн Баттута и Ибн Халдун оставили свои свидетельства и о могуществе и процветании мамлюкского Египта, ставшего в конце XIV – начале XV в. одним из самых сильных восточных государств (по словам Ибн Халдуна, не бывавший в Каире, не видел мощи мусульманского мира).

Крупнейшие державы в доколониальной истории Черной Африки возникали в *Западном Судане* – области открытых саванных пространств, что способствовало процессам политической интеграции в форме обширных и мощных «империй». Судан как природную и историко-культурную область, простирающуюся более чем на 1000 км от южной границы Сахары в глубь материка и на 5500 км с запада на восток – от Атлантического океана до Эфиопского нагорья – и делящуюся на Западный, Центральный и Восточный Судан, не следует путать с совр. государством Республика Судан, расположенным в Северо-Восточной Африке. При этом Восточный Судан не включается в понятие «Африка южнее Сахары».

В IV–XVI вв. в роли гегемона, доминировавшего (что обычно выражалось в обложении их данью) над менее крупными политическими образованиями (наиболее известные из них располагались на севере совр. Сенегала: Фута-Торо (основан народностью *тукулёр*), Джолоф (*волоф*), Син и Салум (оба – народности *серер*)) здесь последовательно выступали три политии – Гана, Мали и Сонгай. Если историческое Мали охватывало значительную часть принявшей его имя совр. республики (а также часть Гвинейской республики), то древняя Гана не имеет ничего общего, кроме названия, с расположенным намного южнее одноименным современным государством. В основе их могущества лежала транссахарская караванная торговля. Из Западного Судана на Север большинство караванов шло с золотом, а также полудрагоценными камнями, слоновой костью, шкурами животных, мехами, перьями страуса, рабами, в обратном же направлении – прежде всего с солью, а кроме того с тканями, изделиями из металлов и другими товарами. Упадок же последней «великой державы» Западного Судана, Сонгай, и крупнейших средневековых городских центров региона был предопределен смещением основных торговых путей к побережью Атлантического океана с приходом европейцев.

Расцвет Ганы пришелся на VII–IX вв. В арабских источниках того времени она именуется «Страной золота». С IX в. Гане пришлось вести борьбу с берберами, но ее существенное ослабление началось только после поражения от армии правителя берберов Абу Бекра из династии Альморавидов,

Африка накануне прихода европейцев

захватившей в 1076 г. столицу Ганы Кумби-Сале. Хотя под властью Альморавидов Гана находилась всего 11 лет, оправиться от этого удара ей не удалось. В результате наступившего упадка в XII – начале XIII в. Гана теряет все свои владения, а в первой половине XIII в. – и суверенитет, став частью державы, созданной Сумаоро Канте, главой народности *сосо*.

Однако господство в регионе *сосо* оказалось недолгим: начинается возвышение Мали. Небольшое политическое образование (вождество) мандингов, предков совр. малинке, из которого выросла одна из обширнейших держав в истории Африки – Мали, сложилось еще в VIII в. на землях,

расположенных по обоим берегам р. Нигер у впадения в него правого притока Санкарани, вблизи богатых месторождений золота Буре. Долгое время (до начала XIII в.) Мали находилось в зависимости от Ганы, выплачивая ей дань из средств, вырученных за поставки арабо-берберским торговцам золота и рабов. Избавиться от контроля со стороны Ганы Мали удалось только накануне ее крушения. Причем создатель «империи» Мали правитель Сундьята Кейта сумел не только сохранить независимость от нового гегемона – сосо, чего не смогли сделать лидеры других бывших владений Ганы, но и в 1235 г. победить самого Сумаоро в битве при Крине и тем самым выиграть у него борьбу за доминирование в Западном Судане. В результате Сундьята подчинил своей власти обширные и богатые золотом районы, простирающиеся от среднего течения р. Сенегал до внутренней дельты р. Нигер. Сундьята основал и новую столицу – Ниани на р. Санкарани (ранее она находилась в Кангабе в верховьях р. Нигер), где и утонул в 1255 г.

Пределы державы значительно расширил узурпатор (вольноотпущенник царского клана) Сакура (1285 – ок. 1300). В период же наивысшего политического, экономического и культурного подъема – при потомках Сундьяты «манса» (правителях) Канку Мусе I (1312–1337), Магане (1337–1341) и Сулеймане (1341–1360) – влияние Мали простиралось от Атлантического океана до излучины Нигера в его среднем течении. Однако со смертью Сулеймана начинается упадок Мали. Решающим моментом стала утрата им в 30-е годы XV в. контроля над крупнейшими центрами караванной торговли – Уалатой, Дженне и Томбукту. В середине XV в., окончательно перестав справляться с внутри- и внешнеполитическими проблемами, Мали попадает в политическую зависимость от Сонгая – своего бывшего данника, возникшего еще в VII в., но именно с этого момента превратившегося в третью «великую державу» в истории Западного Судана. Мали же в виде небольшой слабой политии просуществовало в районе своего формирования, вокруг Кангабы, вплоть до середины XVII в.

С рубежа I–II тысячелетий все более важным фактором культурного и общественно-политического развития западносуданских обществ становится

Догонская фигура матери с ребенком. Мали. XIV в. Дерево. Музей Бранли, Париж © 2011. Photo Scala Florence

Великая мечеть в Дженне. Мали. Современный вид

их взаимодействие с миром ислама, частью которого к тому времени стала Северная Африка. Опять же, в основе этих взаимоотношений лежала караванная торговля, в том числе заинтересованность и североафриканских, и западносуданских правителей в контроле над ней. Поэтому формы взаимодействия между обществами Северной Африки и Западного Судана не всегда были мирными. В то же время другой стороной этого взаимодействия явилось проникновение ислама и его высокой культуры в зону Сахеля (араб. *сахил* – «берег») – области саванн, примыкающей к Сахаре с юга, т.е., по сути, синониму понятия «Судан» как природного и историко-культурного региона.

Проникновение это, однако, имело специфические черты. Мусульмане (преимущественно арабы) попадали в Западный Судан как купцы или факхи – ученые и проповедники. Они селились в отдельных кварталах западносуданских городов, таких как торговые и культурные центры Дженне и Томбукту, мало контактируя с простыми коренными горожанами и вообще не вступая во взаимоотношения с сельскими жителями. Однако африканские правители обнаружили заинтересованность в принятии ислама в качестве официальной идеологии, которая могла способствовать укреплению их власти. Если Гана была еще всецело языческим обществом, то высшие слои Мали (к середине XIII в., а правители – с середины XI в.) и Сонгая (с рубежа I и II тысячелетий) уже исламизировались, хотя по источникам явственно прослеживается и сохранение в их культуре, в том числе в ее ритуально-церемониальном «обрамлении», доисламских элементов. В то же время в неэлитарной, общинной среде мусульманская культура, включая арабский

язык, не получила практически никакого распространения, а сам ислам в эту среду либо вообще не проникал, либо становился лишь «налетом» на автохтонных архаических верованиях.

Оставались в средневековом Западном Судане и общества, даже элита которых в рассматриваемый период не подверглась исламизации, в частности «королевства» *моси* в совр. Буркина Фасо, древнейшие из которых (Догомба, Мампруси, Накомсе, Нанумба, Ризьям, Уагадугу, Фадан-Гурма, Ятенга) образовались в середине XIV – середине XV в. Хотя правитель (*моро-наба*) Уагадугу признавался верховным по отношению к другим монархам *моси*, его власть над ними была номинальной. Правители Мали и Сонгая совершали против них походы под знаменем ислама, а потому правители *моси* продолжали опираться на идеологию, основанную на традиционных верованиях, прежде всего связанных с культами земли и идеями о сакральности власти монарха.

Необходимость вначале закрепиться на территориях, на которые *моси* мигрировали только в первой половине II тысячелетия, а затем противостоять мощным соседям, привела к формированию у *моси* сильной военной организации. Конница *моси* регулярно наносила поражения армиям крупных соседних держав, причем не только в оборонительных, но и в наступательных войнах, как это случилось в 1400 г., когда она совершила поход на Мали.

В Центральном Судане с VII в. образовались два очага социально-политического и культурного развития: собственно суданский и расположенный к югу от оз. Чад, в бассейне рек Логоне и Шари и достаточно быстро исламизировавшийся. Второй из них археологи и историки связывают с культурой железного века *сао*, чья область распространения охватывала современные юг Республики Чад, север Камеруна и северо-восток Нигерии. Эта культура просуществовала до XVII в., а в XIII–XIV вв. ее носители представили серьезную силу в Центральном Судане и вели длительные войны с государством Канем, в итоге завершившиеся их поражением.

Канем возник северо-восточнее оз. Чад, вероятно, в VIII–IX вв. Его создателями были *канембу* и негроидные народы юго-восточной Сахары (*тубу*, *загава* и др.). Устная историческая традиция приписывает основание Канема некоему Дугу из знатного берберского рода, якобы принявшему титул верховного правителя – *маи* и положившему начало династии Сейфува. Однако ученые склоняются к мнению, что первоначальной правящей группой были *загава*. Могущество Канема и богатство его правителей определялись ключевым положением страны на древних торговых путях, ведущих на север до Феццана (на территории Ливии), а на восток – к Нилу и далее до Сомали. В конце XI в. правитель Хуме (1085–1097) принял ислам, и с тех пор элита страны поддерживала не только торговые, но и религиозно-культурные связи с Северной Африкой. В результате Канем стал средоточием мусульманской цивилизации в Центральном Судане, подобно Мали в Судане Западном.

Наивысшего подъема Канем достиг при «маи» Дунама Диббалами (1221–1259), когда благодаря успехам канемской конницы в многочисленных войнах на севере в сферу его влияния входили обширные пространства от Нигера на западе до Нила на востоке и от нагорья Тибести в Сахаре на севере до бассейнов рек Шари и Логоне на юге. Страна делилась на четыре части по сторонам света, каждой из которых управлял особый наместник. Однако уже

в 60-е годы XIII в. обострение борьбы за престол между многочисленными членами династии, в которую вопреки правилу патрилинейной передачи власти вмешались и родственники «маи» по материнской линии, вожди *булала*, а также сопротивление покоренных народов и удары со стороны тубу привели к кризису Канема. В XIV в. один за другим были убиты четыре «маи». Во второй половине 80-х годов XIV в. Сейфува были изгнаны из столицы страны Нджими и переселились к юго-западу от оз. Чад, в провинцию Борну, где создали одноименное политическое образование со столицей в Нгазаргаму. Им Сейфува владели до 1446 г. Канемом же стали править «булала», и только в начале XVI в. властителю Борну Идрису II (1504–1526) удалось вернуть Канем, включая Нджими, под власть Сейфува.

В XII–XIII вв. начинается продвижение из Западного Судана кочевых скотоводов *фульбе*, в конце XIV в. создавших во внутренней дельте Нигера, у его слияния с р. Бани, свое первое политическое образование Масину, просуществовавшее до 1862 г. Однако основные миграции фульбе, в результате которых они расселились вплоть до современного Камеруна и во многом определили ход истории Западной Африки, пришлось на XVI–XIX вв.

В XIII в. на севере совр. Нигерии на базе существовавших с I тысячелетия н.э. мелких общинных социумов оформились семь из известных позднее четырнадцати политических образований *хауса* – так называемые «семь истинных хауса»: «города-государства» Бирама, Гобир, Даура, Заззау, Кано, Кацина и Рано со своими родственными друг другу династиями, предположительно основанными кочевниками-пришельцами с севера. Несмотря на устойчивое представление о культурно-историческом единстве хаусанской общности, основанное на родстве династий и отраженное в местных хрониках, каждый город с прилегающей округой представлял собой самостоятельную политическую единицу.

В XIV–XV вв. ведущее положение среди политий хауса занимали Кано и Кацина. XV в. ознаменовался для стран хауса (особенно для Кано, в меньшей степени для Кацины) расцветом транссахарской торговли. В 20–30-е годы XV в. учащаются набеги хауса на земли к югу за рабами, караванная торговля распространяется в направлении и пустыни, и зоны тропических лесов, до территории современной Ганы. Главным товаром, поставлявшимся в земли хауса с севера, была медь, а основу экспорта составляли хлопчатобумажные ткани цвета индиго и ремесленные изделия из металла и кожи – то, чем хаусанские мастера славятся по сей день.

В XIV в. к хауса из Мали проник ислам, причем если в Кано его влияние распространилось лишь на правящую элиту, поспособствовав проводившейся ею политике централизации, то в Кацине, наоборот, – в большей мере на простонародье. Еще большее, чем Мали, политическое и социально-экономическое воздействие на хауса оказало Борну: некоторое время страны хауса прямо зависели от него и платили дань. Ко второй половине XV в. Кано и Кацина попадают под влияние Сонгая, значительно усилившееся в следующем столетии.

Историко-культурное и социально-политическое своеобразие *Верхней Гвинеи* – области, расположенной к югу от Западного и Центрального Судана до Атлантического океана, определялось тем, что в природном отношении это зона труднопроходимого тропического леса, практически исключав-

шего возможность создания крупных политий, подобных тем, что сложились в саванне Судана. Распространение мухи це-це делало практически невозможным коневодство и сильно затрудняло разведение скота. Лес ограждал народы Верхней Гвинеи и от прямого воздействия ислама вплоть до конца XVIII–XIX вв. Одним из следствий этого явилось отсутствие обширных письменных источников по «доевропейской» истории народов Верхней Гвинеи. Однако все это отнюдь не означает, что верхнегвинейские общества были слабыми и отсталыми. «Города-государства» *йоруба* – Бенин, а позже и Дагомея – отличались как высоким уровнем социокультурного развития, так и (в периоды расцвета) политическим могуществом (не следует путать доколониальный Бенин, который, как и подавляющее большинство городов *йоруба*, находился на юго-западе сегодняшней Нигерии, современную Республику Бенин, на территории которой располагалась Дагомея, а также один из *йорубских* «городов-государств» Кету).

Как и хауса, *йоруба* представляли собой этнокультурную общность при отсутствии единой политической организации: в рассматриваемый период каждый город со своей деревенской округой являлся суверенной политией. Однако правители всех городов *йоруба* считали друг друга родственниками, ибо возводили свое происхождение к одному предку – легендарному Одудува. Согласно преданиям, именно он, спустившись с небес, создал земную твердь; на месте же, где это произошло, основал первый город – Иле-Ифе, стал его первым правителем (*оони*) и послал своих сыновей основывать новые города и править в них. Археология подтверждает исключительную для региона древность Иле-Ифе: археологические слои культуры железного века прослеживаются в нем с VI в. н.э. Расцвет Ифе приходится на XII–XV вв.; в частности, к этому времени относятся шедевры ифской скульптуры. И по сей день Иле-Ифе является сакральным центром *йоруба*. «Оони» Иле-Ифе, как потомок Одудува, признается старшим другими *йорубскими* традиционными правителями, приписывающими основание своих династий сыновьям последнего и формально получающими от «оони» инвестиру при восшествии на престол, а важнейшие, имеющие значение для всего народа *йоруба*, алтари находятся перед его дворцом. Древнейшие после Иле-Ифе города *йоруба*, такие как Иджебу, Кету, Ово, Ойо и Ондо, возникли в X–XIV вв.

Историко-культурную общность с *йоруба* образуют *бини* – создатели (как его называли впоследствии европейцы) «Великого Бенина». Поселение, из которого вырос город Бенин и вокруг которого сложилось одноименное политическое образование, зародилось, возможно, в середине VIII в. Согласно устной исторической традиции, институт монархии возникает в Бенине в X в. благодаря пришельцам из Иле-Ифе. По ней же, после примерно полувекового периода междоусобицы на грани XII и XIII вв. слабую «первую династию» *огисо* сменяет вторая – *оба*; нынешний традиционный правитель Бенина признается ее 38-м представителем на троне. Вторая династия также считается (и, очевидно, на самом деле является) ифской по происхождению. Традиция приписывает основание династии «оба» (как и династии *алафинов* – правителей Ойо) одному из сыновей Одудува, принцу Оранмийану. Ранние европейские источники позволяют утверждать, что восходивший на престол «оба» получал символы власти от «оони» ставшего священным и

для бини Иле-Ифе. Там же хоронили и голову каждого третьего умершего верховного правителя Бенина.

С Иле-Ифе устная традиция связывает и появление на свет знаменитого искусства «бенинской бронзы». Согласно ей, в конце XIII в. «оба» Огуола пригласил из Иле-Ифе бронзолитейщика по имени Игуэ́гха, чтобы тот обучил своему ремеслу бенинцев. Возможно, не повествуя о реальном историческом событии, эта легенда отражает факты возникновения искусства «бенинской бронзы» в то время и его преемственности от искусства Ифе.

Династии «оба» наконец удалось установить в стране эффективную центральную власть, а «оба» Эведо во второй половине XIII в. смог значительно повысить и закрепить (вплоть до начала XVII в.) реальную роль верховного правителя, избавившись от жесткого контроля со стороны придворных вождей, под которым находились его предшественники.

Расширение границ способствовало и установлению торговых связей со все более отдаленными от города Бенина странами и народами. Впрочем, при Эвуаре ни на одном из направлений бенинцы еще не продвинулись более чем на 150 км от метрополии. В то же время сами направления бенинской экспансии при Эвуаре были чрезвычайно многообразны и исключительно важны стратегически: восточное – в области расселения *игбо* и *иджо* на побережье Нигера; южное – к океанскому побережью; северное и северо-западное – в том числе на йорубские земли Экити, Иджеша и Ондо. Однако создание «империи» никоим образом не изменило социальных основ бенинского общества: как и у йоруба, оно продолжало базироваться на большой семье и общине.

Йоруба и бини оказали влияние на культуру и общественный строй народов, уровень сложности и централизованности социально-политической организации которых был значительно ниже: *иджо*, *ибо* и др. У некоторых из них, в частности *игала* и *итсекири*, в результате возникли собственные, поначалу зависимые, «королевства» с династиями бенинского или йорубского происхождения, которым, однако, со временем удалось получить независимость и даже вступить в соперничество с бывшими метрополиями за контроль над торговыми путями. Некоторые народы Верхней Гвинеи еще до появления европейцев создали собственные политические образования того же уровня сложности, а отчасти и типа (с сакрализованным монархом во главе), что и йоруба и бини, находясь вне их прямого влияния: *бариба* («королевство» Буса, XII–XIII вв. или немногим позднее), *джукун* (к XIV в.), *нупе* (конец XIV – начало XV в.). Все эти народы расселялись к востоку или северу от бини и йоруба; на землях, лежащих в пределах верхнегвинейского ареала западнее этнической территории последних, общества сопоставимого уровня социокультурной сложности начинают появляться только в XVI в.

От нигерийско-камерунской границы на восток и юг до естественных границ материка ныне протянулась «*Африка банту*». Многочисленные народы этой языковой семьи составляют большинство жителей всех стран южной половины континента. Прародина *банту* находилась на восточной окраине области их нынешнего расселения – на стыке Нигерии и Камеруна; миграции же банту проходили в несколько волн, охвативших период с I тысячелетия до н.э. по начало II тысячелетия н.э.

Обширные пространства от Камеруна до Анголы именуются *Нижней Гвинеей* и делятся на две части: лесистую северную и саванную южную, граница между которыми проходит по р. Конго в ее среднем и нижнем течении. На севере Нижней Гвинеи ко времени появления там европейцев ни у одного из населяющих этот регион народов не образовалось форм социально-политической организации, более сложных, чем вождества. На юге же к середине XV в. уже наметились два крупных центра общественного и культурного развития: на атлантическом побережье и на юге совр. Демократической Республики Конго. Однако во втором из этих центров первые мощные политии (Луба и Лунда) возникли только в XVI столетии.

На побережье же между XIII и началом XV в. сформировалось одно из крупнейших и наиболее сложно организованных «королевств» «Черной Африки» за пределами Судана – Конго, созданное одноименным народом. Различными учеными время сложения Конго определяется по-разному: XIII, XIV или начало XV в. Спорными остаются и многие вопросы, связанные со степенью зависимости от Конго тех или иных земель.

Устная историческая традиция связывает образование Конго с завоеванием отрядом под командованием Нтину Вене (иначе – Ними а Луке-ни), сына правителя небольшой политии Бунгу, пришедшим с правого (северного) берега р. Конго, вождества народа *амбунду* Нсунди, являвшегося центром политического образования, в состав которого входили еще пять крупных вождеств, также постепенно подчиненных новым правителем. Эти шесть бывших вождеств составили территориальное ядро Конго. Кроме них, власть Нтину Вене были вынуждены признать правители Ндонго и небольших политий на правобережье Конго – Каконго, Лоанго и Нгойо, населенных народами, родственными конго. Территориальную экспансию, начатую первым правителем, продолжили его наследники, и, хотя на раннем этапе своей истории Конго несколько раз распадалось, в период максимального могущества, в XV – первой половине XVI в., оно занимало обширные пространства в основном к югу, но также и к северу от низовий р. Конго.

Правитель носил титул *маниконго* («хозяин конго»). Наследование трона было матрилинейным, соответственно общим принципам наследования у конго и амбунду. В идеале власть должна была переходить к братьям предыдущего монарха в порядке старшинства или к сыновьям его старшей сестры. Однако на практике на престол обычно претендовало сразу несколько представителей династии, и конфликты за него не были редкостью в истории страны.

В пору расцвета Конго являл собой один из немногих примеров доколониальных африканских политий, система управления которыми основывалась преимущественно на территориальных, а не родственных принципах, хотя до 1506 г., когда на трон вступил поборник католицизма Аффонсу I, в основе официальной идеологии традиционно для Африки южнее Сахары лежал культ предков правителя, выступавшего в качестве верховного жреца. Первоначально «маниконго» только утверждал у власти местных вождей, обладавших правом на нее в силу исконных местных общинно-родственных норм, но в XV в. территориальное ядро страны подверглось разделению на шесть провинций (Мбанза-Конго, Мбата, Мпангу, Мпемба, Нсунди и Сойо), в свою очередь, состоявших из округов. Столичная провинция явля-

лась доменом «маниконго», главы же остальных (как и управляющие округами), пусть границы их владений по-прежнему совпадали с пределами прежних вожеств, теперь выбирались среди придворных, получали власть не по наследству, а от «маниконго», и могли в любой момент быть отстранены им от нее.

Главной обязанностью региональных администраторов являлся ежегодный сбор дани верховному правителю. Помимо натуральных податей с общинников, в столицу страны Мбанза-Конго к «маниконго» стекались доходы от торговли с населением океанского побережья (главными экспортными товарами служили разнообразные изделия из добывавшихся в Конго железа и меди), взимания дорожной пошлины и штрафов. Возведение дворцов, прокладка дорог и прочее обеспечивались привлечением населения к исполнению трудовой повинности.

В *Восточной Африке* в рассматриваемый период выделяются два совершенно независимых и изолированных друг от друга социокультурных ареала – зона арабо-африканского синтеза, протянувшаяся узкой полосой вдоль Индийского океана между совр. Сомали и Мозамбиком, и не затронутая арабским влиянием область Межозерья.

Первые выходцы с Аравийского полуострова появляются на африканских берегах и близлежащих островах Индийского океана в VII в. В последующие века имело место еще несколько волн переселений арабов в Восточную Африку. В отличие от североафриканских арабов, проникавших в Судан, пришельцы из Аравии, купцы и проповедники, селились среди африканцев, брали жен и наложниц из местных жителей, обзаводились черной прислугой, торговыми партнерами, усваивая отдельные элементы африканской культуры. В результате в X–XII вв. образовалась синтезная культура *суахили* (опять же, от араб. «сахил» – «берег», во мн. ч. «савахил»), центром сложения и развития которой стали основанные арабами, часто на базе уже существовавших поселений, суверенные города, чье процветание вплоть до прихода в конце XV в. португальцев базировалось на торговле (прежде всего золотом, слоновой костью и невольниками) со странами Передней и Южной Азии, а с XV в. и с Китаем: Могодишо, Малинди, Геди, Момбаса, Ламу, Пате, Занзибар, Килва, Софала и другие – всего более тридцати. Первые из таких центров, окруженных деревнями, формировались начиная с рубежа VIII–IX вв., а наивысшего подъема города суахили достигли в XII–XIV вв. Они никогда не представляли собой единого политического образования или даже союза политий, хотя в тот или иной исторический период один из городов мог выделяться бóльшим влиянием и богатством: в XII–XIII вв. – Килва, в XIV в. – Пате, в XV столетии – Занзибар.

В этническом отношении население суахилийских городов отличалось пестротой, но говорило на едином языке – «кисуахили», в котором грамматический строй и лексика из языков банту сочетаются с обилием слов, заимствованных из арабского. Утвердился и единый социально-политический и культурно-бытовой уклад. Так, политические символы и ритуалы, правила наследования власти (матрилинейные; не сыном, а младшим братом или, при его отсутствии, племянником) и некоторые нормы обычного права, система родства, тип женской одежды восходили к исконным африканским образцам и моделям, в то время как религия и обусловленная ею идеология,

значительная часть юридических норм, графика суахилийской письменности, календарь, некоторые формы фольклора, архитектурный стиль городов и тип мужской одежды – все они были принесены арабами.

В Межозерье к рубежу XIII–XIV вв. образовалось большое число вожеств – объединений под властью одного вождя общин-деревень на площади в 250–500 кв. км с суммарной численностью населения в несколько тысяч человек. Древнейшим «королевством» в регионе, осуществлявшим гегемонию над множеством вожеств, была Китара, центр которой располагался на западе нынешней Уганды. Китара возникла в XIII–XIV вв. в результате насильственного подчинения местных земледельцев скотоводами *чвези* (один из кланов народности *хима*, или *ньянке*), пришедшими предположительно из современной Эфиопии, которые внешне отличались от местных жителей и установили этнокастовую социальную стратификацию, в последующем характерную для многих обществ Межозерья, возникших таким же образом в связи с миграцией туда в конце XV–XVI в. скотоводческих нилотских народов из Восточного Судана. Скотоводы заняли высшую социальную нишу, а земледельцы – низшую; первые владели крупными стадами и лучшими землями, а вторые арендовали у них скот и землю, платя натуральные подати. Внешняя торговля в Китаре практически отсутствовала.

Расцвет Китары, как и предшествующий период, сопровождавшийся внешней экспансией, пришелся на начало – середину XV в. – время правления Ндахуры и его сына Вамары. Их царствования прошли в непрерывных войнах. Ндахуре, а поначалу и Вамаре в них сопутствовал успех, однако в итоге правление последнего завершилось поражением от пришедших с севера нилотов-*луо*, которые захватили столицу Китары Биго, изгнали ее правителей и создали собственную политику Буньоро (в науке иногда именуемую Китара-Буньоро). В целом уже в XVI в. процесс формирования «королевств» в районе Великих озер протекал особенно активно.

В Южной Африке очаг социально-экономического и политического развития сложился на территории совр. Зимбабве, в междуречье Замбези и Лимпопо. Его создателями были *розви* и *каранга* – две группы народа *шона*. В начале XV в. один из карангских правителей принял титул *мвене мутапа* («хозяин покоренных земель»), в дальнейшем в искаженной португальцами транскрипции давший имя стране в европейских источниках и в науке – Мономотапа. Археологами исследованы многочисленные городища с остатками крупных каменных сооружений. Эти поселения служили резиденциями правителей разного ранга (объединений общин или союзов таких объединений), культовыми и ремесленными центрами. Главное поселение располагалось неподалеку от совр. г. Ньянда вокруг холма Зимбабве, имя которого получила вся археологическая культура железного века (IX–XVIII вв.), чьи памятники обнаружены также в Мозамбике и ЮАР. Возведение крупных построек на холме, образовавших комплекс Большое Зимбабве, относится к X–XVII вв.; причем наиболее совершенные технически и художественно – ко второй половине XIII – середине XV в. По оценкам ученых, в это время в городе проживало ок. 18 тыс. чел.

Во взлете архитектуры, расширении площади и численности населения Зимбабве нашел отражение общий подъем страны в тот период. Пика централизации власти, политического и внешнеэкономического могущества она

Стены «Большого Зимбабве». Мономотапа. XIII–XV вв.

достигла при правителях Ньятсимба Мутота (ок. 1430 – ок. 1450) и Матопе Ньянхехве Небедзак (ок. 1450 – ок. 1480). В те годы границы Мономотапы определялись р. Замбези на севере, р. Саби – на юге и Индийским океаном – на востоке. Основой ее процветания являлась торговля золотом, железом и медью, причем не только с внутренними районами Африки, но и – через самый южный суахильский город Софала – с другими городами восточноафриканского побережья, с Аравией, Индией, Юго-Восточной Азией. Развит был и внутренний обмен с применением денежного эквивалента – медных слитков. Особенностью хозяйственной организации Мономотапы являлось широкое применение ирригационного террасного земледелия наряду с типичным для субсахарской Африки ручным подсечно-огневым. Само значение титула верховного правителя красноречиво говорит о том, как возникла держава шона. Однако «мвене мутапа» являлся не только военачальником, но и верховным жрецом; подданные считали его посредником между ними и верховным божеством *Мвари*, даровавшим урожай и прочие блага.

В конце XV или начале XVI в. двор «мвене мутапа» переместился из Зимбабве на север, в Звонгомбе (близ Хараре – столицы совр. Республики Зимбабве). Среди ученых нет единого мнения по поводу приведших к этому причин. Некоторые из них полагают, что именно в это время перестала играть роль торговой артерии Саби, ставшая несудоходной вплоть до впадения в нее Рунде, близ которой находится Большое Зимбабве. Другие считают, что решающим фактором явилась длительная война во внутренних районах страны, в результате которой до ее окончания в 1506 г. оказалась прерванной торговля с побережьем. В любом случае несомненно, что в факте переноса столицы отразился начавшийся упадок державы.

Развитие Мадагаскара и большинства архипелагов в Индийском океане (Коморских, Маскаренских и Сейшельских о-вов) долгое время протекало

в изоляции от африканского континента. На Мадагаскаре наиболее сложно организованное социально и политически общество Имерина возникло в гористом центре острова, населенном народом *мерина*. Согласно устной традиции, сложение Имерины началось в XIV или XV в. Лежащие в Мозамбикском проливе между Мадагаскаром и африканским континентом Коморские о-ва с XII в. находились под властью суахильской Килвы, но ислам и его культура утвердились на островах еще раньше, в конце I тысячелетия, когда во взаимодействии арабов и африканцев суахильская культура только формировалась.

Можно сказать, что до появления европейцев значительная часть Африки южнее Сахары – та, что лежала вне сферы арабского влияния, – развивалась практически исключительно в силу своей собственной внутренней социокультурной (цивилизационной) логики: история ставила «опыт в чистом виде». Европейское проникновение в «Черную Африку» оказалось более массированным, нежели арабское, охватив в итоге весь континент и приведя к почти повсеместному установлению на нем колониальных режимов.

АМЕРИКА: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ (до начала XVI века)

ПРИРОДА И ДРЕВНЕЙШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ АМЕРИКИ

Исторический отрезок, который применительно к Старому Свету принято обозначать термином Средневековье, в Америке включает время существования автохтонных цивилизаций, сопоставимых по уровню развития с обществами древнего мира (преимущественно древневосточными).

Археологами в Америке выявлены следы присутствия человека, начиная с периода позднего палеолита (40–50 тыс. лет назад). Хотя до знаменитой экспедиции Христофора Колумба народы Старого и Нового Света развивались практически изолированно друг от друга, в их культуре можно обнаружить не только различия, но и сходство. Как и в Старом Свете, палеолитических охотников сменили мезолитические племена, уступившие, в свою очередь, историческое место неолитическим группам, освоившим пространство двух континентов от Северного Ледовитого океана до Магелланова пролива. В Новом Свете и во II тысячелетии н.э. оставалось немало народов, чье хозяйство было присваивающим, а образ жизни – кочевым или полукочевым. Племена охотников, рыболовов и собирателей населяли арктические области, хвойные леса, степи и полупустыни, а также некоторые труднопроходимые районы тропических лесов. Единственным помощником индейцев и эскимосов по-прежнему оставалась собака, одомашненная их далекими предками до заселения Америки.

Освоение колоссальных территорий, приспособление к разнородным ландшафтам потребовало от человеческих коллективов невероятных усилий и наложило неизгладимый отпечаток на культуру индейских племен, предопределив их относительно медленное общественное развитие. Не случайно сведения о властных отношениях, социальной организации, материальной и духовной культуре аборигенов Северной и Южной Америки со времен Л.Г. Моргана неоднократно использовались для реконструкции древнейших этапов истории человечества.

Отступление ледников и последовавшее за этим качественное изменение климата, флоры и фауны привели к «неолитической революции». Первые опыты domestikации растений и животных в Западном полушарии были осуществлены в XII–VII тысячелетиях до н.э. Процесс становления производящего хозяйства, как и в Старом Свете, охватил в Америке лишь отдельные регионы. Обнаруженные при раскопках свидетельства окончательного перехода к производящей экономике в горных районах Перу (Аякучо) относятся к III тысячелетию до н.э., в Центральной Мексике (Теуакан) – рубежу III–II тысячелетий до н.э., на перуанском побережье – к концу II–I тысячелетия до н.э. К середине II тысячелетия н.э., когда на земли Нового Света ступили европейские завоеватели, земледелие было известно многим индейским племенам, населявшим и тропические, и умеренные широты. Важнейшей культурой стала кукуруза (маис), которая в процессе целенаправленного отбора

была превращена в высокоурожайный злак. Помимо нее аборигены культивировали фасоль, разнообразные корнеплоды и клубнеплоды (маниок, картофель и др.), выращивали овощи (томаты, перец, тыквы и т.д.), разводили плодовые деревья. Американскими по происхождению являются такие технические культуры, как хлопок, табак, агавы и юкка.

Скотоводство (разведение лам и альпак) получило широкое распространение только в области Центральных Анд, тогда как разведение домашней птицы, собак и пчел зафиксировано и в других регионах. Из-за отсутствия тягловых животных коренные американцы обрабатывали землю вручную, используя орудия, напоминающие мотыги.

То же обстоятельство сказалось на развитии средств передвижения: индейцы не могли ездить верхом и впрягать животных в тяжелые повозки. Лишь в Андах курсировали караваны навьюченных лам, и на крайнем севере аборигены передвигались на нартах, которые тащили ездовые собаки. Кроме того, в Древней Америке, в отличие от Старого Света, не использовалось колесо, редко применялся парус, что не мешало появлению мощных дорог и портов.

В эпоху неолита в Америке, как и в Старом Свете, не только совершенствовались ранее известные приемы обработки камня, дерева, кости и других материалов, но и появились ткачество и керамика. В отличие от Евразии и Африки, где в дальнейшем при изготовлении сосудов из глины широко использовался гончарный круг, в Новом Свете распространилась иная технология: массовые стандартные глиняные изделия оттискивались в формах или лепились на специальных болванках. Текстиль различавшийся по материалу и способу отделки, практически не раскраивался, поскольку у индейцев не существовало ни ножниц, ни иголок, а лишь менее эффективные ножи и проколки. Однако мастерство изготовления красителей до сих пор поражает воображение; так, кармин получали из бескрылых самок кошенили, паразитирующих на кактусе-опунции.

Пути развития металлообработки в Западном полушарии имели свои особенности. Древнейшим очагом металлургии в Америке был перуано-болливийский, где индейцы с середины II тысячелетия до н.э. производили изделия из золота, серебра и меди, постепенно совершенствуя технологии. Ко второй половине I тысячелетия до н.э. относятся древнейшие находки металлических изделий на территории совр. Колумбии и Северного Эквадора, откуда соответствующие навыки были распространены в южные районы Центральной Америки и, возможно, в Мезоамерику, где начало металлургии относится к рубежу I–II тысячелетий н.э. Народы Нового Света до столкновения с европейцами не знали железа и только в Андской области использовали бронзу, но им были известны секреты изготовления тумбаги (сплава золота, серебра и меди, по цвету подобного золоту, а по твердости – бронзе), применения платины в ювелирном искусстве, разнообразные способы золочения и другие оригинальные приемы обработки металлов.

Знакомство с драгоценными металлами и наличие интенсивного обмена не привели к появлению денег, хотя золото могло служить эквивалентом при торговых операциях. На рынках Мексики можно было увидеть заполненные золотым песком тростинки и маленькие золотые колокольчики, на территории Колумбии – диски из того же материала, «цену» которых определяли по

Америка до прихода европейцев

их размеру. Но на подобные «монеты» не ставили клеймо, обозначающее высокую пробу металла. При торговле в качестве эквивалента могли использоваться бобы какао, морские раковины, плащи из хлопка и т.п.

С формированием древнейших цивилизаций связывают рождение мегалитической архитектуры. Как и в Старом Свете, в Америке появляются культовые центры с особой планировкой, перерастающие в дальнейшем в поселения протогородского и городского типов.

Создание монументальных построек и сложных инженерных сооружений было невозможно без образования политических объединений (вожеств, сложных вожеств), которые, как и в Старом Свете, ранее сложились в тропических широтах, хотя и в иных, чем в Северной Африке и Евразии, природно-климатических условиях Мезоамерики и Андской области.

За их пределами экологические ниши осваивали первобытные племена, чья культура также отчасти близка культуре народов Старого Света, занятых охотой, рыболовством, собирательством и мотыжным земледелием, в чем-то отлична от нее. Из-за слабого развития в Америке скотоводства тундра, степ-

ные и полупустынные пространства двух континентов были слабо освоены, тогда как в других регионах плотность населения сопоставима с показателями аналогичных областей Евразии или Африки.

МЕЗОАМЕРИКА

Мезоамерика – культурно-историческая область, включающая центральные и южные районы Мексики и северную часть Центральной Америки – в природно-климатическом отношении достаточно разнообразна. Аборигенам пришлось адаптироваться к тропическим дебрям Петена и Чьяпаса, к поросшим сухим кустарником и лишенным рек равнинам северного Юкатана, к жарким горным плато Центральной Мексики и другим экологическим нишам. В зависимости от ситуации индейцы практиковали подсечно-огневое земледелие, использовали ирригацию, так называемые приподнятые поля, террасы, приспособив для своих нужд и участки с богатыми вулканическими почвами, и, казалось бы, непригодные для крестьянского труда земли.

Здесь выращивали кукурузу, бобовые, тыквенные культуры, агаву, томаты, перец, батат и маниок (юкка), амарант, шалфей, культивировали табак, хлопок, подсолнечник, какао, рамон и фруктовые деревья, лекарственные травы, декоративные растения и растения, позволяющие получать красители. Животноводство было развито слабо, зато продолжали сохранять значительную роль такие занятия, как охота и собирательство. Индейцы умело использовали минеральные ресурсы региона. Металлы (медь, золото, серебро) служили почти исключительно для производства украшений и ритуальных предметов, что характерно и для народов Старого Света, живших в медном веке. Хотя материалами для орудий труда оставались камень, дерево, кость и раковины, с их помощью удавалось получать высокие урожаи, создавать величественные строения и шедевры декоративно-прикладного искусства. Важной чертой цивилизаций Мезоамерики являлся подбор оптимальной технологии для решения соответствующей хозяйственной задачи.

Недостаток каких-либо продуктов и изделий народы Мезоамерики восполняли за счет обмена. Поскольку грузы транспортировали в основном носильщики, то на дальние расстояния перемещали легкие, ценные предметы, сохранность которых было несложно обеспечить. Из областей майя вывозили соль, воск, хлопок, какао, ценную древесину, перья тропических птиц, шкуры редких животных, копал и другие товары. Ацтеки поставляли рабов, богатые одежды, изделия из меди, драгоценных металлов и камней, кожи, обсидиана, тыквенные сосуды, охру, кошениль и т.д. Другие народы Центральной и Южной Мексики снабжали соседей керамикой, тканями, ванилью, табаком, изделиями из нефрита, горного хрусталя и т.д.

В условиях высокой плотности населения – одной из отличительных особенностей данного региона – вырабатывались жесткие нормы общежития и специфический менталитет. Для обитателей Мезоамерики жизнь отдельного человека, каким бы выдающимся он ни был, значила неизмеримо меньше, чем существование сообщества, к которому он принадлежал. Даже прославленные мужи, попавшие в плен, не могли вернуться к соплеменникам, их воспринимали как нарушителей воинского долга. Единственным достой-

ным выходом из подобной ситуации считалась смерть на жертвенном камне. Добровольный уход из жизни при соответствующих обстоятельствах мог обеспечить человеку посмертную славу и почет, а его сородичам – уважение. Вырывание сердца из груди живого человека, обезглавливание, утопление, сжигание на костре, убийство стрелами для многих народов региона было проявлением не жестокости, а формой благодарности божествам, способом поддержания равновесия в неустойчивой системе мироздания и тем самым – заботой о существовании человечества.

Интенсивные миграционные процессы, частые войны, торговый обмен и иные формы добровольного и вынужденного взаимодействия способствовали сближению древних народов Мезоамерики, выработке общих черт в их культуре. Обитатели данной области возводили ступенчатые пирамиды, а по соседству с ними – площадки для игры в каучуковый мяч, в честь богов возжигали копал и совершали кровавые, в том числе человеческие жертвоприношения. Только в этом регионе выращивали магей и какао; маисовые лепешки-тортильи употребляли в качестве ложек, а потом съедали их; священными считали зеленый нефрит и сходные с ним по цвету перья кецаля; нападали на врага с «мечами», оснащенными двумя рядами обсидиановых лезвий, и защищались от соперников при помощи «панциря» из хлопка.

Мезоамерика оказалась единственной областью Нового Света, где для фиксации значимой информации широко использовались иероглифика и пиктография; двадцатеричная система исчисления применялась в том числе в календарных расчетах; цифры и числа обозначались точками и черточками, но были известны и другие способы нумерации. Мезоамериканские книги-кодексы представляли собой длинную, сложенную гармошкой полосу бумаги, для надежности спрятанную в кожаный или деревянный чехол. Бумагу изготавливали из скрепленного натуральным клейким веществом растительного волокна (коры, пальмовых листьев и других материалов), покрытого с обеих сторон известью, на слой которой кисточкой наносились знаки и рисунки. Изображения и надписи также наносили на выделанную кожу и куски хлопчатобумажной материи.

Жители данного региона ориентировались на необычайно точный солнечный календарь, который был дополнен ритуальным календарем в 260 дней. Календарная система опиралась на многолетние астрономические наблюдения, хотя и проведенные с помощью примитивных приспособлений, но очень точные. С помощью календаря регламентировался порядок сельскохозяйственных работ, обрядовая и повседневная жизнь общества, составлялись предсказания, касавшиеся как судеб отдельных людей, так и народов.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ МАЙЯ

Цивилизация майя считается одной из древнейших в Новом Свете, до сих пор среди ученых нет единства мнений в вопросе о том, правомерно ли говорить о ее исчезновении в результате европейской экспансии. Зарождение культуры майя относят ко II тысячелетию до н.э., расцвет – III–IX вв. н.э. Памятники майя данной эпохи обнаружены на п-ове Юкатан, в Южной

Мексике, Гватемале, Белизе, на западе Гондураса и в Сальвадоре. В их числе древние комплексы Паленке, Копана, Тикаля, Киригуа и др.

Хотя майя занимались преимущественно земледелием, себя они называли охотниками на оленя, но при этом в их арсенале отсутствовали луки и стрелы, зато среди охотничьих средств выделялись духовые ружья, из которых можно было бить птицу глиняными шариками.

Несмотря на то, что металлообработка древним майя была неизвестна, тягловых животных не имелось, а источником энергии являлась мускульная сила человека, в городах возводились великолепные монументальные сооружения (пирамиды с храмами, дворцы, стелы, «обсерватория», площадки для игры в мяч и т.д.), которые украшали резьбой, росписями и иероглифическими надписями. Распространенной деталью декора были маски бога дождя Чака, важным конструктивным элементом – майяский свод, походивший изнутри на кровлю индейской хижины.

На стелах майя часто указывались даты, причем способ их обозначения изменялся. Первоначально использовался так называемый «Длинный счет», позволявший безошибочно зафиксировать количество дней между событием и условной начальной датой календаря – 12.08.3113 г. до н.э. С конца IX в. применялся «Короткий счет», упрощенный и менее точный.

На рубеже IX–X вв. н.э. в древних городах центральной зоны расселения майя прекратилась деятельность, имеющая отношение к традиционным жреческим занятиям и обслуживанию потребностей правящей элиты. О причинах кризиса среди ученых продолжают дискуссии. В качестве возможных факторов воздействия называются природные катаклизмы, междоусобные войны, внутренние конфликты в городах-государствах, стремление компенсировать нехватку животного белка за счет развития рыболовства и морских промыслов в прибрежных районах Юкатана; существуют и другие гипотезы.

С X в. в регион начали проникать завоеватели, подчинившие местных жителей. Постепенно складывались иные политические образования, известные как майя-тольтекские государства. На территории Юкатана в XI в. население было подчинено правителям городов Чичен-Ица, Майяпан и Ушмаль, которые некоторое время действовали сообща (так называемая Майяпанская лига), но с конца XII в. вступили в период затяжных конфликтов. До середины XV в. лидерство удерживали кокомы Майяпана, активное противодействие которым оказывали племена *тутуль-шуу*. Борьба за гегемонию обернулась образованием 16 новых соперничающих друг с другом небольших государств. Основные вехи истории региона обозначены в сочинении францисканца Д. де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане» и в других документах.

В Гватемале и на сопредельных территориях с приходом тольтеков тоже сформировались новые центры притяжения (города Сакулеу, Небах, Каминальгуйу и др.), которые по мере усиления включались в междоусобицы. В XVI в. самыми обширными владениями располагали *киче*, которым принадлежали земли от тихоокеанского побережья до дебрей Петена, а столицей служил г. Гумаркаах (Утатлан). История и мифология этого народа майя запечатлены на страницах книги «Пополь-Вух».

«Пополь-Вух» – священная книга центральноамериканского народа киче, содержащая мифы о сотворении и деяниях этого народа. Она принадлежит к шедеврам культуры, как индейской, так и мировой. Свой нынешний вид эта книга обрела уже после завоевания Америки европейцами. Но индейцы верили, что имеется утерянный подлинник, обладающий магической силой:

«У нас нет уже более светоча, Пополь-Вух, как он называется, ясного света, прошедшего с другой стороны моря, символа нашей защиты, светоча для ясной жизни. Подлинная книга, написанная много времени тому назад, существует, но зрелище ее сокрыто от того, кто ищет и думает...»

В «Пополь-Вух» сведены воедино несколько преданий. Первое из них – о сотворении мира. Вначале, говорится в книге, не было ничего кроме неба: «все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто». Тогда боги – Великая мать и Великий отец – создали землю, горы, долины и диких животных. Затем попытались сотворить людей – сперва из глины, а потом из дерева. Но обе попытки оказались неудачными и не способными восславлять своих творцов: богам пришлось разрушить созданные существа (уцелевшие превратились в обезьян). При третьей попытке был найден подходящий материал: кукуруза. Из маисовой муки боги создали первых четырех человек, наделенных разумом и речью. Их потомки заселили все уголки мира.

Второй сюжет в «Пополь-Вух» – деяния божественных существ, близнецов-героев Хун-Ахпу и Шбаланке. Они одолели надменного демона Вукуб-Какиша и его горделивых сыновей; спустившись в преисподнюю, Шибальбу, выдержали многочисленные испытания; победили владык Шибальбы и вознеслись на небо. В заключительной части книги рассказана легендарная история предков индейцев-киче: как они скитались в ожидании первого восхода солнца, как добыли огонь, как обрели могущество, основали города, стали строить дома и храмы...

Книга «Пополь-Вух» выразительна и своеобразна, обладает неповторимым колоритом. Вместе с тем, у нее много общего с эпосом и священными книгами других народов: присутствует и рассказ о потопе, и легенда о непорочном зачатии, и предание о том, как скитающийся народ чудесным образом перешел море. В «Пополь-Вух» отражены и идеи, важные не только для древних людей. Таковы мысли о торжестве светлых сил над силами зла; о том, что сущность жизни не исчезает, а возрождается в новых формах; о том, что не надо покоряться, избирая «путь побежденных»: следует бороться до конца.

Прежние данники киче индейцы-*какчикели*, добившись независимости, создали собственное государство в горной Гватемале со столицей в г. Ишимче (Текпан-Атитлан). Соперничество различных групп майя получило отражение в так называемых «Анналах какчикелей» («Memorial de Sololá»), в танце-драме «Рабиналь-Ачи».

Тольтеки и другие группы завоевателей познакомили майя не только с металлообработкой, луками и стрелами. Под их воздействием начали сооружать колонны и цомпантли – стены с рельефными рядами черепов; изображения Кукулькана – Пернатого Змея, Чакмооля и других божественных персонажей, почитаемых народами Центральной Мексики. Существенно активизировался обмен между народами Мезоамерики и сопредельных территорий, на сухопутных путях и в прибрежной зоне росли поселения, жители

которых совершали далекие, в том числе морские странствия с торговыми целями.

Несмотря на политические изменения, общество майя эволюционировало медленно. Крупный поселок или город являлся административным и культовым центром для населения сельскохозяйственной округи, пересечь которую обычно можно было за день пути. Власть оставалась в руках аристократии, тесно связанной с жреческой верхушкой, хотя по происхождению элита отличалась от простолюдинов и всемерно подчеркивала связь с предками-тольтеками. Правящая верхушка не только руководила военным ополчением, следила за сбором дани и податей, контролировала общественные работы, но и участвовала в торговых операциях. Жречество, многочисленное и влиятельное, помимо религиозных часто выполняло политические и судебные функции, а также аккумулировало научные знания. Свободные общинники обладали определенными правами, в том числе в сфере землепользования. Бесправными оказывались рабы (военнопленные, лица, совершившие преступление или не выплатившие долг), которые участвовали в производственных процессах, но при этом оставались потенциальными жертвами для религиозных ритуалов.

Иероглифика и пиктография позволяли майя фиксировать разнообразные знания в области истории, медицины, религиозной практики, астрологии и астрономии, например циклы движения светил и планет. Многие памятники письменности майя были уничтожены в годы конкисты и колонизации. Сохранились тексты книг «Чилам-Балам», четыре манускрипта («Дрезденский кодекс», «Кодекс Тро-Кортезианус», или «Мадридский кодекс», «Кодекс Пересианус», или «Парижская рукопись» и «Рукопись Гролье»). Попытки прочесть надписи майя предпринимали ученые многих стран, значительный вклад в дешифровку иероглифики внес российский исследователь Ю.В. Кнозов.

Изучение различных эпиграфических и иконографических источников позволило установить имена многочисленных богов пантеона майя. В него входили владыка неба *Ицамна* (Itzamna), бог дождя и молний *Чак* (Chaak или Chac), богиня Луны, покровительница медицины и женских занятий *Иш-Чель* (IxChel), «хозяйка веревки», богиня повешенных *Иш-Таб* (IxTab), господин леса, божество маиса *Юм Кааш* (Jum Kaash), бог какао, покровитель торговли *Эк Чуах* (Ek Chuah), бог смерти и владыка мира мертвых, известный под разными именами, а также множество других персонажей. Для умиловления божественных покровителей и поддержания миропорядка индейцы совершали индивидуальные и коллективные обряды: посты, воздержания, молитвы, приношения, кровопускания и другие ритуалы. Иногда они считали необходимым обратиться к древним святыням, например, совершить паломничество к Священному Сеноту, находящемуся возле руин г. Чичен-Ица.

По представлениям майя, над землей располагалось тринадцать небес (небесных слоев), принадлежавших богам, и девять подземных миров, куда спускались души усопших, чтобы затем вернуться к людям и дать начало новой жизни. Зеленое дерево «Йаш-че» – Ось мироздания, соединявшая все миры, согласно мифологии майя располагалось в центре земной поверхно-

сти, по краям которой возвышались четыре «мировых дерева»: белое, красное, черное и желтое (цвета символизировали стороны света).

Создание вселенной представлялось майя актом божественного творения: по слову богов между холодным морем и великим пространством небес появилась земля, на которой мгновенно возникли горы и реки, травы и деревья. Затем божества создали животных и духов природы. В мифологии майя отражены этапы борьбы божественных близнецов с гигантами, в результате которой появились Солнце и Луна, рождение звезд и других элементов мироздания.

Своеобразны представления майя о красоте. Младенцам деформировали головы, сжимая их при помощи двух соединенных дощечек. Привлекательным считалось косоглазие. Женщины и мужчины покрывали тело татуировкой или раскрашивали его. Знатные люди носили множество украшений, чтобы надеть некоторые из них требовалось проколоть мочки ушей, перегородку и крылья носа, сделать отверстие под губой. Первоначально наиболее ценные украшения изготавливали из нефрита, в начале XVI в. его место все чаще занимало золото. Богатства, накопленные в землях майя, делали их привлекательной добычей для завоевателей.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ АЦТЕКОВ

На территории Мексики в I тысячелетии н.э. сложились цивилизации Теотиуакана, *тольтеков*, *тотонаков*, *сапотеков* и *миштеков*. Под натиском племен, вторгавшихся в Мексиканскую долину (Анауак) преимущественно с севера, культурный облик региона постепенно изменялся. Прежние насельники либо переселялись в южные области, даже в Центральную Америку, либо смешивались с мигрантами. В Центральной Мексике все большую роль играли народы языковой группы *науа*, отчасти воспринявшие, отчасти трансформировавшие распространенные здесь ранее традиции.

Последними из пришельцев оказались ацтеки, в начале XII в. переселившиеся в Анауак из легендарного Астлана («Страна цапель»), о чем можно узнать из их пиктографической рукописи («Лента странствий», или «Кодекс Сигуэнсы», он же «Кодекс Батурины»). Согласно легенде, прародиной ацтеков, которых также называли *теночками* и *мешиками*, считается Чикомосток («Семь пещер»). Попав в густонаселенную Мексиканскую долину, ацтеки, немногочисленное воинственное полукочевое племя, были вынуждены селиться на чужих землях, соглашаясь на выплату их хозяевам дани или на исполнение роли воинов-наемников. В 1325 г. на неосвоенных островках озера Тескоко ацтеки основали город Теночтитлан, но еще сотню лет оставались данниками г. Кулуакан, затем – г. Ацкапоцалько.

Зависимое положение не мешало ацтекам развивать собственные самобытные традиции и в то же время перенимать у местных жителей разнообразные достижения в области хозяйства, материальной и духовной культуры. В частности, теночки научились сооружать «чинампы» – длинные узкие гряды на мелководье, дающие высокие урожаи, изготавливать и широко использовать бумагу, освоили навыки металлургии. Их техника обработки камня, дерева, кожи, гончарное дело (без использования гончарного круга), тка-

чество, изготовление изделий из перьев и ювелирное мастерство достигли высокого уровня. Основным хозяйственным занятием ацтеков стало ручное (мотыжное) земледелие; охота и собирательство позволяли не только пополнять рацион, но и добывать шкуры животных и кожи, поскольку удавалось разводить только индюков и маленьких собачек.

Освободившись в 1427 г. от зависимости, ацтеки вместе с народами *аколуа* (г. Тескоко) и *тепанеки* (г. Тлакопана) создали Тройственный союз. Исследователи, видящие в нем империю, расценивают государство ацтеков как «военно-теократическую» монархию типа восточной деспотии (А. Чаверо, В.Е. Баглай и др.). Их оппоненты обнаруживают в Тройственном союзе лишь некий альянс для сбора дани, федерацию городов-государств, члены которой сохраняли значительную автономию.

В 1430–1521 гг. союзники развернули экспансию в Центральной и Южной Мексике. К 1519 г. государство, во главе которого оказались теночки, занимало территорию около 200 тыс. кв. км и состояло из 38 «провинций», населенных разными этносами (ацтеками и другими народами, говорящими на языках науа, отоми, а также миштеками, сапотекami, тотонаками и т.д.). Оценка численности населения у разных исследователей колеблется в пределах от 4 до 25–30 млн человек. В государстве насчитывалось около 500 крупных поселений. Хотя объединенная мощь трех народов была велика, не все этнические группы региона покорились им, независимость сохранили жители Тлашкалы, тараски и некоторые другие.

Подготовка к войнам (отправка посольств, демонстративная передача оружия противнику и др.) и участие в них сопровождались у ацтеков многочисленными ритуалами. Даже возле новорожденного мальчика клали оружие как символ его будущего. Основательную военную подготовку получали подростки и юноши, для которых создавались специальные учебные заведения (*телпочкали*, *кальмекак*), где прививали навыки и знания, необходимые воинам и полководцам, но главное – воспитывали бойцов, готовых умереть за свой народ. В сражениях от воина ожидали демонстрации силы и мужества, лучшим свидетельством которых был захват пленников.

Успешное ведение войн обеспечивало ацтекам экономические выгоды (возможность распоряжаться захваченными у противника земельными угодьями, приобретение рабов, поступление дани), рост политического влияния, способствовало сохранению вертикальной социальной мобильности и расцвету Теночтитлана.

В столице ацтеков на рубеже XV–XVI вв. проживало, по разным данным, 100–200 тыс. жителей, чьи постройки располагались в основном на освоенном мелководье. Город был соединен дамбами с берегами озера, откуда по акведуку поступала вода. Поселение пересекали каналы, позволявшие быстро передвигаться на лодках из одной его части в другую. По каналам происходило снабжение столицы и обеспечивалась связь с побережьем, где ацтеки обрабатывали землю и охотились, причем формы собственности на обрабатываемые участки различались (общинная, частная, государственная, включающая царскую, храмовую и служебную). Центрами города оказались рынок в Тлателолько (в северной части) и площадь с расположенным на ней главным храмом. Архитектурные сооружения (пирамиды-храмы, дворцы правителей) украшались рельефами, росписями и узорной кладкой.

Пирамида майя в Чичен-Ице. XII в.

Теночтитлан имел четкую планировку, отражавшую сохранение племенных традиций, деление на фратрии и роды с выборными должностными лицами (к началу испанской конкисты – 4 фратрии, 20 родов). Территория города делилась на четыре района, распадавшиеся на множество мелких кварталов, где жилые постройки из сырцового кирпича, покрытые штукатуркой или облицованные камнем, группировались вокруг родовых святилищ.

Тлатоани, правитель ацтеков, подобно восточным деспотам имел верховную административную, военную и религиозную власть, поскольку обладал рядом высших титулов; отмечается тенденция обожествления властителя. Наследование власти тлатоани осуществлялось от брата к брату в порядке их старшинства по нисходящей линии, от дяди к племяннику, при условии, что претендент по своим личным качествам достоин стать правителем. Вторым лицом в государстве был *сиуакоатль*, в чьих руках сосредотачивалась значительная административная, хозяйственная и юридическая власть, но объем его полномочий не отличался постоянством. Ближайшие родственники тлатоани входили в Совет четырех, игравший важную роль при утверждении нового правителя. Значительным влиянием пользовался военный совет. Верховной власти подчинялись правители и вожди покоренных земель.

В Тройственном союзе действовали разнородные этико-правовые нормы, санкционированные государством и сохранявшие традиции более ранних отношений. Существенное влияние на законотворчество ацтекских правителей оказало законодательство тескоканских правителей.

В обществе ацтеков, которое ряд исследователей характеризует как военно-теократическое, большим уважением пользовалась знать, осуществлявшая контроль над завоеванными территориями и выполнявшая функции управления. Ряды родовой аристократии пополняли прославившиеся в боях воины. Особую группу составляли воины-орлы и воины-ягуары, исполнявшие тайные ритуалы. Жречество было многочисленным и влиятельным. Только в Теночтитлане было сооружено 70 храмов-теокалли, а в целом в государстве ацтеков к началу XVI в. их насчитывалось около 40 тысяч. Основная масса населения – общинники-масеуали – занималась земледелием и ремеслом, но в случае необходимости составляла ополчение. Торговцы (*почтека*), которым были выделены специальные кварталы и храмы для почитания особых божеств-покровителей, совмещали доставку товаров из отдаленных земель с разведывательной деятельностью. По отношению к ацтекам и знать, и простолюдины покоренных народов занимали подчиненное положение. Захваченные в боях пленники либо приносились в жертву, либо становились рабами. Невольниками, статус которых не был одинаковым, могли оказаться не только иноплеменники, но и сами ацтеки.

Теночки поклонялись богу войны *Уицилопочтли*, вездесущему *Тескатлипоке*, у которого при себе всегда находилось магическое зеркало, отражавшее будущее и происходящее, божествам сева, жатвы, весны, умирающей и воскресающей природы, богу дождя, грома и молнии *Тлалоку*, божествам воды, огня, Солнца и Луны, подземного мира, покровительнице деторождения, врачевания, различных ремесел, торговли и других занятий и многим другим. В их честь совершалось немало жертвоприношений, включая человеческие. Одному из главных персонажей ацтекского пантеона *Кецалькоатлю* – богу ветра и плодородия, демиургу – подносили только цветы, змей и бабочек. Теночки обожествляли маис и другие полезные растения, почитали животных – ягуара, пуму, змей и др. Для ацтеков характерны культы гор, пещер, наиболее ярких звезд и видимых планет. В обрядовых действиях широко использовались цветы, изображение цветка символизировало жертвенную кровь. Существовал ритуальный каннибализм.

Воинственный характер культуры теночков не препятствовал развитию философии, астрономии, медицины, поэзии и искусства. Ацтекские мудрецы (*тламатиниме*), опираясь на мифологию, размышляли о возникновении мира, о происхождении богов, о четырех великих эпохах (Солнцах), каждая из которых завершилась катастрофой, о формировании ландшафта, флоры и фауны и о сотворении человека. Глубокие познания жителей Центральной Мексики в сфере медицины оценили даже завоеватели; в колониальный период опыт ацтеков в области хирургии и лечения травмами изучался в некоторых европейских университетах.

В Теночтитлане значимая информация фиксировалась при помощи пиктографической и идеографической письменности, в которых существенную роль играла символика цвета. Исследователи выделяют в литературе науа исторические, генеалогические, дидактические произведения, географо-этнографические сочинения, эпос, гимны богам, календарно-астрологические тексты, лирическую поэзию и драму.

Досуг ацтеков заполняли игра в мяч и в кости (*тлачтли* и *патолли*), поэтические состязания, театрализованные представления, танцы и пение, в том

числе под музыкальное сопровождение ударных и духовых инструментов. Отмечалось 18 аграрных праздников (по числу месяцев в солнечном календаре), устраивались празднества в честь богов-покровителей различных профессий, торжественно отмечались военные победы, смерть правителя и приход к власти нового, завершение крупных строительных проектов.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Андская область, простиравшаяся от южных районов совр. Колумбии до центральной части Чили и ограниченная с востока лесной зоной, имела отличный от Мезоамерики природный и историко-культурный облик. Труднопреодолимые хребты разделяют плодородные долины с теплым климатом, высокогорную тундро-степь, альпийские луга, при понижении (граница Перу и Эквадора) позволяя сближаться тропическим лесам западных склонов с амазонской сельвой. Деятельность человека здесь возможна вплоть до высоты 4,5 км, хотя в условиях высокогорья меняются даже некоторые физиологические параметры людей (увеличивается жизненная емкость легких, повышается содержание гемоглобина в крови). На побережье Перу лето и зима едва различимы, жизнь сосредоточена возле стекающих с отрогов Анд рек и выходов на поверхность подземных вод, для развития земледелия необходимо орошение, поскольку вокруг простирается пустыня, но морские глубины фантастически богаты. Экологические ниши, отличавшиеся рельефом, толщиной плодородного слоя, климатом, флорой и фауной, осваивались разными группами племен.

Земледельцы на богарных и орошаемых участках, искусственных террасах на склонах гор и на грядах выращивали кукурузу и картофель, киноа, тыквенные и бобовые растения, хлопок, бананы, ананасы и другие культуры. Для получения устойчивых урожаев требовалась трудоемкая обработка почвы, условия для экстенсивного переложного земледелия отсутствовали. Изобретение бронзы позволило усовершенствовать орудия труда – мотыга была снабжена прочным металлическим наконечником. Важным фактором успеха стали удобрения: гуано, помет домашних животных, рыба. В некоторых высокогорных районах более продуктивным оказалось скотоводство, индейцы разводили лам и альпак для получения мяса и шерсти и для использования в качестве вьючных животных. Практиковалось птицеводство. На побережье сохраняли значение морские промыслы, в сельве – охота и собирательство. В разных областях велась добыча драгоценных металлов, меди, олова, свинца, минеральных красителей и соли, во влажных тропиках производилась кока. Проблему сохранения пищевых ресурсов тоже удавалось решить. Так, картофель путем вымачивания и вымораживания превращали в крахмал (чуньо), мясо сушили (чарки).

Культурному прогрессу Андской области способствовал интенсивный обмен, приведший к специализации отдельных районов. Транспортировка грузов осуществлялась не столько по морю, сколько по караванным тропам с использованием вьючных лам, что потребовало создания упряжи, паромов из тростника, подвесных мостов и т.д. Специфической чертой региона был так называемый «вертикальный контроль». Отдельные индейские общины

или более крупные структуры владели земельными угодьями в различных высотных зонах, расположенными подчас на значительных расстояниях друг от друга. Перераспределение продукции осуществлялось по каналам родства без использования денег или иных эквивалентов.

Выработанные в Андской области способы фиксации информации значительно отличались от мезоамериканских. Здесь не использовалась иероглифика, нет ясных сведений даже о существовании пиктографии. Местные жители изобрели так называемое «узелковое письмо» кипу. К единой веревке-основе до 2 м длиной крепились шнуры-подвески разных цветов (всего известно около 60 цветов и оттенков, составляющих 13 цветовых определителей), на которых завязывались петельки и различной конфигурации узелки (до девяти в одной группе, что указывает на десятиричную систему счисления). Помимо учетных операций (данных о податях, размерах урожаев, «переписи» населения и т.п.) при помощи кипу удавалось воспроизводить нормы обычного права, ритуалы, исторические сведения и другие традиционные сюжеты. Составлением и расшифровкой кипу занимались потомственные специалисты (*кипукамайоки*), освобожденные от других видов труда. В Андах использовались и другие мнемонические техники и способы передачи сигналов.

Одной из особенностей Андской области можно считать многовековую традицию мумификации. Древнейшие мумии, известные современной науке, были обнаружены в пустыне Атакама на севере совр. Чили (культура *чинчорро*), они были изготовлены еще в VI тысячелетии до н.э. С течением времени способы балзамировки и сопровождающие их обряды менялись, но сама традиция прервалась уже в колониальный период.

Промежуточная и Околокарибская области Нового Света были теми землями, с которыми традиционно связывают легенду об Эльдorado. В первой половине II тысячелетия н.э. здесь существовало несколько самобытных культур, унаследовавших от предшественников и развивших традиции обработки меди и драгоценных металлов. Несмотря на обрывистые горные склоны, смущающие и сегодня даже опытных альпинистов, труднопроходимые тропические леса, тающие опасности льяносы, в начале XVI в. на поиски золота устремились первые группы конкистадоров, обнаруживших и покоривших небольшие политические образования племен *муисков*: Богота, Тунха, Тундама, Согамосо, Гуамента. Государства объединяли более 50 племен, и к моменту испанского вторжения (1537 г.) были разделены на два враждующих лагеря.

Муиски, индейские народы языковой группы *чибча*, создали цивилизацию на высокогорном плато Восточных Кордильер (совр. Колумбия), на территории с многовековыми традициями земледелия, гончарного и ювелирного производства, ткачества и металлообработки. Основным хозяйственным занятием являлось ручное земледелие с использованием террас, орошения и других агротехнических приемов. Природно-климатические условия позволяли выращивать кукурузу и киноа, картофель и батат, юкку и другие корнеплоды, томаты и бобовые, хлопок и агаву, различные фрукты и табак. Распределение земельных участков, осуществление коллективных сельскохозяйственных, строительных и иных работ осуществлялось через общину-*сибин*.

Из недр земли муиски добывали и перерабатывали соль, изумруды, каменный уголь, но не золото – факт, более всего огорчивший завоевателей. Ремесленники изготавливали керамику без гончарного круга, пряли нити и ткали разнообразные, преимущественно хлопчатобумажные материи, которые окрашивались естественными красителями в яркие цвета, обрабатывали древесину, кость, раковины и другие материалы. Каменное зодчество, известное у древних народов Колумбии, у муисков не получило развития. Даже «дворцы» их правителей сооружались из дерева, значимость им могла придавать мощная оборонительная стена из огромных бревен, закрепленные снаружи тонкие золотые щиты и пластины, изящные резные изделия.

Высочайшего уровня достигло ювелирное искусство муисков. Мастерами использовался широкий спектр техник обработки драгоценных металлов: массивная отливка в сплошной форме, отливка способом «потерянного воска», чеканка, металлопластика, штампование, протяжка, плющение, сварка, накладка листами, филигрань. Изготавливались высокохудожественные изделия из золота, серебра и тумбаги (сплава золота и меди). Украшения из сплавов протравливались в настое из трав, благодаря чему их внешний слой превращался в чистое золото.

Немало изделий из драгоценного металла было накоплено в храмах, поскольку распространенной формой подношения богам были «тунхос» – небольшие золотые прямоугольные или треугольные пластины со стилизованными антропоморфными изображениями. Широко почитаемые в индейской среде озера также оказались своеобразными сокровищницами. Самым известным из них является оз. Гуатавита, где совершался обряд омовения правителя, чья кожа была покрыта золотой пылью. Считается, что данный обряд и породил легенду об Эльдорадо.

Огромную роль в жизни муисков играл обмен, благодаря которому они получали золото и медь, хлопок и морские раковины, живой товар (мальчиков-мохас, которых правители приносили в жертву Солнцу) и многое другое. В качестве эквивалента при обмене использовались плащи из хлопка, изумруды, листья коки, небольшие золотые диски, которые нередко неверно называют «монетами». На дисках, диаметр которых составлял 3–4 см, не было каких-либо изображений или знаков. Соизмеряли диски не по весу, а по размеру, который определяли, вставляя предмет в отверстие между указательным и большим пальцами, обмеряя специальными лентами или нитями. Занятие торговлей привело к появлению ростовщичества.

Несмотря на интенсивные обменные операции, общество муисков по своей структуре качественно не отличалось от социальных систем других раннегосударственных образований. В их среде значительной властью обладала родовая аристократия, с которой по влиянию постепенно сближались лица, задействованные в бюрократическом аппарате и в войске. Вожди прежде самостоятельных племен подчинились правителям более высокого ранга (*cuna, sake*), но зависимость первых от вторых была незначительной. Многочисленной прослойкой со сложной внутренней иерархией являлось жречество, совершавшее ритуалы в местах поклонения божествам Солнца, Луны, личным и семейным богам-покровителям. У муисков имелись рабы, которыми становились иноземцы-военнопленные. Их использовали на стро-

ительных работах, могли привлечь к участию в боевых действиях, но особо о невольниках не беспокоились и нередко приносили их в жертву.

Хотя междоусобные конфликты у племен муиска были частым явлением, война не стала для них, как для ацтеков, основным делом жизни. Считается, что главным божеством южных муисков был *Чибчачум*, который считался одновременно «опорой чибча», покровителем земледельцев, ювелиров и торговцев. Не отличались свирепостью наиболее известные мифические персонажи – богиня *Бачуе*, населившая землю людьми, и культурный герой *Бочика*, обучавший людей земледелию, искусствам, ремеслам, защищавший их.

ГОСУДАРСТВО ИНКОВ

Крупнейшим политическим образованием древней Южной Америки было Тауантинсуйю – государство *инков* (исп. *incas*, кечуа – *inkakuna*). Ранний этап его истории известен в основном по этногенетическим легендам. Согласно одной из них, первые инки были детьми Солнца, которым их отец повелел поселиться там, где золотое копье свободно войдет в землю. Такое место нашлось в долине Куско, где инки основали одноименное поселение и через некоторое время обрели власть над проживавшими здесь индейцами, говорившими на языке *кечуа* (языковая и этническая принадлежность собственно инков не установлены). Различные источники свидетельствуют, что возвышение г. Куско видимо было связано со стремлением к миру и порядку уставших от войн жителей Андской области. Инки смогли стать той силой, которая защищала ключевые интересы различающихся по языку и культуре племен, соединить в единую, достаточно эффективную социально-экономическую систему разнообразные ресурсы региона.

Основание государства приписывается герою Манко Капаку. Как следует из исторической генеалогии инков (так называемой *капаккуна*), после него у власти находились полулегендарные правители Синчи Рока, Льюке Юпанки, Майта Капак, Капак Юпанки, Инка Рока, Яуар Уака, Виракоча (Инка Рипак Юпанки). 1438-й год оказался тем рубежом в истории Тауантинсуйю, когда инки, разгромив индейцев *чанка*, заявили о себе как о лидерах одного из претендующих на гегемонию союзов-вожеств. С этого времени исторические сведения о правящей династии становятся более объемными. С 1438 по 1493 г. государство инков преобразилось благодаря деятельности Куси Юпанки, прозванного при жизни Пачакутеком (Пачакути – «Тот, кто переворачивает мироздание») и его сына Тупака Юпанки. Территория государства увеличилась в результате покорения союзов *колья* и *лупака* (район оз. Титикака); обитателей провинции Кахамарка; вожеств *кара*, *киту* и *каньяри* (совр. Эквадор); захвата государства Чимор на перуанском побережье; продвижения в южном направлении (совр. Чили и западные районы Аргентины). Инкам удавалось превращать бывших соперников в союзные войска. Некоторые народы Андской области вошли в состав Тауантинсуйю на добровольной основе.

В государстве вырабатывалась система административного деления и управления территориями, осуществлялись реформы календаря и обычного

права, создавалась унифицированная версия истории и проводились иные преобразования. Прежде разрозненные общины Андской области встраивались в единую вертикаль власти, внутренняя регламентация которой была основана на десятичной системе, позволявшей выстроить иерархию от пяти домохозяйств до провинции (*уамани*) в 40 тыс. семей.

Началось превращение Куско в имперскую столицу, возведенную по единому плану. 15 кварталов каменных зданий были соединены мощными улицами, в центре располагалась огромная площадь, разделенная на две части: Аукайпата предназначалась для массовых народных празднеств, Кусипата – для военных парадов. Два каменных водовода обеспечивали подачу жителям чистой живительной влаги, а система складов-колькоас на окраинах гарантировала стабильное продовольственное снабжение. Символами величия и власти инков стали Кориқанча – Храм Солнца и другие культовые сооружения, дворцы-резиденции правителей, школы для отпрысков знатных семейств, жилые дома инков, которые только им позволялось покрывать золотыми пластинами. Над городом возвышались могучие стены и башни крепости Саксауман.

Уайна Ка́паку, властвовавшему с 1493 по 1525 г., досталась гигантская держава, восточные границы которой он попытался расширить, сражаясь с индейцами *чачапоа*. Воинственные племена (*гуарани*, *диагита*) и влажные тропические леса сдержали экспансию инков. Занесенная из Старого Света в Америку оспа, покорившая Тауантинсуйю раньше конкистадоров, произвела опустошения и среди правящей элиты. Уайна Ка́пак скончался, не назначив наследника престола. Двое из его сыновей Уаскар (1525–1532) и Атауальпа (1532–1533) развернули борьбу за контроль над Куско, не осознав угрозы в соратниках Ф. Писарро, появившихся у северного побережья страны.

Власть инков соединила в единое целое территории Андской области, где с I тысячелетия до н.э. существовали земледельческие цивилизации Чавин, Паракас, Наска, Мочика, Тиауанако и другие, чьи преемники во II тысячелетии н.э. создали ряд локальных политических образований, крупнейшим из которых было государство Чимор. На юге Тауантинсуйю простиралось до земель воинственных арауканов, границей стала р. Мауле. Северными пределами оказались южные районы Колумбии. Страна была разделена на четыре области (северную – Чинчасуйю, западную – Контисуйю, южную – Кольясуйю и восточную – Антисуйю), что отражалось в ее названии (Тауантинсуйю на языке кечуа – «четыре соединенные между собой стороны света»).

По мере роста государства увеличивалось влияние его главы – Сапа Инки («Единственного Инки»), считавшегося земным богом. Его власть была неограниченной, как и в восточных деспотиях, хотя правитель традиционно прислушивался к мнению «королевского совета», состоявшего из четырех высших сановников, к которым по мере необходимости присоединялись влиятельные представители аристократии высшего ранга (ок. 20 чел.), контролировавшие разные направления государственной деятельности.

Для Сапа Инки возводилась отдельная резиденция, где после смерти правителя хранилась его священная мумия (мальки). Забальзамированные тела правителей располагались в храме перед изображением Солнца, созерцать их считалось великой честью. В ноябре во время праздника Айя Маркай Килья мумии наряжали в лучшие одежды, выносили из святилища и выставя-

ли в людных местах. Им подносили еду и напитки, перед ними устраивались пляски, затем, поместив предков на носилки, с ними ходили из дома в дом. По завершении торжеств мумии возвращали на прежнее место. Забота об останках умерших правителей и их официальных жен была одной из важнейших обязанностей их сородичей – «инков по крови».

В Тауантинсую различали «инков по крови» и «инков по привилегии». Представителям первой группы доставались высшие посты в государстве. Они являлись сановниками, военачальниками, наместниками крупных административных образований, инспекторами (*тукуйрикуку*), *амаутами* (мудрецами), составляли верхушку жречества. «Инки по крови» входили в 12 королевских *панак* (кусканских общин), объединявших потомков одного из правителей, их родственников и обслуживающую челядь, распоряжались имуществом крупных корпоративных дворцовых хозяйств, которое являлось их коллективной собственностью. Контроль над материальными и человеческими ресурсами регионов и разграничение сфер влияния панак облегчало деление Тауантинсую на четыре области. Хотя панака могла объединять тысячу и более человек, чистокровных инков было меньше, чем постов в непрерывно растущих армии и бюрократическом аппарате. Правящую элиту пополняли снизу «инки по привилегии», которыми становились возвышенные правителем представители служилой знати и лица с особыми заслугами. Благодаря их активной роли в делах управления, в Тауантинсую на 10 тыс. семей приходилось свыше 3 тыс. должностных лиц. Высокий статус инков всемерно подчеркивался: они получали право проживания в Куско, обучения детей в специальных школах, использования ткани кумбе, растягивания мочек ушей крупными вставками и т.д.

Важную роль в жизни государства играла армия, военное сословие, которое строилось по принципу жесткой иерархии. Высшие посты занимали чистокровные инки, во главе которых номинально стоял Сапа Инка, назначавший обычно ближайшего родственника (брата, дядю) своим заместителем, реально осуществлявшим командование. Тауантинсую в период расцвета могло выставить до 300 тыс. воинов, чаще в походы отправлялись менее крупные армии – до 40 тыс. человек. В войске соблюдалось единоначалие и суровая дисциплина. Вооружение соответствовало традициям края, где формировалось подразделение. Солдаты на постой размещались только в военных лагерях, их снабжение производилось из государственных складов.

Жречество представляло собой сложную иерархическую корпорацию во главе с верховным жрецом Вилак Ума – братом или дядей правителя, который, иногда при участии Сапа Инки, совершал важнейшие обряды государственной религии, а также следил за соблюдением культа Солнца в масштабе всей страны. Помимо религиозных функций в его ведении находились астрономические наблюдения и разработка календаря, контроль за циклом сельскохозяйственных работ, сооружением и функционированием гигантской ирригационной сети.

Тесно связанными с жречеством были так называемые «невесты Солнца» (*акльякуна*). Институт «аклья» (мн. ч. «акльякуна») позволял использовать женский труд в интересах государства. В дома «избранниц или невест Солнца» отбирали самых красивых девочек со всей страны, обучали их музыке, танцам, пению, прядению и ткачеству, ритуалам и изготовлению обрядовой

пищи. Некоторые из них становились жрицами, другие – жертвами, третьи – побочными женами и наложницами правителя и его приближенных, остальные под строгим присмотром выделявали особо изысканные ткани и одежды для элиты, готовили ритуальные блюда.

Особые группы составляли профессиональные ремесленники (*камайюки*), полурабы-полукрепостные (*янакуна*). Потребность в заморских товарах удовлетворяли жители долины Чинча и замкнутая корпорация «миндала́», обособленно жившая на севере Тауантинсуйю (совр. Эквадор).

Фундаментом Тауантинсуйю служила община-*айлью*, насчитывавшая от 10–100 до 1 тыс. семей. Общинников-*пурехов* связывало кровное родство, взаимная ответственность, традиции взаимопомощи и трудовой кооперации. Во главе айлью и их объединений-«*варанка*» стояли «кураки» – обособленная наследственная каста, владевшая выделившимися из общинного фонда обширными земельными угодьями. Курака руководил экономической жизнью общины, отправлением местного культа, перераспределял результаты труда работников разных высотных зон, контролировал обеспечение государственных хранилищ, общинных складов и храмовых хозяйств, решал споры между пурехами, возглавлял во время похода выставленный айлью отряд. Государство минимально вмешивалось в его деятельность, обеспечивая лояльность раздачей предметов престижного характера («дары Инки»), но не допускало нарушения статуса-кво.

В зависимости от условий индейцы выращивали теплолюбивую кукурузу, устойчивый к заморозкам картофель или разводили лам и альпак. Жители Тауантинсуйю владели искусством обработки камня, создания инженерных сооружений, ткачества, изготовления керамики (без гончарного круга), металлообработки и ювелирного дела, красивого производства, строительной техникой. В государстве инков не было внутренней торговли, распределением произведенного продукта ведало государство. Налоги заменяла обязательная обработка «полей Инки и Солнца».

Для решения ряда общегосударственных задач (сооружение или очистка магистральных каналов оросительной системы, строительные работы и т.п.) проводилась *мита* – мобилизация части населения с отрывом от постоянного места жительства и обычно от сельскохозяйственного производства, сопровождавшаяся ритуалами и коллективными пиршествами. При выполнении общественных работ снабжение тружеников производилось за счет государственных запасов.

В Тауантинсуйю практиковались переселения общинников: из центральных областей в приграничные районы с целью их колонизации, из недавно завоеванных или «неспокойных» земель – в замиренные местности или на противоположные окраины страны, что способствовало этнической консолидации и распространению языка кечуа.

Гигантскому государству были необходимы надежные транспортные каналы, по которым можно было перебросить войска, а также эффективные средства передачи и хранения информации. В Тауантинсуйю была создана и поддерживалась уникальная дорожная система общей протяженностью около 40 тыс. км, предназначенная для пешего передвижения и караванов лам; использовались подвесные мосты, каменные виадуки, туннели, переправы, многофункциональные дорожные станции (*тампу*), действовала система

Мачу-Пикчу. Середина XV в. Перу

оповещения в виде службы скороходов (*часки*). Сведения фиксировались с помощью узелкового письма кипу, позволявшего сохранять не только экономико-статистические данные, но и транслировать официальную версию истории.

В религиозно-духовной системе и обрядовой практике, характерной для Тауантинсуйю, явственно прослеживаются тенденции к использованию древних традиций для решения новых, имперских проблем. Официальный культ, распространяемый инками, был связан с почитанием Солнца *Инти*, что не препятствовало сохранению и разрастанию политеистического пантеона. Те же инки поклонялись и богине Луны *Килье*, и богу-громовику *Ильяне* и другим божествам, олицетворявшим силы природы. Культ творца мира *Виракочи* являлся, видимо, частью духовного наследия народов, обитавших около оз. Титикака и на боливийском альтиплано, где в долине р. Вильканота функционировал известный храм. На побережье Перу обширный культовый комплекс был посвящен *Пачакамаку*, которого местные обитатели считали властителем мира. Для земледельцев особое значение имела *Пачамама* – женское божество, олицетворявшее землю и ее плодородие. Широко почитались *уака* (изначально божества-первопредки), воплощенные в каком-либо материальном объекте: камнях, холмах, древних руинах, источниках, озерах, островках, скалах, горных вершинах, могилах и т.д. С ними советовались, совершали им подношения, чтобы заручиться поддержкой, делали «подарки» за особые милости.

Массовые празднества способствовали снятию напряженности, сплочению государства и отдельных коллективов. Важнейшие обряды совершались в храме Солнца Кориканча в Куско, святилище Пачакамака на побережье, культовых центрах на островах оз. Титикака, Вилькасуаман в Аякучо и в других храмах, но не менее значимые церемонии могли проводиться и на открытых пространствах, их свидетелями и участниками становились тысячи людей. В течение года справлялось 12 календарных праздников (по числу месяцев), сопровождавшихся обрядами, шествиями, состязаниями, танцами, пением, употреблением чичи (алкогольного напитка, подобного пиву). Наиболее величественным было торжество Интип Райми, справлявшееся в период солнцестояния.

Общегосударственный ритуал Великого жертвоприношения (*капак хуча*) совершался раз в четыре года, а также в случае бедствий. В провинции находили ребенка без физических недостатков и доставляли его в Куско, откуда торжественное шествие следовало строго по прямой до того места, где совершался жестокий обряд. Могила умерщвленного ребенка становилась местом поклонения.

Музыка, устное народное творчество и танец играли заметную роль в повседневной жизни обитателей Анд. Пентатонические мелодии, исполняемые на духовых (одноствольные и многоствольные флейты, окарины) и ударных инструментах (барабаны, идеофоны), звучали как в праздники, так и в будни. В Тауантинсуйю получили распространение музыкально-поэтические и декламационные жанры, а также синкретические жанры, соединявшие музыку, поэзию и танец; данные традиции живы в регионе до сих пор. Свидетельством развития театра являются народные кечуанские драмы «Апу-Ольянтай» и «Уткха-Паукар».

Монументальная архитектура государства инков отличалась сейсмостойкостью, использованием каменных блоков различного размера, соединенных без связующих растворов, сооружением трапециевидных оконных проемов. Яркими образцами зодчества служат руины крепости Саксауман в Куско, цитадели Писак, постройки Мачу-Пикчу. В Тауантинсуйю славилась художественные изделия из драгоценных металлов, поделочных камней и раковин, узорные тканые изделия.

Еврейская диаспора начала формироваться еще в древности (самой заметной была вавилонская община, сохранившаяся после «Вавилонского пленения», VI в. до н.э.), но основная масса евреев оказалась за пределами Палестины вследствие римских депортаций и добровольных миграций после Иудейской войны (66–73 гг.), восстания Бар-Кохбы (132–135 гг.) и гонений императора Адриана (117–138 гг.). Еврейские общины образовались в городах как западных, так и восточных провинций Римской империи, а также за ее пределами (в парфянском, а затем Сасанидском Иране и Ираке). До XI в. демографическое преимущество сохранялось за восточными регионами, там же находились основные интеллектуальные, они же политические, центры, к авторитету которых прибегали все общины диаспоры; с конца X–XI в. эти институты теряют свое влияние, и центр еврейской жизни перемещается в Европу, где в это время переживают демографический, экономический и культурный подъем общины Испании, Италии и Германии.

Вследствие арабских завоеваний 30–40-х годов VII в. восточные еврейские общины, находившиеся в составе Византийской (Сирия, Палестина, Египет) и Сасанидской (Иран, Ирак) империй, перешли под власть ислама. По сравнению с отношением византийских властей, рассматривавших сиропалестинское еврейство как религиозное меньшинство и подвергавших его регулярной дискриминации и спорадическим репрессиям, политика Халифата, в котором евреи стали частью немусульманского большинства населения, была гораздо мягче, что породило устойчивый миф о «золотом веке» евреев под властью ислама, наступившем в VII столетии, повторившемся в X в. в Испании под властью кордовских Омейядов, а затем в XVI в. в Османской империи. В этих регионах евреи, наряду с христианами, будучи «народами Книги», не подвергались насильственной исламизации, а получали статус *зимми* («покровительствуемых»), который при определенной сегрегации и дискриминации в повседневной жизнедеятельности гарантировал им свободное исповедание своей веры и религиозно-гражданскую автономию. «Зимми» в отличие от мусульман платили подушную подать (джизью), но эти деньги не смешивались с другими доходами казны и считались священными, символом победы ислама. Статус «зимми» был определен рядом документов (договоров завоевателей с населением завоеванных городов, указов и писем халифов наместникам и других), из них ключевым является так называемый Договор Омара, приписываемый «праведному халифу» Омару I ибн аль-Хаттабу (634–644 гг.), но на самом деле составленный в VIII–IX вв.

Еврейское общество на мусульманских территориях – от Ирана до Северной Африки и Испании – было пронизано родственными и деловыми связями и отличалось высокой мобильностью. Между различными общинами этих регионов регулярно перемещались паломники, ученые и студенты, квалифицированные ремесленники, работающие по заказам, купцы, женихи и невесты и, наоборот, беглые мужья (согласно обычаю, при разводе муж должен был выплатить жене большую сумму, превосходящую сумму приданного, и многие, особенно в условиях дефицита наличных денег, сделать этого

не могли). Самую заметную мобильную группу составляли еврейские купцы-раданиты (араб. *ар-радания*), торговые пути караванов которых начинались в Западной Европе и заканчивались в Индии и Китае. Роль раданитов утвердилась в историографии, их называли «хозяевами мировой торговли» рубежа тысячелетий и основными посредниками между христианской Европой и Халифатом; между тем, они упоминаются лишь в одном оригинальном источнике (арабском географическом сочинении), и ни масштаб этого феномена, ни его суть (семья либо профессиональная группа, или корпорация), ни родина (Восток или Запад) не могут быть прояснены.

Евреи проживали преимущественно в городах и занимались ремеслом, торговлей и банковским делом (в отличие от предыдущего, талмудического, периода, когда доминировало сельское хозяйство). Они создавали ремесленные объединения и торговые партнерства с мусульманами и сохраняли доступ практически во все сферы деятельности. В том числе, евреи активно участвовали в развитии бумажной, кредитной экономики, держали конторы и банкирские дома, где взвешивали и меняли деньги, выдавали векселя, брали на сохранение депозиты, инвестировали в торговые предприятия, а также давали ссуды (единоверцам – беспроцентные). Социальная, семейная и повседневная жизнь восточного еврейского общества достаточно хорошо изучена благодаря «Каирской генизе» – хранилищу разного рода вышедших из употребления документов при одной из каирских синагог. Вразрез с существующей практикой содержимое этой *генизы* по неизвестной причине не подверглось захоронению, в результате чего до нас дошел обширнейший корпус разнообразных источников, прежде всего XI–XIII вв.

В раннее Средневековье сохраняли свое значение два основных еврейских центра Востока – палестинский и вавилонский. Их влияние распространялось, соответственно, на Палестину и Сирию, Египет и Ирак, Иран и Аравию, а также в более слабой форме на Северную Африку и Испанию. Еврейские общины этих земель отправляли студентов учиться в раввинистические академии Палестины и Вавилонии (Багдада), посылали туда запросы по любым юридическим и обрядовым проблемам, сопровождая их выплатой обязательных налогов и добровольными пожертвованиями; в свою очередь, академии, помимо авторитетных ответов («*тшивот*», или «*респонса*») на все волнующие диаспору вопросы обеспечивали общины судьями для оперативной деятельности на местах. В Палестине находилась одна академия, преимущественно в Иерусалиме, в Багдаде – две: Сура и Пумбедита. Ректоры академий назывались *гаонами* (редуцированный титул *рош йешиват геон Яаков* – «глава академии, [которая есть] гордость Израиля»). Поэтому с учетом их ведущей роли в жизни еврейской диаспоры VII – начала XI в. этот период называется эпохой «гаоната». Вторым институтом, с которым гаоны делили власть над диаспорой, являлся вавилонский экзилархат. Экзиларх (*наси* – «князь», *рош а-гола* – «глава диаспоры») считался потомком царя Давида по линии царя Иехонии, угнанного в Вавилон, и в отсутствие у евреев царства и собственного государства выступал своего рода светским лидером диаспоры, обладавшим огромным авторитетом, но лишенным какой-либо власти, особенно за пределами Ирака и Ирана. Экзиларх был основным представителем еврейского населения при дворе халифа: он лоббировал ев-

рейские интересы и при этом отвечал за лояльность евреев и бесперебойное поступление налогов.

Постепенно, вследствие целого ряда конфликтов: вавилонских академий между собой, вавилонских гаонов и экзилархов, палестинского и вавилонского центров за влияние на диаспору, – а также появления новых локальных центров, в том числе в Европе, и роста их независимости, гаонат и экзилархат пришли в упадок. Палестинская академия интегрировалась в еврейскую общину Каира, а в вавилонских академиях перевелись ученые, достойные поста гаона. После эпохи гаонов началась, согласно традиционной еврейской хронографии, эпоха *ришоним* («ранних [раввинистических авторитетов]»), характеризующаяся большим полицентризмом.

В Западной Европе еврейские общины сложились в римскую эпоху в городах Италии, Галлии и Испании. В ходе христианизации и завоевания Германии франками в VIII–IX вв. еврейские общины возникли в прирейнских городах. В Англию евреи попали во время Нормандского завоевания (1066 г.). Германия в еврейских источниках получила название «Ашкеназ»; к этому же региону было отнесено еврейство Северной и Центральной Франции и Англии. Впоследствии, в результате миграций германских евреев на восток, сложилось восточноевропейское еврейство, которое наследственно тоже принадлежало к ашкеназской ветви. «Сефарад» (Испания) включал в себя Пиренейский полуостров и Южную Францию. Ашкеназы и сефарды в той или иной степени расходились по целому ряду параметров, касающихся религиозной практики и права, общинной жизни, отношений с внешним обществом и интеллектуальной культуры.

Ашкеназы наследовали палестинской традиции, в том числе в литургии, их раввины занимались преимущественно толкованием Библии и Талмуда (тосафисты – «дополняющие»), излишние контакты с христианским обществом и властями они склонны были осуждать как коллаборационизм, в ситуации прямого конфликта (наветов и погромов) предпочитали принимать мученичество. Сефарды наследовали вавилонской традиции, причем за столетия арабской власти в Андалусии еще более усилили ее арабизированность; их литературным языком долго являлся арабский, они широко изучали светские науки и пытались синтезировать иудаизм с философией; соплеменников, попавших на службу к монарху или знати, уважали и считали своими заступниками, в случае прямой угрозы (в позднее Средневековье) склонны принимать крещение. Итальянское еврейство создало свой собственный культурный тип, соединяющий некоторые черты обеих традиций.

В раннесредневековой Европе евреи сохраняли религиозную и гражданскую автономию (самоуправление общин; попытки создать надобщинные организации предпринимались, но не увенчивались устойчивым успехом), пользовались защитой закона и покровительством светских властей (за исключением вестготских королей, регулярно устраивавших гонения на иудеев), имели право носить оружие и владеть землей и рабами и доступ в разные сферы деятельности. Их отношения с христианами варьировались от интеллектуального сотрудничества в области библейской экзегезы, мирных религиозных диспутов и торговых партнерств до спорадических конфликтов (в частности, с духовенством и с крещеными евреями), но массового насилия и постоянной враждебности, по-видимому, не случалось.

Водоразделом в ашкеназской средневековой истории считается конец XI – XII в., когда после серии еврейских погромов, устроенных в прирейнских городах участниками I Крестового похода, взаимоотношения евреев с христианским обществом, церковью и короной стали неуклонно ухудшаться, причем рост враждебности нашел отражение как в христианских, так и в ашкеназских источниках.

Масштабные погромы повторились в преддверии II Крестового похода во Франции и III – в Англии. Кроме того, стали происходить локальные погромы – как вследствие наветов, так и в связи с событиями христианского годового цикла (прежде всего погромы в Страстную неделю). Росту отчужденности евреев способствовало сегрегационное законодательство, особенно активно внедряемое церковью начиная с IV Латеранского собора (1215 г.): оно требовало минимизации дружеских и повседневных контактов иудеев с христианами, ношения особой одежды (или) знаков на одежде, проживания в отдельных кварталах (последняя мера светскими властями трактовалась также как защита от погромов). Насильственное отчуждение вело к демонизации, в 40-е годы XII в. в Германии и Англии евреи впервые подверглись обвинению в ритуальном убийстве христианских детей, имитирующем распятие Христа, в XIII в. в этот сюжет добавилась тема использования крови младенца в еврейских пасхальных ритуалах или в магических целях («кровавый навет»). Получили распространение также другие обвинения (в осквернении гостии, в убийстве евреями-врачами своих пациентов, в отравлении источников воды – последний навет приобрел особую популярность в середине XIV в., во время и после «Черной смерти»).

Еврейское население постепенно лишилось права владеть землей и рабами и полностью перебралось в города, где не выдержало конкуренции с христианскими ремесленными цехами и купеческими гильдиями, доступ в которые евреям был закрыт. Еврейское ремесло и торговля сохранились в основном лишь в городах с крупными еврейскими общинами и, соответственно, наличием внутреннего еврейского рынка. Вытеснение евреев из других сфер деятельности вкупе с запретом ростовщичества христианам на III Латеранском соборе (1179 г.) привело к занятию евреями этой профессиональной ниши вплоть до синонимизации понятий «еврей» и «ростовщик» в народном сознании, что также способствовало росту юдофобских настроений.

Церковь в XII–XIII вв. изменила формат иудео-христианской полемики, запретив неформальные споры о вере и участие мирян в подобных беседах. Вместо этого стали проводиться официальные диспуты-суды (Парижский диспут 1240 г., Барселонский диспут 1263 г., Тортосский диспут 1413–1414 гг.) с заранее назначенными участниками и оглашенной программой, с судьями в лице королей, архиепископов и магистров монашеских орденов, с predetermined целями: такие диспуты приводили к осуждению иудаизма и сожжению Талмудов, к дискредитации раввинов-ответчиков и добровольному крещению евреев.

В светском законодательстве относительно евреев в конце XI – XII в. сформировалась концепция «еврейского рабства» (*servitus Judaeorum*). Иудеи как «крепостные короны» получали особую протекцию закона, включающую защиту личности, собственности и исповедания своей веры, гражданскую автономию, торговые и юридические привилегии; за это казна взимала с них особые налоги, в казну выплачивалась часть вергельда за преступление против еврея, в казну же отчуждалось имущество крестившихся

евреев. Со временем протекционистская часть этой правовой концепции отошла на второй план, а финансовая эксплуатация заметно усилилась: английские короли вымогали у еврейских купцов беспроцентные и безвозвратные займы, французские – переадресовывали в казну суммы, причитающиеся евреям-ростовщикам, германские императоры жаловали вассалам право на эксплуатацию той или иной еврейской общины (по модели природных ресурсов). Поборы, наветы и погромы до крайности ухудшили положение ашкеназов, так что вторая половина XIII – XIV в. получила в их среде название «века мученичества» (особенно для германского еврейства). Итогом этой эпохи стало последовательное изгнание евреев из Англии (1290 г.), Франции (1394 г.), отдельных княжеств и городов Германии (на протяжении XV в.).

В пиренейских королевствах по ряду причин, прежде всего благодаря заинтересованности короны в евреях во время Реконкисты и освоения отвоеванных у мусульман территорий, относительное благополучие еврейской общины сохранялось дольше. Переломным в средневековой истории сефардского еврейства считается 1391 г., когда по Кастилии и Арагону прокатилась волна погромов, инспирированных проповедями монахов-доминиканцев. В ходе погромов ради спасения жизни значительная часть испанского еврейства приняла христианство, и создавалась многочисленная группа «новых христиан» (*конверсо*, *маранов*), чья близость к еврейской общине, приверженность новой вере и склонность к ассимиляции широко варьировались; для ограничения успешной интеграции этой группы в элиту испанского общества с середины XV в. стали издаваться «Статуты чистоты крови», для искоренения «иудейской ереси» в их среде в конце века была введена инквизиция. Относительно евреев в XV в. в Испании выпускались и возобновлялись сегрегационные и дискриминационные законы; в 1483 г. евреи подверглись изгнанию из Андалусии; в 1492 г., сразу после окончания Гранадской войны, уничтожившей последний мусульманский анклав на Пиренейском полуострове, был подписан эдикт об изгнании евреев из всех владений Католических королей (Кастилии, Арагона, Сицилии и Сардинии; с переходом Неаполя под власть арагонского короля в 1504 г. евреи были изгнаны и оттуда, 1510 г.). Испанские евреи отправились в Португалию (где в 1497 г. были насильственно крещены), Италию (в большинстве государств которой еврейское присутствие оставалось легальным), Северную Африку и Османскую империю.

«РОСКОШЬ ФЕОДАЛИЗМА»

Период, в котором оказалась наша историческая наука, не очень благоприятен для обобщений. Как выяснилось, категориальный аппарат обветшал, базовые понятия по многим причинам утратили свою эвристическую ценность, хотя бы потому, что вызывают разночтения. При современных знаниях необычайно трудно подобрать какой-то термин, который характеризовал бы все общества Средневековья или хотя бы их значительную часть. Термин «феодализм» для этой цели мог бы подойти, если бы у исследователей сложился на сегодняшний день какой-нибудь консенсус по поводу его определения. Всякие строгие дефиниции, будучи приложены к реальному материалу, встречают бурное сопротивление с его стороны.

И все же именно конкретные исследования показывают, насколько единым был мир Средневековья, насколько отдельные части средневековой Мир-Системы были взаимосвязаны, причем со временем эти связи имели тенденцию усиливаться, втягивая в «концерт» средневековых государств все новые территории. Процесс этот был полон противоречий и изобиловал неудачами: попытка распространения китайской сферы влияния на весь Индийский океан осталась без последствий; неудачей закончилась попытка скандинавской колонизации Гренландии; невостребованными оказались сведения, добытые Афанасием Никитиным в XV в., остывает интерес к внутренним областям Африки, издавна характерный для арабских географов. Однако к концу периода в водоворот большой истории, освещенной в той или иной степени источниками, оказались вовлечены огромные пространства, от карибских гуанчей до нивхов Приамурья, от ненцев и коми, крещенных Стефанием Пермским, до пигмеев тропической Африки. На этой громадной территории разворачивался обмен товарами, идеями и изобретениями. Распространялись сведения о китайском порохе, греческом огне и компасе («плавающей игле»), продолжали шествовать по миру сельскохозяйственные культуры, само название которых указывало на длительность их пути (таково, например, растение *Fagórugum*, чья крупа именуется по-русски «гречкой», в украинских диалектах – «татаркой», по-французски и испански – «сарацинским зерном», по-немецки – «языческим зерном»).

То, что эти многочисленные регионы не существовали изолированно, влияли друг на друга, и влияние это оказывалось весьма значимым для их внутреннего развития, на современном уровне знания стало вполне очевидным. Но помимо взаимообусловленности, имелось ли у участников средневековой Мир-Системы нечто общее?

Общим для них будет то, что ни к западным, ни к восточным, ни к южным, ни к северным обществам того времени нельзя применить термины,

разработанные для Европы Нового времени, без угрозы впасть при этом в анахронизм. Прежде всего, речь идет о термине «собственность». Любопытно, что примерно в одно и то же время в 60-е годы XX в. два советских историка, не сговариваясь, пришли к термину «власть–собственность», для того чтобы подчеркнуть специфику исследуемых обществ. А.Я. Гуревич пытался таким образом показать специфику западноевропейского Средневековья, Л.С. Васильев – восточного (прежде всего китайского) традиционного общества. Оба исследователя стремились показать одно и то же. Изучаемые общества были *другими*, не такими, как то классическое общество, которое описывал К. Маркс.

А. Герро относил сказанное лишь к латинскому Средневековью, не ставя вопрос о том, насколько пара *dominium–ecclesia* имеет основания распространяться на другие регионы. Но сказанное им, в принципе, вполне допустимо и по отношению к большинству средневековых обществ. *Ecclesia* при желании может быть успешно заменена на «умму», а тезис о том, что институт *dominium*, обозначающий власть–собственность, всегда эффективно функционировал именно на локальном (а не на государственном) уровне, может быть несколько смягчен.

Итак, имеем ли мы основания говорить о некоем типологическом единстве большинства оседлых обществ Средневековья? В свое время труды антрополога Э. Вульфа, пытавшегося указать на схожесть социального строя средневековой Европы с современными ему обществами, основанными на «данническом», внеэкономическом принуждении, вызвали сенсацию. Но для советских историков, воспитанных на тезисе об универсальности феодализма, это совсем не явилось откровением, да и сегодня наличие общих черт организации традиционных обществ не выглядит для нас чем-то удивительным.

В большинстве регионов средневековой Мир-Системы общества отличались достаточной гомогенностью и не распадались на граждан и неграждан. Общество было связано взаимными обязательствами и расчленено на иерархию различных статусов. Повсеместно основой производства было индивидуальное крестьянское хозяйство с большей или меньшей ролью общины. Эксплуатация крестьянских хозяйств осуществлялась в основном путем внеэкономического принуждения. С крестьянских хозяйств взималась рента, поступавшая иногда непосредственно в частные руки, но чаще – в руки государства, с последующим перераспределением между различными группами элит. Государственное устройство имеет вид иерархии, и эта иерархия чаще всего основана на соподчинении военных чинов. В военном отношении Средневековье предпочитало иметь дело с воинами-профессионалами (желательно конными), на содержание которых и шла значительная часть изымаемой с крестьян ренты.

Сказанное ни в коей мере не противоречит ни тому, что в средневековой действительности во многих местах Старого Света существовали заповедники крестьянской свободы (различного рода сообщества горцев, например), ни тому, что существование кочевых народов Великой степи постоянно вносило свои коррективы.

В целом Средневековье в масштабах всей Мир-Системы предстает перед нами отнюдь не как застойное, невежественное общество. Сумма сделанных

в этот период открытий ничуть не уступает Древности, причем повсеместно наблюдается тенденция к сохранению, систематизации и упорядочиванию накопленного культурного багажа. В большинстве регионов оседлые цивилизации так или иначе сумели наладить диалог с Великой степью и в результате этого добились существенных успехов на пути внутренней консолидации. Китай периода Мин, государство Великих Моголов, Сефевидский Иран, Османская империя, Русское государство постепенно ощущали себя более защищенными от угрозы со стороны Степи.

Все крупные регионы Мир-Системы в XV–XVI вв. испытывали подъем, однако в большинстве случаев не происходило прорыва, который позволил бы выйти за пределы принятой модели развития. Они оставались аграрными странами, зажатыми в так называемую «мальтузианскую петлю», жестко увязывающую плодородие земли с возможностями демографического роста. Если путь территориальной экспансии оказывался закрыт, то общество рано или поздно сталкивалось с серьезными кризисными явлениями, чреватými гибелью данного социума.

Европейские историки Нового и Новейшего времени не единственные, кто ставил вопрос о единстве законов развития народов Старого Света. В XIV – начале XV в. житель Магриба Ибн Халдун написал «Книгу назидательных примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле» («Китаб аль-ибар»). Помимо богатейшего личного опыта, помноженного на наблюдательность, Ибн Халдун был эрудитом и опирался на богатую традицию, содержащую знания едва ли не обо всех народах арабской ойкумены. Достаточно сослаться на пример земляка Ибн Халдуна, Ибн Баттуты, который в середине XIV в. объездил множество стран, побывав в Волжском Булгаре, откуда хотел идти в «страну мрака» на Печору за пушниной, служил на Сейшельских островах, посетил Вьетнам и Пекин, Константинополь и Томбукту, оставив развернутое описание своих путешествий. Все это вооружило Ибн Халдуна бесценными знаниями, на основании которых он сформулировал целостную социально-политическую теорию, изложенную во вступлении к своей «Книге примеров». Правда, филологи-востоковеды относятся к таким обобщениям скептически, призывая к большой осторожности в переводе и трактовке арабских терминов на язык современных политологов. Но Ибн Халдуна продолжают активно цитировать исследователи, ориентированные на поиск исторических закономерностей и выдвижение «теорий истории».

Согласно «Книге примеров», народы, обладающие высокой степенью коллективной солидарности «асабийи», завоевывают ослабленную неурядицами страну. Победоносные суровые воины превращаются в правящую элиту и через определенный срок начинают сами ценить роскошь, их «асабийя» слабеет, они заботятся, в первую очередь, о своем собственном благополучии. Упадок «асабийи» – важнейшая, но не единственная причина разложения власти и государства. В сложную сеть причин у Ибн Халдуна включены также экономические, природно-климатические и демографические факторы. Причем некоторые из этих зависимостей оказалось возможным даже эксплицировать в математических моделях, характеристики которых сопоставляются с известными современной науке историко-демографичес-

кими и историко-хозяйственными данными. Так, в основу базовой «ибн-халдуновской» модели американский исследователь русского происхождения Петр Турчин положил следующие положения. Пока доход от ренты, приходящийся на одного члена элиты, превышает минимально приемлемый (для «достойного существования» и воспроизводства представителя элиты), государство и знать живут в гармонии. Однако если численность представителей элиты вырастает до такого уровня, что их душевой доход падает ниже этого минимума, элита становится неудовлетворенной и начинает черпать недостающее из части казны, предназначенной на необходимые административные и военные расходы.

Правящий слой, достигший полной монополии власти, с течением времени разрастается и увеличивает свои потребности, что снижает его способность адекватно реагировать на истощение общественных ресурсов, упадок хозяйственной активности, обнищание и деградацию населения, утрату могущества. В этих условиях попытки демонстрации мощи и благоденствия перед внешними соперниками и своим населением, приобретение путем подкупа новых сторонников могут отсрочить, но не способны предотвратить смену власти. Ибн Халдун, живший в странах, соседствовавших с племенами суровых горцев и обитателей Сахары, но также знакомый с реалиями Великой степи (он ездил с посольством к Тамерлану), предрекал скорую гибель таких государств в результате завоевания народами, обладающими высокой «асабийей».

Теория Ибн Халдуна, подкрепленная выкладками современных исследователей, неплохо описывает судьбы большинства политических образований средневековой Мир-Системы.

Но из этого правила случались исключения, самое вопиющее из которых находилось на противоположном Ибн Халдуну берегу Средиземного моря. Впрочем, ему очень трудно было бы разглядеть в Европе, раздираемой войнами и восстаниями, опустошаемой эпидемиями, последовавшими за «Черной смертью», общество, сумевшее найти выход из порочного круга.

О том, как именно происходил этот «прорыв Европы», подробнее будет рассказано в следующем томе. Но некоторые из причин этого можно назвать уже сейчас. О том, почему стало возможным «европейское чудо», написаны сотни книг. Справедливо указывают на географические преимущества Западной Европы. Здесь и благоприятный климат, обеспеченный «грелкой»-Гольфстримом, и исключительная изрезанность береговых линий, подкрепленная выгодным расположением рек, благодаря чему из любой точки Европы водным путем можно было быстро добраться до удобных гаваней открытого моря (а морские перевозки грузов обходились в десять раз дешевле речных и в сотню раз дешевле сухопутных). И не важно, что на первых порах жители латинской христианской Европы относились к посредственным мореходам (до той поры, пока в эту категорию не были включены викинги). Сама природа создала Европу максимально приспособленной для активной торговой экспансии, опирающейся на богатство внутренних зон.

Еще более важным было то, что латинский Запад, единственный из всех регионов старых цивилизаций, сумел избежать соседства с кочевыми империями.

В польском древнем Кракове с самой высокой колокольни ежечасно слышен звуковой сигнал – «хейнал», мелодия которого внезапно обрывается. Согласно легенде, на день Вербного воскресенья 1241 г. трубач увидел приближающиеся монголо-татарские войска и начал играть сигнал тревоги. Но татарская стрела оборвала его жизнь. Он не окончил мелодию, но жители города услышали звуки тревоги и успели подготовиться к обороне – такова замечательная краковская легенда. Но на самом деле смерть трубача не спасла город, он был взят монголами. Вскоре, 9 апреля того же года, объединенное польско-немецкое рыцарское войско было наголову разбито отрядом батыева полководца Байдара, прорывавшегося в Венгрию. Именно придуманные равнины с их пастбищами и служили целью похода, формально организованного в погоню за остатками разбитых половцев хана Котьяна, укрывшихся в Венгрии. Но Паннония всегда играла роль своеобразного «отрога» Великой степи в Западной Европе, базы для формирования государственных образований кочевников: гуннов, аваров, венгров.

В битве на р. Шайо 12 марта 1241 г войска венгерского короля Белы IV были разбиты в тяжелом сражении. Монголы Субудея и Батыея, помимо прочего, ошеломили венгров применением китайских пороховых снарядов. В начале 1242 г. монголы взяли Загреб и вышли к Адриатическому морю у г. Сплита. Еще один их разведывательный отряд приближался к Вене. Однако получив известие о том, что 11 декабря 1241 г. умер великий хан Угэдей, Батый принял решение срочно возвращаться в Степь, чтобы успеть к курултаю. Именно это, в принципе, случайное событие решило судьбу Европы, а вовсе не «победа чехов и моравов при Оломоуце» (как выяснилось, известие об этом событии, вошедшем в учебники и энциклопедии, сочинено чешским филологом Вацлавом Ганкой, автором величайшей фальсификации – краледворской «древнечешской» рукописи). Латинский мир был спасен от покорения державой потомков Чингисхана.

Когда это требовалось европейцам, они сами шли на контакты со Степью, отправляя посольства в Монголию или ведя выгодную торговлю с ханами через свои черноморские фактории. Но у них не возникало необходимости напрягать все силы для отпора внешней агрессии, они не нуждались в сверхмощном государстве, которое объединило бы весь регион для отпора страшному противнику. А когда появились вызовы со стороны новых держав, окрепших в постоянных контактах с кочевыми империями (Османская империя и Русское царство) – потенциал Европы уже достиг такого уровня, что она могла противостоять им без тотальной мобилизации ресурсов.

Таким образом, Европа имела возможность позволить себе *«роскошь феодализма»*. Это объясняло очень многое. После Тысячного года Европа была защищена и от постоянных набегов, и от калейдоскопической смены государственных образований. В силу сложившейся уникальной ситуации, одним из проявлений которой стало беспрецедентное могущество Католической церкви, относительное равновесие поддерживалось без объединения всего латинского христианского мира под властью единого монарха. Пришествия такого государя с нетерпением ждали лучшие умы Европы, среди которых находился и Данте, но, к счастью, не дождались. Соперничество между правителями не давало проявиться столь естественному для других регионов стремлению блокировать изменения.

Император Китая Юнлэ посылал в Индийский океан «Золотой флот», чьи корабли «баочуани» по своим качествам многократно превосходили грядущие каравеллы Колумба и Васко да Гама. Но его преемники волевым реше-

нием прекратили морские экспедиции. Китай вообще неудобен для сторонников военно-технологического детерминизма в истории. Компас и порох, огнестрельное оружие и бумага, книгопечатание и куранты, реактивные снаряды и гидравлические двигатели, цепной и ременной приводы, мануфактурное производство – все эти и многие другие китайские изобретения не приводили в этой стране к структурным изменениям. Власть, правящая в Поднебесной по «мандату Неба», всегда находила возможности нейтрализовать нежелательные социальные последствия. Но в Европе такого центра, монопольно обладавшего универсальной властью, не сложилось, и некому было блокировать инновации.

Но не только крайне удачное стечение обстоятельств обеспечивало взлет Европы. Сама средневековая европейская цивилизация оказалась удивительно пластичной и способной динамично развиваться, вопреки изначальному взгляду на феодализм как на застойное общество. Даже если распространять смысловую пару, выделенную уже упомянутым А. Герро, на всю средневековую Мир-Систему, трудно не признать, что и *dominium*, и *ecclesia* в Европе обладали уникальными чертами. После Тысячного года Католическая церковь начинает обретать свой специфический вид, сделавший невозможным развитие цезаропапизма. Оно укрепляет свое положение основной несущей конструкции средневекового общества, а также выражаясь компьютерным языком, становится «оболочкой» европейского феодализма.

Причем на сей раз речь идет о феодализме в узком смысле слова. Можно сколь угодно критиковать теории «феодальной революции» или «феодальной мутации», но очевидно, что около Тысячного года Запад переживал стремительное изменение, которое, конечно же, было обусловлено всем его предыдущим развитием, включая и античную, и каролингскую традиции, но от этого не становилось менее стремительным. Политическая власть оказалась в руках собственников сеньорий, осуществлявших судебные, административные и военные функции. Европа стала покрываться замками (этот процесс был назван П. Тубером «озамкованием»); значительно трансформировался крестьянский мир – поселения приобрели вид знакомой нам средневековой деревни, сгруппированной вокруг церкви с кладбищем. Приход, объединявший живых и мертвых, часто совпадал с крестьянской общиной, на которую накладывались рамки одной или нескольких сеньорий. Р. Фоссье дал этому процессу еще более экзотическое название «объячеивание». Перенос власти-собственности (*dominium*) на локальный уровень вел к интенсификации крестьянского труда, однако феодалы, как правило, не вмешивались в сам производственный процесс, а тотальное господство над людьми и землей уравнивалось ролью общины и прихода как главной ячейки социальной жизни. Это очень важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание. Многим средневековым обществам были свойственны земельные пожалования воинам и другим «нужным людям» за службу: от мусульманских *икта* и *союргалов*, до китайских *чжи тянь* («должностных полей») или византийских *проний*. Однако в подавляющем большинстве случаев владельцы таких пожалований довольствовались получением «ренты» с крестьян, не будучи тесно связаны непосредственно с производственным циклом. Поэтому экономическая жизнь здесь шла по заведенным распорядкам. Иное дело – земли, владельцы которых чувствовали себя полными хозяевами.

Здесь появилась возможность для разнообразных улучшений. В качестве примера можно привести удивительную экономическую активность буддийских монастырей Танской империи, обладавших крупными земельными комплексами, до поры до времени не подпадавших под всеобъемлющее государственное регулирование и налогообложение. Схожим образом развивалось хозяйство на землях *вакфов* (комплексах земель, пожалованных мусульманским духовным и благотворительным учреждениям – мечетям, медресе, приютам). Они избегали налогообложения, весьма сурового как в фатимидском Египте, так и в Иране и Малой Азии XV в., представляя собой своеобразные «оазисы экономического роста». Кстати, для влиятельных египетских родов земли, передаваемые в вакф (нечто вроде «доверительного управления»), играли важную роль для сохранения семейного патримониума. Примерно такова была стратегия благородных западных линияжей, одаривавших монастыри в каролингское и посткаролингское время. Укрепление владельческих прав на пожалованные земли могло стать благом для хозяйственного развития. Но это неминуемо вело к ослаблению государства, или, точнее говоря, такое укрепление находилось в функциональной зависимости от ослабления государства. А слабое государство в окружении соседей с сильной «ассабийей» долго прожить не могло – здесь Ибн Халдун был прав. Запад же, как мы поняли, стал исключением в силу временного отсутствия таких соседей.

Итак, для феодального Запада основной ячейкой не только хозяйственной, но и политической жизни являлась сеньория (дополненная приходом и общиной). Более крупные политические структуры, монархии и империя, существовали лишь в виде «наброска», скорее отсылая к некоей идее государственной власти, чем осуществляя реальный контроль над властью сеньоров. На первых порах локальные конфликты без помощи монархов улаживались на местном уровне (движение «Божьего мира», взаимные присяги), и лишь постепенно королевская власть начнет усиливать свое давление на сеньориальную систему, при помощи правоведов придавая упорядоченность феодальной иерархии, приспособлявая ее для целей королевской службы. Однако сеньория просуществует в своем «базовом» качестве еще как минимум семь веков. Сеньориальная система оказалась удивительно эффективной. В итоге, по сравнению с другими регионами, «надстройка» обходилась европейскому феодальному «базису» на порядок дешевле.

* * *

Сочетание эффективного господства на местном уровне с самоорганизацией непосредственных производителей, не отделенных от средств производства, было одним из многих творческих противоречий европейской феодальной системы, обеспечивавших временами впечатляющий демографический и экономический подъем. Но дело не сводилось лишь к совокупности локальных сеньорий. Главной интегрирующей силой феодальной Европы была *ecclesia*, и лишь постепенно эту роль будут брать на себя крепнущие структуры королевской или княжеской власти, обрастающие своим чиновничьим аппаратом, который, впрочем, изначально почти полностью состоял из тех же клириков. Именно церковь обеспечила успешное сочетание сильной местной власти с единством всего «христианского тела», закрепляя культурное единство окормляемого ею пространства. Таинство евхаристии обеспечива-

ло на символическом уровне причастность каждого средневекового человека к единому *корпусу*. Это придавало и сельскому приходу, и городской коммуне, и целому королевству, и самой «общине верных» всего христианского мира вполне определенную конечную цель существования – коллективное спасение души в ожидании Дня гнева Господня. И вместе с тем церковь демонстрировала явные универсалистские стремления, организуя «паломничество» – Крестовые походы, христианизацию народов Балтии, Реконкисту, а после освоения Атлантики – обращение в христианство неведомых народов – сперва гуанчей с Канар, а затем и американских индейцев.

Особенности феодальной или «церковно-феодальной» организации общества Европы нейтрализовали действие одного из «законов Ибн Халдуна». От «перепроизводства элит» страдали самые разные и весьма отличные друг от друга общества – такие как Китай в конце каждого из династических циклов, Древняя Русь времен усобиц, начавшихся при детях Ярослава Мудрого, государства Сельджукидов, Ильханов, или тайфы Аль-Андалуса. Но в средневековой Европе значительную часть господствующего класса составляли клирики, на которых распространялся обет безбрачия. Среди светской знати господствовала формальная моногамия – бастарды не могли претендовать на долю наследства. Во многих областях Европы действовал либо майорат, либо (в более смягченном виде) приоритет одного из наследников при разделе имущества. Зачастую, когда надо было подтвердить «благородный статус» человека, обращали внимание на то, каким образом его предки делили семейное имущество: если в неравных долях, то это подтверждало наличие «голубой крови» не хуже, чем ветвистое генеалогическое древо, украшенное гербами. Европейская средневековая элита, при всей видимой пышности дворянской жизни, в целом обходилась обществу дешевле элиты восточной. Кроме того, акцентируемая средневековым христианством практика духовного родства, не менее важного, чем родство кровное, вносила существенные изменения в конфигурацию семейных связей на Западе. Ценностные установки, правовые традиции и цивилизационные особенности оказываются весьма существенными для макродинамических показателей

Это лишь один из примеров, подтверждающих главное: в силу особой пластичности средневековой западной цивилизации, порождаемой в том числе и особым способом мышления, способом связывать между собой противоречия, феодальная Европа обрела удивительный динамизм. Конечно, он был свойственен не только Западу – достаточно вспомнить китайское общество эпохи Сун или халифат Аббасидов. Но динамизм Запада отличался своей необратимостью. Институты, в которых традиционно видели элементы отрицания феодального мира (города, римское право, университеты, светский бюрократический аппарат, парламенты и прочее), были не «гостями из будущего», не реликтами античного мира и не какими-то «несистемными элементами», но органичным порождением своей эпохи, возникая не вопреки, но благодаря феодализму.

Города типично средневекового типа, на отличие которых от городов всего остального мира в свое время указывал М. Вебер, возникают параллельно с «объяснением», «озаможением», григорианской реформой и «феодальной революцией». В городах, помимо прочего, складывается уникальная социальная среда средневековых интеллектуалов, способных мыслить особым образом. Именно им удается почти сразу же, на рубеже XI–XII вв., изобрести

особый метод познания мира – схоластику. В силу особенностей средневекового мышления клирики-интеллектуалы соединяют то, что было несоединимо в Античности: римское право и аристотелевскую логику. В результате глоссаторы возводят практически новое здание гражданского права и уже через поколение создают совсем новое право – каноническое. Правовая система незаметно, но достаточно быстро начинает преобразовывать окружающий мир, укрепляя особое средневековое правосознание, составной частью которого стали гарантии собственности, что позволило аккумулировать солидные капиталы на протяжении нескольких поколений, без чего никакое развитие капитализма не представлялось бы возможным.

Воздействие внешних факторов, конечно, никоим образом нельзя игнорировать. Стоит напомнить еще раз, что «роскошь феодализма» Западная Европа могла себе позволить, лишь оказавшись достаточно надежно прикрытой от «гостей» из Великой степи как естественными преградами, так и стойкостью народов Восточной Европы. Когда турки, крушившие остатки Византии, начали осознаваться в качестве угрозы всему христианскому миру, османскую экспансию на несколько десятилетий приостановил удар, нанесенный Тамерланом. Но внешние факторы могли воздействовать и не столь благоприятным образом. «Второе смыкание цивилизаций», осуществленное к рубежу XIII–XIV вв. (став результатом «рах монголика»), вновь привело к пандемиям. Пришедшая из Великой степи «Черная смерть» опустошает Европу вскоре после того, как здесь наступила фаза перенаселения, за которой, как и во всяком традиционном аграрном обществе, неминуемо должна была следовать стагнация и кризис («демографическое сжатие»). Демографические проблемы в сочетании с развитием товарных отношений ставят всю сеньориальную систему перед серьезными вызовами, чреватými конфликтами как между фракциями феодальных элит, так и между основными группами средневекового общества. Попытки усилить личную зависимость крестьян, подчинить себе рыночные механизмы и города, усилить контроль над крепнущим государственным аппаратом, использовать войну как источник дохода наталкивались на мощное противодействие населения, заставляя элиты корректировать свою политику. Устойчивость средневекового общества, надежность и при этом относительная гибкость его социальных институтов и интеллектуальной оснастки привели к тому, что Запад, пройдя сквозь крестьянские и городские восстания, затяжные войны и феодальные мятежи, сумел самостоятельно найти выход из кризиса и начал свою впечатляющую внешнюю экспансию. О том, как это произошло, будет рассказываться в следующем, третьем томе.

Пока же важно еще раз подчеркнуть, что именно удивительная пластичность европейского феодализма, средневекового западного христианства придали обществу ту динамику, которая, в конце концов, приведет к торжеству капитализма. Конечно, в итоге феодальная логика уступит свое место капиталистической, принципиально ей противоположной (в этом просветители не ошибались). Но элементы, приведшие к утверждению капитализма, развивались в недрах европейского средневекового общества не вопреки феодализму, а благодаря его собственной динамике, поэтому именно в феодальной системе следует искать причины исторической исключительности Европы накануне того момента, когда она начнет осваивать к своей выгоде весь мир.

ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

12.08.3113 г. до н.э.	Условная начальная дата календаря майя
247 г. до н.э. – 224 г. н.э.	Парфянская династия Аршакидов
213–224 гг.	Парфянский шаханшах Артабан V
220–589 гг.	Эпоха «Шести династий» (Лючао) в Китае
220/222 г.	Распад Китая на царства (Вэй, Шу, У)
224 г.	Битва на равнине Ормиздаган
224–651 гг.	Иранская династия Сасанидов (Новоперсидское царство)
224–241 гг.	Правление Арташира (Сасанидская династия)
244 г.	Битва на Евфрате между римлянами и персами и мирный договор между персами и императором Филиппом Арабом)
260 г.	Битва близ Эдессы персов с римлянами, пленение императора Валериана
262 г.	Поражение Шапура I от Одената, правителя Пальмиры
265–290 гг.	Сыма Янь, правитель Китая
272 г.	Уничтожение Пальмиры императором Аврелианом
276–293 гг.	Вахрам II (Сасанидская династия)
280 г.	Присоединение царства У к империи Цзинь
290–306 гг.	«Смута восьми ванов» в Китае
IV в.	Возникновение раннеяпонского государства с самоназванием Ямато
304 г.	Провозглашение Лю Юаня ваном государства хунну в Китае (Династия Хань)
306–337 гг.	Константин I Великий
Ок. 307–333 гг.	Правление Эзаны в Аксуме (Эфиопия)
309–379 гг.	Шапур II (Сасанидская династия)
начало IV в.	Распад единого государства в Китае, «эпоха 16 царств пяти северных племен»
IV в.	Большое объединение племен и вожеств гуннов на территории Нижнего Приуралья
312 г.	Объявление принца Мин Ди императором Китая
313 г.	Миланский эдикт
313–399 гг. (трад.)	Император Нинтоку в Японии
322 г.	Начало гонений на христиан в державе Сасанидов
325 г.	Никейский Вселенский собор
330 г.	Основание Константинополя (Византия)
330–333 гг.	Правление императора Ши Лэ в государстве Поздняя Чжоу (Северный Китай)
332–337 гг.	Строительство первого собора Св. Софии в Константинополе

337–361 гг.	Правление Констанция II в восточной части Римской империи
337–350 гг.	Правление Константа в Италии
337–350 гг.	Правление Константина II Младшего в Галлии
338 г.	Возвращение Армении в состав Новоперсидского царства
354–369 гг.	Походы Хуань Вэня (государство Восточная Цзинь) на Север
363 г.	Сражение при Моранте между персами и римлянами, гибель Юлиана Отступника
363 г.	Мирный договор между Шапуром II и Иовианом
364–378 гг.	Правление Валента в Византии
372 г., 392 г.	Проникновение буддизма в Когурё (Корея) с посольством из Западной Цзинь, его официальное принятие
375 г.	Запрет даосизма в Китае Фу Цзянем II
378 г.	Битва при Адрианополе, разгром войск Византии готами
381 г.	Второй Вселенский собор (Константинополь)
383 г.	Битва на реке Фэйшуй (Китай)
384 г.	Проникновение буддизма в Пэкче (Корея)
386–534 гг.	Государство Северная Вэй (Северный Китай)
387 г.	Договор Шапура III с римлянами о разделе Армянского царства
395–396 гг.	Большой поход гуннов в Переднюю Азию по маршруту скифов
399 г.	Самопровозглашение Тобы Гуя императором Северной Вэй в Китае
399–421 гг.	Шах Йездигерд I (Сасанидская династия)
конец IV в.	Расселение гуннов между Дунаем и Тисой
402–555 гг.	Жужаньский каганат
403 г.	Восстание исавров против Византии
408–450 гг.	Правление римского императора Феодосия II
420 г.	Принятие Лю Юем императорского титула, основание династии Южная Сун (Китай)
420–589 гг.	«Эпоха южных и северных царств» (Нань Бэй Чао) в Китае
421–438 гг.	Бахрам V Гур (Сасанидская династия)
427 г.	Приход эфталитов («белых гуннов») на восточные рубежи империи Сасанидов
427 г.	Превращение Пхеньяна в столицу Когурё (Корея)
428–431 гг.	Несторий – патриарх Константинополя
429–470 гг.	Набеги тобасцев на жужаньские кочевья
431 г.	Эфесский собор
435 г.	Договор между Византией и гуннами
438 г.	«Кодекс Феодосия» (Византия)
444/445–453 гг.	Единоличное правление Атилы над гуннами
451 г.	Поход гуннов по Дунаю и Рейну
451 г.	Четвертый Вселенский собор в Халкидоне, принятие ортодоксального «Символа веры»
451, 483–484 гг.	Восстания в Армении против Сасанидов
451 г.	«Битва народов» на Каталаунских полях
452 г.	Поход Атилы в Северную Италию

457–474	Император Лев I (Византия)
459–484 гг.	Правление Пероза (Фируза) (Сасанидская династия)
468 г.	Посольство Денгизака и Ернака в Византию
474 – 491 гг.	Император Зинон (Византия)
475 г.	Набег гуннов на Фракию
483–484 гг.	Восстание в Армении
484 г.	Поражение сасанидского шаха Пероза от эфталитов
484–518 гг.	Раскол между Западной и Восточной церквями («Акакизма»)
486 г.	Осада Константинополя конунгом остготов Теодорихом
488–496, 499–531 гг.	Кавад I (Сасанидская династия)
490–515 гг.	Торамана, вождь эфталитов, набеги на державу Гуптов
491–518 гг.	Правление Анастасия (Византия)
495–525 гг.	Правление Калеба в Аксуме (Эфиопия)
конец V в.	Формирование маздакизма (Иран)
конец V в. – 570 г.	Эфиопо-хымьяритские войны
VI–VII вв.	Передвижение славянских народов и миграция аваров (жужаней)
начало VI в.	Распад державы Гуптов в Индии
506–516 гг.	Вторжения эфталитов на территорию Ирана
519, 521–552 гг.	Правление кагана Анагуя (Северная Вэй)
527–565 гг.	Правление Юстиниана в Византии
525 г.	Захват Аксумом Йемена
527 г.	Провозглашение буддизма официальной религией Силла (Корея)
531–579 гг.	Хосров I Ануширван (Сасанидская династия)
532 г.	Восстание «Ника» в Константинополе
534 г.	Разгром Византией королевства вандалов в Северной Африке
535–554 гг.	Война Юстиниана против остготов в Италии
554 г.	Прагматическая санкция Юстиниана о внутреннем устройстве Италии
540 г.	Захват Антиохии сасанидским шахом Хосровом
552 г.	Поражение жужаньского войска от тюрок
552–630 гг.	Первый Тюркский каганат
558 г.	Приход аваров на Кавказ и Дунайскую границу Византии
562 г.	Мирный договор между Новоперсидским царством и Византией на 50 лет
568 г.	Вторжение лангобардов в Италию
568–576 гг.	Семь византийских посольств в тюркские каганаты
70-е годы VI в.	Достижение тюркютами Кавказа и берегов Черного моря
Ок. 570–632 гг.	Время жизни Мухаммада
571 г.	Захват Йемена персами
581–618 гг.	Династия Суй в Китае
589 г.	Поражение тюрок от Сасанидов под Гератом
589, 612, 613, 614 гг.	Походы династии Суй против Когурё (Корея)
590–604 гг.	Понтификат папы римского Григория Великого
590–628 гг.	Хосров II Парвез (Сасанидская династия)

начало VII в.	Разделение имперской конфедерации тюрков на Восточный и Западный каганаты
602 г.	Война персов с Византией
603 г.	Введение в Японии первой «системы из 12 рангов»
604–616 гг.	Император Ян-ди (Китай)
610–641 гг.	Император Ираклий (Византия)
611–619 гг.	Захват персами Антиохии, Сирии, Палестины и Египта у Византии
614–615 гг.	«Эфиопская хиджра» –переселение части мусульман из Мекки в Эфиопию
612 г.	Победа войск Когурё над войсками Суй на р. Сальсу (Чхончхонган)
613–649 гг.	Цэнпо Сонгцэн-гампо (Тибет), завершение складывания тибетской государственности
618–907 гг.	Династия Тан в Китае
622 г.	Хиджра Мухаммада и его сторонников в Йасриб (Медину)
626 г.	Осада Константинополя аварами
626–649 гг.	Император Тай-цзун (Китай)
627 г.	Разгром Ираклием персов около развалин Ниневии
629 г.	Поражение тюркского войска на территории современной китайской провинции Шаньси
629 г.	Византийский император Ираклий впервые официально использует титул «василевс» (царь)
630 г.	Занятие мусульманами Мекки
632–634 гг.	Халиф Абу-Бакр
633–651 гг.	Правление Йездигерда III (Сасанидская династия)
633 г.	Вторжение арабов в Иран
634–646 гг.	Переговоры и заключение матримониального союза между принцессой династии Тан и ценпо Тибета, проникновение в Тибет буддизма
634–644 гг.	«Праведный халиф» Омар ибн аль-Хаттаб
636–651 гг.	Захват арабами восточных владений Византии и Ирана
644–656 гг.	Халиф Осман
645–668 гг.	Походы Тан против корейских государств, захват Пэкче и Когурё
645–652 гг.	Захват арабами городов Хорасана, вторжение в Армению и Закавказье, продвижение до р. Терек
середина VII в.	Установление контроля хазар над восточноевропейскими степями
651–652 гг.	Поход арабов в Нубию
656–661 гг.	Гражданская война в Арабском халифате (между Али ибн Абу Талибом и Муавией)
661–680 гг.	Муавия ибн Абу Суфьян – основатель халифата Омейядов
672 г.	Коронация готского короля Вамбы в Испании, миропомазание
674 г.	Достижение арабами Бухары
676 г.	Отвоевание Объединенной Силла Пхеньяна у государства Тан

680–692 гг.	Гражданская война в Халифате (Хусейн против Йазида I)
683–734 г.	Бильге-каган (Тюркский каганат)
686–691 гг.	Сооружение мечети Куббат ас-Сахра в Иерусалиме
687 г.	Победа майордома Австразии Пипина Геристальского над Нейстрией
690–704 гг.	Императрица У Цзэ-тянь (Китай)
691–716 гг.	Капаган-каган
694–710 гг.	Фудзивара – первая постоянная столица Японии
698 г.	Провозглашение ваном Да Цзожуном создания королевства Бохай
начало VIII в. – 1019 г.	Государство Гурджара-Пратихаров (Северная Индия) составление японского свода законов «Тайхорицурё»
701–702 гг.	
705–715 гг.	Правление ал-Валида I, захват арабами Мавераннах-ра, Ташкента, Ферганы, Белуджистана, Синда и всего Магриба
710–794 гг.	Эпоха Нара в японском государстве
710–717 гг.	Захват арабами Испании, перенос столицы из Севильи в Кордову
711 г.	Разгром Вестготского государства арабами
712–756 гг.	Правление императора Сюань-цзуна в Китае, гонения на буддизм
715–741 гг.	Майордом Карл Мартелл в королевстве Меровингов
716 г.	Подавление восстания токуз-огузов
717–741 гг.	Правление императора Льва III Исавра в Византии; иконоборчество
718 г.	Переход арабов через Пиренеи
718 г.	Разгром китайской армии тюрками
721–736 гг.	Правление франкского короля Теодориха IV
732 г.	Разгром арабов Карлом Мартеллом при Пуатье
732/733 г.	Брак дочери хазарского кагана и будущего византийского императора Константина V Копронима
737 г.	Поражение хазарского войска от арабского полководца Ибн Мухаммеда
737–794 гг.	Правление вана Да Циньмао, расцвет государства Бохай
40-е годы VIII в.	Возобновление практики церковных соборов
741–768 гг.	Майордом Пипин Короткий (Франкское королевство Меровингов)
742 г.	Падение Западнотюркского каганата
743 г.	Указ, разрешающий в Японии вечное частное владение вновь освоенными полями
743–751 гг.	Король Хильдерик III (королевство Меровингов)
744–750 гг.	Марван II, последний халиф из династии Омейядов
744–745 гг.	Восстание уйгуров, карлуков и басымылов против тюрок
747 г.	Эльетмиш Бильге-каган – каган Уйгурского каганата
749–754 гг.	Абу-л-Аббас Абд Аллах – первый халиф из династии Аббасидов
середина VIII в. – XII в.	Государство Палов в Бихаре и Бенгалии
середина VIII в. – X в.	Государство Раштракутов (Западная Индия)

751 г.	Избрание Пипина Короткого королем на представительном собрании франков в Суассоне, коронация в Риме
751 г.	Поражение китайских войск от арабов на р. Талас (потеря междуречья Амударьи и Сырдарьи)
754–775 гг.	Халиф Абу Джафар ал-Мансур (халифат Аббасидов)
755, 756 гг.	Походы Пипина Короткого в Италию
755/756 г.	Создание Папского государства с центрами в Риме и Равенне
755–763 гг.	Восстание Ань-Лушаня в Китае
755–797 гг.	Правление цэнпо Трисонг Дэцэна (Тибет)
756 г.	Основание Кордовского эмирата Абд ар-Рахманом (династия Омейядов)
757–796 гг.	Правление короля Оффы в Мерсии
758–762 гг.	Строительство новой столицы халифата, Багдада, вблизи Ктесифона
763 г.	Захват столицы танской империи Чанъани тибетскими войсками
768–814 гг.	Правление Карла Великого
774 г.	Начало войны Карла Великого с лангобардами
778 г.	Набег уйгуров на приграничные провинции Китая
779–805 гг.	Правление императора Дэ-цзун, проведение налоговой реформы (780 г.)
781 г.	Официальное признание буддизма государственной религией в Тибете
рубеж 770–780– 795 гг.	Династический кризис в Уйгурском каганате
777–909 гг.	Эмират Рустамидов в Алжире
786–809 гг.	Халиф Харун ар-Рашид (халифат Аббасидов)
788 г.	Перенос столицы Аракана (Бирма) из Дханъявади в Вайшали
789–974 гг.	Династия Идрисидов в Марокко
90-е годы VIII в.	Начало набегов викингов
791 г.	Поход франков на Аварский каганат
794–1185 гг.	Эпоха Хэйан в Японии
799/800 г.	Последний крупный набег хазар на границы халифата
25 декабря 800 г.	Коронация Карла Великого как императора в соборе св. Петра в Риме папой Львом III
800–909 гг.	Эмират Аглабидов в Ифрикии (Тунис)
802–854 гг.	Джаяварман II (Камбуджадеша)
804–815 гг.	Цэнпо Триде Сонгцэн (Тибет)
812 г.	Признание императорского титула Карла Великого Византией
813–833 гг.	Халиф ал-Мамун (халифат Аббасидов)
814–840 гг.	Правление Людовика Благочестивого
816/817 г.	Ахенский собор
819–1005 гг.	Династия Саманидов в Мавераннахре и Хорасане
20-е годы IX в.	Усиление противостояния уйгуров и кыргызов
821–873 гг.	Династия Тахиридов в Хорасане
829–842 гг.	Правление императора Феофила в Византии; иконоборчество

832 г.	Разгром столицы Шрикшетры (Бирма) – Халинджи войсками Наньчао
833–842 гг.	Халиф ал-Мутасим (халифат Аббасидов)
838 г.	Последнее японское посольство в танский Китай
840 г.	Гибель Уйгурского каганата
840–846 гг.	Правление императора У-Цзуна в Китае, гонения на буддизм
841 г.	Битва при Фонтенуа
843 г.	Верденский договор, раздел Франкского государства
843–877 гг.	Правление короля Карла Лысого в Западно-Франкском королевстве
847–861 гг.	Халиф ал-Мутаваккил (халифат Аббасидов)
851 г. – начало X в.	Распад тибетского государства
855 г.	Смерть императора Лотаря
860 г.	Первая осада росами Константинополя
862 г.	Призвание Рюрика на княжение в Новгороде
863–875 гг.	Эмир Абу-л-Гараник Мухаммад II (Аглабиды), захват Мальты
867 – ок. 1495 г.	Династия Саффаридов в Систане
867–1056 гг.	Правление Македонской династии в Византии
868–905 гг.	Династия Тулунидов в Египте
870 г.	Раздел «Лотарингии» между Карлом Лысым и Людовиком Немецким
871–899 гг.	Правление короля Альфреда Великого в Уэссексе
874–901 гг.	Крестьянская война в Китае
875–902 гг.	Эмир Ибрахим II (Аглабиды), захват Сицилии
877 г.	Объединение всех земель Франкского государства в руках Карла Лысого
877–889 гг.	Индраварман I (Камбуджадеша)
879 г.	Образование Бозоном королевства в Провансе
882 г.	Объединение Северной и Южной Руси
882 г.	Разрушение Монтекассино сарацинами
884–885 гг.	Осада норманнами Парижа
886–912 гг.	Правление императора Льва VI Мудрого в Византии
887 г.	Фудзивара-но Мотоцунэ – канцлер (<i>кампаку</i>) при японском императоре Уда
888 г.	Образование Рудольфом королевства в Верхней Бургундии
888 г.	Провозглашение Беренгария королем Италии
889–900/912 гг.	Яшоварман I (Камбуджадеша)
897–930 гг.	Правление императора Дайго в Японии
907–960 гг.	«Эпоха пяти династий и десяти царств» в Китае
907–1125 гг.	Киданьская империя Ляо
907 (и 911?)	Поход киевского князя Олега на Константинополь
907/911 г.	Византийско-русский договор
ок. 908–935 гг.	Правление князя Вацлава в Чехии
908–932 гг.	Правление халифа ал-Муктадира
909, 910 гг.	Набеги русичей на Хазарию
910 г.	Основание монастыря Ключи (Бургундия)
911 г.	Пресечение каролингской династии в Восточно-Франкском королевстве, смерть Людовика Дитяти
911–929 гг.	Карл Простоватый – король франков

911–918 гг.	Франконский герцог Конрад I в Восточно-Франкском королевстве
913–959 гг.	Правление императора Константина Багрянородного в Византии
915 г.	Появление печенегов у границ Руси
919–936 гг.	Генрих I, восточно-франкский король
921 г.	Боннский договор Генриха I с Карлом Простоватым
921–922 гг.	Обмен посольствами между халифатом Аббасидов и Волжской Булгарией
925 г.	Окончательный переход Лотарингии к Восточно-Франкскому королевству
926 г.	Перемирие Генриха I с венграми
926 г.	Уничтожение бохайской государственности киданями
927–929 гг.	Походы Генриха I против заэльбских славян
929 г.	Вхождение Чехии в состав Империи на правах лена
30–40-е годы X в.	Переселение бохайцев киданями в долины рек Шара-Мурэн и Ляохэ и в Центральную Монголию
933 г.	Победа Генриха I над венграми
933 г.	Объединение королевств в Провансе и Верхней Бургундии при Рудольфе II в единое Бургундское королевство
934 г.	Присоединение к Восточно-Франкскому королевству Датской марки
935 г.	Приход к власти династии Корё
935–969 гг.	Династия Ихшидидов в Египте
936 г.	Завоевание Пэкче, объединение Кореи
936–973 гг.	Правление Оттона I в Восточно-Франкском государстве
941 (и 944?)	Поход русского князя Игоря на Константинополь
944 г.	Заключение русско-византийского договора
945–1055 гг.	Шиитская династия Бувайхидов (Буидов) в Иране и Ираке
948–1062 гг.	Мусульманская династия Калбидов на Сицилии
949/968 гг.	Посольства императора Оттона I в Византию
950–960 гг.	Император Чай Жун (Поздняя Чжоу)
950–ок. 1000 гг.	Лев Диакон, византийский мыслитель
951 г., 962 г.	Походы императора Оттона I в Италию
953/955 гг.	Посольства императора Оттона в мусульманскую Кордову
955 г.	Разгром венгров войском Оттона I в битве на р. Лех под Аугсбургом
958–1025 гг.	Правление императора Василия II Болгаробойцы в Византии
959–975 гг.	Правление англосаксонского короля Эдгара в Англии
960–1279 гг.	Правление династии Сун в Китае
ок. 960–992 гг.	Правление князя Мешко I в Польше
962 г.	Коронация Оттона I императорской короной папой Иоанном XII
965 г. (967?)	Поход киевского князя Святослава на Итиль, столицу Хазарского каганата
966 г.	Христианизация Польши

968 г.	Осада Киева печенегами
968 г.	Образование государства Дайковьет (Северный Вьетнам)
969 г.	Смерть киевской княгини Ольги
весна 970 г.	Поход киевского князя Святослава на Константинополь
972 г.	Договор между Оттоном I и Византией по поводу Южной Италии
972 г.	Гибель князя Святослава в печенежской засаде
972–978 гг.	Войны между Святославичами
973–983 гг.	Правление императора Оттона II в Германии
978 г.	Захват Владимиром Святославичем власти в Киеве
последняя треть X в.	Зарождение движения Божьего мира в Западно-Франкском королевстве, в Аквитании
ок. 980–1021/1022 гг.	Правление Олава Шётконунга, первого правителя Швеции
983 г.	Восстание полабских славян на Эльбе
983–1002 гг.	Правление императора Оттона III в Германии
985–1016 гг.	Раджараджа I (династия Чола, Южная Индия)
986–987 гг.	Правление короля Людовика V в Западно-Франкском королевстве
987 г.	Византийско-русский договор
987–996 гг.	Правление короля Гуго Капета во Франции
988 г.	Крещение Руси при князе Владимире
988–1038 гг.	Махмуд Газневи, создание державы Газневидов (Средняя Азия, Афганистан, часть Ирана)
992–1025 гг.	Правление князя Болеслава Храброго в Польше
996–1031 гг.	Правление короля Роберта Благочестивого (Капетинга) во Франции
998 г.	Перенос резиденции императора Оттона III из Ахена в Рим
996–1003 гг.	Понтификат папы римского Сильвестра II
997–1022 гг.	Правление императора Чжань-цзуна в Китае
конец X – середина XII в.	Чауханы из Сакамбхари (Северная Индия)
999 г.	Перенос столицы Польши в Краков
рубеж X–XI вв.	Слияние Свеаланда (Центральной) и Гаутланда (Южной Швеции)
1000 г.	Учреждение архиепископства в Гнезно
1000–1038 гг.	Правление короля Иштвана I в Венгрии
1002–1024 гг.	Правление императора Священной Римской империи Генриха II из Салической династии
1002–1050 гг.	Сурьяварман I (Камбуджадеша)
1005 г.	Договор между Сунской династией и государством Ляо
1009 г.	Разрушение Гроба Господня фатимидским халифом Каира аль-Хакимом
1009–1225 гг.	Правление в Дайковьете (Дайвьете) династии Ли
1015 г.	«Правда Ярослава» («Русская правда»)
1015–1026 гг.	Войны между Владимировичами на Руси
1015–1028 гг.	Правление Олава Святого в Норвегии
1016–1044 гг.	Раджендра I (династия Чола, Южная Индия)
1016–1035 гг.	Правление Кнута Великого в Англии, Дании и Норвегии

1017–1067 гг.	Фудзивара-но Ёримити – регент и канцлер при японском императоре
1017–1077 гг.	Правление Анируды (Анораджи) в Пагане (Бирма)
1018 г.	Поход польского князя Болеслава Храброго в Киевскую Русь; захват Киева Святополком
1018 – ок. 1096/7 гг.	Михаил Пселл, византийский хронист
1019 – 1054 г.	Княжение Ярослава Мудрого в Древней Руси
1019 г., 1024 г.	Разрушение Махмудом Газневи Канауджа и Сомнатха (Северная Индия)
1023–1063 гг.	Император Жень-цзун (Китай)
1024–1039 гг.	Правление императора Конрада II в Германии
1024–1078 гг.	Изяслав Ярославич, киевский князь
1025 г.	Коронация польского князя Болеслава Храброго
1026 г.	Мир между Мстиславом и Ярославом, разделивший Южную Русь на две части
1027 г.	Введение так называемого «Божьего перемирия», запрета воевать в определенные дни литургического года
1030–1041 гг.	Правление эмира Масуда ибн Махмуда в государстве Газневидов
1031–1060 гг.	Правление короля Генриха I (Капетинга) во Франции
1031–1075 гг.	Правление халифа ал-Каима
1035/1036 г.	Восстановление национальной монархии в Норвегии при Магнусе Добром
1035–1076 гг.	Правление графа Рамона Беренгера I в Барселоне
1035–1087 гг.	Правление герцога Вильгельма I в Нормандии
1036 г.	Последний поход печенегов на Киев
1038 г.	Взятие Нишапура Тугрул-беком
1038–1194 гг.	Правление династии Великих Сельджукидов
1038–1063 гг.	Правление султана Тугрул-бека в государстве Сельджукидов
1039 г.	Установление независимости Португалии от Леона-Кастильского королевства
1039–1056 гг.	Правление Генриха III (Англия)
1040 г.	Разгром газневидского эмира Масуда ибн Махмуда султаном Тугрулбеком при Данданакане
1040 г.	Восстание Петра Деляна в Болгарии
1040–1050 гг.	Захват сельджуками Хорезма и почти всего Ирана
1042–1066 гг.	Правление Эдуарда Исповедника в Англии
1044 г.	Установление вассальных отношений венгерского короля Петра с Империей
1044 г.	Заключение мира между Сун и государством тангутов
1046 г.	Коронация Генриха III императором
1048–1054 гг.	Понтификат папы римского Льва IX
50-е годы XI в.	Завоевание сельджуками Азербайджана и Курдистана
1051 г.	Первый киевский митрополит – русский священнослужитель (Иларион)
1054 г.	Переименование Дайковьета в Дайвьет (Северный Вьетнам)
1054 г.	Окончательный раскол Православной и Католической церквей

1054–1125 гг.	Владимир Всеволодович Мономах, великий князь Киевский
1055 г.	Взятие Багдада Тугрилбеком
1056–1106 гг.	Правление императора Священной Римской империи Генриха IV
1058–1081 гг.	Правление Болеслава II Смелого в Польше
1059 г.	Латеранский синод
1060–1108 гг.	Правление короля Филиппа I (Капетинга) во Франции
1061–1073 гг.	Понтификат папы римского Александра II
1062 г.	Подавление Минамото-но Ёриёси мятежа могущественного дома Абэ (Япония)
1063 г.	Установление вассальных отношений венгерского короля Шаломона с Империей
1063–1072 гг.	Правление султана Арп-Арслана в государстве Великих Сельджукидов
1064 г.	Завоевание султаном Арп-Асланом Армении и Восточной Грузии
1066 г.	Битва при Стамфорд-Бридже, разгром английским королем Гарольдом II войска норвежского короля Харальда Сурового
16 октября 1066 г.	Битва при Гастингсе
1066–1087 гг.	Правление короля Вильгельма I Завоевателя в Англии
1067–1068 гг.	Поход Сельджукидов на Византию
1068 г.	Разгром войск Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей половцами
1067–1085 гг.	Правление императора Шень-цзуна в Китае
1068–1071 гг.	Правление императора Романа IV Диогена в Византии
1069–1076 гг.	Преобразования Вань Аньши в Китае
1071 г.	Завоевание Южной Италии нормандским герцогом Робертом
август 1071 г.	Сражение при Манцикерте между Сельджукидами и византийцами
1072–1086 гг.	Правление императора Сиракава в Японии
1072 г.	«Правда Ярославичей»
1072–1092 гг.	Правление султана Малик-шаха I в государстве Сельджукидов
1073–1085 гг.	Понтификат папы Григория VII
1075 г.	Булла «Cum apostolicae», запрещающая под угрозой отлучения принимать святыне таинства из рук женатых священников
1075 г.	Булла «Dictatus papae, pontifex universalis»
январь 1076 г.	Объявление о низложении папы Григория VII на собрании имперских епископов в Вормсе Генрихом IV
1076 г.	Получение Болеславом II Смелым титула короля Польши
1076 г.	Захват столицы Ганы Кумби-Сале армией Абу Бекра из династии Альморавидов
1076–1132 гг.	Мстислав Владимирович Великий, киевский князь
январь 1077 г.	«Хождение в Каноссу»

1077 г.	Захват Никеи сельджуками
1077–1095 гг.	Правление короля Ласло I в Венгрии
1077–1307 гг.	Румский султанат
1078 г.	Восстание богомилов под предводительством Добромира в Византии
1078 г.	Латеранский синод; запрет духовенству получать епископства и аббатства из рук мирян
1078–1079 гг.	Бунт павликиан в Византии
1078–1081 гг.	Правление императора Никифора III Вотаниата в Византии
1078–1095 гг.	Правление эмира Тутуша в Сирии и Палестине
1081–1118 гг.	Правление Алексея I Комнина в Византии
1081 г.	Разграбление владений византийцев Робером Гвискаром
1081 г.	Основание эмирата турок-сельджуков в Никее
1081–1118 гг.	Правление императора Алексея I Комнина в Византии
1081 г.	Договор между Сулейманом ибн Куталмышем и императором Алексеем I Комнином о границе (р. Драконт)
после 1081 г.	Установление Божьего мира в Германии, вскоре сменил «имперским миром» (1103 г.).
1083–ок. 1153/55 гг.	Анна Комнина, византийская царица и писательница
1084 г.	Сожжение Рима Робертом Гвискаром
1084 г.	Восстание богомилов и павликиан в союзе с печенегам против византийских властей
1085 г.	Получение чешским князем Вратиславом II королевского титула от императора
1085–1097 гг.	Правление Хуме в Канеме
1086 г.	Перепись населения в Англии («Книга Страшного суда»)
1087–1100 гг.	Правление короля Вильгельма II Рыжего в Англии
1089–1125 гг.	Правление царя Давида IV Строителя в Грузии
29 апреля 1091 г.	Победа византийцев над печенегами в битве при Энносе
1092 г.	Смерть Малик-шаха; распад империи Великих Сельджукидов
1092 г.	Захват Хорасана Арсланом Аргуном
1092–1094 гг.	Период двоевластия в государстве Сельджукидов
1093 г.	Поражение войск Святополка Изяславича и Владимира Мономаха от половцев
1094–1099 гг.	Валенсия под властью Родриго де Бивара (Сиды)
1094–1105 гг.	Единоличное правление Беркйарука в государстве Сельджукидов
1092–1107 гг.	Правление султана Кылыч-Арслана I в Румском султанате
июнь 1095 г.	Церковный собор в Пьяченце; просьба византийцев о помощи против турок-сельджуков
27 ноября 1095 г.	Призыв к I Крестовому походу в Клермоне папой Урбаном II
1095 г.	Поход Владимира Мономаха и Святополка Киевского в степь

1095 г.	Отмена института «частной церкви»
1 августа 1096 г.	Прибытие крестоносцев-бедняков в Иерусалим
1097 г.	Осада Никеи крестоносцами
1097 г.	Любечский съезд князей (закрепление «отчинного» принципа)
октябрь 1097 – июнь 1098 г.	Осада Антиохии крестоносцами
1097–1157 гг.	Князь Юрий Долгорукий (Древняя Русь)
15 июля 1099 г.	Взятие Иерусалима крестоносцами
1099–1118 гг.	Понтификат папы римского Пасхалия II
XII в.	Переход власти в Эфиопии к династии Загве (Загуэ)
1100–1135 гг.	Правление короля Генриха I Боклерка в Англии
1101–1126 гг.	Правление императора Хуэй-цзуна в Китае
1102–1138 гг.	Правление короля Болеслава III Кривоустого в Польше
1104–1146 гг.	Правление династии Буридов в Дамаске
1106–1118 гг.	Правление Мухаммада I в государстве Сельджукидов
1106–1125 гг.	Правление императора Генриха V в Германии
1108 г.	Заключение Девольского договора между византийским императором Алексеем I Комнином и Боэмундом Тарентским
1108–1137 гг.	Правление короля Людовика VI Толстого во Франции
1111, 1113, 1116 гг.	Походы Владимира Мономаха против половцев
ок. 1111–1174 гг.	Андрей Боголюбский (Древняя Русь)
1113–1150 гг.	Сурьяварман II (Камбуджадеша)
1115–1234 гг.	Чжурчжэньское государство Цзинь
1116 г.	Перенос столицы Рума в г. Конья
1118 г.	Поход Альфонсу I Арагонского на Сарагосу
1118 г.	Союз между Сун и Цзинь о разделе территорий Ляо
1118–1135 гг.	Правление халифа ал-Мустаршида в Багдаде
1118–1157 гг.	Правление султана Санджара в Хорасанском султанате
1118–1194 гг.	Иракский султанат
1119 г.	Создание Ордена тамплиеров
1119–1124 гг.	Понтификат папы римского Каликста II
1121 г.	Поражение иракского султана Махмуда II от грузинского царя Давида IV Строителя
1122 г.	«Вормсский конкордат»
ок. 1122–1204 гг.	Алиенора Аквитанская
1023–1063 гг.	Правление китайского императора Жень-цзуна
1124 г.	Объявление войны императором Генрихом V французскому королю
1126 г.	Признание государством Корё вассальной зависимости от Цзинь
январь 1127 г.	Взятие Кайфэна чжурчженями
1127–1222 гг.	Правление династии Зангидов в Мосуле
1127–1156 гг.	Правление хорезмшаха Атсыза
1130 г.	Объединение всех норманнских владений в Италии и образование Сицилийского королевства
1132–1139 гг.	Княжение Ярополка Владимировича в Киеве
1135–1136 гг.	Правление халифа ар-Рашида в Багдаде

1135–1157 гг.	Правление Альфонсо VII, короля Галисии, Леона и Кастилии
1136 г.	Закрепление статуса посадника в Новгороде как главы «боярской республики»
1136–1160 гг.	Правление халифа ал-Муктафи в Багдаде
1137–1180 гг.	Правление короля Людовика VII во Франции
1137–1225 гг.	Правление династии Идельгизидов в Иранском Азербайджане
1138 г.	Утверждение династии Штауфенов в Германии
1140 г.	«Арианские ассизы», свод законов Сицилийского королевства
1141 г.	Санский собор, осуждение Абеяра
сентябрь 1141 г.	Разгром восточных сельджуков киданями под Самаркандом
1142 г.	Заключение мирного договора между Цзинь и Южной Сун в Китае
1143–1180 гг.	Правление императора Мануила I Комнина в Византии
1144 г.	Взятие Эдессы атабеком Мосула Зенги и падение Эдесского княжества
1146–1170 гг.	Правление вана Ыйджона в Корее
1147–1149 гг.	II Крестовый поход
1147 г.	Взятие Лиссабона войсками крестоносцев
октябрь 1147 г.	Битва при Дорилее между войсками Конрада III и турками-сельджуками
1147 г.	Первое упоминание Москвы в источниках
июль 1148 г.	Осада Дамаска крестоносцами
1148–1270 гг.	Правление династии Салгуридов в Фарсе
1148–1424 гг.	Правление династии Хазараспидов в Луристане
1153–1159 гг.	Правление султана Мухаммада II в Иракском султанате
1153–1187 гг.	Княжение Ярослава Владимировича Осмомысла в Галицком княжестве
1154–1189 гг.	Правление короля Генриха II Плантагенета в Англии
1154–1212 гг.	Всеволод Юрьевич Большое Гнездо
1155 г.	Утверждение Юрия Долгорукого в Киеве
1156 г.	Борьба за главенство в императорском доме между отрехшимся императором Сутоку и императором Го-сиракава; «Смуты годов Хогэн» (<i>Хогэн-но ран</i>)
1156–1192 гг.	Правление султана Кылыч-Арслана II в Румском султанате
1157 г.	Распад Восточносельджукского султаната после смерти Санджара
1158 г.	Второй поход императора Фридриха I в Италию
1158 г.	Получение чешским князем Владиславом II наследственного королевского титула от императора
1159 г.	«Смута годов Хэйдзи» (<i>Хэйдзи-но ран</i>) – мятеж Ми-намото-но Ёситомо и Фудзивара-но Нобуёри в столице Японии
1159–1181 гг.	Понтификат папы римского Александра III
1160–1170 гг.	Правление халифа ал-Мустанджида в Багдаде

1158	Сдача Милана императору Фридриху
1167 г.	Образование Ломбардской лиги
1169–1252 гг.	Правление султанов Айюбидов в Египте
1170 г.	Поход русских князей на Дон против половцев
1170 г.	Захват власти военными в Корее
1170–1180 гг.	Правление халифа ал-Мустади в Багдаде
29 декабря 1170 г.	Убийство архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета
1172–1200 гг.	Правление хорезмшаха Текиша
1173–1206 гг.	Муиз ад-Дин Мухаммад Гури (Делийский султанат)
1174 г.	Захват Салах ад-Дином власти в Египте
1176 г.	Поражение императора Фридриха от ополчения Ломбардской лиги
1176 г.	Установление Всеволода Большое Гнездо на владимирском престоле
1176 г.	Поражение византийских войск от сельджуков в битве при Мириокефале
1176–1194 гг.	Правление султана Тогрула III в государстве Сельджукидов
1177–1192 гг.	Правление Притхвираджа III Чаухана (Северная Индия)
1179 г.	III Латеранский собор
1179 г.	Заключение союза между Салах ад-Дином и Сельджукидами
1180 г.	Заключение союза между Салах ад-Дином и Византией и Кипром
1180–1185 гг.	Война между домами Тайра и Минамото в Японии
1180–1223 гг.	Правление короля Филиппа II Августа во Франции
1180–1225 гг.	Правление халифа ан-Насира в Багдаде
ок. 1181–1226 гг.	Франциск Ассизский
1182–1185 гг.	Правление императора Андроника I Комнина в Византии
1184–1213 гг.	Правление царицы Тамар в Грузинском царстве
1185 г.	Морское сражение при Данноура, разгром дома Тайра домом Минамото (Япония)
апрель 1185 г.	Поход Игоря Святославича на половцев
1185 г.	Взятие Диррахия и Фессалоники, завоевание Кефалинии, Закинфа, Итаки, Ионических островов норманнами
1185–1204 гг.	Правление династии Ангелов в Византии
1185–1195 гг.	Правление императора Исаака II Ангела в Византии
4 июля 1187 г.	Битва при Хитине между войсками Салах ад-Дина и крестоносцами
1187 г.	Взятие Салах ад-Дином Акры, большей части Палестины и Иерусалима
1188 г.	Кортесы в Леоне
август 1188 г.	Начало осады Акры войском Ги де Лузиньяна
1189–1199 гг.	Правление короля Ричарда I Львиное Сердце в Англии

1189–1192 гг.	III Крестовый поход
1190 г.	Создание Тевтонского ордена
1191 г.	Отвоение Кипра у Византии Ричардом Львиное Сердце
12 июля 1192 г.	Взятие Акры христианами
1192–1335 гг.	Сёгунат Минамото (Камакура) в Японии
1192–1489 гг.	Кипрское королевство
1195–1203 гг.	Правление императора Алексея III Ангела в Византии
1196–1219 гг.	Правление Чхве Чхунхона в Корее
1197 г.	Взятие Бейрута и Сидона войсками германского императора Генриха VI
1198 г.	Преобразование Киликийского армянского княжества в царство
1198–1216 гг.	Понтификат папы римского Иннокентия III
1199–1216 гг.	Правление короля Иоанна Безземельного в Англии
1200–1220 гг.	Правление хорезмшаха Мухаммада II
ноябрь 1202 г.	Нападение крестоносцев на далматинский порт Зара (Задар)
1202–1241 гг.	Правление короля Вальдемара II в Дании
июнь 1203 г.	Начало осады Константинополя крестоносцами
1203–1333 гг.	Сиккэны (регенты при сёгунах Минамото) из рода Ходзё в Японии
1202–1204 гг.	IV Крестовый поход
5 апреля 1204 г.	Свержение императоров Исаака II и Алексея IV в результате народного восстания в Византии
13 апреля 1204 г.	Падение Константинополя под ударом крестоносцев
1204–1261 гг.	Латинская империя
1204–1461 гг.	Трапезундская империя
1204–1222 гг.	Правление Алексея Комнина («Великие Комнины») в Трапезунде
1204–1261 гг.	Никейская империя
1204–1205 гг.	Правление Балдуина Фландрского в Латинской империи
1204–1224 гг.	Фессалоникийское королевство
1204–1337 гг.	Эпирское царство
1204–1215 гг.	Правление Михаила I Ангела в Эпирском царстве
1205–1456 гг.	Афинское (Афино-Фиванское) герцогство
1205–1225 г.	Правление Оттона де ля Роша в Афинском герцогстве
1205–1235 гг.	Правление короля Эндре II в Венгрии
1205–1432 гг.	Ахейское (Морейское) княжество
1205 г.	Восстание против латинян во Фракии, вторжение туда войск болгарского царя Калояна
1206 г.	Провозглашение Чингисхана правителем Монгольской державы
1206–1210 гг.	Правление султана Кутб ад-Дина Айбака в Дели
1207–1273 гг.	Основатель Ордена дервишей мевлеви Джеляледдин Руми
1208–1222 гг.	Правление Феодора I Ласкаря в Никейской империи
1209–1229 гг.	Крестовый поход в Южную Францию против альбигойцев
1211–1236 гг.	Правление султана Шамс ад-Дина Илтутмышы в Дели

1212 г.	Крестовый поход детей
1212 г.	«Золотая булла» сицилийская
1212 г.	Битва при Лас-Навас-де-Толоса между объединенным войском испанских христианских государств и войском халифата Альмохадов
27 июня 1214 г.	Битва при Бувине
1214 г.	Шинонский мир между Англией и Францией
1215 г.	Призыв папы римского Иннокентия III к крестовому походу
1215 г.	IV Латеранский собор в Риме
15 июня 1215 г.	«Великая хартия вольностей» в Англии
1215–1250 гг.	Правление императора Фридриха II Гогенштауфена в Германии
1216–1272 гг.	Правление короля Генриха III в Англии
1217–1221 гг.	V Крестовый поход
1217–1263 гг.	Правление короля Хокона IV в Норвегии
1219 г.	Вторжение киданей в Корё
1219 г.	Падение Бухары под натиском монголов
1220 г.	Захват Самарканда монголами
1221 г.	Захват Ургенча монгольскими войсками
1221, 1241, 1279 гг.	Завоевательные походы монголов в Делийский султанат
1221–1222, 1223 гг.	Походы румских сельджукидов в Крым, захват Сугедеи (совр. Судак)
1221–1259 гг.	Правление маи Дунама Диббалами в Канеме
1222 г.	«Золотая булла» в Венгрии
1222–1254 гг.	Правление Иоанна III Дуки Ватаца в Никейской империи
31 мая 1223 г.	Разгром русских и половецких войск татарами в битве на р. Калке
1223–1226 гг.	Правление короля Людовика VIII во Франции
1225 г.	Приглашение Тевтонского ордена в Пруссию польским князем Конрадом Мазовецким
1225–1274 гг.	Фома Аквинский
1225–1400 гг.	Династия Чан в Дайвьете
1226–1227 гг.	Падение тангутского государства Си Ся под натиском монголов
1228–1229 гг.	VI Крестовый поход
февраль 1229 г.	Коронация Фридриха Гогенштауфена в Иерусалиме
1229–1241 гг.	Правление хана Угедея в Монгольской империи
1230 г.	Разгром Болгарией войск Эпирского царства, вторгнувшихся в Македонию
30-е годы XIII в.	Завоевание Балеарских островов и Валенсии Арагоном
1230–1252 гг.	Правление короля Фердинанда III Святого в Кастилии
1231–1268 гг.	Правление Михаила II в Эпирском царстве, захват балканских территорий Никейской империи
1231–1259 гг.	Нападения монголов на Корё (шесть вторжений)
1233 г.	Завоевание государства Восточная Ся монголами
1234 г.	Завоевание китайской империи Цзинь монголами
1235 г.	Курултай монголов (решение о продолжении завоеваний в Европе и Азии)

1235 г.	Создание монголами в Китае ямской службы
1235–1270 гг.	Правление короля Белы IV в Венгрии
1236 г.	Взятие Кордовы кастильским королем Фердинандом III
1236 г.	Завоевание Волжской Булгарии монголами
1237 г.	Вторжение монголов во главе с Батыем на Русь
1237 г.	Слияние Тевтонского ордена с Орденом Меченосцев
1237 г.	Победа германского императора над ломбардским ополчением при Кортенуове
1237–1246 гг.	Правление султана Кеюс-Хосрова II в сельджукском султанате
начало 1238 г.	Вторжение монголов в Суздальскую землю
1238 г.	Укрепление князя Даниила на Галицко-Волынском престоле
1239 г.	Взятие Чернигова монголами
1239 г.	Отлучение германского императора Фридриха II от церкви
1239–1280 гг.	Правление короля Педро III в Арагоне
1240 г.	Парижский диспут между иудеями и католиками
1240 г.	Поражение шведов на р. Неве от новгородского князя Александра Ярославича
осень 1240 г.	Взятие Киева монголо-татарами
1241 г.	Взятие Эрзерума монголами
1241–1242 гг.	Вторжение монголо-татар в Польшу и Венгрию
1241 г.	Битва при Легнице между польскими войсками и татарами
1242 г.	Битва у Кёсе-дага между Сельджукидами и монголами
1242 г.	Битва на Чудском озере между крестоносцами и русскими войсками Александра Невского
1243 г.	Передача монголами власти над Киевом владимирскому великому князю Ярославу Всеволодовичу
1245 г.	Признание власти Батыя в Галицко-Волынской земле
1245 г.	I Лионский церковный собор; низложение Фридриха II в Германии
1246–1266 гг.	Правление султана Насир ад-Дина Махмуда в Дели
1248 г.	Взятие Севильи кастильским королем Фердинандом III
1248–1254 гг.	VII Крестовый поход
июнь 1249 г.	Взятие крестоносцами Дамии
1249 г.	Передача монголами власти над Киевом новгородскому князю Александру Невскому
1250–1254 гг.	Правление короля Конрада IV в Германии
1250–1275 гг.	Правление короля Вальдемара в Швеции
1251 г.	Выделение хану Хулагу в качестве улуса западных частей Ирана, Сирии, Мисра (Египет), Рума (Малой Азии) и Армении
1252 г.	Разрешение применять пытки к обвиняемым у инквизиции
1252–1263 гг.	Правление князя Александра Невского в Великом княжестве Владимирском
1252–1284 гг.	Правление короля Альфонса X Мудрого в Кастилии

1253 г.	Принятие князем Даниилом Галицким короны от папы римского
1253–1278 гг.	Правление короля Пршемысла Оттокара II в Чехии
1253–1325 гг.	Персоязычный поэт Амир Хусроу
1254 г.	Разрушение монголами южнокитайского государства Наньжао (Дали)
1256 г.	Образование государства Ильханов
1257 г.	Поход монголов в Дайвьет
1257 г.	Закон о престолонаследии в Норвегии
зима 1257/1258 гг.	Перепись населения монголо-татарами на Руси
1258–1270 гг.	Период правления военных в государстве Корё
1258 г.	Оксфордские провизии в Англии
1259 г.	Разгром под Пелагонией войск антиникейской коалиции на Балканах
1259–1282 гг.	Правление императора Михаила VIII Палеолога
3 сентября 1260 г.	Битва при Айн-Джалуте между монголами и мамлюками
25 июля 1261 г.	Взятие Константинополя греками; воссоздание Византии
1261–1453 гг.	Династия Палеологов в Византии
1262 г.	Подчинение Исландии и Гренландии Норвегии
1263–1280 гг.	Правление короля Магнуса VI в Норвегии
1264–1267 гг.	Баронские войны в Англии
январь 1265 г.	Созыв Симоном де Монфором расширенного парламента в Англии
26 февраля 1266 г.	Битва при Беневенто между Манфредом Штауфеном и Карлом Анжуйским
1266–1282 гг.	Правление хана Менгу-Тимура в Золотой Орде
1266–1287 гг.	Правление султана Гийас ад-Дина Балбана в Дели
1269 г.	«Прагматическая санкция» во Франции
1269 г.	Создание монгольской письменности тибетским ламой Суматидхважей
1269–1301 гг.	Правление хана Хайду в Восточном Туркестане и Мавераннахре (улусе Чагатая)
1270 г.	Крестовый поход Людовика IX в Тунис
1270 г.	Смена династии в Эфиопии, восстановление древней «Соломоновой» династии
1271–1368 гг.	Эпоха Юань в Китае
1272–1307 гг.	Правление короля Эдуарда I в Англии
1273–1352 гг.	Евстафий, раскол церкви («евстафианство») в Эфиопии
1274 г.	Лионское соглашение об унии Западной и Восточной церковей
1274, 1281	Нападения монгольского флота на Японию
1275–1317 гг.	Правление Рамкамхенга в Сукотан
1279 г.	Завоевание монголами Южной Сун
май 1282 г.	Антифранцузское восстание в Палермо («Сицилийская вечерня»)
1282–1328 гг.	Правление Андроника II Палеолога в Византии
1283–1305 гг.	Правление короля Вацлава II в Чехии
1284 г.	Вхождение Уэльса в состав Английского королевства
1284 г.	Морская битва при Мелории между генуэзцами и пизанцами

1285–ок. 1300 гг.	Правление узурпатора Сакура в Мали
1285–1309 гг.	Правление короля Карла II Хромого в Сицилийском королевстве
1285–1314 гг.	Правление короля Филиппа IV Красивого во Франции
1285–1357 гг.	Историк Зия ад-Дин Барани
1287–1288 гг.	Монгольский поход против вьетов
1290 г.	Изгнание евреев из Англии
1290–1296 гг.	Правление султана Джалал ад-Дина в Дели
1291 г.	Заключение союза против Габсбургов тремя лесными кантонами – Ури, Швиц и Унтервальден (Швейцария)
1291 г.	Падение Акры под натиском мусульман; конец государств крестоносцев на Ближнем Востоке
1292 г.	Поход юаньских армии и флота на юг, захват Бали, высадка на Яве
1293 г.	Установления правосудия (или справедливости) во Флоренции
1293–1520 гг.	Государство Маджапахит на Яве
1294–1303 гг.	Понтификат папы римского Бонифация VIII
1295 г.	Принятие закона об участии представителей рыцарства и городов в заседаниях английского парламента
1295–1304 гг.	Правление Газан-хана в государстве Хулагуидов
1296–1316 гг.	Правление султана Ала ад-Дина в Дели
1297–1300 гг.	Захват фламандских городов Филиппом IV Красивым
1298–1308 гг.	Правление императора Альбрехта I Габсбурга в Священной Римской империи
1298–1312 гг.	Правление хана Тохты в Орде
1299–1308 гг.	Завоевательные походы монголов в Делийский султанат
1299 г.	Переход митрополичьей кафедры из Киева во Владимир
1301 г.	Присвоение наследнику английского престола титула принца Уэльского
1302 г.	Папская булла «Unam sanctam»
1302 г.	«Брюггская заутреня», битва при Куртрэ
1302 г.	Созыв Генеральных штатов во Франции
1302 г.	Присоединение Переяславля Залесского к Московскому княжеству
1303 г.	Присоединение Мевара к Делийскому султанату
1304–1377 гг.	Абу Абдаллах Мухаммед ибн Баттута
1305 г.	Разрешение спора за великокняжеский престол между Михаилом Тверским и Юрием Московским в Орде ханом Тохтой
1305–1314 гг.	Понтификат папы римского Климента V
1306 г.	Убийство Вацлава III, конец династии Пршемысловцев
1306–1371 гг.	Правление рода Брюсов в Шотландии
1307 г.	Казнь фра Дольчино, главы движения апостоликов в Северной Италии
1308 г.	Поход великого князя Михаила Ярославича Тверского на Москву

1308 г.	Захват Данцига (Гданьска) Тевтонским орденом
1308 г.	Избрание королем Венгрии Карла Роберта из династии Анжу
1308–1326 гг.	Митрополит Петр
1309 г.	Мариенбург – резиденция гроссмейстера Тевтонского ордена
1309 г.	Перенос папской резиденции в Авиньон в Провансе
1309–1343 гг.	Правление Роберта Анжуйского в Сицилийском королевстве
1312 г.	Роспуск Ордена тамплиеров папской буллой
1312–1337 гг.	Правление манса Канку Муса I в Мали
1312–1341 гг.	Правление хана Узбека в Золотой Орде
1312–1342 гг.	Правление Амда Цыйона в Эфиопии
1314 г.	Казнь верхушки ордена тамплиеров во главе с гроссмейстером Жаком де Молэ в Париже
1314–1364 гг.	Правление рана Хаммира в Меваре
1315 г.	Возобновление союза трех швейцарских кантонов, битва при Моргартене между ними и Габсбургами; образование Швейцарского союза
1315–1341 гг.	Правление князя Гедимина в Литве
1316–1334 гг.	Понтификат папы Иоанна XXII
1317 г.	Получение ярлыка на великое княжение Юрием Московским от хана Узбека
22 ноября 1318 г.	Казнь князя Михаила Тверского в Орде
1318–1331, 1333 г.	Правление императора Годайго в Японии
1319–1363 гг.	Правление короля Магнуса Эрикссона в Норвегии и Швеции
1320 г.	Обращение шотландского духовенства и баронов к папе римскому по поводу независимости Шотландии (Арбротская декларация)
1320–1333 гг.	Правление короля Владислава Локетка в Польше
20–60-е годы XIV в.	Правление первого министра Гаджа Мада в Маджапахите (Индонезия)
1322 г.	Передача ярлыка на великое княжение тверскому князю Дмитрию
1323 г.	Канонизация Фомы Аквинского папой Иоанном XXII
1325 г.	Основание города Теночтитлана ацтеками
1325 г.	Начало постоянного пребывания митрополита киевского и всея Руси в Москве
1325–1351 гг.	Правление Мухаммада Туглака в Делийском султанате
1327 г.	Восстание против монгольских баскаков в Твери
1327–1377 гг.	Правление короля Эдуарда III в Англии
1328 г.	Битва при Касселе
1328 г.	Нортгемптонский договор (подтверждение шотландского суверенитета)
1328–1350 гг.	Правление короля Филиппа VI Валуа во Франции
1331–1340 гг.	Единоличное великое княжение московского князя Ивана Калиты
1332 г.	Присоединение Люцерна к Швейцарскому союзу
1332–1406 гг.	Абу Зейд абд ар-Рахман ибн Халдун
1333 г.	Первые вспышки чумы в Китае
1333–1370 гг.	Правление императора Тогон-Тэмюра в Китае

1333–1370 гг.	Правление короля Казимира III в Польше
1335 г.	Отделение Тамилнада от Делийского султаната, образование Мадурайского султаната
1336 г.	Образование южноиндийского государства Виджаянагар
1337–1453 гг.	Столетняя война
1337–1341 гг.	Правление манса Магана в Мали
1338–1573 гг.	Сёгунат Асикага (Муромати) в Японии
1339 г.	Образование мусульманского султаната в Кашмире
июнь 1340 г.	Морская битва при Слейсе между англичанами и французами
1340–1400 гг.	Английский поэт Джеффри Чосер
1340-е гг.	Распад улуса Чагатай на Мавераннахр и Могулистан
1340-е гг.	Образование шиитского султаната Бахманидов
1340–1353 гг.	Правление великого князя Семена Ивановича
1340–1375 гг.	Правление короля Вальдемара IV Аттердага в Дании
1341–1347 гг.	Восстание зилотов в городах Византии
1341–1354 гг.	Правление Иоанна VI Кантакузина в Византии
1341–1360 гг.	Правление манса Сулеймана в Мали
1343–1354 гг.	Деятельность Кола ди Риенцо в Риме
1343–1373 гг.	Бранденбург под властью младшей ветви Виттельсбахов
1343–1382 гг.	Правление Джованны I Неаполитанской в Сицилийском королевстве
1345–1377 гг.	Правление князя Ольгерда в Литве
1346 г.	Захват государства Хойсалов Виджаянагаром
26 августа 1346 г.	Битва при Креси между англичанами и французами
1346–1378 гг.	Правление императора Карла IV Люксембурга в Священной Римской империи
1347 г.	Захват англичанами порта Кале
1347–1354 гг.	Правление императора Иоанна VI Кантакузина в Византии
1347–1351 гг.	Эпидемия чумы в Европе (Черная смерть)
1347–1358 гг.	Правление Абу-л Музаффара Ала ад-Дина Бахманшаха в государстве Бахманидов
1347–1402 гг.	Джан Галеаццо, сеньор Висконти в Милане
1348 г.	Основание Пражского университета императором Карлом IV Люксембургом
1348–1349 гг.	Еврейские погромы в городах Европы
1349 г.	Ордонанс Эдуарда III в Англии, предписывающий сохранение платы за наемный труд на уровне до чумы
1350–1364 гг.	Правление короля Иоанна II Доброго во Франции
1350–1369 гг.	Правление короля Педро I Жестокого в Кастилии
1350–1369 гг.	Правление Раматибоди I в Аютии (Таиланд)
весна 1351 г.	Восстание секты «Белый лотос», затем восстание «Красных повязок» в долине Хуанхэ (Китай)
1351 г.	Победа исихастов на церковном соборе в Византии
1351–1374 гг.	Правление вана Конмина в Корё
1351–1388 гг.	Правление Фируз-шаха Туглака в Делийском султанате
1352 г.	Переход Галицкой земли к Польскому королевству, а Волыни – к Великому княжеству Литовскому

1352–1354 гг.	Взятие турками крепости Цимпе на п-ове Галлиполи
1352–1355 гг.	Присоединение Цюриха и Базеля к Швейцарскому союзу
1353 г.	Распад государства Хулагуидов
1353–1373 гг.	Правление Фа Нгуна в государстве Лансанг (Лаос)
1356 г.	«Золотая булла» германского императора Карла IV Люксембурга
1356 г.	Захват г. Цзицина отрядом Чжу Юаньчжана (Китай)
19 сентября 1356 г.	Битва при Пуатье (Столетняя война)
1357 г.	Созыв Генеральных штатов во Франции
1357 г.	Восстание в Париже во главе с Этьеном Марселем; Жакерия
конец 1350-х – 1380 г.	«Великая замятня» в Золотой Орде
ноябрь 1359 г.	Смерть великого князя Ивана Ивановича в Москве
1360 г.	Мир в Бретиньи между Францией и Англией
1361/1363–1404 гг.	Правление Филиппа Храброго в Бургундии
1363 г.	Восстание знати против короля Магнуса IV Эрикссона в Швеции
начало 60-х годов XIV в.	Окончательное вхождение Киевской земли в состав Великого княжества Литовского
60-е–70-е годы XIV в.	Подчинение великим князем литовским Ольгердом большей части Черниговской земли
1364–1380 гг.	Правление короля Карла V во Франции
1365 г.	Образование государства Ава (Верхняя Бирма)
1365 г.	Взятие Адрианополя османами
1365–1370 гг.	Завоевание Мадурайского султаната Виджаянагаром
1367 г.	Битва при Нахере (Наваррете)
1368 г.	Провозглашение новой империи в Китае (Мин)
1368–1394 гг.	Официальное правление сёгуна Асикага Ёсимицу в Японии
1370–1444 гг.	Леонардо Бруни
1370–1405 гг.	Тимур (Тамерлан)
1371 г.	Получение ярлыка на великое княжение Михаилом Тверским от Мамая
1371 г.	Начало правления династии Стюартов в Шотландии
1371 г.	Начало правления Хо Кюи Ли в Дайвьете
1371 г.	Битва под Адрианополем между османами и силами сербских и македонских магнатов
1375 г.	Получение ярлыка на великое княжение Михаилом Тверским
1375 г.	Признание тверским князем старшинства московского князя
1375/1380–1428 гг.	Андрей Рублев
1377 г.	Битва на реке Пьяне (Мамай против нижегородских и московских полков)
1377 г.	Введение первой системы карантина (30 дней) в Рагузе
1377 г.	Переезд папы Григория XI из Авиньона в Рим
1377–1399 гг.	Правление короля Ричарда II в Англии
1378 г.	Разгром Дмитрием Московским татарских войск во главе с Бегичем на реке Воже
1378 г.	Восстание чомпи во Флоренции

1378–1389 гг.	Понтификат папы Урбана VI
1378–1419 гг.	Правление короля Вацлава IV в Чехии
1379 г.	Захват Кьоджи генуэзцами
8 сентября 1380 г.	Куликовская битва
1380 г.	Сожжение Каракорума войсками Мин
1380–1395 гг.	Правление хана Тохтамыша в Золотой Орде
1380–1471 гг.	Фома Кемпийский
1381 г.	Восстание Уота Тайлера в Англии
1380-е гг.	Изгнание Сейфува из Нджими (столицы Канема), образование Борну (Африка)
1382 г.	Поход Тохтамыша на Москву
1382 г.	Восстание майотенов («молотобойцев») в Париже
1383 г.	Получение санкции на превращение великого княжения в «отчину» московской династии у хана Орды
1383 г.	Взятие провинции Юньнань войсками Мин
1385 г.	Приход к власти в Милане Джана Галеаццо Висконти
1385 г.	Битва при Алжубарроте
1385 г.	Крестовая уния между Литвой и Польшей
1385–1392 гг.	Правление князя Ягайло в Литве
1385–1434 гг.	Правление короля Владислава II в Польше
1387–1437 гг.	Правление Сигизмунда Люксембурга в Венгрии
1388 г.	Завоевание Хорезма Тимуром
1389 г.	Битва на Косовом поле между османами и сербским ополчением
1389–1425 гг.	Правление великого князя Василия I
1391 г.	Волна еврейских погромов в Кастилии и Арагоне
лето 1392 г.	Поездка Василия I в Орду; получение в пожалование Нижнего Новгорода, Муром, Мещеры и Тарусы
1392–1398 гг.	Правление вана Ли Сонге (Тхэджо) в Корё; начало династии Ли
1392–1430 гг.	Правление князя Витовта в Литве
1393 г.	Завоевание Болгарии османами
1394–1395, 1399–1413 гг.	Султан Насир ад-Дин Махмуд (Делийский султанат)
1394–1402 гг.	Военные действия Баязида I против Византии и западноевропейских крестоносцев, осада Константинополя
1395 г.	Победа Тимура над Золотой Ордой
1396 г.	Поражение крестоносцев от османов при Никополе
1396 г.	Возникновение Гуджаратского султаната
1396–1458 гг.	Альфонсо V, король Арагона, Сицилии и Сардинии
1397 г.	Кальмарская уния («вечный союз» Дании, Норвегии и Швеции)
1398 г.	Вторжение войск Тимура в Делийский султанат
12 августа 1399 г.	Битва на р. Ворскле, разгром хана Тохтамыша и литовского князя Витовта Едигеем
1399–1413 гг.	Правление короля Генриха IV Ланкастера в Англии
1400 г.	Поход конницы моси на Мали
1400–1418 гг.	Правление вана Тхэджона в Корее
ок. 1400–1468 гг.	Иоганн Гуттенберг
1401–1466 гг.	Франческо Сфорца
1402 г.	Битва при Анкаре, разгром султана Баязида Молниеносного Тимуром

1403 г.	Перенос столицы Китая в Пекин («Северную столицу»)
1403 г.	Посольство кастильского короля Энрике III к Тимуру
1403–1424 гг.	Правление императора Джу Ди (Юнлэ) в Китае
1404 г.	Поход Тимура в Китай, смерть Тимура
1404 г.	Включение Смоленской земли в состав Великого княжества Литовского
1404–1472 гг.	Леон Баттиста Альберти
1405–1433 гг.	Плавания китайского навигатора Джэн Хэ в Индийский океан («Золотой флот»)
1406 г.	Захват Хорезма войском Едигея
1406 г.	Захват Пизы Флоренцией
1406 г.	Основание первой торговой биржи в Брюгге
1406–1454 гг.	Правление Хуана II в Кастилии
1408 г.	Поход правителя Золотой Орды Едигея на Москву
1409–1447 гг.	Правление Шахруха (сына Тимура)
1410 г.	Начало смуты в Золотой Орде
1410 г.	Грюнвальдская битва
1411–1414 гг.	Работы по восстановлению Великого канала в Китае
1412–1434 гг.	Правление Эрика Померанского в Скандинавии
1413 г.	Восстание кабошьенов в Париже
1413 г.	Городельская уния великого князя Литовского с польским королем
1413–1421 гг.	Правление Мехмеда I в Османском государстве
1413–1422 гг.	Правление короля Генриха V в Англии
1414–1418 гг.	Констанцкий собор
1414 г.	Образование Малаккского султаната (Парамешвар/Искандер-шах)
1414–1451 гг.	Династия Сайидов в Делийском султанате
1414–1429 гг.	Правление негуса Йешака (Исаака) в Эфиопии
1415 г.	Сожжение Яна Гуса
1415 г.	Возвращение Нижнего Новгорода под власть Москвы
25 октября 1415 г.	Битва при Азенкуре
1416 г.	Восстание беев во главе с суфийским шейхом Бедредином Симави в Малой Азии
1416–1458 гг.	Правление Альфонса V Великодушного в Арагоне
1417–1431 гг.	Понтификат папы римского Мартина V
1418–1450 гг.	Правление вана Седжона Великого (Чосон)
1419 г.	Восстание в Праге, начало гуситских войн
1419–1467 гг.	Правление Филиппа Доброго в Бургундии
1420 г.	Договор в Труа
1421 г.	Чаславский сейм; низложение Сигизмунда с чешского престола
1422 г.	Получение Веттинами титула курфюрстов и герцогов Саксонских
1422–1446 гг.	Правление Деварайи II в Виджаянагаре
1423–1494 гг.	Правление Фердинанда (Ферранте) I в Неаполе
1424 г.	Указ о полном запрете заморских экспедиций и о прекращении торговли с варварами юга и севера (Китай)
1425–1436 гг.	Правление Чжу Чжаньцзы в Китае

1425–1462 гг.	Правление Василия II Тёмного в Московском княжестве
1427 г.	Освобождение ацтеков от зависимости, создание «Тройственного союза»
1428 г.	Начало взимания датчанами пошлин в проливе Зунд
1428–1789 гг.	Правление династии Поздних Ле в Дайвьете
1429 г.	Освобождение Орлеана французским войском Жанны д'Арк
июль 1429 г.	Коронация Карла VII в Реймсе
1430 г.	Смерть великого князя литовского Витовта
ок.1430–ок.1450 гг.	Правление Ньятсимбы Мутота в Зимбабве
30-е годы XV в.	Утрата Мали контроля над центрами караванной торговли
1430–1521 гг.	Экспансия «Тройственного союза» в Центральной и Южной Мексике
30 мая 1431 г.	Сожжение Жанны д'Арк на костре в Руане
1431 г.	Поездка московского князя Василия II и его дяди Юрия в Орду по вопросу о престолонаследии
1431 г.	Венчание английского короля Генриха VI французской короной
1431–1449 гг.	Базельский собор
1432–1433 гг.	Седьмое и последнее плавание Чжэн Хэ
1433 г.	Изгнание Козимо Медичи из Флоренции
1433–1499 гг.	Марсилио Фичино
1434 г.	Восстание Энгельбректа Энгельбректссона в шведской области Даларна
1434 г.	Битва у Липан (гуситские войны)
1434–1468 гг.	Правление Зара-Якоба в Эфиопии
1435 г.	Аррасский мирный договор между Карлом VII и герцогом Бургундским
1436 г.	Вступление войск Карла VII в Париж
1436 г.	Подтверждение права чехов на гуситскую конфессию на Базельском соборе
1436–1468 гг.	Правление императора Ин-Цзуна в Китае
1437 г.	Церковный раскол между папой и собором, избрание антипапы Феликса V
1438 г.	Начало правления династии Габсбургов в Священной Римской империи
1438 г.	Прагматическая санкция (Франция)
1438 г.	Разгром индейцев чанка инками
1438–1445/47 гг.	Ферраро-Флорентийский собор
1438–1493 гг.	Деятельность Куси Юпанки и его сына Тупака Юпанки в государстве инков
конец 30-х годов XV в.	Образование Казанского ханства
6 июля 1439 г.	Подписание декрета «Laetantur coeli» (Флорентийской церковной унии)
40-е годы XV в.	Образование Крымского ханства со столицей в Бахчисарае
1440 г.	Мятеж крупных сеньоров во Франции («Прагерия»)
1440–1457 гг.	Ладислав Постум, король Австрии, Венгрии и Чехии
1440–1467 гг.	Правитель Венгрии Янош Хуньяди

1442 г.	Захват Неаполя Альфонсом Великодушным и провозглашение его королем Обеих Сицилий
1443–1468 гг.	Борьба албанцев против турок под руководством Скандербег (Георга Кастриоти)
1444 г.	Битва при Варне, разгром крестоносного войска турками
1444–1445 гг.	Поход казанцев на Москву, пленение великого князя Василия III
1445 г.	Военные действия между князем Василием II и ханом Улуг-Мухаммедом
февраль 1446 г.	Пленение и ослепление князя Василия II
октябрь 1446 г.	Обнародование корейского алфавита «хунмин чоньым»
конец 1446 г.	Занятие Москвы сторонниками князя Василия II
1447 г.	Амброзианская республика в Милане
1447–1492 гг.	Правление короля Казимира IV Ягеллончика в Польше и Литве
1448 г.	Избрание нового митрополита всея Руси Ионы по воле великого князя собором русских епископов
1449 г.	Самороспуск Базельского собора, отречение папы Феликса V
1 сентября 1449 г.	Разгром китайского войска ойратским вождем Эсэнном
1449–1453 гг.	Правление императора Константина XI Палеолога в Византии
1449–1494 гг.	Правление Лоренцо Медичи Великолепного во Флоренции
середина XV в.	Образование Астраханского ханства
1450 г.	Захват власти в Милане Франческо Сфорца
1450 г.	Восстание Джека Кэда в Англии
1450 г.	Освобождение Нормандии от англичан
ок.1450–ок.1480гг.	правление Матопе Ньянхехве Небедзак в Мономотапе
1451–1481 гг.	Правление султана Мехмеда II в Османском государстве
1451–1526 гг.	Правление династии Лоди в Делийском султанате
1452 г.	Последняя коронация германского императора в Риме
1453 г.	Взятие Константинополя турками-османами
октябрь 1453 г.	Освобождение Бордо от англичан
1453 г.	Отравление Дмитрия Шемяки в Новгороде
1454 г.	Мир в Лоди (между Миланским герцогством и Венецией)
1454–1459 гг.	Окончательное покорение Сербии турками
1454–1466 гг.	Война Польши с Тевтонским орденом
1454–1474 гг.	Правление короля Энрике IV Бессильного в Кастилии
1455 – 1485 гг.	Войны Алой и Белой розы в Англии
1456 г.	Начало выплаты дани Османской империи Молдавией
1458–1464 гг.	Понтификат папы римского Пия II
1458–1471 гг.	Правление короля Иржи из Подебрад в Чехии

1458–1479 гг.	Правление Хуана II Арагонского
1458–1490 гг.	Правление короля Матьяша Корвина (Хунъяди) в Венгрии
1459 г.	Карта Фра Мауро
1460 г.	Завоевание турками Пелопоннеса
1461 г.	Завоевание Трапезундской империи османами
1463 г.	Потеря генуэзцами Кипра
1463 г.	Подчинение Боснии туркам
1463–1479 гг.	Война Венеции с османами
1465 г.	Образование Лиги общественного блага во Франции
1466 г.	Объявление гуситов еретиками папой Павлом II
1467–1477 гг.	Войны годов Онин в Японии
1467–1573 гг.	«Сэнгоку дзидай» («эпоха воюющих провинций») в Японии
1469–1471 гг.	«Хождение за три моря» Афанасия Никитина
лето 1471 г.	Поход Ивана III на Новгород; поражение новгородцев на реке Шелони
1472 г.	Женитьба князя Ивана III вторым браком на племяннице последнего византийского императора Софье (Зое) Палеолог
1472 г.	Прекращение выплаты дани Орде Иваном III
1472 г.	Поход хана Ахмата на Москву
1474 г.	Констанцкий договор (союз между Сигизмундом Тирольским и швейцарцами)
1475 г.	Потеря генуэзцами Кафы
1475 г.	Установление турецкого суверенитета над Крымом
1476 г.	Превращение Валахии в вассальное государство Османского государства
1476 г.	Вызов великого князя Ивана III в Большую Орду
1477 г.	Битва при Нанси, гибель герцога Бургундского Карла Смелого
февраль 1477 г.	«Великая привилегия» нидерландским городам от Марии Бургундской
август 1477 г.	Брак между Максимилианом Габсбургом и Марией Бургундской
конец 1477 – начало 1478 г.	Поход Ивана III на Новгород, ликвидация новгородской независимости
1477/81–1495 гг.	Португальский король Жоан II
1478 г.	Учреждение новой Инквизиции в Испании
1478–1479 гг.	Подчинение Албании османам
1479–1509 гг.	Правление Католических королей в Испании
начало 80-х годов XV в.	Походы крымского хана Менгли-Гирея в Польшу
лето 1480 г.	Поход хана Ахмата на Москву, «стояние на Угре»
январь 1481 г.	Гибель хана Ахмата в результате нападения сибирских татар и татар Ногайской Орды
1481 г.	Первые сожжения еретиков по приговору инквизиционного суда (аутодафе) в Севилье
1483 г.	Изгнание евреев из Андалусии
1484 г.	Булла папы Иннокентия VIII, положившая начало широкому «гонению на ведьм» в Германии
1485 г.	Присоединение Тверского княжества к Москве

1485 г.	Захват значительной части владений императора Фридриха венгерским королем Матьяшем Хуньяди
1485 г.	Битва при Босворте, гибель Ричарда III
1485–1509 гг.	Английский король Генрих VII Тюдор
1486 г.	Отмена наиболее тяжелых платежей крестьян в Каталонии
1486–1491 гг.	Войны за Бретань
1487 г.	Взятие Казани московским князем, помещение туда хана Мухаммед-Эмина
1488 г.	Организация Швабского союза
1489 г.	Передача Кипра Венецианской республике
1490 г.	Владислав избран королем Венгрии
1492 г.	Эдикт об изгнании евреев из всех владений католических королей
1492 г.	Завоевание Гранадского эмирата
1493 г.	Санлисский договор между императором Максимилианом I и французским королем Карлом VIII
1493–1525 гг.	Правление Уайны Капаку в государстве инков
1495 г.	Вормсский рейхстаг
1497 г.	Принятие Судебника – общерусского правового кодекса
1497 г.	Насильственное крещение испанских евреев-переселенцев в Португалии
1500 г.	Разгром литовских войск московскими на р. Ведроше близ Дорогобужа

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ФЕОДАЛИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЕВИСТОВ

- Блок М. Феодальное общество. М., 2003.
История средних веков. Том 1 / Под ред. С.П. Карпова. М., 2005.
Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема генезиса феодализма. М., 2003.
Contamine Ph., Bompaire M., Lebecq S., Sarrazin J.-L. L'économie medievale: 3eme ed. P., 2003.
Duby G. La société aux XI et XII siècles dans la region mâconnaise. P., 1953.
Guerreau A. L'Avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle? P., 2001.
Reynolds S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1994.

СРЕДНИЕ ВЕКА: СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- Аръес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное: 2-е изд. М., 2006.
Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. М., 1992.
Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.
Монтанари М. Голод и изобилие. Как питались европейцы. СПб., 2008.
Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XV веков. М.; Л., 1960.
Duby G. Le chevalier, la femme et le pretre. Le mariagedans la France feodale. P., 1981.
Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 a 1324. P., 1975. (Рус. пер.: Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001).

ГОРОД В СРЕДНИЕ ВЕКА

- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
Большаков О.Г. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982.
Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Под ред. А.А. Сванидзе. М., 1999–2000. Т. 1–4.
Город как социокультурное явление исторического процесса / Под ред. Э.В. Сайко. М., 1995.
Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма: реф. сб. / Под ред. А.Л. Ястребицкой. М., 1979. Ч. 1–2.
Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.

Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1: 600–1540 / Ed. by D. Palliser. Cambridge, 2000.

Clark P. European Cities and Towns 400–2000. Oxford, 2009.

Histoire de la France urbaine. T. 2: La Ville médiévale / Sous la dir. de G. Duby. P., 1980.

КОЧЕВНИКИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ И ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб., 1994.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007.

Томпсон Э. Гунны. Грозные воины степей. М., 2008.

Bona I. Das Hunnenreich. Stuttgart, 1991.

Kollautz A., Miyakawa H. Geschichte und Kultur eines völkerwanderungszeitlichen Nomadenvolks: die Jou-jan der Mongolei und die Awaren in Mitteleuropa. Klagenfurt, 1970. Bd. 1–2.

Maenchen-Helfen O. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. Berkeley, 1973.

Schmauder M. Die Hunnen. Ein Reitervolk in Europa. Darmstadt, 2009.

КИТАЙ ЭПОХИ «ШЕСТИ ДИНАСТИЙ»

История Китая: учебн. М., 2004.

Крюков М.В., Малявин В.М., Сафронов М.В. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979.

Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983.

Тюрин А.Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII вв. М., 1980.

Фицджеральд С.П. Китай. Краткая история культуры. М., 1998.

Crespigny R. de. The Three Kingdoms and Western Jin: A History of China in the Third Century AD // East Asian History. Canberra, June 1991. N 1. P. 1–36; Dec. 1991. N 2. P. 143–164.

Crespigny R. de. A Question of Loyalty: Xun Yu, Cao Cao and Sima Guang // Sino-Asiatica. Canberra, 2002. P. 30–59.

Miller A. Accounts of Western Nations in the History of the Northern Chou Dynasty. Berkeley, 1959.

Needham J. et al. Science and Civilization in China. Cambridge, 1954–2008. Vol. 1–7.

Wright A.F. The Sui Dynasty: The Unification of China. CE 581–617. N.Y., 1978.

Ван Чжунло. Вэй Цзинь Наньбэй чао Суйчу Тан ши. Шанхай, 1961 (на кит. яз.).

Ли Цзяньнун. Вэй, Цзинь, Нань-Бэйчао. Суй, Тан цзинци шигао. Пекин, 1959 (на кит. яз.).

САСАНИДСКИЙ ИРАН

Гоиз Ф. Древняя Персия. М., 2007.

Дмитриев В.А. «Всадники в сверкающей броне»: военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., 2008.

- Дьяконов М.М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
- Иностранцев К.А.* Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- Луконин В.Г.* Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.
- Луконин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М., 1987.
- Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
- Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956.
- Фрай Р.Н.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Börm H.* Prokop und die Perser. Untersuchungen zu den Römisch-Sasanidischen Kontakten in der ausgehenden Spätantike. Stuttgart, 2007.
- Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / Ed. by E.Yarshater. Cambridge; L.; N.Y.; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1983.
- Christensen A.L'*Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944.
- Daniel E.L.* The History of Iran. Westport (Connect.), 2001.
- Dodgeon M.H., Greatrex G., Lieu S.N.C.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Routledge, 2002. Pt I: 226–363 A.D.
- Farrokh K.* Shadows in the Desert: Ancient Persia at War. Osprey Publishing, 2007.
- Frye R.N.* The History of Ancient Iran. München, 1984.
- Greatrex G., Lieu S.N.C.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Routledge, 2002. Pt II: 363–630 A.D.
- Nicolle D.* Sassanian Armies: the Iranian Empire Early 3rd to Mid-7th Centuries A.D. Stockport, 1996.
- Sprengling M.* Third Century Iran: Sapor and Kartir. Chicago, 1953.
- Tafazzoli A.* Sasanian Society: Warriors, Scribes, Dehqāns. N.Y., 2000.

ОТ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ К ВИЗАНТИИ

- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. СПб., 1910. Т. 4.
- Византия IV–IX веков. Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Киев, 1992.
- Глушанин Е.П.* Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.
- Диль Ш.* Император Юстиниан и византийская цивилизация VI в. М., 2011.
- Иоанн (Митропольский).* История Вселенских соборов. СПб., 1906.
- История Византии / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М., 1967. Т. 1.
- Карташёв А.В.* Вселенские Соборы. М., 1994.
- Кулаковский Ю.А.* История Византии. СПб., 1996. Т. 1–2.
- Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв.: Конеч античного города в Византии. Л., 1971.
- Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли. Л., 1991.
- Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
- Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- Успенский Ф.И.* История Византийской империи. М., 1996. Т. 1.
- Хвостова К.В.* Особенности византийской цивилизации. М., 2005.
- Чекалова А.А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. СПб., 1997.

Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя: VI – первая пол. VII в. М., 2010.

Adena L. The Enduring Legacy of Byzantium // Clio History Journal. 2008.

Haldon J. The Byzantine Wars: Battles and Campaigns of the Byzantine Era. Stroud: Tempus Publishing, 2001.

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ. РИМ И ВАРВАРЫ

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

Дубровский И.В. Институт и высказывание в конце Римской империи. М., 2009.

Banniard M. Viva voce: Communication écrite et communication orale du IVe au IXe siècle en Occident latin. P., 1992.

Bruand O. Voyageurs et marchandises aux temps carolingiens: les réseaux de communication entre Loire et Meuse aux VIIIe et IXe siècles. Bruxelles, 2002.

Davis W. Small Worlds. The Village Community in Early Medieval Brittany. L., 1988.

Durliat J. Les finances publiques de Dioclétien aux Carolingiens (284–889). Sigmaringen, 1990.

Goffart W. Barbarian Tides: The Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006.

Graus F. Volk, Herrscher und Heiliges Reich der Merowinger. Prague, 1965.

The New Cambridge Medieval History. Vol. II: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995.

Pohl W. Die Awaren, Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München, 2002.

Prinz F. Frühes Mönchtum im Frankenreich. Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4. bis 8. Jahrhundert). München; Wien, 1965.

Wickham C. Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean 400–800. Oxford, 2005.

Wood I. The Merovingian Kingdoms 450–751. L., 1994.

ЭФИОПИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии: Пер. с польск. М., 1976.

История Африки в древних и средневековых источниках (хрестоматия). М., 1990.

Кобищанов Ю.М. Аксум. М., 1968.

Львова Э.С. История Африки в лицах. Биографические очерки. М., 2002. Вып. 1: Африка в доколониальную эпоху.

Пигулевская Н.В. Первоисточники кушито-хымьаритских войн // Палестинский сборник. 1949. Вып. 2(64).

Чернецов С.Б. Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. СПб., 2004.

Conti Rossini C. Storia d’Etiopia. Bergamo, 1928.

Sergew Hable Selassie. Ancient and Medieval Ethiopian History to 1270. Addis Ababa, 1972.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ВРЕМЕН КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ

- Кудрявцев П.Н.* Каролинги в Италии. Б.м., б.г.
Левандовский А.П. Карл Великий: Через империю к Европе. М., 1995.
Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian World. Cambridge, 2011.
Devroey J.-P. Etudes sur le grand domaine carolingien. Londre, 1993.
Dopsch A. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit vornehmlich in Deutschland: 2. Aufl. Weimar, 1921–1922. Bd. 1–2.
Favier J. Charlemagne. P., 1999.
Fichtenau H. Das Karolingische Imperium: Soziale und geistige Problematik eines Großreiches. Zurich, 1949. (English transl.: The Carolingian Empire. Oxford, 1957).
Halphen L. Charlemagne et l'Empire Carolingien. P., 1947.
Lot F. Les derniers Carolingiens. P., 1891. (Рус. пер.: *Лот Ф.* Последние Каролинги. СПб., 2001).
MacLean S. Kingship and Politics in the Late Ninth Century: Charles the Fat and the End of the Carolingian Empire. Cambridge, 2003.
McCormick M. Origins of the European Economy: Communications and Commerce, A.D. 300–900. Cambridge, 2001.
McKitterick R. The Frankish Kingdoms under the Carolingians: 751–987. L.; N.Y., 1983.
McKitterick R. The Carolingians and the Written Word. Cambridge, 1989.
McKitterick R. History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004.
Nelson J. Charles the Bald. L.; N.Y., 1992.
Nelson J. The Frankish World: 750–900. L.; Rio Grande, 1996.
Riché P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P., 1983.
Verhulst A. The Carolingian Economy. Cambridge, 2002.

ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ ОКОЛО 800 года

- Бернштейн С.Б.* Константин-Философ и Мефодий. М., 1984.
Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.
Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.
Петрухин В.Я. Славяне. М., 1996.
Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1988.
Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991.
Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. М., 1998.
Blažová M., Frolik J., Profantová N. Velké dějiny zemi Koruny české. Sv. I: Do roku 1197. Praha; Litomyšl, 1999.
Dekan J. Velká Morava. Doba aumenie. Bratislava, 1979.
Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. Praha, 2001.
Velká Morava a počátky českosloven ské státnosti / Ed. J. Poulik, B. Chropovský. Praha; Bratislava, 1985.

АНГЛИЯ ДО НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

- Боура С.М.* Героическая поэзия. М., 2002.
Глебов А.Г. Альфред Великий и Англия его времени. Воронеж, 2003.
Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. СПб., 2007.
Зверева В.В. «Новое солнце на западе». Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.
Ли Б.А. Альфред Великий, глашатай правды, создатель Англии. 848–899 гг. СПб., 2006.
Мельникова Е.А. Меч и лира. Древнеанглийское общество в истории и эпосе. М., 1987.
Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.
Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002.
Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб., 2001.

ВИЗАНТИЯ ЭПОХИ «ТЕМНЫХ ВЕКОВ» И ИКОНОБОРЧЕСТВА

- Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. М., 1997.
История Византии / Отв. ред. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. 2.
Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т. 3.
Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры. Л., 1961.
Demangel R., Mumboury E. Le quartier des Mangeset la 1ère region de Constantinople. P., 1939.
Kuban D. Istanbul: An Urban History: Byzantion, Constantinopolis, Istanbul. Istanbul, 1996.
Russell J. Transformations in Early Byzantine Urban Life: the Contribution and Limitations of Archaeol. Evidence // XVII Intern. Byzantine Congr.: Major Papers. New Rochelle, 1986. P. 137–154.
Sabatino López P. The Tenth Century: How Dark the Dark Ages? Rinehart, 1959.

ЗАВОЕВАНИЯ АРАБОВ И ОБРАЗОВАНИЕ ХАЛИФАТА. ХАЛИФАТ АББАСИДОВ И РАСЦВЕТ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

- Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1966. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского Халифата.
Белл Р., Уотт У.М. Коранистика: Введение: Пер. с англ. СПб., 2005.
Бертельс Е.Э. Избранные труды. М., 1965. Т. 3: Суфизм и суфийская литература.
Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока: VII – середина XIII в. М., 1984.
Большаков О.Г. История Халифата. М., 1989. Т. I: Ислам в Аравии (570–633); М., 1993. Т. II: Эпоха великих завоеваний (633–656); М., 1998. Т. III: Между двух гражданских войн (656–696).
Грюнебаум Г.Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры. М., 1981.
Грюнебаум Г.Э. Классический ислам: Очерк истории (600–1258): Пер. с англ. М., 1988.
Дафтари Ф. Традиции исмаилизма в средние века. М., 2006.

- Ислам: Историографические очерки / Под общ. ред. С.М. Прозорова. М., 1991.
- Ислам: Религия, общество, государство. М., 1984.
- Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: Краткая история / Пер. с англ., сост. указ. М.Г. Романов. М.; СПб., 2004.
- Кортаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б. Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст. М., 2007.
- Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV.
- Леви-Провансаль Э. Арабская культура в Испании. М., 1967.
- Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.
- Мец А. Мусульманский Ренессанс. Разные изд.
- Михайлова И.Б. Средневековый Багдад: Некоторые аспекты социальной и политической истории города в середине X – середине XIII в. М., 1990.
- Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.
- Мусульманский мир: 950–1150% сб. ст.: пер. с англ. М., 1981.
- Негря Л.В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М., 1981.
- Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982.
- Очерки распространения исламской цивилизации. М., 2002. Т. 1–2.
- Петрушевский И.Н. Ислам в Иране в VII–XI веках. Л., 1966.
- Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л., 1964.
- Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
- Пиотровский М.Б. Предание о химйаритском царе Асаде ал-Камиле. М., 1977.
- Пиотровский М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье: становление средневекового общества. М., 1985.
- Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1991.
- Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.
- Резван Е.А. Коран и его мир. СПб., 2001.
- Резван Е.А. Коран и его толкования: тексты, переводы, комментарии. СПб., 2000.
- Роузенталь Ф. Торжество знания: Концепция знания в средневековом исламе / Пер. с англ. С.А. Хомутова; предисл. и примеч. А.В. Сагадеева. М., 1978.
- Семенова Л.А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М., 1966.
- Семенова Л.А. Из истории фатимидского Египта. М., 1984.
- Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама / Пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург, 2006.
- Тор А. Исламские мистики. СПб., 2003.
- Тримингем С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ.; Под ред. и с предисл. О.Ф. Акимускина. М., 1989.
- Уотт У.М., Какиа П. Мусульманская Испания. М., 1976.
- Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке: Средневековье и Новое время: 2-е изд. М., 2001.
- Фильштинский И.М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.): 3-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
- Хисматулин А.А. Суфизм. СПб., 2003.
- Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999.
- Agha S.S. The Revolution which Toppled the Umayyads. Leiden, 2003.
- Ahsan M.M. Social Life under the Abbasids. L., 1979.
- Bamyeh M.A. The Social Origins of Islam: Mind Economy, Discourse. Minneapolis; L., 1999.
- Crone P. Meccan Trade and the Rise of Islam. Oxford, 1987.
- Crone P., Cook M. Hagarism: The Making of the Islamic World. Cambridge, 1977.

- Glubb J.* Haroon al Rasheed and the Great Abbasids. L., 1976.
- Hawting G.* The Idea of Idolatry and the Emergence of Islam: From Polemic to History. Cambridge, 1999.
- Hillenbrand R.* Islamic Architecture. Edinburgh, 1994.
- Holt P.M.* The Age of the Crusades: The Near East from the Eleventh Century to 1517. L.; N.Y., 1986.
- Inamdar S.C.* Muhammad and the Rise of Islam: The Creation of Group Identity. Madison, 2001.
- Irwin R.* Islamic Art. L., 1997.
- Karamustafa A.* Sufism: The Formative Period. Edinburgh, 2007.
- Kennedy H.* The Early Abbasid Caliphate: A Political History. L., 1981.
- Kennedy H.* The Prophet and the Age of the Caliphates: 2nd ed. L., 2003.
- Lassner J.* The Shaping of Abbasid Rule. Princeton, 1980.
- Makdisi G.* The Rise of the Colleges: Institutions of Learning in Islam and the West. Edinburgh, 1981.
- Medieval Arab Cookery* / Ed. by C.Roden. Totnes, 2001.
- Robinson C.* Islamic Historiography. Cambridge, 2003.
- Shaban M.A.* The Abbasid Revolution. Cambridge, 1970.
- Sharon M.* Revolt: The Social and Military Aspects of the Abbasid Revolution. Jerusalem, 1990.
- Simon R.* Meccan Trade and Islam: Problems of Origin and Structure. Budapest, 1989.

ИНДИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА. ДЕЛИЙСКИЙ СУЛТАНАТ

- Алаев Л.Б.* Средневековая Индия. СПб., 2003.
- Алаев Л.Б.* Южная Индия: общинно-политический строй VI–XIII вв. М., 2011.
- Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л.* История Индии. М., 2010.
- Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века. М., 1983.
- Берзин Э.О.* Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII в. М., 1995.
- Босворт К.Э.* Мусульманские династии. М., 1971.
- Ванина Е.Ю.* Средневековое мышление: индийский вариант. М., 2007.
- Васильев Л.С.* История Востока: в 2-х т. М., 1998.
- Кей Д.* История Индии / Пер. с англ. И. Летберга. М., 2011.
- Коновалова И.Г.* Средневековый Восток. М., 2008.
- Синха Н.К., Банерджи А.Ч.* История Индии / Пер. с англ. Л.В. Степановой, И.П. Ястребовой, Л.А. Княжинской; ред. К.А. Антонова. М., 1954.
- Успенская Е.Н.* Раджпуты: рыцари средневековой Азии. СПб., 2000.
- Beal S.* Chinese Account of India / Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang. Calcutta, 1957–1958. Vol. 1–2.
- Karashima N.* South Indian History and Society. Studies from Inscriptions A.D. 850–1800. Delhi, 1984.
- Mabbett I.W.* The Indianization of South-East Asia Reflections on the Historical Sources // Journal of South-East Asian Studies. 1977.
- Sarkar H.B.* Cultural Relations between India and South-East Asian Countries. Delhi, 1985.
- Sharma R.S.* Indian Feudalism (c. 30 – c. 1200). Calcutta, 1965.
- Thapar R.* History of India. L., 1966. Т. 1.
- Wales H.G.* Quartitch. The Making of Greater India. L., 1951.
- Wales H.G.* Quartitch. The Indianization of China and of South East Asia. L., 1967.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

- Берзин Э.О.* Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII в. М., 1995.
Васильев Л.С. История Востока: в 2-х т. М., 1998.
Chandler D.P. A History of Cambodia. Boulder: Westview Press, 1992.
Lieberman V.B. Strange Parallels: South-East Asia in Global Context, c. 800–1830. Vol. 1: Integration on the Mainland. Cambridge, 2003.
Maspero G. The Champa Kingdom: The History of an Extinct Vietnamese Culture. Bangkok, 2002.

ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И ЕГО НАСЛЕДНИКИ

- Артамонов М.И.* История хазар: 2-е изд. СПб., 2001.
Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии. VI–VIII вв. М., 1996.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы, 2001.
Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., 1999.
Golden P. An Introduction to the History of the Turkish Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Mediaeval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.
Golden P.B. Khazar Studies. Budapest, 1980. Vol. 1–2.
Liu Mau-tsai. Die Chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). Wiesbaden, 1958. Bd. I–II.

КИТАЙ В VII–IX веках

- Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
Рыбаков В.М. Танская бюрократия. СПб., 2009. Ч. 1.
Смолин Г.Е. Они бросили вызов Небу. О крестьянской войне 874–901 гг. в Китае. СПб., 1997–2000.
Twitche D. Land Tenure and Social Order in T'ang and Sung China. L., 1962.
Twitche D. Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge, 1963.
Wan Gungwu. The Structure of Power in Northern China during the Five Dynasties. Kuala Lumpur, 1963.
У Фэн. Суй, Тан, У дай ши. Пекин, 1958 (на кит. яз.).
Фон Хао. Сун ши. Тайбэй, 1975. Т. 1–2 (на кит. яз.).
Хан Гонань. Суй Тан У-дайшиган. Пекин, 1962 (на кит. яз.).

СОСЕДИ ПОДНЕБЕСНОЙ: КОРЕЯ, БОХАЙ, ТИБЕТ

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.

Ванин Ю.В. Феодалная Корея в XIII–XIV веках. М., 1962.

Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв. М., 1981.

Волков С.В. Ранняя история буддизма в Корее. М., 1985.

Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987.

Воробьев М.В. Корея до второй трети VII века. СПб., 1997.

Пак М.Н. История и историография Кореи // Пак М.Н. Избранные труды. М., 2003.

Цендина А.Д. И страна зовется Тибетом. М., 2006.

Barnes G. The Rise of Civilization in East Asia: The Archaeology of China, Korea and Japan. L., 1999.

Beckwith C. The Tibetan Empire in Central Asia. Princeton, 1987.

ЯПОНИЯ В VIII–XII веках

Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто. М., 2010.

Буддизм в Японии / Под ред. Т.П. Григорьевой. М., 1993.

Воробьев М.В. Древняя Япония. М., 1958.

Воробьев М.В. Япония в III–VIII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: Восточная литература, 1980.

Ермакова Л.М. Речи богов и песни людей. М., 1995.

История японской культуры. Учеб. пособ. для высших учеб. заведений. М., 2011.

Конрад Н.И. Японская литература. М., 1974.

Мещеряков А., Грачев М. История древней Японии. СПб., 2002.

Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. М., 1987.

Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988.

Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.

Пасков С.С. Япония в раннее средневековье. М., 1987.

Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье. VII–XII вв. Исторические очерки. М., 2011 (2-е изд.).

Политическая культура древней Японии; История и культура традиционной Японии. М., 2008.

Симонова-Гудзенко Е.К. Япония VII–X веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М., 2005.

The Cambridge History of Japan // Ancient Japan / Ed. by D.M. Brown. Cambridge, 1993. Vol. 1.

ИМПЕРИЯ СУН В КИТАЕ

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М., 1975.

Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М., 1986.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.

Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.

Латина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970.

Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.

Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в. М., 1974.

Стужина Э.Л. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.

Liu T.C.I. Reform in Sung China: Wan An-shih (1021–1086) and His New Policies. Cambridge (Mass.), 1959.

Ma L.S.C. Commercial Development and Urban Change in Sung China. Ann Arbor, 1971.

Ци Ся. Ван Аньшибяньфа. Шанхай, 1959 (на кит. яз.).

КОРЕЯ В X–XII веках

Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999.

Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009.

Ли Г.Б. История Кореи: новая трактовка / Пер. с корейск. под ред. С.О. Курбанова. М., 2000.

Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд / Пер. с корейск. под ред. М.Н. Пака. М., 2010.

НАСЛЕДНИКИ ТЮРОК НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ

Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941.

Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Маркарян С.А. Сельджуки в Иране XI века. Саратов, 1991.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Golden P. Nomads and Their Neighbours in the Russian Steppe. Ashgate, 2003.

ГОСУДАРСТВА СЕЛЬДЖУКИДОВ. ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МАЛОЙ АЗИИ

Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991.

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад, 1973.

Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941.

Семенова Л.А. Из истории средневековой Сирии: Сельджукский период. М., 1990.

Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001.

Cahen C. Pre-Ottoman Turkey: A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330. L., 1968.

Klausner C.L. The Seljuk Vesirate: A Study of Civil Administration. 1055–1194. Cambridge, 1973.

Köprülü M.F. The Seljuks of Anatolia: Their History and Culture According to Local Muslim Sources / Transl. and ed. by G. Leiser. Salt Lake City, 1992.

Sanaullah M.F. The Decline of the Seljuqid Empire. Calcutta, 1938.

ВИЗАНТИЯ ЭПОХИ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ И КОМНИНОВ

Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998. Т. I–II.

Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии. М., 2010. Т. I–II.

Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли из варвара сделать христианина? М., 2003.

История Византии / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М., 1967. Т. II.

Каждан А.П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960.

Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968.

Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

Колтакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2010.

Кривов М.В. Византия и арабы в раннем Средневековье. СПб., 2002.

Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. / Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. М., 1989.

Липищ Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981.

Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.

Лихачева В.Д. Искусство Византии IV–XV вв. Л., 1981.

Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.

Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.

Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 2004. Т. I–II.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.; Л., 1913–1948.

The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. Cambridge, 2009.

A Companion to Byzantium / Ed. by L. James. Blackwell Publishing, 2010.

Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева (Труды ГИМ, № 124). М., 2001.

Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского государства. М., 2004.

Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв. // Зайцев А.К. Избранные труды. М., 2009.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста: 3-е изд., доп. М., 2008.

История русского искусства. М., 2007. Т. I. Искусство Киевской Руси IX – первой четверти XII века.

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год. М., 2003. С. 5–172.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005.

Мельникова Е.А. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. С. 217–241.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Эволюция названия *русь* в процессе становления Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.

Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2002.

Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год).

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.

Славянская мифология: энцикл. словарь / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 1995 (2002).

Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д.А. Авдусина. М., 1991.

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010.

Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. СПб., 1995.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1990.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Янин В.Л. Новгородские посадники: 2-е изд. М., 2003.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

Ярослав Мудрый и его эпоха / Под ред. И.Н. Данилевского, Е.А. Мельниковой. М., 2008.

ЧЕХИЯ, ПОЛЬША, ВЕНГРИЯ В X–XIII веках

Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001.

История культур славянских народов. М., 2003. Т. I: Древность и Средневековье. Краткая история Чехословакии. М., 1988.

Грабеньский В. История польского народа. Минск, 2006 (1-е изд. СПб., 1910).

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005.

История Венгрии. М., 1971. Т. 1.

Контлер Л. История Венгрии. М., 2002.

Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.

Domonkos L.S. The Political and Cultural History in the Age of Matthias Corvinus. N.Y., 1966.

Gieysztor A., Kieniewicz S., Rostworowski E., Tazbir J., Wereszycki H. History of Poland. W-wa, 1971.

Györfy G. Wirtschaft und Gesellschaft der Ungarn um die Jahrtausendwende. Wien; Köln; Graz, 1983.

Györfy G. King Saint Stephen of Hungary. Boulder, 1994.

Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1968–1985. T. I–VI.

Pánek J., Tůma O. et. al. A History of the Czech Lands. Prague, 2009.

Velké dějiny země Koruny české. Praha; Litomyšl, 1999–2009. Sv. I–VI.

Přemyslovci. Budování českého státu / Ed. P. Sommer, D. Třeštík, J. Žemlička. Praha, 2009.

Spěvák J. Karel IV. Život a dílo (1316–1378). Praha, 1980.

Seibt F. Karl IV. Ein Kaiser in Europa 1346 bis 1378. München, 1994.

Šmahel F. Husitská revoluce. Praha, 1993. Sv. 1–4.

Szczur S. Historia Polski. Średniowiecze. Kraków, 2002.

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ

Арбман Х. Викинги. СПб., 2003.

Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.

Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. М., 2002.

Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966.

Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.

Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.

Гуревич А.Я. “Эдда” и сага. М., 1979.

Джонс Г. Викинги: потомки Одина и Тора. М., 2005.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999 (раздел: Скандинавские источники. С. 408–563).

Исландские саги / Под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1956.

Исландские саги. Ирландский эпос / Под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1973.

История Дании. М., 1996. Т. 1.

История Норвегии. М., 1980.

История Швеции. М., 1974.

Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.

Корни Ингдрасиля. Эдда. Саги. Скальды. Приложения / Отв. ред. О.А. Смирницкая. М., 1997.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Мелетинский Е.А. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

Розсдаль (Русдаль) Э. Мир викингов. Л., 2001.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001.

Младшая Эдда / Пер. О.А. Смирницкой; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М., Л., 1970.

Поэзия скальдов / Пер. С.В. Петрова; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1979.

Сага об исландцах / Пер. и комм. А.В. Циммерлинг. СПб., 2007.

Славяне и скандинавы: Пер. с нем. М., 1986.

Снорри Стурлусон. Круг земной; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1980.

Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1963.
 Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002.
 Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1979.
 Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. Л., 1967.
 Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. М., 1984.
 Хлезов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. СПб., 2002.
 Хойслер А. Германский героический эпос и “Сказание о Нибелунгах”: Пер. с нем. М., 1960.

«ВЕЛИКАЯ МУТАЦИЯ» ЗАПАДА (X–XIII века)

Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
 Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911.
 Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992.
 Кин М. Рыцарство. М., 2000.
 Колесницкий Н.Ф. Священная римская империя: притязания и действительность. М., 1977.
 Панофский Э. Перспектива как «символическая форма»; Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004.
 Флери Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999.
 Эксле О.Г. Действительность и знание. Очерки социальной истории Средневековья. М., 2007.
 Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.
 Baschet J. La civilisation féodale. De l'an mil à la colonisation de l'Amérique. P., 2006.
 Duby G. Guerriers et paysans VII–XIIe siècle. Premier essor de l'Economie européenne. P., 1973.
 The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 1999. Vol. 3; 2004. Vol. 4, pt. 1–2.
 White St.D. Re-Thinking Kinship and Feudalism in Early Medieval Europe. Aldershot, 2006.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Близнюк С.В. Крестоносцы позднего средневековья. М., 1999.
 Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
 Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.
 Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001.
 Alpançery P, Dupront A. La chrétienté et l'idée des croisades. P., 1995.
 Balard M. Croisades et Orient latin. P., 2001.
 Cardini F. Le crociate in Terrasanta nel Medioevo. Rimini, 2003.
 Jonathan Ph. The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople. N.Y., 2005.
 Maalouf A. Les croisades vues par les arabes. P., 1983.
 Mayer H.E. Geschichte der Kreuzzüge. Stuttgart; Berlin; Köln, 2000.
 Flori J. Les croisades. P., 2001.
 Prawer J. Histoire du Royaume latin de Jérusalem. P., 2007.
 Richard J. Francs et Orientaux dans le monde des croisades. Aldershot, 2003.
 Riley-Smith J. The Oxford History of the Crusades. N.Y.; Oxford, 1999.

ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ

- Алаев Л.Б.* История Востока. М., 2007.
Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999.
Литавин Г.Г. Как жили византийцы: 3-е изд. СПб., 2006.
Фрай Р. Наследие Ирана М., 1972.
Claessen H.J.M. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. N.Y., 1996. Vol. IV. P. 1255.

КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ

- Кочевая альтернатива социальной эволюции.* М., 2002.
Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.
Крадин Н.Н. Империя Хунну: 2-е изд. М., 2002.
Бычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 B.C. to A.D. 1757. Cambridge, 1989.

ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВ В МАКРОБАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

- Древняя Русь в свете зарубежных источников/Под ред. Е.А.Мельниковой.* М., 1999.
Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы / Под ред. А.А. Сванидзе. М., 1997.
Мельникова Е.А. Геоэкономические предпосылки возникновения древнерусской государственности // К 80-летию академика А.О. Чубарьяна. М., 2011.

РАСЦВЕТ ЗАПАДА

- Бицilli П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
Город в средневековой цивилизации. М., 1999–2000. Т. 1–4.
Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1947–1961. Т. 1–2.
История Европы. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа.
Кенигсбергер Г. Средневековая Европа. М., 2001.
Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
Лекции по истории позднего средневековья. М., 1971.
Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.
Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974.
Koenigsberger H.G. Medieval Europe, 400–1500. L.; N.Y., 1987.

РУСЬ В XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV века

- Веселовский С.Б.* Очерки по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996.
Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский А.Д. Очерки социально-экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003.

Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972.

Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1970. Ч. 1–2.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: Очерки XIII–XV столетий. Пг., 1918.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962 (2-е изд. М., 2003).

ЗАКАТ ВИЗАНТИИ (XIII–XV века)

Близиук С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373). М., 1994.

Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

История Византии / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М., 1967.

Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952.

Карпов С.П. Трапезундская империя и Западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007.

Культура Византии. Вторая половина XIII – первая половина XV в. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991.

Лихачева В.Д. Искусство Византии IV–XV вв. Л., 1981.

Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976.

Пападакис А., Мейендорф И. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071–1453 гг. М., 2010.

Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983.

Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.

Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.; Л., 1913–1948.

Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии XIV–XV вв. Историко-социологический очерк. М., 1968.

The Cambridge History of Byzantine Empire c. 500–1492 / Ed. J. Shepard. Cambridge, 2009.

Chiaroni V. Lo scisma greco e il Concilio di Firenze. Firenze, 1938.

Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963.

КОРЕЯ В XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV века

Ванин Ю.В. Феодальная Корея в XIII–XIV веках. М., 1962.

Васильев Л.С. История Востока: в 2-х т. М., 1998.

Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009.

Ли Г.Б. История Кореи: новая трактовка / Пер. с корейск. под ред. С.О. Курбанова. М., 2000.

Хан Ёнху. История Кореи: новый взгляд / Пер. с корейск. под ред. М.Н. Пака. М., 2010.

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. М., 2011. Т. 1–2.

ЯПОНИЯ В XIII–XV ВЕКАХ

История Японии. Т. 1: С древнейших времен до 1868 г. / Отв. ред. А.Е. Жуков. М., 1998.

Кожеевников В.В. Очерки истории Японии XII–XVI вв. Владивосток, 1999.

Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии. М., 1980.

Мендрин В.М. История сёгуната в Японии: Нихон гайси. М., СПб., 1999. Т. 1–2.

Спеваковский А. Б. Самураи – военное сословие Японии. М., 1981.

Тернбулл С. Самураи. Военная история. СПб., 1999.

Толстогузов А.А. Очерки истории Японии VII–XIV вв. Становление феодализма. М., 1995.

The Cambridge History of Japan. Ancient Japan / Ed. by D.M. Brown. Cambridge, 1993. Vol. 1.

Sansom G. A History of Japan 1334–1615. Stanford, 1991.

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ, ЕЕ УЛУСЫ И НАСЛЕДИЕ

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь. М., 1997.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.

Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М., 1965.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М., 2006.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.: 2-е изд. СПб., 2003.

Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: 2-е изд. М., 1995.

Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004–2009. Вып. 1–3.

Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.

Татаро-монголы в Азии и Европе: 2-е изд. М., 1977.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Юрченко А.Г. Империя и космос: Реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.

Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Monke in China, Russia; the Islamic lands, 1251–1259. Berkeley; Los Angeles, 1987.

Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, 2001.

Ayalon D. The Great Yasa of Chinggis Khan. A Reexamination // Studia Islamica. 1971. Vol. 33.

Biran M. Chinggis Khan. Oxford, 2007.

Franke H. China under Mongol Rule. Aldershot, 1994.

Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985.

Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1–2.

Ratchnevsky P. Genghis Khan: His Life and Times. Oxford, 1991.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

Бульст Н. Почитание святых во время чумы. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее Средневековье // Одиссей: человек в истории. 2000. С. 152–185.

Benedictow O.J. The Black Death 1346–1353: The Complete History. Woodbridge, 2004.

Biraben J.N. Les hommes et la peste en France et dans les pays europeens et mediterraneens: 2 vol. P., 1975.

Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. Cambridge (Mass.); L., 1997.

Horrox R. The Black Death. Manchester, 1994.

Ziegler Ph. The Black Death: (New ed.). Sutton, 2003.

КИТАЙ В XIV–XV веках

Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968.

Бокщанин А.А. Императорский Китай в начале XV века (Внутренняя политика). М., 1976.

Бокщанин А.А. Удельная система в позднесредневековом Китае (период династии Мин 1368–1644). М., 1986.

Бокщанин А.А., Непомнин О.Е. Лики Срединного царства. М., 2002.

Боровков Л.А. Восстание «Красных войск» в Китае. М., 1971.

Доронин Б.Г. Империя Мин и маньчжуры: начало противостояния (Версия «Истории [династии] Мин») // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки: межвуз. сб. ст. СПб., 1997. Т. 18. С. 128–152.

Китай во второй половине XIV–XV в. // История Востока: в 6 т. М., 2000. Т. 2. С. 528–546.

Покотилов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. СПб., 1893.

Свистунова Н.П. Аграрная политика Минского правительства во второй половине XIV в. М., 1966.

У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана: Пер. с кит. М., 1980.

Brook T. The Confusions of Pleasure: Commerce and Culture in Ming China. Berkeley, 1998.

Grimm T. Erziehung und Politik im Konfuzianischen China der Ming Zeit. Hamburg, 1960.

Ho Ping-ti. The Ladder of Success in Imperial China. N.Y.; L., 1962.

Hucker Ch.O. The Traditional Chinese State in Ming Times (1368–1644). Tucson, 1961.

Hucker Ch.O. The Traditional Chinese State in Ming Times (1368–1644). Univ. of Arizona Press, 1966.

Schurmann H.F. The Economic Structure of the Yuan Dynasty. Cambridge (Mass.), 1956.

Wiethoff B. Die chinesische Seeverbotspolitik und der private Überseehandel von 1368 bis 1567. Hamburg, 1963.

ИМПЕРИЯ ТИМУРА И УПАДОК ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
Нагель Т. Тимур завоеватель и исламский мир позднего средневековья. Ростов н/Д., 1997.
Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой орды. Саранск, 1960.
Султанов Т.И. Чингисхан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2007.
Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.
Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001.
Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge, 1989.

ОСМАНЫ: ПОТЯСЕНИЯ НАЧАЛА XV века. И ВОЗРОЖДЕНИЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

- Жуков К.А.* Эгейские эмираты XIV–XV вв. М., 1988.
Орешкова С.Ф., Поцхверия Б.М. Проблемы истории Турции. М., 1978.
Османская империя и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.
Sugar P. South-Eastern Europe under Ottoman Rule. 1354–1804. Seattle; L., 1977.
Werner E. Die Geburt einer Grossmacht // Die Osmanen. B., 1978.

РУСЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV – XV веке. ФОРМИРОВАНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

- Горский А.А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
Горский А.Д. Очерки социально-экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960.
Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.
Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991.
Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4; М., 1993. Т. 5.
Ключевский В.О. Соч. М., 1988. Т. 2.
Кобрин В.Б. Власть и собственность в России (XV–XVI вв.). М., 1985.
Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и освоение центра. Л., 1929.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2.
Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.
Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В XIV–XV веках

- Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001.
Грабеньский В. История польского народа. Минск, 2006 (1-е изд. СПб., 1910).

- Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005.
 История Венгрии. М., 1971. Т. 1.
 История культур славянских народов. М., 2003. Т. I: Древность и Средневековье.
 Контилер Л. История Венгрии. М., 2002.
 Краткая история Чехословакии. М., 1988.
 Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.
 Gieysztor A., Kieniewicz S., Rostworowski E., Tazbir J., Wereszycki H. History of Poland. W-wa, 1971.
 Györffy G. Wirtschaft und Gesellschaft der Ungarn um die Jahrtausendwende. Wien; Köln; Graz, 1983.
 Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1968–1985. Т. I–VI.
 Pánek J., Tůma O. et. al. A History of the Czech Lands. Prague, 2009.
 Přemyslovci. Budování českého státu / Ed. Sommer P., Třeštík D., Žemlička J. Praha, 2009.
 Seibt F. Karl IV. Ein Kaiser in Europa 1346 bis 1378. München, 1994.
 Šmahel F. Husitská revoluce. Praha, 1993. Sv. 1–4.
 Spěváček J. Karel IV. Život a dílo (1316–1378). Praha, 1980.
 Szczur S. Historia Polski. Średniowiecze. Kraków, 2002.
 Velké dějiny zemí Koruny české. Praha; Litomyšl, 1999–2009. Sv. I–VI.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

- Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М., 1995.
 Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.
 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVII вв. М., 1988. Т. 1–3.
 Гарэн Э. Проблемы Итальянского Возрождения. М., 1986.
 Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.
 Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего средневековья. М., 2010.
 Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. М., 1980.
 Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIV–XV вв. М., 1989.
 Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002.

ЧЕРНАЯ АФРИКА НАКАНУНЕ ПРИХОДА ЕВРОПЕЙЦЕВ

- Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин. М., 2001.
 Львова Э.С. История Африки в лицах. Биографические очерки. М., 2002. Вып. 1: Африка в доколониальную эпоху.
 Маке Ж. Цивилизации Африки Южнее Сахары. М., 1974.
 Народы Азии и Африки / Институт Африки. М., 1980. Вып. 1–3.
 Никитин М.Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов, 2005.
 Hunwick J.O. Timbuktu and the Songhay Empire: Al-Sa'di's Ta'rikh Al-sudan Down to 1613 and other Contemporary Documents. Leiden, 2003.

Vansina J. A Comparison of African Kingdoms // Africa: Journal of the International African Institute. 1962.

Turchin P., Adams J.M., Hall Th.D. East-West Orientation of Historical Empires and Modern States // Journal of World-Systems Research. 2006. Vol. XII, N II.

АМЕРИКА: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ (до начала XVI века)

Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.

Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.

Баглай В. Е. Империя ацтеков. Таинственные ритуалы древних. М., 2005.

Сустель Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания. М., 2003.

Хаген В.В. фон. Инкское государство. М., 2002.

Aimi A. Mayas y aztecas (los diccionarios de las civilizaciones). Madrid, 2009.

Aimi A. La verdadera vicion de los vencidos: la conquista de Mexico en las Fuentes Aztecas. Alicante, 2009.

Bauer B.S. Ancient Cuzco: Heartland of the Inca. Austin, 2004.

Betanzos J. de. Narrative of the Incas. Austin 1996.

Berdan E.E. The Aztecs of Central Mexico: An Imperial Society: 2nd ed. Thomson-Wadsworth, Belmont (C.A.), 2005.

Bueno Bravo I. Guerra en el Imperio Azteca: Expansion, ideologia y arte. Barcelona, 2010.

Cobo B. Inca Religion and Customs. Austin, 1990.

Crespo E.D. Continuidades medievales en la conquista de America. Navarra, 2010.

Los aztecas: Enciclopedia del arte. Madrid, 2010.

Lucena M. Vida cotidiana: Asivivian los aztecas. Madrid, 2010.

Perez Lopez-Portillo R. Los mayas: historia de un pueblo indomito. Madrid, 2007.

Perez Regueira J.L. Las huellasdel conquistador. Barcelona, 2008.

MacQuarrie K. The Last Days of the Incas. N.Y., 2007.

Macquarrie K. Los ultimos dias de los Incas: La impactante historia de la Destruccion de una civilizacion. Madrid, 2010.

Macueco Baranda T Diccionario del Nuevo Mundo: Todos los conquistadores. Valladolid, 2006.

Mitos y literature maya. Madrid, 2007.

Mitos y literature azteca. Madrid, 2008.

Rivera Dorado M. El pensamiento religioso de los antiguos mayas. Madrid, 2006.

Smith M.E. Aztec City-State Capitals. Gainesville, 2008.

Stirling S. Francisco Pizarro, conquistador de los incas. Madrid, 2007.

Vallejo Garcia-Hevia J.M. Juicio a un conquistador Pedro de Alvarado: 2 vol. Madrid, 2008.

Vicion de los vencidos: relaciones indigenas de la conquista. Madrid, 2010.

ЕВРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Броди Р. Гаоны Вавилонии и формирование еврейской средневековой культуры / Пер. с англ. Г. Зелениной. М.; Иерусалим, 2005.

Дубнов С. История евреев в Европе: в 4-х т. М.; Иерусалим, 2003. Т. 1–2.

Стоу К. Отчужденное меньшинство. Евреи в средневековой христианской Европе / Пер. с англ. Г. Зелениной. М.; Иерусалим, 2007.

Трахтенберг Дж. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом / Пер. с англ. В. Рынкевича. М.; Иерусалим, 1998.

Abulafia A.S. Christians and Jews in the Twelfth-Century Renaissance. L.; N.Y., 1995.

Assis Y.T. The Golden Age of Aragonese Jewry: Community and Society in the Crown of Aragon, 1213–1327. L.; Portland, 1997.

Baer Y. A History of the Jews in Christian Spain: 2 vols. Philadelphia, 1961–1966.

Baron S.W. A Social and Religious History of the Jews: 17 vols. N.Y., 1952–1980.

Ben-Sasson H.H. Toldotam Yisraelbimey ha-beynayim. Tel-Aviv, 1969.

Chazan R. Medieval Jewry in Northern France: A Political and Social History. Baltimore, 1973.

Chazan R. In the Year 1096: The First Crusade and the Jews. N.Y., 1997.

Cohen J. Living Letters of the Law: Ideas of the Jew in Medieval Christianity. Berkeley, 1999.

Dahan G. The Christian Polemic against the Jews in the Middle Ages. Notre Dame, 1998.

Finkelstein L. Jewish Self-Government in the Middle Ages. N.Y., 1924.

Goitein S.D. A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza: 6 vols. Berkeley, 1967–1993.

Prawer J. The History of the Jews in the Latin Kingdom of Jerusalem. Oxford; N.Y., 1988.

Synan E.A. The Popes and the Jews in the Middle Ages. N.Y., 1965.

Yuval I.Y. Two Nations in Your Womb. Perceptions of Jews and Christians in Late Antiquity and the Middle Ages. Berkeley, 2006.

СПИСОК ИЗДАНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДЛЯ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Агибалова Е.В., Донской Г.М. История средних веков: Учебн. 6 класса для общеобразовательных учреждений. М., 2011.

Алпатов М.В. Всеобщая история искусств. М.; Л., 1948–1955. Т. 1–3.

Алпатов М.В. Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Т. 1–2.

Большая советская энциклопедия: 1-е изд. М., 1936. Т. 32. С. 770–783 (ст. «Китайское искусство»); М., 1931. Т. 65. С. 736–751 (ст. «Японское искусство»).

Всемирная история / Под ред. Н.А. Сидоровой, Н.И. Конрада, И.П. Петрушевского, Л.В. Черепнина. М., 1957. Т. 3.

Муравьев А.В. Палеография: Сборник снимков с русского письма XI–XVIII вв. М., 1963.

- Аббасиды, арабская династия 170, 176, 213, 224, 238, 242, 243, 244–253, 254, 257–258, 352, 353, 355, 486, 487, 581, 824, 825, 826
- Абеляр, Пьер 460, 461–464, 832
- Абд ал-Малик 238–240
- Аб ал-Мутталиб 220
- Абу Али Хасан Туси (Низам ал-Мулк), вазир сельджукских султанов 353–354
- Абу Бакр, арабский халиф 115, 220, 223, 224, 235, 822
- Абу-л-Аббас 244
- Абу Талиб 220, 232–233
- Абэ, японский род 310, 318, 829
- Августин, блаженный 21, 42, 48, 155–156, 181, 431, 468, 532, 578
- Агафий Миринеийский, византийский историк 139
- Агуда, вождь подвластных Ляо племен чжурчженей 335
- Адальберт (Войцех), пражский епископ 417
- Адемар из Пуи, папский легат, крестоносец 472
- Адриан, император 805
- Адриан I, папа римский 169
- Адриан IV, папа римский 445
- Акакий, патриарх Константинополя 125
- Ал-Валид 223
- Ал-Мансур 247, 248
- Ал-Муслим 245
- Ала ад-Дин (он же Али Гуршаси) султан Дели 593–595, 596–597
- Ала ад-Дин I, гуридский султан 355
- Ала ад-Дин Ата-Малик Джувейни, монгольский государственный деятель и историк 357
- Александр II, папа римский 437, 439, 829
- Александр III, папа римский (Ролландо Бандинелли) 439–440, 446, 451, 461, 833
- Александр IV, папа римский 531
- Александр Михайлович Тверской 560
- Александр Невский 552–554, 557, 558, 836
- Александр Македонский 55
- Алексей I Комнин, византийский император 364–365, 468, 472, 584, 830, 831
- Алексей III Ангел, византийский император 367–368, 834
- Алексей IV Ангел, византийский император 478, 834.
- Алексей V Мурзуфл, византийский император 368, 478
- Алексей и Давид Великие Комнины, трапезундские императоры 570, 571, 834
- Алексей Стратигопул 574
- Алексей Апокавк 575
- Али, арабский халиф 220, 223, 232–235, 237, 257, 822
- Алиенора Аквитанская 449, 450–451, 538, 831,
- ал-Каим, халиф
- Алкуин 181, 182,
- ал-Мустади, багдадский халиф 356, 833,
- ал-Мустанджид, багдадский халиф 356, 833
- ал-Мустаршид, багдадский халиф 356, 831
- ал-Мухтар 237, 238, 242
- Алп-Арслан, сын Тутрулбека и сельджукский султан 352, 353, 354, 364, 582,
- Альберт Великий 531
- Аль Идриси, автор «Книги Роджера» 447
- Аль-Камиль, султан 480
- Альфонс Пуатье 482
- Альфонсо I, король Астурии 177
- Альфонсо V, король Арагона, Сицилии и Сардинии 843
- Альфонсо V Великодушный, король Арагона 739, 844, 845
- Альфонсо VI, король Кастилии 426, 427
- Альфонсо VII, король Галисии, Леона и Кастилии 457, 832
- Альфонсо VIII Кастильский 520
- Альфонсо X Мудрый 521, 837
- Альфонсо XI 757
- Альфонсо I Арагонский 452, 831
- Альфред Великий 174, 175, 181, 198, 199, 200, 201, 202, 408
- Аль-Хаким, фатимидский халиф Каира 468, 829
- Аматерасу, японская богиня солнца 306, 309, 314
- Амда Цыйон, правитель Эфиопии 764, 767, 769
- Амр ибн ал-Ас 223, 226, 228, 233
- Анагуй, каган Северной Вэй 81, 821

- Ан-Насир, багдадский халиф 356, 833
 Анаклет II, антипапа 447
 Анахид, богиня 106
 Андрей Юрьевич Боголюбский, князь 389–390, 831
 Анна Комнина 369
 Ансельм Кентерберийский, архиепископ 438, 531, 578
 Ань Лушань 277, 291–292, 487, 824
 Ар-Рашид Харун, багдадский халиф 247–249, 256, 824
 Аристотель 23, 139, 156, 215, 370, 438, 460, 531, 579, 729, 818
 Арнольд, папский легат во время крестового похода против альбигойцев 533
 Арнульф, германский император 403
 Арпады, род 403, 404, 405, 720
 Арп-Арслан, султан Сельджуков 352, 353, 354, 364, 582, 829
 Арслан Аргун, правитель Хорасана, из Сельджукидов 354, 830
 Арташир (Артаксеркс), основатель династии Сасанидов 106–107, 819
 Артур, герцог Бретонский 539
 Артур, легендарный король 47, 195
 Арциховский А.В. 396
 Аршакиды, парфянская династия 106, 107, 109, 819
 Аскольд 375, 376, 504
 Атауальпа, правитель инков 800
 Аттила, предводитель гуннов 79, 820
 Афанасий Великий 137, 138, 139
 Афанасий Никитин 677, 709, 810, 846
 Афонсу Энрикеш, король Португалии 452
 Афонсу V, король Португалии 759, 760, 763
 Ахмат, хан Золотой Орды 705, 707, 847
 Аэций, римский полководец 79
 Батый (Бату) 394, 550–553, 561, 622, 814, 836
 Бекет, Томас 449, 451, 454, 463, 833
 Бела IV, венгерский король 405, 814, 836
 Бенедикт VIII, папа римский 434
 Бенедикт XI, папа римский 535
 Бенедикт XIII, папа римский 740
 Бенедикт Нурсийский 154, 215, 429
 Беркйарук, сельджукский правитель 830
 Бернард VII д'Арманьяк 749
 Бернард Клервоский 438, 461, 463, 464, 475, 476
 Бильге-каган, тюркский правитель 276, 494, 823
 Биргер, шведский ярл, отец короля Вальдемара 545
 Бланка Кастильская, королева и регентша Франции 534
 Блок, Марк 30, 848
 Бодуэн IV 476
 Бодуэн V, граф Фландрии 433
 Бодуэн Бульонский 469, 472
 Бодуэн Эдесский, правитель Иерусалимского королевства 473
 Болеслав I, чешский князь 400, 401, 402, 402, 417, 827, 828
 Болеслав II Смелый, польский король 402, 829, 830
 Болеслав III Кривоустый, польский король 402, 831
 Бонаventura 528, 529, 531,
 Бонифаций, «апостол Германии» 166, 167, 169, 429
 Бонифаций VIII, папа римский 534, 535, 838
 Бонифаций Монферратский, крестоносец 367, 478, 565
 Боняк, половецкий хан 344, 347
 Босх, Иероним 747
 Бозмунд Тарентский 365, 472, 831
 Брейдель, Ян
 Брюс, Роберт, шотландский король 544, 839
 Бувайхиды, 258, 349, 352, 826
 Буриды, династия в Дамаске 354, 831
 Бурхад Вормсский 24
 Бэй, династия в Северном Китае 94, 820
 Бэкон, Роджер 528
 Валуа, династия 537, 538, 752,
 Вальдемар, король Швеции 545, 837
 Вальдемар I Великий, 411
 Вальдемар II, король Дании 412, 545, 834
 Вальдемар IV Аттердаг, король Дании 546, 760, 840
 Ван Артевельде Якоб 753
 Ван Гон, корейский полководец (ван Тхэджо) 338, 339, 341, 826
 Ван Лунь, предводитель восставших в Шаньдуне
 Вань Аньши, китайский чиновник, преобразователь 328–329, 829
 Варда Склир, византийский военачальник 380,
 Варда Фока 365
 Василиск, византийский полководец 124
 Василий II Болгаробойца, византийский император 192, 364, 365, 382,
 Василий II, московский князь 844
 Василий Великий 120
 Василий Ярославович Костромской 557
 Вацлав, св., чешский князь 400, 714, 835
 Вацлав II, чешский король 401, 403, 838,
 Вацлав IV 716, 738, 761, 842
 Вебер, Макс 66, 486,
 Велес 381, 394,
 Вельфы, род 444, 446, 516,
 Веттины, германский род 744, 844

- Виллардуэн, Жоффруа 483
 Вильгельм (Гийом) Аквитанский, герцог, основатель монастыря Ключи 429
 Вильгельм I Завоеватель, король Англии, герцог Нормандии 29, 434, 433, 442 437, 447–448, 453, 829
 Вильгельм Сент-Амурский 531
 Вильгельм II Рыжий, король Англии 448, 830
 Витри де, Жак 483
 Владимир Мономах, князь 348, 385–386, 387, 390, 391,
 Владимир Святославич, князь 281, 344, 365, 379, 381–382, 502
 Владимир Ярославич 385
 Владислав, король Венгрии 720
 Владислав II, чешский князь 401
 Владислав Локеток, король Польши 403, 546
 Войтех, св., пражский епископ 401
 Войцех-Адальберт, пражский епископ см. Адальберт
 Восточная Цзинь, династия в Китае 87–88, 90, 91–94
 Вратислав II, чешский князь 401, 830
 Всеволод Юрьевич Большое Гнездо 389, 556, 833
 Всеволод Ярославич 347, 385
 Всеслав Брячиславич 393
 Вэй Цзыпин, китайский сановник 337
 Вячеслав Ярославич 385

 Газневиды, династия 261, 349, 353, 581, 598, 827
 Гао-цзун, китайский император 288
 Гарольд II, король Англии 437, 829
 Гелазий I, папа римский
 Генрих I Боклерк, английский король 437, 448, 449, 454, 831
 Генрих I, французский король 828
 Генрих I Птицелов, саксонский 415–416
 Генрих II, саксонский, император 418, 434
 Генрих II Плантагенет, король Англии 22, 30, 449–450, 451, 477, 538, 541, 832
 Генрих III, саксонский, император 418, 435, 829
 Генрих III, король Англии 539, 542, 543, 835
 Генрих IV, германский император 418, 435, 436, 829
 Генрих IV, английский король 753, 843
 Генрих V, английский король 749
 Генрих V, германский император 450, 462, 831
 Генрих VI, германский император 446, 478, 516, 834
 Генрих VI, английский король 754, 755
 Генрих VII, германский император 521, 535
 Генрих VII Тюдор, английский король 756, 847
 Генрих Фландрский 368
 Гийом Адан 765
 Гийом де Ногаре 534, 535
 Гийом де Рубрук 528
 Гийом Дюфай 747
 Гийом Тирский 483
 Гинкмар Реймский 168, 182, 183
 Глэнвилль 459
 Гогенцоллерны, германский род 744
 Годайго, японский император 607
 Гонт Джон 756, 758
 Госандзэ, японский император 318–319
 Госиракава, японский император 318
 Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, король Иерусалимского королевства 469, 472, 473, 481
 Грациан, римский император 119
 Грациан 438, 460, 461
 Григорий I Великий, папа римский 47, 153, 156, 181, 201, 211
 Григорий II, папа римский 206
 Григорий IV 175
 Григорий VII (Гильдебранд), папа римский 435, 437, 439, 442, 515
 Григорий IX, папа римский 481, 516, 532
 Григорий XI, папа римский 740, 842
 Григорий Богослов 120
 Григорий Нисский 120, 137–138
 Григорий Палама 578, 579
 Григорий Турский 35, 43, 149, 153
 Гуго Капет 419–430
 Григорий Пресвитер 192
 Григорий Хиониад 579
 Гуго Сен-Викторский 465
 Гусман, Доминик, основатель ордена доминиканцев 529

 Давид IV Строитель, грузинский царь 355, 830
 Даимберт, архиепископ Пизы, латинский патриарх Иерусалима 473
 Дайго, японский император 317, 607, 825
 Дамиани, Петр 435, 461
 Даниил Галицкий 394, 552–553, 836
 Даниил Московский 557–558
 Данишмандиды, династия эмиров в Севастии 356, 357
 Данкельды, шотландская династия 544
 Данте Алигьери 512, 522, 526, 528, 535, 729, 814
 Делян, Петр 365, 828
 Джебе 348
 Джованна, королева Сицилийского королевства 520, 739
 Джованни Пизано 526
 Джованни Понтано 739

Джучи 496, 550, 552, 613, 615, 618, 627, 629, 643
Диас де Бивар, Родриго (Сид Воитель) 426–428
Дионисий Ареопагит 138, 464
Дир 375, 376
Дмитрий Шемяка 703, 846
Добромир 830
Дольчино 514, 547, 839
Дуки, византийский род 368, 567, 568, 835
Дюбуа, Пьер, законник-легист 534
Дюгеклен, коннетабль Франции 748, 758

Евсевий Кесарийский 117, 139
Евстратий Никейский 370
Елюй, клан киданей 302, 497, 498
Елюй Абаоцзы, вождь киданьской конфедерации восьми племен 620

Жан Минь, см. Ши Минь 90
Жанна, королева Наварры и Франции 536
Жанна д'Арк 750
Жень-цзун, китайский император 326, 828
Жоан II, португальский король 847

Зальц фон, Генрих, великий магистр Тевтонского ордена 480
Зангиды, династия в Мосуле 354, 832
Зара-Якоб, негус Эфиопии 764–768
Зенги, атабек Мосула 832

Ибелин де Балин, рыцарь-крестоносец 476
Ибн Батутта 770, 771, 812
Ибн Халдун 276, 626, 770, 812, 813, 840
Ибн Рушд (Аверроэс) 532
Иван II, московский князь 696, 841
Иван III, московский князь 12, 689, 701, 704–708, 709, 712, 846
Иван Калита 560, 561, 696
Иво Шартрский 436, 438,
Игорь, князь 376, 378, 379, 380, 826
Игорь Святославич, князь 348, 389, 390
Идельгизиды, династия в Иранском Азербайджане 354, 832
Изабелла Французская, жена английского короля Эдуарда II 539
Изабелла Баварская 749
Изабелла Кастильская, испанская королева 759–760
Изяслав Владимирович (сын Рогнеды) 387, 393
Изяслав Ярославич 383–385
Иларион, киевский митрополит 383, 395, 829
Ильханы, монгольская династия 497, 587, 589, 632, 837
Ингигерд (Ирина), жена Ярослава 384

Инглинги, королевский род Швеции 410, 503, 504
Иннокентий III (Лотарио Конти), папа римский 47, 440, 461, 478, 480, 515, 516, 527, 528, 533, 542
Иннокентий VIII, папа римский 742, 847
Иоанн Безземельный, король Англии 450, 451, 538, 541–543
Иоанн I Цимисхий, византийский император 380, 416
Иоанн II Вриенский, иерусалимский король 480, 481
Иоанн II Добрый, король Франции 541, 746
Иоанн III Дука Ватац 569
Иоанн VIII, папа римский 468
Иоанн XII, папа римский 416
Иоанн XXII, папа римский 529, 532, 535, 839
Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский 749
Иоанн Грамматик 213, 214, 216
Иоанн Дамаскин 206–208, 215, 243, 370
Иоанн Дунс Скот 528, 531
Иоанн Златоуст 137
Иоанн Итал 370
Иоанн Кассиан 135
Иоанн Кантакузин 575, 576, 580, 636, 830
Иоанн Палеолог 574
Иоанн Солсберийский 461, 463
Иоанн Экзарх 192
Иоанн Эфесский 138
Иоганн (Ян) Люксембург 714
Иоганн Гутенберг 728
Иона, митрополит Всея Руси
Иордан 78, 185
Иржи из Подебрад, король Чехии 720, 721, 846
Ираклий, византийский император 114, 134, 135, 193, 223–226, 467
Ирина, византийская императрица 169, 209, 210, 211, 213
Исаак Ангел, византийский император 367
Исаак II Ангел, византийский император 477, 478
Исавры, династия в Византии 205, 486, 487
Иштван I Святой, венгерский король 404, 417

Йазид 235–237
Йездигерд III 114, 115, 225, 228

Казимир III Великий, король Польши 546, 638, 715
Казимир IV Ягеллончик, король Польши и Литвы 705, 711, 720, 845
Кай-Хусрав II, сельджукский султан 357
Каликст II, папа римский 436, 831
Капетинги, династия 174, 420, 450, 463, 534, 538, 827
Караханиды, династия 352

- Карл Анжуйский, сицилийский король 482, 519, 534
- Карл Великий 12, 24, 82, 165, 168–171, 174, 177, 180, 182, 183, 202, 210, 248, 414, 416, 446,
- Карл Злой, король Наварры 541
- Карл Мартелл 26, 165–167, 176, 240, 429
- Карл II Лысый, король Западно-Франкского королевства 171, 175, 183, 418, 419
- Карл Простоватый, король Западно-Франкского королевства 408, 416, 418
- Карл IV, король Франции 538, 539
- Карл IV Люксембург, германский император 522, 534, 714–715, 743, 840, 841
- Карл V, король Франции 541, 748,
- Карл VII, король Франции 741, 749, 750–751, 756, 844
- Карл VIII, король Франции 752
- Карл Смелый 745, 746, 751
- Кёр, Жак, суперинтендант 751
- Киёхара, японский род 318
- Кируларий, византийский патриарх 366
- Кий 375
- Ким Бусик, корейский полководец 340
- Клари де, Робер 483
- Климент I, папа римский 189, 371
- Климент II (Суитгер), папа римский 434
- Климент IV, папа римский 482, 543,
- Климент V, папа римский 535
- Климент VI, папа римский 522, 535, 547, 637, 638, 639, 641
- Климент VII, антипапа римский 740
- Климент Александрийский 118
- Климент Охридский 192
- Климент Смолятич, киевский митрополит 388
- Кнут Великий, конунг, король Англии, Дании и Норвегии 409, 411, 828
- Кола да Риенцо 525
- Комнины, династия в Византии 358, 364, 367, 487, 488, 567, 569, 570
- Конинк, Петер 537
- Конрад I, германский король 415, 826
- Конрад II (салическая династия) 418, 828
- Конрад III, германский император 445, 475, 832
- Конрад IV 519, 521, 836
- Конрад Мазовецкий, польский князь 402, 546
- Конрад Мегенбергский 43
- Константин Великий, византийский император 116, 117, 118, 134, 182, 417
- Константин IV 238,
- Константин V Копроним 208–209, 240
- Константин VI 209, 210, 212
- Константин VII Багрянородный, византийский император 193, 194, 343, 368, 369, 374
- Константин IX Мономах, византийский император 369, 385
- Константин XI Палеолог, византийский император 845
- Константин XII Палеолог 577
- Константин (Кирилл) Философ 189
- Кончак, половецкий вождь 347, 389, 390, 559
- Кукай, основатель буддийской школы Сингон в Японии 321
- Куря, печенежский вождь 344
- Кучкин В.А. 388, 864
- Кэд Джек 754, 845
- Кылыч-Арслан, никейский султан 472
- Кылыч-Арслан I, сельджукский султан 357, 831
- Кылыч-Арслан II, сельджукский султан 357, 832
- Ласло I, венгерский король 404, 830
- Лев I, византийский император 123–124
- Лев III, папа римский 169
- Лев III Исавр, византийский император 167, 205, 207, 486
- Лев IV, византийский император 209
- Лев IV, папа римский 175, 211
- Лев V Армянин 212–213, 215
- Лев VI Мудрый, византийский император 137, 362, 489
- Лев VI, папа римский 366
- Лев IX, папа римский 434–435, 437
- Лев Дьякон, византийский историк и мыслитель 370, 380, 826
- Лев Математик 369
- Ле Гофф Ж. 8, 482, 848, 863
- Ли Джагём, корейский военный аристократ 340
- Ллевелин, валлийский принц 544
- Лоди, династия в делийском султанате 676–677, 846
- Лоренцо Медичи, правитель во Флоренции 736–737, 845
- Лоренцо Валла 739
- Лотарь I 171, 418, 825
- Лотарь II 183
- Лу Сюнь, вождь восстания в Восточной Цзинь 93
- Лузиньян де, Ги, иерусалимский король 476, 477, 564,
- Лю Бэй, военачальник, правитель Сычуани (Китай) 84, 651
- Лю Юань, объединил всех сюнну и цзе, великий шаньюй 86, 87, 819

Лю Юй, военачальник в Восточной Цзинь, император, основатель династии Сун 93–94, 820
 Лю Яо, полководец, сподвижник Лю Юаня, основатель династии Чжао 87–89
 Людвиг IV Баварский 522, 535
 Людовик Благочестивый, император 170–171, 182, 183
 Людовик Дитя 911
 Людовик немецкий 171, 183, 187
 Людовик II Толстый
 Людовик VI Толстый, король Франции 450, 455, 463, 831
 Людовик VII, король Франции 366, 450–451, 475, 476,
 Людовик VIII, король Франции 533
 Людовик IX Святой, король Франции 59, 455, 481, 482, 519, 528, 534, 539
 Людовик X Сварливый, король Франции
 Людовик XI 743, 751
 Людовик, герцог Баварский, крестоносец 480
 Людольфинги, саксонская династия 416
 Маврикий, византийский император 133
 Магнус I Олафсон Добрый, король Норвегии 409, 828
 Магнус VI Хоконсон, король Норвегии 412, 545, 837
 Магнус Эрикссон, король Швеции и Норвегии 412
 Максимилиан I Габсбург, германский император 745, 747, 752, 847
 Маликшах I, сельджукский султан 354, 829
 Мануил I Комнин, византийский император 357, 366, 370, 475, 832
 Мануил Мосхопул 578
 Марван ибн ал-Хакан 229
 Марван I 238, 240
 Марван II, халиф 241, 243, 244, 280
 Маргарита Анжуйская 754, 755
 Маргарита Наваррская, жена французского короля Людовика X 537
 Мария Антиохийская, жена византийского императора 366
 Мария Бургундская 745, 746, 747, 752, 847
 Марсилиус Падуанский 512, 522, 529
 Масуд ибн Махмуд, газневидский эмир 349, 828
 Матильда, дочь английского короля Генриха I 449
 Матяш Корвин, венгерский король 720–721, 846
 Махмуд Газневи 259, 261, 349
 Махмуд I, сельджукский правитель 354
 Махмуд II, султан Иракского султаната 355
 Махмуд Кашгарский 349
 Мейендорф И. 370
 Менандр Протектор 114, 372

Менгли-Гирей, крымский хан 688, 689, 705, 707, 847
 Меровинги 150, 164, 182
 Мефодий, св. 189–190, 192, 214, 395, 400
 Мехмед II, османский султан 577, 694, 695, 721, 846
 Мешко I, польский князь 402
 Мин, китайская династия 600, 601, 631, 642, 645–646, 648, 650, 654, 656, 658, 666
 Мин Ди, китайский принц 819
 Минамото, японский феодальный дом 604–605, 608, 610, 833
 Минамото-но Ёриёси, японский военачальник 318
 Минамото-но Ёритомо, руководитель восстания против дома Тайра 318
 Минамото-но Ёсиизэ, японский военачальник 318
 Михаил I, византийский император 212
 Михаил I Ангел, епирский деспот 569, 834
 Михаил II Ангел, епирский деспот, 570, 835
 Михаил II Феофил 213
 Михаил V Калафат, византийским император 365
 Михаил VIII Палеолог 569, 573, 574–575
 Михаил Глика 370
 Михаил Пселл 369, 370
 Михаил Кируларий, константинопольский патриарх см. Кируларий, Михаил
 Михаил Александрович Тверской 697–698
 Михаил Ярославич Тверской 558–559, 577
 Модэ, древний шаньюй 88
 Мокошь 381
 Молэ де, Жак, гроссмейстер тамплиеров 536, 839
 Монфор де, Симон, V граф Лестер 533
 Монфор де, Симон, VI граф Лестер 543, 837
 Мстислав Великий 386, 387, 391, 830
 Мстислав Владимирович, князь Тмуторока-ни 383, 828
 Мстислав Изяславич 388
 Муавия ибн Аби Суфьян I, арабский халиф 228, 229, 232–235, 239
 Муавия II 236
 Мурасаки-сикibu, японская писательница и поэтесса 320
 Мухаммад I, сельджукский правитель 354
 Мухаммад II, иракский султан 356
 Мухаммад II, хорезмшах 834
 Мухаммед Эмин, казанский хан 707, 847
 Мухаммед, пророк ислама 161, 219–223, 227, 229, 232, 234
 Насир ад-Дин Йахья ибн Мухаммад (Ибн Биби, Ибн ал-Биби), эмир, хронист 353
 Невилл Ричард, граф Уорвик 754, 755
 Никифор I, византийский император 211

Никифор II Фока, византийский император 380
 Никифор III Вотаниат, византийский император 364, 582, 830
 Никифор, константинопольский патриарх 216
 Никифор Григора, византийский историк 564, 576, 578, 580, 635
 Николай I, папа римский 183
 Николай II, папа римский 435
 Николай V, папа римский 742
 Николай Кузанский 744
 Николай Мирепс, византийский врач 579
 Нинтоку, японский император 819
 Ногаре де, Гийом, законник-легист см. Гийом де Ногаре
 Нур ад-Дин 476
 Одо, аббат-реформатор из Клюни (ум. 942 г.) 430
 Одоакр 125, 142
 Оккам, Уильям 522, 528, 529, 531
 Олав Святой (Харальдссон), правитель Норвегии 408, 409, 411
 Олав Спокойный 411
 Олав Шётконунг, первый правитель Швеции 827
 Олег 376, 378, 379, 380
 Ольга, княгиня 378–379, 386
 Оотомо, японский род 310
 Омар I ибн аль-Хаттаб, арабский халиф 225, 228, 805, 822
 Омар II, арабский халиф 241
 Осман 228, 229, 232, 233, 252, 822
 Отвили, сицилийская династия 421
 Отвиль де, Танкред 421, 426, 428, 433, 447
 Оттон I, германский император 416, 827
 Оттон II, германский император 416, 827
 Оттон III, германский император 417, 445, 827
 Оттон IV, германский император 480, 516, 539
 Оттон Фрейзингский 446
 Оттон де ла Рош, герцог Афинский 834
 Павел II, папа римский 721, 846
 Павел Диякон 181
 Павел Орозий 181, 202
 Павел Силентиарий 139
 Пасхалий III, антипапа 446, 831
 Пачоли, Лука 725
 Педро I Жестокий, кастильский король 757, 758, 841
 Педро (Пере) II Арагонский 533
 Педро (Пере) III Арагонский 539, 836
 Педро (Пере) IV Арагонский 757
 Петрарка Фр. 526
 Петр Веронский, инквизитор 532
 Петр Дамиани, епископ и теолог 435, 461

Петр Пустынный, проповедник
 Пий II, папа римский 742
 Пипин Геристальский 165
 Пипин Короткий 165, 167–168, 169, 170, 183
 Плантагенеты, династия 450, 756
 Поло, Марко 11, 547, 642, 643, 662
 Прокопий Кесарийский 132, 185, 372
 Пршемысл Отакар II, король Чехии 401
 Пршемыслав II, король Польши 546
 Пршемысловцы, династия в Чехии 401
 Пселл, Михаил см. Михаил Пселл
 Пясты, династия 402
 Раймонд VI, граф Тулузы 533
 Раймонд VII, граф Тулузы 533
 Раймонд Монферратский 366
 Раймунд Сен-Жильский, граф Тулузы (граф Триполитанский?) 472, 473, 476
 Рамон Беренгер I, граф Барселоны 828
 Рашид ад-Дин 349
 Рено Шатильонский, крестоносец 476
 Ридфор де, Жерар, великий магистр тамплиеров 476
 Ричард I Львиное Сердце, король Англии 446, 450, 451, 455, 477, 538, 564
 Ричард II, король Англии 753, 754
 Ричард III Плантагенет, король Англии 756
 Робер Гвискар, норманнский правитель 421, 436, 472
 Роберт Анжуйский, король Сицилийского королевства 520, 535
 Роберт Артуа, граф 481, 537
 Роберт Благочестивый, правитель из Капетингов 432
 Роберт Нормандский, крестоносец 472
 Рогнеда 382, 387, 392
 Рожер II Сицилийский (из династии Отвилей) 447, 454
 Роллон, вождь норманнов, граф Руанский 408, 419
 Роман IV Диоген, византийский император 352, 364, 582
 Роман Мстиславич 393, 394
 Роман Сладкопевец 139
 Рубениды, правящая династия в Киликийском армянском княжестве 352
 Рудольф I Габсбург, германский император 401, 521
 Рудольф II, бургундский король 174, 825
 Юрик 374, 375, 376, 381
 Савонарола 729
 Сайтё, основатель буддийской школы Тэндай в Японии 321
 Салах ад-Дин, полководец, правитель Сирии и Египта 476–477
 Салгуриды, правящая династия в Фарсе 354
 Салимбене 42

Салическая династия (династия Салиев), саксонский королевский дом 418, 436, 444
 Салман ибн Рабийя 228
 Саманиды 249, 258, 353, 825
 Санджар, правитель Хорасанского султаната 354–355
 Санчо II, леоно-кастильский король 426
 Святослав Владимирович (Ярославич?) 385, 389
 Святослав Игоревич, князь 192, 379, 343–344, 380–381
 Сейфув, правитель Борну 842
 Сельджук ибн Тугак 349
 Сивилла, сестра Бодуэна IV 476
 Сигизмунд Тирольский 746, 762, 846
 Сигизмунд Люксембург 716, 718, 719–720, 740, 744, 745, 847
 Сильвестр II, папа римский 417
 Симаргл 381
 Симеон Гордый 636
 Симеон Новый Богослов 370
 Симеон, болгарский царь 192, 194
 Симеон Сиф 370
 Сирикава, японский император 318
 Скотт, Дунс см. Иоанн Дунс Скотт
 Скъёлдунги, королевский род Дании 503
 Стефан II, папа римский 168
 Стефан IX (Фридрих Льежский), папа римский 435
 Стефан Блуасский, король Англии 449, 472
 Стефаний Пермский 709
 Стрибог 394
 Суань-цзун, китайский император 486
 Субэдей 348, 814
 Сугавара-но Митидзанэ, японский ученый и государственный деятель 320
 Сугерий, аббат Сен-Дени 463–466
 Суй, династия в Китае 84, 97, 273, 282, 299, 492
 Сулайман ибн Куталмыш, эмир Никеи 354, 356, 582, 583, 584
 Сун, династия императоров Восточной Цзинь 84, 94, 97, 266, 324–330
 Сун Цзян, вождь восставших в Хэбэе 336
 Сунь Цюань, военачальник, правитель области к югу от Янцзы (Китай) 84
 Сунь Эн, вождь восстания в Восточной Цзинь 93
 Сутоку, японский император 318
 Сыма, род, захвативший власть в государстве Вэй 85, 87, 94
 Сыма Гуан, китайский историк 329
 Сыма Жуй, правитель южного Китая, император династии Восточная Цзинь 87
 Сыма Цянь 73–74

Сыма Янь, полководец, реформатор, родоначальник империи Цзинь в Китае 85–86
 Сэй-сёнагон, родоначальница жанра эссе *дзуйхицу* (яп. «вслед за кистью») 320–321
 Тадзихи, японский род 310
 Тайра, японский феодальный дом 317–319
 Тайра-но Киёмори, глава дома Тайра 318
 Тайра-но Масакадо, руководитель антиправительственного выступления в Японии 317
 Тайра-но Садамори, военачальник правительственных сил 317
 Тай-Цзу, китайский император 324
 Тай-цзун 283, 288
 Такакура, японский император 318
 Талха 232, 233
 Тарик ибн Зийад 240
 Текиш, хорезмшах 356
 Теодорос Рштуни, правитель Армении 225, 228
 Тертуллиан 118
 Тоба, японский император 318
 Тоба Гуй, император Северной Вэй 94
 Тоба Тао 95–96, 104
 Тоба Хун 96–98
 Тогрул III, сельджукский султан 356
 Томпсон Э.П. 459
 Торос, армянский правитель Эдессы 472
 Травл, полководец восстания павликиан и богомилов в союзе с печенегами см. Михаил
 Тубер, Пьер 424
 Тугоркан, половецкий хан 344
 Тугрилбек, сельджукский султан 349
 Туран-шах, египетский султан 481
 Тутуш, эмир Сирии и Палестины 354
 Тхэджо, корейский ван 338, 339, 602
 У-Цзун, китайский император 825
 Уайна Капак, правитель инков 800
 Уда, японский император 317
 Уоллес, Уильям, шотландский рыцарь 544
 Урбан II, папа римский 437, 439, 468, 469
 Успенский Ф.И. 367
 Фатима 233
 Фатимиды 352, 476
 Феликс V, папа римский 741, 845
 Феодор Ласкар, никейский император 567, 568, 571
 Феодор Метохит 578
 Феодор Мелитеонит 579
 Феодор Продром 370
 Федор Студит 211, 215, 216

Феодора, византийская императрица, жена Юстиниана 132
 Феодорит Киррский 139
 Феодосий, византийский император 119–120, 121
 Феодосий Печерский 396
 Феофано, византийская принцесса, жена Оттона II 416
 Феофил, византийский император 213, 214
 Феофилакт Симокатта 139
 Фердинанд Арагонский, испанский король 759
 Фердинанд III Святой 520
 Фернандо I, леоно-кастильский король 426
 Филипп I, правитель из Капетингов 420, 437, 442
 Филипп II Август, король Франции 23, 452, 477, 480, 534, 538, 539
 Филипп III, король Франции 536
 Филипп IV Красивый, король Франции 534, 536, 537, 539
 Филипп V, король Франции 537, 538
 Филипп VI Валуа, король Франции, 538, 541
 Филипп Швабский, германский император 367, 516
 Филиппо Брунеллески 737
 Фока, византийский император 134
 Фолькунги, шведский род 410, 545, 760
 Фома Аквинский 50, 440, 512, 531–532, 578
 Фома Кемпийский 748
 Фома Славянин 212–214, 487
 Фоссье, Робер 424
 Фотий, византийский патриарх 379
 Франциск Ассизский 43, 69, 440, 480, 528, 529
 Франческо Сфорца, правитель Милана 748, 843
 Фридрих I Барбаросса, германский император 445–446, 477, 478
 Фридрих II Гогенштауфен, германский император 480, 481, 516–519, 545
 Фу Цзянь II, правитель из династии Цинь 91
 Фудзивара, род 310, 317
 Фудзивара-но Ёримити, японский регент и канцлер 317
 Фудзивара-но Ёсифуса, регент при малолетнем японском императоре Сэёва 317
 Фудзивара-но Митинага, регент при японском императоре Гоитидзэ 318
 Фудзивара-но Мотоцунэ, японский канцлер 317
 Фудзивара-но Нобуёри, руководитель мятежа в столице 318
 Фудзивара-но Тададзанэ, глава дома Фудзивара 318

Фудзивара-но Хидэсада, руководитель правительственных войск 317

Хадидта, жена пророка Мухаммеда 230
 Хазараспиды, династия в Луристане 354
 Хань, династия в Китае 55, 71, 84, 87
 Харальд Суровый, король Норвегии 829
 Харальд Прекрасноволосый 46, 409, 410, 411
 Харальд Синезубый 409
 Хасан 223, 233, 235, 245
 Хокон IV, король Норвегии 545, 835
 Хорив 375
 Хоригава, японский император 318
 Хорс 381
 Христофор II, король Дании 546
 Христофор Митиленский 370
 Хуан II Арагонский 759, 843
 Хубилай, монгольский хан 11, 496, 599, 606, 619, 620, 622, 629, 630, 642, 643, 656, 657
 Хусейн 223, 233–235, 237, 242
 Хуэй-цзун, китайский император 333

Цао Цао, основатель Вэй 84
 Цинь, династия в Китае (со столицей в Чань-ань) 72, 91

Чагрилбек, сельджукский султан 349
 Чай Жун 324
 Чжань-цзун, китайский император 326
 Чжао, династия, основанная Лю Яо в Китае 88, 90
 Чжао Куанинь, родоначальник династии Сун 324
 Чжен Хэ, китайский мореплаватель 654–657, 660
 Чжоу Дуньшань, философ 327
 Чингисхан 35, 496, 550, 591, 599, 611, 612, 614–618, 619, 621, 627, 643
 Чосер Джеффри, английский поэт 756
 Чхве Чхунхон, корейский правитель 340–341

Шаломон, венгерский король 404
 Шарукан, половецкий вождь 347
 Шатийон, Жак, французский королевский наместник во Фландрии 536
 Ши Лэ, полководец, сподвижник Лю Юаня, правитель восточных областей империи, император государства Поздняя Чжоу 87
 Ши Минь (Жан Минь) 90
 Ши-цзун 337
 Ши Ху, названный брат Ши Лэ 89–90
 Штауфены, род/династия 444, 445, 446, 516, 519, 534
 Шэлунь, объединитель жужаней, каган 81

Шэнь-цзун, китайский император 327–328

Щек 375

Ыйджон, корейский ван 340

Эд (Одон), граф Парижский 419

Эдгар, король Англии 430

Эдуард Исповедник, король Англии 201, 542

Эдуард I, король Англии 59, 539, 543–544

Эдуард II, король Англии 539, 543

Эдуард III, король Англии 538, 540, 541, 544, 640, 753, 754

Эдуард IV, король Англии 751, 755–756

Эдуард Черный Принц 753, 758

Элоиза 463

Эндре II, король Венгрии 405

Энрике II, король Кастилии 758

Энрике IV Бессильный, король Кастилии 759

Эрик V, король Дании 546

Эсэн, ойратский вождь 660

Этьен Марсель 541, 841

Юань, китайская династия 599, 600, 601, 606, 629

Юйчэн, каган жужаней 81

Юрий Долгорукий, князь 388–390

Юстиниан, император Византии 82, 129–133, 140, 142, 148, 190

Юэ Фэй, китайский военачальник 337

Янош Хуньяди 692, 695, 720

Ярополк Владимирович, князь 388

Ярополк Святославович 381, 382

Ярослав Владимирович Осмомысл 393

Ярослав Мудрый, князь 344, 382–385

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Ахен 212, 827
Аббасидов, халифат 170, 213, 244, 258, 486, 487, 824–826
Абруцци 430
Аварский каганат 12, 81, 133, 135, 177, 187, 194, 414, 824
Авиньон 240, 514, 522, 533, 535, 637–639, 735, 740, 842
Аден 654
Адрианополи 119, 141, 567, 576
Адулис 161–162
Азербайджан 106, 113, 135, 225, 247, 349, 354, 582, 627, 632
Азовское море (Меотиды) 345
Аквилея 42, 80
Аквитания 59, 148–149, 156, 165, 174–176, 414, 429, 431, 449, 450, 451, 538, 539, 748, 753
Акра 474, 476–478, 480, 482
Аксум 137, 158–163, 763, 819
Албания 228, 241, 695
Александрия 122, 125, 137–140, 159, 206, 226, 228, 635, 764–765
Алеппо 362, 476
Аль-Андалус 427, 433, 817
Альби 533
Альпы 414, 416, 429, 436
Альта, р. 383
Амальфи 56, 442, 447, 523
Америка 7, 54, 65, 66, 784–786, 790, 800
Амударья, р. 57, 109, 115, 228
Амур, р. 81, 234, 249, 290, 352, 682
Ананьи 535
Анатолия 357, 364, 473, 477, 581, 583–590, 690, 692, 695
Англия 21, 22, 29, 56, 59, 61, 63, 64, 67, 146, 150, 151, 153, 174, 175, 180, 181, 195, 196, 198–202, 407–409, 430, 432–434, 437, 442, 443, 448–452, 454, 456, 457, 459, 477, 499–503, 506, 508, 526, 534, 536, 538, 540–544, 640, 686, 726, 730, 732, 733, 746, 751–753, 755, 756, 760, 807–809
Андалусия 807, 809
Андская область 785, 786, 796, 797, 799, 800
Анды 14, 785, 797
Анжер 420
Анжу 442, 449, 539, 752
Антиохийское княжество 473
Антиохия 107, 114, 130, 136, 137, 140, 206, 213, 238, 355, 362, 472, 474, 477, 582
Апулия 175, 206, 414, 421, 447
Аравия 108, 114, 115, 135, 158, 160, 161, 176, 217–219, 223, 224, 229, 232, 236, 238, 251, 257, 340, 490, 780, 782, 806
Арагон 519, 520, 521, 739, 757–760, 809
Аргентина 799
Аркадиополь 122, 380
Армения 106, 109, 112, 133–136, 208, 225, 228, 238, 240, 243, 247, 352, 356, 364, 365, 585, 623, 632, 763, 764, 820, 821, 822, 829, 837
Арсуф 477
Аскалон 477
Астраханское ханство 688
Астурия 176, 452
Атакама, пустыня 797
Аугсбург 56, 65, 638, 743
Афино-Фиванское герцогство 565
Африка 8, 54, 56, 58, 65, 66, 122, 130–134, 141, 142, 152, 175–177, 184, 203, 227, 228, 240, 263, 491, 666, 763, 770, 772, 779, 782, 783, 785, 787, 810
Ахейское (Морейское) княжество 479, 565, 573
Аякучо 784, 804
Бавария 169, 171, 403, 415, 444, 446, 745
Багдад 170, 246, 248, 249, 251, 253, 256–258, 349, 356, 361, 623, 631, 636, 806, 824, 829, 831–833, 854
Байкал, оз. 81
Балканы 54, 78, 82, 116, 119, 121–125, 134, 141, 142, 146, 184, 187, 189, 190, 192, 193, 203, 204, 475, 479, 489, 520, 569, 576, 581, 586, 690, 695, 715, 719, 837
Балтийское море 36, 180, 373, 499, 500, 545, 726
Балханы 349
Бари 175, 213, 442, 447
Барселона 67, 177, 433, 442, 828
Безансон 445

Безье 533
 Бейрут 140, 255, 473, 478, 834
 Белая Вежа (Саркел) 280, 281, 345
 Белгород 344, 382, 387
 Белград 695
 Белз 393
 Беломорье 387
 Белоозеро 374, 375, 390, 504, 560, 636, 640
 Бенгалия 261, 265, 269, 304, 591, 593, 595,
 596, 653, 671, 676, 677, 824
 Берри 469, 750
 Бивар 426, 427, 830
 Бирка 501
 Бихар 261, 593, 824
 Блуа 50, 420, 450
 Болгария 189, 190, 192, 194, 204, 210, 212,
 343, 364, 365, 367, 380, 384, 395, 469,
 479, 704, 828, 835, 842
 Болонья 44, 56, 444, 460, 462, 528, 530, 738
 Босния 193, 405, 692, 695, 846
 Босфор, пр. 116, 117, 131, 134, 472, 475, 477,
 694
 Бохай, гос-во 297, 298, 301, 302, 320, 339,
 823, 856
 Бохайский зал. 299, 339
 Бранденбург 522, 743, 744, 745, 840
 Бремен 65, 477, 526, 834
 Бретань 150, 178, 424, 538, 748, 847
 Бретины 541, 748, 841
 Брюгге 525, 526, 536, 537, 540, 725, 726, 746,
 747, 838, 843
 Бувин 539, 835
 Булгария 249, 343, 373, 374, 550, 619, 688,
 702, 826, 836
 Бургос 426
 Бургундия 25, 150, 165, 174, 414, 418, 420,
 422, 429, 431, 432, 437, 452, 743, 746,
 747, 751, 825, 826, 841, 844
 Бухара 108, 249, 349, 355, 618, 823, 835
 Вавилония 108, 806
 Валахия 68, 695, 846
 Валенсия 426, 453, 521, 757, 759, 835
 Ватикан 175, 177
 Вексен 463
 Великая Армения 106
 Великая Моравия 187, 188, 192
 Великая Польша 402
 Великоморавское гос. 187, 188, 190
 Венгрия 10, 67, 68, 343, 361, 380, 384, 389,
 393, 394, 398, 401, 402, 404, 405, 416,
 432, 469, 551, 553, 619, 636, 692, 715,
 716, 719–721, 743, 745, 747, 761, 814,
 827, 830, 834–836, 839, 842, 845–847
 Венеция 42, 64, 180, 189, 362, 442, 443, 475,
 478, 511, 523, 524, 565, 574–576, 639,
 692, 695, 725, 734, 737, 738, 846, 847
 Верден 171, 414, 418

Вестготское кор. 20, 148, 151, 176, 823
 Вестминстер 198
 Вестфолд (южная Норвегия) 409
 Византия 7, 9, 10, 12, 14, 54, 56, 63, 67, 79,
 80–82, 109, 112, 114, 116, 117, 121, 122–
 125, 128, 129, 130–133, 135–140, 142,
 148, 152, 161, 167, 170, 175, 187, 189,
 190, 191, 192, 194, 203, 204, 205, 207,
 210–215, 218, 219, 228, 229, 238, 240,
 275, 276, 279, 280, 343, 344, 346, 356,
 358, 360–364, 366–369, 373, 375, 376,
 379, 380–382, 384, 393, 404, 409, 414,
 417, 421, 437, 468, 477–479, 483, 485–
 488, 490, 514, 552, 564, 570, 572, 574–
 577, 580–582, 584, 585, 588, 589, 634,
 686, 692, 704, 712, 722, 725, 741, 764,
 818–825
 Виндзор 542
 Вифлеем 473, 481
 Виджаянагар, индусское гос-во 596, 678–
 680, 840, 841, 844
 Вик (область в Норвегии) 505
 Винчестер 199
 Владимир 390, 550, 553, 557, 562, 619, 838
 Владимир Волынский 385, 393, 394
 Владимир-на-Клязьме 390, 549
 Волга (Итиль), р. 78, 249, 280, 281, 342, 345,
 372, 373, 380, 391, 485, 550, 552, 553,
 557, 619, 687, 688, 697, 698, 701, 703,
 704
 Волжская Булгария 249, 343, 374, 382, 390,
 497, 550, 619, 688, 702, 826, 836
 Волхов, р. 11, 373
 Вольнь 549, 553, 556, 841
 Восточная Англия, кор. 195, 199, 200
 Восточная Грузия 352, 829
 Восточная Цзинь 87, 88, 91, 92, 93, 820
 Восточное Поморье 403
 Восточный Туркестан (Синьцзян) 279, 494,
 621, 623, 837
 Второе Иерусалимское кор. 477
 Вьетнам 105, 266, 270, 283, 489, 490, 642,
 654, 657, 668, 673, 812, 827, 829
 Вышгород 60, 376, 386, 387, 390
 Вятская земля 707
 Газна 349, 354
 Галисия 177, 452, 520, 832
 Галич 387, 389, 391–395, 549, 551, 553, 556,
 560, 703
 Галлиполи, п-ов 576, 841
 Галлия 78, 118, 141, 145, 148, 149, 153, 154,
 807, 820, 841
 Гамбург 65, 410, 418, 526, 545
 Ганза 392, 526,
 Гаронна, р. 539
 Гасконь 539
 Гастингс 437, 829

Гватемала 789, 790
Гент, город 44, 50, 441, 536, 753
Генуя 64, 362, 442, 443, 473, 475, 477, 523,
524, 574–576, 635, 639, 725, 737, 738
Герат 108, 114, 228, 355, 822
Германия 53, 59, 65, 67, 153, 166, 169, 171,
174, 179, 384, 392, 401, 411, 414, 416–
418, 420, 430, 432, 435, 437, 444, 446,
457, 458, 469, 480, 508, 517–519, 521–
523, 525, 526, 547, 636, 638, 641, 718,
722, 726, 728, 731, 742–745, 805, 807–
809, 830–832, 835, 836, 847
Гинь 539, 751, 752, 753
Гималаи 596, 633
Гнездо 420, 827
Гнёздово 373, 376, 379, 386, 394, 395
Гоби, пустыня 76, 81, 346, 622, 631
Гольштейн 761
Горц, мон. в Лотарингии 430
Готланд, о. 373, 391, 526
Гренландия 36, 545, 810, 837, 843
Гренобль 751
Греция 56, 142, 157, 206, 472, 479, 564, 635,
692, 738, 757
Грузия 228, 241, 343, 361, 364, 829, 830
Гуандун 332
Гуанчжоу 93, 288, 295, 656, 661
Гуанси 332
Гуджарат 261, 593
Гумаркаах (Утатлан) 789
Гур, султанат 356

Далмация 194, 367, 404, 472, 478, 635
Дамаск 208, 224–226, 235, 236, 238, 243, 244,
255, 256, 354, 361, 362, 476, 481, 831,
832
Дамиетта 480–482, 836
Данданакан (Дедаонакан) 828
Дания 67, 175, 384, 406, 408–412, 456, 500,
503, 546, 636, 761, 828, 834, 840, 843,
861
Данноура (место морского сражения в Япо-
нии) 319, 833
Данциг (Гданьск) 526, 546, 839
Датская марка 416
Девагири, столица гос-ва Ядавов 593–595
Делийский султанат 596–598, 676, 677, 835
Дербентский проход 78, 109
Десна, р. 344, 378
Дешт-и-Кыпчак 345, 348, 632
Диррахий (Драч) 367, 833
Днепр, р. 11, 372, 375–377, 379, 381, 389,
504, 550, 553, 557, 707
Днестр, р. 376, 378
Дон, р. 78, 80, 187, 345, 348, 372, 378, 380,
628, 697, 703, 704
Дорестада 408, 500
Дорилея 475, 832

Доростол 364, 380
Дорчестер 198
Дофинэ 29, 751
Драконт, р. 356
Древнерусское гос-во 365, 376, 380, 381,
383, 384, 386, 387, 394, 395, 409, 500,
502, 503, 506, 556
Друцк 393
Дублин 199, 408, 501, 756
Дунай, р. 78, 79, 119, 121, 133, 134, 141, 144,
184, 191, 204, 208, 345, 367, 377, 378,
380, 472, 475, 552, 553, 729, 745, 820
Дураццо 472, 520
Дуэ 537

Е, столица гос-ва Поздняя Чжоу 89, 90
Евразия 6, 14, 50, 72, 76, 273, 276, 278, 342,
496, 552, 633, 785, 786
Европа 6, 12, 15, 16, 18, 25, 29, 30, 34–36, 44,
53, 54, 60, 61, 64, 66–69, 71, 126, 133,
145–147, 153, 154, 157, 164, 165, 168,
174, 176, 177, 180, 181, 184, 202, 238,
249, 253, 340, 373, 384, 398, 399, 408–
410, 413, 415, 422, 428, 431, 447, 450,
467, 469, 483, 493, 496, 500, 504, 505,
507, 508, 513, 514, 525, 530, 531, 547,
548, 552, 562, 590, 619, 631–636, 639,
640, 666, 679, 686, 692, 714, 717, 719,
721, 723, 725, 726, 728, 729, 731, 734,
743, 763, 770, 806, 807, 813–818
Евфрат, р. 106, 107, 218, 233, 819
Египет 10, 114, 123, 134, 136, 225, 226, 238,
243, 244, 356, 482, 534, 588, 590, 623,
768, 805, 806, 837

Женевское оз. 461

Забайкалье 145, 611
Задар 367, 478, 834
Закавказье 68, 112, 114, 228, 249, 362, 489,
494, 550, 582, 587, 683, 822
Западная Двина, р. 187
Звенигород 393, 710
Зеландия 406, 411, 746
Золотая Орда 492, 494, 495, 552, 587, 627–
630, 632–634, 681, 687–689, 837, 839,
841–843, 868
Зунд (Эресунн), пролив 36, 545, 844

Иерусалим 134, 135, 161, 208, 221, 224, 225,
239, 249, 256, 355, 450, 467–469, 472,
473–477, 480–483, 516, 547, 763, 764,
768, 806
Иерусалимское кор. 473–477
Изборск 375, 504
Иконий (совр. Конья), столица Румского/
Иконийского султаната 357

- Иконийский сельджукский султанат 575, 584
- Ильханов, персидская держава 497, 587, 588
- Индия 6, 9, 12–14, 54–56, 64, 71, 102, 105, 107, 108, 137, 139, 158, 234, 259–265, 268–270, 294, 352, 591, 596–598, 633, 634, 653, 654, 659, 674–677, 679, 680–683, 709, 760, 763, 766, 782, 806
- Ионическое море 479, 564
- Ипсвич 198, 500
- Ирак 108, 224, 226, 232, 236, 244, 246, 247, 251, 253, 255–258, 342, 354–356, 587, 596, 626, 633, 676, 805, 806
- Иракский султанат 355
- Иран 9, 10, 13, 37, 57, 64, 80, 106–115, 121, 122, 125, 128, 130, 133–135, 140, 218, 225, 227, 228, 237, 239, 246, 248, 251, 257, 259, 261, 270, 275, 279, 349, 354, 355, 485–490, 492, 494, 497, 550, 587, 619, 623, 626, 632, 676, 678, 683, 805, 806, 812, 816
- Ирландия 67, 153, 154, 168, 174, 199, 201, 408, 449, 500, 501, 544, 635, 753–756
- Иртыш, р. 345, 552, 688
- Искоростень, город 375, 378
- Исландия 409, 413, 545
- Испания 40, 141, 145, 148, 153, 155, 164, 168, 176, 213, 240, 244, 361, 408, 433, 452, 468, 483, 490, 511, 520, 730, 731, 758, 760, 805–807, 809
- Исфахан 352, 354
- Италия 22, 56, 57, 59, 61, 64, 65, 67, 78, 80, 118, 123, 125, 128, 130, 132, 133, 141, 142, 144, 147, 148, 152, 153, 156, 164, 167, 168, 169, 174, 175, 180, 193, 203, 206, 209, 211, 213, 468, 472, 480, 481, 508, 509, 510, 512, 515, 516, 517, 519–527, 532, 535, 536, 547, 569, 572, 632, 636, 640, 695, 710, 715, 722, 726, 728–736, 738–743, 747, 757, 805, 807, 809, 820, 821, 824–826, 829, 832, 833, 839
- Итиль 280, 281, 345, 494
- Ишимче (Текпан-Атитлан) 790
- Йасриб (Медина) 220–236
- Йемен 108, 113, 114, 176, 218, 219, 223, 224, 226, 237
- Йорк 56, 67, 198, 199, 201, 408
- Казахстан 278, 345, 494, 617
- Каир 54, 63, 226, 252, 253, 256, 468, 480, 767, 771, 807
- Кайфэн, столица Позднего Чжоу 54, 324, 331, 332, 336, 832
- Калабрия 157, 175, 206, 211, 421, 447
- Кале 541, 748, 750, 840
- Калка, р. 348, 550, 681, 835
- Кандагар 108
- Каппадокия 107, 120
- Каракорум 493, 494, 552, 621–623, 631, 633, 643, 645, 842
- Карелия 545
- Карпаты г. 190, 403, 404, 414
- Карфаген 134, 136, 228, 446
- Каспийское море 258, 500, 550
- Кастилия 67, 426, 452, 453, 458, 520, 521, 686, 742, 757, 759, 760, 809
- Каталаунские поля 145
- Каталония 20, 21, 22, 25, 67, 422, 432, 457, 521, 757, 759
- Кафа 11, 628, 635, 738
- Кашмир 260, 596
- Квентовик 500
- Кембридж 67
- Кент, кор. 150, 196, 198, 201, 503
- Кентербери 198, 199, 202
- Кёльн 56, 65, 469, 480, 526
- Кёнигсберг (Крулевец, Кралевец; буд. Калининград) 401, 526, 546
- Кёседаг, долина 357
- Киев 95, 185, 343, 344, 373–379, 381–391, 393, 394, 397, 503, 549–553, 556, 558, 619, 631, 636
- Киликийское армянское княжество (царство) 362, 356, 589
- Киликия 107, 134, 229
- Кинай, столичный аристократический район в Китае и Японии 310, 610
- Кипр 226, 229, 238, 364, 367, 476, 477, 564, 738
- Китай 6, 7, 10–14, 33, 38, 40, 44, 50–62, 64, 71, 74, 75, 80, 81, 84, 86–92, 94–100, 102–105, 108, 137, 139, 158, 270–273, 275, 277, 282, 284, 286, 288, 289, 290, 293, 296–299, 304, 306, 308–310, 312, 313, 318, 320–325, 327–330, 333, 335, 336, 337, 339, 340, 342, 374, 485, 586, 487–489, 492, 494, 497, 498, 550, 600–602, 606, 608, 619–622, 628, 629, 632–634, 642–644, 651, 654, 656, 657, 658, 662, 664–666, 670, 671, 674, 681, 683, 780, 806, 812, 814, 817, 819–825, 827–829, 831, 836, 838, 841, 843, 844
- Кларендон 449
- Клюни, аббатство 429–431, 439, 452, 540
- Когурё 298–300, 338, 340, 601, 602
- Колумбия 785, 796–798, 800
- Константинополь (Царьград) 56, 79, 80, 82, 112, 114, 116–125, 128–131, 134, 135, 137, 142, 167, 192, 204–206, 208, 209, 213, 214, 226, 240, 246, 357, 360–362, 367–369, 371, 374, 375, 376, 379, 380, 383, 388, 450, 472, 475, 477–481, 489, 514, 523, 564–568, 570, 571, 573, 574,

576, 577, 635, 686, 692, 694, 695, 704,
 738, 739, 742, 812, 819
 Копет-даг 349
 Корейский п-ов 283, 298–301, 308, 602, 619
 Корея 14, 54, 60, 81, 105, 283, 290, 297–301,
 306, 338, 340, 341, 489, 490, 498, 599,
 602, 651, 654, 663–666
 Корё, корейское гос-во 338–341, 599, 600,
 602, 606, 666
 Коринф 56, 361
 Корнуолл 195, 199
 Корсунь 382
 Корутания 401
 Корфу, о. 365, 565
 Котантен, п-ов 420
 Крайна 401, 521, 745,
 Крак-де-Шевалье, крепость крестоносцев
 483
 Краков 185, 402, 715, 814
 Красное море 114, 161, 218, 226, 473, 764,
 768
 Кремона 445, 480
 Креси 540, 541
 Крит 213, 229, 234, 238, 364, 564, 565, 738
 Крым 132, 357, 382, 585, 628, 634, 681, 688,
 695, 726, 738
 Крымское ханство 492, 688, 704
 Ксантен 469
 Ктесифон 107, 114, 115, 225, 227, 246
 Курдистан 349
 Куско 66, 799, 800, 801, 804
 Кушанская империя 9, 107, 109
 Кэгён, город 338, 341, 602
 Кюсю, о. 306, 311, 315, 316, 606, 609

 Ладога 373–375, 500, 501, 560
 Ладожское оз. 372, 373, 378
 Лалибела 764
 Ла-Манш, пролив 540, 750
 Лангедок 422, 425, 533, 748
 Ласта, область на юге Эфиопии 163
 Латинская империя (Романия) 357, 479, 514,
 523, 565, 569, 570, 574, 575
 Левант 152, 442
 Легница 402
 Леньяно 454
 Леон 177, 452, 453, 458, 520, 757
 Леоно-Кастильское королевство 426, 452,
 453
 Лерида 426
 Лех, р. 403, 416
 Ливония 391
 Лимож 420
 Лилль 536, 537
 Лион 56, 153, 444, 536, 725
 Лиссабон 452
 Литва 391, 402, 553, 554, 556, 562, 563, 698–
 703, 705, 707, 711, 712, 716, 720

Лоди 677, 738, 739
 Ломбардия 27, 361, 403, 436, 439, 445, 446,
 454, 472, 738
 Лондон 55, 56, 63, 67, 198–201, 408, 500, 539,
 542–544, 632, 638, 753, 754, 755
 Лотарингия 171, 174, 416, 418, 429, 430, 469,
 472, 746
 Лоян 87, 90, 91, 93, 96, 105, 282, 283, 292,
 295, 296, 322
 Луара, р. 149, 175, 414, 419, 429, 432, 450,
 458, 750
 Луарская область 458
 Лунд 410, 779
 Луристан 354
 Луцк 393
 Льез 444, 746, 751
 Льюис, город 543
 Любек 65, 477, 526, 545,
 Любеч-на-Днепре 376, 382
 Ляо, гос-во киданей 302, 322, 324, 325, 335,
 336, 339, 342, 495, 497, 498, 644, 653

 Маас, р. 165, 414
 Мавераннахр 244, 245, 258
 Магдебург 65
 Магелланов пролив 784
 Мадурайский султанат 596, 679
 Майнц 56, 469, 638
 Майорка 452, 453
 Майяпан 789
 Македония 133, 206, 210, 365, 564, 565, 567,
 569, 574, 575
 Маконнэ, граф. 429
 Малатья (Мелитена) 357
 Малая Азия 68, 106, 114, 119, 121, 125, 134,
 135, 184, 213, 229, 234, 238, 248, 356,
 357, 361, 364, 366, 367, 446, 472, 475,
 477, 479, 564, 567, 569, 570, 574, 575,
 581, 582, 584–589, 623, 690, 816
 Малва 593, 676
 Манцикерт 352, 356, 364, 468, 582
 Маньчжурия 10, 77, 80, 301, 310, 336, 340,
 497, 498, 632
 Мариенбург (Мальброк) 546
 Марсель 152, 155, 477, 635, 639
 Мауле, р. 800
 Мачу-Пикчу 794, 804
 Мевар 593, 594, 598
 Мекка 161, 218–223, 226, 227, 232, 234, 235,
 237–239, 255
 Мексика 784, 785, 787, 789, 790, 792, 793,
 795, 803
 Мексиканская долина (Анауак) 792
 Мен 539
 Мерв 108, 115, 228, 234, 239, 244, 245, 249,
 355, 632
 Мерсия, кор. 150, 174, 195, 198–201
 Месемврия 365

- Месинополь 368
 Мезоамерика 14, 785–788, 790, 796
 Месопотамия 106–109, 113, 115, 122, 136,
 208, 217, 225, 229, 238, 253, 361
 Мессина 447, 477, 635
 Мец 469
 Мидия 106, 361
 Милан 55, 80, 109, 130, 401, 439, 445, 446,
 511, 524, 639, 726, 738,
 Миланское герц. 738
 Минск 393
 Мириокефал 357, 364
 Мозель, река 414
 Молдавия 695
 Монголия 54, 72, 73, 75, 80, 278, 302, 342,
 493, 497, 551, 552, 611, 621, 623, 631,
 632, 645, 657, 814
 Мономотапа 781, 782
 Монпелье 28, 453, 530
 Монтекассино, мон. 154, 167, 414
 Монфор, креп. на Ближнем Востоке 483
 Моравия 186–192, 400–402, 404, 718, 721,
 743
 Москва 279, 319, 352, 390, 396, 550, 556,
 558–560, 602, 636, 646, 681–683, 689,
 696–706, 708
 Москва, р. 390, 558
 Мосул 237, 238, 256, 354, 475, 476
 Мраморное море 128
 Муром 389, 391, 393, 504, 701
 Мэн, граф. 433, 449, 752, 754
 Мэн, о. 199

Наблус 474
 Наварра 361, 520, 536, 757–759
 Нагаока 310, 312
 Назарет 481
 Нанси 745, 746
 Наньчжао, гос-во 268, 271, 272, 304, 489,
 642, 668, 672, 674
 Нара 62, 310, 312
 Нарбонна 431, 529, 533
 Неаполь 56, 154, 447, 481, 518, 519, 736, 739,
 759, 809
 Невер 451, 746
 Нижняя Лотарингия 469, 472
 Никейская империя 357, 479, 565, 567, 569–
 573
 Никея (совр. Изник) 210, 342, 356, 361, 468,
 472, 567, 573, 583, 584
 Нил, р. 226, 253, 480, 481, 763, 768, 770, 775
 Нихон, японское гос-во 309
 Ниш 469
 Нишапур 107, 228, 244, 249, 349, 355
 Новгород 344, 373–375, 379, 381–384, 387,
 390, 392, 395, 396, 504, 505, 526, 549,
 550, 554–556, 559, 562, 636, 642, 703–
 705, 710, 712
 Новгород-Северский 389
 Новоперсидское царство 106
 Новый Свет 10, 14, 784, 785, 788, 797
 Ногайская Орда 688, 689, 704, 707
 Норвегия 36, 46, 67, 384, 406, 409, 411, 412,
 504, 505, 545, 635, 760, 761
 Нормандия 36, 201, 409, 420, 421, 424, 449,
 538–541, 750, 751
 Нортумбрия, кор. 150, 195, 198–201
 Нуайон 433

Объединенное Силла, корейское гос-во 298–
 302, 338, 340
 Овернь 20, 44, 431
 Овруч 375, 379
 Ока, р. 11, 389, 561, 703, 705, 707
 Оксфорд 67, 528, 530, 741
 Ольстер 199
 Омейядов, халифат 234, 239
 Оркнейские острова 199, 409, 756
 Орлеан 67, 79, 420, 750
 Османская империя 12, 184, 576, 577, 690–
 691, 695, 725, 766, 805, 809, 812, 814

Павия 416, 460, 738
 Падуя 526, 738
 Палермо 446, 447, 518, 519
 Палестина 35, 114, 116, 125, 134, 224–228,
 232, 234, 236, 239, 256, 352, 354, 355,
 361, 367, 467, 468, 473, 476–478, 481,
 515, 584, 805, 806
 Пальмира 107, 819,
 Паннония 10, 78, 80, 82, 133, 187, 189, 190,
 343, 403, 404, 414, 627, 814
 Параклет, мон. 463
 Париж 55, 56, 67, 115, 150, 168, 177, 211, 414,
 419, 420, 430, 443, 463, 475, 480, 511,
 528, 530, 536, 539, 541, 621, 673, 687,
 749, 750, 773
 Парс (Персида) 106
 Парфия 12, 102, 106
 Парфянское царство 106, 107
 Пархэ 339
 «Патримониум Св. Петра» 445
 Пелопоннес 564, 565, 695
 Пенджаб 591, 593, 596, 676, 677
 Перемышль 381, 393, 394
 Переяславец-на-Дунае 380, 381,
 Переяславль-Залесский 557, 558, 562
 Переяславль Южный 376, 385–389, 550, 551,
 559
 Персеполь 108
 Персидский залив 108
 Персия 130, 158, 161, 361, 582, 634, 683,
 763
 Перу 66, 784, 794, 796, 803
 Петен 787, 789

Пиза 442, 445, 473, 523, 524, 639, 736, 739
 Пинчен, столица Северной Вэй 94
 Пиньян центр Лю Юаня 87, 88
 Пиренеи 148, 176, 178, 240, 450, 452, 453, 521
 Пиренейский п-ов 130, 177, 240, 437, 453, 460, 520, 757, 759, 807, 809
 Плиска 191, 212, 499
 Поволжье 114, 374, 494, 550, 688, 701, 702, 707, 711
 Подвинье 374, 387, 391
 Позднее Когурё, корейское гос-во 338
 Позднее Пэкче, корейское гос-во 338, 602
 Поздняя Чжоу 89, 324, 819
 Полоцк 375, 381, 382, 384, 391, 392, 397, 504
 Польша 67, 68, 185, 384, 393, 394, 398–405, 416, 456, 546, 551, 553, 563, 619, 636, 638, 699, 705, 711, 714–716, 719, 720
 Поморье (в Польше) 402, 403, 720
 Портсмут 199
 Порту 452
 Португалия 452, 520, 757–759, 809
 Посемье 374, 389
 Почайна, р. 389
 Прага 67, 185, 522, 714, 717–720
 Предкавказье 77, 280, 281, 627
 Преслав 380
 Приаралье 349
 Прикарпатье 345
 Припять, р. 375, 376
 Причерноморье 80, 345, 362, 381, 523, 565, 581, 586, 628, 633, 688
 Прованс 28, 165, 167, 174, 414, 425, 432, 453, 458, 533, 535, 635, 752
 Пруссия 401, 402, 417, 546, 744
 Псков 64, 374, 554, 560, 562, 636, 712
 Пуату 449, 539, 754
 Пьяченца 468, 469
 Равенна 56, 130, 132, 133, 148, 168, 418
 Равеннский экзархат 134, 168
 Раджпутана 593, 597
 Ракошское поле (у Пешта, Венгрия) 405
 Рантхамбхор, столица гос-ва Парамаров 593
 Регенсбург 442–444, 469, 475, 477
 Рей 225, 244, 249, 354
 Реймс 170, 450, 541, 750, 754
 Рейн, р. 56, 79, 141, 146, 149, 165, 166, 414, 745
 Рига 391, 526
 Рим 5, 10, 34, 44, 56, 78, 79, 106, 107, 109, 117, 122, 123, 125, 129, 130, 141–146, 148, 153, 155, 157, 158, 167–169, 171, 175, 182, 189, 190, 202, 206, 207, 211, 246, 258, 371, 382, 404, 408, 414, 416–418, 421, 424, 429, 434, 435, 437–439,

445, 463, 472, 478, 508, 514, 515, 519, 521, 522, 527, 529, 534, 536, 577, 578, 634, 694, 704, 714, 729, 740, 742, 745
 Римская империя 6, 8, 9, 20, 25, 35, 55, 56, 71, 107, 109, 116–118, 120, 123, 124, 125, 130, 141–147, 151, 153, 169, 174, 180–182, 211, 414, 444, 507, 522, 552, 713, 714, 743, 805, 820
 Ростов Великий 375, 385, 504, 562, 619, 681
 Руан 408, 750
 Румский султанат 342, 354, 356, 357, 581, 584, 586, 587
 Руссильон 433, 453, 759
 Русь 7, 19, 58, 65, 67, 174, 189, 249, 281, 343, 344, 346–348, 362, 366, 373, 374, 376, 377, 379–386, 388, 389, 391–397, 402, 405, 409, 411, 489, 492, 494, 502, 503, 505, 506, 549–560, 562, 563, 617, 619, 622, 627, 628, 640, 642, 681–683, 687–689, 696–699, 701, 703, 704, 707–711, 715, 716, 817
 Рязань 391, 619, 687
 Саба (Шеба) 160
 Саксония 169, 416, 446
 Салерно 442, 447
 Самарканд 108, 279, 290, 355, 618, 676, 682, 683, 686, 687, 690
 Санкт-Галлен, мон. 25, 414
 Санс 461
 Сарагоса 177, 452
 Сарай-Бату 494
 Сардиния, о. 130, 258, 518, 523, 739, 757, 809
 Сасанидское гос-во 80, 107, 109, 115, 225, 228, 485
 Свеаланд (Средняя Швеция) 406, 410, 505
 Севастья (совр. Сивас) 356
 Севастополь 382
 Северная Африка 8, 54, 56, 122, 130, 152, 175–177, 184, 203, 228, 234, 427, 490, 491, 634, 774, 775, 786, 805, 806, 809
 Северная Вэй (Тоба Вэй), гос-во 80, 81, 94, 95, 97, 102, 288, 497
 Северное море 180
 Северный Ледовитый океан 184, 784
 Северский Донец, р. 348, 377
 Севилья 408, 520, 760
 Селеф, р. (Малая Азия) 477
 Семиречье 77, 275, 276, 279, 288, 336, 349, 623
 Сена, р. 150, 165, 175, 408, 414, 419, 433
 Сен-Виктор, мон. 462, 465
 Сен-Дени, мон. 168, 463, 464, 465
 Септимания 148, 414
 Сербия 68, 193, 194, 367, 692, 695, 704, 714
 Сефевидов гос-во 486
 Си Ся, гос-во в Китае 618

- Сиам 489, 672
 Сидон 473, 478, 482
 Силла, корейское гос-во 298–300, 338, 340, 602, 619
 Синд 239, 261, 591, 596, 600
 Синоп 357, 585
 Сирия 107–109, 112, 114–116, 122, 123, 125, 134, 135, 154, 159, 176, 208, 219, 224, 225, 227–229, 232, 234, 236, 238, 239, 241, 246–248, 253, 255–257, 352, 353–355, 361, 362, 367, 473, 476, 481, 482, 515, 584, 585, 588, 623, 635, 737, 764, 805, 806
 Систан 108, 258, 354
 Сицилия 130, 133, 175, 176, 206, 209, 211, 213, 258, 414, 421, 442, 447, 477, 481, 483, 520, 534, 635, 739, 809
 Сконс, область в Южной Швеции 406, 411, 412
 Славония 194, 404
 Словакия 187, 404, 405, 715
 Слейс 840
 Смирна 362, 366, 590
 Смоленск 373, 376, 385–387, 391–393, 396, 549, 554, 636
 Согён (Пхеньян) 340, 341
 Созопль 367
 Сокотра 158
 Сомма, р. 149, 414, 419, 751
 Сонек (Кэгён), корейский город 338, 341
 Средняя Азия 54, 56, 58, 63, 107, 145, 246, 253, 278, 280, 288, 302, 304, 342, 345, 349, 353, 494, 497, 550, 581, 582, 586, 586, 618, 626, 628, 629, 631, 632, 682, 700
 Старая Русса 396
 Стахра 106
 Судак 357, 585
 Суздаль 387, 390 549, 555, 619, 701, 703
 Сырдарья, р. 239, 290, 342, 349, 682
 Сычуань 102, 271, 290, 296, 322, 324, 330
 Сэндвич 198, 201
 Тамилнад 262, 265, 596, 680
 Тан, китайская империя 14, 266, 276, 282, 285, 288, 290, 295, 297, 300, 302, 303, 330, 487, 497, 652
 Танаис (Дон) 78
 Тауантинсуйу, гос-во инков 799, 800
 Тахо, р. 453
 Тверь 390, 558, 560, 681, 697, 698
 Темза, р. 195, 199, 408
 Теночтитлан 792, 793, 795
 Теотиуакан 792
 Теребовль 393
 Тескоко, оз. г. 792
 Теуакан 784
 Тигр, река 248
 Тир 477
 Тиса 78
 Титикака, оз. 799, 804
 Тмуторокань 383, 389
 Толедо 177, 453
 Торжок 396, 550, 559, 560
 Торн (Торунь) 546
 Тортоса 426
 Тоскана 19, 36, 445, 524, 736
 Тоутон 755
 Трансильвания 68, 404, 546, 640
 Трапезунд 280, 362, 367, 570, 572, 577, 635
 Трапезундская империя 357, 565, 567, 570, 572, 585, 695
 Триполи 226, 243, 256, 355, 474, 478
 Триполитанское граф. 473
 Трир 56, 430, 469
 Тронхейм 409, 410
 Труа 79, 195, 749
 Тулуза 533, 751
 Тулузское граф. 533
 Туль 434
 Туманган, р. 340, 665
 Тунис 141, 152, 228, 234, 258, 482, 534, 770
 Турень 449
 Турнэ 462
 Турфанский оазис 278, 497
 Тусе 355
 Тюркский каганат 12, 97, 114, 273–277, 283, 288, 290, 349, 494
 У, царство на юге Китая 84, 85, 91, 819
 Угра, река 705
 Уйгурский каганат 276–278, 294, 345, 497, 611
 Украина 688
 Упсала 406, 410
 Урал 249, 342, 345, 687, 688
 Ургенч 355, 618, 627
 Ушмаль 789
 Уэйкфилд 755
 Уэльс 59, 150, 195, 449, 500, 544, 757
 Уэссекс, кор. 150, 174, 175, 195, 198–201, 408, 503
 Фарерские острова 409
 Фарс 106, 115, 237, 247, 354
 Феррара 577, 729, 738, 739, 741
 Фессалоники/а 56, 119, 362, 367, 371, 565, 569
 Фессалоникийское кор. 479, 565, 570
 Фивы 361
 Филиппополь 122, 364
 Финляндия 545
 Фландрия 44, 65, 429, 433, 434, 451, 455, 536–540, 726, 746, 757
 Флери, мон. 414

Флоренция 19, 36, 50, 56, 64, 147, 445, 509, 511, 518, 524, 525, 526, 577, 639, 726, 735, 736, 737, 738, 741
 Фракия 80, 119, 122, 128, 133, 208, 210, 214, 365, 564, 565, 569, 574, 575
 Франкония 744
 Франция 16, 21, 22, 25, 28, 45, 56, 65, 67, 150, 171, 174, 179, 182, 193, 384, 408, 419, 420, 422, 428–431, 433, 435, 440, 443, 450, 457, 463, 464, 466, 469, 472, 474, 477, 480, 482, 499, 502, 508, 510, 515, 526, 527, 532–541, 544, 640, 686, 729, 730, 732, 738–741, 743, 746–748, 750–757, 760, 807
 Франш-Конте (Бургундия), граф. 536, 746, 747
 Фрисландия 416
 Фудзивара, первая столица Японии 309, 310
 Фуцзянь 52, 332
 Фэйшуй, р. 91
 Фюн, о. 406
 Хазария 228, 249, 280, 281, 343, 361, 374, 378, 381, 382, 492, 494
 Хазарский каганат (Хазария) 279, 280, 373, 375, 378, 380, 495
 Хайфа, город 473
 Хамбер, р. 198, 201
 Хань, гос-во в Китае 9, 42, 101, 283, 297, 299, 328, 658
 Ханьчжоу 336, 337
 Ханя (Сеул) 341, 602
 Хедебю 501
 Херсон 209,
 Хиджаз 108, 218, 236, 255
 Хира 115, 224, 225
 Хитин 476
 Хонсю, о. 306, 308, 311, 315, 604
 Хорасан 106, 113, 115, 225, 236, 239, 243–245, 247, 257, 258, 342, 349, 354, 581, 596, 632
 Хорасанский (Востоchnосельджукский) султанат 354
 Хорватия 190, 194, 398, 404, 551
 Хорезм 57, 61, 249, 342, 349, 354, 621, 628, 687
 Хуайхэ, река 337, 650
 Хуанхэ, река 84, 282, 303, 304, 324, 644, 645
 Хубэй, китайская пров. 336
 Хунань, китайская пров. 336
 Хымьяр 161
 Хэйан (Хэйанкё, Киото), столица Японии 310, 312, 316, 605
 Хэбэй, китайская провинция 326, 336
 Хэйдзё (Нара), столица Японии 62, 310
 Цезария (Кесария) 473, 482
 Цейлон 139, 158, 272, 654, 656

Центральная Америка 785, 787, 792
 Центральная Мексика 784, 787, 790, 792, 795
 Цзинь, империя 84, 85, 87, 92, 335, 336, 337
 Цзинь, гос-во чжурчженей 340, 497, 498, 615, 621, 628, 632
 Цзянкан (совр. Нанкин) 87
 Чаньань 87–91, 97, 103, 282, 288, 290, 292, 294, 296, 322
 Червенские города 381
 Чернигов 373, 376, 382, 383, 385, 387, 391–394, 550, 551, 619, 707
 Черное море 128, 189, 279, 280, 346, 357, 376, 378, 500, 575, 737
 Чехия 65, 187, 190, 380, 398, 400–402, 405, 416, 432, 456, 521, 522, 714–717, 719, 721, 726, 741, 743, 745, 747
 Чжэцзян, китайская пров. 295, 335
 Чили 796, 797, 799
 Чимор, гос-во в Перу 799, 800
 Чичен-Ица 789, 791
 Чу, «царство» 337
 Чэнду 296, 332
 Шампань 28, 434, 442, 450, 451, 536, 751
 Шаньдун, китайская пров. 296, 326, 658
 Шаньси, китайская пров. 87, 94, 275, 324
 Швабия 415
 Швейцария 636, 745, 746, 751
 Швеция 36, 64, 67, 373, 383, 384, 406, 408–410, 412, 501, 503, 505, 545, 554, 636, 713, 726, 760, 761
 Шелонь, р. 705
 Шельда, р. 414
 Шетландские о-ва 409, 756
 Шираз 108
 Шлезвиг 411, 761, 762
 Шотландия 199, 408, 409, 456, 536, 539, 540, 544, 755, 756
 Шпейер, город 469, 475
 Шу, царство на юго-западе Китая 84, 85
 Эгейское море 206, 213, 479, 564, 565, 574, 589, 695
 Эдесса 107, 115, 122, 225, 355, 472, 474–476, 582
 Эдесское княжество 475
 Эквадор 785, 796, 799, 802
 Эксетер 199
 Эланд, о. 406
 Эльба, р. 18, 22, 372, 418, 545
 Эльзас 456, 746
 Эль-Мансура, креп. в Египте 480, 481
 Эно (Геннегау) 455, 745, 746
 Эпирское царство 565, 569, 570, 573

Эрзерум 357
Эрзинджан 357
Эритрея 158
Эстергом 404, 417
Эфес 122, 137, 209, 361, 366
Эфиопия (Абиссиния) 55, 58, 139, 158, 159,
160–163, 218, 221, 763–768, 781
Южная Индия 158, 263, 268, 269, 654, 679,
680
Южная Мексика 787, 789, 793
Южная Сун 336, 337
Юкатан 787, 788, 789
Юньнань, обл. в Китае 84, 290, 645, 654, 658,
659
Ютландия 406, 407, 409, 411
Ютландский полуостров 195, 406, 407
Ява 269, 489, 654, 674, 674, 675
Ямато, японское гос-во 306, 308, 309
Янцзы, р. 11, 84, 86, 91, 92, 94, 96, 322, 324,
645
Япония 6, 7, 12, 14, 54, 57, 60, 64, 105, 302,
306–314, 316, 319, 320, 489, 599, 602,
603, 604, 606–610, 618, 642, 653, 664–666
Яффа 473, 477, 482

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Что такое Средние века?	5
<i>П.Ю. Уваров</i>	
Феодализм в представлении современных медиевистов	16
<i>И.В. Дубровский, П.Ю. Уваров</i>	
Средние века: структуры повседневности	33
<i>И.В. Дубровский</i>	
Город в Средние века	54
<i>А.А. Сванидзе, А.А. Анисимова</i>	

Раздел I

ВАРВАРЫ И ИМПЕРИИ

Кочевники Великой степи и Великое переселение народов	71
<i>Н.Н. Крадин</i>	
Китай эпохи «шести династий»	84
<i>А.Л. Рябинин, П.Ю. Уваров</i>	
Сасанидский Иран	106
<i>И.Г. Коновалова</i>	
От Восточной Римской империи к Византии	116
<i>А.А. Чекалова</i>	
На развалинах Западной империи. Рим и варвары	141
<i>И.В. Дубровский</i>	
Эфиопия в раннее Средневековье (Аксумский и Загвейский периоды)	158
<i>Э.С. Львова</i>	

Раздел II

НОВЫЕ МИРОВЫЕ ДЕРЖАВЫ: ИМПЕРИИ, КАГАНАТЫ, ХАЛИФАТЫ

Западная Европа времен Каролингской империи	164
<i>И.В. Дубровский</i>	
Западные и южные славяне около 800 года	184
<i>Г.П. Мельников, О.В. Лощакова</i>	
Англия до Нормандского завоевания	195
<i>Е.А. Мельникова</i>	
Византия эпохи «темных веков» и иконоборчества	203
<i>А.А. Чекалова, П.Ю. Уваров</i>	

Завоевания арабов и образование халифата	217
<i>И.Г. Коновалова</i>	
Халифат Аббасидов и расцвет арабской культуры	244
<i>И.Г. Коновалова</i>	
Индия до и после 800 года	259
<i>Л.Б. Алаев, А.А. Майзлиш</i>	
Юго-Восточная Азия в 800–1200 годах	266
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	
Тюркский каганат и его преемники	273
<i>Н.Н. Крадин</i>	
Китай в VII–IX веках	282
<i>А.Л. Рябинин, П.Ю. Уваров</i>	
Соседи Поднебесной: Корея, Бохай, Тибет	298
<i>Н.Н. Крадин</i>	
Япония до VIII века	306
<i>Е.В. Сахарова</i>	

Раздел III

МИР ОКОЛО ТЫСЯЧНОГО ГОДА. РАСЦВЕТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Япония эпохи Хэйан (IX–XII века)	316
<i>А.В. Бачурин</i>	
Империя Сун в Китае	322
<i>А.Л. Рябинин, П.Ю. Уваров</i>	
Корея в X–XII веках	338
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	
Наследники тюрков на просторах Евразии	342
<i>Н.Н. Крадин</i>	
Государства Сельджукидов	349
<i>И.Г. Коновалова</i>	
Византия эпохи Македонской династии и Комнинов	358
Г.Г. Литаврин , <i>А.К. Гладков</i>	
Древняя Русь	372
<i>Е.А. Мельникова</i>	
Чехия, Польша и Венгрия в X–XIII веках	398
<i>Г.П. Мельников</i>	
Скандинавские страны	406
<i>Е.А. Мельникова</i>	
«Великая мутация» Запада (X–XII века)	414
<i>П.Ю. Уваров, Ю.Е. Арнаутова</i>	
Крестовые походы	467
<i>С.И. Лучицкая</i>	
Пути возникновения средневековых государств	484
«Старые империи»	485
<i>П.Ю. Уваров</i>	

Кочевые империи	490
<i>Н.Н. Крадин</i>	
Завоевательный путь политогенеза (кочевники и земледельцы)	496
<i>Н.Н. Крадин</i>	
Зарождение государств в макробалтийском регионе	499
<i>Е.А. Мельникова</i>	

Раздел IV

РАХ MONGOLICA И АПОГЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА (XIII – СЕРЕДИНА XIV ВЕКА)

Расцвет Запада	507
<i>М.А. Юсим</i>	
Русь в XIII – первой половине XIV века	549
<i>А.А. Горский</i>	
Закат Византии (XIII–XV века)	564
<i>Г.Г. Литаврин</i> , <i>А.К. Гладков</i>	
Тюркские племена и этнополитическая история Малой Азии	581
<i>С.Ф. Орешкова</i>	
Делийский султанат в XIII – середине XIV века	591
<i>Л.Б.Алаев, А.А. Майзлиш</i>	
Корея в XIII–XIV веках	599
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	
Япония в XIII–XV вв.	604
<i>А.А. Майзлиш</i>	
Монгольская империя, ее улусы и ее наследие	611
<i>Н.Н. Крадин</i>	
Черная смерть	634
<i>Е.Е. Бергер</i>	

Раздел V

НАКАНУНЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ. МИР К 1453 ГОДУ

Китай в конце XIII–XV веке	642
<i>А.Л. Рябинин, П.Ю. Уваров</i>	
Корея в первой половине XV века	663
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	
Юго-Восточная Азия в XIII – середине XV века	668
<i>А.Л. Рябинин, А.А. Майзлиш</i>	
Индийские государства в середине XIV – середине XV века	676
<i>Л.Б. Алаев, А.А. Майзлиш</i>	
Империя Тимура и упадок Золотой Орды	681
<i>Н.Н. Крадин, А.Д. Щеглов</i>	
Османь: потрясения начала XV века и возрождение османского государства ..	690
<i>С.Ф. Орешкова</i>	

Русь во второй половине XIV–XV веке. Формирование Московского государства	696
<i>А.А. Горский</i>	
Центральная Европа в XIV–XV веках	714
<i>Г.П. Мельников</i>	
Западная Европа в позднее Средневековье	722
<i>М.А. Юсим</i>	
Эфиопия в XIII–XV веках	763
<i>Э.С. Львова</i>	
Черная Африка накануне прихода европейцев	770
<i>Д.М. Бондаренко</i>	
Америка: основные вехи истории (до начала XVI века)	784
<i>Е.Ю. Лыкова</i>	
Еврейская диаспора в Средние века	805
<i>Г.С. Зеленина</i>	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Роскошь феодализма»	810
<i>П.Ю. Уваров</i>	

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронология Средних веков	819
Избранная литература.....	848
Указатель имен	871
Указатель географических названий.....	881

Научное издание
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
в шести томах

Том 2
**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДА И ВОСТОКА**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 19.12.2011
Формат 70×100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 75,4. Усл.кр.-отг. 83,2. Уч.-изд.л. 65,8
Тираж 1000 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 276

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Е-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-037560-4

Дворец Теодориха. Мозаика. VI в. Равенна, Италия

Железная корона лангобардов. Ок. VII в. Собор г Монца, Италия

Алмазная сутра – первая в мире печатная книга 868 г Китай. Британская библиотека, Лондон
© 2011 Photo Scala, Florence

Гу Кайчи. Свиток «Фея реки Ло» (деталь) Копия XII или XIII в с оригинала V в Галерея Фир, Вашингтон

Бегство Императора и Ян Гуйфэй во время восстания Ань Лушаня (деталь) VIII в Тайпэй, Китай © 2011 Photo Werner Forman Archive/Scala, Florence

Крещение болгар.
Миниатюра XIV в
Хроника Константина
Манасси. Ватиканская Библиотека

Хлудовская псалтирь.
Распятие с иконоборцами.
Греческая рукопись VIII-IX вв
Рукописный отдел ГИМ

Меч и ножны с коронации Карла Великого Золото, серебро, драгоценные камни. IX в Из сокровищницы аббатства Сен-Дени. Лувр, Париж © 2011 Photo Scala, Florence

Оттон III Книжная миниатюра конца X в Музей Конде Шантильи, Франция © 2011 Photo Scala, Florence

Золотая чаша, украшенная
тремя львами. X в. Археологический музей, Тегеран © 2011 Photo Scala,
Florence

Кайруан, мечеть и кладбище
Аглабидов IX в. Тунис

Чаша из бирюзы IX–X вв Венеция, базилика св Марка. серебро, эмаль, драгоценные камни. Иранское искусство © 2011 Photo Scala, Florence

Купол мечети в Кордове VIII–X вв Испания

Ковер из Байё Высадка Вильгельма Завоевателя. XI в. Музей ковра из Байё, Франция

Богоматерь Владимирская. XII в. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Лондонский Тауэр XI–XII вв

Собор Св. Софии. Середина XI в. Великий Новгород

Книга о противоядиях. Арабская миниатюра. Начало XII в
Национальная библиотека, Париж
© 2011 Photo Scala Florence

Чаша. Иран. XII–XIII вв
© Государственный музей искусства народов Востока, Москва.

Кааба. Миниатюра XV в Национальная библиотека, Париж © 2011
Photo Scala, Florence

Прибытие индийских купцов в Ормуз Иллюстрация к «Книге чудес» Марко Поло 1410–1412 Национальная библиотека, Париж © 2011
Photo Scala, Florence

Ангкор-ват. XII в Камбуджадеша

Авалокитешвара Махакаруна. Северо-Восточная Индия. XII в Латунь, серебро, золотая паста, пигменты, грунт © Государственный музей искусства народов Востока, Москва

Погребальный сосуд с крышкой. Вьетнам. XI–XII вв © 2011
Photo Scala, Florence

Храмы Пагана (Мьянма) XII–XIII вв

Юмэдоно – зал снов Храм Хорю-дзи.
Икагура, Япония. 739 г

Император Хуэй-цзун. Золотой фазан
и цветок. XI в Кайфэн, Китай

Ваза типа лунцюань Империя Сун
XII XIII вв Китай Глина, глазурь,
обжиг © Государственный музей ис-
кусства народов Востока, Москва

Иллюстрированные легенды храма Китано Япония. XIII в Бумага, чернила, краска. Музей
Метрополитен, Нью-Йорк © 2011 Photo Scala, Florence

Биография Иппен. Шелк, краска, чернила. Конец XIII в Токийский национальный музей, Япония

Андрей Рублев Троица
Ветхозаветная. XIV–
XV вв Государственная
Третьяковская галерея,
Москва

Святой Христофор Византийская
икона. Музей Бенаки, Афины
© 2011 Photo Scala Florence

Круглый стол короля Артура. Французская миниатюра XV в

Собор Парижской Богоматери. XII–XIII вв Париж, Франция

Замок Каркассон. XII–XIII вв.
Франция

Карта, показывающая Иерусалим как центр Вселенной. XIII в
Британская библиотека, Лондон
© 2011. Photo Scala Florence

Бернт Нотке Пляска смерти. XIV в Церковь св Николая. Таллин, Эстония

Джотто Страшный суд (деталь) – портрет Данте XIV в Музей Барджелло, Флоренция © 2011 Photo Scala Florence

Барселонская агада. Евреи строят города для фараона. Северная Испания. Ок. 1350 г Британская библиотека, Лондон

Осада крестоносцами Дамьеты (Египет) в 1248 г Миниатюра XIV в Британская библиотека, Лондон © 2011 Photo Scala Florence

Ковер с императорскими портретами XIV в. Империя Юань, Китай. Музей Метрополитен, Нью-Йорк © 2011 Photo Scala Florence

Чингисхан. Персидская миниатюра. Конец XIV в. Британская библиотека, Лондон © 2011 Photo Scala Florence

Битва монголов с грузинами.
Миниатюра. Ок. 1430 Парижская
национальная библиотека © 2011
Photo Scala Florence

Авалокитешвара Воды и Луны.
Живопись на шелке 1349 г Корё
(Корея) Музей Метрополитен.
Нью-Йорк © 2011 Photo Scala Florence

Абелья и Элоиза. Иллюстрация к «Роману о розе»
 Одо из Мена. Книжная миниатюра. XV в. Музей Конде, Шантильи, Франция
 © 2011 Photo Scala Florence

Гобелен из Арраса. Галантная сцена «Предложение сердца» 1400–1410 гг.
 Лувр, Париж © 2011 Photo Scala Florence

Братья Лимбург Февраль Роскошный часослов герцога Беррийского
Начало XV в Шантильи, Франция

Ян ван Эйк. Портрет четы Арнольфини. 1434 г Национальная галерея, Лондон

Портрет Ладислава Постума. XV в Инсбрук, замок Амбрас © 2011 Photo Scala Florence

Иероним Босх. Удаление камня глупости. 1480 г Прадо, Мадрид

Рогир ван дер Вейден. Портрет Филиппа Доброго, герцога Бургундии (копия) Ок. 1500 г Инсбрук, замок Амбрас © 2011 Photo Scala Florence

Портрет Тамерлана. Миниатюра XV в Национальная библиотека, Париж © 2011 Photo Scala Florence

Дама, въезжая в сад, дает деньги солдату
Ок. 1410 Миниатюра. Британская библиотека, Лондон © 2011 Photo Scala Florence

Портрет вана Седжона Великого XV в
Национальный музей Кореи, Сеул

Золотой павильон. Конец XIV в Киото,
Япония

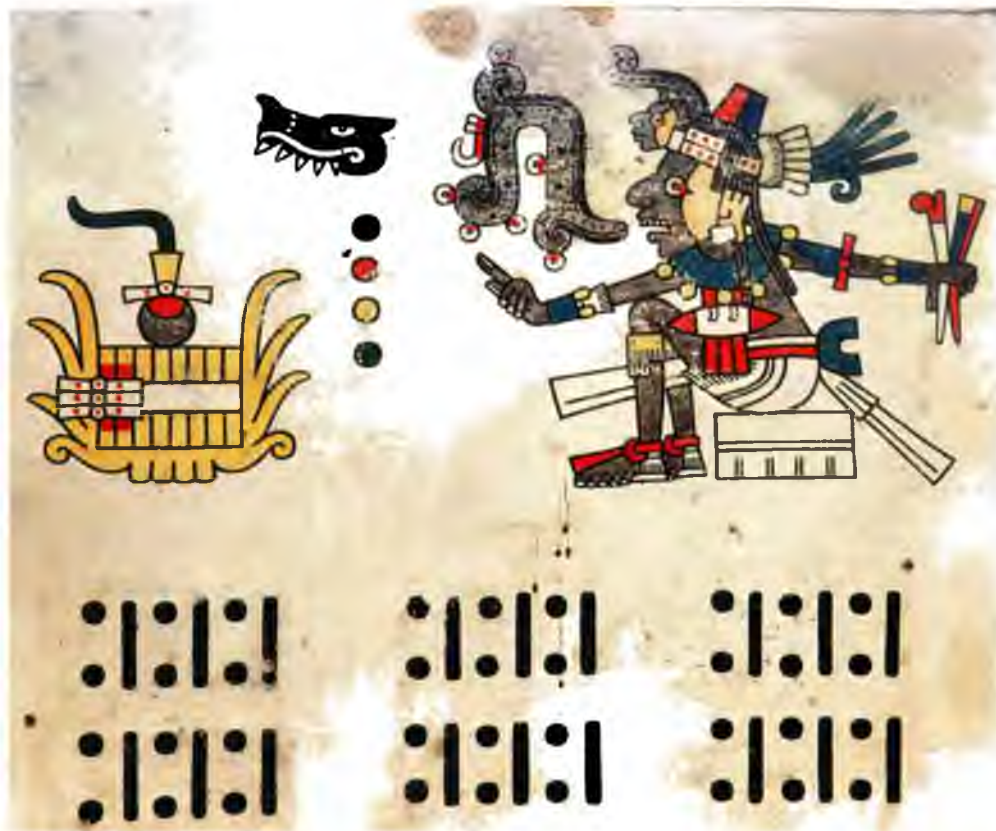

Зверь Цилинь (Жираф, привезенный в качестве дани, со слугой). Рисунок на шелке 1414 г Империя Мин (Китай) Филадельфийский музей искусств © 2011 Photo Scala Florence

Сосуд в форме божества с цветами майса. Искусство майя. Национальный музей археологии, Мехико © 2011 Photo Scala Florence

Страница кодекса Фехервари-Майер. Ацтекское божество и цифровая система. Ливерпульский музей, Великобритания © 2011 Photo Scala Florence

Мужская фигура с инкским арибаллом на спине. Искусство инков. Керамика. Музей народного искусства, Берлин © 2011 Photo Scala Florence

Абрахам Креск. Король Мали. Каталонский атлас 1374 г Национальная библиотека, Лондон
© 2011 Photo Scala Florence

Эфиопский император с рабами и мусульманскими послами. После 1270 г Британская библиотека, Лондон © 2011 Photo Scala Florence

ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые цивилизации
Запада и Востока

ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые цивилизации
Запада и Востока

НАУКА

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые цивилизации
Запада и Востока

ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые цивилизации
Запада и Востока

ISBN 978-5-02-037560-4

9 785020 375604

НАУКА

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые цивилизации
Запада и Востока

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые цивилизации
Запада и Востока

HAYKA

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 2

Средневековые
цивилизации
Запада и Востока

НАУКА

|| ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ ||

Том 2

|| Средневековые цивилизации
Запада и Востока ||